РУССКІЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ИЗДАНІЕ

А. ЛЮБАВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ. № 5.

1866.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая книга представляетъ собою первый опытъ изданія въ видѣ особаго сборника русскихъ уголовныхъ процессовъ, расположенныхъ, по возможности, въ систематическомъ порядкѣ и сопровождаемыхъ разборомъ ихъ сторонъ—фактической, психологической и юридической *).

Сомнѣваться въ пользѣ и своевременности подобнаго изданія едва-ли возможно; съ одной стороны съ нынѣшняго года начинается отправленіе нашего уголовнаго правосудія на основаніяхъ, *совершенно отличныхъ отъ* прежняго, а потому представляется не лишнимъ подвести «итогъ» предшествовавшей дѣятельности нашихъ судебныхъ мѣстъ; съ другой-же стороны уголовныя дѣла, разрѣшенныя при прежнихъ формахъ судопроизводства, не утратили своего значенія и нынѣ, не смотря на осуществленіе судебной реформы, такъ-какъ сущность преступленій, совокупность ихъ признаковъ, опредѣляемыхъ закономъ, и ихъ общечеловѣческое значеніе съ точекъ зрѣнія соціальной и психологической,—**остались безъ измѣненія.**

Чтеніе настоящаго сборника, **можетъ** быть, убѣдитъ русскую публику, что наша уголовная практика, раскрывая многія стороны русской жизни какъ въ высшихъ классахъ общества, такъ и въ народѣ, является столь-же интереспою, какъ и практика другихъ государствъ. Скажемъ болѣе,—ни одна страна не пред[redacted]тъ такого разнообразія и своеобразности преступленій, [redacted]я: раскинутая въ обоихъ полушаріяхъ, при совершен[redacted]ныхъ климатическихъ условіяхъ, населенная различ[redacted]родческими племенами, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр.

---

*) Дѣла подъ № I, IX, и XXXII помѣщены профессоромъ Спасовичемъ.

вогяки остяки, киргизы, находясь въ дикомъ или кочевомъ состояніи, исповѣдуютъ вѣру языческую или магометанскую). Россія представляетъ еще и то замѣчательное явленіе, что тогда-какъ высшіе классы ея народонаселенія по своему развитію и образованности подходятъ къ уровню западно-европейскаго общества—низшіе классы народа (во многихъ губерніяхъ) коснѣютъ еще въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ, едва начинаютъ учиться грамотѣ, предаются пьянству, и управляются болѣе грубыми инстинктами своей неразвитой природы, нежели указаніями разума *).

Предоставляя юристамъ-спеціалистамъ и читающей публикѣ судить, на сколько мы изданіемъ этой книги достигли предположенной нами цѣли: собрать въ одно цѣлое нѣсколько замѣчательныхъ уголовныхъ дѣлъ прежняго времени и указать новый практическій способъ обработки уголовнаго права черезъ примѣненіе общихъ научныхъ началъ его къ отдѣльнымъ дѣламъ,—мы присовокупимъ, что многіе изъ предлагаемыхъ нынѣ процессовъ производились не въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, а въ особыхъ учрежденіяхъ, именно въ генералъ-аудиторіатахъ министерствъ: военнаго и морскаго, такъ-какъ по дѣйствующему законодательству лица сихъ вѣдомствъ, даже за общія преступленія, судятся въ упомянутыхъ учрежденіяхъ — (на основаніи свода военныхъ и морскихъ постановленій, но примѣняясь къ уложенію о наказаніяхъ).

Такимъ образомъ объясняется то явленіе, что тогда-какъ въ высшихъ классахъ русскаго общества встрѣчаются запрещенныя закономъ дѣйствія, каковымъ дуэль (см. въ настоящей книгѣ дуэли А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Бреверна, Лисикевича съ Адамовичемъ и пр.), въ низшихъ слояхъ народонаселенія возможны дѣла, подобныя слѣдующимъ: крестьянка обвиняется въ судѣ въ томъ, что она посредствомъ колдовства извлекаетъ изъ людей клыкушъ, лающихъ по собачьи и кукующихъ по птичьи; крестьяне изъ суевѣрія зарываютъ женщину Мачькову живою въ землю для прекращенія холеры (стр. 430); убивается остякъ Кусаминъ [redacted] изъ мести его матери деревенскими старцами изъ опасенія, чтобы [redacted] не съѣлъ своихъ демоначцевъ (стр. 420); похищается [redacted] согласно народнаго обычая котякомъ Софроновымъ дѣвушка [redacted] вступленія съ нею въ бракъ (стр. 221); перевозится крестьянское тѣло съ своей земли на чужую, чтобы не имѣть дѣла съ полиціей (стр. 431), и т. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Введеніе . . . . . I II.

А) По обвиненію супруговъ въ убійствѣ или покушеніи на убійство.

I. Дѣло о насильственной смерти Филиппа Дудникова . . . . .
II. Дѣло штабъ-лекаря Петра Николаева, обвиненнаго въ умышленномъ утопленіи жены своей Александры 5
III. Убійство корнетомъ Васильемъ Отраховичемъ своей жены . . 8
IV. Дѣло о покушеніи поручикомъ Ломоносовымъ на убійство своей жены 9
V. *Дѣло о покушеніи на жизнь калужскаго* почтмейстера Чернова посредствомъ адской машины 10
VI. Убійство крестьяниномъ Яковомъ Косовскимъ, своей жены. 12
VII. Отравленіе крестьянкою Каменскою своего мужа 13

Б) Разные случаи убійства.

VIII. *Убійство*, въ *просонкахъ*, Иваномъ Кобзаревымъ его брата 15
IX. Убійство почтальона и ямщика дворяниномъ Иваномъ Кочинымъ, сопровождаемое разграбленіемъ почты 17
X. Убійство Григорія Никитина съ его семействомъ, сопровождаемое поджогомъ его дома и расхищеніемъ его имущества. 17
XI. **Убійство бѣглаго крестьянина Хрисанфа Андреева семействомъ крестьянина Анкудинова**, обвиняемымъ сверхъ того въ дѣтоубійствѣ 19
XII. Убійство двухъ мальчиковъ Кочугинскихъ [illegible] Захаромъ Анучріенковымъ 21
XIII. Убійство купчихи Ксеніи Быковой 23
XIV. Дѣло о врачѣ Василіи Ивановѣ, судимомъ за [illegible] къ отравленію Александры Орлицкой 24
XV. Убійство рядоваго ревельской [illegible] его товарищемъ Михелемъ Мауромъ 28
XVI. Дѣло о матросѣ Пилипенко, судившемся за убійство и грабежъ 29

Стр

XVII. Дѣло о крестьянинѣ Михаилѣ Удовиченко, обвиняемомъ въ убійствѣ 266
XVIII. Дѣло по обвиненію мѣщанина Андрея Калуги въ отцеубійствѣ 277
XIX. Дѣло по обвиненію Ѳеодосіи Ѳедоровой въ покушеніи на утопленіе въ рѣкѣ Волгѣ ея мужа. 283
XX. Дѣло объ отставномъ рядовомъ Кузьмѣ Дмитріевѣ, обвиненномъ въ убійствѣ 296
XXI. Дѣло о штабсъ-капитанѣ Александрѣ Муркинѣ, судимомъ за убійство священника Тихомирова 303
XXII. Дѣло о нанесеніи раны изъ пистолета австрійскому подданному Игнатію Зальцману 334
XXIII. О поручикѣ Василіѣ и прапорщикѣ Борисѣ Вердеревскихъ, судимыхъ за убійство брата 364
XXIV. Дѣло о башкирцѣ Камалитдинѣ Хамидуллинѣ, обвиненномъ въ отравленіи Мухаметьши (Ямгурова) 379
XXV. Убійство казачки Василисы Колпаковой 386
XXVI. Убійство Прасковьи Григорьевой крестьяниномъ Рябининымъ 401

B) **Разные процессы.**

Отдѣленіе I.

XXVII. Дѣло о подпоручикѣ Габейдуллѣ Дашкинѣ, обвиняемомъ въ жестокомъ наказаніи розгами мѣщанки Ивановой и писца уфимскаго губернскаго правленія Тульскаго. 411
XXVIII. Убіеніе остяка Николая Кусамина его родными изъ суевѣрія 420
XXIX. Дѣло о вотякѣ Захарѣ Софроновѣ, судимомъ за похищеніе вотячки Ѳедотовой для вступленія съ нею въ бракъ 424
XXX. Дѣло о крестьянахъ Андреѣ Козакевичѣ и другихъ, судимыхъ за похороненіе живой крестьянки Маньковой 430
XXXI. Дѣло о крестьянинѣ Ильмухѣ Ильмуллинѣ съ товарищами, обвиняемыхъ въ преждевременномъ погребеніи мертваго тѣла солдатской дочери Княрзяни Измайловой 434
XXXII. Дѣло о крестьянскомъ мальчикѣ Васильѣ Сѣрковѣ, судимомъ за вкладываніе камней въ рельсы желѣзной дороги. 439
XXXIII. Дѣло о капитанъ-лейтенантѣ Ла—вѣ, сужденномъ по подозрѣнію въ кровосмѣшеніи съ родною сестрою своею, Маріею Б* 446
XXXIV. Дѣло о прапорщикѣ Степановѣ, сужденномъ по обвиненію въ кровосмѣшеніи съ родною сестрою умершей жены его дѣвицею Анастасіею Юрьевою . . . . . .
XXXV. О крестьянинѣ Василіѣ Андреевѣ, судимомъ за кровосмѣшеніе. . . . . .
XXXVI. Дѣло о вдовѣ гвардіи капитана Леонтьевой, судившейся за жестокое обращеніе съ сыномъ своимъ Ѳедоромъ. 458

Стр.

XXXVII. О рядовомъ Ивановѣ, сужденномъ за ограбленіе дворянки Сикорской 464

XXXVIII. Дѣло о бердичевскихъ евреяхъ Морбейнахъ и Мазурахъ, судимыхъ за причиненіе смерти многимъ малолѣтнимъ дѣтямъ, принимаемымъ ими къ себѣ на воспитаніе 468

XXXIX. Дѣло о кликушахъ 479

XL. Дѣло о подпоручикѣ Будиловѣ, сужденномъ за полученіе лихвенныхъ процентовъ 488

XLI. Дѣло о матросѣ Антонѣ Коробовѣ, сужденномъ за ограбленіе солдатки Аграфены Стукаловой 490

XLII. Дѣло о матросѣ Хрисанфѣ Тропинѣ, сужденномъ по подозрѣнію въ грабежѣ 493

XLIII. Дѣло о мастеровомъ 5-го рабочаго экипажа Іоганѣ Моисѣевѣ, сужденномъ за побѣгъ изъ службы и другія преступленія 496

XLIV. Дѣло о юнкерахъ: Дмитріѣ Калитѣевскомъ и Николаѣ Танѣевѣ, преданныхъ суду за разные противузаконные поступки 499

XLV. Дѣло о прапорщикѣ Васильѣ Мокѣевѣ, сужденномъ за буйство и нанесеніе въ пьяномъ видѣ оскорбленій частнымъ приставамъ иркутской полиціи 506

XLVI. Дѣло о матросѣ 1-го свободнаго черноморскаго флотскаго экипажа Исаѣ Ткаченко, преданномъ суду за разныя противузаконныя дѣйствія. 509

XLVII. Дѣло о рядовомъ Сергеѣ Кононовѣ, судимомъ за побѣгъ въ Молдавію и за распространеніе въ Россіи раскольнической секты. 511

XLVIII. Дѣло объ оскорбленіи Бабаниными мироваго посредника Сулимы 516

XLIX Дѣло о нанесеніи сельскимъ старшиной Пикуленко личной обиды чиновнику Небельскому 521

L. Дѣло о крестьянинѣ Гапѣевѣ, сужденномъ за нанесеніе обиды помѣщику Лыщинскому 526

LI. Дѣло о крестьянахъ Крѣпакѣ, Швецѣ, Миронюкѣ и Голянчукѣ, судимыхъ за грабежъ. 531

LII. Дѣло дворянъ Веленговъ, обвиняемыхъ въ поджогѣ лѣса Левковича 539

LIII. Дѣло по обвиненію помѣщика Чуфар—каго въ насильственномъ обвѣнчаніи крестьянки Ксеніи Пырковой 545

LIV. Дѣло о башкирцѣ Нурмахомедѣ Мухтаровѣ, сужденномъ за незаконное пріобрѣтеніе золота въ самородкѣ 550

Отдѣленіе II.

LV. Дѣло о первой дуели Лермонтова писателя 556

LVI. Дѣло о дуели Александра Сергѣевича Пушкина съ барономъ Егоромъ де-Геккерномъ 560

Стр.

LVII. Дѣло о дуели между прапорщикомъ Лисикевичемъ и поручикомъ Адамовичемъ 569

LVIII. Дѣло о поединкѣ, бывшемъ между отставнымъ штабсъ-капитаномъ Дидрихомъ фонъ-Бреверномъ и барономъ Ѳедоромъ Унгернъ-Штернбергомъ 578

LIX. Дѣло о обезоруженіи помѣщикомъ Іосифомъ Липковскимъ нижнихъ воинскихъ чиновъ уманской инвалидной команды, сопровождавшихъ арестантовъ 598

Отдѣленіе III.

LX. Дѣло о растратѣ въ 1852 г. въ одесскихъ: коммерческомъ судѣ и казначействѣ 239,000 р. сер. 598

LXI. Дѣло: а) объ островскихъ земскомъ исправникѣ Печенко, дворянскомъ засѣдателѣ Лукашевичѣ и секретарѣ земскаго суда *Меньщиковѣ, сужденныхъ за неправильное заключеніе* въ тюрьму крестьянина Иванова; б) о тѣхъ же лицахъ и врачѣ Большаковѣ, сужденныхъ за наказаніе розгами крестьянина Семенова, оказавшагося умопомѣшаннымъ 631

LXII. Дѣло объ одноль орцѣ Онуфріи Згерскомъ и евреяхъ Альперовичѣ и Фридманѣ, судимыхъ за выпускъ въ обращеніе фальшиваго кредитнаго билета 635

LXIII. Дѣло о евреяхъ Рапешѣ и Шескинѣ, обвиняемыхъ въ выпускѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 641

LXIV. Дѣло о крестьянинѣ Андреѣ Кондратьевѣ, сужденномъ за кражу лошади 648

LXV. Дѣло объ отставномъ поручикѣ Костылевѣ, сужденномъ за кражу 654

LXVI. Дѣло о рядовомъ Дорофеѣ Ефимовѣ, сужденномъ за взломъ замковъ у церковной кружки 659

LXVII. Дѣло о рядовомъ Демидовѣ, сужденномъ за кражу изъ часовни 12 восковыхъ свѣчей 662

LXVIII. Дѣло о несовершеннолѣтней Евгеніи Цыбульской, судимой за кражу 665

LXIX. Дѣло о гибели клипера «Пластунъ» 672

РУССКІЕ УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

А) ПО ОБВИНЕНІЮ СУПРУГОВЪ ВЪ УБІЙСТВѢ ИЛИ ПОКУШЕНІИ НА УБІЙСТВО.

I. Дѣло о насильственной смерти Филиппа Дудникова.

(УБІЙСТВО ИЛИ САМОУБІЙСТВО?).

Помощникъ инспектора студентовъ университета Св. Владиміра, Филиппъ Дудниковъ, найденъ былъ среди дня зарѣзаннымъ въ своей спальнѣ, въ то время, когда въ занимаемыхъ имъ комнатахъ никого не было, кромѣ его жены. Орудія, коимъ нанесена рана, не открыто, а сама рана такого свойства, что ее можно приписать и самоубійству, и смертоубійству. Съ первыхъ же поръ подозрѣніе направилось противу жены Дудникова; слѣдователями предприняты всѣ мѣры къ раскрытію какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ причинъ смерти ея мужа, и не опущенъ ни одинъ источникъ, могущій пролить свѣтъ на это событіе. Въ слѣдствіи участвовали, въ качествѣ экспертовъ, представители науки, университетскіе преподаватели судебной медицины, а въ качествѣ депутата весьма извѣстный своими глубокими познаніями криминалистъ-профессоръ Богородскій. Слѣдствіе велось весьма искусно, старательно, но не смотря на то, вопросъ остался нерѣшеннымъ: самъ ли наложилъ на себя руку Дудниковъ, или лишенъ жизни другимъ лицомъ, а опредѣленія судовъ, разсматривавшихъ это дѣло, колеблются между присужденіемъ Дудниковой къ наказанію, оставленіемъ ея въ въ подозрѣніи и совершеннымъ ея освобожденіемъ. Постараемся, удерживаясь отъ всякаго личнаго сужденія, передать самымъ точнымъ образомъ раскрытые слѣдствіемъ факты; въ томъ только мы отступимъ отъ подлиннаго дѣла, что сгруппируемъ эти факты такимъ образомъ, чтобы они были всего удобопонятнѣе.

Помощникъ инспектора студентовъ университета Св. Владиміра, титулярный совѣтникъ Филиппъ Дудниковъ, человѣкъ женатый, но бездѣтный, занималъ небольшую квартиру въ самомъ зданіи университета, въ четвертомъ этажѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ жилищемъ лакеевъ и педеля и съ камерою казенно-коштныхъ студентовъ. Въ этой квартирѣ Дудниковъ помѣщался съ женою своею, Пелагеею, и кухаркою, Марьею Богушевскою. Расположеніе комнатъ было слѣдующее: единственный входъ въ квартиру былъ съ корридора; двери съ корридора вели прямо въ небольшую темную переднюю, изъ передней направо была дверь въ кухню, а прямо противъ входа другая дверь въ довольно обширную гостиную. Гостиная сообщалась съ послѣднею комнатою квартиры, небольшею, почти квадратною спальнею; единственный входъ въ спальню изъ гостиной былъ устроенъ насупротивъ дверей изъ гостиной въ переднюю.

11 декабря 1852 г., въ день своей смерти, Дудниковъ всталъ весьма рано, до разсвѣта; кухарка видѣла, какъ онъ въ гостиной зажегъ свѣчу, потомъ, помолившись Богу, что-то писалъ, между-тѣмъ какъ жена его почивала еще въ спальнѣ; въ 6 часовъ утра онъ пошелъ осмотрѣть столовую студентовъ, потому-что того числа былъ дежурнымъ, а съ разсвѣтомъ, часовъ около 8, велѣлъ запречь своихъ лошадей кучеру, Тимофею Жилякову, и отправился на нихъ на Подолъ *). Оттуда онъ возвратился около 10 часовъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго его посѣтилъ нѣкто дворянинъ Янчуковскій, занимавшійся дѣломъ о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ покойной сестры Дудникова, а въ часъ къ нимъ присоединился помощникъ инспектора студентовъ Савицкій. Ни Янчуковскій, ни Савицкій не замѣтили ничего особеннаго въ расположеніи духа Дудникова, онъ былъ разговорчивъ и веселъ. Савицкій сообщилъ Дудникову, что въ университетѣ—инспекторъ и что онъ, вѣроятно, будетъ осматривать комнаты студентовъ. Дудниковъ отвѣтилъ ему, что онъ объ этомъ предувѣдомленъ съ утра, и когда доложили, что инспекторъ уже на медицинской половинѣ университета, то Дудниковъ, скинувъ халатъ и надѣвъ вицъ-мундиръ, вышелъ изъ квартиры вмѣстѣ съ Янчуковскимъ, который уже и не возвра-

*) Такъ называется нижняя часть города Кіева по Днѣпру.

щался. Чрезъ полчаса послѣ осмотра инспекторомъ помѣщенія студентскаго, Дудниковъ вернулся, раздѣлся, накинулъ опять на себя халатъ, приказалъ давать обѣдъ и упросилъ Савицкаго отобѣдать съ нимъ и женою его вмѣстѣ. Савицкій съ Дудниковымъ выпили всего по одной рюмкѣ водки предъ обѣдомъ. Дудниковъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и просилъ жену приготовить на завтра студень изъ рыбы. Разговоръ за обѣдомъ былъ самый обыкновенный, о дѣлахъ службы, о предстоящемъ смотрѣ генералъ-губернаторскомъ, о бывшихъ студентахъ университета. Встав отъ стола, Савицкій торопился уйти, зная, что его ожидаютъ дома. Онъ выкурилъ поспѣшно трубку, и не дождавшись возвращенія Дудникова, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ исчезъ изъ гостиной, простился съ его женою и ушелъ. Въ корридорѣ онъ столкнулся съ Дудниковымъ, выходящимъ изъ ватерклозета и запиравшимъ его на ключъ. Послѣ ухода Савицкаго, Дудниковъ, позвавъ только-что отобѣдавшаго въ кухнѣ кучера своего Жилякова, приказалъ ему свести лошадь на кузницу и перековать ее на двѣ ноги, на что далъ ему 25 коп. сер., затѣмъ отправился въ спальню отдыхать. — По приводѣ лошадей въ кузницу, оказалось, что нужны еще двѣ новыя подковы. Жиляковъ, оставивъ лошадь у кузнеца, возвратился и, войдши въ переднюю, доложилъ о томъ Дудниковой. Дудникова отозвалась, что мужъ ея спитъ, но потомъ пошла въ комнаты; минуты черезъ двѣ въ переднюю вышелъ самъ Дудниковъ и сказалъ, что не нужно подковъ и чтобы онъ, Жиляковъ, привелъ назадъ лошадь, что Жиляковымъ и исполнено. Но вскорѣ потомъ, одумавшись, Дудниковъ приказалъ позвать лакея, состоящаго при студентахъ, Филиппа Марчука, поручилъ ему отправиться вмѣстѣ съ кучеромъ въ кузницу перековать лошадь на всѣ четыре ноги, и приказалъ женѣ выдать на этотъ предметъ Марчуку еще 25 к., въ добавокъ къ 25 к., данныхъ прежде кучеру. При этомъ случаѣ Марчукъ замѣтилъ, что Дудниковъ былъ одѣтъ только въ рубашку, подштанники и халатъ. Когда Марчукъ съ Жиляковымъ привели вторично лошадь къ кузнецу, уже смеркалось, и кузнецъ не захотѣлъ ее ковать, — имъ пришлось вернуться, ничего не сдѣлавъ. Поставивъ лошадь на конюшнѣ, они заходили опять въ квартиру Дудникова, но его самого не видѣли, а только жену его, кото-

рой Марчукъ возвратилъ деньги, данныя на ковку, и которая Жилякову выдала овесъ для лошадей. Послѣднимъ постороннимъ лицомъ, входившимъ въ квартиру передъ смертью Дудникова, былъ педель Суярковъ; онъ явился съ повѣсткою отъ инспектора къ студентамъ, чтобы студенты никуда не отлучались въ воскресенье потому, что генералъ-губернаторъ будетъ въ университетѣ. Суяркову сказали, что Дудниковъ спитъ; онъ и ушелъ, но былъ позванъ назадъ кухаркою Богушевскою къ Дудникову; въ передней онъ встрѣтилъ жену сего послѣдняго, которая взяла отъ него повѣстку, отправилась въ спальню мужа и чрезъ нѣсколько минутъ вернулась изъ спальни въ переднюю, передала ему повѣстку обратно и сказала, что мужъ ея велѣлъ ему, Суяркову, самому объявить студентамъ содержаніе сей повѣстки. Суярковъ ушелъ въ началѣ пятаго.

Съ этой минуты прошло въ совершенной тишинѣ болѣе получаса, въ теченіи котораго мужъ находился въ спальнѣ, жена работала въ гостиной, кухарка занималась мытьемъ посуды въ кухнѣ. Въ исходѣ пятаго, когда уже становилось темно, кухарка Богушевская услышала стукъ, какъ будто-бы что-то упало; ей показалось, что этотъ стукъ шелъ не изъ комнатъ ея господъ, а изъ корридора; потомъ чрезъ минуту въ кухню вбѣжала госпожа Дудникова и вскрикнула: «ратуй (спасай) меня Марія, бѣги за лакеями». Кухарка, сама не зная собственно, что́ случилось, бросилась опрометью по корридору звать людей на помощь.

Первый человѣкъ, на котораго она напала, былъ лакей Клименко; онъ не входилъ въ квартиру; въ дверяхъ, ведущихъ изъ корридора въ переднюю, онъ засталъ жену Дудникова, которая ему приказала: позвать доктора или педеля. Клименко позвалъ педеля Суяркова, Суярковъ побѣжалъ за докторомъ Слободзинскимъ, котораго не засталъ, послалъ лакея Шеремета за фельдшеромъ въ больницу, другаго лакея, извѣстнаго уже намъ Марчука, отправилъ въ клинику за лекарями. Вскорѣ затѣмъ по пронесшемуся слуху, что у Дудниковыхъ случилось несчастіе, много людей стало стекаться въ ихъ квартиру. Первыми лицами, проникнувшими въ комнаты Дудниковыхъ, были: фельдшеръ Цеховскій, педель Суярковъ и лакей Марчукъ. Въ гостиной горѣли двѣ свѣчи, въ спальнѣ было темно; Цеховскій, взявъ одну изъ зажженныхъ свѣчей, вошелъ въ спальню и засталъ

Дудникова всего въ крови, лежащаго поперегъ кровати съ опущенными на землю ногами, съ глубокою раною на шеѣ. По словамъ Цехонскаго, кровь уже перестала течь изъ раны, пульсъ не былъ слышенъ и никакихъ признаковъ жизни не было видно въ Дудниковѣ. Цехонскій сказалъ: «надо за докторомъ» и вышелъ. Суярковъ съ своей стороны бросился въ камеру казенно-коштныхъ воспитанниковъ и, заставъ тамъ двухъ студентовъ 5 курса медицинскаго факультета, Бѣлоусова и Шпилярскаго, повелъ ихъ съ собою спасать, если можно, Дудникова.

Когда они вошли въ квартиру Дудниковыхъ, то въ спальнѣ было опять темно, у дверей спальни въ гостиной стояла на стулѣ горящая свѣча, съ которою оба студента вошли въ спальню. Тѣло Дудникова было еще теплое, пульса не было слышно, изо рта выходило слабое дыханіе съ запахомъ виноградна-го вина. Кровь изъ раны совсѣмъ перестала струиться, такъ что Шпилярскій даже при давленіи пальцемъ не могъ открыть ея вытеканія. Шпилярскій, прикрывъ лѣвую, *замаранную кровью* половину груди Дудникова полотенцемъ, приложилъ къ ней ухо, и услышалъ слабыя сокращенія сердца. Надѣясь еще спасти зарѣзаннаго, Шпилярскій съ Бѣлоусовымъ побѣжали въ студентскую больницу за какимъ-нибудь оживляющимъ средствомъ, но на возвратномъ пути узнали, что онъ уже совсѣмъ мертвъ, почему и не входили въ его квартиру.

Послѣ ухода студентовъ, явился къ Дудникову ассистентъ хирургической клиники Брохоцкій. Онъ пробовалъ было, прижавъ пальцемъ перерѣзанную на шеѣ артерію, остановить кровотеченіе, но напрасно, потому-что рана наполнена была только сгущенною кровью, а жидкой не вытекло ни капли. Потомъ онъ началъ изслѣдовать пульсъ, дыханіе и біеніе сердца, обращая преимущественно вниманіе на послѣднее обстоятельство, какъ на фактъ, принимаемый нынѣ за самый вѣрный признакъ разпознаванія жизни или смерти человѣка, но его изслѣдованія не привели его къ отысканію малѣйшаго слѣда жизни въ тѣлѣ.

Того же числа вечеромъ произведенъ предварительный осмотръ трупа Дудникова, а въ слѣдующій день совершено формальное освидѣтельствованіе и вскрытіе этого трупа, въ чемъ принимали участіе профессоръ анатоміи университета Св. Владиміра Богенскій, профессоръ судебной медицины и хирургіи Леоновъ

и доцентъ судебной медицины Слободзинскій. Постараемся передать всѣ существенныя подробности этого акта.

Спальня Дудниковыхъ, весьма небольшая, имѣла длиною отъ дверей 5 аршинъ и 9 вершковъ и въ ширину 5 аршинъ безъ вершка; она огрѣвалась голландскою печкою на лѣво отъ входа и освѣщалась единственнымъ окошкомъ въ стѣнѣ на право отъ дверей. Въ ней насупротивъ печки стоялъ сундукъ, покрытый ковромъ, на право отъ дверей комодъ и шкапъ, а насупротивъ входа, вдоль стѣны по направленію къ окошку, супружеская кровать Дудниковыхъ, длинною въ 2 аршина 11 вершковъ, а шириною въ 1 аршинъ. Кромѣ исчисленной мебели, тутъ же находилось множество другихъ мелкихъ вещей, такъ что $^3/_4$ комнаты заставлены были различными предметами. На кровати лежалъ трупъ Дудникова, одѣтый въ ситцевую темнаго цвѣта рубашку и холщевые подштанники безъ сапоговъ и носковъ на ногахъ. Опишемъ положеніе его въ томъ видѣ, въ какомъ имѣли случай наблюдать его фельдшеръ Цехонскій, суденты Бѣлоусовъ и Шпиларскій и докторъ Брохоцкій.

Положеніе трупа на кровати было полулежачее, ноги были спущены съ кровати и правая упиралась въ полъ. Голова лежала въ углу кровати, образуемомъ подушками и стѣною. Правая рука находилась въ вытянутомъ положеніи подъ правою половиною тѣла, ладонь ея опиралась о перину кровати, покрытую простынею, а кисть этой руки была придавлена правою щекою задницы, такъ-что на верхней кожѣ отпечатлѣлись явственно складки платья. Лѣвая рука была согнута въ локтевомъ сгибѣ и кисть ея ладонною своею поверхностью лежала на лѣвой сторонѣ груди непосредственно подъ ребрами этой стороны. Голова была нѣсколько согнута на право: лицо умершаго чистое, но блѣдное, глаза полуоткрыты, зрачки разширены, ротъ полуотворенъ, языкъ не ущемленъ, свободенъ; выраженіе лица тихое, спокойное. На лѣвой сторонѣ длинной шеи умершаго находилась глубокая рана, на разстояніе трехъ поперечныхъ пальцевъ отъ ключицы и параллельно съ нею, хотя немного въ косвенномъ положеніи снизу вверхъ по направленію съ лѣва на право. Длина раны—два слишкомъ дюйма. Рана эта имѣла видъ треугольный. Она начиналась слѣва острымъ угломъ и доходила по срединѣ шеи до нижней части перстневиднаго хряща (car-

tilago cvicoidea); здѣсь ширина раны равнялась двумъ дюймамъ; глубина раны нѣсколько линій; верхній и нижній края ея ровны и гладки, заднiй уголъ острый, но внутренній край не совершенно ровный. Рана проникала чрезъ кожу, широкій шейный мускулъ (musculus latissimus colli), внутренній край кивательнаго мускула (musculus sterno cleidomastoideus), и заднюю часть грудно-подъязычнаго (musculus sternohyoideus). Въ ней былъ перерѣзанъ мускулъ лопаточно подъязычный (musculus omohyoideus), надрѣзана глубокая яремная вена (vena iugubaris interna), съ наружной ея стороны. Общая сонная артерія (arteria carotis communis) надрѣзана въ томъ же направленіи, какъ и вена Рана артеріи небольшая, въ конопляное зерно, овальной формы. Наружный ея уголъ острый, края ранки артеріи съ кровянымъ подтекомъ. Въ томъ же направленіи, какъ подрѣзаны артерія и вена, перерѣзанъ и бродячій нервъ (nervus pneumogastricus seu vagus). Въ ранѣ не оказалось ни малѣйшаго какого бы то ни было посторонняго тѣла.

Умершій былъ тѣлосложенія крѣпкаго, росту высокаго, довольно полонъ. Кромѣ раны никакихъ иныхъ тѣлесныхъ повреждeній на тѣлѣ его не найдено, за исключеніемъ синева въ полтинникъ величиною съ кровянымъ подтекомъ по серединѣ лѣвой голени, на передней ея поверхности.

При вскрытіи тѣла оказалось, что твердая мозговая оболочка и ея пазухи были въ генеремическомъ состояніи, паутинная нѣсколько утолщена; между нею и генеремическою сосудистою оболочкою серозный экссудатъ. Существо мозга вязкое и въ полнокровномъ состояніи; желудочки мозга пустые, но сосудистыя сплетенія залиты кровью; остальныя части мозга: мозжечекъ и продолговатый мозгъ тоже генеремированы. Органы шеи, гортань и дыхательное горло, глотка и начало пищепріемника совершенно здоровы. Сердце покрыто жиромъ и гипертрофировано, стѣнки его утолщены; двустворчатая заслонка тоже утолщена; полости сердца совершенно пустыя. Печень нѣсколько больше нормальной, вещество ея плотное, вязкое, нѣсколько полнокровное. Почки покрыты толстымъ слоемъ жира. Желудокъ растянутъ пищею съ значительнымъ количествомъ винограднаго вина (примѣрно около трехъ стакановъ). Детородные органы хорошо развиты, мочевой пузырь пустъ. Около

послѣднихъ грудныхъ позвонковъ на спиномъ мозгу найденъ небольшой кровяной экстравазатъ, ниже того мѣста серозный экссудатъ. Трупъ и одежда на немъ совсѣмъ были въ крови, въ особенности съ лѣвой стороны. Вся шея покрыта густою запекшеюся кровью; на босыхъ стопахъ множество тонкихъ кровяныхъ брызговъ. Правая рука болѣе была окровавлена нежели лѣвая; кромѣ того на внутренней сторонѣ ея кисти, то есть на ладони и пальцахъ, виднѣлось много густыхъ кровяныхъ засохшихъ капель, что показывало между прочимъ, что правая рука прикасалася къ кровоточивому мѣсту. На двухъ верхнихъ подушкахъ кровати по два большія, въ ладонь величиною, густыя кровяныя пятна; третья нижняя подушка окровавлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ немного. На перинѣ тоже два кровяныя пятна, не столь густыя. На полу возлѣ кровати и подъ оною большая лужа запекшейся крови, имѣющая форму неправильнаго круга, больше аршина въ діаметрѣ. На окраинѣ лужи валялись обрызганные кровью довольно крупные куски разбитаго фаянсоваго урыльника. Вокругъ кусковъ кровь была жиже, блѣдно яркаго цвѣта, смѣшанная съ другою мутною жидкостью, вѣроятно съ мочею. На печкѣ и даже на потолкѣ виднѣлись также капли засохшей крови. Близъ печки на полу стояла форфоровая полоскательная чашка, ко дну которой присталъ густой черный осадокъ въ небольшемъ количествѣ. По химическому анализу этого осадка, произведенному ученымъ аптекаремъ Сеэтомъ, въ немъ не оказалось никакихъ вредныхъ металлическихъ или растительныхъ веществъ; по мнѣнію Сеэта, этотъ осадокъ образовался просто изъ чая и колодезной воды. Въ шкапу возлѣ окошка найдено 6 порожнихъ штофовъ съ трамами, на которыя наливаема была прежде водка, и 7 порожнихъ бутылокъ отъ виноградnаго вина.

Слѣдователей въ особенности поразило то обстоятельство, что ни въ рукахъ у Дудникова, ни на кровати, ни на полу въ спальнѣ *не найдено* рѣшительно никакого *острого орудія*, посредствомъ котораго могла быть нанесена рана. Въ самый день смерти Дудникова произведенъ обыскъ въ спальнѣ, при коемъ найдены правда два столовые ножа, но заскорузлые приставшимъ къ нимъ хлѣбомъ. На другой день, 12 декабря, этотъ обыскъ повторенъ самымъ тщательнымъ образомъ какъ въ спальнѣ,

такъ и въ другимъ комнатахъ, во всѣхъ хранилищахъ, сундукахъ, шкапахъ, комодахъ, печкахъ, въ вещахъ какъ самяго Дудникова, такъ и его жены, но изысканія не привели ни къ какимъ результатамъ. Изъ рѣжущихъ орудій у Дудникова оказались 4 бритвы и перочинный ножикъ; но безъ всякихъ слѣдовъ крови на этихъ предметахъ.

Судебно-медицинскій осмотръ трупа обнаружилъ несомнѣнно, что Дудниковъ былъ *хмѣленъ* передъ смертью, что онъ умеръ отъ истеченія крови изъ раны, которая была *безусловно смертельна.* Отсутствіе орудія, которымъ была нанесена рана, рождало подозрѣніе, что оно было скрыто. Скрыть его вѣроятно постаралась та самая рука, которая нанесла рану. Эта мысль сильно поразила слѣдователей и экспертовъ; она заставила ихъ отклонить догадку о самоубійствѣ и остановиться на предположеніи о смертоубійствѣ. Подъ вліяніемъ этой мысли и составленъ актъ осмотра, который имѣлъ необыкновенно важное значеніе, потому-что имъ опредѣлилось и направленіе предпринимаемаго слѣдствія. Приведемъ этотъ актъ въ подлинномъ его текстѣ цѣликомъ.

«Члены судебно-врачебнаго комитета заключили слѣдующее: винный запахъ, слышанный изъ рта, вино содержимое въ желудкѣ и приливъ крови къ органамъ головной полости кажется указываютъ на то, что покойный Филиппъ Дудниковъ въ моментъ смерти не былъ совершенно трезвымъ. Изслѣдованная-же на шеѣ покойника рана такихъ качествъ и свойствъ, что она безусловно смертельна и произведена острымъ рѣжущимъ орудіемъ; несомнѣнно что Филиппъ Дудниковъ умеръ отъ истеченія *крови изъ подрѣзанныхъ сосудовъ шеи и отъ задушенія вслѣдствіе* перерѣзанія бродящаго нерва и вслѣдствіе давленія кровянаго подтека на нервъ діафрагмы (nervus phrenicus) и другія близьлежащія части. Но произведена-ли описанная смертельная рана самимъ Филиппомъ Дудниковымъ или другимъ лицомъ, изъ данныхъ судебно-врачебнаго осмотра рѣшить положительно невозможно, ибо многіе здѣсь описанные, то есть положительные, и нѣкоторые отрицательные факты наводятъ сильное подозрѣніе, что чиновникъ Дудниковъ лишился жизни отъ руки посторонней. На то, кажется, указываютъ: 1) нѣкоторымъ образомъ самое направленіе и видъ раны; 2) отсутствіе того рѣжу-

щаго орудія, которымъ она произведена; 3) синево на передней поверхности голени, можетъ быть произведенное во время нанесенія раны постороннимъ лицомъ, прижатіемъ колѣна или ноги; 4) кровянной экстравазатъ, найденный на спинномъ мозгу, происшедшій вслѣдствіе какого-то сильнаго механическаго сотрясенія тѣла Дудникова при жизни; 5) отпечатокъ одежды на правой верхней конечности вслѣдствіе поджатія ея подъ туловище. Отрицательные между прочимъ признаки смертоубійства, кромѣ отсутствія смертоноснаго орудія, — дневное время и комната, изнутри не запертая».

Коль скоро допущено было предположеніе о смертоубійствѣ, то единственное лицо, которое можно было заподозрить въ этомъ преступленіи, была жена Дудникова: Пелагея; она оставалась въ гостиной, откуда единственный входъ въ спальню; въ ту минуту, когда у Дудникова порѣзана была шея, она первая дала знать кухаркѣ о случившемся несчастіи; она вѣроятно и была если не физическою виновницею преступленія, то по крайней мѣрѣ укрывательницею его слѣдовъ. Дѣятельность слѣдствія, производимаго приставомъ лыбедской части Маевскимъ при депутатѣ отъ университета профессорѣ Богородскомъ, склонилась главнымъ образомъ къ тому, чтобы уличить ее въ убійствѣ мужа, причемъ приняты въ соображеніе мельчайшія обстоятельства, послѣдовавшія за смертью Дудникова.

Лица, которыя видѣли Пелагею Дудникову тотчасъ послѣ этого происшествія, отозвались объ ней слѣдующимъ образомъ: лакей *Клименко*, который былъ подозванъ кухаркою Богушевскою къ дверямъ, ведущимъ изъ корридора въ квартиру Дудниковыхъ, слышалъ, какъ Дудникова кричала за дверьми: «Боже мой, что ты Филиппъ сдѣлалъ»!—По словамъ кухарки *Богушевской*, неделя *Сухарева* и лакея *Марчука*, Дудникова бѣгала по гостинной комнатѣ въ сильномъ волненіи, ломая себѣ руки и вскрикивая: «ахъ Боже мой, Боже мой, что ты сдѣлалъ»!—Фельдшеръ Цехонскій говоритъ, что Дудникова встрѣтила его въ гостиной и сказала ему: «мужъ мой нездоровъ, онъ исходитъ кровью»; когда послѣ осмотра раны, онъ, Цехонскій, сказалъ Дудниковой, что мужъ ея зарѣзанъ, тогда она сказала въ испугѣ: «ахъ Боже мой, что ты сдѣлалъ, ты самоубійца». На студентовъ Бѣлоусова и Шпилярскаго Дудникова произвела неблагопріятное впечатлѣніе; она ихъ изу-

мила своимъ, какъ имъ казалось, равнодушіемъ. По увѣренію *Бѣлоусова*, Дудникова произносила при изслѣдованіи ими, студентами, тѣла слѣдующія слова: «ахъ Боже мой, что мнѣ дѣлать, скажите пожалуйста, что съ нимъ такое», но безъ слезъ, безъ особеннаго выраженія въ лицѣ. На предлагаемые имъ, Бѣлоусовымъ, вопросы: гдѣ мужъ ея обѣдалъ? пилъ-ли онъ? Дудникова отвѣчала удовлетворительно, но очень холодно, что обѣдалъ съ Савицкимъ и пилъ водку; при словахъ его, Бѣлоусова: «не безпокойтесь, это ничего, онъ будетъ живъ», замѣтно было на лицѣ ея какое-то удивленіе. Потомъ, когда онъ, Бѣлоусовъ, сказалъ, что Дудниковъ зарѣзанъ, то жена его очень холодно спросила: «какъ? какимъ образомъ»? послѣ чего всѣ прежніе, слабые вздохи и стенанія, вдругъ исчезли и Дудникова осталась совершенно равнодушною. *Шпилярскій* выразился еще рѣшительнѣе. По его отзыву, когда они, студенты, сказали Дудниковой, что мужъ ея зарѣзанъ, то эти слова не произвели на нее никакого впечатлѣнія. Она осталась по прежнему совершенно спокойна и сказала, нисколько не измѣнивъ холоднаго тона рѣчи: «какое несчастіе, что мнѣ дѣлать?» Онъ, Шпилярскій, отвѣчалъ, что дѣлать нечего; этотъ отвѣтъ не произвелъ также ни малѣйшей перемѣны въ ея лицѣ. Шпилярскій прибавляетъ еще слѣдующія слова: «удивительное хладнокровіе Дудниковой и совершенное повидимому равнодушіе въ такомъ важномъ случаѣ и при такой значительной для нея самой потерѣ, обратили на себя особенное вниманіе не только его, Шпилярскаго, но и если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ очень многихъ изъ тѣхъ, которые видѣли ее въ это время». По увѣренію кухарки *Богушевской* Дудникова всю ночь съ 11 на 12 декабря послѣ ухода полицейскихъ чиновниковъ провела такимъ образомъ, что не раздѣвалась, не спала и плакала. Платье сиреневаго цвѣта, въ которое она была одѣта при смерти мужа, оказалось сзади замараннымъ немного кровью. Небольшія кровяныя пятна виднѣлись въ трехъ мѣстахъ, но они были такъ тонки, что не было возможности опредѣлить, какою они произведены кровью.

На другой день послѣ смерти мужа, 12 декабря, Дудникова отправила по эстафетѣ къ отцу умершаго, а своему свекру, переяславльскому мѣщанину, живущему въ Борисполѣ, Степану Дудникову, письмо нижеслѣдующаго содержанія: «дражайшій

папенька! для меня крайне больно, но обязанность моя того требуетъ. Вооружитесь терпѣніемъ, воля Божія насъ постигла, я лишилась мужа, а вы сына. Это случилось такъ неожиданно, что я не въ состояніи вамъ описать. Не оставьте меня, сироты».

При первомъ допросѣ, отобранномъ отъ нея не ранѣе 15 декабря, и потомъ на очныхъ ставкахъ съ кухаркою, лакеями, фельдшеромъ и студентами, Дудникова слѣдующимъ образомъ описывала то, чего она была свидѣтельницею въ спальнѣ. Она сидѣла въ гостиной, занимаясь вязаніемъ чулка, когда вдругъ услышала въ спальнѣ стукъ разбитой посуды и паденіе тѣла. Она вбѣжала въ спальню и увидѣла, что урыльникъ разбитъ и что мужъ ея встаетъ съ полу и ложится на кровать. Что съ тобою, спросила она? Я ушибся, былъ его отвѣтъ. Услыша, что съ кровати что-то течетъ, она зажгла свѣчку посредствомъ спички тутъ же въ спальнѣ, и засвѣтя, увидѣла, что онъ весь въ крови. Раны она не замѣтила и не подозрѣвала, а думала, что у него кровь льется горломъ, что съ нимъ и прежде уже случалось. Она страшно испугалась. Ей не пришло въ голову самой попытаться остановить кровотеченіе; она не помогала мужу встать съ полу и лечь на кровать, уложить его на кровать она не была въ силахъ, она побѣжала въ кухню и послала кухарку за докторомъ. Пока не явилась медицинская помощь, она нѣсколько разъ входила въ спальню и выходила оттуда и бѣгала по гостинной, ломая руки. Припедшихъ она умоляла именемъ Бога помочь. Никакого орудія, которымъ-бы могъ быть произведенъ порѣзъ шеи, она, Дудникова, не видала ни въ рукахъ у мужа, ни возлѣ него. Смерть мужа она, Дудникова, объясняла такимъ образомъ: напившись по своему обыкновенію водки изъ шкапа въ спальнѣ, онъ былъ хмѣленъ; вѣроятно въ просонки, вставая за надобностью, онъ упалъ на урыльникъ, разбилъ его и ранилъ себя осколками этого сосуда. Какъ ни неправдоподобно было это объясненіе, Дудникова его повторяла всѣмъ знакомымъ, приходившимъ ее навѣщать. На вопросъ, почему она показала себя столь равнодушною въ глазахъ студентовъ Бѣлоусова и Шпилярскаго, Дудникова отозвалась, что у нея вообще такой холодный характеръ.

Тотчасъ послѣ похоронъ Дудникова, 16 декабря, пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Борисполя отецъ умершаго, старикъ Степанъ. Онъ

остановился у Дудниковой и пробылъ у нея до 24 декабря. Старикъ не изъявилъ при слѣдствіи ни малѣйшаго подозрѣнія на свою невѣстку, старался ее утѣшить, распрашивалъ ее какимъ образомъ сынъ его лишился жизни, въ отвѣтъ на что онъ получилъ отъ нея обыкновенный ея разсказъ о паденіи Дудникова и о порѣзаніи имъ себѣ шеи осколками урыльника. При отъѣздѣ въ Борисполь, 24 декабря, и прощаніи съ невѣсткою, они имѣли между собою слѣдующій разговоръ, который передаетъ Степанъ Дудниковъ. Онъ сказалъ: «Богъ знаетъ, какъ ты останешься здѣсь и скоро ли дѣло о смерти сына кончится». Она отвѣчала: «оно послѣ откроется. Богъ ихъ знаетъ, что они (т. е. слѣдователи) отъ меня хотятъ и зачѣмъ меня тягаютъ. Развѣ хотятъ, чтобы я имъ при публикѣ и въ собраніи сказала; такъ я скажу». Спрошенный о томъ, понимаетъ-ли онъ значеніе сихъ словъ Дудниковой, старикъ Степанъ отозвался незнаніемъ и присовокупилъ, что онъ ее и не спрашивалъ на счетъ этихъ словъ, какъ потому, что они сильно его огорчили, доказывая знаніе невѣстки о родѣ смерти сына, такъ и потому, что уже было поздно и онъ, Степановъ, торопился домой въ Борисполь. Онъ намѣревался распросить свою невѣстку подробнѣе, когда пріѣдетъ опять въ Кіевъ послѣ праздника крещенія.

12 января Дудникова, спрошенная, противу показанія своего свекра, сказала слѣдующее: ея прощальныя слова къ свекру обозначали, что она вынуждена будетъ сознаться, что подозрѣваетъ покойнаго своего мужа въ самоубійствѣ, но что ей не повѣрятъ, потому-что при всей ея невинности, она не можетъ представить орудія. То, что она теперь объясняетъ, она намѣрена была сказать не ранѣе, какъ по совершеніи послѣдняго обряда, который она исполнила сего 12 января, а именно по отслуженіи панихиды на мѣстѣ погребенія ея мужа.

Этотъ загадочный отзывъ Дудниковой былъ новымъ лучемъ свѣта для слѣдователей. Очевидно, Дудникова не все высказала, что знала, очевидно и сама она не вѣритъ въ свою прежнюю сказку о порѣзаніи случайно мужемъ шеи объ осколки урыльника. 13 января слѣдователи отъ нея потребовали, чтобы она безъ дальнѣйшихъ изворотовъ открыла настоящую причину смерти мужа, представила орудіе, которымъ онъ лишилъ жизни, или указала, гдѣ таковое находится, или объяснила, чѣмъ оно

взято и спрятано, при чемъ они предварили ее, что упорство въ несознаніи истины и изворотливыя объясненія наводятъ на нее сильное подозрѣніе въ мужеубійствѣ.

Тогда Дудникова объявила, что мужъ ея кончилъ жизнь *самоубійствомъ*, но что она умышленно скрывала до сихъ поръ это обстоятельство, дабы не лишить его христіанскаго погребенія, что́ огорчило-бы ея свекра, да и ей самой было-бы очень больно. До прихода фельдшера Цехонскаго она не знала о настоящей причинѣ кровотеченія; когда Цехонскій, осмотрѣвъ тѣло, сказалъ, что мужъ ея зарѣзанъ и самъ вышелъ, тогда она по возбужденному этимъ подозрѣнію подошла къ мужу и, ощупавъ вокругъ него кровать, нашла подъ правымъ его бокомъ небольшой окровавленный складной ножикъ средняго размѣра съ чернымъ черенкомъ, котораго она прежде того никогда у мужа не видала. Она завернула этотъ ножикъ въ первую попавшуюся подъ руки бумажку и опустила въ карманъ, обтерла руку платкомъ, который положила туда же въ карманъ. Потомъ отправившись въ кухню, до прихода полиціи она обмокнула ножикъ въ стоящую на кухнѣ лоханку, омыла его и разорвала бумажку на мелкіе куски, которые бросила въ лохань, а ножикъ опять положила въ карманъ, послѣ чего вымыла тщательно руки при пособіи кухарки. На другой день по утру, до прихода медиковъ и полиціи, она, Дудникова, воспользовавшись временною отлучкою кухарки, сожгла въ топящейся печкѣ носовой платокъ, и, завернувъ ножикъ въ новую бумажку, спрятала его въ кухонный шкапъ между стклянками и разною мелочью. Тамъ и оставался онъ во все время производимаго въ квартирѣ 12 декабря обыска. Послѣ обыска и ухода медиковъ и полиціи, она, Дудникова, взявъ свою шкатулку, запирающуюся на ключъ, перенесла ее въ кухню, вложила туда тайкомъ отъ кухарки ножикъ и берегла его отъ взоровъ окружающихъ ея людей, выжидая минуту, когда можно будетъ его куда-нибудь выкинуть, такъ чтобы никто его не нашелъ. Во время похоронъ она имѣла вышеупомянутое орудіе въ карманѣ и намѣревалась оставить его гдѣ-нибудь на дорогѣ, но не посмѣла, потому-что ѣхала на кладбище въ экипажѣ не одна. Около праздника крещенія, въ какой день не помнитъ, ей удалось наконецъ раздѣлаться съ ножемъ, который ее безпокоилъ. Она отправилась поутру до обѣда для

осмотра будто бы того мѣста на кадетской улицѣ, на которомъ мужъ ея предполагалъ строить домъ и на которомъ онъ уже заготовилъ матеріалъ для постройки этого дома. Тогда то она и бросила въ означенномъ мѣстѣ орудіе на произволъ судьбы, идучи пустымъ мѣстомъ по тропинкѣ. Когда слѣдователи, не довольствуясь этимъ показаніемъ, старались уличить Дудникову въ смертоубійствѣ и предлагали ей при священническомъ увѣщаніи сознаться чистосердечно, что мужъ ея зарѣзанъ ею или инымъ лицомъ съ ея вѣдома, тогда она сказала, что въ спальню никто не входилъ и никого она не можетъ обвинять; сама она не лишала мужа жизни, въ томъ Богъ свидѣтель, а люди могутъ судить, какъ имъ угодно; если она не можетъ представить орудія — то это ея несчастіе; на себя же грѣха, свидѣтельствуясь однимъ Создателемъ, принять не можетъ; пусть святая воля Бога ее защититъ; что касается до ея равнодушія и холоднаго выраженія въ лицѣ, то вольно имѣть всякому свое мнѣніе, а что покойный мужъ ея имѣлъ въ мысляхъ и какъ онъ смотрѣлъ на жизнь, то извѣстно Богу и покойному мужу; люди могутъ судить только по наружности; она-же можетъ сказать, что онъ, какъ и всѣ люди, имѣлъ свои прискорбія и неудачи, опасенія и дѣла, а что могло его побудить на такую ужасную смерть, того она не знаетъ; ей остается только страдать и больше ничего, прося у Бога терпѣнія; страданіе ея будетъ невинно — это ее утѣшаетъ; если есть въ этомъ дѣлѣ кто-либо, не желающій ей добра и дѣлающій замѣшательство, то пусть Богу отвѣчаетъ».

Не смотря на рѣшительное отрицаніе Дудниковою всякаго участія ея въ смерти мужа, изложенные въ ея новомъ отзывѣ факты показались столь важными и столь значительно усиливающими лежащее на Дудниковой подозрѣніе, что слѣдователи рѣшились ее заарестовать. Она отправлена 15 января въ тюремный замокъ, гдѣ и оставалась до окончательнаго рѣшенія дѣла. По ея указанію, произведенъ былъ тщательный осмотръ мѣстности между бульваромъ и кадетскою улицами, гдѣ былъ кинутъ ею ножикъ; въ присутствіи ея и понятыхъ очищено значительное пространство земли отъ снѣга, но ни въ снѣгу, ни на очищенной землѣ, нигдѣ отыскиваемаго ножика не найдено. Кухарка Богушевская подтвердила отчасти ссылку Дудниковой, отзываясь, что до прихода студентовъ Бѣлоусова и Шпилярскаго,

Дудникова, вошедши въ кухню, потребовала воды для мытья рукъ; она, Богушевская, взявъ кружку, слила нѣсколько разъ на руки Дудниковой воды, которая стекла въ поставленную на полу лоханку, причемъ было темно, потому-что въ кухнѣ не было свѣчки и печка не горѣла; ножа и бумажки она, Богушевская, въ рукахъ у Дудниковой не видала; около крещенія Дудникова отлучалась въ самомъ дѣлѣ изъ квартиры передъ обѣдомъ на полчаса, сказывая, что хочетъ посмотрѣть на матеріалъ, заготовленный на постройку дома.—Дудниковой дана была очная ставка съ фельдшеромъ Цехонскимъ, на которой Цехонскій уличалъ ее въ томъ, что она не могла никакъ вынуть ножикъ послѣ ухода его, Цехонскаго, а вынула развѣ до его прихода, потому-что онъ никакого подобнаго орудія не замѣтилъ на кровати возлѣ Дудникова или подъ его тѣломъ, хотя долженъ былъ бы непремѣнно замѣтить, потому–что приподнималъ подъ тѣломъ простыню *). Противу сей улики Дудникова осталась при прежнемъ показаніи, утверждая, что только тогда она нашла подъ правымъ бокомъ мужа орудіе, когда Цехонскій указалъ ей рану и вышелъ.—Въ журналѣ кіевской уголовной палаты замѣчено, что когда 29 ноября 1853 г. Дудникова подвергнута была дополнительному допросу, то замѣчено, что она на предложенные ей вопросы часто затруднялась въ отвѣтахъ, отзываясь непониманіемъ будто-бы вопросовъ, а иногда предлагала присутствовавшимъ писать, что́ имъ будетъ угодно, или отвѣчала вовсе не на вопросъ, такъ что отобранные отъ нея неудовлетворительные отвѣты она дала не иначе, какъ послѣ многократныхъ повтореній и разъясненій почти каждаго вопроса. Въ примѣръ подобной уклончивости палата приводитъ, что когда Дудникову спросили: «вы сказали студентамъ, что не знаете, что съ вашимъ мужемъ, но скажите, была-ли для васъ возможность знать, что именно съ вашимъ мужемъ или нѣтъ?», то Дудникова сперва отвѣчала, что не понимаетъ вопроса, потомъ вмѣсто отвѣта сказала, что не могла подать помощи мужу; когда послѣ сего ей замѣтили, что она отвѣчаетъ не на вопросъ, и что вопросъ совершенно ясенъ, то она съ трудомъ проговорила, что была возможность.

Для уясненія всѣхъ обстоятельствъ и сообразности или несообразности ихъ съ отзывами подсудимой, слѣдователи и судьи,

*) Намъ кажется, что ножъ могъ достаться *незамѣченнымъ* между тѣломъ и простыней.

разсматривавшіе настоящее дѣло, обращались съ запросами къ медицинскимъ властямъ относительно сомнительныхъ по ихъ мнѣнію фактовъ.

Кіевская врачебная управа въ отвѣтъ на эти запросы сообщила слѣдующія соображенія: 1) перочинный ножикъ средней величины могъ быть достаточнымъ орудіемъ для произведенія раны. 2) Направленіе раны сзаду напередъ и притомъ нѣсколько вверхъ—такого свойства, что она могла быть нанесена собственною рукою Дудникова. Одно только обстоятельство усиливаетъ подозрѣніе въ томъ, что рана причинена постороннимъ лицомъ, а именно то, что всѣ почти зарѣзавшіеся лишаются жизни отъ совмѣстнаго перерѣзанія кровеносныхъ сосудовъ, нервовъ и дыхательнаго горла; между-тѣмъ дыхательное горло у Дудникова не повреждено и рана какъ будуто-бы нанесена съ знаніемъ важности перерѣзанныхъ частей шеи. 3) Судя по свойству и мѣсту раны, Дудниковъ могъ тотчасъ послѣ порѣзанія сказать нѣсколько словъ, слѣдовательно показаніе жены его, будто-бы онъ произнесъ: «я ушибся»—само по себѣ не представляетъ еще ничего невѣроятнаго. 4) При скоромъ и надлежащемъ пособіи, состоящемъ въ пріостановленіи кровоизліянія, вѣроятно можно было-бы продлить нѣсколько жизнь Дудникова операціею. 5) Знакъ на лѣвой голени, съ подкожнымъ подтекомъ крови, могъ произойти и отъ прижатія этой голени постороннимъ лицомъ колѣномъ или ногою, или-же отъ ушиба голени самимъ Дудниковымъ о край кровати, въ то время, когда онъ послѣ паденія подымался на кровать.

Медицинскій совѣтъ, признавая правильными мнѣнія врачей, свидѣтельствовавшихъ Дудникова, и врачебной управы, прибавилъ слѣдующее: «нѣкоторыя явленія дѣйствительно наводятъ подозрѣніе, что Дудниковъ не самъ себѣ нанесъ смертельную рану, а получилъ ее отъ другаго лица. Съ другой стороны тѣже самыя явленія нисколько не исключаютъ возможности происхожденія раны отъ самоубійства. Такъ напримѣръ, положеніе раны (на лѣвой сторонѣ шеи), видъ самой раны и направленіе ея (слѣва на право и снизу нѣсколько вверхъ), которое по замѣчанію производившихъ судебно-медицинское изслѣдованіе врачей, нѣкоторымъ образомъ указываетъ на происхожденіе раны отъ постороннеи руки (вѣроятно потому, что у самоубійцъ

раны на шеѣ имѣютъ обыкновенно направленіе также слѣва на право, но болѣе сверху внизъ), съ другой стороны можетъ быть (какъ замѣтила кіевская врачебная управа), причислено къ признакамъ самоубійства. Направленіе раны снизу вверхъ легко могло произойти при положеніи головы, отвороченной на право съ нѣкоторымъ ея наклоненіемъ внизъ, на какое положеніе головы при нанесеніи раны указываетъ, между прочимъ, пораненіе общей сонной артеріи, лежащей подъ кивательною мышцею безъ перерѣзанія означенной мышцы, оказавшейся разрѣзанною только съ внутренняго края. Ограниченіе-же раны только поврежденіемъ кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ, безъ поврежденія дыхательнаго горла, встрѣчаемаго большею частью у самоубійцъ, указывающее, по отзыву управы, на знаніе важности мѣста поврежденія и тѣмъ усиливающее подозрѣніе въ нанесеніи раны постороннимъ лицомъ, если даже и допустить, что оно было не случайное, можетъ быть одинаково отнесено къ случаю смертоубійства, какъ и самоубійства. Что-же касается до другихъ явленій, какъ-то: слѣдовъ крови на различныхъ частяхъ тѣла Дудникова, на его бѣльѣ, на постелѣ, на полу, а также брызговъ кровяныхъ на печкѣ со стороны двери и на потолкѣ съ той-же стороны у печки, равно и положенія, въ какомъ найденъ Дудниковъ на кровати съ опущенными ногами, то изъ этихъ явленій можно съ положительностію заключить только то, что смертельная рана Дудникова, произведенная смотря по ея виду и глубинѣ, небольшимъ, но острымъ и глубоко-вонзеннымъ рѣжущимъ инструментомъ (какъ напримѣръ перочиннымъ ножемъ средняго размѣра, что̀ допускаетъ и управа), нанесена *не* въ томъ положеніи Дудникова, въ какомъ онъ найденъ на постелѣ, и что послѣ нанесенія уже раны и потери нѣкотораго количества крови Дудниковъ упалъ или положенъ въ постель, въ какомъ положеніи и нашли его лица, призванныя для поданія ему помощи. Знакъ съ подтекомъ крови на голени могъ легко произойти отъ случайнаго ушиба: если же даже допустить, что онъ произошелъ не отъ ушиба, то мѣсто этого знака и отсутствіе знаковъ на другихъ частяхъ тѣла не позволяютъ признать его за вѣрный признакъ внѣшняго насилія, дѣйствовавшаго при нанесеніи раны. Присутствіе-же кровянаго экстравазата на спинномъ мозгѣ, безъ соотвѣтствующихъ

этому мѣсту знаковъ внѣшняго насилія на наружныхъ частяхъ, не имѣетъ въ этомъ отношеніи также значенія несомнѣннаго доказательства внѣшняго насилія, предшествовавшаго нанесенію раны. Изъ прочихъ явленій, заставляющихъ подозрѣвать смертоубійство, наиболѣе заслуживаетъ вниманія показаніе студента Шпилярскаго, что кисть правой руки, находившаяся подъ правою ягодицею, была съ наружной стороны чиста и только на внутренней поверхности замарана кровью. Это обстоятельство можетъ быть однако объяснено такимъ образомъ, что при нанесеніи раны кровь изъ разрѣзанныхъ венъ могла потечь по ножу и замарать внутреннюю поверхность ладони, между тѣмъ какъ струя крови артеріальной могла брызнуть съ силою мимо руки (брызги на печкѣ и на потолкѣ), не замаравъ при скоромъ окончаніи разрѣза, наружной ея поверхности. Что же касается наконецъ до отсутствія орудія, то нельзя не замѣтить, что это обстоятельство въ судебно-медицинскомъ отношеніи, при отсутствіи другихъ болѣе положительныхъ судебно-медицинскихъ данныхъ, не можетъ имѣть значенія достаточнаго доказательства смертоубійства. Медицинскій совѣтъ окончилъ эти соображенія заключеніемъ: что на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ судебно-медицинскихъ данныхъ *нельзя рѣшить*, нанесена-ли Дудникову рана имъ самимъ или посторонним лицомъ, и что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только полицейскимъ изслѣдованіемъ».

Полицейскій розыскъ не обнаружилъ, какъ легко видѣть изъ всего предшествующаго разсказа, такихъ фактовъ, изъ которыхъ можно было-бы съ какою-нибудь вѣроятностью остановиться на томъ или другомъ предположеніи. Объективная, матеріальная сторона изслѣдуемаго событія была недостаточна для его разгадки, надобно было обратиться къ другимъ источникамъ познанія, изучить взаимныя отношенія супруговъ, вникнуть въ характеръ каждаго изъ нихъ, развернуть цѣлую прошлую ихъ жизнь и доискаться, если можно, тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя могли склонить Дудникова къ самоубійству или жену его къ мужеубійству. Это было тѣмъ необходимѣе, что при направленіи подозрѣнія съ начала слѣдствія на Дудникову, между народомъ пошли разные неблагопріятные для нея толки и слухи. Молва гласила, что Дудникова была когда-то уже

прежде судима за отравленіе перваго своего мужа, что она занималась изученіемъ медицинскихъ книгъ и узнавала отъ какихъ-то студентовъ университета, какое мѣсто на шеѣ человѣка удобнѣе для убійства. Собранныя слѣдствіемъ свѣдѣнія о супружескихъ отношеніяхъ Дудниковыхъ между собою состояли въ слѣдующемъ.

Въ 1808 г. въ мѣстечкѣ Зубриловкѣ князя Голицына отъ вольноотпущенныхъ этого князя Ѳедора и Анны Коробановыхъ родилась дочь Пелагея. Отецъ ея умеръ, когда она была еще ребенкомъ, мать вышла вторымъ бракомъ за управлявшаго Зубриловкою маіора Энгеля, въ домѣ котораго и получила Пелагея воспитаніе. Вскорѣ послѣ того Энгель былъ смѣненъ и поступилъ къ другому князю Голицыну, Григорью, въ село Макарово, а потомъ, когда Пелагеѣ было лѣтъ 8 или 9, онъ опредѣлился въ ту же должность управляющаго къ третьему князю Голицыну, Павлу, моршанскаго уѣзда въ село Сосновку. Тамъ онъ и скончался. У князя Павла жило въ имѣніи много французовъ и англичанъ. Одинъ изъ этихъ французовъ, домашній учитель Огюстъ Дежарденъ, женился на Пелагеѣ Коробановой около 1831 года; переѣхавъ съ нею въ Полтаву, онъ завелъ частный пансіонъ и опредѣлился учителемъ въ полтавскую гимназію. Онъ скончался 3 августа 1837 г. естественною смертью отъ чахотки, послѣ продолжительныхъ страданій этою болѣзнью.—Пользовавшій его докторъ Росцишевскій удостовѣрилъ подъ присягою, что Дежарденъ былъ слабаго тѣлосложенія и склоненъ къ грудянымъ болѣзнямъ, что онъ по привычкѣ французской одѣвался слишкомъ холодно, не по климату и не любилъ даже носить калошъ, что онъ занимался воспитаніемъ порученныхъ его надзору мальчиковъ съ неутомимымъ усердіемъ, не щадя своего здоровья, самъ отправлялся всегда на базаръ за покупкою провизіи и дровъ, причемъ разъ простудившись, заболѣлъ чахоткою легкихъ. Росцишевскій присутствовалъ при его кончинѣ и былъ свидѣтелемъ того, какъ Дежарденъ ласкалъ свою жену, называя ее постоянно «ma bonne et chère Pélagie», и съ какою заботливостью она за нимъ ухаживала и какъ она послѣ него горевала.—26 человѣкъ полтавскихъ жителей показали подъ присягою, что Дежарденъ скончался естественною смертью отъ чахотки и что съ женою онъ жилъ въ мирѣ и любви, безъ вся-

кихъ раздоровъ.—Духовный отецъ Пелагеи, протоіерей Мазановъ отозвался, что онъ Дудникову хорошо знаетъ: образъ мыслей ея религіозный, характеръ скромный и тихій, склонность къ жизни домашней и уединенной. Дежардены были бездѣтны; послѣ Дежардена остался домъ деревянный въ Полтавѣ, который вдова его продала впослѣдствіи.

Чрезъ полгода по смерти Огюста Дежардена, 30 января 1838 г., Пелагея вышла опять замужъ за учителя полтавскаго уѣзднаго училища Филиппа Дудникова, человѣка моложе ея семью годами, (онъ имѣлъ 37 лѣтъ въ минуту своей кончины, между-тѣмъ какъ ей было 44). Дудниковъ вышелъ въ 1847 году въ отставку, въ 1849 г. мы встрѣчаемъ его въ Житомірѣ, гдѣ онъ поступилъ въ должность надзирателя за вольноприходящими учениками житомірской гимназіи. Вскорѣ затѣмъ въ томъ же году, онъ переселился въ Кіевъ на мѣсто начальника типографіи университета Св. Владиміра, а по случаю упраздненія этой должности опредѣлился въ 1850 г. помощникомъ инспектора студентовъ того же университета. Жена слѣдовала за нимъ во всѣхъ его перемѣщеніяхъ.

Трудно рѣшить, что заставило эту чету соединиться? Какъ могла установиться и существовать извѣстная нравственная связь между двумя лицами, столь не похожими другъ на друга и по наклонностямъ, и по образованію? Пелагея Дудникова была несравненно образованнѣе мужа, она получила довольно старательное воспитаніе, образъ ея мыслей и способъ выраженій запечатлѣны бо́льшимъ достоинствомъ и благородствомъ, какъ видно изъ ея отвѣтовъ при слѣдствіи и изъ ея переписки, отрывки коей мы будемъ имѣть случай ниже помѣстить. Она могла многому научиться отъ перваго своего мужа Дежардена; ея родная сестра Варвара вышла въ Житомірѣ замужъ за очень порядочнаго человѣка, француза Гутурба, котораго сынъ отъ перваго брака, а пасынокъ Варвары, Петръ Гутурбъ, по выдержаніи экзамена на учительское званіе въ кіевскомъ университетѣ, получилъ уже по смерти Дудникова мѣсто учителя въ кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Гутурбы были единственный домъ, съ которыми Дудникова имѣла болѣе тѣсныя, дружественныя отношенія. Она держала себя весьма одиноко и была поведенія безукоризненнаго. Между-тѣмъ Дудниковъ, по происхожденію изъ

мѣщанъ, обучался только въ полтавской духовной семинаріи, да и въ этомъ заведеніи не кончилъ курса наукъ. Человѣкъ онъ былъ весьма обыкновенный, простой, преданный грубымъ, чувственнымъ удовольствіямъ, любящій бражничаніе, разгулъ и жизнь, такъ сказать, на распашку. Помощникъ инспектора студентовъ Герасимовъ подъ присягою показалъ, что Дудниковъ особенно хвалился своими побѣдами надъ женщинами. Педель Роговскій удостовѣрилъ, также подъ присягою, что во время поѣздки жены Дудникова въ Житомиръ въ маѣ 1852 г., гдѣ она пробыла цѣлый мѣсяцъ у сестры, кухарка Дудникова, Аграфена Олейникова, жаловалась ему, Роговскому, на своего барина, который будто-бы каждую ночь приходилъ къ ней въ кухню и склонялъ ее къ блуду, потому она и отошла отъ него. Письмоводитель инспектора студентовъ Мирковскій сообщилъ подъ присягою, что Дудниковъ всегда казался веселымъ, распространялся съ особеннымъ удовольствіемъ о чувственныхъ наслажденіяхъ, которыя считалъ первымъ благомъ жизни; если что-нибудь тяготило его въ жизни, такъ это только помѣщеніе квартиры его въ 4-мъ этажѣ, куда, подымаясь по лѣстницѣ, онъ чувствовалъ усталость и жаловался на боль въ груди; не разъ Дудниковъ угоривалъ его, Мирковскаго, отправиться къ какой-то сводницѣ С-ной, гдѣ онъ проводилъ время въ объятіяхъ прелестницъ съ бокаломъ вина въ рукахъ; однажды Дудниковъ завезъ его вечеромъ къ одной горбатой старухѣ, Софіи Р., содержательницѣ терпимаго дома на Старомъ Кіевѣ, гдѣ его приняли какъ стараго знакомаго, гдѣ любезничая съ одною изъ дѣвокъ, онъ осушилъ штофъ пива, при чемъ по разгульнымъ его пріемамъ видно было, что онъ привыкъ обращаться въ подобномъ обществѣ. Спрошенная противъ показанія Мирковскаго штабсъ-капитанша С-на отчасти подтвердила его ссылку, пояснивъ, что Дудниковъ познакомился съ нею въ маѣ 1851 г., что онъ давалъ ей въ займы 100 р. сер. и былъ у нея на квартирѣ три раза.

Знала-ли Дудникова о прелюбодѣйныхъ связяхъ своего мужа съ другими женщинами? На этотъ вопросъ она отвѣчала отрицательно, но есть данныя, которыя заставляютъ усомниться въ справедливости этого отзыва, который могъ быть внушенъ подсудимой нежеланьемъ порочить честь умершаго и стараніемъ сокрыть грязныя подробности жизни ея супружеской.

По присяжному удостовѣренію Мирковскаго, когда Мирковскій однажды шутя упрекнулъ Дудникова въ волокитствѣ, сей послѣдній отозвался, что жена его просто сокровище, смотритъ на его шалости сквозь пальцы и что это нисколько не мѣшаетъ супружескому согласію. Наконецъ найдено было подлинное письмо Дудникова, писанное 14 мая 1852 г. къ женѣ, которая находилась въ то время въ Житомірѣ, изъ коего видно, что Дудниковъ нисколько отъ нея не скрывалъ своихъ попоекъ и удовольствій. Это письмо такъ ярко освѣщаетъ личность Дудникова, что мы позволяемъ себѣ привести изъ него нѣкоторые отрывки. Дудниковъ начинаетъ съ описанія, какъ онъ, простившись съ женою, спѣшилъ увидѣть ее хотя издали изъ окошка, «но проклятый фургонъ вѣроятно изъ ревности закуталъ съ этой стороны тебя и открылъ для тебя противуположную сторону. Тогда болѣе часа оставался я въ висячемъ положеніи окна, съ бурей не мыслей *), смотря на движеніе жидовскаго фургона, который подобно глупой нашей жизни и глупо тащился, пока выѣхавши изъ города началъ взбираться на горку къ большой дорогѣ шажкомъ и обратился изъ огромной буды въ едва замѣтную бѣлизну, сказавъ я тебѣ мысленно: прощай, какъ брошенный съ окна, началъ одѣваться». Дудниковъ продолжаетъ, что ему не сидѣлось дома, и онъ велѣлъ заложить лошадей. «Съ встрѣтившимся товарищемъ Потаповымъ я заѣхалъ въ свой трактиръ, тамъ мы выпили бутылку хересу, другую, третью; тогда стало невесело, а чего-то досадно; дождь не переставалъ, а увеличивался, духъ же нашъ хотѣлъ бодрствовать. Мы отправились къ мадамъ С-ной, не смотря, что первый часъ ночи и лошади до нельзя измокли.... не доставши тамъ ничего выпить и закусить сладенькимъ, поѣхали въ другое мѣсто, но какъ третій часъ ночи, получили отказъ. Квартира занята, а дождь не уменьшается, а усиливается. Тогда мы отправились въ домъ къ Потапову, напились чаю, выпили графинъ наливки и я весь обмокшій, въ грязи, въ 6 часовъ утра возвратился домой, легъ спать. На другой день трясся какъ окаянный. Передъ вечеромъ зашелъ къ Довнеру (учитель танцованія), взялъ 45 рублей. Тамъ Скажинюха напала купить могорича, да я и самъ, находясь не въ духѣ, радъ

*) Такъ въ подлинномъ.

бы съ кѣмъ нибудь потѣшить душу. Говорю ей: идите ко мнѣ, тамъ будемъ пить чай,—а самъ заѣхалъ въ погребокъ, взялъ бутылку рому. Когда увидѣла моя баба ромъ, куда стала лучше ко мнѣ, прыгать по комнатѣ; такъ что-то запряталась, но я ее скоро отдѣлалъ, далъ пунпъ, другой, да правда только и вышло по два, просилъ ее отправиться домой». Дудниковъ заключаетъ письмо слѣдующимъ образомъ: «наслаждайся мой вѣрный другъ пріятностію и удовольствіемъ, сколько можешь и сколько времени захочешь. Награди въ дружеской бесѣдѣ съ своей сестрой прошедшимъ воспоминаніемъ о своихъ печальныхъ проведенныхъ дняхъ, когда радостныхъ намъ съ тобой фортуна не подарила. Цѣлую тебя, душа моя, отъ чистаго сердца, больше разъ, нежели здѣсь письменныхъ словъ. Ф. Д. Прощай еще другъ мой цалую тебя мысленно, послаще чѣмъ на яву».

Эти подробности, начертанныя рукою самого Дудникова, доказываютъ, что онъ представлялъ собою типъ мужа гуляки, но они не доказываютъ еще, чтобы онъ былъ вообще человѣкъ злой, чтобы онъ обижалъ жену и чтобы она имѣла причину его ненавидѣть. Она могла, конечно, быть недовольна, видя его связи съ другими женщинами, но ничто не доказываетъ, чтобы она хотѣла ему мстить. Никто не слышалъ отъ нея ни малѣйшаго упрека въ отношеніи къ мужу. Четырнадцать лѣтъ прожила она съ нимъ согласно. При слѣдствіи переспрошены кухарка Дудниковыхъ, лакей, университетскіе педеля, товарищи Дудникова по службѣ, и всѣ они единогласно показывали, что они никогда не замѣчали никакихъ несогласій и раздоровъ между Дудниковыми. Одинъ только безприсяжный свидѣтель, нѣкто Трофимовъ, завѣдывавшій подъ руководствомъ Дудникова библіотекою казеннокоштныхъ студентовъ, отозвался, что холодность и отсутствіе задушевнаго расположенія характеризовали сожительство Дудниковыхъ; но Трофимовъ при томъ объяснилъ, что его знакомство съ Дудниковыми было только оффиціальное, что оно ограничивалось тѣмъ, что дважды въ недѣлю онъ приходилъ къ Дудникову и тотчасъ же потомъ отправлялся съ нимъ въ библіотеку.—Никто по кровной связи не былъ ближе къ умершему его роднаго отца, старика Степана Дудникова; если-бы было малѣйшее основаніе предполагать въ Дудниковой враждебныя чувства къ мужу, то вѣроятно Степанъ не замедлилъ-бы

изъявить на нее подозрѣніе, тѣмъ болѣе что сынъ, по словамъ старика, женился на ней, не испросивъ на этотъ бракъ его отеческаго благословенія,—между тѣмъ старикъ не сказалъ противу нея ни слова. Наконецъ слѣдователи произвели внезапный обыскъ въ квартирахъ сестры Дудниковой и мужа ея Гутурбовъ въ Житомірѣ и Петра Гутурба въ Кіевѣ, достали и пріобщили къ дѣлу множество писемъ Дудниковой, писанныхъ до смерти мужа и послѣ его смерти во время слѣдствія, но во всей этой переписке трудно отыскать какіе-либо признаки ея вины. Если разгульная жизнь мужа могла ее оскорблять, то это неудовольствіе было совершенно пассивное. Имъ объясняется, можетъ быть тонъ глубокой, безотрадной, но спокойной грусти, который слышится въ цѣлой этой перепискѣ. Вотъ выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ Дудниковой къ сестрѣ.

Письмо отъ 7 января 1852 г. Дудникова пишетъ, что провела праздники очень скучно. Ей было грустно, что сестра ее забыла. Далѣе въ штуку она говоритъ, что какъ можетъ видѣть сестра, *она на старость становится ревнива.* Мужъ занятъ дѣлами, она же живетъ какъ отшельница; это стало въ ея вкусъ; съ сестрою только она могла-бы не наговориться.

Письмо отъ 11 іюня того-же года. Она отправляетъ мужа въ путь; остается она въ совершенномъ уединеніи; никого не видѣла и еще не сходила съ четвертаго этажа, и вѣроятно не сойдетъ, пока не отправитъ мужа въ дорогу.

Письмо отъ 26 августа того-же года. Описывая погребеніе одной своей знакомой, Дудникова прибавляетъ: ты знаешь, что я люблю смотрѣть на мертвыхъ.

Письмо отъ 1 октября того-же года. Она сообщаетъ, что мужъ ея занимается студентскою библіотекой. Ихъ жизнь такъ лупо проходитъ, что даже нечего написать, кромѣ о добромъ здоровьѣ.

Остальныя письма писаны уже по смерти мужа. *25 декабря* Дудникова пишетъ къ сестрѣ: «я лишалась мужа друга, а люди взводятъ на меня клевету и лишаютъ меня добраго имени. Богъ имъ судья; угодно было его святой волѣ послать на меня испытаніе; надѣюсь, онъ поможетъ мнѣ и перенести мои страданія. Приготовься душа моя, если до тебя не дошли людскія сплетни, къ тому, что я тебѣ скажу, (слѣдуетъ разсказъ о

порѣзаніи мужемъ шеи осколкомъ сосуда).... Совѣсть моя чиста, душа спокойна. Люди вмѣняютъ мнѣ то въ равнодушіе. Богъ съ ними. Какъ и ты знаешь, мой другъ, я много въ жизни страдала, но такого креста себѣ не ожидала. Теперь только я узнала, какъ люди злы и ничтожны. Имъ въ горести нужны обмороки и спирты; словомъ комедія, разыгранная со всѣми прелюдіями, ихъ заставитъ плакать, но прискорбіе въ молчаніи ихъ не тронетъ.... Мнѣ теперь безъ друга жизнь не нужна.

Письмо чрезъ двѣ недѣли послѣ мужниной смерти... «Филиппъ померъ 11 декабря, а хоронили его 16, и какъ хоронили, мое сердце и теперь надрывается, а плакать въ угожденіе людямъ не могу. Его анатомили и все въ домѣ перевернули, что называется въ верхъ дномъ. Пріѣхалъ отецъ, натурально, сказалъ: «Божія воля». До сихъ поръ отъ него никакой обиды я не вижу; не знаю, что дальше будетъ. Похороня тѣло, опечатали квартиру. Я съ отцемъ жила до вчерашняго числа на кухнѣ и даже нѣсколько дней безъ прислуги, сама варила обѣдъ себѣ и десятникамъ. Хорошо положеніе!... Вечера 24-го онъ уѣхалъ домой, а я съ кухаркою и двумя десятниками осталась на кухнѣ. Мое положеніе ужасно. Я осталась при 20 руб. по смерти мужа; безъ расходовъ обойтись нельзя и взять также негдѣ. Къ счастію моему зашелъ Pierre (Гутурбъ) и былъ такъ добръ, что занялъ мнѣ 10 руб. Теперь я ими и перебиваюсь. Мнѣ совѣстно, что не могу ихъ отдать, а онъ и самъ нуждается».

Письмо отъ 1 января 1853 года — ... «Теперь не кому заботиться обо мнѣ; нѣтъ моего Филиппа; его головушка думала, гдѣ что достать».

Письмо отъ 2 января, послѣ допроса въ коммисіи.... «Не скрою отъ тебя, ангелъ мой, что я не предвижу себѣ ничего, кромѣ страданія невинно, но такъ Богу вѣрно угодно. Не безпокойся а только молись за меня, чтобы мой Создатель подкрѣпилъ меня и самъ заступилъ. Мнѣ больно, другъ мой, писать къ тебѣ такія безотрадныя письма, но что же дѣлать.»

Въ письмѣ 28 января изъ тюрьмы Дудникова проситъ сестру взять на сбереженіе сундукъ ея съ платьемъ; она Дудникова, отдала-бы этотъ сундукъ свекру, но тамъ некому присматривать за нимъ

Въ письмѣ отъ 28 марта Дудникова благодарила сестру за

увѣренность въ ея невинности, и, говоря о взятіи свекромъ вещей, прибавляетъ: отецъ знаетъ, что у насъ состояніе было общее, трудовое; возвратитъ, я буду благодарна; не возвратитъ, просить не буду. Мнѣ и процессы покойнаго Филиппа наскучили! Потомъ въ іюнѣ 1853 г. она сообщаетъ, что живетъ безъ цѣли и надежды, что жизнь ея разбита; жалѣетъ, что по выраженію сестры тѣнь *падетъ на сестру*, но думаетъ и такъ: за что-же люди будутъ изъ за нея вредить сестрѣ. Одно ея желаніе: видѣться съ сестрою, а про отца и говорить нечего, Богъ съ нимъ. Погубя ее, она знаетъ, что ему тяжело будетъ умирать!...

Наконецъ въ одномъ письмѣ безъ числа и года содержится слѣдующая фраза: «я живу, другъ мой, сосредоточенная сама въ себѣ, да думкою летаю около тебя.»

Слухъ, будто-бы Дудникова занималась медицинскими книгами не подтвердился. При обыскѣ въ имуществѣ Дудникова, найдена одна только медицинская книга — остеологія Вальтера, которая отдана по принадлежности въ студентскую библіотеку. Если у Дудниковыхъ и бывали медицинскія книги, такъ это только такія, которыя возвращаемы были студентамъ въ ихъ библіотеку, находившуюся въ завѣдываніи Дудникова.

Если раскрытыя слѣдствіемъ подробности домашней жизни Дудниковыхъ не обнаружили ни одной правдоподобной побудительной причины, которая-бы могла вооружить руку Дудниковой и заставить ее посягнуть на жизнь мужа, то съ другой стороны онѣ нисколько также не оправдываютъ догадки объ умышленномъ посягательствѣ Дудникова на свою собственную жизнь.

Во второй половинѣ слѣдствія, послѣ признанія и сокрытія ножика, Дудникова отозвалась, что по ея догадкамъ, причинами, склонившими мужа къ самоубійству, могли быть: опасеніе лишиться мѣста, процессъ, заведенный по дѣлу сестры мужниной, и разстроенное состояніе; причемъ присовокупила, что всякій разъ, когда, видя его озабоченнымъ, она его разспрашивала, онъ ей отвѣчалъ: «ты женщина не поймешь, а только будешь тревожиться; когда кану, узнаешь!» Эти предположенія подсудимой не находятъ никакого подтвержденія въ фактахъ дѣла. По удостовѣренію инспектора студентовъ, Дудниковъ не имѣлъ въ послѣднее время службы ни малѣйшаго повода опасаться лишить-

ся свого мѣста. Жалованья онъ получалъ 500 руб. и 90 руб. на разъѣзды. Между бумагами его найденъ билетъ на его имя кіевской конторы коммерчискаго банка въ 700 рублей, которые происходятъ или, по словамъ Дудниковой, отъ продажи ея деревяннаго дома въ Полтавѣ, наслѣдованнаго ею послѣ Дежардена. Дудниковъ имѣлъ, правдо, дѣло въ кіевской гражданской палатѣ объ опекѣ надъ имѣніемъ послѣ умершей сестры его Березницкой. Онъ былъ опекуномъ надъ этимъ имѣніемъ, а титулярный совѣтникъ Капитанскій хлопоталъ объ удаленіи его отъ опекунства. По этому дѣлу Дудниковъ ѣздилъ утромъ въ день смерти на своихъ лошадяхъ на Подолъ къ столоначальнику гражданской палаты Барановскому; по этому же дѣлу заходилъ къ нему 11 декабря дворянинъ Янчуковскій. Оно однако не было такого рода, чтобы изъ за него Дудниковъ могъ опасаться особенныхъ для себа непріятностей или ответственности.

Остается затѣмъ предположеніе, критической оцѣнки котораго суды требовали отъ медицинскихъ властей, но не получили на свои вопросы опредѣлительнаго, положительнаго ответа на основаніи науки. Это предположеніе состоитъ въ слѣдующемъ: не лишилъ ли себя жизни Дудниковъ безсознательно, въ припадкѣ мгновеннаго умоизступленія, произведеннаго опьяненіемъ? Вотъ отзывъ кіевской врачебной управы относительно этого вопроса: 1) судебная медицина и практика допускаютъ, что нѣсколько-образованные люди рѣшаются на самоубійство не иначе, какъ въ состояніи временнаго умопомѣшательства или безпамятства, которое можетъ быть безъ замѣтнаго органическаго поврежденія; 2) судебная медицина и практика *не* рѣшаютъ вопроса, какое вліяніе могутъ имѣть на самоубійство сытное или тощее состояніе желудка, а также привычка къ образу жизни чувственному.

Мы старались до этихъ поръ изложить со всѣми подробностями фактическую сторону дѣла, не пропуская ни одного изъ существенныхъ обстоятельствъ, бывшихъ въ виду 7-ми судебныхъ мѣстъ при рѣшеніи дѣла. Будемъ слѣдить за постепеннымъ прохожденіемъ его по инстанціямъ.

Кіевскій уѣздный судъ нашелъ, что Дудниковымъ-ли или лицомъ постороннимъ рана эта нанесена, рѣшить положительно невозможно; кромѣ того многіе положительные и нѣкоторые отри-

цательные факты наводятъ сильное подозрѣніе, что Дудниковъ лишился жизни отъ руки посторонней. 11 числа его жена, находившаяся безотлучно и одна въ комнатѣ, смежной съ спальнею, въ которой онъ отдыхалъ и найденъ мертвымъ, сокрытіемъ орудія, которымъ онъ лишился жизни, сильно подозрѣвается если не въ причиненіи смерти мужу, то въ сокрытіи или знаніи о виновномъ въ этомъ преступленіи; кромѣ того Дудникова изобличается въ дачѣ ложныхъ показаній предъ судомъ. Уѣздный судъ полагалъ: Пелагею Дудникову, касательно причиненія мужу своему смерти, при несознаніи ея въ томъ, какъ совершенно обстоятельствами не оправдавшуюся, впредь до открытія сего яснѣе особымъ случаемъ, оставить въ *сильномъ подозрѣніи*, а за дачу ложныхъ показаній выдержать подъ арестомъ 7-мь дней.

Кіевская уголовная палата задала себѣ три вопроса: 1) отъ чего послѣдовала смерть Дудникову?, 2) оказавшаяся у него на шеѣ рана произошла-ли отъ самоубійства или отъ смертоубійства? и 3) если отъ смертоубійства, то кто виновенъ въ этомъ преступленіи? — *Первый вопросъ* палата рѣшаетъ тѣмъ, что Дудниковъ умеръ отъ истеченія крови изъ раны. Относительно *втораго вопроса* палата вполнѣ убѣдилась въ томъ, что Дудниковъ лишился жизни отъ посторонней руки, а не отъ своей собственной, слѣдующими обстоятельствами: отсутствіемъ всякаго повода, который-бы могъ склонить Дудникова къ самоубійству; неотысканіемъ орудія смертоноснаго; неправдоподобіемъ отзыва подсудимой о томъ, будто-бы она скрыла ножикъ, дабы мужъ ея не лишился христіанскаго погребенія, потому что сокрытіе ножика произошло, когда жизнь Дудникова еще не прекратилась совершенно, слѣдовательно когда женѣ его надобно было думать о спасеніи его, а не о погребеніи; недоказаніемъ того, чтобы у Дудникова былъ въ домѣ ножикъ, подобный описываемому; отсутствіемъ достаточнаго убѣжденія въ томъ, чтобы рана могла быть произведена малымъ ножикомъ, подобнымъ описываемому, отсутствіемъ на умершемъ почти всякой одежды, даже сапоговъ и носковъ; пятномъ синеватымъ на голени; кровяными пятнами на подушкахъ, на которыхъ не лежала однако голова умершаго; отпечатками одежды на тѣлѣ, что̀ бываетъ обыкновенно у спящихъ; свойст-

вомъ раны, которая очевидно нанесена со знаніемъ важности порѣзаннаго мѣста, наконецъ экстравазатомъ на спинномъ мозгу. Что касается до *третьяго вопроса*, то, по мнѣнію палаты, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія, что преступленіе, совершено или самою Дудниковою, или третьимъ лицомъ по предварительному съ нею соглашенію. Вина Дудниковой явствуетъ изъ совокупности слѣдующихъ уликъ: Дудниковъ былъ не вѣренъ женѣ, жена въ письмахъ его сестрѣ роптала на уединеніе и скуку; она услала приходившихъ къ мужу кучера и неделя Суяркова, подъ предлогомъ, что мужъ ея спитъ; она при кончинѣ мужа послала сначала за лакеемъ, потомъ за неделемъ, наконецъ послѣ того за докторомъ,—однимъ, словомъ дѣйствовала съ умысломъ, желая продлить время, пока мужъ скончается или пока не лишится возможности что-нибудь высказать; она обнаружила при студентахъ Шпилярскомъ и Бѣлоусовѣ удивительное равнодушіе и холодность; она не могла и видѣть раны у мужа отъ порѣза, между-тѣмъ показываетъ, будто-бы до прихода фельдшера думала, что у мужа кровь идетъ горломъ, что неправдоподобно; показанія ея сбивчивы, неясны, разнорѣчивы; наконецъ хотя съ точностью не раскрыто, чтобы Дудникова занималась медицинскими книгами и разузнавала объ артеріи на шеѣ у человѣка, однако доказано, что на квартирѣ у Дудникова бывали и медицинскія сочиненія. На основаніи сихъ соображеній, уголовная палата признала Дудникову виновною въ убійствѣ своего мужа, но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, такъ-какъ на это нѣтъ достаточныхъ доказательствъ. Палатою опредѣлено: лишивъ Дудникову всѣхъ правъ состоянія, сослать ее въ каторжную работу на заводахъ на 20 лѣтъ и 3 мѣсяца.

Это рѣшеніе пропущено губернскимъ прокуроромъ и признано правильнымъ начальникомъ губерніи.

Правительствующій сенатъ (2 отдѣленіе 5 департамента) подвергнулъ строгой критической оцѣнкѣ всѣ звенья въ той цѣпи уликъ, изъ которыхъ уголовная палата составила доказательство вины Дудниковой, и призналъ эти улики нисколько *неубѣдительными*. Сенатъ нашелъ, что въ показаніяхъ подсудимой нѣтъ разнорѣчій, что раскрытые слѣдствіемъ факты не исключаютъ всякой возможности предположенія о самоубійствѣ; конечно за нѣсколько часовъ до кончины по всему видно, что Дудниковъ хотѣлъ

жить, а не умирать, но онъ напился пьянъ и находился въ нетрезвомъ видѣ въ моментъ смерти, то есть въ совершенно иномъ состоянiи, нежели при входѣ въ спальню; хотя бритвою легче по видимому было-бы порѣзать артерію и вены, но и ножикъ могъ быть достаточнымъ оружiемъ порѣза; Дудникова могла и не замѣтить раны на шеѣ у мужа до прихода фельдшера, могла предполагать при душевномъ волненiи, причиненномъ ей видомъ крови, что кровь течетъ горломъ; изъ дѣла не видно, чтобы она умышленно не допустила и отослала приходившiя къ мужу лица, и чтобы она умышленно медлила въ призванiи къ мужу людей на помощь, не видно даже, чтобы она переносила смерть мужа хладнокровно и равнодушно; не доказано, чтобы между нею и Дудниковымъ не существовала привязанность взаимная или чтобы между ними были какiе нибудь несогласiя; Дудникова могла конечно удостовѣриться, что̀ сдѣлалось съ ея мужемъ, могла пытаться оказать ему помощь до прибытiя врача и пробовать остановить кровотеченiе, но если она всего этого не сдѣлала, то отсюда нельзя еще вывести никакого положительнаго заключенiя. Не видя достаточныхъ основанiй не только къ обвиненiю, но даже къ оставленiю подсудимой въ подозрѣнiи по взведенному на нее смертоубiйству, при недоказанности и того, чтобы смерть покойнаго послѣдовала отъ сего преступленiя, правительствующiй сенатъ полагалъ: подсудимую Дудникову отъ суда оставить свободною, за силою 1169 ст. XV т. св. зак.

Съ этимъ рѣшенiемъ правительствующаго сената не согласился оберъ-прокуроръ, который, признавъ всѣ соображенiя и основанiя приговора кiевской уголовной палаты совершенно опредѣлительными и ясными и раздѣляя ихъ вполнѣ, обратилъ кромѣ того вниманiе сената на слѣдующiя обстоятельства: предположенiе о самоубiйствѣ со стороны Дудникова неправдоподобно. Почему, задумавъ посягнуть на жизнь свою, Дудниковъ легъ въ постель, снявъ съ себя все одѣянiе и даже чулки? Почему онъ убилъ себя почти днемъ, въ квартирѣ, въ которой никого не было кромѣ жены, не боясь обвиненiя невиновной и, во всякомъ случаѣ, подвергая ее всѣмъ непрiятностямъ уголовнаго дѣла? Почему онъ избралъ орудiемъ для сего какой-то ножичекъ, не взявъ тутъ же въ спальнѣ лежавшей бритвы или обыкновеннаго перочиннаго ножа? Могъ-ли онъ ощупью оты-

скать мѣсто важной раны, когда жена, тотчасъ вошедшая, не могла замѣтить ничего и должна была засвѣтить свѣчу? Дудниковъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода къ самоубійству, такъ-что предполагать самоубійство значило-бы отягощать память его напраснымъ нареканіемъ; посему изысканіе суда должно обратиться къ предположенію, что онъ убитъ другимъ лицомъ, и подозрѣніе падаетъ прямо на Дудникову. Изъ письма мужа къ ней, въ которомъ содержится описаніе со всѣми подробностями *грязной жизни порочнаго человѣка*, должно предполагать или терпимость со стороны жены, или униженіе и презрѣніе. Хорошо воспитанная въ дворянскомъ домѣ, привыкнувшая къ французскому обществу въ первомъ мужѣ своемъ и зятѣ, подсудимая не могла имѣть ничего общаго съ Филиппомъ. Совершенно понятны показанія спрошенныхъ лицъ (замѣчательно, что эти лица приводятся къ одному безприсяжному свидѣтелю Трофимова), что подсудимая чуждалась общества мужа, что въ семейномъ ихъ быту не было откровенности, что холодность и отсутствіе душевнаго расположенія характеризовали ихъ сожительство. Подсудимая жалуется въ письмахъ своихъ къ сестрѣ на пустоту, глупость и уединеніе своей жизни, говоритъ, что на старости становится ревнива (въ письмѣ отъ 7-го января 1852 г. она отзывается въ шутку, что начинаетъ ревновать къ сестрѣ), что любитъ смотрѣть на мертвыхъ. Неестественно по чувству человѣчества, почему Дудникова не осмотрѣла тотчасъ мужа, исходящаго кровью. При самомъ началѣ тревоги, когда ни у кого еще не было мысли о самоубійствѣ, она сама первая подаетъ эту мысль, восклицая: «Филиппъ, что ты сдѣлалъ, ты самоубійца!» Въ тоже самое время она обыскиваетъ постель, находитъ ножъ, обтираетъ его и прячетъ. Будучи не подъ стражею, почему она считала нужнымъ съ опасностію для себя хранить ножъ болѣе 3-хъ недѣль? Для чего это было нужно, когда мужъ уже былъ преданъ землѣ по христіанскому обряду и слѣдовательно лишеніе христіанскаго погребенія не могло имѣть мѣста? Почему этотъ ножъ не отысканъ на указанномъ ею мѣстѣ? Отчего происходитъ упорство ея и затрудненіе въ отвѣтахъ при допросѣ ея въ уголовной палатѣ? Почему подсудимая безнадежно выражаетъ мысль о своемъ несчастіи и страданіяхъ? Наконецъ и въ семействѣ сестры Дудниковой не были убѣж-

дены въ ея невинности, что́ явствуетъ между прочимъ изъ слѣдующихъ словъ письма Дудниковй къ сестрѣ: «жаль только что, по твоему выраженію, тѣнь падаетъ на тебя». По мнѣнію оберъ-прокурора доводы виновности Дудниковой могутъ быть расположены въ такомъ порядкѣ: 1) совершенное невниманіе ея и холодность къ умирающему, простирающія до того, что она даже не смотрѣла на умирающаго, зажигая свѣчу близь головы его; 2) медленность въ посылкѣ за помощью врача и оставленіе мужа весьма значительное время безъ всякой помощи; 3) то, что вмѣсто мысли о спасеніи, она исключительно занялась отысканіемъ и сокрытіемъ ножа; 4) восклицая во всеуслышанье: Филиппъ, ты самоубійца, Дудникова, первая дала мысль о самоубійствѣ; 5) храненіе ножа, а потомъ заброшеніе его въ то время, когда предъявленіе его не могло лишить мужа погребенія и въ томъ мѣстѣ, на которомъ онъ не найденъ; 6) ложныя и противурѣчащія показанія о томъ, что мужъ зарѣзался осколками горшка, и другія; 7) упорство въ запирательствѣ и ложныхъ показаніяхъ.—На основаніи дѣйствующихъ постановленій судъ долженъ видѣть во всѣхъ сихъ обвинительныхъ доводахъ улики, означенныя въ 1207 ст., которая между прочимъ причисляетъ сюда: п. 8, когда обвиняемый былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ учинено преступленіе; п. 11, когда у обвиняемаго отысканы какіе-либо инструменты, или онъ былъ съ оружіемъ во время совершенія преступленія; п. 15, когда обвиняемый учинилъ двоякое показаніе и слова свои толковалъ превратно. Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе одной Дудниковой въ комнатѣ передъ спальнею и удостовѣреніе ея, что никто въ спальню не приходилъ и пройти мимо ея не могъ, по закону очевидности предполагаютъ необходимое участіе или знаніе Дудниковой о совершенномъ преступленіи; но законы наши простираютъ осторожность въ осужденіи, особенно по тяжкимъ преступленіямъ, до требованія исключенія возможности недоумѣвать о винѣ подсудимаго по доказательствамъ положительнымъ, предписаннымъ въ законѣ (т. XV ст. 1175), и наблюдаютъ, что чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства (1176), дозволяя суду при уликахъ, по важности обвиненія и уликъ, оставлять обвиняемаго въ подозрѣніи болѣе или менѣе сильномъ (1177). На основаніи сихъ сооб-

раженій оберъ-прокуроръ предложилъ г.г. сенаторамъ: оставить Дудникову въ сильномъ подозрѣніи въ томъ, что мужъ ея Филиппъ Дудниковъ зарѣзанъ ея рукою.

Съ предложеніемъ оберъ-прокурора согласились сенаторы, судившіе дѣло, за исключеніемъ одного, оставшагося при прежнемъ мнѣніи, вслѣдствіе чего дѣло перенесено было въ общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ Сената.

Въ общемъ собраніи раздѣлились голоса между освобожденіемъ Дудниковой отъ суда, оставленіемъ ея въ подозрѣніи, и осужденіемъ ея въ каторжныя работы (одинъ только голосъ) за убіеніе мужа.

Министръ Юстиціи въ согласительномъ своемъ предложеніи допустилъ возможность заключенія, что Дудниковъ могъ прійти въ состояніе самозабвенія и посягнуть на жизнь свою, а при совершеніи самоубійства въ состояніи безсознательномъ—устраняются уже вопросы, почему онъ не избралъ времени, когда удобнѣе совершить самоубійство, почему не боялся обвиненія жены, бывшей въ квартирѣ, и почему не употребилъ бритвы, а взялъ ножикъ.

Общее собраніе правительствующаго сената, соглашаясь съ предложеніемъ Министра Юстиціи, опредѣлило по большинству $^2/_3$ голосовъ: жену титулярнаго совѣтника Пелагею Дудникову, на основаніи 1169 ст. XV т. св. зак. уг., оставить отъ суда свободною, а судебныя издержки, если таковыя были по производству дѣла, принять, согласно ст. 309 того-же тома, на счетъ казны.

Дудникова освобождена изъ тюремнаго ареста въ декабрѣ 1856 года.

Мы остерегались до сихъ поръ высказать наше субъективное мнѣніе относительно Дудниковой и старались только о вѣрномъ, точномъ воспроизведеніи фактовъ. Мы полагаемъ, что въ нашемъ разсказѣ не пропущена ни одна существенная черта. При изученіи дѣла, не могло однако не составиться въ насъ убѣжденіе на счетъ подсудимой, и читатели можетъ быть интересуются узнать, какое оно? Отвѣчаемъ: мы вполнѣ сочувствуемъ окончательному рѣшенію дѣла въ приговорѣ общаго собранія; мы вполнѣ убѣждены въ полной невинности Дудниковой и эта увѣренность постепенно усиливалась и возрастала въ насъ

при изученіи дѣла въ малѣйшихъ его подробностяхъ. Конечно, слѣдователей никто не упрекнетъ въ послабленіи подсудимой, они рылись въ сокровеннѣйшихъ изгибахъ ея домашняго быта; она вышла съ торжествомъ изъ этого испытанія, совершенно чистая, безъ малѣйшаго пятна; оказалось, что она женщина тихая, скромная, глубоко религіозная, безъ всякой аффектаціи, смотрящая на жизнь съ ея серьезной стороны. Послѣднія ея показанія совершенно соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ дѣла. Въ одномъ только пунктѣ она сначала согрѣшила неискренностью,—умалчивая о найденномъ орудіи, но и это молчаніе она впослѣдствіи объяснила, весьма удовлетворительно. Объясненіе ея весьма естественно съ ея женственной, религіозной точки зрѣнія. Можно, конечно, приписывать меньшую важность обрядамъ; весьма многіе могутъ найти, что они-бы такъ не поступили, если-бы были на мѣстѣ подсудимой, что образъ ея дѣйствія нелѣпъ и безразсуденъ. Но женщина сильнѣе любитъ и меньше разсуждаетъ, нежели мы, мущины. Она могла счесть обязанностью молчаніе до тѣхъ поръ, пока ея покойному мужу не былъ отданъ послѣдній долгъ христіанскій, отслуженіемъ на могилѣ его панихиды; она выдержала роль вѣрной жены до самаго конца, не обращала вниманія на послѣдствія молчанія, на нависшее черною тучею надъ нею подозрѣніе. Требованія религіи взяли верхъ въ совѣсти ея надъ внушеніями житейскаго благоразумія. Чему-же въ этомъ случаѣ удивляться? какъ не сочувствовать подсудимой?

Мы удивляемся другому, именно тому, какъ могла судьба ея подвергнуться опасности? съ какою поспѣшностью, съ какимъ отсутствіемъ критики самыя ничтожныя обстоятельства превращались въ улики вины, какъ быстро возрасталъ счетъ этимъ уликамъ, въ число которыхъ вошли и такія данныя, которыя скорѣе-бы служили къ оправданію подсудимой, нежели къ ея обвиненію. Въ улику превращается и то, что Дудниковъ былъ безъ сапоговъ и носковъ, и отпечатки одежды на тѣлѣ, что случается у спящихъ, какъ будто-бы не было извѣстно, что Дудниковъ въ самомъ дѣлѣ спалъ передъ самою смертью; и то, что Дудникова отправила кучера и неделя, какъ будто-бы эти лица имѣли какую-нибудь причину оставаться въ квартирѣ Дудниковыхъ; и темнота въ спальнѣ, затруднявшая будто-бы

Дудникову отысканіе мѣста на шеѣ, удобнаго для порѣза, какъ будто бы самоубійца долженъ былъ искать этого мѣста не ощупью, а глазами, какъ будто бы эта темнота не была сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что рана, подобная найденной у Дудникова, не могла быть нанесена рукою постороннею. Суды упрекаютъ Дудникову и тѣмъ, что она прежде всего вскричала: «Филиппъ, что ты сдѣлалъ? ты самоубійца,» а потомъ уже занялась отысканіемъ и спрятаніемъ ножа, какъ будто-бы подобная послѣдовательность въ дѣйствіяхъ не была самая естественная и логическая. Она вскричала: «ты самоубійца!» когда еще имѣла надежду спасти его, но когда фельдшеръ сказалъ ей, что мужъ зарѣзанъ, тогда-то и могла явиться у нея мысль объ утайкѣ догадки, блеснувшей въ умѣ ея, и сорвавшейся въ первыхъ порахъ съ языка, и о необходимости сокрытія орудія преступленія—ножа. Каждый ея шагъ при смерти мужа считаютъ зрѣло обдуманнымъ, не принимая въ расчетъ тревоги, отчаянія бѣдной женщины, смущенной видомъ крови. Наконецъ, когда послѣ многомѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ, вызванная въ уголовную палату, въ присутствіи лицъ, заранѣе предубѣжденныхъ въ ея винѣ, она затрудняется отвѣчать на вопросы, то и это замѣшательство робкой, запуганной женщины превращается въ признаки особенной ея закоснѣлости во злѣ. Неблагопріятное для Дудниковой направленіе настоящаго дѣла въ низшихъ инстанціяхъ можно *приписать* съ нѣкоторою вѣроятностію слѣдующимъ несовершенствамъ нашего процесса: а) соединенію въ лицѣ судей двухъ несогласимыхъ одна съ другою ролей: обличителей преступленій въ видахъ государственнаго интереса, и безпристрастныхъ рѣшителей дѣла приговоромъ, иными словами соединенію въ судѣ двухъ функцій, которыя раздѣлены въ другихъ судопроизводствахъ: прокурорской и судейской; б) склонности нашихъ судовъ судить по сторонѣ дѣла матеріальной и перешительностью ихъ, когда надобно извлечь какое-нибудь заключеніе изъ субъективныхъ качествъ подсудимаго, его характера, его жизни прошедшей. Наконецъ в) неопредѣленности: отношеній между властями медицинскими и судебными и того значенія, какое можетъ имѣть выводъ медиковъ изъ осмотра тѣла.—Направленіе слѣдствію дано было актомъ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія 12 декабря 1852 г. Ме-

дицинскія данныя, заимствованныя изъ положенія трупа и свойствъ раны, не помогли экспертамъ рѣшить, была ли смерть послѣдствіемъ смертоубійства или самоубійства; они-бы и должны были это высказать, и этимъ ограничиться. Они пошли дальше и склонились видимо на сторону смертоубійства, указаніемъ на обстоятельство, не касающееся ихъ, не заключающее въ себѣ ничего медицинскаго, котораго объясненіемъ долженъ бы былъ заняться самъ судъ, а именно указаніемъ на отсутствіе орудія порѣза. Мнѣніе экспертовъ о смертоубійствѣ, основанное на этомъ *не* медицинскомъ фактѣ, выходящемъ за предѣлы компетенціи экспертовъ, дѣйствовало потомъ на суды очень сильно своимъ авторитетомъ, располагало суды вѣрить въ смертоубійство, принимать его за фактъ несомнѣнный. Кромѣ того если предполагать, что Дудниковъ зарѣзанъ женою, то надобно допустить, что убійство съ ея стороны было преднамышленное, то есть совершенное не въ пылу страсти, а съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Если оно совершено съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, то въ интересъ подсудимой было не прятать орудіе смерти, но выставить его сколь можно болѣе на показъ, чтобы всѣмъ съ перваго же разу пришла мысль о самоубійствѣ. Отысканіе ножа прекратило-бы дѣло въ самомъ его зародышѣ и Дудникова была-бы тотчасъ спасена отъ малѣйшей тѣни подозрѣнія.

Впрочемъ по настоящему дѣлу въ нашей литературѣ высказано было и *противоположное мнѣніе.* Именно, г. *П. Ланге,* доказывая *виновность Дудниковой* *) приводитъ въ подтвержденіе сего: «что Дудниковъ, преданный всею душою чувственнымъ удовольствіямъ, не утративший до своей смерти способности наслаждаться женщинами и виномъ—былъ по природѣ своей также далекъ отъ самоубійства, какъ и всякое животное. Онъ могъ лишить себя жизни только вслѣдствіе малодушнаго опасенія за свое будущее или вслѣдствіе какого-либо органическаго страданія; но ни того, ни другаго въ Дудниковѣ не было, что̀ доказывается тѣмъ, что онъ за нѣсколько минутъ до смерти дѣлалъ распоряженія по хозяйству».—Съ своей-же стороны мы рѣшительно не можемъ согласиться съ мыслею, будто-бы мате-

*) Замѣтка по дѣлу о Дудниковой, обвинявшейся въ убійствѣ своего мужа. Юрид. Вѣстн. вып. XIII стр. 1—22.

ріалисты не склонны къ самоубійству. У людей, преданныхъ грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ, бываютъ минуты, когда душа ихъ возмущается окружающей ихъ обстановкой, когда они ко всему чувствуютъ отвращеніе, а самая жизнь дѣлается для нихъ бременемъ безъ всякой видимой, непосредственной причины. *) Такимъ образомъ не представляется невозможнымъ, чтобы человѣкъ, съ характеромъ и привычками Дудникова, прибѣгнулъ къ самоубійству. Затѣмъ если однажды допустить это, возникаетъ сомнѣніе о томъ: зарѣзалъ-ли онъ себя въ припадкѣ умоизступленія отъ опьяненія виномъ, или сознательно? Г. Ланге, возражая противъ перваго предположенія, говоритъ: «что Дудниковъ послѣ обѣда не находился въ состояніи опьяненія, такъ-какъ онъ передъ обѣдомъ выпилъ только одну рюмку водки, послѣ обѣда велѣлъ Марчуку отправиться въ кузнецу для перековки лошадей, въ началѣ пятаго часа велѣлъ чрезъ жену Суяркову объявить объ инспекторской повѣсткѣ студентамъ и затѣмъ въ теченіи получаса была совершенная тишина.» Мы вполнѣ согласны съ этими доводами и полагаемъ, что Дудниковъ не былъ передъ своею смертію въ состояніи полнаго опьяненія, но это нисколько не уничтожаетъ возможности того, чтобы онъ прибѣгнулъ къ самоубійству въ минуту отвращенія къ жизни, возбужденнаго его невоздержанностью, такъ-какъ въ желудкѣ его нашли до трехъ стакановъ виноградnаго вина.

Затѣмъ г. Ланге, основываясь на медицинскихъ заключеніяхъ относительно смерти Дудникова, говоритъ: «что какъ врачебная управа, такъ и медицинскій совѣтъ подмѣтили особые признаки *убійства*, а не самоубійства.» Но слѣдуетъ замѣтить, что самые признаки высказаны были упомянутыми учрежденіями лишь гадательно, и сверхъ того управа нашла: «что направленіе раны сзаду напередъ и притомъ нѣсколько вверхъ—такого свойства, что *она могла быть нанесена собственною рукою Дудникова*», а медицинскій совѣтъ нашелъ: «что хотя нѣкоторыя явленія и наводятъ подозрѣніе, что Дудниковъ *не* самъ себѣ нанесъ смертельную рану, а получилъ ее отъ другаго лица, но съ другой

*) Стоитъ только вспомнить, что и въ древнемъ мірѣ епикурейцы, поставлявшіе матеріальное наслажденіе единственною цѣлью жизни, возвели самоубійство въ принципъ и считали дозволеннымъ прибѣгать къ нему, какъ только жизнь наскучивала человѣку.

стороны тѣ же самыя явленія нисколько *не* исключаютъ возможность *происхожденія раны отъ самоубійства*». Самые-же признаки, на которыхъ медицинскія мѣста основывали предположеніе о невозможности самоубійства, по существу ихъ вовсе не абсолютны, ибо врачебная управа приводила: «что всѣ *почти* зарѣзавшіеся лишаются жизни отъ совмѣстнаго перерѣзанія кровеносныхъ сосудовъ, нервовъ и дыхательнаго горла, тогда-какъ послѣдніе у Дудникова *не* перерѣзаны». Но этотъ признакъ очевидно чисто случайный, что̀ признано и медицинскимъ совѣтомъ, который, вопреки мнѣнію управы, нашелъ: «что если неперерѣзаніе горла и *не* было случайнымъ, то оно можетъ быть *одинаково отнесено къ случаю смертоубійства, какъ и самоубійстви*». Такимъ образомъ мы находимъ рѣшительно невозможнымъ основываться на столь гадательныхъ заключеніяхъ медицинскихъ мѣстъ, (притомъ взаимно опровергающихъ другъ друга) для того, чтобы обвинить Дудникову.

Г. Ланге замѣчаетъ далѣе, что Дудникова представляла собою весьма мрачную фигуру, обладала сильнымъ характеромъ, далеко не робкимъ, на допросахъ говорила медленно и обдуманно, что во всѣхъ ея дѣйствіяхъ замѣчалась какая-то сдержанность и скрытность, въ выраженіи лица проглядывала сухость, суровость. Изъ этого г. Ланге выводитъ, что Дудникова *не* должна была совершенно растеряться, увидя смерть мужа.—Съ послѣднимъ выводомъ мы рѣшительно не можемъ согласиться. Дудникова могла быть въ обыкновенной жизни характера мрачнаго, сосредоточеннаго, а когда уже разразилось надъ нею несчастіе и она предана была уголовному суду — высказать спокойствіе и твердость,—но при всемъ томъ она могла легко растеряться, когда неожиданная и страшная катастрофа открылась передъ ея глазами. «Дальше (говоритъ г. Ланге) Дудникова не въ одномъ, а въ весьма многихъ пунктахъ изобличена въ неправдѣ и изворотливости; ея фальшивость доказывается тѣмъ, что она въ письмѣ къ своей родной сестрѣ отъ 25 декабря 1852 г. преспокойно выдаетъ за истину, что мужъ ея порѣзалъ себѣ шею *осколкомъ сосуда*, а затѣмъ прибавляетъ *совѣсть моя чиста*. Такимъ образомъ Дудникова могла лгать съ чистою совѣстью и притомъ въ частной перепискѣ съ своею сестрою».—Но противъ этого мы замѣтимъ: 1) что Дудникова, показавъ однажды,

что мужъ ея ранилъ себя осколкомъ сосуда, затѣмъ и въ перепискѣ съ сестрою *не* могла сдѣлать инаго показанія, ожидая, что ея письмо попадется въ руки слѣдователей, что̀ дѣйствительно и случилось; 2) что слова: *совѣсть моя чиста* именно показываютъ, что мотивъ, внушившій Дудниковой ложное показаніе, оправдываетъ ее въ своихъ собственныхъ глазахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прибѣгать ко лжи или иначе сказать скрывать истину есть необходимость весьма печальная, но нѣтъ человѣка, который-бы былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ хоть разъ въ жизни не прибѣгнетъ къ ней, когда посредствомъ ея можно спасти жизнь или честь своего ближняго; поступить вопреки сего, было бы чистое донкихотство.

Г. Ланге (*стр.* 9) выставляетъ мотивомъ преступленія Дудниковой ея *отвращеніе* и *ревность* къ мужу. На это мы замѣтимъ, что эти чувства взаимно исключаютъ другъ друга; если Дудникова чувствовала отвращеніе къ мужу, (что̀ впрочемъ нисколько не доказано), то она не могла ревновать его и наоборотъ. Ревности къ мужу Дудникова также чуствовать *не* могла, такъ-какъ онъ состоялъ въ связи не съ порядочными женщинами, а съ погибшими созданіями. Отсутствіе ревности Дудниковой доказывается уже тѣмъ, что мужъ ея въ своихъ письмахъ къ ней нисколько не скрывалъ отъ нея своихъ грязныхъ любовныхъ похожденій.—Еще можно-бы допустить, что Дудникова убила своего мужа въ порывѣ, какъ только она случайно узнала о его грязномъ поведеніи. Но изъ дѣла видно, что она еще въ *маѣ* 1852 г. знала о развратномъ поведеніи ея мужа; такимъ образомъ нѣтъ причины, почему-бы она только въ *декабрѣ* рѣшилась убить его и притомъ, когда съ ея стороны не было никакихъ побудительныхъ причинъ желать насильственнаго расторженія брака. Сама она ни къ кому сильной страсти не чувствовала, дурнаго обращенія съ нею ея мужа вовсе не обнаружено. Наконецъ нѣтъ сомнѣнія, что если-бы Дудникова тяготилась сожительствомъ съ мужемъ, то ничто не препятствовало ей уѣхать отъ него къ своей сестрѣ. И такъ мы повторяемъ: убійство со стороны Дудниковой ея мужа *не* могло имѣть никакого мотива.

Г. Ланге ставитъ Дудниковой въ вину то обстоятельство, что она, узнавъ о смерти мужа, послала кухарку не за докторомъ, а за лакеями, а когда пришелъ лакей велѣла ему позвать док-

тора или *педеля*, и только когда пришелъ послѣдній, велѣла позвать доктора. Но это обвиненіе, по нашему мнѣнію, лишено твердаго основанія: какая женщина, столкнувшись съ ужасною дѣйствительностью, видя трагическую смерть мужа, не потеряла бы хладнокровія? При этихъ обстоятельствахъ уже и потому невозможно ставить Дудниковой въ вину то, что она прежде велѣла позвать лакеевъ, что кухарка могла даже и не знать, гдѣ найти доктора.

Затѣмъ обстоятельство, что Дудникова находилась не въ спальнѣ ея мужа, а въ гостиной въ то время, когда входили студенты Бѣлоусовъ и Шпилярскій, не можетъ служить противъ нея уликою въ убійствѣ мужа. Ужъ если во всемъ и вездѣ видѣть улику, то изъ нахожденія Дудниковой въ спальнѣ мужа можно бы вывести, что она желала изгладить слѣды преступленія и т. п.

На упрекъ, что Дудникова по видимому оставалась равнодушною и холодною, узнавъ о смерти мужа, она сама въ письмѣ своемъ къ сестрѣ даетъ отвѣтъ—«людямъ въ горести нужны обмороки и спирты, прискорбіе и молчаніе ихъ не тронетъ». Мысль эта до такой степени проста и естественна, что мы рѣшительно не можемъ видѣть въ ней фразу. Есть много людей, которые не высказываютъ своихъ чувствъ, но этого недостаточно, чтобы считать ихъ злодѣями. Наконецъ если исходить изъ предположенія о убійствѣ Дудниковою ея мужа, то хладнокровіе, ею высказанное, когда пришли постороннія лица, можетъ быть истолковано и въ ея пользу и служить доказательствомъ ея невинности, такъ-какъ едва-ли женщина, въ первый разъ совершившая преступленіе и убившая мужа нѣсколько минутъ тому назадъ, могла-бы оставаться вполнѣ покойною.

Г. Ланге говоритъ далѣе (стр. 12): «изъ полицейскаго изслѣдованія обнаруживается, что Дудниковъ *не могъ быть самоубійцею*»; но имѣнно нѣтъ ни одного факта, который бы доказывалъ невозможность того, что Дудниковъ въ минуту отвращенія къ жизни зарѣзалъ себя.

Затѣмъ то обстоятельство, что ножичекъ, заброшенный Дудниковою, не былъ найденъ слѣдователями, нисколько не служитъ къ опроверженію достовѣрности ея показанія, что она именно спрятала ножъ, чтобы мужъ ея не былъ признанъ самоубійцею. Такъ-какъ кромѣ нея никто не могъ унести ножа, и она учи-

нила въ семъ сознаніе,—то затѣмъ уже совершенно все равно, найденъ былъ ножъ или нѣтъ.

Наконецъ г. Ланге приводитъ: 1) что мужъ Дудниковой, если-бы и дѣйствительно былъ самоубійцею, могъ посягнуть на свою жизнь только въ припадкѣ безпамятства; такого же рода самоубійцы не лишаются церковнаго обряда (ст. 2021 улож.), а чтобы знать это, довольно простаго здраваго смысла; 2) что врачи, чтобы не огорчать семейства, нерѣдко удостовѣряютъ о самоубійствахъ въ болѣзненномъ состояніи и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ничего подобнаго не было.—Противъ этого мы замѣтимъ, что знаніе подобной статьи уложенія едва-ли можно предположить въ женщинѣ. Кромѣ того безпамятство есть такое состояніе, которое никогда не предполагается, но должно быть доказано; по настоящему-же дѣлу ничто не удостовѣряетъ, чтобы Дудниковъ умеръ въ безпамятствѣ; затѣмъ ожидать отъ доктора, чтобы онъ вопреки обстоятельствъ дѣла, далъ показанія о безпамятствѣ лица въ моментъ его смерти—не всегда возможно, такъ-какъ конечно не всякій докторъ рѣшится дать подобное показаніе, въ особенности по дѣлу, по которому производится строгое медицинское изслѣдованіе.

Наконецъ всѣ эти, такъ сказать, *кабинетныя* разсужденія рѣшительно не примѣнимы къ положенію, въ которое мгновенно ввергнута была Дудникова, узнавъ о смерти мужа: первая мысль ея была воскликнуть «Филиппъ, ты самоубійца». Затѣмъ должна была мелькнуть другая мысль: «какъ скрыть это обстоятельство отъ слѣдователей», и Дудникова спрятала ножъ, орудіе убійства. Это дѣяніе могло послужить только *противъ нея* и не могло быть въ ея интересахъ, потому-что сокрытіе орудія, притомъ изъ комнаты, въ которую по ея показаніямъ никто кромѣ нея не входилъ, сдѣлалось первою уликою противъ нея, уликою, давшею *направленіе* заключеніямъ слѣдователей, медицинскихъ мѣстъ и низшихъ судебныхъ инстанцій, до тѣхъ поръ пока высшая судебная инстанція торжественно не признала невинности Дудниковой.

Въ заключеніе мы приведемъ, въ существенныхъ его чертахъ, мнѣніе по этому дѣлу С. Ф. Христіановича *): «обсужденію

*) Заимствовано изъ статьи, напечатанной въ апр. кн. Библіот. для чтенія за 1864 г., стр. 26—62.

(говоритъ онъ) подлежитъ событіе, случившееся 11-го декабря 1852 г. въ зданіи кіевскаго университета. Событіе это есть насильственная смерть помощника инспектора студентовъ, титулярнаго совѣтника Филиппа Дудникова...

«Соображенія слѣдователей были коротки: такъ-какъ имъ было положительно извѣстно, что кромѣ жены и безъ вѣдома жены предъ смертію Дудникова никого съ нимъ не было, а показанія ея объ обстоятельствахъ смерти мужа были очевидно неправдоподобны,—то они пришли къ заключенію, что она мужеубійца...

«Слѣдователи поставили себѣ вопросъ такъ: Дудникова очевидно не говоритъ истины, что̀ можетъ побуждать ее къ этому, кромѣ собственной ея виновности, такъ-какъ она сама отклоняетъ всякую возможность подозрѣвать кого-либо посторонняго въ убійствѣ мужа? Между-тѣмъ (при открытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и такъ какъ эксперты допускали возможность самоубійства), не только можно, но и должно было искать *другаго побужденія* со стороны Дудниковой скрывать истину. Необходимо было разъяснить, какія могла имѣть Дудникова основанія желать сокрытія самоубійства мужа? не ради ли любви и уваженія къ его памяти она не хотѣла выдать своей тайны? Она одна знала истину, слѣдовательно отъ нея одной зависѣло заклеймить память мужа позорнымъ прозвищемъ самоубійцы, отъ нея зависѣло больше, лишить его честнаго погребенія, допустить, чтобы его, какъ собаку, бросили за предѣлами кладбища, отъ нея зависѣло лишить его еще большаго — предстательства церкви въ дѣлѣ спасенія его души. У людей вѣрующихъ понятія о догматахъ, таинствахъ и обрядахъ часто совершенно смѣшанны, и Дудниковой, по ея религіознымъ понятіямъ, человѣкъ, лишенный христіанскаго погребенія, легко могъ представляться обреченнымъ на вѣчныя муки. Что же мудренаго, что по такимъ соображеніямъ она, любя мужа, не хотѣла объяснить настоящей причины его смерти?—Слѣдователи пошли по начертанному себѣ пути еще далѣе; когда уже сама Дудникова созналась, что точно для этой цѣли она скрывала самоубійство мужа и такимъ образомъ облегчила имъ трудъ составленія умозаключеній и отыскиванія истины, и тогда слѣдователи остались при своемъ предвзятомъ убѣжденіи; они свои предположенія поставили выше факта дѣйствительнаго, то есть сознанія Дудниковой, они взгля-

нули на него только глазами фанатика, который во всемъ находитъ подтвержденіе своихъ убѣжденій....

«Вотъ какимъ образомъ можно объяснить себѣ событіе смерти Дудникова: послѣдній, напившись пьянъ, самъ нанесъ себѣ въ шею рану орудіемъ, отысканнымъ впослѣдствіи его женою; жена до прихода фельдшера, перваго объявившаго, что ея мужъ зарѣзанъ, не подозрѣвала тутъ никакого убійства, даже не была еще увѣрена въ томъ, что мужъ умираетъ или умеръ; слова фельдшера открыли ей глаза; подъ трупомъ мужа она отыскала ножъ, орудіе смерти, спрятала его, скрыла подъ искаженнымъ разсказомъ самый фактъ самоубійства; и все это съ цѣлью доставить мужу честное христіанское погребеніе. Впослѣдствіи времени, вынужденная обстоятельствами, Дудникова созналась въ сокрытіи отъ слѣдователей истины и съ этой поры разсказъ ея носитъ на себѣ печать истины.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о *самоубійствѣ* Дудникова, г. Христіановичъ приводитъ слѣдующія основанія: «1-е если принять въ соображеніе, что въ мѣстѣ нахожденія кровяной лужи лежала и разбитая посуда, (куски ея были обрызганы кровью), и тутъ же часть крови смѣшалась съ уриной, то станетъ ясно, что нанесеніе раны произошло *не во время лежанія Дудникова на кровати.* При этомъ самъ собою представляется вопросъ: могла-ли быть нанесена женою Дудникова рана иначе, какъ во время лежанія мужа на кровати? Положимъ, Дудникова имѣла твердое намѣреніе совершить злодѣяніе, конечно она должна была выбирать самое *удобное* время для нанесенія задуманнаго удара, и что-же? мужъ пьяный, сонный лежитъ на кровати, можно-ли было упустить этотъ моментъ, желанный и единственно возможный, ибо при высокомъ ростѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи Дудникова, ей и въ голову не могло прійти покуситься на жизнь его при другихъ условіяхъ. Далѣе, если-бы Дудниковъ былъ зарѣзанъ на кровати, сонный, то трупъ его былъ-бы найденъ въ совершенно лежачемъ положеніи, наконецъ и положеніе тѣла таково, что могло быть принято имъ самимъ, когда онъ опускался или падалъ на кровать. Если бы оно было брошено на кровать посторонимъ лицомъ, то оно не могло-бы попасть головою на подушки и въ полулежачее положеніе; если бы оно было положено, то ноги не были бы свѣшаны съ кровати, а лежали бы въ

длину на самой кровати, притомъ въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ были-бы слѣды борьбы, предшествовавшей смерти. Ничего этого нѣтъ. Наконецъ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Дудникова, если-бы и точно она была убійцей, по совершеніи уже злодѣянія, привела трупъ мужа въ то положеніе, въ которомъ онъ найденъ; такое дѣйствіе съ ея стороны было-бы безцѣльно, и не послужило-бы въ ея пользу. Оно невозможно, ибо на это не достало-бы силъ женщины, особенно, если принять въ соображеніе высокій ростъ и полноту умершаго. 2-е, Самое положеніе и направленіе раны противорѣчатъ предположенію о смертоубійствѣ, а напротивъ того совершенно содѣйствуютъ предположенію о самоубійствѣ: рана эта рѣзанная и идетъ по лѣвой сторонѣ шеи, поперегъ ея и притомъ снизу вверхъ; нанесенная постороннею рукою, она была-бы длиннѣе, шла бы сверху внизъ, да и вообще трудно себѣ представить, чтобы не операторъ могъ имѣть на столько вѣрную и твердую руку, чтобы лежачему человѣку нанести описанную рану. Напротивъ того, самъ Дудниковъ, не будучи лѣвшей, не могъ нанести себѣ раны иначе, какъ въ томъ направленіи и съ той стороны, какъ она описана врачами; что она не больше и не глубже (у самоубійцъ обыкновенно рана значительнѣе), то это случайность, обусловленная притомъ малымъ размѣромъ орудія.—Итакъ, несомнѣнно, что рана, найденная на тѣлѣ Дудникова, нанесена *не* во время лежанія его на кровати, и притомъ *не* постороннею рукою.—Послѣ всего сказаннаго стоитъ только припомнить всѣ прочія подробности, заключающіяся въ судебно-медицинскомъ протоколѣ, и тогда сама собою ярко и рельефно выступитъ полная картина самоубійства: Дудниковъ, напившись пьянъ, легъ на кровать: его сталъ томить жаръ, онъ сбросилъ съ себя даже носки, иначе не зачѣмъ было-бы ихъ снимать, и остался въ остальномъ бѣльѣ; ноги охладѣли, кровь еще сильнѣе прилила къ головѣ; его душилъ, давилъ этотъ приливъ крови, онъ вскочилъ на ноги и тутъ же возлѣ кровати ножемъ, бывшимъ у него подъ рукою, нанесъ себѣ рану въ шею, слѣдовательно внѣ горизонта кровати онъ пошатнулся, толкнулъ и разбилъ ночную посуду, упалъ, мгновенно поднялся и тотчасъ обезсилѣвъ, какъ былъ спиною обращенъ къ кровати, такъ и опустился на нее. Этотъ выводъ подтверждаютъ еще

слѣдующіе признаки: кровь на подошвѣ правой ноги, синева на колѣнѣ и экстравазатъ на спинномъ мозгу, кровь на ладони одной правой руки, державшей ножъ и обагренной кровью, разомъ брызнувшей изъ разрѣзанной артеріи, отсутствіе брызговъ крови на кровати и всякихъ знаковъ нападенія и самозащиты на трупѣ, выраженіе лица томное, спокойное, свойственное самоубійцамъ, наконецъ отсутствіе крови на передней части платья самой Дудниковой. (Кровь на платьѣ ея сзади естественно могла попасть туда, какъ и сама она гадательно объясняетъ, когда она послѣ смерти мужа, напримѣръ во время осмотра его, близко, подходила къ его трупу и проходила мимо его»).

Г. Христіановичъ находитъ дальше: «что самоубійство могло быть произведено подъ вліяніемъ опьяненія. Судебная медицина признаетъ, что пьянство, (преимущественно пьянство продолжительное, особенно при ожиреніи нѣкоторыхъ внутреннихъ частей тѣла, напримѣръ сердца,—что̀ между прочимъ найдено у Дудникова при вскрытіи его тѣла), доводитъ до самоубійства, и что вообще люди, ведущіе жизнь невоздержанную, чувственную, циническую, склонны къ самоубійству *).

«И такъ Дудниковъ вмѣщаетъ въ себѣ условія, при которыхъ по изслѣдованіямъ судебной медицины можетъ сложиться склонность къ самоубійству, а прямой выводъ изъ письма Дудникова къ женѣ 14 мая 1852 г. тотъ, что когда онъ напивался, то становился *мраченъ*, его душилъ приливъ крови: слѣдовательно вотъ и толчекъ, непосредственное побужденіе къ наложенію на себя рукъ; большею частію самоубійство именно происходитъ въ такомъ патологическомъ состояніи.

Затѣмъ разсматривая это дѣло съ исторической, психологической и судебно-полицейской точки зрѣнія г. Христіановичъ находитъ невозможнымъ допустить со стороны Дудниковой мужеубійство: «Дудниковой (говоритъ онъ) 44 года, она дочь вольноотпущенныхъ кн. Голицыныхъ; воспитаніе она получила въ пансіонѣ; она была еще ребенкомъ, когда мать ея овдовѣла и вышла замужъ за маіора Энгеля; послѣ смерти вотчима она вышла замужъ за иностранца Дежардена, бывшаго учителемъ въ домѣ Голицина) и чрезъ нѣсколько времени послѣ того уѣхала

*) Handbuch der gerichtlichen Medicin v. Nicolai 1841. Berlin. Rissler.—Abhandlung der Aerzte Stockholms 12 p. Band. 1833. Rudolphi.

съ нимъ въ Полтаву, гдѣ онъ открылъ пансіонъ для благородныхъ дѣтей. Изъ присяжнаго показанія одного лица, ввѣрившаго воспитаніе сына Дежардену, видно, что послѣдній былъ человѣкъ высоко нравственный, развитой, идеально благородной и, какъ это лицо, такъ и еще восемь лицъ. знавшихъ отношенія Дежарденовъ между собою, свидѣтельствуютъ о самыхъ задушевныхъ дружественныхъ отношеніяхъ супруговъ, сохранившихся до самой смерти Дежардена. Дудникова съумѣла внушить и поддержать искреннюю къ себѣ привязанность Дежардена. Священникъ, бывшій ея духовникомъ еще во время замужества ея съ Дежарденомъ, вѣнчавшій ее въ послѣдствіи съ Дудниковымъ и посѣщавшій ее и послѣ того, удостовѣряетъ, что ему хорошо извѣстенъ образъ мыслей Дудниковой: характеръ ея религіозный, скромный, тихій; расположена она къ жизни домашней, уединенной. Направленіе Дудниковой религіозное до мистицизма и экзальтаціи, настроеніе меланхолическое,—эти отличительныя черты ея характера ясно высказываются въ ея перепискѣ съ сестрою. Скромный, сдержанный тонъ въ ея отвѣтахъ при слѣдствіи и въ судѣ, готовность переносить несчастіе и заботливость о другихъ любимыхъ людяхъ во время собственнаго тяжкаго испытанія,—всѣ эти черты дорисовываютъ печальный, симпатичный, нравственно-развитый образъ ея. Вотъ та, которую называютъ мужеубійцей!

«Дудникова сама по себѣ была бѣдна, все ея состояніе заключалось въ капиталѣ 700 р., она уже не молода, видѣла много горя на своемъ вѣку, съ мужемъ она вела жизнь безбѣдную, пользовалась до нѣкоторой степени даже довольствомъ; у супруговъ были: казенная квартира, кухарка, кучеръ, свои лошади, — чѣмъ могло возмущать это положеніе, Дудникову, любящую уединеніе, тишину? Какой перемѣны для себя могла она ожидать? зачѣмъ? на что она могла расчитывать? А что принесло ей вдовство? бѣдность, собственный, можетъ быть, тяжкій трудъ для поддержанія своего существованія въ замѣнъ того благосостоянія, которымъ она наслаждалась при жизни мужа. Чего же было ей желать, жизни или смерти мужа?

«Но можетъ быть, нравственное положеніе ея было тяжко? При слѣдствіи спрошены всѣ, кто только имѣлъ, или могъ имѣть хоть сколько нибудь понятіе о домашней жизни Дудни-

ковыхъ. Педели, лакеи, знавшіе чету въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, знакомые, прежняя прислуга, наконецъ письменные факты, (письма мужа къ женѣ и ея о немъ при жизни и послѣ смерти его),—все ясно говоритъ о самыхъ мирныхъ, дружественныхъ, теплыхъ отношеніяхъ супруговъ. Одно только лицо, учитель Трофимовъ, не находитъ въ домашней жизни Дудниковыхъ того, что онъ считаетъ признаками семейнаго счастія; но онъ прибавляетъ, что *далекъ онъ*, Трофимовъ, былъ *отъ тѣхъ условій, чтобы могъ* слышать ропоты, *или же* судить *о внутреннемъ ихъ расположеніи.* Посѣщеніе его, повторяемое *два раза еженедѣльно*, въ дни назначенные для выдачи и пріема книгъ, заключалось въ томъ, что онъ приходилъ за ключами и въ слѣдъ за этимъ самъ, или съ Дудниковымъ, отправлялся въ библіотеку. Но вообще говоритъ (*заключая сколько изъ кратковременныхъ посѣщеній, столько же по случаю бытности у Дудникова на чаю*), что холодность и отсутствіе задушевнаго расположенія характеризовали ихъ супружество». Вотъ сужденіе Трофимова!

«Дудникова не могла *ревновать* мужа; къ кому можетъ женщина образованная, развитая, ревновать любимаго мужчину? Къ женщинѣ, вытѣсняющей ее изъ его сердца, вступающей въ ея сердечныя права на него. На какія особы женскаго пола увлекали Дудникова въ свои объятія? это были погибшія, но милыя созданія губернскаго города, прелестницы, по живописному выраженію письмоводителя Мирковскаго. Дудникова въ этихъ отношеніяхъ мужа могла опасаться не за сердце супруга, а только за его здоровье; возможно-ли, чтобы женщина при томъ нравственномъ развитіи, которое мы находимъ въ обвиняемой, ревновала мужа къ такимъ прелестницамъ? она не могла не видѣть, что не чувство, а чувственность увлекала къ нимъ мужа. Невѣрность т. е. измѣна, а не распутство возбуждаетъ ревность; поведеніемъ своимъ Дудниковъ могъ только оскорблять въ женѣ ея нравственное чувство, а не достоинство, даже не самолюбіе ея; она могла смотрѣть на его распутство сквозь пальцы, какъ на всякій другой его порокъ,—и точно, такъ она и поступала, это говоритъ самъ Дудниковъ Мирковскому, это ясно и изъ того, что мужъ самъ не затрудняется цинически описывать женѣ свои проказы съ Скажешихой. Во всякомъ случаѣ даже

доказанная невѣрность мужа не есть еще доказанная ревность жены....

«Итакъ нигдѣ, ни въ личности, ни въ прошедшей жизни Дудниковой, ни въ положеніи ея, ни въ ея отношеніяхъ къ мужу нельзя найти ничего, что-бы могло побудить ее къ совершенію мужеубійства. Самъ старикъ, отецъ Дудникова, (противъ воли котораго состоялся бракъ сына,) не рѣшается взвести на невѣстку и тѣни подозрѣнія, хотя онъ не вѣритъ въ самоубійство сына. Ближайшія, предшествовавшія смерти Дудникова обстоятельства подтверждаютъ туже ровность и невозмутимость отношеній супруговъ: въ ночь на 11-е декабря они спали на одной кровати, постороній свидѣтель и кухарка видѣли ихъ предъ самымъ событіемъ вмѣстѣ,—Дудниковъ заботился о кушаньѣ на другой день, разговоры были самые обыкновенные, не обнаруживающіе никакихъ домашнихъ бурь, неудовольствій, все текло обычной чередой; словомъ нѣтъ даже отдаленнаго намека на побудительныя причины, которыя бы имѣла Дудникова не только убить мужа, но даже желать его смерти. Если отрицаніе самоубійства Дудникова, между прочимъ, основано на отсутствіи у него побудительныхъ къ тому причинъ, — что̀ дѣйствительно могло-бы служить основаніемъ, если-бы доказывалось разумное т. е. сознательное самоубійство,—то зачѣмъ же такая *непослѣдовательность* при сужденіи о вѣроятности *смертоубійства*? а рѣчь идетъ о сознательномъ дѣяніи обвиняемой. Не составляетъ ли громкаго протеста противъ обвиненія Дудниковой уже это одно отсутствіе всякихъ побудительныхъ для нея причинъ къ преступленію! Въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ убійствѣ *по внезапному побужденію*. Здѣсь усиливаются доказать преступленіе предумышленное, слѣдовательно тутъ было приготовленіе, то есть приготовленіе всего нужнаго для совершенія дѣянія, выборъ *удобнаго момента*; *устраненіе препятствій*, припятіе мѣръ къ сокрытію слѣдовъ преступленія, къ замаскированію его, къ собственному оправданію и проч. Между-тѣмъ въ дѣлѣ нѣтъ *ничего подобнаго*: близъ квартиры (мѣста совершенія преступленія), помѣщенія лакеевъ, неделей, студентовъ; двери изъ передней въ гостинную, смежную съ спальней, и изъ *кухни* въ *переднюю* — отперты; кухарка видитъ и слышитъ все, что дѣлается въ квартирѣ; объ этомъ свидѣтель-

ствуетъ ея показаніе о всемъ происходившемъ до сна Дудникова, когда уже онъ находился въ спальнѣ; люди приходятъ, уходятъ: лакей, кучеръ, педель, всѣмъ доступъ свободенъ; время дневное. Это ли выборъ удобной обстановки! Далѣе: Дудникова сидитъ одна въ гостинной, кухарки не усылаетъ, потомъ идетъ, убиваетъ мужа, сама требуетъ для него помощи, помощь эта не тотчасъ является, наконецъ приходятъ посторонніе и тогда еще находятъ Дудникова въ живыхъ,—все это весьма неправдоподобно.—Если Дудниковой при такой невыгодной обстановкѣ удалось столь хорошо скрыть совершеніе преступленія, что пока она сама не возвѣстила о смерти мужа, никто о томъ даже и не догадывался, то ей еще легче было предупредить всякую возможность къ обвиненію ея въ смерти мужа; ей стоило только тотчасъ же послѣ совершенія преступленія *уйти изъ дому*; вернувшись, найти мужа въ отсутствіе ея зарѣзаннымъ и тутъ уже поднять всѣхъ на ноги, — тогда полиціи пришлось-бы разбирать: кухарка ли, кучеръ ли, посторонній ли кто входилъ въ спальню и убилъ Дудникова, или зарѣзался онъ самъ; во всякомъ случаѣ тогда жену назвали бы несчастною.—Наконецъ перейдемъ къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ смерть Дудникова и послѣдовавшимъ за нею, разсмотримъ образъ дѣйствій обвиняемой въ томъ видѣ, какъ онъ выставляется слѣдствіемъ и обвиненіемъ. Кухарка слышитъ въ спальнѣ стукъ, будто-бы что то упало (ей кажется, что стукъ изъ коридора), ни крика, ни стона до нея не доходитъ; по этому стуку Дудникова бѣжитъ въ спальню, не затворяя за собою дверей; не болѣе минуты спустя бросается она оттуда съ крикомъ: «ратуй меня Марія, бѣги за лакеями». «Наконецъ прибѣгаетъ лакей, его посылаютъ за педелемъ; Дудникова одна съ кухаркою, она бѣгаетъ по комнатѣ въ разстроенномъ положеніи и вскрикиваетъ: «Боже мой, что ты сдѣлалъ! что ты Филиппъ сдѣлалъ!» Эти крики слышатъ всѣ и кухарка, и лакей Клименко, и лакей Марчукъ, и педель Суярковъ. Марчукъ, знавшій Дудникову въ теченіи 4-хъ лѣтъ, слѣдовательно видавшій ее вѣроятно въ различныхъ настроеніяхъ и душевныхъ состояніяхъ, прямо свидѣтельствуетъ, что она была въ разстроенномъ положеніи. Она хватаетъ себя за голову, въ этомъ видѣ ожидаетъ и встрѣчаетъ приходящихъ, такъ встрѣчаетъ она Суяркова; не объясняя ничего о случившемся, она гонитъ

его за докторомъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его прихода, нетерпѣніе это заставляетъ ее дожидаться тутъ же въ передней; въ томъ-же отчаянномъ видѣ она снова встрѣчаетъ Суяркова, вернувшагося безъ доктора. Наконецъ является фельдшеръ: и онъ встрѣчаетъ ее съ заломанными на голову руками. Пока—предосудительнаго въ поступкахъ Дудниковой, кажется, нѣтъ ничего; нѣтъ ничего, что-бы навлекало на нее хоть какое нибудь сомнѣніе; неизвѣстность, тревога, горе, отчаяніе,—вотъ что ясно выражается въ ея образѣ дѣйствій и противъ чего спорить нельзя. Люди простые,—кухарка, лакей и педель, своимъ простымъ, неизвращеннымъ здравымъ смысломъ постигаютъ и положительно удостовѣряютъ то неподдѣльное чувство, которое охватило несчастную женщину. Но фельдшера тронуло уже просвѣщеніе; онъ уже не довольствуется передачею простаго внѣшняго впечатлѣнія и спрошенный по прошествіи нѣкотораго времени, когда молва о мужеубійствѣ облетѣла уже Кіевъ, фельдшеръ, какъ бы въ укоръ Дудниковой, говоритъ, что на вопросъ его: что съ мужемъ? она не тотчасъ дала отвѣтъ, а спустя нѣсколько минутъ. И это поставлено Дудниковой въ улику! Говорятъ что молчаніемъ она хотѣла выиграть время, чтобы жизнь успѣла совсѣмъ угаснуть въ мужѣ ея; но это обвиненіе вполнѣ безсильно; можетъ быть Дудникова точно не сейчасъ дала отвѣтъ фельдшеру, но на что это указываетъ, какъ не на состояніе минутнаго отупѣнія отъ неожиданности несчастнаго случая, какъ не на вліяніе сильнаго душевнаго потрясенія. Фельдшеръ продолжаетъ: «что когда онъ осмотрѣлъ умершаго и объявилъ, что онъ зарѣзанъ, Дудникова оказала видъ испуга и вскрикнула: ахъ Боже мой, что ты сдѣлалъ, ты самоубійца! а по выходѣ изъ этой комнаты въ другую она безъ его спроса разсказала ему, что, занимаясь въ гостинной работою, услышала въ спальнѣ стукъ, по которому вошла туда и увидѣла, что мужъ поднялся съ полу на кровать; замѣтивъ, что у него лилась кровь, она спросила, что съ нимъ случилось, и въ отвѣтъ получила, что онъ ушибся. Онъ, Цехоцкій, полагаетъ, что здѣсь случай смертоубійства, потому что Дудниковъ не имѣлъ повода самъ лишать себя жизни.» Какъ ни недоброжелательно это показаніе для Дудниковой, какъ ни страннымъ можетъ казаться образъ ея дѣйствія при ея же собственномъ объясненіи, что до прихода фельд-

шера она не подозрѣвала убійства, даже вообще не была увѣрена въ смерти мужа,—но при внимательномъ психологическомъ анализѣ все это объясняется самымъ правдоподобнымъ, самымъ естественнымъ образомъ: до объявленія фельдшера, что Дудниковъ зарѣзанъ, всѣ восклицанія жены ограничиваются словами: Боже мой, что ты сдѣлалъ, что ты Филиппъ сдѣлалъ! Въ этихъ словахъ рѣшительно нельзя видѣть желанія Дудниковой подготовить умы постороннихъ къ мысли, что мужъ ея самъ лишилъ себя жизни, нельзя видѣть даже и того, чтобы она до прибытія фельдшера знала о существованіи смертельной раны; она знала, видѣла, что мужъ исходитъ кровью, она слышала паденіе его, слова, что онъ ушибся, видѣла, какъ онъ поднялся на кровать и остался недвижимъ и нѣмъ, слѣдовательно опасность положенія его стала для нея очевидною; зная его привычку напиваться передъ сномъ, она естественно сочла его самаго виновникомъ случившагося съ нимъ несчастія,—что же страннаго въ ея словахъ: что ты надѣлалъ! Она, знала, что мужъ оставался въ спальнѣ одинъ, что стало быть посторонняго виновника его ушиба нѣтъ, онъ самъ, его невоздержность, были причиною всему. Но вотъ впервые слышитъ она отъ фельдшера, что мужъ ея не ушибся, а зарѣзанъ, и такъ онъ не жертва неосторожности, онъ самоубійца! Мысль эта такъ внезапно и сильно поражаетъ ее, что мгновенно срываетъ съ устъ ея восклицаніе: ты самоубійца! Ни прежде, ни послѣ она не произносила этого слова. Слова фельдшера застаютъ ее въ расплохъ, неприготовленную, и самая форма, въ которую вылилось ея восклицаніе, вполнѣ соотвѣтствуетъ внезапно-возбужденному въ ней душевному движенію. Уже не потеря мужа поглощаетъ теперь все ея сознаніе, все чувство; на первое мѣсто выступаетъ мысль, что мужъ самоубійца, что онъ загубилъ свою душу, — вотъ очевидный смыслъ ея душевнаго движенія. Если-бы не такъ, если-бы она была убійцей и, называя мужа самоубійцей, имѣла въ виду только замаскировать свой поступокъ, то она поступила бы иначе: *во-первыхъ*, она не оказала бы испуга, *во-вторыхъ*, и кухаркѣ и всѣмъ съ самаго начала она говорила бы о самоубійствѣ мужа, *въ-третьихъ*, она встрѣтила бы этимъ извѣстіемъ фельдшера и наконецъ, если бы она, положимъ, и не составила себѣ напередъ плана сослаться на самоубійство, надѣясь, что паденіемъ и разрѣзомъ артеріи

осколками ночной посуды объяснится все событіе, то теперь, когда она уже видѣла, что фельдшеръ тотчасъ распозналъ родъ смерти мужа, что стало быть ей не повѣрятъ, и тутъ же явилась ей на выручку мысль о новомъ разсказѣ, мысль о самоубійствѣ, совпадающая съ заключеніемъ эксперта, неужели она не воспользовалась бы своимъ вдохновеніемъ? она ухватилась бы за него, она крѣпко держалась бы за него. Но ея мысли и чувства иныя, менѣе всего думаетъ она о томъ, что̀ полезно и что́ вредно для нея, и вотъ она дѣйствуетъ въ совершенно противную сторону. Сначала она заплатила дань человѣческой слабости, испугалась, поддалась жестокому впечатлѣнію, слово «самоубійца» вылетѣло изъ устъ ея прежде, чѣмъ она успѣла овладѣть собою, но, какъ только она опомнилась, какъ только разсудокъ, подавленный чувствомъ, очнулся, она мгновенно сообразила все и первый порывъ ея—вернуть неосторожное слово, но ужъ поздно; *теперь остается одно: вырвать изъ сознанія свидѣтеля это слово,* и вотъ она, непрошенная, дотолѣ молчаливая, спѣшитъ разсказать ему о происшествіи другое, старается представить его въ иномъ свѣтѣ. Разсказъ ея коротокъ, она еще сама для себя не сформулировала цѣлостной повѣсти, главное то, чтобы вмѣсто дѣйствительнаго дѣянія мужа выставить другое: «онъ ушибся», это она слышала отъ него, вотъ повѣсть о смерти мужа. Невольно останавливаешься также предъ тою непослѣдовательностію, которою отличается образъ дѣйствія Дудниковой въ отношеніи къ фельдшеру. Если она назвала мужа самоубійцей для того, чтобы спасти себя отъ подозрѣнія, для чего же было ей вслѣдъ затѣмъ и тому же свидѣтелю, говорить совсѣмъ другое, невяжущееся съ первымъ ея восклицаніемъ,—объяснить это, допуская ея виновность, рѣшительно невозможно. Но за то какъ это самое понятно, естественно, психологически вѣрно, если смотрѣть на нее, какъ на жену любящую, религіозную, неповинную въ крови мужа; она именно говоритъ противное тому, что высказала въ порывѣ, для того, чтобы заставить забыть свое первое слово. Это не путаница въ показаніи виновнаго, тотъ путается на искусныхъ допросахъ, но не мѣшайте ему высказать придуманное имъ спасительное показаніе, и онъ не впадетъ въ разноречіе; Дудникова-же говорила добровольно, свободно, не отвѣтными пунктами, отчего бы ей путаться и путаться такъ

грубо, а время придумать, обдумать, заучить разсказъ она имѣла; она очевидно впала въ это разпорѣчіе потому, что дѣйствовала подъ вліяніемъ горячаго, искренняго чувства, и въ этой неразумности, нелогичности ея дѣйствій кроется залогъ ея оправданія. Дѣйствуй она иначе, скорѣе могла бы запасть и остаться мысль о ея виновности, потому-что съ нею совпадало бы понятіе о хладнокровномъ, разсчитанномъ поведеніи. Показаніе двухъ студентовъ, Бѣлоусова и Шпилярскаго, какъ будто опровергаетъ все сказанное относительно нравственнаго состоянія, въ которомъ находилась Дудникова тотчасъ послѣ смерти мужа. Но это опроверженіе только кажущееся. По уходѣ фельдшера Дудникова бросилась спрятать смертоносное орудіе, она нашла подъ правымъ бокомъ мужа ножъ, затаила его и успокоилась въ надеждѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ она затаила отъ всѣхъ и ужасную истину. Ей оставалось теперь быть твердой, не давать воли чувству, чтобы вновь не пришлось раскаяться въ неосторожности, чтобы не выдать тайны смерти мужа; потомъ, одна, на просторѣ, она дастъ волю своему горю, когда не будетъ это опасно для того, о комъ она думаетъ теперь болѣе, чѣмъ о себѣ. И вотъ студенты встрѣчаютъ ее идущею ровными шагами имъ на встрѣчу, она не выражаетъ уже болѣе своего горя воплями отчаянія, только слабое охапье, только сложенныя на головѣ ея руки остаются внѣшними признаками ея горя, да и вообще ея сосредоточенный, сильный характеръ придалъ ей видъ сдержанный, холодный; молодыхъ людей это удивляетъ, имъ западаетъ мысль подозрѣнія; одинъ изъ нихъ очевидно старается даже провѣрить это свое подозрѣніе, онъ обращается къ ней съ словами: «не безпокойтесь, онъ будетъ живъ», на лицѣ ея, (говоритъ онъ), выразилось удивленіе. Понятно: она знала уже прежде этого отъ фельдшера, и видѣла сама, что жизнь уже угасла въ тѣлѣ ея мужа. Вслѣдъ затѣмъ Шпилярскій сказалъ ей: «вашъ мужъ зарѣзанъ». Если сколько нибудь вдуматься въ положеніе несчастной женщины, то нельзя не ужаснуться той нравственной пыткѣ, которую она испытывала: съ одной стороны горе о потерѣ мужа, ужасающая мысль о совершенномъ имъ самоубійствѣ, съ другой борьба съ самой собою, — она должна была владѣть собою на столько, чтобы не проронить ни одного слова, которое могло-бы обнаружить самоубійство; что же было ей

дѣлать въ присутствіи посторонних, въ присутствіи лицъ, очевидно подозрѣвающихъ, какъ ей казалась, самоубійство (я не говорю смертоубійство—подобной мысли не могло и придти ей въ голову)? Да еслибъ эти посторонніе и не обнаруживали никакого подозрѣнія и тогда, по чувству страха, оно все таки чудилось бы ей въ нихъ. Понятно то впечатлѣніе, которое она должна была произвесть на зрителей, они ждутъ слезъ, отчаянія, однимъ словомъ стереотипнаго проявленія глубокаго горя,—она почти не говоритъ, сдерживаетъ чувство, и потому слова студентовъ, что мужъ зарѣзанъ, на ихъ глаза не производятъ на нее никакого впечатлѣнія; студенты думаютъ, что отъ нихъ впервые слышитъ о томъ Дудникова и конечно ждутъ проявленія ужаса, но послѣ ихъ словъ, говорятъ они, прежде бывшіе вздохи и стенанія вдругъ исчезли и она осталась совершенно равнодушною. Да иначе и быть не могло: слыша отзывъ студентовъ, Дудникова увидѣла, что и они близки къ правдѣ, что они открыли истину; это до того поражаетъ ее, что она окончательно теряется, она не знаетъ болѣе, какъ ей продолжать свою роль, и, боясь проговориться, она вовсе умолкаетъ. Иначе, съ чего было ей сдѣлаться вдругъ равнодушною? оттого ли, что она вторично отъ компетентныхъ лицъ услышала, что мужъ ея очевидно зарѣзанъ, а если смерть мужа была ея дѣломъ, то вѣдь въ этихъ словахъ она вторично услышала бы свой приговоръ и въ такомъ случаѣ она не стала бы долѣе молчать; пѣтъ пора было бы подумать о своемъ оправданіи, чувство самосохраненія заставило бы ее говорить въ смыслѣ самооправданія. Все сказанное находитъ фактическое подтвержденіе и въ показаніи кухарки, вотъ ея слова: «ночью, когда всѣ ушли, Дудникова всю ночь не раздѣвалась, плакала, не спала»; и такъ при другихъ Дудникова холодна, одна — она вся предается горю. Гдѣ же во всемъ этомъ расчитанное поведеніе дерзкой преступницы?

«Остается еще сомнѣніе, возбужденное экспертами: отсутствіе орудія смерти Дудникова не есть-ли признакъ смертоубійства? Прежде всего нужно замѣтить, что обстоятельство нахожденія или ненахожденія при трупѣ орудія есть данное не судебно-медицинское, а судебнополицейское, поэтому уже мнѣніе медиковъ не должно стѣснять судъ въ его воззрѣніи по это обстоятельство. Но и по существу своему мнѣніе,

высказанное врачами, не выдерживаетъ критики. Сокрытіе орудія при иныхъ обстоятельствахъ могло бы точно указывать на смертоубійство, напримѣръ: еслибы орудіе, которымъ нанесена смерть, *не могло быть въ собственномъ распоряженіи умершаго*, если-бы орудіе это служило безспорнымъ доказательствомъ участія извѣстнаго лица въ убійствѣ и проч., тогда понятно, убійца желалъ бы скрыть орудіе для того, чтобы оно не служило противъ него живою уликою; что же видимъ здѣсь? Дудникова не взводитъ подозрѣнія ни на кого; напротивъ того изъ ея собственныхъ словъ видно, что никто безъ ея вѣдома не могъ совершить убійства, ножи въ домѣ конечно вполнѣ доступны хозяину. Какой-же бы ей былъ расчетъ, если-бы она была убійца, скрывать орудіе? Какъ не настигнутой, на самомъ мѣстѣ преступленія, ей естественно по совершеніи злодѣянія предстояло выбрать одно изъ двухъ: или явку съ повинною или замаскированіе преступленія; она не винится,—остается послѣднее; въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ей было устранять мысль о самоубійствѣ. Развѣ она не догадалась, напротивъ того ей первой и притомъ своевременно пришла эта мысль; затѣмъ, чтобы очевиднымъ фактомъ подкрѣпить свое показаніе о самоубійствѣ, ей оставалось только положить ножъ подлѣ трупа. Она дѣйствуетъ *наоборотъ*, она скрываетъ самоубійство во вредъ себѣ, прячетъ ножъ, не разсуждая о томъ, что и безъ ножа легко распознать на трупѣ мужа разрѣзную рану, она прячетъ его потому, что для нея этотъ ножъ есть полное доказательство самоубійства; найдя его подъ тѣломъ мужа, она окончательно увѣрилась, что мужъ ея самоубійца; и такъ въ дѣйствіи Дудниковой нѣтъ ничего страннаго.—Что касается поводовъ къ самоубійству Дудникова, *выставленныхъ его женою* и неподтвердившихся по дѣлу, то обстоятельство это рѣшительно *не* можетъ служить къ ея обвиненію, ибо не ея вина, если она, не зная ничего положительнаго о причинахъ, побудившихъ мужа къ самоубійству, припомнила бывшіе, можетъ быть, у нея когда нибудь съ мужемъ разговоры о процесѣ и о службѣ его, разговоры, относившіеся именно къ тому времени, когда и то и другое могло внушить ему опасенія, представляться ему съ невыгодной стороны; отъ нея требуютъ объясненія, она отвѣчаетъ то, что думаетъ,—обязана-ли она непремѣнно знать, почему мужъ наложилъ на себя руки? Гораздо

важнѣе можетъ показаться въ обвиненіи то обстоятельство, что Дудникова — сама не оказала помощи мужу и не сразу послала за докторомъ, и тѣмъ замедлила прибытіе помощи. Конечно это обстоятельство было бы сильнымъ доводомъ противъ обвиняемой, если бы Дудниковъ былъ для нея лицомъ постороннимъ, если-бы она имѣла понятіе о медицинѣ, еслибы вообще обращеніе съ больными было для нея дѣломъ привычнымъ, обыденнымъ, словомъ, еслибы возможно было предположить, что Дудникова могла сохранить присутствіе духа, не растеряться при видѣ мужа въ смертной опасности. Наконецъ представляется тотъ доводъ: что если бы Дудникова въ самомъ дѣлѣ хотѣла лишить мужа всякой помощи, то она могла звать людей не прежде какъ, когда увидѣла бы, что онъ совершенно мертвъ; это было вполнѣ въ ея волѣ.

«Правота Дудниковой очевидна, (такъ оканчиваетъ свою рѣчь г. Христіановичъ)—вотъ истина настоящаго дѣла; настаивать на доказательствѣ очевидности, значитъ затемнять истину.»

II. Дѣло штабъ-лекаря Петра Николаева, обвиненнаго въ умышленномъ утопленіи жены своей Александры.

Въ 1829 году окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, со степенью лекаря 2-го разряда, молодой человѣкъ Петръ Николаевъ. Немедленно по выходѣ изъ университета, Николаевъ поступилъ на службу въ военные медики и, прослуживъ въ этомъ званіи въ разныхъ полкахъ около 7 лѣтъ, перешелъ, въ 1836 году на службу въ г. Наровчатъ уѣзднымъ врачемъ.

Во все время пребыванія своего въ Наровчатѣ, Николаевъ велъ жизнь уединенную, мало съ кѣмъ былъ знакомъ, и повидимому не былъ любимъ въ обществѣ. Сначала онъ нанималъ для себя квартиру въ домѣ чиновника Пекарскаго, а впослѣдствіи переѣхалъ въ собственный свой домъ. При немъ около 12-ти лѣтъ состояла для услугъ вольноотпущенная полковника Слѣпцова, Ѳіона Савельева, которой городская молва приписывала вмѣстѣ съ тѣмъ и званіе *наложницы* Николаева.—Въ 1848 г. Николаевъ познакомился съ семействомъ небогатой сосѣдней помѣщицы

баронессы Ольги Шлиппенбахъ; тамъ онъ увидѣлъ дочь баронессы двадцатипяти-лѣтнюю дѣвицу Александру, влюбился въ нее и предложилъ ей свою руку. Александра Шлиппенбахъ дала согласіе; этому не препятствовала и мать ея баронесса Ольга Шлиппенбахъ; но такъ-какъ имъ извѣстны были ходившіе по городу слухи объ отношеніяхъ Николаева къ Фіонѣ Савельевой, то непремѣннымъ условіемъ, на которомъ Александра Шлиппенбахъ отдавала свою руку Николаеву, было то, чтобы Николаевъ немедленно-же отослалъ изъ дома Фіону. Свадьба была въ январѣ 1849 г.; въ тоже время Фіона вышла замужъ за двороваго человѣка Барадулиной, Михаила Иванова, и вмѣстѣ съ мужемъ перебралась на квартиру въ домъ мѣщанина Бочкова. Молодые вели жизнь уединенную; помѣнявшись визитами съ значительнѣйшими изъ наровчатскихъ жителей, они не продолжали съ ними знакомства. Мужъ занимался службою, жена приняла въ руки хозяйство. Для услугъ при Николаевыхъ баронесса Шлиппенбахъ прислала къ нимъ изъ деревни Варвару и кучера Федора съ женою.

Согласная и мирная жизнь супруговъ продолжалась не долго. Она скоро разстроилась, и причиною этому была Фіона Савельева.—Николаева начала подозрѣвать, что мужъ ея возобновилъ прежнюю свою связь съ этою женщиною. Подозрѣнія ея, надобно полагать, были основательны. По крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ есть нѣсколько указаній, которыя оправдываютъ это предположеніе.—*Слѣдующее обстоятельство еще болѣе подтвердило подозрѣніе Николаевой. За недѣлю до Троицы, т. е. спустя около* 4-хъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы, Николаева отправилась погостить къ матери своей въ деревню, находящуюся въ недальнемъ разстояніи отъ Наровчтата. Въ слѣдъ за нею въ полночь пріѣхали въ деревню на почтовыхъ лошадяхъ люди, находившіеся въ услуженіи у Николаева, и объявили, что господинъ отослалъ ихъ отъ себя и взялъ въ услуженіе Фіону Савельеву съ мужемъ. Это извѣстіе заставило Никоколаеву ускорить возвращеніе свое въ городъ. Пріѣхавъ въ Наровчатъ, она застала Савельеву въ своемъ домѣ и стала настаивать передъ мужемъ объ удаленіи этой женщины. Дѣйствительно, чрезъ недѣлю по пріѣздѣ Николаевой, Савельева съ мужемъ своимъ перебралась въ домъ мѣщанки Непилы Пацовой, а вмѣсто ея, для услугъ въ

домѣ, баронесса Шлиппенбахъ прислала крестьянку Бѣликову, замѣненную въ скоромъ времени дворовою дѣвушкою Анисьею Григорьевою. Для ухода-же за лошадью и для кучерской обязанности Николаевъ нанялъ 17-ти лѣтняго мальчика Ивана Николаева. Нарушенное спокойствіе по видимому водворилось въ семействѣ Николаева.

Николаевъ нанялъ на берегу р. Мокши участокъ въ дачахъ пятницкихъ крестьянъ для сѣнокоса; туда онъ отправлялся иногда для надзора за работами; въ полуверстѣ отъ нанятаго участка протекала Мокша, на которую городскіе жители ходили обыкновенно купаться.—4 Іюля день былъ жаркій. Николаевъ всталъ въ 5 часу, сходилъ въ больницу и сдѣлалъ тамъ необходимыя распоряженія о приготовленіи для больныхъ лекарства. Возвратившись домой, онъ засталъ жену уже вставшею. Въ это время проживавшій у Николаева отставной солдатъ Пахомовъ запрягалъ лошадь въ телегу, чтобы ѣхать за травою. Николаевъ, желая лично указать мѣсто, гдѣ надобно было косить, рѣшился самъ отправиться на сѣнокосъ и сказалъ объ этомъ женѣ. Та *упросила взять ее со собою*, потому-что, пользуясь близостію Мокши отъ сѣнокоса, хотѣла сходить на рѣку покупаться. Николаевъ съ женою отправились впередъ, за ними слѣдовали на запряженной лошади Пахомовъ съ мальчикомъ Иваномъ. Указавши на полянѣ мѣсто, гдѣ слѣдуетъ косить, Николаевъ отправился съ женою на рѣку къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно купаются. Супруги раздѣлись, жена начала купаться у праваго берега Мокши, прилегающаго къ городу, а мужъ переплылъ къ лѣвому берегу, вдоль котораго расположены лѣса и покосы, принадлежащіе Троицкому Екапову монастырю. Накосивши травы, мальчикъ Иванъ, по приказанію Пахомова, пошелъ спросить у Николаева, не позволитъ ли имъ ѣхать домой; въ это время лекарь купался на другой сторонѣ Мокши, а жена его, сидя недалеко отъ берега къ городу, мылась одна. Получивъ отъ лекаря приказаніе ѣхать домой, Иванъ возвратился на сѣнокосъ и передалъ Пахомову приказаніе лекаря. Въ это время со стороны рѣки послышался крикъ: «*батюшки помогите*». На этотъ крикъ Пахомовъ съ Иваномъ тотчасъ же поспѣшили къ рѣкѣ и увидѣли въ довольно далекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ прежде купалась Николаева, отставнаго рядоваго Угрюмова; невсколь-

кихъ крестьянъ, монаха и самаго лекаря. Они откачивали Николаеву, утонувшую въ Мокшѣ. Когда откачиванiе не помогло, Николаеву положили на телѣгу на лѣвый бокъ и медленнымъ шагомъ привезли въ городъ на квартиру.

Лишь только вѣсть объ этомъ событiи распространилась по городу, въ квартиру Николаева явились городничiй и стряпчiй и много другихъ постороннихъ лицъ. Въ это время медицинское пособiе Николаевой подавалъ студентъ медицицы казанскаго университета Крутозерьевъ, въ чемъ ему помогалъ совѣтами окружный начальникъ государственныхъ имуществъ Максимовъ. Началось предварительное слѣдствiе, продолжавшееся 11 дней, а затѣмъ формальное изслѣдованiе, возложенное, по распоряженiю пензенскаго губерскаго начальства, на чиновника особыхъ порученiй при губернаторѣ Соболевскаго и штабъ-офицера корпуса жандармовъ Радивановскаго. Нѣтъ надобности въ настоящемъ изложенiи отдѣлять свѣдѣнiя и показанiя, добытыя при предварительномъ слѣдствiи, отъ свѣдѣнiй и показанiй, данныхъ при формальномъ изслѣдованiи. Всѣ они направлены къ одному премету—раскрытiю обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть Николаевой, и обнаруженiю виновниковъ этой смерти; слѣдуетъ только замѣтить, что во время производства предварительнаго слѣдствiя не было участiя представителей *медицинской науки* и что самый вопросъ о необходимости медицинскаго изслѣдованiя возникъ въ концѣ производства, когда дѣло, перейдя всѣ судебныя инстанцiи, поступило уже въ сенатъ и когда, за давно-прошедшимъ временемъ и по совершенному разложенiю трупа, невозможно уже было сдѣлать анотомическихъ изслѣдованiй, которыя одни только, быть можетъ, могли привести къ обнаруженiю настоящей причины смерти Николаевой. Правда, что во время формальнаго изслѣдованiя назначенный вмѣсто Николаева медикъ Нестеровъ разрывалъ могилу для освидѣтельствованiя трупа Николаевой; но это было только 16 iюля т. е. спустя 12 дней послѣ событiя, когда тѣло подверглось уже совершенному гнiенiю и когда невозможно было сдѣлать никакихъ заключенiй о причинѣ смерти Николаевой.

Слѣдователи прежде всего приступили къ освидѣтельствованiю трупа. Это освидѣтельствованiе было произведено двукратно (безъ участiя медика), спачала въ день смерти Николаевой,

а потомъ на слѣдующій день. Въ первый разъ Николаева была вся мокрая, изъ носа и рта истекала въ небольшомъ количествѣ вода, тѣло было чистое, безъ всякихъ знаковъ, языкъ высунутъ. На другой день, какъ значится въ актѣ освидѣтельствованія, лицо Николаевой было уже синебагровое, опухшее, изъ носа и рта истекала сукровица; животъ былъ вздутъ, спина вся синебагровая, на прочихъ же частяхъ тѣла, какъ то: на рукахъ и ногахъ во многихъ мѣстахъ, равно и на вискахъ, были красноватыя пятна. Вообще же замѣчено, что тѣло предается гніенію.

Николаевъ показалъ, что, отдавъ мальчику Ивану Николаеву приказаніе ѣхать обратно домой, онъ въ скоромъ времени услышалъ крикъ жены своей, что она тонетъ; онъ тотчасъ поплылъ къ ней, но отъ испуга и усталости не могъ приплыть, тѣмъ болѣе, что она отъ быстроты воды была отнесена на нѣсколько сажень отъ того мѣста, гдѣ купалась. Онъ вышелъ на берегъ и началъ криками звать на помощь къ своей женѣ. На этотъ крикъ прибѣжалъ рядовой инвалидной команды Дмитрій Угрюмовъ, находившійся недалеко на берегу той же рѣки. Угрюмовъ, раздѣвшись, бросился въ рѣку и вытащилъ жену его, не погрузившуюся еще на дно. Въ испугѣ и отчаяніи Николаевъ просилъ Угрюмова и другихъ бывшихъ тутъ людей помочь его женѣ обѣщая отдать все за спасеніе ея. Они взяли его полотняное пальто и начали качать на немъ утопленицу, не смотря на его запрещеніе это дѣлать; когда же качаніе не помогло, онъ приказалъ бывшимъ тутъ людямъ положить жену его на телегу и везти домой. Смерть жены Николаевъ приписываетъ ея неосторожности и неумѣнью плавать.

Рядовой Угрюмовъ показалъ, что 4-го іюля онъ сидѣлъ на берегу р. Мокши и ловилъ удочкою рыбу; въ это время послышался крикъ: «*батюшки, помогите*»; онъ побѣжалъ къ мосту, откуда раздавался этотъ крикъ, и звалъ туда-же сидѣвшаго на другой сторонѣ Мокши послушника Сканова монастыря, но не дождался его. Затѣмъ онъ увидѣлъ лекаря Николаева, который, сказавъ, что жена его утонула, показалъ на то мѣсто, гдѣ тѣло ея плыло по рѣкѣ. Это было въ разстояніи до 30 сажень отъ мѣста, гдѣ обыкновенно купаются. Николаева плыла обращенная *лицомъ къ водѣ*, безъ всякаго движенія. Раздѣвшись и перейдя

маленькій островъ, Угрюмовъ поплылъ къ тому мѣсту, гдѣ плыла Николаева, схватилъ ее за волосы, притащилъ къ бе егу гдѣ она раза четыре вздохнула и тутъ же изъ носа и рта выходило немного пѣны. Тогда онъ закричалъ Николаеву, чтобы тотъ ему помогъ, но онъ отвѣчалъ ему: «*куда эйсе я пойду*». Вскорѣ, по крику его, прибѣжали на берегъ наровчатскій пчельникъ Сѣдовъ, послушникъ монастырскій, самъ Николаевъ, мѣщанинъ Нефедовъ и его косцы, а затѣмъ пріѣхали на телѣгѣ Николаева рядовой Пахомовъ и мальчикъ Иванъ. Сначала Николаеву качали на платьѣ, а потомъ, когда это не помогло, положили въ телегу и привезли домой.

Рядовой Пахомовъ и мальчикъ Иванъ Николаевы дали показанія, согласныя съ показаніями Николаева и Угрюмова.

Пчельникъ *Сѣдовъ* показалъ, что онъ былъ на своей пасекѣ когда со стороны Мокши раздались крики, умолявшіе о помощи Онъ пришелъ къ берегу тогда, когда Угрюмовъ держалъ на рукахъ вытащенную уже изъ воды Николаеву. О лицахъ, бывшихъ при этомъ свидѣтелями, о средствахъ, употребленныхъ къ спасенію Николаевой и объ отвозѣ ея на телегѣ въ домъ, Сѣдовъ показалъ тоже, что и прочіе свидѣтели.

Мѣщанинъ *Нефедовъ*—что когда онъ былъ на покосѣ, то услышалъ крики мальчишекъ, бѣжавшихъ съ Мокши. Онъ тотчасъ верхомъ на лошади поѣхалъ на берегъ и тамъ увидѣлъ, какъ Угрюмовъ и другіе люди откачивали Николаеву: желая оказать съ своей стороны помощь, онъ послалъ за своими косцами, которые по приходѣ также откачивали утопленницу. Согласно съ Нефедовымъ показали косцы его: крестьяне Семеновъ, Никифоровъ, Дмитріевъ и Шеинъ.

Послушникъ Сканова монастыря *Федора Афанасьева* показалъ, что 4 іюля утромъ онъ сторожилъ лѣсъ и покосы монастырскіе, находящіеся по ту сторону Мокши. Около 10-го часа утра онъ увидѣлъ бывшихъ на томъ же берегу крестьянскаго мальчика Тимофея Коровина и двухъ дѣвочекъ, которые бѣжали къ мосту и кричали, что барыня тонетъ. Бывъ отъ моста въ саженяхъ около 50-ти, онъ крикнулъ объ этомъ Угрюмову, ловившему рыбу около самаго моста. Тотъ, бросивши уду, побѣжалъ вдоль берега, но онъ, Афанасьевъ, по старости не могъ за нимъ поспѣть и прибылъ къ мѣсту происшествія уже тогда,

когда Николаева была вытащена изъ воды и ее оттирали. Затѣмъ онъ видѣлъ, какъ ее откачивали, но не видалъ уже, какъ клали ее въ телегу, потому-что въ то время онъ отправился обратно къ мосту.

Бо́льшая часть изъ изчисленныхъ лицъ дали кромѣ того показанія: 1) что Николаева положена была на телегу правымъ бокомъ, но что, по приказанію самаго Николаева, она перевернута на лѣвый бокъ и 2) что на предложеніе Угрюмова, Пахомова и мальчика Ивана везти утопленницу рысью, Николаевъ не соглашался, приказавъ вести ее шагомъ.

Противъ этого Николаевъ объяснилъ: 1) что онъ не помнитъ, приказывалъ-ли положить жену свою на бокъ и на который именно и 2) что онъ нарочно приказалъ везти утопленницу шагомъ, чтобы имѣть возможность слѣдовать за нею и немедленно по прибытіи въ домъ оказать ей медицинское пособіе, ибо въ противномъ случаѣ жена его привезена-бы была домой ранѣе его прихода и оставалась-бы, слѣдовательно, безъ всякой помощи.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда явились новые свидѣтели происшествія, указывающіе уже прямо на то, что смерть Николаевой не была дѣломъ случайнымъ и что ближайшимъ и даже единственнымъ виновникомъ этой смерти былъ мужъ покойницы, лекарь Николаевъ.

На противоположномъ берегу Мокши, гдѣ находятся монастырскіе лѣсъ и покосы, во время купанья Николаевыхъ были малолѣтныя дѣти крестьянина Андрея Коровина: сынъ Тимофей и дочь Татьяна и малолѣтная же дочь мѣщанина Терентьева Татьяна. Дѣти рвали черемуху, которая росла въ лѣсу и на берегу Мокши. Они видѣли, какъ Николаевы пришли къ берегу, раздѣлись и вошли въ воду, какъ потомъ Николаевъ переплылъ на противоположную сторону, а вслѣдъ затѣмъ воротился къ женѣ *и толкнулъ ее въ воду*; какъ Николаева начала хвататься за мужа, чтобы спастись, но какъ Николаевъ, не давая ей помощи, отплылъ отъ нея. Не объявляя ничего объ этомъ слѣдователю, Тимофей Коровинъ пересказалъ видѣнное имъ мѣщанину Скрыпкину, проживавшему въ домѣ мѣщанки Агафьи Михайловой; и ужъ затѣмъ Скрыпкинъ передалъ слѣдователю показаніе Коровина.

Спрошенные слѣдователемъ свидѣтели показали слѣдующее:

Тимофей Коровинъ (12 лѣтъ), что 4 іюля утромъ онъ съ сестрою и дѣвочкою Татьяною Савельевою, находился на берегу Мокши и тамъ рвалъ черемуху. Онъ видѣлъ, какъ къ противоположному берегу рѣки подошли Николаевъ съ женою, раздѣлись, вошли въ воду и начали мыться; Николаевъ переплылъ на другой берегъ, а вслѣдъ затѣмъ опять поплылъ къ женѣ, которая сидѣла на мелкомъ мѣстѣ. Супруги начали играть между собою, хватая другъ друга за руки и наконецъ вошли въ воду довольно глубоко, такъ-что Николаевой вода была по грудь. Тутъ она вдругъ опустилась въ глубину воды, начала захлебываться и хвататься за лекаря; но онъ, оттолкнувъ ее, отплылъ отъ нея, и затѣмъ уже закричалъ: «*батюшки помогите*». Желая спасти лекаршу, Коровинъ тотчасъ побѣжалъ черезъ мостъ, гдѣ попался ему Угрюмовъ, которому онъ сказалъ о происшествіи съ женою доктора. Угрюмовъ побѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ; но Коровинъ, впередъ увидѣвъ утопающую, прибиваемую волнами къ берегу, тотчасъ вошелъ въ рѣку. Лекарша, увидѣвъ его, сперва улыбнулась, а потомъ заплакала, подала ему руку, но удержаться не могла; тутъ опять водою понесло ее по теченію рѣки. Солдатъ Угрюмовъ побѣжалъ дальше по тому же берегу и, поровнявшись съ утопающею, бросился въ воду и вытащилъ Николаеву.

Татьяна Коровина и Татьяна Савельева дали показанія, въ главныхъ основаніяхъ согласныя съ показаніемъ мальчика Тимофея, но отличающіяся отъ нихъ тѣмъ, что онѣ ничего не упоминали ни о томъ, что Николаева, утопая, хваталась за мужа, ни о томъ, что сей послѣдній отталкивалъ ее.

Эти новыя показанія послужили для слѣдователей поводомъ къ предположенію о виновности Николаева въ утопленіи своей жены. Чтобы положительно разъяснить это обстоятельство, слѣдователи признали необходимымъ собрать самыя точныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ и этимъ выяснить побудительную причину, которая могла-бы вооружить руку Николаева противу его жены. Тутъ то и обнаружены тѣ обстоятельства семейной жизни Николаевыхъ, которыя приведены выше. Слѣдователи собрали по настоящему предмету самыя подробныя свѣдѣнія.

Баронесса Шлиппенбахъ, пріѣхавшая въ Наровчатъ по извѣстію о смерти дочери, показала, что настоящей причины смерти дочери она не знаетъ, но полагаетъ, что она послѣдовала отъ утопленія Николаевымъ; основаніемъ къ этому предположенію служитъ дурное обхожденіе Николаева съ покойною ея дочерью и тѣсная связь его съ Фіоной Савельевой, которую онъ даже взялъ къ себѣ въ услуженіе, прогнавши прислугу жены.—*Сосѣди Николаева*, въ числѣ 7 человѣкъ, показали, что хотя дракъ и ссоръ Николаева съ женою они не видали, но около Троицы жена Николаева уѣзжала къ матери съ позволенія мужа; послѣ же отъѣзда Николаевой, мужъ ея выгналъ всю женину прислугу, но почему—они этого не знаютъ.—Мѣщанинъ *Бочковъ*, въ домѣ котораго проживала Фіона Савельева послѣ свадьбы Николаевыхъ, показалъ, что Николаевъ ходилъ къ Фіонѣ въ гости.—Мѣщанка *Ненила Попова*, у которой жила Фіона по выѣздѣ изъ дома Николаева, показала, что Николаевъ ходилъ къ Фіонѣ въ гости и что однажды въ сумерки, когда онъ стоялъ подъ окномъ и разговаривалъ съ Фіоною, жена его, проходя мимо, дернула его за полу сюртука и сказала, что неприлично ему стоять и разгаваривать на улицѣ, послѣ чего Фіона ушла къ воротамъ, гдѣ и оставалась съ Николаевымъ больше часа.—Лекарскій ученикъ при наровчатской больницѣ *Николай Карасевъ* показалъ, что Фіона неоднократно приходила въ больницу послѣ свадьбы лекаря Николаева и оставалась въ больничной кухнѣ, куда къ ней приходилъ и лекарь.—*Матрена Бѣликова*, находившаяся у Николаевыхъ въ услуженіи предъ Анисьею Григорьевою, показала, что въ теченіе 2 недѣль пребыванія ея въ домѣ Николаевыхъ, она была свидѣтельницею частыхъ ссоръ между Николаевымъ и его женою за то, что та просила мужа удалить изъ дома Фіону.—*Лекарскій* показалъ, что въ то время, когда Николаевъ напималъ въ его домѣ квартиру, у лекаря была одна только прислуга Фіона Савельева, къ которой Николаевъ неоднократно приходилъ по ночамъ на погребицу, гдѣ она обыкновенно спала, что между ними часто происходили шумъ и ссоры, оканчивавшіяся иногда дракою.—Наровчатскіе чиновники и помѣщики на вопросъ слѣдователей письменно отозвались: *Иванъ Шишкинъ*, что супружеское согласіе между Николаевымъ и женою его часто нарушалось, какъ это ему извѣстно изъ словъ самой Нико-

лаевой, и что причиною семейнаго раздора были отношенія Николаева къ Фіонѣ Савельевой; *Иванъ Евсюковъ*, что по общему въ Наровчатѣ слуху, Николаевъ съ самой женидьбы своей велъ жизнь съ женою не совсѣмъ согласную, что происходило отъ жившей въ домѣ лекаря женщины Фіоны; *Павелъ Свищевъ*, что, какъ ему извѣстно по наслышкѣ, Николаева уѣзжала отъ мужа въ домъ къ своей матери съ неудовольствіемъ, по причинѣ настоятельнаго требованія съ его стороны согласія ея на принятіе въ услуги Фіоны, бывшей у него въ домѣ до женидьбы нѣсколько лѣтъ; *Владиміръ Максимовъ*, что, по общему въ городѣ слуху, согласія между Николаевыми не было и что Николаева при всемъ своемъ умѣ и образованіи была весьма несчастлива въ супружествѣ; *Дмитрій Ермоловъ*, что, какъ было слышно, Николаевъ съ женою жилъ въ несогласіи; *Николай Логвиновъ*, что баронесса Ольга Шлиппенбахъ неоднократно говорила ему, что дочь ея Александра страдала отъ мужа своего Николаева во все время своего супружества и что причиною этому была Фіона, которая болѣе 10 лѣтъ проживала у Николаева въ услуженіи, и *Платонъ Дубицкій*, что, по общимъ слухамъ, Николаевъ съ женою своею жилъ въ несогласіи.

Было впрочемъ дано при слѣдствіи нѣсколько показаній, совершенно противоположныхъ тѣмъ, кои приведены выше; такъ кухарка Николаевыхъ *Анисья Григорьева* показала, что Николаевы жили согласно и что ссоръ и дракъ никакихъ между ними не было; сосѣди Николаева крестьяне *Фирсовъ* и *Антоновъ* отозвались согласно съ Григорьевою.

Лучшею характеристикою Николаева къ женѣ служатъ представленныя къ дѣлу письма Николаева, жены его и баронессы Шлиппенбахъ. Времени, къ которому письма эти относятся, не означено, но самое содержаніе писемъ показываетъ, что онѣ писаны по отъѣздѣ Николаевой къ матери, въ тотъ періодъ времени, когда между супругами возникли особенно серьезныя неудовольствія по поводу Фіоны Савельевой. Вотъ что заключается въ этихъ письмахъ; 1) *Баронесса Шлиппенбахъ Николаеву*: «присылка людей меня очень удивила; это значитъ то, какъ прежде говорила Фіона, что *вы безъ нея жить не можете.* Я вамъ говорила до свадьбы, когда вы были у насъ и Аграфена Степановна тутъ была, ежели хотите жениться на Са-

шинькъ, то чтобъ Фіона у васъ не жила, а вы говорили, что вы ее давно прогнали. Пришлите всѣ вещи и все, что Сашинькино, и живите и веселитесь съ Фіёною». Въ томъ же письмѣ женою лекаря приписано: «cher Петръ Алексѣёвичъ! Что же дѣлать, что ты не нашелъ во мнѣ друга, какъ ты говоришь, а я принесла тебѣ несчастіе и себя погубила Богъ съ тобой, живи одинъ, вѣрно такъ угодно Богу. Фіона говоритъ, что ей дѣла нѣтъ, если мои вещи сгніютъ; такъ лучше пришли ихъ сюда». 2) *Александра Николаева къ мужу*: «сдѣлай одолженіе, напиши мнѣ положительно, если ты не хочешь сослать эту женщину, то отдашь ли ты мнѣ мои вещи, я за ними пришлю. Покуда она будетъ у тебя, я не пріѣду. Если Богъ допуститъ это, то покоряюсь его волѣ; знаю, что хотя онъ и долготерпѣливъ и правосуденъ, но я невинна, и потому вполнѣ увѣрена, что Господь меня не оставитъ, онъ мой защитникъ». 3) *Николаева своей женѣ*: «Ma chère femme; вамъ извѣстно, что я отмѣнно недоволенъ былъ вашей прислугой, а вы, по расположенію своему къ ней, не дѣлали имъ никакого препятствія; посему я вынужденнымъ нашолся ее перемѣнить и отослать обратно, откуда она ко мнѣ пришла. Я нанялъ Фіону съ ея мужемъ. Сдѣлай одолженіе, прошу тебя, молю тебя, не говори мнѣ никогда, не клевещи, что у меня не хороша услуга, колдуньи, кольдуньи!... ничего не видя отъ этихъ людей худаго, нельзя такъ безпокоить и огорчать son mari. Я терпѣлъ и мучился 4 мѣсяца, пора быть и концу.... Когда поѣдешь ко мнѣ, возьми съ собою одну женщину или дѣвку тебѣ чесать головку, и распоряжайся ею, какъ тебѣ хочется, а мое хозяйство, нанъ столъ поручи своему mari. Adieu ma femme». 4) *Александра Николаева мужу*. «Ты пишешь, что жена должна повиноваться мужу, но и мужъ долженъ беречь жену, а ты меня убилъ; ты прежде времени хочешь свести меня въ могилу. Одинъ Богъ видитъ, проходитъ-ли день, чтобы я не плакала; грустно видѣть, что не любовь твоя ко мнѣ заставляетъ тебя послать за мною, а то что нужна тебѣ Фіона; она будетъ хозяйничать, а я буду портить хозяйство, поправленное Фіопой. Развѣ ты не можешь найти нанять кромѣ ея, я сама готова быть работницей, не сходить со двора, только быть покойной, а я не могу быть покойной и жить, когда будетъ эта женщина у тебя. Господи,

какъ больно получать удары отъ близкихъ себѣ. Я на дняхъ пріѣду, и если Фіона не будетъ, то я не только готова жить, но быть слугой твоей; а если ты, какъ говоришь, что безъ Фіоны тебѣ и меня не нужно, то тогда ясно будетъ видно, что *тебѣ не жена нужна*. Ты скучаешь самъ отъ себя, а я грущу отъ тебя, болѣе сердцемъ о своемъ несчастіи; все мое упованіе на Владычицу, она мнѣ возвратитъ тебя. Ужасно читать твое письмо и знать цѣль его; что тебѣ нужна *я для Фіоны*. Я бы очень желала сказать до свиданія, но я очень несчастна, чтобъ вѣрить въ счастіе, счастіе не для меня; цалую тебя такъ, какъ люблю тебя».

На всѣ обвиненія, которыя изложены были въ вышеозначенныхъ показаніяхъ, *Николаевъ* постоянно при слѣдствіи и во время судебнаго производства объяснялъ: 1) что онъ съ женою своею жилъ очень хорошо, ссоръ и дракъ съ нею никогда не имѣлъ, съ Фіоною Савельевою въ противузаконной связи не находился, а если и взялъ ее къ себѣ въ услуженіе, по отъѣздѣ жены къ тещѣ, то единственно потому, что женина прислуга была груба въ обращеніи съ нимъ; 2) что онъ невиновенъ въ смерти жены, ибо въ то время, когда она тонула, онъ купался у противуположнаго берега, что онъ къ ней *не подплывалъ* и въ воду ея не толкалъ; 3) что показаніе мальчика Коровина о томъ, что онъ будто бы принималъ мѣры къ спасенію жены его, Николаева, не имѣетъ основанія и есть вѣроятно слѣдствіе ненависти, которую питаетъ къ нему мать мальчика, солдатка Ирина Коровина.

Фіона Савельева, спрошенная при слѣдствіи объ отношеніяхъ ея къ Николаеву, объяснила, что она никогда не была въ незаконной связи съ Николаевымъ, что она поступила къ нему въ услуженіе единственно по просьбѣ самого Николаева и тотчасъ же оставила его домъ, лишь только замѣтила, что по поводу пребыванія ея въ домѣ бываютъ между Николаевыми частыя ссоры.

Какъ ни шатки были обвиненія, упадавшія на Николаева въ умышленномъ утопленіи его жены, и на Фіону Савельеву, какъ на нравственную виновницу этого преступленія, слѣдователи не усумнились въ ихъ виновности и почти при самомъ началѣ производства слѣдствія приняли въ отношеніи ихъ такія мѣры, ко-

торыя законъ уполномочиваетъ принимать только въ отношеніи тяжкихъ преступниковъ, да и то съ крайнею осторожностію въ такихъ только случаяхъ, когда улики въ преступленіи основаны на обстоятельствахъ, возбуждающихъ сильное подозрѣніе. Фіона Савельева взята была подъ стражу и посажена въ тюремный замокъ, а Николаевъ взятъ подъ строгій караулъ и переведенъ изъ собственнаго его дома въ зданіе присутственныхъ мѣстъ.

Дѣло поступило къ судебному разсмотрѣнію. *Наровчатскій уѣздный судъ* полагалъ: 1) основываясь на показаніяхъ мальчика Коровина и бывшихъ съ нимъ дѣвочекъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ купанье Николаевыхъ, а равно на показаніи баронессы Шлиппенбахъ о несогласной жизни Николаева съ женою, оставить Николаева въ сильномъ подозрѣніи по предмету умышленнаго утопленія жены; 2) за непринятіе мѣръ для спасенія погибавшей жены предать его церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства, 3) Фіону Савельеву, ни въ какомъ соучастіи съ Николаевымъ во взводимомъ на него преступленіи не сознавшуюся и ничѣмъ по слѣдствію не изобличенную, оставить отъ дѣла свободною.

Въ рукоприкладствѣ подъ запискою, составленною въ пензенской уголовной палатѣ, Николаевъ между прочимъ объяснилъ, что когда жена его была вынута изъ воды, то имѣла лицо багровое, языкъ былъ высунутъ изъ рта и прикушенъ зубами, изъ носа и рта вытекала сукровица; самое тѣло ея въ воду не погружалось, а плыло по поверхности рѣки. По симъ признакамъ, приписывая смерть жены своей не утопленію, а *апоплексическому удару*, Николаевъ просилъ: истребовать отъ врачебной управы заключеніе о настоящей причинѣ смерти жены его.

Уголовная палата, признавая, что совокупность выведенныхъ ею въ рѣшеніи уликъ была-бы достаточна для признанія Николаева изобличеннымъ, но имѣя въ виду предписаніе закона соразмѣрять силу доказательствъ съ тяжестію обвиненія, полагала: Николаева и Савельеву, перваго въ умышленномъ утопленіи жены, а послѣднюю, а равно и Николаева въ противузаконной между ними связи, оставить въ самомъ сильномъ подозрѣніи и кромѣ того представить начальнику губерніи о высылкѣ Николаева, какъ лица опаснаго, съ мѣста жительства въ другую от-

даленную губернію. Что же касается просьбы Николаева объ истребованіи заключенія врачебной управы, то палата, считая достаточно доказаннымъ по дѣлу, что смерть Николаевой послѣдовала отъ утопленія, а не отъ апоплексическаго удара, и находя, что истребованіе мнѣнія врачебной управы было-бы совершенно безполезно, потому-что основано единственно на бездоказательныхъ показаніяхъ подсудимаго, справедливость которыхъ не могла и не можетъ быть теперь утверждена, положила: оставить просьбу Николаева безъ уваженія.

Въ первомъ отдѣленіи 6-го департамента сената послѣдовали разныя мнѣнія: два сенатора полагали утвердить рѣшеніе палаты, одинъ сенаторъ потребовать заключенія медицинскаго совѣта и одинъ сенаторъ по совершенной недоказанности преступленія оставить Николаева отъ суда свободнымъ.

Общее собраніе московскихъ департаментовъ сената, согласно предложенію управляющаго министерствомъ юстиціи, отсылало дѣло на заключеніе *медицинскаго совѣта*, который принялъ въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: 1, что смерть утопающихъ происходитъ не всегда вслѣдствіе погруженія въ воду и невозможности дышать, но очень часто отъ случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр., отъ дѣйствія солнечнаго жара на голову купающагося, при полнокровномъ состояніи, и такимъ образомъ происходитъ еще *до* погруженія въ воду усиленный приливъ крови къ головѣ, кончающійся смертельнымъ апоплексическимъ ударомъ; 2, что въ такихъ случаяхъ только анатомическое изслѣдованіе внутренностей можетъ указать, и то только *приблизительно*, *ближайшую причину смерти* утопшей; 3, что въ настоящемъ случаѣ самыя обстоятельства, при которыхъ Николаева лишилась жизни, а именно: что она оставалась на поверхности воды и, по показанію Угрюмова, по вытащеніи изъ воды еще вздохнула; равно какъ нѣкоторыя явленія, замѣченныя при освидѣтельствованіи тѣла ея и во время подаванія ей помощи, а именно багровый цвѣтъ лица, высунутый языкъ и пр., не противорѣчатъ представленному Николаевымъ объясненію, что жена его не утонула, а сдѣлалась жертвою постигшаго ее апоплексическаго удара и 4, что анатомическое вскрытіе не было въ свое время произведено. По симъ основаніямъ медицинскій совѣтъ находилъ, что за ближайшую причину смер-

ти Николаевой можно съ нѣкоторою вѣроятностью признать апоплексическій ударъ, но что болѣе положительнаго заключенія, за не производствомъ вскрытія, сдѣлать нельзя. Обратившись засимъ къ вопросу о неподачѣ Николаевымъ женѣ своей надлежащей помощи, медицинскій совѣтъ замѣтилъ, что хотя при этомъ и были Николаевымъ допущены нерацiональныя дѣйствія, какъ то: откачиваніе тѣла, однако нельзя не принять въ соображеніе моральное состояніе, въ которомъ онъ могъ находиться, какъ мужъ утопшей, а не какъ оффиціально призванный врачъ, вслѣдствіе испуга и отчаянія и что поэтому, эти дѣйствія едва-ли могутъ быть поставлены ему въ прямую вину; еще менѣе приказаніе положить тѣло на лѣвый бокъ, каковое положеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже можетъ скорѣе способствовать къ удаленію предполагаемой въ желудкѣ воды.

Общее собраніе, основываясь на таковомъ заключеніи медицинскаго совѣта, *не нашло въ главныхъ фактахъ основанія къ* заключенію о виновности Николаева. Переходя засимъ къ выведеннымъ по дѣлу другимъ обстоятельствамъ, которыя могли бы имѣть силу при существованіи очевидныхъ уликъ, сенатъ нашелъ, что несогласная жизнь Николаева съ женою и связь его до женитьбы съ Фіоною Савельевою, впрочемъ положительно не доказанная, никакъ не могутъ служить къ уликѣ въ такомъ тяжкомъ преступленіи, какое выводится на Николаева, а тѣмъ менѣе можетъ служить основаніемъ къ уличенію его допущеніе нерацiональныхъ дѣйствій при спасеніи утопшей и приказаніе положить ее на лѣвый бокъ, какъ объяснено это въ заключеніи медицинскаго совѣта. Обращая главнѣйшимъ образомъ вниманіе на способъ, коимъ Николаевъ будто бы желалъ избавиться жены своей, обвиненіе его теряетъ совершенно всякую вѣроятность, ибо нельзя допустить никакаго правдоподобія въ томъ, чтобы онъ рѣшился, купаясь съ женою своею, утопить ее въ такое время, и особенно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно купаются городскіе жители, вблизи отъ города, и гдѣ весьма естественно онъ могъ предполагать, что увидятъ его преступленіе; наконецъ крикъ его о помощи противорѣчитъ всякой мысли объ утопленіи, — тѣмъ болѣе, что это было въ столь короткій промежутокъ времени, что Николаева, будучи вытащена изъ воды, еще дышала. Всѣ эти убѣжденія въ невин-

ности Николаева подтверждаются силою закона, который говоритъ: чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть доказательства; а въ настоящемъ дѣлѣ обвиненіе столь тяжко, каково утопленіе жены, и доказательства къ обвиненію столь слабы и противорѣчащи сами себѣ, что и малѣйшее сомнѣніе въ дѣйствительности преступленія, влекущее за собою для подсудимаго весьма важныя *послѣдствія, противорѣчитъ буквальному* смыслу 1169 и 1176 ст. XV т. По симъ соображеніямъ общее собраніе положило: Николаева, по неимѣнію въ дѣлѣ доказательствъ къ обвиненію въ утопленіи жены своей, оставить отъ суда свободнымъ.

Мы разсмотримъ это дѣло съ точекъ зрѣнія: психологической, фактической и юридической.

I. *Психологически* это дѣло представляется въ высшей степени интереснымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Николаевъ до своей женитьбы состоялъ съ Фіоной Савельевой въ любовной связи и чувствовалъ къ ней сильную страсть. Неизвѣстно, что̀ именно побудило его разорвать эту связь и вступить въ бракъ, но не прошло послѣ того и пяти мѣсяцевъ, какъ прежняя любовь къ Фіонѣ проснулась въ Николаевѣ съ новою силою: жена его вслѣдствіе его требованій дозволить Фіонѣ жить у ней въ домѣ, уѣхала къ матери; едва это послѣдовало, какъ Николаевъ тотчасъ-же *взялъ къ себѣ Фіону въ услуженіе.* Чтобы убѣдиться, что сказанное нами о сильной страсти Николаева къ Фіонѣ не подлежитъ сомнѣнію, стоитъ только припомнить: 1) показаніе Пекарскаго (въ домѣ котораго жилъ Николаевъ), что послѣдній до свадьбы своей неоднократно приходилъ по ночамъ въ погребицу, гдѣ спала Фіона. 2) Показанія Бочкова, Панова, Карасева и Бѣликовой, изъ которыхъ видно: что и *послѣ* своей свадьбы Николаевъ ходилъ къ Фіонѣ въ гости, и что когда онъ однажды въ сумерки стоялъ подъ ея окномъ, то былъ застигнутъ своею женою, что съ своей стороны и Фіона неоднократно приходила къ Николаеву въ больницу. 3) Переписку Николаева съ его женою и тещею, изъ которой несомнѣнно, что онъ требовалъ отъ жены, чтобы она, вслучаѣ возвращенія къ нему, дозволила Фіонѣ жить у ней въ домѣ. Это видно изъ

слѣдующихъ словъ письма Николаевой: «грустно видѣть, что не любовь твоя ко мнѣ заставляетъ тебя послать за мною, а то, что нужна тебѣ Фіона», и далѣе: «если ты говоришь, что безъ Фіоны тебѣ и меня не нужно, то тогда ясно будетъ видно, что тебѣ не жена нужна»; «ужасно читать твое письмо и знать цѣль его, что тебѣ нужна я для Фіоны». Изъ этой переписки можно съ достовѣрностью заключить, что Николаевъ требовалъ отъ жены возвращенія къ нему, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она дозволила Фіонѣ жить у нихъ или другими словами изъявила согласіе на его связь съ нею. Если-же и можетъ показаться страннымъ, почему Николаевъ добивался возвращенія своей жены, тогда-какъ и разъѣхавшись съ нею, онъ могъ жить съ Фіоной, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ вѣроятно, разставшись съ женою, не хотѣлъ потерять въ глазахъ общественнаго мнѣнія, и что у жены его было имѣніе, доходами съ котораго онъ могъ пользоваться, живя подъ одною кровлею съ нею. Но всѣ расчеты Николаева рушились: жена его, узнавъ, что онъ въ ея отсутствіе взялъ къ себѣ Фіону, въ припадкѣ ревности или по инымъ причинамъ немедленно возвратилась къ нему и потребовала, чтобы онъ прогналъ Фіону. Такимъ образомъ съ этой то минуты жена его могла сдѣлаться ему ненавистною, и на этомъ то положеніи супруговъ главнымъ образомъ основывалось обвиненіе Николаева въ умышленномъ утопленіи жены. Въ теоріи уголовнаго права существуетъ принципъ: «is fecit, cui prodest», то есть тотъ вѣроятно совершилъ преступленіе, кому оно полезно, и на основаніи этого принципа Николаевъ подвергнутъ былъ суду, хотя противъ него не существовало рѣшительно никакихъ доказательствъ.

II. Обратимся затѣмъ къ *фактической* сторонѣ этого дѣла, то есть къ разсмотрѣнію тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ послѣдовала 4 іюля смерть Николаевой: слѣдствіемъ обнаружено, что въ этотъ день Николаевъ рѣшился отправиться на сѣнокосъ и что *онъ его упросилъ взять ее съ собою* потому, что пользуясь близостью Мокши отъ сѣнокоса, хотѣла сходить на рѣку покупаться. Уже изъ этого очевидно, что у Николаева не было предумышленія утопить жену, такъ-какъ не онъ, а она захотѣла идти купаться. Въ этомъ еще болѣе можно убѣдиться если сообразить: что не вдалекъ отъ мѣста, гдѣ купались Николае-

вы, находилось нѣсколько человѣкъ, (именно мальчикъ Иванъ (только за минуту передъ тѣмъ говорившій съ Николаевымъ), и Пахомовъ, бывшіе столь близко къ рѣкѣ, что они услышали крикъ Николаева: помогите; что на берегу рѣки сидѣлъ рядовой Угрюмовъ, а невдалекѣ отъ нея находились Сѣдовъ и Нефедовъ, Семеновъ, Никифоровъ, Степановъ, Дмитріевъ и Шеинъ, послушникъ монастыря Аѳанасьевъ, наконецъ несовершеннолѣтніе крестьяне: Тимоѳей и Татьяна Коровины и Татьяна Терентьева.

Все это убѣждаетъ насъ, что если-бы Николаевъ и задумалъ утопить жену, то онъ не рѣшился-бы совершить этого среди бѣлаго дня, на мѣстѣ обыкновеннаго купанья и вблизи отъ нѣсколькихъ человѣкъ. Единственнымъ обвинителемъ Николаева является мальчикъ Тимоѳей Коровинъ (12 лѣтъ), который показалъ: «что когда онъ былъ на берегу Мокши, то къ его берегу подплылъ Николаевъ, а у другаго берега оставалась его жена; потомъ Николаевъ вернулся къ послѣдней, началъ играть съ нею, хватать ее за руки и вошелъ съ ней въ воду довольно глубоко, такъ-что Николаевой вода была по грудь. Тутъ она опустилась въ глубину воды, начала захлебываться и хвататься за лекаря, но онъ *оттолкнувъ* ее, отплылъ отъ нея и затѣмъ уже закричалъ—батюшки, помогите». Но слѣдуетъ замѣтить, что Татьяна Коровина и Татьяна Савельева, бывшія тутъ-же; *не* упомянули въ своихъ показаніяхъ о томъ, чтобы Николаева, утопая хваталась за мужа и чтобы онъ *отталкивалъ* ее.—Такимъ образомъ мы съ своей стороны не можемъ дать безусловной силы показанію Коровина относительно послѣдняго обстоятельства, тогда-какъ если оно недоказано, то невозможно обвинить Николаева въ умышленномъ убійствѣ. Кромѣ того показаніе Коровина въ нѣкоторыхъ частяхъ является рѣшительно неправдоподобнымъ, именно: 1) какъ могъ онъ видѣть, что Николаева, утопая въ водѣ, сначала улыбнулась, а потомъ *заплакала* *) (?) 2) показаніе Коровина, что онъ первый пришелъ на помощь утопающей, опровергается Аѳанасьевымъ, который говоритъ, что дѣти бѣжали за Угрюмовымъ, и слѣдовательно не могли ранѣе его явиться для спасенія Николаевой.—Такимъ образомъ является рѣшительно невозможнымъ обвинить Николаева въ умышлен-

*) Нужно еще замѣтить, что Николаева плыла обращенная лицемъ къ водѣ.

номъ утопленіи своей жены. Но совсѣмъ къ иному заключенію мы придемъ, если разсматривать вопросъ: *не виновенъ-ли онъ въ умышленномъ неоказаніи ей помощи?*

Въ семъ отношеніи оказывается, что обстоятельства: умерла-ли Николаева въ водѣ отъ апоплексическаго удара или отъ утопленія, *не* можетъ имѣть существеннаго вліянія на разрѣшеніе дѣла. Дознано, что Николаева, войдя въ воду по грудь, стала захлебываться. Николаевъ (умѣвшій плавать, и только-что переплывшій передъ тѣмъ всю рѣку Мокшу) вмѣсто того, чтобы броситься вытаскивать ее, выйдя на берегъ, ограничился крикомъ: «батюшки, помогите» и смотрѣлъ, стоя на берегу, какъ жену его *уносило* внизъ по теченію. Когда Угрюмовъ притащивъ Николаеву къ берегу, закричалъ ея мужу, чтобы тотъ ему помогъ, то послѣдній отвѣчалъ: *куда же я пойду*, и прибѣжалъ *уже впослѣдствіи* вмѣстѣ съ другими. Затѣмъ Николаевъ, хотя онъ былъ докторъ и зналъ всю недѣйствительность этого средства, допустилъ качать свою жену. Мы не ставимъ ему этого безусловно въ упрекъ, но указываемъ какъ на улику въ ряду другихъ. Наконецъ Николаевъ велѣлъ везти домой свою жену *шагомъ*, тогда-какъ дорога была каждая минута. Объясненіе же его: «что онъ велѣлъ везти шагомъ, чтобы имѣть возможность слѣдовать за нею и немедленно *по* прибытіи въ домъ, оказать медицинское пособіе *), ибо въ противномъ случаѣ жена его привезена-бы была домой ранѣе его прихода и оставалась-бы слѣдовательно безъ всякой помощи», натянуто до нелѣпости, потому что, *ничто не препятствовало ему самому сѣсть* на тѣлегу или самому править, и поѣхать рысью.

И такъ мы надѣемся, доказали, что со стороны Николаева какъ въ то время, когда жена его утопала, такъ и послѣ того, было сдѣлано упущеніе въ оказаніи ей помощи.

III. Наконецъ разсматривая это дѣло съ *юридической* стороны, мы приведемъ прежде всего слѣдующій разборъ его, помѣщенный въ Ж. М. Ю. за сент. 1861 стр. 658—662.

«Дѣло Николаева останавливаетъ на себѣ вниманіе по слѣдующимъ двумъ обстоятельствамъ: а) по существенному упущенію слѣдователей, имѣвшему вліяніе на весь ходъ дѣла и б) по со-

*) Въ домъ оказывали медицинскую помощь Николаевой: не мужъ ея, а студентъ Крутозерьевъ и окружной начальникъ госуд. имуществъ (?).

держанію рѣшенія, постановленнаго наровчатскимъ уѣзднымъ судомъ.

«а) Слѣдствіе о внезапной смерти Николаевой производилось вообще съ необыкновенною быстротою. Будучи начато 4 іюля 1849 года, т. е. въ самый день смерти Николаевой, оно поступило чрезъ пензенское губернское правленіе на разсмотрѣніе наровчатскаго уѣзднаго суда 12 августа того же года. Слѣдовательно, съ небольшимъ мѣсяцъ было употреблено и на производство изслѣдованій предварительнаго и формальнаго, и на разсмотрѣніе слѣдствія губернскимъ правленіемъ.

«Такая быстрота дѣйствій слѣдователей ближе всего можетъ быть объяснена тѣмъ, что для производства слѣдствія о смерти Николаевой назначены были, по распоряженію губернскаго начальства, особые чиновники, а не чины наровчатской уѣздной полиціи, занятые другими дѣлами, и что самое слѣдствіе надлежало произвести въ городѣ, гдѣ слѣдователи могли, не теряя времени на разъѣзды, немедленно приступить къ обслѣдованію всѣхъ обстоятельствъ несчастной кончины Николаевой. Быстрота произведеннаго изслѣдованія не осталась однако же безъ неблагопріятнаго вліянія на его успѣшность. Первою обязанностію слѣдователей, прежде всякаго другаго дѣйствія, было опредѣлить самымъ точнымъ образомъ причину смерти Николаевой, что могло быть сдѣлано не иначе, какъ посредствомъ *медицинскаго освидѣтельствованія* ея трупа, т. е. подробнаго описанія всѣхъ внѣшнихъ признаковъ, найденныхъ на тѣлѣ, и анатомическаго изслѣдованія внутренностей *). Ничего этого въ настоящемъ случаѣ не было сдѣлано. Слѣдователи, безъ участія эксперта медицинской науки, освидѣтельствовали какъ бы для формы трупъ Николаевой, и затѣмъ, основавшись на самыхъ шаткихъ признакахъ виновности Николаева, каковы показанія мальчика Коровина, несогласная жизнь Николаева съ женою и незаконная связь его съ Фіоною Савельевою, направили всѣ дѣйствія свои такъ, что Николаевъ сдѣлался главнымъ предметомъ обслѣдованія. Такимъ образомъ слѣдователи, не разъяснивъ съ надлежащею точностію объективной стороны дѣла (corpus delicti),

*) Какъ уже замѣчено выше, если Николаева признать виновнымъ только въ неподачѣ помощи женѣ, то причина ея смерти является обстоятельствомъ, не вполнѣ существеннымъ.

обратились прямо къ *субъективной* его сторонѣ; не приведя въ ясность, существуютъ-ли въ дѣлѣ признаки преступленія, начали искать самаго преступника. Низшая судебная инстанція не обратила вниманія на это упущеніе слѣдователей, а вторая инстанція пошла еще далѣе. Она сама приняла на себя рѣшеніе вопроса о причинѣ смерти Николаевой и, имѣя даже въ виду просьбу Николаева объ истребованіи заключенія врачебной управы, отказала ему въ этой просьбѣ. Наконецъ только по поступленіи дѣла въ сенатъ, приступлено къ истребованію мнѣнія отъ представителей медицинской науки, и тогда явились такія обстоятельства, которыя, *если бы были въ виду при началѣ производства*, безъ сомнѣнія имѣли бы послѣдствіемъ устраненіе всякаго предположенія о виновности Николаева. Прикосновенность Николаева къ слѣдствію и несуществованіе въ Наровчатѣ другаго врача, кромѣ его, конечно, можетъ служить объясненіемъ, почему не было сдѣлано медицинскаго освидѣтельствованія трупа Николаевой, но и это обстоятельство *не* оправдываетъ вполнѣ сдѣланнаго упущенія, такъ-какъ Наровчатъ находится только въ 145 верстахъ отъ губернскаго города, и губернское начальство, командировавшее для производства слѣдствія особыхъ чиновниковъ, конечно не преминуло-бы командировать и особаго медика, если бы только ему была извѣстна въ томъ надобность.

«б) Изъ всѣхъ судебныхъ рѣшеній, постановленныхъ по дѣлу Николаева, обращаетъ на себя преимущественное вниманіе рѣшеніе наровчатскаго *уѣзднаго суда*. Судъ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ внезапную смерть Николаевой, оставилъ Николаева *въ подозрѣніи* въ умышленномъ утопленіи жены и кромѣ того подвергъ его церковному покаянію за непринятіе мѣръ къ спасенію утопавшей. Такимъ образомъ судъ, въ одно и то же время считалъ Николаева и непосредственнымъ виновникомъ смерти жены, и свидѣтелемъ только этой смерти, виновнымъ въ томъ, что онъ, видя опасность, угрожавшую женѣ, не устранилъ этой опасности. Подобное заключеніе представляетъ собою два несовмѣстныхъ вывода, два обвиненія, взаимно другъ друга уничтожающія. Несомнѣнно, что изъ обоихъ обвиненій, которыя судъ направилъ на Николаева, правильнымъ можетъ быть только одно. Или Николаевъ желалъ утопить свою жену и дѣйствительно утопилъ ее; но въ такомъ

случаѣ его нельзя упрекать въ томъ, что онъ не спасалъ ее, когда она утопала, потому-что такое съ его стороны дѣйствіе было бы въ прямомъ противорѣчіи съ цѣлью, къ которой онъ стремился. Или Николаевъ не посягалъ на жизнь жены, а только не принялъ мѣръ къ ея спасенію; но въ такомъ случаѣ его нельзя оставлять въ подозрѣніи по такому преступленію, котораго онъ не замышлялъ и которое опять таки было-бы въ противорѣчіи съ дѣйствіемъ, за несовершеніе котораго его обвиняютъ. Обыкновенно оставленіе въ подозрѣніи считается у насъ почти равносильнымъ съ совершеннымъ освобожденіемъ отъ суда, влекущимъ за собою только нѣкоторое ограниченіе подсудимаго въ правахъ гражданскихъ. Въ существѣ своемъ, оставленіе въ подозрѣніи имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе. Оно, независимо отъ ограниченія подсудимаго въ пользованіи правами гражданскими, установляетъ надъ нимъ строгій надзоръ, а что всего важнѣе, ставитъ его въ положеніе человѣка, ежеминутно ожидающаго обнаруженія новыхъ противъ него доказательствъ и обязаннаго вновь предстать предъ судъ по обвиненію въ томъ же самомъ преступленіи, за которое онъ оставленъ былъ въ подозрѣніи прежнимъ судебнымъ приговоромъ *). Предположимъ, что въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ о смерти Николаевой, если бы оно было рѣшено согласно мнѣнію уѣзднаго суда, открылись послѣ уже окончательнаго приговора такія противъ Николаева доказательства, которыя вполнѣ изобличали бы его въ умышленномъ утопленіи жены, что эти доказательства надлежащимъ образомъ обслѣдованы и что затѣмъ дѣло поступило вновь къ судебному разсмотрѣнію. Предположимъ также и то, что по второму обвиненію, направленному противъ Николаева, т. е. относительно непринятія мѣръ къ спасенію жены, слѣдовало-бы по закону не церковное покаяніе, а какое нибудь наказаніе уголовное или исправительное. Судъ, по вторичномъ разсмотрѣніи дѣла,

---

*) По уставу угол. судопр. 1864 г. оставленія въ подозрѣніи по судному приговору болѣе *не* существуетъ, такъ-какъ въ ст. 771 сказано; что судъ постановляетъ приговоръ: или объ оправданіи подсудимаго, или объ освобожденіи подсудимаго отъ суда, когда преступное его дѣяніе покрывается давностью и пр. или же наконецъ о наказаніи подсудимаго, когда онъ изобличается въ такомъ преступномъ дѣяніи, которое ему вмѣняется въ вину.

долженъ бы былъ назначить Николаеву наказаніе, которое установлено закономъ за умышленное смертоубійство; тогда вышло бы то, что по одному и тому же преступленію Николаевъ понесъ бы два наказанія, одно за то, что онъ *хотѣлъ* утопить жену и дѣйствительно утопилъ ее, а другое за то, что онъ *не хотѣлъ* утопить ее, но только не спасъ отъ смерти. Очевидно, что подобный исходъ дѣла былъ бы несогласенъ и съ понятіями строгой справедливости и съ положительными предписаніями дѣйствующаго закона.»

Обращаясь наконецъ къ возбужденному нами вопросу: можетъ-ли Николаевъ быть подвергнутъ наказанію за неоказаніе помощи его утопавшей женѣ, мы находимъ, что къ этому случаю довольно близко подходятъ три статьи изъ улож. о наказ.: «*ст. 2072*, когда самовольное оставленіе лица въ такомъ мѣстѣ или положеніи, гдѣ жизнь его подвергалась опасности, было послѣдствіемъ *намѣренія лишить его жизни*, то виновный въ ономъ наказывается, какъ за убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ, но безъ означенныхъ въ ст. 1998—2002 улож. особенныхъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ.—*Ст. 2073*. Если кто либо изъ какихъ-бы то ни было видовъ, хотя и безъ рѣшительнаго намѣренія на смертоубійство, но завѣдомо и съ умысломъ, *заведетъ* или поставитъ другаго въ такое положеніе, въ коемъ по всей вѣроятности жизнь его должна была подвергнуться опасности, тотъ наказывается какъ за смертоубійство безъ прямаго на оное намѣренія.—Наконецъ по *ст. 2074* кто, видя человѣка погибающаго и имѣя возможность подать ему помощь, *безъ явной для себя опасности*, или же призвать на помощь къ нему другихъ или мѣстную полицію, не приметъ никакихъ для спасенія его мѣръ,—тотъ за сіе, если онъ христіанинъ, и отъ нечувствительности и небреженія его къ оставленному безъ помощи, послѣдуетъ смерть, — предается церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства.»

Подводя подъ эти опредѣленные закономъ признаки преступленія, дѣйствія Николаева мы находимъ что послѣдній не подходитъ подъ силу *ст. 2072*, потому-что по дѣлу вовсе не доказано его намѣренія лишить жизни жену *), сама Николаева

*) Намѣреніе и умыселъ не предполагаются, но всегда должны быть доказаны.

просила его взять ее съ собою купаться; кромѣ того вытаскивая ее изъ воды, Николаевъ самъ подвергался опасности утонуть, а потому онъ и не можетъ быть наказанъ за неоказаніе ей помощи. (Съ своей же стороны мы полагаемъ, что онъ не вытащилъ ее изъ воды вѣроятно потому, что, чувствуя къ ней ненависть, не былъ достаточно великодушенъ для того, чтобы броситься къ ней на помощь и рисковать своею жизнью.) Подъ *ст. 2073* Николаевъ также не подходитъ, такъ-какъ не доказано, чтобы онъ умышленно *завелъ* жену въ то мѣсто, гдѣ она погибла *). Она сама захотѣла купаться, вошла въ воду по грудь и вдругъ стала захлебываться. Если же она умерла отъ аноплексіи, то это такое обстоятельство, котораго не могъ предвидѣть Николаевъ, и при этомъ она могла утопиться въ самой мелкой водѣ. Наконецъ *ст. 2074* также не можетъ быть примѣнена къ Николаеву и онъ не подлежитъ церковному покаянію, потому что: 1) не доказано, чтобы онъ могъ подать помощь женѣ безъ явной для себя опасности; напротивъ того, теченіе воды могло легко унести его, а жена, схватившись за него, могла парализировать его движенія; 2) Николаевъ, видя утопленіе жены, именно звалъ на помощь и кричалъ, выйдя на берегъ, «батюшки, помогите», какъ удостовѣрилъ мальчикъ Коровинъ.

Такимъ образомъ мы съ своей стороны вполнѣ сочувствуемъ приговору общаго собранія сената, освободившаго Николаева отъ суда, и убѣждены, что неоказаніе Николаевымъ помощи его женѣ заслуживаетъ нравственнаго неодобренія, но не подлежало преслѣдованію уголовнаго правосудія.

---

*) Слѣдователи не привели въ извѣстность двухъ очень важныхъ обстоятельствъ: 1) умѣла-ли Николаева *плавать*. Если она умѣла, то нельзя обвинять Николаева въ томъ, что онъ завелъ жену въ глубокую воду.— 2) Былъ ли на мѣстѣ рѣки Мокши, въ которомъ начала захлебываться Николаева, всѣмъ извѣстный обрывъ дна, или только колдобина (яма) на мелкомъ мѣстѣ. Въ послѣднемъ случаѣ также ничто не указываетъ на прямой умыселъ Николаева утопить жену.

III. Убійство корнетомъ Василіемъ Отраховичемъ своей жены.

Павлоградскій уѣздный предводитель дворянства 17 августа 1845 г. извѣстилъ мѣстный земскій судъ, что отставной корнетъ Отраховичъ, въ припадкѣ *безумія*, выстрѣлилъ въ жену свою изъ ружья и опасно ее ранилъ.

Вотъ обстоятельства, которыя раскрыты были слѣдствіемъ:

15 августа 1845 г., спустя нѣкоторое время послѣ вечерняго чая, помѣщикъ корнетъ Василій Отраховичъ приказалъ подать себѣ водки; найдя ее недовольно крѣпкою, онъ *влилъ въ нее спирту* и выпилъ такимъ образомъ приготовленной водки *цѣлый графинъ*; за ужиномъ онъ пилъ вино и приглашалъ къ тому и жену свою, говоря: «можетъ быть завтра намъ ничего не будетъ нужно»; послѣ ужина приказалъ принести ружье, зарядилъ его, и поставилъ въ углу спальной комнаты. Потомъ, легши съ женою въ постель, шутилъ, цѣловалъ и прощался съ нею, говоря, что въ *послѣдній разъ цѣлуетъ ее*,—«*только тебѣ и жить*». Какъ ни старалась она обратить слова эти въ шутку, онъ однако-же твердилъ одно и тоже, и на просьбу ея позволить поцѣловать дѣтей, отвѣчалъ, что онъ завтра ихъ самъ за нее поцѣлуетъ. Испугавшись словъ мужа, она хотѣла уйти отъ него подъ предлогомъ взять въ сѣняхъ воды, но онъ, замѣтивъ испугъ ея, пошелъ вслѣдъ за нею, и она принуждена была возвратиться въ спальню. Вспомнивъ потомъ, что онъ и прежде пугалъ ее подобными шутками, и *прежде* говорилъ, что убьетъ ее, она немного успокоилась; когда-же увидѣла, что Отраховичъ взялъ ружье и сталъ взводить курокъ, то въ испугѣ, не зная, что дѣлать, обернулась въ одѣяло и прижалась къ подушкамъ. Въ это время она услышала произнесенныя имъ слова: разъ, два три, за которыми послѣдовалъ выстрѣлъ, ранившій ее въ лѣвую руку и грудь. Очнувшись по прошествіи нѣкотораго времени, она увидѣла вокругъ себя прислугу и мужа, который, ставъ на одно колѣно, просилъ прощенія и между прочимъ говорилъ: «это ничего, я залечу твою рану и тогда заживемъ дружнѣе».—3-го сентября Отраховичъ умерла и медицинскаго осмотра тѣлу ея *не* было одѣлано.

При производствѣ объ этомъ происшествіи слѣдствія, отъ жены Отраховича успѣли отобрать четыре показанія. Въ *первомъ* изъ

нихъ она, описывая весь ходъ этого происшествія, согласно тому, какъ это выше изложено, добавила, что въ тотъ день болѣзни умопомѣшательства въ мужѣ своемъ она *не* замѣчала, но что вечеромъ онъ былъ въ *пьяномъ видѣ*. До этого случая онъ страдалъ болѣзнію, признакомъ которой была необыкновенная тоска, отчего онъ неоднократно лечился. Злобы на нее не имѣлъ и на жизнь ея прежде не покушался; однако показанія этаго, даннаго при свидѣтеляхъ, она подписать не согласилась.—На слѣдующій день раненая Отраховичъ дала *другое* показаніе, въ которомъ она умолчала о томъ, что мужъ ея былъ пьянъ, а также и о томъ, что онъ говорилъ: «только тебѣ и жить», а относительно выстрѣла объяснила, что, закутавшись въ одѣяло, не замѣтила, какъ онъ произошелъ. Въ *третьемъ* показаніи она, объясняя, что отмѣны во второмъ ея показаніи произошли отъ желанія облегчить участь мужа, просила считать дѣйствительнымъ первое, ею тогда неподписанное по той же причинѣ.—Корнетъ Отраховичъ объяснилъ, что 15 августа велѣлъ онъ съ вечера принести ружье въ спальню, думая на другой день отправиться на охоту, а ночью нечаянно толкнулъ его кресломъ, отчего, при испорченности ружья, и произошелъ выстрѣлъ. Услышавъ крикъ жены, онъ потерялся, прибѣжалъ къ зятю своему Липкѣ-Парафіевскому, и, что тамъ дѣлалъ и что ему говорилъ — не помнитъ; къ этому присовокупилъ, что страдаетъ болѣзнью, отъ которой лечилъ его штабъ-лекарь Чаплинскій.

Братъ жены Отраховича, поручикъ Черноглазовъ, въ своемъ показаніи пояснилъ, что истинною причиною покушенія Отраховича на жизнь своей жены была связь его съ дѣвицею Александрою Громовою. Прійдя въ раскаяніе, онъ велѣлъ было отвезть эту дѣвицу къ отцу жены, но, раздумавъ, послалъ за нею; когда же ея не отдали, то послалъ за нею жену свою, грозя, если не привезетъ, сжечь деревню и умертвить сына своего Владиміра. Выполняя настойчивое требованіе мужа, жена его поѣхала къ отцу и привезла Александру.

Въ послѣднемъ *четвертомъ* показаніи жена Отраховича подтвердила это показаніе своего брата.—Очной ставки Отраховичу съ женою не дано по причинѣ болѣзненнаго состоянія ея, по убѣжденію штабъ-лекаря Чаплинскаго.

Люди, служившіе при Отраховичѣ, и сторонніе до 30 человѣкъ

подъ присягою и безъ присяги показали, что Отраховичъ жилъ съ женою согласно, что она была на 8 мѣсяцѣ беременности и за два дня до смерти объявляла о близкомъ разрѣшеніи своемъ, говоря, что едва-ли перенесетъ роды, потому-что чувствуетъ боль внутри, причемъ приказывала растирать себѣ животъ, а раны ея передъ смертію начали уже заживать; что послѣ нанесенія раны, дѣйствительно Отраховичъ, стоя на колѣняхъ, просилъ у жены своей прощенія, что ранилъ ее нечаянно, а относительно испорченности ружья показаніе его никто не подтвердилъ.

Въ ночь съ 15 на 16 августа Отраховичъ былъ у родственника своего Липки-Парафіевскаго, который блѣдность его лица, несвязность въ словахъ и дикій по временамъ хохотъ относилъ къ возобновленію припадковъ разстройства умственныхъ способностей. На вопросы родственника, сначала онъ ничего не отвѣчалъ, но потомъ сказалъ: «ничего,—такъ, выстрѣлилъ въ жену». *О согласной жизни супруговъ Отраховичей подтвердили и сосѣдніе* помѣщики; только помѣщикъ Жебуневъ показалъ, что Отраховичъ отзывался о женѣ, будто она большая помѣха его удовольствіямъ, а священникъ Павленко, подтвердивъ все показаніе поручика Черноглазова относительно дѣвицы Александры, добавилъ, что Отраховичь жаловалась на дурное обращеніе своего мужа.

Александра Громова показала, что Отраховичъ только склонялъ ее на связь съ нею, но она не согласилась. Изъ показаній другихъ лицъ не видно, чтобы Отраховичъ дѣйствительно имѣлъ съ нею связь. Между прочимъ оказалось, что дѣвица Александра родня по женѣ Михаилу Черноглазову. Сей послѣдній и отецъ покойной въ доказательство связи Отраховича съ Александрою представили записку, писанную покойною женою Отраховича, въ которой она просила удалить Александру и жаловалась на несчастное свое положеніе и несогласіе съ мужемъ. Почеркъ признанъ сходнымъ съ рукою Отраховичь, но мужъ ея этого сходства не призналъ.

Противъ всего этого Отраховичъ объяснилъ, что священникъ Павленко не могъ противъ него свидѣтельствовать по бывшей между ними враждѣ, а помѣщикъ Жебуневъ и дѣвица Александра, потому-что состоятъ въ родствѣ съ Черноглазовыми, (что по слѣдствію подтвердилось), а жена его наговорила на него

преступленіе по приказанію своего отца, который грозилъ ей въ противномъ случаѣ проклятіемъ. Это самое она говорила двоюродной сестрѣ его, Отраховича, Коссиковой, которая показаніе это утвердила.

При осмотрѣ временнымъ отдѣленіемъ компаты, гдѣ произошелъ выстрѣлъ, найдено, что при паденіи ружья отъ нечаяннаго толчка выстрѣлъ ни въ какомъ случаѣ не могъ достигнуть Отраховичъ, лежавшей на кровати. Что же касается до того, было ли заряжено ружье, или Отраховичъ зарядилъ его въ то время, когда оно было принесено, показанія разныя. Отраховичъ утверждалъ, что ружье было заряжено, потому-что онъ собирался идти на охоту; это подтвердилъ и мальчикъ, принесшій ружье, а одна женщина показала, что ружье зарядилъ Отраховичъ по приносѣ его къ нему.

Уѣздный врачъ Петровъ, свидѣтельствовавшій Отраховичъ послѣ выстрѣла, удостовѣрилъ, что у нея лѣвая плечевая кость раздроблена, мягкія части по раненой рукѣ сорваны, часть дроби попала въ грудь. Отраховичъ имѣла сильную горячку съ колотьемъ въ лѣвомъ боку и большую слабость, отчего находилась въ опасномъ положеніи. Штабъ-лекарь Чаплинскій увѣдомилъ пристава, что раны передъ смертію Отраховичъ были въ довольно хорошемъ состояніи. Она была беременна на 8 мѣсяцъ. Впослѣдствіи врачебная управа, основываясь на показаніяхъ сихъ врачей, признала раны Отраховичъ случайно смертельными.

Мать подсудимаго въ прошеніи екатеринославскому гражданскому губернатору объяснила, что сынъ ея давно страдалъ припадками ипохондріи, доходившими до сумасшествія.—Священникъ и два помѣщика показали тоже.—Доктора медицины Мирами и Славянскій, городовой врачъ Курдюмовъ весною 1844 года и въ ноябрѣ того же года пользовали Отраховича отъ заваловъ печени, закрытаго геморроя и ипохондрическихъ припадковъ, угрожавшихъ причинить разстройство ума, — совѣтывали ему держать діету, потому что болѣзнь эта при неосторожности и неисполненіи предписаннаго ими могла имѣть вліяніе на разстройство ума. Отъ той же болѣзни въ началѣ весны 1845 года лечился онъ у штабъ-лекаря Чаплинскаго, и, получивъ облегченіе, находился въ совершенномъ здоровьѣ. Свидѣтельствовавшій подсудимаго послѣ происшествія врачъ Петровъ нашелъ его въ здо-

ровомъ состояніи. Лица, освидѣтельствовавшія подсудимаго въ губернскомъ правленіи и во время нахожденія его въ больницѣ на испытаніи, признали, что въ то время онъ имѣлъ притворное умопомѣшательство. На повальномъ обыскѣ подсудимый въ поведеніи одобренъ и прежде сего подъ судомъ не былъ.

Павлоградскій уѣздный судъ опредѣлилъ: Отраховича (36 лѣтъ) относительно умышленнаго выстрѣла въ жену оставить отъ суда свободнымъ, относя этотъ случай къ припадку сумасшествія, а за притворство въ умопомѣшательствѣ во время испытанія вмѣнить ему въ наказаніе бытность подъ судомъ и содержаніе подъ стражею. При этомъ рѣшеніи уѣздный судъ принялъ во вниманіе, что Отраховичъ, какъ видно изъ дѣла, страдалъ ипохондрическими припадками, которые, при невоздержности, доводили его до временнаго сумасшествія, въ припадкѣ коего онъ совершилъ преступленіе. Предположеніе это, какъ изложено въ мнѣніи уѣзднаго суда, дѣлается еще болѣе основательнымъ, если принять во вниманіе, что Отраховичъ выстрѣлилъ въ жену въ собственномъ домѣ и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было никакой возможности скрыть преступный умыселъ, и что онъ потомъ объявилъ объ этомъ помѣщику Липкѣ Парафіевскому; малѣйшее-же намѣреніе, заранѣе обдуманное, удержало-бы его отъ такого дѣйствія, которое могло въ то же время обнаружиться. При томъ сознаніе его, отсутствіе съ его стороны всякой заботы къ сокрытію преступленія, или уменьшенія своей виновности въ этомъ несчастномъ случаѣ и спокойное состояніе послѣ преступленія, въ которомъ видѣлъ его врачъ Петровъ, ясно показываютъ, что онъ былъ въ ненормальномъ состояніи.

Екатеринославская палата уголовнаго суда, истребовавъ дополнительныя свѣдѣнія, необходимыя, по ея мнѣнію, для обсужденія этого дѣла, изложила свое опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: подсудимый Отраховичъ ясно и неоспоримо изобличается въ произведеніи умышленнаго въ жену свою выстрѣла изъ ружья, *не* въ припадкѣ сумасшествія, а въ здоровомъ его умѣ; какъ-же раненая Отраховичь была въ то время беременною, то и въ причиненіи смерти дитяти.—Но какъ, при несознаніи подсудимаго, нѣтъ возможности опредѣлить, было ли у него прямое намѣреніе убить свою жену, или онъ это сдѣлалъ при необузданности своего характера, въ пьяномъ видѣ, то палата признавъ Отра-

ховича виновнымъ въ умышленномъ выстрѣлѣ въ беременную жену свою и причиненіи тѣмъ выстрѣломъ тяжкаго увѣчья, бывшаго причиною смерти ея и дитяти, и имѣя въ виду съ одной стороны отсутствіе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину и наказаніе, а съ другой—жестокость въ поступкахъ, неискренность въ отвѣтахъ и притворство въ умопомѣшательствѣ, опредѣлила: лишить его всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ. По другимъ частямъ дѣла палата постановила слѣдующее опредѣленіе; 1) употребленныя по дѣлу прогонныя деньги взыскать съ имѣнія Отраховича; 2) упущенія въ томъ, что не было составлено временнаго отдѣленія, допущена медленность при слѣдствіи и не учинено тѣлу Отраховичь медицинскаго освидѣтельствованія, предоставить разсмотрѣнію губернскаго правленія.

Рѣшеніе это было пропущено губернскимъ прокуроромъ и утверждено начальникомъ губерніи.

По поступленіи этого дѣла въ правительствующій сенатъ, оно было препровождено къ министру внутреннихъ дѣлъ для предложенія медицинскому совѣту на разсмотрѣніе вопросовъ: 1) была ли смерть Отраховичь прямымъ послѣдствіемъ нанесенныхъ ей ранъ и 2) дѣйствительно ли преступленіе учинено Отраховичемъ въ припадкѣ сумасшествія? Медицинскій совѣтъ нашелъ, что первый вопросъ, по недостаточности имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ, разрѣшенъ быть не можетъ, а по второму заключилъ, что Отраховичъ выстрѣлилъ въ жену, по всей вѣроятности, въ *припадкѣ преходящаго умопомѣшательства.*

По выслушаніи этаго дѣла во 2-мъ отдѣленіи 6 департамента сената возникли слѣдующія разныя мнѣнія:

Первое мнѣніе: по дѣлу не открыто заранѣе обдуманнаго намѣренія подсудимаго Отраховича лишить жизни свою жену, но, при разсмотрѣніи его поступковъ оказывается, что онъ прежде совершенія преступленія дѣлалъ женѣ своей разнаго рода притѣсненія по поводу преступныхъ своихъ намѣреній къ дѣвицѣ Александрѣ; въ самый вечеръ совершенія преступленія пилъ въ большомъ количествѣ водку пополамъ со спиртомъ, какъ бы для смѣлости къ совершенію преступленія, потомъ прощался съ женою своею, говоря ей неоднократно, что она болѣе не будетъ жить и вскорѣ произвелъ выстрѣлъ; послѣ того просилъ про-

щенія у жены своей, и говорилъ родственнику своему помѣщику Липкѣ-Парафіевскому, что онъ убилъ жену свою; но на допросахъ при слѣдствіи отъ всего отрекся и показалъ, что выстрѣлъ изъ ружья *послѣдовалъ самъ собою нечаянно*, тогда-какъ это по мѣстному осмотру оказалось невозможнымъ. Наконецъ вопреки прежнему своему показанію, старался доказать, что онъ *впалъ въ преступленіе не въ здравомъ разсудкѣ*. *Хотя медицинскій* совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ вѣроятнымъ совершеніе сего преступленія въ припадкѣ преходящаго умопомѣшательства, но это предположеніе нельзя признать за несомнѣнный фактъ, ибо никто изъ многихъ свидѣтелей не замѣтилъ, чтобы Отраховичъ во время совершенія преступленія былъ въ помѣшательствѣ разсудка. Онъ былъ пользованъ отъ болѣзни ипохондріи въ 1844 году; при медицинскомъ же испытаніи оказалъ притворное помѣшательство разсудка, очевидно, съ намѣреніемъ отклонить отъ себя заслуженное наказаніе. По симъ обстоятельствамъ, слѣдуетъ признать подсудимаго Отраховича виновнымъ въ нанесеніи смертельной раны беременной женѣ своей безъ предумышленнаго намѣренія на убійство, а имѣя въ виду упорство подсудимаго въ сознаніи и отсутствіе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, на основаніи 1955, 1960, 1961 и 1962 ст. улож. о наказаніяхъ угол. и исправ., слѣдуетъ согласно съ рѣшеніемъ екатеринославской палаты уголовнаго суда и мнѣніемъ начальника губерніи, отставнаго корнета помѣщика Василія Степанова Отраховича, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ.

Второе мнѣніе. Предварительно рѣшительнаго заключенія по сему дѣлу, нужно обратиться къ разсмотрѣнію слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) имѣлъ ли подсудимый Отраховичъ причину, побудившую его лишить жизни жену свою? 2) въ какомъ состояніи разсудка и въ припадкѣ ли умопомѣшательства учинено Отраховичемъ преступленіе? 3) дѣйствительно ли смерть Отраховичь была прямымъ послѣдствіемъ нанесенныхъ ей ранъ. Причины, побудившія Отраховича лишить жизни жену свою ясными и положительными фактами *не* обнаружены. Медицинскій совѣтъ относитъ совершеніе Отраховичемъ преступленія къ припадку преходящаго умопомѣшательства, и это удостовѣ-

реніе высшаго въ Имперіи медицинскаго установленія, по силѣ 1192 ст. XV т. зак. угол., есть доказательство совершенное. Наконецъ неопредѣленная причина смерти Отраховичъ, такъ-какъ анатомическаго вскрытія тѣла ея не было сдѣлано, не представляетъ основанія къ явному обвиненію Отраховича въ смерти жены его. По симъ обстоятельствамъ, не находя законнаго основанія отвергнуть медицинскаго удостовѣренія о свойствѣ преступленія подсудимаго, и имѣя въ виду, что по силѣ 1175 ст. XV т. зак. угол., при изслѣдованіи силы доказательствъ повелѣно наблюдать, что чѣмъ болѣе тяжко преступленіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства, нельзя обвинить Отраховича въ умышленномъ причиненіи смерти женѣ своей, но должно признать, что Отраховичъ совершилъ это преступленіе въ припадкѣ преходящаго умопомѣшательства: посему, принявъ въ руководство 101 ст. улож., слѣдуетъ, не вмѣняя подсудимому въ вину означеннаго преступленія, помѣстить его въ домъ умалишенныхъ, поступивъ въ срокъ содержанія его и въ освобожденіи отъ онаго по точнымъ словамъ III прод. къ 101 ст. улож.

Вслѣдствіе происшедшаго при слушаніи этого дѣла разногласія въ московскомъ общемъ собраніи, Министръ Юстиціи въ предложеніи сенату изложилъ слѣдующее: «при разсмотрѣніи этого дѣла подлежитъ разсмотрѣнію вопросъ о томъ: дѣйствительно-ли Отраховичъ совершилъ преступленіе въ припадкѣ умопомѣшательства и, если нѣтъ, то въ чемъ именно состоитъ его умыселъ? Изъ дѣла видно, что вѣроятность припадка сумасшествія у Отраховича при совершеніи имъ преступленія опровергается самыми обстоятельствами дѣла, а именно: выстрѣлъ произведенъ Отраховичемъ въ ночь на 16 августа 1845 года, отъ ипохондріи же лечился онъ еще въ 1844 году, а пользовавшій его зимою и въ началѣ весны 1845 года отъ заваловъ печени медикъ Чаплинскій удостовѣрилъ, что при этой болѣзни только иногда по мнительности Отраховича появлялись у него припадки ипохондрическіе, но что отъ этихъ болѣзней онъ получилъ облегченіе и пользуется здоровьемъ. Показанія прочихъ лицъ о душевной болѣзни Отраховича относятся къ прежнему времени; свидѣтельствовавшій-же подсудимаго врачъ Петровъ нашелъ его въ здоровомъ состояніи. Наконецъ всѣ сомнѣнія о состояніи разсудка Отраховича въ самое время престу-

ленія разрушаются собственными показаніями подсудимаго: ибо, говоря о выстрѣлѣ, онъ вовсе не ссылался на безсознательное состояніе въ то время, а напротивъ объяснялъ нечаянность выстрѣла, причемъ съ подробностію описывалъ свои движенія, между-тѣмъ какъ тутъ же о безумныхъ дѣйствіяхъ своихъ по прибытіи къ Липкѣ Парафіевскому тотчасъ послѣ происшествія Отраховичъ отзывался безпамятствомъ. А потому, если сіи дѣйствія и тѣлодвиженія должно отнести къ припадку истиннаго сумасшествія, а не притворнаго, въ коемъ онъ впослѣдствіи изобличенъ, то во всякомъ случаѣ таковой припадокъ появился уже послѣ происшествія. Показаніе Отраховича объ испорченности ружья не подтвердилось, показаніе же о нечаянности выстрѣла по осмотру оказалось ложнымъ. И такъ, если преступленіе произведено не въ припадкѣ сумасшествія и не вслѣдствіе нечаянности, то оно есть умышленное, и самая явность онаго увеличиваетъ только вину подсудимаго, а не даетъ права заключать о сумасшествіи его вопреки собственному его показанію. Что-же касается до вопроса о свойствѣ умысла, то по дѣлу не обнаружено обдуманнаго намѣренія Отраховича лишить жену жизни; ибо показаніе раненой жены о похвалбахъ и угрозахъ Отраховича убить ее за несодѣйствіе связи его съ дѣвицею Александрою, а равно показанія родственниковъ покойной Отраховичъ о дурныхъ отзывахъ объ ней подсудимаго, при отсутствіи собственнаго его сознанія, не составляютъ совершеннаго доказательства въ умыслѣ подсудимаго на жизнь жены, и самая рана, ей нанесенная, признана только случайно смертельною. Если онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ преступное намѣреніе избавиться отъ жены, дабы свободнѣе предаться распутству, то заслуживалъ бы наказанія, опредѣленнаго 1921 и 1922 ст. уложенія, но такъ-какъ это его намѣреніе не вполнѣ доказано, то на семъ предположеніи не можетъ быть основано мнѣніе о мѣрѣ наказанія. По симъ обстоятельствамъ слѣдуетъ признать подсудимаго виновнымъ въ нанесеніи беременной женѣ своей раны, отъ которой послѣдовала смерть, безъ предумышленнаго намѣренія на убійство На этомъ основаніи и имѣя въ виду жестокость въ способѣ нанесенія ранъ женѣ, упорство въ сознаніи, извороты при слѣдствіи, притворство въ сумасшествіи, при отсутствіи обстоятельствъ, уменьшающихъ мѣру наказанія, Ми-

нистръ Юстиціи полагалъ: Отраховича, на основаніи 1955, 1960, 1961 1962 ст. улож., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, призналъ Отраховича, по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла, виновнымъ въ нанесеніи беременной женѣ своей посредствомъ выстрѣла изъ ружья съ предумышленнымъ намѣреніемъ на убійство такихъ ранъ, отъ коихъ дѣйствительно послѣдовала смерть. Принявъ засимъ на видъ безнравственность побужденій къ преступленію, упорство подсудимаго въ запирательствѣ, разноречіе при слѣдствіи и притворство его въ сумасшедствіи, государственный совѣтъ, соотвѣтственно ст. 135 (п. 7 и 10) уложенія, мнѣніемъ положилъ: 1) подсудимаго Отраховича, на основаніи 1922 ст. упомянутаго уложенія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока. 3) Замѣченныя правительствующимъ сенатомъ упущенія при производствѣ сего дѣла въ томъ, что при самомъ открытіи преступленія не было составлено павлоградскимъ земскимъ судомъ временнаго отдѣленія, не было сдѣлано анатомическаго изслѣдованія тѣлу Отраховичь, послѣ ея смерти, и вообще допущена была медленность не только при слѣдствіи, но и въ палатѣ уголовнаго суда—предоставить разсмотрѣнію екатеринославскаго губернскаго правленія для поступленія съ виновными по законамъ, а екатеринославской палатѣ уголовнаго суда за допущенную медленность въ рѣшеніи дѣла сдѣлать замѣчаніе.

Такое мнѣніе государственнаго совѣта удостоено Высочайшаго утвержденія.

Въ настоящемъ дѣлѣ прежде всего представляется къ обсужденію вопросъ: находился-ли Отраховичъ въ состояніи вмѣняемости въ тотъ моментъ, когда онъ совершилъ убійство своей жены?

Возможность предположенія, что его поступокъ не подлежитъ вмѣненію, возникаетъ только въ томъ случаѣ, если будетъ *доказано*, что Отраховичъ, убивая свою жену, находился въ состо-

яніи сумасшествія или безпамятства, такъ-какъ это состояніе никогда не предполагается, если лице подверженное ему не было до того времени свидѣтельствовано въ состояніи его умственныхъ способностей.—Между-тѣмъ безпристрастное обсужденіе обстоятельствъ дѣла указываетъ, что Отраховичъ дѣйствовалъ до и послѣ преступленія, какъ человѣкъ вовсе ненаходящійся въ состояніи сумасшествія.

Во первыхъ, преступленіе его является не безпричиннымъ, но имѣло цѣлью избавить его отъ жены, мѣшавшей его любовной связи съ дѣвицею Громовою. Это обстоятельство подтверждается: 1) показаніемъ жены Отраховича, брата ея Черноглазова и священника Павленко, что Отраховичъ былъ въ связи съ Громовою и принудилъ жену привезть ее къ себѣ въ домъ, 2) показаніемъ Жебунева, что Отраховичъ говорилъ ему, что жена большая помѣха его удовольствіямъ, 3) объясненіемъ Громовой, что Отраховичъ склонялъ *ее на связь съ нимъ; 4) письмомъ, писаннымъ женою Отраховича* ея отцу, въ которомъ она просила удалить изъ ея дома Громову и жаловалась на свои несогласія съ мужемъ.—За всѣмъ этимъ въ поступкѣ Отраховича нельзя видѣть ничего, что-бы указывало на его сумасшествіе.

Во вторыхъ, передъ учиненіемъ преступленія Отраховичъ дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно, именно какъ-бы, не надѣясь на свою рѣшимость совершить преступленіе, онъ вечеромъ велѣлъ подать себѣ водки; найдя ее недовольно крѣпкою, онъ влилъ въ нее *спирту*, и выпилъ такимъ образомъ *цѣлый* графинъ. За ужиномъ онъ нѣсколько разъ высказалъ мысль, что жена его проживетъ не долго. Такимъ образомъ, если Отраховичъ въ моментъ совершенія преступленія и находился въ возбужденномъ состояніи, вслѣдствіе опьяненія, то это нисколько не служитъ къ уменьшенію, а тѣмъ болѣе къ уничтоженію его вины, потому-что онъ *нарочно* привелъ себя въ это состояніе для совершенія убійства. На основаніи-же 118 ст. улож. о наказ. за преступленіе, учиненное въ пьянствѣ, когда доказано, что виновный привелъ себя въ сіе состояніе именно *со намѣреніемъ* совершить сіе преступленіе—*опредѣляется высшая мѣра наказанія*, за то преступленіе въ законахъ положеннаго.

Въ третьихъ, нѣтъ ни одного обстоятельства, которое-бы удостовѣряло, что на Отроховича незадолго до учиненія престу-

пленія находили припадки сумасшествія *). Онъ страдалъ ипохондріей и завалами печени, до преступленія и во время его высказалъ дикій и необузданный характеръ, склонный къ насильственнымъ дѣяніямъ,—но это вовсе не сумасшествіе.

Въ четвертыхъ, сознаніе Отраховича Парафіевскому въ томъ, что онъ убилъ жену, не могло быть обращено противъ него, такъ-какъ фактъ преступленія и безъ того былъ совершенно доказанъ. Затѣмъ доводъ, будто сумасшествіе Отраховича доказывается тѣмъ, что онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ сокрытію умысла и слѣдовъ преступленія, вполнѣ неоснователенъ, ибо когда раздался выстрѣлъ, то всѣ люди сбѣжались въ спальню, въ которой совершено было убійство, а затѣмъ сокрытіе слѣдовъ преступленія сдѣлалось невозможнымъ. Во время же слѣдствія и суда Отраховичъ былъ изобличенъ въ притворномъ сумасшествіи. И такъ мы можемъ только *удивляться* заключенію медицинскаго совѣта, признавшаго Отраховича сумасшедшимъ, и порадоваться въ интересахъ правосудія тому, что это мнѣніе отвергнуто было Министромъ Юстиціи и Государственнымъ Совѣтомъ.

---

*) Приведемъ характеристику *сумасшествія*, сдѣланную Гейнротомъ и Фейербахомъ, чтобы примѣнить затѣмъ признаки его къ поступку Отраховича: «сумасшествіе (говоритъ Гейнротъ) есть сонъ на яву. Обманы воображенія заступаютъ мѣсто дѣйствительныхъ предметовъ, и вмѣсто дѣйствительнаго міра, больнаго окружаетъ воображаемый міръ, міръ сновидѣній». Фейербахъ замѣчаетъ: «въ той мѣрѣ, въ какой органы чувствъ сумасшедшаго открыты внѣшнему міру, они доставляютъ ему однако же *не* одни невѣрныя представленія; онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ много дѣйствительнаго; но такъ-какъ всѣ его душевныя способности находятся въ состояніи сна, то даже (матеріально) вѣрныя представленія, не отличаемыя имъ отъ созданій внутренняго чувства, принимаютъ видъ фантастическихъ представленій и образуютъ вмѣстѣ съ образами, созданными воображеніемъ, тотъ міръ сновидѣній, въ которомъ заключена его душа, какъ-бы въ заколдованномъ кругу. Какъ скоро исчезаетъ сумасшествіе, *исчезаетъ* также и весь созданный имъ міръ и *сознаніе всего прожитаго во время сумасшествія*».—Ничего подобнаго не встрѣчается въ состояніи Отраховича: у него не обнаружено обмановъ воображенія и фантастическихъ представленій, онъ дѣйствуетъ вполнѣ разумно и цѣлесообразно; желая убить жену, онъ для пріданія себѣ храбрости пьетъ вино и застрѣливаетъ ее, онъ помнитъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія убійство, и чтобы доказать свою невинность, говоритъ, что ружье выстрѣлило нечаянно.

IV. Дѣло о покушеніи поручикомъ Ломоносовымъ на убійство своей жены.

25 сентября 1848 года жена отставнаго поручика Наталья Ломоносова подала въ московскую городскую полицію объявленіе, въ которомъ объяснила слѣдующее: «наканунѣ, т. е. 24 сентября, была она въ гостяхъ у надворной совѣтницы Елисаветы Карауловой и въ полночь отправилась отъ нея домой, въ коляскѣ, съ гувернанткою своего сына, дѣвицею Софьею Музель и инженеръ-капитаномъ Ѳедоромъ Карауловымъ. Когда коляска пріѣхала на дворъ графини Санти, въ домѣ которой она квартируетъ, и подъѣхала къ крыльцу, она замѣтила на крыльцѣ своего мужа, живущаго съ ней въ разводѣ. Испугавшись такой неожиданной встрѣчи и зная строптивый характеръ своего мужа, она приказала кучеру поворотить лошадей со двора, но въ то же мгновеніе мужъ ея закричалъ: «держите лошадей». На этотъ крикъ вдругъ выскочили съ улицы два человѣка и схватили лошадей подъ узцы, а мужъ ея выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета, но не попалъ. Услышавъ выстрѣлъ, капитанъ Карауловъ выскочилъ изъ коляски, но запутался въ шинель и упалъ. Тогда мужъ ея выстрѣлилъ въ Караулова, а потомъ еще разъ выстрѣлилъ въ нее, но также не попалъ».

Вслѣдствіе этого объявленія былъ сдѣланъ обыскъ квартиры отставнаго поручика Николая Ломоносова, при чемъ найденъ маленькій незаряженный пистолетъ съ расшибленнымъ пистономъ. Во время обыска Ломоносовъ объявилъ, что у него былъ другой подобный пистолетъ, который онъ бросилъ въ коляску жены или обронилъ гдѣ-нибудь. По розыскамъ, произведеннымъ на дворѣ дома графини Санти, у живущихъ въ этомъ домѣ людей и въ коляскѣ, въ которой пріѣхала Ломоносова, другаго пистолета, бывшаго у обвиняемаго, не оказалось.

При осмотрѣ коляски въ ней открыты съ лѣвой стороны два знака, изъ которыхъ одинъ находился отъ сѣдалищной подушки на разстояніи семи, а другой восьми вершковъ. Первый знакъ имѣлъ видъ четырехъ-угольной сквозной дыры, а второй насквозь не проходилъ и противъ его найдена въ деревѣ четвертой дуги полукруглая свинцовая пуля, величиною съ плоской стороны въ серебряный пятакъ. По этимъ признакамъ оказа-

ватели и добросовѣстный свидѣтель, осматривавшіе коляску, заключили, что выстрѣлы произведены во внутрь коляски и что они не могли причинить вреда сидѣвшимъ въ углубленіи коляски.

Поручикъ *Ломоносовъ* на данные ему вопросные пункты показалъ, что въ 1833 году онъ женился на дѣвицѣ Натальѣ Панковой, съ которою сначала онъ жилъ счастливо, но три года тому назадъ принужденъ былъ съ нею разстаться вслѣдствіе ея предосудительнаго поведенія. Онъ однако продолжалъ страстно любить свою жену и всегда искалъ случая гдѣ-либо съ нею встрѣтиться. Опасаясь подвергнуться нападенію со стороны любовника своей жены, инженеръ-капитана Караулова, или подговоренныхъ имъ лицъ, отъ которыхъ онъ *по слабому своему здоровью* не могъ себя защитить, онъ постоянно имѣлъ при себѣ не столько для обороны, сколько для наведенія страха, два маленькихъ карманныхъ пистолета, издавно не помнитъ чѣмъ заряженныхъ. 24 сентября, часу въ первомъ дня, онъ проходилъ мимо женниной квартиры и услыхалъ ея игру на фортепьяно. Эта игра, услаждавшая его семейную жизнь, напомнила ему счастливое прошедшее и его настоящее несчастное положеніе, отъ чего онъ пришелъ въ нервное разстройство, бѣжалъ отъ квартиры жены и не помнитъ: гдѣ ходилъ, что съ нимъ происходило и въ которомъ часу возвратился домой. Вечеромъ того же дня онъ вышелъ безсознательно изъ дому и блуждая по улицамъ, опять очутился на дворѣ квартиры, занимаемой его женою. Спустя нѣсколько минутъ послѣ прихода его, въѣхала на дворъ коляска, въ которой онъ узналъ экипажъ своей жены, и остановилась у подъѣзда. Изъ коляски выпла гувернантка дѣвица Музель и прошла мимо его, а жена, увидѣвъ его, закричала кучеру, чтобы поворотилъ лошадей и ѣхалъ обратно со двора. Въ это время бывшій при коляскѣ лакей Петръ Ильинъ схватилъ его за лацканъ пальто, а изъ коляски раздались слова: «бей его», и онъ по голосу узналъ капитана Караулова. Услыхавъ такое оскорбленіе, приведшее его въ совершенное изступленіе, и опасаясь, чтобы Карауловъ, выскочившій уже изъ коляски, не напалъ на него вмѣстѣ съ Ильинымъ, онъ, Ломоносовъ, ударилъ сего послѣдняго въ лицо, а кучеру его жены закричалъ: «держи» и, не прицѣливаясь, выстрѣлилъ изъ обоихъ пистолетовъ. Онъ вовсе не имѣлъ намѣренія причинить кому-либо вредъ, но стрѣ-

лялъ единственно для того, чтобы испугать пріѣхавшихъ и оградить себя отъ могшаго произойти на него нападенія. Если-бы онъ хотѣлъ убить кого-нибудь, то могъ-бы сдѣлать это навѣрное, ибо стрѣлялъ столь близко, что дуло пистолета касалось коляски. Послѣ того какъ жена его ушла въ комнаты, а Караулов скрылся, онъ оставался нѣсколько минутъ на дворѣ и спрашивалъ у встрѣченнаго имъ неизвѣстнаго человѣка: «не ранилъ-ли онъ кого»? Въ это время подошли къ нему его крѣпостные люди, которые оказались на мѣстѣ происшествія случайно, бывши вѣроятно въ гостяхъ у людей его жены. Выстрѣловъ было сдѣлано только два, а не три.

Затѣмъ въ послѣдующихъ показаніяхъ и въ прошеніи, поданномъ въ правительствующій сенатъ, Ломоносовъ не оправдывался безсознательнымъ приходомъ къ квартирѣ своей жены, а объяснилъ, что случайно узнавъ въ тотъ день, гдѣ живетъ его жена и гдѣ она принимаетъ любовника своего, Караулова, онъ желалъ внезапнымъ появленіемъ посреди ихъ испугать жену и обратить ее къ своему долгу и что съ этою же цѣлью онъ выстрѣлилъ два раза чрезъ плечо своей жены въ пустую сторону коляски, въ которой уже не было Караулова. Пистолеты онъ носилъ съ собою потому, что слышалъ стороною угрозы Караулова и боялся быть имъ оскорбленнымъ.

Капитанъ *Караулов* показалъ согласно съ показаніями Ломоносовой, причемъ утверждалъ, что онъ не произносилъ словъ «бей его» и не видалъ, схватилъ ли Ильинъ Ломоносова за лацканъ пальто. Ломоносовъ сначала выстрѣлилъ въ свою жену потомъ въ него, Караулова, но пистолетъ осѣкся, и затѣмъ опять въ свою жену.

Дѣвица *Софья Музель* подъ присягою показала, что, подъѣзжая къ дому графини Санти, она замѣтила двухъ ходившихъ по тротуару человѣкъ, въ которыхъ узнала дворовыхъ людей Ломоносова: Семена Сергѣева и Алексѣя Игнатьева, о чемъ и сообщила Ломоносовой, которая отвѣтила ей: «зачѣмъ имъ быть въ такую пору». Когда коляска остановилась у подъѣзда и она вышла, то увидѣла выбѣжавшаго Ломоносова, который подошелъ къ стоявшему недалеко отъ коляски лакею Петру Ильину и спросилъ его, тутъ ли Наталья Александровна? На отзывъ Ильина, что ея нѣтъ, Ломоносовъ сталъ его бить. На крикъ Ломоносова

«держите», съ улицы изъ-за воротъ выбѣжали дворовые его люди, Сергѣевъ и Игнатьевъ, которые схватили лошадей. Тогда Ломоносовъ началъ стрѣлять изъ пистолетовъ въ коляску и сдѣлалъ три выстрѣла.

Петръ Ильинъ, дворовый человѣкъ Ломоносовой, показалъ, что когда барыня услыхала, что мужъ ея на дворъ, то закричала кучеру: «поворачивай назадъ и пошолъ со двора». Между тѣмъ Ломоносовъ, подойдя къ нему, спросилъ: тутъ ли Наталья Александровна. На это онъ безъ всякой побудительной причины отвѣчалъ, что ея нѣтъ въ колясктѣ, за что Ломоносовъ ударилъ его два раза по щекамъ. Лошади поворотили отъ крыльца и поѣхали, но на крикъ Ломоносова «держите лошадей» прибѣжали люди его, Сергѣевъ и Игнатьевъ, съ улицы и остановили лошадей. Въ это время Ломоносовъ, подойдя къ колясктѣ, сдѣлалъ три выстрѣла изъ пистолета. Послѣ того какъ барыня ушла въ комнаты, Ломоносовъ спрашивалъ у человѣка графини Санти: «застрѣлилъ ли онъ свою жену», на что тотъ отвѣчалъ: «не знаю». Карауловъ не кричалъ ему, Ильину: «бей его».

Кучеръ *Андріянъ Трофимовъ* показалъ сходно съ Ильинымъ, исключая слѣдующихъ обстоятельствъ происшествія: на крикъ Ломоносова люди его не подбѣгали и не останавливали лошадей подъ узцы, а подошли къ нему, не знаетъ откуда, послѣ выстрѣловъ; лошадей же остановилъ самъ Ломоносовъ, схвативъ за правую возжу, и потомъ сдѣлалъ изъ пистолета два выстрѣла. Къ этому Трофимовъ присовокупилъ, что онъ не видалъ, бралъ ли Ильинъ Ломоносова за лацканъ пальто и не слыхалъ, чтобы Карауловъ кричалъ: «бей его».

Дворовые люди Ломоносова показали слѣдующее:

Алексѣй Игнатьевъ — что 24 сентября вечеромъ баринъ призвалъ его къ себѣ въ комнату и спросилъ, пришолъ ли кучеръ Семенъ, котораго онъ, отправляя въ деревню, отпустилъ сходить за бѣльемъ въ квартиру Ломоносовой. Видя, что баринъ сердится на долгое отсутствіе Семена, онъ ушелъ за нимъ въ восьмомъ часу вечера безъ дозволенія барина. Прійдя на кухню Ломоносовой, онъ засталъ тамъ Семена и, передавъ ему слова барина, курилъ съ нимъ и поваромъ Сидоромъ трубки, а между тѣмъ собрались дворовыя женщины: Варвара Николаева, Агафья Игнатьева и Устинья Егорова, которыя собирали бѣлье Семена.

Въ это время, но въ которомъ именно часу, опредѣлительно сказать не можетъ, раздался на дворѣ чрезвычайный шумъ, на который онъ, Алексѣй и Семенъ выскочили въ испугѣ, *ибо находились въ чужомъ домѣ*. Услыхавъ голосъ своего господина, который съ горячностью говорилъ съ какимъ то военнымъ офицеромъ, и опасаясь, чтобы *при своей слабости* онъ не получилъ какой-нибудь непріятности, они подошли къ нему и стали просить уйти со двора, что̀ баринъ и исполнилъ. Коляску онъ, Алексѣй, видѣлъ не при въѣздѣ на дворъ, а послѣ, когда она стояла среди двора; выстрѣловъ въ шумѣ не слыхалъ и не знаетъ, причинялъ ли баринъ кому-нибудь побои. О намѣреніи барина быть на дворѣ своей супруги для ожиданія ея пріѣзда, ему не было извѣстно; кому принадлежитъ показанный пистолетъ — онъ не знаетъ и *никакихъ пистолетовъ никогда и нигдѣ не видалъ*.

Сергѣй Семеновъ показалъ согласно съ Алексѣемъ Игнатьевымъ. О справедливости показаній Игнатьева и Семенова были допрошены дворовые люди Ломоносовой, которые подъ присягою показали: *Сидоръ Никифоровъ* — что дѣйствительно Игнатьевъ и Семеновъ находились у нихъ въ кухнѣ до происшедшаго на дворѣ шума, на который они выбѣжали. *Варвара Николаева*— что Игнатьевъ и Семеновъ оставались у нихъ не позже 10 часовъ. *Устинья Егорова*—что она не знаетъ, въ которомъ часу ушли Игнатьевъ и Семеновъ. *Агафья Игнатьева* безъ присяги показала, что она видѣла одного только Сергѣева, для котораго приготовляло бѣлье, но когда онъ ушелъ, не знаетъ, потому что предъ происшествіемъ съ часъ или болѣе не входила въ кухню.

Касательно обстоятельствъ происшествія, кромѣ того, подъ присягою показали: дворовая дѣвка Ломоносовой *Ѳедора Трофимова*—что она по звонку отворила дверь дѣвицѣ Музель, которая объявила ей, что стрѣляютъ изъ пистолета, почему она вышла въ задніе двери на дворъ, гдѣ услыхала голосъ Ломоносова, спрашивавшаго у человѣка графини Санти, не застрѣлилъ ли онъ кого.—Дворникъ графини Санти *Аѳанасій Смирновъ*—что онъ не знаетъ, приходили ли Игнатьевъ и Сергѣевъ къ людямъ Ломоносовой. Услыхавъ около 12 часовъ ночи въѣхавшій на дворъ экипажъ и выстрѣлы — два или три, утвердительно сказать не можетъ, онъ выскочилъ изъ избы на дворъ и увидѣлъ стоявшую среди онаго коляску безъ кучера, но при лакеѣ Ильинѣ,

который разсказалъ про *случившееся*.—Управляющій домомъ *Якова Стрѣльцова*, что онъ былъ разбуженъ отъ сна тремя выстрѣлами изъ какого-то орудія и крикомъ караулъ, а когда вышелъ на дворъ, то увидѣлъ, что коляска безъ кучера стоитъ среди двора; были ли на дворѣ люди Ломоносова и зачѣмъ они приходили, ему неизвѣстно.—Лакей графини Санти *Никита Степановъ* — что 24 сентября, ночью, часовъ въ 12, бывъ въ прихожей комнатѣ, онъ услыхалъ въѣхавшій на дворъ экипажъ и полагая, что онъ подъѣхалъ къ крыльцу графини, взялъ свѣчку и вышелъ на дворъ, гдѣ увидѣлъ Ломоносову, подымавшуюся съ земли и кричавшую: «караулъ, спасите», но отъ чего, онъ не понималъ. Впустивъ въ комнаты графини Ломоносову и Караулова, онъ вторично вышелъ на дворъ и тутъ подошелъ къ нему человѣкъ, котораго въ лицо онъ не могъ замѣтить по темнотѣ ночи, и спросилъ: *не застрѣлила ли она ее*, говоря, *что Ломоносова жена его*, на что онъ, Степановъ, отвѣчалъ: «не знаю, что вы тамъ надѣлали» и ушолъ. Выстрѣловъ онъ не слыхалъ.

Въ одномъ изъ объявленій, поданныхъ впослѣдствіи слѣдователямъ, Ломоносова объясняла, между прочимъ, слѣдующее: «при третьемъ выстрѣлѣ, когда она находилась въ колескѣ, мужъ ея сталъ на подножу и она видѣла, какъ онъ направилъ въ нее пистолетъ. Если-бы она осталась въ томъ же положеніи или подвинулась впередъ, то пуля непремѣнно прошла бы ей въ грудь или сердце, но въ мгновеніе выстрѣла она припала къ подушкѣ и пуля пролетѣла мимо ея, пробивъ коляску навылетъ. Послѣ этого выстрѣла она почти упала изъ коляски и мужъ ея, полагая вѣроятно, что убилъ ее, бросился отъ нея прочь, а она въ какомъ-то страшномъ оцѣпененіи говорила: «спасите меня» и вдругъ была схвачена кучеромъ мужа Семеномъ, который держалъ ее, вѣроятно съ цѣлію докончить начатое злодѣяніе. Къ счастію въ это время люди графини Санти вышли на крыльцо со свѣчами и тогда она, собравъ послѣднія силы вырвалась отъ кучера и была взята человѣкомъ графини, который привелъ ее къ своей госпожѣ.»

Спрошенные по содержанію этого объявленія дворовые люди Ломоносова и жены его показали: *Семенъ Сергѣевъ:* что онъ супруги господина своего не удерживалъ, а только видѣлъ, какъ она бѣжала въ комнаты графини Санти. *Алексѣй Игнатьевъ*: что

онъ вовсе не видалъ Натальи Александровны и что при немъ Семенъ Сергѣевъ не удерживалъ ее, а былъ на дворѣ дома графини Санти. *Андріана Трофимова и Петра Ильина.* что они въ испугѣ не замѣтили, какъ выходила госпожа ихъ изъ коляски и не видали, чтобы Семенъ Сергѣевъ ее удерживалъ.

По разнорѣчію въ показаніяхъ даны были очныя ставки слѣдующимъ лицамъ: 1) *Ломоносову съ женою его и Карауловымъ,* изъ которыхъ каждый остался при своихъ показаніяхъ, но Ломоносовъ при этомъ объяснилъ, что онъ стрѣлялъ изъ пистолета единственно для того, что попугать жену свою, которая боится выстрѣловъ, и воздержать ее отъ предосудительнаго поведенія.

2) Дворовымъ людямъ Ломоносовой *Андріану Трофимову* съ *Петромъ Ильинымъ,* изъ которыхъ первый подтвердилъ свое прежнее показаніе, а послѣдній отозвался, что онъ не видалъ, выбѣгали ли съ улицы на дворъ люди Ломоносова, Семенъ и Алексѣй, на крикъ господина ихъ «держи» и остановили ли они лошадей, а только предполагалъ это, усмотрѣвъ ихъ на дворѣ во время происшедшаго послѣ выстрѣла шума. Равномѣрно не можетъ онъ утвердительно сказать, сколько было выстрѣловъ— два или три, ибо находился въ то время въ сильномъ испугѣ.

3) *Жень Ломоносова и Караулову съ дворовыми людьми: Семеномъ Сергѣевымъ, Алексѣемъ Игнатьевымъ, Андріаномъ Трофимовымъ и Петромъ Ильинымъ.* Всѣ они остались при своихъ показаніяхъ, кромѣ Трофимова, который присовокупилъ, что кромѣ двухъ выстрѣловъ, третья, какъ онъ полагаетъ, была осѣчка.

4) *Дворовымъ людямъ Алексѣю Игнатьеву съ вдовою Агафьею Игнатьевою,* изъ которыхъ послѣдняя показала, что дѣйствительно Алексѣй Игнатьевъ, какъ она припомнитъ, приходилъ вечеромъ 24 сентября къ людямъ Ломоносовой и вмѣстѣ съ ними курилъ табакъ въ кухнѣ,

Во время производства слѣдствія Ломоносовъ обвинялъ жену свою въ преступной связи спачала съ бывшимъ въ его домѣ гувернеромъ французомъ Ретте, а потомъ съ капитаномъ Карауловымъ. Слѣдователи пашли нужнымъ произвести слѣдствіе по обвиненію Ломоносова и раскрыть предъ судомъ домашнюю жизнь обоихъ супруговъ. Какъ Ломоносовъ, такъ и его жена предстаивили множество писемъ другъ къ другу, изъ которыхъ

можно было только заключить, что супруги, по крайней мѣрѣ въ первые годы послѣ свадьбы, горячо любили другъ друга, что Ломоносовъ управлялъ имѣніями своей жены, имѣя полную отъ нея довѣренность, что онъ дѣлалъ долги и привелъ ея дѣла въ разстройство и пр. Ломоносовъ представилъ также нѣсколько писемъ, писанныхъ будто бы его женою къ французу Ретте, но Ломоносова показала, что она не писала этихъ писемъ, а Ретте, что онъ ихъ не получалъ. Затѣмъ по предмету нахожденія Ломоносовой въ преступной связи съ Ретте и Карауловымъ былъ допрошенъ *тридцать одинъ* свидѣтель, большею частію подъ присягою. Всѣ спрошенные свидѣтели, единогласно показали, что они не знаютъ, состояла ли Ломоносова въ преступной связи съ лицами, на которыхъ указывалъ ея мужъ. Вотъ весьма интересный отрывокъ изъ одного находящагося при дѣлѣ письма Ломоносова, писаннаго имъ къ своей женѣ уже *послѣ* совершенія преступленія: «вы не знали и не знаете, что такое ревность? Знаете ли, что ревность, по моему мнѣнію, есть мѣрило любви, любви, говорю, не романической, гдѣ все преувеличено, и высоко недосязаемой, но любви, которою любимъ мы грѣшники въ здѣшнемъ мірѣ; сила любви измѣряется силою ревности. Разсмотря это, и вы сами со мною согласитесь. Напримѣръ: если въ васъ родится подозрѣніе, что любовь милаго вамъ человѣка ослабѣваетъ или, что еще хуже, обращается къ другому, не страшно ли вамъ потерять ее? А чѣмъ болѣе страха, тѣмъ болѣе ревности, слѣдовательно тѣмъ сильнѣе любовь— прогрессія неоспорима! Этотъ страхъ такъ затмѣваетъ иногда разсудокъ, что вмѣсто того, чтобы обратить любовь эту къ намъ, мы теряемся, дѣлаемъ промахи, безразсудства, совершенно уже уничтожающія любовь, которую удержать старались; эти промахи были, кажется, отчасти моимъ удѣломъ, а потому будьте хотя въ прошедшемъ снисходительны къ припадкамъ моей ревности, васъ окончательно отъ меня отвратившей, не презирайте меня, а жалѣйте обо мнѣ по человѣчеству и пр.».

По окончаніи слѣдствія оно было представлено 8 іюля 1849 года въ 1 департаментъ московскаго надворнаго суда, который призналъ, что Ломоносовымъ покушеніе на жизнь своей жены и Караулова учинено съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и что имъ сдѣлано все, что онъ могъ считать нужнымъ для при-

веденія своего намѣренія въ дѣйствіе, такъ-что преднамѣренное имъ зло не совершилось по особымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Вслѣдствіе сего, на основаніи 111 и 121 ст. уложенія изд. 1845 г., (117 и 127 ст. изд. 1857 г.), слѣдовало бы подвергнуть Ломоносова положенному въ 1922 ст. (2000 ст.) наказанію; но принимая во вниманіе, что сильное раздраженіе подсудимаго произошло отъ ревности и подозрѣнія въ измѣнѣ жены и что это по 5 пункту 140 ст. улож. (5 п. 146 ст.) составляетъ обстоятельство, уменьшающее вину и наказаніе, надворный судъ 23 мая 1850 г. мнѣніемъ положилъ: 1) отставнаго поручика Николая Ломоносова, на основаніи 111, 121 и 1922 ст. улож. лишить всѣхъ правъ состоянія и вмѣсто ссылки въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока, перейдя согласно 144 ст. улож. (ст. 163) къ слѣдующему непосредственному затѣмъ роду наказаній, сослать на поселеніе въ Сибирь и 2) дворовыхъ людей Ломоносова, Алексѣя Игнатьева и Семена Сергѣева, оговариваемыхъ Ломоносовою въ участіи съ мужемъ ея въ покушеніи на ея жизнь, но въ томъ не сознавшихся и не уличенныхъ, на основаніи 97 ст. улож. (103 ст.) освободить отъ суда и слѣдствія. Въ тоже время надворный судъ сдѣлалъ распоряженіе о заключеніи подсудимаго подъ стражу.

Московская уголовная палата опредѣленіемъ, состоявшимся 19 іюля 1850 года, нашла, что отставной поручикъ Николай Ломоносовъ не сознался въ покушеніи на жизнь своей жены и инженеръ-капитана Караулова, показывая, что онъ выстрѣлилъ не прицѣливаясь и не имѣя намѣренія причинить кому вредъ, а единственно для того только, чтобы ихъ испугать и тѣмъ оградить себя отъ могущаго произойти на него нападенія; но такъ-какъ онъ сдѣлалъ выстрѣлы въ то самое мѣсто, гдѣ сидѣли Ломоносова и Карауловъ, то его, Ломоносова, слѣдуетъ оставить по означенному предмету въ сильномъ подозрѣніи; а за то, что онъ стрѣлялъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ были люди и гдѣ посему всякая стрѣльба воспрещена, подвергнуть его, по силѣ 1245 ст. улож. изд. 1845 года (1300 ст. изд. 1857 года), денежному взысканію въ 20 р., каковыя деньги употребить на предметъ, означенный въ 45 ст. улож. (46 ст.). Такъ-какъ по изложенному рѣшенію Ломоносовъ оставлялся въ подозрѣніи, то па-

лата постановила объ освобожденіи его изъ подъ стражи на благонадежное поручательство.

Московскій военный генералъ-губернаторъ, представляя настоящее дѣло въ правительствующій сенатъ, съ своей стороны находилъ, что 1245 ст. улож., на основаніи которой палата полагаетъ подвергнуть Ломоносова штрафу въ 20 р., не можетъ быть примѣнена въ данномъ случаѣ. Самъ Ломоносовъ показываетъ, что онъ сдѣлалъ выстрѣлъ хотя безъ намѣренія причинить кому-либо вредъ, но съ тѣмъ, чтобы предупредить нападеніе со стороны Караулова и Ильина. Такимъ образомъ онъ дозволилъ себѣ дѣйствіе, противное постановленіямъ, ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ, а по этому сюда ближе подходитъ 1965 ст. улож. изд. 1845 г. (2043 ст. изд. 1857 года), по силѣ которой виновный въ подобномъ преступленіи приговаривается или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, или къ аресту отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ или наконецъ къ строгому выговору. Вслѣдствіе сего московскій военный генералъ-губернаторъ полагалъ: выдержать Ломоносова въ тюрьмѣ 4 мѣсяца.

1 Отдѣленіе 6 департамента сената, соглашаясь съ мнѣніемъ военнаго генералъ-губернатора, заключило: выдержать Ломоносова въ тюрьмѣ 3 мѣсяца.

По поступленіи опредѣленія къ просмотру исправляющаго должность оберъ-прокурора Лебедева, онъ далъ правительствующему сенату предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, изъяснилъ слѣдующее: дѣло о поручикѣ Ломоносовѣ существенно заключается въ томъ, что испытывая послѣдствія несчастнаго брака и подозрѣвая жену свою въ преступной связи сначала съ французомъ Ретте, а потомъ съ капитаномъ Карауловымъ, Ломоносовъ, очевидно подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія, въ ночь на 25 сентября 1848 года, прибылъ къ дому, занимаемому его женою, и когда сія послѣдняя въ коляскѣ съ Карауловымъ подъѣхала къ крыльцу, выстрѣлилъ въ нихъ два раза изъ пистолетовъ, заряженныхъ пулями. Выстрѣлы эти не имѣли послѣдствій, ибо Ломоносова скрылась внутрь экипажа, а Караулов въ это мгновеніе выскочилъ изъ экипажа. Подсудимый объяснилъ, что онъ носилъ пистолеты для обороны отъ нападенія со стороны Караулова, а выстрѣлилъ, чтобы испугать же-

ну и пробудить въ ней чувство приличія, не зная, что пистолеты заряжены пулями. Объясненіе это не имѣетъ никакого вѣроятія, ибо нападеній отъ Караулова никогда не было, а напротивъ нападеніе со стороны подсудимаго и выстрѣлы сдѣланы на дворъ, у крыльца жены его и въ такое время, когда присутствіе его не могло быть ожидано. Оправданіе Ломоносова незнаніемъ о зарядѣ пулями и произведеніемъ выстрѣловъ для испуга совершенно неосновательно, ибо имѣть для обороны пистолеты незаряженные было-бы безполезно, а для испуга достаточно было бы выстрѣлить одинъ разъ, безъ пулей, и притомъ въ сторону или вверхъ, а не внутры экипажа, гдѣ сидѣли Ломоносова и Карауловъ. Правительствующій сенатъ признаетъ таковое дѣяніе Ломоносова нарушеніемъ постановленій, ограждающихъ личную безопасность и общественный порядокъ, и полагаетъ, на основаніи 1965 ст., подвергнуть его личному аресту. Сколь не очевидно стеченіе несчастныхъ семейныхъ отношеній, возбуждающихъ состраданіе къ положенію виновнаго, и сколь ни важны обстоятельства, уменьшающія вину его, тѣмъ не менѣе разсматриваемое дѣяніе не можетъ быть принято за маловажный проступокъ или нарушеніе полицейскаго порядка и примѣненіе къ сему дѣянію 1965 ст. могло-бы имѣть мѣсто только тогда, если бы выстрѣлы сдѣланы были неумышленно, по неосторожности. Дѣяніе Ломоносова по всѣмъ признакамъ онаго есть покушеніе на убійство, несовершенное отъ причинъ, независящихъ отъ воли подсудимаго, и посему видъ и мѣра отвѣтственности виновному должны быть назначены на основаніи 121 и 1922 ст. улож. Но опредѣляя вину и отвѣтственность по точному смыслу закона, судъ, имѣя въ виду обстоятельства, сопровождавшія дѣянія, и примѣняясь къ 1 пункту 1942 ст. и на основаніи 157—159 ст. улож. (166—168 ст.), можетъ ходатайствовать о смягченіи или замѣнѣ наказанія предписаннымъ для сего порядкомъ. По симъ соображеніямъ оберъ-прокуроръ предложилъ правительствующему сенату: признавъ поручика Николая Ломоносова виновнымъ въ покушеніи на убійство и подлежащимъ наказанію по 1922 ст. улож., участь его, во вниманіе къ особеннымъ обстоятельствамъ, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора.

По непринятію сенаторами 1-го отдѣленія 6 департамента

сената предложенія оберъ-прокурора, настоящее дѣло перешло на разсмотрѣніе общаго собранія московскихъ департаментовъ сената, гдѣ семь сенаторовъ согласились съ предложеніемъ, а восемь заявили мнѣніе, согласное съ выраженнымъ въ департаментѣ.

Министръ Юстиціи находилъ, что Ломоносовъ вполнѣ изобличается въ покушеніи на убійство и что не представляется никакихъ основаній ходатайствовать о смягченіи слѣдующаго ему по законамъ наказанія, а потому полагалъ: лишивъ Ломоносова всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока.

Это заключеніе Министра Юстиціи было принято Высочайше утвержденнымъ 31 декабря 1852 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Затѣмъ послѣдовали Высочайшія повелѣнія: 1) 7 марта 1853 года объ отправленіи Ломоносова, вмѣсто каторжной работы, на поселеніе въ якутскую область, съ воспрещеніемъ выѣзда изъ нея; 2) 13 апрѣля 1853 года—объ отдачѣ Ломоносова въ военную службу рядовымъ безъ выслуги и 3) 30 іюня 1853 года—о совершенномъ помилованіи Ломоносова, такъ-какъ онъ оказался, за болѣзнію, неспособнымъ къ военной службѣ.

Настоящее дѣло представляется весьма простымъ и несложнымъ, съ какой-бы точки зрѣнія не посмотрѣть на него.

Со стороны юридической въ немъ проявилось покушеніе на убійство (conatus perfectus), неудавшееся по совершенно случайнымъ причинамъ и помимо воли Ломоносова. Вотъ какъ опредѣляетъ подобное покушеніе профессоръ Спасовичъ въ его учебникѣ угол. права (стр. 132): «сюда относится тотъ случай, когда преступникъ предпринялъ все, что́ нужно было для совершенія преступленія, но ожидаемый результатъ не воспослѣдовалъ вслѣдствіе какихъ-нибудь непредвидимыхъ преступникомъ обстоятельствъ. Въ дѣяніи надо различать: дѣйствіе преступника и дѣло или перемѣну, произведенную этимъ дѣйствіемъ въ мірѣ внѣшнемъ. Дѣйствіе зависитъ отъ преступника, но послѣдствіями его онъ не вполнѣ располагаетъ потому, что они

зависятъ отъ множества внѣшнихъ силъ, обстоятельствъ и причинъ. Онъ расчитывалъ на содѣйствіе этихъ силъ, но обсчитался (напр. *пуля пронеслась мимо*, кинжалъ при ударѣ разломался, и пр.) Что преступленіе неудавшееся наказуемо, не смотря на неудачу, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію».

Въ настоящемъ дѣлѣ преступный умыселъ Ломоносова обнаруживается слѣдующимъ: ночью на 25 сентября Ломоносовъ очутился у подъѣзда квартиры своей жены, онъ ждалъ ее, потому—что онъ былъ вооруженъ двумя пистолетами; увидѣвъ жену и Караулова въ подъѣхавшей коляскѣ, онъ два раза выстрѣлилъ во внутрь послѣдней. Наконецъ онъ спросилъ у человѣка графины Санти: не убилъ ли я свою жену? И такъ и по умыслу и по исполненію этотъ поступокъ есть совершенно оконченное покушеніе, такъ-какъ Ломаносовъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что считалъ нужнымъ для убійства жены.

Мотивъ преступленія также совершенно понятенъ: Ломоносовъ покушался убить жену изъ чувства *ревности*, испытываемаго имъ вслѣдствіе того, что любовь къ женѣ еще не совсѣмъ остыла въ немъ и послѣ разрыва съ нею. Вотъ отчего мы полагаемъ, что если-бы это дѣло было рѣшено при участіи присяжныхъ, то изслѣдованіе отношеній между супругами и послѣ ихъ разрыва, не было-бы излишнимъ и могло-бы значительно повліять на приговоръ присяжныхъ.

V. Дѣло о покушеніи на жизнь калужскаго помѣщика Чернова посредствомъ адской машины.

Калужскій помѣщикъ Иванъ Черновъ, производившій обширную заграничную торговлю самомъ, довольно часто выѣзжалъ изъ своего калужскаго имѣнія и проживалъ по дѣламъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ.

Однажды, а именно 9 октября 1855 года, когда Черновъ находился въ Москвѣ, въ квартиру его явился кондукторъ желѣзной дороги Лукьянъ Дементьевъ и доставилъ письмо вмѣстѣ съ ящикомъ, длиною въ аршинъ, а шириною въ три четверти аршина. На конвертѣ письма была надпись: «въ квартиру Чернова, на Рождественкѣ, въ Кисельномъ переулкѣ, домъ Кобеле-

вой». Далѣе слѣдуютъ слова: «При семъ слѣдуетъ посылка. Если Чернова въ Москвѣ нѣтъ, то записку распечатать и исполнить, что въ ней сказано:» Самое письмо было слѣдующаго содержанія; «посылка сія съ документами, если не застанетъ уже Чернова въ Москвѣ, то надлежитъ ее отправить къ нему, и по телеграфу дать отвѣтъ. Въ полученіи-же сей посылки за четырьмя печатями снабдить посланнаго надлежащею росписью, безъ упоминанія о приложенныхъ документахъ, буде записка будетъ нераспечатана». Засимъ слѣдовала подпись «Марья Жукова», а ниже подписи добавлено: «Чернову отыскать меня можно въ Дрезденѣ или у Шевалье, съ тѣмъ чтобы на дняхъ мы могли видѣться и обо всемъ подробно переговорить». Въ одномъ конвертѣ съ этимъ письмомъ былъ особый запечатанный пакетъ съ надписью: «ключъ въ собственныя руки». Прочитавъ письмо, Черновъ усомнился въ томъ, чтобы присланный ящикъ, вѣсившій до четырехъ пудовъ, могъ заключать въ себѣ одни только документы, и на этомъ основаніи о полученной посылкѣ далъ знать мѣстному квартальному управленію.

На другой день квартальный надзиратель вмѣстѣ съ добросовѣстнымъ и писаремъ явился въ квартиру Чернова и въ присутствіи его и еще трехъ лицъ, находившихся въ то время у Чернова, приступилъ ко вскрытію ящика. Въ немъ оказалась уложенная въ сѣнь и обложенная войлокомъ деревянная выполированная подъ красное дерево шкатулка, менѣе наружнаго ящика по одному вершку со всѣхъ сторонъ, съ выдвижною крышкою, запертою съ одной стороны внутреннимъ замкомъ, который и былъ отпертъ надзирателемъ посредствомъ ключа, находившагося въ особомъ пакетѣ. Когда-же надзиратель потянулъ къ себѣ выдвижную крышку за придѣланную къ ней мѣдную ручку, то послышался трескъ, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ взрывъ ящика съ необыкновенно оглушительнымъ ударомъ. Этимъ взрывомъ нанесены болѣе или менѣе неопасные ушибы и раны всѣмъ лицамъ, находившимся при вскрытіи ящика.

По доведеніи объ этомъ происшествіи до свѣдѣнія главнаго московскаго начальства, назначена была особая слѣдственная коммисія для обнаруженія виновныхъ въ покушеніи на жизнь Чернова. Первымъ дѣйствіемъ коммисіи былъ осмотръ мѣста,

гдѣ послѣдовалъ взрывъ ящика. При этомъ осмотрѣ оказалось 1) отъ взрыва выбита дверь изъ залы, сдѣланы пробоины и царапины; а полъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ ящикъ, пробитъ квадратно въ 12 вершковъ, такъ-что половая доска толщиною въ вершокъ, вдавлена вершка на два; 2) на полу найдены осколки ящика и стеклянныхъ простыхъ толстыхъ бутылокъ, разорванный мѣдный кованный пузырь (кострюля), большой замокъ; пистолетный стволъ, передѣланный изъ ружейнаго, обгорѣлый клокъ ваты (повидимому зарядный пыжъ) и еще маленькій пистолетъ, французской работы; 3) на стѣнахъ найдены пять сплюснутыхъ свинцовыхъ пуль величиною съ горошины. На верхней доскѣ наружнаго ящика былъ написанъ ярлыкъ съ печатною надписью: «отъ станціи с.-петербургской до московской»; № написанъ 99 или 199 и приложено пять печатей, одна тушью, а остальныя краснымъ сургучемъ съ литерою Т. По дознанію, сдѣланному полиціею въ гостинницахъ Дрезденъ и Шевалье, никакой Марьи Жуковой, да и вообще никакихъ другихъ подозрительныхъ лицъ не оказалось. При допросѣ помѣщикъ *Чернова* отозвался, что онъ ссоры и вражды ни съ кѣмъ не имѣлъ и подозрѣнія въ покушеніи на его жизнь ни на кого объявить не можетъ, что Марью Жукову и такихъ лицъ, кои могли-бы ожидать его въ гостинницахъ Дрезденъ и Шевалье, не знаетъ и наконецъ, что по его мнѣнію, посягательство на его жизнь или было дѣломъ личной къ нему мести или только послѣдствіемъ желанія пріобрѣсти вещественныя средства послѣ его смерти.—Слѣдственная коммисія, находя болѣе вѣроятнымъ послѣднее предположеніе Чернова, командировала для секретнаго дознанія одного члена на мѣсто родины Чернова, въ калужскую губернію, какъ главное его мѣстопребываніе въ жизни.

Жена Чернова Вѣра Михайловна, спрошенная этимъ членомъ коммисіи въ имѣніи мужа въ селѣ Грабцовѣ, отозвалась, что случай посягательства на жизнь ея мужа ей извѣстенъ, но что при всемъ искреннемъ и совершенно естественномъ желаніи и готовности, какъ жены, открыть или содѣйствовать открытію злоумышленниковъ, посягавшихъ на жизнь ея мужа, она съ своей стороны никакого подозрѣнія объявить не можетъ, равно

кто бы по ея соображеніямъ могъ рѣшиться на такой поступокъ, не знаетъ.

Между-тѣмъ слѣдственная коммисія, пересматривая переписку, взятую въ квартирѣ самаго Чернова, нашла письмо безъ подписи и безъ обозначенія времени, когда оно было писано. Въ этомъ письмѣ выражено сѣтованіе женщины на отказъ Чернова въ ссудѣ ей денегъ и между прочимъ сказано: «дай Богъ вамъ почувствовать все горе, какое вы, богатый человѣкъ, доставили мнѣ; теперь зная до васъ касающуюся тайну, отъ которой вся ваша жизнь зависитъ, признаюсь, и могла-бы быть вамъ полезна, да не за что; вы меня сильно огорчили». Черновъ объяснилъ, что это письмо онъ получилъ въ августѣ или сентябрѣ 1855 года отъ вдовы поручика Анны Шабловской, съ которою познакомился въ маскарадѣ одного изъ московскихъ собраній; что онъ неоднократно по просьбамъ ея ссужалъ ее деньгами, но что постоянное повтореніе съ ея стороны просьбъ о деньгахъ вынудило его отказывать ей. Шабловская, спрошенная вслѣдствіе такого показанія Чернова, объяснила, что точно послѣ отказа ей Черновымъ въ денежной ссудѣ, она въ августѣ 1855 года послала къ нему письмо, въ которомъ упоминала о извѣстной ей тайнѣ, относящейся до него. Тайна эта заключалась въ томъ, что коротко ей знакомая дѣвица Софья Луковичь, искавшая случая познакомиться съ Черновымъ, бывши у ней, Шабловской, въ началѣ августа разсказывала ей, что одинъ молодой человѣкъ сдѣлалъ ей предложеніе нанять въ Сокольникахъ дачу, помѣстить въ ней дѣвицъ вольнаго обращенія, заманить туда Чернова, котораго страсть къ женщинамъ ей извѣстна, во время пира напоить его до пьяна, всыпать ему въ вино усыпительнаго порошка и, когда онъ уснетъ, взять у него билеты сохранной казны на имя неизвѣстнаго.

Дѣвица изъ дворянъ Софья Ильина Луковичь показала, что вышеобъясненный планъ противъ Чернова она дѣйствительно передовала Шабловской и что предложенъ онъ ей былъ отставнымъ штабъ-ротмистромъ Николаемъ Телепневымъ, вслѣдствіе чего она, Луковичь, и полагаетъ, что машину прислалъ Чернову Телепневъ.

Слѣдователи приступили въ допросу *Телепнева,* который, при священническомъ увѣщаніи, скоро сознался, въ изготовленіи и

присылкѣ къ Чернову адской машины, но въ отвѣтахъ своихъ разнообразно объяснилъ причины, побудившія его къ этому дѣйствію. Въ первоначальномъ отзывѣ, данномъ 20 декабря 1855 года, Телепневъ объяснилъ, что машина, которая была привезена въ квартиру помѣщика Чернова, была сдѣлана по его, Телепнева, плану для отсылки къ главнокомандующему въ Крыму войсками князю Горчакову, какъ модель, чтобы онъ могъ употребить другія въ бо́льшемъ размѣрѣ противъ непріятелей. Машина эта слѣдующаго устройства: сначала былъ сдѣланъ ящикъ съ перегородкою, и вложенъ въ деревянную шкатулку; въ ней утверждена скамеечка, а на ней поставлена мѣдная запаянная кострюлька, для помѣщенія въ ней пороху; къ кострюлькѣ проведены два пистолета дулами, а замками къ одной сторонѣ наружнаго ящика, и когда въ кострюлю былъ бы насыпанъ порохъ и заряжены пистолеты, то при выдвиганіи крыши наружнаго ящика взведенные курки пистолетовъ должны были произвести выстрѣлъ и воспламенить порохъ, находящійся въ кострюлѣ, а затѣмъ—взрывъ всей машины. Когда машина была совершенно устроена, то она находилась долгое время безъ заряда, потому-что отсылать ее къ князю Горчакову ему по расчетамъ оказалось дорого и безполезно. А потому, не зная, что сдѣлать съ машиною и не находя лучшаго употребленія для нея, какъ послать ее къ дворянину Чернову, извѣстному ему, Телепневу, по слухамъ съ самой дурной стороны, онъ, Телепневъ, насыпалъ въ кострюлю полтора фунта пороху, замѣстивъ остальное пространство внутренности ея древесными опилками, зарядилъ пистолеты, поставилъ машину въ новый ящикъ, и приказалъ бывшему у него, Телепнева, въ услуженіи дворовому человѣку Гаврилѣ Ларину отнести этотъ ящикъ въ гостинницу Пуаре, съ тѣмъ, чтобы оный оттуда черезъ сторожа желѣзной дороги былъ отправленъ къ Чернову подъ тѣмъ предлогомъ, что къ нему означенный ящикъ присланъ изъ С.-Петербурга, а для большаго удостовѣренія въ этомъ, приклеилъ печатный ярлыкъ отъ станціи с.-петербургской до московской, снятый имъ, Телепневымъ, съ чемодана своего, который былъ посылаемъ по желѣзной дорогѣ при проѣздѣ его изъ С.-Петербурга въ Москву. Цѣль посылки машины къ Чернову была та, чтобы взрывомъ оной испугать его и, можетъ быть, легко ранить, но убить Чер-

нова, а тѣмъ болѣе кого нибудь другаго изъ окружающихъ его онъ, Телепневъ, не имѣлъ ни малѣйшаго помысла. Доказательствомъ этому служитъ то, что машина была сдѣлана для помѣщенія пяти съ половиною фунтовъ пороху, а онъ, Телепневъ, всыпалъ въ нее только полтора фунта, и то, что онъ, Телепневъ, съ Черновымъ не только непріятностей, но и знакомства не имѣлъ, никогда его *не видалъ, и кто его окружаетъ, не зналъ.* Слѣдовательно, убить его, Чернова, или кого нибудь изъ живущихъ при немъ, ему, Телепневу, не было никакого побужденія и цѣли, и никто изъ родныхъ Чернова и постороннихъ его, Телепнева, къ этому не подкупалъ и не подговаривалъ.

Во *второмъ* показаніи, данномъ 5 января 1856 года, Телепневъ прямо признался, что посылая къ Чернову машину, онъ имѣлъ намѣреніе посредствомъ взрыва ея убить его, Чернова. Побужденіемъ же къ тому были слѣдующія причины. Въ декабрѣ 1853 года, бывши въ Калугѣ, ѣздилъ онъ въ село Грабцово къ Черновой, и познакомился съ нею и потомъ два раза пріѣзжалъ въ Калугу и продолжалъ знакомство; во время разговора при послѣднемъ свиданіи, бывшемъ весною 1854 года, онъ Телепневъ, говорилъ Черновой, что желалъ-бы имѣть 300,000 руб. и ея любовь. На эта Чернова отвѣчала, что если бы она сдѣлалась вдовою, то не пожалѣла-бы для него этой суммы. Послѣ этого онъ сказалъ ей, что будетъ стрѣляться съ мужемъ ея и убьетъ его. Чрезъ день послѣ этого разговора къ нему явился отецъ Черновой, *капитанъ Михаилъ Суражевскій, и предложилъ* ему уничтожить Чернова, говоря, что дочь его Вѣра, будучи тогда вдовою, не пожалѣетъ для него ничего и любовь ея продолжится къ нему навсегда *). Въ надеждѣ получить отъ вдовы Черновой большой капиталъ, онъ Телепневъ согласился на предложеніе Суражевскаго и принялъ отъ него пузырекъ съ ядомъ, съ которымъ посылалъ своего человѣка Гаврилу Ларина два раза въ Петербургъ, чтобы отравить Чернова чрезъ камердинера Василья Афанасьева Шебякина, о близости котораго къ Чернову узналъ случайно, не отъ Черновой; причемъ приказалъ Ларину сказать Шебякину, чтобы онъ вылилъ посылаемую жидкость въ стаканъ воды, такъ-какъ она безвредная и наговорена

*) Капитанъ Суражевскій, за смертію, не былъ спрошенъ по оговору, взведенному на него Телепневымъ.

съ цѣлію возобновить любовь Чернова къ своей женѣ, а чтобы Шебякинъ повѣрилъ этому, онъ, Телепневъ, писалъ объ этомъ отъ имени Черновой записку; и, при вторичной посылкѣ яда, послалъ Шебякину его рубашку, данную ему, Телепневу, Черновою совершенно случайно, по тому поводу, что онъ отправлялся въ Петербургъ. Послѣ того Чернова была въ Москвѣ и извѣстила его чрезъ записку, что она ѣдетъ въ Петербургъ. Поэтому онъ туда отправился и къ нему въ гостинницу, по приглашенію, пріѣзжала Чернова. Въ это время онъ, напоминая ей про обѣщаніе, когда она будетъ вдовою дать ему 300,000 руб., предложилъ ей написать съ его словъ: «что она дала ему письмо, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ непремѣнно доставилъ его по адресу; что онъ, Телепневъ, прочиталъ это письмо, и изъ содержанія онаго узналъ желаніе ея, Черновой, уничтожить своего мужа, почему хотя и возвратилъ ей письмо, но съ условіемъ, что если послѣ этого мужъ ея, какимъ бы то ни было образомъ умретъ неестественною смертію или скоропостижно, то онъ, Телепневъ, имѣетъ право объявить подозрѣніе на нее, а самъ останется въ сторонѣ.» Чернова это удостовѣреніе изъ довѣрія къ нему написала, но потомъ онъ сжегъ его, чтобы показать ей тѣмъ свое великодушіе и довѣріе. Болѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ того Чернова, возвращаясь въ Калугу, пріѣхала въ Москву и была у него два раза; въ это время онъ замѣтилъ въ ней охлажденіе къ нему и поэтому и самъ сдѣлался равнодушнѣе къ исполненію своего плана,—убить Чернова, однако, не оставляя совершенно этого намѣренія, придумалъ отравить Чернова въ Сокольникахъ чрезъ Луковичь, которая впрочемъ этого намѣренія не знала. Когда-же этотъ планъ не удался, то онъ послалъ къ Чернову машину съ камердинеромъ своимъ Ларинымъ, котораго послѣ для отвода подозрѣнія остригъ и услалъ. Если онъ, Телепневъ, и не объяснялъ Черновой преступныхъ своихъ плановъ прямо, то она все таки, услышавъ о намѣреніи его стрѣляться и убить мужа ея на дуэли, должна была объ этомъ объявить, но не только сего не исполнила, а напротивъ увѣряла его, что дастъ ему милліонъ за избавленіе отъ мужа и написала ему особое вышеизъясненное въ Петербургѣ удостовѣреніе. Посему онъ, Телепневъ, увѣренъ, что Чернова раздѣляла желаніе его убить ея мужа и поощряла его къ тому обѣщаніями награды.

Затѣмъ Телепневъ, во время производства слѣдствія, въ письмѣ на имя предсѣдателя коммисіи объявилъ, что онъ былъ подкупленъ къ посылкѣ Чернову машины чрезъ Виконта Шарлевиля, за 40,000 руб. сер.

Въ послѣдующихъ показаніяхъ своихъ, Телепневъ, отрекаясь отъ этого оговора, объяснилъ, что выдумалъ его совершенно ложно, причемъ присовокупилъ, что про Чернову можетъ сказать только то, что она красотою и довѣрчивостью нѣкоторымъ образомъ только усугубила безъ умысла имѣвшуюся у него мысль, данную Суражевскимъ, слѣдить за дурными намѣреніями противъ нея, Черновой, мужа ея.

Жена коллежскаго регистратора Чернова, на предложенные ей коммисіею вопросы отвѣчала, что познакомилась она съ Телепневымъ 23 декабря 1853 года, когда онъ пріѣзжалъ въ имѣніе мужа ея, подъ именемъ князя Кочубея и подъ предлогомъ торговать имѣніе. Послѣ того Телепневъ пріѣзжалъ въ Калугу въ февралѣ 1854 года и она, продолжая принимать его за князя и притомъ служащаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, надѣялась, что онъ можетъ помочь по дѣламъ мужа ея и видѣлась съ нимъ, Телепневымъ, у знакомой купчихи Конюховой; тутъ онъ дѣйствительно между разговорами сказалъ, что будетъ стрѣляться съ мужемъ ея, на что она ему отвѣтила, развѣ онъ знакомъ съ ея мужемъ и имѣлъ на него неудовольствіе; потомъ онъ началъ диктовать ей записку, что она покушалась на жизнь своего мужа. Написавши эти слова, она, Чернова, не хотѣла продолжать записку, потому-что писала явную клевету на себя. Хотя она на слѣдующій день, при свиданіи съ Телепневымъ, узнала, что онъ не князь Кочубей и не можетъ имѣть вліянія на дѣла мужа, но будучи увлечена его умомъ и любезностію, продолжала съ нимъ знакомство и пріѣзжала къ нему на квартиру въ Калугѣ, Москвѣ и въ Петербургѣ. При одномъ изъ свиданій въ Москвѣ Телепневъ, между обыкновенными разговорами, показалъ ей пузырекъ съ жидкостью, называя ее чистительною, и отдавалъ ей, съ тѣмъ, чтобы она той жидкости дала мужу своему, но она, поняв, что это какое-нибудь вредное вещество, отказалась принять и сказала, что объявитъ объ этомъ предводителю; Телепневъ же, захохотавъ, сказалъ, что его трудно обвинить и что скорѣе онъ самъ обвинитъ всякаго другаго. Послѣ этого

разговора Телепневъ распрашивалъ о всѣхъ родныхъ ея, равно какъ и о всѣхъ людяхъ, окружающихъ мужа ея, и, узнавъ что у него служитъ камердинеръ Василій Шебякинъ, просилъ ее, Чернову, достать рубашку этого человѣка. Хотя она, Чернова, понимала, что Телепневъ намѣренъ привести въ исполненіе свой планъ, отравить мужа ея чрезъ Шебякина, но, видѣвши, что Шебякинъ искренно расположенъ къ ея мужу, и будучи увѣрена, что онъ не согласится отравить его, а съ тѣмъ вмѣстѣ опасаясь оскорбить Телепнева, къ которому чувствовала сильную привязанность, она не отказала въ просьбѣ его, и потому, пріѣхавъ въ имѣніе Грабцово, взяла отъ жены Шебякина приготовленную ею случайно его рубашку и отослала ее къ Телепневу;—300.000 руб. она Телепневу не обѣщала, тѣмъ болѣе, что онъ выдавалъ себя за человѣка богатаго; родитель ея Суражевскій съ мужемъ ея, Черновой, вражды не имѣлъ и на него Телепневъ явно клеветъ, что будто-бы онъ предлагалъ ему ядъ для отравленія ея мужа. О томъ, что Телепневъ говорилъ ей, Черновой, о намѣреніи своемъ стрѣляться съ ея мужемъ, она не предупреждала потому, что не было причины имъ стрѣляться, и притомъ же отъ мужа ея вполнѣ зависѣло принять вызовъ Телепнева или нѣтъ, почему и самая дуэль могла вовсе не состояться. При предложеніи ей Телепневымъ жидкости и при распросѣ о людяхъ, окружающихъ ея мужа, хотя она, Чернова, и понимала, что та жидкость не чистительная, а вредная, и что Телепневъ, для отравленія ея мужа, намѣренъ употребить кого-нибудь изъ людей, особенно Шебякина, котораго и рубашку просилъ у нея, но объ этомъ планѣ Телепнева правительству не объявляла потому, что отъ этого ее удержали: 1-е) страхъ, что она не можетъ изобличить Телепнева; 2-е) увѣренность въ людяхъ Черновa; 3-е) неполное еще убѣжденіе во вредномъ умыслѣ Телепнева, а также и увѣренность, что онъ по благородству чувствъ не приведетъ въ исполненіе своего плана, подкрѣпляемая тѣмъ, что побужденій покуситься на жизнь мужа ея Телепневъ не могъ имѣть никакихъ. По тѣмъ самымъ побужденіямъ она, Чернова, не объявляла мужу своему и Шебякину, о предполагаемомъ ею умыслѣ Телепнева. Она не предъявила подозрѣнія на Телепнева при спросѣ ея послѣ случая, бывшаго съ ея мужемъ, потому собственно: 1-е) что это подозрѣніе она должна была основать

на предложеніи Телепнева взять отъ него чистительное, сдѣланномъ въ его квартирѣ, отъ чего удерживалъ ее стыдъ; 2-е, что подозрѣніе ея на Телепнева заставило бы доказывать означенное предложеніе его, сдѣланное ей наединѣ, отчего удерживалъ ее страхъ, что она не изобличитъ Телепнева и подвергнется наказанію, какъ за ложный доносъ; 3-е) что Телепневъ только однажды предложилъ ей, въ іюнѣ 1854 года, взять чистительное для мужа ея, и послѣ того при всѣхъ свиданіяхъ ни разу не напоминалъ о своемъ планѣ; вслѣдствіе чего она, Чернова, была вполнѣ увѣрена, что онъ оставилъ свой планъ; 4-е) что Телепневъ не могъ имѣть никакой пользы отъ смерти мужа ея, слѣдовательно она не могла предполагать, что машина была прислана имъ.

На очныхъ ставкахъ Телепневъ согласился съ Черновою, что записка о покушеніи будто бы на жизнь мужа, была писана въ Калугѣ, въ домѣ Конюховой, причемъ объяснилъ, что орудіемъ для отравленія Чернова жену его употреблять не намѣревался, а давалъ ей пузырекъ съ слабительнымъ кротоновымъ масломъ, для того только, чтобы она подшутила съ мужемъ; что объ отравленіи Чернова никогда и ничего ей не говорилъ, и что дѣйствительно, при предложеніи ей пузырка съ тѣмъ масломъ для ея мужа, она, Чернова говорила, что объявитъ объ этомъ предводителю дворянства; равномѣрно Телепневъ показалъ, что выдавалъ себя предъ Черновою за человѣка богатаго. Затѣмъ Телепневъ на формальный вопросъ о побужденіяхъ, заставившихъ его покуситься на жизнь Чернова, объяснилъ, что хотя намѣреніе его на смерть Чернова онъ женѣ его не сообщалъ и, послѣ неудачнаго съ простымъ слабительнымъ испытанія ея, боялся дать ей даже малѣйшій на то намекъ, но однако онъ былъ твердо увѣренъ, что Чернова, будучи вдовою, по необыкновенной довѣрчивости къ нему, дала бы ему болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей, если бы имѣла ихъ въ своихъ рукахъ.

Дворовый человѣкъ отца Телепнева, Гаврила *Ларинъ*, на допросѣ члена слѣдственной коммиссіи и земскаго исправника въ мценскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ взятъ съ билетомъ на имя Ѳедора Гаврилова, показалъ, что по заказу Телепнева сдѣланъ былъ столяромъ деревянный ящикъ; въ него потомъ поставлена была кострюля, начиненная порохомъ, съ впаяннымъ стволомъ и ма-

ленкимъ пистолетомъ, и когда Телепневъ эту кострюльку въ ящикѣ укрѣпилъ, то приказалъ ему, Ларину, набить толченаго стекла изъ бутылокъ, которое онъ укладывалъ самъ въ пустыя мѣста ящика. Послѣ того Телепневъ и онъ Ларинъ, обернули шкатулку войлоками, вложили въ другой ящикъ, и заколотили гвоздями крышку. На третій день, по приказанію Телепнева, онъ, Ларинъ, отвезъ этотъ ящикъ въ гостиницу Пуаре, близъ желѣзной дороги, и поручилъ кондуктору отвезти ящикъ къ Чернову по адресу, сказавъ при этомъ, чтобы онъ не перебилъ посылку со стеклянною посудою. Дня черезъ два Телепневъ отправилъ его въ Калугу, а оттуда онъ уѣхалъ въ Мценскъ.—На допросахъ въ слѣдственной коммисіи Ларинъ, подтверждая означенное показаніе свое, объяснилъ, что стекла въ ящикъ всыпаны были безъ него. Съ какою цѣлію означенный ящикъ былъ отправленъ къ Чернову, Телепневъ ему не говорилъ, но онъ Ларинъ, видѣвшій прежде, что къ кострюлькѣ припаянъ пистолетъ, догадывался, что ящикъ посылается съ намѣреніемъ убить Чернова. Объ этой посылкѣ не объявлялъ онъ начальству потому, что *исполнялъ волю своего помѣщика и боялся ослушаться его.* О взрывѣ машины онъ услыхалъ въ Мценскѣ отъ Телепнева, но о томъ, что имъ кто нибудь былъ раненъ, не зналъ. До этого же случая Телепневъ посылалъ его два раза въ Петербургъ къ камердинеру Чернова, Василію Шебякину, для отдачи ему пузырька съ какою-то жидкостью, съ тѣмъ, чтобы онъ влилъ ее въ воду, когда Черновъ будетъ пить. Въ первую поѣздку Ларинъ доставилъ Шебякину рубашку, переданную ему, отъ имени жены Шебякина, горничною Черновой, но Шебякинъ пузырька въ это время не взялъ. Въ другой разъ, по приказанію Телепнева, онъ, Ларинъ, передавая Шебякину пузырекъ съ жидкостью, говорилъ ему, что это наговорная вода для возобновленія любви Чернова къ его женѣ. Шебякинъ въ этотъ разъ пузырекъ отъ него принялъ. Но съ какою цѣлью посылался тотъ пузырекъ съ жидкостью, ему, Ларину, Телепневъ не говорилъ. Къ этому показанію Ларинъ потомъ добавилъ, что Телепневъ при отдачѣ ему билета не говорилъ, что назвалъ его Ѳедоромъ Гавриловымъ, и что онъ узналъ объ этомъ тогда уже, когда разстался съ Телепневымъ; почему и не могъ просить его о перемѣнѣ билета, но ложнымъ именемъ не назывался.

Дворовый человѣкъ Чернова Василій Шебякинъ отозвался, что Ларинъ давалъ ему пузырекъ въ послѣднюю свою поѣздку въ Петербургъ. Не вѣря однако приворотному свойству жидкости, онъ разбилъ пузырекъ объ мостовую и объ этомъ ничего Чернову не говорилъ, опасаясь разсердить его.

Жена Шебякина Аграфена Никифорова объяснила, что рубашка къ ея мужу послана была Черновою по собственной ея, Никифоровой, просьбѣ.

Французскій подданный Виконтъ-де-Шарлевиль въ оговорѣ Телепнева не сознался и на очныхъ ставкахъ не уличенъ.

Въ такомъ видѣ настоящее дѣло, во исполненіе особаго Высочайшаго повелѣнія, поступило на разсмотрѣніе военно-судной коммиссіи, учрежденной при московскомъ ордонансъ-гаузѣ, для сужденія Телепнева военнымъ судомъ.

Затѣмъ Телепневъ, въ коммисіи военнаго суда на допросѣ и въ рукоприкладствѣ подъ запискою изъ дѣла, изъяснилъ, что въ прежнихъ показаніяхъ своихъ онъ напрасно оклеветалъ Чернову, отца ея Суражевскаго и Шарлевиля, въ угодность членамъ слѣдственной коммисіи, которые настойчивостію и пристрастіемъ исторгли у него фальшивыя показанія. Нынѣ же показываетъ, что былъ знакомъ съ Черновою и въ это время слыхалъ о Черновѣ съ самой дурной стороны; поэтому и рѣшился послать къ нему модель машины, которая у него была давно, чтобы напугать его и тѣмъ наказать за жестокое обращеніе съ женою. Но о намѣреніи его какъ Чернова, такъ и другіе не знали и онъ Черновой яда для мужа не давалъ; удостовѣренія, упомянутаго въ его показаніяхъ, Черновою нигдѣ писано не было, равно и онъ посылалъ Ларина въ Петербургъ не съ ядомъ къ Чернову, а по его, Телепнева, дѣламъ, а также не помнитъ, говорилъ ли Черновой, что будетъ стрѣляться съ ея мужемъ; если же и говорилъ подобныя фразы, то быть можетъ въ шуточныхъ разговорахъ. Планъ заманить Чернова въ Сокольники и переписать у него номера билетовъ, предлагалъ онъ Луковичь съ тою цѣлью, чтобы она дала ему денегъ взаймы.

Коммисія военнаго суда, по разсмотрѣніи сего дѣла, заключила: Телепнева, за намѣреніе его убить Чернова, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.—Генералъ-Аудиторіатъ рѣшеніемъ, Высочайше

утвержденымъ, замѣнилъ ссылку Телепнева на работы въ крѣпостяхъ, работою въ рудникахъ, а разсмотрѣніе вины другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ предоставилъ гражданскому начальству.

По поступленіи такимъ образомъ дѣла на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ мѣстъ, Гаврила Ларинъ въ дополнительныхъ своихъ показаніяхъ объяснилъ, что онъ ѣздилъ въ Петербургъ съ письмами къ чиновнику Бурнашеву, а не съ ядомъ. Въ устройствѣ машины Телепневу не помогалъ и отвозилъ ее къ кондуктору, для доставленія Чернову, по приказанію Телепнева, полагая, что модель должна быть отправлена въ Николаевъ къ главнокомандующему и не иначе, какъ чрезъ Чернова. Показаніе-же его о томъ, что будто бы онъ обо всемъ зналъ, онъ вынужденъ былъ подписать, вслѣдствіе пристрастныхъ съ нимъ дѣйствій слѣдственной коммисіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Чернова, допущенная къ прочтенію всѣхъ данныхъ ею при слѣдствіи отвѣтовъ, отвергая нѣкоторые изъ прежнихъ своихъ показаній, въ прошеніи, поданномъ въ надворный судъ, объяснила, что болѣзненное состояніе, въ которомъ она была взята изъ имѣнія своего подъ арестъ, униженіе, сопряженное съ такимъ дѣйствіемъ, разлука съ дѣтьми, быстрота ѣзды и содержаніе подъ строжайшимъ арестомъ во все продолженіе слѣдствія, ввергли ее въ такое безсознательное состояніе, что она не могла ясно припомнить, какіе предлагали ей вопросы и что она отвѣчала. Прочитавъ же всѣ свои отвѣты, она убѣдилась, что въ нихъ дѣйствительно включены такія слова и цѣлыя фразы, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ истинѣ событія и могли быть подписаны ею лишь въ безсознательномъ состояніи по вышеобъясненнымъ причинамъ; вслѣдствіе сего она находитъ: 1, въ отвѣтахъ ея включены слова, что Телепневъ сказалъ, что будетъ стрѣляться съ мужемъ ея, но слово стрѣляться включено неправильно, потому-что Телепневъ намекнулъ только о возможности имѣть съ мужемъ ея дуэль, не говоря о намѣреніи стрѣляться съ нимъ, а потому, какъ намекъ этотъ не имѣлъ никакого значенія, то она объ этомъ и не объявляла и совершенно забыла; 2, помѣщенное въ отвѣтахъ слово, будто она понимала, что въ предлагаемомъ пузырькѣ заключалось что нибудь вредное, далеко не выражаетъ той мысли, которую она

имѣла, ибо она не понимала, а только подумала или предположила, что духи, бывшія въ пузырькѣ, принятыя внутрь, могутъ быть вредны; притомъ Телепневъ говорилъ о духахъ въ шуткѣ, о которой ей не было основанія доводить до свѣдѣнія кого нибудь; 3, показаніемъ жены Шебякина доказывается, что рубашка послана была сею послѣднею по собственному произволу, слѣдовательно этимъ опровергается показаніе ея, Черновой, что будто бы она присылала Телепневу ту рубашку и предполагала о намѣреніи его употребить для отравленія ея мужа кого нибудь изъ людей, при распросѣ о ихъ именахъ. Затѣмъ оказываются неправильными помѣщенныя въ ея отвѣтахъ основанія ея: почему она не донесла о предположеніи своемъ въ преступности намѣренія Телепнева. Не имѣя также никогда прямаго и основательнаго подозрѣнія, чтобы для Телепнева была какая нибудь польза покуситься на жизнь мужа ея, она не могла подозрѣвать его, Телепнева, въ присылкѣ къ мужу ея машины, и только поняла уже послѣ, когда передъ нею были раскрыты коммисіею всѣ покушенія Телепнева на жизнь мужа ея, что онъ старался завлечь и ее во всѣ свои дѣйствія, которыя могли бы набрасывать тѣнь подозрѣнія, будто она понимала планъ его, дабы послѣ, если бы этотъ планъ исполнился, принудить ее оставить всякое преслѣдованіе, и такъ сказать, держать ее въ рукахъ.

1-й департамента московскаго надворнаго суда, по разсмотрѣніи сего дѣла, заключилъ: 1) жену Чернова, Вѣру Михайлову, ни въ какомъ законопротивномъ поступкѣ не сознавшуюся, не обличенную и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправданную свидѣтелями, по силѣ 97 ст. улож., отъ суда и слѣдствія освободить. 2) Дворовaго человѣка Ларина за передачу дворовому человѣку Шебякину пузырька съ наговоренною водою, безъ всякаго злаго умысла, по силѣ 97 ст. улож, отъ суда освободить, а въ томъ, что Телепневъ при немъ вставлялъ въ ящикъ костріольку, начиненную порохомъ, къ которой былъ припаянъ стволъ, самъ набилъ бутылокъ для наполненія ящика, вставлялъ оный въ другой, а потому догадывался, что ящикъ посылается съ намѣреніемъ убить Чернова,—по разнорѣчивымъ показаніямъ объ этомъ предметѣ его, Ларина, по силѣ 1177 ст. XV т. св.

зак. угол., оставить въ сильномъ подозрѣніи и выслать изъ Москвы, съ воспрещеніемъ проживать въ обѣихъ столицахъ.

Московская уголовная палата, отвергнувъ основанія, принятыя надворнымъ судомъ къ разрѣшенію настоящаго дѣла, заключила: 1) дворовaго человѣка Телепнева, Гаврилу Ларина, за приготовленіе и передачу машины, начиненной порохомъ и стекломъ, въ квартиру Чернова, по приказанію помѣщика, съ сознаніемъ, что взрывомъ этой машины могутъ быть нанесены тяжкія раны и другія поврежденія здоровью, на основаніи 35 ст. п. v 1952 ст. улож., лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, наказать при полиціи, чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей, розгами пятьюдесятью ударами, и отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на одинъ годъ; въ случаѣ же неспособности его къ работамъ въ оныхъ поступить съ нимъ по 83 ст., а потомъ по 51 ст. улож. Взысканіе же издержекъ по сему дѣлу къ пополненію оныхъ обратить, согласно 63 ст. улож., на дворового человѣка Гаврилу Ларина или имущество его, какое у него окажется можетъ, а въ знаніи, что передаваемый Шебякину пузырекъ былъ съ ядомъ, его, Ларина, на основаніи 1177 ст. xv тома св. зак., оставить въ подозрѣніи. 2) Жену коллежскаго регистратора Вѣру Михайлову Чернову по предмету недоведенія до свѣдѣнія надлежащаго начальства объ объявленномъ ей на словахъ умыслѣ Телепнева стрѣляться на дуэли съ ея мужемъ и убить его, по предмету написанія въ городѣ Калугѣ записки о покушеніи на жизнь мужа, какъ объ умыслѣ неисполнившемся, и подобной же записки въ С.-Петербургѣ, по силѣ 16 ст. отд. 1, 97, 117 и 118 ст. улож., освободить отъ суда, не подвергая никакой отвѣтственности; а по предмету предложенія ей Телепневымъ пузырька для Чернова въ томъ, что она знала, что въ пузырькѣ заключался ядъ для отравленія ея мужа, на основаніи 1177 ст. xv тома, оставить въ подозрѣніи. Въ принятіи же участія въ преступленіи Телепнева противъ ея мужа посредствомъ устроенной машины, случившемся въ концѣ 1855 года, какъ несознавшуюся, Телепневымъ и никѣмъ другимъ въ томъ неоговоренную, и закономъ опредѣленнымъ доказательствомъ необличенную, по силѣ 97 ст. улож., отъ суда освободить.

По поступленіи дѣла въ 6-й департаментъ сената, а изъ него въ общее собраніе московскихъ департамснтовъ сената, между сенаторами послѣдовало разногласіе. Одни сенаторы принимали заключеніе надворнаго суда, другіе соглашались съ приговоромъ уголовной палаты, нѣкоторые соглашались съ надворнымъ судомъ относительно Ларина; другіе напротивъ того соглашались съ надворнымъ судомъ относительно Ларина и съ уголовною палатою относительно Черновой.

По разсмотрѣніи дѣла на консультаціи, г. управлявшій министерствомъ юстиціи въ предложеніи правительствующему сенату изложилъ слѣдующее мнѣніе относительно обоихъ подсудимыхъ:

1. *Относительно Черновой.* Чернова, сознаваясь въ знакомствѣ съ Телепневымъ и неоднократномъ его посѣщеніи ея, оправдываетъ себя расположеніемъ, которое она чувствовала къ нему, а относительно извѣстныхъ ей поступковъ Телепнева, выражавшихъ преступныя намѣренія противъ ея мужа, объясняетъ, что не считала ихъ сознательными и не думала, чтобъ они могли перейти въ дѣло и повлечь за собою вредныя послѣдствія. Въ участіи съ Телепневымъ въ замыслѣ на жизнь мужа, посредствомъ особой машины, Чернова дѣйствительно не навлекаетъ на себя подозрѣнія. Произведеннымъ слѣдствіемъ не обнаружено на это юридическихъ уликъ. Равно нѣтъ положительныхъ доказательствъ и къ изобличенію ея въ сообществѣ съ Телепневымъ въ намѣреніяхъ подвергнуть мужа опасностямъ дуэли или отравить его. Отсутствіе возможности постановить обвинительный приговоръ о сообществѣ ея на счетъ дуэли и отравленія, доказывается тѣмъ, что объясненія Черновой о причинѣ необъявленія о такихъ замыслахъ Телепнева, не противорѣчатъ дѣйствительности и содержатъ въ себѣ нѣкоторые доводы вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, принятіе вызова зависѣло вполнѣ отъ Чернова и онъ могъ всегда отказаться отъ дуэли. Такъ оправдываетъ необъявленія и сама Чернова. Что же касается неизвѣщенія ею ни мужа, ни начальства о предложеніи ей Телепневымъ для мужа пузырька съ жидкостью, то здѣсь нельзя не принять въ уваженіе, что Телепневъ никогда не говорилъ ей про отравленіе собственно, и показывая пузырекъ, называлъ бывшую тамъ жидкость чисти-

тельнымъ, а Чернова даже и объ этомъ, какъ подверждаетъ самъ Телепневъ, хотѣла объявить предводителю дворянства. Но, въ дѣлѣ есть двѣ важныя улики, которыя хотя и не изобличаютъ ее, но наводятъ сильное подозрѣніе въ томъ, что она если не въ это самое время и не ранѣе, то послѣ все таки имѣла мысль не препятствовать замыслу Телепнева и даже облегчитъ ему возможность исполненія его намѣренія. Улики эти: а) продолженіе ею знакомства съ Телепневымъ, не взирая на то; что ранѣе онъ предлагалъ ей пузырекъ съ жидкостью, причемъ она, по собственнымъ ея словамъ, догадывалась, что въ пузырькѣ что-либо вредное, и б) передача ею, вслѣдъ за симъ, Телепневу рубашки камердинера мужа, хотя сама она понимала, что Телепневъ просилъ рубашку въ намѣреніи употребить ее, какъ средство для вѣрнѣйшаго достиженія своего замысла. По симъ основаніямъ и, согласно 308, 309, 310, 313, 341, и 2 и 3 пунк. 343 ст. XV т. св. зак. угол. кн. 2, слѣдуетъ признать, что Чернова навлекаетъ на себя *сильное подозрѣніе* въ томъ, что она, питая нерасположеніе къ мужу, намѣренно не объявляла о замыслѣ Телепнева на жизнь его.

II. *Относительно Ларина.* Въ знаніи о настоящей цѣли изготовленія машины Ларинъ не сознался. Но возможность недоумѣвать въ томъ совершенно исключается слѣдующими обстоятельствами: а) Ларинъ зналъ о знакомствѣ Телепнева съ Черновой; б) еще прежде нежели было приступлено къ устройству машины, Ларинъ, по приказанію Телепнева, ѣздилъ къ камердинеру Чернова съ предложеніемъ наговорной воды, для возвращенія въ Черновѣ любви къ женѣ; в) Ларинъ помогалъ Телепневу въ приготовленіи машины; г) видѣлъ внутреннее ея устройство; д) отвозилъ ее, по приказанію Телепнева, для передачи Черновой; е) *догадывался о назначеніи* ея для убійства Чернова, и, не смотря на это, не только не остановился въ передачѣ, но еще предостерегъ при этомъ кондуктора, которому отдавалъ посылку, чтобы тотъ обращался съ нею осторожнѣе, и не перебилъ находящуюся тамъ стеклянную посуду. Уже одно то обстоятельство, что Ларинъ, догадываясь о назначеніи машины, сдѣлалъ такое предостереженіе кондуктору, навлекало бы на Ларина сильнѣйшее подозрѣніе въ преступномъ содѣйствіи Телепневу; но въ связи съ другими уликами и особенно

въ виду того, что Ларинъ уже изъ поѣздки съ наговорною водою могъ вывести заключеніе о сомнительности отношеній Телепнева къ Чернову, предостереженіе это ведетъ къ рѣшительному убѣжденію, что Ларинъ нимало не сомнѣвался въ настоящемъ назначеніи машины (XV т. кн. 2-й, ст. 305, 309 и 341). Наказаніе участникамъ преступленія опредѣляется, на основа- 129 ст. уголов. улож., по мѣрѣ оказаннаго содѣйствія, одною или двумя степенями ниже того, коему подвергаются главные виновные. Принимая на видъ, что на дѣйствія Ларина имѣли отчасти вліяніе: 1) приказанія Телепнева, который былъ сыномъ его владѣльца, и 2) легкомысліе, свойственное молодому возрасту, (Ларину былъ тогда 23 годъ) слѣдуетъ назначить ему наказаніе двумя степенями ниже противъ Телепнева, именно, по 4 степ. 21 ст. ст. улож. о нак. Самая мѣра наказанія можетъ быть опредѣлена Ларину нисшая, во вниманіе къ безупорному его сознанію въ началѣ слѣдствія (2 пунк. 146 ст. уложенія). Посему и на основаніи 2002 и 29 ст, улож. Ларинъ подлежитъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетьми чрезъ палачей шестьюдесятью ударами съ наложеніемъ клеймъ, и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ, а затѣмъ поселенію навсегда въ Сибири. Сверхъ того, согласно съ 64 ст. улож. онъ долженъ участвовать своимъ имуществомъ въ платежѣ судебныхъ издержекъ, при несостоятельности Телепнева къ возмѣщенію ихъ. Затѣмъ по дѣлу усматривается, что генералъ-аудиторіатъ, судившій главнаго виновнаго Телепнева, облегчилъ ему наказаніе сокращеніемъ времени каторжныхъ работъ на $^1/_3$, на основ. 22 ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, относящейся до осужденныхъ. Въ 4 пунктѣ именнаго указа, объявленнаго сенату военнымъ министромъ 22 сентября 1856 года и послѣдовавшаго въ разъясненіе статей приведеннаго манифеста, изложено: преступникамъ, которые изъяты по закону отъ тѣлесныхъ наказаній, но по тоже число (т. е. 26 августа 1856 года, когда послѣдовалъ Всемилостивѣйшій манифестъ), осуждены или подлежатъ ссылкѣ въ каторжную работу, умепьшить время сихъ работъ, ограничивъ ихъ для осужденныхъ къ работѣ безъ срока—20 годами, а для прочихъ, сокративъ опредѣленные сроки одною третьею частію. На основаніи же Высочайше-утвержденнаго мнѣнія го-

сударственнаго совѣта 12 ноября 1856 г., осужденными называются тѣ, о которыхъ приговоръ судебнаго мѣста, (имѣвшаго право постановить о нихъ по роду дѣла и по званію подсудимаго окончательное рѣшеніе) послѣдовалъ до манифеста. Рѣшеніе уголовной палаты о Ларинѣ, (подлежащемъ суду гражданскаго вѣдомства), состоялось послѣ Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года. Вслѣдствіе сего Ларинъ не можетъ воспользоваться милостями, дарованными для осужденныхъ гражданскаго вѣдомства. Но принимая во вниманіе, что главному по сему дѣлу виновному сдѣлано было на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста облегченіе въ слѣдующемъ ему по закону наказаніи, представляется сообразнымъ съ справедливостью оказать и Ларину такое же облегченіе, представивъ о семъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Что-же касается до передачи Ларинымъ жидкости камердинеру Чернова, то по этому предмету Ларинъ долженъ быть освобожденъ отъ суда, такъ-какъ въ дѣлѣ нѣтъ ни доказательствъ, чтобы Ларинъ зналъ про намѣреніе Телепнева отравить Чернова, ни точнаго удостовѣренія—какая именно была та жидкость. Изъ дѣла также видно, что Ларинъ имѣлъ у себя билетъ для жительства, выданный ему Телепневымъ на чужое имя. Но за отсутствіемъ доказательствъ, чтобъ Ларинъ зналъ о подлогѣ, при выдачѣ билета, и называлося тѣмъ именемъ, на чье былъ выданъ билетъ, не слѣдуетъ вмѣнять Ларину въ вину имѣніе имъ у себя такого билета. (XV т. св. зак. кн. 2-й ст. 304).

По симъ основаніямъ г. управляющій министерствомъ юстиціи полагалъ: 1) Вѣру Чернову оставить въ сильномъ подозрѣніи въ томъ, что она, питая нерасположеніе къ мужу, намѣренно не объявляла о замыслѣ Телеплева на жизнь его; по предмету же участія въ покушеніи Телепнева на жизнь Чернова, посредствомъ особой машины, отъ суда освободить. 2) Дворовaго человѣка помѣщика Николая Телепнева, Гавріила Герасимова Ларина, 26 лѣтъ, признать участникомъ въ покушеніи Телепнева на жизнь Чернова, посредствомъ особой машины. 3) Повергнуть на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, не благоугодно ли будетъ повелѣть, чтобы Ларина, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія и наказанія плетьми шестьюдесятью ударами, съ наложеніемъ клеймъ, сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ

на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ. 4) По истеченіи срока каторжныхъ работъ, поселить Ларина навсегда въ Сибири. 5) На вознагражденіе судебныхъ издержекъ, при несостоятельности Телепнева къ возмѣщенію ихъ, обратить имущество Ларина, какое окажется принадлежащимъ ему; въ случаѣ же, если и за симъ будетъ оставаться недоимка, принять ее, согласно 31 ст. XV тома св. зак. кн. 2-й, на счетъ казны. 6) По обвиненію въ участіи въ намѣреніи Телепнева отравить Чернова посредствомъ какой то жидкости, переданной Ларинымъ по приказанію Телепнева камердинеру Чернова,—освободить Ларина отъ суда, не вмѣняя Ларину въ вину и проживанія съ билетомъ на чужое имя.

По несогласію сенаторовъ съ таковымъ мнѣніемъ управлявшаго министерствомъ юстиціи, дѣло восходило до государственнаго совѣта, гдѣ также послѣдовало между членами разногласіе.

Государь императоръ, разсмотрѣвъ таковыя разныя мнѣнія, Высочайше повелѣть изволилъ: 1) вдову коллежскаго регистратора Вѣру Чернову оставить въ подозрѣніи въ томъ, что она подъ вліяніемъ непріязни къ своему мужу, съ намѣреніемъ не объявила о умыслѣ Телепнева на его жизнь; 2) двороваго человѣка Телепнева: Гаврила Ларина оставить въ сильномъ подозрѣніи въ томъ, что онъ достовѣрно зналъ о покушеніи на жизнь Чернова, посредствомъ смертоносной машины, и 3) по всѣмъ прочимъ обвиненіямъ, какъ Чернову, такъ и Ларина отъ суда освободить, и употребленныя по настоящему дѣлу судебныя издержки, въ случаѣ несостоятельности Телепнева и наслѣдниковъ его, принять на счетъ казны.

Разсматривая настоящее дѣло съ *психологической* точки зрѣнія, слѣдуетъ придти къ заключенію, что мотивомъ преступленія было желаніе Телепнева убить Чернова, съ цѣлью: или жениться на его женѣ, съ которой онъ состоялъ въ любовной связи, или содѣйствовать полученію ею наслѣдства послѣ мужа и выманить отъ нея по больше денегъ. Самая личность Телепнева нисколько не загадочна: явившись къ Черновой въ видѣ

искателя приключеній подъ вымышленнымъ именемъ и выдавъ себя за князя Кочубея, онъ изъ знакомства съ нею старался извлечь для себя денежныя выгоды.

Затѣмъ, обсуждая юридическую сторону дѣла, нельзя не признать, что прикосновенность Черновой къ покушеніямъ на убійство ея мужа *не* доказана несомнѣнно. По дѣлу нѣтъ ни одного указанія, чтобы она знала объ изготовленіи и присылкѣ ея мужу адской машины; хотя-же она прежде того и не увѣдомила мужа и не донесла начальству о предположеніяхъ Телепнева дать нѣчто вредное Чернову или вызвать его на дуэль, но послѣднее она могла принять за хвастовство фата, желающаго пустить пыль въ глаза, а предположеніе его объ отравленіи не было выражено достаточно ясно, чтобы она могла принять его за совершенно составившійся умыселъ. Передача-же ею Телепневу рубашки камердинера мужа не составляетъ такой улики, которая-бы обнаруживала въ ней прямое намѣреніе: содѣйствовать отравленію мужа. Наконецъ попытка Телепнева отравить Чернова, какъ не получившая осуществленія, и при неизвѣстности даже, какое вещество находилось въ пузырькѣ, данномъ имъ Шебкину, — не подлежитъ наказуемости, поступокъ-же Черновой не имѣетъ къ дѣлу о приготовленіи адской машины никакого отношенія.

Виновность Телепнева въ приготовленіи адской машины, подтвержденная обстоятельствами дѣла и его собственнымъ сознаніемъ, не подлежитъ сомнѣнію.

Наконецъ Ларинъ (крѣпостной Телепнева) не можетъ быть признанъ изобличеннымъ въ знаніи умысла Телепнева посредствомъ адской машины убить Чернова: будучи крѣпостнымъ, имѣя не болѣе 23 лѣтъ отъ роду, повинуясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ приказаніямъ своего господина, не имѣя въ физикѣ никакихъ свѣдѣній, даже самыхъ элементарныхъ—онъ могъ дѣйствовать какъ орудіе чужой воли и не вполнѣ сознательно. Приготовляя машину и видя ея внутренность, онъ могъ все-таки не понимать, что она можетъ причинить смерть человѣку, это нисколько не опровергается тѣмъ, что отдавая ящикъ кондуктору онъ сказалъ ему, чтобы онъ обращался съ нимъ осторожнѣе и не перебилъ находящуюся тамъ стекляпную посуду. Говоря это, онъ могъ передавать лишь приказанія Телепнева.—Поэтому

мы съ своей стороны вполнѣ сочувствуемъ приговору, освободившему Ларина по недостаточности уликъ отъ уголовной отвѣтственности,

VI. Убійство крестьяниномъ Яковомъ Косовскимъ, своей жены.

Помѣщица мѣстечка Радзивиловъ кременецкаго уѣзда, волынской губерніи, Корделія Турно донесла 1-го февраля 1858 года мѣстному полицейскому чиновнику, что крестьянинъ Яковъ Косовскій убилъ топоромъ жену свою Евдокію. По этому объявленію въ тотъ-же день былъ произведенъ осмотръ мертваго тѣла Косовской штабъ-лекаремъ Загоровскимъ въ присутствіи полицейскаго чиновника и понятыхъ. Трупъ убитой найденъ лежащимъ лицемъ вверхъ, на порогѣ жилой избы, такъ-что голова и половина туловища находились въ сѣняхъ, а ноги въ избѣ, лицо и вся голова были облиты кровью, которой было много и на землѣ. По обмытіи лица и головы, на головѣ съ правой стороны уха найдена рана длиною въ $2^1/_2$ вершка, въ ширину $^1/_4$ вершка, углубленная до мозга. Кромѣ этой раны, очевидно произведенной острымъ топоромъ, не найдено никакихъ другихъ боевыхъ знаковъ. По заключенію медика, смерть Евдокіи Косовской послѣдовала отъ сильнаго удара острымъ топоромъ, который разрубилъ голову до мозга и мгновенно причинилъ смерть.

При производствѣ слѣдствія крестьянинъ Яковъ Косовскій на допросѣ 2-го февраля показалъ: «что по смерти своей первой жены, съ которою жилъ въ супружествѣ 15 лѣтъ, онъ три года тому назадъ женился на вдовѣ покойнаго Яворскаго Евдокіи. Послѣ свадьбы, они вели мирную жизнь не болѣе пяти или шести недѣль, а затѣмъ Евдокія предалась блудной жизни, праздности и пьянству, и хотя онъ неоднократно бранилъ ее за то, и всячески старался воздержать отъ такихъ постыдныхъ поступковъ, но она не только не слушалась его, но даже, при своемъ злomъ характерѣ, нерѣдко ругала его *и била.* Желая избавиться отъ такой злобной жены, онъ оставилъ ее въ Радзивиловѣ, а самъ, зная портняжное ремесло, отправился на заработки и былъ въ отсутствіи цѣлый годъ. Въ продолженіи всего этого време-

ни Евдокія, принявъ въ свой домъ непотребныхъ женщинъ, проводила съ ними самую развратную жизнь и прижила дочь Юлію. По возвращеніи его изъ заработковъ, Евдокія однако стала умолять его поселиться съ нею, клятвенно обѣщаясь вести жизнь честную и спокойную. Повѣривъ ея обѣщаніямъ и полагая, что она остепенится, онъ воротился къ ней, отдалъ имѣвшіяся у него заработанныя деньги и занялся устройствомъ совершенно разстроеннаго хозяйства, но Евдокія вскорѣ затѣмъ начала опять вести развратную жизнь, заводила съ нимъ ссоры и драки и даже намѣревалась отравить его. Въ послѣднее время у него открылась на ногѣ рана, которую ему лечилъ фельдшеръ радзивиловской этапной команды, принося различныя примочки и не требуя за нихъ вознагражденія.—1-го февраля этотъ фельдшеръ пришелъ къ нему и снова принесъ примочку. Желая поподчивать его за то водкою, онъ потребовалъ отъ своей жены 3 к. сер. и получивъ ихъ, отправился въ шинокъ, гдѣ каждый изъ нихъ выпилъ по одной рюмкѣ водки. Когда онъ возвратился домой, Евдокія стала ругать его весьма бранными словами и хотя онъ приказывалъ ей замолчать, однако она не переставала ругаться. Выйдя изъ терпѣнія, онъ сказалъ ей: «молчи, а то разрублю», на что она отвѣчала: «руби». Тогда онъ взялъ топоръ, съ цѣлію попугать ее, но въ запальчивости своей ударилъ ее этимъ топоромъ въ голову, *безъ намѣренія убить*, а она отъ таковаго удара тогда же упала на землю мертвою. Въ доказательство развратной жизни Евдокіи и совершенія имъ убійства безъ умысла, Косовскій сослался на крестьянъ мѣстечка Радзивилова.

Крестьянка *Марія Лещукова* на допросѣ 3-го февраля показала, что она, будучи принята покойною Евдокіею для услугъ, снискивала себѣ пропитаніе поденными заработками. Когда она поступила къ Евдокіи, мужъ ея по случаю происшедшей между ними ссоры, находился гдѣ-то въ отлучкѣ. Въ продолженіи всего этого времени и по возвращеніи мужа къ Евдокіи, послѣдняя вела развратную жизнь. Мужъ уговаривалъ ее добрыми словами, а иногда и ругательствами, но она не слушалась его, часто заводила съ нимъ ссоры и даже драки. Что касается до убійства Евдокіи Косовскимъ, Лещукова показала сходно съ подсудимымъ и прибавила, что послѣ нанесенія удара, Косовскій, крѣпко

встрѣвоженный, присѣлъ на скамейкѣ. На крикъ свидѣтельницы сбѣжалось много людей, а также прибыли полицейскій чиновникъ, докторъ и цирюльникъ, но никакія пособія не могли возвратить Евдокіи жизнь, ибо сильнымъ ударомъ топора ея голова была такъ расшибена, что она должна была мгновенно умереть.

Крестьянка *Пелагея Лещукова* и однодворка Александровичева подтвердили показанія Маріи Лещуковой. Крестьянинъ *Никита Фарисейчукъ*, дядя убитой, на допросѣ 4-го февраля показалъ, что Евдокія была дѣйствительно характера вздорнаго и часто ссорилась и дралась съ своимъ мужемъ. Тоже подтвердила жена его Ульяна.

Затѣмъ 24 крестьянина мѣстечка Радзивилова 24-го февраля показали подъ присягою: 1) что они крестьянъ Якова и Евдокію Косовскихъ знаютъ съ ихъ малолѣтства; по достиженіи совершеннолѣтія Яковъ вступилъ въ бракъ и прóживалъ съ своею первою женою около 15-ти лѣтъ дружески и миролюбно; будучи трудолюбивъ, онъ имѣетъ достаточное содержаніе и былъ довольно порядочнымъ хозяиномъ; 2) Евдокія вступила въ первый бракъ съ крестьяниномъ Ѳедоромъ Яворскимъ, который былъ характера весьма спокойнаго и снисходительнаго, *вслѣдствіе чего* (?) Евдокія избаловалась до крайности, привыкла къ горячимъ напиткамъ, блудной жизни, праздности и при азартномъ и упрямомъ характерѣ постоянно заводила съ своимъ мужемъ ссоры и нерѣдко наносила ему даже жестокіе побои, но онъ все это терпѣлъ до самой своей смерти; 3) когда Яковъ и Евдокія остались вдовы, то первый изъ нихъ былъ вовлеченъ послѣднею въ бракъ. Яковъ имѣлъ отъ своего прежняго хозяйства лошадей, рогатый скотъ и разные домашніе снаряды; перейдя же на жительство въ домъ Евдокіи, оставшійся послѣ перваго ея мужа, онъ лишился всего этого имущества по распорядительности Евдокіи. Предаваясь по прежнему постыднымъ поступкамъ, извѣстнымъ всему крестьянскому обществу, заводя съ мужемъ ссоры и драки, Евдокія принудила его отправиться на заработки. По возвращеніи-же на родину, она снова уговорила его поселиться въ ея домъ. Яковъ занялся хозяйствомъ, исправилъ крышу и произвелъ другія починки собственными деньгами, но Евдокія не переставала предаваться развратной

жизни и своею дурною нравственностью довела Якова до безпамятной азартности, въ которой онъ однимъ ударомъ топора лишилъ ее жизни и 4) хотя поступокъ Косовскаго и дѣлаетъ его смертоубійцею, но они и всякій, знающій Косовскаго, можетъ ручаться, что убійство произведено имъ безъ всякаго умысла. Доказательствомъ этому служитъ и то, что если-бы Косовскій сдѣлалъ этотъ поступокъ съ обдуманною цѣлью, то навѣрное успѣлъ-бы тотчасъ бѣжать и скрыться отъ заслуженнаго наказанія, а онъ остался въ избѣ и не трогался ни на шагъ, пока не прибыли полицейскіе служители для взятія его подъ арестъ.

Кременецкій уѣздный судъ, по разсмотрѣніи дѣла, нашелъ, что нѣтъ прямыхъ доказательствъ къ обвиненію Якова Косовскаго въ умышленномъ убійствѣ своей жены Евдокіи, *такъ какъ онъ въ томъ не сознался и нѣтъ фактовъ, чтобы онъ былъ столь жестокаго характера* (?). А потому слѣдуетъ признать настоящее преступленіе происшедшимъ отъ сильнаго раздраженія Косовскаго его покойною женою, которая своимъ непохвальнымъ поведеніемъ и постоянными раздорами въ супружеской жизни довела себя и мужа до столь печальныхъ послѣдствій. Вслѣдствіе сего уѣздный судъ, примѣняясь къ 1937, 87 и 140 ст. улож. о нак., мнѣніемъ заключилъ: наказать Якова Косовскаго чрезъ полицейскихъ служителей розгами 40 ударами и затѣмъ подвергнуть его церковному покаянію, назначеніе коему мѣста и времени предоставить волынской духовной консисторіи.

Волынская уголовная палата съ своей стороны нашла, что Яковъ Косовскій уличается въ убійствѣ своей жены Евдокіи въ *минуту раздраженія* собственнымъ своимъ признаніемъ и самымъ дѣйствіемъ. Принимая затѣмъ во вниманіе добровольное сознаніе подсудимаго въ преступленіи, уголовная палата заключила: крестьянина Якова Косовскаго, на основаніи 1922, 1926, 27, 28 и 140 ст. улож. о наказ., за убійство жены своей Евдокіи въ минуту раздраженія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать на мѣстѣ преступленія въ м. Радзивиловѣ публично чрезъ палача плетьми 70 ударами и съ наложеніемъ клеймъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ, а за истеченіемъ сего срока, по 29 ст. улож. поселить его въ Сибири навсегда.

По несогласію начальника губерніи съ приговоромъ уголов-

ной палаты, настоящее дѣло было представлено въ сенатъ и по разногласію въ департаментѣ перешло въ общее собраніе сената.

Общее собраніе нашло, что подсудимый крестьянинъ Косовскій собственнымъ сознаніемъ, согласнымъ съ медицинскимъ свидѣтельствомъ и прочими обстоятельствами дѣла, вполнѣ изобличается въ нанесеніи женѣ своей, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, въ запальчивости, смертельнаго удара топоромъ въ голову. За это преступленіе Косовскій подлежитъ, по силѣ 2004 ст. улож., наказанію по 3 ст. 21 ст, улож. и при томъ въ низшей онаго мѣрѣ, во вниманіе къ добровольному его сознанію на первомъ допросѣ, лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію публично чрезъ палачей плетьми 70 ударами и, по заклейменіи, ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ, а по истеченіи сего срока къ поселенію въ Сибири навсегда. Опредѣливъ такимъ образомъ заслуженное подсудимымъ по законамъ наказаніе, общее собраніе признало необходимымъ обратить вниманіе на *чрезвычайныя* обстоятельства, при которыхъ было совершено преступленіе. По дѣлу доказано, что жена подсудимаго Евдокія была упрямаго характера и распутнаго поведенія, что было замѣчено за нею еще при жизни ея перваго мужа, претерпѣвавшаго отъ нея нерѣдко побои. Со вступленіемъ во второй бракъ, Евдокія ни въ чемъ не перемѣнилась, по прежнему распутствовала, пьянствовала, ссорилась и *била* своего *мужа*, имущество котораго растратила. Не имѣя болѣе силъ выносить подобной жизни, подсудимый оставилъ свою жену и отправился на заработки, и по возвращеніи домой единственно по своему добродушію рѣшился снова съ нею жить. Между-тѣмъ Евдокія нисколько не исправилась въ своемъ поведеніи. Постоянныя преслѣдованія жены подсудимый долгое время переносилъ терпѣливо, но наконецъ, когда она 1 февраля 1858 года завела съ нимъ ссору изъ за 3 копѣекъ, взятыхъ у нея для угощенія фельдшера, лечившаго подсудимаго, то сей послѣдній, не помня, что дѣлаетъ, что доказывается собственнымъ его показаніемъ, въ намѣреніи только постращать жену, а не убить ее, однимъ ударомъ топора убилъ ее на мѣстѣ. Односельцы подсудимаго, въ числѣ 24 человѣкъ, одобривъ поведеніе подсудимаго и опорочивъ жену его, присовокупили, что Косовскій прожилъ съ своею первою женою 15 лѣтъ въ мирѣ и согла-

сіи. Все вышеизложенное ясно и положительно доказываетъ, что поводомъ къ совершенію подсудимымъ преступленія были не какія-либо безнравственныя побужденія, а одно только развратное и безпокойное поведеніе жены его. При такомъ положеніи дѣла общее собраніе нашло, что положенное въ законѣ для преступленія Косовскаго уголовное наказаніе превышаетъ мѣру его преступленія. Имѣя затѣмъ въ виду, что смягченіе наказанія преступника зависитъ единственно отъ государя императора (ст. 168 улож.), общее собраніе, руководствуясь 167 ст. улож., заключило: ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ о смягченіи слѣдующаго по закону крестьянину Якову Косовскому за убійство жены своей наказанія тѣмъ, чтобы лишивъ его всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, наказать чрезъ полицейскихъ служителей 70 ударами розогъ, отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, а въ случаѣ неимѣнія въ оныхъ помѣщенія или неспособности его къ работамъ въ оныхъ, въ рабочій домъ или тюрьму на 3 года; за тѣмъ по истеченіи этого срока сослать его въ восточную Сибирь на водвореніе, съ употребленіемъ его и тамъ въ работы по распоряженію и усмотрѣнію мѣстнаго начальства въ теченіи 6 лѣтъ со дня прибытія на мѣсто назначенія.

По поступленіи единогласнаго опредѣленія общаго собранія на просмотръ министерства юстиціи, это послѣднее нашло, что назначаемое Якову Косовскому наказаніе хотя и не обозначено въ законѣ, но по роду принадлежитъ къ наказаніямъ исправительнымъ (34 и 35 ст. 1 ч. XV т.), а потому Косовскому, подлежавшему за свое преступленіе одному изъ тягчайшихъ уголовныхъ наказаній по 3 степени 21 ст., наказаніе смягчается на семь степеней. Такое смягченіе, по важности какъ самаго преступленія, такъ и тѣхъ отношеній, въ которыхъ подсудимый находился къ убитой, представляется слишкомъ значительнымъ. Вслѣдствіе сего министерство юстиціи полагало: подвергнуть Косовскаго уголовному наказанію, опредѣленному 2 степенью 22 ст. I. ч. XV т., т. е. лишивъ его всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми чрезъ палача десятью ударами и сослать на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири.

На приведенныхъ основаніяхъ была представлена управляв-

нимъ министерствомъ юстиціи всеподданнѣйшая записка. Государь Императоръ изволилъ согласиться съ мнѣніемъ министерства.

Настоящее дѣло прекрасно разобрано было въ постановленіи общаго собранія сената. Слѣдствіемъ обнаружено, что Косовскій, бывшій характера покойнаго и мирнаго и переносившій отъ жены даже *побои*, 1 февраля 1858 г., до того озлобленъ былъ ея бранью и поведеніемъ, что нанесъ ей по головѣ остріемъ топора ударъ, причинившій ей мгновенно смерть.

Поступокъ этотъ несомнѣнно подлежитъ вмѣненію, такъ-какъ Косовскій, совершая убійство, вовсе не былъ въ состояніи умопомѣшательства. Между направленіемъ его воли и учиненнымъ дѣяніямъ является полное соотвѣтствіе; именно онъ сказалъ женѣ: «молчи, а то разрублю», и только затѣмъ, когда она, продолжая ругаться, отвѣтила «руби», онъ ударилъ ее топоромъ. Показаніе Косовскаго, что онъ ударилъ жену топоромъ безъ намѣренія ее убить, *не* заслуживаетъ никакого вниманія. Каждый взрослый человѣкъ долженъ понимать, что рана, нанесенная топоромъ по головѣ, почти безусловно смертельна, слѣдовательно въ поступкѣ Косовскаго очевиденъ умыселъ, возникшій хотя по внезапному побужденію, и нельзя допустить одной неосторожности *). Подъ понятіе о *неосторожности* подходятъ тѣ только случаи, когда преступникъ, хотя и дѣйствовалъ произвольно, но *не* желалъ и не предвидѣлъ вредныхъ послѣдствій своего поступка, хотя-бы и могъ ихъ предвидѣть, если-бы дѣйствовалъ съ должною въ общежитіи предусмотрительностью. Напротивъ того *умысломъ* называется то настроеніе воли преступной, когда субъектъ дѣйствовалъ *напрямо*, не только произвольно, но и съ предвидѣніемъ послѣдствій. *Это-то предвидѣніе* послѣдствій (какъ уже замѣчено выше) является несомнѣннымъ въ поступкѣ Косовскаго, состоявшемъ въ нанесеніи женѣ остріемъ топора раны по головѣ.

---

*) Заключеніе уѣзднаго суда, что нѣтъ прямыхъ доказательствъ къ обвиненію Якова Косовскаго въ умышленномъ убійствѣ своей жены Евдокіи, такъ-какъ онъ въ томъ не сознался и нѣтъ фактовъ, чтобы онъ былъ столь жестокаго характера (?) рѣшительно не выдерживаетъ критики.

Уложеніе о наказаніяхъ также обусловливаетъ умыселъ предвидѣніемъ послѣдствій, ибо по ст. 120: «если подсудимый могъ и долженъ былъ *предвидѣть*, что послѣдствіемъ дѣянія должно быть нѣсколько преступленій различной важности, то онъ наказывается какъ за важнѣйшее изъ преступленій, долженствовавшихъ быть послѣдствіями его дѣянія, хотя бы онъ и *не* имѣлъ положительнаго намѣренія совершить именно это важнѣйшее преступленіе.—Затѣмъ уложеніе дѣлитъ преступленія въ отношеніи умысла на совершенныя: 1) всѣдствіе заранѣе обдуманнаго намѣренія и 2) по внезапному побужденію безъ предумышленія (ст. 6). За содѣянное вслѣдствіе обдуманнаго заранѣе намѣренія преступникъ подвергается высшей мѣрѣ наказанія за то преступленіе въ законѣ поженцаго (ст. 117). Поступокъ-же Косовскаго несомнѣнно совершенъ былъ имъ по внезапному побужденію, въ минуту запальчивости и раздраженія, притомъ многія чрезвычайныя обстоятельства, какъ-то упрямство и дурное поведеніе его жены, растрата его имущества, нанесеніе ему побоевъ и произнесеніе противъ него совершенно незаслуженныхъ имъ ругательствъ—до извѣстной степени извиняютъ его преступленіе, и потому было полное основаніе ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о смягченіи его наказанія *).

VII. Отравленіе крестьянкою Каменскою своего мужа.

Золотницкое волостное правленіе, (онежскаго уѣзда, архангельской губерніи) 18 августа 1849 г. донесло становому приставу онежскаго уѣзда, что 10 числа того мѣсяца крестьянинъ Кононъ Каменскій, возвращаясь съ крестьянкою Марьею Агафоновою съ рыбной ловли къ себѣ домой, вынулъ изъ кармана посланный ему женою его, Татьяною Каменскою, житный колобокъ и не-

*) На основаніи 775 ст. уст. уг. судопр. 1864 г., въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда представляются особыя уваженія къ облегченію участи подсудимаго, суду дозволяется ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ чрезъ Министра Юстиціи о смягченіи наказанія даже въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти, или даже о *помилованіи* подсудимаго, вовлеченнаго въ преступленіе несчастнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ. Подъ послѣднее постановленіе прямо подходитъ, по нашему мнѣнію, поступокъ Косовскаго.

много поѣлъ, затѣмъ часть колоба передалъ Агафоновой, которая также его поѣла. Вслѣдъ затѣмъ какъ у Каменскаго, такъ и у Агафоновой открылась сильная рвота, которая продолжалась во время всего пути ихъ, такъ-что они едва могли дойти до дому. Съ того времени Каменскій по 17 августа былъ боленъ, а вечеромъ того числа *умеръ*; крестьянка-же Агафонова выздоровѣла.—На основаніи сего донесенія, приставъ вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачемъ отправились къ мѣсту происшествія и тамъ, въ присутствіи депутатовъ со стороны государственныхъ крестьянъ, 9 сентября приступили къ освидѣтельствованію мертваго тѣла. Въ актѣ освидѣтельствованія сказано: «что Каменскій былъ тѣлосложенія крѣпкаго, отъ роду ему было около 22 лѣтъ; лицо у него распухшее и вовсе почернѣвшее; изъ рта истекаетъ водянистая сукровица; грудь возвышенная, животъ нѣсколько вздутый, покрытъ зелеными пятнами; верхняя кожица на нихъ отдѣляется; на головѣ, лицѣ и прочихъ частяхъ тѣла ползаютъ черви; трупъ издаетъ тяжелый и смердящій запахъ и предался совершенной гнилости, и поэтому невозможно было приступить къ внутреннему осмотру тѣла».—При обыскѣ въ домахъ: жены умершаго Татьяны Каменской, крестьянки Агафоновой и крестьянки Соломониды Каменской, пекшей колобъ, не оказалось никакихъ веществъ, которыя производятъ отравленіе.

Спрошенные при производствѣ слѣдствія показали:

1) *Крестьянка Татьяна Каменская*, что по выходѣ за Каменскаго въ замужество, около октября 1848 г., жила съ нимъ и свекровью до рождества того года согласно и мужъ ее любилъ, а потомъ онъ иногда ее бивалъ, а свекровь часто бранила, оба за то, что непривычна была она къ крестьянскимъ работамъ; видя холодность къ ней мужа, зимою того же 1848 г. она сказала объ этомъ родственницѣ мужа ея, крестьянкѣ Соломонидѣ Каменской, которая учила ее, чтобъ искала такихъ людей, которые-бы помогли, дабы мужъ любилъ и свекровь не бранила. — Послѣ того, когда въ петровъ постъ 1849 г., она была въ г. Кеми, для свиданія съ матерью, то у встрѣтившейся съ нею на пристани незнакомой женщины, спросила: «не знаетъ-ли чѣмъ пособить, такъ-какъ она живетъ съ мужемъ несогласно».—На это та сказала, что когда будетъ отъѣзжать, то пришла бы на берегъ и что она дастъ ей снадобье, которое въ чемъ нибудь испекла бы и дала

мужу съѣсть; потомъ дѣйствительно дала ей, Каменской, что-то завернутое въ ситцевую тряпку, за что помянутой неизвѣстной женщинѣ денегъ и ничего она не давала, а получивши тряпку, положила въ ящичекъ и не смотрѣла до того времени, пока не пріѣхала домой; по пріѣздѣ въ пушлаходскую деревню, мужа дома не застала, а находился онъ на рыбномъ промыслѣ; привезенное-же ею снадобье она принесла къ крестьянкѣ Соломонидѣ Каменской по вечеру, (такъ показала въ присутствіи уголовной палаты; при производствѣ же слѣдствія говорила, что принесла въ то утро, когда крестьянка Василиса Агафонова ходила на тоню смѣнять ея мужа) и, развернувши тряпку, увидѣла, что въ ней завернутъ бѣлый порошокъ, похожій на толченый мелкій сахаръ, и, не зная какого онъ свойства, просила только, чтобы она положила въ тѣсто и испекла-бы для мужа, чтобы онъ жилъ съ нею согласно; послѣ того поутру на другой день, она пришла къ ней, Соломонидѣ, и она отдала ей испеченный ею колобъ, который, въ родѣ гостинца, она, Татьяна, послала къ мужу съ Василисою Агафоновою, шедшею для смѣны его съ тони. Помянутой Агафоновой она не велѣла сказывать, кто послалъ колобъ для того, чтобы она отдала отъ себя. Въ тотъ день, когда она послала съ Агафоновою колобъ къ мужу, онъ возвратился домой уже къ вечеру, но ея въ это время дома не было, а когда возвратилась домой, то увидѣла, что мужъ ея, Кононъ, лежалъ на лавкѣ и при ней его ни въ то время, и никогда не рвало, а говорилъ онъ, что какъ только съѣлъ колобъ, то почувствовалъ дурноту и боль въ животѣ. Къ излеченію отъ болѣзни мужа, она съ свекровью водила его въ баню и поила парнымъ молокомъ и онъ до смерти во время болѣзни употреблялъ въ пищу рыбу и молоко. Взяла она отъ неизвѣстной женщины порошокъ для *добраго дѣла*, ибо надѣялась, что когда мужъ съѣстъ колобъ, испеченный съ этимъ порошкомъ, то будетъ ее любить; но отравить мужа *не* имѣла ни малѣйшаго намѣренія и вовсе не желала оставаться вдовою въ молодыхъ лѣтахъ; вредныхъ дѣйствій этого порошка не знала, никому про него не сказывала и хранила въ замкнутомъ ящикѣ. Сама же противъ свекрови и мужа ослушанія не оказывала и отъ первой изъ нихъ притѣсненія, кромѣ брани за неумѣніе работать, не терпѣла.

2) *Крестьянка Соломонида Каменская*, что въ одно утро, прій-

дя къ ней Татьяна Каменская, просила испечь для нея изъ хлѣба колобокъ, не сказывая для кого; почему она, взявъ немного своей житной муки, растворила на водѣ тѣсто, Татьяна-же выпула изъ тряпки какой-то порошокъ, на подобіе мелкаго сахара; почему она, Соломонида, подумала, что это дѣлала она для согласія съ мужемъ, съ которымъ жила не такъ согласно; но, не расспросивъ у нея болѣе, замѣсила въ тѣсто и, испекши колобъ, положила на полку, откуда взятъ былъ Татьяною по приходѣ въ другой разъ; мужу своему и никому о томъ не сказывала, потому-что не подозрѣвала худыхъ поступкахъ, и ранѣе сего по родству съ нею (мужья ихъ двоюродные братья), часто прихаживала къ ней Татьяна что-либо испечь для себя, а болѣе для посылокъ гостинцами къ матери своей въ городъ Кемь, ибо дома ей, Татьянѣ, печь не позволяли свекровь и деверь.—На очныхъ ставкахъ Татьяны Каменской съ Соломонидою говорили: *первая*, что она принесла порошокъ вечеромъ не рано, для положенія въ тѣсто и испеченія онаго въ колобѣ, причемъ она, Татьяна, сказывала, что этотъ колобъ для мужа; а *послѣдняя*, что Татьяна принесла порошокъ не вечеромъ, а утромъ рано и сказала ей, что колобокъ печетъ для себя, а не для мужа.

3) *Крестьянка Василиса Агафонова*, что она переданный крестьянину Конону Каменскому колобъ отъ жены его Татьяны получила съ уговоромъ, чтобъ ему *не* сказывать, отъ кого именно; но она, Агафонова, не уразумѣвъ ея умысла, отдала его лично ему и сказала: «на тебѣ гостинецъ мой», но куда онъ положилъ колобъ, и отъ колоба ли послѣдовала ему смерть, не знаетъ.

4) *Крестьянка Марья Агафонова*, что она была на своей тонѣ рыбнаго промысла два дня, но Конона Каменскаго не видала, и когда мать ее смѣнила, то пошла было домой одна; пройдя съ полторы версты, она настигнута была Конономъ Каменскимъ, съ коимъ вмѣстѣ пошла къ дому; немного пройдя, вынулъ онъ изъ кармана колобокъ, величиною менѣе чайнаго блюдца, разломивъ, четверть далъ ей, и стали есть; когда она данную ей часть съѣла, то почувствовала сначала тошноту на сердцѣ, потомъ слюну погнало и наконецъ начало рвать, что́ продолжалось во всю дорогу, и когда домой пришла, также рвало зеленью и была больна послѣ того двѣ недѣли, отпивалась парнымъ молокомъ; кто-же Каменскому далъ колобъ, она не знаетъ.

5) Свекровь подсудимой, *крестьянка Елена Каменская*, объявила, что у пришедшаго домой съ рыбной тони сына ея, Конона, продолжалась каждодневно рвота, зеленью съ кровью; на отравленіе его ядомъ или чѣмъ другимъ, онъ не жаловался, только говорилъ, что, шедши по дорогѣ, съѣлъ колобъ, данный Агафоновою и послѣ того почувствовалъ боль на сердцѣ. По женидьбѣ сына ея въ октябрѣ 1848 г., онъ жилъ въ работѣ въ г. Онегѣ, откуда возвратился до смерти недѣли за три; въ теченіи сего времени былъ на тони 10 дней, поэтому нѣкогда ему быть съ женою въ несогласіи; она же была къ Татьянѣ ласкова, но иногда говорила ей о справедливости, учила на доброе, а она не слушала. Ни о какомъ печеномъ колобѣ она не знала и по возвращеніи невѣстки ея Татьяны изъ Кеми, куда она отлучалась съ ея позволенія, ядовитыхъ веществъ у ней не замѣчала.

6) Сосѣди подсудимой Каменской, объ образъ жизни ея съ мужемъ отозвались; какую они, Каменскіе, вели жизнь, не знаютъ, а по слухамъ будто бы несогласную.

По поступленіи дѣла въ архангельскую палату уголовнаго и гражданскаго суда, подсудимая Каменская, въ присутствіи палаты, по священническомъ увѣщаніи, на всѣ дѣлаемыя ей убѣжденія къ показанію истины, осталась при прежнемъ показаніи, и въ данной подпискѣ изъяснила, что при производствѣ слѣдствія пристрастныхъ допросовъ ей чинимо не было.

На требованіе палатою отъ *врачебной управы* мнѣнія: можно ли, судя по явленіямъ, сопровождавшимъ послѣдніе дни жизни крестьянина Каменскаго, считать достовѣрнымъ, что смерть ему послѣдовала отъ отравленія запеченнымъ въ хлѣбѣ порошкомъ, управа увѣдомила, что для положительнаго заключенія и опредѣленія качества порошка, примѣшеннаго въ колобъ, съѣденный Каменскимъ, нужно имѣть нѣсколько крохъ этого колоба, или часть песку и земли, на которую извергавшееся рвотою выливалось; если этого нѣтъ, то необходимо выкопать трупъ Каменскаго и, вынувъ изъ него желудокъ и тонкія кишки, прислать въ врачебную управу. Это было исполнено, по предписанію губернскаго правленія, земскою полиціею чрезъ посредство уѣзднаго врача.—Затѣмъ управа увѣдомила палату, что медицинскій департаментъ, разсмотрѣвъ протоколъ химическаго изслѣдованія внутренностей крестьянина Каменскаго, нашелъ, что какъ при

повѣркѣ представленныхъ осадковъ, въ оныхъ никакихъ слѣдовъ мышьяка не оказалось, то слѣдуетъ заключить, что описанныя въ протоколѣ явленія произошли не отъ содержанія въ изслѣдованныхъ внутренностяхъ мышьяка, а отъ другихъ причинъ; что-же касается до найденныхъ извѣсти и желѣза, то при повѣркѣ осадковъ, правильность сего результатата подтвердилась.—Къ этому врачебная управа, на повторенное къ ней требованіе палаты, присовокупила, что хотя химическимъ испытаніемъ содержащихся у Каменскаго въ желудкѣ и кишкахъ жидкостей и самыхъ этихъ внутренностей, не открыто присутствія мышьяка или другаго металлическаго яда, но тѣмъ не менѣе, съ великою вѣроятностію должно полагать, что всѣ произшедшіе у Каменскаго и Агафоновой, ѣвшихъ колобокъ съ примѣсью бѣлаго порошка, болѣзненные припадки, обнаружившіеся вскорѣ послѣ ѣды и совершенно одинаковые, равно какъ и самая смерть Каменскому, произошли вслѣдствіе этой пищи, смѣшанной съ какимъ-то ядовитымъ веществомъ, хотя извергнутымъ безпрестанною рвотою и поносомъ, продолжавшимися въ послѣдніе семь дней жизни Каменскаго, а потому и не открытымъ, но оставившимъ по себѣ смертельное разстройство въ частяхъ тѣла, необходимыхъ для поддержанія жизни.

Архангельская палата уголовнаго и гражданскаго суда, по соображеніи обстоятельствъ дѣла сего съ узаконеніями, приговоромъ 25 мая 1850 года заключила: *первое*, крестьянку Татьяну Каменскую, въ умышленномъ отравленіи своего мужа, чрезъ посылку къ нему отъ чужаго имени хлѣбнаго колобка, съ запеченнымъ въ немъ порошкомъ, оказавшимся по своимъ послѣдствіямъ ядовитымъ, по 313 ст. св. зак. угол. суд. оставить въ сильномъ подозрѣніи. *Второе*, за сообщничество въ поступкѣ неизвѣстной женщины, давшей ей вредный порошокъ, согласно 131 и 1201 ст. улож. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, подсудимая подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ на два года; но какъ изъ имѣющагося въ палатѣ свѣдѣнія видно, что въ тамошнемъ смирительномъ домѣ нѣтъ достаточнаго для заключенныхъ помѣщенія, то по 151 ст. улож., опредѣленное совершеннолѣтнимъ наказаніе, умень-шивъ для подсудимой одною степенью, на основаніи 3 п. 88 ст. улож., Татьяну Каменскую наказать въ г. Архангельскѣ чрезъ

полицейскихъ служителей розгами шестьюдесятью ударами, и предать церковному покаянію, по усмотрѣнію духовнаго начальства. *Третье*, какъ поступки совершеннолѣтнихъ крестьянокъ Соломониды Каменской и Василисы Агафоновой, изъ коихъ первая съ ядовитымъ порошкомъ испекла Татьянѣ Каменской колобъ, а послѣдняя, по ея убѣжденію, отдала опый для употребленія въ пищу Конону Каменскому отъ своего имени, не были обсуждены судомъ первой степени, то предоставить онежскому уѣздному суду сдѣлать объ нихъ опредѣленіе; для чего подлинное дѣло въ свое время препроводить въ тотъ судъ. Рѣшеніе это губернскимъ прокуроромъ пропущено безъ протеста.

Правительствующій Сенатъ, (по 1-му отдѣленію 5 департамента), по выслушаніи дѣла сего нашелъ: что подсудимая, несовершеннолѣтняя крестьянка Татьяна Каменская, обвиняется въ отравленіи своего мужа. Каменская *объяснила*, что *полученный* ею отъ неизвѣстной женщины порошокъ пріобрѣтенъ былъ ею и всыпанъ въ испеченный для мужа колобъ, въ томъ убѣжденіи, что когда мужъ съѣстъ колобъ, то будетъ любить ее и перестанетъ бить; намѣренія же отравить мужа она *не* имѣла. Показаніе это представляется сомнительнымъ, потому что: 1) трудно предположить въ подсудимой столько невѣжества и суевѣрія, чтобы она вмѣсто пріобрѣтенія любви мужа, чрезъ покорность ему и устраненіе всякаго повода къ несогласію, рѣшилась прибѣгнуть для достиженія этой цѣли къ указываемому ею неестественному средству; 2) она не указала той женщины, отъ которой, пріобрѣла порошокъ и 3) пекла колобъ съ примѣсью порошка не у себя, а въ чужомъ домѣ, и отъ *чужаго-же имени* отослала его къ мужу на рыболовную тоню, тогда-какъ знала, что онъ въ тотъ же день *долженъ* былъ возвратиться домой. За всѣмъ тѣмъ изъясненныя обстоятельства и несогласная жизнь подсудимой съ мужемъ не могутъ еще положительно доказывать, чтобы она пріобрѣла порошокъ и примѣшала въ колобъ, именно для отравленія мужа, а не для пріобрѣтенія его любви, по своему невѣжеству и суевѣрію. Посему, и руководствуясь 313 ст. уст. уг. суд. правительствующій сенатъ опредѣлилъ: подсудимую, крестьянку Каменскую, какъ вполнѣ *не* изобличенную въ примѣси въ колобъ вещества, съ знаніемъ ядовитости его и для отравленія своего мужа, оставить по сему преступленію въ

сильномъ подозрѣніи; но какъ во всякомъ случаѣ она была причиною смерти мужа, въ чемъ по дѣлу не представляется никакого сомнѣнія, то предать ее, Каменскую, церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства, и затѣмъ поступить съ нею по правиламъ 315 ст.

Оберъ-прокуроръ, раздѣляя заключеніе правительствующаго сената о томъ, что Каменская сокрытіемъ женщины, отъ которой получила порошокъ, и другими изворотливыми дѣйствіями, навлекаетъ на себя сильнѣйшее подозрѣніе въ отравленіи мужа, находилъ, что независимо отъ умысла, за одно уже невѣжественное употребленіе состава, имѣвшаго послѣдствіемъ смерть мужа, Каменская должна быть присуждена, на основаніи 2015 ст. улож., къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ и предана церковному покаянію. Наказаніе это, по несовершенолѣтію подсудимой, можетъ быть понижено одною степенью, замѣнено тѣлеснымъ наказаніемъ во вниманіе крестьянскому быту преступницы, обязанной снискивать себѣ пропитаніе трудами, и назначено въ высшей мѣрѣ по неискренности Каменской и злу, приключившемуся отъ противузаконнаго ея дѣянія (улож. 141 ст. п. 9). Въ этомъ убѣжденіи оберъ-прокуроръ полагалъ: крестьянку Татьяну Каменскую, оставивъ по отравленію мужа въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, вмѣсто трехмѣсячнаго ареста, наказать розгами при полиціи тридцатью ударами, предать церковному покаянію и возмѣстить съ нея всѣ издержки, по производству слѣдствія употребленныя.

По произшедшему въ правительствующемъ сенатѣ разногласію, настоящее дѣло поступило въ общее собраніе правительствующаго сената, которое нашло, что сокрытіе Татьяною Каменскою женщины, отъ которой будто-бы она получила порошокъ, и другія изворотливыя ея дѣйствія навлекаютъ на нее, Каменскую, сильное подозрѣніе въ умышленномъ отравленіи своего мужа, съ коимъ она жизнь вела несогласную; независимо отъ умысла, подсудимая сія во всякомъ случаѣ виновна въ томъ, что употребила въ пищу для мужа своего составъ, имѣвшій послѣдствіемъ смерть.—Сей поступокъ, очевидно противный ограждающимъ личную безопасность постановленіямъ, предусмотрѣнъ въ уложеніи о наказ. угол. и исправ. и подвергаетъ виновнаго не одному церковному покаянію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и заклю-

ченію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ (ст. 2015-я). Ненаказуемость въ настоящемъ случаѣ съ одной стороны не удовлетворяла-бы требованію закона, а съ другой можетъ послужить вреднымъ примѣромъ для людей неблагонамѣренныхъ. Несовершеннолѣтнія женщины, имѣющія болѣе 14-ти лѣтъ, но менѣе 21 года, приговариваются къ опредѣленнымъ въ законѣ наказаніямъ одною или, по усмотрѣнію суда, и двумя степенями ниже, (ст. 728 уст. уг. суд.). При отсутствіи особыхъ уваженій къ смягченію, означенное выше наказаніе несовершеннолѣтней Каменской надлежитъ понизить одною лишь степенью и, во вниманіе крестьянскому быту преступницы, обязанной снискивать себѣ пропитаніе трудами,—замѣнить тѣлеснымъ наказаніемъ (улож. ст. 90 пунктъ 1-й), а по неискренности Каменской и злу, причинившемуся отъ противозаконнаго дѣянія, слѣдуетъ назначить оное въ высшей мѣрѣ (улож. ст. 141-я пун. 9 и 10-й). По симъ соображеніямъ общее собраніе опредѣлило: крестьянку Татьяну Каменскую, на основаніи 313 ст. уст. уг. суд. оставить въ сильномъ подозрѣніи по умышленному отравленію своего мужа, а за вышесказанную подмѣсь состава въ пищу какъ за поступокъ, противный ограждающимъ личную безопасность постановленіямъ, — вмѣсто трехмѣсячнаго ареста, наказать ее при полиціи розгами тридцатью ударами и предать церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства.

Фактическая сторона этого дѣла состоитъ въ томъ, что крестьянинъ Кононъ Каменскій, поѣвъ колоба, въ тѣсто котораго жена его Татьяна всыпала порошокъ,—умеръ скоропостижно и со всѣми признаками отравленія. Татьяна—же Каменская, сознаваясь, что она всыпала бѣлый порошокъ, объявила, что она сдѣлала это, считая его безвреднымъ и желая посредствомъ его *не* отравить мужа, а возвратить себѣ его любовь. Такимъ образомъ въ дѣлѣ этомъ возникаетъ слѣдующая дилемма: или Каменская является умышленною отравительницею своего мужа и подлежитъ наказанію какъ за смертоубійство, или же она дѣйствовала изъ суевѣрія, причемъ смерть ея мужа послѣдовала совершенно независимо отъ ея воли. Этотъ вопросъ, при всей

его важности, представляется въ высшей степени труднымъ къ разрѣшенію: хотя по дѣлу не выведено ни одного обстоятельства, которое-бы несомнѣнно обнаруживало въ Каменской прямой умыселъ отравить своего мужа, но съ другой стороны нельзя не принять во вниманіе слѣдующаго соображенія—если безъ надлежащей повѣрки дать безусловную силу объясненіямъ Каменской, что она не хотѣла отравить мужа, и установить это въ видѣ общаго принципа, то всѣ отравительницы простаго званія получили-бы легкое средство избѣгнуть наказуемости за отравленіе, сдѣлавъ только показаніе, что онѣ всыпали ядъ въ кушанье или питье съ суевѣрною цѣлью и считая его безвреднымъ. Съ другой стороны суду не предстоитъ никакой возможности опровергнуть подобное показаніе, такъ-какъ истинность или ложность его остается тайной между подсудимымъ и Богомъ. Въ настоящемъ же дѣлѣ показаніе Каменской, что она получила порошокъ отъ *незнакомой женщины*, является въ высшей степени неправдоподобнымъ, такъ-какъ въ деревняхъ и въ городахъ, имѣющихъ незначительное народонаселеніе, всѣ жители коротко знаютъ другъ друга и каждое новопришедшее лицо тотчасъ-же обращаетъ на себя всеобщее вниманіе и *не* можетъ остаться незнакомымъ и незамѣченнымъ. Поэтому Каменской всегда была возможность удостовѣриться, кто была женщина, давшая ей порошокъ. Затѣмъ рѣшительно неправдоподобно, чтобы неизвѣстная женщина, у которой Каменская просила дать ей любовный порошокъ, вмѣсто того, дала-бы ей ядъ; сверхъ того объясненіе подсудимой, что «Соломонида Каменская учила ее, чтобы искала такихъ людей, которые-бы помогли, дабы мужъ любилъ и свекровь не бранила»—Соломонидою Каменскою было отвергнуто.

Такимъ образомъ и фактическая сторона дѣла, и неправдоподобныя показанія Каменской нисколько не доказываютъ ея невиновности въ отравленіи ея мужа. Впрочемъ обстоятельства, что подсудимая: 1) испекла колобъ не у себя дома, а у Соломониды Каменской и 2) не велѣла говорить мужу, что колобъ посылается отъ нея,—*не* составляютъ важныхъ уликъ, такъ-какъ есть показаніе Соломониды Каменской, (ничѣмъ по дѣлу неопровергнутое), что подсудимой недозволяли ничего печь дома.

Въ уголовномъ правѣ существуетъ правило, что умыселъ ни-

когда *не* предполагается, но долженъ быть доказанъ; но это правило относится очевидно къ тому случаю; когда у преступника не обнаружено никакихъ побудительныхъ причинъ къ совершенію преступленія, когда нисколько не доказано учиненіе имъ того дѣянія, въ которомъ онъ обвиняется, и непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго было преступленіе.

Въ настоящемъ-же дѣлѣ оказывается противное: Каменская тайно отъ мужа всыпала порошокъ въ колобъ, посланный ему не отъ ея имени; съ мужемъ своимъ она жила несогласно и подвергалась преслѣдованію его матери; ядовитость порошка доказывается тѣмъ, что, поѣвъ присланнаго ему колоба, Каменскій тотчасъ-же заболѣлъ и вскорѣ затѣмъ скоропостижно умеръ, а крестьянка Агафонова, менѣе его поѣвшая колоба, тяжко заболѣла. Уже изъ этого рождается противъ Каменской естественное предположеніе, что отравленіе было выполнено ею, и что слѣдовательно смерть ея мужа должна быть вмѣнена ей въ вину, если только она *не* представитъ несомнѣнныхъ *доказательствъ*, что считала всыпанный порошокъ безвреднымъ. Но это обстоятельство ею вовсе *не* доказано *) и всѣ ея показанія въ отношеніи его являются чисто голословными. И такъ съ своей стороны мы полагали-бы: признать Каменскую виновною въ отравленіи мужа.

Б) РАЗНЫЕ СЛУЧАИ УБІЙСТВА.

VIII. Убійство, въ просонкахъ, Иваномъ Кобзаревымъ его брата *).

Въ павлоградскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, въ селѣ Раздорахъ, жили мѣщане Кобзаревы, семейство которыхъ состояло изъ старшаго брата Михаила 28 лѣтъ, жены его Надежды, сестры Ирины и младшаго Ивана 19 лѣтъ. Братья жили по-

---

*) Въ этомъ отношеніи огромную важность имѣло-бы показаніе женщины, отъ которой Каменская получила порошокъ.

*) Настоящее дѣло представляетъ, сколько намъ извѣстно, въ русской судебной практикѣ единственный примѣръ убійства, происшедшаго въ просонкахъ, т. е. въ состояніи, составляющемъ переходъ отъ сна къ бдѣнію.

стоянно въ дружбѣ и согласіи, и хотя между ними были нѣкоторыя недоразумѣнія и даже ссоры по поводу оставшагося послѣ отца ихъ наслѣдства, но ссоры эти продолжались недолго и не нарушали семейнаго спокойствія. Оба брата служили при акцизномъ откупѣ, гдѣ Михаилъ Кобзаревъ занималъ должность старшаго смотрителя, по которой иногда бранилъ брата за неисправности въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, причемъ однако, какъ засвидѣтельствовали многія лица, Иванъ сносилъ упреки брата съ кротостью и терпѣніемъ.

18 января 1852 г. вечеромъ на винокуренный заводъ помѣщика Павлова, находящійся около села Раздоръ, пріѣхалъ Михаилъ Кобзаревъ и спросилъ, гдѣ братъ его, который въ то время былъ при заводѣ сторожемъ акцизнаго откупа. Узнавъ, что братъ спитъ въ комнатѣ, устроенной внутри завода, Михаилъ Кобзаревъ пошелъ къ нему; минутъ чрезъ пять по тому направленію раздался крикъ «ратуйте» (спасайте); крестьяне, работавшіе въ верхнемъ этажѣ завода, услыхавъ голосъ Михаила Кобзарева, бросились въ комнату сторожа, гдѣ и застали Ивана Кобзарева *въ большомъ изступленіи*, съ окровавленнымъ ножемъ въ рукахъ.—При входѣ ихъ, Иванъ Кобзаревъ бросилъ ножъ на полъ и пытался бѣжать, но былъ остановленъ крестьянами. Михаилъ же Кобзаревъ стоялъ среди комнаты, схватившись одною рукою за бокъ, изъ котораго текла кровь, по вслѣдъ затѣмъ надѣлъ на себя шубу, поспѣшно вышелъ изъ завода, сѣлъ въ сани и возвратился въ свою квартиру. На всѣ распросы о случившемся съ нимъ Михаилъ Кобзаревъ не далъ ни какого объясненія, говоря: «это такъ; гдѣ я былъ, тамъ нѣтъ, и что будетъ то будетъ; ничего, все пройдетъ». На слѣдующій день въ 11 часовъ по полудни, Михаилъ Кобзаревъ умеръ, до самой смерти ни въ чемъ не обвиняя своего брата.

По медицинскому освидѣтельствованію тѣла его оказалось, что ему были нанесены три раны: одна въ руку, другая въ спину и третья въ животъ; послѣдняя, по удостовѣренію врача, была безусловно смертельна.

Комната, гдѣ Иванъ Кобзаревъ нанесъ раны своему брату, находилась въ нижнемъ этажѣ завода; въ ней была устроена у стѣны деревянная койка, на которой спалъ Иванъ; возлѣ койки столъ, гдѣ *всегда* лежалъ хлѣбъ для рабочихъ и для рѣзанія хлѣба

ножъ длиною съ черенкомъ 5½ вершковъ, шириною лезвіе въ вершокъ, довольно острый; слѣдовъ крови въ комнатѣ нигдѣ незамѣчено.

На допросахъ подсудимый Иванъ Кобзаревъ показалъ: На *первомъ.* что 18 января, бывъ *въ горячкѣ*, онъ уснулъ передъ вечеромъ, и что происходило, когда разбудилъ его братъ Михаилъ, наносилъ-ли ему удары и гдѣ имъ взятъ ножъ; ничего совершенно не помнитъ, но ссоры и неудовольствія съ покойнымъ братомъ ни за что не имѣлъ, намѣренія лишить его жизни у него не было, и отчего произошелъ этотъ несчастный случай не знаетъ. На *второмъ:* что онъ не помнитъ, былъ ли 18 января братъ его Михаилъ на заводѣ, потому-что былъ въ то время боленъ, но горячкою или чѣмъ другимъ, не знаетъ. На *третьемъ:* что онъ 18 января чувствовалъ сильную головную боль и въ такомъ положеніи уснулъ, и за симъ, что̀ происходило съ нимъ, не помнитъ и не понималъ до другаго дня.

6-ть крестьянъ и прикащикъ г. Павлова, крестьянинъ Иванъ Пидапь подъ присягою показали, что, когда Иванъ Кобзаревъ совершилъ братоубійство, онъ былъ здоровъ, въ это время Кобзаревы пьяны не были, ни предъ преступленіемъ, ни въ продолженіи всего дня брани и ссоры между братьми не происходило Сестра подсудимаго *Ирина Кобзарева* удостовѣрила, что братъ ея Иванъ иногда подвергался какому-то забвенію послѣ сна, при внезапномъ пробужденіи.—Вдова убитаго *Надежда* показала, что она сама не замѣчала, чтобы Иванъ Кобзаревъ бывалъ въ безпамятствѣ при внезапномъ пробужденіи, но слыхала объ этомъ отъ его сестры.—*Подсудимый* объяснилъ, что онъ не помнитъ, подвергался ли онъ самозабвенію при внезапномъ пробужденіи отъ сна и не знаетъ замѣчалъ ли это кто либо другой.—На повальномъ обыскѣ Иванъ Кобзаревъ въ поведеніи одобренъ.

Медицинскій совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ, къ которому настоящее дѣло препровождалось на заключеніе, въ разрѣшеніе предложеннаго ему вопроса о томъ: возможно ли допустить такого рода состояніе, чтобы при внезапномъ пробужденіи, человѣкъ находился нѣкоторое время въ безпамятствѣ и въ это время, безъ всякаго сознанія, могъ совершить преступленіе, на которое онъ ни въ какое время посягнуть не рѣшил-

ся бы, и затѣмъ не помнилъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось его преступное дѣяніе, сообщилъ, что при переходѣ отъ сна къ бдѣнію, самосознаніе не всегда возвращается вдругъ и вполнѣ, и въ этомъ переходномъ состояніи человѣкъ можетъ совершать дѣйствія безсознательно, подобно тому, какъ это бываетъ въ горячечномъ бреду.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ высказаны были два различныя мнѣнія.

Первое мнѣніе. Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы Иванъ Кобзаревъ нанесъ своему брату рану, отъ которой послѣдній умеръ,—съ умысломъ, или даже въ ссорѣ; напротивъ всѣ обстоятельства дѣла наводятъ на ту мысль, что преступленіе это совершено имъ со сна въ безпамятствѣ, при внезапномъ разбужденіи его братомъ, когда онъ, Иванъ, даже не сознавалъ, что онъ дѣлаетъ, но какъ и сіе послѣднее предложеніе юридическимъ образомъ не доказано, то руководствуясь 213 ст. 2 ч. XV т. (изд. 1857) слѣдуетъ мѣщанина Ивана Кобзарева въ нанесеніи брату своему раны, отъ которой онъ умеръ, съ умысломъ; или во время ссоры въ раздраженіи, оставить въ подозрѣніи, предоставивъ ему по силѣ 2019 ст. улож. о наказ. право, если онъ самъ пожелаетъ, очистить свою совѣсть церковнымъ покаяніемъ; независимо же сего для предупрежденія на будущее время подобныхъ случаевъ, роднымъ его и мѣстной полиціи поручить имѣть за нимъ особый надзоръ.

Второе мнѣніе. По силѣ ст. 107, 108, 109 и 111 улож. преступленіе не вмѣняется въ вину въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда преступленіе учинено безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, или же въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія; 2) когда оно учинено потерявшимъ умственныя способности и разсудокъ отъ старости или дряхлости и лунатиками, которые въ припадкахъ своего нервнаго разстройства дѣйствуютъ безъ надлежащаго разумѣнія; 3) когда оно учинено отъ случайной ошибки или вслѣдствіе обмана, но по невѣдѣнію обстоятельствъ, отъ коихъ дѣяніе обратилось въ противузаконное. Спрошенные по дѣлу сему свидѣтели, бывшіе въ близкихъ отношеніяхъ съ подсудимымъ, положительно удостовѣрили, что никакого разстройства умственныхъ способностей или припадковъ умоизступленія ни прежде, ни послѣ совершe-

нія преступленія въ Кобзаревѣ они не замѣчали. Равнымъ образомъ ничѣмъ по дѣлу въ Кобзаревѣ не обнаружено помраченіе ума отъ какихъ либо причинъ, а на случайную ошибку или обманъ ни подсудимый, ни спрошенныя лица не указываютъ. По заключенію медицинскаго совѣта, человѣкъ въ переходномъ состояніи отъ сна къ бдѣнію, когда самосознаніе не всегда возвращается вдругъ и вполнѣ, можетъ совершать дѣйствія безсознательно, подобно тому какъ это бываетъ въ горячешномъ бреду, но какое значеніе этотъ фактъ имѣетъ въ настоящемъ дѣлѣ медицинскимъ совѣтомъ не опредѣлено, а потому заключеніе его, не представляя требуемаго 328 ст., XV т. изд. 1857 г. яснаго и положительнаго удостовѣренія, не можетъ быть принято за совершенное доказательство. Засимъ не представляется никакихъ основаній къ невмѣненію Кобзареву совершеннаго имъ преступленія и посему слѣдуетъ подвергнуть его опредѣленному въ 2033—2041 и 152 ст. улож. наказанію розгами 70 ударами и отправить для водворенія въ томскую губернію, безъ лишенія лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, но съ употребленіемъ въ работу по усмотрѣнію и распоряженію мѣстныхъ начальствъ, до истеченія пяти лѣтъ со времени прибытія его на мѣсто назначенія.

Согласно съ симъ послѣднимъ мнѣніемъ состоялось опредѣленіе правительствующаго сената.

Настоящее дѣло представляется въ юридическомъ отношеніи въ высшей степени интереснымъ, и зависитъ существенно отъ разрѣшенія вопроса «можно-ли вмѣнить Ивану Кобзареву убійство, учиненное имъ въ просонкахъ надъ братомъ?»

Разсматривая прежде всего фактическую сторону этого дѣла, нельзя не признать, что убійство является въ немъ ничѣмъ невызваннымъ и ничѣмъ не мотивированнымъ.—Слѣдствіемъ раскрыто, что братья Михаилъ и Иванъ Кобзаревы постоянно жили въ дружбѣ и согласіи, и хотя между ними были нѣкоторыя недоразумѣнія и ссоры по поводу оставшагося послѣ отца ихъ наслѣдства, но ссоры эти продолжались недолго и не нарушали

семейнаго спокойствія. Преступнаго умысла въ Иванѣ Кобзаревѣ убить своего брата нисколько не обнаружено, да къ тому и не было побудительныхъ причинъ, такъ-какъ въ промежутокъ времени, непосредственно предшествовавшій убійству, между братьями ссоръ и дракъ не происходило. Убійство учинено было совершенно внезапно; жертва убійства (Михаилъ Кобзаревъ) сама пришла къ убійцѣ (Ивану), который въ это время спалъ. Между приходомъ Михаила Кобзарева и криками его: «ратуйте», прошло не болѣе пяти минутъ; такимъ образомъ если и допустить, что между братьями въ это время произошла ссора, то едва-ли возможно предполагать, чтобы въ Иванѣ Кобзаревѣ, (имѣвшемъ 19 лѣтъ отъ роду) могла столь быстро родиться, окрѣпнуть и быть приведена въ исполненіе мысль о убійствѣ. — Когда работники сбѣжались на крикъ, то увидѣли Ивана Кобзарева въ большомъ изступленіи, съ окровавленнымъ *ножемъ* въ рукахъ; такимъ образомъ онъ находился въ столь несознательномъ положеніи, что даже не бросилъ ножа, тогда-какъ если-бы онъ это сдѣлалъ, то при отсутствіи противъ него обвиненія со стороны брата, доказать его виновность было-бы гораздо труднѣе *).

Вышеизложенное приводитъ насъ къ несомнѣнному убѣжденію, что Иванъ Кобзаревъ учинилъ убійство *въ проспонкахъ* и въ состояніи невмѣняемости. Къ этому служатъ подтвержденіемъ:

1) показанія Ивана Кобзарева, сдѣланныя имъ на трехъ допросахъ, что онъ въ день убійства уснулъ передъ вечеромъ и что происходило, когда разбудилъ его братъ Михаилъ, наносилъ ли онъ ему удары и гдѣ имъ взятъ ножъ,—онъ ничего совершенно не помнитъ.

2) показанія сестры подсудимаго, Ирины Кобзаревой: «что братъ ея Иванъ иногда подвергался какому-то забвенію послѣ сна при внезапномъ пробужденіи», тогда-какъ самъ подсудимой показалъ: «что не помнитъ, подвергался ли онъ самозабвенію при внезапномъ пробужденіи отъ сна»—что показываетъ въ немъ полную добросовѣстность и носитъ притомъ характеръ

*) Слѣдователи сдѣлали важное упущеніе, не допросивъ самого Михаила Кобзарева объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ убійству и сопровождавшихъ оное.

правды и истины, такъ-какъ лице, находящееся въ состояніи безпамятства, конечно не сознаетъ этого; наконецъ

3) нахожденіе возлѣ койки, (на которой спалъ Иванъ), для рѣзанія хлѣба ножа, которымъ и было учинено убійство. Все это подтверждаетъ наше заключеніе, что Иванъ Кобзаревъ *въ просонкахъ* и не сознавая самъ того, что дѣлаетъ, схватилъ лежащій около него ножъ и поразилъ имъ брата.

Затѣмъ мы пришли къ общему философскому вопросу: подлежитъ-ли вмѣненію преступленіе, учиненное лицемъ подъ вліяніемъ сна и въ просонкахъ?

«Сонъ *) составляетъ сторону нашей жизни, до сихъ поръ еще не вполнѣ разгаданную. Главное отличіе его отъ бдѣнія состоитъ въ томъ, что въ бдѣніи человѣкъ ясно отличаетъ самаго себя отъ внѣшняго міра, а нервная система его дѣйствуетъ болѣе на принятіе наружныхъ впечатлѣній, тогда-какъ во снѣ она сосредоточивается въ самой себѣ, развиваетъ свою воспроизводительную силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаетъ человѣка самосознанія, разумѣнія и свободы. Посему, состояніе сна уничтожаетъ всякую вмѣняемость и вмѣненіе. Когда человѣкъ спитъ, то часто видимъ сновидѣнія, состоящія изъ разнообразныхъ, цвѣтистыхъ образовъ, нерѣдко неопредѣленныхъ и перемѣшивающихся другъ съ другомъ въ хаотическомъ безпорядкѣ; въ бдѣніи человѣкъ управляетъ образами своего воображенія, сдерживаетъ его въ надлежащихъ предѣлахъ: во снѣ онъ лишается этой способности, и потому часто подъ вліяніемъ сновидѣній совершаетъ безпорядочныя и необдуманныя движенія. Если подъ вліяніемъ какого-нибудь сновидѣнія однимъ изъ такихъ движеній будетъ совершено преступленіе, то оно естественно не можетъ быть вмѣнено въ вину преступнику, потому-что состояніе сновидѣнія совершенно уничтожаетъ всякую вмѣняемость.—Затѣмъ *просонки* составляютъ переходъ отъ бдѣнія къ сну и отъ сна къ бдѣнію. Это переходное состояніе, въ которомъ *сознаніе совершенно помрачено*, иногда имѣетъ довольно близкое сходство съ помѣшательствомъ, съ тою только разницею, что оно проходитъ чрезвычайно быстро. Посему весьма удачно называютъ такое состояніе опьяненіемъ въ просонкахъ (Schlaftrunkenheit). Примѣръ такого состоянія можно видѣть всего яв-

*) Заимствовано изъ лекцій б. профессора угол. прав. П. Д. Калмыкова.

ственнѣе въ молодыхъ людяхъ, внезапно пробуждаемыхъ отъ самаго глубокаго сна; они начинаютъ биться, толкаться и топать ногами, часто видятъ страшныя грезы и подъ вліяніемъ ихъ легко могутъ обратить свою дѣятельность на внѣшніе предметы. Если такая дѣятельность, по случайному обстоятельству, повлечетъ за собою преступленіе, то такое преступленіе не подлежитъ вмѣненію, потому-что состояніе просонковъ, какъ сопровождаемое помраченіемъ сознанія, уничтожаетъ вмѣняемость. Иногда *трудно доказать*, дѣйствительно-ли совершено преступленіе въ такомъ состояніи просонковъ тогда нужно изслѣдовать, какимъ сномъ спитъ обыкновенно этотъ человѣкъ, часто ли онъ бывалъ въ такомъ состояніи опьяненія, имѣлъ-ли онъ какія-нибудь побудительныя причины къ совершенію преступленія, и наконецъ каково было его предшествующее поведеніе».

Эти соображенія почти буквально могутъ быть примѣнены къ настоящему дѣлу: преступленіе Иваномъ Кобзаревымъ совершено было въ просонкахъ, онъ имѣлъ отъ роду не болѣе 19 лѣтъ, къ нему пришелъ братъ, сдѣлавшійся жертвою убійства, ножъ, орудіе смерти, лежалъ на столѣ около спящаго, побудительныхъ причинъ преступленіе не имѣло, предшествовавшее поведеніе Ивана Кобзарева безукоризненно, и есть показаніе, что онъ подъ вліяніемъ сна нерѣдко дѣйствовалъ безсознательно.

И такъ поступокъ его *не* подлежитъ вмѣненію.

IX. Убійство почталіона и ямщика дворяниномъ Иваномъ Кочаномъ, сопровождаемое разграбленіемъ почты.

Вечеромъ, 28 іюля 1854 года, съ почталіономъ Андреемъ Будзинскимъ отправлена была легкая почта изъ Могилева на Днѣпръ въ Симферополь.—Она слѣдовала по большой шоссейной дорогѣ вдоль праваго берега Днѣпра на Довскъ, Годиловичи, село Рысково, Меркуловичи въ Рогачевъ.—Такъ какъ разстояніе между Годиловичскою и Меркуловичскою почтовыми станціями довольно велико, то для удобства почтосодержателя и проѣзжихъ на полдорогѣ между этими станціями въ селѣ Ры-

сковѣ, въ 13 верстахъ отъ Годиловичей, устроена была подстава для перемѣны лошадей. Почта симферопольская прибыла въ Годиловичи 29 іюля въ 3 часа 40 минутъ по-полуночи и черезъ десять минутъ послѣ того отправлена до рысковской подставы въ фургонѣ, запряженномъ четырьмя лошадьми съ ямщикомъ Иваномъ Мининымъ. Не достигнувъ рысковской подставы, она пропала безъ вѣсти, о чемъ, извѣщенная 30 іюля по эстафетѣ, могилевская почтовая контора донесла начальнику губерніи, который отрядилъ для производства слѣдствія коллежскаго секретаря Матіасевича.

Прежде нежели Матіасевичъ прибылъ поутру 31 іюля въ Годиловичи, уже на этой станціи всѣ знали, что сталось съ пропавшею почтою. Она была разграблена, почталіонъ Будзинскій и ямщикъ Мининъ убиты. Тѣла убитыхъ найдены утромъ 30 іюля близъ дороги въ лѣсу смотрителемъ годиловичской станціи Гензелемъ и нѣсколькими ямщиками, производившими поиски. Тутъ-же былъ и фургонъ съ четверкою невыпряженныхъ лошадей. Лошади отведены были нашедшими ихъ на годиловичскую почтовую станцію, а при фургонѣ, при разграбленной и вскрытой корреспонденціи и при тѣлахъ убитыхъ поставленъ былъ надлежащій караулъ.

Осмотръ слѣдовъ преступленія привелъ къ слѣдующимъ результатамъ: на восьмой верстѣ отъ Годиловичей, а въ шести отъ Рыскова, на правой сторонѣ дороги виднѣлась въ значительномъ количествѣ вытекшая и запекшаяся кровь.—Отъ того мѣста шла вправо отъ дороги, углубляясь въ опушку лѣса, свѣжая, довольно широкая тропа, какъ будто-бы отъ тащенія какого нибудь тѣла, и въ ней слѣды простыхъ безъ подборовъ сапоговъ съ широкими ступнями, которые тѣмъ явственнѣе отпечатлѣлись на землѣ, что 29 числа шелъ дождь и что слѣдовательно земля была размокшая. Въ опушкѣ лѣса въ 8 саженяхъ отъ дороги валялась лѣтняя шляпа ямщика Минина, не поврежденная (актъ обыска не упоминаетъ, обагрена ли она была кровью или нѣтъ). Саженяхъ въ двадцати отъ шляпы по направленію къ Рыскову, а въ шести отъ дороги, въ чащѣ лѣса, лежалъ бокомъ трупъ ямщика Ивана Минина. Мининъ былъ человѣкъ молодой, 25 лѣтъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ русыми волосами, безъ бороды и усовъ, которые у него еще

не-выросли. На себѣ онъ имѣлъ рубаху и порты изъ грубаго холста, кожаные сапоги, армякъ изъ темнозеленаго сукна. У Минина оказался совершенно разбитымъ правый високъ и пробитою сзади шея съ правой стороны.—Слѣдователь Матіасевичъ остановился на догадкѣ, что смертоносные удары нанесены были ему по виску полновѣсною дубиною или желѣзнымъ ломомъ, который оставилъ продолговатую, но узенькую рану, наполненную запекшеюся кровью, а въ шею острымъ орудіемъ, отъ чего произошла круглая рана шириною пальца въ два, а глубиною въ полтора вершка. Тѣмъ же вѣроятно орудіемъ разрѣзанъ и воротникъ армяка. Сверхъ того Мининъ былъ сильно битъ по плечамъ, чему доказательствомъ служили многіе знаки синебагроваго цвѣта на его тѣлѣ. Лицо его было блѣдно-синеватаго цвѣта; изъ носа и глазъ вытекала кровь; кровью облитъ былъ и армякъ.

Отъ того мѣста, гдѣ виднѣлась кровь, кромѣ тропы, вытоптанной стопами убійцы и тѣломъ ямщика, начинался другой слѣдъ отъ колесъ фургона и копытъ лошадей. Хотя фургонный слѣдъ сворачивалъ также съ дороги вправо, въ лѣсъ, но въ какомъ разстояніи отъ тѣла ямщика, того слѣдователь не опредѣлилъ; потомъ онъ тянулся довольно далеко, заходя уже въ девятую версту отъ Годиловичей и окапчивался въ густой чащѣ лѣса въ 8 саженяхъ отъ дороги и въ 125 саженяхъ отъ тѣла ямщика. Здѣсь и стоялъ фургонъ съ лошадьми, которыхъ упряжь была въ-цѣлости, за исключеніемъ колокольчика, пары вожжей, которые не были отысканы, и свивка лѣвой пристяжки, который оказался оторваннымъ. Фургону не доставало еще верха или кибитки, которая была къ нему прикрѣплена при отправленіи изъ Годиловичей для предохраненія почтальона отъ дождя. (Изъ дѣла не видно, была-ли эта кибитка сорвана только съ фургона и тутъ же брошена или утащена совершившими убійство, была ли она отыскана въ лѣсу, или нѣтъ). Подлѣ самаго фургона лежалъ лѣвымъ бокомъ трупъ почталіона Будзинскаго на разостланной буркѣ его изъ бараньей шкуры, крытой чернымъ солдатскимъ сукномъ. Одежда его состояла изъ тонкой, но грязной холщевой рубахи, панталонъ сѣраго тонкаго сукна съ черпою по наружнымъ бокамъ выпушкою, форменнаго сюртука, стараго черпаго шелковаго платка, сапоговъ и фуражки; на па-

дѣтомъ чрезъ плечо сыромятномъ ремнѣ висѣлъ у него пистолетъ безъ шомпола и пистона, заряженный холостымъ зарядомъ.—Будзинскій былъ еще моложе Мицина—лѣтъ 23 или 24, темнорусый, съ выбритыми бородою и усами, тѣлосложенія весьма крѣпкаго. Тѣло его было страшно изуродовано, черепъ его былъ повидимому проломанъ; отверзтіемъ пролома, имѣвшимъ 1 ½ вершка въ діаметрѣ, вытекла часть мозга; обѣ руки были вывернуты изъ плечевыхъ чашекъ, задняя ляшка у лѣваго бедра проколота шириною пальца въ два, а глубиною въ вершокъ (какой видъ имѣла эта рана и въ какомъ нанесена была направленіи, не опредѣлено). Задопроходная кишка вышла немного наружу, какъ полагалъ слѣдователь, отъ сильнаго напряженія. Все тѣло покрыто было боевыми знаками синебагроваго цвѣта; оно распухло и распространяло смрадный запахъ; особенно распухшими оказались ядра. Бурка Будзинскаго была облита ручьями запекшейся крови. Въ боковомъ карманѣ сюртука найдено 60 коп. сер.

Въ фургонѣ, подлѣ него и въ различныхъ мѣстахъ по лѣсу валялись разбросанные и измоченные дождемъ чемоданы, пакеты, конверты и бумаги вскрытой и разграбленной почтовой корреспонденціи. Въ самомъ фургонѣ лежалъ вскрытый чемоданъ № 170 и свинцовая пуля. Возлѣ фургона на землѣ находились другой чемоданъ № 640, и пять сумокъ съ простою (№№ 138, 695, 555) и съ денежною корреспонденціею (№№ 49 и 80). Во всѣхъ этихъ сумахъ и чемоданахъ перерѣзаны были петли и ремни, которыми они шнуровались. Печатей и пломбъ найдено налицо 6, изъ коихъ 5 отрѣзаны. Простая корреспонденція не была нарушена, а только штукъ десять почтъ-пакетовъ вынуты и одинъ изъ нихъ, зашитый въ циновку, разрѣзанъ до половины.—За то сума съ денежною корреспонденціею № 49 вся опорожнена, а вынутые изъ нея конверты и бумаги изорваны были въ куски. Между этими кусками найдено на землѣ нѣсколько государственныхъ кредитныхъ билетовъ.

Въ другомъ пунктѣ между мѣстами, гдѣ лежали оба трупа, на разстояніи 100 саженей отъ Будзинскаго и 25 отъ ямщика, а въ 10 саженяхъ отъ дороги, отыскана сумка денежной корреспонденціи № 356 и возлѣ нея разметанныя бумаги. Наконецъ значительно позади того мѣста, гдѣ лежалъ ямщикъ, въ 150 са-

женяхъ отъ него по направленію къ Годиловичамъ и въ 80 саженяхъ отъ дороги, въ лѣсу, усмотрѣна куча бумагъ, денежной и страховой корреспонденціи, отрѣзанный клапанъ отъ денежной сумы № 1511, одинъ кредитцый билетъ, три серебряныя монеты и двѣ тряпки ветхаго и грязнаго полотна, похожія на бинты, изъ коихъ одна немного окровавлена. Всего денегъ какъ въ этой кучѣ, такъ и близъ фургона, оказалось 35 р. 77 к. с.

Изъ соображенія всѣхъ силъ подробностей, обнаруженныхъ осмотромъ, слѣдователь вывелъ такое заключеніе: «судя по обстоятельствамъ настоящаго происшествія, неошибочно заключить можно, что варварское злодѣяніе учинено шайкою, которая могла собраться изъ человѣкъ пяти и болѣе, подъ предводительствомъ опытнаго лица, хорошо знавшаго задѣлку и вскрытіе чемодановъ и сумокъ почтовой корреспонденціи».—Что разбойнику или разбойникамъ были хорошо извѣстны пріемы почты при укладки и задѣлкѣ корреспонденціи, это очевидно: они добыли корреспонденцію безъ поврежденія самыхъ чемодановъ и сумокъ и выбрали проворно одни только конверты съ деньгами, не трогая простой безденежной корреспонденціи. Гораздо сомнительнѣе другое предположеніе слѣдователя, что преступленіе совершено шайкою изъ пяти или и болѣе злодѣевъ. Почему онъ предполагалъ, что ихъ было по крайней мѣрѣ пятеро, а не двое, трое, четверо? Это вопросъ, на который актъ осмотра не даетъ никакого отвѣта. Было одно обстоятельство, которое могло бы можетъ быть послужить къ уясненію этого вопроса, если бы слѣдователь прибылъ первый на мѣсто совершенія преступленія, а именно: слѣды ногъ человѣческихъ на размокшей землѣ и на потоптанной травѣ въ лѣсу. Но замѣтимъ, что слѣдователь прибылъ сутки спустя послѣ отысканія труповъ и фургона, что прежде него тутъ уже были и станціонный смотритель Гепзель съ ямщиками, выпрягшими лошадей и отведшими ихъ въ Годиловичи, и приставленные земской полиціею караульные, которыхъ слѣды, вѣроятно, дотого смѣшались со слѣдами преступниковъ, что розыски въ этомъ направленіи едва ли могли привести къ какому нибудь результату.

Кончивъ свой осмотръ, слѣдователь Матіасевичъ не позаботился подвергнуть тѣла убитыхъ медицинскому освидѣтельствованію; для болѣе точнаго уясненія причинъ ихъ смерти. Съ со-

гласія участвовавшихъ офиціально въ произведеніи обыска лицъ: могилевскаго губернскаго почтмейстера Ѳедорова, рогачевскаго почтмейстера Логовскаго и засѣдателя рогачевскаго земскаго суда Сяноженскаго, онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) мертвыя тѣла Будзинскаго и Минина перевезти въ Годиловичи и тамъ предать землѣ по христіанскому обряду, не требуя врача для медицинскаго освидѣтельствованія ихъ, такъ какъ боевые знаки и раны обнаруживаютъ насильственную ихъ смерть; 2) одежду и бѣлье почталіона Будзинскаго и ямщика Минина, изрѣзанныя и порванныя въ куски при снятіи съ ихъ тѣлъ, равно шубу Будзинскаго, закорѣвшую отъ мокроты и крови, по совершенной негодности къ употребленію зарыть въ землю, цляпу-же ямщика передать смотрителю Гензелю; 3) корреспонденцію, наличныя деньги 35 р. 77 к., чемоданы и сумки, пистолетъ и пуговицы отъ сюртука почталіона Будзинскаго передать въ почтовое вѣдомство, а найденныя въ карманѣ у Будзинскаго 60 коп. употребить на погребеніе его тѣла.

Поиски мѣстной полиціи къ открытію виновниковъ разбоя остались тщетными. Изъ дѣла видно, что еще до пріѣзда Матіасевича, рогачевскій земскій судъ производилъ безъ всякаго успѣха посредствомъ вытребованныхъ изъ сосѣднихъ имѣній крестьянъ облаву въ лѣсахъ въ окружности мѣста совершенія преступленія въ томъ предположеніи, что злодѣи, можетъ быть еще укрываются въ этихъ лѣсахъ, далъ знать о случившемся приставамъ по станамъ и сообщилъ во всѣ сосѣднія городскія и земскія полиціи объ устройствѣ по дорогамъ и на переправахъ строгихъ карауловъ для задержанія и обыска подозрительныхъ людей.

Изъ сообщенныхъ почтовымъ вѣдомствомъ свѣдѣній оказывается, что Будзинзкій былъ человѣкъ трезвый, расторопный и готовый на услуги, что онъ опредѣленъ почталіономъ въ 1853 г., что 13 іюля онъ былъ отправленъ въ Ригу и, по прибытіи туда, явившись въ коптору, отправленъ былъ обратно съ почтою въ Могилевъ, куда прибылъ 27 числа въ 5 часовъ утра. На другой день, не смотря на изнуреніе и усталость отъ продолжительныхъ разъѣздовъ, онъ былъ отправленъ съ легкою почтою въ Симферополь. Мать Будзинскаго отозвалась, что синебагровые знаки на тѣлѣ ея сына могли происходить отъ многихъ вере-

довъ, которыми онъ страдалъ. По преждевременному до медицинскаго освидѣтельствованія погребенію Будзинскаго нѣтъ возможности опредѣлить, произошли ли синебагровыя пятна на трупѣ отъ трупнаго подтека, или же они были слѣдствіемъ другихъ причинъ.

Относительно вооруженія Будзинскаго оказалось, что передъ отправленіемъ его изъ Могилева, оно было осмотрѣно по предписанному закономъ порядку губернскимъ почтмейстеромъ Ѳедоровымъ. На Будзинскомъ была при этомъ осмотрѣ казенная сабля и его собственный пистолетъ, (казенными пистолетами были снабжены въ это время почтовымъ департаментомъ не всѣ почталіоны могилевской конторы). Обыкновенно пистолеты заряжаются почталіонамъ унтеръ-офицеромъ ихъ команды, у котораго и хранятся для этого порохъ и пули. Ѳедоровъ спросилъ у Будзискаго, заряженъ ли пистолетъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ его опробовать шомполомъ, при чемъ оказалось присутствіе заряда, но холостой ли онъ былъ или нѣтъ, въ томъ почтмейстеръ не счелъ нужнымъ удостовѣриться; замокъ пистолета былъ вооруженъ пистономъ, на который спущенъ былъ курокъ съ предерживаніемъ, словомъ вооруженіе найдено было въ исправности. Куда дѣвалась сабля, которую имѣлъ при себѣ Будзинскій, уѣзжая изъ Могилева, по которой при немъ не оказалось, неизвѣстно. По показанію смотрителя годиловичской станціи Гензеля, Будзинскій былъ вооруженъ этою саблею при отъѣздѣ изъ Годиловичей въ Рысково.

По удостовѣренію почтоваго вѣдомства, ограбившими почту разбойниками похищены слѣдующіе предметы: наличныхъ денегъ 92,647 р. 63 1/3 к., не включая сюда найденныхъ въ лѣсу 35 р. 77 к., билетовъ различныхъ кредитныхъ установленій на сумму 19,481 р. 10 к., два крестика, два ордена, одна золотая медаль. Въ числѣ похищенныхъ денегъ были и два фальшивые кредитные билета 50 рублеваго достоинства. Извѣстно, что къ подобнымъ билетамъ, когда ихъ подложность дознана, прикладывается въ полицейскихъ присутственныхъ мѣстахъ особое красное клеймо, содержащее надпись: «фальшивый», и что, по окончаніи объ нихъ дѣлъ, они истребляются.

Пока по могилевской губерніи производились безплодныя розысканія о годиловическомъ разбоѣ, въ Кіевѣ совершенно случайно

обнаружилось то, чего искали слѣдственныя власти.—22 августа того же 1854 года въ 10 часовъ утра неизвѣстный человѣкъ зашелъ въ лавку купца Игнатьева на Подолѣ и предложилъ находившемуся въ этой лавкѣ мальчику Матвѣеву кредитный 50 рублевый билетъ, на которомъ отпечатана была крупными буквами краснаго цвѣта надпись «фальшивый». — Мальчикъ усомнился взять билетъ, выбѣжалъ изъ лавки и, наткнувшись на квартальнаго надзирателя Лисовецкаго, обратился къ нему съ вопросомъ о билетѣ, причемъ указалъ на человѣка, который его принесъ. Лисовецкій, взявъ тотчасъ билетъ, немедленно арестовалъ его предъявителя, который сказался первоначально дворяниномъ Кучевскимъ, потомъ Колчеевскимъ, наконецъ объявилъ и настоящую свою фамилію Кочанъ. На немъ, въ его имуществѣ и въ указанныхъ имъ потомъ мѣстахъ найдены значительныя суммы денегъ. На вопросъ о томъ, какимъ образомъ *они имъ пріобрѣтены, Кочанъ объяснилъ, что онъ ихъ добылъ* посредствомъ ограбленія почты на могилевскомъ шоссе близъ Годиловичей.—Его показанія чрезвычайно живо представляютъ и самый фактъ разбоя со всею его обстановкою и предшествовавшій ему психическій процессъ созрѣванія преступной мысли и послѣдовавшія обстоятельства затѣмъ его бѣгства и поимки. Постараемся, по собственному разсказу Кочана, представить его жизнь и ту драму, въ которой онъ былъ, какъ оказалось, единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Иванъ, сынъ Франца, внукъ Андрея, Кочанъ родился въ 1816 году, слѣдовательно имѣлъ въ 1854 г. 38 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода виленской губерніи. Такъ-какъ отецъ его Францъ *съ цѣлымъ своимъ домомъ переселился въ бобруйскій* уѣздъ въ 1834 году, гдѣ и арендовалъ съ тѣхъ поръ землю графа Витгенштейна, то Кочаны и записаны были во 2-й разрядъ дворянъ бобруйскаго уѣзда.

Кажется, что семья Кочановъ была очень бѣдна и что Францъ не могъ дать дѣтямъ хорошаго воспитанія. Одинъ сынъ его Феликсъ поступилъ на службу въ бобруйское уѣздное казначейство, другой Иванъ воспитывался дома и оставался тамъ до 32 лѣтняго возраста. Неизвѣстно, какія обстоятельства заставили его покинуть отеческій домъ на 32 году отъ рожденія и начать жизнь скитальческую, тревожную.

Онъ отправился въ 1848 г. въ С.-Петербургъ; пробывъ тамъ четыре мѣсяца, возвратился опять въ бобруйскій уѣздъ и поступилъ писцомъ на участокъ бобруйскаго шоссе въ Глусскую Селабу къ какому-то Ивану Горащенкѣ. Очень скоро, чрезъ недѣлю онъ отсталъ отъ Горащенки, возвратился домой, а въ 1850 г., взявъ паспортъ, поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ опредѣлился въ услуженіе къ чиновнику Фурсевичу, служившему при коммисіи для разбора древнихъ актовъ, гдѣ и познакомился съ мѣщаниномъ Максимомъ Мельниковскимъ, занимавшимся переплетаніемъ книгъ для коммисіи. Отставъ отъ Фурсевича весною 1851 г., Кочанъ связался съ музыкантами чехами и отправился съ ними странствовать по разнымъ мѣстамъ губерній волынской, кіевской, полтавской, харьковской. Осенью 1851 г. онъ опять вернулся домой, опять взялъ новый паспортъ и отправился въ Могилевъ на Днѣпрѣ, гдѣ и поступилъ писцомъ въ акцизную контору откупщика Шебеко. После семимѣсячныхъ занятій въ конторѣ, Кочанъ бросилъ ее; отказавшись самъ отъ должности, поѣхалъ въ Вильно, гдѣ выхлопоталъ изъ дворянскаго депутатскаго собранія указъ объ утвержденіи рода своего въ дворянствѣ, вернулся въ Могилевъ, а оттуда въ Кіевъ, гдѣ и остановился у переплетчика Мельниковскаго. Онъ хотѣлъ поступить наборщикомъ въ типографію Вальнера, но оказался неспособнымъ къ этого рода занятіямъ; получилъ мѣсто у живописца австрійскаго подданнаго Віале, у коего хотѣлъ учиться живописи. — Съ Віале онъ поѣхалъ въ Витебскъ, откуда въ 1853 г. опять вернулся въ Кіевъ, опять отправился странствовать неизвѣстно съ какою цѣлью, былъ въ Житомірѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Хотинѣ, потомъ перезимовалъ на квартирѣ у Мельниковскаго, а въ началѣ 1854 г. на масляной недѣлѣ, оставивъ свой кожаный чемоданъ и двуствольное ружье въ чехлѣ у знакомаго солдата, занимавшагося столярными работами Еремѣева, сдѣлалъ большой кругъ, посѣтилъ Кіевъ, Александрію (херсонской губ.) и Кременчугъ, послѣ чего направился опять на Кіевъ, въ Могилевъ, съ тѣмъ, чтобы опять, если можно, опредѣлиться въ акцизную контору. Надежда эта не сбылась. Убѣдившись въ невозможности получить мѣсто въ акцизѣ, Кочанъ пошелъ пѣшкомъ на Довскъ и Гомель въ Кіевъ, куда и прибылъ въ половинѣ іюля, имѣя всего только 20 копѣекъ въ

карманѣ. Это были послѣднія деньги небольшой суммы, накопленной имъ во время служенія въ акцизной конторѣ, которою онъ содержалъ себя во время своихъ странствованій.—Первыя двѣ ночи провелъ онъ у Мельниковскаго, потомъ двѣ другія подъ открытомъ небомъ у складовъ сѣна на берегу Днѣпра, потому-что, издержавъ всѣ деньги, не имѣлъ чѣмъ платить за квартиру. Нищета, отсутствіе всякихъ средствъ къ пропитанію привели его въ отчаяніе; тогда и созрѣла въ немъ преступная рѣшимость разбить или ограбить почту, или кого нибудь изъ проѣзжающихъ, въ особенности изъ купцовъ, торгующихъ гуртами быковъ.

Мысль о разбоѣ таилась, вѣроятно очень давно въ душѣ Кочана, хотя при слѣдствіи онъ не хотѣлъ въ томъ признаться. Она зародилась въ немъ, можетъ быть, еще въ то время, когда онъ служилъ въ Могилевѣ у откупщика Шебеко. По крайней мѣрѣ изъ его показаній видно, что, отдавая часто письма и пакеты на почту, онъ наблюдалъ внимательно, какъ при укладываніи въ чемоданы и при разборѣ почтовой корреспонденціи, малыя сумки влагались въ большіе чемоданы.—Въ іюнѣ 1854 г., идя въ Могилевъ и возвращаясь оттуда въ іюлѣ, онъ подмѣчалъ, въ какіе дни и часы проходитъ почта и потому разсчиталъ, что въ ночь съ 28 на 29 іюля должна она проходить изъ Годиловичей въ Рысково, что можно объяснить только тѣмъ, что его занимала и преслѣдовала постоянно мысль о возможности ограбить почту.—Разставаясь съ Кіевомъ, онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ предполагаемому преступленію; продалъ за 5 рублей нѣкоторыя изъ своихъ вещей: старую суконную шинель, кусокъ люстрина, купленнаго на сюртукъ, и панталоны, шерстяной жилетъ, новые сапоги; взялъ отъ Еремѣева двуствольное ружье съ изломаннымъ, но склеенымъ потомъ прикладомъ и кубурный пистолетъ, заряженные дробью и картечью, бритву, карманный ножъ, платье, нѣсколько бѣлья, наконецъ свой старый просроченный паспортъ за подписью минскаго губернатора 1852 г. апрѣля 30 № 184, въ которомъ прежде того онъ подчистилъ послѣднюю цифру въ числѣ года и переправилъ ее изъ 2 на 3, такъ-что посредствомъ этой поддѣлки паспортъ казался выданнымъ годомъ позже, не въ 1852, а въ 1853 году. Сверхъ того Кочанъ запасся другимъ фальшивымъ паспор-

томъ, имъ же составленнымъ на вымышленное имя дворянина Антона Иванова Кучевскаго.—Остальныя вещи Кочанъ уложилъ въ чемоданъ и отдалъ на сбереженіе Еремѣеву, которому сказалъ, что отправляется въ Бобруйскъ къ брату, служащему въ уѣздномъ казначействѣ. Около 15 іюля направился онъ изъ Кіева хорошо ему извѣстнымъ, много разъ изъѣзданнымъ путемъ, на Черниговъ, Гомель, Чечерскъ, Рогачевъ, нигдѣ не останавливаясь и не ночуя въ городахъ и селеніяхъ, и закупая для себя мимоходомъ продовольствіе на базарахъ. Дошедши до Рогачева 25 іюля, Кочанъ купилъ на базарѣ хлѣба, яблоковъ огурцовъ, перепочевалъ въ корчмѣ, по дорогѣ изъ Рогачева въ Жлобинъ, 26 числа вертѣлся вокругъ Рогачева и опять покупалъ на базарѣ хлѣбъ и огурцы; почевалъ въ окрестностяхъ Рогачева въ старомъ сараѣ въ полѣ, 27 число употребилъ на путешествіе по направленію къ Годиловичамъ, и почевалъ при тонѣ у огонька, оставленнаго рабочими,—28, миновавъ Рысково, гдѣ почтовая подстава, засѣлъ между Рысковымъ и ясновскою корчмою, употребляя старанія, чтобы остаться незамѣченнымъ. Такъ онъ провелъ весь день и всю ночь съ 28 на 29, поджидая кого нибудь, кого могъ-бы ограбить. Ночь прошла въ напрасномъ ожиданіи; послѣ разсвѣта, Кочанъ вышелъ изъ лѣсу на дорогу и шелъ по ней, направляясь въ ясновскую корчму, гдѣ имѣлъ намѣреніе позавтракать, какъ вдругъ слухъ его былъ пораженъ тихимъ звукомъ почтоваго медленно звенящаго колокольчика. Шелъ сильный дождь, лошади двигались лѣниво, шагомъ, почтарь спалъ, укрывшись буркою, ямщикъ дремалъ шатаясь. Кочанъ перемѣнилъ пистоны въ замкахъ ружья, пропустилъ повозку, пошелъ за нею; пройдя шаговъ сто, онъ осмотрѣлся по дорогѣ; никого не замѣтивъ, прицѣлился въ затылокъ ямщика и выстрѣлилъ на разстояніи не болѣе сажени. Шумъ падающаго дождя и шелестъ листьевъ значительно умень-шили гулъ выстрѣла, а почталіонъ спалъ столь крѣпко, что даже не проснулся.—Ямщикъ палъ навзничь въ повозку, не касаясь почталіона, и при этомъ паденіи притянулъ къ себѣ вожжи, коими были опутаны его руки, отчего лошади и остановились. Воспользовавшись этою остановкою, Кочанъ зашелъ съ другой стороны повозки и на разстояніи не болѣе четверти аршина, слѣдовательно почти въ упоръ, выстрѣлилъ изъ другаго

ствола въ голову почталіона. Отъ втораго выстрѣла лошади рванулись бѣжать впередъ, а убитый ямщикъ отъ этого сотрясенія повозки свалился съ нея на дорогу. Пробѣжавъ четверть версты, лошади опять остановились, потому-что лѣвая пристяжная, оторвавшись отъ постромки, забѣжала впередъ; вслѣдъ за ними гнался Кочанъ, бросивши на мѣстѣ совершенія убійства на землѣ чекмень, сумку со своими вещами и ружье. Добѣжавъ до повозки, онъ отвязалъ колокольчикъ и бросилъ его за дорогу, а лошадей своротилъ въ чащу лѣса шаговъ на 20;—потомъ вернулся за чекменемъ, сумкою и ружьемъ, оттащилъ трупъ ямщика въ лѣсъ шаговъ на 10 и побѣжалъ опять къ оставленной въ лѣсу почтѣ, которую и началъ потрошить весьма систематически. Сначала онъ схватилъ съ повозки двѣ небольшія сумки съ цѣпями, обрѣзалъ на нихъ карманнымъ ножемъ печати, вскрылъ ихъ; выбралъ изъ нихъ конверты, а изъ конвертовъ деньги.—Потомъ стащилъ съ повозки убитаго почталіона, сбросилъ на землю одинъ большой чемоданъ и нѣсколько сумокъ, въ которыхъ нашелъ много денегъ.—Онъ пытался скинуть и другой чемоданъ, но тотъ былъ слишкомъ тяжелъ; Кочанъ только вскрылъ его, но найдя въ немъ одну простую корреспонденцію, оставилъ ее нетронутою.—Изъ вскрытыхъ и опорожненныхъ сумокъ онъ избралъ одну, оторвалъ отъ нея клапанъ и уложилъ въ нее всѣ заграбленныя деньги, послѣ чего углубился въ ясеновскій лѣсъ по направленію къ Годиловичамъ, гдѣ и пробылъ до заката солнца. Относительно знаковъ на тѣлахъ почталіона и ямщика, Кочанъ отозвался, что онъ имъ никакихъ побоевъ не наносилъ, что ямщикъ могъ избиться, падая съ повозки, а тѣло почталіона могло быть повреждено колесами повозки и копытами лошадей, которыя стояли въ лѣсу возлѣ убитаго цѣлыя сутки. Относительно вооруженія почталіона Кочанъ показалъ, что не замѣтилъ на немъ ни пистолета, ни сабли и полагаетъ, что у него сабли не было, потому что если бы онъ увидалъ саблю, то непремѣнно взялъ бы ее себѣ.

Разсказъ Кочана вполнѣ подтвержденъ данными, обнаженными при сличеніи его сапоговъ съ мѣркою слѣда ноги, оставленнаго разбойникомъ на мѣстѣ преступленія и при вторичномъ освидѣтельствованіи труповъ убитыхъ имъ людей. Сапоги, въ

конхъ Кочанъ поймалъ въ Кіевѣ, по его словамъ, тѣже, которые онъ имѣлъ на ногахъ въ день убійства, длина ихъ совершенно совпала съ мѣркою слѣда и только объемъ ступней показался нѣсколко уже, чѣмъ на слѣду. 16 сентября вырыты оба трупа ямщика и почталіона, оба они найдены въ состояніи совершенной гнилости, у Будзинскаго черепъ оказался раздробленнымъ на нѣсколько частей, а изъ мозговой жидкости вынуто 11 дробинокъ. Послѣ приведенія кусковъ черепа по возможности въ естественное положеніе, для опредѣленія, въ какую часть головы послѣдовалъ выстрѣлъ, обнаружилась дыра величиною въ полтинникъ, неправильной фигуры съ темно-синеватыми краями въ срединѣ верхней части лѣвой теменной кости близь соединенія ея съ правою, произшедшая отъ выстрѣла на весьма близкомъ разстояніи. Кости рукъ и ногъ найдены цѣлыми, но только плечевыя кости оказались вышедшими изъ своихъ составовъ. У ямщика Минина черепъ былъ нераздробленъ, но на нижней части затылочной кости, съ правой стороны найдены два небольшія круглыя отверстія каждое въ 4 линіи; а по вскрытіи черепа, изъ него вынуты 3 пропедшія чрезъ эти отверстія картечины; изъ нихъ одна большая пропла сквозь самый мозгъ и была въ лѣвой лобной пазухѣ, а двѣ другія меньшія остановились въ основаніи мозга. Изъ задней части шеи ямщика, изъ совершенно сгнившихъ мягкихъ ея частей извлечены три дробины, разбившія два верхніе шейные позвонка.

Мы оставили Кочана въ ясеновскомъ лѣсу. Любопытны свѣдѣнія о дальнѣйшихъ его похожденіяхъ. Возвратимся къ прерванному разсказу и постараемся возстановить исторію приключеній Кочана по словамъ, какъ его самаго, такъ и жителей тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя онъ проходилъ съ добычею, и на которыхъ онъ указалъ, слѣдуя въ послѣдній уже разъ подъ конвоемъ изъ Кіева въ Могилевъ, гдѣ ожидалъ его судъ за совершенныя имъ злодѣянія.

Вечеромъ 29 іюля, послѣ заката солнца, Кочанъ выбрался на шоссе выше Годиловичей, и перешедши на другую его сторону, пошелъ вверхъ по Днѣпру; почевалъ подъ стогомъ сѣна, въ которомъ и спряталъ сумку съ деньгами, пистолетъ и ружье, ложе котораго прикладъ отъ сырости разклеился. 30 іюля Кочанъ, минувъ мѣстечко Свержень, остановился въ селѣ Шабницахъ, не

доходя на 10 верстъ до Новаго Быхова, позавтракалъ блинами, купленными имъ въ корчмѣ у еврейки, и узнавъ, что у крестьянина Алексѣя Артемьева есть лодка, купилъ ее за 1½ рубля серебромъ, говоря, что ему нужно догнать поплывшія внизъ по Днѣпру берлины. Пустившись внизъ по Днѣпру въ лодкѣ, Качанъ причалилъ къ правому берегу Днѣпра у кистеневской корчмы, куда зашелъ пообѣдать; тудаже зашелъ и крестьянинъ помѣщика Волка-Ланевскаго, Филипповъ, который принесъ новость, что почта годиловическая разграблена, а почталіонъ и ямщикъ убиты. Нисколько не встревожившись этимъ разсказомъ, Кочанъ кончилъ преспокойно обѣдъ, сѣлъ въ лодку, поплылъ дальше внизъ по теченію и расположился отдыхать у того стога, въ которомъ были спрятаны его деньги и вещи. Забравъ ихъ, онъ миновалъ 31 іюля Рогачевъ и въ 6 верстахъ за Рогачевомъ, гдѣ пересушивалъ бумажныя деньги, бросилъ на берегу у самой воды банковые билеты и прочія бумаги втоптавъ ихъ въ смоченный водою песокъ; — ночь на 1 августа провелъ въ мѣстечкѣ Жлобинѣ у евреевъ, гдѣ на другой день купилъ съѣстныхъ припасовъ, штофъ, бутылку и на двѣ копѣйки смолы. 2 августа онъ причалилъ къ деревнѣ Шихово, оставилъ на берегу лодку, спряталъ въ кустахъ деньги, оружіе, вещи и паспорты, самъ же зашелъ въ корчму. Тамъ съ нимъ случилось слѣдующее.

Въ корчмѣ сидѣлъ отставной солтатъ Андрей Сидоровъ, старый пьяница, знающій немного грамотѣ, который, завидѣвъ неизвѣстнаго человѣка, рѣшился выманить у него денегъ и пожмѣлиться на его счетъ. Взявъ на себя видъ полицейскаго служителя, Сидоровъ потребовалъ паспорта отъ Кочана. Кочанъ отозвался, что паспортъ его оставленъ имъ въ лодкѣ. Сидоровъ послалъ за паспортомъ крестьянъ Максимова и Иванова. Пока крестьяне возвратились, Кочанъ угощалъ Сидорова водкою, купленною имъ за 40 коп. По возвращеніи крестьянъ, не нашедшихъ ни лодки, ни паспорта, Сидоровъ сказалъ Кочану: «оставь чекмень, иди за паспортомъ» — Кочанъ отправился въ кусты, взялъ свой фальшивый паспортъ на имя Кучовскаго и нѣсколько денегъ, воротился поставилъ новую бутылку водки и требовалъ отъ Сидорова возврата чекменя. Уже подгулявшій Сидоровъ придрался къ паспорту, говоря, что онъ не чистый, задержалъ

этотъ паспортъ, отобралъ еще у Кочана бритву, легъ спать, а, проснувшись, завелъ его по дружбѣ къ своей родственницъ крестьянкѣ Купрѣевой ночевать, самъ-же ушолъ и на другой день очутился въ 5 верстахъ оттуда въ мѣстечкѣ Стрешинѣ. Кочанъ нагналъ его тамъ, требовалъ возврата вещей и узналъ, что вещи эти заложены солдатомъ Сидоровымъ шиховскому корчмарю за выпитую водку. Получивъ записку отъ Сидорова о выдачѣ этихъ вещей, Кочанъ возвратился въ Шихово, выкупилъ чекмень и бритву за 2 рубля, но не досталъ уже паспорта, котораго не оказалось у корчмаря и который пропалъ безвѣстно. Выбравъ изъ кустарниковъ деньги, Кочанъ поплылъ въ Рѣчицу, останавливался въ Хотичахъ и Лоевѣ, гдѣ купилъ у еврейки два стеклянные графина; за Лоевомъ опять пересушивалъ въ кустахъ свои деньги и вкладывалъ ихъ постепенно, свертывая въ трубочки, въ пріобрѣтенную имъ въ Жлобинѣ и Лоевѣ стеклянную посуду. Набивъ деньгами бутылку, два графина и штофъ, закупоривъ ихъ и засмоливъ, Кочанъ закопалъ ихъ въ землю въ 5 верстахъ отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра; съ остальными же деньгами прибылъ благополучно въ Кіевъ 15 августа, издержавъ всего на свои надобности отъ мѣста преступленія до Кіева не болѣе 10 рублей серебромъ. Почтовую сумку онъ бросилъ въ Днѣпръ, а лодку оставилъ у сторожа отъ питейнаго откупа Крушинощенки, которому далъ 6 копѣекъ за присмотръ и котораго просилъ продать лодку при удобномъ случаѣ. Крушинощенко продалъ ее въ самомъ дѣлѣ какому то богомольцу за одинъ рубль, съ котораго 75 коп. Кочанъ взялъ себѣ, а 25 подарилъ ему. По прибытіи въ Кіевъ, Кочанъ забралъ свой чемоданъ съ вещами у солдата Еремѣева и поселился у давно ему знакомаго переплетчика Мельниковскаго, отъ котораго столь тщательно скрывалъ свое богатство, что когда Мельниковскій требовалъ отъ него сколько-нибудь денегъ за квартиру, то Кочанъ притворившись неимущимъ, продалъ свой сюртукъ и вручилъ ему вырученныя этою продажею 30 копѣекъ.

Перейдемъ къ обстоятельствамъ поимки Кочана. Онъ опасался, не отмѣчены ли на почтѣ номера похищенныхъ билетовъ, боялся пускать ихъ, намѣревался промѣнять ихъ постепенно крупные на малые, малые на крупные въ большихъ го-

дахъ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, Вильнѣ и Минскѣ, чтобы потомъ внести обмѣненныя деньги въ банкъ для приращенія ихъ процентами. Онъ зналъ, что въ числѣ билетовъ есть два фальшивые съ красными штемпелями. Онъ ихъ однако сохранилъ, намѣреваясь подчистить, вытравивъ, если можно, штемпеля и пустить потомъ въ ходъ.—22 августа отправляясь размѣнять нѣсколько ассигнацій, онъ взялъ ихъ горсть изъ чемодана; при чемъ между взятыми попалась *случайно* и штемпелеванная фальшивая; Кочанъ столь же неумышленно предъявилъ именно эту фальшивую кредитную бумажку для размѣна. Извѣстно, что эта бумажка и была причиною его заарестованія. Кочанъ назвалъ себѣ сначала дворяниномъ Иваномъ Кучевскимъ; подъ этимъ именемъ онъ странствовалъ въ 1854 г. на югъ отъ Кіева, былъ въ Кременчугѣ и другихъ мѣстахъ по фальшивому паспорту, потерянному имъ, какъ выше было сказано, въ Шиховѣ. Задержавшій его частный приставъ Пилянкевичъ, обыскавъ его, нашелъ у него въ рукѣ и карманахъ около 900 рублей, которыхъ принадлежность себѣ арестантъ не могъ ни доказать, ни объяснить. Надобно было доискаться ихъ источника. Послѣ долгихъ и тщетныхъ распросовъ, Пилянкевичъ на другой день сталъ сулить арестанту свободу, если онъ выкупится за порядочную сумму. Арестантъ и поддался на эту приманку; онъ открылъ приставу тайну, что у него есть большія деньги, зарытыя по другой сторонѣ Днѣпра, изъ которыхъ онъ готовъ пожертвовать 5,000 руб. за свое освобожденіе. Пилянкевичъ на все согласился, но тотчасъ-же донесъ о происшествіи генералъ-губернатору князу Васильчикову, который, одобривъ его образъ дѣйствій, отрядилъ ему въ помощь другаго частнаго пристава Витвицкаго, извѣстнаго своею необыкновенною проницательностью, тактомъ и ловкостью по производству слѣдствій. Витвицкій нарядился въ партикулярное платье, прикинулся родственникомъ Пилянкевича, искуснымъ обращеніемъ, вкрадчивою рѣчью успѣлъ разсѣять всѣ сомнѣнія арестанта на счетъ исполненія даннаго ему обѣщанія. Обоихъ приставовъ и Кочана ждалъ баркасъ съ 8 гребцами вѣдомства путей сообщенія; гребцы должны были служить и свидѣтелями выемки денегъ изъ земли, потому что брать понятыхъ не было никакой возможности, — ихъ присутствіе тотчасъ-же пробудило бы усыпленную недовѣрчивость

арестанта. Послѣ долгихъ поисковъ, найдены были въ землѣ 4 стеклянные сосуда, набитые деньгами, изъ коихъ одинъ разбитъ былъ случайно на обратномъ пути выпустившимъ его изъ рукъ Пилянкевичемъ, собравшимъ тотчасъ деньги и завязавшимъ ихъ въ свой платокъ.

Пилянкевичъ съ Витвитцкимъ убѣдили арестанта въ томъ, что они должны подѣлиться деньгами со старшимъ кіевскимъ полиціймейстеромъ Сычуговымъ, къ которому должны доставить и его, и сосуды съ бумажками. У Сычугова деньги были сосчитаны и оказалось ихъ 21,124 рубля. Сычуговъ обошелся ласково съ арестантомъ, который уже назвался въ тотъ день не Кучевскимъ. а дворяниномъ Антономъ Колачевскимъ, пригласилъ его съ приставами обѣдать, угощалъ его чаемъ, обѣщалъ ему совершенную свободу, если онъ отдасъ ему Сычугову всѣ найденныя за Днѣпромъ деньги, а Пилянкевича и Витвицкаго вознаградитъ особо изъ суммъ, вѣроятно спрятанныхъ имъ въ другихъ мѣстахъ; Сычуговъ успокоивалъ при семъ Кочана на счетъ миновапія всякой для него опасности, и требовалъ только чистосердечнаго признанія въ винѣ.—Эти средства заставили арестанта сдѣлать новый шагъ впередъ въ раскрытіи истины. Все еще именуя себя Колачевскимъ, онъ признался въ разбитіи почты 29 іюля между Годиловичами и Меркуловичами, но сочинилъ цѣлый романъ для объясненія этого происшествія.— По его словамъ, разбой совершенъ былъ шайкою, въ которой участвовали кромѣ него еще три человѣка: бѣглый солдатъ по имени Данилко, по фамиліи неизвѣстный, съ которымъ онъ, Колачевскій, сошелся еще въ Кременчугѣ и съ коимъ онъ и условился кого нибудь ограбить, да два мужика, одинъ орловской, другой рязанской губерніи, приставшіе къ нимъ въ сообщники. Арестантъ запирался въ нанесеніи смертельныхъ ударовъ почталіону и ямщику, слагая всю вину въ убійствѣ на своихъ товарищей, которые будто-бы совершили это убійство палками, коими были вооружены; онъ утверждалъ, что, подѣлившись добычею въ лѣсу 29 числа, шайка разсыпалась и всякій ушелъ въ свою сторону, не говоря, какъ онъ называется и куда идетъ.

Между-тѣмъ генералъ-губернаторъ приказалъ заковать въ кандалы арестанта и сдать его кіевскому коменданту для содержанія въ крѣпости. Тогда испуганный Кочанъ сдѣлалъ по-

слѣднюю попытку къ освобожденію, все еще льстя себя несбыточною надеждою, что ему удастся бѣжать. Онъ показалъ, что имѣетъ еще до 4000 рублей, спрятанныхъ въ стогу сѣна за Днѣпромъ, которые онъ тогда только укажетъ, когда съ нимъ отправятся на другой берегъ одни частные пристава безъ свидѣтелей. Двудневные поиски Пилянкевича и Кочана за Днѣпромъ не увѣнчались отысканіемъ денегъ, но имѣли важные результаты. Вечеромъ 26 августа пытавшійся бѣжать, но тотчасъ же пойманный въ лѣсу, арестантъ при обратномъ слѣдованіи въ Кіевъ указалъ на свою квартиру въ старо-кіевской части у переплетчика Мельниковскаго, гдѣ хранился его чемоданъ съ деньгами, которыми-бы онъ охотно пожертвовалъ, если-бы только его отпустили. При произведенномъ тотчасъ же въ 10 часу вечера обыскѣ у Мельниковскаго, оказалось, что имя арестанта не Колачевскій, а Кочанъ,—а 29 августа съ него былъ снятъ подробный допросъ, въ которомъ онъ показалъ, что «разбой совершилъ онъ *одинъ* безъ участія сторонних*ъ* людей и что это онъ сдѣлалъ отъ наскучившаго ему странствованія повсюду, а тѣмъ паче отъ недостатка денегъ; что инаго средства избрать не придумалъ, почему и рѣшился на сіе разбитіе почты и ямщика». — Впослѣдствіи онъ утверждалъ (въ допросахъ 31 августа и 29 ноября), что совершенно сдался на волю Божію за свое гнусное дѣло и готовъ быть наказаннымъ безъ промедленія времени; что онъ и не помышлялъ бѣжать изъ рукъ Пилянкевича и Витвицкаго, потому-что началъ въ преступленіи своемъ раскаяваться сердечно и желалъ принять по закону должное взысканіе, а содѣянное преступленіе мучило его.

Въ чемоданѣ у Кочана оказался цѣлый арсеналъ подозрительныхъ вещей. Сверхъ денегъ 65,305 р. 47 к., въ числѣ коихъ былъ и другой фальшивый 50 рублевый билетъ, сверхъ другихъ вещей, похищенныхъ съ почты какъ то: двухъ орденовъ, одной золотой медали, двухъ крестиковъ на ленточкахъ, ремней и пряжекъ отъ почтовой сумы, у Кочана найдены слѣдующіе предметы: ружье двуствольное съ росколотымъ ложемъ, два пистолета, бутылка съ порохомъ, мѣшокъ съ пулями, дробью, пистонами, два боевые патрона, оставшіеся у него съ тѣхъ поръ, какъ онъ охотился въ бобруйскихъ лѣсахъ съ братомъ и самъ собственною рукою убилъ двухъ медвѣдей, кислота въ баночкѣ для

подчистки ошибокъ, употреблявшаяся имъ, когда онъ служилъ въ могилевской акцизной конторѣ, бѣлье, платье, стальной напильникъ, желѣзные тиски, ножницы, отвертка винтовыхъ шруповъ, два свинцовые слитка и четыре стальныхъ инструмента для рѣзьбы печатей и буквъ, которыми, по сознанію Кочана, онъ пробовалъ на слиткахъ рѣзать печати; мѣдная печать съ вырѣзкою: «витебскаго земскаго суда», пріобрѣтенная имъ отъ какого-то еврея въ Шкловѣ за 75 копѣекъ, которую онъ прикладывалъ къ фальшивому паспорту, составленному имъ на имя Кучевскаго; 28 типографскихъ буквъ и машинка для укрѣпленія словъ, употребляемая переплетчиками (объ этихъ буквахъ Кочанъ отозвался, что онъ ихъ досталъ отъ мальчиковъ, работавшихъ у сына Мельниковскаго: Романа и Павла Павленки, въ чемъ однако ни тотъ, ни другой не сознались); паспортъ на имя Кочана, выданный ему минскимъ губернаторомъ отъ 30 апрѣля 1852 г. № 184, въ которомъ Кочанъ, подчистивъ цифру 2 въ числѣ года 1852, отпечаталъ посредствомъ одной изъ найденныхъ у него буквъ цифру 3, перемѣнивъ такимъ образомъ число года съ 1852 на 1853; три копіи съ паспортовъ различныхъ лицъ, съ которыми онъ служилъ въ могилевской акцизной конторѣ; 13 лоскутковъ бумаги съ замѣтками на нихъ разныхъ фамилій, адресовъ и подписей; наконецъ выписки словъ для особой изобрѣтенной грамоты или азбуки, называемой *тарабарскою* (?), которую Кочанъ получилъ въ Могилевѣ, когда служилъ въ конторѣ отъ какого-то неизвѣстнаго ему человѣка, но которой онъ не употреблялъ на преступныя дѣла и даже не научился понимать.

Такъ-какъ отъ Кочана отобрано всего денегъ 90,325 руб. 47 коп., а количество похищеннаго съ почты простиралось до 92,647 рублей 63¼ копѣекъ, то требовалось отыскать недостающіе 2,322 рублей 16¼ копѣекъ.—Кочанъ упорно отрицалъ растрату или сокрытіе этихъ денегъ, отзываясь, что на свои надобности отъ разбитія почты до поимки издержалъ всего не болѣе 10 рублей, и обвинилъ полицію въ расхищеніи недостающаго. Въ сентябрѣ 1854 г., кода дѣло объ немъ передано было въ особую слѣдственную коммисію, онъ показалъ слѣдующее: когда 23 августа, по его указанію, вынуты были изъ земли сосуды съ деньгами на лѣвомъ берегу Днѣпра, то при-

ставъ Пилянкевичъ, несшій изъ числа сихъ сосудовъ большой графинъ подъ мышкою, умышленно уронилъ его на берегу Днѣпра. Графинъ разбился, тогда Пилянкевичъ сталъ собирать деньги и укладывать ихъ въ свои карманы и платокъ. По возвращеніи въ Кіевъ, Витвицкій отвезъ его, Кочана, къ полиціймейстеру Сычугову, а Пилянкевичъ зашелъ съ платкомъ и деньгами въ свою квартиру и потомъ уже явился въ квартиру полиціймейстера, гдѣ положилъ вышеупомянутый узелъ на столъ. Когда потомъ Сычуговъ отлучился за чѣмъ-то въ другую комнату, тогда приставъ Пилянкевичъ подошелъ къ столу, и сталъ незамѣтнымъ образомъ вынимать изъ узла деньги и набивать ими карманы. Увидавъ это, полиціймейстеръ завязалъ крѣпко платокъ и перенесъ узелъ на другой столъ.

Это обвиненіе со стороны Кочана имѣло весьма непріятныя послѣдствія для тѣхъ, противъ кого оно было направлено. Между-тѣмъ какъ кіевскій генералъ-губернаторъ объявилъ циркуляромъ по управленію своему совершенную благодарность Сычугову, Пилянкевичу и Витвицкому за ихъ распорядительность по приведенію Кочана до сознанія и отысканію похищенныхъ имъ денегъ, и представилъ ихъ къ наградамъ, главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ съ своей стороны нашелъ, что обвиненіе Кочаномъ полиціи въ расхищеніи части забранныхъ у него денегъ имѣетъ нѣкоторый видъ справедливости, если принять во вниманіе, что кіевскою полиціею совершены еще слѣдующія упущенія: обыскъ у Мельниковскаго и выемка у него вещей Кочана произведены безъ депутата отъ почтоваго вѣдомства; чемоданъ Кочана и вмѣстимость его разсматриваемы были на квартирѣ у полиціймейстера; выемка денегъ, зарытыхъ въ землѣ за Днѣпромъ, произведена была безъ понятыхъ. Главноначальствующій настаивалъ на привлеченіи Сычугова, Пилянкевича и Витвицкаго за ихъ упущенія къ отвѣтственности и о взысканіи съ нихъ всего того, чего не достанетъ на пополненіе суммы ограбленныхъ съ почты денегъ.—Такой оборотъ дѣла заставилъ произвести розысканіе о дѣйствіяхъ кіевской полиціи, которымъ обвиненіе Кочана не подтвердилось. 6 человѣкъ гребцовъ вѣдомства путей сообщенія, бывшихъ на баркасѣ и присутствовавшихъ при вырытіи стеклянныхъ сосудовъ изъ земли за Днѣпромъ, отозвались, что изъ разбитаго графина

Пилянкевичъ собиралъ кредитные билеты въ платокъ, а не пряталъ ихъ въ свои карманы. Кіевскій генералъ-губернаторъ въ отзывѣ своемъ по этому розысканію считалъ извѣтъ Кочана совершенно ложнымъ, незаслуживающимъ вѣроятія, взведеннымъ по злобѣ на Пилянкевича, первоначально его задержавшаго, и полагалъ, что если бы Пилянкевичъ и Витвицкій хотѣли быть въ семъ дѣлѣ неблагонадежными, то могли-бы утаить сумму гораздо большую, нежели 2,000 рублей. Сычуговъ и Витвицкій съ своей стороны въ свое оправданіе приводили ст. 96. XV т. 2 ч., которая при обыскахъ предписываетъ обходиться безъ депутата, отсутствіе понятыхъ при вырытіи сосудовъ съ деньгами объясняли необходимостью усыплять, а не возбуждать въ Кочанѣ подозрительность, которая была-бы неминуемо возбуждена присутствіемъ постороннихъ лицъ.

Изъ дѣла не видно, были-ли Сычуговъ, Пилянкевичъ и Витвицкій удостоены тѣхъ наградъ, къ коимъ они были представлены за усердіе, но по крайней мѣрѣ они избѣгли наказанія и взысканія съ нихъ денегъ на пополненіе потери, понесенной почтою. По опредѣленію общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ сената, они оставлены свободными отъ судебнаго преслѣдованія, а недостающія деньги отнесены на счетъ казны. Основанія этаго рѣшенія были слѣдующія: «общее собраніе нашло, что неотысканіе части денегъ, весьма незначительной въ сравненіи со всею суммою, не можетъ быть приписано винъ чиновниковъ кіевской полиціи, ибо ничѣмъ не доказано, чтобы эти чиновники скрыли или чтобы по ихъ упущеніямъ осталась неотысканною недостающая часть денегъ. Голословный оговоръ преступника не заслуживаетъ никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что и по слѣдствію онъ не подтвердился. Нѣкоторыя весьма неважныя упущенія, какъ то: неприглашеніе депутата отъ почтоваго вѣдомства при обыскѣ квартиры Кочана, произведеніе осмотра чемодана его, въ которомъ заключалась большая часть похищенныхъ денегъ, не въ мѣстѣ отысканія сего чемодана, непомѣщеніе въ актъ о семъ осмотрѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ вещей, не могли способствовать утратѣ денегъ и оправдываются поспѣшностію, съ которою надлежало дѣйствовать, чтобы достигнуть, успѣха въ обнаруженіи столь важнаго преступленія, сопряженнаго съ интересомъ для казны. Равнымъ образомъ не пред-

ставляется основанія приписывать недостатокъ въ деньгахъ тому обстоятельству, которое избралъ преступникъ орудіемъ къ обвиненію чиновниковъ полиціи, а именно тому, что одинъ изъ графиновъ, въ которомъ были деньги, разбился и изъ него выпали деньги, ибо изъ дѣла видно, что это случилось въ присутствіи 6 человѣкъ рядовыхъ, слѣдовательно неумышленно и не съ цѣлію воспользоваться частію сихъ денегъ *).

Кочанъ былъ судимъ по Высочайшему повелѣнію въ первой инстанціи военно-судною коммисіею; при могилевскомъ гарнизонномъ баталіонѣ; во второй—правительствующимъ сенатомъ, въ которомъ, по разногласію сенаторовъ въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента, дѣло объ немъ перенесено въ общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ. По рѣшенію общаго собранія, Кочанъ признанъ изобличеннымъ: а) въ подчисткѣ года въ своемъ подлинномъ билетѣ; б) въ употребленіи завѣдомо фальшивой печати витебскаго земскаго суда и в) въ разбоѣ, соединенномъ съ умышленнымъ смертоубійствомъ ямщика и почталіона; за эти преступленія общее собраніе положило: лишивъ Кочана всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжную работу въ рудникахъ на $17\frac{1}{2}$ лѣтъ.

Государственный совѣтъ, чрезъ который представлено было настоящее дѣло на Высочайшее утвержденіе, мнѣніемъ положилъ: утвердить заключеніе правительствующаго сената. Оно утверждено Его Императорскимъ Величествомъ 23 октября 1857 г.

Уголовная сторона дѣла о Кочанѣ представляетъ мало замѣчательнаго. Онъ совершилъ одно изъ тягчайшихъ преступленій съ хладнокровною обдуманностію, съ предумышленіемъ. Ни одинъ уголовный судъ, вѣроятно, не счелъ-бы себя вправѣ оказать ему какое-бы то ни было снисхожденіе и не усумнился бы примѣнить къ нему полную мѣру уголовнаго закона. По относительно большей суровости наказаній за преступленія про-

---

*) Къ довершенію характеристики Кочана прибавимъ, что онъ имѣлъ глаза голубые, волоса и брови черные, 2 аршина 6 вершковъ росту; что онъ вѣроисповѣданія римско-католическаго, но не былъ въ продолженіи трехъ послѣднихъ лѣтъ на исповѣди и у св. причастія.

тиву частныхъ лицъ въ кодексахъ западно-европейскихъ, если бы Кочанъ совершилъ преступленіе гдѣ-нибудь за границею, то едва-ли-бы онъ избѣгнулъ смертной казни. Юридически онъ кругомъ виноватъ и никакимъ образомъ оправданъ быть не можетъ, но психолога, сверхъ юридическаго вмѣненія, занимаетъ еще вопросъ о вмѣненіи нравственномъ, вопросъ о томъ: въ какой мѣрѣ сила внѣшнихъ обстоятельствъ, вліяя на его волю и развращая эту волю, заставила его рѣшиться на злодѣяніе? Непосредственною причиною, породившею эту рѣшимость, была нищета, отсутствіе средствъ къ пропитанію. До 32-лѣтняго возраста онъ жилъ скромно, тихо, довольствуясь весьма малымъ. Нужда его выгнала изъ роднаго уголка, и когда послѣдніе его запасы истощились, тогда этотъ человѣкъ, перевалившійся, такъ сказать, на вторую половину своей жизни, вдругъ сдѣлался преступникомъ. Намъ мало извѣстна его прошедшая жизнь, но по немногимъ даннымъ, сохранившимся въ дѣлѣ, мы можемъ отчасти уяснить себѣ складъ его характера и странныя на первый взглядъ противорѣчія въ образѣ его дѣйствій. Онъ былъ обѣднѣвшій шляхтичъ, воспитаніе котораго ограничивалось знаніемъ граммоты, да умѣніемъ мѣтко стрѣлять изъ ружья. Его не терзала ненасытная жажда наслажденій и стяжанія, онъ былъ весьма скроменъ и бережливъ и довольствовался-бы вѣроятно кускомъ насущнаго хлѣба, лишь-бы этотъ кусокъ былъ добываемъ не трудомъ, а способами легкими. Что онъ былъ бережливъ, доказывается тѣмъ, что, имѣя десятки тысячъ рублей въ рукахъ, онъ ничего почти на себя не издержалъ, позаботился дома, по прибытіи въ Кіевъ, выручить продажею водки нѣсколько десятковъ копѣекъ. Бережливость его и сгубила, онъ не рѣшился уничтожить фальшивыхъ двухъ кредитныхъ билетовъ, чтобы воспользоваться пущеніемъ ихъ въ обращеніе. Найти соотвѣтственное себѣ занятіе, которое было-бы ему по силамъ, онъ могъ лишь въ канцелярскихъ работахъ или въ наймъ на услуженіе, но на томъ и на другомъ поприщѣ ему мѣшала вѣроятно неуживчивость и недостатокъ нравственныхъ правилъ. Послѣ 32 лѣтъ, проведенныхъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, выброшенный изъ колеи, онъ мечется во всѣ стороны, нигдѣ не находя пристанища, покоя, пока неуловимый естественный ходъ событій въ безъисходной его борьбѣ съ дѣйствительностію, ис-

тощивъ его нравственныя силы, не заставилъ его совершить злое дѣло. Намъ кажется, что въ нравственномъ отношеніи Кочанъ гораздо болѣе заслуживаетъ состраданія, нежели весьма многіе преступники, которыхъ подобнаго же рода дѣйствія сопровождались многими обстоятельствами, смягчающими юридически ихъ вину и наказаніе.

X. Убійство Григорья Никитина съ его семействомъ, сопровождаемое поджогомъ его дома и расхищеніемъ его имущества.

15 февраля 1851 года, въ 8-мь часовъ утра, къ юрьевскому городничему въ попыхахъ прибѣжали полицейскій сторожъ и разсыльный полицейскаго управленія и объявили, что на краю города, въ солдатской слободѣ, произошелъ пожаръ. Тотчасъ отправившись на указанное мѣсто, городничій увидѣлъ сильный дымъ, выходившій изъ дому монастырскаго служителя Григорья Никитина, а на дворѣ, подлѣ крыши его, троихъ взрослыхъ людей: мужчину, двухъ женщинъ, да четвертую дѣвочку—изрубленныхъ. Это были, по свидѣтельству сбѣжавшагося на пожаръ народа, хозяинъ дома, штатный служитель Григорій Никитинъ, жена его Акулина Васильева, трехлѣтняя дочь ихъ Вѣра и теща перваго, Наталья Михайлова, составлявшіе одно семейство.

Пожаръ общими усиліями былъ потушенъ; вошли въ домъ, гдѣ нашли окровавленный топоръ, а на полу кровь, смѣшанную съ водой, соединившуюся при тушеніи, и кромѣ того кровь на печи, подъ которою полъ прогорѣлъ болѣе, чѣмъ на 1 арш. въ квадратъ; въ чуланѣ три сундука; у одного изъ нихъ крышка была открыта и имущество въ немъ, какъ-то: платье, бѣлье и проч. было перерыто; въ немъ былъ внутренній замокъ и ключъ; но узнать, украдено-ли что нибудь изъ этого сундука было нельзя; сосѣди отозвались незнаніемъ о томъ, но нѣкоторые изъ нихъ сказали, что у покойнаго Никитина были деньги; другіе два сундука были заперты и ключей при нихъ не найдено.

Домъ служителя Никитина стоялъ на самомъ краю города, занесенный снѣгомъ до самой почти крыши; слѣдовъ къ переднимъ и заднимъ воротамъ замѣтить было нельзя, потому-что народъ при тушеніи измялъ снѣгъ около дома.

Вслѣдъ за освидѣтельствованіемъ мѣстности произведено было *медицинское освидѣтельствованіе*, по которому найдено: «одежда *Григорья Никитина*, волосы на головѣ его и руки обагрены были кровью; на лѣвой сторонѣ лобной кости рана съ сквознымъ прорубомъ лобной кости, длиною въ 1 верш; на лѣвой щекѣ рана, составляющая какъ бы продолженіе рта, величиною также въ 1 верш.; лѣвый верхнечелюстный клыкъ и съ нимъ два рѣзцовыхъ верхнечелюстныхъ зуба повреждены; на лѣвой затылочной сторонѣ шеи три поперечные разруба, съ глубокимъ поврежденіемъ шейныхъ позвонковъ; при соединеніи плечевой кости съ лопаткою также рана, длиною около полувершка; на передней части шеи двѣ царапины, обѣ длиною въ 1 верш. и замѣтна синяя опухоль при соединеніи ключицъ съ грудною костью. Отъ роду покойному казалось лѣтъ 30.—Одежда жены его, *Акулины Васильевой*, платье, юбка и рубаха обагрены также были кровью; по снятіи одежды, покойная оказалась беременною, съ животомъ еще теплымъ, что самое и заставило врачей вынуть чрезъ кесарское сѣченіе младенца, мужескаго пола, какъ замѣтно незадолго до этого лишившагося жизни, ноготки у него на рукахъ и ногахъ и волосы на головѣ были развиты зрѣло, объемъ былъ сходенъ съ новорожденнымъ младенцемъ, и потому врачи утвердительно сказали, что беременность Васильевой весьма близка была къ разрѣшенію. Волосы на головѣ покойной, грудь и руки были въ крови; на правой сторонѣ шеи была глубокая рана, длиною въ 3 вершка, съ перерубомъ всѣхъ мягкихъ частей всей правой стороны шеи и самаго позвоночнаго столба съ позвоночнымъ мозгомъ пополамъ; по четвертому и третьему позвонку, на наружной сторонѣ правой ноги и на внутренней лѣвой ноги, замѣтна чернота, простиравшаяся отъ стопъ ногъ и до колѣнъ, похожая на копоть дыма, происшедшая, какъ видно, послѣ смерти. Отъ роду ей казалось около 30 лѣтъ.—Тѣло ихъ трехлѣтней дочери *Вѣры* лежало между отцомъ и матерью; на затылкѣ ея, начиная отъ праваго уха и груди, въ прямомъ направленіи были прорубленная рана, съ перерубомъ всѣхъ мягкихъ частей, съ затылка и нижней части затылочной кости продолговатаго мозга, проникшая впередъ до пищепріемнаго горла; на правой сторонѣ верхней челюсти рана, простирающаяся на нижнюю челюсть, почти до подбородка, длиною въ полтора вершка;

подлѣ нея другая разрубленная рана въ томъ же направленіи на нижней губѣ, съ поврежденіемъ кости, длиною въ четверть вершка, на груди и животѣ три неглубокія раны, изъ коихъ одна длиною въ 1 вершокъ, другая въ полтора, а третья въ четверть вершка; около нихъ нѣсколько царапинъ различной величины и различно расположенныхъ; на правой сторонѣ спины, между лопатками двѣ глубокія раны, одна изъ нихъ сквозная въ грудь, а другая простирается на правую лопатку, обѣ около 2 вершковъ; на лѣвой рукѣ около локтя съ наружной стороны, три глубокія раны, длиною всѣ около $^3/_4$ вершка съ поврежденіемъ кистей, локтевой и лучевой, также нѣсколько выше соединенія ручной кисти поперечная рана, съ поврежденіемъ тѣхъ костей, длиною въ $^1/_2$ вершка; на затылкѣ ручной кисти той же руки четыре поперечныя неглубокія раны, разной величины, съ поврежденіемъ сухихъ жилъ и костей. На лѣвой ногѣ подъ сочлененіемъ колѣна, на 3 вершка выше колѣнной чашечки, поперечная рана съ совершеннымъ перерубомъ нижней головки бедренной кости длиною полтора вершка; на верхней части голѣни, ниже колѣнной чашечки, на полпальца въ поперечникѣ, рана съ глубокимъ прорубомъ костей голѣни, длиною около 2 верш.; на внутренней сторонѣ, на срединѣ праваго бедра, по направленію вдоль трехъглаваго мускула, разрубленная рана, длиною около 2 вершк., а глубина ея въ полвершка. — Голова тещи Григорья Никитина, *Натальи Михайловой*, покрыта была черпымъ, обагреннымъ кровью, платкомъ; на лѣвой сторонѣ затылочной кости ея было четыре раны, изъ которыхъ двѣ около височной кости, длиною въ полвершка съ сквознымъ прорубомъ; при соединеніи верхняго угла теменной кости съ затылочною также рана съ сквознымъ прорубомъ затылочной и теменной кости, подлѣ нея еще рана съ прорубомъ же черепа, въ длину эти раны около вершка; на лѣвой височной скуловой сторонѣ, близъ наружнаго угла глаза, рана около $^3/_4$ вершка; скуловой отростокъ совершенно перерубленъ, большой палецъ правой руки по направленію вдоль ладони почти совершенно отрубленъ и удерживался при рукѣ общими покровами ладоннаго тѣла, наружная часть ладони той же руки пересѣчена насквозь; обѣ кости праваго подплечія на срединѣ переломлены; со всей правой руки, живота, ягодицъ и обѣихъ нижнихъ конечностей, кожица совершенно отстала, вѣроятно

вслѣдствіе сильно подѣйствовавшаго жара уже послѣ смерти. Отъ роду ей было 55 лѣтъ».

Городничій, не теряя времени, при уѣздномъ стряпчемъ и депутатахъ отобралъ нѣсколько показаній, изъ которыхъ два пролили нѣкоторый свѣтъ на преступленіе и виновниковъ его. Эти показанія были: сосѣда покойнаго, отставнаго рядоваго Евсевія Иванова и мѣщанина Сопова.

Евсевій Ивановъ объяснилъ, что 15 числа часовъ въ 8 утра припли къ нему въ домъ двое мѣщанскихъ мальчиковъ—сироты Василій и Илья Соколовы за милостыней и сказали, что они тотчасъ видѣли въ домѣ сосѣда его Никитина дымъ. Онъ, Ивановъ, въ туже минуту отправился въ сосѣданій домъ и, отворивъ дверь, увидѣлъ полымя, выходящее изъ печи, и въ тоже время ощупалъ на ней руками человѣка, у котораго голова и руки были свѣшаны внизъ и тотчасъ стащилъ его съ печи на дворъ, а потомъ сталъ заливать пламя; когда прошелъ немного дымъ, то сбѣжавшійся народъ на полу близь окна увидѣлъ еще человѣка, недалеко отъ него на полу-же другаго, и тогда разсмотрѣли, что всѣ трое—мужчина и двѣ женщины да дѣвочка—изрублены. Покойный Никитинъ занимался сапожнымъ мастерствомъ, торговалъ деревянною посудою и носились слухи, что жена его торговала водкой, почему въ домъ ихъ хаживалъ всякій народъ. У мужчины и женщинъ, когда они были вытащены, рты ихъ были завязаны платками, облитыми кровью. Когда онъ вошелъ въ домъ Никитина, то въ немъ было темно, потому что окна были завѣшаны, одно одѣяломъ, другое шубой, и прибиты гвоздями. Найденный въ домѣ покойнаго топоръ принадлежалъ ему самому, что Иванову достовѣрно извѣстно; никакого шуму въ ту ночь въ домѣ покойнаго онъ Ивановъ не слыхалъ, равно какъ и всѣ сосѣди.

Мѣщанинъ *Михаилъ Сопов* между прочимъ объяснилъ, что онъ слышалъ, будто 14 числа, въ продолженіе всего дня, былъ у Никитина въ домѣ юрьевскій мѣщанинъ Иванъ Мѣшковъ.

Между-тѣмъ, по распоряженію начальника губерніи, вслѣдствіе особенной важности происшествія, тогда же командированы были, для производства слѣдствія, чиновникъ особыхъ порученій Бекленишевъ и корпуса жандармовъ штабсъ-капитанъ Вырвичъ, которые, по прибытіи въ Юрьевъ, пригласивъ

еще въ составъ коммисіи городничаго и стряпчаго, изъ окрестныхъ розысканій дознали, что Мѣшковъ не былъ въ своемъ домѣ въ 11 часовъ утра 13 по 17 число и видимъ былъ въ домѣ покойнаго 13 и 14 чиселъ.

Отысканный полиціею въ домѣ мѣщанина Долгова *Ивана Мышкова* 17-го числа показалъ: 14 февраля, пробывъ дома весь день, вечеромъ, часовъ въ 7-мь, отправился онъ пѣшкомъ въ гавриловскій посадъ къ родственницѣ своей, купчихѣ Малютиной; въ пути пробылъ ночь на 15 и 16 числа и въ половинѣ 8 часа 16 числа прибылъ въ Юрьевъ; миновавъ домъ родителей, отправился въ домъ мѣщанина Крякушина, сказать находившимуся у него какому-то слободскому поклонъ отъ слободскаго-же мѣщанина Петра; у Крякушина ночевалъ и пробылъ до 11 часовъ, а потомъ зашелъ побывать къ юрьевскому мѣщанину Долгову, откуда и взятъ былъ частнымъ приставомъ; рубашку, которая тогда была на немъ, надѣлъ онъ 14 числа, когда собирался идти въ слободу. На вопросъ слѣдователя—отъ чего у него произошли на головѣ царапины и ссадина на срединѣ пальца лѣвой руки, Мѣшковъ объяснилъ, что первыя отъ угрей, а послѣдняя отъ ушиба о бубенъ; далѣе, на вопросъ коммисіи—отъ чего образовались на полушубкѣ его красные знаки—Мѣшковъ отозвался незнаніемъ. Съ покойнымъ Никитинымъ, прибавилъ онъ, хотя и былъ прежде знакомъ, но уже около двухъ лѣтъ не бывалъ въ его домѣ.

Между-тѣмъ изъ показаній трехъ свидѣтелей, мѣщанина *Лузина* и мѣщанокъ *Ефимовой* и *Золотовой*, обнаружилось, что Мѣшковъ былъ въ домѣ покойнаго Никитина 13 и 14 чиселъ и съ однимъ изъ свидѣтелей даже толковалъ; изъ показанія одного изъ нихъ открылось еще, что онъ былъ очень близокъ къ покойнымъ и приходу его всякій разъ были рады, что 14 числа на дворѣ покойнаго онъ дѣлалъ какую-то скамейку, а самъ Никитинъ починялъ ему сапоги.

Спрошены были отецъ Мѣшкова, *Иванъ* и мать *Татьяна* которые показали, что во вторникъ 13 февраля, сынъ ихъ Иванъ пообѣдавши съ ними, ушелъ куда-то изъ дому около половины дня и со вторника на среду, съ среды на четвергъ, съ четверга на пятницу и съ пятницы на субботу сынъ ихъ дома *не* ночевалъ и вовсе не былъ. Ушелъ отъ нихъ одѣтымъ въ холстин-

ковую, клѣтчатую, старую рубаху, голубые старые шаровары, дубленый старый полушубокъ, атласный жилетъ, замшевые зеленые перчатки; рубахъ синихъ, пестрядиныхъ у нихъ нѣтъ и сынъ ихъ въ такихъ никогда не ходилъ (при первомъ допросѣ онъ былъ въ синей пестрядиной рубахѣ); о характерѣ сына они объявили, что онъ довольно грубъ съ ними и относительно поведенія его ничего одобрительнаго сказать не могутъ. Сынъ ихъ съ Никитинымъ былъ знакомъ и часто къ нему хаживалъ.

Сообразивъ данныя объясненія, и замѣтивъ, при отобраніи отъ Мѣшкова перваго допроса, безпрестанное измѣненіе въ лицѣ его, то краску, то блѣдность и какое-то внутреннее волненіе, обнаруживаемое и въ движеніяхъ, слѣдователь призналъ нужнымъ передопросить Мѣшкова. Вслѣдствіе сего *Мѣшковъ* показалъ: 14 числа, т. е. въ среду по уходѣ изъ дому Никитина-Лузина, Ефимовой и Золотовой, онъ Мѣшковъ остался въ немъ одинъ и часа черезъ два, когда уже совсѣмъ смерклось, вдругъ вошли къ покойному Никитину мѣщане—Петръ Дмитріевъ *Долговъ* (онъ же и Вязиловъ) и купеческій сынъ Александръ *Монаховъ*, которые попросили у покойной Акулины Васильевой водки; изъ чулана внесла она бутылку и отдала ее Долгову, который налилъ стаканъ, выпилъ его самъ, а другой подпесъ Монахову, взялъ на полу топоръ и, повертывая его, проговорилъ: «какой ловкій и вострый топоръ» и вслѣдъ затѣмъ, выпивъ по другому стакану, Долговъ еще разъ повертывши топоръ ударилъ имъ со всего размаху востріемъ по шеѣ жену Никитина, Акулину; кровь брызнула въ сторону и нѣсколько капель попало ему на рубаху; онъ, Мѣшковъ, изъ страха бросился бѣжать, а за нимъ и Никитинъ, но послѣдній не успѣлъ, потому что Долговъ ударилъ его тѣмъ-же топоромъ по шеѣ и Никитинъ упалъ, а онъ Мѣшковъ въ испугѣ притаился въ сѣнномъ чуланѣ, откуда слышалъ крики тещи Никитина и маленькой Вѣры; выйдя тихонько изъ чулана, онъ опрометью побѣжалъ къ Долгову въ домъ, гдѣ сказалъ женѣ его, что его прислалъ мужъ ея; она немедленно дала ему пестрядинную рубаху, которая и теперь на немъ.

Тотчасъ за показаніемъ Мѣшкова произведены были у Долгова и Монахова обыски и въ домѣ перваго изъ нихъ найдены:

за печкою—пестрядиная рубаха, забрызганная кровію, суконная въ какихъ-то пятнахъ бекеша, на постели, на которой Долговъ спалъ, между перинами — бумажный клѣтчатый платокъ, запачканный кровью и набойчатая синяя, съ бѣлыми цвѣтами, рубаха, выпачканная кровью. У Монахова найдены въ жилой комнатѣ подъ кроватью: черная, панковая на ватѣ бекеша, въ какихъ-то пятнахъ, и рядинный мѣшокъ, выпачканный въ крови.

Послѣ этихъ обысковъ мѣщанинъ *Мышковъ*, отмѣнивъ данное имъ показаніе 17 числа, въ которомъ скрылъ, что и самъ участвовалъ въ преступленіи, 19 числа показалъ: «12 февраля, что было въ масляную недѣлю, нанялъ онъ лошадь у юрьевскаго мѣщанина Петра Полякова и часовъ въ 8 вечера на ней поѣхалъ кататься; съ нимъ катались: мѣщанская дочь Екатерина Руфова и жена вольноотпущеннаго двороваго человѣка Ирина. Желая взять съ собой Полякова, онъ подъѣхалъ къ театру и на крыльцѣ его встрѣтился съ мѣщаниномъ Долговымъ, который предложилъ ему *обокрасть* вмѣстѣ съ нимъ штатнаго служителя Григорья Никитина; онъ, Мѣшковъ, принялъ предложеніе и днемъ для этого назначили 14 число, т. е. среду; разговора ихъ никто не могъ слышать, хотя можетъ быть нѣкоторые видѣли, что они разговаривали; во вторникъ и среду былъ онъ у Никитина, разузнавая, какъ легче исполнить задуманное предпріятіе, по уходѣ, въ среду, изъ дому Никитина-Лузина, Ефимовой и Золотовой, сочтя сумерки самымъ удобнымъ временемъ, пошелъ сказать объ этомъ Долгову и встрѣтилъ его на красномъ дворѣ, гдѣ онъ шелъ вмѣстѣ съ Монаховымъ; остановившись, Долговъ объяснилъ, что онъ пригласилъ съ собой и Монахова, такъ-какъ троимъ легче обокрасть Никитина. Всѣ трое подошли къ дому покойнаго Никитина; Мѣшковъ и Долговъ вошли въ самую избу, а Монаховъ прошелъ прямо въ чуланъ, который былъ почему-то незапертъ; жена Никитина, разговаривая съ ними, услыхала шумъ въ чуланѣ, произшедшій вѣроятно, отъ неосторожности. Монахова, хотѣла было броситься изъ избы и закричала: «воры, что вы дѣлаете!» Но Мѣшковъ удержалъ ее за руку, а Долговъ схватилъ лежавшій на полу топоръ и имъ ударилъ ее по шеѣ, отъ чего Васильева упала тотчасъ же на полъ, задѣвъ Долгова головою по колѣнкамъ и этимъ

запятнала кровію рубаху его. Никитинъ хотѣлъ было броситься на Долгова, но Мѣшковъ схватилъ его за руки, а Долговъ, обернувшись, ударилъ Никитина топоромъ по шеѣ и тотъ упалъ; теща Никитина, Наталья Михайлова и малепькая Вѣра подняли крикъ, который услыхалъ и Монаховъ, бывшій все еще въ чуланѣ; на крикъ онъ тотчасъ вбѣжалъ въ избу и увидалъ Михайлову, которая слезала съ печи, схватилъ ее за руки, а Долговъ началъ рубить ее топоромъ и изрубилъ; а потомъ принялся за дѣвочку Вѣру, рубилъ ее какъ ни попало, но скоро лишить жизни не могъ; долго она кричала, что побудило Долгова снова приняться рубить ей ноги, наконецъ онъ наступилъ ей на горло и тѣмъ окончилъ ея жизнь. Покончивъ все это, они закрыли одѣяломъ и шубой всѣ окна и принялись розыскивать деньги; въ кухнѣ нашелъ Мѣшковъ въ жестянкѣ 5 р. сер., которыя взялъ у него Долговъ; въ чуланѣ искали денегъ Долговъ и Монаховъ и сказали ему, Мѣшкову, что ничего не нашли, но дали 8 небольшихъ разнаго цвѣта платковъ и синій суконный халатъ, обѣщаясь съ нимъ сдѣлаться въ другое время; при убійствѣ Никитина съ женой и тещей ртовъ не завязывали имъ, а это произошло, вѣроятно, отъ того, что Никитинъ при нанесеніи ударовъ бился, не имѣя чувствъ, и, вѣроятно, сбилъ шейный платокъ ко рту, а жена его и теща подобнымъ образомъ съ головъ своихъ. Послѣ убійства напалъ на нихъ страхъ; имъ воображалось, что около дому ходятъ люди и они рѣшились уйти.—Долговъ и Монаховъ сошли въ подвалъ и тамъ подожгли подъ печью, полагая, что домъ и тѣла сгорятъ и преступленіе ихъ скроется; уйдя изъ дому, дверь оставили было незатворенною, но Мѣшковъ затворилъ ее, отъ чего, вѣроятно, и *не* послѣдовало вскорѣ пожара. Монаховъ пошелъ домой, а онъ, Мѣшковъ, къ Долгову, у котораго перемѣнилъ рубаху, данную ему женой Долгова, (послѣдняя о преступленіи ихъ не знала), и запачканную свою рубаху оставилъ тамъ на лежанкѣ. Кровавыхъ знаковъ на одеждѣ Монахова, который былъ тогда одѣтъ въ нанковый бешметъ, быть не должно, потому что Монаховъ никого не рубилъ, а у Долгова рубаха и руки запачканы были кровію тещи Никитина, которую рубилъ онъ на полу и на печи; Монаховъ съ Никитинымъ былъ знакомъ и не

однократно бывалъ въ домѣ его. Затѣмъ отъ Долгова онъ отправился въ посадъ.

Подробности показанія Мѣшкова о бытности его у разныхъ лицъ на пути въ гавриловскій посадъ и обратно въ Юрьевъ, подтвердились, причемъ важны два показанія изъ многихъ присяжныхъ свидѣтелей, именно: крестьянинъ села Даниловскаго, Алексѣй Ѳедоровъ *Гарновъ*, у котораго Мѣшковъ ночевалъ, идя въ посадъ и обратно оттуда, показалъ, что въ первый разъ на Мѣшковѣ былъ, между прочимъ, какой-то черный нанковый халатъ, настеганный на ватъ, съ красной подкладкой, а во второй разъ, при возвращеніи изъ посада, этого халата на немъ уже не было и Мѣшковъ, на замѣчаніе Гарнова, сказалъ, что халатъ оставилъ въ посадѣ у зятя. Крестьянинъ деревни Парши, *Григорій Ивановъ*, показалъ, что когда онъ привезъ Мѣшкова въ посадъ, то у него, по условію, не хватало гривенника за подводу, почему Мѣшковъ началъ продавать на рынкѣ разнымъ женщинамъ бумажные и шелковые платки, которыхъ при немъ было около 20 и, продавъ ихъ не болѣе какъ черезъ часъ, опять выѣхалъ съ нимъ изъ посада. Слѣдователи не отобрали почему-то по этимъ показаніямъ должное объясненіе отъ Мѣшкова.

Купеческій сынъ *Александръ Монаховъ* далъ такого рода отвѣты на данные ему вопросы: «14 числа съ утра былъ онъ на фабрикѣ юрьевскаго купца Михаила Шевелкина, а въ 4 часа пополудни сдалъ остатки бумаги управляющему фабрикой, купцу Мельникову, который далъ при этомъ 30 к. с. на водку на 6 человѣкъ; на эти деньги, съ товарищами своими, Иваномъ Бачинымъ, Михайломъ Шкаринымъ, Васильемъ Бородулинымъ, Васильемъ Шустиковымъ и Иваномъ Окольничниковымъ, пошелъ въ трактиръ Рудакова, часовъ въ 5-ть, пить чай, откуда часа черезъ два разошлись по своимъ домамъ. Придя домой часовъ въ 7-мь и, никуда не отлучаясь, онъ почевалъ дома, а утромъ 15-го числа, послѣ завтрака, часу въ 9-мъ, отправился на торгъ, а потомъ на заводъ, оттуда, по слуху, что въ солдатской горитъ, побѣжалъ туда, но пожара уже не засталъ, и видѣлъ на дворѣ только трупы семейства; въ лишеніи жизни Никитина съ его семействомъ не участвовалъ, знакомства и ком-

паніи съ нимъ не имѣлъ; Долгова въ среду 14 часа и прежде никогда не видалъ.

Родные Монахова мать, братъ и сестра, подтвердили бытность его въ домѣ 14 числа въ 7-мь часовъ, причемъ мать его, Любовь Макарьева, сперва показала было, что сынъ ея пришелъ домой вечеромъ въ 6-ть часовъ, но на очной съ нимъ ставкѣ сказала въ 7-мь; отчего оказались въ крови бешметъ и мѣшокъ, принадлежащіе ихъ дому, всѣ отозвались незнаніемъ.

Далѣе, показаніе Монахова по присяжнымъ свидѣтельствамъ оказалось ложнымъ, имѣнно открылось: а) что Монаховъ пилъ съ товарищами чай не 14 числа въ среду и не въ 5-мъ часу, а 15-го числа часу въ 1-мъ пополудни; б) что Монаховъ былъ знакомъ съ Никитинымъ и его семействомъ и въ домѣ его бывалъ.

На очной ставкѣ съ товарищами онъ сознался, что дѣйствительно пилъ чай съ ними въ трактирѣ Рудакова 15-го числа, а 14 числа тамъ же пилъ онъ одинъ.

На другой день, т. е. 22 февраля слѣдователи ввели Монахова въ избу покойнаго Никитина, гдѣ еще видны были слѣды преступленія и тамъ Мѣшковъ во всей подробности указалъ Монахову мѣста, гдѣ и какъ они совершили одно за другимъ убійства, но послѣдній остался при своемъ упорствѣ, причемъ показалъ, что 14 числа въ трактирѣ Рудакова, часовъ въ 6-ть пилъ онъ чай съ мѣщаниномъ Васильемъ Сальцовымъ и за чай отдалъ 1 ф. сальныхъ свѣчей, данный ему 14 числа въ 5-ть часовъ пополудни прикащикомъ фабрики Константиновымъ.

Но по присяжнымъ показаніямъ напротивъ открылось: а) что въ трактирѣ томъ 14 числа онъ вовсе *не* былъ; б) что 1 ф. свѣчь далъ ему не 14 числа, а 15-го.

Вслѣдъ за этими разнорѣчивыми и ложными показаніями Монахова коммисія отобрала допросъ отъ мѣщанина *Петра Долгова.* Показаніе его было слѣдующее: «14 числа послѣ обѣда пришелъ къ нему сидѣлецъ кузминскаго питейнаго дома, Петръ Желновдовъ, съ которымъ и ушелъ изъ дому; онъ былъ съ нимъ въ харчевнѣ Маклецова, гдѣ выпили бутылку бѣлаго; домой возвратился онъ часу въ 5-мъ, а часовъ въ 6-ть пошелъ въ театръ, откуда возвратился домой часовъ въ 10-ть; дома у него огня не было, потому-что всѣ спали, ужиналъ одинъ, никого

не будя и огонь засвѣтилъ себѣ самъ. Послѣ ужина легъ спать на постель, на которой уже спала жена и, проснувшись, она спросила его, гдѣ онъ былъ, на что сказалъ ей, что былъ въ театрѣ; одѣтъ былъ, когда ходилъ въ театръ, въ тулупъ, бешметъ, рубаху, порты, кожаные сапоги и картузъ, что и теперь на немъ. Въ театрѣ видѣли его юрьевскіе мѣщане: Дмитрій Швецовъ, Петръ Поляковъ и Григорій, жившій въ портныхъ у купца Овсянникова, съ которыми изъ театра вышелъ вмѣстѣ часовъ въ 10 вечера. Кто совершилъ надъ Никитинымъ и семействомъ такое злодѣяніе, онъ, Долговъ, не знаетъ и подозрѣнія никакого изъявить не можетъ; оказавшіеся въ домѣ его бекеша и платокъ, да нестрядиная рубаха принадлежатъ ему, но отъчего они въ крови,—не знаетъ; Мышковъ не былъ у него въ домѣ съ самыхъ святокъ до 17 февраля, а въ это время принесъ ему долгу 25 к. с.; онъ, Долговъ, хотѣлъ было угостить его чаемъ, но Мѣшковъ отказался отъ него, говоря, что лучше посидитъ такъ.

Но показаніе это оказалось во первыхъ разнорѣчивымъ съ показаніями семейныхъ его, именно: а) мать Долгова, Аполлинарія Иванова, объяснила, что сынъ ея пришелъ домой 14 числа часовъ въ 8-мь и на этомъ показаніи утвердилась съ нимъ на очной ставкѣ; о бекешѣ Иванова объяснила, что бекешъ этотъ принадлежитъ постоялкѣ ихъ, солдаткѣ Марѳѣ Фроловой, которая дѣйствительно признала его за свой, показавъ, что хотя она и не давала никому надѣвать его, но онъ валялся вездѣ, какъ негодный и потому Долговъ могъ взять его и надѣть; о рубашкѣ, найденной при обыскѣ и запачканной кровью, Иванова объяснила, что она осталась ей послѣ мужа ея; б) солдатка Фролова показала, что Долговъ 14 числа былъ дома до 6 часа, а потомъ куда то ушелъ и рано ли возвратился—не знаетъ, но только въ 8-мь часовъ, когда она поужинала и ложилась спать, Долгова еще *не* было; в) жена Долгова, Марья Иванова, показала, что когда мужъ возвратился 14 числа домой, она лежала на печи и у нихъ былъ огонь, а свекровь ея собрала мужу ужинать, въ чемъ и утвердилась на очной ставкѣ съ мужемъ; о поименованной рубашкѣ она сказала, что не знаетъ чья она, быть можетъ свекрови, но на очной ставкѣ съ мужемъ, сознялась, что принадлежитъ имъ, и д) о найденномъ при обыскѣ полиня-

ломъ платкѣ, съ кровяными пятнами, мать Долгова и самъ онъ объяснили, что принадлежитъ Марьѣ Ивановой, но послѣдняя рѣшительно отказалась отъ него.

Далѣе, показаніе Долгова, какъ и Монахова, оказалось ложнымъ. Сидѣлецъ кузминскаго питейнаго дома Петръ Желноѣдовъ показалъ, что когда онъ 14 числа, часу въ 1-мъ пополудни сидѣлъ въ харчевнѣ Маклецова съ своимъ товарищемъ, то въ это время пришелъ мѣщанинъ Долговъ, которому онъ по старому знакомству поднесъ стаканъ бѣлаго (вина); когда вышелъ изъ харчевни, Долговъ оставался еще въ ней; часу въ 4, отправляясь въ кузминскій питейный домъ, заѣхалъ было къ Долгову въ гости, потому что онъ просилъ при угощеніи его виномъ, но Долгова дома не было, въ харчевню же Маклецова пошелъ онъ, Желноѣдовъ, изъ дома тещи своей, а не изъ дому Долгова. Присяжные свидѣтели показали: 1) мѣщанинъ Дмитрій Швецовъ—что въ театрѣ былъ онъ не 14 числа, а 13-го, во вторникъ, и тогда дѣйствительно видѣлъ у стѣны Долгова и въ теченіи всей масляницы въ театрѣ былъ только этотъ разъ; 2) мѣщанинъ Петръ Поляковъ—что 13 числа онъ отправился съ повытчикомъ магистрата Озерецкимъ въ г. Переяславль, и возвратился оттуда 15 числа, въ четвергъ, слѣдовательно не могъ быть въ юрьевскомъ театрѣ 14 числа; 3) содержатель харчевни мѣщанинъ Григорій Маклецовъ—что 14 числа, часу въ 1-мъ пополудни, пришелъ въ харчевню Петръ Желноѣдовъ, а недолго спустя мѣщанинъ Долговъ, который сѣлъ у особаго стола; Желноѣдовъ поднесъ ему стаканъ бѣлаго и вскорѣ ушелъ, а Долговъ вслѣдъ за нимъ, но не вмѣстѣ.

На очной ставкѣ съ этими свидѣтелями Долговъ сказалъ, что онъ не припомнитъ, котораго именно числа былъ въ театрѣ, но только что въ масляницу. На другой очной ставкѣ съ присяжнымъ же свидѣтелемъ, крестьяниномъ Григорьемъ Григорьевымъ, который показалъ совершенно тоже что и Швецовъ, Долговъ сознался, что онъ показалъ ошибочно и выставитъ свидѣтелей, которые видѣли бы его въ театрѣ съ 14 на 15 число, по безпамятству не можетъ.

Затѣмъ Долговъ, какъ и Монаховъ, приведенный на мѣсто преступленія, при всѣхъ уликахъ Мышкова, сказалъ одно, что онъ никогда не покается; Мышковъ уличалъ и жену его, что

онъ перемѣнилъ въ домѣ у нихъ кровяную рубаху, надѣвъ данную ею, но Марья Долгова не созпалась.

На повальномъ обыскѣ о поведеніи виновныхъ, обыскные лица, въ числѣ 83 человѣкъ, отозвались: «что Мѣшковъ характера подозрительнаго и дерзкаго, Монаховъ—поведенія дурнаго, потому-что не разъ былъ замѣчаемъ въ мелкихъ кражахъ, а Долговъ—поведенія самаго дурнаго и съ малолѣтства имѣлъ наклонность къ худымъ дѣламъ; мать его Аполлинарія Иванова и жена Марья Иванова поведенія развратнаго и всѣ они въ обществѣ не терпимы. Изъ нихъ Долговъ три раза былъ уже подъ судомъ: по двумъ дѣламъ за ограбленіе и кражу оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, а по третьему, за грабежъ, даже наказанъ розгами при полиціи». Мѣшковъ имѣлъ только 20 лѣтъ при совершеніи преступленія; а прочіе были совершеннолѣтніе.

Въ такомъ видѣ дѣло это 10 марта того же года препровождено было губернскимъ начальствомъ въ общее присутствіе юрьевскихъ городоваго магистрата и уѣзднаго суда, которое вызывало виновныхъ изъ тюремнаго замка въ залу присутствія, гдѣ имъ предлагаемы были нѣкоторые вопросы для разъясненія дѣла, но всѣ они подтвердили данныя ими при слѣдствіи показанія. Общее присутствіе, не смотря на запирательство Долгова и Монахова, признало ихъ виновными въ совершеніи злодѣянія вмѣстѣ съ Мѣшковымъ и потому присудило ихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ.

Владимірская уголовная палата, разсматривая дѣло это, нашла, что Долговъ и Монаховъ отрекаются отъ совершенія преступленія *по одному лишь упорству, потому-что ничѣмъ рѣшительно не доказали*, гдѣ именно были вечеромъ 14 февраля, а потому и заключила: вызвать ихъ изъ юрьевской тюрьмы и при священническомъ увѣщаніи передопросить.

13 іюня арестантъ *Долговъ* въ присутствіи палаты показалъ (въ дополненіе), что Мѣшковъ 17 февраля передъ взятіемъ его изъ дому его частнымъ приставомъ, когда зашла рѣчь объ убійствѣ Никитина съ семействомъ, говорилъ ему, что онъ съ вечера 14 февраля гулялъ (въ смыслѣ кутежа) часу до втораго пополудни слѣдующаго дня и былъ въ трактирѣ Чирова, но съ кѣмъ гулялъ и былъ въ трактирѣ Мѣшковъ не сказалъ; этотъ

разговоръ слышали: мать его, Аполлинарія Иванова и жена Марья Иванова; слышалъ еще Долговъ отъ своячницы своей, мѣщанки Александры Ивановой, что 14 февраля вечеромъ Мѣшковъ былъ и пьянствовалъ въ домѣ мѣщанина Щекина и этотъ разсказъ слышали мать и жена его.—Но это показаніе его рѣшительно никѣмъ изъ поименованныхъ здѣсь лицъ не подтвердилось, при отобраніи отъ нихъ показаній юрьевскою градскою полиціею.

20 іюня *Монахова*, не отмѣняя даннаго имъ показанія при слѣдствіи, показалъ уже иначе, именно, что 14 февраля съ утра работалъ онъ на фабрикѣ купца Шевелкина, откуда ушелъ часу въ 6-мъ пополудни, причемъ прикащикъ Шевелкина Киселевъ далъ ему 1 ф. свѣчъ, съ которыми пошелъ въ трактиръ Рудакова, гдѣ нашелъ мѣщанина Васильа Сальцева; съ нимъ напился чаю, за который отдалъ 1 ф. свѣчъ, а часовъ въ 7-мь, выйдя изъ трактира, отправился домой одинъ, нашелъ еще сидѣвшихъ съ огнемъ мать Любовь Макарьеву и сестеръ Любовъ и Ольгу за работой; спустя нѣсколько времени стали ужинать, а послѣ ужина легъ спать; бекешъ, найденная при обыскѣ у нихъ, его собственная.

Дѣло это уже разсматривалось, какъ 13 августа исправлявшій должность губернскаго прокурора довелъ до свѣдѣнія уголовной палаты, что, при посѣщеніи имъ тюремнаго замка, арестантъ *Долговъ* изъявилъ ему готовность покаяться въ совершенномъ преступленіи и того же числа, вызванный въ палату, Долговъ, въ присутствіи ея показалъ: «что дня за два до убійства служителя Никитина, сошелся онъ съ Мѣшковымъ и Монаховымъ и уговаривались *обокрасть* Никитина въ среду на масляной недѣли; придя часовъ въ 6-ть вечера къ нему, они просили у жены его Акулины вина, потому что она торговала имъ, но какъ она отказывала, то они стали требовать отъ нея настоятельно и онъ, Долговъ, въ это время первый ударилъ ее топоромъ; когда же вступился мужъ ея и семейные его, то они начали рубить ихъ какъ попало и изрубивши, начали выбирать имѣніе; взяли въ мѣшкѣ до 200 кусковъ прядильной бумаги, большой самоваръ чашекъ въ 40, тулупъ суконный, двѣ поддевки—нанковую и суконную и денегъ до 100 р. ассигн.; деньги раздѣлили съ Монаховымъ безъ счета, а имущество съ нимъ же передали

приглашенному ими вязниковскому мѣщанину Николаю Агагуеву, который дожидался тогда позади дома, на запряженной въ сани лошади, и съ нимъ былъ еще юрьевскій мѣщанинъ Михаилъ Чарковъ, который говорилъ, что бумагу спрячемъ у себя въ чуланъ подъ полъ. Принявъ имущество, Агагуевъ и Чарковъ уѣхали и скрылись изъ глазъ, а Долговъ съ Монаховымъ пошли въ городъ (т. е. въ центръ его) мимо дома Еропкина, гдѣ было у нихъ заклятіе, что въ случаѣ, если падетъ на нихъ какое либо подозрѣніе въ убійствѣ Никитина съ семействомъ, не сознаваться въ немъ. Мѣшковъ, въ то время, какъ они передавали имущество, былъ въ чуланѣ дома Никитина и долго ли оставался въ немъ, не знаетъ. Въ городѣ разошелся онъ съ Монаховымъ; Долговъ пошелъ было въ трактиръ, въ которомъ сѣлъ и Монаховъ пить чай, но тотчасъ вышелъ изъ него и отправился въ трактиръ къ Чарову, изъ котораго въ свою очередь тутъ же вышелъ. При выходѣ изъ этого трактира встрѣтилъ Мѣшкова, который спросилъ его: зачѣмъ они убѣжали, на что Долговъ отвѣчалъ, чтобы кто не увидѣлъ ихъ вмѣстѣ. Дождавшись Мѣшкова, когда онъ вышелъ, напившись чаю изъ трактира Чарова, Долговъ далъ ему безъ счету рублей 20 ассигн.; съ радости Мѣшковъ пошелъ въ питейный домъ пить водку и звалъ его къ своей любовницѣ Екатеринѣ, но Долговъ отправился домой, зайдя предварительно къ театру, поужиналъ и легъ спать съ женой. Мѣшковъ, когда звалъ его къ любовницѣ, говорилъ, что, погулявши у нея, пойдетъ въ гавриловскій посадъ и тѣмъ отвлечетъ подозрѣніе отъ себя, если откроется преступленіе. Послѣ этого, онъ, Долговъ, съ Монаховымъ и Мѣшковымъ не видался долго, съ первымъ встрѣтился въ трактирѣ у Чарова уже въ пятницу или субботу и ровно ничего съ нимъ о дѣлѣ не говорилъ, и Мѣшковъ принесъ ему на домъ четвертакъ денегъ—это было у нихъ для отвода, чтобы семейные Долгова не догадались о чемъ-нибудь, и въ то время частный приставъ взялъ его къ слѣдствію; Долговъ при совершеніи преступленія одѣтъ былъ въ нанковой поддевкѣ, въ которой былъ и при слѣдствіи, въ ситцевой красной рубахѣ, а Монаховъ въ плисовой черной поддевкѣ и сверху ея въ тулупѣ, крытомъ черной нанкой и этотъ тулупъ оставилъ при входѣ въ домъ Никитина.

Но Монаховъ все таки рѣшительно заперся во взводимомъ на него товарищами его злодѣяніи.

Между-тѣмъ исправлявшій должность губернскаго прокурора лично передалъ въ палату роспиcку, писанную Монаховымъ и попавшуюся смотрителю тюремнаго замка. Вотъ текстъ ея:— «росписка мѣщанину Петру Дмитріеву Долгову въ 50 р. с. за оправданіе въ ономъ дѣлѣ; но если я не отдамъ, то сознаю себя въ ономъ дѣлѣ виновнымъ; въ чемъ и подписуюсь, купеческій сынъ Александръ Алексѣевъ Монаховъ». Особенности этой росписки заключались въ томъ, что: а) подписана почеркомъ инымъ, нежели какъ содержаніе ея; б) писана, какъ замѣтно не чернилами, шрифтомъ евангельскимъ, и г) на лоскуткѣ синей, затоптанной подошвой сапога, бумагѣ. Немедленно затребовано было объясненіе отъ смотрителя замка Павлова, которое заключалось въ слѣдующемъ: 12 августа онъ слышалъ разговоръ между арестантами Долговымъ и Монаховымъ, состоявшій въ томъ, что Монаховъ, обѣщаясь Долгову 50 р., если онъ оправдаетъ его въ дѣлѣ, говорилъ, что не обманетъ Долгова и поклянется не только въ церкви, но и сыномъ и родителями своими; наконецъ говорилъ, что готовъ написать и дать росписку и въ тотъ же самый день, содержавшійся въ одной съ Монаховымъ комнатѣ, военный арестантъ Иванъ Росляковъ передалъ смотрителю росписку Монахова къ Долгову, которую онъ счелъ долгомъ представить г. губернскому прокурору. При полученіи имъ росписки Росляковъ сказывалъ ему, что ее писалъ онъ, Росляковъ, а подписывался самъ Монаховъ.

Рядовой Иванъ Росляковъ, содержавшійся въ тюремномъ замкѣ за побѣгъ съ караула при замкѣ и выпускъ секретнаго арестанта, показалъ, что предъявленная ему росписка, писана имъ по просьбѣ Монахова, а рукоприкладство въ ней, какъ-то: «купеческій сынъ Александръ Алексѣевъ Монаховъ» сдѣлалъ самъ Монаховъ; писана она не чернилами, а краской, которую, соскобливши со стѣнъ, разводили водой, и вмѣсто пера употребили палочку.

Прапорщикъ владимірскаго баталіона внутренней стражи Быстрицкій объяснилъ подъ присягой, что 12 августа, бывъ въ карауле при тюремномъ замкѣ, онъ слышалъ разговоръ двоихъ арестантовъ, Долгова и Монахова, изъ которыхъ первый сказалъ:

«мало ты мнѣ даешь, я не возьму» а Монаховъ, какъ помнится Быстрицкому, отвѣчалъ: «больше не могу»; затѣмъ Долговъ спросилъ Монахова: «чѣмъ же ты напишешь росписку» на что другой арестантъ отвѣчалъ, «что можно поскоблить краски».

Долговъ, передопрошенный въ палатѣ, показалъ, что дѣйствительно онъ передъ тѣмъ, какъ рѣшился сдѣлать признаніе въ присутствіи палаты, просилъ съ Монахова, чтобы оправдать его, 100 р. с., но онъ давалъ только 50 р.

Монаховъ же на очныхъ ставкахъ противъ уликъ означенныхъ свидѣтелей остался при прежнихъ показаніяхъ.

Между-тѣмъ въ уголовной палатѣ, тотчасъ по отобраніи отъ Долгова втораго показанія 13 августа, состоялось заключеніе—о *дослѣдованіи дѣла*, которое и было поручено начальникомъ губерніи чиновнику особыхъ порученій Желтухину.

При этомъ дослѣдованіи мѣщане: Чарковъ и Агагуевъ показали: первый—что *въ февралѣ мѣсяцѣ къ дому покойнаго* Никитина не подъѣзжалъ и имущества отъ Долгова и Монахова не принималъ; въ домѣ его по обыску найденъ самоваръ чашекъ въ 30-ть, суконный синій сюртукъ и нанковая голубая поддевка, но объ этихъ вещахъ сосѣди его заявили, что онѣ принадлежатъ Чаркову съ давняго времени. — Мѣщанинъ Агагуевъ показалъ что 14 февраля онъ и не видался съ преступниками; при обыскѣ въ домѣ Агагуева найдены два самовара и на калмыцкомъ мѣху тулупъ, но сосѣди и объ этихъ вещахъ отозвались, что одинъ изъ самоваровъ они видали у Агагуева въ теченіе трехъ лѣтъ, а другой купленъ имъ въ 1849 году у юрьевскаго мѣщанина Патенева, что послѣдній и подтвердилъ подъ присягой; тулупъ же купленъ Агагуевымъ въ Шуѣ. Допросами семейныхъ Чаркова и Агагуева и свидѣтелей нисколько не обнаружилось ихъ сообщество съ преступниками; о Чарковыхъ между прочимъ обыскныя лица отозвались, что они принимаютъ и ведутъ дружбу съ людьми подозрительными, почему часто и бываютъ въ домѣ ихъ, по подозрѣнію, обыски.

Самъ *Мышковъ* въ присутствіи палаты показалъ, что показаніе Долгова во многомъ не вѣрно, именно: Чаркова и Агагуева, при совершеніи ими преступленія въ домѣ покойнаго Никитина, съ запряженной лошадью вовсе *не* было; имущества Долговъ и Монаховъ имъ не передавали, словомъ, все было такъ, какъ по-

казалъ чистосердечно Мѣшковъ при слѣдствіи 19 февраля. Вѣрно впрочемъ то, что къ Долгову приходилъ онъ съ четвертакомъ денегъ для отводу домашнихъ Долгова, и невѣрно то, что денегъ рублей 20 получилъ отъ Долгова по выходѣ изъ трактира Чарова.

Декабря 20-го того же года въ уголовной палатѣ по этому дѣлу состоялось такое опредѣленіе: признавъ преступленіе, совершенное виновными, разбоемъ, соединеннымъ съ смертоубійствомъ и поджогомъ дома, на основаніи ст. улож. (изд. 1857 г.): 4, 21, 120, 121, 151, 165, 2004, 2007, 2008, 2185, 2208, 2210, 2215 и 2228, присудить Мѣшкова, по несовершеннолѣтію, къ восмилѣтней каторжной работѣ въ крѣпостяхъ; Долгова — къ двѣнадцатилѣтней въ крѣпостяхъ же, а Монахова и жену Долгова Марью Иванову—оставить въ подозрѣніи.

Затѣмъ настоящее дѣло внесено было на ревизію въ 1 отдѣленіе 5 департамента; откуда, по разногласію г.г. сенаторовъ, перенесено было въ общее собраніе с.-петербургскихъ департаментовъ, которое нашло виновнымъ въ совершеніи злодѣянія и Монахова. При этомъ общее собраніе вывело слѣдующія улики: 1) оговоры мѣщанъ Мѣшкова и Долгова, противъ которыхъ Монаховъ никакихъ, заслуживающихъ уваженія, оправданій не представилъ; 2) найденныя при обыскѣ въ домѣ его вещи, именно: а) черный нанковый бешметъ съ какими-то пятнами и б) запачканный въ крови мѣшокъ, о которыхъ Монаховъ не далъ удовлетворительнаго объясненія; 3) разнорѣчивыя и изворотливыя показанія его о томъ, гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ и съ кѣмъ находился во время смертоубійства, опроверженныя всѣми лицами, на которыхъ самъ онъ ссылался; отрицательство его отъ всякаго знакомства съ семействомъ Никитина, которое опровержено присяжными показаніями; 4) представленная арестантомъ Росляковымъ, собственноручно Монаховымъ подписанная, росписка и присяжныя показанія двухъ, неотведенныхъ Монаховымъ, свидѣтелей, объ обѣщаніи Монаховымъ заплатить Долгову 50 р. с. за то, чтобы не вовлекать его въ отвѣтственность; 5) неодобрительное поведеніе Монахова. Посему на основаніи 1173, 1174, 1183, 1193, 1205, 1216, xv т. ч. 2 (изд. 1845 г.), правительствующій сенатъ призналъ подсудимаго Александра Монахова вполнѣ изобличеннымъ въ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ оговоренъ. За-

тѣмъ правительствующій сенатъ, примѣняя къ виновнымъ ст. улож. 2001, 2002 и 2185 (изд 1857 г.), лишилъ ихъ всѣхъ правъ состоянія и, при совокупности преступленій (165 ст. улож. тогоже изд.) опредѣлилъ: мѣщанина Петра Дмитріева Долгова и купеческаго сына Александра Алексѣева Монахова сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 20 лѣтъ, предварительно наказавъ, по дѣйствовавшему узаконенію, чрезъ палачей, согласно 2 ст. 21 ст. улож., а мѣщанина Ивана Иванова Мѣшкова, по несовершеннолѣтію, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ же на 13 лѣтъ и 4 мѣсяца, исполнивъ надъ нимъ предварительно наказаніе чрезъ полицейскихъ служителей.

Разсматривая настоящее дѣло, мы находимъ, что преступленіе въ немъ учиненное, *является* послѣдствіемъ *сообщества въ преступленіи* трехъ лицъ, именно: Долгова, Мѣшкова и Монахова. Первоначальный умыселъ состоялъ въ томъ, чтобы *обокрасть* Никитиныхъ, причемъ зачинщикомъ преступленія былъ Долговъ. Это доказывается: а) показаніями Мѣшкова (19 февраля), что Долговъ на крыльцѣ театра предложилъ ему обокрасть Никитиныхъ; б) сознаніемъ Долгова, учиненнымъ имъ въ присутствіи уголовной палаты, что онъ уговаривалъ Мѣшкова и Монахова обокрасть Никитина; в) тѣмъ, что сообщники, придя въ домъ Никитина, не взяли съ собой никакого оружія и прибѣгли къ убійству только принужденные нѣкоторымъ образомъ къ тому обстоятельствами, когда Никитины, замѣтивъ кражу, стали звать на помощь, причемъ самое убійство совершено топоромъ, принадлежащимъ Никитину. И такъ, хотя намѣреніе обокрасть было составлено сообщниками заранѣе, но къ убійству они прибѣгли по внезапному побужденію, чтобы заставить исчезнуть свидѣтелей ихъ кражи. Точно также, по совершеніи убійства, они прибѣгли къ поджогу дома Никитиныхъ, чтобы посредствомъ этого новаго преступленія скрыть два предъидущія. Эта-то послѣдовательность дѣйствій обнаруживаетъ въ нихъ опытныхъ и закоренѣлыхъ злодѣевъ.

Затѣмъ для опредѣленія самыхъ способовъ совершенія убійства и участія, принимаемаго въ немъ каждымъ изъ подсуди-

мыхъ, слѣдуетъ обратиться къ показаніямъ Мѣшкова и Долгова (такъ-какъ Монаховъ рѣшительно ни въ чемъ не сознался), подтверждая ихъ, по возможности, обстоятельствами, раскрытыми *слѣдствіемъ*.

Первоначально каждый изъ подсудимыхъ старался доказать свой *alibi*, то есть нахожденіе его въ другомъ мѣстѣ, въ то *время, когда совершено было преступленіе.*—Такъ *Мѣшковъ* показалъ, что онъ 14 февр., пробывъ дома весь день, вечеромъ отправился въ гавриловскій посадъ, въ пути пробылъ ночь на 15-е, а утромъ 16 возвратился въ Юрьевъ. Но три свидѣтеля обнаружили, что онъ 14 былъ у Никитиныхъ и впослѣдствіи самъ Мѣшковъ учинилъ въ этомъ сознаніе. *Долговъ* первоначально объяснилъ, что онъ 14-го въ 6 часовъ вечера пошелъ въ театръ, гдѣ его видѣли (по его словамъ) три лица. Но слѣдствіемъ и показаніями этихъ лицъ обнаружено, что онъ былъ въ театрѣ не 14, а 15-го. Кромѣ *того Долговъ* сначала показалъ, что онъ возвратился 14-го домой въ 10 часовъ вечера. Но мать Долгова объявила, что онъ вернулся домой не въ 10, а въ 8 часовъ вечера. Впослѣдствіи самъ Долговъ признался, что онъ участвовалъ въ убійствѣ Никитиныхъ. Наконецъ *Монаховъ* показалъ, что 14-го вечеромъ онъ съ 5 товарищами былъ въ трактирѣ Рудакова отъ 5 до 7 часовъ вечера, а оттуда онъ возвратился домой и ночевалъ дома. Но слѣдствіемъ раскрыто, что Монаховъ съ товарищами былъ въ трактирѣ не 14-го числа вечеромъ, *а 15-го, въ часъ по полудни.*

Относительно самаго *способа* совершенія преступленія *Мѣшковъ* показалъ (19 февр.): что бывъ подговоренъ 12 февраля Долговымъ обокрасть Никитиныхъ, онъ былъ у послѣднихъ 13-го и 14-го и разузналъ, какъ легче провести задуманное ими предпріятіе въ исполненіе. Вечеромъ 14-го, (въ день, назначенный *для кражи*), онъ на красномъ дворѣ вновь сошелся съ Долговымъ, который привелъ съ собой еще новаго сообщника: Монахова. Они, Мѣшковъ и Долговъ, вошли въ избу къ Никитину, а Монаховъ отправился въ чуланъ для учиненія кражи. Когда жена Никитина, услыхавъ въ чуланѣ шумъ, закричала «воры», то онъ, Мѣшковъ, схватилъ ее за руку, а Долговъ въ это время ударилъ ее лежащимъ тутъ топоромъ по шеѣ. Затѣмъ онъ, Мѣшковъ, схватилъ Никитина за руку, а Долговъ ударилъ и его то-

поромъ по шеѣ. Послѣ того Долговъ зарубилъ (уже въ присутствіи Монаҳова)—тещу Никитина и дочь его Вѣру, но послѣднюю долго не могъ лишить жизни, такъ-что онъ сталъ рубить ей ноги, наконецъ наступилъ ей на горло и тѣмъ окончилъ ея жизнь.—Почти совершенно согласно съ этимъ показалъ и Долговъ (въ уголовной палатѣ), объявившій: «что 14-го, въ 6 часовъ вечера, онъ первый ударилъ Никитину топоромъ, когда-же вступился мужъ ея и семейные его, то *они* начали рубить ихъ, какъ попало, и *изрубивши*, начали выбирать имѣніе». — Такимъ образомъ самъ Долговъ *не* опровергаетъ того, что онъ зарубилъ семейство Никитиныхъ. Какъ-же для убійства былъ только одинъ топоръ и онъ первоначально находился въ рукахъ Долгова, то нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній зарубилъ и остальныхъ членовъ семейства Никитиныхъ, тѣмъ болѣе, что быстрота, съ которою необходимо было произвести убійство, не допускаетъ *предположенія, чтобы топоръ отъ Долгова переходилъ* въ руки другихъ лицъ, потомъ опять возвращался къ нему. И такъ Долговъ является не только зачинщикомъ, но и главнымъ исполнителемъ задуманнаго злодѣянія.

Приведенныя показанія подсудимыхъ подтверждаются вполнѣ и обстоятельствами дѣла:

1) *Медицинскій* осмотръ труповъ обнаружилъ, что Никитинъ получилъ раны топоромъ по лобной кости, на лѣвой щекѣ и на плечевой кости. Жена Никитина получила глубокую рану въ 3 вершка по правой сторонѣ шеи—съ перерубомъ пополамъ позвоночнаго столба. Дочь Никитиныхъ имѣла раны топоромъ на затылкѣ, на челюсти, на губѣ, на груди и животѣ, на спинѣ, на рукахъ, на лѣвой *ногѣ* совершенный перерубъ нижней головки бѣдренной кости, и двѣ раны на голѣни и на внутренней сторонѣ праваго бедра. Наконецъ теща Никитиныхъ имѣла 4 раны на затылочной кости и еще раны на черепѣ и скулѣ.

2) Топоръ Никитина, послужившій орудіемъ убійства, найденъ въ его избѣ.

3) Трупы убитыхъ по показанію Евсевія Иванова, (вытащившаго ихъ во время тушенія пожара на дворъ, гдѣ они найдены были слѣдователями) — находились внутри избы, а одинъ изъ нихъ на печкѣ. Окна-же были найдены завѣшанными, что вполнѣ согласно съ показаніями Мѣшкова.

4) У убійцъ открыты вещественные слѣды совершеннаго ими убійства, именно у Долгова за печкою пестрядная рубаха, забрызганная кровью, суконная въ пятнахъ бекеша, бумажный клѣтчатый платокъ, запачканный кровью, и синяя рубаха также выпачканная кровью. У Монахова найдены въ комнатѣ подъ кроватью: мѣшокъ, выпачканный кровью, и бекеша въ какихъ-то пятнахъ. Впрочемъ отсутствіе слѣдовъ крови на платьѣ Монахова объясняется тѣмъ: 1) что по показанію Мѣшкова (19 февр.) Монаховъ *никого не рубилъ*; 2) изъ показаній же Долгова оказывается, что при совершеніи преступленія Монаховъ былъ: въ плисовой черной поддевкѣ, (на которой оказались пятна и которую онъ призналъ за свою), а сверху ея въ тулупѣ, но этотъ тулупъ онъ оставилъ при входѣ въ домъ Никитина.

Итакъ можно сказать съ полною достовѣрностью, что всѣ трое подсудимыхъ вполнѣ уличены въ участіи въ преступленіи. *Отсутствіе-же* въ семъ сознанія Монахова *не имѣетъ никакого значенія, такъ-какъ онъ изобличается въ преступленіи*: 1) согласными между собою (кромѣ второстепенныхъ подробностей) показаніями Мѣшкова и Долгова; 2) стараніемъ его посредствомъ ложныхъ показаній доказать свой alibi; 3) ложнымъ объясненіемъ его, что онъ вовсе не знаетъ Никитина; 4) наконецъ (и что важнѣе всего) нахожденіемъ у него окровавленнаго мѣшка и черной бекеши, покрытой пятнами *).

Если-же держаться *нравственной вмѣняемости* (imputatio moralis), то противъ Монахова говоритъ его предшествовавшая жизнь, такъ-какъ на повальномъ обыскѣ дано показаніе, что Монаховъ поведенія дурнаго и не разъ былъ замѣчаемъ въ мелкихъ кражахъ.

Затѣмъ оговоръ Долговымъ двухъ лицъ, именно Агагуева и Чаркова, которые (по его словамъ) въ саняхъ вывезли награбленное ими въ домъ Никитиныхъ имущество, — лишенъ всякаго юридическаго значенія, такъ-какъ во 1-хъ онъ вполнѣ отвергается Мѣшковымъ, во 2-хъ нельзя было распознать слѣдовъ саней около дома Никитиныхъ, потому-что народъ при тушеніи

*) Роспискѣ Монахова объ обѣщаніи дать Долгову 50 р., если онъ будетъ по этому дѣлу оправданъ, мы не придаемъ никакого юридическаго значенія, такъ-какъ онъ могъ обѣщать эти деньги, и будучи совершенно невиненъ, но находясь подъ судомъ.

пожара измялъ снѣгъ около дома, въ 3-хъ не доказано, чтобы оговоренныя лица продавали вещи, награбленныя у Никитина, или имѣли ихъ въ своемъ домѣ.

Наконецъ въ отношеніи вопроса о мѣрѣ наказанія каждаго изъ сообщниковъ, мы должны замѣтить, что Долговъ подлежалъ болѣе строгому наказанію, нежели Монаховъ, потому-что во первыхъ онъ былъ зачинщикомъ первоначальнаго преступленія—кражи, во вторыхъ первый приступилъ къ убійству, тогда-какъ Монаховъ не принималъ въ немъ участія, а потому едва-ли можно было подвергнуть ихъ одинаковому наказанію.

XI. Убійство бѣглаго крестьянина Хрисанфа Андреева семействомъ крестьянина Анкудинова, (обвиняемымъ сверхъ того въ дѣтоубійствѣ).

Становой приставъ даниловскаго уѣзда (ярославской губерніи) получилъ 30 сентября 1861 г. извѣщеніе отъ сотника деревни «Привалово», что въ сей послѣдней, въ домѣ крестьянина Андрея Анкудинова, *убитъ неизвѣстный человѣкъ*, причемъ Анкудиновъ сознался: «что этотъ грѣхъ его».—Вслѣдствіе произведеннаго осмотра дома Анкудинова, замѣчена въ сѣняхъ и по лѣстницѣ, ведущей на дворъ, а равно и въ навозѣ, гдѣ найденъ былъ убитый, въ большемъ количествѣ кровь, слѣды которой оказались также на платьѣ Анкудинова, на шубѣ его снохи, Екатерины, и на найденныхъ въ его домѣ топорѣ, сарафанѣ, трехъ женскихъ рубашкахъ и подвязкѣ.

Будучи допрошенъ приставомъ, крестьянинъ *Анкудиновъ* показалъ, что 30 сентября, предъ свѣтомъ пришелъ къ нему человѣкъ, называвшійся Хрисанфомъ Андреевымъ, и просилъ немного обогрѣться, онъ позволилъ; когда же тотъ согрѣлся, то онъ началъ высылать его изъ избы, но Андреевъ началъ браниться и, вынувъ изъ кармана складной ножъ, говорилъ: «я васъ всѣхъ перерѣжу, или сожгу деревню.» Послѣ этихъ угрозъ онъ, Анкудиновъ, началъ толкать изъ избы его вонъ, и взявъ топоръ, ударилъ имъ Андреева по затылку, отъ этого тотъ упалъ, тогда онъ добилъ его и стащивъ на дворъ, положилъ на навозъ, а сверху прикрылъ соломой. Когда онъ ударилъ Андреева, то

тотъ закричалъ караулъ; онъ, Анкудиновъ, желая заставить его молчать, зажалъ ему ротъ; въ это время Андреевъ укусилъ ему большой палецъ и мизинецъ на лѣвой рукѣ. Домашніе его въ то время спали и въ убійствѣ не участвовали, а пришли, когда уже онъ покончилъ Андреева.

Но вскорѣ Анкудиновъ, совершенно измѣнивъ свое показаніе, на спросъ судебнаго слѣдователя объяснилъ слѣдующее: «настоящее имя убитаго человѣка Хрисанфъ Андреевъ, онъ чей-то бѣглый крестьянинъ костромской губерніи, въ домъ къ нимъ сталъ онъ ходить съ годъ тому назадъ и, какъ ему казалось, имѣлъ *съ дочерью его Улитою и снохою Катериною любовную связь*; потомъ когда дочь и сноха стали отказывать отъ дома Андрееву, то онъ съ досады, (какъ самъ признался), зарѣзалъ у нихъ корову, потомъ поджегъ ихъ баню. — 30 же сентября, вскорѣ по приходѣ Андреева, вошли въ избу Улита и Катерина, и стали ему выговаривать, зачѣмъ онъ пришелъ; Хрисанфъ отвѣчалъ на это, что весь домъ ихъ сожжетъ и ихъ перерѣжетъ. Послѣ этихъ словъ Улита и Катерина повалили его и начали *колотить*; сначала онъ, Анкудиновъ, останавливалъ ихъ отъ сего, но онѣ отвѣтили, что желаютъ, чтобы этого человѣка *не было*, и просили помочь имъ подержать; почему онъ и держалъ его за руки, Улита же и Катерина добили его, но чѣмъ, топоромъ или полѣномъ, не разсмотрѣлъ; потомъ онъ ушелъ въ избу, а бабы стащили трупъ на дворъ и положили въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ найденъ; показывалъ же онъ прежде несправедливо, потому-что дочь и сноха просили его весь грѣхъ принять на себя.

Это показаніе до извѣстной степени опровергали остальныя прикосновенныя къ дѣлу лица.

Дочь Анкудинова, крестьянская вдова *Улита Галкина* (36 лѣтъ) объяснила, что, услыша довольно сильный разговоръ отца съ кѣмъ то, она съ незаконнорожденными дѣтьми своими: сыномъ Антономъ и дочерью Катериною, и невѣсткою вошла въ избу и увидала тамъ Хрисанѳа Андреева, который прежде сего бывалъ у нихъ нѣсколько разъ, по которому, видя, что онъ *худой человѣкъ*, стали отказывать отъ дому. (Любовной связи съ Андреевымъ она *не* имѣла). Когда она вошла въ избу, Хрисанфъ былъ пьянъ и вздорилъ съ отцемъ ея, говоря, что сожжетъ всю

деревню; отецъ ея сталъ его выталкивать изъ избы, а Хрисанфъ, вынувъ изъ кармана ножъ, грозилъ имъ; она хотѣла ножъ выхватить, но Хрисанфъ толкнулъ ее такъ, что она упала; въ это время бывшіе въ избѣ дѣти заплакали, отецъ толкнулъ Хрисанфа и онъ, вылетѣвъ изъ двери, упалъ задомъ къ горепкѣ; въ туже минуту отецъ схватилъ въ сѣняхъ маленькій топорикъ и имъ сталъ рубить Хрисанфа; когда же онъ кричалъ, то отецъ зажималъ ему ротъ лѣвой рукой, и Хрисанфъ въ то время должно быть укусилъ ему на лѣвой рукѣ палецъ; невѣстка же ея, Катерина, докончила Хрисанфа тѣмъ же топоромъ и съ своимъ отцемъ стащила Хрисанфа на дворъ; въ убійствѣ его она, Улита, не участвовала, а *только свѣтила лучиною*, рубаху и сарафанъ замарала въ крови какъ-нибудь въ то время.

Наконецъ сноха Анкудинова, *Катерина Грязнова*, (24 лѣтъ) показала, что она спала на сѣникѣ и предъ свѣтомъ услышала шумъ въ избѣ и голоса: свекра и еще чей то другой, почему, выбѣжавъ на улицу, закричала; на крикъ собрались жители деревни; она же, не заходя въ домъ, пошла къ сотскому объявить, что въ домѣ ихъ не порядки; найденъ-ли на дворѣ ихъ убитый человѣкъ, не знаетъ, кровавое пятно на шубѣ ея, какъ полагаетъ, произошло отъ того, что у нея изъ носу шла кровь. Любовной связи съ Хрисанфомъ *не* имѣла и его никогда не видала и не знаетъ и въ убійствѣ не виновата; одна изъ найденныхъ въ домѣ рубашекъ принадлежитъ ей, кровавыя пятна на ней произошли отъ мѣсячнаго очищенія *).

Новый свѣтъ на это дѣло пролило показаніе семилѣтняго мальчика *Антона*, (сына Улиты и внука Анкудинова), который объяснилъ: «что въ ту ночь, когда у нихъ убили человѣка, онъ спалъ на сѣникѣ съ матерью и сестрою, а когда проснулся ни матери, ни сестры не было, почему онъ пошелъ въ избу, въ которой горѣла лучина. Въ то время дѣдъ плелъ лапти, мать тоже, тетка Катерина щипала лучину, а на печи лежалъ тотъ человѣкъ,

---

*) Такимъ образомъ разнорѣчіе въ показаніяхъ подсудимыхъ заключалось въ слѣдующемъ: 1) Анкудиновъ сознавался, что онъ *держалъ* Андреева, пока дочь и сноха его добивали послѣдняго, но объявлялъ, что самъ его не билъ. 2) Улита объяснила, что она *свѣтила лучиною*, пока Анкудиновъ и Катерина добивали Андреева, наконецъ 3) Катерина объявила, что она не была даже очевидицею убійства.

котораго убили. При немъ дѣдъ его съ этимъ человѣкомъ выпили водки изъ бутылки, немного погодя этотъ человѣкъ сталъ бранить тетку дурными словами, онъ сильно горячился. Потомъ дѣдъ, мать и тетка стали тоже бранить его за то, что онъ убилъ корову и сжегъ баню; потомъ Хрисанфъ соскочилъ съ печи и, ругаясь, размахивалъ руками, но (сколько припомнитъ) ножа изъ кармана не вынималъ. Вдругъ тетка Катерина толкнула Хрисанфа, онъ попатнулся и упалъ въ сѣни, потомъ дѣдъ закинулъ на шею Хрисанфа оборничекъ (веревку, которая продѣвается у лаптя) а тетка Катерина бросилась въ избу и достала маленькій топорикъ Дѣдъ съ матерью держали Хрисанфа за ноги, а тетка Катерина сѣла верхомъ на него и рубила топорикомъ около шеи. Хрисанфъ закрывался руками, онъ сильно кричалъ и бился, дѣдъ хотѣлъ ему зажать ротъ, но тотъ укусилъ ему руку, наконецъ Хрисанфъ пересталъ кричать. Тогда дѣдъ пошелъ въ избу, а мать съ теткой поволокли Хрисанфа на навозъ, но имъ никто не свѣтилъ и онѣ положили его у заднихъ воротъ подъ колоду. Онъ видѣлъ также, какъ дѣдъ досталъ изъ кармана Хрисанфа кошелекъ, вынулъ изъ него бумажку и развернувъ ее нашелъ въ ней 1 красненькую и сколько то зелененькихъ и бѣленькихъ, потомъ опять завернулъ ихъ въ туже бумагу и положилъ на кіотъ. Видѣлъ также, что въ котомкѣ *убитаго были калачи и арбузъ, а на ногахъ убитаго сапоги* *). Онъ слышалъ какъ тетка и мать упрашивали дѣда принять весь грѣхъ на себя и уговаривались подъ вечеръ свезти убитаго со двора и положить за овинами въ яму. Хрисанфа онъ, Антонъ, зналъ уже болѣе году. Дѣдъ его съ Хрисанфомъ пилъ водку изъ бутылки съ плечиками **)».

На очной ставкѣ, данной Андрею Апкудинову со снохою Катериною и дочерью Улитой, первый, утверждая свои показанія, дополнилъ, что дѣйствительно рубила Хрисанфа *Катерина*, сидя на немъ верхомъ, а дочь только держала Хрисанфа. Противъ

---

*) Послѣ этихъ словъ Антона, слѣдователь, при сторонихъ людяхъ, нашелъ въ сундукѣ Улиты часть арбуза. По предъявленіи мальчику всѣхъ сапогъ, найденныхъ въ домѣ Анкудинова, онъ призналъ одни изъ сапогъ за принадлежащіе убитому.

**) Подобная бутылка слѣдователемъ найдена, и мальчикъ призналъ ее за ту самую; она пахла водкою.

сего Катерина ни въ чемъ не созналась, а Улита показала, что не помнитъ: держала ли она или свѣтила, когда Катерина рубила Хрисанфа.

Затѣмъ приведемъ показанія постороннихъ свидѣтелей; (всѣ они относятся не къ самому совершенію убійства, а къ обстоятельствамъ, за нимъ послѣдовавшимъ).

1) Сосѣди Анкудинова, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, показали, что, вошедши съ сотскимъ Дороховымъ въ сѣни, они увидѣли на полу кровь, а на дворѣ въ навозѣ подъ колодою нашли мертваго человѣка, съ окровавленнымъ лицемъ, потомъ спросили Анкудинова и онъ отвѣтилъ: этотъ грѣхъ *нашъ*, дошелъ до *насъ* *).

2) Крестьянинъ Ѳома Степановъ, подъ присягою, показалъ, что 30 сентября разбуженъ былъ шумомъ на улицѣ; вышедъ изъ дому, увидѣлъ что у дома Анкудинова собрался народъ; дочь Анкудинова, Улита, и сноха, Катерина, вышли на крыльцо и говорили, что бѣглый изъ ихъ дому скрылся и что его надобно искать, потомъ онѣ опять ушли; немного погодя, не помнитъ съ крыльца ли или изъ переднихъ воротъ, вышла опять Катерина и на спросъ его, что сдѣлалось у нихъ въ домѣ? говорила: «ничего», на его же вопросъ: какъ ничего, говори что сдѣлалось? замялась и наконецъ отвѣтила, что бѣглый у нихъ на навозѣ; тогда онъ сказалъ ей: ступай, Катерина, къ сотскому, объяви, она и пошла; раньше еще ея отправился къ сотскому крестьянинъ Иванъ Ипполитовъ.

3) Крестьянинъ Степанъ Васильевъ, подъ присягою, подтверждая показаніе Ѳомы Степанова, дополнилъ, что 30 сентября услышалъ онъ сильнѣйшій крикъ въ домѣ Анкудинова, потомъ, еще разъ и еще, и въ страхѣ, думая не пожаръ-ли, закричалъ растворивъ окно, караулъ! и на крикъ его сбѣжался народъ.

4) Наконецъ сотскій Антонъ Дороховъ, подъ присягою, показалъ, что Катерина Тарасова попалась ему на встрѣчу саженяхъ во сто отъ дому его, когда уже онъ шелъ въ Привалово, по объявленію крестьянина Ивана Ипполитова. Показаніе это, подъ присягою, подтвердилъ и крестьянинъ Иванъ Ипполитовъ.

---

*) По освидѣтельствованіи трупа уѣздный врачъ заключилъ, что Андреевъ умеръ отъ смертельнаго поврежденія кровоносныхъ сосудовъ шеи острымъ и довольно массивнымъ орудіемъ.

На передопросѣ въ уѣздномъ судѣ, Анкудиновъ измѣнилъ свое показаніе, говоря, что дочь его, Улита, въ убійствѣ *не* участвовала и что онъ первый ударилъ Андреева полѣномъ по виску, отчего тотъ упалъ въ дверь изъ избы въ сѣни, потомъ сноха Катерина, пришедши изъ сѣпника, гдѣ спала, стала бить Хрисанфа; Улиты же вовсе тутъ не было, а она пришла, когда уже Хрисанфъ былъ убитъ и когда собрался въ избу народъ; ранѣе убить Хрисанфа они не замышляли, а сдѣлалъ онъ это *вдругъ*, боясь, чтобъ тотъ не зарѣзалъ ихъ ножемъ.

Дѣло въ этомъ видѣ уже приготовлялось къ докладу, какъ вдругъ открылись *новыя обстоятельства*, его усложнившія хотя и не относящіяся прямо къ убійству Андреева, именно: содержащіеся въ даниловскомъ тюремномъ замкѣ арестанты, Гаврило и Прокопій Ивановы, Селичевъ и Касаткинъ объявили слѣдователю, что въ острогѣ, при нихъ, Анкудиновъ упрекалъ дочь свою, Улиту, за то, что она, полтора года тому назадъ, *задушила рожденнаго его младенца* и тѣло его зарыла въ подпольѣ ихъ дома. Обстоятельство это, какъ содержащее въ себѣ новое обвиненіе противъ одной изъ подсудимыхъ, было подвергнуто разслѣдованію.

При обыскѣ, въ подпольѣ избы Анкудинова дѣйствительно найдены кости, при разсмотрѣніи которыхъ врачъ, по двойному комплекту нѣкоторыхъ частей и по разной величинѣ костей, заключилъ, что они принадлежатъ къ двумъ дѣтскимъ остовамъ.

По сему предмету допрошены были слѣдующія лица:

1) *Анкудиновъ* показалъ, что онъ никогда не упрекалъ дочери своей Улиты, въ томъ что она родила ребенка и задушивши его, зарыла. Улита была въ послѣдній разъ беременна дѣвочкою Катериною, которой теперь года три или четыре. Какимъ случаемъ явились въ подпольѣ младенческіе остовы, ему неизвѣстно. 2) Сноха Анкудинова, *Катерина*, показала, что она никогда не слыхала, чтобы свекоръ ея, Анкудиновъ, упрекалъ дочь свою, Улиту, тѣмъ, что она родила ребенка и задушивши его зарыла Чьи младенцы найдены въ подпольѣ, кѣмъ рождены и зарыты, ей неизвѣстно. Любовныхъ сношеній, имѣя мужа, она никогда не имѣла и беременною никогда не бывала, равно какъ и Улиту беременною, послѣ рожденія его дѣвочки Катерины, она не замѣчала. 3) *Улита* объяснила, что великимъ пос-

томъ невѣстка ея, Катерина, неизвѣстно почему, разозлившись на нее, назвала ее дурнымъ словомъ и притомъ прибавила, что если она, Улита, не дастъ ей десяти цѣлковыхъ, то она отроетъ какихъ то, скрытыхъ въ домѣ отца ея, младенцевъ, о которыхъ она ничего не знаетъ. Слова ея были подслушаны арестантами Ивановыми и Селичевымъ. Отецъ ея, Анкудиновъ, никогда и не при комъ не упрекалъ ея. Почему въ подполье, въ домѣ отца ея подъ избою, найдены были зарытыми два младенческихъ остова, чьи эти младенцы, кѣмъ и когда рождены они и зарыты тутъ, ей неизвѣстно. Во всю свою жизнь она беременною была только три раза, и послѣ рожденія дѣвочки Катерины уже никакихъ любовниковъ не имѣла. 4) Крестьянинъ *Емельяновъ* и другіе родственники Анкудиновыхъ, въ числѣ десяти человѣкъ, показали, что имъ неизвѣстно, чьи это дѣтскіе скелеты найдены въ подпольѣ дома Анкудинова. Екатерину беременною они не замѣчали. Были-ли, кромѣ 2 живыхъ, еще дѣти у Улиты, имъ неизвѣстно *).—Затѣмъ въ дополненіе къ прежнимъ показаніямъ *Улита* прибавила, что года полтора тому назадъ, отъ неизвѣстнаго ей человѣка (?) родила она живаго младенца. Въ отсутствіе отца ея, сноха Екатерина, взявъ отъ нея означеннаго младенца, пошла съ нимъ куда-то и, возвратившись домой, сказала, что подкинула младенца, верстъ за 10 или за 20 отъ ихъ деревни, за что и получила отъ нея, Улиты, обѣщанные 10 р. с. До самаго того времени, какъ обнаружились въ ихъ домѣ младенческія кости, она Улита была увѣрена, что младенецъ подкинутъ, но теперь думаетъ, что Тарасова того младенца тутъ скрыла; чей же другой младенецъ, котораго кости найдены въ подпольѣ, не знаетъ, беременною она болѣе не была и дѣтей не рождала.—Это показаніе Екатериною признано было ложнымъ. На очной же ставкѣ Улита и Екатерина остались при своихъ показаніяхъ. 6) Крестьянскій мальчикъ *Антонъ Анкудиновъ* на допросѣ объявилъ, что во время игръ, другіе мальчики упрекали его, что мать его зарыла ребенка; по какому случаю это было онъ не помнитъ, но однажды лѣтомъ 1861 г., онъ

*) По свидѣтельству, произведенному врачемъ Коротыгинымъ, съ слѣдователемъ при повивальныхъ бабкахъ надъ крестьянкой Екатериной Тарасовой, оказалось, что нѣкоторые признаки позволяютъ думать, что она дѣйствительно не рождала дѣтей.

видѣлъ, какъ мать его, *Улита*, ходила въ подполье, куда и онъ за нею тайно пробрался и замѣтилъ, что она разрывала тамъ землю руками, но клала ли она, или вырывала что, не замѣтилъ; разговоровъ о зарытыхъ младенцахъ между ними не слыхалъ. 7) На это Улита объяснила, что по какому случаю сына ея, Антона, упрекали мальчики не знаетъ; въ подполье-же она ничего не зарывала. Тоже подтвердилъ и Андрей Анкудиновъ. 8) Наконецъ крестьянскіе мальчики деревни Привалова показали, что дразнили-ли они Антона поступкомъ матери, не знаютъ.

На повальномъ обыскѣ спрошенныя о поведеніи подсудимыхъ лица дали слѣдующій оригинальный отзывъ: что до сего времени подобныхъ случаевъ у Анкудиновыхъ хотя и не бывало, но одинъ этотъ случай заставляетъ сказать, что они поведенія дурнаго (?)

Даниловскій уѣздный судъ по дѣлу сему, признавъ подсудимыхъ виновными въ убійствѣ, приговорилъ: Андрея Анкудинова, по ст. 78 улож., къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а Улиту и Екатерину, по ст. 77, къ ссылкѣ въ работы на заводахъ, каждую на 15 лѣтъ. Въ отношеніи же удушенія и скрытія младенца, за несознаніемъ и невозможностію по недостатку уликъ, положительно отнести преступленіе ни къ Улитѣ, ни къ Екатеринѣ, обѣихъ ихъ, по ст. 313 т. XV кн. 2, оставить въ сильномъ подозрѣніи.

Ярославская уголовная палата нашла: что крестьянинъ Анкудиновъ, съ дочерью своею Улитою и снохою Екатериною, имѣя пристанодержательство бѣглаго крестьянина Андреева, начали отказывать ему въ пріемѣ. По сей причинѣ между пристанодержателями и бѣглымъ возникло неудовольствіе, вслѣдствіе котораго Хрисанфомъ первоначально убита была принадлежащая Анкудинову съ семействомъ корова, потомъ подожжена баня. Послѣ сего утромъ 30 сентября 1861 года, когда Хрисанфъ пришелъ въ домъ Анкудинова, началась между ними ссора, въ которой Анкудиновъ съ дочерью своею Улитой и снохою Екатериною посягнули на жизнь Хрисанфа и убили, какъ полагать должно, топоромъ, потому-что малолѣтній племянникъ Екатерины, Антонъ, показываетъ, что ею былъ взятъ таковой изъ избы. Вслѣдствіе сего должны быть признаны виновными, какъ самъ Анкудиновъ, такъ и дочь его со снохою, изъ коихъ послѣднія

въ убійствѣ Хрисанфа, хотя и не признаются, но окончательно изобличаются въ томъ: а, признаніемъ Анкудинова, (даннымъ при увѣщаніи), что грѣхъ этотъ хотѣлъ онъ принять на себя только одного; б., свидѣтельствомъ мальчика Антона, во многихъ обстоятельствахъ подтвердившимся повѣркою слѣдователя; в., оказавшимися на платьѣ всѣхъ троихъ кровавыми пятнами, доказывающими, что всѣ они участвовали въ убійствѣ, впрочемъ кто изъ нихъ былъ зачинщикомъ въ преступленіи, по непризнанію ихъ, опредѣлить невозможно.—Уголовная палата опредѣлила: 1) крестьянина Анкудинова (72 лѣтъ), дочь его Улиту (36 лѣтъ) и сноху Екатерину (24 лѣтъ), за убійство, на основаніи ст. улож. о наказ. 1234, 2004, 21, 28, 77 и 78, лишить всѣхъ правъ состоянія и потомъ изъ нихъ Анкудинова безъ тѣлеснаго наказанія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, съ послѣдствіями 29 ст. улож., Улиту же и Екатерину наказать публично чрезъ палача, по ст. 21 степени 4, плетьми въ г. Даниловѣ, каждую по шестидесяти ударовъ и потомъ сослать въ каторжныя работы на заводахъ, на пятнадцать лѣтъ; 2) часть рѣшенія уѣзднаго суда объ оставленіи въ подозрѣніи Улиты и Екатерины касательно удушенія и скрытія младенцевъ, какъ правильную, утвердить.

Вслѣдствіе разногласія, послѣдовавшаго при слушаніи сего дѣла въ 1-мъ отдѣленіи 5 департамента сената, оно поступило на разсмотрѣніе втораго общаго собранія сената.

Общее собраніе (по окончательной) резолюціи нашло: 1) относительно *Екатерины*, что при отсутствіи ея сознанія, участіе ея въ совершеніи преступленія по законамъ о силѣ доказательствъ и уликъ нельзя признать неподлежащимъ сомнѣнію. Оговоръ подсудимымъ (хотя бы и отцемъ своихъ дѣтей, ибо исключеній нѣтъ) по 336 ст. XV т. св. зак. угол. есть доказательство несовершенное и почитается недѣйствительнымъ, если въ послѣдствіи отмѣненъ (338 ст.); показанія свидѣтелей вовсе не имѣютъ силы доказательства, когда они учинены безъ присяги (ст. 334); кровавыя пятна на платьѣ суть только улики, которыя могутъ имѣть значеніе при другихъ болѣе сильныхъ, равно какъ и повальный обыскъ, который, не составляя совершеннаго доказательства, можетъ служить только подкрѣпленіемъ другихъ доказательствъ (ст. 340 и 341). Такимъ образомъ,

для разрѣшенія вопроса о виновности Екатерины положительно не достаетъ тѣхъ точныхъ доказательствъ или явныхъ уликъ въ преступленіи, безъ которыхъ никто не можетъ быть присужденъ къ наказанію (ст. 304), а затѣмъ слѣдуетъ Екатерину оставить въ сильномъ подозрѣніи въ убійствѣ Андреева. 2) Относительно *Улиты* общее собраніе нашло, что она при слѣдствіи *сознавалась* въ томъ что *скрыла* въ то время, когда производилось убійство Хрисанфа Андреева, а на очной ставкѣ съ отцемъ своимъ добавила, что она не помнитъ: *держала-ли* она Хрисанфа или только *скрыла*, когда невѣстка ея Екатерина рубила его. Таковое сознаніе Улиты составляетъ совершенное доказательство участія ея съ убійствѣ Хрисанфа Андреева тѣмъ болѣе, что оно согласно съ обстоятельствами, сопровождавшими самое убійство, съ оговоромъ отца Улиты, съ показаніемъ малолѣтняго сына ея и наконецъ съ кровавыми пятнами, найденными на платьѣ подсудимой. За это преступленіе, при неимѣніи въ виду, чтобы оно было произведено по предварительному на то соглашенію между подсудимыми, Галкина, на основаніи 2007, 29 и 129 ст. XV Т. св. зак. уголовн. ч. I, и именнаго указа 17 апрѣля 1863 г., подлежитъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на 4 года и 6 мѣсяцевъ, а за симъ поселенію въ Сибири на всегда. 3) Крестьянина *Андрея Анкудинова*, 72 лѣтъ, общее собраніе признавъ виновнымъ въ убійствѣ Хрисанфа Андреева, на основаніи 2007 ст. XV т. св. зак. угол., опредѣлило: лишить всѣхъ правъ состоянія и согласно 78 ст. XV т. сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.—Сверхъ сего Улиту Галкину по предмету задушенія и зарытія своего младенца, общее собраніе оставило въ подозрѣніи.

Выясненіе побудительныхъ причинъ изложеннаго преступленія и психологической стороны его,—весьма не трудно: Анкудиновъ давалъ у себя пріютъ бѣглому крестьянину Хрисанфу Андрееву, который (по его словамъ) *состоялъ въ любовной связи* не только съ его *дочерью Улитою* (36 лѣтъ), но и съ его *снохою Екатериною* (24 лѣтъ). Хотя-же обѣ подсудимыя и от-

ровергаютъ это обстоятельство, но подобному ихъ показанію нельзя давать безусловной силы, ибо: 1) по дѣйствующему законодательству лице, изобличенное въ томъ, что оно состоитъ съ кѣмъ-либо въ любовной связи—подвергается церковному покаянію, 2) ибо въ данномъ случаѣ сознаніе ихъ, что они состояли въ связи съ Андреевымъ, указывало, что обѣ онѣ имѣли причину его ненавидѣть и желать его смерти.

Такъ-какъ кромѣ подсудимыхъ и 7 лѣтняго сына Улиты, Антона, никто изъ постороннихъ не былъ свидѣтелемъ убійства,—то является необходимымъ сравнить между собою разнорѣчивыя въ подробностяхъ показанія этихъ лицъ и повѣрить ихъ съ фактами, добытыми слѣдствіемъ, и постараться такимъ образомъ дойти до возможно вѣрной оцѣнки самаго преступнаго дѣянія.

Повѣркою всѣхъ показаній подсудимыхъ должны (по нашему мнѣнію) служить объясненія 7 лѣтняго мальчика Антона; въ этомъ насъ убѣждаетъ то соображеніе, что если со стороны подсудимыхъ можно ожидать запирательства или извращенія истины, то со стороны ребенка мы видимъ только простой, ясный разсказъ того, чего онъ былъ очевидцемъ *). И такъ вотъ вкратцѣ показанія Антона: «ночью онъ изъ сѣнника сошелъ въ избу, въ которой горѣла *лучина*. Хрисанѳъ Андреевъ (котораго онъ зналъ болѣ года) лежалъ на печи, дѣдъ плелъ лапти, мать (Улита) тоже, а Екатерина щипала лучину. Дѣдъ и Хрисанѳъ выпили немного водки и послѣдній сталъ бранить тетку (Екатерину) дурными словами. Тогда дѣдъ, мать и тетка стали также бранить Андреева за то, что онъ *убилъ корову* и *сжегъ баню*, потомъ Хрисанѳъ соскочилъ съ печи и, ругаясь, размахивалъ руками, но ножа изъ кармана *не* вынималъ».

Если мы сверимъ эти показанія съ показаніями другихъ подсудимыхъ, то окажется слѣдующее: 1) Анкудиновъ на первомъ допросѣ объявилъ, что Андреевъ пришелъ къ нему ночью 30 сентября предъ свѣтомъ (слѣдовательно въ избѣ должна была горѣть лучина, а крестьяне уже встали) и согрѣвшись

*) Мы не говоримъ, чтобы можно было безусловно давать силу показаніямъ всякого ребенка; но если эти показанія подтверждаются обстоятельствами дѣла и объясненіями другихъ подсудимыхъ, то невозможно отвергать ихъ. Это начало безусловно принято англійскимъ судопроизводствомъ.

началъ браниться. На второмъ допросѣ Анкудиновъ объяснилъ, что Андреевъ зарѣзалъ у нихъ *корову* и поджегъ ихъ *баню*, (что вполнѣ подтверждаетъ показаніе мальчика). Затѣмъ Анкудиновъ показалъ, что по приходѣ Андреева вошли въ избу Улита и Екатерина и стали браниться.

2) Улита на первомъ допросѣ показала, что войдя съ Екатериною въ избу, увидѣла, что Хрисанфъ *пьянъ* (что совпадаетъ съ показаніемъ мальчика) и вздоритъ съ ея отцемъ.

3) Антонъ показалъ, что дѣдъ его съ Хрисанфомъ пилъ водку изъ бутылки съ плечиками—и подобная бутылка, пахнувшая водкой, найдена была слѣдователемъ и признана мальчикомъ.

И такъ по мѣрѣ того, какъ мы сравниваемъ объясненія Антона съ обстоятельствами дѣла, они пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе силы, и обнаруживаютъ въ немъ мальчика, необыкновенно наблюдательнаго и смышленнаго для его лѣтъ.

Но изложимъ далѣе эти показанія: «ругаясь съ Хрисанфомъ, вдругъ тетка *Екатерина* толкнула его, онъ пошатнулся и упалъ въ сѣни; потомъ дѣдъ закинулъ на шею Хрисанфа веревку, а *тетка Катерина* бросилась въ избу и достала топорикъ. *Дѣдъ* съ *матерью держали* Хрисанфа, а Катерина рубила ему, *сидя на немъ верхомъ*, топорикомъ около *шеи*; Хрисанфъ закрывался руками, онъ сильно *кричалъ* и бился; дѣдъ хотѣлъ зажать ему ротъ, но онъ *укусилъ* ему руку. Когда Хрисанфъ пересталъ кричать, дѣдъ *ушелъ въ избу*; мать съ теткой поволокли Хрисанфа на навозъ и положили его подъ колоду.»

Сравнимъ эти показанія съ обстоятельствами дѣла: 1) тѣло дѣйствительно найдено на навозѣ подъ колодой. 2) Анкудиновъ на первомъ допросѣ объявилъ, что онъ во время убійства зажалъ ротъ Андрееву, но послѣдній *укусилъ* ему лѣвую руку; на второмъ допросѣ Анкудиновъ объявилъ, что когда дочь и сноха повалили Андреева, то онъ *держалъ* его; когда они добили его, то онъ *ушелъ въ избу*, а *бабы стащили трупъ на дворъ*. Наконецъ на очной ставкѣ Анкудиновъ объявилъ, что дѣйствительно *рубила* Хрисанфа *Катерина, сидя на немъ верхомъ*, а дочь только *держала*, (все это вполнѣ согласно съ показаніями мальчика).

2) Улита показала, что отецъ зажималъ лѣвой рукой ротъ Хрисанфу, что Екатерина докончила Хрисанфа *топоромъ*, что она, Улита, не помнитъ, *держала*-ли она или свѣтила, когда

Катерина рубила Хрисанфа. 3) показаніе мальчика, что Катерина рубила Хрисанфа около *шеи*—согласно съ заключеніемъ доктора, что Андреевъ умеръ отъ смертельнаго поврежденія кровеносныхъ сосудовъ *шеи*. 4) Наконецъ объясненія мальчика, что Хрисанфъ передъ смертью *кричалъ*, подтверждается показаніями крестьянина Васильева, что онъ ночью 30 сентября слышалъ *крикъ* въ домѣ Анкудинова.

Все это даетъ показаніямъ мальчика Антона (кромѣ небольшихъ разнорѣчій его съ остальными подсудимыми въ подробностяхъ напр. о томъ, кто именно Анкудиновъ или Екатерина первый повалилъ Андреева, и закинута ли была на послѣдняго веревка) такой характеръ достовѣрности, что мы полагаемъ возможнымъ основываться на нихъ для опредѣленія виновности каждаго изъ подсудимыхъ.

Въ этомъ мы убѣждаемся и тѣмъ, что показанія Антона носятъ по себѣ характеръ несомнѣнной истины и не допускаютъ возможности предполагать, чтобы кто нибудь *подучилъ* его дать ихъ въ томъ или другомъ видѣ. Если-бы Антонъ былъ подученъ кѣмъ-либо изъ подсудимыхъ, то онъ оправдывалъ-бы кого-нибудь изъ нихъ; между-тѣмъ онъ обвиняетъ ихъ *всѣхъ* трехъ, именно свою мать и дѣда въ томъ, что они держали Андреева, а тетку въ томъ, что она наносила удары топоромъ. Наконецъ наблюдательность и правдивость Антона доказываются и слѣдующимъ, 1) показаніе его, что въ котомкѣ Андреева былъ арбузъ—подтвердилось тѣмъ, что часть послѣдняго найдена въ сундукѣ Улиты; 2) объясненіе его, что по совершеніи убійства: «тетка и мать упрашивали дѣда принять весь грѣхъ на себя», подтверждается вполнѣ объявленіемъ Анкудинова слѣдователю: «что показывалъ онъ прежде несправедливо, потому-что дочь и сноха просили его весь грѣхъ принять на себя». Затѣмъ дѣлается понятною и измѣнчивость показаній Анкудинова.

Если ко всему вышеизложенному присовокупить еще, что слѣды крови оказались на платьѣ Анкудинова, на шубѣ его сноxи Екатерины и на найденномъ въ домѣ топорѣ, сарафанѣ, трехъ женскихъ рубашкахъ и подвязкѣ,—то можно съ полнымъ убѣжденіемъ обвинить въ убійствѣ по внезапному побужденію Андреева: 1) *Екатерину* (какъ главную виновницу убійства), 2) *Анкудинова* и *Улиту*, какъ ея пособниковъ.

Несознаніе Екатерины не можетъ (по нашему мнѣнію) имѣть никакого вліянія на мѣру ея вины и наказанія, такъ-какъ ея участіе въ преступленіи доказывается: нахожденіемъ ея въ избѣ, въ то время, когда былъ убитъ Андреевъ, кровяными пятнами на ея одеждѣ, наконецъ показаніями (въ существѣ ихъ вполнѣ согласными) подсудимыхъ: Анкудинова и Улиты, подтвержденными свидѣтельствомъ мальчика Антона.

Затѣмъ относительно остововъ одного или двухъ дѣтей, найденныхъ въ подпольѣ у Анкудинова, нельзя постановить ничего опредѣлительнаго, такъ-какъ хотя Улита и созналась, что она тайно родила ребенка и поручила Екатеринѣ его подкинуть, но затѣмъ невозможно опредѣлить съ полною достовѣрностью: кто изъ женщинъ: Улита или Екатерина—его убійцы.

Мы не сомнѣваемся, что если-бы настоящее дѣло было рѣшаемо при участіи присяжныхъ, (не стѣсняемыхъ системою формальныхъ доказательствъ и произносящихъ приговоръ по своему внутреннему убѣжденію), то оно получило-бы разрѣшеніе согласно выраженному нами мнѣнію; при теперешнемъ-же порядкѣ судопроизводства, главный преступникъ нерѣдко избѣгаетъ заслуженнаго имъ наказанія потому только, что онъ держится системы полнаго запирательства въ содѣянномъ имъ преступленіи.

XII. Убійство двухъ мальчиковъ Кочутиныхъ несовершеннолѣтнимъ Захаромъ Ануфріевымъ.

Настоящее дѣло представляется интереснымъ не только съ юридической, но и съ психологической стороны: Захаръ Ануфріевъ (17 лѣтъ) убилъ двухъ мальчиковъ Кочутиныхъ (12 и 8 лѣтъ), не имѣя съ своей стороны къ тому никакихъ побудительныхъ причинъ. Въ убійствѣ онъ учинилъ чистосердечное признаніе, но присовокупилъ, что совершилъ преступленіе по требованію матери убитыхъ, Елены Кочутиной, которая лишь подъ этимъ условіемъ соглашалась вступить съ нимъ въ прелюбодѣйную связь, и послѣ совершенія имъ убійства, выполнила свое обѣщаніе.—Такимъ образомъ, если оговоръ Ануфріева, будетъ признанъ справедливымъ, то Кочутина является одною

изъ самыхъ чудовищныхъ преступницъ, которыхъ только можетъ рисовать воображеніе.

Изложимъ, въ главныхъ ихъ чертахъ, обстоятельства этого дѣла:

21 апрѣля 1862 года крестьянинъ села «Богорякъ», (екатеринбургскаго уѣзда, пермской губерніи),—Захаръ Ануфріевъ, съ утра находился въ лѣсу невдалекѣ отъ селенія, для рубки дровъ. Мать его Марѳа и жена старшаго его брата Григорія Ануфріева, Аксинья, послѣ своего обѣда послали проживавшаго у нихъ по найму 12 лѣтняго крестьянскаго мальчика Якова Кочутина къ Захару Ануфріеву въ лѣсъ, отнести ему обѣдъ. По приходѣ домой безъ Якова Кочутина, Захаръ, на вопросъ матери, гдѣ Яковъ, отвѣтилъ, что онъ его *не* видалъ. Полагая, что Яковъ Кочутинъ ушелъ другой дорогой, Марѳа Ануфріева послала Захара отыскать мальчика, но Захаръ возвратился домой и сказалъ, что Якова нѣтъ.—Вскорѣ за нимъ пришла къ Марѳѣ Ануфріевой мать Якова, крестьянка Елена Кочутина и стала просить ее отпустить съ нею Захара, поискать Якова и другаго меньшаго ея сына Максима.—Съ позволенія матери, Захаръ и Елена Кочутина отправились искать дѣтей на лошади верхомъ. Захаръ возвратился домой въ самую полночь и говорилъ, что они не нашли ребятъ.

Между-тѣмъ, въ сумерки того же числа, Елена Кочутина пріѣзжала въ деревню Чупрунову къ родной сестрѣ своей Салатиной и, какъ объясняетъ послѣдняя, стоя подъ окномъ избы, спрашивала Салатину о своихъ дѣтяхъ; но получивъ отрицательный отвѣтъ, заплакала, сказавъ: «охъ какъ я согрѣшила, куда они дѣвались», и пошла отъ дому.

На другой день (22 апрѣля) братъ Захара Ануфріева, Григорій, объявилъ сельскому старостѣ, что нанимавшійся у его семейства малолѣтній Яковъ Кочутинъ, взявъ обѣдъ для Захара и топоръ, зашелъ за своимъ младшимъ братомъ (8 лѣтъ) Максимомъ въ домъ матери ихъ Елены Кочутиной и позвалъ его съ собою вмѣстѣ въ лѣсъ къ Захару; Максимъ, взявъ свой топоръ, отправился съ Яковомъ, но съ тѣхъ поръ оба домой не возвращались.—Вслѣдствіе этого объявленія, по распоряженію старосты, 22 и 23 апрѣля производились розыски о пропавшихъ, а къ Еленѣ Кочутиной, обнаружившей тревожное со-

стояніе духа, наряжены были на ночлегъ въ избу съ 22 на 23 крестьянинъ Кривошеинъ и крестьянка Каргаполова, а съ 23 на 24 апрѣля крестьяне Коноваловъ и Прокофій Кочутинъ. Кромѣ этихъ лицъ въ избу Кочутиной приходилъ ночевать и Захаръ Ануфріевъ.

24-го апрѣля крестьяне Петръ Семеновъ и Семенъ Борисовъ (Кочутины) представили въ волостное правленіе сапоги, найденные ими на берегу рѣки Богоряка, верстахъ въ двухъ отъ села. Такъ-какъ сапоги эти Елена Кочутина признала за принадлежащіе младшему ея сыну Максиму, то противъ мѣста, гдѣ они были найдены, опущенъ былъ неводъ, и изъ рѣки вытащены тѣла обоихъ пропавшихъ мальчиковъ; тутъ-же изъ рѣки вынуты и топоры ихъ. На головахъ обоихъ мальчиковъ оказались раны и на ногахъ младшаго изъ нихъ Максима не было обуви; вслѣдствіе сего немедленно задержанъ былъ Захаръ Ануфріевъ, и на шубѣ его усмотрѣны понятыми пятна крови.

Захаръ Ануфріевъ показалъ: 1) въ волостномъ правленіи, что по приходѣ къ нему на работу мальчиковъ Якова и Максима Кочутиныхъ, онъ Якова нечаянно убилъ срубленной *сосной;* испугавшись сего, дабы другой мальчикъ Максимъ не могъ разгласить о семъ произшествіи, онъ убилъ и его топоромъ, а тѣла ихъ утащилъ и бросилъ въ рѣку Богорякъ; въ участіи при совершеніи преступленія никого съ нимъ не было 2) При формальномъ же слѣдствіи Ануфріевъ объяснилъ: «что онъ обоихъ мальчиковъ Кочутиныхъ вызвавши обманомъ къ берегу рѣки Богоряка, убилъ ихъ тутъ топоромъ своимъ; это преступленіе учинено имъ по наущенію матери убитыхъ, *Елены Кочутиной*, согласившейся съ нимъ за то имѣть прелюбодѣйную связь. Около полугода тому назадъ онъ подружился съ Кочутиной изъ желанія имѣть съ нею любовную связь, но она его любовь не принимала, а говорила ему: «*убей дѣтей, а потомъ убьемъ мужа*» и тогда обѣщалась выдти за него замужъ. Когда оба мальчика пришли къ нему въ лѣсъ, гдѣ онъ рубилъ дрова, то онъ повелъ ихъ къ рѣкѣ и какъ только подошли они къ берегу рѣки, то онъ ударилъ ихъ обоихъ топоромъ по косицѣ, они упали и заревели, но онъ ударилъ ихъ по одному разу и они замолчали; сдѣлавши это, онъ бросилъ ихъ въ воду саженей на три отъ берега и пошелъ домой, гдѣ у своей матери и у

снохи спрашивалъ о нихъ, потомъ пошелъ, подъ предлогомъ узнавать про мальчиковъ, къ Еленѣ, съ которою поѣхалъ верхомъ на лошади въ лѣсъ.

«Дорогой онъ ей сказалъ, что убилъ обоихъ мальчиковъ, на что она сказала: убилъ, такъ и ладно; а куда бросилъ? Онъ отвѣчалъ, что туда, куда она велѣла. По желанію Елены Кочутиной, они заѣхали къ родной сестрѣ ея Салатиной, а отсюда въ лѣсъ, гдѣ пролежали до полночи, и здѣсь они имѣли совокупленіе и потомъ разъѣхались по домамъ.—Слѣдующія двѣ ночи онъ приходилъ ночевать къ Кочутиной, будто караулить ее, въ самомъ же дѣлѣ для грѣха; одну ночь они спали на печи, а другую на полу.—Овчинная его шуба забрызгана кровью потому, что онъ въ ней былъ одѣтъ, когда убивалъ мальчиковъ. О намѣреніи его, убить мальчиковъ, онъ никому не говорилъ, а когда у нихъ объ этомъ былъ разговоръ съ Еленою, т. е. когда она его подговаривала, чтобъ онъ убилъ мальчиковъ, то онъ отвѣчалъ ей: «ладно, коли велишь ихъ убить, такъ убью», и никто, кромѣ Елены, о сдѣланномъ имъ преступленіи не зналъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не признался во всемъ.»

По полицейскому осмотру оказалось слѣдующее: у «мальчика Якова на затылкѣ четыре раны, происшедшія отъ ударовъ тупымъ орудіемъ, или остріемъ топора; изъ нихъ истекала кровянная сукровица; у Максима Кочутина раны на лбу, на правой косицѣ и съ правой стороны на головѣ, нанесенныя повидимому остріемъ топора; затѣмъ признано, что Яковъ и Максимъ Кочутины убиты отъ ударовъ орудія, или топора остріемъ, потомъ были брошены въ рѣку Богоряку, и, по отысканіи ихъ людьми въ этой рѣкѣ, вытащены на берегъ.»—По осмотрѣ, принадлежавшихъ Якову и Максиму Кочутинымъ, топоровъ оказалось: что на нихъ имѣются красноватаго цвѣта пятна (кровавыя, или отъ ржавчины).—На рубашкѣ крестьянина Ануфріева обнаружены темнаго цвѣта пятна, на портахъ его слизистыя пятна, а на шубѣ, близъ воротника, восьма небольшія кровавыя пятна и нѣкоторыя изъ нихъ стертыя.

Елена Кочутина, ни въ волостномъ правленіи, ни при формальномъ слѣдствіи, по обвиненіямъ Ануфріева, ни въ чемъ не созналась, и показала, что хотя она и ѣздила съ Ануфріевымъ розыскивать дѣтей своихъ, но на самое короткое время, такъ

какъ розыскамъ воспрепятствовало наступленіе ночи; пятна, оказавшіяся на подолѣ ея рубашки, произошли отъ мѣсячнаго очищенія, а не отъ того, что она имѣла прелюбодѣяніе въ этой рубашкѣ съ Захаромъ въ лѣсу.

Ночевавшіе въ избѣ Елены Кочутиной по наряду сельскаго старшины, *крестьяне* показали, что не замѣтили Кочутину и Ануфріева въ прелюбодѣяніи. Слѣдователи, узнавъ отъ Ануфріева, что рубашка, въ которой была Елена Кочутина въ день 21 апрѣля, имѣла бѣлый холщевый подолъ, ситцевые рукава и печатную вставку, и что онъ по этимъ признакамъ можетъ узнать ее, спрашивали его, та ли рубашка надѣта на Кочутиной, и когда Ануфріевъ отвѣчалъ, что не та, то, по распоряженію слѣдователей, принесенъ былъ сундукъ Кочутиной и велѣно было Ануфріеву поискать ту рубашку и Ануфріевъ указалъ одну рубашку съ вставкой. На этой рубашкѣ оказалось много пятенъ, которыя, по мнѣнію находившагося при слѣдователяхъ медика, были слѣдствіемъ неоднократнаго соитія.

Мать убійцы, *Марѳа Ануфріева*, показала, что сынъ ея Захаръ, не отыскавъ Якова, вмѣстѣ съ Еленой на одной лошади ѣздилъ отыскивать мальчиковъ; они ѣздили долго, потому-что Захаръ вернулся домой одинъ уже безъ Елены, въ самую полночь; сынъ ея Захаръ во время розысковъ съ воскресенья на понедѣльникъ и съ понедѣльника на вторникъ ходилъ ночевать къ Еленѣ. Съ Еленою сынъ ея познакомился предъ рождествомъ, часто хаживалъ къ ней во всякую пору, за это она и старшій сынъ ея Григорій его журили и даже *били* два раза дома и одинъ разъ въ волости.—О знакомствѣ Захара съ Еленою, *Григорій Ануфріевъ* подтвердилъ вполнѣ показаніе матери. *Священникъ* села богорякскаго *Тихомировъ*, на запросъ слѣдователей, объяснилъ, что 24 апрѣля, въ день отысканія убитыхъ мальчиковъ, онъ приглашенъ былъ крестьяниномъ Обуховымъ, родственникомъ Елены Кочутиной, къ ней въ домъ исповѣдывать ее. Онъ засталъ ее одѣтою въ чистое бѣлье, какъ это водится по обычаю приготовленія къ исповѣди; она была въ сильномъ душевномъ разстройствѣ, блѣдна, тряслась всѣмъ тѣломъ, сидѣла съ потупленнымъ взоромъ, и какъ будто не замѣтила его прихода; когда ей сказали, что должно ей отдать ему честь, она, взглянувъ прямо на него, спросила: «гдѣ свя-

щенникъ?» онъ началъ разговоръ вопросомъ о ея здоровьѣ; она, отвѣтивъ, «Слава Богу,» перестала обращать вниманіе на его дальнѣйшіе распросы, а потомъ вдругъ спросила его: нашли ли ея ребятъ? Онъ сказалъ, что нѣтъ еще, и совѣтывалъ ей молиться объ этомъ. Она покачала головой, замолчала, и потомъ вдругъ сказала: «а мнѣ то что будетъ? Являлся мнѣ Господь и сказалъ мнѣ, что если буду крѣпко молиться, то буду въ раю; а мнѣ кажется, гдѣ мнѣ большой грѣшницѣ, тамъ быть, развѣ дѣти теперь помолятся.» Священникъ въ продолженіи разговора замѣтилъ въ Кочутиной какой то страхъ; прямаго, открытаго взгляда сносить она не могла, смотрѣла больше въ полъ, а на него съ какою то боязнію. Убѣдившись, что душевное состояніе Кочутиной есть слѣдствіе сильнаго угрызенія совѣсти, и дурныхъ послѣдствій для ея физическаго состоянія *не имѣетъ*, онъ не счелъ нужнымъ ее исповѣдывать.—*Медикъ*, свидѣтельствовавшій мертвыя тѣла мальчиковъ Кочутиныхъ, заключилъ, что Яковъ умеръ отъ апоплексическаго кровяннаго удара, вслѣдствіе жестокихъ ударовъ въ голову обухомъ топора, а Максимъ отъ безусловно смертельнаго поврежденія черепа, и что пятна, оказавшіяся на рубашкѣ крестьянки Кочутиной, по всему вѣроятію произошли отъ совокупленія съ Ануфріевымъ, а показаніе ея, что пятна произошли отъ мѣсячнаго очищенія, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія. Свидѣтельство это врачебною управою признано правильнымъ.

На повальномъ обыскѣ 36 человѣкъ, подъ присягою показали, что Захаръ Ануфріевъ парень смирный, поведенія былъ хорошаго. Елена же Кочутина давно занимается распутствомъ, приучаетъ къ себѣ молодыхъ ребятъ, заражаетъ разными сквернымі болѣзнями, а молодыхъ мужей разстроиваетъ, отъ женъ отбиваетъ. По ея скверному и распутному поведенію, они почитаютъ ее въ ихъ обществѣ вредною и предполагаютъ, что она точно Захара Ануфріева подучила убить ея дѣтей и Захаръ Ануфріевъ погибъ за нее *).

Екатеринбургскій уѣздный судъ 30-го іюля 1862 года постановилъ слѣдующее опредѣленіе: государственнаго крестьянина

---

*) По справкѣ въ метрическихъ книгахъ оказалось, что Захаръ Ануфріевъ родился 3-го сентября 1844 года, а крестьянка Елена Кочутина значится по 10-й ревизіи имѣющею 29 лѣтъ.

Захара Ануфріева, на основаніи 151, 2004 и 21 ст. 1-й части XV-го тома свода законовъ уголов. (изд. 1857 года), лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать розгами шестидесятью пятью ударами и сослать въ каторжную работу на семь лѣтъ и четыре мѣсяца, а за прелюбодѣйную связь, на основаніи 2156 ст. того же тома, подвергнуть церковному покаянію на мѣстѣ ссылки; крестьянскую жену Елену Кочутину, на основаніи 313 ст. 2-й книги XV-го тома свода законовъ (изд. 1857 года), оставить въ сильномъ подозрѣніи и предоставить обществу просить о водвореніи ея въ Сибирь.

Пермская судебная палата, рѣшеніемъ 13-го мая 1863 года, опредѣлила: 1) Захара Ануфріева, имѣвшаго во время преступленія 17 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, за умышленное убійство двухъ крестьянскихъ мальчиковъ, Якова и Максима Кочутиныхъ, на основаніи 2003, 151 ст. 1-й книги XV-го тома свода законовъ (изд. 1857 года), и именнаго Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1863 года, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на десять лѣтъ безъ тѣлеснаго наказанія, оставивъ его относительно прелюбодѣянія съ Еленой Кочутиной, на основаніи 313 ст. и 3 пун. 317 ст. 2-й книги XV-го тома, въ сильномъ подозрѣніи. 2) государственную крестьянскую жену того же уѣзда и волости Елену Кочутину, (29 лѣтъ) въ подговорѣ Ануфріева на убійство дѣтей своихъ и прелюбодѣяніи съ нимъ, на основаніи 313 ст. 2-й книги XV-го тома, оставить въ сильномъ подозрѣніи и предоставить обществу поступить съ нею по 315 ст. того же тома, какъ съ неодобренною въ поведеніи.—Рѣшеніе это пропущено было губернскимъ прокуроромъ и признано правильнымъ начальникомъ губерніи.

Вслѣдствіе произшедшаго при слушаніи сего дѣла (въ 1 отдѣленіи 6-го д-та сената) разногласія, оно поступило на разсмотрѣніе общаго собранія московскихъ департаментовъ сената.

Общее собраніе, (по резолюціи обращенной въ 1864 г. черезъ посылку указа въ исполненіе) нашло: 1-е, что несовершеннолѣтній крестьянинъ Захаръ Ануфріевъ, собственнымъ сознаніемъ, изобличается въ предумышленномъ убійствѣ мальчиковъ Кочутиныхъ; сознаніе это, удовлетворяя всѣмъ условіямъ, требуемымъ 317 ст. т. XV кн. II, составляетъ полное доказательство его виновности. За преступленіе это Ануфріевъ долженъ

подлежать, на основаніи 2003 ст. тома XV-го кн. 1, наказанію по 3 степ. 21 стат., съ измѣненіемъ онаго по правиламъ, въ 151 ст. установленнымъ и сообразно 1 пун. Высочайшаго указа 17 апрѣля 1863 года,—именно, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на время отъ 10 до 15 лѣтъ, и затѣмъ, согласно 29 ст. того же тома XV, кн. 1, поселенію въ Сибири навсегда. Во вниманіе къ чистосердечному на первомъ допросѣ сознанію Ануфріева въ преступленіи, возможно было бы означенное наказаніе назначить въ нисшей мѣрѣ, (пун. 2 ст. 146 т. XV, кн. 1-й), но въ виду безнравственности побужденій, которыя руководили Ануфріева къ совершенію преступленія (пун. 7, ст. 141), наказаніе это слѣдуетъ опредѣлить ему въ мѣрѣ болѣе близкой къ высшей. 2-е, Въ подговорѣ на совершеніе преступленія, Ануфріевъ оговорилъ мать убитыхъ имъ мальчиковъ, Елену Кочутину. Будучи привлечена къ отвѣтственности, Елена Кочутина ни въ чемъ взводимомъ на нее преступникомъ не призналась. По закону оговоръ преступника не составляетъ полнаго доказательства (ст. 336 т. XV. кн. 2) и потому основательность его должна быть подтверждена другими болѣе или менѣе положительными доказательствами или уликами. Но такого рода несомнѣнныхъ уликъ или доказательствъ въ подговорѣ Кочутиною Ануфріева въ дѣлѣ нѣтъ. Ануфріевъ, въ справедливости своего оговора, ссылается на то, что послѣ убійства имъ дѣтей Кочутиной, она вступила съ нимъ въ прелюбодѣйную связь, отъ которой прежде отказывалась, и которая начата была по извѣщеніи его объ убійствѣ, вечеромъ 21 апрѣля въ лѣсу и продолжалась въ слѣдующія за тѣмъ двѣ ночи, когда онъ находился съ карауль-щиками въ избѣ Кочутиной; при чемъ Ануфріевъ указываетъ на бывшую на Кочутиной вечеромъ 21 апрѣля рубашку. Дѣйствительно, за неимѣніемъ собственнаго сознанія Кочутиной, свидѣтелей, или какихъ либо иныхъ доказательствъ въ подговорѣ ею Ануфріева, могло бы служить уликой противъ Кочутиной вступленіе ея въ прелюбодѣйную связь съ Ануфріевымъ тотчасъ по совершеніи имъ преступленія, имѣя значеніе какъ-бы награды за исполненіе желанія ея: освободиться отъ дѣтей, при существованіи которыхъ, она могла стѣснятьея продолженіемъ преступной связи съ Ануфріевымъ. Но не только нѣтъ возмож-

ности законными доводами доказать, чтобы связь Ануфріева съ Кочутиной началась вслѣдъ за совершеніемъ первымъ преступленія,—даже нельзя утвердительно сказать, чтобы связь эта существовала до этого времени; ибо хотя спрошенные на повальномъ обыскѣ крестьяне и отозвались объ образѣ жизни Кочутиной, какъ о безпорядочномъ и распутномъ, но такой образъ жизни Кочутиной еще не даетъ возможности утверждать, чтобы она непремѣнно была въ прелюбодѣяніи съ Ануфріевымъ. Поѣздка ихъ сумерками 21 апрѣля въ лѣсъ предпринята, по объясненію Кочутиной, для поисковъ ея дѣтей, и вѣроятности этого нѣтъ основанія отрицать, такъ-какъ и самъ Ануфріевъ показываетъ, что онъ объ убійствѣ сказалъ ей на дорогѣ послѣ уже выѣзда ихъ изъ дому. Ануфріевъ воротился домой въ полночь; но въ которомъ часу воротилась домой Кочутина, слѣдствіемъ не раскрыто. Указаніе Ануфріевымъ на рубашку Кочутиной, имѣвшую разсказанные имъ признаки, не можетъ составлять несомнѣннаго доказательства, ибо слѣдствіемъ недознано того, была ли у Кочутиной только одна рубашка съ признаками, по которымъ Ануфріевъ призналъ ее за бывшую на подсудимой, а за неимѣніемъ такого свѣдѣнія, было бы опасно опереться въ семъ случаѣ на одно предположеніе; при томъ это указаніе Ануфріева ослабляется тѣмъ, что время, проведенное имъ съ Кочутиной въ лѣсу, какъ время вечернее, было неудобно для того, чтобъ можно было замѣтить какого рода была на Кочутиной рубашка: пестрая, или одноцвѣтная.—Что же касается найденныхъ на рубашкѣ пятенъ, принятыхъ медикомъ за слѣдъ неоднократныхъ соитій, а по объясненію Кочутиной, происшедшихъ отъ мѣсячныхъ очищеній,—то пятна эти, если даже допустить происхожденіе ихъ, указываемое медикомъ, могли быть, при распутномъ образѣ жизни Кочутиной, слѣдствіемъ половыхъ ея совокупленій не съ Ануфріевымъ, а съ другими лицами, и притомъ въ дни, предшествовавшіе 21 апрѣля, такъ-какъ эта самая рубашка могла быть надѣта Кочутиною за нѣсколько дней до происшествія. Невозможно дать вѣру показанію Ануфріева и о томъ, что онъ имѣлъ совокупленіе съ Кочутиной въ обѣ слѣдовавшія ночи за 21 апрѣля. Караульщики, почевавшіе съ ними, объ этомъ не показываютъ, что вполнѣ согласно съ отрицаніемъ оговоренной, да и трудно

предположить въ Кочутиной такую неосторожность, которая явно клонилась-бы не въ ея пользу. Наконецъ тревожное состояніе духа Кочутиной, замѣченное сельскимъ старостою, принявшимъ мѣры предосторожности, и бывшее предметомъ наблюденія приходившаго къ ней для исповѣди священника, хотя и даётъ поводъ заключать о какомъ-то участіи оговоренной въ совершенномъ надъ дѣтьми ея преступленіи, но не разъясняетъ чего-либо преступнаго въ образѣ ея дѣйствій. Она спрашивала священника: отысканы ли ея дѣти? что будетъ съ нею? высказала сознаваемую ею безнадежность своего нравственнаго состоянія. Такое содержаніе разговора обличаетъ лишь душевное волненіе, но не объясняетъ его причины, а потому служитъ доказательствомъ или несомнѣннымъ признакомъ виновности Кочутиной—не можетъ. Такимъ образомъ ни одно изъ обстоятельствъ, помимо оговора Ануфріева, представляющихся по дѣлу, не только въ отдѣльности, но и въ совокупности съ другими, положительно не изобличаетъ Кочутину ни въ любовной связи ея съ Ануфріевымъ, ни въ томъ, чтобы вступленіе въ такую связь съ Ануфріевымъ было бы поставлено оговоренною въ зависимость отъ убійства Ануфріевымъ ея дѣтей, какъ это утверждаетъ послѣдній. Однако жъ бездѣятельность Кочутиной въ розыскахъ дѣтей, ограничившаяся поѣздкой въ сосѣднюю деревню къ родной сестрѣ и въ лѣсъ, тревожное душевное состояніе подсудимой въ два слѣдующіе дня за днемъ изчезновенія ея дѣтей, и усилившееся въ день отысканія ихъ 24 апрѣля), разговоръ ея съ священникомъ, изъ котораго видно, что она занята была мыслію о нравственной отвѣтственности своей по поводу неуспѣшнаго розысканія пропавшихъ ея дѣтей, наконецъ неодобренное поведеніе ея, допускающее возможность преступной связи ея съ Ануфріевымъ,—всѣ эти данныя не могутъ нѣкоторымъ образомъ не оправдывать показанія Ануфріева, а потому и по руководству 304, 305, 310, 311 и 313 ст. т. XV кн. 2, при несознаніи Кочутиной и отсутствіи болѣе несомнѣнныхъ доказательствъ ея виновности, не могутъ не служить основаніемъ къ оставленію Кочутиной въ *сильномъ подозрѣніи*: въ прелюбодѣяніи ея съ Ануфріевымъ и подговорѣ ею послѣдняго на совершенное имъ убійство. По симъ соображеніямъ и на основаніи приведенныхъ узаконеній, московское об-

щее собраніе опредѣлило: 1-е, крестьянина Захара Ануфріева, 19 лѣтъ, за обдуманное убійство мальчиковъ Кочутиныхъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на девять лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; 2-е, крестьянскую жену Елену Кочутину оставить въ сильномъ подозрѣніи въ подговорѣ Ануфріева на убійство дѣтей ея и въ прелюбодѣяніи съ нимъ, предоставя обществу, къ которому она принадлежитъ, поступить съ ней, какъ съ неодобренной въ поведеніи, на основаніи 315 ст. XV т. кн. 2.;

При слушаніи-же сего дѣла заявлено было (по вопросу *о виновности Елены Кочутиной* въ убійствѣ) и слѣдующее мнѣніе: «Захаръ Ануфріевъ, семнадцатилѣтній парень, по показанію подъ присягою 36 человѣкъ, всегда былъ тихъ и скроменъ,—поведенія хорошаго. Елена Кочутина умѣла возжечь въ немъ страсть къ любовной связи, столь дорого ему стоившей. Откровенное сознаніе его въ преступленіи, обличаетъ въ немъ незлобіе, пока онъ не былъ опутанъ любовными сѣтями. Преступленіе совершилъ онъ, какъ необходимое условіе для задуманнаго брачнаго союза съ Еленой. Совсѣмъ иною личностью является Кочутина. Тѣ-же 36 человѣкъ подъ присягою засвидѣтельствовали, что она всегда была поведенія распутнаго, постоянно пріучала къ себѣ молодыхъ парней, развращала ихъ и заражала любострастными болѣзнями, даже отбивала молодыхъ мужей отъ женъ. У нея днемъ и ночью собиралась молодежь. До какой степени доходило ея распутство, можно заключить изъ того, что въ самый день убійства дѣтей и въ слѣдующіе затѣмъ два дня она праздновала преступленіе свое прелюбодѣяніемъ съ убійцею. По словамъ матери Ануфріева, сынъ ея два дня сряду ночевалъ въ домѣ Елены. Послѣдняя была осмотрѣна врачемъ, который показалъ, что кровяныя пятна на сорочкѣ ея происходили отъ совокупленія. Это показаніе врача найдено врачебною управою вѣрнымъ и справедливымъ. Какъ въ прелюбодѣяніи, такъ и въ убійствѣ, Ануфріевъ, незнающій тягости преступленія, чистосердечно сознался, съ указаніемъ всѣхъ подробностей. Напротивъ отъ того и другаго отперлась Кочутина, знающая, какъ законъ караетъ за подобныя злодѣянія. Въ роковой день преступленія, вечеромъ бывши на посидѣлкахъ у односелицы, она не показала ни малѣйшаго признака грусти, или смущенія:

порокъ еще нагло торжествовалъ надъ человѣчествомъ. Но и въ отчаянныхъ злодѣяхъ бываютъ минуты, когда сознаніе преступленій приводитъ ихъ къ внутреннему раскаянію. Такъ и въ преступной душѣ матери, погубившей дѣтей своихъ, изъ звѣрской алчности къ чувственности, отозвался слабый голосъ совѣсти, когда священникъ увѣщевалъ ее къ сознанію: въ ней замѣчено было угрызеніе совѣсти, она не могла прямо смотрѣть ему въ глаза, казалась тревожною и какъ-бы чего-то страшилась. Изъ всего этого очевидно, что Ануфріева и Кочутину къ преступленію привело грубое сладострастіе. Семнадцатилѣтній парень не имѣлъ никакого повода къ убійству двухъ малолѣтнихъ Кочутиныхъ. Преступная жена и порочная мать семейства, загрубѣвшая въ распутствѣ и желавшая отдѣлаться отъ мужа и дѣтей, чтобы выйти за мужъ беззаботно за молодаго, могла дойти до помраченія разсудка и побудить обольщеннаго ею парня къ убійству и мужа и дѣтей. Безразсудный, по ея наученію, успѣлъ исполнить лишь только половину преступнаго порученія, онъ убилъ однихъ дѣтей. Вотъ въ какомъ видѣ представляются двѣ личности—Ануфріевъ, сознавшійся въ преступленіи, и Кочутина, во всемъ запирающаяся. Не смотря на это, весь ходъ настоящаго дѣла обличаетъ несознающуюся, и въ прелюбодѣяніи и въ участіи преступленія, согласно съ показаніемъ Ануфріева. По закону, св. зак. т. X ч. 2, ст. 305, доказательства почитаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ доказанію невинности подсудимаго. Упомянутыя выше обстоятельства и улики подсудимыхъ и поведеніе, не даютъ ни малѣйшей возможности заключать о невинности Кочутиной. По ст. 342, сила уликъ увеличивается, когда многіе признаки соединяются вмѣстѣ, и когда подсудимый не представитъ на нихъ никакого уважительнаго опроверженія. О виновности Кочутиной свидѣтельствуютъ сильныя улики: признаніе убійцы, ея любовника, преступная съ нимъ связь даже въ день убійства и въ слѣдующіе затѣмъ два дня, врачебное показаніе, замѣчаніе священника. Наконецъ въ приведенной выше статьѣ къ уликамъ, служащимъ совершеннымъ доказательствомъ, принадлежитъ гласъ народа, обвиняющій подсудимаго въ преступленіи. Кочутину именно обвиняетъ гласъ народа—ея односельцы. И такъ изъ соображенія обстоятельствъ жизни

подсудимыхъ и ихъ поведенія, на основаніи показанныхъ законовъ, являются совершенныя доказательства и неопровержимыя улики виновности Кочутиной, чтобы подвергнуть ее тому же наказанію, къ какому приговоренъ и Ануфріевъ.

Въ настоящемъ дѣлѣ заключаются обвиненія: 1) несовершеннолѣтняго крестьянина Захара Ануфріева въ убійствѣ двухъ крестьянскихъ мальчиковъ Якова и Максима Кочутиныхъ и 2) крестьянки Елены Кочутиной, матери убитыхъ, въ подговорѣ къ совершенію преступленія и въ прелюбодѣяніи съ Захаромъ Ануфріевымъ.

Разсмотрѣніе собранныхъ слѣдствіемъ доказательствъ и уликъ по обоимъ предметамъ обвиненія приводитъ къ слѣдующему заключенію:

1) Крестьянинъ Захаръ Ануфріевъ сознался въ томъ, что, будучи вмѣстѣ съ мальчиками Кочутиными въ лѣсу, нанесъ каждому изъ нихъ два удара топоромъ, съ цѣлію причинить смерть, а тѣла бросилъ въ воду. Показаніе это вполнѣ согласно съ обстоятельствами дѣла, а потому Ануфріевъ долженъ быть признанъ изобличеннымъ въ совершеніи предумышленнаго убійства и подлежитъ (по силѣ ст. 21, 29, 151 и 2003 улож. о наказ., а также Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1863 г.) лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ и за тѣмъ поселенію въ Сибири навсегда. Что же касается до мѣры, въ которой слѣдовало-бы назначить наказаніе Ануфріеву, то, принимая во вниманіе съ одной стороны признаніе его въ преступленіи при первомъ допросѣ, а съ другой жестокость, съ которою оно было совершено и безнравственность руководившихъ преступника побужденій, всего справедливѣе избрать въ настоящемъ случаѣ *средину* мѣру наказанія.

II. Оговоръ крестьянки Елены Кочутиной въ подстрекаціи къ убійству двухъ ея сыновей, сдѣланный подсудимымъ Ануфріевымъ, долженъ быть на основаніи ст. 336 т. XV кн. 2 повѣренъ съ другими находящимися въ дѣлѣ уликами. Содержаніе сего оговора заключается въ томъ, что Кочутина подговорила

Ануфріева убить ея дѣтей, чтобы удобнѣе имѣть съ нимъ связь, что связь эта началась въ день совершенія убійства и продолжалась послѣ того двѣ ночи. Но если-бы даже фактъ прелюбодѣянія Кочутиной въ день совершенія убійства и слѣдующіе за тѣмъ дни былъ доказанъ несомнѣнно, то и затѣмъ придавать этому обстоятельству значеніе важной улики можно-бы въ томъ только случаѣ, если бы имѣлись доказательства, что Кочутина знала объ убійствѣ сыновей прежде, нежели открытіе ихъ тѣлъ подало поводъ къ обвиненію Ануфріева въ этомъ преступленіи. Между-тѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ обстоятельствъ, которыя-бы оправдывали такое предположеніе, такъ-какъ разговоръ Кочутиной со священникомъ, призваннымъ для того, чтобы ее успокоить, обнаруживаетъ въ ней только душевное волненіе, которое впрочемъ легко объяснить безпокойствомъ матери объ изчезнувшихъ ея дѣтяхъ. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что въ дѣлѣ не заключается никакихъ указаній на то, чтобы Кочутина имѣла причину желать освободиться отъ своихъ сыновей, и чтобы они могли стѣснять связь ея съ Ануфріевымъ *), ибо: 1) по показанію мѣстныхъ жителей она и при жизни своихъ дѣтей вела распутную жизнь, водилась съ молодыми людьми и заражала ихъ болѣзнями. 2) По показанію матери и брата Захара Ануфріева, послѣдній самъ бѣгалъ къ ней во всякую пору, за что даже получалъ побои.

Такимъ образомъ оговоръ Ануфріева представляется недоказаннымъ, даже если считать несомнѣннымъ фактъ прелюбодѣянія Кочутиной. Но въ дѣлѣ нѣтъ доказательствъ и по сему предмету. По показанію Ануфріева онъ имѣлъ совокупленіе съ Кочутиной вечеромъ съ 21 на 22 апрѣля въ лѣсу и двѣ слѣдующія ночи въ домѣ Кочутиной. Относительно послѣднихъ въ дѣлѣ, кромѣ оговора Ануфріева, никакихъ доказательствъ не

---

*) Въ этомъ отношеніи слѣдователи сдѣлали важное упущеніе: 1) не допросивъ мужа Кочутиной о его отношеніяхъ къ женѣ и о томъ, не имѣла-ли она особыхъ причинъ ненавидѣть его; 2) не приведя въ извѣстность того, какъ обращалась обыкновенно Елена Качутина съ своими дѣтьми, и не имѣла ли она основанія желать избавиться отъ нихъ. При подобной неполнотѣ слѣдствія является рѣшительно невозможнымъ указать мотивъ: почему Елена Кочутина могла-бы желать смерти дѣтей, а тѣмъ самымъ ослабляется сила оговора Ануфріева.

заключается; относительно-же перваго имѣется одна только улика, а именно: найденная въ сундукѣ Кочутиной рубашка, признанная Ануфріевымъ за ту, которая была на ней 21 апрѣля, и на подолѣ которой оказались пятна, принятыя медиками за слѣды соитія. Но слѣдствіемъ не раскрыто: была ли упомянутая рубашка надѣта 21 апрѣля въ чистомъ видѣ и не имѣла ли Кочутина половыхъ сообщеній съ другими лицами въ дни, предшествовавшіе 21 апрѣлю, между-тѣмъ какъ при нечистоплотности крестьянъ вообще и при распутности поведенія Кочутиной, послѣднее весьма возможно. Такимъ образомъ настоящее дѣло не представляетъ такой совокупности уликъ, по которой можно-бы придти къ полному убѣжденію о виновности Кочутиной въ подговорѣ Ануфріева къ совершенію убійства и въ прелюбодѣяніи съ нимъ, тѣмъ болѣе, что Ануфріевъ могъ оговорить Елену Кочутину изъ мести, ревности, желанія уменьшить мѣру заслуженнаго имъ наказанія или иныхъ побудительныхъ причинъ; истинность-же или ложность этого оговора остается тайною между подсудимыми и Богомъ.

По этимъ основаніямъ, постановленіе московскаго общаго собранія является вполнѣ правильнымъ.

П. М.

XIII. Убійство купчихи Ксеніи Буяновой.

Настоящее дѣло можетъ быть отнесено къ числу самыхъ спорныхъ, такъ-какъ съ одной стороны умерщвленіе Буяновой, (поѣхавшей въ полночь въ тарантасѣ отъ своей сестры домой съ кучеромъ Докалинымъ и найденной на утро въ полѣ задушенною возжами)—представляется наиболѣе основаній приписать Докалину; съ другой-же стороны отсутствіе въ подсудимомъ поводовъ къ совершенію убійства, ненахожденіе на немъ кровяныхъ пятенъ и боевыхъ знаковъ и наконецъ удостовѣренное свидѣтелями хмѣльное состояніе его, въ моментъ отъѣзда, не уничтожаютъ возможности предполагать, что преступленіе совершено было другими лицами во время его опьяненія или послѣ того, какъ онъ выпалъ изъ экипажа.

Въ сумерки 6-го октября 1860 года, обывательница города Хвалынска, купчиха Ксенія Буянова, въ тарантасѣ, запряжен-

номъ въ одну лошадь, поѣхала съ кучеромъ, государственнымъ крестьяниномъ Игнатіемъ Докалинымъ и своимъ двухлѣтнимъ сыномъ къ сестрѣ своей Татьянѣ Здобновой, жившей въ томъ же городѣ. Ночью къ дому Буяновыхъ прибѣжала лошадь одна съ тарантасомъ и безъ возжей, а чрезъ нѣсколько времени пришелъ и Докалинъ. Буянова же не возвращалась.—По донесеніи о семъ 7 октября сотникомъ Митрофановымъ квартальному надзирателю первой части, послѣдній отправился въ домъ мужа Буяновой, купца Осипа Буянова, чтобы узнать о подробностяхъ происшествія. На дорогѣ онъ встрѣтилъ самого Буянова и мужа сестры Ксеніи Буяновой, Алексѣя Здобнова, и привелъ ихъ въ полицію. Буяновъ былъ *пьянъ* и на спросъ городничаго отвѣчалъ только, что при женѣ его, когда она уѣзжала къ Здобновой, были *деньги*, и что онъ послалъ кучера Игнатія отыскивать жену. Между-тѣмъ во время допроса братъ Осипа Буянова, Николай, съ сотникомъ Митрофановымъ, отправились отыскивать кучера Игнатія Докалина и нашли его въ домѣ отца его. На спросъ въ полиціи, (какъ значится въ составленномъ по сему случаю постановленіи,) Докалинъ въ замѣшательствѣ отвѣчалъ, что гдѣ его хозяйка—не знаетъ, и какъ онъ уѣхалъ отъ Здобновыхъ—не помнитъ, потому что былъ сильно пьянъ и гдѣ-то валялся на улицѣ.

Того же 7-го октября, въ верстѣ отъ города, около садовъ, при дорогѣ, найдено было тѣло Буяновой. Лице и волосы ея были въ крови и около тѣла было много крови; на лицѣ оказались ссадины; съ лѣвой стороны около носа небольшая рана, а шея обвита однимъ концемъ возжей пять разъ, и такъ туго, что подъ возжи нельзя было просунуть пальца. Карманъ въ платьѣ Буяновой былъ вырванъ, а ноги безъ обуви. Свидѣтельствовавшій Буянову уѣздный врачъ заключилъ: 1) что она умерла насильственной смертью, отъ удушенія возжами которыми перетянуто ея горло; 2) что предъ смертью она боролась съ убійцей, чему могутъ служить доказательствомъ многочисленныя ссадины на рукахъ и пальцахъ умершей и боевые знаки на ея щекахъ, лбу и ушахъ; и 3) что убійца оглушилъ Буянову сильнымъ ударомъ по головѣ какимъ-либо тупымъ орудіемъ, отчего у ней и произошелъ разрывъ наружныхъ покрововъ на затылкѣ и даже трещина на внутренней сторонѣ

черепа; послѣ того, стараясь заглушить стоны своей жертвы, убійца крѣпко зажалъ ей ротъ вѣроятно пальцами, отчего и произошли на лицѣ ея бороздки, идущія отъ угловъ рта къ заду, съ подкожнымъ кровоизліяніемъ при разрѣзѣ.

При осмотрѣ въ полиціи представленнаго туда 7 октября въ 10 часовъ утра Буяновымъ Игнатія Докалина, ни на платьѣ его—кровяныхъ знаковъ, ни на немъ самомъ—знаковъ отъ ушиба не усмотрѣно; денегъ и никакихъ подозрительныхъ вещей ни въ это время, ни при обыскѣ въ домѣ его отца, откуда онъ взятъ, не найдено. На тарантасѣ, въ которомъ ѣздила 6 октября Буянова, ничего подозрительнаго также не открыто; на одной сторонѣ тарантаса, къ заднему крылу, оказалась рвотина, лежавшая на самой подножкѣ, часть брызговъ которой видна была на верху обивки.

При слѣдствіи *Игнатій Докалинъ* показалъ: что служитъ онъ въ работникахъ у купца Осипа Буянова; 6-го октября въ сумерки, по приказанію жены своего хозяина, Ксеніи, онъ запрегъ лошадь и поѣхалъ съ нею къ сестрѣ ея, Татьянѣ Здобновой. По пріѣздѣ, Ксенія вошла въ горницу, а онъ остался у лошади на дворѣ.—Спустя часъ времени, Ксенія вышла съ сестрою на крыльцо и приказала ему съѣздить за виномъ, а Здобнова дала ему рубль серебромъ, сказавъ, чтобы онъ купилъ штофъ простой водки; но когда онъ поѣхалъ, то при подъемѣ на гору, его догнала выбѣжавшая изъ воротъ женщина и сказала, что велѣли купить полуштофъ простой водки и полуштофъ бѣлаго вина.—Привезя водку и вино, онъ поставилъ ихъ на столъ и пошелъ къ лошади.—Немного погодя, мужъ Здобновой, Василій, пріѣхавшій послѣ, позвалъ его въ горницу, и когда онъ вошелъ туда, Ксенія подпесла ему чайную чашку водки.—Послѣ того его послали купить еще четверть водки, и по покупкѣ ея, (что было около 10 часовъ вечера) Ксенія подпесла ему еще чайную чашку; а послѣ онъ выпилъ и еще, но сколько—не помнитъ, потому что сдѣлался слишкомъ пьянъ. Очнулся онъ *около дома купчихи Малиновой* и пошелъ къ дому своего хозяина. Тамъ онъ постучался въ лавочку около воротъ, въ которой работаютъ стекольщики. Ему отперли и спросили, гдѣ лошадь? На это онъ самъ спросилъ: «а развѣ она еще не пришла?» и пошелъ было ее искать; но стекольщики сказали

«лошадь найдется, давай на могарычи.» Увидавши у него въ карманѣ бутылку съ виномъ, они ее вынули и начали пить вино. Какъ попала къ нему въ карманъ эта бутылка—онъ *не* помнитъ. Немного погодя, ему сказали, что хозяйки нѣтъ дома. Онъ пошелъ было ее искать къ дядѣ ея, Каркунову, но, не нашедши тамъ, воротился домой. Тутъ онъ сказалъ, что нужно объявить объ этомъ хозяину Буянову; но стекольщики возразили: «не нужно, найдется; ступай, ложись спать», послѣ того онъ легъ спать. На разсвѣтѣ, когда онъ всталъ, хозяинъ послалъ его отыскивать жену, почему онъ пошелъ было къ Здобнову, но встрѣтился съ нимъ на улицѣ.—Здобновъ, спросилъ его, гдѣ Ксенія Буянова? Онъ отвѣчалъ, что *не* помнитъ; на это Здобновъ сказалъ: «конечно не помнишь, ты былъ сильно пьянъ, что все огадилъ; мы на силу васъ выпроводили.» Идя съ Здобновымъ назадъ къ Буянову, они встрѣтили самого Буянова, который снова послалъ его, Игнатія, отыскивать жену. Но у него закружилась голова, и онъ зашелъ къ отцу своему, которому разсказалъ о всемъ случившемся; отъ отца опъ и былъ взятъ. Кто удушилъ Ксенію Буянову — не знаетъ, потому-что былъ сильно пьянъ и ничего не помнитъ; подозрѣнія въ томъ ни на кого изъявить не можетъ

Изложимъ затѣмъ показанія допрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей: 1) *Василій Здобновъ* и жена его *Татьяна* при слѣдствіи объяснили, что 6 октября, въ сумерки, Ксенія Буянова пріѣзжала къ нимъ для того, чтобы дать Татьянѣ подписать условіе на купленное у Татьяны имѣніе, но денегъ при этомъ она Татьянѣ *не* давала. Привезенный Докалинымъ въ первый разъ полуштофъ водки, кромѣ одной чайной чашки, поднесенной Буяновою Докалину, они выпили втроемъ—Буянова, Здобновъ и бывшая у нихъ въ то время родственница Авдотья Здобнова. Послѣ того Докалинъ сильно настаивалъ купить еще четверть водки; Буянова и всѣ бывшіе тутъ на это не соглашались, но онъ сильно убѣждалъ всѣхъ, почему Татьяна Здобнова дала ему рубль серебромъ, съ которымъ онъ и поѣхалъ за водкой и привезъ четверть, совершенно трезвый. Изъ этой четверти Докалинъ въ разное время выпилъ двѣ чайныя чашки, прочіе же пили мало, но были выпивши, и всѣ, въ томъ числѣ и Докалинъ, плясали и пѣли пѣсни. Послѣ этого Буянова, про-

стившись съ ними, Здобновыми, сѣла въ тарантасъ къ заду (куда сѣлъ Докалинъ, Здобновъ не запомнилъ, а жена его показала, что рядомъ съ Буяновой къ козламъ); въ какомъ это было часу—они, Здобновы, не знаютъ, потому что часовъ не имѣютъ, а судя по своему—близь полуночи, почему они и уговаривали Буянову остаться ночевать; но кучеръ Докалинъ увѣрялъ, что онъ не очень пьянъ; видя, что Докалинъ ходитъ твердо и говоритъ какъ должно человѣку, находящемуся въ твердой памяти, они согласились отпустить Буянову. Буянова пріѣзжала къ нимъ съ двухъ-лѣтнимъ сыномъ, котораго они оставили ночевать, боясь, чтобы его по темнотѣ почи какъ-нибудь не ушибли (и не обронили, какъ показалъ Василій Здобновъ). Къ этому Татьяна Здобнова добавила, что сестра ея Ксенія, уѣзжая отъ нихъ домой, отдала кучеру Докалину оставшуюся отъ четверти полную бутылку водки, а пустой четвертной штофъ, въ которомъ Игнатій привезъ водку, взяла къ себѣ *на кольни.* *) Какъ Ксенія, такъ и Игнатій, нѣсколько разъ повторили при отъѣздѣ твердымъ голосомъ: «прощайте».

Василій Здобновъ къ показанію своему присовокупилъ, что на другой день по отъѣздѣ отъ него Буяновой къ нему пріѣзжалъ живущій у Буяновыхъ мальчикъ Федоръ и объявилъ, что Буянова домой не возвращалась; вслѣдствіе этого онъ отправился самъ въ домъ Буяновыхъ и на дорогѣ встрѣтился съ кучеромъ Докалинымъ, ѣдущимъ съ постояльцемъ Буянова, Иваномъ, по отчеству ему неизвѣстнымъ. Тутъ онъ, Здобновъ, спросилъ Докалина—куда онъ дѣвалъ Ксенію, и сталъ упрекать его, говоря: «какъ тебѣ не стыдно ее потерять,—ты вѣдь былъ *не* очень пьянъ». На это Игнатій отвѣчалъ, что онъ точно *не былъ больно пьянъ*, но что когда они доѣхали до *дома Кривошеина*, отъ котораго слѣдовало повернуть къ дому Буяновыхъ, Ксенія взялась было за возжу и хотѣла повернуть лошадь по тому направленію; но онъ, Игнатій, упросилъ ее проѣхать прямо, и потомъ, объѣхавъ кругомъ гостинницы, возвратиться до-

---

*) 9-го октября означенный штофъ найденъ у дверей пекарни, помѣщавшейся въ домѣ Буяновой. Хозяинъ пекарни, крестьянинъ Иванъ *Девлеткинъ*, подъ присягою отозвался, что кто положилъ туда штофъ—онъ не видалъ и не знаетъ; положить его было очень легко съ улицы, потому что *свои его не выпираютъ* и даже не имѣютъ дверей.

мой, на что Буянова и согласилась; но когда они проѣхали гостинницу, и немного уже оставалось доѣхать до дома—тутъ онъ, Игнатій, ничего не помнитъ—куда дѣвалась лошадь и хозяйка, а самъ онъ очутился за мостомъ около Маляновой кладовой, на улицѣ.

2) Бывшая 6-го октября вечеромъ у Здобновыхъ родственница ихъ, *Авдотья Здобнова*, показаніе ихъ объ обстоятельствахъ пребыванія у нихъ Буяновой подтвердила, объяснивъ лишь, что она не видала отъѣзда Буяновой, потому-что въ это время ушла домой. 3) Проживавшій у Здобнова девятилѣтній мальчикъ *Федоръ Ивановъ* на распросы въ полиціи изъяснилъ, что при отъѣздѣ отъ нихъ Буяновой, кучеръ Докалинъ сѣлъ съ нею рядомъ къ козламъ; они, Буянова и Игнатій, въ то время были не такъ пьяны, чтобы могли шататься или падать; но ходили твердо и говорили оба: «прощайте». Сверхъ того онъ, Федоръ, видѣлъ, какъ Буянова налила въ бутылку вина и отдала ее Игнатію, который положилъ ее въ карманъ; сама же Буянова взяла пустой штофъ, въ которомъ Игнатій привезъ изъ кабака водку. Послѣ того Василій Здобновъ съ женой легли спать, и онъ не видалъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ послѣ куда отлучался. 4) Мать Василія Здобнова, *Анна* показала, что слышала, какъ Буянова, когда вое-вышли изъ горницы въ сѣни, говорила: «прощайте сестра»! Буянова даже и ей кричала: «прощай, бабушка.»

5) Крестьяне *Петръ* и *Яковъ* и отставной рядовой *Егоръ Пазнуховы*, спрошенные по приводѣ къ присягѣ съ согласія подсудимаго, показали: съ 6-го на 7-е октября, не знаютъ во сколько часовъ, но полагаютъ—въ самую полночь, они встали и занялись стекольной работой. Изъ нихъ Петръ вышелъ въ это время на улицу и увидалъ, что лошадь ихъ домохозяина, купца Буянова, заложенная въ тарантасъ, прибѣжала къ ихъ воротамъ одна безъ кучера. Петръ разбудилъ своихъ братьевъ Якова и Егора и работника Буянова, мальчика Федора, которымъ лошадь была введена на дворъ и заперта съ тарантасомъ въ каретникъ. *Не прошло часа* послѣ того, какъ къ нимъ въ лавку постучался кучеръ Докалинъ. Когда ему отперли дверь, онъ, войдши, спросилъ, не пришла ли лошадь? Пазнуховы, желая надъ нимъ подшутить, отвѣчали, что не приходила. Послѣ этого онъ вы-

нулъ изъ кармана бутылку съ виномъ и помотавъ ею по воздуху, положилъ снова въ карманъ, а затѣмъ вышелъ на дворъ и не нашедши тамъ лошади, воротился въ лавку и хотѣлъ идти ее искать. Во *все это время* онъ *ни слова не говорилъ о хозяйкѣ* Буяновой; хотя было замѣтно, что онъ выпивши, но ходилъ онъ *твердо, не падалъ* и говорилъ какъ *слѣдуетъ*. Между-тѣмъ къ нимъ пришли живущіе на томъ же дворѣ Абрамъ Суриковъ, Григорій Савенковъ, Иванъ Власовъ и мальчикъ Федоръ Яковлевъ. Далѣе Пазнуховы, *Суриковъ* и *Власовъ*, спрошенные подъ присягою также съ согласія подсудимаго, и *Савенковъ* безъ присяги, по старообрядчеству, объяснили, что, видя, какъ Игнатій собирается идти искать лошадь, они сказали ему: «вѣрно отдашь намъ бутылку съ водкой, которая у тебя въ карманѣ, и тогда скажемъ тебѣ хорошее». На это Игнатій сказалъ: «возьмите». Вынувши у него изъ кармана бутылку, они сказали ему, что лошадь пришла одна безъ возжей и ковра. Игнатій сказалъ: «*это ничего, можно купить*», и началъ коверкаться и пѣть пѣсни. Когда они выпили водки, тогда Игнатій спросилъ, гдѣ хозяйка Буянова? Они отвѣчали, что ея нѣтъ дома, и онъ замолчалъ; потомъ онъ сказалъ: «*найдется*,» но къ чему эти слова относились—не знаютъ. Послѣ того Игнатій съ мальчикомъ Федоромъ куда-то ушелъ. Мужъ Буяновой, Осипъ Дмитріевъ, вечеромъ 6-го октября былъ пьянъ, оставался дома и въ эту ночь никуда *не* выходилъ; какъ пьянаго, его и не будили. Сверхъ того *Власовъ* показалъ, что когда онъ съ Докалинымъ шелъ 7 октября отыскивать Буянову, то Докалинъ, доведши до угла Кривошеинскаго дома, остановился и сказалъ: «искать нечего, она найдется». Власовъ также вполнѣ подтвердилъ всѣ высказанныя въ показаніи Василія Здобнова обстоятельства его встрѣчи съ ними и приведенный въ томъ показаніи разговоръ его, Здобнова, съ Докалинымъ. Ко всему этому Власовъ и Савенковъ добавили, что когда изъ нихъ послѣдній спросилъ Игнатія, гдѣ хозяйка Буянова? Игнатій отвѣтилъ: «*она была со мною, а теперь далеко*» и запѣлъ пѣсни.—6) Проживавшій у Буяновыхъ 15-тилѣтній крестьянскій мальчикъ *Федоръ Палюповъ* объяснилъ, что, когда въ стекольной лавкѣ начали пить взятую у Докалина водку, онъ ушелъ въ избу и легъ на постель. Вскорѣ пришелъ къ нему Докалинъ и началъ сгонять его съ постели. Тутъ онъ

позвалъ Докалина отыскивать хозяйку. На это Игнатій сказалъ: «*пойдемъ, а прежде сходимъ посмотрѣть мѣсто, гдѣ я лежалъ.*» Когда они отправились, Игнатій привелъ его къ дому Малянова и показалъ, что онъ лежалъ около котла, стоявшаго на улицѣ, сказавъ, что будто бы онъ около этого котла спалъ на землѣ безъ памяти, не зная, какъ угодилъ на это мѣсто. Увидавъ огонь у обручниковъ, работавшихъ около этого мѣста въ лавочкѣ, онъ, Федоръ, попросилъ у нихъ огня и съ однимъ изъ обручниковъ при огнѣ осмотрѣлъ указанное Игнатіемъ мѣсто; но на мѣстѣ этомъ на землѣ незамѣтно было ни малѣйшаго признака, чтобы тамъ лежалъ человѣкъ, особенно пьяный; земля въ этомъ мѣстѣ была въ такомъ-же видѣ, какъ и въ окружности, безъ измѣненія. Когда онъ сказалъ Игнатію: «что же ты врешь, что лежалъ здѣсь, когда видишь, что нѣтъ ни малѣйшаго признака,» Игнатій на это промолчалъ. Во все это время Игнатій былъ въ совершенной памяти, ходилъ твердо, говорилъ хорошо и незамѣтно было, чтобы онъ былъ пьянъ. Показаніе Палюнова вполнѣ подтвердилъ подъ присягою подававшій ему огонь и осматривавшій съ нимъ мѣсто. по указанію подсудимаго обручникъ мѣщанинъ *Кирила Огурцовъ.* Бывшій съ 6-го на 7-е октября караульщикомъ на улицѣ, гдѣ жилъ купецъ Маляновъ, государственный крестьянинъ *Гаврила Учистинъ* также подъ присягою удостовѣрилъ, что Игнатія Докалина валявшимся въ эту ночь на улицѣ возлѣ котла онъ не видалъ, хотя мимо этого мѣста въ продолженіи ночи проходилъ нѣсколько разъ.—7) Мужъ убитой Буяновой, купецъ *Осипъ Буяновъ*, объявилъ, что онъ имѣетъ прямое подозрѣніе въ убійствѣ жены его на Докалина, потому что онъ *завѣдывалъ лавкою*, отдавалъ женѣ его вырученныя деньги, и при отправленіи къ Здобновой она имѣла деньги при себѣ (сколько—не знаетъ). Кромѣ того четвертной штофъ, въ которомъ было вино, найденъ при входѣ въ курень подъ его домомъ, и онъ, Буяновъ, полагаетъ, что его принесъ Докалинъ, потому что кромѣ его некому этого сдѣлать; если бы Игнатій былъ пьянъ и валялся, то онъ разбилъ бы штофъ, равно какъ и принесенную имъ бутылку.

Среди сего по дѣлу открылось обстоятельство, долженствующее, по видимому, дать ему новое направленіе: по заключеніи подсудимаго Игнатія Докалина въ хвалынскій тюрем-

ный замокъ, содержавшійся въ немъ арестантъ *Хасянъ Искаковъ* 19 февраля 1861 года обратился къ уѣздному стряпчему съ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ, что убійство Буяновой *совершено имъ*, и притомъ слѣдующимъ образомъ: въ сентябрѣ 1860 года, не упомнитъ какого числа, вечеромъ, съ намѣреніемъ какими-нибудь средствами добыть себѣ денегъ, сѣлъ онъ недалеко отъ базарнаго мѣста. Вскорѣ онъ увидѣлъ, что черезъ мостъ ѣдетъ лошадь, запряженная въ тарантасъ, что возжи тащатся по землѣ, а кучеръ и сидящая въ тарантасѣ женщина пьяны. Подобравъ возжи, онъ столкнулъ кучера и выѣхалъ изъ города. Тамъ онъ хотѣлъ столкнуть и женщину, но она стала кричать, почему онъ и удавилъ ее возжами; но пока онъ управлялся съ женщиной, лошадь ушла.—Между тѣмъ смотритель тюремнаго замка тремя рапортами донесъ городничему: первымъ, что содержащійся въ замкѣ крестьянинъ Игнатій Докалинъ убѣдилъ арестанта Искакова принять убійство Буяновой на себя, и что Искаковъ сдѣлалъ это единственно для уличенія Докалина, вторымъ; что отецъ *Игнатія Докалина*, при свиданіи съ сыномъ въ тюремномъ замкѣ, съ дозволенія его, смотрителя, передалъ ему на сбереженіе 10 руб. сер. для того, чтобы Искаковъ, по полученіи всей обѣщанной суммы, не отказался отъ своего сознанія; третьимъ, что 20-го февраля отецъ Докалина принесъ ему, смотрителю, еще 35 руб. серебр. и отдалъ ихъ ему при арестантахъ Сафарѣ Абубекировѣ и Абдряхимовѣ, прося передать оные Искакову.—*При слѣдствіи* арестантъ *Хасянъ Искаковъ* показалъ, что дѣйствительно Докалинъ при татарахъ Абубекировѣ, Сафарѣ Абдряхимовѣ и Бяшировѣ подговаривалъ его принять убійство Буяновой на себя, обѣщая ему за это 60 руб. сер. По секретному убѣжденію смотрителя замка, онъ сдѣлалъ видъ, что согласился на просьбу Докалина и подалъ уѣздному стряпчему вышеизложенное прошеніе. Послѣ того отецъ Докалина при немъ, Искаковѣ, и поименованныхъ выше татарахъ доставилъ смотрителю 45 руб. сер. для передачи ему, Искакову, по окончаніи дѣла.—Арестанты *Абубекировъ*, *Абдряхимовъ* и *Бяшировъ* показаніе Искакова о подговорѣ его Игнатіемъ Докалинымъ къ принятію на себя убійства Буяновой и о передачѣ отцемъ Докалина смотрителю замка денегъ подтвердили.—*Абубекировъ* присовокупилъ, что Игнатій Докалинъ разсказалъ ему

объ убійствѣ Буяновой слѣдующее: осенью онъ поѣхалъ съ Буяновой въ загородный садъ и на возвратномъ пути оттуда сталъ склонять ее на прелюбодѣяніе; при отказѣ Буяновой, онъ изнасиловалъ ее и потомъ изъ опасенія, чтобы она не сказала объ этомъ своему мужу, удавилъ ее возжами, обернувъ ихъ *три* раза около ея шеи, а лошадь пустилъ по дорогѣ одну.—*Абдряхимовъ* же показалъ, что Докалинъ, разсказывая ему о преступленіи, говорилъ, что Буянова убита имъ около садовъ при горѣ Ташахъ, на лѣвой рукѣ по дорогѣ изъ Хвалынска въ село Елшанку, близъ оврага Каменнаго, вдоль онаго къ горѣ Богдановкѣ, въ разстояніи отъ садовъ на 50 сажень, и что онъ ѣздилъ съ Буяновой на гнѣдомъ меринѣ.—Но *Докалинъ* и отецъ его, *Федора*, ни въ чемъ взводимомъ на нихъ по сему предмету *не* сознались.

На повальномъ обыскѣ поведеніе подсудимаго Докалина одобрено.

Общее присутствіе хвалынскихъ уѣзднаго суда и городоваго магистрата опредѣлило: Игнатія Докалина, признавъ виновнымъ въ убійствѣ Буяновой, лишить всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми чрезъ палачей шестидесятью ударами, съ наложеніемъ клеймъ, и отослать въ каторжную работу въ рудникахъ на десять лѣтъ, а по истеченіи сего срока, сослать въ Сибирь на поселеніе.

Саратовская уголовная палата полагала: согласно 313 ст. XV тома, кн. 2-й, оставить Докалина по убійству Буяновой въ сильномъ подозрѣніи.

Рѣшеніе это губернскимъ прокуроромъ пропущено безъ протеста.

Начальникъ же саратовской губерніи согласился съ рѣшеніемъ общаго присутствія хвалынскихъ: уѣзднаго суда и городоваго магистрата.

Вслѣдствіе произшедшаго при слушаніи сего дѣла въ 1 отдѣленіи 6-го департамента сената разногласія, оно поступило на разсмотрѣніе московскаго общаго собранія, которымъ и разрѣшено было по слѣдующимъ соображеніямъ: «Буянова найдена удушенною возжами отъ лошади, на которой ѣхала съ Докалинымъ, имѣвшимъ ихъ въ своихъ рукахъ; бывшій у ней на колѣнкахъ при отъѣздѣ отъ Здобновыхъ пустой четырех-

грапный штофъ найденъ крестьяниномъ Девяткинымъ у себя въ сѣняхъ куреня, находящагося при домѣ Буянова, и дверь котораго на улицу не запиралась; коверъ, бывшій въ тарантасѣ, найденъ около тѣла убитой Буяновой; наконецъ бутылка съ виномъ, принесенная Докалинымъ къ Пазпуховымъ, оказалась въ цѣлости, не смотря на паденіе Докалина изъ тарантаса — всѣ эти обстоятельства, рождая подозрѣніе въ совершеніи преступленія Докалинымъ, требовали-бы съ его стороны яснаго и удовлетворительнаго объясненія; но Докалинъ отговаривается лишь совершеннымъ безпамятствомъ отъ опьяненія. Возжи и коверъ, найденные на мѣстѣ преступленія, несомнѣнно доказываютъ присутствіе лошади и экпажа на мѣстѣ преступленія; бутылка не могла не расшибиться, если-бы Докалинъ дѣйствительно упалъ изъ тарантаса и потомъ гдѣ-то валялся, а штофъ, оказавшійся въ куренѣ Девяткина, указываетъ на старапіе сгладить слѣды совершеннаго преступленія. Штофъ взятъ былъ, какъ показываютъ Здобновы, Буяновою къ себѣ на колѣни, и затѣмъ, если-бы онъ былъ Буяновою: обронепъ на дорогѣ, то долженъ былъ бы быть тамъ и найденъ; или во время совершенія надъ ней преступленія, онъ долженъ бы быть найденъ на мѣстѣ преступленія, какъ тамъ найдепъ и коверъ изъ экипажа, или наконецъ онъ былъ взятъ у ней, или поднятъ, когда она его уронила, и скрытъ въ сѣняхъ куреня крестьянина Девяткина. Послѣднее обстоятельство, представляясь болѣе достовѣрнымъ, не можетъ не служить къ изобличенію въ этомъ дѣйствіи Докалина, какъ находившагося при Буяновой въ тѣ часы, когда совершено надъ нею преступленіе. При совокупности всѣхъ сихъ уликъ необходимо было-бы придти къ заключенію, что Докалинъ, уѣхавшій изъ дома Здобновыхъ съ Буяновой, хотя и выпившій, но непотерявшій сознанія, есть ея убійца; но такому заключенію противорѣчатъ выводы медика о способѣ убійства Буяновой и наружный осмотръ ея тѣла на мѣстѣ, гдѣ оно было найдено. Изслѣдовавшій тѣло Буяновой врачъ нашелъ, что прежде удушенія Буяновой она была оглушена сильнымъ ударомъ по головѣ тупымъ орудіемъ, послѣ чего зажатъ былъ ротъ ея, вѣроятно пальцами, причемъ произошла борьба между ею и убійцей, и затѣмъ уже она была удушена возжами. А изъ наружнаго осмотра видно, что лицо и волосы Буяновой бы-

ли въ крови, около тѣла на землѣ находилась кровь въ большомъ количествѣ. При такомъ порядкѣ совершенія убійства, убійца долженъ бы былъ необходимо или самъ замараться, или замарать свое платье въ крови; отъ борьбы должны бы были гдѣ-нибудь на его членахъ остаться наружные знаки; но при осмотрѣ обвиненнаго Докалина въ полиціи въ 10-ть часовъ 7 октября, ни на немъ, ни на его платьѣ ничего подозрительнаго не найдено; не замѣчено на немъ слѣдовъ крови и стекольщиками, къ которымъ онъ пришелъ въ ночь убійства Буяновой, и съ которыми, какъ видно, имѣлъ довольно продолжительный разговоръ, а также и самымъ обыскомъ ни въ помѣщеніи Докалина, ни въ домѣ отца его, (гдѣ можно было подозрѣвать, что скрыты слѣды преступленія) ничего подозрительнаго не отыскано. Въ виду столь благопріятнаго въ пользу Докалина обстоятельства, притомъ въ виду одобреннаго его поведенія, онъ долженствовалъ бы быть оправданъ по обвиненію его въ совершеніи убійства Буяновой, но его неудовлетворительное и въ другихъ отношеніяхъ ложное показаніе не можетъ не навлекать на него подозрѣніе въ прикосновенности его къ сему преступленію, подозрѣніе, усиливающееся уликами, которыхъ онъ съ достаточною ясностью не опровергъ. Руководствуясь этими соображеніями общее собраніе опредѣлило: на основаніи ст. 311, 313 и 314 2-й кн. XV т., Игнатія Докалина оставить въ сильномъ подозрѣніи въ убійствѣ купеческой жены Ксеніи Буяновой, отдавъ его на поруки одобрившимъ его поведеніе обыскнымъ людямъ.»

При слушаніи-же сего дѣла заявлено было и *другое* мнѣніе: «убитая почью 6-го октября 1860 г. хвалынская купчиха Буянова отправилась отъ своихъ родственниковъ Здобновыхъ съ однимъ кучеромъ своимъ, крестьяниномъ Докалинымъ. Всѣ обстоятельства ея убійства, совершеннаго почью и безъ свидѣтелей, остались нераскрытыми. А какъ съ нею въ это время былъ одинъ только кучеръ Докалинъ, и о встрѣчѣ, при возвращеніи домой, съ кѣмъ-либо-предполагать нѣтъ основанія, то подозрѣніе въ совершеніи преступленія пало на Докалина. На допросѣ утромъ Докалинъ въ оправданіе свое продставилъ только то, что еще до отъѣзда отъ Здобновыхъ онъ такъ сильно опьянѣлъ, что рѣшительно не помнитъ всѣхъ послѣдовав-

шихъ затѣмъ событій, и что очувствовался только около дома купца Малянова. При отъѣздѣ его съ Буяновою отъ Здобновыхъ, (въ которомъ нѣтъ никакогоосновапія сомнѣваться), при необнаруженіи другихъ подозрѣваемыхъ въ преступленіи лицъ, и при отсутствіи въ тоже время вполнѣ достаточныхъ вещественныхъ уликъ противу Докалина, оправданіе или осужденіе его зависятъ вполнѣ отъ опредѣленія достовѣрности его показанія, а показаніе это можетъ быть повѣрено лишь обстоятельствами, предшествовавшими отправленію Буяновой отъ Здобновыхъ и его сопровождавшими. Въ этомъ отношеніи изъ дѣла видно: Василій, Татьяна, Авдотья Здобновы и проживавшій у нихъ мальчикъ Ѳедоръ Ивановъ показали, что до отъѣзда отъ нихъ Докалинъ сильно пьянъ *не* былъ. Уѣзжая съ Буяновой, какъ объяснили Татьяна Здобнова и Ѳедоръ Ивановъ, онъ ходилъ и говорилъ твердо и нѣсколько разъ сказалъ имъ: «прощайте». Это происходило по ихъ словамъ около полуночи. Послѣ того съ небольшимъ черезъ часъ, какъ удостовѣряютъ трое присяжныхъ свидѣтелей, Докалинъ пришелъ домой одинъ, и говорилъ и ходилъ тоже твердо.—Неестественно допустить, чтобы человѣкъ, напившійся до безчувствія, съ небольшимъ въ часъ могъ придти въ состояніе почти совершеннаго отрезвленія. На вопросъ о хозяйкѣ найденныхъ имъ въ стекольной лавкѣ людей Докалинъ отвѣчалъ: «она найдется», одному изъ этихъ свидѣтелей (спрошенному подъ присягою) онъ сказалъ: «она была со мною, а теперь далеко». Изъ стекольной Докалинъ отправился къ мальчику Палюнову и, какъ показалъ послѣдній, на спросъ его гдѣ хозяйка, въ то время, когда смерть ея кромѣ убійцы никому еще не была извѣстна, позвалъ его осматривать мѣсто около дома купца Малянова, на которомъ онъ очувствовался. При осмотрѣ Палюновымъ вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Огурцовымъ (присяжнымъ свидѣтелемъ),—на мѣстѣ указанномъ Докалинымъ, никакихъ слѣдовъ лежанія человѣка не найдено. И самое приглашеніе на осмотръ, какъ бы для отклоненія подозрѣнія и послѣдствія осмотра, явно показываютъ несправедливость объясненія Докалина. Ложность его подтверждается также присяжнымъ показаніемъ крестьянина Власова, удостовѣрившаго о сознаніи Докалина на другой день происшествія, что при отъѣздѣ отъ Здобновыхъ онъ былъ не очень пьянъ. Кромѣ того

смотритель тюремнаго замка и четверо содержавшихся съ Докалинымъ арестантовъ удостовѣряютъ, что онъ уговаривалъ одного изъ нихъ принять на себя убійство Буяновой, а отецъ ею приносилъ смотрителю деньги для передачи согласившемуся на это арестанту Искакову. Наконецъ на Докалинѣ не найдено никакихъ слѣдовъ ушиба, тогда-какъ онъ могъ очутиться вѣ *тарантаса не иначе, какъ свалившись съ него въ опьяненіи*; даже бывшая у него въ карманѣ бутылка осталась не только неразбитою, но и не разлитою. Считать ошибочными показанія присяжныхъ свидѣтелей, опровергающія оправданія подсудимаго и признавать затѣмъ всѣ обстоятельства, служащія къ его обвиненію, несчастною для него случайностію, значило-бы давать преступнику средство избѣгнуть справедливо заслуженнаго имъ наказанія. Вытекающее изъ этихъ уликъ убѣжденіе въ виновности Докалина усиливается еще болѣе отъ того, что въ дѣлѣ нѣтъ ни одного обстоятельства, которое могло бы быть объяснено въ его пользу, ибо отсутствіе на немъ слѣдовъ преступленія, а въ самомъ убійствѣ цѣли, не должно имѣть большаго значенія. Осмотръ подсудимому произведенъ былъ въ 10-ть часовъ утра 7-го октября, т. е. чрезъ нѣсколько часовъ послѣ совершенія преступленія, когда онъ успѣлъ уже побывать у своего отца, и слѣдовательно могъ *скрыть* слѣды преступленія, если они были замѣтны. Неизвѣстность цѣли преступленія, когда самое преступленіе доказано, и когда раскрытіе этой цѣли зависитъ отъ одного упорствующаго въ сознаніи преступника, совершившаго преступленіе въ здравомъ умѣ, не должно служить препятствіемъ для признанія его виновнымъ. Посему совокупность всѣхъ приведенныхъ противу подсудимаго уликъ, со стороны его ничѣмъ кромѣ запирательства неопровергнутыхъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ тяжести взводимаго на него преступленія, составляетъ совершенное доказательство его виновности (508 и 310 ст. 2-й кн. XV т. зак. угол.) и притомъ не въ участіи въ убійствѣ купчихи Буяновой, а въ непосредственномъ убійствѣ ея съ умысломъ, ибо другихъ виновниковъ убійства не обнаружено, — Докалинъ же отправился съ нею отъ Здобновыхъ одинъ. За преступленіе это подсудимый крестьянинъ Докалинъ долженъ подлежать наказанію, въ 2003 ст. 1-й кн. XV т. опредѣленному, а при нераскаянности сознанія и по

жестокости способа самого убійства, въ средней мѣрѣ. На семъ основаніи слѣдуетъ крестьянина Игнатія Докалина, 27 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать публично чрезъ палачей плетьми семидесятью пятью ударами и по наложеніи клеймъ, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 13½ лѣтъ, а по прекращеніи сихъ работъ за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить его въ Сибири навсегда (29 ст. I кн. XV т.).»

Внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ сего дѣла показываетъ, что самою главною улпкою противу Докалина представляется то, что онъ поѣхалъ съ Буяновой отъ Здобновыхъ *одинъ*, и на *другаго убійцу* въ дѣлѣ нѣтъ правдоподобнаго указанія; поэтому для опредѣленія силы этой улики прежде всего нужно обсудить то *оправданіе*, которое приводитъ противу нея самъ подсудимый,—другими словами прежде всего слѣдуетъ разъяснить, есть-ли возможность хотя сколько нибудь повѣрить, что онъ на столько былъ *пьянъ* при отъѣздѣ отъ Здобновыхъ, чтобы потерять вскорѣ послѣ отъѣзда всякое сознаніе и не только не имѣть силы на совершеніе преступленія, но даже и не видѣть ни совершенія, ни совершившихъ его?

Василій и Татьяна Здобновы, родственница ихъ Авдотья Федорова и жившій у нихъ мальчикъ Федоръ Ивановъ удостовѣрили, что и въ домѣ Здобновыхъ, и при отъѣздѣ отъ нихъ Докалинъ *не* былъ сильно пьянъ, ходилъ твердо и говорилъ какъ трезвый;—и онъ, и Буянова, какъ показали Татьяна Здобнова и Федоръ Ивановъ, уѣзжая отъ нихъ, нѣсколько разъ повторяли твердымъ голосомъ «прощайте». Но въ то же время изъ другихъ обстоятельствъ показанія Василья, Татьяны и Авдотьи Здобновыхъ нельзя дойти до убѣжденія о невозможности такого опьяненія Докалина; по ихъ словамъ во время вечера Докалинъ выпилъ *три* чайныхъ *чашки водки*, всѣ же они въ пятеромъ—трое Здобновыхъ, Буянова и Докалинъ—выпили сначала полуштофъ, а немного спустя четвертной штофъ водки, который, по словамъ Татьяны Здобновой, отданъ былъ Докалину при отъѣздѣ уже пустымъ, (отъ него осталась только одна бутылка,

отданная также Докалину). Хотя осмотра чашки, изъ которой пилъ Докалинъ, сдѣлано не было, а потому нельзя судить, какъ велико количество выпитаго имъ вина, однако изъ приведенныхъ показаній Здобновыхъ видно, что оно было довольно значительно. Сами Здобновы говорятъ, что они оставили ночевать у себя маленькаго сына Буяновой, изъ опасенія, чтобы Буянова и Докалинъ его не потеряли или не ушибли, между тѣмъ какъ при незначительномъ вліяніи на нихъ выпитаго ими вина; бояться этого Здобновымъ было нечего. На подножкѣ тарантаса, въ которомъ ѣхали Докалинъ съ Буяновой, найдена была рвота — послѣдствіе, какъ извѣстно, сильнаго опьяненія. По всему этому показанія Здобновыхъ и Федорова являются уликою слишкомъ сомнительною, а по встрѣчающимся въ нихъ противорѣчіямъ едва ли могутъ быть поставлены въ число опроверженій оправданія подсудимаго.

Гораздо сильнѣе говоритъ противъ него свидѣтельство людей, найденныхъ имъ по приходѣ домой въ стекольной лавкѣ, если собразить это свидѣтельство со словами Здобновыхъ. — Трое Пазнуховыхъ подъ присягой показываютъ, что, пришедши домой, Докалинъ ходилъ твердо и говорилъ какъ слѣдуетъ; воротился же онъ черезъ часъ послѣ того, какъ они встали, а встали они, какъ полагаютъ, въ самую полночь. По словамъ же Здобновыхъ онъ выѣхалъ отъ нихъ около полуночи. Такимъ образомъ, опьянѣвъ до потери чувствъ по отъѣздѣ отъ Здобновыхъ, Докалинъ въ теченіи съ небольшимъ часа пришелъ въ себя и явился домой почти трезвый.—Едва ли это можетъ показаться вѣроятнымъ при такомъ сильномъ опьяненіи Докалина, если только не предположить ошибки во времени со стороны свидѣтелей.—Между тѣмъ по дѣлу видно, что, при неимѣніи часовъ, они показывали время приблизительно и въ темную осеннюю ночь легко могли ошибиться, принявши и другой часъ за полночь.—Впрочемъ если это свидѣтельство считать и вполнѣ безошибочнымъ относительно времени, то при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, его можно поставить столько же и въ пользу подсудимаго, сколько и противу него.—Буянова была убита или увезена убитою въ версту отъ города, шея ея была обмотана пять разъ вожжами и притомъ такъ туго, что подъ вожжи нельзя было просунуть пальца; около нея было

много крови, а на ней боевые знаки; ясно, что она умерла не безъ борьбы; кромѣ того съ нея снята была обувь. Сдѣлать все это—совершить убійство въ борьбѣ съ убиваемой, увезти ее за версту отъ города и потомъ придти домой пѣшкомъ (ѣхать по городу было бы для Докалина небезопасно, потому что на улицѣ, какъ видно изъ дѣла, были сторожа), Докалинъ долженъ былъ небольшимъ въ часъ.

Указаніе подсудимаго на мѣсто, на которомъ онъ лежалъ въ опьяненіи, не подтвердилось.—Мальчикъ Палюновъ и обручникъ Огурцовъ не замѣтили на этомъ мѣстѣ никакихъ слѣдовъ лежанія пьянаго человѣка, а сторожъ той улицы, крестьянинъ Учистинъ, не видалъ ночью никого лежавшаго на ней. Нельзя не замѣтить однако, что показаніе подсудимаго опровергается въ этомъ отношеніи свидѣтельствомъ людей, осматривавшихъ мѣстность ночью, когда отъ ихъ вниманія могло исчезнуть нахожденіе на землѣ Докалина. Осмотра мѣста, гдѣ онъ, по его словамъ, *лежалъ*, при *слѣдствіи* сдѣлано *не было*, и неизвѣстно, остались ли на его одеждѣ слѣды этого лежанія, потому-что въ этомъ отношеніи и ей свидѣтельства не дѣлалось. Но если бы даже и при осмотрѣ *слѣдователя* въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ Докалинъ, не найдено было слѣдовъ этого лежанія, то это могло быть дѣломъ случая и зависѣло отъ большей или меньшей твердости почвы.

Затѣмъ единственную улику, ни подсудимымъ, ни какими-либо обстоятельствами дѣла не опровергнутую, и потому сильно заставляющую сомнѣваться въ справедливости его оправданія,—*составляетъ присяжное показаніе крестьянина Власова* о томъ, что Докалинъ, встрѣтившись съ Василіемъ Здобновымъ, на упреки послѣдняго за потерю Буяновой, говорилъ, что при отправленіи *съ нею* онъ *не* былъ очень пьянъ. По обсужденіи оправданія подсудимаго, обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя не касаются непосредственно обстоятельствъ этаго оправданія, а также къ оцѣнкѣ вещественныхъ уликъ противу Докалина, оказывается, по показанію пятерыхъ присяжныхъ свидѣтелей, что Докалинъ, узнавъ отъ нихъ по приходѣ домой, что хозяйка еще не возвращалась, сказалъ: «найдется». Одинъ присяжный и одинъ безприсяжный свидѣтели удостовѣряютъ кромѣ того, что на вопросъ ихъ: «гдѣ

хозяйка», Докалинъ отвѣчалъ: «она была со мною, а теперь далеко». Не заключая въ себѣ никакого опредѣленнаго смысла, слова эти могутъ имѣть для подсудимаго то или другое значеніе, единственно отъ ихъ толкованія въ связи съ обстоятельствами дѣла.—Конечно онъ могъ сказать, что Буянова найдется и что она теперь далеко, зная, что̀ съ нею случилось, и что розыскивать ее нечего. Но при соображеніи этихъ словъ, съ другой стороны—они могутъ имѣть и другое значеніе. Буянова пировала у Здобновыхъ съ своимъ кучеромъ до полуночи; они опасались отпустить ее домой и оставили у себя ея маленькаго сына. Можетъ быть это повторялось не первый разъ и такой образъ жизни для нея не былъ совсѣмъ необыкновеннымъ, — можетъ быть она не одинъ разъ оставалась ночевать у родственниковъ. Въ этомъ смыслѣ, непомнившій отъ опьянѣнія всѣхъ событій вчерашняго дня, Докалинъ могъ сказать, что она найдется, и что она теперь далеко.

Вещественныя улики противу подсудимаго состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ найденномъ у крыльца дома Буянова штофѣ и 2) въ томъ, что бутылка, положенная имъ при отъѣздѣ въ карманъ, не разбилась во время его паденія, если только онъ дѣйствительно упалъ изъ тарантаса. Найденный у дома Буяновыхъ штофъ, не говоритъ ни за Докалина, ни противу него. Нельзя думать, чтобы этотъ штофъ былъ положенъ туда имъ,— иначе нужно предположить, что онъ самъ желалъ предъявить на себя улику; скорѣе можно полагать, что онъ былъ подкинутъ кѣмъ-нибудь именно съ цѣлью возбудить подозрѣніе на Докалина, потому-что такой поступокъ съ его стороны совершенно необъяснимъ. Что же касается до цѣлости бутылки, сохраненной имъ въ карманѣ, тогда-какъ при паденіи она должна бы разбиться, то этотъ случай могъ быть объясненъ достаточно тогда только, когда бы достовѣрно было извѣстно — на какую сторону упалъ Докалинъ. Безъ этого же можно легко думать, что онъ упалъ не на ту сторону, гдѣ лежали у него бутылка, а слѣдовательно бутылка могла остаться цѣлою. Независимо отъ опровергаемости представленныхъ противу подсудимаго уликъ, въ дѣлѣ есть обстоятельства, прямо говорящія въ его пользу—это отсутствіе на немъ слѣдовъ преступленія и необъяснимость цѣли его совершенія.—Буянова, какъ видно изъ вы-

шеизложеннаго, при убійствѣ сопротивлялась; кругомъ нея было много крови, и на тѣлѣ ея найдены боевые знаки, бывшіе послѣдствіемъ борьбы.—Никакихъ кровавыхъ пятенъ на одеждѣ и ушибовъ на тѣлѣ Докалина не найдено, тогда-какъ скрыть эти по краткости времени едва ли бы онъ могъ.

Хотя мужъ Буяновой и говоритъ, что съ нею были деньги, но сколько—не объясняетъ и вообще ничѣмъ этого не доказываетъ; напротивъ можно предполагить, что съ нею денегъ *не* было, потому что при посылкѣ за водкою деньги давала Татьяна Здобнова. Докалинъ не могъ этого не знать, потому что все это происходило при немъ, и слѣдовательно присвоеніе денегъ Буяновой не могло быть для него поводомъ къ ея убійству, а между тѣмъ въ платьѣ Буяновой вырванъ карманъ, что можно считать прямымъ указаніемъ на намѣреніе грабежа. Ссоры, неудовольствія и вообще такихъ отношеній между ними, которыя могли бы побудить Докалина на мщеніе—по дѣлу вовсе не обнаружено. Единственное указаніе на поводъ для Докалина къ убійству даетъ объясненіе арестанта Сафара Абубекирова, показавшаго, что Докалинъ сознался ему въ преступленіи. — Но удостовѣряя это сознаніе, Абубекировъ разсказалъ обстоятельства самаго преступленія совершенно несогласно съ обстоятельствами дѣла. Онъ объяснилъ, что Докалинъ, передавшій ему самъ объ убійствѣ Буяновой, говорилъ, что онъ поѣхалъ съ нею въ загородный садъ, — тамъ ее изнасиловалъ, а потомъ *изъ опасенія, чтобы она не пожаловалась мужу, удавилъ* вожжами, обернувши ихъ три раза (а не пять) около шеи. Поэтому ни показаніе Абубекирова, ни слова другихъ арестантовъ (обвиняющихся въ разныхъ преступленіяхъ), о сознаніи Докалина, не могутъ быть признаны уликами противу него и объяснять цѣль преступленія.

Если же Докалинъ съ отцомъ и дѣйствительно уговаривали изъ арестантовъ Искакова (показанію котораго по тѣмъ же основаніямъ вѣрить нельзя), то и это можетъ только доказывать желаніе отклонить отъ себя обвиненіе, можетъ быть и незаслуженное, но по обстоятельствамъ дѣла возможное.

Такимъ образомъ главными и неопровержимыми уликами противу Докалина остаются: отъѣздъ его съ Буяновою отъ Здобновыхъ и одно присяжное показаніе о сознаніи его въ томъ,

что онъ не былъ въ это время очень пьянъ. Но обстоятельства эти, при отсутствіи признаковъ преступленія на самомъ Докалинѣ или его одеждѣ, при необнаруженіи цѣли убійства, при невполнѣ доказанной несправедливости его оправданія и при одобренномъ кромѣ того его поведеніи—не исключаютъ возможности къ сомнѣнію въ его виновности, особенно *если принять во вниманіе съ одной стороны всю тяжесть взводимаго на него обвиненія и сопряженнаго съ этимъ обвиненіемъ наказанія, а съ другой требованіе закона, чтобы сила уликъ вполнѣ соотвѣтствовала тяжести самаго обвиненія* (308, 310 и 311 ст. 2-й кн. XV Т. зак. угол.).

Поэтому мы признаемъ вполнѣ правильнымъ послѣдовавшій по сему дѣлу приговоръ общаго собранія сената.

3.

XIV. Дѣло о врачѣ Василіи Ивановѣ, судимомъ за пособничество къ отравленію Александры Орлицкой.

28 февраля 1860 г. въ 9 часовъ утра въ г. Кронштадтѣ умерла скоропостижно, жена дивизіоннаго доктора 2-й флотской дивизіи, Александра Михайловна Орлицкая (25 лѣтъ отъ роду).

При освидѣтельствованіи трупа на немъ найдена синебагровая краснота, *простирающаяся отъ поясницы вверхъ до плечъ*, руки были судорожно сжаты въ сгибахъ, ногти пальцевъ, руки и ноги посинѣли, животъ раздулся, лице блѣдно и съ посинѣлыми губами; другихъ-же знаковъ на тѣлѣ не было.

По указанію мужа умершей, доктора Орлицкаго, найдена въ ямѣ отхожаго мѣста откупоренная стеклянная баночка, (отнятая имъ, по его словамъ, отъ жены наканунѣ ея смерти), длиною $1\frac{1}{2}$ вершка, шириною въ діаметрѣ $\frac{1}{4}$ дюйма, содержащая порошокъ бѣлаго цвѣта. На этой склянкѣ наклеенъ былъ ярлычекъ желтаго цвѣта съ изображеніемъ адамовой головы и креста *). Мужемъ умершей, предъявленъ былъ также слѣдо-

*) Подобный знакъ принятъ въ аптекахъ для означенія ядовитыхъ веществъ.

вателямъ лоскутокъ, оторванный отъ записки Орлицкой и найденный имъ въ плевательницѣ зарытымъ въ пескъ, на немъ написано «меня наз... онъ.... дай другое».

Того-же 28 февраля, тотчасъ послѣ кончины г-жи Орлицкой, отецъ ея и мужъ изъявили подозрѣніе въ ея отправленіи на лекаря Иванова.

Вотъ-что было открыто по сему предмету слѣдствіемъ: Ивановъ былъ вхожъ въ домъ какъ Орлицкихъ, такъ и Огранованчей (родителей Орлицкой). 26-го февраля 1860 г., т. е. за день до смерти Орлицкой, онъ ѣздилъ съ Орлицкимъ и его женою въ сергіевскую пустынь. Возвратясь оттуда, онъ былъ въ нетрезвомъ видѣ и сталъ дерзко говорить съ Орлицкимъ, вслѣдствіе чего послѣдній попросилъ его удалиться и прекратить свои посѣщенія. Отъ Орлицкихъ Ивановъ отправился къ Огранович-чамъ и ночевалъ у нихъ. На другой день, т. е. 27 февраля послѣ полудня, пришла къ родителямъ Орлицкая и застала тамъ Иванова. Здѣсь, когда былъ поданъ кофе, Ивановъ и Орлицкая вышли съ чашками кофе въ другую комнату. Затѣмъ отецъ Орлицкой, замѣтивъ, что Ивановъ всыпалъ его дочери въ чашку какой-то порошекъ, сообщилъ объ этомъ своей женѣ. Послѣдняя, войдя въ комнату, гдѣ находились Ивановъ и Орлицкая, увидѣла, что въ чашкахъ дочери и Иванова плаваетъ сверху порошекъ бѣловатаго цвѣта, въ видѣ содоваго. Сочтя этотъ порошокъ за рвотное, мать Орлицкой, г-жа Ограновичь, вылила у обоихъ кофе въ лоханку и сваривъ новый, вновь налила имъ кофе. Ивановъ въ присутствіи г-жи Ограновичевой лизалъ языкомъ бумажку, въ которой былъ завернутъ порошекъ и сказалъ: «горько, но это пустяки,» а на вопросъ г. Огановича, не ядъ ли это, отвѣчалъ: «что у него есть яду для отравленія 60 человѣкъ».

Орлицкая, пробывъ у родителей до 7 часовъ вечера, возвратилась домой въ сопровожденіи матери.

Когда мать ея собралась отправиться домой въ 9 часовъ вечера, Орлицкая ссылаясь на тоску и головную боль, пошла съ нею, чтобы прогуляться. Съ ними пошелъ провожатымъ и находившійся у Орлицкаго для посылокъ матросъ 9 флотскаго экипажа Михаилъ Кириленко. Дойдя до дому родителей, Орлицкая вновь зашла къ нимъ и здѣсь опять застала Иванова. Это обстоятель-

ство г. Ограновичъ объяснялъ различно: сначала онъ показалъ: «что послѣ заявленія Иванова о томъ, что онъ имѣетъ яда для отравленія 60 человѣкъ, онъ предложилъ Иванову тотчасъ же уйдти изъ его дома и Ивановъ ушелъ; но на послѣдующихъ допросахъ Ограновичъ показалъ, «что Ивановъ оставался у нихъ до вечера, а по возвращеніи жены и дочери, онъ упрекалъ первую за то, что она выдала дочь свою, Орлицкую, за человѣка гораздо старше ея. Когда же Орлицкая собиралась отправиться уже окончательно домой въ 11 часовъ вечера, то Ивановъ разговаривалъ съ нею въ другой комнатѣ и при этомъ г-жа Ограновичь, замѣтила, что на глазахъ ихъ были слезы.»

Предъ уходомъ Орлицкой, Ивановъ предложилъ проводить ее дому, на что Орлицкая и согласилась. Деньщикъ Кириленко также пошелъ за ними.

Между-тѣмъ Ограновичи, встревожившись секретнымъ разговоромъ между ихъ дочерью и Ивановымъ, тотчасъ по уходѣ послѣднихъ, отправились къ Орлицкому, чтобы передать ему обо всемъ происходившемъ въ ихъ квартирѣ; но придя къ нему увидѣли, что Орлицкой не было еще дома. По возвращеніи послѣдней, было дознано отъ матроса, сопровождившаго ее, что она заходила на домъ къ Иванову, и такъ-какъ Ограновичи уже успѣли разсказать Орлицкому о порошкѣ, насыпанномъ въ кофе, то онъ тотчасъ обыскалъ жену и нашелъ у ней въ карманѣ пузырекъ со стрихниномъ. Этотъ-то именно пузырекъ и выброшенъ былъ Орлицкимъ въ отхожее мѣсто. Найдя пузырекъ, Орлицкій, (какъ самъ объясняетъ), побранилъ жену; но особой ссоры между ними не было. Послѣ ухода Ограновичей, супруги Орлицкіе легли спать.

Затѣмъ Орлицкій далъ слѣдователямъ слѣдующія показанія: «оставаясь послѣ того въ спокойномъ состояніи, я легъ съ женою спать по одну кровать; ночь жена моя провели тихо, но было замѣтно, что она подобно, мнѣ, не спала отъ тревожнаго состоянія. На другой день (день смерти) Орлицкая встала прежде меня; а вслѣдъ за нею всталъ тотчасъ же и я. Жена моя ни за что не принималась, а ходила изъ комнаты въ комнату и ласкала своего грудного ребенка, торопя подавать самоваръ, (самоваръ по обыкновенію подавалъ Кириленко). Потомъ жена моя

подсѣла ко мнѣ на диванъ и сказала: «давай-ка поговоримъ». Но на мой вопросъ, о чемъ же мы будемъ говорить? не отвѣчая вышла изъ комнаты. Вскорѣ послѣ того, прогуливаясь по залѣ, я услышалъ крикъ жены и, бросившись къ ней, нашелъ ее въ столовой, куда прибѣжала также и ея кормилица. Въ столовой жена моя лежала на диванѣ и уже была въ сильныхъ судорогахъ, а чрезъ нѣсколько минутъ умерла».

По вскрытіи различныхъ частей трупа Орлицкой оказалось: а) по вскрытіи грудной и брюшной полости, что содержимое желудкомъ было въ родѣ жидкой каши, желто-коричневаго цвѣта. Внутренняя оболочка желудка, около входа пищепріемнаго канала, оказала значительную красноту съ изліяніемъ крови, образующимъ синія пятна. Эти пятна простирались до половины малой кривизны желудка. Въ тонкихъ кишкахъ найдена слизистая жидкость бѣловатаго цвѣта и глистъ ленточный; внутренняя оболочка тонкихъ кишекъ была нормальнаго цвѣта. Печень-почки, мочевой пузырь и матка, найдены наполненными кровію, но здороваго существа; полость матки порожняя и нормальнаго цвѣта. Мочевой пузырь не содержалъ мочи. Легкія найдены наполненными кровію, но здороваго существа; въ желудочкахъ сердца оказалась черная, жидкая кровь, безъ сверстковъ. б) По вскрытіи черепной полости—пазухи и кровеносные сосуды найдены наполненными кровію, существо мозга въ здоровомъ состояніи, а въ желудочкахъ онаго около $1\frac{1}{2}$ чайныхъ ложекъ сѣрозной жидкости.

Вещества, извлеченныя изъ желудка Орлицкой, подвергнуты были (особою коммисіею изъ врачей) химическому анализу, обнаружившему въ нихъ нахожденіе *стрихнина* *).

---

*) Вотъ данныя и рядъ опытовъ, по которымъ коммисія пришла къ этому заключенію: 1) при вскрытіи банки, заключающей въ себѣ вещества, извлеченныя изъ желудка, найдена желто-сѣроватая слизистая жидкость, аммальнаго непріятнаго запаха, вѣсомъ 1 унцію и 2 драхмы. Лакмусовая бумажка, опущенная въ нее, покраснѣла, доказывая кислую реакцію. При осмотрѣ на днѣ банки, не найдено твердыхъ веществъ. Жидкость, находящаяся въ банкѣ, была смѣшана съ 2 унціями крѣпкаго алкоголя и 10 гранами acidi oxatici; смѣсь эту въ колбѣ, помѣщенной въ водяной банѣ, подогрѣвали впродолженіи часа при температурѣ 70° и 75° по Ц. Во время подогрѣванія, жидкость изъ желто-сѣроватаго цвѣта сдѣлалась грязно-зеленою. Потомъ испытываемая смѣсь была постепенно охлаждена; по

Коммисія заключила, что смерть жены колежскаго совѣтника Александры Михайловны Орлицкой произошла отъ отравленія стрихнипомъ.

При обыскѣ, произведенномъ у оговореннаго Орлицкимъ и

охлажденіи приступлено было къ фильтрованію, но такъ-какъ фильтрованіе совершалось медленно, то коммисія, поставивши испытуемое вещество въ шкафъ, замкнувъ и запечатавъ его, разошлась. На другой день по осмотрѣ шкафа, печати оказались цѣлыми, а потому по открытіи шкафа, вещества, оставшіяся на фильтрѣ, были налиты, промыты крѣпкимъ алкоголемъ и профильтрованы въ жидкость, полученную отъ 1-го фильтрованія. Реторта съ жидкостію подогрѣвалась до 40° по Ц. при дѣйствіи постояннаго тока воздуха, возбуждаемаго раздувательнымъ мѣхомъ. Жидкость была выпарена до половины. На слѣдующій день, приступлено было къ продолженію выпариванія при дѣйствіи до 40° по Ц. и постояннаго тока воздуха; возбуждаемаго раздувательнымъ мѣхомъ; когда жидкость была выпарена до малаго количества, ее вновь подвергли фильтрованію, чтобы выдѣлить органическія вещества, которыя отдѣлились во время выпариванія. Послѣ процѣживанія, вещества, оставшіяся на фильтрѣ, перемѣшаны были съ небольшимъ количествомъ перегнанной воды. Затѣмъ на слѣдующій день профильтрованныя жидкости перелиты въ реторту, которая поставлена въ водяную баню, подогрѣваемую до 40° по Ц. съ цѣлію выпариванія жидкостей. Выпариваніе усиливалось дѣйствіемъ постояннаго тока воздуха; жидкость испарена до малаго количества, къ которому было прибавлено absolutus, одна унція. Потомъ, спустя часъ времени, жидкость была процѣжена. Остатокъ въ ретортѣ и на фильтрѣ былъ промытъ полъ-унцомъ alcogolis absoluti и тоже профильтрованъ. Впослѣдствіи, коммисія, собравшись для дальнѣйшаго изслѣдованія, увидѣла, что алкоголь испарился. Оставшійся незначительный кислый остатокъ алкогольнаго раствора былъ растворенъ въ маломъ количествѣ перегнанной воды и для выдѣленія органическихъ, окрашивающихъ примѣсей, до тѣхъ поръ разбавлялся и взболтывался съ небольшими новыми количествами эфира, пока послѣдній не окрашивался болѣе. Кислый водяной растворъ былъ совершенно освобожденъ отъ эфира и, для выдѣленія предполагаемаго алколоида изъ соединенія съ щевелевою кислотою, прибавлено было растертаго углекислаго натра до слабой щелочной реакціи; потомъ жидкость была смѣшана съ 2 драхмами хлороформа и сильно сотрисаема для растворенія алколоида. Послѣ того, какъ хлороформъ отдѣлился отъ стоящей надъ нимъ жидкости, онъ былъ вылитъ на маленькій фильтръ и профильтрованный, слабо окрашенный въ желтый цвѣтъ, хлороформъ былъ принятъ на часовое стеклышко, (подъ № 1) и поставленъ въ сторону для произвольнаго испаренія. Водянистая жидкость была во второй разъ взболтана съ одной драхмой хлороформа, для извлеченія остальной части алколоида и процѣженный растворъ былъ принятъ на второе стеклышко и оставленъ для выпариванія. По улетученіи хлороформа, на часовыхъ стеклушкахъ

Ограновичами, лекаря Иванова, найдены въ его квартирѣ между прочими медикаментами чистый стрихнинъ, сулема, прядь волосъ и письмо жены Орлицкаго къ Иванову, содержаніе котора-

осталось кольцо, желтовато-окрашенное отъ малаго количества органическихъ частицъ, въ которомъ, равно какъ и на днѣ часовыхъ стеклушекъ съ помощію лупы, можно было разсмотрѣть ясно отдѣльные кристалы и кристалическія части. Часовое стеклышко подъ № 1 было сохранено какъ corpus delicti; часовое же стеклушко подъ № 2 назначено было для дальнѣйшаго опыта. 1) Небольшое количество полученнаго вещества было налито одной каплей крѣпкой селитренной кислоты, отчего оно растворилось въ желтоватую жидкость, цвѣтъ которой, при подогрѣваніи, сдѣлался яснѣе. 2) Небольшое количество этого вещества, растворенное въ каплѣ крѣпкой сѣрной кислоты, не дало окрашиванія, потомъ къ нему былъ прибавленъ маленькій кусочекъ красной кровяной соли (Kalium ferato cyanatum rubr.), отчего тотчасъ произошло красивое синее окрашиваніе, перешедшее мало по малу въ фіолетовое, а потомъ въ красное. 3) Третья часть вещества, растворенная въ крѣпкой сѣрной кислотѣ, отъ прибавленія малаго количества двухъ-хромистаго потассія дала туже реакцію, какъ подъ № 2—4) Остатокъ вещества былъ растворенъ въ сильно разведенной сѣрной кислотѣ; растворъ былъ выпаренъ, разведенъ небольшимъ количествомъ воды и профильтрованъ. Этотъ растворъ на вкусъ былъ чрезвычайно горекъ. Нѣсколько капель раствора подъ цифрой 4 давали: a) съ каплей хлористаго золота сильный желтый осадокъ; d) съ каплей раствора сулемы бѣлый осадокъ, который, будучи разсматриваемъ подъ микроскопомъ, состоялъ изъ игольчатыхъ кристалловъ; c) съ нѣкоторымъ количествомъ роданистаго потассія (Kalium cyanatium sulphuratum) бѣлый кристаллическій осадокъ, который подъ микроскопомъ состоялъ изъ плоскихъ, обрѣзанныхъ или заостренныхъ иголъ съ острыми углами.

Такъ-какъ упомянутыя реакціи ясно указывалина присутствіе стрихнина, то для большаго удостовѣренія сего сдѣланы опыты со стрихниномъ, взятымъ изъ госпитальной аптеки, причемъ употребленныя вышеозначенныя противудѣйствующія средства давали совершенно тѣже реакціи. Оставшаяся, по отдѣленіи хлороформа, жидкость была процѣжена; остатокъ на фильтрѣ былъ промытъ перегнанной водой до тѣхъ поръ, пока извѣстковая вода не давала въ ней помутенія; потомъ незначительный остатокъ на фильтрѣ былъ разведенъ подогрѣтой, сильно разведенной сѣрной кислотой; растворъ былъ выпаренъ, и оставшееся снова было разведено нѣсколькими каплями перегнанной воды. Къ полученному раствору коричневаго цвѣта, (зависящаго отъ органическихъ веществъ), было прибавлено нѣсколько капель раствора хлористаго желѣза (ferrum muriaticum oxydatum), отчего произошло ясное фіолетовое окрашеніе, которое въ теченіи короткаго времени изчезло, такъ-какъ растворъ имѣлъ кислую реакцію. По прибавленіи раствора красной кровяной соли образовалась берлинская лазурь. Изъ послѣдней реакціи врачи заключили о присутствіи весьма незначительнаго количества морфія.

го ясно указывало на существовавшую между ними любовную связь.

На первоначальныхъ допросахъ, подсудимый Ивановъ, отвергая свое соучастіе въ отравленіи Орлицкой, показалъ между прочимъ слѣдующее: 11-го февраля, т. е. за двѣ недѣли до смерти Орлицкой, онъ взялъ изъ аптеки Іордана, одну драхму чистаго стрихнина для опытовъ надъ животными и съ пузырькомъ, въ которомъ заключался стрихнинъ, пошелъ къ Орлицкимъ, у которыхъ и ночевалъ. На другой день, т. е. 12 февраля, онъ не нашелъ при себѣ пузырька и обратился къ Орлицкому съ просьбою возвратить пузырекъ. Орлицкій сперва сказалъ, что не бралъ этого пузырька, потомъ что отдастъ и наконецъ отозвался неимѣніемъ у себя пузырька. Тогда Ивановъ обратился къ женѣ Орлицкаго. Та сначала смѣялась надъ его докучливостью, послѣ-же стала увѣрять, что пузырекъ выбросила. Повѣривъ ей, онъ Ивановъ въ тотъ же день снова зашелъ въ аптеку Іордана съ братомъ Орлицкой Ограновичемъ, чтобы получить того-же вещества; но за неимѣніемъ онаго взялъ $^1/_2$ драхмы азотно-кислаго стрихнина, (показаніе это прапорщикъ Ограновичъ, братъ умершей, подтвердилъ). Затѣмъ Орлицкая сказала ему, Иванову, что нашла пузырекъ, показала его мужу и выбросила. До 16-го февраля онъ, Ивановъ, былъ боленъ и не выходилъ изъ квартиры. Зайдя послѣ этого къ Орлицкимъ, онъ вновь сталъ просить о возвращеніи ему пузырька. Орлицкая и тутъ говорила ему, что выбросила его; но когда мужъ сказалъ ей, чтобы она отдала пузырекъ, ежели послѣдній у нея, то она пошла въ спальню, куда слѣдомъ за ней отправился мужъ и отобралъ у ней пузырекъ. Однако пузырекъ былъ уже открытъ и самаго вещества чистаго стрихнина въ немъ было на половину противъ прежняго. Что-же касается азотнокислаго стрихнина, то онъ, Ивановъ, купивъ его, положилъ въ задній карманъ сюртука, гдѣ пузырекъ съ азотнокислымъ стрихниномъ продолжалъ лежать до 26 февраля. Переночевавъ съ 26 на 27 февраля у Ограновичей, онъ, Ивановъ, поутру уже не нашелъ пузырька и полагаетъ, что послѣдній выпалъ изъ сюртука во время его сна.

Далѣе Ивановъ показалъ слѣдующее о днѣ 27 февраля, проведенномъ имъ у Ограновичей: «Орлицкая, придя къ родителямъ,

жаловалась на мужа, что послѣдній, будто-бы прогнавъ ее съ квартиры, сказалъ ей: живи, гдѣ хочешь. Когда предложили кофе, то Ивановъ съ Орлицкою, взявъ налитыя чашки, вышли въ другую комнату. Тутъ Орлицкая разсказала ему про ссору съ мужемъ и, вынувъ изъ кармана бѣлый порошекъ, сказала, указавъ на кофе: «развѣ положить туда?» Въ отвѣтъ на это Ивановъ взялъ у нея порошекъ и, чтобы узнать степень его вредности, всыпалъ въ свою чашку и сказалъ: попробую. Орлицкая отобрала чашку у Иванова, но куда и кто выливалъ ее, Иванову неизвѣстно. На вопросъ же Ограновича, зачѣмъ посыпанъ порошекъ, онъ, Ивановъ, отвѣтилъ: «дурачимся». Въ тоже время онъ (въ присутствіи Орлицкой) хватился своего пузырька съ азотнокислымъ стрихниномъ и сталъ искать его на диванѣ, гдѣ онъ сидѣлъ съ Орлицкой. Пузырекъ этотъ оказался за подушкою дивана. Однако Орлицкая замѣтила оный ранѣе его, Иванова, и взяла къ себѣ. Заговорившись съ нею, онъ, Ивановъ, забылъ взять пузырекъ обратно. Послѣ кофе Орлицкая просила у матери дозволенія пройтиться съ Ивановымъ и просила мать не сказывать о томъ мужу. Во время прогулки она по прежнему говорила про ссору съ мужемъ, и просила его, Иванова, ходатайствовать за нее передъ родными. Возвратясь къ Ограновичамъ, Ивановъ склонялъ отца и мать Орлицкой отправиться къ ея мужу и помирить ее съ нимъ. Мать согласилась идти вмѣстѣ съ дочерью, но когда г-жи Ограновичъ и Орлицкая возвратились, то послѣдняя, выйдя вскорѣ съ Ивановымъ въ другую комнату, сообщила ему, что нѣтъ успѣха. Взбѣшенный этою неудачею и глубоко сочувствуя положенію Орлицкой, онъ, Ивановъ, обругалъ въ запальчивости ея мать и предъ уходомъ отъ Ограновичей, сказалъ имъ, что его нога не будетъ никогда въ ихъ домѣ Послѣ этого Орлицкая, отозвавъ его, Иванова, въ сторону, просила у него пристанища, считая себя безпріютною. Но онъ возразилъ ей на эту просьбу, что онъ не считаетъ себя вправѣ связывать ея судьбу съ своею и что исполненіе этой просьбы произвело-бы скандалъ, и потому совѣтывалъ ей, Орлицкой, употребить всѣ усилія для примиренія съ мужемъ. Затѣмъ, когда онъ шелъ съ Орлицкою отъ Ограновичевыхъ, она упрашивала его вновь сойтиться съ ея родными, чтобы имѣть случай въ домѣ послѣднихъ встрѣчаться съ нею. Онъ, Ивановъ,

будучи въ нетрезвомъ видѣ, не согласился на это изъ упрямства, тогда Орлицкая просила возвратить немедленно ея письма, опасаясь дурныхъ послѣдствій и для того зашла къ Иванову на квартиру; но онъ не могъ открыть комода, въ которомъ лежали письма ея и обѣщался отослать ихъ къ Орлицкой впослѣдствіи. Относительно пряди волосъ Ивановъ объяснилъ, что онъ получилъ ихъ отъ Орлицкой и носилъ ее при себѣ, какъ талисманъ.

Врачъ Орлицкій, спрошенный (по ссылкѣ на него Иванова), заявилъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ въ рукахъ Иванова пузырекъ; это было тогда, когда Ивановъ пришелъ къ нему Орлицкому. Его умершая жена, чтобы отвязаться отъ Иванова, дала ему пузырекъ съ магнезіей, который впрочемъ Ивановъ не призналъ за свой. Остальныя же показанія Иванова Орлицкій отвергнулъ.

Отецъ и мать Орлицкой, Ограновичи тоже не подтвердили показаній Иванова, будто бы Орлицкая жаловалась у нихъ въ домѣ на мужа и прогуливалась съ Ивановымъ, испросивъ дозволеніе матери; равно отвергли и показаніе Иванова о томъ, что онъ будто бы склонялъ ихъ помирить Орлицкую съ мужемъ. При очныхъ ставкахъ Иванова съ Орлицкимъ и Ограновичами, всѣ они остались при прежнихъ показаніяхъ.

По справкѣ въ аптекѣ Іордана оказалось, что Ивановъ дѣйствительно получилъ по заявленымъ имъ требованіямъ 11-го и 12-го февраля стрихнинъ въ томъ количествѣ и того качества какъ онъ самъ показалъ на допросахъ.—Далѣе были спрошены матросъ Кириленко и Михайловъ (деньщикъ Иванова). Изъ нихъ показали: 1) Кириленко, что 27 февраля онъ дѣйствительно, сопровождая Орлицкую, заходилъ къ Иванову; затѣмъ въ тотъ же день вечеромъ т. е. 27-го февраля, онъ получилъ отъ Орлицкой, предъ тѣмъ какъ она ложилась спать, записку къ Иванову, отнесъ ее 28-го февраля утромъ часу въ шестомъ, и получилъ въ свою очередь отъ Иванова маленькій запечатанный пакетикъ, который и отдалъ Орлицкой. 2) Это показаніе Кириленко, о приходѣ имъ къ Иванову разъ съ барыней, а разъ съ запиской, подтвердилъ деньщикъ Иванова, Михайло Михайловъ, съ добавленіемъ однако, что записку подалъ Иванову самъ Кириленко и послѣ того вышелъ. Но Ивановъ велѣлъ его воротить и вновь позвалъ Кириленко въ комнату, откуда вскорѣ послѣдній

вышелъ, неся что-то въ рукахъ. Ивановъ, отпустивъ Кириленко, былъ скученъ, легъ на кровать и заперся въ комнатѣ, а его Михайлова, послалъ къ Орлицкимъ узнать, что тамъ дѣлается.— Въ другомъ же показаніи тотъ же Михайловъ объяснилъ, что когда Кириленко ушелъ, то Ивановъ заснулъ и всталъ уже тогда, когда, Кириленко пришелъ въ другой разъ сказать о смерти Орлицкой.

Изъ числа отобранныхъ у Иванова записокъ Орлицкой, захваченъ обрывокъ письма. Слѣдователи, сличивъ его съ обрывкомъ, найденнымъ у Орлицкаго въ плевальницѣ, увидѣли, что оба обрывка, сложенные вмѣстѣ, составляютъ полную записку слѣдующаго содержанія: «мужъ назвавъ меня б...., отобралъ у меня отраву, дай другое».

Лекарь Ивановъ, спрошенный противъ этихъ уликъ, объяснилъ слѣдующее: знакомство его съ Орлицкими началось съ 1857 года, 3-го или 4-го февраля этого года, онъ переѣхалъ на квартиру, отдаваемую Орлицкимъ на мезонинѣ. Въ началѣ своего знакомства съ Орлицкими онъ посѣщалъ ихъ рѣдко, но впослѣдствіи сталъ почти ежедневнымъ ихъ гостемъ. Орлицкіе оказывали ему всевозможную заботливость и ласки и вообще принимали его, какъ роднаго. Увлеченный съ самаго перваго дня знакомства наружною красотою, а впослѣдствіи и душевными качествами Орлицкой, онъ Ивановъ полюбилъ ее и на пасхѣ 1859 года узналъ, что любимъ ею взаимно. Страсть усиливалась и впослѣдствіи онъ былъ съ Орлицкою въ любовной связи. Мужъ ея, заподозривъ Иванова, сталъ ревновать его. Ядъ онъ бралъ изъ аптеки для отравленія себя и Орлицкой. Мысль самоотравленія приходила Орлицкой еще въ маѣ 1859 года, а по вступленіи съ Ивановымъ въ любовную связь, Орлицкая еще чаще стала говорить о своемъ намѣреніи отравиться. Изъ пузырька, взятаго изъ аптеки 11-го февраля, онъ Ивановъ въ тотъ же день отсыпалъ часть стрихнину для Орлицкой по просьбѣ ея. Всыпая себѣ порошекъ въ кофе 27 февраля, онъ, Ивановъ, хотя и думалъ выпить его, но едва-ли исполнилъ-бы это. Вечеромъ того же дня, идя по улицѣ съ Орлицкою и будучи хмѣленъ, онъ условился съ нею принять ядъ одновременно. Условіе это они подтвердили и на его квартирѣ, куда Орлицкая зашла и взяла пузырекъ съ азотнокислымъ стрихнином. У него

же остался пузырекъ съ чистымъ стрихниномъ, часть котораго была израсходована. На другой день Иванова разбудилъ человѣкъ Орлицкаго Кириленко и подалъ записку отъ Орлицкой Содержаніе записки изложено выше. Получивъ эту записку, Ивановъ съ просонковъ не сообразивъ, что дѣлаетъ, оторвалъ отъ нея клочекъ, (который былъ найденъ въ плевальницѣ) насыпалъ въ него чистаго стрихнину и, запечатавъ его, послалъ Орлицкой, а самъ легъ спать. Когда Иванова разбудили и сообщили ему о смерти Орлицкой, то онъ такъ оробѣлъ, растерялся и упалъ духомъ, что забылъ принять по условію ядъ. Къ этому Ивановъ прибавилъ, что ни у него, ни у Орлицкой никогда не рождалось и мысли, чтобы отравить ея мужа.

По рѣшенію морскаго генералъ-аудиторіата, удостоенному Высочайшаго утвержденія, лекарь Ивановъ сосланъ въ Сибирь въ мѣста, менѣе отдаленныя, съ преданіемъ его церковному покаянію. Основаніемъ къ этому смягченію наказанія послужило то соображеніе, что по уголовному нашему законодательству каторжная работа несовмѣстна съ церковнымъ покаяніемъ, а Иванову прежде всего надо очистить свою совѣсть.

Изложивъ сущность дѣла, мы разсмотримъ его *психологическую* сторону и постараемся разъяснить причины, побудившія доктора Иванова содѣйствовать самоубійству Орлицкой. Несомнѣнно, что Ивановъ состоялъ съ послѣднею въ любовной связи, но собственно страсти, глубокой и преданной, и любви, готовой на всѣ жертвы, онъ къ ней не чувствовалъ.

Какъ только Ивановъ сдѣлался ея любовникомъ, въ немъ произошла перемѣна; онъ уже пересталъ прикрываться маскою страсти, а прямо обнаруживаетъ свое «я,» нисколько не заботясь о жертвѣ своего эгоизма. Доказательства тому слѣдующія: 1) когда мужъ Орлицкой, замѣтивъ ея любовную связь съ Ивановымъ, жестко обошелся съ нею и почти выгналъ изъ дому, то Ивановъ на просьбу Орлицкой взять ее къ себѣ, отвѣтилъ ей, что это будетъ скандализировать общество. Такимъ образомъ Ивановъ въ отвѣтъ на увлеченіе отдавшейся ему въ пылу страсти женщины, взвѣшиваетъ, какъ аптекарь на вѣсахъ, всѣ представляющіяся выгоды и невыгоды ея предложенія и останавливает-

ся боязнію быть связаннымъ на всю жизнь съ женщиною, забывшею для него свои супружескія обязанности. Ивановъ не обращаетъ вниманія и на то, что Орлицкая доведена до отчаянія и готова прибѣгнуть къ самоубійству. 2) Точно такой же эгоизмъ проглядываетъ въ Иваповѣ, когда онъ въ отвѣтъ на просьбу Орлицкой помириться съ ея родными, отвѣчаетъ ей отрицательно только потому, что самолюбіе не позволяетъ ему снизойти до извиненія передъ лицами, которыхъ онъ самъ оскорбилъ.

Такимъ образомъ Ивановъ, совративъ съ пути молодую женщину, нисколько не заботится возстановить ея упавшій духъ и поддержать ее въ борьбѣ съ ея мужемъ, родными и обществомъ, а пользуясь своимъ психическимъ на нее вліяніемъ, поддерживаетъ въ ней мысль о самоубійствѣ. Эта мысль должна была неминуемо окрѣпнуть у Орлицкой, когда она увидѣла, что ея единственный другъ и совѣтникъ отказываетъ ей во всякой помощи. Ивановъ при Орлицкой говоритъ, что онъ имѣетъ у себя яду для отравленія 60 человѣкъ и въ доказательство удобства, съ которымъ онъ располагаетъ этими ядами, носитъ одинъ изъ нихъ, именно стрихнинъ, постоянно съ собою. Для поддержанія рѣшимости Орлицкой принять ядъ, Ивановъ уговаривается съ нею принять его одновременно, но не рѣшается принять его и приводитъ къ тому извиненіемъ, что онъ, узнавъ о смерти Орлицкой, совершенно растерялся, оробѣлъ и упалъ духомъ. Но подобное состояніе, препятствовавшее ему покуситься на собственную жизнь, не мѣшало ему однако давать съ обдуманностію при слѣдствіи изворотливыя показанія. Сознался-же онъ во всемъ только тогда, когда невозможно было дальнѣйшее запирательство въ виду ясныхъ уликъ, собранныхъ слѣдователями.

Итакъ несомнѣнно, что Ивановъ не имѣлъ намѣренія отравиться и условился объ этомъ съ Орлицкой, только желая, какъ можно болѣе укрѣпить въ ней мысль о самоубійствѣ и тѣмъ отдѣлаться отъ обязанности принять ее къ себѣ въ домъ и связать съ нею свою жизнь *); развязаться-же съ Орлицкою инымъ способомъ то есть прекращеніемъ знакомства, было уже поздно: такъ-какъ о любовной связи его съ нею узнали мужъ и родители Орлицкой.

*) Что Иванову никогда и на мысль не приходило отравиться, видно и изъ его собственнаго показанія, относительно яда въ кофе.

Затѣмъ невозможно допустить, что Ивановъ далъ ядъ Орлицкой, только подчиняясь ея вліянію и требованіямъ: отъ него всегда зависѣло предотвратить ея самоубійство, принявъ ее къ себѣ въ домъ, о чемъ просила его сама Орлицкая, и тогда исчезалъ съ ея стороны всякой поводъ къ самоубійству.

Во всякомъ случаѣ преступленіе Иванова подходитъ подъ правило, постановленное 2024-ю ст. улож. о наказ., по которой «кто склонитъ другаго къ самоубійству, или чрезъ доставленіе средствъ къ тому, или инымъ какимъ-либо образомъ будетъ участвовать въ совершеніи имъ сего преступленія, тотъ за сіе подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ за пособіе въ убійствѣ, учиненное съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ на основ. постанов. въ 133 ст. улож. правилъ о пособникахъ въ преступленіи».—Слѣдовательно законъ: 1) сводитъ всѣхъ участниковъ въ упомянутомъ преступленіи на степень пособниковъ и 2) не разбираетъ ни способовъ, которыми произведено самоубійство, ни личныхъ отношеній пособника къ самоубійцѣ, а опредѣляетъ наказаніе только, основываясь на большой или меньшей необходимости пособничества подсудимаго, для учиненія другимъ лицомъ самоубійства. Въ настоящемъ-же дѣлѣ Ивановъ является пособникомъ безусловно-необходимымъ, потому-что только онъ, какъ докторъ, могъ удобно и во всякое время достать яду.

Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что по сему дѣлу corpus delicti не былъ приведенъ въ полную и точную извѣстность. — Медицинскій актъ, хотя и свидѣтельствуетъ, что въ желудкѣ Орлицкой найденъ стрихнинъ, но не указываетъ, какой именно, то есть чистый или азотно-кислый? Поэтому можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ: умерла-ли Орлицкая отъ стрихнина, доставленнаго ей Ивановымъ или отъ другаго *).

Виновность-же Иванова по сему дѣлу несомнѣнна и подтверждается вполнѣ его сознаніемъ и обстоятельствами дѣла.

Лейт. В. Купицкій.

---

*) Адвокатъ Иванова въ этомъ дѣлѣ имѣлъ-бы возможность доказывать, что Орлицкая могла умереть отъ отравленія ея мужемъ, который, вмѣсто того, чтобы выбросить склянку съ чистымъ стрихнином въ отхожее мѣсто, выбросилъ въ послѣднее стклянку съ частью стрихнина, а при помощи добытаго такимъ образомъ стрихнина предупредилъ самоотравленіе Орлицкой, подмѣшавъ ей въ пилитую чашку чая чистаго стрихнина.

XV. Убійство рядоваго ревельской маячной роты Безперга его товарищемъ Михелемъ Мауромъ.

29 іюля 1862 г. на городскомъ пастбищѣ у дороги, ведущей къ корчмѣ Швейнсбергъ, недалеко отъ южноекатеринтальскаго маяка, на горѣ Лакебергъ, близъ Ревеля усмотрѣно мертвое тѣло рядоваго маячной команды Безперга.—По произведенному того же числа осмотру надзирателемъ ревельской полиціи, на груди мертваго почти подъ шеею оказалась рана; рубаха и штаны были въ запекшейся крови, лежалъ онъ на лѣвомъ боку въ рубахѣ, шерстяномъ камзолѣ, брюкахъ и сапогахъ, но безъ фуражки и сюртука, который лежалъ сзади.—Медики, свидѣтельствовавшіе мертвое тѣло 30 іюля, нашли, что у Безперга на груди у самаго сочлененія правой ключицы съ рукояткою грудной кости находилась проникающая въ грудную полость рана, которая постепенно съуживаясь доходила до самаго корня средней доли праваго легкаго. Смерть Безперга по медицинскому заключенію произошла отъ кровотеченія изъ средней доли праваго легкаго вслѣдствіе проникающей ее насквозь раны, которая по мнѣнію врачей нанесена убійцею, доказательствомъ чего служитъ высокое мѣстоположеніе раны на груди, направленіе ея и глубина при отсутствіи на мѣстѣ происшествія какого либо оружія.

При слѣдствіи показали: пасынокъ отставнаго солдата Юрисона, мальчикъ 12 л. *Руталь*, что 27 іюля около 10 часовъ вечера, возвращаясь домой съ мызы Швейнсбергъ, куда носилъ пищу вотчиму, замѣтилъ на дорогѣ двухъ матросовъ, изъ коихъ одинъ лежалъ, а другой сидѣлъ возлѣ лежавшаго; подойдя къ нимъ, онъ увидѣлъ, что у лежавшаго грудь, рубаха и штаны были облиты кровью; тогда сидѣвшій матросъ, снявъ съ лежавшаго фуражку, покрылъ грудь послѣдняго и просилъ, чтобы онъ, Руталь, принесъ въ своей фуражкѣ воды, дабы полить грудь лежавшаго, говоря, что окровавленный матросъ долженъ, по его мнѣнію, сейчасъ умереть, а лежавшій въ то-же время просилъ сидѣвшаго отпустить его, но сидѣвшій успокоивалъ лежавшаго словами: «будь спокоенъ, ты скоро умрешь». Онъ, Руталь, пошелъ за водою и когда возвратился, то сидѣвшаго матроса на мѣстѣ уже не было, лежавшій стоналъ, стараясь встать, но не

въ силахъ былъ подняться. Испугавшись происшествія, онъ, Руталь, отправился домой и на другой день, придя вновь на мызу Швейнсбергъ, объявилъ владѣтельницѣ мызы о происшествіи. 2) Крестьянинъ мызы Мойкъ, Юрри *Лайпса*, его жена и временно-отпускной матросъ *Урманъ*,—показали, что 27 іюля поздно вечеромъ въ избу перваго ворвался неизвѣстный матросъ, весь мокрый, и намѣреваясь лечь спать, при входѣ сказалъ, что тамъ люди рѣжутся ножами, прибавивъ: «мнѣ будетъ бѣда»; тогда Урманъ съ Лайпсомъ выгнали его изъ избы. 3) Городской пастухъ *Ямбергъ* объяснилъ, что 28 іюля въ 12 часу полдня, когда гналъ скотину для водопоя, увидѣлъ мертваго солдата съ раною въ груди, о чемъ объявилъ кузнецу мызы Іоганенсгофъ, съ которымъ въ тотъ-же вечеръ былъ въ избѣ крестьянина Юрри Лайпса, гдѣ матросъ Урманъ разсказывалъ, что накапунѣ бывшій у нихъ матросъ сказывалъ, что рѣжутъ матроса. Согласно съ Ямбергомъ показалъ кузнецъ *Вакка*. 4) Проживающая на городскомъ пастбищѣ крестьянка *Козе* объяснила, что 27 іюля она чрезъ свой заборъ видѣла, какъ три матроса проходили отъ шинка, находящагося недалеко отъ Швейнсберга, двое изъ нихъ *обнявшись*, а третій слѣдуя сзади и первые двое легли недалеко отъ того мѣста, гдѣ потомъ усмотрѣно мертвое тѣло, а послѣдній пошелъ по направленію къ городу; матросы эти между собою не ссорились. 5) Шинкарка *Крусманъ* показала, что 27 іюля дѣйствительно въ ея шинкѣ два раза, послѣдній разъ вечеромъ, было нѣсколько нижнихъ чиновъ но они между собою *не* ссорились.

Мальчикъ Руталь и шинкарка Крусманъ, по предъявленіи имъ рядовыхъ маячной роты, признали: Руталь — рядоваго Михеля Маура за того матроса, который сидѣлъ возлѣ другаго лежавшаго матроса, а Крусманъ—его же, Маура за солдата, бывшаго въ ея шинкѣ 27 іюля.

Во время сей очной ставки рядовой *Маура* сознался, что 27 іюля вечеромъ онъ нанесъ товарищу своему Безпергу ножемъ рану, потому-что Безпергъ будто бы бросилъ въ него камнемъ и вновь подходилъ къ нему съ камнемъ, причемъ Мауръ объяснилъ, что ножъ, коимъ нанесена рана, потерялъ онъ дорогою. При слѣдствіи Мауръ не отрицался отъ своего сознанія въ нанесеніи Безпергу раны съ цѣлію оборопяться, показалъ, что 27

іюля бывъ командиромъ ревельскаго плавучаго маяка отпущенъ въ Ревель на шлюпкѣ вмѣстѣ съ другими рядовыми, онъ по прибытіи на берегъ, отправился съ Безпергомъ и Куликовымъ погулять въ шинокъ Швейнсбергъ, гдѣ напились они до пьяна; и при уходѣ вечеромъ Безпергъ, затѣявъ ссору, нанесъ Куликову ударъ по головѣ, а потомъ ударилъ его, Маура и затѣмъ не смотря на его убѣжденія, постоянно на обратномъ пути къ шлюпкѣ ссорился съ нимъ и поднявъ камень напалъ на него, Маура, намѣреваясь ударить. Обороняясь, онъ предупреждалъ Безперга оставить его въ покоѣ и чтобы его усмирить, показалъ ему свой складной ножъ, но Безпергъ не смотря на его убѣдительныя просьбы не отставалъ и принималъ всѣ средства, чтобы нанести ему, Мауру ударъ въ голову камнемъ; тогда страшась большаго камня, находившагося въ рукахъ Безперга, онъ, Мауръ, чтобы защитить себя, нанесъ Безпергу складнымъ ножемъ рану въ грудь; но намѣренія убить не имѣлъ, а желалъ устранить отъ себя Безперга, другимъ же образомъ не могъ получить защиты, такъ-какъ Безпергъ былъ гораздо сильнѣе его и крѣпче. Безпергъ, по нанесеніи раны, упалъ на землю, а Куликовъ, увидѣвъ то, убѣжалъ. Тогда онъ, Мауръ присѣлъ къ Безпергу и старался унять текшую изъ груди Безперга кровь но успѣха не имѣлъ. Къ тому времени подошелъ мальчикъ, котораго онъ попросилъ принести воды, но не дождавшись возвращенія мальчика, убѣжалъ съ мѣста происшествія отъ страха, Просилъ-ли его, Маура, Безпергъ отпустить и говорилъ ли онъ. Мауръ, Безпергу, чтобы успокоился, ибо скоро умретъ,—не помнитъ, ибо въ то время находился въ пьяномъ состояніи. Къ сему Мауръ присовокупилъ, что о семъ происшествіи никому не объявлялъ.

Рядовой той-же команды *Куликовъ* при слѣдствіи показалъ, что бывъ 27 іюля сильно пьянъ, онъ ничего не помнитъ, кромѣ лишь того, что при уходѣ изъ шинка Безпергъ и Мауръ ссорились между собою, и когда дѣло между ними пошло не на шутку, то онъ, Куликовъ убѣжалъ и войдя въ одну избу, сказалъ бывшему тамъ солдату, что дерутся ножами и затѣмъ, когда его не пустили въ избу, пошелъ въ казарму. Также не помнитъ, ударилъ-ли Безпергъ его или Маура и нанесъ-ли Мауръ Безпергу рану, но видѣлъ, что у Маура былъ въ рукахъ ножикъ. —

Куликовъ и 5 его товарищей, рядовые маячной роты, спрошенные подъ присягою, удостовѣряютъ, что Мауръ съ Безпергомъ жили въ согласіи и между ними они не замѣчали никакой вражды.

Морской генералъ-аудиторіатъ (по разсмотрѣніи въ качествѣ послѣдней инстанціи этого дѣла), признавая подсудимаго Маура по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла виновнымъ въ убійствѣ товарища своего Безперга въ дракѣ, опредѣлилъ: его, Маура, на основаніи 394, 392 ст. кн. 1 св. мор. угол. пост., 3 п. Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ управляющаго морскимъ министерствомъ отъ 17 апрѣля за № 53, согласно съ мнѣніемъ главнаго командира кронштадтскаго порта, смѣстивъ съ старшаго на младшій окладъ, наказать розгами двумястами ударовъ и затѣмъ перевести въ разрядъ штрафованныхъ на основаніи 3-го § правилъ о штрафованныхъ нижнихъ чинахъ; сверхъ того подвергнуть церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства его исповѣданія.

Характеристическая черта этого дѣла состоитъ въ томъ, что Мауръ; будучи пьянъ *) нанесъ своему товарищу по службѣ Безпергу смертельную рану.

Въ этомъ дѣяніи Мауръ изобличается какъ собственнымъ сознаніемъ, такъ и обстоятельствами дѣла; но намъ интересно прослѣдить другой вопросъ: дѣйствительно-ли онъ находился въ такомъ состояніи опьяненія, что не сознавалъ вполнѣ того, что дѣлалъ, и какое вліяніе имѣетъ вообще опьяненіе на вмѣненіе преступленій?

Изъ собственныхъ показаній Маура видно, что бывъ отпущенъ съ маяка на берегъ, онъ съ своими товарищами, Безпергомъ и Куликовымъ, отправился въ шинокъ Швейнсбергъ, гдѣ они *напились до пьяна*. Послѣднее обстоятельство, до извѣстной степени, подтверждается: а) показаніемъ шинкарки Крусманъ, что Мауръ 27 мая былъ у ней въ шинкѣ; б) объясненіемъ спутника Маура, Куликова, что бывъ 27 іюля (день совершенія преступленія), сильно пьянъ—онъ *ничего не помнитъ*, кромѣ лишь того,

*) Замѣчательно, что по морскому вѣдомству значительная часть преступленій совершается людьми, находившимися въ нетрезвомъ видѣ.

что при уходѣ изъ шинка Безпергъ и Мауръ ссорились и что у Маура былъ ножъ; в) объясненіемъ крестьянки Козе, что она видѣла двухъ матросовъ (по всѣмъ вѣроятіямъ Маура и Безперга) обнявшимися (за нѣсколько времени до убійства) и что они между собою не ссорились; в) показаніемъ мальчика Руталя, что онъ видѣлъ матроса (Безперга) на землѣ въ крови; и когда Безпергъ просилъ сидѣвшаго около него матроса (Маура) отпустить его, то послѣдній отвѣчалъ: «будь покоенъ, ты скоро умрешь». Эти слова подсудимаго показываютъ въ немъ совершенное помраченіе умственныхъ способностей въ моментъ совершенія убійства, тѣмъ болѣе, что ранивъ Безперга, онъ не только не обратился въ бѣгство, но напротивъ сѣлъ около него, и просилъ посторонняго свидѣтеля (Руталя) принести воды, и только затѣмъ уже, то есть послѣ того, какъ былъ видѣнъ, убѣжалъ, какъ онъ самъ говоритъ, со страха.

Все это убѣждаетъ насъ, что Мауръ при совершеніи убійства находился въ состояніи *полнаго опьяненія* и нанесъ рану только подъ вліяніемъ его, дѣйствуя почти безсознательно *).

Замѣчательную характеристику опьяненія дѣлаетъ знаменитый криминалистъ Фейербахъ въ его: actenmässige Darstellung merkwürdigen Verbrechen (по поводу процесса Пюрнера, однороднаго съ настоящимъ). По его словамъ: «первое дѣйствіе, въ которомъ выражается начало опьяненія, заключается въ возбужденіи и усиленіи чувственной дѣятельности. Человѣкъ чувствуетъ себя въ пріятномъ состояніи; онъ дѣлается гораздо воспріимчивѣе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, онъ обращаетъ больше вниманія на окружающія его явленія, онъ предается настоящему со всѣми своими представленіями, ощущеніями и чувствованіями. Пьяный живетъ *для настоящаго*, прошедшее и будущее удаляются передъ нимъ въ туманную даль, и если онъ иногда вызываетъ ихъ образы, то только для того, чтобы придать имъ краски настоящаго. Все, что не возбуждаетъ его извнѣ, далеко отъ него и если случайно что-либо подобное привлечетъ его вниманіе, то только потому, что оно находится въ тѣсной связи съ настоящимъ. Обращаясь въ чувственномъ мірѣ, увлекаясь мимолетными внѣшними ощущеніями, пьяный все менѣе и менѣе становится вос-

*) Затѣмъ уже безразлично: кто первый, то есть Мауръ или Безпергъ началъ ссору.

пріимчивъ ко всему духовному, ко всему тому, что онъ долженъ понять и удержать мыслію. Сверхчувственное можетъ привлечь его вниманіе, даже живо заинтересовать его, но только въ той мѣрѣ, въ какой подастъ къ тому поводъ настоящее, дѣйствительное и только тогда, когда онъ низведетъ его въ кругъ своей чувственной жизни, когда онъ олицетворитъ духовное когда онъ мысли и понятія обратитъ въ образы. Пьяный обыкновенно предается веселью и даже забываетъ сильно гнетущее его горе; по извѣстной пословицѣ: in vino veritas, скрытный и осторожный дѣлается откровеннымъ и легкомысленнымъ, робкій доходитъ до смѣлости, торжественно-серьозный предается беззаботному разгулу; расчетливый, благоразумный человѣкъ доходитъ до такихъ глупостей, въ которыхъ быть можетъ ему прійдется раскаиваться всю свою жизнь; всѣ эти и тому подобныя явленія ежедневной жизни имѣютъ свою единственную причину въ господствѣ видимаго и настоящаго. Человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ опьянѣнія, теряетъ все болѣе и болѣе воспоминаніе прошедшаго и не принимаетъ въ разсчетъ будущаго; въ то же время обманчивый блескъ внѣшняго міра скрываетъ отъ него все то, что заключается подъ поверхностью *видимой дѣйствительности*, что доступно не чувствамъ, а *мысли*, и что должно не служить чувственному міру, а управлять имъ и надъ нимъ господствовать. Все это, конечно, еще не исключаетъ вмѣняемости. Но чѣмъ сильнѣе становится опьяненіе, тѣмъ болѣе духъ увлекается настоящимъ и тѣми внѣшними явленіями, которыя оно представляетъ; тѣмъ дальше отступаютъ передъ нимъ прошедшее и будущее; тѣмъ тѣснѣе то пространство времени, которое онъ можетъ обнять однимъ взоромъ; тѣмъ ограниченнѣе его кругозоръ для пониманія различныхъ явленій, даже быстро слѣдующихъ одно за другимъ, пока наконецъ, поглощенный круговоротомъ настоящаго, онъ живетъ только *въ данномъ моментѣ*. Съ памятью изчезло представленіе прошедшаго и будущаго. Въ его сознаніи не находятъ для себя мѣста ни вчера, ни сегодня, ни завтра, а только маленькое *теперь*. Онъ не знаетъ, что онъ уже жилъ прежде, что онъ будетъ жить еще потомъ; онъ чувствуетъ свое существованіе, какъ животное, только въ настоящемъ мгновеніи, которое вслѣдъ затѣмъ принадлежитъ уже прошедшему. Въ то время какъ чувства, ихъ

представленія, впечатлѣнія и побужденія вполнѣ подчинили его своему господству, надъ его узкимъ горизонтомъ зашли звѣзды нравственнаго и законнаго порядка, такъ что наконецъ ни одинъ ихъ лучъ не можетъ достигнуть его души. Долгъ и законъ не только не обращаютъ на себя его вниманія, но не существуютъ болѣе въ его сознаніи; онъ не можетъ обращать на нихъ вниманія, потому-что болѣе онъ не обладаетъ ими; онъ не обладаетъ ими, потому-что не находитъ ихъ своей душѣ; онъ не находитъ ихъ тамъ, потому-что онъ выхваченъ изъ того міра, которому они принадлежатъ, и перенесенъ туда, гдѣ его чувства поражаютъ только явленія ближайшаго настоящаго. Въ этомъ состояніи, въ которомъ человѣкъ (что хорошо выражаетъ простонародное выраженіе: «пьянъ какъ свинья») стоитъ наряду съ животными, по крайней мѣрѣ высшаго рода—*сознаніе* еще существуетъ, но *ограничено узкими рамками мимолетной минуты*, тогда-какъ все принадлежащее прошедшему или будущему покрыто глубокимъ мракомъ. Въ этомъ кругу онъ имѣетъ представленія и ощущенія, но все, что онъ представляетъ себѣ, является только *обломкомъ*, вырваннымъ изъ цѣпи вещей; все что онъ ощущаетъ, составляетъ лишь впечатлѣніе минутнаго, отдѣльнаго явленія, и то, что возбуждаетъ въ немъ эти представленія, эти ощущенія, становится *единственною* побудительною причиненою его желанія, его воли. Что онъ хочетъ, то онъ приводитъ въ исполненіе, если онъ имѣетъ только подъ рукою необходимыя къ тому средства. Тѣмъ не менѣе его желанія, его дѣйствія *слѣпы*, потому-что его духъ понимаетъ только то, что лежитъ у его ногъ, что попадается ему въ глаза, что слышится его ушамъ и потому-что отъ него скрылся не только нравственный міръ съ его заповѣдями, но и чувственный, за исключеніемъ небольшаго кусочка. А потому его дѣйствія, хотя и направлены къ ближайшей, предположенной имъ *цѣли*, но *не* имѣютъ никакого отношенія къ понятіямъ нравственности и закона и даже находятся внѣ всякой связи съ своими послѣдствіями, насколько они переходятъ за черту непосредственнаго вліянія, оказываемаго дѣйствіемъ. Подобное состояніе, не будучи настоящимъ идіотизмомъ, имѣетъ съ нимъ однако въ *своихъ* явленіяхъ и послѣдствіяхъ весьма близкое сходство.»

И такъ съ своей стороны мы находимъ, что постановленіе

морскаго генералъ-аудиторіата, признавшаго убійство Мауромъ въ состояніи опьяненія своего товарища полицейскимъ проступкомъ, (а не вмѣняемымъ уголовнымъ преступленіемъ), является не только справедливымъ, но и согласнымъ съ общими философскими началами науки уголовнаго права.

XVI. Дѣло о матросѣ Пилипенко, судженномъ за убійство и грабежъ.

Объѣздчикъ села Попаснаго (новомосковскаго уѣзда, вотчины помѣщика Родзянко) Кочатъ, вечеромъ 19-го декабря 1859 г., увидѣвъ близъ байрака, называемаго Погорѣлымъ, дугу и сани безъ лошади и людей, заявилъ о семъ сотскому и атаману, приглашая ихъ сдѣлать осмотръ, который по позднему времени отложенъ былъ до другаго дня, а на другой день атаманъ съ сотскимъ и упомянутымъ Кочатомъ, осмотрѣвъ сани, разошлись въ разныя стороны; Кочатъ, спустясь по косогору байрака, усмотрѣлъ сперва окровавленную рубаху, а затѣмъ въ самомъ байракѣ одѣтое въ однихъ портках мертвое тѣло мужескаго пола съ раною на щекѣ.—По произведенному 23-го декабря при членахъ временнаго отдѣленія земскаго суда наружному медицинскому осмотру мертваго тѣла, на лицѣ покойнаго, запачканномъ кровью, оказалась на правой сторонѣ разрубленная рана идущая отъ праваго угла рта внизъ и нѣсколько назадъ до нижняго края нижней челюсти, совершенно уничтожившая цѣлость мягкихъ частей щеки и десны, длиною $1\frac{1}{8}$ вершка; по внутреннемъ медицинскомъ осмотрѣ усмотрѣно, что твердая мозговая оболочка, ея пазухи, мягкая паутинная оболочка и существо мозга сильно наполнены кровью; въ обоихъ желудочкахъ сердца накопленіе темной крови, въ желудкѣ много жидкости, издающей сивушный запахъ. Врачъ, производившій осмотръ, заключилъ, что рана причинена тупымъ орудіемъ, утолщеннымъ къ верху, въ родѣ топора, и что смерть случилась вслѣдствіе этой раны отъ апоплексическаго удара, происшедшаго чрезъ истеченіе крови и накопленіе ея въ полостяхъ рта и носа, произведшее воспрепятствованное дыханіе во время опьяненія. Заключеніе это признано екатеринославскою врачебною управою правильнымъ.

При слѣдствіи крестьяне села Попаснаго показали: шинкарь *Велигура*,—что 18-го декабря въ пятницу предъ вечеромъ приходилъ въ шинокъ неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ солдатское платье, и, выпивъ водки, вышелъ изъ шинка; въ это время онъ, Велигура, посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ, что тотъ человѣкъ былъ не одинъ, а съ товарищемъ, сидѣвшимъ въ саняхъ.—*Поляковъ*,— что 18-го декабря въ пятницу къ ихъ шинку подъѣхали въ саняхъ двое; одинъ изъ нихъ былъ въ нагольномъ полушубкѣ, а другой въ солдатскомъ платьѣ; послѣдній пошелъ въ шинокъ, а первый остался въ саняхъ; оба они были выпивши.—*Юдинъ*,—что въ пятницу 18-го декабря онъ видѣлъ, какъ двое, изъ коихъ одинъ былъ одѣтъ въ солдатское платье, а другой въ нагольномъ полушубкѣ, проѣхали чрезъ село Попасное и выѣхали на ту дорогу, гдѣ впослѣдствіи было найдено мертвое тѣло.—*Сухотенный*,—что по должности пасѣчника онъ живетъ въ лѣсу недалеко отъ байрака Погорѣлаго, гдѣ найдено мертвое тѣло; въ пятницу 18-го декабря за полдень, идя въ село Попасное, увидѣлъ онъ ѣхавшаго верхомъ на лошади неизвѣстнаго человѣка въ нагольномъ полушубкѣ и мужицкой шапкѣ; этотъ человѣкъ сперва закричалъ ему: не уходи; потомъ разспросилъ, куда идетъ и наконецъ, обругавъ, сказалъ: вы убили моего брата, куда вы его дѣвали; человѣкъ этотъ былъ похожъ на солдата; на посу его была замѣтна кровь; затѣмъ, когда онъ, Сухотенный, возвращался обратно домой, то недалеко отъ байрака замѣтилъ сани безъ лошади и людей.—Крестьянинъ дер. Варваровки, помѣщицы Игнатьевой, *Куликъ* при слѣдствіи показалъ, что 18-го декабря около полудня въ находящійся въ ихъ деревнѣ шинокъ пріѣхали двое, изъ нихъ одинъ былъ одѣтъ въ солдатское платье, а другой въ мужицкомъ полушубкѣ, и выпивъ водки, отправились оба въ село Попасное, а на другой день изъ тѣхъ двухъ пришелъ пѣшкомъ тотъ, который былъ одѣтъ въ солдатское платье, и на вопросъ: гдѣ его товарищъ? отвѣтилъ: запьянствовалъ въ селѣ Попасномъ. По уходѣ солдата, вскорѣ къ ихъ колодцу подошла чужая лошадь, которую онъ, Куликъ, задержалъ и сдалъ въ экономію ихъ помѣщицы.—Куликъ, Поляковъ и Юдинъ, по предъявленіи имъ найденнаго въ байракѣ Погорѣломъ мертваго тѣла, объявили: первые двое,—что предъявленный похожъ на того, котораго видѣли одѣтымъ

въ мужицкомъ полушубкѣ; а Юдинъ,—что онъ положительно о семъ сказать не можетъ. Поляковъ и Юдинъ, по предъявленіи имъ найденныхъ близъ байрака саней съ дугою признали ихъ за тѣ самые, въ коихъ провзжали неизвѣстные имъ два человѣка.—Крестьянка села Попаснаго *Степанепкова* показала, что въ пятницу 18-го декабря за полдень неизвѣстный солдатъ, войдя въ ея дворъ, снялъ висѣвшую тамъ рубашку мужа и ушелъ, почему она выбѣжала со двора, чтобы отнять рубашку, и увидѣла, что солдатъ сѣлъ въ сани, гдѣ находился другой неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ мужицкое платье, и когда она стала кричать, то солдатъ тотчасъ изъ саней выбросилъ рубашку.—Крестьянинъ помѣщика Алексѣева *Волошинова* при слѣдствіи объяснилъ, что предъявленная ему задержанная въ дер. Варваровкѣ лошадь принадлежитъ отдновотчинному съ нимъ крестьянину Семену Ковякѣ, проживающему въ принадлежащемъ его помѣщику мѣстечкѣ Котовкѣ.—Крестьянинъ *Ковякъ*, признавъ предъявленную ему лошадь за собственную, показалъ, что 6 декабря, возвращаясь изъ села Перещепино съ ярмарки домой, съ сыномъ и работникомъ Васильемъ Степаненкою, онъ, по случаю дурной дороги, оставилъ свои сани въ селѣ Лычково у тамошняго крестьянина Печенаго, а 17-го декабря послалъ означеннаго работника на лошади съ упряжью за санями. Степаненко взялъ сани, поѣхалъ домой, но на дорогѣ два солдата, одинъ изъ мѣстечка Котовки,—Прокофій Пилипенко, а другой изъ села помѣщика Болюбаша, Колпаповки,—неизвѣстный по фамиліи, отняли у Степаненко лошадь съ санями, упряжью и сѣдломъ, завезли его въ балку, причинили побои и, бросивъ его, уѣхали на отнятыхъ саняхъ; по возвращеніи Степаненко, узнавъ о происшествіи, онъ, Ковякъ, объявилъ о томъ экономіи помѣщика Алексѣева и экономіи села Колпановки.—Согласно съ Ковякомъ показалъ крестьянинъ изъ цыганъ *Степаненко*, (спрошенный 30-го ноября 1862 г.), присовокупивъ, что для розыска преступниковъ съ цѣлію возвратить отнятое отъ него, онъ обращался въ село Колпановку къ тамошнимъ помѣщику и крестьянкѣ Безруковой; причемъ разсказалъ имъ о случившемся съ нимъ происшествіи.—Помѣщикъ *Болобаша* и крестьянка *Безрукова* подтвердили сдѣланное на нихъ Степаненко указаніе; изъ нихъ послѣдняя добавила, что проживавшаго въ ихъ селѣ солдата Сабакирева и

солдата мѣстечка Котовки Прокофія Пилипенко она знаетъ; жили они со времени выхода во временной отпускъ въ тѣсной дружбѣ.

Задержанный 15-го апрѣля 1860 г. въ селеніи Волосномъ тамошнею полиціею, по подозрѣнію въ укрывательствѣ отъ службы, матросъ Прокофій *Пилипенко*, (при коемъ оказался паспортъ о временномъ его отпускѣ), при допросѣ 29-го того-же апрѣля, не сознаваясь въ ограбленіи крестьянина Степаненко, показалъ, что по увольненіи въ 1857 г. во временной отпускъ проживалъ въ деревнѣ Котовкѣ новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи; въ декабрѣ 1859 г., встрѣтясь въ селѣ Чернетинѣ съ знакомымъ рядовымъ житомірскаго пѣхотнаго полка Сабакиревымъ, они вмѣстѣ отправились въ село Колпановку, гдѣ Сабакиревъ имѣлъ жительство; оттуда пошли въ Павлоградъ на заработки; дорогою, недоходя села Лычкова, встрѣтили ѣхавшаго въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, крестьянина Степаненко, отъ коего онъ, Пилипенко, сталъ требовать уплаты долга 11 руб. за проданную на ярмаркѣ ему, Степаненко, лошадь, но какъ Степаненко отъ того отказался, то онъ, Пилипенко, съ Сабакиревымъ взяли у него лошадь съ санями и поѣхали въ Павлоградъ; при этомъ Степаненкѣ побоевъ они не наносили; на пути заѣзжали въ трактиръ, гдѣ *пили водку*, а потомъ въ селѣ Попасномъ онъ, Пилипенко, выпилъ еще водки; далѣе, проѣзжая мимо лѣснаго байрака, между нимъ и Сабакиревымъ произошла драка, во время коей онъ ударилъ Сабакирева два раза кулакомъ такъ, что Сабакиревъ упалъ на землю и лишился жизни; убѣдившись въ смерти товарища, онъ стащилъ мертваго въ байракъ и, снявъ съ Сабакирева шубу и шапку, уѣхалъ верхомъ на лошади и затѣмъ до заарестованія жилъ въ разныхъ уѣздахъ; изъ-за чего между ними началась драка, не помнитъ, потому-что былъ совершенно пьянъ, но прежде жилъ съ Сабакиревымъ дружно; умысла на убійство товарища, а равно топора или другаго орудія во время произшествія не имѣлъ и доказательствъ на то, что Степаненко былъ ему долженъ, представить не можетъ.

По предъявленіи 10-го мая 1860 г. вышеупомянутымъ крестьянамъ Велигурѣ, Кулику и Сухотепному матроса Пилипенко, они въ немъ признали того самаго человѣка, который былъ

одѣтъ въ солдатское платье и котораго они видѣли: первые двое въ шинкахъ, а послѣдній на дорогѣ близь байрака, гдѣ найдено мертвое тѣло Сабакирева. На повальномъ обыскѣ 16-го октября 1860 г. крестьяне мѣстечка Котовки, одобривъ поведеніе матроса Пилипенко, показали, что онъ въ ссорѣ и дракахъ замѣченъ не былъ.

Сообразивъ изложенное, морской генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что матросъ Пилипенко вполнѣ изобличается въ убійствѣ рядоваго Сабакирева, совершенномъ хотя безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости, но однакожъ не случайно, а зная, что посягаетъ на жизнь другаго,—и въ ограбленіи крестьянина Степаненко, слѣдующими уликами и доказательствами—*по первому преступленію*: а) медицинскимъ свидѣтельствомъ, положительно удостовѣряющимъ, что смерть Сабакиреву послѣдовала отъ раны, нанесенной тупымъ орудіемъ въ родѣ топора (319 ст. II кн. св. мор. угол. пост.); б) собственнымъ сознаніемъ, что онъ убилъ Сабакирева (307 ст.), и в) тѣмъ, что о случившемся не заявилъ сосѣднимъ жителямъ или полиціи ни тотчасъ, ни послѣ происшествія, до тѣхъ поръ, пока не былъ заарестованъ, причемъ не принялъ никакихъ мѣръ къ оказанію умиравшему пособія, а напротивъ снялъ съ него одежду (332 и 334 ст.); а *по второму преступленію*—по слѣдующимъ уликамъ: а) крестьянинъ Степаненко, по ограбленіи его, заявилъ при первой возможности постороннимъ лицамъ о совершенномъ надъ нимъ преступленіи и указалъ участниковъ преступленія, причемъ разсказалъ обстоятельства, современныя происшествію, которыя оказались согласными съ показаніемъ подсудимаго; б) подсудимый Пилипенко сознался въ томъ, что при пособіи товарища отнялъ отъ Степаненко сани съ лошадью, и в) въ оправданіе свое Пилипенко не представилъ уважительныхъ обстоятельствъ, объявивъ, что не имѣетъ доказательствъ на то, что Степаненко былъ ему долженъ. Посему морской генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь 2218,2224 ст. кн. II т. XV св. Зак. и Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ приказѣ г. управляющаго морскимъ министерствомъ 17-го апрѣля 1863 г. за №53, опредѣлилъ: временно-отпускнаго матроса 34 флотскаго экипажа Прокофія Пилипенко, 29 лѣтъ, за убійство и грабежъ, лишивъ

воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную роботу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

Настоящее дѣло, являющееся въ юридическомъ отношеніи весьма простымъ и несложнымъ, (такъ-какъ подсудимый Пилипенко уличается какъ собственнымъ сознаніемъ, такъ и обстоятельствами дѣла), указываетъ только, подобно предъидущему процессу, на то, какъ часто пьянство, въ нашемъ народѣ, бываетъ побудительною причиною къ преступленію. Нѣтъ сомнѣнія, что убійство учинено было Пилипенко, какъ онъ и самъ объясняетъ, въ пьяномъ видѣ; это доказывается: а) показаніемъ двухъ свидѣтелей, что Пилипенко въ день убійства въ шинкахъ пилъ водку *; б) тѣмъ, что за нѣсколько времени до убійства онъ былъ съ Сабакиревымъ въ дружественныхъ отношеніяхъ; в) что послѣ убійства, встрѣтивъ Сухотеннаго, обругалъ его и сказалъ ему: вы убили моего брата, куда вы его дѣвали? причемъ говорилъ очевидно о Сабакиревѣ и находился въ состояніи безсознательномъ.

XVII. Дѣло о крестьянинѣ Михаилѣ Удовиченко, обвиняемомъ въ убійствѣ.

9-го іюня 1863 года карловское волостное правленіе донесло константиноградскому полицейскому управленію, что въ 5-ти верстахъ отъ селенія Карловки найденъ трупъ *неизвѣстнаго человѣка*. При осмотрѣ, произведенномъ слѣдователемъ и врачемъ, оказалось, что трупъ лежалъ ницъ на небольшой балкѣ, босой, съ разорванными шароварами, въ ситцевой рубашкѣ и такомъ-же жилетѣ, съ поднятыми на голову полами свиты изъ коричневаго простаго крестьянскаго сукна; задняя часть тѣла была обнажена и перерублена ниже поясницы, какъ-бы топоромъ; кромѣ этого знака на задней части тѣла, другихъ наружныхъ знаковъ нельзя было видѣть по причинѣ разложенія тѣла, покрытаго въ большомъ количествѣ червями, отчего и лицо было сильно обезображено. Въ карманѣ шароваръ оказались 12 коп. сер. и огниво; мѣсто, гдѣ найденъ трупъ, кругомъ обросшее разнаго рода хлѣбомъ, было въ 5-ти верстахъ отъ Карловки и въ

*) Именно утромъ 18-го дек. около полудня въ деревнѣ Варваровкѣ, (показаніе Кулика), а вечеромъ въ с. Попасномъ (показаніе Полякова).

полуверстѣ отъ почтовой дороги; отъ трупа замѣтенъ былъ слѣдъ неокованныхъ *колесъ* между посѣвами хлѣба по направленію къ почтовой дорогѣ. Изъ найденныхъ при вскрытіи трупа: трещины въ черепныхъ частяхъ, перелома грудной кости и реберъ, глубокихъ разрѣзовъ задней части и слѣдовъ кровонакопленія въ оболочкахъ головнаго мозга, врачъ заключилъ, что смерть насильственная, причемъ убійца употреблялъ и ножъ или другое острое орудіе. Трупъ предался въ сильной степени гнилости и не былъ узнанъ никѣмъ изъ жителей Карловки.

Затѣмъ 16-го іюня волостное правленіе донесло судебному слѣдователю, что крестьянинъ Гавріилъ Пивень объявилъ, что у него пропалъ неизвѣстно куда сынъ, служившій въ Полтавѣ у помѣщика Соколовскаго. На допросѣ Пивень показалъ, что, получивъ свѣдѣніе о томъ, что сынъ его Петръ намѣренъ былъ пріѣхать домой и между-тѣмъ не дождавшись его, онъ отправился съ своею дочерью, Харитиною, въ Полтаву, и тамъ отъ брата своего Никифора узналъ, что сынъ его недѣли двѣ тому назадъ отправился домой съ неизвѣстнымъ крестьяниномъ, родственникомъ мѣщанина Бойдаленка; пріѣдя къ Байдаленкѣ, показатель освѣдомился, что сынъ его дѣйствительно уговорился съ тѣмъ крестьяниномъ ѣхать домой, но на другое утро (3-го іюня), не дождавшись Петра, крестьянинъ тотъ уѣхалъ одинъ; вслѣдъ за тѣмъ къ Байдаленкѣ пришелъ Петръ, и узнавъ, что подводчикъ уѣхалъ, отправился догонять его; зная, что крестьянинъ, уговорившійся съ сыномъ показателя ѣхать домой, былъ хромой, показатель вышелъ изъ Полтавы, распрашивая у всѣхъ по дорогѣ. Въ трактирѣ Базилевскаго отъ шинкарки онъ узналъ, что 3-го іюня заѣзжалъ къ ней на конной подводѣ неизвѣстный крестьянинъ на деревяшкѣ, съ которымъ былъ *другой*; оба они пили водку и тотъ, который былъ на деревяшкѣ, говорилъ, что въ Полтавѣ у него вытащили 9 руб., и изъ разговора ихъ можно было узнать, что одинъ изъ нихъ *догналъ другаго за Полтавой*.—Шинкарка Корхова подтвердила это обстоятельство.

Изъ предъявленныхъ ему вещей, найденныхъ на убитомъ, Пивень узналъ только свиту, которая принадлежала его сыну; дочь-же Пивня Харитина, показала, что всѣ вещи, найденныя на убитомъ, принадлежатъ ея брату, Петру, и что кромѣ того при выходѣ изъ Полтавы у него были сапоги и синяя чемарка.

По сдѣланному розыску оказалось, что въ первыхъ числахъ, іюня ѣздилъ въ Полтаву для продажи рыбы ходящій на деревяшкѣ крестьянинъ Михаилъ *Удовиченко*, который на допросѣ показалъ, что изъ Полтавы онъ выѣхалъ 3-го іюня одинъ и въ тотъ-же день вечеромъ пріѣхалъ домой, отдавъ отцу вырученные за рыбу 16 р., что въ трактирѣ Базилевскаго онъ не заѣзжалъ и вообще объ убитомъ человѣкѣ ему ничего не извѣстно; въ Полтавѣ-же у него дѣйствительно не знаетъ кѣмъ украдены 9 р. с.

Отецъ Михаила Удовиченко, *Андрей*, показалъ, что ему тоже ничего неизвѣстно объ убитомъ человѣкѣ, но что сынъ его пріѣхалъ не 3, а 4 іюня на разсвѣтѣ и отдалъ ему не 16, а 24 руб.—Мать Михаила, *Ефросинія*, объявила, что она *не была дома* во время пріѣзда сына изъ Полтавы и потому ей ничего не извѣстно по этому дѣлу. На очной ставкѣ Михаила Удовиченко съ отцемъ первый сознался, что дѣйствительно пріѣхалъ 4-го іюня и привезъ 24 р., но что вмѣсто украденныхъ у него въ Полтавѣ 9-ти руб. онъ занялъ таковые въ Полтавѣ же у своего родственника Байдаленко. — Когда же Байдаленко не подтвердилъ этого показанія, то подсудимый объявилъ, что взялъ 9 р у своей матери, въ чемъ уличалъ ее и на очной ставкѣ, и она на эти улики подтвердила послѣднее показаніе сына.

При осмотрѣ телеги, въ которой Удовиченко ѣздилъ въ Полтаву, и его попоны, на нихъ оказались темно-красныя пятна, которыя врачъ призналъ пятнами крови; но медицинскій департаментъ, разсматривавшій эти вещи, послѣ химическо-микроскопическаго анализа, нашелъ, что изъ всѣхъ пятенъ только *одно* на попонѣ заключаетъ въ себѣ частицы *крови.*

Затѣмъ при слѣдствіи показали: 1) сидѣлица въ трактирѣ Базилевскаго, Корхова, подъ присягой, что въ Удовиченко она положительно узнаетъ того самаго человѣка, который 3-го іюня съ другимъ крестьяниномъ заѣзжалъ къ ней и разсказывалъ о пропавшихъ у него въ Полтавѣ 9-ти руб. 2) Унтеръ-офицеръ *Федоръ Удовиченко*, дядя подсудимаго,—что, по пріѣздѣ изъ Полтавы, Михаилъ, Удовиченко показывалъ ему *пару мало-ношенныхъ сапогъ съ красною опушкою* и *синюю чемарку*, говоря что купилъ ихъ очень дешево въ Полтавѣ.—На очной ставкѣ Федора съ Михайломъ послѣдній сознался, что дѣйствительно

имѣлъ эти вещи, но гдѣ онѣ въ настоящее время—ему *неизвѣстно*. 3) Жена и мать подсудимаго объяснили, что предъ выѣздомъ въ Полтаву у него былъ только одинъ сапогъ простой работы, по возвращеніи же домой онъ имѣлъ пару почти новыхъ рантовыхъ сапогъ; такое же показаніе дали подъ присягой бывшіе рабочими у Удовиченко: Горбань и Китенко.

На очной ставкѣ съ вышеозначенными пятью лицами подсудимый спачала обнаружилъ замѣшательство и смущеніе, а потомъ, не давая сознанія, говорилъ только: «ну гдѣ-жъ эти вещи, покажите мнѣ, вѣдь я ихъ не съѣлъ». —4) Мѣщанинъ *Байдаленко* (подъ предгареніемъ присяги) объяснилъ, что въ началѣ іюня Михаилъ Удовиченко заѣзжалъ къ нему, и разсказывалъ, что у него изъ вырученныхъ за рыбу денегъ уворовано 9 р.; еще до отъѣзда изъ Полтавы, боясь отвѣтственности предъ своимъ отцемъ за пропажу сказанныхъ 9 руб., Удовиченко просилъ его, Байдаленко, занять ему тѣ деньги, но получилъ въ томъ отказъ. Удовиченко въ тотъ-же день отправился на базаръ продавать рыбу, а онъ, показатель, уѣхалъ на биржу, и узналъ тамъ, что Петръ Пивень ищетъ подводчика по дорогѣ въ Константиноградъ; тогда показатель *привелъ Пивня къ Удовиченко*, и они условились на другое утро ѣхать, вмѣстѣ но Удовиченко, не дождавшись Пивня, уѣхалъ одинъ, а Пивень, прійдя вслѣдъ за тѣмъ къ показателю и узнавъ, что Удовиченко уѣхалъ, пошелъ догонять его. Тоже самое объяснила на допросахъ и жена Байдаленко, Ксенія 5) Дворянинъ *Авраменко* подъ присягой показалъ, что Петръ Пивень, служившій биржевымъ извощикомъ, 2-го іюня взялъ у него по разсчету 12 руб. и на другой день отправился домой; изъ найденныхъ-же на убитомъ вещей Авраменко узналъ картузъ и свиту, которыя видѣлъ у Петра Пивня. 6) Три свидѣтеля, подъ присягой, объявили, что они служили вмѣстѣ съ Петромъ Пивнемъ и съ достовѣрностью знаютъ, что, уѣзжая домой, онъ имѣлъ кромѣ денегъ разныя вещи, въ томъ числѣ почти новые рантовые, съ красной опушкой, сапоги и синюю чемарку *.

---

*) Во время производства дѣла Михаилъ Удовиченко, находясь въ тюрьмѣ, пытался бѣжать изъ нея, для чего сдѣланъ имъ проломъ въ полу. Обстоятельство это не подлежало судебному разбирательству, такъ-какъ покушеніе совершено имъ однимъ безъ всякаго сообщества съ другими

Подсудимый Михаилъ Удовиченко родился въ 1841 году, на повальномъ обыскѣ въ поведеніи не одобренъ, какъ человѣкъ, склонный къ воровству и нетерпимый въ обществѣ; кромѣ того изъ дѣла видно, что онъ состоялъ уже въ 1859 году подъ судомъ за кражу лошади и приговоромъ уѣзднаго суда присужденъ къ наказанію 30 ударами розогъ.

Полтавская уголовная палата, разсматривая настоящее дѣло, опредѣлила: Михаила Удовиченко оставить въ сильномъ подозрѣніи въ убійствѣ крестьянина Петра Пивня, и какъ онъ на повальномъ обыскѣ въ поведеніи не одобренъ, то поступить съ нимъ по 334 ст. уст. о пред. и прес. прест.

Полтавскій губернскій прокуроръ и начальникъ губерніи, не соглашаясь съ рѣшеніемъ палаты, полагали, что совокупностью имѣющихся въ дѣлѣ уликъ Удовиченко положительно изобличается въ убійствѣ Петра Пивня, и поэтому, на основ. 308, 341 и 343 ст. 2 кн. XV т. и 141, 2001 и 2002 ст. улож., подлежитъ наказанію по 2 ст. 21 ст. улож. въ высшей мѣрѣ, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 20 лѣтъ.

Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, правительствующій сенатъ (по 2 отд. 5 д-та) нашелъ, что при несознаніи подсудимаго Удовиченко въ убійствѣ Петра Пивня, противъ него имѣются слѣдующія улики: 1) разнорѣчивыя показанія его о времени пріѣзда домой и о количествѣ отданныхъ отцу за проданную въ Полтавѣ рыбу денегъ, причемъ онъ первопачально показалъ, что далъ 16 р., потомъ, уличенный въ ложномъ показаніи своимъ отцомъ, показалъ, что далъ еще 9 р., которые занялъ у Байдаленко—вмѣсто украденныхъ у него въ Полтавѣ; когда же Байдаленко показанія этого не подтвердилъ, то подсудимый сослался на свою мать, которая показала, что дѣйствительно дала ему 9 р, хотя это явно противорѣчитъ ея первому показанію, изъ котораго видно, что во время пріѣзда Удовиченко изъ Полтавы она не была дома; 2) присяжное показаніе

арестантами и безъ всякаго насилія, и по этому по точному смыслу закона (352 ст. улож.), онъ подлежалъ за это только заключенію въ отдѣльномъ уединенномъ мѣстѣ и въ отношеніи его должны были быть приняты особыя дозволенныя мѣры предосторожности для препятствованія ему бѣжать снова.

трактирщицы Корховой, о томъ, что Удовиченко былъ у ней въ корчмѣ вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, котораго однако въ лицо узнать не можетъ; при чемъ она объяснила, что Удовиченко разсказывалъ о покражѣ у него въ Полтавѣ 9 р., о чемъ она еще до возбужденія подозрѣнія на Удовиченко говорила отцу Пивня, показавшему тоже самое на первомъ допросѣ, 3) запирательство Удовиченко, который показалъ, что въ трактиръ Корховой не заѣзжалъ; 4) присяжныя показанія трехъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что у Пивня, въ день отъѣзда домой, были деньги и разныя вещи, въ томъ числѣ почти новые сапоги и синяя чемарка, и съ другой стороны показанія двухъ присяжныхъ и трехъ безприсяжныхъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что до поѣздки въ Полтаву у Удовиченко была только одна свита и одинъ старый сапогъ, а по возвращеніи домой онъ показывалъ имъ пару сапогъ и синюю чемарку, которыя будто купилъ въ Полтавѣ, но которыя отказался предъявить при слѣдствіи, увѣряя, что не знаетъ, куда они дѣвались; 5) показанія Байдаленко и его жены, данныя подъ напоминаніемъ присяги, въ томъ, что Удовиченко условился ѣхать домой съ Пивнемъ, и когда 3-го іюня Пивень не засталъ уже у нихъ Удовиченко, то отправился догонять его. 6) удостовѣреніе медицинскаго департамента, который, по химическому анализу, нашелъ на попонѣ, принадлежавшей Удовиченко, и бывшей при немъ во время возвращенія изъ Полтавы, кровавое пятно; 7) непредставленіе Удовиченкомъ никакихъ основательныхъ опроверженій противъ падающихъ на него уликъ, и замѣченное слѣдователями смущеніе подсудимаго, обнаруженное имъ на очныхъ ставкахъ при допросѣ его; 8) неодобренное на повальномъ обыскѣ поведеніе и прежняя подсудность въ преступленіи, совершенномъ на 18 году отъ рожденія. Обращаясь къ разсмотрѣнію силы и достоинства этихъ уликъ, правительствующій сенатъ нашелъ, что по точному смыслу 309 ст. 2 кн. XV т. при сужденіи о томъ, составляютъ-ли доказательства несовершенныя, совокупно взятыя, доказательство совершенное, надлежитъ имѣть въ въ виду: зависитъ ли достовѣрность многихъ доказательствъ отъ несомнѣнности *одного*, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ число всѣхъ ихъ не умножаетъ и не уменьшаетъ вѣроятности дѣйствія, поелику съ опроверженіемъ одного уничтожились-бы и всѣ прочія

(309 ст. 2 кн. XV т.)—Въ этомъ отношеніи имѣющіяся въ настоящемъ дѣлѣ несовершенныя доказательства виновности Удовиченко въ такомъ лишь случаѣ могли-бы составить доказательство совершенное, если-бы достовѣрность ихъ не зависѣла эть несомнѣнности двухъ обстоятельствъ, которыя не были разъяснены при слѣдствіи: 1) въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ полныхъ, исключающихъ всякое сомнѣніе доказательствъ того, что Удовиченко выѣхалъ изъ Полтавы вмѣстѣ съ Пивнемъ; два свидѣтеля (Байдаленко и его жена) удостовѣряютъ только, что между Удовиченко и Пивнемъ было условіе ѣхать вмѣстѣ, что Пивень утромъ 3-го іюня пошелъ догонять Удовиченко—но догналъ-ли его или нѣтъ, имъ неизвѣстно; затѣмъ Корхова хотя удостовѣряетъ, что Удовиченко былъ у нея съ *другимъ* неизвѣстнымъ крестьяниномъ, но о наружности послѣдняго не сказала ничего, такого, изъ чего можно бы было заключить, что крестьянинъ тотъ былъ именно Пивень; затѣмъ при осмотрѣ трупа неизвѣстнаго человѣка оказалось, что онъ подвергся въ сильной степени гнилости, не былъ предъявляемъ отцу и сестрѣ Пивня и никто изъ видѣвшихъ его не показалъ, что это былъ трупъ Пивня, а не какого-либо *другаго крестьянина*; хотя же отецъ и сестра Пивня и удостовѣряютъ, что найденное на убитомъ платье принадлежало Петру Пивню, но показаніе это не основано ни на какихъ положительныхъ данныхъ и не можетъ служить совершеннымъ доказательствомъ, въ особенности если, принять во вниманіе то, что крестьянскія платья по своему однообразному покрою и вообще наружнымъ признакамъ, почти не могутъ быть отличены одно отъ другаго. Такимъ образомъ правительствующій сенатъ не призналъ въ дѣлѣ семъ положительныхъ доказательствъ не только того, что Удовиченко ѣхалъ изъ Полтавы съ Пивнемъ, но и того, что найденный трупъ былъ именно трупъ Пивня, а не какого-либо другаго крестьянина. 2) Изъ свидѣтельства врача видно, что убійство не могло быть совершено безъ помощи какого-либо остраго орудія; между-тѣмъ изъ дѣла не видно, имѣлъ-ли Удовченко, выѣзжая изъ дому въ Полтаву или изъ Полтавы домой, какое либо острое орудіе, которымъ могъ-бы причинить смерть Пивню; это упущеніе слѣдователя, неисправимое въ настоящее время, наводитъ сомнѣніе на виновность Удовиченка, въ виду чего прави-

тельствующій сенатъ нашелъ невозможнымъ окончательно признать подсудимаго Михаила Удовиченко виновнымъ въ убійствѣ Пивня, тѣмъ болѣе, что по смыслу закона, выраженнаго въ 310 и 311 ст. 2 кн. XV т., чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства. Если законъ (310 и 311 ст. 2 кн. XV т.) предписываетъ основывать приговоры не иначе какъ на полныхъ, исключающихъ всякое сомнѣніе, доказательствахъ, то всѣ судебныя мѣста и должны сообразоваться съ симъ требованіемъ закона, отнюдь не приговаривая кого-либо къ наказанію въ случаѣ *сомнѣнія* о дѣйствительной виновности подсудимаго. По симъ соображеніямъ и руководствуясь 313 и 315 ст. 2 кн. XV т., правительствующій сенатъ *опредѣлилъ*: подсудимаго Михайла Удовиченко, 23 лѣтъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи въ убійствѣ Петра Пивня, предоставивъ обществу, если оно пожелаетъ,—выселить его въ Сибирь на жительство, на счетъ казны, согласно 334 ст. XIV т. уст. о пред. и прес. преступ.

Разсмотрѣніе настоящаго дѣла можетъ быть интересно только съ *юридической* точки зрѣнія и сводится къ вопросу о томъ: исключаетъ-ли совокупность уликъ, собранныхъ противъ Михаила Удовиченко, возможность сомнѣваться, что *онъ* именно совершилъ убійство?

Съ своей стороны мы убѣждены, что настоящее дѣло представляетъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда (не смотря на отсутствіе прямыхъ, формальныхъ доказательствъ) все соединяется къ тому, чтобы обвинить убійцу, когда всякое сомнѣніе въ его виновности является невозможнымъ

Чтобы дойти до этого убѣжденія, стоитъ только прослѣдить обстоятельства дѣла: Петръ Пивень (извощикъ города Полтавы) искалъ себѣ подводчика по дорогѣ въ городъ Константиноградъ, желая отправиться къ своему отцу. Мѣщанинъ Байдаленко, въ домъ котораго 2-го іюня прибылъ изъ константиноградскаго уѣзда Михаилъ Удовиченко для продажи въ г. Полтавѣ рыбы, привелъ Пивня къ Удовиченко, и послѣдніе условились на другое утро ѣхать вмѣстѣ. Удовиченко уѣхалъ, не дождавшись Пивня, а послѣдній, придя вслѣдъ затѣмъ къ Байдаленко,

пошелъ догонять Удовиченко. Это видно изъ показаній супруговъ Байдаленко.

Достовѣрно извѣстно, что Петръ Пивень, уходя изъ Полтавы, имѣлъ съ собою деньги, именно дворянинъ Авраменко показалъ, что Пивень взялъ съ собою 12 р. с., а три извощика подъ присягою объявили, что они навѣрно знаютъ, что Пивень уѣзжая имѣлъ у себя деньги.

Если сблизить это обстоятельство съ тѣмъ, что Удовиченко говорилъ Байдаленкѣ, что у него уворовали 9 р. с. и просилъ его, *боясь* отвѣтственности передъ отцомъ, занять ему эти деньги— то намъ сдѣлается яснымъ, что Удовиченко могъ желать убить Пивня съ намѣреніемъ присвоить себѣ его деньги.

Но до сихъ поръ подобное обвиненіе является не болѣе какъ предположеніемъ: Удовиченко 3-го іюня выѣхалъ изъ Полтавы одинъ, а Пивень отправился догонять его. Тутъ слѣдъ ихъ исчезаетъ, но ненадолго. Шинкарка трактира Базилевскаго показываетъ, что 3-го іюня заѣзжалъ къ ней на копной подводѣ неизвѣстный крестьянинъ на деревяшкѣ (примѣта Удовиченко) и съ нимъ *другой*, они пили водку и имѣли разговоръ объ украденныхъ 9 руб. *), а изъ разговора можно было узнать, что одинъ изъ нихъ догналъ другаго за Полтавой.

Итакъ 3-го іюня выѣхалъ изъ Полтавы Удовиченко, Пивень отправился его догонять, и шинкарка слышала въ тотъ-же день изъ разговора Удовиченко съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, что послѣдній догналъ его за заставою. Петра Пивня (по его извѣщенію) ждалъ къ себѣ его отецъ и не дождавшись отправился отыскивать въ Полтавѣ. Между-тѣмъ въ константиноградскомъ уѣздѣ нашли трупъ неизвѣстнаго человѣка—въ свиткѣ изъ *коричневаго* простаго сукна; задняя часть тѣла была какъ-бы перерублена ниже поясницы, въ карманѣ шароваръ найдено 12 к. с., и огниво; отъ трупа замѣчены *слѣды* неокованныхъ *колесъ* между посѣвами хлѣба по направленію къ почтовой дорогѣ. Вслѣдствіе разложенія трупа узнать лице не было никакой возможности.

По предъявленіи вещей убитаго Гаврилу Пивню: послѣдній

*) Это обстоятельство придаетъ несомнѣнную достовѣрность показанію шинкарки, такъ-какъ она не могла иначе знать о разсказѣ Удовиченко относительно украденныхъ у него 9 р.

призналь свиту за принадлежащую его сыну, а сестра Пивня объявила, что всѣ вещи убитаго принадлежатъ ея брату.

На допросахъ Удовиченко тотчасъ-же прибѣгнулъ къ ложнымъ показаніямъ: объясненіе его, что онъ пріѣхалъ 3-го іюня къ отцу и далъ ему 16 руб. с., вырученныхъ отъ продажи рыбы, опровергнуто его отцомъ, который объявилъ, что подсудимый пріѣхалъ 4-го іюня и далъ ему 24 р. Показаніе Удовиченко, что онъ не былъ въ трактирѣ Базилевскаго, опровергнуто шинкаркой, которая признала его за человѣка съ деревяшкой, бывшаго у ней съ другимъ человѣкомъ. Будучи допрошенъ о томъ, откуда онъ досталъ недостававшіе до 24 р. — 9 р. с. подсудимый объявилъ, что получилъ ихъ отъ жены Байдаленко а когда послѣдняя это опровергнула, то показалъ, что взялъ 9 р. с. у своей матери, и послѣдняя въ этомъ согласилась, тогда-какъ сначала показывала, что когда возвратился сынъ, то ея вовсе не было дома.

Но еще новыя улики возстаютъ противъ Удовиченко: трп извощика Полтавы подъ присягою, и Харитина Пивень удостовѣрили, что у Петра Пивня, когда онъ уходилъ, были почти новые сапоги съ красною опушкою и синяя чемарка. Между-тѣмъ Удовиченко, придя домой, показывалъ пріобрѣтенные имъ въ Полтавѣ по его словамъ, новые сапоги съ красною опушкою и синюю чемарку. Объ этомъ есть пять свидѣтельскихъ показаній; хотя же самыхъ вещей слѣдователю и не было представлено, но такъ-какъ въ интересахъ подсудимаго было истребить ихъ, то это обстоятельство, не имѣя никакого юридическаго значенія, не можетъ поколебать силы свидѣтельскихъ показаній.

Итакъ тотъ фактъ, что убитый былъ не кто иной, какъ Петръ Пивень, доказывается слѣдующимъ, во 1-хъ отецъ Пивня призналъ его коричневую свитку, а его сестра живпая въ Полтавѣ, всѣ вещи *), и затѣмъ не представляется основанія отвергать эти показанія въ томъ только гадательномъ предположеніи, что крестьянское платье однообразно и что можно легко ошибиться при распознаваніи его; (?); во 2-хъ Пивень исчезъ, неизвѣстно куда между 3 — 9-го іюня, идя Полтавы въ Константиноградъ; затѣмъ вполнѣ неправдоподобно, чтобы въ этотъ промежутокъ

*) Сверхъ того Авраменко (показывая подъ присягою), призналъ картузъ и свиту убитаго—за принадлежащіе Петру Пивню.

времени, по этой именно дорогѣ, въ платьѣ, похожемъ на платье Пивня, могъ проходить или проѣзжать другой человѣкъ вмѣстѣ съ Удовиченко, тогда-какъ послѣдняго именно отправился догонять Пивень. Самое пылкое воображеніе, очевидно, отступитъ передъ подобнымъ стеченіемъ необычайныхъ случайностей; въ 3-хъ у Пивня были сапоги съ красной опушкой и синяя чемарка, эти вещи внѣ Полтавы Удовиченко могъ достать только отъ Пивня, и между-тѣмъ онѣ были видѣны у него.

Но если бы и затѣмъ, не смотря на полную очевидность, кто-либо сталъ отвергать самоличность Пивня и отказался признать его въ убитомъ человѣкѣ, то необходимо припомнить, что на попонѣ телеги Удовиченко найдено кровяное пятно, слѣдовательно его могли обвинить въ убійствѣ неизвѣстнаго человѣка, кто-бы послѣдній не былъ, тѣмъ болѣе, что у него оказались въ излишнемъ количествѣ деньги, пріобрѣтенія которыхъ онъ съ достаточною вѣрностью доказать не могъ.

Отсутствіе орудія, которымъ совершено было убійство, (такъ-какъ сокрытіе его было въ интересахъ убійцы и такъ-какъ прошло нѣсколько дней до обнаруженія убійства)—не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, и конечно трудно допустить, чтобы убійца, изобличенный вполнѣ обстоятельствами дѣла и нахожденіемъ у него денегъ и вещей убитаго, потому только избѣгнулъ наказанія, что ему удалось забросить смертоносное орудіе, когда нѣтъ никакого сомнѣнія, что смерть была насильственная и нѣтъ возможности предположить со стороны умершаго самоубійства.

Наконецъ *если ко всему изложенному присовокупить*: 1) что отъ трупа убитаго, найденнаго около дороги, шли до послѣдней слѣды телеги, тогда-какъ Удовиченко ѣхалъ именно на телегѣ, и 2) что Удовиченко, судившійся уже за кражу, былъ очевидно способнымъ на всякое преступленіе, то является возможнымъ съ полною достовѣрностью, до которой только можетъ дойти земной, человѣческій судъ—обвинить подсудимаго въ убійствѣ Петра Пивня.

---

*) Противъ подсудимаго служитъ и то обстоятельство, что онъ во время производства дѣла пытался бѣжать изъ тюрьмы.

XVIII. Дѣло по обвиненію мѣщанина Андрея Калуги въ отцеубійствѣ.

22-го августа 1862 года мозырскій мѣщанинъ Прохоръ Калуга подалъ бобруйскому городничему прошеніе, въ которомъ пояснилъ, что сынъ его, Андрей Калуга, завелъ блудную жизнь съ раскольницею Головановой, отступился отъ вѣры, не оказываетъ ему, какъ отцу, должнаго уваженія, ссорится съ нимъ и наноситъ побои; растачаетъ домашнее имущество, угрожаетъ убить его, сжечь его домъ и вообще по своему образу жизни сдѣлался нетерпимымъ въ кругу своего семейства; почему просилъ: подвергнуть его аресту и сослать на поселеніе. Затѣмъ 31-го того-же мѣсяца другой сынъ Прохора Калуги, Михаилъ, объявилъ бобруйской полиціи, что 27-го августа братъ его Андрей продалъ, безъ дозволенія отца, въ сосѣднее село Доманово 110 штукъ досокъ, почему отецъ въ тотъ же день отправился въ Доманово, но до сихъ поръ не возвращается; по этому поводу объявитель выразилъ опасеніе относительно убійства отца Андреемъ Калугою, тѣмъ болѣе, что и послѣдній, послѣ продажи досокъ, также не былъ дома.

4-го сентября того-же года дочь Прохора Калуги, Матрена, объявила полиціи, что отецъ ея найденъ мертвымъ въ рѣкѣ Березинѣ, съ привязаннымъ къ шеѣ камнемъ, вѣсомъ около пуда. *Врачъ*, свидѣтельствовавшій трупъ Прохора Калуги, нашелъ, что вокругъ раздутой черной шеи его обтянута была веревка, а конецъ ея, протянутый въ петлю, привязанъ къ камню, тяжестью болѣе пуда. По отрѣзаніи камня и снятіи веревки, на шеѣ ранъ не оказалось; по тщательнѣйшемъ осмотрѣ трупа, ранъ и перелома костей не найдено; трупъ издавалъ сильную вонь и былъ въ третьей степени гнилости, такъ-что въ немъ нельзя было открыть какихъ-либо патологическихъ измѣненій, равнымъ образомъ нельзя было вывести никакого заключенія о томъ, что было причиной смерти Калуги: удушеніе или утопленіе. Врачебная управа признала заключеніе врача правильнымъ. Обвиняемый въ преступленіи Андрей Калуга скрылся и поэтому первоначально не былъ подвергнутъ допросу.

При слѣдствіи показали: 1) *Михаилъ Калуга*, (повторивъ все, изложенное въ первоначальной жалобѣ отца его), что съ тѣхъ

поръ, какъ отецъ изчезъ, онъ только одинъ разъ встрѣтилъ въ лѣсу своего брата Андрея, который сказалъ ему: «смотри, ты меня не высказывай, гдѣ я, и ничего худаго мнѣ не дѣлай, а то убью»; когда сестра показателя Матрена, указывая на тѣло отца, начала говорить Андрею, что худо онъ сдѣлалъ, то Андрей отозвался: «грѣхъ мой, но не я убилъ, а далъ за это 10 руб.», *показателю же сказалъ, что-бы онъ платилъ подати за* него и за отца, а дома не продавалъ, ибо когда-бы онъ Андрей ни возвратился, разоритъ показателя, и послѣ сего сказавъ, «прощайте», ушелъ посвистывая. 2) *Матрена* Калуга, объявила согласно показанію Михаила, что когда трупъ отца былъ перевезенъ на его дворъ, братъ ея Андрей приблизился къ ней и на ея упреки, сказалъ только: «грѣхъ мой, но не я убилъ, а далъ за это 10 руб.». 3) Тѣ же лица и *три* другіе *свидѣтеля* (Кузьминъ, Левченко и Голованъ), спрошенные съ предвареніемъ того, что впослѣдствіи будетъ отобрано отъ нихъ показаніе подъ присягою, объяснили, что когда они караулили трупъ Прохора Калуги, вдругъ услыхали свистъ Андрея, который вышелъ изъ лѣсу и, не подходя къ нимъ шаговъ на сорокъ, сказалъ: «вамъ меня не взять, а возьмутъ другіе люди, ибо я имѣю запасъ на свои снаряды, ежели мнѣ кто сдѣлаетъ зло, то я буду знать и отомщу». Затѣмъ показатели видѣли, какъ Андрей Калуга на дворѣ разговаривалъ съ своимъ братомъ и сестрою, причемъ онъ дѣлалъ намеки на то, что онъ совершилъ убійство, но самаго разговора, бывшаго *между* Андреемъ Калугой и братомъ его, они *не* слыхали, равно не слыхали, чтобы говорилъ, что: «далъ за это 10 рублей». 4) *Рядовые* бобруйской полицейской команды (Александровъ, Кобылкинъ, Михайловъ и Окуличъ) безъ присяги объявили, что 25 августа, вслѣдствіе жалобы Прохора Калуги, городничій посылалъ ихъ арестовать Андрея, но они не застали его дома, а отправились за нимъ къ Головановой, у которой онъ рубилъ дрова; тутъ они хотѣли арестовать его, но Голованова, выбѣжавъ изъ бани нагая, начала защищать его, что и удалось ей (?); на другой или третій день послѣ этого они опять отправились къ Головановой, у которой въ сараѣ нашли Андрея, но онъ убѣжалъ черезъ крышу, почему они арестовали одну Голованову; съ тѣхъ поръ Андрей Калуга не возвращался. 5) *Анна Голованова* показала, что она ничего не знаетъ о причинѣ смер-

ти Прохора Калуги, съ сыномъ его Андреемъ блудной жизни не вела, его отъ полицейскихъ служителей не отбивала и въ сараѣ у нея его не застали; за что-же она арестована—ей неизвѣстно. При этомъ показаніи она осталась и на очной ставкѣ со всѣми вышеупомянутыми лицами.

На повальномъ обыскѣ Андрей Калуга въ поведеніи *не* одобренъ, какъ человѣкъ дерзкій и неуживчивый; относительно блудной жизни съ Головановой обыскные люди изъявили сильное подозрѣніе. Въ такомъ положеніи производство слѣдствія было пріостановлено за неявкой подсудимаго.

3 марта 1863 года *Андрей Калуга* возвратился на родину и былъ представленъ къ слѣдствію. При допросѣ 4 марта онъ показалъ, что возвратился наканунѣ изъ Кременчуга, куда ѣздилъ на суднѣ неизвѣстнаго ему купца, въ качествѣ судорабочаго, что о смерти отца онъ узналъ только теперь, такъ-какъ выѣхалъ изъ дому, ни съ кѣмъ не простившись, и въ то время, когда отецъ былъ еще живъ; затѣмъ о всѣхъ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него, и о показаніяхъ вышеозначенныхъ лицъ отозвался, что они ложны и выдуманы единственно по злобѣ на него, и главнымъ образомъ оттого, что братья старались завладѣть его имуществомъ.

По поступленіи дѣла сего въ уѣздный судъ, послѣдній полагалъ: подвергнуть Андрея Калугу наказанію по 1998 ст. улож., а уголовная палата, признавая улики, имѣющіяся противъ подсудимаго, *не*достаточными для обвиненія его въ убійствѣ отца, приговоромъ 16 августа 1864 года, между прочимъ, опредѣлила: мѣщанина Андрея Калугу въ убійствѣ отца своего, Прохора Калуги, на основ. 313 ст. 2 кн. XV т. оставить въ сильномъ подозрѣніи, примѣнивъ къ нему, какъ неодобренному на повальномъ обыскѣ, 315 ст. того же тома и кн.—Но начальникъ минской губерніи, находя, что при болѣе полныхъ свѣдѣніяхъ о времени выѣзда Андрея Калуги въ Кременчугъ можно будетъ имѣть болѣе данныхъ для опредѣленія степени его виновности, возвратилъ настоящее дѣло въ уголовную палату для дослѣдованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подсудимый подалъ въ уголовную палату прошеніе, въ которомъ поясня, что хозяинъ судна, на которомъ онъ ѣздилъ въ Кременчугъ, называется Василій Якимо-

вичъ, сослался на трехъ свидѣтелей, которые могутъ подтвердить, что онъ нанялся на судно въ Бобруйскѣ, въ то время, когда отецъ былъ еще живъ. Упомянутые *три свидѣтеля* (Приготаевъ, Совращенко и Каплинъ) подтвердили показаніе Андрея Калуги о томъ, что онъ уѣхалъ изъ Бабруйска еще при жизни отца. По предъявленіи подсудимому купца Василія Якимовича Шустова, онъ показалъ, что послѣдній тотъ самый купецъ, у котораго онъ былъ судорабочимъ, но Шустовъ отозвался, что Калугу *не* знаетъ; сынъ Шустова, Павелъ показалъ, что Андрей Калуга поступилъ на судно 7 или 8 сентября 1862 *) г. и не въ Бобруйскѣ, а возлѣ Лаевской станціи, (мимо которой онъ ѣхалъ въ лодкѣ) и по приглашенію прочихъ рабочихъ нанялся на судно. Въ опроверженіе этого Калуга сослался еще на трехъ рабочихъ, бывшихъ съ нимъ на суднѣ, но двое изъ нихъ (Марковъ и Букасовъ) спрошенные подъ присягой, подтвердили показаніе Павла Шустова. Начальникъ дистанціи водной коммуникаціи сообщилъ, что судно Шустова прибыло въ Бобруйскъ 16-го, а выѣхало 23 августа 1862 года.

По дополненіи дѣла вышеизложенными обстоятельствами минская уголовная палата не нашла въ нихъ достаточныхъ данныхъ для обвиненія Андрея Калуги въ убійствѣ отца, а потому оставила прежній приговоръ 16-го августа 1863 года въ своей силѣ.

Съ этимъ приговоромъ палаты *не* согласился начальникъ губерніи, который въ рапортѣ своемъ правительствующему сенату изъяснилъ, что по его мнѣнію данныя, имѣющіяся въ дѣлѣ, достаточны для того, чтобы признать Андрея Калугу виновнымъ въ убійствѣ отца, и полагалъ: подвергнуть его наказанію по 1998 ст. улож.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ (по 2 отд. 5-го д-та, указомъ отъ 15 апр. 1865 г. нашелъ: что при несознаніи подсудимаго Андрея Калуги и при упорномъ съ его стороны запирательствѣ въ взведенномъ на него преступленіи, противъ него имѣются въ дѣлѣ слѣдующія улики: 1) показанія брата и сестры его о томъ, что когда они вмѣстѣ съ другими крестьянами караулили тѣло отца, то Андрей Калуга, подойдя къ нимъ, сказалъ: «грѣхъ мой, но не я убилъ, а далъ за это 10 руб.», а также: «вамъ меня не взять,

*) Тѣла Прохора Калуги найдено 4-го сентября.

а возьмутъ другіе люди, ибо я имѣю запасъ на свои снаряды, ежели мнѣ кто сдѣлаетъ зло, то я буду знать и отомщу», 2) самовольная отлучка Андрея Калуги тотчасъ послѣ смерти отца и неявка его домой въ теченіи 7 мѣсяцевъ; хотя-же онъ и объяснилъ при слѣдствіи, что еще при жизни отца нанялся на судно къ купцу Шустову, но показаніе это оказалось ложнымъ, такъ-какъ обнаружено, что на это судно онъ нанялся только 7 или 8 сентября; 3) неодобренное на повальномъ обыскѣ поведеніе и доказанная несогласная жизнь его съ отцемъ, побудившая даже сего послѣдняго подать на него жалобу, равно какъ и удостовѣреніе свидѣтелей о томъ, что онъ дѣлалъ отцу угрозы и былъ вообще характера дерзкаго и неуживчиваго и расточалъ семейное имущество.—Разсматривая силу и достоинство этихъ уликъ, правительствующій сенатъ нашелъ, что показанія брата и сестры Калуги и другихъ трехъ свидѣтелей, удостовѣряющія о томъ, что они видѣли Андрея Калугу и говорили съ нимъ уже послѣ смерти Прохора Калуги, какъ *безприсяжныя*, не могутъ имѣть силы доказательства; самъ подсудимый утверждаетъ, что уѣхалъ изъ дому еще до смерти отца, и хотя и былъ уличаемъ въ ложныхъ показаніяхъ относительно времени, въ которое нанялся къ купцу Шустову въ судорабочіе, но улики эти, если и приводятъ къ тому убѣжденію, что онъ нанялся на судно уже послѣ смерти отца, не убѣждаютъ окончательно въ томъ, чтобы онъ въ послѣднихъ числахъ августа 1862 г. былъ именно на мѣстѣ предполагаемаго преступленія. Но если даже и признать, что совокупность всѣхъ имѣющихся въ дѣлѣ показаній и уликъ противъ подсудимаго, можетъ служить совершеннымъ доказательствомъ того, что онъ во время смерти отца былъ дома и дѣлалъ намеки на то, что преступленіе совершено имъ, то и тогда, при упорномъ запирательствѣ его и при недостаткѣ болѣе полныхъ доказательствъ не представляется возможности съ достовѣрностью признать, что преступленіе совершено имъ, а не кѣмъ-либо другимъ. При такихъ обстоятельствахъ дѣла, при отсутствіи уликъ, исключающихъ возможность подозрѣвать о винѣ подсудимаго, надлежитъ признать, что имѣющіяся въ дѣлѣ улики, совпадающія съ 1, 2, 5, 6, 7, 12 и 13 п. 343 ст. 2 кн. XV тома, въ виду неодобреннаго на повальномъ обыскѣ поведенія подозрѣваго вполнѣ достаточны для того, что-

бы оставить Андрея Калугу, на основ. 313 ст., въ сильнѣйшемъ подозрѣніи въ совершеніи этого убійства, причемъ къ нему слѣдуетъ примѣнить 315 ст. 2 кн. XV т. св. зак.—Независимо отъ сего правительствующій сенатъ усмотрѣлъ въ настоящемъ дѣлѣ неправильныя дѣйствія слѣдователей, состоящія въ томъ, что всѣ свидѣтели (кромѣ двухъ), хотя и спрошены ими подъ предостереженіемъ будущей присяги, что̀ можетъ быть было необходимо въ началѣ при отсутствіи подсудимаго и невозможности дать ему съ ними очнаго свода, — но потомъ, по возвращеніи подсудимаго, къ присягѣ *не* приведены, чѣмъ значительно ослаблена сила ихъ показаній; поэтому правительствующій сенатъ опредѣлилъ: дѣйствія слѣдователей передать на разсмотрѣніе надлежащаго судебнаго мѣста.

Разсмотрѣніе вышеизложеннаго приводитъ насъ къ убѣжденію, что (при настоящемъ положеніи дѣла) нѣтъ возможности признать Андрея Калугу уличеннымъ въ убійствѣ отца.

Прошеніе, поданное Прохоромъ Калугою 22 августа 1862 г. городничему, обнаруживаетъ, что между отцемъ и сыномъ существовали дурныя отношенія. Затѣмъ первое обвиненіе подсудимаго въ отцеубійствѣ сдѣлано было его братомъ Михаиломъ еще прежде, нежели найденъ былъ въ р. Березинѣ трупъ Прохора Калуги. Медицинскій осмотръ трупа обнаружилъ: «что нельзя вывести никакого заключенія о томъ, что было причиною смерти Калуги—удушеніе или утопленіе» *).

При такихъ обстоятельствахъ дѣла и при существованіи враждебныхъ отношеній между Андреемъ Калугою и его братомъ и сестрою, (являющимися его наслѣдниками въ случаѣ: признанія его убійцею и лишенія всѣхъ правъ состоянія), оговору ихъ нельзя придать безусловной силы, если онъ не будетъ подтвержденъ обстоятельствами дѣла. Между-тѣмъ: во 1-хъ три свидѣтеля показали (весьма странно): что Андрей Калуга въ присутствіи

---

*) Описанные въ актѣ осмотра признаки насильственной смерти Прохора Калуги были-бы тѣже самые и въ случаѣ его самоубійства, такъ-какъ онъ могъ, привязавъ себѣ камень на шею, броситься въ воду.

ихъ дѣлалъ *намеки* *), на то, что онъ совершилъ убійство, но *самаго разговора* бывшаго между Андреемъ Калугой и братомъ его, они *не слыхали* (?), равно не слыхали, чтобы говорилъ онъ, что далъ за убійство отца 10 р. с. Во 2-хъ Андрея Калуги вмѣстѣ съ его отцемъ, незадолго до убійства и около мѣста, въ которомъ найденъ трупъ никто не видѣлъ — а потому и при невозможности доказать, что убійство не могло быть совершено лицемъ постороннимъ, нельзя признать Андрея Калугу изобличеннымъ въ отцеубійствѣ, если даже допустить. что онъ не удостовѣрилъ свой alibi, то есть нахожденіе на баркѣ купца Шустова во время совершенія убійства **).

XIX. Дѣло по обвиненію Ѳедосіи Ѳедоровой въ покушеніи на утопленіе въ рѣкѣ Волгѣ ея мужа.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла особеннаго вниманія заслуживаетъ *психологическая* сторона его: Ѳедосья Ѳедорова (16 лѣтъ отъ роду) женщина тихая и скромная, прекраснаго поведенія, вышедшая, по собственному сознанію, за Степана Ѳедорова замужъ по любви, черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы, (какъ обвиняетъ ее въ томъ мужъ), покушалась утопить его, побудительныхъ причинъ со стороны Ѳедоровой къ преступленію не обнаружено и она съ своей стороны рѣшительно отвергаетъ обвиненіе ея мужа.

Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ: сельскій староста деревни Ѳедоровки, Ларіонъ Никифоровъ, 23 марта 1863 г. донесъ волостному правленію, что крестьянинъ сей деревни Степанъ Ѳедоровъ 22 числа того мѣсяца съ женою своею Ѳедосьею Ѳедоровою отправился на рѣку Волгу: онъ за обмочены-ми лыками, а она мыть платье; пришедши на рѣку, они сто-

*) Слѣдователи непремѣнно должны были допросить свидѣтелей, въ чемъ состояли эти намеки.

**) Такъ-какъ самое событіе убійства происходило недавно (въ 1862 г.), то до разрѣшенія дѣла въ существѣ являлось полное основаніе обратить его къ новому дослѣдованію, для того чтобы сгладить неполноту и противорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтелей, а также исправить упущенія слѣдователей, (неспросъ свидѣтелей подъ присягою), обнаруженныя сенатомъ.

яли вмѣстѣ на льду. Вдругъ жена Ѳедорова отворотилась отъ него и сзади толкнула его въ рѣку. Ѳедоровъ сталъ вылѣзать изъ воды, но жена его, держа въ рукахъ «стягъ» (шестъ), толкнула имъ его въ грудь и потомъ этимъ-же стягомъ начала бить его по головѣ, и сдѣлала знаки на щекѣ и ухѣ, а голову проломила, отчего стягъ сломался и Ѳедорова бить мужа болѣе не могла. Ѳедоровъ, собравшись съ силами, сталъ выходить изъ воды,—но жена его, *бросившись на него въ воду, хотѣла его утопить;* Ѳедоровъ-же, не давшись, вышелъ изъ воды, а также вытащилъ и жену.—Посему волостное правленіе, представляя въ земскій судъ крестьянку Ѳедорову, просило: сдѣлать надлежащее распоряженіе о преданіи ея суду.

1) Крестьянка Ѳедосья *Ѳедорова* (16 лѣтъ) безъ присяги показала, что она вышла замужъ за недѣлю до масляницы 1863 года по любви, будучи дѣвицею. 22-го марта часовъ въ 7 вечера пошла она на рѣку Волгу мыть разныя тряпки, а мужъ ея Степанъ Ѳедоровъ пошелъ за лыками. На рѣкѣ мужъ ея началъ кататься на льдинѣ, а она мыла бѣлье. Какъ упалъ ея мужъ въ воду, она *не* видѣла,—но, увидавъ его въ водѣ, подала ему палку, которою мужъ отпихивалъ льдину; палка эта была на льдинѣ, гдѣ стоялъ ея мужъ, и она Ѳедорова, чтобы достать ее, перепрыгнула на ту льдину и стала оттуда подавать мужу палку. Степанъ, доставъ поданную ему палку, стащилъ ее, Ѳедорову, въ воду; гдѣ мужъ ея проломилъ себѣ голову въ двухъ мѣстахъ, она не знаетъ.—2) Степанъ *Ѳедоровъ* на первоначальномъ допросѣ безъ присяги показалъ, что 22-го марта часовъ въ 7 вечера отправился онъ вмѣстѣ съ женою своею Ѳедосьею на рѣку Волгу—онъ за лыками, которыя мочились въ водѣ, а жена полоскать разныя тряпки. Въ то время около берега образовались большія закраины; онъ, отпихнувъ одну льдину и увидавъ, что она по водѣ двигается, сталъ на нее и началъ кататься, упираясь шестомъ. Жена-же его, мывши тряпки, обратилась къ нему съ просьбой, чтобы онъ и ее покаталъ; онъ согласился и взялъ ее къ себѣ на льдину. Когда они катались, то Ѳедосья стала его спрашивать: «гдѣ глубже» и мѣрила стягомъ воду; помѣрила въ одномъ мѣстѣ—оказалось мелко, тогда она попросила его отвезти ее подальше, гдѣ, по вымѣреніи, оказалось очень глубоко; тогда Ѳедорова со всего размаху ударила его

обѣими руками *въ грудь* и онъ затылкомъ упалъ въ воду и весь въ ней погрузился;—одѣтъ онъ былъ въ дубленый полушубокъ и въ валеныхъ сапогахъ; изъ воды онъ выскочилъ и подплылъ къ льдинѣ, прося жену, его вытащить; но она вмѣсто того, чтобы подать ему помощь, стала его толкать стягомъ въ грудь, желая подбить подъ ледъ. Онъ началъ кричать о помощи, Ѳедосья-же Ѳедорова начала бить его стягомъ по головѣ и разбила ему голову въ двухъ мѣстахъ. Когда-же у ней сломался стягъ, которымъ нельзя уже было достать до него, жена его сама бросилась въ воду на него (?) и начала толкать въ воду, желая утопить. Онъ-же, ощупавъ ногами землю, всталъ и взялъ жену за платокъ, говоря: «Ѳедосья, что ты хотѣла со мною сдѣлать, Богъ съ тобой», на что она отвѣчала: «прости меня я виновата», и стала упрашивать его, чтобы онъ объ этомъ ничего не говорилъ, въ чемъ онъ побожился. Когда же они начали выходить изъ воды, то Ѳедосья хотѣла выйти первая; но онъ ей этого не позволилъ, вышелъ первый самъ и вытащилъ ее. Домой онъ пришелъ почти безъ памяти и только спустя часъ времени могъ объяснить обо всемъ случившемся. При этомъ было много народу, но онъ не помнитъ, кто именно (сельскій староста Ларіонъ Никифоровъ долженъ знать лучше). Ѳедосья Ѳедорова въ желаніи утопить его и въ нанесенныхъ побояхъ созналась, при старостѣ Никифоровѣ, крестьянинѣ Тимофѣевѣ и священникѣ села архангельскаго отцѣ Матвѣѣ Доброхотовѣ. Ѳедорова въ домѣ его всѣми была любима и никто ей не дѣлалъ никакихъ обидъ. Что же заставило Ѳедорову рѣшиться на такой поступокъ—онъ не знаетъ; взялъ онъ ее дѣвицею; любилъ ее, но супружескую часть она исполняла не всегда съ охотою. *)

На это Ѳедорова возразила: что она на льдину кататься къ мужу не просилась; не спрашивала его, гдѣ глубже; глубину воды въ двухъ мѣстахъ не мѣрила, Степана Ѳедорова въ воду не толкала, подъ ледъ не подпихивала, а также стягомъ по головѣ не била, головы не проламывала и въ воду на мужа не бросалась; мужъ ей ничего не говорилъ и она прощенія у него не просила. Когда она пришла домой, то легла на печку и была безъ чувствъ.

*) На очной ставкѣ Степанъ Ѳедоровъ уличалъ свою жену Ѳедосью Ѳедорову, но она осталась при своемъ показаніи.

На другой день при священникѣ, старостѣ Никифоровѣ и крестьянинѣ Гаврилѣ Тимофѣевѣ, что говорила, она *не* помнитъ. Можетъ быть что-нибудь и сболтнула, но *не* помнитъ. Въ семействѣ мужа отъ родныхъ его ничего худаго не видала, тесть не билъ и не притѣснялъ; ея мужъ обращался съ ней хорошо и она на *него зла* не имѣла. (*)

Допрошенные по сему дѣлу свидѣтели показали: 1) крестьянинъ деревни Федоровки Ѳедоръ *Спиридоновъ* (безъ присяги), что дѣйствительно невѣстка его Ѳедосья Ѳедорова при немъ, его женѣ Настасьѣ Егоровой и матери Маремьянѣ Михайловой признавалась въ своемъ поступкѣ въ томъ, что мужа Степана Ѳедорова толкнула въ воду, отпихивала его отъ льда стягомъ въ грудь и ударила его стягомъ по головѣ два раза и проломила ему голову. При этомъ находились: священникъ Доброхотовъ, староста Ларіонъ Никифоровъ и крестьянинъ Гавріилъ Тимофѣевъ. За невѣсткою своею онъ ничего худаго не замѣчалъ, а вела она себя честно.—Это показаніе подтвердили безъ присяги (какъ родные Степана Ѳедорова): Настасья *Егорова* и Маремьяна *Михайлова*. —2) Сельскій староста Ларіонъ *Никифоровъ* безъ присяги показалъ: что часовъ въ 9 вечера, онъ былъ позванъ въ домъ крестьянина Ѳедора Спиридонова, гдѣ увидѣлъ сына его лежащимъ на печкѣ—всего въ крови и посинѣвшимъ, почему приказалъ стащить его съ печки, и велѣвъ его раздѣть, напоилъ виномъ и сталъ водить его по комнатѣ; тогда Степанъ Ѳедоровъ нѣсколько пришелъ въ себя и объяснилъ, что жена его Ѳедосья Ѳедорова нарочно толкнула его въ воду стягомъ, желая подпихнуть подъ ледъ и потомъ тѣмъ-же стягомъ прошибла ему голову въ двухъ мѣстахъ. На *другой день* утромъ Ѳедорова при немъ, при священникѣ Доброхотовѣ и крестьянинѣ Гаврилѣ Тимофѣевѣ созналась въ своемъ поступкѣ. За Ѳедосьею Ѳедоровою онъ ничего худаго не замѣчалъ; почему она сдѣлала таковой поступокъ, онъ не знаетъ. (*) 3) Священникъ

(*) Это показаніе Ѳедорова подтвердила и на очной ставкѣ съ мужемъ.

(*) Подъ этимъ показаніемъ Ларіонъ Никифоровъ собственноручно подписался. Будучи *затѣмъ* приведенъ къ присягѣ, Ларіонъ Никифоровъ согласно своему показанію уличалъ Ѳедосью Ѳедорову, но послѣдняя осталась при своемъ показаніи. Какъ присяжный листъ, такъ и очная ставка подписаны имъ собственноручно.

Матвѣй *Доброхотовъ* судебному слѣдователю письменно объяснилъ, что 23-го марта дѣйствительно онъ былъ позванъ съ требою въ деревню Федоровку въ домъ крестьянина Ѳедора Спиридонова, гдѣ нашелъ сына его Степана Ѳедорова въ болѣзненномъ положеніи: голова его была въ крови, щека вся опухши и онъ былъ обвязанъ по горло. На вопросъ отчего все это съ нимъ *случилось, больной ему ответилъ: «что 22-го марта вечеромъ онъ съ* женою своею пошелъ на рѣку Волгу; тамъ, бывши на льду, жена его спросила его, можно-ли, упавши въ воду утонуть и зашедши *сзади*, толкнула въ воду и когда онъ началъ приближаться къ льдинѣ, чтобы вылѣзть, она схватила осиновый колъ и имъ стала бить его по головѣ и по лицу. Онъ началъ кричать о помощи, между-тѣмъ, собравъ всѣ силы, старался приблизиться къ берегу и уже досталъ дно рѣки ногами, вдругъ жена бросилась на него въ воду (?) и хотѣла его опять сбить съ ногъ, но онъ крѣпко ухватился за ея *платье* и тѣмъ спасся отъ погибели. При сихъ словахъ Ѳедорова, жена находилась близь мужа и близь его, Доброхотова.—На спросъ его, что побудило ее къ тому?—она отвѣтила, что все *дѣлала безъ сознанія*, сама не зная что, что тоска ее мутила отъ съѣденія какихъ-то булочекъ и вотъ она подумала рѣшиться на это,—погубить мужа. (*)

На повальномъ обыскѣ Ѳедорова въ поведеніи одобрена какъ женщина смирная и кроткая. (*).

Карчевскій уѣздный врачъ 14-го апрѣля 1863 года увѣдомилъ судебнаго слѣдователя, что у Степана Ѳедорова есть на правой сторонѣ темяни два маленькихъ рубца, *свѣжо*-образовавшихся послѣ ранокъ, имѣвшихъ видъ рѣзанныхъ; въ нихъ какъ видно была повреждена только кожа. Они могли быть произведены острымъ концемъ препровожденной къ нему палки.

(*) 1863 года апрѣля 13-го судебный слѣдователь постановилъ: заключить крестьянку Ѳедорову въ тюремный замокъ.

(*) Во время производства слѣдствія мировой посредникъ 3-го участка Перхуровъ отнесся къ судебному слѣдователю, что (какъ онъ узналъ отъ ея односельчанъ крестьянъ), Ѳедорова до замужества считалась доброю, честною, трудолюбивою и богобоязливою дѣвушкой, и что онъ мировой посредникъ убѣжденъ въ ея невинности, такъ-какъ нѣтъ никакой возможности, чтобы добронравная дѣвушка въ такой короткій промежутокъ времени могла вдругъ превратиться въ преступницу.

На передопросѣ, въ присутствіи карчевскаго уѣзднаго суда: 1) Ѳедосья *Ѳодорова* при священническомъ увѣщаніи показала, что намѣренія на утопленіе мужа своего она *не* имѣла, ссоры и вражды между ними никогда не было. Когда они были на Волгѣ, она мыла тряпки, а мужъ ея катался на льдинѣ, но вдругъ какъ-то нечаянно онъ свалился въ воду; она-же съ той льдины, на которой стояла, перескочила на его льдину, схватила палку и стала ему подавать; мужъ, схватившись за эту палку, увлекъ и ее въ воду, а потомъ, когда она свалилась, то помнитъ только, что дна не достала, а какимъ образомъ вышла изъ воды, сама-ли или мужъ-ее вытащилъ, какимъ образомъ воротилась домой, что дѣлала, что говорила рѣшительно—не помнитъ; она понемногу, стала приходить въ память уже въ арестантской земскаго суда, но и съ того времени, до сихъ поръ еще бываетъ въ разслабленіи головною болью.—Говорятъ, что у ней на другой день происшествія была родная мать, но она и этого *не* помнитъ.—Булочекъ, о которыхъ будто-бы разсказывала священнику, ни отъ кого не брала и не ѣла.—Беременна ли она, не знаетъ, но мѣсячныхъ очищеній у ней нѣтъ, да и съ роду, никогда *не* бывало. Припадкамъ и изступленіямъ разсудка никогда *не* подвергалась. *)

2) Ѳедоръ *Спиридоновъ* на передопросѣ подтвердилъ свое прежнее показаніе, прибавивъ, что на вопросъ: какая цѣль была утопить и бить мужа,—Ѳедорова отвѣта никакого не давала, кромѣ того, что это сдѣлалось отъ какихъ-то булочекъ.

3) Настасья Егорова, Степанъ Ѳедоровъ и Маремьяна Михайлова остались при прежнихъ показаніяхъ.

4) *Никифоровъ* уличалъ на очной ставкѣ Ѳедосью Ѳедорову, которая на улики его не созналась, а осталась при своемъ показаніи. На передопросѣ Ларіонъ Никифоровъ, подтверждая сіе показаніе, подъ присягою дополнилъ, что Ѳедорова въ отношеніи утопленія своего мужа, созналась, что дѣйствительно она топила и колотила его въ водѣ, и нельзя было замѣтить въ ней

---

*) Уѣздный судъ, 17-го мая 1863 года, находя, что Ѳедорова въ сознательномъ намѣреніи утопить мужа вполнѣ не изобличается, согласно ходатайству мироваго посредника Перхурова, заключилъ: отдать Ѳедорову на поруки ея отцу.

умопомѣшательства (*). 5) Содержавшаяся въ острогѣ вмѣстѣ съ Ѳедосьею Ѳедоровою Авдотья *Викентьева* подъ присягою показала, что она болѣзненнаго состоянія и беременности у Ѳедоровой не замѣчала; говорила подсудимая всегда здраво и отчетливо. Тоже самое подтвердилъ и смотритель карчевскаго острога.

Изъ свидѣтельствъ врача о состояніи здоровья крестьянки Ѳедосіи Ѳедоровой и городовой бабкой о беременности, видно: что Ѳедорова находится въ совершенной памяти, въ здравомъ разсудкѣ и беременною не оказалось (**).

Карчевскій уѣздный судъ, разсматривая это дѣло, нашелъ что Ѳедосья Ѳедорова въ намѣреніи на утопленіе мужа своего Степана Ѳедорова хотя не сознается, но уличается: а.) оговоромъ мужа своего, б.) свидѣтельскими показаніями, сельскаго старосты Ларіона Никифорова и священника Доброхотова, слышавшихъ какъ Ѳедосья Ѳедорова на другой день сознавалась въ намѣреніи своемъ, и в.) безприсяжными показаніями своихъ семейныхъ, которымъ она открывалась въ своемъ покушеніи на утопленіе мужа своего. Эти улики по ст: 323 и 334, XV т. ч. 2., хотя и заслуживаютъ нѣкотораго вѣроятія, но не даютъ возможности признать подсудимую виновною въ содѣяніи преступленія, а потому на основаніи 308, 310, 311, 313 ст. XV т., ч. 2, уздный судъ опредѣлилъ: Ѳедорову въ покушеніи на убійство мужа оставить въ подозрѣніи.

Тверская уголовная палата, предварительно окончательнаго разрѣшенія дѣла, признала нужнымъ отобрать показаніе отъ Гаврилы Тимофѣева, по ссылкѣ на него Ѳедорова. Спрошенный подъ присягою Гаврила *Тимофѣевъ* показалъ, что Ѳедосья Ѳедорова, никогда никому при немъ *не* сознавалась въ томъ, что она желала утопить своего мужа Степана Ѳедорова и наносила ему побои, а слышалъ онъ, но отъ кого не помнитъ, что будто-

---

(*) Къ сему присяжному показанію вмѣсто Ларіона Никифорова, за неграмотностью его, руку приложилъ Петръ Яковлевъ.

(**) Во время производства сего дѣла мать мужа Ѳедосьи Ѳедоровой, Настасья, подала прошеніе, въ которомъ просила; объяснить, на чемъ основывалось освобожденіе невѣстки ея изъ подъ стражи, и, постановивъ опредѣленіе, дозволить сыну ея Степану Ѳедорову вступить въ бракъ съ другою.

бы Ѳедосья Ѳедорова покаялась въ этомъ преступленіи предъ священникомъ Доброхотовымъ, нынѣ умершимъ (*).

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, тверская уголовная палата нашла: что Ѳедосья Ѳедорова въ покушеніи утопить своего мужа, при слѣдствіи не созналась, утверждая, что мужъ ея самъ упалъ въ воду, а она старалась его вытащить и сама попала въ воду; но къ изобличенію подсудимой представляются слѣдующія данныя: а.) совершенно правдоподобный разсказъ Степана Ѳедорова тотчасъ послѣ происшествія, повторяемый одинаково домашнимъ, старостѣ и священнику, пришедшему пріобщить его святыхъ тайнъ. Къ опроверженію показанія мужа,—подсудимою не представлено никакихъ данныхъ, даже не указано какого-либо повода, могущаго возбудить въ мужѣ на нее неудовольствіе, слѣдствіемъ коего могъ-бы быть ложный извѣтъ его. б.) Сознаніе подсудимой при домашнихъ, старостѣ и священникѣ въ совершеніи преступленія; хотя-же она впослѣдствіи при формальныхъ допросахъ и отказалась отъ этого сознанія, ссылаясь на безпамятство въ то время, но это отрицаніе положительно опровергается показаніемъ свидѣтелей: одного подъ присягою, а другаго по священству, удостовѣряющихъ, что она созналась въ присутствіи мужа и домашнихъ, говоря здраво и въ ней не было замѣтно никакого разстройства; в.) нахожденіе на головѣ Ѳедорова знаковъ, происхожденіе коихъ необъяснено подсудимою; а напротивъ знаки эти вполнѣ подтверждаютъ показаніе ея мужа; г.) то, что оправданія подсудимой не представляютъ ни какихъ опроверженій противъ обвиненія, а состоятъ въ одномъ голословномъ отпирательствѣ не только отъ существованія факта преступнаго дѣйствія, но и отъ обстоятельствъ, доказанныхъ показаніями свидѣтелей.—Эти доказательства и улики, на основаніи 1. п. 233, 305, 308, 323, 329, 2 п. 341 и 13 п: 343 ст. XV т. 2-й части исключая возможность недоумѣвать въ винѣ Ѳедоровой, составляютъ совершенное доказательство къ изобличенію ея въ покушеніи умышленно утопить своего мужа; при чемъ подсудимою сдѣлано все для совершенія преступнаго дѣйствія и оно не достигло окончанія отъ случайныхъ, независящихъ отъ воли подсудимой обстоятельствъ. — За это она на основаніи 127, 2000

(*) *Священникъ Доброхотовъ погребенъ 27-го іюня 1863 года.*

и 1999 ст. XV т. 1 ч: и указа правительствующаго сената отъ 6-го апрѣля 1864 г. при совершеннолѣтіи подлежала-бы лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ къ каторжную работу согласно 77 ст. на заводахъ, за уменьшеніемъ полагаемаго закономъ наказанія двумя степенями, такъ-какъ не послѣдовало окончательнаго утопленія по 3 степ. 21 ст., но какъ Ѳедоровой во время совершенія преступленія было 16 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, то означенное наказаніе ей должно быть измѣнено по 151 ст., т. е. время работъ должно быть сокращено одною третью. Наказаніе это по упорству подсудимой въ сознаніи согласно 10 п. 141 ст. должно быть назначено въ средней мѣрѣ. Посему палата, въ отмѣну рѣшенія карчевскаго уѣзднаго суда, опредѣлила: крестьянку Ѳедосью Ѳедорову, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ въ теченіи девяти лѣтъ.

Рѣшеніе сіе пропущено губернскимъ прокуроромъ безъ протеста.

Правительствующій сенатъ (по 1 отд. 5-го д-та), разсматривая это дѣло, нашелъ, что при несознаніи крестьянки Ѳодосьи Ѳедоровой въ покушеніи утопить своего мужа Степана Ѳедорова, улики, противъ нея представляющіяся, заключаются: а.) въ показаніи мужа ея Степана Ѳедорова, объявившаго о намѣреніи подсудимой его утопить, что онъ подтверждалъ и на очной ставкѣ б.) Въ показаніяхъ семейныхъ Степана Ѳедорова, удостовѣряющихъ, что подсудимая признавалась въ покушеніи на утопленіе мужа своего. в.) Въ присяжномъ показаніи сельскаго старосты Ларіона Никифорова, что Ѳедосья Ѳедорова на другой день послѣ сдѣланнаго покушенія, сознавалась въ намѣреніи своемъ утопить мужа. г.) Вписьменномъ объясненіи священника Доброхотова, (уже умершаго), въ которомъ приведены слова Ѳедосьи Ѳедоровой: «и вотъ я подумала рѣшиться на это, погубить мужа.»—Соображая сіи улики каждую отдѣльно и совокупно взятыя съ законами о силѣ доказательствъ, правительствующій сенатъ нашелъ, что показанія Степена Ѳедорова и родныхъ его, какъ данныя безъ присяги, на основ. 334 ст. 2 ч. XV т. св. зак. уголов., не составляютъ доказательства къ обвиненію крестьянки Ѳедосьи Ѳедоровой; независимо отъ сего, показанія перваго въ значительной степени ослабляются про-

тиворѣчивостью въ изложеніи имъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ покушеніе Ѳедосьи Ѳедоровой на его жизнь: такъ между прочимъ при слѣдствіи онъ показалъ, что жена толкнула его въ *груди* и онъ затылкомъ упалъ въ воду, а священнику Доброхотову онъ объяснилъ, что она толкнула его въ воду, зашедши сзади. Справедливость-же показаній родныхъ, а равно и старосты Ларіона Никифорова, правильность показанія коего представляется сомнительною уже и потому, что первый присяжный листъ и очную ставку онъ подписалъ собственноручно, а второй присяжный листъ за неумѣніемъ имъ будто бы грамоты подписанъ крестьяниномъ Петромъ Яковлевымъ,—не мало ослабляется ложною ссылкою на крестьянина Гаврилу Тимофѣева, какъ на одного изъ свидѣтелей сдѣланнаго будто-бы Ѳедосьей Ѳедоровой сознанія, который однако сознанія сего не подтвердилъ. Затѣмъ обращаясь къ объясненію священника Доброхотова, правительствующій сенатъ хотя и призналъ его единственно важною уликою противъ Ѳедоровой, но не могъ однакоже не замѣтить, что изъ него не видно, чтобы подсудимая добровольно созналась въ преднамѣренномъ покушеніи на утопленіе своего мужа, такъ-какъ на спросъ Доброхотова она отвѣчала: «что все дѣлала безъ сознанія, сама не зная что»; и такъ-какъ слѣдствіемъ не доказано, чтобы она не находилась во время посѣщенія Степана Ѳедорова Доброхотовымъ въ болѣзненномъ состояніи, о которомъ подсудимая говоритъ, «что отъ безпамятства она очнулась только въ арестантской земскаго суда». — Затѣмъ принявъ за основаніе: 1.) показаніе Гаврилы Тимофѣева, спрошеннаго подъ присягою и вполнѣ отвергнувшаго сознаніе при немъ Ѳедосьи Ѳедоровой; 2.) упорное отрицаніе ею сознанія при допросахъ судебнымъ слѣдователемъ, а также при увѣщаніи священника, въ присутствіи уѣзднаго суда; 3.) свидѣтельство врача, произведенное по прошествіи болѣе двухъ недѣль со времени объявленнаго Степаномъ Ѳедоровымъ происшествія, и между-тѣмъ удостовѣряющее, что у него два маленькихъ рубца свѣже-образовавшіеся; 4.) одобрительный отзывъ о поведеніи подсудимой, на повальномъ обыскѣ,—правительствующій сенатъ, не считая возможнымъ признать ее вполнѣ изобличенною и присудить ее къ тяжкому наказанію, опредѣленному за покушеніе на убійство, при-

зналъ однако ее навлекающею на себя въ этомъ подозрѣніе. Вслѣдствіе сего, согласно 308, 310, 311 и 313-й статей 2-й части XV тома сенатъ опредѣлилъ: крестьянку Ѳедосью Ѳедорову по обвиненію въ покушеніи утопить своего мужа, оставить въ подозрѣніи.

Существенный вопросъ, заключающійся въ этомъ дѣлѣ, состоитъ въ томъ: какого вѣроятія заслуживаетъ обвиненіе Степаномъ Ѳедоровымъ его жены въ покушеніи утопить его въ рѣкѣ Волгѣ?

Такъ-какъ при самомъ происшествіи не было никого изъ свидѣтелей, то необходимо прежде всего обратиться къ показаніямъ обвиненной и обвинителя. *Ѳедосья Ѳедорова* объяснила что на рѣкѣ Волгѣ мужъ ея катался на льдинѣ; какъ онъ упалъ въ воду, она не видѣла, потому-что въ это время мыла бѣлье; увидавъ его въ водѣ, она подала ему палку, а Степанъ, схвативъ послѣднюю, стащилъ и ее, Ѳедорову, въ воду. Когда она пришла домой, то легла на печку и была безъ чувствъ; на другой день что говорила при священникѣ, старостѣ и крестьянахъ, не помнитъ; можетъ быть, что-нибудь и сболтнула. Въ семействѣ мужа ей было хорошо.—Въ присутствіи уѣзднаго суда Ѳедосія показала точно также, съ присовокупленіемъ лишь: «что когда мужъ увлекъ ее въ воду, то она знаетъ только, что дна не достала, но затѣмъ не помнитъ, какимъ образомъ вышла изъ воды, какъ воротилась домой и что̀ потомъ дѣлала и говорила.»

Степанъ *Ѳедоровъ* показалъ, что онъ катался на льдинѣ сначала одинъ, а потомъ съ женою, вслѣдствіе ея просьбы о томъ; Ѳедосья, пораспросивъ его, гдѣ вода глубже, и вымѣривъ шестомъ глубину воды, вдругъ толкнула его въ *грудь*, онъ затылкомъ упалъ въ воду; а когда подплылъ къ льдинѣ, то Ѳедосія стала бить его шестомъ по груди и головѣ, когда-же шестъ сломился, то Ѳедосія бросилась на него въ воду и начала толкать, желая утопить. Онъ же, ощупавъ ногами *землю*, всталъ и вытащилъ жену за платокъ.—Въ уѣздномъ судѣ Ѳедоровъ передопрошенъ *не* былъ.

Обсуждая эти показанія, мы замѣтимъ: 1) что въ объясне-

ніяхъ Ѳедоровой не заключается никакихъ противурѣчій, и что весьма правдоподобно, что она, упавъ со льдины въ холодную воду, отъ нравственнаго потрясенія и охватившаго ея организмъ холода, при ея молодыхъ лѣтахъ, могла на нѣкоторое время потерять сознаніе и придти въ себя только на другой день. 2) Напротивъ того показанія Ѳедорова во многомъ неправдоподобны: можно-ли допустить, чтобы Ѳедосія, когда шестъ ея сломался, *добровольно бросилась въ воду* (?) на мужа (который, конечно, былъ гораздо сильнѣе ея и могъ легко одолѣть ее, борясь съ нею въ водѣ), рискуя сама утонуть, тогда-какъ, оставаясь на льдинѣ и не допуская Степана Ѳедорова выдти изъ воды, она имѣла надъ нимъ явное преимущество.

Кромѣ того по словамъ Ѳедорова жена его толкнула его въ воду только убѣдившись, что это мѣсто глубоко, между-тѣмъ, онъ могъ встать на немъ на ноги.

Но еще болѣе противурѣчій мы найдемъ въ показаніяхъ Ѳедорова, если сравнить ихъ съ письменнымъ объясненіемъ священника Доброхотова, доставленнымъ слѣдователю: «Ѳедоровъ говорилъ Доброхотову, что Ѳедосья толкнула его въ воду *сзади*, (а не спереди, какъ онъ показалъ слѣдователямъ), и что когда жена его бросилась на него въ воду, то онъ ухватился за ея платье (а не за платокъ, какъ онъ показалъ слѣдователямъ) и тѣмъ спасся отъ погибели (?)

Ѳедоровъ и его домашніе показываютъ, будто Ѳедосья при нихъ покаялась, что она хотѣла утопить мужа и что это происходило въ присутствіи Доброхотова; между-тѣмъ вотъ, что говоритъ послѣдній: «при сихъ словахъ Ѳедорова (то есть когда онъ разсказывалъ о вышеизложенномъ), *Ѳедорова находилась близь мужа*, (слѣдовательно она сама *не* говорила, что покушалась утопить его), и на спросъ его, Доброхотова: что побудило ее къ тому,—отвѣчала: «что все дѣлала безъ сознанія, сама не зная что̀, что тоска ее мучила отъ съѣденія какихъ-то булочекъ и вотъ она подумала: рѣшиться на это, погубить мужа».

Нельзя не обратить вниманія на то, что эти слова показываютъ въ Ѳедосіи отсутствіе всякаго сознанія, (что̀ вполнѣ подтверждаетъ ея показаніе о томъ, что она очнулась только въ арестантской), и что нельзя основываться на нихъ къ ея обвиненію, такъ-какъ они служатъ скорѣе въ ея пользу, доказы-

вая, что она, при произнесеніи ихъ, находилась какъ бы въ горячечномъ бреду.

Затѣмъ хотя староста и домашніе Ѳедорова подтвердили показаніе послѣдняго, что Ѳедосія сознавалась имъ въ покушеніи на жизнь мужа, но допрошенный по ссылкѣ Ѳедорова крестьянинъ Тимофѣевъ объявилъ подъ присягою, что показаніе Ѳедорова, будто *при немъ* Ѳедосія сознавалась въ своемъ преступленіи,—ложно.

Если къ этому присовокупить, что раны на головѣ Ѳедорова, (нанесенныя ему, по его словамъ, палкой), будучи освидѣтельствованы врачемъ черезъ двѣ недѣли послѣ происшествія—«имѣли видъ двухъ *рубцевъ свѣжее*-образовавшихся послѣ ранокъ, имѣвшихъ видъ *рѣзанныхъ*, и съ поврежденіемъ только *кожи*», то едва-ли можно допустить, чтобы эти раны были нанесены деревянною палкою, ибо удары послѣдней: во 1-хъ повредили бы самый черепъ, во 2-хъ не имѣли-бы видъ рѣзанныхъ. И такъ есть гораздо болѣе основанія предположить, что Ѳедоровъ порѣзалъ себѣ голову о льдины, упавъ въ воду,—тогда объяснится: 1) то что, раны рѣзаны, и 2) что онѣ повредили только кожу. Если-же объясненіе Ѳедорова ложно въ одной части, то нѣтъ основанія давать ему силу и въ остальныхъ.

Наконецъ если припомнить, что по показаніямъ Ѳедорова: «жена его супружескую часть исполняла не всегда съ охотою», что она страдала разстройствомъ организма, ибо никогда не имѣла менструацій, и слѣдовательно не была способна къ дѣторожденію; что мать Ѳедорова во время слѣдствія просила судъ: «разрѣшить ея сыну вступить въ бракъ съ другою,»—то, можетъ быть, возникнетъ и окрѣпнетъ предположеніе: что Ѳедоровъ и его домашніе, воспользовавшись безсознательнымъ положеніемъ Ѳедосіи послѣ того, какъ она упала въ воду, обвинили ее въ покушеніи на убійство, тогда-какъ отсутствіе съ ея стороны всякихъ (здоровыхъ) побудительныхъ причинъ къ убійству, ея хорошее поведеніе, смирный и кроткій характеръ, засвидѣтельствованный всѣми:—рѣшительно устраняютъ предположеніе, чтобы она могла быть умышленною и сознательною убійцею. Съ другой-же стороны исходя изъ сознанія Ѳедорова, что онъ катался на льдинѣ, всего легче допустить, что онъ могъ, по собственной неосторожности, упасть въ воду.

И такъ мы вполнѣ сочувствуемъ рѣшенію сената по этому дѣлу и убѣждены, что присяжные непремѣнно оправдали-бы Ѳедосью Ѳедорову.

XX. Дѣло объ отставномъ рядовомъ Кузьмѣ Дмитріевѣ, обвиненномъ въ убійствѣ (*).

Настоящее дѣло представляется однимъ изъ самыхъ загадочныхъ: рядовой Кузьма Дмитріевъ (40 лѣтъ) убилъ жену свою (50-ти лѣтъ)—за то, что она, по его словамъ, придя къ нему, стала плакать, не говоря причины этого,—и учинивъ смертоубійство, тотчасъ-же сознался во всемъ. Такимъ образомъ, если признать, что Дмитріевъ, совершая убійство, не находился въ безпамятствѣ, то является рѣшительно невозможнымъ выяснить себѣ цѣль преступленія и самую возможность его совершенія со стороны человѣка тихаго, кроткаго, прослужившаго съ отличіемъ въ военной службѣ болѣе 20-ти лѣтъ и не замѣченнаго въ буйствѣ, ссорахъ и дракахъ.

Изложимъ обстоятельства этого дѣла:

9-го мая 1863 года туранское волостное правленіе донесло приставу 1 стана варнавинскаго уѣзда объ убійствѣ того-же числа проживающимъ въ деревнѣ Пронихи отставнымъ рядовымъ Кузьмою Дмитріевымъ своей жены Устиньи Кондратьевой.

По медицинскому осмотру тѣла убитой оказалось слѣдующее: надъ лѣвой бровью и выше на лбу кожа разсѣчена въ одинъ вершокъ длины съ явными поврежденіями костей, другія раны были на лбу ближе къ темени около вершка длины, на лѣвой щекѣ впереди уха три небольшія раны до кости, позади лѣваго уха разсѣчена кожа до кости полувершка длины, самый завитокъ лѣваго уха темнобагроваго цвѣта, съ правой стороны темени разсѣчена кожа до кости четверть вершка длины, позади головы выше затылка поперечная разсѣчина до кости около двухъ вершковъ съ видимымъ поврежденіемъ костей, правый високъ и щека темнобагроваго цвѣта; по вскрытіи черепа оказалось: верхній край височной кости, лѣвая теменная кость и верхній край затылочной кости до половины—раздроблены въ мелкіе куски и отдѣлились прочь, въ лобной и темянной кости

*) Настоящій процессъ и дѣло Ѳедоровой могутъ быть отнесены и къ предъидущему отдѣлу, (преступленія между супругами).

находится трещина, твердая и паутинная оболочки багроваго цвѣта, надъ твердою оболочкою и между полушаріями мозга сгустившаяся кровь, мозгъ и мозжечекъ натуральнаго существа. Анатомировавшій тѣло врачъ заключилъ, что смерть Кондратьевой послѣдовала насильственно отъ сотрясенія мозга и изліянія крови въ мозгъ безусловно смертельныхъ, вслѣдствіе поврежденія головы, причиненнаго топоромъ.—Костромская врачебная управа нашла, что смерть Кондратьевой произошла отъ поврежденій, причиненныхъ въ голову острымъ и тяжелымъ тѣломъ.

При полицейскомъ дознаніи и формальномъ слѣдствіи подсудимый показалъ, что дня за два до праздника георгіева дня (21-го апрѣля) сплавляя съ крестьяниномъ Абрамовымъ по рѣкѣ Валу лѣсъ крестьянина Ковалева, онъ едва не утонулъ *). Придя домой, онъ съ недѣлю постоянно находился въ безпамят-

*) Вотъ въ подлинныхъ словахъ это показаніе: «послѣ праздника пасхи нанялся онъ, Дмитріевъ, у крестьянина Ковалева сгонять лѣсъ по рѣкѣ Валу до деревни Денисовки, и 19-го апрѣля отправился сгонять тотъ лѣсъ; когда онъ проплылъ по рѣкѣ Валу махоновскій мостъ, то пришелъ къ нему на плотъ крестьянинъ Антонъ Абрамовъ и сказавъ, что сгоняя плотъ свой ниже по рѣкѣ Валу, шесть деревъ отъ него растерялъ,—просилъ помочь ему изловить деревья; отплывъ немного, они увидѣли два дерева, а какъ мѣсто тутъ было неглубокое, то Абрамовъ соскочилъ въ воду, но деревъ достать не могъ, почему онъ, Дмитріевъ, побѣжалъ къ Абрамову, чтобы дать помощь, но мѣсто стало уже глубже; въ это время Абрамовъ схватился за него и оба они съ нимъ на глубокомъ мѣстѣ погрузились на дно рѣки, но онъ, Дмитріевъ, кое-какъ вырвался у Абрамова и выплылъ къ плоту, а оттуда перешелъ на берегъ, гдѣ находился долгое время безъ памяти, потомъ, придя въ память и не видя никого около себя, пошелъ берегомъ рѣки Вала отыскивать свой плотъ и хозяина того плота, но не найдя ни того, ни другаго, встрѣтился съ крестьяниномъ деревни Семенчихи Алексѣемъ Уренцовымъ, который указалъ ему, дорогу въ деревню Пронихи; пришедши домой, о томъ, что тонулъ съ крестьяниномъ Антономъ Абрамовымъ онъ никому не сказывалъ и потому не знаетъ, гдѣ находится Антонъ Абрамовъ т. е. выплылъ ли, или потонулъ. Бывши дома съ недѣлю онъ, Дмитріевъ, находился почти постоянно въ безпамятствѣ, а предъ праздникомъ св. Николая чудотворца ему Дмитріеву стало легче; поэтому въ день св. Николая чудотворца (9 мая) хотѣлъ сходить въ село Туранъ помолиться Богу, но по случаю дурной погоды раздумалъ, а посылалъ молиться жену свою Устинью Кондратьеву, которая сказала ему, что одна безъ него не пойдетъ.»—Антонъ Абрамовъ дѣйствительно исчезъ, неизвѣстно куда, и трупа его по произведеннымъ въ рѣкѣ Валѣ розыскапіямъ не найдено. —

ствѣ, передъ праздникомъ Николая Чудотворца (9-го мая) ему стало легче и 8-го мая онъ садилъ съ женою на огородѣ картофель; по приходѣ въ домъ (8 мая), онъ высѣкъ жену свою розгами за то, что она плакала и о причинѣ ничего не говорила; 9-го мая послѣ обѣда онъ легъ отдохнуть, на кровать, а жена на полатяхъ; черезъ нѣсколько времени жена пришла къ нему и начала плакать, не объясняя ему причины слезъ; разсердясь на нее, онъ, Дмитріевъ, схватилъ лежавшій у постели топоръ и ударилъ имъ жену свою по виску, послѣ удара жена выбѣжала въ сѣни и онъ, догнавъ ее, снова спрашивалъ, о чемъ она плачетъ, на это она сказала ему: «погоди все разскажу», но какъ и послѣ сего не говорила, то онъ и ударилъ ее еще два раза топоромъ по головѣ, послѣ чего она сдѣлалась мертвою; совершивши преступленіе, онъ пошелъ въ деревню и сказалъ объ этомъ женѣ отставнаго рядоваго Еленѣ Петровой, которая и объявила крестьянамъ. Это показаніе Дмитріевъ повторялъ во все время производства дѣла, не измѣняя въ немъ ничего.

Жена отставнаго рядоваго Колесова Елена *Петрова* вполнѣ подтвердила показаніе Дмитріева относительно добровольнаго объявленія имъ о преступленіи. — Родной братъ Дмитріева по матери-крестьянинъ Николай *Смоленковъ*, его семейные и родственники Кондратьевой показали, что Дмитріевъ по выходѣ въ отставку съ полгода жилъ въ домѣ Смоленкова холостой, а потомъ женившись на Кондратьевой (имѣвшей 50 лѣтъ) также съ полгода жилъ съ женою и во все время ссоръ и дракъ между ними они не замѣчали; Дмитріевъ характера спокойнаго, пьянствомъ не занимается; когда перешелъ Дмитріевъ съ женою въ свой домъ, то худыхъ слуховъ о нихъ не было.—18 человѣкъ окольныхъ жителей на повальномъ обыскѣ подъ присягою отозвались, что Дмитріевъ, проживая въ деревнѣ Пронихѣ около двухъ лѣтъ, велъ себя скромно, съ женою своею и крестьянами ссоръ не заводилъ, пьянствомъ не занимался, помѣшательства въ умѣ его они не замѣчали, за что онъ убилъ жену свою, имъ неизвѣстно.

Изъ указа объ отставкѣ Дмитріева, выданнаго ему 26-го января 1861 года, видно, что ему было тогда отъ роду 40 лѣтъ, имѣетъ онъ—медали: бронзовую на андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 г. и серебряную (на лентѣ, составленной изъ

георгіевской и александровской) за покореніе Чечни и Дагестана въ теченіи 1857, 1858 и 1859 г., а также нашивки на лѣвомъ рукавѣ полукафтана изъ желтой тесьмы въ три ряда за безпорочную 20-ти лѣтнюю службу; съ 1843 по 1858 г. онъ неоднократно участвовалъ въ дѣлахъ противъ непріятеля. Подъ судомъ онъ не находился.

Варнавинскій уѣздный судъ заключилъ: отставнаго рядоваго Кузьму Дмитріева, 43 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ.

Костромская уголовная палата 27-го ноября 1863 года опредѣлила; Кузьму Дмитріева, 43-хъ лѣтъ, за убійство топоромъ жены своей, Устиньи Кондратьевой, на основ. 2004 ст. улож. о нак. и 1 пунк. Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1863 г. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, лишивъ всѣхъ правъ состоянія и имѣющихся у него медалей и нашивокъ, сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ по 3 степ. 21 ст. улож. на 12 лѣтъ. Но не приводя сего приговора въ исполненіе, о смягченіи ему опредѣленнаго закономъ наказанія, на основ. 166 и 167 ст. кн. I, т. XV (изд. 1857 г.) представить чрезъ начальника губерніи на благоусмотрѣніе правительствующаго сената, присовокупивъ, что палата полагала-бы съ своей стороны возможнымъ: сократить преступнику Дмитріеву опредѣленный закономъ срокъ каторжныхъ работъ на половину.

Рѣшеніе это губернскимъ прокуроромъ пропущено безъ протеста. Начальникъ костромской губерніи, представляя настоящее дѣло въ сенатъ, присовокупилъ, что рѣшеніе палаты онъ находитъ правильнымъ и съ законами согласнымъ.

По выслушаніи сего дѣла, правительствующій сенатъ (по 1-му отдѣленію 5-го департамента) призналъ, отставнаго рядоваго Кузьму Дмитріева по собственному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, уличеннымъ въ убійствѣ жены своей, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, а въ запальчивости и раздраженіи, но однакожъ и не случайно, и подлежащимъ за сіе на основ. 2004, 2000, 21 (степ. 3) ст. улож. о наказ. и примѣч. къ 18 ст. 1 кн. XV том. по продол. 1863 года лишенію всѣхъ правъ состоянія, медалей и нашивокъ, и ссылкѣ въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ, со взысканіемъ съ него, или имущества ему принадлежащаго, употребленныхъ по

дѣлу сему судебныхъ издержекъ. Но принимая во вниманіе: а) добровольное сознаніе подсудимаго въ преступленіи, б) двадцатилѣтнюю безпорочную его военную службу, во время которой онъ неоднократно участвовалъ въ сраженіяхъ и в) одобрительный отзывъ спрошенныхъ по дѣлу сему лицъ о безукоризненномъ поведеніи его, Дмитріева, по выходѣ въ отставку, и о прежней согласной жизни его съ женою, сенатъ, согласно 168 ст., 1 кн, XV том. свод. зак. уголов. призналъ возможнымъ: повергнуть участь подсудимаго Монаршему милосердію и ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ уменьшеніи опредѣленнаго по закону ему, Дмитріеву, наказанія сокращеніемъ срока каторжныхъ работъ въ рудникахъ на половину, именно на шесть лѣтъ.

Вслѣдствіе несогласія министерства юстиціи съ тою частью резолюціи, въ которой полагалось ходатайствовать о смягченіи наказанія подсудимому, дѣло поступило на разсмотрѣніе втораго общаго собранія сената, которое нашло: «что основанія, по которымъ сенатъ признавалъ Дмитріева заслуживающимъ ходатайства о сокращеніи ему срока работъ въ каторгѣ на половину, суть: добровольное сознаніе подсудимаго въ преступленіи, 20-ти лѣтняя безпорочная служба его, во время которой онъ участвовалъ въ сраженіяхъ, и одобрительный о поведеніи его отзывъ окольныхъ людей. Первое изъ этихъ основаній составляетъ дѣйствительно обстоятельство, уменьшающее вину, но оно, согласно 1 пун. 146 ст. XV Т. улож. о нак. уже послужило сенату поводомъ къ назначенію Дмитріеву опредѣленнаго въ 2004 ст. наказанія въ низшей мѣрѣ и слѣдовательно не можетъ быть болѣе принято за основаніе къ такому ходатайству, которое обыкновенно имѣетъ мѣсто только вслѣдствіе чрезвычайныхъ, особеннаго уваженія заслуживающихъ обстоятельствъ.—Обращаясь засимъ къ остальнымъ двумъ основаніямъ, общее собраніе нашло, что военныя заслуги Дмитріева и одобренное на повальномъ обыскѣ поведеніе его могли-бы служить достаточнымъ поводомъ къ смягченію ему наказанія въ такомъ только случаѣ, если-бы Дмитріевъ былъ изобличенъ не въ столь тяжкомъ преступленіи, или совершилъ-бы убійство своей жены при такихъ обстоятельствахъ, которыя хотя сколько-нибудь могли-бы оправдать то раздраженіе, въ которомъ онъ былъ во время совершенія пре-

ступленія. Вслѣдствіе сего, и не усматривая никакихъ другихъ поводовъ къ смягченію подсудимому опредѣленнаго по закону наказанія, общее собраніе не нашло возможнымъ утруждать Государя Императора ходатайствомъ объ облегченіи участи Дмитріева. По симъ основаніямъ общее собраніе опредѣлило: отставнаго рядоваго Кузьму Дмитріева (43-лѣтъ.) за убійство своей жены, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, лишить всѣхъ правъ состоянія, медалей: бронзовой на андреевской лентѣ въ память войны 1853—1858 гг. и серебряной на лентѣ, составленной изъ георгіевской и александровской за покореніе Чечни и Дагестана, нашивокъ изъ желтой тесьмы въ три ряда на лѣвомъ рукавѣ полукафтана за безпорочную 20-ти лѣтнюю службу, и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.—Указъ посланъ 27-го января 1865 г.

Въ изложенномъ дѣлѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе *психологическая* сторона его. Рѣшительно невозможно допустить, чтобы Кузьма Дмитріевъ, человѣкъ характера тихаго и кроткаго, съ отличіемъ прослужившій болѣе 20-ти лѣтъ въ военной службѣ, не подвергнутый даже дисциплинарнымъ взысканіямъ и не замѣченный въ теченіи своей жизни ни въ чемъ предосудительномъ, наконецъ одобренный въ поведеніи его односельчанами, *если только онъ не подвергся болѣзненному состоянію*, вдругъ изъ человѣка тихаго, сдѣлался бѣшеннымъ и раздражительнымъ, изъ кроткаго—звѣрски-жестокимъ и несправедливымъ, и убилъ жену свою, (съ которою *до* того времени жилъ согласно, безъ ссоръ и дракъ), за то только, что она на его вопросы не сейчасъ объяснила причину своихъ слезъ. Между-тѣмъ, *не* представляется разумныхъ поводовъ недовѣрять послѣднему показанію Дмитріева о причинѣ, побудившей его къ преступленію. Если-бы по совершеніи убійства, онъ прибѣгнулъ къ запирательству, стараясь заставить пасть подозрѣніе на другаго, то можно-бы признать разсказъ о подробностяхъ

убійства вымышленнымъ. Но изъ дѣла видно, что Дмитріевъ тотчасъ-же, самъ обвинилъ себя въ убійствѣ, *не* ссылаясь на состояніе полнаго безпамятства и на отсутствіе всякихъ побудительныхъ причинъ къ убійству, (что могло-бы служить къ его оправданію); напротивъ того онъ указалъ слѣдователямъ причину, побудившую его къ преступленію: (то есть на раздраженіе, внушенное ему тѣмъ, что жена его, молча, плакала передъ нимъ) и во время всего дѣла ни разу не впалъ въ противорѣчіе съ первоначальнымъ показаніемъ.

Если-же принять показаніе Дмитріева за достовѣрное, то нельзя не признать, что оно, будучи подвержено критическому анализу, сильно говоритъ въ пользу разстройства его познавательной и умственной способности въ день 9-го мая 1861 года: слезы женщины, даже безпричинныя и ничѣмъ невызванныя, не могли-бы вывести изъ себя и привесть въ бѣшенство ни одного человѣка, находящагося въ нормальномъ состояніи. Разумныхъ побудительныхъ причинъ къ убійству, (напр. чувства обманутой любви и ревности) между супругами предполагать невозможно, (такъ-какъ Дмитріевой было уже 50 л. отъ роду), да и слѣдствіемъ *по сему предмету ничего не раскрыто.*

Все сказанное приводитъ насъ къ убѣжденію, что, въ настоящемъ дѣлѣ первый вопросъ, возникавшій какъ передъ слѣдователями, такъ и передъ судебными мѣстами, состоялъ въ томъ: «можно ли *вмѣнить* Дмитріеву учиненное имъ убійство, не находился ли онъ въ день 9-го мая 1861 г. въ состояніи временнаго умоизступленія и безпамятства, а потому необходимо было: тотчасъ-же, *послѣ* арестованія Дмитріева, подвергнуть его *медицинскому наблюденію.*

Въ необходимости послѣдней мѣры мы еще болѣе убѣдимся, если сообразить показанія Дмитріева объ обстоятельствахъ, *предшествовавшихъ* убійству его жены: по его словамъ онъ сгонялъ по рѣкѣ Валу лѣсъ, когда къ нему пришелъ крестьянинъ Абрамовъ; стараясь собрать расплывшійся лѣсъ, они (Дмитріевъ и Абрамовъ) упали въ воду, и онъ Дмитріевъ кое-какъ *выравился* у Абрамова и выплылъ къ плоту; пришедши-же домой, не отыскавъ своего плота, онъ почти съ недѣлю находился въ *безпамятствѣ*, только предъ праздникомъ св. Николая Чудотворца (день совершенія убійства) ему стало легче.

Намъ кажется, что эту часть показаній Дмитріева необходимо обсудить совмѣстно съ дѣломъ о убійствѣ имъ жены: невольно рождается предположеніе, что подобно тому, какъ онъ убилъ свою жену безъ всякого разумнаго къ тому повода, онъ могъ посягнуть и на утопленіе Абрамова *).

Въ заключеніе мы замѣтимъ, что если-бы настоящее дѣло производилось заграницей и въ особенности во Франціи, то его по всему вѣроятію отнесли-бы къ числу преступленій, внушаемыхъ мономаніею убійства (monomanie homicide **), но въ семъ случаѣ для полнаго разъясненія дѣла—было-бы необходимо не довольствуясь опредѣленіемъ объективной стороны преступленія, на что слѣдователи почти исключительно обратили свое вниманіе, изучить личность Дмитріева, подвергнуть его медицинскому наблюденію, изслѣдовать его отношенія къ женѣ, допросить всѣхъ лицъ которыя видѣли его во время, предшествовавшее преступленію, и только затѣмъ уже—разрѣшить вопросъ: о вмѣненіи или невмѣненіи ему содѣяннаго преступленія.

XXI. Дѣло о штабсъ-капитанѣ Александрѣ Муркинѣ, судимомъ за убійство священника Тихомирова.

Настоящее дѣло представляется въ высшей степени интереснымъ въ судебно-медицинскомъ, психологическомъ и юридическомъ отношеніи, такъ-какъ несомнѣнно, что подсудимый Муркинъ совершилъ убійство въ одномъ изъ тѣхъ загадочныхъ припадковъ помѣшательства, во время которыхъ онъ бывалъ склоненъ придираться къ лицамъ, его окружающимъ, и угрожать имъ убійствомъ изъ заряженнаго револьвера, находившагося въ послѣднее время всегда при немъ. По совершеніи-же убійства, Муркинъ пришелъ въ нормальное состояніе и прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ защиты, доказывая при этомъ, что ни-

---

*) Мы не знаемъ, почему судебныя мѣста оставили это обстоятельство безъ обсужденія, и не составило-ли оно предметъ особаго дѣла.

**) Изложенныя въ нашемъ «сборникѣ угол. процессовъ» (стр. 201) дѣла Папавуана и Генріеты Корнье представляютъ много аналогіи съ настоящимъ.

чего не помнитъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійство *).

Кромѣ того въ этомъ дѣлѣ насъ удивляетъ одно обстоятельство: какъ могли лица, окружающія Муркина и видѣвшія разстройство его умственныхъ способностей, соединенное съ маніею нападать на людей — оставлять у него вооруженный револьверъ; какъ могъ священникъ Тихомировъ, сдѣлавшійся жертвою убійства, на угрозы Муркина, что онъ его убьетъ— подзадоривать его отвѣтами, что онъ этого не сдѣлаетъ, возражать ему и обращаться съ человѣкомъ помѣшаннымъ такъ, какъ обращаются съ людьми, пользующимися вполнѣ своими умственными способностями.

Изложимъ обстоятельства этого дѣла, придерживаясь по возможности подлинныхъ документовъ.

Подсудимый штабсъ-капитанъ Александръ Муркинъ происходилъ изъ дворянъ великаго княжества Финляндіи, вступилъ въ службу рядовымъ 22 февраля 1846 года, а въ 1849 г. произведенъ былъ въ прапорщики. Онъ отлично стрѣлялъ изъ ружья и пистолета, и 18 мая 1859 г. за стрѣльбу въ цѣль въ Высочайшемъ присутствіи, удостоился получить первый призъ-штуцеръ съ вензелемъ Государя Императора. По службѣ Муркинъ всегда аттестовался начальствомъ, какъ офицеръ весьма усердный, способный, и хорошей нравственности.

Въ августѣ 1860 года Муркинъ былъ переведенъ изъ софійскаго пѣхотнаго полка въ митавскій баталіонъ внутренней стражи, и находился съ 4-ю ротою того баталіона, которою онъ командовалъ,—въ крѣпости Динаминдѣ для занятія карауловъ. 26 іюня 1861 года, (день совершенія преступленія) послѣ обѣда, Муркинъ ѣздилъ вмѣстѣ съ другими лицами и священникомъ динаминдской спасо-преображенской церкви Тихомировымъ, на принадлежащій комендантскому управленію островъ, (лежащій въ 2-хъ верстахъ отъ крѣпости), для раздѣла накошеннаго сѣна. По возвращеніи-же вечеромъ домой, онъ сначала ранилъ выстрѣломъ изъ револьвера деньщика своего Козлова, а потомъ другимъ выстрѣломъ изъ того-же револьвера убилъ приход-

*) Нѣчто подобное представляетъ душевное состояніе Сергеля, убійцы Эйхмюллера, разобранное Фейербахомъ, (См. нашъ «сборникъ уголовныхъ процессовъ стр. 402—427)».

шаго къ нему упомянутаго священника, Тихомирова, жившаго по сосѣдству съ нимъ. — Тотчасъ послѣ сего Муркинъ былъ отправленъ на гауптвахту.

По *медицинскому освидѣтельствованію* тѣла *священника* на другой день послѣ происшествія, 27 іюня, оказалась на лѣвой сторонѣ груди на 6 дюймовъ ниже ключевой кости, круглая рана, величиною въ 10 коп. сереб.; зондъ показалъ, что пуля прошла въ сердце; кромѣ этой раны знаковъ отъ насилія или побоевъ не было. По освидѣтельствованіи-же деньщика *Козлова* въ курляндской врачебной управѣ 18-го декабря 1861 года, т. е. почти чрезъ 6-ть мѣсяцевъ послѣ убійства священника, найдено: у Козлова на наружной сторонѣ верхней трети бедра круглое пятно темнаго цвѣта, величиною въ 10-ти копѣечную серебряную монету, очевидно произведенное дѣйствіемъ пули; кожа въ этомъ мѣстѣ не приросла; по объясненію Козлова, пуля глубже кости не проникла и сама собою выпала; поврежденіе никакихъ вредныхъ послѣдствій для его здоровья не имѣло.

На *допросѣ* при слѣдствіи подсудимый *Муркинъ* показалъ, что при отъѣздѣ съ луга въ крѣпость онъ сѣлъ на лодку; далѣе онъ ничего не помнитъ; повода къ убійству священника Тихомирова никакого не имѣлъ и всѣмъ извѣстно, что любилъ и уважалъ его и былъ его другомъ. Въ продолженіи цѣлаго дня онъ чувствовалъ безсознательную тревогу, хотя на лугу и старался быть веселымъ; опомнился-же только на другой день. За 6 дней до происшествія, 20 іюня, во время вечерней повѣрки крѣпостныхъ арестантовъ, одинъ изъ нихъ погрозилъ на него, Муркина, рукою, сказавъ, что онъ попадется когда-нибудь въ ихъ руки; съ того самаго времени онъ началъ постоянно носить при себѣ заряженный револьверъ. Къ сему Муркинъ присовокупилъ, что у него иногда бываютъ такіе приливы крови къ головѣ, что онъ рѣшительно себя не помнитъ; состояніе это онъ по возможности старался скрыть отъ родныхъ, чтобы не тревожить ихъ, и когда начиналъ чувствовать тоску, то уходилъ куда-нибудь или занимался *гимнастикою;* жену же предостерегалъ, что въ случаѣ, если съ нимъ сдѣлается припадокъ, то чтобы она его чѣмъ-нибудь не разстраивала, а то онъ въ этомъ припадкѣ можетъ убить ее.

Затѣмъ во время слѣдствія даны были слѣдующія свидѣтельскія показанія: 1) изъ бывшихъ съ подсудимымъ Муркинымъ на островѣ, динаминдскій плацъ-маіоръ полковникъ *Булыгинъ* объяснилъ, что никакихъ предосудительныхъ поступковъ на островѣ со стороны Муркина, приглашеннаго туда священникомъ Тихомировымъ, учинено не было; оба они все время до закуски съ чаемъ и послѣ того находились вмѣстѣ на берегу, гдѣ священникъ удилъ рыбу, а потомъ катались на лодкѣ; когда же въ 8 часовъ вечера отправились домой, (причемъ сѣли: священникъ и прапорщикъ Арешковъ — въ одну лодку, а въ другую лодку онъ, Булыгинъ, плацъ-адъютантъ капитанъ Иваницкій-Василенко, поручикъ Петельчицъ, прапорщикъ Шульцъ и подсудимый Муркинъ), то онъ, Булыгинъ, замѣтилъ Муркина въ какомъ-то непонятномъ состояніи, и похожимъ на пьянаго, причемъ Муркинъ вызывалъ прапорщика Шульца на дуель; въ это время священникъ, подъѣхавъ къ ихъ лодкѣ, закинулъ багоръ за корму; но Василенко, правившій рулемъ, откинулъ багоръ и сказалъ: «батюшка! вы испортите лодку; она чужая»; тогда Муркинъ замѣтилъ Василенко: «вы, Левъ Павловичъ, обидѣли священника и одни виноваты», и вдругъ навелъ на него револьверъ, проговоривъ: «я васъ убью, если не извинитесь»; но чрезъ двѣ или три минуты, по общему убѣжденію оставить такія шутки, и по полученіи отъ Василенко извиненія, Муркинъ спряталъ револьверъ,—такъ скоро, что онъ Булыгинъ даже не замѣтилъ куда,— и наклонился головою ко дну лодки; вскорѣ же, какъ бы опомнясь, приподнялъ голову и, ударивъ себѣ рукою въ лобъ сказалъ: «ахъ! что я сдѣлалъ; извинитѣ, пожалуйста, меня, Левъ Павловичъ, и вы полковникъ; самъ не знаю, какое на меня нашло помраченіе». По выходѣ затѣмъ на берегъ, отправились въ крѣпость—онъ, Булыгинъ, и Шульцъ впередъ, а остальные позади; что послѣ сего происходило въ квартирѣ Муркина и какимъ образомъ священникъ попалъ къ нему, онъ, Булыгинъ, не знаетъ, ибо, по прибытіи въ свою квартиру въ началѣ 10-го часа, тотчасъ пошелъ, для доклада о случившемся, къ комендайту, но какъ въ то время у послѣдняго были гости, то отправился къ гауптвахтѣ. Въ эту минуту показатель, услышавъ со стороны квартиры Муркина выстрѣлъ и чей-то голосъ: «пошлите за докторомъ, священникъ убитъ;» посему онъ возвратил-

ся къ коменданту и передалъ ему о случившемся. Затѣмъ, по приказанію коменданта, Муркинъ былъ арестованъ безъ всякаго со стороны его сопротивленія. Показатель не обезоружилъ Муркина въ то время, когда онъ грозилъ застрѣлить капитана Василенко потому, что при этомъ неожиданномъ случаѣ прежде всего пришла мысль дѣйствовать словами, а послѣ револьверъ былъ спрятанъ и отнимать его силою и снова приводить Муркина въ раздраженіе онъ, Булыгинъ, считалъ на лодкѣ неудобнымъ, думая сдѣлать это по прибытіи въ крѣпость; но Муркинъ просилъ уже извиненія и въ спокойномъ духѣ вышелъ на берегъ.—2) *Прапорщикъ Шульцъ* показалъ, что, занимаясь на лугахъ, по порученію своего дяди динаминдскаго коменданта, пріемкою приходящагося на долю сего послѣдняго сѣна, онъ видѣлъ только, что подсудимый Муркинъ постоянно былъ вмѣстѣ со священникомъ; при возвращеніи-же домой Муркинъ, неизвѣстно почему, началъ придираться къ нему, Шульцу, но какъ онъ ничего ему не отвѣчалъ, то Муркинъ и замолчалъ. Чрезъ нѣсколько времени, когда священникъ Тихомировъ, разогнавъ свою лодку, ударилъ носомъ ея въ руль ихъ лодки и плацъ-адъютантъ Василенко замѣтилъ ему эту неосторожность, Муркинъ, безъ всякой причины, угрожалъ убить Василенко, который однако успокоилъ его и онъ положилъ револьверъ въ карманъ, а спустя нѣсколько минутъ просилъ даже извиненія; затѣмъ подъѣхали къ берегу и онъ, Шульцъ, отправился домой и больше ничего не знаетъ.—3) Поручикъ *Петельчицъ* объяснилъ, что подсудимый Муркинъ во время нахожденія на лугахъ со всѣми былъ вѣжливъ и разговорчивъ какъ всегда; болѣе всего бесѣдовалъ онъ со священникомъ Тихомировымъ, съ которымъ удилъ рыбу и катался на лодкѣ; словомъ большую часть времени проводилъ съ нимъ, изъ чего онъ, Петельчицъ, могъ заключить объ ихъ дружественныхъ отношеніяхъ между собою. На обратномъ пути, едва они отчалили отъ берега, Муркинъ, неизвѣстно по какой причинѣ, началъ привязываться къ прапорщику Шульцу, вызывая его на дуель и говоря: «я сегодня подкутивши и обижать себя не позволю»; но Шульцъ смолчалъ, а бывшіе при этомъ уговорили Муркина оставить все это до завтра, чѣмъ его и успокоили. Когда затѣмъ священникъ хотѣлъ багромъ ухватиться за задній край ихъ лодки, то капи-

танъ Василенко, сидя на томъ краю, оттолкнулъ багоръ и замѣтивъ священнику, что онъ можетъ испортить или даже опрокинуть лодку, просилъ его ѣхать рядомъ. Священникъ обидѣлся и отъѣхалъ въ сторону. Спустя не болѣе 5 минутъ Муркинъ, вынувъ изъ кармана заряженный револьверъ, взвелъ курокъ и прицѣлился въ капитана Василенко, сказавъ: «я васъ сейчасъ убью; какъ вы смѣли такъ обижать батюшку; онъ мой добрый знакомый; я его не позволю никому обидѣть;» тогда Василенко, видя предъ собою заряженный пистолетъ, просилъ у Муркина извиненія и бывшіе съ нимъ на лодкѣ также стали уговаривать его и просить не дѣлать никакихъ происшествій, вслѣдствіе чего онъ спряталъ пистолетъ въ карманъ и въ продолженіи всей дороги былъ совсѣмъ спокоенъ. Подъѣзжая къ берегу, онъ началъ просить у Василенко извиненія, говоря: «Левъ Павловичъ, я погорячился, совсѣмъ забылся; немного подкутилъ, простите меня». Это самое онъ повторилъ и по выходѣ на берегъ. Послѣ сего, встрѣтивъ капитана Василенко около комендантской квартиры и, взявъ его подъ руку, Муркинъ повелъ его на свою квартиру. Почти чрезъ часъ онъ, Петельчицъ, узналъ объ убійствѣ священника.—4) Динаминдскій плацъ-адъютантъ капитанъ *Иванцкій-Василенко* отозвался, что въ бытность его у священника Тихомирова съ приглашеніемъ на луга, священникъ изъявилъ свое согласіе и, сказавъ, что онъ съ своей стороны пригласилъ уже штабсъ-капитана Муркина, просилъ передать ему объ этомъ еще разъ, если увидитъ его; вслѣдствіе его онъ, Василенко, при проходѣ мимо квартиры Муркина, замѣтивъ его сидѣвшимъ у окна, передалъ ему желаніе священника и Муркинъ объявилъ совершенную готовность къ отъѣзду. Во время раздѣла сѣна священникъ находился постоянно на берегу или катался въ лодкѣ съ Муркинымъ; впрочемъ у нихъ видна была постоянная любовь другъ къ другу и дружба. При возвращеніи домой Муркинъ находился въ какомъ-то *неопятно-раздраженномъ* состояніи, придираясь къ прапорщику Шульцу.

(Объ эпизодѣ, сопровождавшемъ совѣтъ его священнику отъѣхать отъ его лодки, Василенко объяснилъ согласно вышеизложенному). По выходѣ затѣмъ на берегъ всѣ, въ томъ числѣ и Муркинъ, отправились въ крѣпость; онъ же, Василенко, оставшись распоряжаться лодкою и отпускомъ людей и потомъ также пошелъ

въ крѣпость; но, пройдя нѣсколько шаговъ, увидѣлъ Муркина, стоявшаго, скрестивъ руки, на берегу и смотрѣвшаго въ воду; тотъ, замѣтивъ его, сказалъ ему: «это вы! я васъ все-таки уважаю, а потому и говорю вамъ, что я самый несчастнѣйшій человѣкъ; мнѣ бываютъ минуты, когда жизнь моя для меня ничего и я въ эту даже минуту готовъ броситься въ воду». Успокоивъ его онъ, Василенко, отправился съ нимъ въ крѣпость, гдѣ остался у своей квартиры, а Муркинъ съ прапорщикомъ Арешковымъ пошли дальше и были зазваны священникомъ Тихомировымъ къ себѣ въ квартиру. Отправясь затѣмъ въ канцелярію, онъ, Василенко, въ четверть десятаго часа возвращался домой и при встрѣчѣ съ Муркинымъ и Арешковымъ, вышедшими отъ священника, Муркинъ просилъ его, Василенко, зайти къ священнику, но какъ онъ отказался, то предложилъ пройти съ нимъ до его квартиры, что онъ и исполнилъ, послѣ чего отправился домой, а Муркинъ остался въ своей квартирѣ.

По преданіи штабсъ-капитана Муркина военному суду, военно-судная коммисія, усматривая, что показанія отъ вышеупомянутыхъ лицъ отобраны безъ присяги и что необъяснено главное, былъ ли Муркинъ пьянъ, опредѣлила: передопросить ихъ подъ присягою на основанію Высочайше утвержденной 13-го апрѣля 1861 года инструкціи о производствѣ слѣдствій въ военномъ вѣдомствѣ § 83. На передопросѣ затѣмъ подъ присягою полковникъ Булыгинъ, капитанъ Иваницкій-Василенко и прапорщики Шульцъ и Петельчицъ, подтверждая данныя ими при слѣдствіи показанія, отозвались: первые двое, что подсудимый Муркинъ при возвращеніи съ острова въ крѣпость былъ пьянъ, а послѣдніе двое, что пьянымъ его не замѣтили.

5) Митавскаго баталіона внутренней стражи *прапорщикъ Арешковъ* (шуринъ подсудимаго Муркина), бывшій также на островѣ, объяснилъ, что во все время дѣлежа сѣна онъ, Арешковъ, поручикъ Петельчицъ, священникъ Тихомировъ и подсудимый Муркинъ удили рыбу, послѣ чего сѣли вмѣстѣ съ другими закусывать, причемъ Муркинъ выпилъ двѣ рюмки водки кюмелю; когда затѣмъ онъ, Арешковъ, и священникъ поѣхали кататься на лодкѣ съ парусомъ, то Муркинъ, стоя на берегу, говорилъ, что выстрѣлитъ и отобьетъ руль, а они останутся посреди рѣки безъ веселъ. На это священникъ отвѣчалъ Мур-

кину, что онъ въ руль не попадетъ; онъ-же, Арешковъ, просилъ не стрѣлять во избѣжаніе того, что вмѣсто лодки можетъ попасть въ кого-либо изъ нихъ; тогда Муркинъ сказалъ: «знаю, только подъѣзжайте скорѣе къ берегу; я хочу кататься». Послѣ сего, напившись чаю и, взявъ по стакану пуншу, Муркинъ и священникъ поѣхали кататься на лодкѣ. Предъ отъѣздомъ домой, когда начали укладывать вещи на лодку, онъ, Арешковъ, и Муркинъ пошли стрѣлять въ цѣль, по неимѣнію мишени—въ бакъ, въ который Муркинъ выстрѣлилъ одинъ разъ; но пришедшій туда солдатъ не позволилъ портить бакъ. По возвращеніи вмѣстѣ со священникомъ на крѣпостной берегъ, онъ, Арешковъ, идя на встрѣчу къ ѣхавшимъ въ другой лодкѣ, слышалъ какъ Муркинъ кричалъ капитану Василенко, что прапорщика Шульца вызоветъ на дуель и убьетъ; послѣ того онъ, Арешковъ, зашелъ съ Муркинымъ къ священнику и, по уходѣ отъ него чрезъ четверть часа, они встрѣтили на дорогѣ капитана Василенко, котораго Муркинъ сначала просилъ зайдти къ нему, а потомъ, когда тотъ отговаривался, схватилъ за руку и повелъ къ себѣ домой. Все это время Муркинъ не былъ пьянъ, а находился въ встревоженномъ состояніи. Къ сему Арешковъ присовокупилъ, что, живя вмѣстѣ съ Муркинымъ на одной квартирѣ, онъ замѣчалъ, что Муркинъ сначала начиналъ тосковать, а потомъ впадалъ на нѣкоторое время въ задумчивость и на предлагаемые вопросы съ крикомъ отвѣчалъ невпопадъ; потомъ вставалъ и дѣлалъ гимнастическія движенія головы, жалуясь на темноту въ глазахъ и боль головы; а послѣ смѣялся и шутилъ надъ этимъ; на предложеніе же его, Арешкова, посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь относительно болѣзни, говорилъ, что это вздоръ и пустяки, и что слѣдуетъ только поставить банки на затылокъ. Сверхъ того бывшій у Муркина вѣстовымъ рядовой Моховъ однажды сказалъ показателю, что Муркинъ рано утромъ, вскочивъ съ кровати, началъ ходить по комнатѣ и звать коммиссіонера Тобанскаго; а потомъ, сказавъ:» a! онъ ушелъ; ну, хорошо,» легъ въ кровать и потребовалъ себѣ стаканъ воды, которой однако не выпилъ и заснулъ, между тѣмъ какъ Тобанскаго у нихъ не было уже нѣсколько дней *).—6) Изъ спрошенныхъ подъ

*) *О семъ обстоятельствѣ рядовой Моховъ не былъ спрошенъ.*

присягою *гребцовъ*, ѣхавшихъ съ священникомъ Тихомировымъ, бомбардиръ *Берелка* показалъ, что послѣ раздѣла сѣна господа пили чай, а затѣмъ священникъ и подсудимый Муркинъ поѣхали кататься по рѣкѣ безъ гребцовъ, съ парусомъ и двумя веслами; когда же пристали обратно къ острову, то Муркинъ говорилъ, что безъ веселъ нельзя ѣздить, а священникъ утверждалъ противное, тогда Муркинъ выбросилъ весла на берегъ и выскочилъ изъ лодки. На мѣсто его сѣлъ въ лодку прапорщикъ Арешковъ и поѣхалъ съ священникомъ подъ парусами. Чрезъ четверть часа, когда лодка находилась на срединѣ рѣки, Муркинъ вынулъ револьверъ и кричалъ священнику и Арешкову, что будетъ въ нихъ стрѣлять; причемъ Арешковъ, убѣдительно прося не стрѣлять, спрятался въ лодку, а священникъ, сидя у руля, закричалъ: «стрѣляй, не попадешь;» но Муркинъ спряталъ револьверъ, а потомъ два раза снова прицѣливался—Это показаніе подтвердили бомбардиръ *Найдзіонъ* и причетникъ динаминдской спасо-преображенской церкви *Дружининъ*, присовокупивъ, что когда капитанъ Василенко отбросилъ крюкъ, которымъ священникъ зацѣпился за лодку, то священникъ пошатнулся чрезъ бортъ, но былъ удержанъ отъ паденія въ воду изъ нихъ Найдзіономъ.—Бывшіе гребцами въ другой лодкѣ, въ которой ѣхали плацъ-маіоръ Булыгинъ и другіе, старшіе канониры *Прудниковъ* и *Тилоковъ* и младшіе канониры *Павловскій* и *Пшонка* подъ присягою объяснили, что послѣ раздѣла сѣна, священникъ Тихомировъ, штабсъ-капитанъ Муркинъ и прапорщикъ Арешковъ катались на лодкѣ и затѣмъ, приставъ къ берегу, напились чаю; послѣ сего священникъ и Муркинъ снова поѣхали кататься, взявъ съ собою по стакану чаю. Поѣздивъ, они заспорили между собою, причемъ Муркинъ говорилъ, что нельзя безъ веселъ ѣздить, а священникъ утверждалъ противное; тогда, приплывъ къ берегу, Муркинъ выбросилъ весла и выскочилъ изъ лодки; когда-же вмѣсто его сѣлъ въ лодку прапорщикъ Арешковъ и они отъѣхали на середину рѣки, то Муркинъ сталъ спрашивать, можно-ли въ нихъ стрѣлять? на что священникъ отвѣчалъ: «стрѣляй», а Арешковъ не позволялъ и спрятался за парусъ; послѣ того Муркинъ еще два раза прицѣливался и Арешковъ каждый разъ прятался въ лодку, упрашивая его не стрѣлять, священникъ-же молчалъ. Наконецъ Муркинъ спряталъ ре-

вольверъ въ карманъ. Предъ отъѣздомъ домой онъ, сказавъ бывшему уже на берегу священнику: «вы полагаете, что я въ васъ не попалъ бы, смотрите», выстрѣлилъ въ шайку, находившуюся въ 20-й или болѣе шагахъ, и попалъ въ нее. Между-тѣмъ какъ они расхаживали еще на берегу, плацъ-маіоръ, сидѣвшій уже въ лодкѣ вмѣстѣ съ прапорщикомъ Шульцомъ, торопилъ ихъ, чтобы и они садились въ лодку, а Шульцъ сказалъ: «ну мы одни поѣдемъ». Услышавъ это, Муркинъ обидѣлся и просилъ водки; хотя-же плацъ-маіоръ и плацъ-адъютантъ говорили ему, чтобы онъ сѣлъ и тогда подадутъ ему водки, но онъ непремѣнно хотѣлъ на берегу выпить, почему деньщикъ капитана Василенко, наливъ ему и священнику (по сколько именно, не объяснено) сказалъ, что пирогъ далеко заложенъ; на это Муркинъ отвѣчалъ, что и хлѣбомъ съ солью закуситъ, послѣ чего, сѣвъ въ лодку, просилъ, чтобы священника не оставили. Затѣмъ началъ придираться къ прапорщику Шульцу, который однако молчалъ; когда же капитанъ Василенко замѣтилъ священнику о неумѣстности его поступка, состоявшаго въ томъ, что онъ зацѣплялъ за лодку багромъ, и священникъ обидѣлся этимъ замѣчаніемъ, то Муркинъ, вынувъ револьверъ, приставилъ его къ Василенко, говоря. «какъ вы можете обижать батюшку, я васъ застрѣлю», но плацъ-маіоръ и другіе стали уговаривать его спрятать револьверъ, а Василенко извинился, и Муркинъ спряталъ оружіе; не доѣзжая же до крѣпости, онъ самъ извинился предъ плацъ-маіоромъ и капитаномъ Василенко.

Это показаніе подтвердилъ подъ присягою находившійся на островѣ вмѣстѣ съ другими писарь дипаминдскаго комендантскаго управленія *Варакина*, съ тѣмъ, что при отъѣздѣ съ острова въ крѣпость штабсъ-капитанъ Муркинъ просилъ водки, которой однако не было ему дано, потому что деньщикъ Василенко,—Забалуевъ доложилъ, что далеко все уложено, а плацъ-маіоръ торопилъ всѣхъ садиться въ лодку.—7) Упомянутый деньщикъ *Иванъ Забалуевъ* подъ присягою показалъ, что по прибытіи вмѣстѣ съ господами на островъ, онъ занялся приготовленіемъ самовара и закуски, состоявшей изъ жаркаго, селедки съ приправою, водки кюмелю полштофа и бутылки рома; по этому не знаетъ, что говорили и дѣлали господа. Предъ возвращеніемъ въ крѣпость штабсъ-капитанъ Муркинъ и священникъ дѣйствитель-

но требовали отъ него, Забалуева, водки, но онъ доложилъ имъ, что все убрано въ лодку, откуда могутъ получить что угодно, послѣ чего пошли садиться въ лодку, а онъ, Забалуевъ, остался на островѣ ночевать, и что дальше происходило, не знаетъ. 8) Изъ бывшихъ также на островѣ, унтеръ-офицеръ *Антоновъ* подъ присягою объяснилъ, что при постоянныхъ занятіяхъ раздѣленіемъ сѣна, онъ не видѣлъ и не слышалъ, что происходило между господами и священникомъ; что-же касается до происшествія на обратномъ пути въ крѣпость, то онъ, Антоновъ, подтверждаетъ показанія бывшихъ на ихъ лодкѣ 4-хъ гребцовъ и писаря Варакина *). — 9) Цирюльникъ *Роговщиковъ* (изъ евреевъ) безъ присяги отозвался, что къ показаніямъ упомянутыхъ 4-хъ гребцовъ, писаря Варакина, деньщика Забалуева и унтеръ-офицера Антонова ничего прибавить или убавить не можетъ.— На *очной ставкѣ*, данной деньщику Забалуеву и писарю Варакину съ 4-мя гребцами, по случаю разнорѣчивыхъ показаній относительно подачи подсудимому Муркину водки предъ отъѣздомъ изъ острова, гребцы утверждали, что хотя закуска была уложена и полковникъ Булыгинъ не приказывалъ подавать водки на берегу, но деньщикъ Забалуевъ дѣйствительно подалъ Муркину рюмку водки, и послѣдняя, поставленная потомъ Муркинымъ въ лодкѣ на сидѣніи, была раздавлена садившимися. Съ этимъ объясненіемъ согласились: деньщикъ и писарь, отзываясь, что прежде показывали иначе по запамятованію, безъ всякаго умысла.—10) *Вдова священника Тихомирова* показала, что мужъ ея и Муркинъ были друзьями и первый всегда хвалилъ послѣдняго. По возвращеніи съ луга, съ мужемъ ея пришли прапорщикъ Арешковъ и Муркинъ, который былъ крѣпко выпивши, а когда хотѣлъ уйдти, то мужъ упрашивалъ его остаться, но тотъ не согласился и ушелъ съ Арешковымъ. Вскорѣ затѣмъ раздались два выстрѣла и мужъ побѣжалъ къ Муркину, говоря: «надобно его удержать, чтобы онъ не нашалилъ,» по выходѣ же ея, Тихомировой, къ воротамъ она услышала третій выстрѣлъ.—11) Прапорщикъ *Арешковъ* показалъ, что Муркинъ, по возвращеніи съ острова на крѣпостной берегъ, не былъ пьянъ, ибо

*) Всѣ означенные люди допрошены производившимъ слѣдствіе командиромъ динамидской крѣпостной артиллеріи Велькомъ на другой день послѣ привода ихъ къ присягѣ.

онъ по выходѣ отъ священника, у котораго ничего не пили, встрѣтилъ капитана Василенко, и взявъ его за руки, повелъ къ себѣ домой, гдѣ налилъ ему и себѣ по стакану пуншу; но въ это время по зову жены, онъ пошелъ къ ней въ комнату, а капитанъ Василенко, воспользовавшись его отсутствіемъ и не выпивъ пуншу, ушелъ домой; когда затѣмъ Муркинъ возвратился и не засталъ Василенко, то ударилъ рукою по столу, отчего опрокинулъ стаканъ и разлилъ пуншъ, сѣлъ и впалъ въ задумчивость. Послѣ сего онъ, Арешковъ, вышелъ на дворъ и, по возвращеніи, увидѣлъ плакавшую служанку, которая просила вывести ее изъ прихожей. Въ дверяхъ онъ встрѣтилъ священника, а поднявшись съ служанкою на верхъ по лѣстницѣ въ свою квартиру, услышалъ выстрѣлъ и узналъ отъ деньщика, что его ударило за дверью чемъ-то по ногѣ; онъ повелъ деньщика также на верхъ и, замѣтивъ кровь, далъ ему бѣлье, для завязки ноги, какъ вдругъ снова услышалъ выстрѣлъ и затѣмъ крикъ, что раненъ священникъ, котораго дѣйствительно увидѣлъ лежавшимъ у крыльца и отнесъ, съ помощью людей, въ госпитальную контору. Всѣхъ выстрѣловъ было три—одинъ до прихода священника въ потолокъ, а два при священникѣ.—12) Капитанъ *Иванцкій-Василенко* отозвался, что подсудимый Муркинъ дѣйствительно началъ просить его выпить вмѣстѣ съ нимъ по стакану грогу, причемъ потребовалъ отъ жены довольно дерзко бутылку съ ромомъ, а когда было подано, то налилъ два стакана. Между-тѣмъ какъ онъ, Василенко, отказывался пить, жена Муркина, въ спальнѣ, попросила къ себѣ своего мужа, который сначала не хотѣлъ идти, но потомъ послѣ увѣщанія объ обязанности мужа исполнять просьбы жены, пошелъ къ ней; въ это время онъ, Василенко, отправился домой.—13) *Жена* подсудимаго *Муркина* на первоначальномъ допросѣ объяснила, что, по возвращеніи съ луга мужа ея, она въ первое время не видала его, но слышала изъ другой комнаты, что онъ очень горячо разсуждалъ о чемъ-то съ плацъ-адъютантомъ Василенко, пришедшимъ вмѣстѣ съ нимъ; причемъ крикнулъ, чтобы никто не входилъ подъ опасеніемъ быть застрѣленнымъ; въ это время, кажется, кто-то шевельнулъ дверью и вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ, направленный на дверь. Поводомъ къ убійству священника была то, что мужъ просилъ священника *выйти изъ ком-*

наты; въ противномъ случаѣ грозилъ убить его, увѣряя честнымъ словомъ исполнить свою угрозу; священникъ-же завелъ съ нимъ споръ, что скорѣе самъ его убьетъ, чѣмъ тотъ рѣшится на подобный поступокъ, и что въ его честное слово не вѣритъ, потому-что онъ скверный и подлый человѣкъ. Въ продолженіе этого разговора они то *смѣялись*, то *горячились* и передъ тѣмъ, какъ послѣдовалъ выстрѣлъ, мужъ нѣсколько разъ повторялъ: «выходите, или честное слово, я васъ убью», а священникъ отвѣчалъ, что нисколько его не боится. Предупредить несчастія она, Муркина, не могла, видя своего мужа въ страшномъ волненіи и боясь его еще болѣе раздражить своимъ вмѣшательствомъ. Она замѣчала, что мужъ ея, по переводѣ во внутреннюю стражу, тосковалъ, хотя тщательно старался скрывать это отъ нея. Послѣ убійства онъ то впадалъ въ отчаяніе, то снова успокоивался, какъ будто не понимая, что онъ сдѣлалъ.—На *передопросѣ* Муркина показала, что два выстрѣла, произведенные мужемъ ея въ квартирѣ до прихода священника, она хорошо помнитъ; выстрѣла же, какъ говорятъ, при священникѣ, рѣшительно не припомнитъ. При немъ мужъ ея вторично началъ кричать, чтобы никто не смѣлъ входить, иначе убьетъ, а когда священникъ началъ уговаривать его, то онъ отвѣчалъ, смѣясь: «будте спокойны, батюшка, неужели вы думаете, что они такіе дураки и полезутъ на выстрѣлъ.» Мужъ ея встрѣтилъ священника привѣтливо; но къ несчастію, заплакалъ малютка и, какъ служанка отъ страха убѣжала, то она, Муркина, должна была выйти въ другую комнату, откуда слышала весь объясненный ею въ первомъ показаніи разговоръ священника съ мужемъ ея. До прихода священника и при немъ мужъ ея, нѣсколько разъ кричалъ: «я *убью*, убью непремѣнно сегодня кого-нибудь, я *долженъ* непремѣнно *убить*»; наконецъ сталъ грозить и священнику, говоря: «уходите или я честное слово васъ убью»; брани-же священника онъ вѣрно не понималъ, потому-что послѣ о чемъ-то съ нимъ смѣялся. Предъ приходомъ священника она, Муркина, нѣсколько разъ уговаривала мужа отдать ей пистолетъ и какъ только подходила къ нему поближе, то онъ тотчасъ-же начиналъ махать пистолетомъ, крича, что убьетъ; разъ онъ навелъ даже прямо на нее пистолетъ, но въ тоже мгновеніе она опустилась на полъ и поза эта *разслышила* его и онъ отвелъ писто-

летъ. По возвращеніи со двора, откуда посылала за докторомъ для священника, она, Муркина, нашла мужа лежавшимъ на полу безъ чувствъ и начала обливать его водою.— На *третьемъ допросѣ* Муркина отозвалась, что, возвратясь съ луговъ вмѣстѣ съ капитаномъ Василенко, они налили себѣ по стакану пуншу; но какъ она, Мурикина, вызвала мужа въ другую комнату, а Василенко тихонько ушелъ, то мужъ, не заставъ Василенко въ комнатѣ, стукнулъ кулакомъ по столу, отчего стаканъ съ пуншомъ опрокинулся. По уходѣ Василенко до прихода священника она, Мурикина, постоянно оставалась при мужѣ, который въ это время ничего не пилъ.—14) Бывшая въ услуженіи у подсудимаго Муркина солдатская дочь *Ольга Семенова*, сначала безъ присяги, а послѣ подъприсягою показала, что по возвращеніи съ острова подсудимый Мурикинъ былъ сердитъ и все бранилъ прапорщика Шульца. Въ бытность у нихъ Василенко, Муркинъ потребовалъ рому отъ жены, бывшей въ спальнѣ неодѣтою; жена сначала не велѣла подавать, но потомъ, когда мужъ настойчиво сталъ требовать, приказала подать и она, Семенова, подала. Затѣмъ барыня позвала къ себѣ Муркина для того, чтобы вышелъ Василенко, и о чемъ-то разговаривала съ нимъ; она-же Семенова, выйдя въ переднюю, слышала, какъ Муркинъ очень сердился за то, что Василенко ушелъ, при чемъ прапорщикъ Арешковъ, придя въ комнату, началъ отнимать отъ Муркина пистолетъ, котораго однако тотъ не давалъ, сердился и кричалъ, что убьетъ, но кого она не разслышала; хотя же жена выходила унимать его, но онъ прогонялъ ее и потомъ выстрѣлилъ въ потолокъ. Что происходило съ Муркинымъ, былъ ли онъ въ нетрезвомъ видѣ или что другое происходило съ нимъ, она, Семенова, не можетъ объяснить; впрочемъ онъ шатался. Когда послѣдовалъ выстрѣлъ, то она испугалась и была отведена прапорщикомъ Арешковымъ наверхъ къ себѣ въ квартиру; спустя же немного времени вышла въ корридоръ и, увидѣвъ священника, вошла за нимъ въ переднюю комнату, причемъ слышала, какъ священникъ сначала говорилъ барину: «оставьте, что вы дѣлаете», а потомъ спросилъ: «есть-ли у васъ чай, будемъ пить»; на это Муркинъ сказалъ: «садитесь» и священникъ сѣлъ. Какъ дверь была растворена, то она, Семенова, находясь за перегородкою, видѣла что у Муркина былъ въ рукахъ пистолетъ; потомъ она вышла

изъ прихожей и въ это время раненъ деньщикъ, котораго затѣмъ Арешковъ отвелъ на верхъ; за ними пошла и она, Семенова, и потому не знаетъ, какимъ образомъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ деньщика и убитъ священникъ; сойдя же внизъ послѣ убійства для того, чтобы взять ребенка, увидѣла, что барыня мочила водою мужа, который лежалъ на полу и потомъ, продолжая лежать, спрашивалъ жену, убилъ ли священника, а на отрицательный отвѣтъ отозвался: «я попалъ священнику въ грудь». Въ это время кромѣ ея, Семеновой, и барыни въ комнатѣ никого не было. Наконецъ пришелъ плацъ-маіоръ и Муркинъ отправился съ нимъ на гауптвахту *).—На спросъ противъ показаній женщины Семеновой объяснили: а) *жена подсудимаго* Муркина, что они несправедливы, ибо когда она облила мужа водою, то онъ началъ стонать; принявъ это за сознаніе въ случившемся, она стала успокоивать его, говоря, что священникъ не убитъ, не раненъ даже и т. д., причемъ мужъ, не говоря ничего и переставъ стонать, всталъ и сѣлъ у стола. б) Прапорщикъ Арешковъ отозвался, что Муркинъ, вернувшись изъ спальни жены, держалъ въ рукахъ револьверъ, но словъ, что убьетъ кого-нибудь, не произносилъ. Видя его въ болѣзненномъ состояніи и желая предостеречь отъ несчастія, онъ, Арешковъ, дѣйствительно взялся за дуло пистолета, но какъ рука была потная, то не могъ отнять пистолета.

15) Бывшій у Муркина казеннымъ деньщикомъ *Пелифоръ Козловъ* подъ присягою показалъ, что въ 10-мъ часу вечера подсудимый Муркинъ и капитанъ Василенко возвратились съ луговъ домой и стали пить чай; вскорѣ Василенко ушелъ, а онъ, Козловъ, пошелъ за водой и, по возвращеніи, увидѣлъ священника, шедшаго къ Муркину; они стали что-то громко говорить и шумѣть; въ это время онъ, Козловъ, выпелъ въ сѣни, но, услышавъ, что требуютъ воды, вошелъ въ прихожую и сталъ искать стакана, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ; пуля, пробивъ дверь, попала ему, Козлову, въ лѣвую ляжку сзади и онъ вбѣжалъ на верхъ въ квартиру прапорщика Арешкова, который осмотрѣлъ рану и перевязалъ. Черезъ часъ онъ, Козловъ, отправился вмѣстѣ съ рядовымъ Маховымъ къ доктору, который,

*) Въ этомъ показаніи Семенова утвердилась и на очной ставкѣ съ Муркинымъ.

не найдя въ ранѣ пули, приказалъ промывать рану холодною водою. Какимъ образомъ былъ убитъ священникъ онъ, Козловъ, не видѣлъ. На *передопросѣ* въ военномъ судѣ Козловъ объяснилъ, что когда онъ въ бытность священника у подсудимаго Муркина вошелъ въ сѣни и началъ набирать изъ ведра воды, то былъ раненъ вторымъ выстрѣломъ, ибо первый былъ вверхъ, а третьимъ убитъ священникъ; перваго выстрѣла онъ не слыхалъ, потому-что не былъ дома, а говорили ему писарскія жены, что баринъ стрѣляетъ; на что онъ отвѣчалъ, что штабсъ-капитанъ вѣрно гаситъ свѣчку, *как это он и прежде дѣлалъ*. Въ какомъ видѣ былъ Муркинъ опредѣлить не можетъ. Послѣ убійства священника плацъ-маіоръ Булыгинъ, придя къ нимъ, сказалъ Муркину, что комендантъ приказалъ взять его подъ арестъ, и Муркинъ отвѣчалъ: «пойдемьте».—16) Находившійся вѣстовымъ у Муркина рядовой *Моховъ* подъ присягою показалъ, что 26-го іюня вечеромъ, сидя на крыльцѣ, онъ увидѣлъ Муркина, шедшаго домой съ капитаномъ Василенко и прапорщикомъ Арешковымъ. Напившись чаю, изъ нихъ Василенко вскорѣ ушелъ домой, а онъ, Моховъ, отправился за водой, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ. Подбѣжавъ къ окну, онъ замѣтилъ въ комнатѣ одного только Муркина; впослѣдствіи-же узналъ, что выстрѣлъ сдѣланъ въ потолокъ, гдѣ находится пробоина *). Пройдя немного къ рѣчкѣ, онъ, Моховъ, услышалъ второй выстрѣлъ, причемъ встрѣтилъ священника, который сказавъ, «что Муркинъ шумитъ» побѣжалъ къ нему; когда онъ, Моховъ, возвратился съ водою, то священникъ былъ уже раненъ и снесенъ въ госпиталь, а Муркинъ лежалъ на полу и жена мочила ему голову водою.—17) Капитанъ динаминдской крѣпостной артиллеріи *Давыдовъ* объяснилъ, что, выйдя въ 9 часовъ вечера изъ своей квартиры на крыльцо, онъ услышалъ выстрѣлъ и, замѣтивъ нѣсколько человѣкъ, собравшихся близъ квартиры штабсъ-капитана Муркина, подошелъ къ окну. На спросъ, гдѣ стрѣляютъ, кто-то отвѣчалъ, что это уже второй выстрѣлъ дѣлаетъ Муркинъ въ квартирѣ, и что священникъ пошелъ туда уговаривать его не дѣлать буйства. Любопытство остановило его, Давыдова, близъ окна, открытаго до половины, и хотя онъ не могъ хорошо слышать о

*) Точно ли была пробоина на указанномъ мѣстѣ, по дѣлу не обнаружено.

чемъ они говорили, но нѣкоторыя слова, какъ-то: «убью, нѣтъ, не убьешь», явственно были слышны. Тотчасъ послѣ этихъ словъ раздался выстрѣлъ и священникъ, вставъ со стула, совершенно спокойнымъ голосомъ сказалъ: «вотъ и не убилъ», и прошелъ мимо окна по комнатѣ, держа правой рукой за грудь. Такъ-какъ окна квартиры Муркина очень высоки, то со двора нельзя было видѣть, въ какомъ порядкѣ сидѣли священникъ и Муркинъ, равно и того, обезоруживалъ ли первый послѣдняго, бравшись за револьверъ; послѣ же выстрѣла, когда священникъ всталъ и пошелъ по комнатѣ, онъ, Давыдовъ, ясно могъ заключить, что священникъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ Муркинымъ, напротивъ его, лицемъ къ двери *).—18) Динаминдскій комендантъ генералъ-маіоръ *Шульцъ* показалъ, что тотчасъ послѣ происшествія, когда Муркинъ находился на гауптвахтѣ, онъ, Шульцъ, для удостовѣренія, въ какомъ состояніи былъ Муркинъ, зашелъ къ сему послѣднему вмѣстѣ съ крѣпостнымъ врачемъ Ланге и нашелъ его *лежавшимъ на кровати, но не спавшимъ*; на *спросъ*, какъ онъ себя чувствуетъ, Муркинъ отвѣчалъ: «ваше превосходительство, я сегодня *пьянъ* и не имѣю никакого самосознанія, что́ со мною случилось и что́ я сдѣлалъ»; на вопросъ же, не имѣетъ ли въ чемъ надобности или желанія, сказалъ: «ничего, только дайте мнѣ выспаться». Изъ всѣхъ словъ Муркина и вида онъ, Шульцъ, не могъ убѣдиться, чтобы онъ былъ пьянъ, ибо онъ говорилъ ясно и послѣдовательно, а потому приписалъ къ припадку какого либо другаго рода; почему, сообщивъ врачу это замѣчаніе, просилъ его подробно наблюдать за Муркинымъ.—19) Докторъ *Ланге*, спрошенный на 6-й день послѣ происшествія, 2 іюня, отозвался, что на гауптвахтѣ Муркинъ, на вопросъ коменданта, отвѣчалъ не въ полномъ разумѣ; но въ настоящее время нельзя твердо опредѣлить душевное состояніе Муркина.—20) Изъ бывшихъ на гауптвахтѣ караульныхъ нижнихъ чиновъ, унтеръ-офицеръ *Елисѣевъ* показалъ, что въ 9 часовъ вечера привели Муркина на гауптвахту совсѣмъ пьянаго и онъ тотчасъ растянулся на скамейкѣ; затѣмъ прибыли назначенный въ караулъ подпоручикъ Бурда и комендантъ вмѣстѣ съ докторомъ. На вопросъ коменданта, что́ съ вами, Муркинъ сказалъ:

*) Капитанъ Давыдовъ спрошенъ безъ присяги по случаю отвода отъ оной подсудимымъ Муркинымъ.

«я сегодня пьянъ и вашему превосходительству отвѣчать ничего не могу, а хочу только спать»; а когда они вышли, то Муркинъ заснулъ; проснувшись же въ 1-мъ часу ночи, спросилъ часоваго. «гдѣ я нахожусъ?» «на гауптвахтѣ», «былъ отвѣтъ»; «за что»? снова спросилъ Муркинъ; на это часовой отвѣчалъ: «не знаю»; тогда Муркинъ всталъ, наложилъ трубку и, выкуривъ, заснулъ и проспалъ до 7 часовъ утра. До самой смѣны караула онъ былъ очень спокоенъ и только по временамъ, ходя по комнатѣ, задумывался.—Рядовой *Ермаковъ* объяснилъ, что по приводѣ Муркина на гауптвахту пьянымъ, онъ тотчасъ же ничего не говоря, легъ на скамейку; потомъ деньщикъ принесъ ему кровать и раздѣлъ его, а онъ, оборотясь лицемъ къ стѣнѣ, заснулъ и спалъ спокойно; въ 11 часовъ его, Ермакова, смѣнили съ часовъ и потому, что дальше происходило, не знаетъ. Изъ остальныхъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ карауле (12 человѣкъ), одни показали, что не видѣли Муркина прежде, чѣмъ онъ заснулъ, другіе что онъ былъ пьянъ, а третіе, что замѣтили, что онъ былъ въ разстроенномъ состояніи, но отъ чего, имъ неизвѣстно.—21) Бывшій на гауптвахтѣ караульнымъ офицеромъ подпоручикъ *Бурда* объяснилъ, что по прибытіи въ караульный домъ, онъ засталъ Муркина спавшимъ на кровати. Проснувшись чрезъ часъ, Муркинъ спросилъ часоваго: «что это, я на гауптвахтѣ»; когда же часовой отвѣчалъ утвердительно, онъ снова спросилъ: «кто меня сюда посадилъ и за что?» На это часовой, согласно данному ему предъ тѣмъ приказанію, сказалъ, что его посадилъ плацъ-маіоръ а за что, не знаетъ; послѣ сего Муркинъ закурилъ трубку и выкуривъ ее, перевернулся лицемъ къ стѣнѣ и заснулъ; когда же въ 7 часовъ утра проснулся, то пришли къ нему плацъ-маіоръ и прапорщикъ Арешковъ, которые объяснили ему о причинѣ его арестованія.

Затѣмъ подсудимый Муркинъ, описывая то душевное состояніе, въ которомъ совершено имъ преступленіе, въ дополненіе къ прежнимъ показаніямъ объяснилъ, что, начавъ носить съ собою заряженный пистолетъ, онъ объявилъ объ этомъ динамидскому плацъ-маіору, прося доложить о томъ и коменданту. Въ бытность на лугахъ, онъ, Муркинъ, во время закуски около 5 часовъ выпилъ двѣ рюмки водки анисовки—одну съ плацъ-маіоромъ, а другую съ священникомъ; послѣ-же чаю около 7 ча-

совъ, наливъ со священникомъ по стакану пуншу и, давъ ему остынуть, поѣхалъ кататься на лодкѣ, гдѣ и роспили. Когда еще прежде происшествія начиналась у него, Муркина, тоска, предшествовавшая приливу крови, то онъ старался уходить или разсѣяться движеніемъ; но замѣчали-ли это живніе съ нимъ, не знаетъ; медицинскихъ-же средствъ, кромѣ гимнастики и купанья въ морѣ, не принималъ. Послѣ происшествія до отправки его, Муркина, въ рижскій военный госпиталь, его пользовалъ лекарь Лапге, а въ госпиталѣ лечилъ его отъ тоски и головной боли, докторъ Гиршфельдъ, который сказалъ ему: «что не находитъ умъ его разстроеннымъ, но если онъ при этомъ выпилъ хоть одну рюмку горячительнаго, то могъ впасть въ безотчетное состояніе.»—Противу сего старшій ординаторъ военнаго госпиталя докторъ медицины *Гиршфельдъ* отозвался, что подсудимый Муркинъ поступилъ въ госпиталь 6 іюля 1861 г. (т. е. *чрезъ 10 дней послѣ происшествія) съ приливомъ крови къ* головъ и печени, отъ чего и былъ пользованъ; но во все время пахожденія въ госпиталѣ, т. е. по 14 сентября того года, никакимъ припадкамъ, сопровождающимъ умопзступленіе или безпамятство, не подвергался. Что касается до объясненія его относительно состоянія его разсудка, то онъ, Гиршфельдъ, ничего Муркину *не* говорилъ. По его мнѣнію, отъ одной рюмки какого-бы ни было спиртнаго напитка, безотчетнаго состоянія у взрослаго человѣка, слѣдовательно и у Муркина, послѣдовать не можетъ.

Лекарь же *Ланге* объяснилъ, что онъ дѣйствительно лечилъ Муркина на гауптвахтѣ тотчасъ послѣ происшествія отъ сильнаго первнаго раздраженія.—Динаминдскій плацъ-маіоръ полковникъ *Булыгинъ* отозвался, что 20 іюня (за 8 дней до происшествія) Муркинъ, идя съ нимъ послѣ наказанія арестантовъ, точно говорилъ, что перваго арестанта, который вздумаетъ ему грозить, убьетъ, и просилъ доложить объ этомъ коменданту, что имъ, Булыгинымъ, и передано; но о томъ, что Муркинъ началъ носить заряженный пистолетъ, онъ объ этомъ ни въ то время, ни послѣ *не* говорилъ.—Динаминдскій комендантъ генералъ-маіоръ *Шульцъ*, подтверждая отзывъ полковника Булыгина, объяснилъ, что о томъ, что Муркинъ носилъ заряженный пистолетъ, никому не было извѣстно. Со стороны его, Шульца,

не сдѣлано никакого распоряженія относительно угрозы Муркина потому, что онъ считалъ эту угрозу за необходимость каждаго защищающаго себя, въ особенности противъ такихъ людей, какъ арестанты, хотя впрочемъ и приняты были мѣры строгости къ отвращенію чего-либо подобнаго.

Засимъ подсудимый *Муркинъ* въ поданныхъ 10, 12 и 28 октября 1861 г. въ военно-судную коммисію прошеніяхъ изложилъ, что онъ былъ дружент съ священникомъ, не имѣлъ никакого умысла противъ него и съ минуты сбора на отъѣздъ съ луговъ до другаго дня *не знаетъ, что происходило.* Того, чтобы священникъ покушался отобрать отъ него пистолетъ и о томъ, не случайно-ли въ это время послѣдовалъ выстрѣлъ, онъ не помнитъ, но предполагаетъ, что могъ быть такой случай. Утромъ въ день совершенія преступленія, поѣхавъ съ женой и прапорщикомъ Арешковымъ кататься по рѣкѣ, они встрѣтили пароходъ и по желанію, въ которомъ показатель не можетъ дать себѣ отчета, онъ захотѣлъ перерѣзать ему дорогу, что̀ и сдѣлалъ это, не смотря на просьбы жены и крики съ парохода *). Потомъ поѣхали на возморье, гдѣ онъ, Муркинъ, выкупался съ Арешковымъ и разрядилъ пистолетъ; затѣмъ, не смотря на тучу, дождь и поднимавшуюся бурю, поѣхали въ море. (Послѣднее обстоятельство утвердили гребцы, жена Муркина и Арешковъ.) Этотъ поступокъ въ настоящее время ему, Муркину, также кажется непонятнымъ, но тогда онъ веселилъ его. По возвращеніи домой совершенно вымоченный дождемъ, онъ, Муркинъ, выпилъ два стакана чаю, зарядилъ пистолетъ, легъ спать и проснулся только по приходѣ капитана Василенько, звавшаго его на луга.

По осмотрѣ *револьвера* въ присутствіи коммисіи военнаго суда, оказалось, что между дуломъ и ручкою находится барабанъ, повертывающійся на оси; при нажатіи на спускъ производятся три дѣйствія: поворачивается барабанъ, взводится и спускается курокъ на стержень, гдѣ надѣвается пистонъ; барабанъ имѣетъ мѣста для пяти зарядовъ, изъ коихъ каждый отдѣльно сообщается при поворотѣ съ дуломъ. Ручка револьвера дубовая съ

---

*) Это обстоятельство подтвердили подъ присягою два гребца, бывшіе на лодкѣ, но присовокупили, что тутъ не было опасности, ибо пароходъ былъ далеко.

вензелемъ Государя Императора, съ надписью на двухъ серебряныхъ дощечкахъ, на одной: «за отличную стрѣльбу 185(*) года, а на другой: «софійскаго пѣхотнаго полка штабсъ - капитану Муркину.»

Курляндская врачебная управа, отъ которой требовали заключенія объ умственномъ состояніи подсудимаго при совершеніи имъ преступленія, нашла, что Муркинъ уже прежде того страдалъ иногда приливами крови къ головѣ, которые легко могли бы причинять у него разстройство духа. Однако всѣ показанія о прежней жизни подсудимаго, которыя одни только были-бы въ состояніи объяснить и подтвердить развитіе подобнаго болѣзненнаго состоянія, исходятъ единственно отъ него самаго и жены его, и весьма скудны и недостаточны. По собственному показанію, онъ въ прежнее время противъ припадковъ прилива крови къ головѣ никогда врачебнаго пособія не требовалъ, и по собственному своему усмотрѣнію, прибѣгалъ то къ купанью въ морѣ и упражненію въ гимнастикѣ, то доставлялъ себѣ облегченіе развлеченіями. Сообщилъ-же онъ объ этихъ припадкахъ женѣ, предостерегая ее, чтобы она въ этомъ припадкѣ не растревожила его; впрочемъ, чтобы таковые случаи встрѣчались въ брачной жизни ихъ, объ этомъ жена его ничего не говоритъ. Муркинъ при допросѣ показалъ, что пристрастенъ къ горячимъ напиткамъ никогда не былъ, а пилъ ихъ только умѣренно и сказать не можетъ, чтобы приливы были отъ вина; безпамятство бывало кратковременное, отчего не знаетъ и отчета дать не можетъ,—предъ самымъ происшествіемъ и во время онаго, т. е. въ продолженіе 26-го іюня, подсудимый, по показанію всѣхъ свидѣтелей, обнаруживалъ нѣкоторое раздраженіе. Онъ предлагалъ кататься на лодкѣ и при этомъ дѣлалъ такія вещи, которыя очевидно свидѣтельствуютъ о его раздраженіи и нѣкоторой жаждѣ къ опасности и которыя именно должны быть названы необдуманными и безразсудно смѣлыми, если принять еще въ соображеніе, что онъ общество свое, въ которомъ была его жена, подвергъ тѣмъ-же случайностямъ, не взирая на всѣ просьбы и возраженія со стороны своихъ товарищей. Въ такомъ-же раздражительномъ и странномъ положеніи онъ оставался и на обратномъ пути съ луговъ, вечеромъ 26-го іюня, въ чемъ согласны всѣ свидѣтели, бывшіе съ нимъ при этой по-

ѣздкѣ. Онъ грозилъ застрѣлить капитана Иваницкаго-Василенко, потому только, что сей послѣдній не допустилъ священника, сидѣвшаго въ другой лодкѣ, прицѣпиться багромъ къ ихъ лодкѣ, а чрезъ пять минутъ опять былъ столь разсудителенъ, что извинился предъ нимъ, присовокупляя: «это такая минута, она прошла»! Прапорщика Шульца онъ вызывалъ на дуель, а какъ Шульцъ молчалъ, то онъ опять легко и скоро успокоился. Въ собственной квартирѣ онъ сперва ранилъ деньщика, потому-что тотъ *не обратилъ вниманія на запрещеніе входить* въ комнату; между-тѣмъ далъ свободный входъ священнику, не смотря на то, что при послѣднемъ началъ снова кричать: «чтобы никто не смѣлъ входить, иначе онъ его убьетъ;» онъ встрѣтилъ привѣтливо священника и когда священникъ началъ его уговаривать, то отвѣчалъ, даже смѣясь. Какого рода былъ разговоръ между ними, не дознано, однако слышали, что подсудимый наконецъ просилъ священника выйти; въ противномъ случаѣ грозилъ убить его и увѣрялъ честнымъ словомъ исполнить угрозу. На возраженіе священника, что скорѣе самъ его, Муркина, убьетъ, чѣмъ онъ рѣшится на подобный поступокъ, и что онъ, священникъ, въ его честное слово не вѣритъ, потому-что онъ скверный и подлый человѣкъ, подсудимый нѣсколько разъ еще повторялъ угрозу, что честное слово, его убьетъ, если не выйдетъ; на что священникъ отвѣчалъ, что онъ его нисколько не боится. Еще до прихода священника онъ нѣсколько разъ кричалъ: «я убью, убью непремѣнно кого-нибудь сегодня». Даже на самую жену онъ наставилъ разъ револьверъ и только, опустившись на колѣни, она въ состояніи была отклонить мужа отъ исполненія угрозы. Послѣ совершенія убійства подсудимый то впадалъ въ отчаяніе, то снова успокоивался. Далѣе Муркина показала, что она послѣ происшествія, воротясь въ комнату, нашла мужа лежавшимъ у стола на полу, начала обливать его водою и старалась успокоивать его уговариваніемъ. Наконецъ дѣйствія подсудимаго Муркина послѣ происшествія состояли въ томъ, что онъ спокойно и безъ сопротивленія пошелъ съ плацъ-маіоромъ на гауптвахту. Между-тѣмъ всѣ вообще офицеры утверждаютъ, что подсудимый *не* былъ пьянъ; одна часть изъ допрошенныхъ нижнихъ чиновъ показала, что *распознавали* его пьянымъ, другая же часть изъ нихъ, что этого не замѣчали; динамидскій

комендантъ, посѣтившій Муркина, тотчасъ послѣ происшествія на гауптвахтѣ съ врачемъ Ланге, нашелъ его лежавшимъ на койкѣ, но не спавшимъ. На вопросъ коменданта, какъ онъ чувствуетъ себя, подсудимый отвѣчалъ: «я сегодня пьянъ и не имѣю никакого самосознанія, что со мною случилось и что я сдѣлалъ»; а когда комендантъ спросилъ, не имѣетъ-ли въ чемъ надобности или желанія, отвѣчалъ: «ничего, только дайте мнѣ выспаться». А все это онъ говорилъ такъ ясно и послѣдовательно, что комендантъ не могъ убѣдиться, чтобы Муркинъ былъ пьянъ. Если сообразить въ совокупности всѣ эти дѣйствія и поступки подсудимаго, то почти съ достовѣрностію можно сказать, *что онъ не былъ пьянъ*, но что онъ въ день происшествія *страдалъ сильнымъ нервнымъ раздраженіемъ*. Отъ одного стакана легкаго пунша и двухъ рюмокъ водки у здороваго взрослаго человѣка едва-ли можетъ наступить такая высокая степень опьяненія, которое произвело бы въ немъ столь сильное помраченіе разсудка, чтобы онъ въ состояніи былъ совершить такое преступленіе.—Но такъ-какъ Муркинъ страдалъ уже сильными приливами крови къ головѣ, то происшедшіе отъ этого припадки легко могли усиливаться до высочайшей степени, даже и при дѣйствіи выпитыхъ имъ въ столь незначительномъ количествѣ спиртныхъ напитковъ. Но трудно и даже невозможно въ настоящее время дать,удовлетворительное заключеніе *о душевномъ состояніи подсудимаго* во время происшествія, тѣмъ болѣе, что даже докторъ Ланге, имѣвшій случай наблюдать его тотчасъ послѣ происшествія до отправленія его 6-го іюля въ госпиталь, не рѣшился дать такое заключеніе.—Медицинское наблюденіе сіе произведено было надъ Муркинымъ въ теченіи 10-ти недѣль, съ 6-го іюля по 14-е сентября старшимъ ординаторомъ Гиршфельдомъ, который изъясняетъ: что Муркинъ въ упомянутое время никакимъ припадкамъ, сопровождавшимся умоизступленіемъ или безпамятствомъ, не подвергался. И такъ единственнымъ средствомъ для объясненія преступленія Муркина остается предположеніе: *скоро-проходящаго помѣшательства ума* (mania transitoria), состоянія, являющагося здѣсь, какъ продуктъ или кризисъ оставшагося большею частію скрытымъ болѣзненнаго душевнаго состоянія и кончившагося совершеніемъ убійства, причемъ послѣднее представляется противурѣчащимъ всей прочей жизни

преступника. А что таковая mania transitoria дѣйствительно встрѣчается въ судебно-медицинской практикѣ, это столько-же вѣрно, сколько трудно психологическое ея изслѣдованіе и приведеніе судебныхъ доказательствъ. Было ли въ настоящемъ случаѣ совершенное Муркинымъ убійство слѣдствіемъ таковаго скоропроходящаго умопомѣшательства, объ этомъ врачебная управа съ достовѣрностію судить не можетъ за неимѣніемъ никакихъ матеріаловъ, которые должны быть почерпнуты изъ біографіи подсудимаго. Изъ дѣла можно привести въ пользу этого мнѣнія только то обстоятельство, что у Муркина иногда замѣчали мысли и выраженія о постылости ему жизни, и что онъ жену свою предостерегалъ не тревожить его въ случаяхъ, если съ нимъ сдѣлается припадокъ нервнаго раздраженія. Что самосознаніе подсудимаго отъ вліянія выпитыхъ имъ спиртныхъ напитковъ могло помрачаться въ такой степени, чтобы заставить его совершать убійство въ пьяномъ видѣ, врачебная управа должна совершенно отрицать. Въ болѣзненномъ состояніи подсудимый въ самомъ дѣлѣ находился какъ во время, такъ уже и до преступнаго дѣйствія. Но чтобы быть въ состояніи съ несомнѣнною достовѣрностію и надежностію опредѣлить и обозначать природу и свойство подобнаго состоянія, для этого не достаетъ управѣ необходимыхъ точекъ опоры, которыхъ также не нашли ни военно-судная коммисія, ни вышеименованные врачи. Въ военно-судномъ дѣлѣ заключаются только намеки на извѣстную подъ именемъ скоропроходящаго помѣшательства ума mania transitoria. И такъ, *по мнѣнію управы, слѣдуетъ допускать не только возможность, но даже вѣроятность существованія* mania transitora въ подсудимомъ, при совершеніи имъ убійства.

Впослѣдствіи времени врачебная управа, по освидѣтельствованіи въ своемъ присутствіи Муркина, нашла, что у него на правой боковой кости черепа существуютъ рубцы, образовавшіеся отъ полученной имъ въ прежнее время раны, которая, по показанію подсудимаго, была довольно значительная. Такое поврежденіе могло имѣть послѣдствіемъ по временамъ приливы крови къ головѣ, о которыхъ говорено выше.

Разсматривая (въ качествѣ послѣдней инстанціи) это дѣло, военный генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подсудимый Муркинъ,

находясь въ кр. Динаминдѣ, 26-го іюня 1861 г. былъ приглашенъ мѣстнымъ священникомъ Іоанномъ Тихомировымъ къ участію въ поѣздкѣ съ нимъ и другими лицами комендантскаго управленія на лежащій близъ крѣпости островъ для раздѣла накошеннаго сѣна. По возвращеніи вечеромъ домой, подсудимый Муркинъ, квартировавшій съ семействомъ по сосѣдству съ означеннымъ священникомъ, сталъ шумѣть и буйствовать въ своей квартирѣ, причемъ, имѣя у себя револьверъ, заряженный пулями, началъ дѣлать изъ него выстрѣлы, изъ коихъ одинъ произвелъ въ потолокъ, а другой въ одну изъ стѣнъ своей комнаты и этимъ послѣднимъ выстрѣломъ ранилъ въ ляжку своего деньщика, случайно находившагося въ сосѣдней комнатѣ. Когда-же, вслѣдствіе такого буйственнаго поступка Муркина, пришелъ въ квартиру его находившійся съ нимъ въ тѣсной дружбѣ священникъ Тихомировъ и сталъ уговаривать его, чтобы прекратилъ дальнѣйшее буйство, то Муркинъ сдѣлалъ третій выстрѣлъ изъ пистолета и нанесъ священнику въ грудь смертельную рану, отъ которой онъ чрезъ нѣсколько минутъ умеръ. Изъ отобранныхъ при слѣдствіи показаній отъ многихъ лицъ, видѣвшихъ подсудимаго Муркина въ день происшествія, обнаруживается, что онъ до поѣздки на островъ и во время нахожденія на лугу пилъ водку и пуншъ и возвратился домой совершенно пьяный. Самъ подсудимый Муркинъ, утверждая, что онъ выпилъ только двѣ рюмки водки и стаканъ пуншу во время закуски на лугу и пьянъ не былъ, объяснялъ, что онъ не помнитъ, какимъ образомъ лишилъ священника жизни, какъ не помнитъ и всего того, что дѣлалъ съ минуты возвращенія своего съ острова, на который ѣздилъ съ священникомъ и другими лицами; что въ это безпамятство онъ впадалъ иногда и прежде, вслѣдствіе приливовъ крови къ головѣ, которые старался облегчить гимнастикою и купаньемъ; что въ продолженіи того дня, когда случилось происшествіе, онъ чувствовалъ какую-то безсознательную тревогу, хотя въ бытность на островѣ и старался казаться веселымъ, и что означенныя безпамятство и безсознательное состояніе, въ которыхъ онъ совершилъ преступленіе, продолжались у него до другаго дня, т. е. до утра 27-го іюня. Но въ подтвержденіе того, что подсудимый Муркинъ прежде происшествія подвергался припадкамъ безпамятства, представ-

ляются только показанія жены его и брата сей послѣдней, что онъ дѣйствительно иногда тосковалъ, впадалъ въ задумчивость и жаловался на темноту въ глазахъ и боль въ головѣ. Курляндская врачебная управа, основываясь на этихъ показаніяхъ, въ мнѣніи своемъ по этому дѣлу выразила мысль, что Муркинъ дѣйствительно могъ совершить убійство въ припадкѣ безпамятства и временнаго отсутствія сознанія своихъ дѣйствій. Но военно-медицинскій ученный комитетъ на заключеніе, котораго передано было настоящее дѣло, нашелъ, что означенное убійство совершено Муркинымъ въ припадкѣ раздраженія и запальчивости, зависѣвшемъ отъ нетрезваго его состоянія *). Посему генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго Муркина виновнымъ въ буйственныхъ поступкахъ и убійствѣ, совершенномъ въ запальчивости и раздраженіи, нашелъ, что за убійство это онъ, на основаніи 385 ст. 1 кн. воен. угол. уст. и 2004 ст. улож. о наказ. угол. и испр. подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; но принимая во вниманіе во 1-хъ, что подсудимый Муркинъ, находясь въ тѣсной дружбѣ съ священникомъ Тихомировымъ, не могъ имѣть ни малѣйшаго повода къ лишенію его жизни и произвелъ это преступленіе въ припадкѣ чрезмѣрнаго раздраженія подъ вліяніемъ сильнаго опьяненія, и во 2-хъ, что наказаніе за преступленіе, учиненное въ пьянствѣ, опредѣляется, согласно 86 ст. 1 кн. воен. угол. уст., въ меньшей степени, противу положенной за умышленное преступленіе, аудиторіатъ опредѣлилъ: всеподданнѣйше ходатайствовать о замѣнѣ заслуженнаго подсудимымъ наказанія тѣмъ, чтобы его, Муркина по лишеніи чиновъ, медали въ память войны 1853—1856 г., дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири, съ предаціемъ на мѣстѣ ссылки церковному покаянію, по усмотрѣнію духовнаго начальства.

Это мнѣніе 20 іюля 1863 г. удостоено Высочайшаго утвержденія и было приведено въ исполненіе.

Единственный вопросъ, возникающій въ настоящемъ дѣлѣ, состоитъ въ томъ: можно-ли вмѣнить Муркину, убійство, совер-

*) Мы не привели этаго заключенія, такъ-какъ оно служитъ повтореніемъ вышеизложеннаго.

шенное имъ надъ священникомъ Тихомировымъ; разрѣшеніе-же этого вопроса зависитъ отъ точнаго опредѣленія того *душевнаго состоянія*, въ которомъ находился Муркинъ до и во время совершенія убійства. — Между-тѣмъ дѣло это представляетъ ту особенность, что послѣднее обстоятельство было приведено въ несомнѣнную и точную извѣстность, лишь *по смерти подсудимаго*, именно: во исполненіе приговора генералъ-аудиторіата Муркинъ отправленъ былъ въ Сибирь. На дорогѣ, въ г. Казани, въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 г., онъ заболѣлъ и потому помѣщенъ былъ въ больницѣ казанскаго пересыльнаго каземата. По личной просьбѣ его жены о подачѣ ему помощи казанскій губернаторъ (генералъ-маіоръ Нарышкинъ) предложилъ мѣстнымъ врачамъ принять участіе въ его излеченіи и составить консиліумъ. Не смотря однако на всѣ оказанныя больному пособія, онъ 29 февраля умеръ, по заявленію пользовавшихъ его врачей, отъ тифозной горячки. Вслѣдствіе необыкновеннаго хода этой болѣзни произведено было 10 марта 1864 г. анатомическое изслѣдованіе трупа Муркина профессорами: судебной медицины *Зедеритетомъ* и терапевтической клиники, семіотики и психіатріи— *Блосфельдомъ*. Въ составленномъ при семъ актѣ упомянутые профессора, соображая и взвѣшивая данныя, оказавшіяся при вскрытіи трупа Муркина, пришли къ убѣжденію: «что ближайшей причиною смерти Муркина было истощеніе силъ вслѣдствіе адинамической и ослабляющей (тифозной) горячки (febris remittens typhoidea). Доказательствомъ этому служатъ: изнуренное, анемическое тѣлосложеніе; пролежень на крестцово-копчиковой области; темное окрашеніе мышцъ; увеличеніе и дряблость селезенки; напряженіе мозга и утолщеніе паутинной оболочки его; сгущеніе и волокнистое свертываніе крови; разбуханіе пейеровыхъ железъ.—Затѣмъ для рѣшенія вопроса: былъ-ли Муркинъ *во время его жизни* подверженъ особеннымъ *болѣзненнымъ припадкамъ*, и какимъ именно—упомянутые профессора разъединили анатомико-патологическія измѣненія, послѣдовавшія отъ послѣдней его болѣзни, отъ тѣхъ, которыя были слѣдствіемъ предшествовавшаго страданія. 1) Къ первой группѣ измѣненій принадлежатъ, кромѣ изложенныхъ органическихъ разстройствъ, чрезвычайное переполненіе легкихъ темною пѣнистою кровью. 2) Ко второй группѣ должно причислить: хрупкій утонченный

черепъ, лишенный почти губчатаго вещества и санторіиовыхъ выпускниковъ, сращеніе швовъ, некропическое пораженіе внутренней пластинки темянной кости; гипертрофію мозга, сплощеніе уменьшенныхъ въ числѣ извивинъ, при скудности корковаго существа; выпуклости и вдавленія поверхности мозга; сращеніе твердой оболочки съ черепомъ и мягкою оболочкою мозга; обиліе весьма развитыхъ и помѣщенныхъ среди твороговидныхъ отложеній пахіоновыхъ грануляцій, при необыкновенномъ утолщеніи паутинной оболочки; бугорки въ боковыхъ и съуженіе въ нисходящихъ рожкахъ; пузырчатое расширеніе хоровидныхъ сплетеній и различные отростки черепныхъ костей. Къ разстройствамъ давнишняго происхожденія относится и разстройство легкихъ, которыя, хотя и не поражены хроническимъ катарромъ, бугорками или сращеніемъ съ ребрами, тѣмъ не менѣе содержаніемъ безчисленныхъ меланотическихъ зернушекъ въ составѣ и на поверхности, явно доказываютъ на застой въ нихъ крови и на препятствованіе кровообращенію и окисленію крови. Главнымъ-же источникомъ послѣднихъ обстоятельствъ представляется ожиреніе сердца съ концентрическою гипертрофіей. Вотъ скудныя некропсическія данныя, на основаніи которыхъ судебный врачъ долженъ дѣлать обратное заключеніе на жизнь, характеръ и болѣзненное расположеніе человѣка, ему совершенно неизвѣстнаго, задача, единственная въ своемъ родѣ и безъ всякаго сомнѣнія еще болѣе затруднительная, нежели истолкованіе доисторическихъ преданій, писанныхъ гіероглифами. Трудъ значительно усложняется, когда предстоитъ по означеннымъ матеріальнымъ, притомъ довольно обманчивымъ и шаткимъ положеніямъ, дать отзывъ не о тѣлесной болѣзни, но о личности и душевномъ, разнообразномъ до безконечности свойствѣ незнакомаго человѣка. За всѣмъ тѣмъ «некропсія» даже въ такихъ случаяхъ можетъ служить: опорою контроля надъ явленіями біологическими, извѣстными другимъ, а если ихъ нельзя имѣть — чувственнымъ основаніемъ для рѣшенія того вопроса: такого-ли рода найденныя измѣненія, что могутъ причинить болѣзни, признанныя по закону смягчающими и даже прекращающими вмѣняемость? Принимая въ соображеніе: нѣжное, какъ-бы женское тѣлосложеніе Муркина, бѣлокурые рѣдкіе волосы, бѣлдную безволосую кожу, сѣроголубые глаза; далѣе многочисленныя пере-

рожденія въ полости головы; сроще́ніе мозговыхъ оболочекъ съ черепомъ и мозгомъ; бѣлковатыя отложенія на поверхности мозга; различныя выстоянія и гребешки на черепѣ; наконецъ концентрическую гипертрофію плотнаго, ожирѣлаго, уменьшеннаго въ своемъ объемѣ и калибрѣ сердца — слѣдуетъ придти къ заключенію, что Муркинъ былъ человѣкъ нервознаго темперамента, весьма раздражителенъ, вспыльчивъ, но непостоянен и безъ энергіи. При постоянномъ колебаніи между экзальтированнымъ состояніемъ и между разслабленіемъ и угнетеніемъ, по всей вѣроятности крайняя веселость часто замѣнялась у него продолжительнымъ упадкомъ духа, тоскою и задумчивостью, сопровождавшимися сильнымъ приливомъ крови къ головѣ, къ сердцу и легкимъ, съ необходимымъ его слѣдствіемъ—жестокой головной боли, вздоховъ, одышки и, что можно допустить—даже съ заблужденіями чувствъ (hallucinationes). Главною пружиною измѣнчивости физической и психической дѣятельности у Муркина должно почесть полярную противоположность сосудистой и нервной системы. Подобную несоразмѣрность должно также предполагать между артеріальною и венозною системою; причемъ преобладаніе дѣятельности и энергіи очевидно было на сторонѣ артерій, что имѣло слѣдствіемъ: усиленное притеченіе и уменьшенный отливъ крови въ мозгу и легкихъ. Не смотря на общую анемію, у людей описаннаго сложенія нерѣдко появляется мнимое полнокровіе (plethora ad vasa—ad spatium), сосредоточивающееся, (если человѣкъ не подверженъ періодическому геморроидальному отдѣленію крови, чего по видимому не было у Муркина),—преимущественно въ сердцѣ, въ легкихъ и мозгу, причиняя на первомъ планѣ застои крови въ легкихъ съ отложеніемъ меланотическихъ зернушекъ въ воздушныхъ клѣткахъ оныхъ, и венозное перерожденіе крови. Дальнѣйшими послѣдствіями означенныхъ условій представляются: гипертрофія сердца и мозга, сращеніе мозговыхъ оболочекъ, различныя выпуклости и отложенія на поверхности мозга, бугорки въ боковыхъ уменьшенныхъ въ калибрѣ желудочкахъ, съуженіе исходящихъ рожковъ, отростки и шпильки въ костяхъ черепа,—болѣзненные продукты, которые съ своей стороны производятъ раздраженіе нервной системы.—Многія данныя (скудность сѣраго существа въ корковой субстанціи, начинающійся маразмъ желтоватаго, какъ бы дырчатаго мозга,

общее изнуреніе и многія другія вышеприведенныя анатомическія измѣненія) свидѣтельствуютъ объ угнетенномъ питаніи и о томъ, что Муркинъ быстро приближался къ паралитическому помѣшательству. По законамъ природы часто повторяющіяся экзальтаціи влекутъ за собою болѣе и болѣе продолжительное разслабленіе и угнетеніе. За всѣмъ тѣмъ пока физическая и духовная энергія еще не совсѣмъ истощена, страдалецъ инстинктивно напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы освободиться отъ несноснаго состоянія тоски: инстинктъ устремленъ именно къ тому, чтобы разстроенное кровообращеніе привести въ уровень пормальнаго состоянія. Принимая въ расчетъ: сращеніе швовъ черепа, совершенное почти исчезновеніе санторіиновыхъ выпускниковъ, безпрерывное давленіе сросшагося гипертрофированнаго мозга, венозность крови—легко понятно, что для достиженія означенной цѣли необходимы самыя сильныя сотрясенія. По опыту это доказывается многочисленными наблюденіями; и если это случается даже у здоровыхъ людей, то тѣмъ болѣе у такихъ, у которыхъ сосредоточилось столько органическихъ разстройствъ, какъ у Муркина. Въ припадкѣ задумчивости и угнетенія тѣла, человѣкъ походитъ на сонпаго, или лунатика; причемъ, если пробуждается какъ-бы изъ тяжелаго сна, то ложныя представленія не исправляются нормальнымъ образомъ; контролемъ разумныхъ представленій, а влекутъ его къ неукротимымъ напряженнымъ, даже насильственнымъ несознательнымъ порывамъ, извѣстнымъ въ наукѣ подъ названіями: manie sans délire, mania transitoria, mania homicida-antochirica, raptus furibundus. Означенные «порывы неистовства» наступаютъ тѣмъ вѣрнѣе, если тѣлесному страданію (головная боль, одышка) и задумчивости—предшествовали неумѣренное тѣлесное упражненіе, ночныя бденія, душевныя возмущенія: гнѣвъ, досада, негодованіе, особенно же если притомъ употреблялись горячительные напитки. Само собою разумѣется, что при совершенномъ незнаніи личнаго характера Муркина, сужденіе о психическихъ свойствахъ его можетъ быть лишь гадательное и основываться на однихъ только научныхъ данныхъ, которыя необходимо повѣрить съ положительными данными, заимствованными изъ исторіи его жизни. Затѣмъ, не касаясь вмѣняемости—опредѣленіе которой во всякомъ случаѣ есть дѣло судьи, а по судебной

психологіи—остается еще разсмотрѣть: на сколько противозаконные поступки и дѣянія людей, страдающихъ подобно Муркину вышеуказанными тѣлесными разстройствами, могутъ быть въ зависимости отъ послѣднихъ, и насколько такія болѣзненныя измѣненія въ состояніи нарушить разсудокъ, самоопредѣляемость, духовную свободу, волю, разумъ и вообще все то, что принимается принципомъ при опредѣленіи вмѣняемости? Что въ трупѣ Муркина дѣйствительно встрѣчались перерожденія, которыя способны лишить человѣка минутно или продолжительно возможности управлять своими поступками разумнымъ образомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію *); и возраженіе, что многіе люди съ подобными разстройствами иногда остаются психически-здоровыми, совершенно неумѣстно. Такъ напримѣръ одинъ человѣкъ отъ малѣйшей раны подвергается смертельному столбняку, неостанавливаемому кровотеченію, воспаленію векъ (phlebilis), тогда-какъ тоже самое у 1000 другихъ проходитъ безъ послѣдствій. Провелъ ли Муркинъ свое юношество согласно требованіямъ нравственности, есть вопросъ, ускользающій отъ всякаго объективнаго сужденія и приговора. Впрочемъ наружность Муркина, отсутствіе слѣдовъ предшествовавшихъ сифилистическихъ болѣзней, счастливыя семейныя отношенія удостовѣряютъ о хорошемъ воспитаніи и отсутствіи у него грубаго разврата. Сомнительнѣе уже дѣлается вопросъ: былъ ли Муркинъ пьяница? Правда: многія органическія измѣненія, особенно въ головѣ, представляются спутниками алкоголизма, но нѣкоторыя изъ нихъ теряютъ свое значеніе, какъ напримѣръ и tonsura—которая, какъ и гиперемія легкихъ были слѣдствіемъ тифа или повторительныхъ раздраженій и напряженій мозга;—другія, какъ то явленія въ печени, можно почесть исходами анеміи, маразма; они безъ сомнѣнія состояли въ причинной связи съ пребываніемъ Муркина въ тюремномъ замкѣ, съ лишеніемъ свободнаго движенія и хорошаго воздуха, и

*) См. E. Feuchtersleben Lehrb. d. ärztl Seelenk. 1845.—Ad. Wachsmuth allg. Pathologie d. Seele Frankf. 1859.—H. Neumann Lehrbuch d. Psychiatrie. Erlangen 1859.—W. Griesinger Pathol. u Therap. d. psych. Krank. Stuttg. 1861.—Alb. Erlenmeyer: Wie sind die Seelenstörungen in ihrem Beginn zu behandeln? Nenwied 1863.—Damerow Zeitsch.—Pinel.—Esquirol.—Guislain и проч. Erlenmeyer: Archiv und Correspondenzblatt für Psychiatrie.

не имѣютъ отношенія къ запойному худосочію. По всей вѣроятности Муркинъ не былъ пьяница по привычкѣ и по неукротимой необходимости; чѣмъ однакожъ не уничтожается возможность того, что онъ для прогнанія хандры и задумчивости, можетъ быть подчасъ прибѣгалъ къ стакану вина. Но принимать большія количества спиртныхъ напитковъ ему запретило бы уже нервозное тѣлосложеніе, при которомъ по большей части даже незначительное количество вина причиняетъ весьма сильныя разстройства. Итакъ всего вѣроятнѣе, что большая часть вышеприведенныхъ органическихъ перерожденій у Муркина были слѣдствіемъ врожденнаго тѣлеснаго и душевнаго расположенія, за которыя онъ не отвѣчаетъ. Это предположеніе получило-бы еще болѣе вѣсу, если-бы открылось, что его развитіе въ дѣтствѣ сопровождалось нѣкоторыми нервными припадками—судорогами, снохожденіемъ, коматозными горячками и т. п.».

Изъ соображенія всего изложеннаго, профессора вывели слѣдующее заключеніе: «1) причиною смерти Муркина было истощеніе силъ вслѣдствіе тифозной горячки; 2) многочисленныя анатомико-патологическія измѣненія, оказавшіяся при вскрытіи трупа Муркина, во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ перерожденіями, какія встрѣчаются въ трупахъ людей, страдавшихъ періодическимъ или хроническимъ помѣшательствомъ, или порывомъ неистовства съ неукротимымъ влеченіемъ покушаться на собственную жизнь, или на жизнь другихъ».

Мы не сомнѣваемся, что настоящее дѣло, представляющее въ нашей судебной практикѣ весьма рѣдкій примѣръ примѣненія прекрасно-собранныхъ судебно-медицинскихъ данныхъ къ юридическому вопросу о состояніи вмѣняемости или невмѣняемости подсудимаго, обратитъ на себя вниманіе русскихъ врачей и юристовъ.

XXII. Дѣло о нанесеніи раны изъ пистолета австрійскому подданному Игнатію Зальцману.

Настоящее дѣло заслуживаетъ вниманія какъ по таинственности и загадочности обстоятельствъ, его сопровождавшихъ, такъ и по тѣмъ, можно сказать, *чудовищнымъ* упущеніямъ, ко-

торыя допущены были въ немъ слѣдователями, и исправить которыя впослѣдствіи времени не было уже никакой возможности *).

1853 года, 13-го іюня, въ 10-мъ часу утра управляющій имѣніемъ К*, титулярный совѣтникъ Алексѣй Богоявленскій, явясь въ литейную часть города С. Петербурга объявилъ управляющему частью Сахарову, что бывшій дворецкій К*,—австрійскій подданный Зальцманъ произвелъ *въ себя* въ домѣ К* выстрѣлъ изъ пистолета. — Вслѣдъ засимъ вбѣжалъ въ комнату пристава самъ Зальцманъ и, показывая рану на груди, объявилъ, что означенную рану сдѣлалъ ему К* выстрѣломъ изъ пистолета. Вслѣдствіе сего управляющій литейною частію Сахаровъ—съ приглашенными имъ, приставомъ слѣдственныхъ дѣлъ Швалевымъ, частнымъ врачемъ полиціи Васильевымъ, стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ Кельчевскимъ, мѣстнымъ надзирателемъ Копѣйчиковымъ и двумя сторонними свидѣтелями, (какъ видно изъ составленнаго за подписью упомянутыхъ лицъ акта), 13 іюня 1853 г., въ 10 часу утра освидѣтельствовали Зальцмана, причемъ оказалось, что рубашка у него спереди надъ предсердіемъ была въ окружности на четверть аршина окровавлена, а сверху надъ окроваленнымъ мѣстомъ на пространствѣ двухъ вершковъ покрыта пороховою копотью съ имѣющимся въ срединѣ этого мѣста прострѣленнымъ и обгорѣвшимъ разрывомъ рубашки; въ общихъ-же покровахъ груди подъ нижнею частію грудной доски (sternum) къ лѣвому ея краю находилась съ вогнутыми краями четыреугольной продолговатой формы повидимому неглубоко проникающая огнестрѣльная рана, окружность которой къ правой сторонѣ была обожжена и частію покрыта пороховою копотью; кровотеченіе изъ раны было незначительное и особенныхъ болѣзненныхъ припадковъ у Зальцмана не замѣчено.—Затѣмъ (какъ видно изъ того-же акта) упомянутыя лица, кромѣ врача, отправились въ домъ К*, гдѣ отъ швейцара его крестьянина Шмакова узнали, что Зальцманъ того 13 іюня

---

*) При окончательномъ разрѣшеніи сего дѣла, государственный совѣтъ призналъ: «что все затрудненіе, въ которое поставлены были разсматривавшія настоящее дѣло судебныя мѣста относительно произнесенія о виновныхъ рѣшительнаго приговора, произошло преимущественно отъ тѣхъ неправильныхъ дѣйствій, которыя допущены были при производствѣ слѣдствія».

утромъ два раза приходилъ въ швейцарскую, спрашивалъ Богоявленскаго и когда Шмаковъ во второй разъ сказалъ ему, что Богоявленскій у К*, то Зальцманъ, желая подождать его, пошелъ по лѣстницѣ наверхъ, гдѣ остановился предъ дверьми, ведущими въ комнату К*, а Шмаковъ отправился для естественной нужды, но только-что отворотился, какъ тотчасъ же услышалъ выстрѣлъ и увидѣлъ бѣгущаго Зальцмана, который, сбѣжавши въ швейцарскую, сѣлъ на стулъ и сказалъ, что его убилъ К*. Когда же, спустя не болѣе четверти часа времени, сверху въ швейцарскую ламповщикомъ Герасимомъ принесенъ былъ пистолетъ, то Зальцманъ, увидавъ послѣдній, тотчасъ побѣжалъ быстро изъ дверей на сергіевскую улицу и въ это самое время у него откуда-то упала пуля; въ швейцарской, гдѣ сидѣлъ Зальцманъ, остались слѣды высыпавшагося откуда-то пороха.—К* на распросы объявилъ, что онъ Зальцмана не видалъ, но пивши съ Богоявленскимъ въ своемъ кабинетѣ чай, услышалъ на лѣстницѣ выстрѣлъ и, узнавъ, что этотъ выстрѣлъ сдѣланъ Зальцманомъ въ себя, тотчасъ же поручилъ Богоявленскому дать знать объ этомъ полиціи.—По осмотрѣ того мѣста въ швейцарской, гдѣ сидѣлъ Зальцманъ на стулѣ, отстоящемъ отъ наружныхъ дверей на разстояніи четырехъ шаговъ, лица, производившія осмотръ, нашли на каменномъ полу разсыпаннымъ какъ около стула, такъ и на всемъ пространствѣ отъ стула до вышеупомянутыхъ дверей небольшое количество обыкновеннаго ружейнаго пороха; на пистолетѣ же близъ курка на боку оказались нѣмецкаго шрифта литеры *J. S.*, близкія къ фамиліи Зальцмана (Игнатій Зальцманъ). По осмотрѣ—въ домѣ К* какъ подобнаго пистолета, такъ и пороха не найдено. Посему слѣдователи и положили о всемъ вышеизложенномъ составить актъ, найденный же порохъ, какъ подобнаго въ квартирѣ Зальцмана и домѣ К* не оказалось, растворивъ въ водѣ, уничтожить (?) а пулю и пистолетъ, какъ служившіе доказательствомъ настоящаго случая, опечатать печатью мѣстнаго надзирателя и сдать сему послѣднему для надлежащаго храненія.—При осмотрѣ младшимъ помощникомъ надзирателя Кесселемъ *квартиры Зальцмана* въ присутствіи жены Зальцмана, пришедшаго къ ней для объясненія о состояніи мужа ея ординатора Маріинской больницы Верпера, управляющаго домомъ Ларіонова, (въ коемъ проживалъ

Зальцманъ) купца Кичигина и одного сторонняго свидѣтеля, никакого оружія, ни принадлежностей къ тому, какъ то: пороха, пуль и пистоновъ не найдено, причемъ жена Зальцмана объявила, что мужъ ея, отправляясь сего числа въ 9 часовъ утра къ К*, говорилъ ей, что онъ идетъ для миролюбивой сдѣлки по приглашенію Богоявленскаго и, что К* въ бытность Зальцмана ранѣе сего, грозилъ ему убить его, если онъ, Зальцманъ, явится къ нему за деньгами. — При предъявленіи пистолета. (на которомъ неизвѣстно какимъ образомъ вмѣсто буквъ *J.* и *S.* оказались буквы *W* и *Z* *), жена Зальцмана и находящаяся у нея въ услуженіи мѣщанка Евлампія Богомолова, равно и управляющій домомъ Ларіонова купецъ Кичигинъ, объявили, что такого пистолета у Зальцмана никогда не видали.

16-го іюня производство по настоящему дѣлу *формальнаго слѣдствія* поручено было с. петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ полиціймейстеру 1-го отдѣленія полковнику *Полю*. 17-го іюня послѣднему переданы приставомъ лигейной части Сахаровымъ, пистолетъ и пуля, по описанія пули и пистолета не представлено; равнымъ образомъ не учинено этого описанія и слѣдователемъ Полемъ.

При *формальномъ слѣдствіи* Игнатій *Зальцманъ*, на допросѣ 17 іюня по священническомъ увѣщаніи, подтверждая первоначальное свое показаніе, дополнилъ, что на службу къ К* поступилъ онъ въ 1850 г. какъ управляющій домомъ съ платою по 50 р. сер. въ мѣсяцъ при всемъ готовомъ содержаніи, письменнаго условія при наймѣ между нимъ и К* заключено не было; на службѣ у К* онъ, Зальцманъ, находился около 2-хъ лѣтъ и за все это время жалованье свое получилъ сполна, но К* остался ему долженъ 875 руб. или болѣе, навѣрное не упомнитъ, за разныя покупки для дома; этотъ расходъ веденъ былъ имъ, Зальцманомъ, по особымъ книгамъ, которыя при оставленіи имъ въ 1852 г. должности, онъ лично представилъ К*; затѣмъ послѣдній выдалъ ему аттестатъ, объявивъ, что все, что ему, Зальцману, причитается, получитъ онъ изъ конторы главнаго управленія. Когда-же онъ, Зальцманъ, не смотря на многократныя настоянія ни отъ главноуправляющаго Богоявленскаго, ни отъ самаго К* удовлетворенія не получилъ, то, не желая терять

*) Буквы *W* и *Z* какъ бы *переправлены* изъ другихъ буквъ.

слѣдуемыхъ ему денегъ, обращался сперва къ разнымъ сановникамъ, но по неимѣнію законныхъ документовъ, получилъ отказъ; тогда онъ, Зальцманъ, рѣшился на послѣднюю мѣру и подалъ 9 апрѣля 1853 года на К* записку Государю Императору. Послѣ того, дня за два или за три до троицына дня, Богоявленскій, случайно встрѣтясь съ нимъ на улицѣ, предложилъ ему, Зальцману, окончить расчетъ съ княземъ миролюбиво, для чего пригласилъ его къ себѣ. Опасаясь съ одной стороны, не хочетъ ли Богоявленскій какимъ нибудь образомъ отмстить ему, такъ-какъ онъ постоянно питалъ къ нему, Зальцману, непріязнь и кознями своими сдѣлалъ то, что онъ лишился мѣста у К*, а съ другой стороны думая, не послѣдовало-ли по поданной имъ, Зальцманомъ, Государю Императору просьбѣ, какого либо разрѣшенія, побуждающаго К* къ расчету съ нимъ, онъ, Зальцманъ, рѣшился предварительно зайти въ канцелярію графа Орлова, куда передана была его просьба, и обратился за совѣтомъ къ чиновнику Левенталю, который, увѣривъ его, что ни К*, ни Богоявленскій ничего преступнаго съ нимъ сдѣлать не могутъ, совѣтывалъ лучше окончить миролюбиво, тѣмъ болѣе, если желаетъ того К*.—Успокоенный этимъ наставленіемъ и узнавъ отъ дворника К*, что онъ 13 іюня ѣдетъ въ деревню, онъ, Зальцманъ, надѣясь, что въ день отъѣзда К* скорѣе расчитается, отправился упомянутаго числа въ 8 часовъ утра къ нему, приготовивъ предварительно записку на его имя, въ коей изъяснилъ, что соглашается на предложеніе Богоявленскаго окончить расчетъ миролюбиво, но не иначе, какъ лично, съ самимъ К* и если угодно, то при Богоявленскомъ. По дорогѣ отъ квартиры своей къ дому К*, онъ, Зальцманъ, заходилъ въ цирюльню побриться, въ овощную лавку Ерошина, гдѣ сказывалъ, что идетъ къ К*, причемъ обнаруживалъ радость свою въ ожиданіи получить денегъ. Въ 9 часовъ утра онъ, Зальцманъ, былъ уже въ домѣ К* и, войдя съ подъѣзда на парадное крыльцо, встрѣтилъ тамъ ламповщика Герасима, которому отдалъ вышеозначенную записку, прося его отнести ее къ К*, а самъ остался на парадномъ крыльцѣ внизу, близъ швейцарской комнаты. Герасимъ съ запискою тотчасъ же пошелъ на верхъ въ комнату К* и, возратясь, объявилъ, что записку отдалъ, и что ему, Зальцману, велѣно подождать, почему онъ остался на прежнемъ мѣстѣ, а

Герасимъ съ швейцаромъ пошли въ швейцарскую, оставивъ его; Зальцмана, одного. Чрезъ четверть часа увидѣлъ онъ въ верху на лѣстницѣ Богоявленскаго, который вышелъ изъ комнатъ К* и рукою давалъ ему знакъ идти наверхъ. Вслѣдствіе сего онъ, Зальцманъ, взойдя на верхъ, вмѣстѣ съ Богоявленскимъ вошелъ въ кабинетъ К*, который, поздоровавшись съ нимъ, сказалъ по французски, чтобы онъ далъ подписку въ томъ, что поданная имъ жалоба несправедлива и что въ такомъ случаѣ онъ выдастъ ему слѣдуемыя деньги по расчету; когда-же онъ, Зальцманъ, сказалъ, что такое предложеніе подло, и что если онъ согласится исполнить оное, то самъ будетъ подлецомъ;—то К*, измѣнившись въ лицѣ, быстро пошелъ въ другую комнату, и вбійдя изъ онойся съ пистолетомъ въ рукахъ, приложилъ дуло пистолета къ груди его, говоря, чтобы онъ, Зальцманъ, непремѣнно исполнилъ его требованіе, въ противномъ случаѣ грозилъ выстрѣлить. На это онъ, Зальцманъ, сказавъ князю, что подобныхъ шутокъ не любитъ, рукою своею *оттолкнулъ пистолетъ, причемъ послѣдовалъ выстрѣлъ при бытности Богоявленскаго.* Послѣ сего онъ, Зальцманъ, въ испугѣ, почти безсознательно выбѣжалъ изъ кабинета К* и сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ, намѣреваясь выбѣжать на улицу, но не былъ допущенъ къ тому удержавшимъ его швейцаромъ, который въ это время и въ виду его заперъ у подъѣзда дверь замкомъ, а вслѣдъ затѣмъ сбѣжалъ сверху ламповщикъ Герасимъ. и бросилъ около него, Зальцмана, на полъ пистолетъ; швейцаръ не пустилъ его по приказанію камердинера Степана, который при побѣгѣ его, Зальцмана, кричалъ съ лѣстницы «держи его, не пускай.» Въ такомъ состояніи находился онъ нѣсколько минутъ, но къ счастію его пришелъ съ парадной двери какой-то неизвѣстный ему господинъ, для котораго швейцаръ долженъ былъ отворить двери и въ это время, желая воспользоваться свободою, онъ, Зальцманъ, собравшись съ силами, успѣлъ вырваться отъ швейцара и ламповщика, все еще удерживавшихъ его, и ушелъ чрезъ двери, незапертыя послѣ прихода неизвѣстнаго лица. Къ сему Зальцманъ присовокупилъ, что ни пистолетовъ, ни другаго оружія и вообще огнестрѣльныхъ снарядовъ при себѣ не имѣлъ и кому принадлежитъ предъявленный ему пистолетъ, не знаетъ; но подобный пистолетъ К* имѣлъ въ рукахъ своихъ, когда учинилъ

выстрѣлъ, чѣмъ именно нанесена рана: пулею ли или другимъ чѣмъ, не знаетъ, гдѣ эта пуля находится, въ ранѣ ли его или выпала, *не знаетъ*.

Подсудимый К*, по предъявленіи ему показаній Зальцмана, 17 іюня въ письменномъ отзывѣ объяснилъ, что Зальцманъ былъ у него около 2 лѣтъ дворецкимъ и по удаленіи отъ этой должности съ полученіемъ полнаго расчета, спустя 10 мѣсяцевъ, писалъ къ нему, К*, письма съ угрозами, требуя сверхъ полученнаго удовлетворенія 5% со всѣхъ суммъ, издержанныхъ имъ на содержаніе дома, основывая эту претензію на данномъ будто бы имъ, К*, словесномъ обѣщаніи, но дерзкія эти письма оставлены были безъ уваженія. Потомъ чрезъ нѣсколько времени военный генералъ-губернаторъ говорилъ о Зальцманѣ съ братомъ показателя, прося посовѣтовать ему расчитаться съ Зальцманомъ. Вслѣдствіе сего онъ, К*, письмомъ увѣдомилъ генералъ-губернатора, что всѣ расчеты съ Зальцманомъ давно уже окончены. Затѣмъ въ апрѣля 1853 года сей послѣдній въ прошеніи на Высочайшее имя, жалуясь на неплатежъ показателемъ должныхъ ему денегъ, сдѣлалъ извѣтъ о привозѣ къ нему, К* 52 ящиковъ контрабанды. Въ объясненіи на это графу Орлову онъ, К*, подтвердивъ прежній отвѣтъ свой генералъ-губернатору, доказалъ нелѣпость, сдѣланнаго Зальцманомъ, доноса о контрабандѣ. Послѣ удаленія Зальцмана изъ его дома, онъ, К* никогда его къ себѣ не принималъ, а только встрѣчался, и то весьма рѣдко, на улицѣ; входитъ съ нимъ въ мировую сдѣлку по неимѣнію въ томъ надобности, никогда не желалъ и Богоявленскому вызывать его на мирные переговоры не поручалъ; письмо, принесенное Зальцманомъ 13 іюня къ нему, К*, было вручено ему уже послѣ совершенія преступленія и онъ приказалъ его хранить для врученія слѣдователю.—13 іюня (день, назначенный для отъѣзда въ Москву) утромъ, вставъ по обыкновенію въ 10 часу, показатель пошелъ въ малый свой кабинетъ, гдѣ обыкновенно пьетъ чай, и пригласилъ съ собою Богоявленскаго. Во время разговора ихъ о дѣлахъ послышался на лѣстницѣ выстрѣлъ. «Что это за выстрѣлъ? сказалъ онъ Богоявленскому, онъ не можетъ произойти изъ моихъ ружей, которыя давно уложены и не заряжены» и всталъ, чтобы позвонить и узнать о причинѣ выстрѣла. Но въ то самое время вбѣжалъ въ кабинетъ въ

большой тревогѣ коммердинеръ и объявилъ, что Зальцманъ застрѣлился на лѣстницѣ. На это онъ, К*, сказалъ: «ну что же, бѣгите пожалуйста, Алексѣй Яковлевичъ (т. е. Богоявленскій), въ частный домъ и объявите объ этомъ происшествіи»; самъ-же перешелъ въ большой свой кабинетъ и смотрѣлъ, скоро ли полицейскій офицеръ перейдетъ улицу и въ это время увидѣлъ Зальцмана, бѣжавшаго по направленію къ частному дому. Нѣсколько минутъ спустя, частный приставъ сдѣлалъ первое дознаніе и обошелъ съ нимъ, К*, внутреннія его комнаты *).

Въ отобранномъ въ маріинской больницѣ 19 іюня показаніи Зальцманъ изъявилъ согласіе на допущеніе къ присягѣ всѣхъ вообще людей, которые должны быть спрошены по настоящему дѣлу, не исключая и людей княжескихъ, кромѣ одного Богоявленскаго. Съ своей стороны К* изъявилъ согласіе на спросъ подъ присягою безъ бытности его людей, находящихся у него въ услуженіи.

19 іюня спрошенные подъ присягою показали: 1) находящійся въ услуженіи у фельдшерскаго мастера Соколова, дворовый человѣкъ *Тимоѳей Лебедевъ*, что Зальцмана онъ знаетъ и 13 іюня часовъ въ 9 утра, брилъ его въ магазинѣ Соколова, и въ это время не видѣлъ у Зальцмана ни пороха, ни пистолета, никакихъ разговоровъ онъ съ нимъ не имѣлъ, и куда пошелъ Зальцманъ, не знаетъ. 2) С.-Петербургскій мѣщанинъ Александръ *Ерошинъ*, братъ содержателя овощной лавки въ домѣ Неплюева на фуштатской улицѣ,—что 13 іюня утромъ, часовъ въ 9 или началъ 10, въ означенную лавку зашелъ Зальцманъ, пробылъ менѣе 5 минутъ и ушелъ, сказавъ, что идетъ къ К*, по приглашенію управляющаго К*—Богоявленскаго, для окончанія какихъ то расчетовъ. Въ бытность Зальцмана въ лавкѣ, онъ, Ерошинъ, ни пороха, ни пистолета при немъ не видалъ. 3) Служанка Зальцмана с.-петербургская мѣщанка Евлампія *Богомолова*,—что 13 іюня утромъ, въ 9 часу, Зальцманъ вышелъ изъ квартиры своей въ виду ея, обѣщался возвратиться въ 10 часовъ утра же; но при немъ, Зальцманѣ, она не видала, чтобы находился пис-

) На требованіе слѣдователемъ Полемъ двухъ писемъ съ угрозами, писанныхъ будто бы Зальцманомъ, К отозвался, что 12 іюня, приводя въ порядокъ свои бумаги и найдя тѣ письма, разорвалъ ихъ, не полагая имѣть въ нихъ надобности.

толетъ, нынѣ ей предъявленный, и вообще она въ квартирѣ Зальцмана никакихъ пистолетовъ, ни пороха не видала, куда Зальцманъ пошелъ и зачѣмъ ей неизвѣстно. 4) Спрошенная по священническомъ увѣщаніи жена Зальцмана, *Марцелина Зальцманъ*, показала, что 13 іюня, въ 8½ ч. утра, мужъ ея вышелъ изъ квартиры въ веселомъ расположеніи духа, ибо отправился къ К* за полученіемъ денегъ; пистолета же, предъявленнаго ей, она у мужа своего никогда не видала и вообще въ 5 лѣтъ супружества, онъ никогда никакого оружія при себѣ не имѣлъ. Затѣмъ на допросѣ 26 іюня Марцелина Зальцманъ, въ дополненіе означеннаго показанія, объяснила, что при сдѣланномъ въ квартирѣ ея 13 іюня мѣстною полиціею обыскѣ, сказала она, что К* до происшествія, случившагося съ мужемъ ея, угрожалъ Зальцману убить его, если онъ будетъ продолжать безпокоить К* просьбою своею объ окончаніи съ нимъ расчета. Объ этихъ угрозахъ К* слышала она только отъ мужа своего, но при комъ и когда именно были дѣлаемы означенныя угрозы, не знаетъ. 5) На запросъ слѣдователя коллежскій ассессоръ *Богоявленскій* въ объясненіи отъ 20 іюня отозвался, что 13 іюня, въ 10 часу утра, пилъ онъ вмѣстѣ съ К* чай въ маленькомъ его кабинетѣ, выходящемъ въ оранжерею. Во время разговора ихъ о дѣлахъ, часовъ въ 10 услыхали они, что въ другой комнатѣ на лѣстницѣ сдѣланъ ружейный или пистолетный выстрѣлъ. Желая узнать причину этого, К* отправился позвонить къ шнурку, а онъ, Богоявленскій, пошелъ въ двери большаго кабинета и встрѣтилъ у этихъ дверей каммердинера К*, Степана Воронова, который объявилъ, что Зальцманъ застрѣлился на лѣстницѣ. Въ остальномъ, Богоявленскій, показавъ согласно съ К*, присовокупилъ, что показаніе Зальцмана, будто, онъ Богоявленскій, видѣлъ его у Лѣтняго сада и пригласилъ къ К*—гнусная клевета *).

Находящіеся въ услуженіи у К* люди, спрошенные подъ присягою, 20 іюня показали;

1) *Шмаковъ* (швейцаръ), что 13 іюня въ 10 часу утра встрѣтилъ на парадной лѣстницѣ Зальцмана, который на вопросъ его,

---

*) При этомъ отзывѣ Богоявленскій представилъ письмо Зальцмана на нѣмецкомъ языкѣ къ садовнику Францу, въ которомъ Зальцманъ, обѣщая прислать тайно куль овса, между прочимъ называетъ два раза Богоявленскаго Schweinhund, (что значитъ свинья-собака).

Шмакова, что ему нужно, отвѣтилъ, что отдалъ отнести К письмо и при этомъ спросилъ его, Шмакова, гдѣ Богоявленскій, на что онъ сказалъ, что Богоявленскій вѣроятно въ конторѣ; тогда Зальцманъ тотчасъ вышелъ вонъ, но вскорѣ, возвратясь сказалъ, что Богоявленскаго въ конторѣ нѣтъ и затѣмъ остался дожидаться, а Герасимъ Личко въ это время сошелъ въ швейцарскую комнату для питья кофе, куда вслѣдъ за нимъ отправился и онъ, Шмаковъ, но лишь только успѣли они налить по чашкѣ кофе *), какъ вдругъ услышали ударъ (выстрѣлъ), происшедшій на парадной лѣстницѣ; посему думая, не упало ли что, онъ, Шмаковъ, съ Герасимомъ вышли на лѣстницу, но внизу ничего не видали и Зальцмана уже не было; Герасимъ отправился посмотрѣть наверхъ, но на встрѣчу ему попался Зальцманъ, сходившій по лѣстницѣ внизъ, при этомъ онъ, Шмаковъ, видѣлъ, что у него тлѣлась или горѣла на груди рубашка; Зальцманъ же объявилъ, что К убилъ его; послѣ сего Зальцманъ на нижней площадкѣ парадной лѣстницы сѣлъ на стулъ, а упомянутый Герасимъ, сойдя внизъ, принесъ сверху какой-то пистолетъ и, бросивъ оный на площадку лѣстницы, побѣжалъ съ подъѣзда, а ему Шмакову, сверху кто-то закричалъ, чтобы онъ не пускалъ Зальцмана; посему онъ двери парадной лѣстницы или подъѣзда заперъ на ключъ и не пустилъ Зальцмана, намѣревавшагося выйти. Въ это время подошелъ къ дверямъ съ улицы сапожный мастеръ (какъ послѣ оказалось Липпольдъ) и при впускѣ его Зальцманъ выбѣжалъ на улицу. Былъ ли у Зальцмана пистолетъ при входѣ въ домъ К*, не знаетъ; предъявленный же ему, Шмакову, пистолетъ есть тотъ самый, который брошенъ былъ Герасимомъ. При выходѣ Зальцмана изъ подъѣзда и когда онъ, Шмаковъ, удерживалъ его, дабы остановить его до прибытія полиціи, изъ одежды Зальцмана выпала на полъ пуля, а потомъ вблизи того мѣста, гдѣ Зальцманъ сидѣлъ на стулѣ, усмотрѣнъ былъ имъ, Шмаковымъ, въ маломъ количествѣ порохъ; къ сему Шмаковъ присовокупилъ, что по малости времени нахожденія Зальцмана на лѣстницѣ нельзя думать, чтобы онъ,

---

*) При первоначальномъ дознаніи Шмаковъ объ этомъ обстоятельствѣ показалъ иначе, замѣтивъ, что лишь только отошелъ отъ Зальцмана, отправлялся по естественной надобности, какъ услышалъ выстрѣлъ.

Зальцманъ, могъ быть въ кабинетѣ К*, который всегда запертъ и куда безъ доклада каммердинера никто войти не можетъ *).

2) Мѣщанинъ *Степанъ Воронов*ъ (каммердинеръ К*) показалъ, что 13 іюня съ ранняго утра занятъ онъ былъ укладкою разныхъ вещей К*, сбиравшагося ѣхать въ деревню. Занятіе это производилось имъ въ уборной, двери которой выходили на площадку парадной лѣстницы, куда вообще обращено нѣсколько дверей изъ другихъ комнатъ отдѣльно, въ томъ числѣ и кабинета К*. Въ половинѣ 10-го часа утра того 13 іюня пришелъ къ нему, Воронову, въ уборную ламповщикъ Герасимъ съ запечатаннымъ письмомъ отъ бывшаго управляющаго домомъ К*, Зальцмана, прося письмо это, по просьбѣ самого Зальцмана, находившагося въ то время, какъ говорилъ Герасимъ, въ домѣ К* на парадной лѣстницѣ, представить К*. Хотя ему, Воронову, въ то время было и некогда, однако онъ первоначально согласился и взялъ означенное письмо, но увидѣвъ, что около печати нѣсколько надорвано, усумнился и возвратилъ то письмо ламповщику, сказавъ, чтобы онъ, если хочетъ, самъ отдалъ, а ему, Воронову, некогда; послѣ чего вновь занялся укладкою вещей, не обративъ болѣе вниманія на ламповщика и потому, куда пошелъ Герасимъ, не замѣтилъ, — но вслѣдъ затѣмъ, не прошло болѣе 5-ти минутъ времени, какъ онъ, Вороновъ, услышалъ вблизи уборной ударъ, похожій на выстрѣлъ, что заставило его тотчасъ выйти изъ уборной посмотрѣть на парадную лѣстницу, что тамъ случилось и отчего-бы послѣдовалъ тотъ ударъ; и лишь только онъ, Вороновъ, вышелъ за двери, какъ вблизи той уборной комнаты и дверей кабинета К* на одномъ изъ двухъ стульевъ, стоявшихъ на площадкѣ парадной лѣстницы между простѣнками дверей, увидѣлъ онъ сидящимъ Зальцмана, ко-

---

) Затѣмъ въ дополненіе къ этому показанію Шмаковъ, представляя письмо, принесенное Зальцманомъ 13 іюня въ домъ К объяснилъ, что письмо это кѣмъ-то было отдано ему, для представленія къ слѣдствію. Письмо это, писанное на французскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: м. г., обдумавъ вполнѣ предложеніе, сдѣланное мнѣ вами чрезъ посредство А. Богоявленскаго, я наконецъ рѣшился принять его, но съ тѣмъ только условіемъ, что переговоры о дѣлѣ буду вести съ вами лично, хотя-бы и въ присутствіи вашего фактотума Богоявленскаго. Честь имѣю быть. Зальцманъ. С.-Петербургъ, 12 іюня 1853 года. (Цифра 12 какъ бы переправлена изъ другой).

торый руками своими оправлялъ или лучше сказать отряхивалъ что-то около груди своей; около него на полу видѣлъ онъ, Воронов̀ъ, пистолетъ, а на другомъ стулѣ висѣло пальто его; когда же Зальцманъ увидѣлъ его, то тотчасъ же всталъ со стула и поспѣшилъ сойти внизъ по лѣстницѣ. Видя Зальцмана и замѣтя, что на груди его какъ-бы тлѣлось верхнее платье, онъ, Воронов̀ъ, пошелъ доложить К*, пройдя въ кабинетъ чрезъ уборную комнату, а не прямо чрезъ двери, выходящія на парадную лѣстницу, потому-что въ эти послѣднія двери пройти не только кому либо стороннему человѣку, но и ему, Воронову, было нельзя, такъ-какъ эти двери постоянно заперты извнутри кабинета и вообще никакое лице къ К* безъ доклада его, Воронова, войти не можетъ. Такимъ образомъ доложилъ онъ К* о Зальцманѣ, около котораго на полу видѣлъ пистолетъ, а предъ тѣмъ слышалъ выстрѣлъ и полагалъ, не застрѣлился ли онъ. По докладу его, Воронова, К* приказалъ задержать Зальцмана и дать знать мѣстной полиціи, и до прибытія оной не пускать его. Посему, выйдя отъ К* на парадную лѣстницу и не сходя внизъ, онъ, Вороновъ, сверху закричалъ швейцару, чтобы онъ держалъ Зальцмана, причемъ видѣлъ, что швейцаръ дѣйствительно не допускалъ Зальцмана выдти вонъ, такъ-какъ Богоявленскій, бывшій тогда въ кабинетѣ К*, по узнаніи о происшедшемъ, отправился извѣстить полицію, но какимъ образомъ Зальцманъ самопроизвольно ушелъ изъ дома К*, онъ, Вороновъ, не видалъ. Предъявленнаго ему пистолета ни у К*, ни у Зальцмана, никогда не видалъ и даже не можетъ утвердить, что этотъ пистолетъ есть тотъ, который лежалъ на полу близъ Зальцмана. Въ главномъ домѣ К*, т. е. въ его комнатахъ и на парадной лѣстницѣ или подъѣздѣ кромѣ его, Воронова, швейцара и ламповщика другой прислуги никого не было и чтобы въ то время, т. е. 13 іюня утромъ, когда онъ, Вороновъ, приказывалъ швейцару удержать Зальцмана, до прибытія полиціи, приходилъ кто-либо изъ сторонних̀ъ лицъ чрезъ парадныя двери, не знаетъ, ибо не видалъ, да и не было никого.

3) *Герасимъ Линко* (лампов̀щикъ) показалъ, что 13 іюня въ 10 часу утра былъ онъ на парадной лѣстницѣ и когда швейцаръ выходилъ съ подъѣзда не знаетъ по какой надобности, на короткое время, то въ его отсутствіе вошелъ чрезъ парадную дверь подъ-

ѣзда Зальцманъ, который, встрѣтивъ его, Личко, спросилъ о Богоявленскомъ и когда онъ, Личко, сказалъ, что Богоявленскій у К*, то Зальцманъ спросилъ о каммердинерѣ Степанѣ Воронове, прося позволенія чрезъ парадную лѣстницу пройти въ комнату Воронова; на это онъ, Личко, отвѣчалъ, что если онъ, Зальцманъ, хочетъ идти къ Воронову, то долженъ пройти кругомъ чрезъ дворъ; послѣ чего Зальцманъ вручилъ ему письмо за печатью, но нѣсколько надорванное, чтобы письмо это отдать Воронову для врученія К*. Видя письмо надорваннымъ онъ, Личко, усумнился и спросилъ Зальцмана, для чего оно надорвано, на что Зальцманъ отвѣтилъ, что это ничего; потому, оставя Зальцмана внизу на парадной лѣстницѣ, онъ, Личко, поднялся на верхъ для отдачи письма и наверху на площадкѣ лѣстницы встрѣтилъ Воронова, выходившаго изъ уборной комнаты К* и тутъ же стоялъ лакей, по имени Михайло Громогласный *). Обратясь къ Воронову онъ, Личко, просилъ его взять письмо, но Вороновъ первоначально отказался, говоря, чтобы онъ, Личко, самъ отдалъ К*, и когда и упомянутый выше Михайло Громогласный въ свою очередь не согласился идти съ тѣмъ письмомъ къ К*, то Вороновъ, взявъ оное, спросилъ, почему же оно надорвано, на что онъ, Личко, отвѣчалъ словами Зальцмана, что это ничего; затѣмъ онъ, Личко, сошелъ внизъ и при немъ явился швейцаръ, а Зальцманъ сидѣлъ на стулѣ. Съ приходомъ швейцара онъ, Личко, пошелъ въ мелочную лавочку купить себѣ для завтрака хлѣба, съ коимъ тотчасъ возвратился опять на парадную лѣстницу, гдѣ уже Зальцманъ сидѣлъ. Не прошло послѣ сего 3-хъ или 4-хъ минутъ времени, какъ онъ, Личко, съ швейцаромъ услышали ударъ, происшедшій на лѣстницѣ и, думая, не упало ли что, онъ Личко, одинъ отправился на верхъ по лѣстницѣ и тутъ увидѣлъ, сходившаго по этой лѣстницѣ внизъ Зальцмана, у котораго на груди усмотрѣлъ тлѣвшимся верхнее платье, которое Зальцманъ руками своими отряхивалъ. Видя въ такомъ положеніи Зальцмана, онъ, Личко, испугался, отступилъ отъ него въ сторону, спросивъ, что съ нимъ

*) Разнорѣчіе въ показаніяхъ Воронова и Личко состояло въ томъ, что по словамъ перваго письмо отъ Личко онъ получилъ въ уборной, тогда какъ Личко объяснилъ, что Вороновъ получилъ отъ него письмо уже по выходѣ изъ уборной. На очныхъ ставкахъ Вороновъ согласился съ Личко.

и на это тотъ отвѣтилъ, что К* убилъ его; удивясь сему, онъ Личко, не зналъ, что дѣлать и, оставаясь на лѣстницѣ на одномъ мѣстѣ, пропустилъ Зальцмана мимо себя и въ виду его Зальцманъ, сойдя внизъ на площадку лѣстницы, сѣлъ тамъ на стулъ, гдѣ былъ и швейцаръ. Послѣ сего изумленіе его, Личко, было прервано голосомъ Воронова, который сверху говорилъ, чтобы онъ взялъ отъ него, Воронова, пистолетъ и бросилъ внизъ за Зальцманомъ, что онъ и исполнилъ, и по приказанію же Воронова, сказавшаго, чтобы дать знать полиціи, бросивъ около Зальцмана пистолетъ, вышелъ съ парадной лѣстницы во дворъ, дабы кого-либо послать въ полицію и вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ Зальцмана, бѣжавшимъ чрезъ улицу прямо въ съѣзжій домъ литейной части. Къ сему Личко присовокупилъ, что онъ по долгу принятой имъ присяги утверждаетъ, что Зальцманъ въ комнатахъ К* не былъ и что при входѣ Зальцмана въ домъ К* 13 іюня пистолета у него не видалъ; кому принадлежитъ предъявленный ему, Личко, пистолетъ не знаетъ, но этотъ пистолетъ есть тотъ, который онъ взялъ отъ Воронова для того, чтобы бросить за Зальцманомъ. Чтобы на мѣстѣ, гдѣ Зальцманъ сидѣлъ на парадной лѣстницѣ, имъ былъ просыпанъ порохъ, самъ не видалъ, но слышалъ отъ швейцара, что точно изъ одежды Зальцмана при выходѣ его изъ дома К*, высыпалось немного пороху и выпала пуля, и что по уходѣ его, Личко, чтобы дать знать полиціи о Зальцманѣ, сей послѣдній побѣжалъ вслѣдъ за нимъ и хотя швейцаръ, какъ говорилъ онъ ему, Личко, удерживалъ Зальцмана, но послѣдній вырвался. Изъ сторонникъ же людей, приходившихъ въ домъ К* въ означенное время, показатель никого не видалъ и кромѣ Зальцмана никого не было.

4) *Михайло Громогласный*, лакей, на допросѣ 21 іюня, показалъ, что 13 іюня утромъ въ 10 часу находился онъ на верхней площадкѣ парадной лѣстницы близъ комнатъ К*, въ ожиданіи когда коммердиперъ Степанъ Вороновъ прикажетъ подавать карету. Въ это время наверхъ пришелъ ламповщикъ Герасимъ Личко съ какимъ-то письмомъ и подалъ оное *выше*ведшему *на тотъ раза изъ уборной* каммердинеру Степану, который хотя первоначально не принималъ письма, ибо ему было некогда, но потомъ взялъ и приказалъ ему, Громогласному, сходить въ контору управленія К* справиться о паспортѣ его, Степана, такъ

какъ сей послѣдній долженъ былъ въ тотъ день ѣхать въ деревню съ К* Посему, идя въ контору, находящуюся въ домѣ К* на дворѣ, показатель видѣлъ при сходѣ внизъ по лѣстницѣ Зальцмана, стоявшаго у дверей парадной лѣстницы; возвращаясь изъ конторы, не успѣлъ войти на парадную лѣстницу, какъ услышалъ происшедшій на парадной лѣстницѣ ударъ, и войдя на лѣстницу, встрѣтилъ бѣжавшаго съ верху Зальцмана, на котораго впрочемъ не обратилъ при этомъ никакого вниманія и прищелъ наверхъ, а потомъ уже услышалъ изъ разговоровъ людей, служащихъ при К*, что Зальцманъ застрѣлился. Судя по краткости времени отсутствія его, Громогласнаго, въ контору, Зальцманъ никакъ не могъ видѣть К* и быть въ кабинетѣ его, тѣмъ болѣе, что и двери комнаты К* постоянно извнутри заперты и безъ доклада каммердинера никто войти не можетъ.

5) Прочіе находящіеся у К* въ услуженіи люди, спрошенные также подъ присягою о случившемся съ Зальцманомъ, отозвались незнаніемъ, объяснивъ только, что имъ изъ разговоровъ между дворнею извѣстно, что будто бы Зальцманъ застрѣлился въ домѣ К*. Къ сему дворникъ, унтеръ-офицеръ Кривенко, истопникъ крестьянинъ помѣщика Загрядскаго Андрей Тимоѳѣевъ и кучеръ Богоявленскаго дворовый человѣкъ К* Ефимъ Шведко, присовокупили: *Кривенко*, что 13 іюня въ 10 часу утра, бывъ у воротъ дома, видѣлъ Зальцмана проходившимъ въ контору управленія К*, откуда Зальцманъ вскорѣ возвратился, но куда потомъ пошелъ, не знаетъ.—Андрей *Тимоѳѣевъ*, что 13 іюня въ 9 или 10 часовъ утра проходилъ въ квартиру Богоявленскаго Зальцманъ и спрашивалъ о Богоявленскомъ, но, узнавъ отъ него, Тимоѳѣева, что Богоявленскій у К* ушелъ; а чрезъ 10 минутъ послѣ того онъ, Тимоѳѣевъ, опять встрѣтился съ Зальцманомъ на лѣстницѣ, ведущей къ квартирѣ Богоявленскаго, причемъ Зальцманъ вновь спросилъ, гдѣ Богоявленскій, на что онъ, Тимоѳѣевъ, отвѣчалъ, что не приходилъ еще отъ К*, послѣ чего Зальцманъ опять ушелъ, но куда, не знаетъ; спустя уже минутъ около 15, бывъ на дворѣ, онъ, Тимоѳѣевъ, *услышалъ*, что гдѣ-то въ домѣ К* какъ будто, что то упало,—*Шведко*, что 13 іюня въ 9 или 10-мъ часу утра, идя по двору дома къ конюшнямъ, встрѣтилъ онъ Зальцмана, шедшаго

по двору къ квартирѣ Богоявленскаго, съ перекинутымъ на руку пальто; затѣмъ пройдя въ конюшню онъ, Шведко, вскорѣ услышалъ ударъ, какъ будто что упало.

На очной ставкѣ Богоявленскаго съ Зальцманомъ 23 іюня и Зальцмана съ Личко, каждый изъ нихъ утвердилъ данныя имъ показанія; на очной ставкѣ каммердинера Воронова съ Зальцманомъ оба остались при своихъ показаніяхъ, причемъ Зальцманъ пояснилъ, что по произведеніи въ него К*, выстрѣла, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и тотчасъ спустился по лѣстницѣ внизъ; на стулъ, находящійся на верхней площадкѣ, не садился и пальто его все время оставалось внизу; Воронова при этомъ онъ, Зальцманъ, вовсе не видалъ и если оставался на верхней площадкѣ лѣстницы, то не болѣе минуты.—*Очныхъ ставокъ* съ швейцаромъ Шмаковымъ и лакеемъ Громогласнымъ, а также формальной очной ставки съ К* Зальцману *дано не было* (?).—

Сапожникъ *Липпольдъ* 23 іюня подъ присягою показалъ, что 13 іюня въ 10-ть часовъ утра явился онъ въ домъ К* узнать отъ каммердинера его о годности изготовленныхъ имъ, Липпольдомъ, для К* ботинокъ. Въ означенное время вошелъ онъ въ домъ К* чрезъ парадную дверь подъѣзда, отворенную ему швейцаромъ, и по входѣ замѣтилъ только двухъ или трехъ человѣкъ, какъ-бы бывшихъ въ хлопотахъ; кто эти люди онъ, Липпольдъ, не знаетъ, а полагаетъ, что прислуга К*, только, по входѣ его, на встрѣчу ему, Липпольду, никто изъ подъѣзда не попадался и чтобы кто выходилъ оттуда, тѣмъ болѣе предъявленный ему Игнатій Зальцманъ, не видалъ и Зальцмана вовсе не знаетъ. Фельдшерскій подмастерье, дворовый человѣкъ Александръ *Горяиновъ*, подъ присягою показалъ, что по приказанію хозяина своего купца Кузьмина, пришелъ онъ въ домъ К* для уборки головы его 13 іюня утромъ, въ 10 ч. Совходомъ внутрь дома на парадную лѣстницу увидѣлъ онъ, Горяиновъ, около вѣшалки, неизвѣстнаго ему человѣка, имѣвшаго накинутымъ на рукѣ свое пальто. Неизвѣстный тотъ, оказавшійся при предъявленіи ему Зальцманомъ, отъ упомянутой вѣшалки отошелъ къ параднымъ дверямъ и отъ оныхъ опять къ вѣшалкѣ, сѣвъ на стулъ, стоявшій около той вѣшалки, и въ этотъ моментъ замѣтилъ онъ, Горяиновъ, на лицѣ Зальцмана и вообще въ положеніи его какое-то разстройство и разслышалъ, что Зальцманъ едва внятнымъ голосомъ слегка ох-

нулъ. Снявъ и повѣсивъ свое пальто онъ, Горяиновъ, отправился наверхъ по лѣстницѣ въ комнаты К* и со входомъ на первую ступень лѣстницы, ведущей на верхъ, встрѣтилъ ламповщика Герасима, который въ виду его, Горяинова, бросилъ что-то на площадку въ противоположную сторону отъ Зальцмана, сидѣвшаго на стулѣ. Пройдя наверхъ, остановился онъ, Горяиновъ, около дверей, ведущихъ во внутренность комнатъ К*, ожидая выхода каммердинера, дабы доложить о приходѣ его, но когда вышелъ каммердинеръ, то на вопросъ его: будетъ ли К* завивать волосы, каммердинеръ махнулъ только рукою и ушелъ, а тотчасъ послѣ того пришелъ какой то полицейскій офицеръ, который видѣлъ К* и при этомъ-то услышалъ онъ, Горяиновъ, что въ домѣ кто-то застрѣлился. За тѣмъ онъ, Горяиновъ, ушелъ, пробывъ не болѣе четверти часа и когда уходилъ, то Зальцмана уже не видѣлъ, а при надѣваніи пальто замѣтилъ, что въ двухъ аршинахъ (?) отъ стула, на коемъ сидѣлъ Зальцманъ и въ близи парадныхъ дверей около коробки на полу—было, разсыпано нѣсколько пороха, но въ весьма маломъ количествѣ, какъ бы въ нѣсколькихъ зернахъ, котораго однако при входѣ не онъ видѣлъ, и былъ ли таковый тогда, не знаетъ, ибо не замѣтилъ. На верхней площадкѣ парадной лѣстницы показатель ни крови, ни другихъ признаковъ убійства не замѣтилъ.

Приходъ Горяинова среди изложенныхъ имъ обстоятельствъ утвердилъ съ нимъ и швейцаръ Шмаковъ. Старшій чиновникъ III отдѣленія С. Е. В. К. *Левенталь* объяснилъ, что сдѣланная на него Зальцманомъ ссылка вполнѣ справедлива.

Затѣмъ пріобщена была къ дѣлу записка состоящаго при австр. посольствѣ графа Блома, изъ коей видно, что Зальцманъ пригласилъ его 13 іюня 1853 г. вечеромъ навѣстить его въ маріинской больницѣ; вслѣдствіе сего онъ, графъ Бломъ, прибылъ туда 14 іюня и засталъ Зальцмана довольно опасно раненнымъ въ бокъ выстрѣломъ, при этомъ Зальцманъ, разсказавъ о случившемся съ нимъ въ домѣ К*, объяснилъ между прочимъ: 1) что управляющій К* (Богоявленскій) при встрѣчѣ съ нимъ Зальцманомъ, предложилъ ему отъ имени господина своего удовлетворить справедливыя его требованія, если онъ, Зальцманъ, согласится письменно отказаться отъ объявленія, сдѣланнаго имъ на имя Государя, на что онъ, Зальцманъ, отвѣчалъ упомя-

путому управляющему, что объ этомъ обстоятельствѣ онъ будетъ говорить только лично съ самимъ К*, 2) что К*, дѣлая ему 13 іюня такое же предложеніе, сказалъ: «напишите, что слѣдуетъ и вотъ, деньги,» но онъ, Зальцманъ оттолкнулъ деньги, на которыя указывалъ К*, и 3) что онъ, Зальцманъ, не думаетъ, чтобы К* умышленно спустилъ курокъ, а скорѣе полагаетъ, что хотѣлъ только испугать его пистолетомъ.

Затѣмъ 25 іюля К*, въ доказательство того, что ему не предстояло никакой надобности входить въ миролюбивую сдѣлку съ Зальцманомъ, представилъ слѣдователю при особомъ показаніи: 1) официальное увѣдомленіе, отъ 29 іюня 1853 г., присланное къ нему III отдѣленіемъ, въ коемъ послѣднее отозвалось, что представленное ему К* 28 апрѣля объясненіе, подкрѣпленное положительными доказательствами, убѣдило его въ совершенной неосновательности доноса Игнатія Зальцмана о провозѣ ему, К* будто бы значительнаго количества контробанды, а потому означенный доносъ признанъ злостнымъ, и оставленъ безъ дальнѣйшаго движенія. *)—2) Письмо, писанное Зальцманомъ предъ происшествіемъ къ брату К*. Изъ этаго письма видно, что Зальцманъ, пишетъ: «пусть К* обдумаетъ хорошенько, чтобы не пришлось ему сожалѣть когда уже будетъ поздно; даю ему срокъ до будущаго воскресенья, 8 марта, если же къ тому времени я не получу отвѣта, то прибѣгну къ Государю Императору съ письмомъ и присоединю къ письму документы, доставшіеся въ мои руки во время пребыванія моего въ домѣ К*, которые затмятъ славу нѣкогда пріобрѣтенную блаженной памяти родителемъ вашимъ.»

Между-тѣмъ контора маріинской больницы 19 іюня препроводила къ слѣдователю Полю *одежду* Зальцмана, въ которой онъ былъ представленъ въ больницу 13 іюня, и акты освидѣтельствованія Зальцмана. Изъ копіи съ скорбнаго листа 14 іюня видно, что огнестрѣльная рана Зальцмана находится на груди при соединеніи 9 лѣваго ребра съ грудною костью, рана вели-

) Изъ дѣла видно, что Зальцманъ въ подтвержденіе своего доноса, будто К имѣя трюфели и вина, полученныя отъ посланниковъ, занимался продажею ихъ, представилъ къ дѣлу письмо К*, писанное ему 13 сент. 1850 г. изъ Москвы, съ порученіемъ: продать 39 бутылокъ малыхъ и 10 большихъ-трюфелей, полученныхъ отъ барона Плессена и всѣ вина отъ Латуръ-Ламорисьера какому-то Е. П.

чиною въ серебряный гривенникъ имѣетъ видъ омертвѣнія; окружность ея умѣренно — красная. Въ отзывѣ ординатора Буяльскаго отъ 19 іюня значится, что, при первой визитаціи его—австрійскаго подданнаго Зальцмана, нашелъ онъ рану формы круглой, проникающую въ глубину противъ грудно-реберная хряща шестаго лѣваго ребра на дюймъ, величины въ 5 к. сер., *края раны опалены.— На вопросы слѣдователя: 1) посредствомъ* какого орудія и какимъ веществомъ причинена рана, ибо пули въ ранѣ не найдено, 2) какимъ образомъ причинена рана, с. петербургскій физикатъ 21 іюня нашелъ: 1., что рана у Зальцмана находилась подъ хрящемъ шестаго лѣваго ребра при соединеніи съ грудиною, была круглаго вида, величиною въ 20 к. с., покрыта пепельнаго цвѣта матеріею, произшедшею отъ поверхностнаго омертвѣнія и представлялась совершенно плоскою въ уровень съ кожею, имѣла въ самой срединѣ круглое около полуторы линій въ діаметрѣ углубленіе, проницавшее прямо внутрь къ хрящу ребра около полу-дюйма глубиною; 2., на рубашкѣ противъ раны разрывъ около 3 дюймовъ въ длину и полутора въ ширину съ обгорѣвшими краями и въ окружности, особенно къ низу окровавленный; на суконномъ жилетѣ противъ того же мѣста сукно на небольшомъ пространствѣ надорвано, какъ бы язычкомъ *) и нѣсколько замарано засохшею кровью и также опалено; 3, на пулѣ по химическому и микроскопическому изслѣдованію не найдено слѣдовъ ни крови, ни копоти, тѣмъ не *менѣе поверхность ея не гладкая; 4., пистолетъ въ судебно-ме*дицинскомъ отношеніи ничего особеннаго не заключаетъ. На основаніи всего вышеизложеннаго, а также рапорта въ физикатъ частнаго врача Васильева и оператора Буяльскаго, физикатъ заключилъ, что рапа Зальцману нанесена огнестрѣльнымъ оружіемъ, очень вѣроятно представленнымъ пистолетомъ, весьма на близкомъ разстояніи, но съ очень небольшимъ количествомъ пороха. Самъ-ли Зальцманъ нанесъ себѣ эту рану, или постороннее лицо, опредѣлить съ точностью невозможно; что же касается до пули, то пуля, по недостаточной мягкости частей на мѣстѣ раны и отъ движенія реберъ во время бѣжанія съ лѣстницы съ наклоненнымъ впередъ туловищемъ, могла выпасть изъ раны. Какимъ образомъ на пулѣ не оказалось слѣдовъ ни

*) Такъ въ подлинномъ.

крови, ни копоти, того объяснить невозможно. Для точнѣйшаго разъясненія обстоятельствъ дѣла, Физикатъ полагалъ нелишнимъ обратиться съ вопросами къ профессору медико-хирургической академіи Пирогову, видѣвшему много огнестрѣльныхъ ранъ и писавшему объ этомъ предметѣ.—По осмотрѣ рубашки и жилета, бывшихъ на Зальцманѣ, во время произшествія, а также пистолета и пули, въ засѣданіи *медицинскаго совѣта* 30 іюня оказалось: 1., у пистолета деревянная ручка расколота; 2., на пулѣ видны параллельныя бороздки и нарѣзки, соотвѣтствующія дулу пистолета, изъ чего слѣдуетъ, что пуля могла быть выстрѣлена изъ того пистолета; 3, при осмотрѣ жилета и рубашки найдено въ точности все то, что было изложено объ этомъ предметѣ въ предшествующихъ осмотрахъ, причемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что выстрѣлъ произведенъ былъ въ самомъ близкомъ разстояніи и какъ рана не далеко проникаетъ въ глубь и по величинѣ соотвѣтствуетъ калибру представленной пули, то несомнѣнно, что произведена пулею и съ весьма малымъ зарядомъ, а положеніе раны, малое ея углубленіе при упругости ребернаго хряща допускаютъ предположеніе, что пуля, особенно при движеніи тѣла, могла выпасть изъ раны и довольно скоро. Вопросъ же, кто причинилъ ту рану, можетъ быть разрѣшенъ единственно только строгимъ полицейскимъ изслѣдованіемъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, имѣющихъ связь съ этимъ происшествіемъ.

По розыску слѣдователя Поля, пистолетовъ, подобныхъ находящемуся при слѣдствіи, нигдѣ въ С. Петербургѣ въ продажѣ не оказалось, кромѣ лавки купца Григорія Алексѣева, въ гостинномъ дворѣ подъ № 31. Купецъ Григорій Алексѣевъ подъ присягою показалъ, что Зальцмана никогда не зналъ и пистолетовъ ему не продавалъ. *)—Изъ числа знакомыхъ Зальцмана спрошенные подъ присягою 20 іюня показали: 1) *Де-Монтесъ*, что Зальцмана онъ знаетъ и однажды въ мартѣ мѣсяцѣ слышалъ онъ отъ адвоката Бенуа, что Зальцманъ просилъ его, написать прошеніе или доносъ на К* о нерасчетѣ его съ Зальцманомъ въ деньгахъ, на что Бенуа не согласился, затѣмъ онъ, Де-Монтесъ, раза два встрѣчалъ Зальцмана на улицѣ и слышалъ отъ него о намѣреніи его подать на К* доносъ. 2) Адвокатъ *Бенуа*, ко-

) О томъ, не зналъ-ли Алексѣевъ К, онъ допрошенъ *не* былъ.

тораго Зальцманъ къ свидѣтельству по личнымъ между ними неудовольствіямъ не допускалъ, объяснилъ, что Зальцманъ намѣревался подать на К* доносъ, и неоднократно просилъ его, Бенуа, написать оный, но Бенуа на это не согласился по неимѣнію у Зальцмана законныхъ доказательствъ, причемъ Зальцманъ, говорилъ ему, Бенуа, что если не получитъ удовлетворенія чрезъ подачу доноса Государю Императору, то найдетъ средство къ удовлетворенію себя *)—3) Докторъ *Вернеръ*, безъ присяги, показалъ, что по просьбѣ Зальцмана 13 іюня ходилъ въ квартиру Зальцмана объявить женѣ его, чтобы она не безпокоилась, по приходѣ туда засталъ полицейскаго чиновника съ двумя свидѣтелями; по окончаніи обыска, когда составляли актъ, то жена Зальцмана услыхавъ слова, что подобнаго пистолета у нея не нашли, вскричала: вѣрно К* убилъ моего мужа, теперь я знаю, я все понимаю. На вопросъ полицейскаго чиновника, почему она такъ думаетъ, Марцелина Зальцманъ отвѣчала, что два или три дня тому назадъ слышала отъ мужа о намѣреніи К* убить его. **)

Затѣмъ 25 іюля 1853 г. Зальцманъ былъ переведенъ слѣдователемъ Полемъ для помѣщенія и окончательнаго излеченія въ тюремный лазаретъ въ особой комнатѣ подъ строжайшимъ карауломъ, съ воспрещеніемъ ему свиданія и переписки съ женою его, родными и знакомыми (?).

28 іюля слѣдователемъ Полемъ при бытности К* и Зальцмана, сдѣланъ былъ *осмотръ* дома К*, причемъ составленъ планъ комнатъ и парадной лѣстницы. При этомъ осмотрѣ предложено было Зальцману указать, какъ онъ вошелъ въ комнаты К* и гдѣ происходило описываемое имъ событіе. Посему Зальцманъ, указывая путь въ кабинетъ, вошелъ въ двери, которыя съ лѣвой стороны площадки ведутъ въ уборную, а другія въ спальню; сперва вошелъ въ одну дверь, а потомъ, говоря, что ошибся, вошелъ въ другую, ведущую въ спальню, тогда-какъ кабинетъ находился на правой сторонѣ площадки ***).—По предъ-

) Это обстоятельство подтвердилъ подъ присягою и писарь въ конторѣ К—Мещеркинъ.

**) Будучи допрошенъ объ этомъ, Зальцманъ показалъ, что онъ разсказывалъ своей женѣ о томъ, что К* однажды встрѣтивъ его на Невскомъ, сказалъ, что застрѣлитъ его.

***) Впрочемъ Богоявленскій въ прошеніи, поданномъ въ угол. палату 4-го

явленіи Зальцману книги расходовъ по дому К*, собственно ручно имъ писанной за 1851 г., онъ объяснилъ, что по той книгѣ до декабря 1851 г. всѣ деньги получилъ, но получилъ ли за декабрь выведенную въ расходъ сумму 159 р. 86 к. сер. не упомнитъ (?) и только при предъявленіи ему квитанцій, которыя онъ выдавалъ кассиру, можетъ отозваться положительно. Во время-же производства дѣла въ уголовной палатѣ Богоявленскій представилъ собственноручную росписку Зальцмана въ полученіи имъ упомянутыхъ 159 р. 86 к.

По поступленіи дѣла въ с.-петербургскую уголовную палату, Зальцманъ въ поданномъ въ нее 15-го сентября 1853 года прошеніи, измѣнилъ въ нѣкоторомъ данныя имъ при слѣдствіи показанія, объяснивъ, что К*, требуя отъ него подписку, предложилъ уплатить долгъ *вдвойнѣ*, что К* выстрѣлилъ изъ пистолета послѣ всевозможныхъ словесныхъ убѣжденій и прибавки денежной награды, и что въ *сплэсемъ домѣ* докторъ *вынулъ изъ груди его пулю*, которую показывалъ ему, Зальцману, и исповѣдывавшему его священнику Марцынкевичу. Кромѣ того Зальцманъ объяснилъ, что когда онъ содержался въ тюрьмѣ, то слѣдователь Поль по просьбѣ его показывалъ ему приложенный къ дѣлу пистолетъ, на коемъ были буквы *И. С.*—По поводу сего показанія Зальцмана, было произведено, по распоряженію уголовной палаты, маіоромъ Скрипицынымъ особое изслѣдованіе о томъ: дѣйствительно ли изъ раны Зальцмана была вынута пуля?—При этомъ изслѣдованіи врачъ *Васильевъ* отозвался, что онъ пули изъ раны Зальцмана *не* вынималъ, въ чемъ можно удостовѣриться изъ составленнаго при освидѣтельствованіи Зальцмана акта, но получилъ пулю изъ рукъ надзирателя Копѣйчикова гораздо позже, послѣ прибытія Зальцмана въ пріемный покой; пулю эту онъ дѣйствительно разсматривалъ въ виду Зальцмана; католическій священникъ, приглашенный по распоряженію Сахарова, вѣроятно для исповѣди Зальцмана, прибылъ уже по освидѣтельствованіи имъ, Васильевымъ, Зальцмана.—Квартальный надзиратель *Копѣйчиковъ* объяснилъ, что представленная къ дѣлу пуля передана была ему Сахаровымъ въ домѣ К**,

---

сентября 1853 г., объяснилъ, что Зальцманъ не зналъ расположенія комнатъ въ домѣ К*, ибо послѣ переѣзда послѣдняго изъ перваго этажа въ бель-этажъ, никогда въ комнатахъ бель-этажа не былъ.

куда Сахаровъ прибылъ ранѣе его, Копѣйчикова.—*Сахаровъ*, подтверждая означенную ссылку Копѣйчикова, объяснилъ, что при освидѣтельствованіи въ присутствіи его, Зальцмана, врачемъ Васильевымъ, пули при Зальцманѣ найдено не было, а дана была ему, Сахарову, пуля въ домѣ К* швейцаромъ Шмаковымъ, поднявшимъ ее на лѣстницѣ между дверьми. — Приставъ слѣдственныхъ дѣлъ литейной части *Шваневъ* объяснилъ, что пулю врачъ Васильевъ разсматривалъ ту самую, которая найдена въ домѣ К* при выходѣ Зальцмана изъ передней на лѣстницу.—Стряпчій полицейскихъ дѣлъ Кельчевскій объяснилъ, что въ составленномъ имъ актѣ изложены въ подробности всѣ обнаруженныя при осмотрѣ Зальцмана обстоятельства, коихъ онъ, Кельчевскій, теперь за давнопрошедшимъ временемъ припомнить не можетъ, кромѣ только того, что пуля найдена была въ домѣ К* и что врачъ Васильевъ, при освидѣтельствованіи, никакой пули у Зальцмана *не* вынималъ.—Священникъ *Марцынкевичъ*, показалъ, что 13 іюня утромъ приглашенъ онъ былъ особенною запискою отъ Зальцмана чрезъ полицейскаго служителя въ съѣзжій домъ литейной части для исповѣди и пріобщенія того Зальцмана, коего онъ нашелъ лежащимъ на кровати, окровавленнаго. По исполненіи требы, докторъ Васильевъ пригласилъ его, Марцынкевича, посмотрѣть на пистолетъ и пулю и быть свидѣтелемъ во всемъ, но онъ, какъ духовное лице, отъ сего уклонился и просилъ дозволить ему уйти. Не смотря на то, кто то, кажется докторъ, поднесъ ему пулю и далъ ему ее въ руки; подержавъ опую съ минуту, онъ, Марцынкевичъ, повторилъ свою просьбу и уѣхалъ. Къ сему Марцынкевичъ присовокупилъ, что изъ раны Зальцмана пули при немъ не вынимали, а принесли ему показать ее изъ другой комнаты.

Затѣмъ, въ поданномъ 23 ноября 1853 г. въ уголовную палату прошеніи, Богоявленскій, между прочимъ, изъяснилъ, что показаніе Зальцмана, что будто-бы онъ встрѣтилъ просителя у Лѣтняго сада 2-го іюня около 4 часа пополудни есть лживая выдумка, для гнусныхъ изворотовъ, ибо въ это время онъ, Богоявленскій, находился на службѣ въ конторѣ типографіи II-го отдѣленія С. Е. В. К., откуда въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца ранѣе 5-го часа по полудни не выѣзжалъ, такъ-какъ въ

это время онъ, по должности казначея, повѣряетъ суммы и выдаетъ чиновникамъ и рабочимъ типографіи жалованье.—Контора типографіи II-го отдѣленія увѣдомила, что такъ-какъ Богоявленскій по должности казначея въ первыхъ числахъ мѣсяца іюня обязанъ былъ выдавать жалованье, на что требуется много времени, то посему съ достовѣрностью сказать можно, что 2-го числа іюня на службѣ находился до 5-го часа по полудни, но что впрочемъ время прихода и ухода чиновниковъ въ конторѣ не записывается.

27 ноября 1853 года, въ присутствіи с.-петербургской уголовной палаты, сдѣланъ былъ осмотръ находящихся при дѣлѣ жилета, рубашки, пули и пистолета, причемъ присутствующими найдено: 1) въ рубашкѣ въ верхней лѣвой ея части, лежащей на груди, имѣется довольно значительной величины круглая дыра съ опаленною окраиною и ниже ея большое кровяное пятно, но въ жилетѣ, соотвѣтственно тому мѣсту, ни прострѣла, ни обожженія не видно, а хотя на лѣвой половинѣ онаго на лицевой сторонѣ и есть небольшой разрывъ матеріи, но разрывъ этотъ не сквозной и судя по направленію его и трехугольной формѣ по видимому, никакъ отъ пули, выстрѣленной изъ пистолета, произойти, не могъ; 2) пуля найдена крѣпко вложенною въ дуло пистолета, а самое дуло имѣетъ внутри грани; судя по величинѣ пули нельзя было иначе зарядить ею пистолетъ, какъ вогнавъ молоткомъ, отчего должна была измятьсяся круглость ея формы и должны обозначиться грани дула бороздками, но признаковъ этихъ на пулѣ *не* видно и какъ по химическому изслѣдованію на ней, по отзыву физиката, также слѣдовъ пороховой копоти и крови не оказалось, то очевидно, что означенная пуля *не та*, которою былъ произведенъ выстрѣлъ и 3) на нижней части рубашки кровяныхъ пятенъ никакихъ нѣтъ.—9 декабря 1853 года по приглашенію уголовной палаты въ присутствіи оной свидѣтельствовалъ рану Зальцмана профессоръ с.-петербургской медико-хирургической академіи Пироговъ, причемъ по приказанію *Пирогова*, Зальцманъ надѣвалъ на себя бывшія на немъ во время происшествія рубаху и жилетъ. Затѣмъ *Пирогова* въ донесеніи на имя генералъ-губернатора отъ 10 декабря изъяснилъ, что изслѣдовавъ въ уголовной палатѣ пулю, рубашку, жилетъ и самую рану Зальцмана, онъ

убѣдился въ слѣдующемъ: «пуля находящаяся при дѣлѣ, дѣйствительно была выстрѣлена изъ пистолета, находящагося также при дѣлѣ, но находилась-ли она въ ранѣ, этого конечно ни опровергать, ни положительно утверждать нельзя. Изслѣдовавъ однако-же незажившую рану Зальцмана, ему, Пирогову, трудно вѣрится, чтобы пуля могла сама собою выскочить изъ раны, глубокой въ $1\frac{1}{4}$ дюйма, соединенной съ обнаженіемъ реберпаго хреща, имѣющей несовсѣмъ прямое направленіе и произведеннной выстрѣломъ изъ пистолета въ близкемъ разстояніи отъ груди, какъ это показываетъ изслѣдованіе дыры на рубашкѣ. Сверхъ того рана на груди Зальцмапа, съ перваго уже взгляда, представляетъ всѣ свойства ранъ огнестрѣльныхъ, соединенныхъ съ присутствіемъ посторонняго тѣла въ глубинѣ. Она образуетъ воронкообразное отверстіе, недалеко отъ соединенія 8 реберпаго хряща съ грудною костью (а не 6-го, какъ это ошибочно опредѣлепо въ первомъ медицинскомъ свидѣтельствѣ), съ выдавшимся значительно наружу нарощеніемъ дикаго мяся, блѣднаго и вялаго на видъ, съ отечною припухлостію въ окружности, болѣзненною при дотрогиваніи; зондъ, введенный въ это отверстіе, проникаетъ въ глубину на $1\frac{1}{4}$ дюйма, идетъ наискось вверхъ и направо и ударяется о твердое тѣло. Сильная чувствительность и кровоточивость раны удержали его, Пирогова, отъ дальнѣйшаго *неумѣстнаго* изслѣдованія въ присутствіи. Полагая однако же, что разъясненіе вопроса—не заключается *ли* еще пуля въ ранѣ Зальцмана, весьма важно для рѣшенія дѣла, онъ Пироговъ полагаетъ расторгнуть ее постепенно введеніемъ вощатой губки и произвести повторенное, тщательное изслѣдованіе нѣсколько разъ зондомъ и пальцемъ; тогда легко можетъ быть, что пуля откроется засѣвшею въ реберномъ хрящѣ или въ кости. Во всякомъ случаѣ, рана закключаетъ непремѣнно въ себѣ какое-либо постороннее тѣло, будутъ ли это самая пуля, или пыжъ, или лоскутъ рубахи, или омертвѣлые хрящь и кость. Что-же касается до дыръ въ платьѣ, то сомнѣніе уголовной палаты, въ томъ, что могла ли пуля выпасть изъ раны чрезъ то самое отверзтіе въ рубашкѣ и чрезъ несквозную дыру въ жилетѣ, произведенныя выстрѣломъ, кажется ему, Пирогову, не совсѣмъ основательнымъ; дыры въ рубашкѣ и жилетѣ дѣйствительно соотвѣтствуютъ мѣсту раны на груди, какъ въ

этомъ убѣдило примѣриваніе этихъ двухъ вещей на Зальцманѣ въ присутствіи; жилетъ скроенъ съ воротникомъ шалью и дыра въ немъ потому несквозная, что она пришлась прямо на самомъ заворотѣ шали, который задѣтъ всколзь пулею. И такъ если-бы рана была поверхностная, то пуля могла-бы выпасть безъ препятствія, чрезъ эту самую дыру въ рубашкѣ наружу тѣмъ болѣе, что рубашка, смоченная кровію, вѣроятно прилегала плотно къ тѣлу около раны.»—Послѣ того, согласно предложенію Пирогова Зальцманъ для изслѣдованія имѣющейся у него раны, переведенъ былъ 24 февраля 1854 года въ с.-петербургскій 2-й военно-сухопутный госпиталь, но здѣсь какъ увѣдомилъ генералъ-губернатора вице-призидентъ с.-петербургской медико-хирургической академіи, Зальцманъ упорно противился и не дозволялъ Пирогову изслѣдовать его рану. Объ этомъ обстоятельствѣ Зальцманъ впослѣдствіи, въ поданномъ 7 декабря 1856 г. въ с.-петербургскую уголовную палату (въ замѣнъ рукоприкладства) прошеніи, объяснилъ, что онъ не дозволилъ сдѣлать себѣ операціи, потому-что Пироговъ на вопросъ его, Зальцмана, о томъ, кто обезпечитъ его жену и дѣтей, въ случаѣ смерти его, Зальцмана, при производствѣ операціи, отвѣтилъ, что онъ, Пироговъ, человѣкъ, а не Богъ, чѣмъ самымъ намекнулъ ему Зальцману, что онъ не ручается за его жизнь.

По разсмотрѣніи настоящаго дѣла, с.-петербургская уголовная палата 25 оятября 1859 года заключила: 1) извѣтъ, сдѣланный Богоявленскимъ на австрійскаго подданнаго Зальцмана въ томъ, *что онъ самъ сдѣлалъ въ себя выстрѣлъ* въ домѣ К*, признать неосновательнымъ. 2) К* и Богоявленскаго, обвиняемыхъ Зальцманомъ, первый въ нанесеніи ему выстрѣломъ изъ пистолета раны близь сердца, а послѣдній въ бытности при семъ и укрывательствѣ сего преступленія, по неимѣнію въ виду ихъ собственнаго сознанія и по неоткрытію слѣдствіемъ юридическихъ доказательствъ къ ихъ изобличенію, освободить отъ суда, внеся на основ. 1349 и 1350 ст. тома III уст. о службѣ по XVII прод. настоящую подсудимость въ XI графу формулярныхъ о службѣ ихъ списковъ. 3) Объ упущеніяхъ слѣдователей: приставовъ исполнительныхъ дѣлъ литейной части Сахарова и слѣдственныхъ дѣлъ Швалева, квартальнаго надзирателя Конѣйчикова, полковника Поля, врача Васильева и стряпчихъ по-

лицейскихъ дѣлъ Кельчевскаго и Титова, замѣченныхъ при рѣшеніи сего дѣла, представить на разсмотрѣніе и дальнѣйшее распоряженіе первыхъ пяти—министерству внутреннихъ дѣлъ, а послѣднихъ двухъ—министерству юстиціи, какъ бывшихъ прямою причиною необнаруженія виновнаго въ нанесеніи раны Зальцману.

Правительствующій сенатъ (1 отд. 5 д-та), по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, резолюціею 18 сентября 1858 г. опредѣлилъ: 1) обвиненіе К* въ причиненіи Зальцману раны выстрѣломъ изъ пистолета признать недоказаннымъ по недостатку законныхъ доказательствъ и его, К*, по сему обвиненію, а равно Богоявленскаго по обвиненію въ укрывательствѣ совершеннаго надъ Зальцманомъ противузаконнаго дѣянія, какъ не уличенныхъ, требуемыми законами (т. XV св. зак. ст. 1170, 1180, 1193) доказательствами, къ отвѣтственности не присуждать; 2) австрійскаго подданнаго Игнатія Зальцмана отъ суда и всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу освободить; 3) упущенія по слѣдствію и неправильныя дѣйствія въ отношеніи къ Зальцману бывшаго полиціймейстера Поля, признавъ оныя притѣснительными относительно Зальцмана, передать на основаніи 1306, 1150 ст. XV т. св. зак. уг. и 30 ст. т. 1 учр. сен. по XI продол. на распоряженіе 1-го департамента правительствующаго сената, сообщивъ на окончательное обсужденіе онаго и вопросъ относительно вознагражденія Зальцмана за убытки и безчестіе, понесенные имъ отъ означенныхъ неправильныхъ противу его дѣйствій.

Вслѣдствіе принесенія К* на это опредѣленіе сената всеподданѣйшей жалобы, которую повелѣно разсмотрѣть въ первомъ общемъ собраніи, и произшедшаго въ семъ послѣднемъ разногласія, дѣло перешло въ государственный совѣтъ.

Государственный совѣтъ, (въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи), разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашелъ, что по существу принесенной на опредѣленіе 5-го департамента правительствующаго сената всеподданнѣйшей жалобы подлежитъ, между прочимъ, обсужденію *прикосновенность къ этому дѣлу К*.*—Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, прежде постановленія окончательнаго заключенія необходимо опредѣлить: представляются-ли въ немъ такія доказательства, на основа-

піи коихъ обвиняемый долженъ быть признанъ изобличеннымъ во взведенномъ на него преступленіи, или же такія улики, которыя-бы давали справедливый поводъ къ оставленію его въ томъ подозрѣніи? Обращаясь въ сихъ видахъ къ разсмотрѣнію прикосновенности къ настоящему дѣлу К*, государственный совѣтъ нашелъ, что К* привлеченъ къ отвѣтственности австрійскимъ подданнымъ Игнатіемъ Зальцманомъ, обвинявшимъ его въ нанесеніи ему, Зальцману, раны выстрѣломъ изъ пистолета въ упоръ. Зальцманъ, заявляя правительству о столь важномъ преступленіи, относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ оное, на сдѣланныхъ ему при слѣдствіи допросахъ, показывалъ разнорѣчиво. По соображеніи сихъ показаній съ подробностями дѣла, государственный совѣтъ нашелъ, что взведенное Зальцманомъ на К* обвиненіе положительно *опровергается* обнаруженными при слѣдствіи фактами, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго: 1) объясненіями К* и домовой его конторы, а также представленными къ дѣлу книгами, счетами и другими документами, положительно доказано, что К* при увольненіи Зальцмана отъ службы, не оставался ему нисколько должнымъ. 2) Всеподданнѣйшая просьба Зальцмана о мнимомъ ему долгѣ К* официально признана незаслуживающею уваженія, а заключавшійся въ ней доносъ о контрабандѣ названъ злостнымъ; слѣдовательно К* не было надобности ни въ какихъ-либо личныхъ съ Зальцманомъ объясненіяхъ, ни въ мировыхъ сдѣлкахъ. Показаніе въ этомъ случаѣ Зальцмана представляется тѣмъ болѣе несправедливымъ, что отзывъ о приглашеніи будто-бы его Богоявленскимъ для миролюбиваго окончанія дѣла остался недоказаннымъ, какъ потому-что самъ Зальцманъ въ объясненіяхъ своихъ по сему предмету разнорѣчилъ относительно свиданія и разговора его съ Богоявленскимъ, такъ и по формальному отвѣту типографіи втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, что Зальцманъ въ указанное имъ время *не* могъ видѣться близъ Лѣтняго сада съ Богоявленскимъ, который, по обязанности казначея той типографіи, находился тогда на службѣ. 3) Четверо служителей К*, спрошенные подъ присягою, къ которой допущены самимъ Зальцманомъ, положительно удостовѣряютъ, что Зальцманъ не былъ и не могъ быть въ кабинетѣ К*, и что выстрѣлъ произ-

веденъ не въ кабинетѣ, или другой какой-либо комнатѣ, а на парадной лѣстницѣ, гдѣ въ то время находился одинъ только Зальцманъ; никакихъ-же другихъ свидѣтелей этого приключенія не было и не спрошено. 4) Медицинскіе осмотры раны Зальцмана, противорѣча одинъ другому, не привели въ положительную достовѣрность, какъ образовалась эта рана. При первоначальномъ освидѣтельствованіи въ маріинской больницѣ, она оказалась величиною въ гривенникъ; 6 дней спустя операторъ Буяльскій нашелъ ее круглой формы, въ глубину на дюймъ и величиною въ 5 коп. сер.; 21 іюня физикатъ засвидѣтельствовалъ, что она $^1/_2$ дюйма глубиною и въ 20 к. сер. величиною; а 9-го декабря профессоръ Пироговъ удостовѣрилъ, что рана имѣетъ $1\,^1/_4$ дюйма глубины и что въ ней находилось посторонее тѣло, которое однако Зальцманъ не допустилъ вынуть, отнявъ, чрезъ то возможность обнаружить истинную причину оказавшагося поврежденія, которая, при изложенныхъ выше разнорѣчіяхъ въ свидѣтельствахъ медиковъ, очевидно, опредѣлена быть не можетъ. Наконецъ 5) обвиненіе, взведенное Зальцманомъ на К*, представляется въ высшей степени неправдоподобнымъ, по рѣшительной невозможности предположить: съ одной стороны въ Зальцманѣ такую неустрашимость, чтобы послѣ названія имъ, какъ онъ говоритъ, К* подлецомъ, онъ спокойно могъ оставаться въ его кабинетѣ, выждать возвращенія его изъ другой комнаты съ пистолетомъ въ рукахъ и дозволить К* *приблизиться къ нему, Зальцману*, на такое разстояніе, что выстрѣлъ послѣдовалъ въ упоръ,—а съ другой стороны въ К* заранѣе обдуманный умыселъ на убійство Зальцмана безъ малѣйшаго къ тому повода, принятіе заблаговременно приготовительныхъ мѣръ къ совершенію сего преступленія и наконецъ рѣшимость выстрѣлить въ Зальцмана въ упоръ, днемъ, въ собственномъ своемъ домѣ, наполненномъ прислугою и при бытности *даже посторонних лицъ*. Напротивъ того, *обстоятельства дѣла* дозволяютъ, не безъ основанія, предполагать, что все происшествіе *выдумано* Зальцманомъ съ цѣлію *оклеветать* К*. Къ подтвержденію сего служатъ слѣдующія обстоятельства: 1) въ письмѣ къ брату К*—Михаилу, Зальцманъ, домогаясь содѣйствія его къ уплатѣ К* должныхъ будто бы ему, Зальцману, денегъ, присовокуплялъ угрозу, что въ случаѣ неудовлетворенія

его къ назначенному сроку, онъ дастъ ходъ такимъ документамъ, которые затмятъ славу, пріобрѣтенную родителемъ К*, и доставятъ ему, Зальцману, гораздо больше той ничтожной суммы, которую долженъ ему К*. 2) Французскій подданный адвокатъ Бенуа подъ присягою показалъ, что Зальцманъ неоднократно обращался къ нему съ просьбою начать за него искъ съ К* и, получивъ въ томъ отказъ, выразился, что онъ объявитъ о производимой К* контрабандѣ, что это повлечетъ за собою слѣдствіе и заставитъ К* дать ему денегъ, присовокупивъ, что если онъ Зальцманъ, не получитъ защиты отъ Государя, то найдетъ средства къ удовлетворенію себя. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ упоминаетъ, также подъ присягою, и другой свидѣтель, писарь въ конторѣ К* Мещеркинъ. Показанія сіи, приведенное выше письмо Зальцмана къ К* и самый доносъ о контрабандѣ обнаруживаютъ, что Зальцманъ прибѣгалъ ко всякимъ средствамъ даже къ угрозамъ, чтобы принудить К* заплатить требуемыя деньги. 3) Показаніе жены Зальцмана, будто К* грозилъ убить ея мужа, и объясненіе католическаго священника Марцынкевича о полученіи имъ въ день происшествія около 9 часовъ утра (слѣдовательно до выстрѣла, который совершился въ 10 часовъ утра) собственноручной записки Зальцмана, чтобы поспѣшить къ нему исповѣдать и пріобщить, явно указываютъ, что Зальцманъ принялъ предварительныя мѣры для доставленія извѣту своему болѣе вѣроятія. Безъ сомнѣнія съ этою-же цѣлію и съ видимымъ намѣреніемъ придать возможно большую гласность происшествію, Зальцманъ, по дорогѣ къ К* заходилъ въ цирюльню и овощную лавку, упоминая вездѣ, что отправляется къ К* по его будто бы требованію. 4) Найденная въ домѣ К* пуля соотвѣтствуетъ дулу пистолета, поднятаго около Зальцмана, а оказавшіяся на пистолетѣ буквы, даже и при разнорѣчіи по сему предмету, не имѣютъ ничего общаго съ именемъ и фамиліею К*, но близко подходятъ къ имени и фамиліи самого Зальцмана. Наконецъ 5) Зальцманъ при осмотрѣ мѣстности, гдѣ по его словамъ, было совершено преступленіе, указывая путь въ кабинетъ, вошелъ въ двери, которыя, съ лѣвой стороны площадки, ведутъ въ уборную, а другая въ спальню; сперва вошелъ въ одну дверь, а потомъ, говоря, что ошибся, вошелъ въ другую, ведущую въ спальню,

между-тѣмъ какъ изъ находящагося при дѣлѣ плана дома К* видно, что кабинетъ находится на правой сторонѣ площадки. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ заключающіеся въ настоящемъ дѣлѣ факты, приводимые къ обвиненію К* въ нанесеніи раны иностранцу Зальцману, государственный совѣтъ нашелъ, что ни одинъ изъ нихъ не подтверждаетъ справедливости извѣта Зальцмана и что посему противъ К* не обнаружено не только ни одного изъ требуемыхъ закономъ доказательствъ его виновности, но и ни одной заслуживающей уваженія улики. Имѣя затѣмъ въ виду: 1) что по силѣ св. зак. т. XV ч. 2, ст. 304 никто не долженъ быть присужденъ къ наказанію безъ точныхъ доказательствъ или явныхъ уликъ въ преступленіи, и 2) что для оставленія въ подозрѣніи по закону (того-же тома ст. 313) должны быть нѣкоторыя улики, государственный совѣтъ призналъ, что К* не можетъ быть не только присужденъ къ наказанію, но и оставленъ въ подозрѣніи, даже и въ томъ видѣ, какъ это изложено въ рѣшеніи правительствующаго сената, который хотя и не выговаривалъ сего прямо, но не пресуждая К* къ отвѣтственности, какъ неуличеннаго требуемыми законами доказательствами, вполнѣ его не оправдываетъ и слѣдовательно налагаетъ на него пятно, равносильное подозрѣнію.

Это мнѣніе государственнаго совѣта 15 октября 1862 г. было Высочайше утверждено.

XXIII. О поручикѣ Василіѣ и прапорщикѣ Борисѣ Вердеревскихъ, судимыхъ за убійство брата.

Поручикъ Василій и прапорщикъ Борисъ Вердеревскіе, бывъ уволены въ 1861 г., во время состоянія на службѣ въ л.-гв. царскосельскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, въ отпускъ въ южныя губерніи, отправились въ имѣніе отца своего, въ дер. Викторовку, аккерманскаго уѣзда, херсонской губерніи, гдѣ и проживали вмѣстѣ съ своими братьями: отставными поручиками Николаемъ и Родіономъ Вердеревскими.—Въ это время кучеръ отца подсудимыхъ—Константинъ Щедровъ, явясь 4 октября 1861 г., въ дер. Ивановкѣ къ дядѣ подсудимыхъ, помѣщику Ивану Вердевскому, объявилъ, что наканунѣ вечеромъ, выйдя

на дворъ для естественной надобности, онъ увидѣлъ, что Николай и Борисъ Вердеревскіе, заложивъ двухъ лошадей въ тарантасъ, подъѣхали къ флигелю, причемъ изъ нихъ Николай остался на козлахъ, а Борисъ вошелъ во флигель и спустя нѣсколько времени вынесъ оттуда вмѣстѣ съ Василіемъ Вердеревскимъ *мертвое тѣло*, положивъ которое въ тарантасъ, они поѣхали всѣ трое въ степь, къ колодцу потомъ на другой день; ходилъ онъ, Щедровъ и хотя ничего не могъ разсмотрѣть въ колодцѣ по глубинѣ сего послѣдняго, но полагаетъ, что тѣло брошено туда, потому-что около колодца помята трава, и есть слѣды отъ тарантаса. Вслѣдствіе сего дядя подсудимыхъ, пригласивъ въ тотъ же день нѣкоторыхъ помѣщиковъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ степь къ колодцу, и убѣдясь лично, что въ колодцѣ находилось тѣло племянника его, Родіона Вердеревскаго, тотчасъ извѣстилъ объ этомъ судебнаго слѣдователя 2 участка ананьевскаго уѣзда и ананьевскаго земскаго исправника.—Судебный слѣдователь и земскій исправникъ, пріѣхавъ 6 октября къ помѣщику Ивану Вердеревскому и, узнавъ отъ него, что *Родіонъ* Вердеревскій былъ убитъ родными братьями его: Василіемъ, Борисомъ и Николаемъ, и что всѣ они находятся въ дер. Ивановкѣ, куда были вызваны дядею, подъ предлогомъ осмотрѣть вновь привезенную имъ изъ Одессы молотильную машину, немедленно допросили ихъ; причемъ на первомъ же допросѣ они, какъ видно изъ акта, составленнаго исправникомъ и подписаннаго самими обвиняемыми и лицами, бывшими при этомъ свидѣтелями,—чистосердечно сознались въ убійствѣ брата своего Родіона, объяснивъ, что учинили это въ пылу гнѣва, безъ участія другихъ и бросили тѣло въ степи, въ колодецъ, находящійся въ пяти верстахъ отъ дер. Викторовки.—Послѣ сего судебный слѣдователь и земскій исправникъ, арестовавъ Николая, Василія и Бориса Вердеревскихъ, отправились съ понятыми въ степь и вынувъ тѣло изъ колодца *), въ коемъ воды не было, нашли оное завернутымъ въ поношенную военную шинель, обмотанную веревкою, концы которой завязаны около ступней къ срамной части; голова обвернута была, кромѣ шинели еще рубашкою, подштаниками и пальто.

*) Означенный колодецъ, какъ видно изъ составленнаго судебнымъ слѣдователемъ и исправникомъ акта, имѣетъ глубины около 13 саженъ.

По *медицинскому освидѣтельствованію* тѣла Родіона Вердеревскаго, оказалось: «спереди правой стороны головы, отъ средины пробита лобная и часть темянной кости; сзади головы, близъ соединенія съ позвонками, круглое отверстіе, величиною въ 10 коп. сереб., чрезъ которое зондъ проникалъ въ черепъ; на лѣвой сторонѣ лба и виска два темнокрасныхъ пятна, величиною въ копѣйку новаго чекана; на правой скулѣ темносинее пятно, безъ подтека, величиною въ 3 копейки новаго же чекана; на губахъ запекшаяся красноватая пѣна, на лѣвой рукѣ, на срединѣ плечевой кости, темнокрасныя пятна безъ подтека, величиною въ 3 коп. стараго чекана; на правомъ локтѣ такое-же пятно черно-краснаго цвѣта; на колѣняхъ съ внутренней стороны бѣлыя опухоли, величиною въ ладонь; ступни обѣихъ ногъ выворочены внутрь. По отдѣленіи черепныхъ покрововъ, сзади, съ лѣвой стороны, найденъ подтекъ крови въ дѣтскую ладонь; лобная кость съ правой стороны, начиная на палецъ отъ носа, и темянная кость на полвершка — пробита въ видѣ продолговатаго трехугольника, въ вершокъ шириною; швы височныхъ, темянныхъ и затылочныхъ костей разошлись; на нижней части затылочной кости круглое отверстіе, величиною въ пятачекъ. По вскрытіи черепной полости, сосуды и пазухи мозговыхъ оболочекъ оказались наполненными черною кровью, мозжечокъ пробитъ конусообразною пулею, которая остановилась въ мозгу почти на серединѣ.—Изъ всего этого медикъ заключилъ, что Родіонъ Вердеревскій былъ убитъ *пулею въ голову*, съ проломомъ передней части головы, произшедшимъ не во время паденія въ колодецъ, потому-что голова была завернута въ подштанники, рубашку, пальто и шинель, а отъ сильнѣйшаго удара въ голову твердымъ тѣломъ.»

При осмотрѣ *флигеля*, въ которомъ жили Николай и Василій Вердеревскіе, отстоящаго отъ большаго господскаго дома въ 35 шагахъ, найдено въ лакейской комнатѣ и въ комнатѣ Василія Вердеревскаго на полу много кровавыхъ пятенъ, изъ коихъ одни были затерты и замазаны чернилами, а другія просто залиты чернилами.

На *допросахъ* при слѣдствіи подсудимые показали: 1) *Василій Вердеревскій*, что онъ незадолго до убійства брата Родіона отправился во флигель, откуда братья Николай и Борисъ хотѣли

идти на пристрѣлку револьвера; въ это время вошелъ также во флигель братъ ихъ Родіонъ съ бранью и угрозою противъ матери за то, что она не выкупила заложенныхъ имъ вещей. На увѣщанія его пожалѣть матушку, которая и безъ того много хлопочетъ о нихъ и на замѣчаніе, что вещи были куплены на деньги матери, — Родіонъ сперва спросилъ: «какой матери?» а потомъ, сказавъ, что она ему не мать и доказать это нетрудно, сталъ браниться съ нимъ, и наконецъ объявилъ ему: «что ты заступаешься за эту»—(тутъ онъ назвалъ мать именемъ публичной женщины), а его и братьевъ назвалъ «незаконнорожденными.» Послѣ этихъ словъ онъ, Василій Вердеревскій, бросился къ Родіону, но получилъ отъ него такой сильный ударъ въ лицо, что отскочилъ назадъ. Въ это-же время Родіонъ выхватилъ изъ бывшаго при немъ кнутовища длинный ножъ, и бросился впередъ, но братья успѣли тогда схватить Родіона за руки, причемъ изъ рукъ брата Бориса выпалъ револьверъ, который былъ заряженъ имъ-же, Борисомъ, для стрѣльбы въ цѣль, и какъ Родіонъ свалился на револьверъ, то чтобы Родіонъ не схватилъ револьвера, онъ, Василій, взялъ это оружіе, вѣроятно поперегъ дула, и сталъ вытягивать оное изъ *подъ спины* Родіона; въ это время произошелъ выстрѣлъ и ранилъ Родіона въ голову. Отчего случился выстрѣлъ, онъ не знаетъ, но полагаетъ отъ того, что или курокъ былъ взведенъ прежде, или онъ зацѣпилъ за платье покойнаго, или же курокъ задѣлъ за щели пола. Послѣ сего, изъ опасенія убить несчастнымъ извѣстіемъ больнаго отца и мать, онъ, Василій, согласился съ братьями открыть о случившемся дядѣ своему, Ивану Вердеревскому, бывшему тогда на пути изъ Одессы, чтобы онъ подготовилъ родителей къ принятію извѣстія о несчастіи. Затѣмъ они вынесли тѣло покойнаго въ его, Василія, комнату, положили въ платяной сундукъ и, чтобы нечаянно не вошла матушка и не увидала крови на полу, убили собаку и положили ее на то мѣсто, гдѣ былъ убитъ, братъ; вечеромъ-же вывезли тѣло брата въ степь и бросили въ колодецъ. Все это было сдѣлано имъ и братьями не отъ страха отвѣтственности предъ закономъ, которому они отдались безъ сопротивленія, но изъ желанія скрыть до времени слѣды преступленія отъ родителей. Убійство учинено изъ револьвера, безъ участія посторонныхъ лицъ, въ 3 часа по полудни,

совершенно случайно и безъ умысла, къ чему показатель не могъ сговариваться, потому-что съ братомъ Борисомъ былъ въ ссорѣ изъ за одной молодой особы и не говорилъ съ нимъ болѣе года.

2) *Борисъ Вердеревскій* показалъ, что онъ, находясь во флигелѣ у братьевъ своихъ Николая и Василія, предложилъ Николаю идти съ нимъ на пристрѣлку револьвера, въ чемъ онъ, Борисъ, часто упражнялся въ устроенную мишень въ воротахъ экипажнаго сарая *) и для сего вынувъ револьверъ изъ комода, зарядилъ оный. Въ это время вошелъ къ нимъ братъ Родіонъ съ бранью и угрозами противъ матери, и на увѣщанія брата Василія не бранить матушку, Родіонъ отвѣчалъ: «что ты заступаешься за нее,» назвавъ при этомъ мать именемъ публичной женщины, а ихъ «незаконнорожденными.» Вслѣдствіе сего они кинулись на Родіона, который ударивъ по щекѣ стоявшаго близъ же другихъ къ нему брата Василія, вытащилъ изъ кнутовища потаенной ножъ. Тогда братъ Николай схватилъ Родіона за руки, а онъ, Борисъ, ударилъ его въ голову прикладомъ револьвера, и, почувствовавъ при этомъ боль въ большомъ пальцѣ, прежде порѣзанномъ, выронилъ револьверъ на который упалъ и Родіонъ. Вскорѣ изъ револьвера былъ произведенъ выстрѣлъ, но кѣмъ и какъ онъ не видалъ. Все это случилось въ 3 часа по полудни, безъ свидѣтелей и совершенно случайно, такъ-какъ причины или замысла на убійство они вовсе не имѣли. Послѣ убійства Родіона, въ испугѣ, онъ и братья его, перенесли тѣло въ комнату брата Василія и тамъ положили въ платяной сундукъ, а когда настала ночь, то вывезли тѣло въ поле и кинули въ колодецъ. Все это сдѣлали они для того, чтобы скрыть несчастіе отъ родителей, и чтобы дядя ихъ Иванъ Вердеревскій, который былъ въ то время въ Одессѣ и которому они намѣрены были открыться, исподволь подготовилъ отца и мать къ этому ужасному случаю. Кто убилъ собаку, онъ, Борисъ, не знаетъ, потому что не былъ въ то время во флигелѣ. Хотя съ братьями Василіемъ и Родіономъ онъ, Борисъ, былъ въ ссорѣ, но вражды къ нимъ не имѣлъ; поссорился-же съ Родіономъ изъ за грубаго обращенія его съ матерью; а съ Василіемъ — изъ за женщины.

---

*) Изъ акта, составленнаго объ осмотрѣ экипажнаго сарая, видно, что въ воротахъ онаго начерчена углемъ мишень и около мишени имѣется нѣсколько дыръ, пробитыхъ пулями.

3) *Николай Вёрдеревскій* объяснилъ,—что въ то время, когда онъ и братья его Василій и Борисъ вышли изъ его, Николая, комнаты для того, чтобы идти на стрѣльбу въ цѣль, вошелъ братъ ихъ Родіонъ и началъ бранить мать, говоря, что она не хочетъ выкупить его шубы и часовъ и что она за это не легко ему поплатится. Когда же, послѣ увѣщанія брата Василія, Родіонъ еще хуже началъ поносить мать разными ругательствами и назвалъ ее именемъ публичной женщины, а ихъ незаконнорожденными, тогда они хотѣли броситься на Родіона, но Родіонъ, нанеся брату Василію, стоявшему ближе всѣхъ къ нему, пощечину, отъ которой Василій едва не упалъ, выхватилъ изъ ручки кнута длинный потаенный ножъ и кинулся на нихъ. Чтобы предупредить несчастіе, онъ, Николай, завладѣвъ правою рукою Родіона, въ которой былъ ножъ, старался разнять пальцы Родіона, чтобы выпалъ ножъ, но не успѣвъ сдѣлать этого, упалъ съ Родіономъ на полъ, держа его руку подъ своею правою рукою. При паденіи Родіонъ выпустилъ ножъ, схвативъ который, онъ, Николай, побѣжалъ въ свою комнату, чтобы уничтожить это оружіе, страшное въ рукахъ Родіона при его вспыльчивомъ характерѣ, но не успѣлъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ услышалъ выстрѣлъ; обернувшись въ ту сторону, въ которой произошелъ выстрѣлъ, онъ увидѣлъ дымъ; выходившій изъ *подъ спины* Родіона, но кто выстрѣлилъ, того не видалъ. Когда же они замѣтили, что Родіонъ былъ уже мертвъ, тогда рѣшились скрыть тѣло его въ сухомъ колодцѣ до тѣхъ поръ, пока не приготовили-бы больнаго своего отца и мать къ узнанію несчастнаго случая чрезъ дядю Ивана Вердеревскаго, коего хотѣли просить объ этотъ, по пріѣздѣ его изъ Одессы; для того чтобы мать, или мальчикъ, служившій имъ, увидя кровавое пятно, не догадались о несчастіи, они убили больную собаку и положили на то самое мѣсто, гдѣ была кровь. Ни ножа, ни револьвера, какъ напоминающихъ смерть брата, онъ, Николай, не могъ оставить при себѣ, а потому ножъ отдалъ находившемуся для прислуги мальчику, на другой день сказавъ ему, что онъ можетъ сдѣлать съ ножемъ что-хочетъ, лишь-бы никогда не видѣть его, а револьверъ, для уничтоженія, онъ Николай закопалъ въ землю *).

*) Ножъ и револьверъ отысканы и пріобщены къ дѣлу.

Затѣмъ при слѣдствіи показали: а) находившійся у Николая и Василія Вердеревскихъ для прислуги, мальчикъ *Кузьма Филимоненко* безъ присяги, что онъ во время убійства Родіона Вердеревскаго во флигелѣ не былъ и придя туда въ тотъ день только вечеромъ, получилъ отъ Бориса и Николая Вердеревскихъ приказаніе отнести щенка въ людскую; по исполненіи сего, возвратился онъ опять во флигель и легъ спать. Затѣмъ на другой день утромъ Николай Вердеревскій приказалъ вытащить изъ лакейской убитую собаку, объявивъ притомъ, что будто бы собака крутилась и онъ по ней сдѣлалъ выстрѣлъ, но не убилъ, а убилъ ее братъ Василій. Вмѣстѣ съ этимъ Николай Вердеревскій далъ показателю кнутъ, въ черенкѣ котораго былъ охотничій ножъ, сказавъ: «кнутъ возми себѣ, а ножъ гдѣ хочешь брось, чтобы я его не видалъ». Поэтому онъ воткнулъ ножъ подъ стѣну около флигеля, и отдалъ во время слѣдствія понятымъ. Между Василіемъ и Борисомъ вражды показатель не замѣчалъ, но помнитъ, что Николай въ 1860 г. ударилъ Родіона въ бокъ ножемъ, за что именно, ему, Филимоненко, неизвѣстно, кромѣ же этого случая всѣ они между собою жили мирно.— б) Мать подсудимыхъ *полковница Вердеревская* отозвалась, что въ день несчастнаго случая утромъ, всѣ дѣти были у ней, разговаривали и дружелюбно шутили. Затѣмъ послѣ обѣда она поѣхала къ помѣщику Чуйкову и, вернувшись домой ничего не знала до тѣхъ поръ, пока кучеръ Щедровъ не объявилъ ей о случившемся. Всѣ дѣти ея, кромѣ покойнаго Родіона, очень добры и тихи, но вспыльчивы и крайне самолюбивы. Родіонъ-же былъ дерзкаго характера, много разъ доводилъ ее до отчаянія, и она вынуждена была просить Государя Императора объ удаленіи Родіона изъ дома, но потомъ, уступивъ усиленнымъ просьбамъ его и обѣщанію исправиться, просила Василія задержать всеподданнѣйшее прошеніе *). Прошеніе это находится въ рукахъ Ва-

---

*) Изъ отзыва штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса видно, что отставной полковникъ генеральнаго штаба Вердеревскій и жена его дѣйствительно обращались въ 1859 г., чрезъ сына своего, служившаго л.-гв. въ царскосельскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, къ бывшему командиру отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанту Плаутину, съ просьбою на Высочайшее имя объ опредѣленіи сына ихъ Родіона, служившаго прежде въ бѣлорускомъ уланскомъ полку, вновь на службу, въ войска кавказ-

силія и если бы братья имѣли вражду на Родіона, то могли бы возобновить дѣло, но они этого не сдѣлали и самый ходъ по всеподданнѣйшему прошенію ея, доказываетъ добрыя отношенія братьевъ между собою, ибо узнавъ отъ бывшаго начальника штаба, генералъ-адъютанта графа Баранова, что по этому прошенію Родіону предстоялъ или смирительный домъ, или сѣрая шинель, Василій тотчасъ прекратилъ дѣло *)—в). Родной братъ подсудимыхъ *Евгеній Вердеревскій* объяснилъ, что Борисъ не говорилъ съ Василіемъ по неизвѣстной ему причинѣ, а Василій былъ холоденъ къ Родіону, за то что Родіонъ говорилъ дерзости матери, впрочемъ вражды между братьями не было. Николай, Василій и Борисъ были для него, Евгенія, добрые братья и всегда заступались за него противъ Родіона, который, пользуясь слабымъ его, Евгенія, здоровьемъ, часто обижалъ, безъ всякой причины. О несчастномъ происшествіи онъ узналъ только въ день ареста братьевъ.—г) Родная сестра подсудимыхъ Ольга, по мужу *Гадомская*, отозвалась, что хотя она не знаетъ, какая причина побудила братьевъ убить Родіона, но не предполагаетъ, чтобы тутъ былъ умыселъ, потому-что они жили между собою довольно согласно. Кромѣ вѣжливости и кроткой обходительности, она ничего не видѣла отъ братьевъ, исключая покойнаго Родіона, который неоднократно оскорблялъ ее самыми дерзкими словами. Всѣ братья, кромѣ Родіона, имѣютъ тихій, добрый характеръ, но вспыльчивый; Родіонъ-же былъ чрезвычайно строптивъ.—д) *Поручикъ Гадомскій* объяснилъ, что Борисъ и Родіонъ Вердеревскіе не говорили между собою за дерзкое обращеніе Ро-

---

ской арміи, за дурное поведеніе. Просьбу эту генералъ-адъютантъ Плаутинъ препроводилъ 18 іюня 1859 года къ шефу жендармовъ, который 23 числа того же мѣсяца увѣдомилъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1857 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы при разрѣшеніи просьбъ объ отдачѣ въ военную службу порочныхъ дѣтей, соблюдались въ точности существующія на сей предметъ узаконенія (Т. XV изд. 1857 года ст. 730 о судопр. по дѣл. о прест., ст. 2163 и 2164 улож. о наказ., 144 и 145 ст. 1 кн. 5 ч. св. воен. пост.). При таковомъ Высочайшемъ указаніи, генералъ-адъютантъ князь *Долгоруковъ* не счелъ себя въ правѣ входить со всеподданнѣйшимъ докладомъ по просьбѣ Вердеревскихъ.

*) Отецъ подсудимыхъ, отставной *полковникъ Викторъ Вердеревскій* не спрошенъ по сему дѣлу вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей.

діона съ матерью. Между братьями Вердеревскими, какъ людьми молодыми и вспыльчивыми, иногда происходили вспышки, которыя впрочемъ всегда оканчивались благополучно и, сколько помнитъ, причиною ссоръ бывалъ покойный Родіонъ.—Николай, Василій и Борисъ имѣютъ хотя вспыльчивый, но благородный, открытый и уступчивый характеръ. Строптивость же характера покойнаго Родіона не разъ доводила мать до слезъ и даже ему, Гадомскому, человѣку весьма тихому, часто приходилось терпѣть отъ Родіона и ссориться съ нимъ за дерзкія выраженія противъ своей сестры, а его, Гадомскаго жены.—г) Дядя подсудыхъ, отставной поручикъ *Иванъ Вердеревскій* показалъ, что умысла въ убійствѣ Родіона онъ не предполагаетъ, потому-что, сколько ему извѣстно, сильной вражды между Родіономъ и другими братьями не было. Судя же по гнуснымъ и подлымъ поступкамъ Родіона ни одинъ порядочный человѣкъ не могъ быть съ нимъ въ дружбѣ. Родіонъ былъ воръ, онъ подобралъ однажды ключъ къ шкатулкѣ брата Василія и укралъ на нѣсколько тысячъ бриліантовыхъ вещей и промоталъ ихъ въ Харьковѣ; кромѣ того укралъ всѣ ордена, заслуженные отцомъ его, и продалъ, въ чемъ добровольно, и даже хвастаясь, самъ сознался. Онъ былъ ябедникъ, что доказывается дѣломъ, производившимся о пораненіи его будто бы братомъ Николаемъ, тогда-какъ впослѣдствіи оказалось, что Родіонъ самъ себѣ сдѣлалъ маленькую ранку въ боку по неосторожности; онъ писалъ пасквили на собственное свое семейство, былъ дерзокъ, навязчивъ на ссоры, характера самаго безпокойнаго и поведенія развратнаго, оскорблялъ своихъ родителей, когда мало ему давали денегъ; вышелъ въ отставку, потому-что омрачилъ свое поведеніе дурными поступками и, не желая исправиться, предавался въ отставкѣ полному разврату, буйству и шалостямъ самымъ омерзительнымъ. Остальные же его, Ивана Вердеревскаго, племянники — поведенія хорошаго, характера смирнаго, но какъ молодые люди, вспыльчивы.—ж) Изъ людей, составлявшихъ дворовую прислугу помѣщика Вердеревскаго, подъ присягою показали: поваръ Михаилъ *Соколенко*,—что въ 1859 году осенью къ нему на кухню прибѣжалъ Родіонъ Вердеревскій и, указывая на замаранную немного кровью рубашку отъ удара въ бокъ кинжаломъ, сказалъ: «смотри Михаилъ, что братья дѣлаютъ», но кто

именно нанесъ ему ударъ, Родіонъ не объяснилъ. Послѣ сего между Роіономъ, Николаемъ, Василіемъ и Борисомъ онъ, Соколенко, вражды не замѣчалъ и какая причина побудила Николая, Василія и Бориса убить брата своего Родіона, ему неизвѣстно. *Григорій Крамаренко,* подтверждая показаніе Соколенко, объяснилъ, что Родіонъ Вердеревскій говорилъ ему, будто рану въ бокъ нанесъ ему кинжаломъ Николай Вердеревскій.—Харитонъ *Субитный,* Анна *Чикильченкова,* Федора *Соколенкова,* Павлина *Цыганенкова* и Марья *Субитная* объяснили,—что Родіонъ Вердеревскій часто ссорился съ братьями своими Николаемъ, Василіемъ, Борисомъ, Евгеніемъ и сестрою Ольгою,-за что же именно — они не знаютъ; но чтобы Николай, Василій и Борисъ умышленно убили брата своего, то въ этомъ они ихъ не подозрѣваютъ. Къ сему Марья Субитная добавила, что 3-го октября 1861 года до убійства Родіона Вердеревскаго, мать его, братья Николай Василій, Борисъ и Евгеній, самъ Родіонъ и сестра Ольга сидѣли всѣ вмѣстѣ, читали, разговаривали и были очень веселы; но когда и куда разошлись, она не видала, потому что ушла послѣ обѣда приготовлять воду для мытья бѣлья.—Александра Цыганенкова показала тоже самое, что и Марья Субитная, съ тою только разницею, что между Николаемъ, Василіемъ, Борисомъ и сестрою ихъ Ольгою, до свадьбы послѣдней, постоянно были ссоры, которыя болѣе всѣхъ затѣвалъ Родіонъ, но чрезъ что происходили ссоры, ей неизвѣстно. Терентій Цыганенковъ, Харитина Соколенкова, Иванъ и Акимъ Чикильченковы, добавили покойный Родіонъ и братья его Николай, Василій и Борисъ были поведенія хорошаго и жили дружно, какая же причина побудила Николая, Василія и Бориса убить Родіона, они не знаютъ.

з) Затѣмъ по допросѣ *окольныхъ жителей* показали подъ присягою: *11* человѣкъ бывшихъ крестьянъ полковника Вердеревскаго,—что дѣти его жили между собою хорошо, что Николай и Евгеній Вердеревскіе были поведенія хорошаго и жили спокойно, а Родіонъ любилъ шалить. Какого поведенія были Василій и Борисъ Вердеревскіе, они не знаютъ, потому что сіи послѣдніе находились на службѣ.—*6-ть* человѣкъ крестьянъ объяснили, что Николай Вердеревскій былъ поведенія хорошаго и характера скромнаго, а Родіонъ характера строптиваго и дерзкаго; какого же поведенія былъ Родіонъ и братья его Василій и

Борисъ—не знаютъ, и Николая, Василія и Бориса въ умышленномъ убійствѣ брата своего Родіона не подозрѣваютъ.—*9-ть* человѣкъ мѣщанъ показали, что Николай, Василій и Борисъ Вердеревскіе были хорошаго поведенія и ссоры и вражды между ними не замѣчали, а Родіонъ былъ худой нравственности. Николая, Василія и Бориса въ умышленномъ убійствѣ Родіона они не подозрѣваютъ.—*7-мь* человѣкъ, (одинъ дворянинъ и шесть мѣщанъ), что они не могутъ допустить мысли, чтобы Николай, Василій и Борисъ Вердеревскіе убили Родіона умышленно, а полагаютъ, что это произошло отъ какой *либо* малости, такъ какъ всѣ братья были балованные.—*5-ть* человѣкъ мѣщанъ, — что они Николая, Василія и Бориса Вердеревскихъ не подозрѣваютъ въ умышленномъ убійствѣ брата своего Родіона.—*4-ре* человѣка (3 мѣщанина и 1 отставной солдатъ), что имъ неизвѣстно, съ умысломъ или безъ умысла Николай, Василій и Борисъ Вердеревскіе убили брата своего Родіона.—*12-ть* человѣкъ крестьянъ, что Николай, Василій и Борисъ Вердеревскіе вѣроятно убили брата своего неумышленно, а по неосторожности, такъ какъ ни ссоры, ни вражды и ничего дурнаго между ними не замѣчали.

и) Сосѣди Вердеревскихъ, помѣщики ананьевскаго уѣзда, по приводѣ къ присягѣ, отозвались: капитанъ *Лаудинскій*, что о враждѣ Николая, Василія и Бориса Вердеревскихъ къ покойному брату ихъ, Родіону, онъ не слыхалъ и потому въ умышленномъ убійствѣ Родіона никого изъ нихъ подозрѣвать не можетъ; что однажды Родіонъ Вердеревскій, заѣхавъ къ нему, Лаудинскому, объявилъ, что былъ въ становой квартирѣ, и не заставъ тамъ становаго пристава, оставилъ жалобу на брата своего Николая, который будто бы нанесъ ему кинжаломъ въ бокъ рану и снялъ шубу, причемъ Родіонъ показывалъ ему, Лаудинскому, окровавленное платье; вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ къ нему же отецъ Родіона, полковникъ Вердеревскій, и взялъ Родіона съ собою.—Губерскій секретарь *Яновскій*, дворяне *Крыпскій* и *Гроздбовскій* и штабсъ-капитанъ *Крейторъ* показали, что съ умысломъ или безъ умысла совершено Николаемъ, Василіемъ и Борисомъ Вердеревскими убійство брата своего Родіона, а также о нравственныхъ качествахъ и о поведеніи семейства Вердеревскихъ,—они не знаютъ. Къ сему Крейторъ присовокупилъ, что въ 1859 году въ 12 часовъ ночи, въ бытность его у помѣщицы Екатерины

Кузнецовой, Николай Вердеревскій выбилъ въ домѣ ея стекла, но какая къ тому была причина, ему Крейтору, неизвѣстно.—Помѣщица *подполковница Кузнецова* объявила, что о причинѣ и умыслѣ убійства Родіона Вердеревскаго, ей ничего неизвѣстно и какъ она давно не бывала въ домѣ полковника Вердеревскаго, то посему и не знаетъ, была ли между дѣтьми его вражда, Николай и Родіонъ дѣлали ей оскорбленія, о чемъ и производилось дѣло.—Полковникъ *Фиженковъ*, что онъ полковника Вердеревскаго, жену его и зятя ихъ, Гадомскаго, знаетъ съ хорошей стороны; что же касается до дѣтей Вердеревскаго, то онъ объ нихъ ничего сказать не можетъ, такъ-какъ съ ними вовсе знакомъ не былъ.—Капитанъ-лейтенантъ *Шишкинъ*, что онъ не знаетъ, съ умысломъ или безъ умысла убили Николай, Василій и Борисъ Вердеревскіе брата Родіона, но слышалъ, что Николай и Родіонъ вели себя дурно и иногда не были покорны родителямъ.—Генералъ-лейтенантъ *Щербинскій*, безъ присяги, показалъ что полковникъ Вердеревскій служилъ подъ его начальствомъ въ званіи оберъ-квартирмейстера, велъ себя хорошо и оставилъ службу вслѣдствіе падучей болѣзни; о женѣ же его ничего не слыхалъ предосудительнаго, а о дѣтяхъ ихъ ничего сказать не можетъ, потому что ихъ вовсе не знаетъ.

По отобраніи отъ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ показаній были допрошены: 1) *Николай Вердеревскій*, который объяснилъ, что хотя дѣйствительно у него съ Родіономъ была ссора, но онъ никогда не думалъ колоть его, кинжаломъ; Родіонъ же самъ оцарапавъ себѣ бокъ, угрожалъ донести суду, будто бы онъ, Николай, прокололъ его; ссора эта произошла изъ за мѣрки овса, которую онъ не велѣлъ давать лошади Родіона и когда отецъ послѣ того посадилъ Родіона въ кладовую, то послѣдній и тогда не думалъ смириться, а напротивъ хотѣлъ еще поджечь домъ, заливъ солому, данную для подстилки подъ тюфякъ. Во время оскорбленія братомъ его Родіономъ помѣщицы Кузнецовой, онъ Николай находился на службѣ и не бывъ съ Кузнецовою знакомымъ, самъ стеколъ у нея не билъ и дѣло по сему предмету прекращено миромъ; Родіонъ неоднократно заводилъ съ братьями ссоры и когда они касались его, Николая, то онъ всегда старался прекратить ихъ своимъ уходомъ, и для избѣжанія всякихъ непріятностей со стороны Родіона, избралъ для

жительства особый флигель; чаще всего Родіонъ спорилъ съ помѣщикомъ Гадомскимъ, (бывшимъ тогда еще женихомъ сестры ихъ Ольги), чтобы разстроить свадьбу и получить деньги, положенныя для сего на расходъ; Родіонъ намѣревался также сжечь токъ, и когда хотѣли взять его, то онъ угрожалъ ножемъ убить того, кто подойдетъ къ нему, и бросилъ ножъ тогда только, когда самъ отецъ пріѣхалъ туда; вражды къ Родіону онъ не имѣлъ, что доказывается просьбою его къ матери о возвращеніи жалобы, написанной на Родіона Государю Императору.— 2) *Василій Вердеревскій* показалъ, что дѣло по жалобѣ матери Государю Императору, на Родіона, онъ прекратилъ вслѣдствіе просьбы братьевъ, что̀ и доказываетъ, что онъ и братья питали къ Родіону не вражду, а братское доброе расположеніе. О желаніи Родіона поджечь токъ, онъ Василій, вовсе не зналъ.—3) *Борисъ Вердеревскій* объяснилъ, что Родіонъ былъ грубъ противъ родителей, за что онъ и поссорился съ нимъ въ первый же день пріѣзда въ дер. Викторовку.—4) Мать подсудимыхъ, *полковница Вердеревская*, на сдѣланные ей запросы отозвалась, что ссоры Родіона съ Николаемъ она сама не видѣла, но судя по словамъ Николая, и собственному признанію Родіона, видно, что ссора произошла за вмѣшательство Родіона въ дѣла хозяйства, ввѣренныя ею Николаю. Вслѣдствіе этой ссоры и по злобѣ къ Николаю, Родіонъ, ранивъ самъ себя, объявилъ, что онъ былъ раненъ имъ, а затѣмъ по окончаніи ссоры и послѣ примиренія съ братьями, самъ просилъ послать остановить бумагу, поданную имъ въ судъ, съ ложнымъ показаніемъ, могущимъ повредить Николаю, но она Вердеревская, зная всю правоту сына Николая, не послала вернуть бумаги, въ которой, какъ послѣ говорилъ Родіонъ, онъ предупреждалъ судъ, что братья слѣдятъ за нимъ. Слѣдить же за Родіономъ она дѣйствительно приказала Николаю потому, что Родіонъ постоянно мѣшался въ хозяйственныя распоряженія, съ цѣлью извлечь деньги и захватить ихъ въ свои руки, и когда посему Николай постоянно наблюдая за Родіономъ по ея приказанію, часто выѣзжалъ за нимъ верхомъ, чтобы предупредить долги, которые Родіонъ дѣлалъ вездѣ, гдѣ могъ, то Родіонъ, видя Николая, говорилъ: «что ты слѣдишь за мною, ты вѣроятно хочешь убить меня, я донесу объ этомъ въ судъ». Послѣ того Родіонъ однажды хотѣлъ поджечь токъ и когда его

схватили, то онъ изрѣзалъ самъ себѣ руки. Вообще-же Родіонъ способенъ былъ на всѣ гадости: онъ перехватывалъ письма, написалъ подложное подъ руку отца письмо объ увольненіи его отъ службы, будто бы по случаю раздѣла имѣнія. Когда было подано прошеніе объ удаленіи Родіона изъ дома и когда Родіону угрожало разжалованіе въ солдаты, тогда Николай просилъ показательницу простить Родіона, а Василій и Борисъ прислали письма, убѣждая также пощадить его. Впослѣдствіи на семейномъ совѣтѣ, по убѣжденію дѣтей ея, было положено перевести Родіона въ гвардію, о чемъ Василій и хлопоталъ, но Родіонъ и здѣсь не умѣлъ вести себя и, надѣлавъ долги, возвратился домой. Послѣ этого рѣшено было въ семействѣ, при первой шалости Родіона, наказать его домашнимъ образомъ (?), на что и самъ Родіонъ согласился. Все это можетъ служить доказательствомъ, что если бы братья хотѣли избавиться отъ Родіона, то стоило имъ только возобновить писанное къ Государю Императору прошеніе, которое находится въ рукахъ Василія, но какъ Родіонъ въ послѣднее время сталъ вести себя хорошо, то никто и не думалъ принимать противъ него строгихъ мѣръ.

Изъ приложенной къ настоящему дѣлу копіи съ журнала, (состоявшагося 23 ноября 1860 года въ ананьевскомъ уѣздномъ судѣ по дѣлу о нанесенныхъ помѣщицѣ подполковницѣ Екатеринѣ Кузнецовой оскорбленіяхъ, поручикомъ Родіономъ и подпоручикомъ Николаемъ Вердеревскими), видно, что судъ, по разсмотрѣніи дѣла сего, нашелъ: 1-е) что помѣщица Кузнецова, жалуясь на дѣлаемыя ей Родіономъ и Николаемъ Вердеревскими разныя оскорбленія, представила 16 октября 1859 года, при прошеніи, анонимное письмо, писанное на ея имя, въ которомъ между прочимъ объяснено, что мать Вердеревскихъ подговариваетъ сына Николая убить или отравить Родіона; кромѣ того въ письмѣ еще сказано, что быть бѣдѣ въ семействѣ Вердеревскихъ. При производствѣ слѣдствія, помѣщица Кузнецова и Николай Вердеревскій помирились между собою, и дѣло, вслѣдствіе ихъ просьбы, прекращено производствомъ; относительно же анонимнаго письма штабсъ-капитанъ Крейторъ подъ присягою удостовѣрилъ, что оно писано Родіономъ Вердеревскимъ, почеркъ руки котораго ему извѣстенъ; 2) подполковница Кузнецова, до прекращенія вышеупомянутаго дѣла, подала 10 февраля 1860 г.

въ ананьевскій земскій судъ, объявленіе, что она узнала отъ бывшихъ ея крестьянъ, что сынъ помѣщика Виктора Вердеревскаго Родіонъ былъ раненъ братомъ своимъ Николаемъ кинжаломъ въ бокъ, и истязуется въ подземельѣ, устроенномъ въ домѣ Вердеревскихъ, за то, что открылъ многимъ свидѣтелямъ объ уголовныхъ преступленіяхъ.—Родіонъ Вердеревскій также подалъ объявленіе въ земскій судъ, что онъ, проживая въ домѣ родителей своихъ, нѣсколько разъ подвергался злымъ умысламъ со стороны брата его Николая, который, 3-го февраля того же 1860 г., когда онъ, Родіонъ, выходилъ изъ кухни, выхватилъ скрытый за поясомъ кинжалъ и нанесъ ему рану въ лѣвый бокъ, противъ сердца, причемъ грозилъ убить его; поэтому онъ скрылся у помѣщика Крыжановскаго.—Вслѣдствіе сего объ освидѣтельствованіи Родіона, судъ сообщилъ ананьевскому окружному врачу Потрасову, который 17 февраля донесъ, что Родіонъ совершенно здоровъ. Между тѣмъ самъ Родіонъ Вердеревскій двумя прошеніями, полученными ананьевскимъ земскимъ исправникомъ 11 февраля, просилъ: возвратить ему первое объявленіе, такъ-какъ онъ дѣло по сему предмету кончилъ миромъ. Независимо отъ сего отецъ Родіона и Николая Вердеревскихъ въ письмѣ своемъ, адресованномъ 5 февраля 1860 года на имя земскаго исправника, объяснилъ, что два сына его Николай и Родіонъ поссорились между собою до такой степени, что Родіонъ бросился бѣжать къ току, съ угрозою поджечь токъ, и когда за нимъ погнался Николай, то Родіонъ, вынувъ перочинный ножъ, и продолжая бѣжать, упалъ, сдѣлавъ себѣ маленькую ранку, послѣ чего желая отомстить Николаю, объявилъ что будто бы послѣдній ранилъ его и подалъ по сему предмету жалобу. Поэтому полковникъ Вердеревскій просилъ: не доводить жалобы сына Родіона до формальностей.—Послѣ сего, журналомъ состоявшимся въ судѣ 6-го октября 1860 года, заключено: дѣло это какъ, по силѣ 11-го пун. 169 и 171 ст. час. 1-й и 52 ст. части 2-й XV т. св. зак. уголов. изданія 1857 г., неподлежащее дальнѣйшему производству, зачесть оконченнымъ. Но уѣздный стряпчій, по разсмотрѣніи этого журнала, далъ особое мнѣніе, что онъ не оспариваетъ, что обида Вердеревскими Кузнецовой по мировому прошенію, могла быть прекращена; что же касается до обстоятельствъ, бывшихъ собственно между Вердеревскими

и обнаруживающихъ преступленія важнѣе обиды, гдѣ играютъ роль угроза, месть и посягательство на самую жизнь, стряпчій просилъ уѣздный судъ разсмотрѣть вновь эти обстоятельства и постановить другое рѣшеніе.—Уѣздный судъ, при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла согласно указанію стряпчаго, нашелъ, что изъ отзыва штабъ-лекаря Потрасова, свидѣтельствовавшаго Родіона Вердеревскаго въ нанесенной будто бы ему Николаемъ Вердеревскимъ ранѣ, положительно видно, что онъ здоровъ; въ прошеніи же самого Родіона значится, что онъ продолжать затѣяннаго имъ дѣла, о нанесенной ему братомъ Николаемъ обидѣ, не желаетъ, потому что они между собою примирились, послѣ чего обиду, нанесенную Родіону Вердеревскому, слѣдуетъ отнести къ обидѣ, означенной въ ст. 2086 XV т. св. зак. угол. части 1-й изд. 1857 года, а какъ на основаніи примѣчанія къ 2094 ст. всѣ дѣла о нанесеніи личныхъ обидъ и оскорбленій начинаются не иначе, какъ по жалобамъ самихъ оскорбленныхъ, то и дѣло о нанесенной Родіону Вердеревскому обидѣ, по силѣ 169 и 171 ст. упомянутаго тома, вопреки желанія оскорбленнаго, не можетъ подлежать никакому производству. На этомъ основаніи уѣздный судъ утвердилъ прежнее свое журнальное постановленіе и привелъ опое въ исполненіе.

По преданіи ихъ военному суду, показали: 1) *Василій Вердеревскій*, что происшествіе, случившееся 3-го октября 1861 года, есть не преступленіе, но несчастный и ужасный случай, происшедшій безъ всякаго злаго намѣренія со стороны его и братьевъ; доказательствомъ сего можетъ служить полученное ими высшее образованіе, почтительность къ родителямъ и истинно-родственное обхожденіе съ покойнымъ братомъ. Наконецъ безпристрастный отзывъ о ихъ характерѣ всѣхъ, кому они извѣстны, ставитъ ихъ далеко отъ подозрѣнія на умыселъ въ страшномъ преступленіи противъ роднаго брата, съ которымъ онъ, Василій, имѣлъ самое дружеское отношеніе; это видно изъ того: во 1-хъ) что не смотря на неуважительность Родіона къ родителямъ, и на шалости его, опъ не хотѣлъ губить Родіона, когда родители приказали ему подать просьбу Государю Императору объ удаленіи Родіона изъ дома, и узнавъ отъ бывшаго начальника штаба, генералъ-адъютанта графа Баранова, къ которому обращался за совѣтомъ, что по этой просьбѣ покойный братъ могъ

быть разжалованъ въ рядовые, онъ не подалъ просьбы вторично, а просилъ матушку простить Родіона, надѣясь на исправленіе его, какъ еще молодаго и въ душѣ добраго малаго, и во 2-хъ) что онъ хотѣлъ перевести Родіона въ гвардію, для чего послѣдній пріѣзжалъ въ Царское село и прожилъ у показателя около двухъ мѣсяцевъ. Двухъ этихъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться въ истинно братскомъ отношеніи его съ покойнымъ. Притомъ всякому дѣйствію должна быть причина, какая же причина могла побудить его и братьевъ покуситься на жизнь Родіона? Повода къ тому никакого не было и неужели онъ и братья не могли предвидѣть всѣхъ послѣдствій, которыя должны были лишить ихъ блестящей карьеры и надеждъ на службу и причинить страшное горе матери. Поэтому, отыскивая причину смерти Родіона, надо искать и тѣхъ громадныхъ выгодъ, которыя могли-бы вознаградить его, Василія, и братьевъ? Но смерть Родіона рѣшительно не представляла никакой пользы, а напротивъ они потеряли многое и безвозвратно. Будучи всегда и и вездѣ честнымъ слугою Государя и отечества, онъ, Василій въ тоже время, былъ слишкомъ далекъ отъ мысли затѣять и обдумать подобное гнусное дѣло; если же и допустить мысль о преступленіи, то могъ ли онъ думать, что оно не откроется; притомъ задумавъ подобное злодѣяніе, кто могъ бы рѣшиться исполнить оное въ 3 часа по полудни, въ жилыхъ покояхъ, куда могли прибѣжать на выстрѣлъ и шумъ. Онъ, Василій, считаетъ себя не настолько близоруким, чтобы рѣшиться исполнить это съ тою обстановкою, которая сопровождала ихъ несчастіе. Слишкомъ тяжело и больно вспомнить, но онъ вынужденъ повторить, что ссора началась за то, что покойный братъ позволилъ себѣ затронуть честь ихъ матери. Законъ дозволяетъ защищать свою честь и жизнь, поэтому заступиться за честь своего дома, есть священная обязанность каждаго семьянина, и показатель не могъ не возмутиться противъ брани, которую произносилъ покойный братъ. Вотъ начало несчастія, котораго быть можетъ и не случилось бы, если бы онъ, Василій, хладнокровно выслушавъ брата, не погорячился, но пусть каждый станетъ на его мѣсто и тогда судитъ за его вспыльчивость. Такъ объяснено было дѣло исправнику и вѣроятно на основаніи словъ, сказанныхъ о вспыльчивости его, исправникъ заключилъ, что и все дѣло до конца имѣло

характеръ гнѣва и запальчивости, но это несправедливо, потому что если въ первую минуту руководила показателя и братьевъ вспыльчивость характера, то впослѣдствіи дѣло зависѣло чисто отъ случая. Вся цѣль была отобрать отъ покойнаго ножъ, и очень можетъ быть они совокупными силами наказали бы Родіона (?), но наказали бы какъ брата, какъ товарища. Когда же произошелъ выстрѣлъ изъ револьвера и они увидѣли брата въ крови, то первая мысль была помочь ему, но сдѣлать ничего уже было нельзя потому, что рана была смертельна. Пораженные этою страшною сценою, они нѣсколько секундъ стояли молча, и когда очнулись, согласились поскорѣе прибрать тѣло покойнаго, чтобы отецъ или мать нечаянно не подошли на эту горестную сцену. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли разсказать о несчастіи дядѣ по пріѣздѣ изъ Одессы, вовсе не зная, что онъ вернулся въ ту самую ночь, въ которую они отвезли тѣло брата въ степь, что должѣнъ подтвердить и дядя, не смотря на его недоброжелательство къ нимъ, увеличившееся со дня полученія обще съ показателемъ наслѣдства. Онъ какъ родной дядя, видя ихъ замѣшательство, могъ бы образумить ихъ; а не предавать несчастію видъ преступленія, впрочемъ онъ достигъ своей цѣли, получивъ полную свободу въ управленіи наслѣдствомъ, такъ-какъ отецъ ихъ болѣнъ, а мать—убита горемъ. Въ донесеніи исправника могла вкрасться ошибка и отъ того еще, что исправникъ, пріѣхавъ къ дядѣ, распрашивалъ его Василія, и братьевъ не болѣе двухъ минутъ, съ какою то поспѣшностію, былъ видимо очень разстроенъ, буквально рыдалъ и горевалъ о ихъ несчастіи. Въ такомъ настроеніи духа составилъ онъ актъ, или вѣрнѣе сказать велѣлъ составить оный безграмотному письмоводителю. Актъ этотъ имъ прочли и они, сидя подъ арестомъ и видя конвой, не могли не упасть духомъ, и не подписать его, не понявъ даже и самаго смысла акта. Несправедливо также и то, что будто бы дядя замапилъ ихъ къ себѣ, подъ предлогомъ, посмотрѣть машину, ибо старшій братъ Николай былъ съ дядей въ ссорѣ и избѣгалъ съ нимъ встрѣчи; братъ Борисъ былъ у дяди съ утра и слѣдовательно могъ бы предупредить ихъ; онъ же Василій, не поддался бы на подобную уловку, ибо видѣлъ въ Петербургѣ не такія машины, какія выписаны дядею изъ Одессы.—Хотя Родіонъ былъ плохой человѣкъ, но ненавидѣть его было не за

что, потому что онъ былъ добрый братъ. Отчего у покойнаго брата оказалась рана на лбу, показатель не знаетъ; ступни же ногъ его могли вывернуться при паденіи въ колодецъ.

2) *Борисъ Вердеревскій* объяснилъ, что онъ и братья его, желая скрыть убійство отъ престарѣлаго и больнаго отца, рѣшились спрятать тѣло и объявить о случившемся дядѣ, котораго ожидали изъ Одессы съ часа на часъ, не зная, что кучеръ Щедровъ разсказалъ уже о случившемся не только дядѣ, но и матушкѣ, и какъ матушка тотчасъ объявила имъ, что все уже ей извѣстно, и что дядя послалъ за исправникомъ, то они, зная, что случившагося несчастія нельзя утаить, просили матушку ѣхать къ дядѣ и просить исправника приступить къ дѣлу. Матушка прислала отъ дяди за нимъ, Борисомъ, не упоминая вовсе объ осмотрѣ машины. Пріѣхавъ къ дядѣ, онъ объяснилъ ему дѣло и просилъ послать за братьями. Вскорѣ послѣ сего пріѣхали и братья и исправникъ, на запросъ котораго они разсказали, какъ было дѣло. Умысла къ убійству брата они не имѣли и неужели показатель и братья не подумали, что за такое ужасное преступленіе ожидаетъ ихъ? Неужели человѣкъ, который до сихъ поръ велъ себя безукоризненно, можетъ быть способенъ на такое страшное преступленіе? Неужели въ такихъ юныхъ лѣтахъ показатель могъ такъ низко упасть.? Одно уваженіе къ родителямъ не позволило бы имъ нанести такой страшный ударъ, да и самыя обстоятельства показываютъ, что тутъ не могло быть умысла, такъ-какъ несчастіе случилось въ 3 часа по полудни, въ компатѣ. Всѣмъ извѣстно, что они почти каждый день ѣздили на охоту, и при существованіи умысла легче бы было исполнить замыселъ въ степи, чѣмъ въ жиломъ домѣ. Несчастный случай этотъ не имѣлъ бы видъ замысла, если-бы дядя ихъ поступилъ по родственному; онъ зналъ, что смерть послѣдовала Родіону по несчастному случаю и могъ бы посовѣтовать имъ донести о случившемся, но онъ не сдѣлалъ этого, а предавъ несчастію видъ злаго умысла, донесъ исправнику и вѣроятно имѣлъ въ томъ свои выгоды, чтобы удалить ихъ изъ деревни. Онъ, Борисъ, сознаетъ, что главная вина его и братьевъ заключается въ сокрытіи тѣла-такъ какъ они должны были, не трогая тѣла, дать знать о случившемся исправнику и онъ, Борисъ, разсуждалъ бы такъ, если бы былъ лицомъ посторон-

нимъ, но пусть судья вообразитъ себя на ихъ мѣстѣ и тогда винитъ ихъ. Ссора его съ Родіономъ не была ненавистною и ограничивалась только тѣмъ, что онъ не говорилъ съ нимъ. Родіонъ былъ съ сестрами грубъ и дерзокъ. Вывихи ногъ у Родіона могли случиться неиначе, какъ при паденіи тѣла его въ колодецъ; показатель прежде чѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ, ударилъ Родіона револьверомъ по головѣ, затѣмъ очень вѣроятно, что кость подалась отъ удара.—3) *Дядя* подсудимыхъ, отставной поручикъ *Иванъ Вердеревскій*, подтвердилъ, что онъ дѣйствительно ѣздилъ въ г. Одессу и возвратился домой ночью съ 3 на 4-е октября 1861 года и что племянники его когда узнали о его возвращеніи, сами добровольно пріѣхали къ нему и объявили о происшествіи, но что это было впрочемъ уже на 3-й день.—*6-ть человѣкъ* крестьянъ подъ присягою удостовѣрили, что подсудимые и братья ихъ часто бывали на охотѣ. Ананьевскій же уѣздный судъ увѣдомилъ, что въ немъ разсматривалось дѣло о недвижимомъ имѣніи, оставшемся послѣ смерти отставнаго штабсъ-ротмистра Николая Вердеревскаго и дочери его дѣвицы Екатерины Вердеревской и что опредѣленіемъ, состоявшимся 29 января 1862 года, признаны единственными наслѣдниками того имѣнія: отецъ подсудимыхъ, полковникъ Викторъ Вердеревскій, дядя ихъ, отставной поручикъ Иванъ Вердеревскій, и вдова штабсъ-ротмистра Матильда Вердеревская. О вводѣ ихъ во владѣніе имѣніемъ предписано было ананьевскому земскому суду.

На запросъ коммисіи военнаго суда командиръ л. гв. царскосельскаго стрѣлковаго баталіона сообщилъ, что подсудимые, поручикъ Василій и прапорщикъ Борисъ Вердеревскіе, во время нахожденія ихъ на службѣ, были въ нравственныхъ качествахъ отличны, къ службѣ усердны и штрафамъ не подвергались. Изъ формулярныхъ же списковъ подсудимыхъ, оказалось, что поручикъ *Василій Вердеревскій* (27 лѣтъ) получилъ воспитаніе въ николаевскомъ училищѣ гвардейскихъ юнкеровъ; выпущенъ на службу въ гвардію прапорщикомъ 16 іюня 1856 года; произведенъ въ подпоручики 30-го августа 1858 года и въ поручики 30 августа 1861 года, въ штрафахъ не былъ и къ повышенію чиномъ аттестовался достойнымъ. *Борисъ Вердеревскій* (21 года), воспитывался также въ николаевскомъ училищѣ гвардейскихъ юнкеровъ и выпущенъ на службу въ гвардію прапорщикомъ 16

іюня 1860 года; во время состоянія на службѣ штрафамъ не подвергался и аттестовался къ повышенію чиномъ достойнымъ.

Коммисія военнаго суда, по разсмотрѣніи сего дѣла, признавая поручика Василія и прапорщика Бориса Вердеревскихъ виновными: въ неосторожномъ убійствѣ во время драки роднаго брата своего, отставнаго поручика Родіона Вердеревскаго, на основаніи 41, 43, 58, 70, 389, 391 ст. 1-й кн., 340, 347 и 348 ст. 2 кн. V части устава военно-уголовнаго, полагала: подсудимыхъ, не лишая дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые впредь до выслуги, подвергнувъ ихъ церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства.

Командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, находилъ, что подсудимые поручикъ Василій и прапорщикъ Борисъ Вердеревскіе, состоя на службѣ л. гв. въ царско-сельскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ, были уволены въ отпускъ въ имѣніе отца своего ананьевскаго уѣзда (херсонской губерніи) и проживая тамъ, убили 3-го октября 1861 года роднаго брата своего Родіона Вердеревскаго. Въ преступленіи этомъ сами они сознались на допросахъ, утверждая только, что убійство не было умышленное, а случайное, и произошло по неосторожности, во время ссоры и драки, которыя началъ самъ Родіонъ, и къ коимъ поводомъ послужили оскорбительныя слова, сказанныя имъ противъ матери. При этомъ подсудимые объяснили, что смерть произошла отъ выстрѣла изъ револьвера, на который упалъ ихъ братъ, и что во время драки они ударили его прикладомъ этого револьвера въ лобъ; револьверъ же былъ въ ихъ рукахъ и заряженъ потому, что они передъ самымъ происшествіемъ собирались идти стрѣлять въ цѣль. Но такое объясненіе случившагося не заслуживаетъ вѣроятія, и очевидно придумано подсудимыми для своего оправданія. По дѣлу обнаружено: 1-е) что Вердеревскіе, убивъ своего брата, всѣми мѣрами старались скрыть слѣды преступленія, убили собаку въ комнатѣ для объясненія слѣдовъ крови, а самое тѣло ночью вынесли изъ дому и опустили въ колодецъ, гдѣ оно и найдено, по указанію кучера, тайно слѣдившаго за ними, и донесшаго о случившемся родному дядѣ подсудимыхъ, помѣщику Ивану Вердеревскому. Противъ сего подсудимые хотя показывали, что они старались скрыть слѣды преступленія, боясь испугать мать и

больнаго отца, и что имѣли сами твердое намѣреніе предать себя въ руки правосудія, ожидая для сего только возвращенія изъ Одессы дяди, которому хотѣли первому разсказать о случившемся,—но такое показаніе ничѣмъ не подтверждено, а напротивъ того обнаружено, что дядя ихъ въ самый день происшествія уже былъ вернувшись изъ Одессы. 2-е) По вынутіи тѣла изъ колодца и медицинскомъ осмотрѣ его, оказались на тѣлѣ слѣды страшнаго насилія и побоевъ: ушибы съ подтеками кровви, вывороченныя пятки, проломъ черепа ударомъ твердаго орудія и кромѣ того пуля въ мозгу. 3-е) По дѣлу обнаружено, и самые подсудимые показали, что они и прежде имѣли частыя ссоры и даже драки съ братомъ своимъ Родіономъ, который, по отзыву всѣхъ лицъ семейства Вердеревскихъ, имѣлъ дурной характеръ и велъ себя такъ худо, что отецъ и мать подавали на Высочайшее имя просьбу объ удаленіи его изъ семейства. Всѣ лица, спрошенныя по дѣлу, отозвались, что они, не бывъ свидѣтелями происшествія, не знаютъ причины смерти Родіона Вердеревскаго; но отнюдь не полагаютъ, чтобы подсудимые могли имѣть заранѣе обдуманное намѣреніе убить своего роднаго брата. Признавая съ своей стороны это послѣднее обстоятельство ничѣмъ недоказаннымъ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что объясненіе подсудимыхъ, будто они убили брата своего неумышленно во время драки съ нимъ, не заслуживаетъ вѣроятія какъ потому, что на тѣлѣ убитаго найдены слишкомъ тяжкія раны и увѣчья, чтобъ они могли произойти отъ неосторожности въ дракѣ, такъ и потому-что, ударивъ, по собственному показанію, брата своего прикладомъ револьвера въ лобъ, подсудимые не могли не сознавать, что этимъ самымъ могутъ убить его. Посему слѣдуетъ, признавъ подсудимыхъ виновными въ убійствѣ Родіона Вердеревскаго, хотя безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости и раздраженіи, но и не случайно, а съ сознаніемъ, что они покушаются на жизнь его,—лишить ихъ чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

Военный генералъ-аудиторіатъ по сему дѣлу нашелъ, что если съ одной стороны не представляется никакихъ данныхъ, по коимъ съ увѣренностію можно было-бы заключить, что

убійство подсудимыми Вердеревскими роднаго своего брата было учинено ими съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ,—то съ другой стороны обнаруженныя по дѣлу обстоятельства лишаютъ возможности предполагать, что смерть Родіона Вердеревскаго послѣдовала случайно во время драки отъ выстрѣла изъ револьвера, нечаянно попавшаго ему подъ спину. Достовѣрность данныхъ по сему предмету братьями Вердеревскими показаній вполнѣ опровергается слѣдующими обстоятельствами: а) подсудимые и братъ ихъ Николай на первоначальномъ допросѣ чистосердечно сами сознались, что они убили брата Родіона въ пылу гнѣва; б) на тѣлѣ убитаго оказались слѣды яваго насилія и побоевъ и притомъ найденный на головѣ проломъ, происшедшій, и по показанію Бориса Вердеревскаго, отъ нанесеннаго имъ удара прикладомъ револьвера, самъ по себѣ былъ смертеленъ и по удостовѣренію медика не могъ произойти отъ паденія мертваго тѣла въ колодецъ, такъ-какъ голова трупа была обернута подштанниками, рубашкою, шинелью и пальто. Разнымъ образомъ оказавшіеся на тѣлѣ въ разныхъ мѣстахъ опухоли и пятна, по обнаруженнымъ въ нихъ кровоизліяніямъ, не иначе могли послѣдовать, какъ отъ внѣшняго насилія на живомъ тѣлѣ; в) если бы дѣйствительно, какъ объясняетъ Василій Вердеревскій, выстрѣлъ изъ револьвера послѣдовалъ въ то время, когда онъ вытягивалъ оный изъ подъ спины Родіона, лежавшаго на землѣ, то пуля выходя изъ револьвера въ вертикальномъ направленіи могла-бы только оцарапать или контузить затылокъ Родіона; между-тѣмъ какъ по медицинскому свидѣтельству оказалась на затылкѣ круглая рана и самая пуля найдена въ мозжечкѣ, что доказываетъ, что выстрѣлъ былъ произведенъ въ перпендекулярномъ направленіи въ головѣ; г) Вердеревскіе, убивъ брата, старались употребить всѣ средства, чтобы скрыть слѣды преступленія: такимъ образомъ для объясненія происхожденія на полу крови они убили собаку и положили ее на то мѣсто, гдѣ была кровь, а самое тѣло брата ночью вывезли изъ дому въ поле и бросили въ колодецъ, не подозрѣвая, что за ними въ то время слѣдилъ кучеръ отца ихъ, который и донесъ о случившемся родному дядѣ ихъ. Хотя же противъ сего подсудимые и отозвались, что они, изъ опасенія убить несчастнымъ извѣстіемъ больнаго отца и мать, старались скрыть тѣло до тѣхъ только поръ, пока не

приготовили бы родителей къ принятію извѣстія о несчастіи чрезъ дядю Ивана Вердеревскаго, возвращенія коего изъ Одессы они ожидали тогда,—но показаніе это, какъ неосновательное и ничѣмъ неподтвержденное, не заслуживаетъ уваженія и притомъ опровергается тѣмъ, что дядя ихъ, Иванъ Вердеревскій, возвратясь изъ Одессы, находился тогда уже въ своемъ имѣніи, и наконецъ д) еще и прежде убійства брата Родіона, подсудимые, по собственному ихъ сознанію и удостовѣренію многихъ лицъ, имѣли съ нимъ частыя ссоры.—По соображеніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, генералъ-аудиторіатъ признавая подсудимыхъ виновными въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи роднаго своего брата, на точномъ основаніи 385 ст. 1-й книги воен. угол. уст. и 2004 ст. улож. о наказ. угол. и исправ., опредѣлилъ: 1) подсудимыхъ лишивъ чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ, и 2) поступки прикосновеннаго къ настоящему дѣлу брата подсудимыхъ отставнаго поручика Николая Вердеревскаго, обвиняемаго въ соучастіи съ ними въ преступленіи, передать на разсмотрѣніе гражданскаго начальства.

Это мнѣніе генералъ-аудиторіата удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Въ этомъ дѣлѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ разсмотрѣніе того вопроса, какимъ образомъ подсудимые, принадлежащіе къ лучшему обществу, получившіе высшее образованіе, еще молодые люди, въ жизни которыхъ до того времени не обнаружено ничего преступнаго, были вовлечены въ столь ужасное злодѣяніе, каково убійство брата? Съ своей стороны мы вполнѣ раздѣляемъ слѣдующее мнѣніе, высказанное по этому предмету: «убійству предшествовала ссора между убитымъ и его братьями, начавшаяся вслѣдствіе заочнаго оскорбленія Родіономъ матери ихъ непристойными въ высшей степени словами и нанесенія обиды самимъ братьямъ (мать онъ назвалъ публичною женщиною, а братьевъ — незаконнорожденными). Подобная выходка Родіона Вердеревскаго вызвала гнѣвъ со стороны братьевъ его

и затѣмъ привела ихъ въ столь сильное раздраженіе, что подъ вліяніемъ его они учинили убійство; по показаніямъ всѣхъ спрошенныхъ при слѣдствіи лицъ братья Вердеревскіе были хотя добраго нрава, но весьма запальчиваго и крайне самолюбиваго характера, а Родіонъ напротивъ того нрава дерзкаго, грубаго и строптиваго и поведенія развратнаго. По показанію самой матери Родіонъ, много разъ доводилъ ее до отчаянія, и она даже была вынуждена просить Государя Императора объ удаленіи его изъ дома, но оставила это ходатайство вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ другихъ сыновей ея и обѣщанія Родіона исправиться; между Родіономъ и братьями его происходили часто ссоры и несогласія. Убійство совершено было Василіемъ (нынѣ уже умершимъ) и Борисомъ, а участіе Николая Вердеревскаго въ преступленіи выразилось въ томъ, что онъ помогъ братьямъ скрыть трупъ сперва въ сундукѣ, а потомъ въ колодцѣ *). Такимъ образомъ обстоятельства дѣла показываютъ, что Родіонъ Вердеревскій былъ убитъ двумя своими братьями въ сильномъ раздраженіи, въ которое они впали отъ нанесеннаго убитымъ ихъ матери тяжкаго оскорбленія. Нѣтъ сомнѣнія, что оскорбленіе, нанесенное Родіономъ Вердеревскимъ своей матери, въ глазахъ всякаго почтительнаго сына является столь тяжкимъ, что оно до извѣстной степени объясняетъ то раздраженіе, въ которое впали подсудимые и вслѣдствіе сего могло-бы служить основаніемъ для нѣкотораго смягченія наказанія, какъ Борису Вердеревскому, непосредственно участвовавшему въ убійствѣ, такъ и Николаю Вердеревскому, укрывавшему убійство.»

По крайней мѣрѣ подобное смягченіе безусловно истекало-бы изъ постановленій уст. угол. суд. 1864 г. (ст. 775), въ которомъ постановлено: «что суду дозволяется ходатайствовать передъ Императорскимъ Величествомъ о смягченіи наказанія подсудимому, вовлеченному въ преступленіе *несчастнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ*»,—что отчасти существуетъ въ настоящемъ дѣлѣ.

---

*) За это онъ приговоренъ былъ Высочайше утвержденнымъ 10 ноября 1864 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ и затѣмъ къ поселенію въ Сибири навсегда.

XXIV. Дѣло о башкирцѣ Камалитдинѣ Хамидуллинѣ, обвиненномъ въ отравленіи Мухаметьши (Ямгурова).

Башкирецъ Мухаметьша, проживавшій въ дер. Салиховой, 24-го мая 1862 г., (какъ видно изъ донесенія юртоваго старшины Субханкулова), вдругъ заболѣлъ. Узнавъ объ этомъ отъ брата Мухаметьши, Ардашира, старшина отправился къ Мухаметьши и найдя его больнымъ опасно, пригласилъ врача Юсупова, которому больной объявилъ, что поѣлъ меду, принесеннаго Хамидуллиномъ и заболѣлъ.—Врачъ, осмотрѣвъ медъ, нашелъ въ немъ какіе-то желтоватаго цвѣта кусочки; чрезъ два дня 26-го мая въ 9-ть часовъ вечера Мухаметьша умеръ.—Уфимскій уѣздный врачъ, освидѣтельствовавъ тѣло Мухаметьши, по обнаруженнымъ во внутренностяхъ желудка признакамъ, заключилъ: что смерть произошла отъ отравленія острымъ металлическимъ ядомъ, вѣроятно мышьякомъ.

По распоряженію оренбургской врачебной управы внутренности и содержимое въ желудкѣ и кишкахъ умершаго башкирца Мухаметьши, равно и медъ были подвергнуты химическому изслѣдованію чрезъ содержателя уфимской аптеки, провизора Башкевича; оказавшійся осадокъ и крупинки меда были представлены въ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который увѣдомилъ, что осадокъ содержитъ въ себѣ мышьякъ, а крупинки меда составляютъ бѣлый мышьякъ.—Затѣмъ дали показанія о томъ, что башкирецъ Мухаметьша во время болѣзни говорилъ, что онъ заболѣлъ поѣвъ меда, принесеннаго подсудимымъ, — юртовой старшина, два брата Мухаметьши, мать и бывшіе понятыми при осмотрѣ Мухаметьши, во время болѣзни его юртовымъ старшиной—10 башкирцевъ въ томъ числѣ 9 подъ присягою; присемъ всѣ вышеупомянутыя лица объяснили, что при нихъ у Мухаметьши происходила рвота. Жена Мухаметьши, *Аспибегуро Загидуллина*, объявила, что 24-го мая послѣ полудня пришелъ къ нимъ въ домъ подсудимый Хамидуллинъ и, принеся въ бумагѣ меду, просилъ найти самоваръ, а самъ пошелъ купить чаю; но потомъ уже не возвратился. Когда мужъ ея началъ есть оставленный медъ, то она, сказавъ ему, зачѣмъ онъ дѣлаетъ это, взяла медъ и переложила изъ бу-

маги въ чашку, а оставшійся въ бумагѣ медъ, взяла пальцемъ и лизнула раза два и одинъ разъ дала лизнуть сыну; чрезъ часъ мужа ея стало рвать и онъ говорилъ, что ему дурно отъ меду; ее тоже стало тошнить, а сына вырвало; вскорѣ прибыли докторъ Юсуповъ и старики, которымъ мужъ говорилъ, что онъ боленъ отъ меду, принесеннаго подсудимымъ. Постороннихъ свидѣтелей при томъ, какъ принесенъ былъ подсудимымъ къ Мухаметьши медъ, не было.—Сверхъ того жена Мухаметьши объяснила, что, послѣ ухода подсудимаго изъ дома ихъ, приходили къ нимъ въ домъ отецъ ея, Фазуллинъ, и братъ Гизетьулла; мужъ ея для угощенія ихъ смѣшивалъ принесенный подсудимымъ медъ съ кислымъ молокомъ, но они, поѣвъ очень мало, ушли на базаръ, а мужъ ея съѣлъ все остальное.—Тесть умершаго, башкирецъ дер. Новой, *Загидулла Фазуллинъ*, показалъ, что 24-го мая онъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Гизетьуллою приходилъ къ зятю своему Мухаметьши. Послѣдній поставилъ имъ кислаго молока и лепешку, приглашая поѣсть, но какъ они оба пили на базарѣ кумысъ и ѣли калачи, то онъ, Фазуллинъ, хлѣбнулъ молока только ложки четыре, а сынъ ѣлъ еще меньше; молоко это было сладкое; вскорѣ они отправились домой; дорогою заболѣла у него, Фазуллина, голова, а по пріѣздѣ домой тошнило, на другой день онъ тоже этимъ былъ нездоровъ, а сынъ его Гизетьулла говорилъ, что и у него болѣла голова и тошнило. Согласно съ Фазуллиномъ показалъ и сынъ его Гизетьулла.

Подсудимый Хамидуллинъ, проживавшій въ дер. Новой, показалъ, что 24-го мая въ день базарный въ деревню Салихову онъ пріѣзжалъ за покупкою соли, но въ домъ Мухаметьши *не* заходилъ и меду съ ядомъ не приносилъ. — Но мать умершаго, его братъ и жена, также башкирецъ Фазуллинъ объяснили, что въ отравленіи Мухаметьши они тѣмъ болѣе подозрѣваютъ Хамидуллина, что послѣдній имѣлъ неудовольствіе на Мухаметьшу за то, что когда сестра жены Мухаметьши, вдова Камиле, гостила у него въ домѣ и подсудимый сталъ часто ходить къ ней, то Мухаметьша, подозрѣвая, что подсудимый ходитъ къ нимъ съ дурнымъ намѣреніемъ, выгналъ его изъ дому. — Трое изъ вышеупомянутыхъ понятыхъ подъ присягою показали, что Мухаметьша говорилъ, что подсудимый отравилъ его за то, что онъ выгналъ его изъ дому, но за что выгналъ, не объяснилъ.

Подсудимый *Хамидуллинъ* показалъ, что зимою приходилъ онъ къ Мухаметьши одинъ разъ, когда Камиле была у нихъ; но Мухаметьша его изъ дому *не* выгонялъ.—Башкирецъ *Фазуллинъ*, отецъ вдовы Камиле, показалъ, что послѣ смерти перваго мужа Камиле, подсудимый сватался за нее, но онъ Фазуллинъ отказалъ ему по неимѣнію у него дома и не велѣлъ ходить къ себѣ, боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ за этотъ отказъ какого зла. Послѣ этаго Хамидуллинъ хвалился въ народѣ, что онъ съ дочерью его уже сосватался, намекая этимъ на то, что онъ съ Камиле имѣлъ связь. Онъ, показатель, объявлялъ объ этомъ муллѣ; но Хамидуллинъ отъ означенныхъ словъ отперся.—Сынъ Фазуллина *Гизетдулла* объяснилъ, что хотя онъ не замѣчалъ, чтобы подсудимый имѣлъ связь съ сестрой его Камиле; но люди говорили это про нихъ. Вдова *Камиле* показала, что съ Хамидуллиномъ она любовной связи не имѣла; послѣ смерти ея мужа, подсудимый хотя сватался за нее, но отецъ отказалъ.—Подсудимый *Хамидуллинъ* на это объяснилъ, что любовной связи съ Камиле онъ не имѣлъ, за нее не сватался и въ народѣ не хвалился, что съ нею уже сосватался.

Сверхъ того показали: 1) мать умершаго, что въ день смерти своей Мухаметьша говорилъ ей, что подсудимый однажды, ссорясь съ нимъ, хвалился: «его кончить».—2) Жена умершаго, что когда мужъ выгонялъ изъ дому подсудимаго, то послѣдній говорилъ ему: «погоди, я тебѣ сдѣлаю». 3) Башкирецъ Фазуллинъ, что послѣ того, какъ Мухаметьша выгналъ изъ дому подсудимаго Хамидуллина, послѣдній говорилъ показателю, что Мухаметьша нерѣдко злословитъ дочерей показателя, о чемъ онъ Фазуллинъ вмѣстѣ съ Хамидуллиномъ ходилъ къ муллѣ жаловаться и просилъ муллу разобрать дѣло; но Хамидуллинъ отъ приведенныхъ словъ отрекся. Когда Мухаметьша началъ уличать Хамидуллина въ неправдѣ, то у нихъ произошла ссора и доходило до драки, отъ которой онъ, Фазуллинъ, ихъ удержалъ; при этомъ Хамидуллинъ хвалился: «постой, не больно ворчи—я тебя скоро кончу». 4) Вдова Камиле объяснила, что при ссорѣ съ Мухаметьшой Хамидуллинъ говорилъ: «постой, не ворчи—я тебя скоро кончу».

Противу этого подсудимый возразилъ, что Фазуллину о томъ, что Мухаметьша злословитъ его дочь, онъ не говорилъ, съ Фазуллинымъ въ дер. Салиховой къ муллѣ нарочно не ходилъ, но

бывши однажды въ д. Салиховой на базаръ, Фазуллинъ, не видя по слѣпотѣ, просилъ его сходить съ нимъ къ муллѣ, но зачѣмъ, показатель не спросилъ; Фазуллинъ жаловался муллѣ, что Мухаметьша *бранилъ дурными словами дочь его Камиле, но при* этомъ на него показателя, какъ свидѣтеля не ссылался. Угрозъ словами: «постой, не больно ворчи—я тебя скоро кончу», онъ не дѣлалъ.—Кромѣ того башкирецъ *Фазуллина* показалъ, что на Хамидуллина было подозрѣніе въ отравленіи въ августѣ 1861 г. мужа дочери его Камиле, башкирца Мухаметьхафиза Абдулнасырова, потому-что 22-го августа 1861 г. Хамидуллинъ на *базарѣ* въ дер. Воецкой угощалъ зятя дыней, а пришедши въ дер. Султанаеву, купилъ у муллы меду, съ которымъ зять показателя вечеромъ пилъ чай; поутру на другой день зять его почувствовалъ головную боль и произошла съ нимъ рвота, а къ вечеру онъ умеръ и былъ похороненъ безъ предъявленія о томъ начальству.—Сынъ Фазулина *Гизетдулла* показалъ, что отравилъ ли Хамидуллинъ зятя ихъ Абдулнасырова, онъ не знаетъ.—Вдова башкирца Абдулнасырова *Камиле* объявила, что за день до смерти, мужъ ея видѣлся съ Хамидуллинымъ, съ которымъ уговарился идти вмѣстѣ на *базаръ* въ дер. Воецкую, куда мужъ ея и пошелъ; съ базара онъ пришелъ вмѣстѣ съ Хамидуллиномъ около полудня и она поставила самоваръ, а Хамидуллинъ купилъ меду, съ которымъ они и пили чай. На другой день мужъ ея, жалуясь на головную боль, послалъ ее, показательницу, въ поле жать хлѣбъ; предъ вечеромъ пришли къ ней въ поле два мальчика и сказали, что мужъ ея очень нездоровъ; по возвращеніи домой, узнавъ, что мужъ ея умеръ, она сдѣлалась безъ памяти.—Подсудимый Хамидуллинъ на это возразилъ, что онъ на базаръ въ деревню Воецкую съ Абдулнасыровымъ не ходилъ, дыни не покупалъ, въ нее мышьяку не клалъ и ею Абдулнасырова не угощалъ; меду у муллы не покупалъ и въ него яду не клалъ.

Вслѣдствіе показаній Фазуллина и дочери его Камиле произведено было дознаніе о причинѣ смерти Мухаметьхафиза Абдулнасырова (мужа Камиле). При этомъ, какъ въ актѣ становаго пристава объяснено, отецъ и мать умершаго показали, что сынъ ихъ Мухаметьхафизъ Абдулнасыровъ умеръ лѣтомъ—1861 года, на другой день по возвращеніи съ базара изъ деревни Воецкой; въ день возвращенія онъ пилъ чай съ медомъ, принесеннымъ слу-

чайно-зашедшимъ къ нимъ подсудимымъ Хамидуллиномъ; чай пили также они показатели, жена Мухаметьхафиза Камиле и подсудимый Хамидуллинъ, но ни съ кѣмъ изъ нихъ тошноты и рвоты не было; умеръ же сынъ ихъ отъ боли живота, которою онъ страдалъ пять лѣтъ, и которая наконецъ такъ усилилась, что сынъ ихъ не могъ работать; по возвращеніи съ базара съ нимъ сдѣлалось дурно, а на другой день онъ умеръ; при жизни онъ не говорилъ, что ѣлъ что нибудь съ Хамидуллиномъ на базарѣ и подозрѣнія на послѣдняго они не имѣютъ.—Жители дер. Султанаевой о болѣзни Мухаметьхафиза подтвердили, а о причинѣ смерти отозвались незнаніемъ, объяснивъ, что они полагаютъ, что смерть ему послѣдовала естественная.

Кромѣ того башкирецъ Фазуллинъ показалъ, что въ апрѣлѣ 1862 года подсудимый, подъѣхавъ къ дому его, показателя, спросилъ: нѣтъ ли у него какой покражи и онъ, показатель, осмотрѣвши, нашелъ, что пробой въ амбарѣ выдернутъ и оттуда украдено разнаго хлѣба до 10-ти пудовъ, о чемъ показатель тогда же предъявилъ селькому начальству, которымъ производился обыскъ въ разныхъ домахъ, въ томъ числѣ и у подсудимаго, но хлѣбъ не найденъ.—Послѣ этого дней чрезъ 15-ть захворала лошадь у сына показателя Шайхильяслана, по осмотру которой оказались на бокахъ ея мѣстами мокрыя пятна, изъ чего осматривавшіе жители заключили, что она отравлена мышьякомъ; лошадь эта на третьи сутки пала; въ отравленіи лошади онъ, показатель, подозрѣвалъ подсудимаго, но послѣдній въ этомъ не сознался.—Вдова Камиле показала, что въ воровствѣ изъ клѣти у нихъ хлѣба они подозрѣвали подсудимаго, равно и въ отравленіи лошади.—Жена умершаго Мухаметьши,—Аспабенуръ Загидулина объявила, что предъ пашнею 1862 г. подсудимый укралъ у отца ея, Фазуллина, изъ амбара 5 пудовъ пшеницы, сколько-то ржи и проса, и что кромѣ того на него было подозрѣніе въ отравленіи лошади.

Подсудимый Хамидуллинъ на эти обвиненія возразилъ, что онъ хлѣба у Фазуллина не воровалъ, лошади у сына его не отравлялъ, а слышалъ, что лошадь пала отъ сглаза.

Односельяне подсудимаго 11-ть человѣкъ показали, что въ кражѣ изъ амбара Фазуллина хлѣба подозрѣваемъ былъ подсудимый; кто же отравилъ лошадь, имъ неизвѣстно.—Въ поведеніи

они подсудимаго не одобрили.—Въ военномъ судѣ подсудимый башкирецъ Хамидуллинъ отобранныя отъ него при слѣдствіи показанія утвердилъ вполнѣ.

Изъ формулярнаго списка подсудимаго Камалитдина Хамидуллина оказалось, что ему 25-ти лѣтъ, поступилъ онъ на службу казакомъ съ 1-го января 1857 года изъ мещерякскихъ дѣтей, въ штрафахъ не былъ, холостъ.—

Коммисія военнаго суда, на основаніи свода воен. постановл. 5 части, II кн., ст. 340 и 349, полагала: подсудимаго Хамидуллина въ отравленіи башкирца Мухаметьхафиза Абдулнасырова и лошади, принадлежащей башкирцу Загидуллѣ Фазуллину, освободить отъ суда, а въ отравленіи башкирца Мухаметьши (Ямгурова), оставить въ сильномъ подозрѣніи и по важности преступленія, на основаніи Высочайшей воли, изъясненной въ приказѣ по отдѣльному оренбургскому корпусу 20-го мая 1859 года, сослать для водворенія въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири.

Этотъ приговоръ признали правильнымъ: командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса генералъ-адъютантъ Безакъ и военный генералъ-аудиторіатъ

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла исходною точкою всѣхъ разсужденій долженъ быть принятъ вопросъ: можно-ли при тѣхъ уликахъ, которыя возникаютъ противъ подсудимаго Хамидуллина, сомнѣваться въ его виновности?

Прежде всего должно замѣтить, что подсудимый чувствовалъ къ Мухаметьши, (выгнавшему его изъ своего дома въ то время, когда у него гостила *свояченица Камиле*) — *злобу и непріязнь.* Эти чувства не только существовали въ глубинѣ его души, но и высказаны были во внѣшности угрозами, именно по показанію жены Мухаметьши, Хамидуллинъ сказалъ послѣднему: «погоди, я тебѣ сдѣлаю»; а по объясненію Фазуллина между подсудимымъ и Мухаметьшею дошло однажды до драки, причемъ первый говорилъ: «постой, не больно ворчи—я тебя скоро кончу», что подтвердила и вдова *Камиле, предметъ любви подсудимаго.*

Если затѣмъ разсмотрѣть фактическую сторону дѣла, то ока-

жется, что подсудимый принесъ Мухаметьши меду *), поѣвъ котораго, послѣдній заболѣлъ, и вскорѣ затѣмъ умеръ. Это обстоятельство несомѣнно удостовѣряется показаніями: юртоваго старшины, 10 башкирцевъ, (изъ коихъ 9 показали подъ присягою), слышавшихъ это незадолго до его смерти отъ больнаго; 2) двухъ братьевъ и матери Мухаметьши; 3) жены послѣдняго, которая прибавила, что подсудимый, принеся медъ, ушелъ подъ предлогомъ купить чаю, но болѣе не возвращался.—При столь точныхъ показаніяхъ умершаго и свидѣтелей, голословное запирательство подсудимаго, котораго обстоятельства дѣла несомнѣнно уличаютъ въ ложныхъ показаніяхъ, не можетъ имѣть силы.

Что въ принесенномъ подсудимымъ медѣ заключался ядъ, отъ котораго именно послѣдовала смерть Мухаметьши, это доказывается: 1) заключеніемъ оренбургской врачебной управы и медицинскаго совѣта, что въ медѣ найдены крупинки мышьяку, и что осадки прослѣдняго оказались въ желудкѣ умершаго; 2) тѣмъ, что всѣ лица, попробовавшія хоть немного этого меда, какъ-то: жена и сынъ умершаго, Фазуллинъ и Гизетьулла,—чувствовали тошноту и боль въ головѣ и желудкѣ.

И такъ, какъ психологическая сторона дѣла, такъ и данныя фактическія и судебно-полицейскія удостовѣряютъ, что Мухаметьшу отравилъ Хамидуллинъ. Оправданіе подсудимаго могло-бы быть основано только на предположеніи, что Мухаметьша передъ смертью далъ ложное показаніе, будто Хамидуллинъ приносилъ ему медъ. Но, не говоря уже о томъ, что къ этому у него не было ни повода, ни цѣли, это является невозможнымъ, ибо: во 1-хъ, жена умершаго показала объ этомъ фактѣ совершенно тождественно съ мужемъ; во 2-хъ, въ дѣлѣ нѣтъ указанія на другое лицо, которое могло-бы принесть медъ; въ 3-хъ, жена и сынъ умершаго, на которыхъ могло бы пасть подозрѣніе въ его отравленіи—сами пробовали меду.

Если-же къ этому присовокупить: а) неодобренное поведеніе подсудимаго; б) запирательство его въ фактахъ, несомнѣнно удостовѣренныхъ слѣдствіемъ, (напр. что Мухаметьша когда-то выгналъ его изъ дому, и что онъ произносилъ противъ Мухаметьши угрозы), и в) возникающія противъ него обвиненія, (хотя

*) Изъ дѣла кромѣ того видно, что въ день отравленія Мухаметьши (24 мая) подсудимый пріѣзжалъ въ деревню Салихову.

и недоказанныя) въ томъ, что онъ отравилъ мужа Камиле и лошадь *), то можно, какъ кажется, съ полною достовѣрностью произнесть противъ Хамидуллина обвинительный приговоръ.

XXV. Убійство казачки Василисы Колпаковой.

(странствующій убійца).

Начальникъ иртецкаго форпоста, хорунжій Щаповъ, рапортами отъ 9 и 11 мая 1862 г. донесъ начальнику верхней дистанціи, Лещинову, что казакъ Иванъ Погадаевъ 8 числа нашелъ въ кустарникахъ въ одной верстѣ отъ переправы чрезъ рѣку Иртекъ, близъ рѣчки Бобровки, телегу съ изрѣзанною упряжью, небольшой холщевый мѣшокъ и варьгу, обшитую холстомъ, а въ одной верстѣ отъ телеги найдена мертвая казачка, Василиса Колпакова, лежавшая въ одеждѣ во рву въ водѣ глубиною $^3/_4$ арш. и шириною 2 сажени.—По наружному осмотру оказалось: «лицо у Колпаковой распухшее, правый глазъ синеватый, горло перерѣзано, и разрѣзанъ животъ, изъ котораго выпали кишки.» По медицинскому освидѣтельствованію тѣла убитой казачки Колпаковой оказалось: «на спинѣ, поясницѣ и ягодицахъ посмертныя пятна, лицо синеватое, въ окружности праваго глаза очень значительная синева съ опухолью какъ будто отъ ушиба; изъ носа и рта истекала кровянистаго цвѣта жидкость, на шеѣ поперечная рана длиною въ шесть дюймовъ и шириною въ полдюйма, съ ровными краями, глубиною въ началѣ полтора дюйма. На животѣ отъ окончанія грудной кости полукруглая рапа величиною въ шесть дюймовъ и шириною въ четыре дюйма, проникавшая въ брюшную полость; изъ этой раны выступили внутренности. Иныхъ признаковъ по осмотру не замѣчено.»

Затѣмъ начальникъ верхней дистанціи, Мизиновъ, 11 мая донесъ наказному атаману: «что онъ узналъ изъ распросовъ казака бородинскаго форпоста Авдѣя Емуранова и казачки Пелагеи Проклятовой, что казачка Колпакова уговорилась по найму 26 апрѣля подвести въ телегѣ казака Попова отъ дьяковыхъ хуторовъ и отправилась съ нимъ до кирсановскаго форпоста; по

*) Слѣдователи сдѣлали важное упущеніе, не обыскавъ жилище Хамидуллина, такъ-какъ нахожденіе у послѣдняго мышьяка послужило-бы противъ него рѣшительнымъ доказательствомъ.

пріѣздѣ въ январцевскій форпостъ, Поповъ прибавилъ къ условной платѣ Колпаковой 1 р. 50 к., съ тѣмъ, чтобы она довезла его до переправы чрезъ р. Иртекъ, но назадъ она не возвращалась, и при предъявленіи найденной въ телегѣ варьги казачкѣ Проклятовой, она признала ее за ту самую, которую дала казачкѣ Колпаковой при отъѣздѣ. Затѣмъ онъ, Мизиновъ, отправился въ бородинскій форпостъ, гдѣ проживалъ подсудимый Поповъ, и, узнавъ, что Поповъ возвратился на буланой лошади, принадлежащей убитой казачкѣ Колпаковой, арестовалъ Попова».—Изложенныя обстоятельства подтвердили на допросахъ казаки: Иванъ Погадаевъ, Авдѣй Емурановъ и казачка Пелагея Проклятова, послѣдняя, добавивъ, что телега и лошадь принадлежатъ казачкѣ Колпаковой, а варьга—ей, Проклятовой.—Жена подсудимаго казака Попова, *Федосья Петрова*, на допросѣ при слѣдствіи показала, что мужъ ея 16 апрѣля ѣздилъ въ г. Уральскъ верхомъ на собственной лошади гнѣдой масти для сбора съ казаковъ денегъ, слѣдующихъ ему въ подмогу за службу въ городовомъ полку и возвратился домой вечеромъ 27 апрѣля на другой лошади буланой масти, купленной имъ, по отзыву его, дорогою вмѣсто своей, проданной въ Уральскѣ какому-то казаку.—Согласно этому объяснила мать Попова, казачка Варвара Алексѣева, и дѣти его, сынъ Михаилъ 13-ти и дочь Устинья 10-ти лѣтъ. Но *подсудимый* казакъ, Михаилъ Поповъ, не сознаваясь въ убійствѣ казачки Колпаковой, подъ священническимъ увѣщаніемъ показалъ, что 16 апрѣля, отправясь верхомъ изъ дома своего въ г. Уральскъ для сбора денегъ и не собравъ ихъ, онъ продалъ свою лошадь неизвѣстному по фамиліи казаку за 38 руб. сер. Пробывъ въ Уральскѣ около восьми дней, нанялъ женщину, по фамиліи Хрулеву, пріѣзжавшую изъ дьяковыхъ хуторовъ, за 2 р. ассигн. довести его до этихъ хуторовъ; но когда она далѣе не согласилась его везти, то онъ, Поповъ, 26-го апрѣля нанялъ Колпакову за 4 руб. ассигн. довезти его до кирсановскаго форпоста и въ тотъ же день вечеромъ они пріѣхали въ январцевскій форпостъ къ казачкѣ Проклятовой, у которой переночевавъ, онъ, Поповъ, снова нанялъ ту же женщину довезти его до иртецкаго парома за 1 руб. 50 коп. серебр. Не доѣхавъ до парома не болѣе десяти саженъ, онъ, Поповъ, отъ этой казачки пошелъ къ переправѣ, взявъ съ собою сѣдло и другія свои вещи,

а казачка возвратилась назадъ; онъ же, переправясь черезъ парóмъ, пришелъ домой предъ закатомъ солнца. Оказавшуюся у него лошадь, признанную за ту, на которой везла его женщина изъ дьяковыхъ хуторовъ, онъ, Поповъ, купилъ у калмыковъ Чебакова и Оваксина за 115 руб. ассигн., въ полѣ безъ свидѣтелей и о покупкѣ этой никому не объявлялъ. Къ этому Поповъ присовокупилъ, что по пріѣздѣ домой изъ г. Уральска, 27 апрѣля, онъ имѣлъ при себѣ денегъ 21 руб. 50 коп, которые и отдалъ женѣ своей.—На дополнительномъ допросѣ *жена* подсудимаго Попова, подтверждая прежнее свое показаніе, дополнила, что на мужѣ ея, по пріѣздѣ его изъ Уральска, вся одежда была мокрая и на спросъ ея объ этомъ, онъ отвѣтилъ, что на переправѣ чрезъ рѣку Иртекъ упалъ съ парóма въ воду. При отъѣздѣ въ Уральскъ мужъ ея взялъ съ собой складной ножикъ *), тотъ самый, который былъ ей предъявленъ, и хотя 29 апрѣля она, Попова, съ мужемъ своимъ ѣздила въ пименовскій пикетъ, откуда возвратились домой въ тотъ же день передъ вечерней, но лошади мужъ ея не показывалъ.—Затѣмъ подсудимый *Поповъ* послѣ вторичнаго священническаго увѣщанія и на просьбы родственниковъ, *сознавался въ убійствѣ* казачки Колпаковой, просилъ вновь призвать священника и нѣкоторыхъ жителей для бытности при его допросѣ; затѣмъ онъ объяснилъ, что преступленіе это задумано имъ еще съ самаго выѣзда изъ г. Уральска, и онъ рѣшился убить женщину, которая его везла; но это ему долго не удавалось потому, что съ ними ѣхали въ то время двѣ другія женщины **). Когда послѣднія удалились, то показатель и Колпакова остановились кормить лошадь близъ рѣчки Быковки 26 апрѣля, но тутъ кто-то рубилъ лѣсъ, и потому опять нельзя было совершить преступленіе. Послѣ того на ночлегѣ въ январцевскомъ форпостѣ у казачки Проклятовой, мысль о убійствѣ его не оставляла и онъ тутъ же напялъ Колпакову везти его до иртецкаго парóма, съ намѣреніемъ лишить ее жизни. Затѣмъ,

*) Упомянутый выше ножикъ впослѣдствіи времени подсудимымъ Поповымъ и женою его былъ признанъ за тотъ самый, которымъ было совершено убійство, но по дѣлу не видно, какъ этотъ ножъ попалъ въ руки слѣдователей и не взятъ-ли онъ съ прочими вещами на мѣстѣ убійства.

**) Дѣло это слѣдовательно представляетъ много однороднаго съ процессомъ, *изложеннымъ* Фейербахомъ: *странствующіе* убійцы или убійство Доротеи Бланкенфельдъ (см. нашъ сборникъ уг. проц., стр. 387).

отправясь изъ январцевскаго форпоста, они, не доѣзжая до рѣки Бобровки, остановились кормить лошадь. Накормивъ лошадь, они поѣхали къ Бобровкѣ и своротили съ дороги въ сторону. Тогда онъ, Поповъ, столкнулъ съ телеги Колпакову, которая, упавъ, ударилась объ колесо, отчего и сдѣлалась на глазу ея опухоль; потомъ онъ перерѣзалъ ей горло и стащилъ въ воду. Отъѣхавъ съ этого мѣста далѣе въ сторону, онъ выпрягъ лошадь и снявъ упряжь, изрѣзалъ ее, а самъ отправился на лошади убитой домой. По пріѣздѣ домой, онъ никому о убійствѣ не говорилъ и на мѣстѣ преступленія его никто не видалъ. Платье у него дѣйствительно было мокрое и замочилось въ то время, когда онъ тащилъ Колпакову въ воду. Показанный ему ножъ есть тотъ самый, которымъ онъ зарѣзалъ Колпакову. Деньги, полученныя за лошадь, онъ привезъ съ собою, кромѣ истраченныхъ на содержаніе себя въ г. Уральскѣ и дорогою, но этихъ денегъ женѣ не отдавалъ. До совершенія означеннаго убійства на него, Попова, находило какое-то озлобленіе и желаніе убить кого-нибудь и онъ по возможности отъ этого удерживался, но въ этомъ случаѣ онъ не могъ воздержаться и совершилъ преступленіе. Это показаніе подсудимый, Поповъ, подтвердилъ въ присутствіи уральской войсковой канцеляріи и въ коммисіи суда, — Изъ формулярнаго списка подсудимаго оказалось, что ему отъ роду 42 года, въ службу онъ вступилъ 1-го сентября 1847 г., имѣетъ бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 г., въ штрафахъ не былъ.

Канцелярія же наказнаго атамана о поведеніи подсудимаго казака Попова отозвалась, что онъ оштрафованію безъ суда также не подвергался *).

Военный судъ нашелъ подсудимаго Попова виновнымъ по собственному сознанію, сходному съ обстоятельствами дѣла, въ убійствѣ казачки Василисы Колпаковой дорогой, когда ѣхалъ съ ней въ свое жительство, съ составленнымъ заранѣе намѣреніемъ, насиліемъ, истязаніями и ограбленіемъ принадлежащей ей лошади, при слѣдствіи отъ него отобранной и возвращенной родственнику Колпаковой, казаку Авдѣю Емурапову. А потому, руководствуясь военно-угол. устав. (издан. 1859 г.) ст. 52, 64, 385

*) Какъ оказалось по медицинскому свидѣтельству подсудимый Поповъ къ крѣпостной и каторжной работамъ способенъ и по здоровому тѣлосложенію всякаго рода наказаніе вынести можетъ.

и 531, кн. 1 и кн. 2 ст. 350, 351 и 352 издан. 1859 г., улож. о наказаніяхъ уголовн. и испр., ст. 2001 и 2002 изд. 1857 г. и Всемилостивѣйше дарованнымъ милосердіемъ, сообщеннымъ въ предписаніи по командѣ отъ 30 сентября 1856 г., судъ опредѣлилъ: лишивъ Попова всѣхъ правъ состоянія и бронзовой медали въ память войны 1853—1856 г., наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ восемь разъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на восемнадцать лѣтъ.—Командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса генералъ-адъютантъ Безакъ и военный генералъ-аудиторіатъ согласились съ этимъ приговоромъ, который удостоился затѣмъ 13 января 1861 г. и Высочайшаго утвержденія.

Юридическая сторона этого дѣла представляется весьма немногосложною, такъ-какъ подсудимый, кромѣ собственнаго сознанія въ убійствѣ, уличается въ немъ тѣмъ: 1) что онъ ѣхалъ съ казачкой Колпаковой, 2) что лошадь сей послѣдней оказалась у него, чего-бы не могло случиться, если бы онъ не былъ убійца Колпаковой, потому-что, зная кому принадлежитъ эта лошадь, онъ не могъ пріобрѣсть ее отъ другаго лица.

Собственное сознаніе подсудимаго соотвѣтствуетъ вполнѣ обстоятельствамъ дѣла, за исключеніемъ лишь одного факта: по его словамъ, онъ перерѣзалъ Колпаковой только горло, тогда-какъ на трупѣ послѣдней оказалась рана, идущая полукругомъ отъ груди черезъ животъ, съ выпаденіемъ внаружу даже внутренностей. Этого обстоятельства *не* привели въ извѣстность слѣдователи, тогда-какъ нѣтъ сомнѣнія, что подсудимый, объявившій, что убилъ Колпакову съ предумышленіемъ, учинилъ-бы сознаніе и въ отношеніи сего. Сверхъ того Поповъ объясняетъ: «что до совершенія убійства на него находило какое-то озлобленіе и желаніе убить кого-нибудь, и онъ по возможности отъ этого удерживался; въ этомъ же случаѣ совершилъ преступленіе». Но возможность предположенія въ преступникѣ мономаніи убійства опровергается самою цѣлью, съ которою совершено было имъ преступленіе—именно Поповъ имѣлъ въ виду завладѣть лошадью и вещами убитой, тогда-какъ мономанія, даже тѣми кримина-

листами, которыми признается въ принципѣ, допускается въ данномъ случаѣ лишь тогда, если преступленіе является безцѣльнымъ и ничѣмъ не-мотивированнымъ и нельзя объяснить его здоровыми побужденіями преступника.

Наконецъ мы должны указать на то ослѣпленіе и ту нелогичность дѣйствій, которыми отличаются преступники, совершившіе тяжкое злодѣяніе, въ отношеніи сокрытія слѣдовъ преступленія.—Поповъ убилъ Колпакову въ степи, въ уединенномъ мѣстѣ, у большой рѣки (Иртека). Отъ него зависѣло истребить повозку и упряжь, привязать Колпаковой камень на шею и бросить ее въ глубокую рѣку, лошадь же постараться продать въ отдаленномъ мѣстѣ. Вмѣсто этого—онъ оставляетъ телегу съ изрѣзанною упряжью, холщевой мѣшокъ и выюгу въ кустарникахъ, въ одной верстѣ отъ переправы чрезъ рѣку (то есть въ мѣстѣ, часто посѣщаемомъ); тѣло же Колпаковой бросаетъ въ ровъ, въ которомъ воды было не болѣе какъ на $^3/_4$ аршина, а лошадь Колпаковой приводитъ къ себѣ въ домъ. Нѣтъ сомнѣнія, что какое-то предопредѣленіе соединяетъ убійцу съ жертвою преступленія и способствуетъ открытію злодѣяній.

XXVI. Убійство Прасковьи Григорьевой крестьяниномъ Рябининымъ.

(УБІЙЦА ПО ЛЮБВИ *).

Настоящее дѣло заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по тѣмъ побудительнымъ причинамъ, (чувства отвергнутой любви и ревности), которыя сдѣлали изъ Рябинина, человѣка тихаго и скромнаго—убійцу страстно-любимой имъ женщины, такъ и по особой драматичности обстоятельствъ, предшествовавшихъ убійству и его сопровождавшихъ, сообщающихъ этому процессу интересъ романа, не лишая его въ тоже время юридическаго и психологическаго значенія. Если-бы это дѣло было разрѣшено при участіи присяжныхъ, то Рябининъ, можетъ быть, вовсе избѣгнулъ-бы наказанія. —

21-го іюня 1864 года, волѣдствіе объявленія колониста шли-

*) См. въ нашемъ «сборникѣ замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ» «убійцы по любви». (стр. 93—112).

сельбургскаго уѣзда, колоніи Овцыно, Федора Шефа, о нанесеніи раны въ грудь ножемъ Прасковьѣ Григорьевой, (горничной квартировавшаго у него надворнаго совѣтника Безе), временнообязаннымъ крестьяниномъ Рябининымъ,—приставъ 2-го стана шлисельбургскаго уѣзда, прибывъ въ домъ Шефа, нашелъ Григорьеву положенною на кровать вверхъ лицемъ, еще живою. Рана была нанесена ножемъ въ лѣвую грудь; на полу было много вытекшей крови; тутъ же найденъ ножъ, шириною въ вершокъ, въ крови; платье на Григорьевой было все въ крови; больная, чрезъ часъ послѣ нанесенія ей раны, умерла.—Изъ дознанія, произведеннаго приставомъ, открылось, что крестьянинъ с.-петербургской губерніи, гдовскаго уѣзда, мошковской волости, Никита Рябининъ пріѣхалъ на дачу, занимаемую Безе, въ тотъ день въ три часа по полудни, и, по указанію сына Безе, пошелъ въ людскую, гдѣ находились Григорьева и другая служанка; Прасковья Лукина; Рябининъ отдалъ Григорьевой привезенные ей гостинцы; потомъ они втроемъ пили кофе; затѣмъ Лукина уходила въ садъ, и когда вернулась, то нашла Григорьеву въ пожемъ въ груди, который Григорьева при ней вытащила изъ раны и бросила на полъ, прося о помощи, а Рябининъ объявилъ, что это его вина.—Изъ медицинскаго осмотра раненой приглашеннымъ для подачи помощи докторомъ оказалось, что рана колотая, длиною около дюйма съ четвертью, нанесена между третьимъ и пятымъ ребрами на лѣвой груди; направленіе раны косвенное, глубиною приблизительно на полтора дюйма подъ 5-е ребро. Больная, по прибытіи доктора, уже была въ агоніи и умерла минутъ чрезъ 10. Ножъ, вѣроятно, дошелъ до сердца и большихъ сосудовъ, произведя кровотеченіе.

При производствѣ *формальнаго слѣдствія*, подсудимый Никита *Рябинин* показалъ, что онъ до 1852 года жилъ въ въ деревнѣ, а съ этого времени — въ Петербургѣ; четвертый годъ тому назадъ онъ былъ вызванъ родителями въ деревню, гдѣ былъ ими *насильно* женатъ на безпорядочной женщинѣ, которая по выходѣ замужъ продолжала жить распутно; проживъ съ нею мѣсяцъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ и послѣдніе три года служилъ лакеемъ у г. Моховикова въ домѣ Жданова, по Фонтанкѣ; тамъ, года полтора тому назадъ, онъ познакомился съ Прасковьею Григорьевою, жившею третій годъ въ услуженіи

у г. Безе, на одномъ дворѣ съ нимъ; они полюбили другъ друга, а съ января 1864 года онъ вошелъ съ нею въ любовную связь; любовь свою они старались скрывать отъ людей, и въ особенности она отъ своей матери и своихъ господъ; онъ имѣлъ намѣреніе хлопотать съ осени о разводѣ и жениться на Прасковьѣ Григорьевой. За нѣсколько недѣль до совершенія имъ преступленія, произошла между ними ссора вслѣдствіе того, что одна женщина старалась разстроить ихъ отношенія; тогда онъ купилъ ножъ тотъ самый, которымъ послѣ совершилъ преступленіе, и угрожалъ имъ Григорьевой, но она въ тотъ разъ вырвала ножъ изъ его рукъ, они оба кинулись другъ другу въ объятья и помирились; послѣ того, она положила ножъ къ себѣ въ сундукъ, надъ нимъ, Рябининымъ, смѣялась, наконецъ отдала ему оный назадъ. 28-го мая, по случаю переѣзда на дачу господъ Григорьевой, она при вещахъ была отправлена впередъ, и показатель провожалъ ее 12 верстъ. Въ это время они условились, что онъ пріѣдетъ къ ней въ воскресенье послѣ троицы (воскресный день приходился на 14 іюня 1864 года); но такъ какъ этого ему не удалось, то онъ послалъ ей письмо; отвѣта отъ нея онъ не получилъ.—18-го іюня онъ услышалъ отъ одной женщины, что пріѣхавшій въ тотъ день въ городъ сынъ Безе говорилъ ей, что Григорьевой хотятъ отказать отъ мѣста за то, что она завела какія-то знакомства. Это стало сильно тревожить его, и онъ въ слѣдующее воскресенье отправился на пароходѣ на дачу Безе; на пристани онъ ожидалъ увидѣть Прасковью, но она не встрѣтила его; придя на дачу Безе, онъ засталъ Парасковью спящею въ людской, и наклонился поцѣловать ее, но она отъ него отвернулась и, встав̀ъ съ постели, спросила, зачѣмъ онъ пріѣхалъ; потомъ стала ему говорить, что господа ея и мать узнали объ ея сношеніяхъ съ нимъ, что барыня, по пріѣздѣ на дачу, бранила ее за то, что она связалась съ женатымъ человѣкомъ, что ее стали притѣснять, и что она больше терпѣть этого не хочетъ и его больше любить не будетъ. Тогда онъ подумалъ, что вѣрно правда, что она завела какія нибудь новыя знакомства; всѣмъ этимъ онъ былъ такъ разстроенъ, что не помнитъ, что съ нимъ дѣлалось; наконецъ, онъ предложилъ ей привезенные гостинцы — кофе и сахаръ, но она не взяла, и онъ съ досады бросилъ ихъ на полъ; послѣ того былъ

сваренъ кофе и они пили вмѣстѣ. Въ это время онъ всячески старался уговорить ее продолжать ихъ любовь, цѣловалъ у ней руки и ноги, плакалъ, умолялъ ее на колѣняхъ, напоминалъ ей условіе ихъ—*не разлучаться никогда*,—клялся ей, что ихъ никто не разлучитъ и что онъ ей никогда не измѣнитъ; но она не соглашалась и онъ сталъ ей угрожать, что ее зарѣжетъ. На это она ему отвѣчала: «дѣлай со мною, что хочешь, но между *нами все кончено, пожалуй умремъ вмѣстѣ; онъ отвѣтилъ ей*, что убьетъ ее одну; кухарка Прасковья Лукина, которая все время была вмѣстѣ съ ними, сказала Прасковьѣ: «не бойся, ничего не будетъ, просто плюнетъ, да и уйдетъ», и предложила ему ножъ. Это его раздражило еще больше; онъ сказалъ кухаркѣ, что у него есть свой, и когда она вышла изъ людской, то онъ вынулъ изъ кармана визитки ножъ и сталъ просить у Григорьевой послѣдняго отвѣта; она стала вырывать отъ него ножъ и хотѣла закричать, но онъ сказалъ ей: «какъ ты вскрикнешь, такъ я вонжу». Наконецъ она сказала: «дѣлай со мною, что хочешь: рѣжъ меня, а потомъ самъ рѣжься»; затѣмъ вскрикнула, и онъ вонзилъ ей въ грудь ножъ. Выйдя въ кухню, въ которой никого не было, онъ сталъ кричать: «вяжите меня, я Пашу зарѣзалъ»; когда пришли господа, онъ сознался во всемъ. Убивъ Прасковью, онъ былъ совершенно спокоенъ, и готовъ на всякое наказаніе; ему было-бы непріятно, если бы ему сдѣлали какое либо облегченіе; онъ желаетъ своими мученіями искупить вину, что бы соединиться съ Пашею на томъ свѣтѣ. Взявъ съ собою ножъ, при отправленіи на дачу г. Безе, онъ не имѣлъ намѣренія *убить имъ Пашу, а думалъ только пострашать ее, какъ* дѣлалъ и прежде.—2) Кухарка *Лукина* показала о томъ, что происходило со времени прихода Рябинина до того времени, какъ она вышла въ садъ, совершенно согласно съ Рябининымъ. О самомъ же убійствѣ изложила слѣдующее: возвращаясь чрезъ четверть часа изъ сада, она вдругъ услышала крикъ Григорьевой и, войдя въ кухню, увидѣла, на порогѣ въ ихъ комнату, Прасковью съ ножемъ въ лѣвой груди; Прасковья взялась за ножъ, ножъ выпалъ; кровь хлынула фонтаномъ и она упала на полъ, крича: «спасите меня»; но, упавъ, она потеряла чувства; ее положили на кровать лицемъ вверхъ, обложили льдомъ и стали тереть спиртомъ,—тогда она открыла глаза и попросила пить; глот-

нувъ нѣсколько разъ, она застонала, говоря: «охъ тошно мнѣ, смерть моя, дайте умереть мнѣ»; наконецъ тяжело и продолжительно вздохнула, послѣ стала дышать тише и тише, и умерла. Рябининъ стоялъ надъ Григорьевою неподвижно, и когда вошелъ г. Безе, то Рябининъ объявилъ ему, что убійство совершилъ онъ, и что онъ предоставляетъ дѣлать съ собою, «что угодно». Объ отношеніяхъ Рябинина къ Григорьевой до совершенія имъ преступленія, Лукина показала слѣдующее: Рябининъ ходилъ къ Григорьевой еще въ городѣ и назывался ея братомъ. Послѣ праздника троицы, Григорьева получила въ четвергъ отъ него письмо, которое ей было прочитано другими, такъ-какъ сама она была неграмотная; прослушавъ письмо, она Лукина, сказала Григорьевой, что Рябининъ ей не братъ; тогда Григорьева разсказала ей, что Рябининъ ухаживаетъ за нею уже одинадцать мѣсяцевъ, но что онъ человѣкъ женатый; была ли она съ нимъ въ связи, она не говорила. Когда Рябининъ въ день совершенія имъ убійства просилъ Григорьеву, чтобы она любила его какъ прежде, то она Лукина, отклоняла отъ того Григорьеву, говорила Рябинину, что насильно заставить любить нельзя, и, когда онъ сталъ угрожать Григорьевой, что зарѣжетъ ее, то она въ шутку предлагала ему столовый ножъ, но не не думала, чтобы онъ могъ исполнить свою угрозу; когда она ушла въ садъ, то ссоры между ними не было.—3) Надворный совѣтникъ *Густавъ Безе* показалъ, что убійство было совершено въ 9-мъ часу вечера; онъ пришелъ въ кухню на крикъ кухарки Лукиной, что Григорьеву зарѣзали. На спросъ его, кто совершилъ убійство, къ нему *вѣжливо подошелъ прилично одѣтый молодой* человѣкъ и объявилъ, что онъ, что его зовутъ Никитою Рябининымъ, и что къ убійству побудила его любовь къ Григорьевой и внезапная холодность ея къ нему. Въ продолженіи этого объясненія Рябининъ стоялъ спокойно, безъ всякихъ признаковъ раздражительности, смотрѣлъ прямо въ глаза и не дѣлалъ ни одного движенія, наводящаго на него подозрѣніе въ какомъ-либо зломъ умыслѣ, лицо его было блѣдно. Онъ объявилъ показателю, что онъ не сдѣлаетъ никакой попытки удалиться, не наложитъ рукъ ни на себя, ни на другихъ, что при немъ нѣтъ никакого оружія кромѣ перочиннаго ножика, который самъ выдалъ ему. Когда онъ, Безе, приказалъ связать его до прыбытія становаго

пристава, Рябининъ не оказалъ никакого сопротивленія.—4) Проживавшая въ домѣ Безе, теща его, *Зельма Постельсъ* показала, что Рябининъ болѣе двухъ лѣтъ ходилъ къ Григорьевой. Послѣдняя, на спросъ ея, называла его своимъ женихомъ; передъ отъѣздомъ на дачу, она, Постельсъ слышала отъ прачки своей Авдотьи, что Рябининъ вовсе не женихъ Григорьевой, потому что женатъ, а находится съ нею въ любовныхъ сношеніяхъ, почему она, Постельсъ, сдѣлала Григорьевой выговоръ и обѣщала сказать о томъ матери; Григорьева отвѣчала ей, что это не ея Постельсъ дѣло, и что если она скажетъ объ этомъ ея матери, то она сдѣлаетъ что-нибудь еще хуже; тогда, по совѣту Безе, она, Постельсъ, отказала Григорьевой отъ мѣста, объявивъ ей, что будетъ держать ее до 1-го іюля. — 5) Сынъ Безе, воспитанникъ 7-го класса V-й гимназіи *Николай Безе* показалъ, что дѣйтвительно 18 іюня онъ ѣздилъ въ Петербургъ по порученію своихъ домашнихъ къ матери Григорьевой, чтобы сказать ей, что дочери ея отказали отъ мѣста за то, что она избаловалась, именно вошла въ связь съ Рябининымъ; о томъ же онъ разсказалъ и прачкѣ ихъ Авдотьѣ.—Затѣмъ во время слѣдствія пріобщены были къ дѣлу письма, писанныя посудимымъ къ Григорьевой: въ письмѣ отъ 30 марта 1864 года—Рябининъ жалуется на ея холодность къ нему и, между прочимъ, говоритъ: «для кого ты бережешь то, что уже разрушено»; въ письмѣ отъ 6 іюня 1864 года,—называя Григорьеву сестрою, онъ говоритъ ей о слышанной имъ ея невѣрности къ нему, и напоминаетъ нѣкоторые изъ тѣхъ случаевъ, когда они были вмѣстѣ; а въ письмѣ отъ 6 мая 1864 года къ своему дядѣ, крестьянину Павлу Игнатьеву, Рябининъ жалуется на упрямство своей жены, пріѣхавшей, какъ видно, изъ деревни въ Петербургъ, и изъявляетъ согласіе помириться съ нею только тогда, когда она исправится.

Спрошенные затѣмъ, по указанію Рябинина, нижеслѣдующія лица, знавшія объ отношеніяхъ его къ Григорьевой, подъ присягою показали: солдатка *Авдотья Рахманова* и временно-обязаные крестьяне Никита *Серѣевъ* и Михаилъ *Лаврентьевъ*,—что они Рабинина знаютъ, и что онъ говорилъ каждому изъ нихъ, что любитъ Григорьеву, но были ли они въ связи, не знаютъ; къ сему Серѣевъ присовокупилъ, что онъ

замѣчалъ, что Григорьева ходила къ Рябинину на квартиру. Прачка Безе *Авдотья Крупцова* подъ присягою показала, что объ отношеніяхъ Григорьевой съ Рябининымъ ей ничего неизвѣстно.—Подсудимый Рябининъ, какъ видно изъ выписки изъ метрической книги,—родился 27 марта 1837 г.—На повальномъ обыскѣ крестьяне дер. Мошкова и также всѣ, знавшіе Рябинина въ Петербургѣ, показали, что онъ поведенія хорошаго и характера кроткаго.—Коллежскій ассессоръ *Павелъ Моховиковъ* показалъ судебному слѣдователю, что Рябининъ находится у него въ услуженіи около трехъ лѣтъ, и въ теченіи всего этого времени велъ себя безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ. Рябининъ не дальняго ума, характера мягкаго, тихаго, но въ тоже время сосредоточеннаго, онъ честенъ, добръ, очень самолюбивъ, и чрезвычайно впечатлителенъ. По своему нравственному развитію и по глубинѣ и силѣ чувствъ, доходившихъ до экзальтаціи и идеализма, онъ стоялъ гораздо выше среды, къ которой принадлежалъ по происхожденію. А среда эта давала сильно себя чувствовать: отецъ эксплоатировалъ его, безпревывно требуя денегъ для своихъ домашнихъ потребностей и издержекъ на содержаніе жены Рябинина; между-тѣмъ, жена эта, навязанная ему отцовскою волею чуть не въ дѣтскомъ возрастѣ, вела въ деревнѣ распутную жизнь. Сколько ему, Моховикову, извѣстно изъ разсказовъ самаго Рябинина, онъ старался сблизиться съ нею подъ условіемъ перемѣны образа жизни, но попытка не удалась, и это повлекло за собою совершенное охлажденіе и даже враждебное чувство съ его стороны. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ кто-то намекнулъ ему о возможности развода; онъ ухватился за эту мысль съ лихорадочнымъ жаромъ и много усилій стоило показателю, убѣдить Рябинина въ неосуществимости такого предположенія. Вина—Рябининъ никогда не пилъ. Вообще, показатель не слышалъ о подсудимомъ въ теченіи трехъ лѣтъ ничего, кромѣ самыхъ похвальныхъ отзывовъ. Въ свободное отъ своихъ обязанностей время Рябининъ читалъ газеты и книги, преимущественно романы 30-хъ годовъ, а въ послѣднее время стихотворенія Кольцова и Некрасова. Чтеніе это развивало въ немъ чувства и воображеніе безъ соотвѣтственнаго развитія ума. Въ послѣдніе три мѣсяца показатель не могъ не замѣтить въ Рябининѣ нѣкоторой перемѣны: въ немъ стала обнаруживаться за-

думчивость и какая-то растерянность; по временамъ онъ былъ какъ человѣкъ, внезапно пробужденный отъ глубокаго сна, или занятый какою-нибудь постоянною, неотступною мыслею. Въ прежнее время онъ спалъ очень чутко и необыновенно мало (часовъ 5 — 6 въ сутки); теперь же приходилось, возвращаясь ночью, долго звонить, пока онъ проснется, не смотря на то, что звонокъ былъ, по прежнему, въ двухъ шагахъ отъ его кравати. По временамъ обнаруживалась въ немъ небывалая раздражительность; онъ нетерпѣливо выслушивалъ и видимо оскорблялся самими легкими замѣчаніями. Въ воскресенье, 21 іюня, утромъ Рябининъ спрашивалъ позволенія отправиться къ знакомымъ на дачу; но такъ-какъ показатель долженъ былъ остаться дома, то сказалъ Рябинину, что онъ можетъ отложить свою поѣздку до будущаго воскресенья. Рябининъ, какъ замѣтно было, не ожидалъ такого отвѣта и, поблѣднѣвъ, сказалъ: «какъ же это, я написалъ, что буду; меня ждутъ; мнѣ необходимо, непремѣнно нужно ѣхать.» Онъ, Моховиковъ, посовѣтовалъ ему найдти кого-нибудь вмѣсто себя для услугъ. Онъ, видимо, обрадовался этой мысли; унелъ въ сосѣднюю квартиру и до крайности взволнованный просилъ сосѣдняго лакея замѣнить его на тотъ день, обѣщая вернуться къ 10-ти часамъ вечера. Получивъ согласіе того лакея, Рябининъ немедленно ушелъ и съ той минуты онъ, Моховиковъ, не видалъ его больше. По совершеніи Рябининымъ преступленія, онъ, Моховиковъ, узналъ о любви Рябинина къ Григорьевой, и считаетъ себя въ правѣ высказать свое искреннее и полное убѣжденіе, что побудительною причиною совершеннаго Рябининымъ преступленія была не злая и испорченная, воля преступника, а страстная, изступленная любовь, доведшая его,—при сильной впечатлительности и экзальтаціи, слабости воли и неразвитости ума, и при соединеніи многихъ противодѣйствовавшихъ обстоятельствъ, наконецъ, быть можетъ, при продолжительномъ воздержаніи отъ половаго сокупленія,—до состоянія однопредметнаго, временнаго помѣшательства.

Разсмотрѣвъ это дѣло, нилиссельбургскій уѣздный судъ опредѣлилъ: Рябинина (27 лѣтъ) за нанесеніе смертельной раны Прасковьѣ Григорьевой, на основаніи 2004 статьи улож., сослать, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ каторжныя работы на

заводахъ срокомъ на пять лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

С.-Петербургская уголовная палата, признала крестьянина Никиту Рябинина виновнымъ въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи крестьянской дѣвушки Григорьевой; но принимая во вниманіе: что другихъ причинъ къ убійству, кромѣ страстной любви его къ Григорьевой и ревности при мысли объ измѣнѣ, не открыто, и что по совершеніи этого преступленія Рябининъ не только не обнаружилъ намѣренія скрыться, но, оставаясь на мѣстѣ убійства, тутъ же объявилъ, что оно учинено имъ, а при слѣдствіи откровенно объяснивъ всѣ подробности обстоятельствъ своей жизни, доведшихъ его до преступленія, просилъ *не* смягчать ему наказанія, желая, какъ онъ говорилъ, искупить этимъ свою вину—палата сочла себя обязанною назначить Рябинину другое наказаніе вмѣсто слѣдующаго по 2004 ст. улож., а посему опредѣлила: Рябинина, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать по 2 степ. 22 ст. улож. въ неотдаленныя мѣста Сибири, и это рѣшеніе вмѣстѣ съ дѣломъ представить, на основаніи 167 ст. улож., въ сенатъ.

Сообразивъ сіи обстоятельства, правительствующій сенатъ (по 1 отд. 5-го д-та) нашелъ, что подсудимый временно-обязанный крестьянинъ Никита Рябининъ по собственному сознанію, вполнѣ согласному съ обстоятельствами дѣла, оказывается виновнымъ въ убійствѣ крестьянской дѣвушки Прасковьи Григорьевой. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію мѣры слѣдующаго подсудимому за это преступленіе по закону наказанія и имѣя въ виду, что, отправляясь къ Григорьевой, Рябининъ хотя и взялъ съ собою ножъ, но это обстоятельство не дастъ еще повода предполагать, что это имъ было сдѣлано именно съ намѣреніемъ совершить убійство, тѣмъ болѣе что отправляясь къ Григорьевой, онъ, какъ видно изъ дѣла, не зналъ объ охлажденіи ея къ нему, а ѣхалъ лишь съ цѣлію навѣстить ее,—правительствующій сенатъ призналъ, согласно съ рѣшеніемъ уголовной палаты, что убійство Григорьевой совершено имъ не предумышленно, а въ запальчивости и раздраженіи, и за это преступленіе онъ подлежитъ на основаніи 2004 ст. 1 кн. XV т. св. зак. угол. наказанію, опредѣленному въ 4 степ. 21 ст. тѣхъ же законовъ, съ назначеніемъ онаго въ низшей мѣрѣ, по чистосер-

дѣчному его сознанію (146 ст. улож.).—Но, опредѣливъ такимъ образомъ степень виновности и мѣру отвѣтственности подсудимаго Рябинина, сенатъ не могъ оставить безъ вниманія изложенныя въ рѣшеніи уголовной палаты обстоятельства, побудившія Рябинина совершить означенное преступленіе, и посему явившіяся ей поводомъ къ ходатайству за подсудимаго. Эти обстоятельства, (ставящія подсудимаго по своему характеру въ исключительное положеніе сравнительно съ другими преступниками, совершающими преступленія, подобныя настоящему при другихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ другихъ причинъ), дѣйствительно заслуживаютъ въ нѣкоторой степени уваженія и даютъ сенату, на основаніи 168 ст. улож., возможность: участь подсудимаго подвергнуть Монаршему милосердію. Что же касается до существа рѣшенія уголовной палаты, правительствующій сенатъ нашелъ, что, заключая ходатайствовать за Рябинина, палата прежде всего обязана была опредѣлить подсудимому родъ и степень наказанія, слѣдующаго ему по закону за содѣянное имъ, а не назначать прямо, какъ это ею сдѣлано, мѣру смягчительнаго наказанія. Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ статей закона, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: признать временно-обязаннаго крестьянина Никиту Рябинина, 28 лѣтъ, подлежащимъ за непредумышленное убійство крестьянской дѣвушки Прасковьи Григорьевой лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ съ послѣдствіями, въ 29 ст. улож. опредѣленными, но во вниманіи къ вышеизложеннымъ уменьшающимъ вину подсудимаго, а посему заслуживающимъ нѣкотораго уваженія обстоятельствамъ,—ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о томъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству: смягчить ему, Рябинину, вышеопредѣленное ему по закону наказаніе 2 степенями, и вслѣдствіе сего, по лишеніи его всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на шесть лѣтъ, съ послѣдствіями, въ 29 ст. улож. опредѣленными.—На приведеніе этой резолюціи сената въ исполненіе послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

В) РАЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

XXVII. Дѣло о подпоручикѣ Габейдуллѣ Дашкинѣ, обвиняемомъ въ жестокомъ наказаніи розгами мѣщанки Ивановой и писца уфимскаго губернскаго правленія Тульскаго *).

Въ бытность подпоручика Дашкина, состоящаго на службѣ въ 6-мъ оренбургскомъ линейномъ баталіонѣ, прикомандированнымъ къ 10-му баталіону (нынѣ уфимской губернскій баталіонъ), белебеевская мѣщанка Анна Иванова въ поданномъ 6 января 1857 г. частному приставу г. Уфы объявленіи изложила, что наканунѣ того числа подпоручикъ Дашкинъ, у котораго она болѣе года находилась въ экономкахъ, призвалъ къ себѣ фельдфебеля Михайлова, артельщика Егорова и деньщика Николаева,—и люди эти, по приказанію Дашкина безъ всякой причины нанесли ей первоначально побои, а потомъ жестоко наказали ее розгами.—На другой день, 7 января, заявлена была подобная жалоба и со стороны отставнаго коллежскаго секретаря Тульскаго, который въ объявленіи уфимскому полиціймейстеру, писанномъ со словъ своего сына, объяснилъ: что того же 5 января восемьнадцатилѣтній сынъ его Капитонъ Тульскій, служащій писцомъ въ оренбургскомъ губернскомъ правленіи, проходя къ товарищу своему Заболотину, въ 5 часу вечера, мимо квартиры подпоручика Дашкина, былъ схваченъ двумя неизвѣстными солдатами, которые, зажавъ ему ротъ, принесли его въ квартиру Дашкина, послѣдній встрѣтилъ его съ обнаженной саблей и съ крикомъ «зарублю» бросился на него и началъ наносить ему побои кулаками, послѣ чего приказалъ бывшимъ тамъ рядовымъ, въ числѣ 4 человѣкъ, затворить въ квартирѣ ставни, принести нѣсколько пучковъ розогъ и сѣчь его, а по окончаніи наказанія тѣ-же рядовые вытолкали его вонъ изъ квартиры, и когда сынъ его, Тульскаго, хотѣлъ заявить объ этомъ домохо-

*) Имя послѣдняго измѣнено; прим. издателя.

зяину аудитору Студенцову, то стоявшій у крыльца дома его кучеръ не допустилъ его до этого.—Въ дополненіе къ изложенному объявленію коллежскій секретарь Тульскій въ докладной запискѣ на имя оренбургскаго гражданскаго губернатора 26 числа того же мѣсяца пояснилъ: что подпоручикъ Дашкинъ, проживая за годъ предъ тѣмъ въ его домѣ, возъимѣлъ на сына его подозрѣніе въ *любовной связи* съ находившеюся у Дашкина въ экономкахъ мѣщанкою Ивановою; посему, питая къ сыну показателя неудовольствіе, Дашкинъ съ цѣлію заманить его въ свою квартиру 5 числа подославъ къ нему своего деньщика, который, предложивъ ему для покупки папиросы, просилъ зайти къ нему за ними въ квартиру Дашкина; но когда Капитонъ Тульскій вечеромъ того же числа, проходя мимо квартиры Дашкина, хотѣлъ зайти туда за папиросами, то былъ схваченъ тамъ двумя рядовыми.—По *медицинскому освидѣтельствованію*, произведенному мѣщанкѣ *Ивановой* въ самый день подачи ею объявленія, оказалось: отъ роду ей 16 лѣтъ, тѣлосложенія правильнаго, наружный видъ ея здоровый. По словамъ Ивановой, у ней была на головѣ отъ ударовъ значительная опухоль, но во время освидѣтельствованія ни опухоли, ни подобнаго рода поврежденій на головѣ не замѣчено, только лѣвая щека была нѣсколько опухши. Нижняя половина сѣдалища и заднія мягкія части обѣихъ лядвій по колѣно оказались темнаго, синекраснаго цвѣта, происходившаго частію отъ поврежденія кожи, а частію отъ кровоизліянія подъ оной; на поврежденныхъ мѣстахъ кожи имѣлась сгустившаяся кровь въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. Какъ помянутыя поврежденія кожи, такъ и находившіяся подъ оной кровоизліянія, представлялись въ видѣ правильныхъ полосъ, совершенно соотвѣтствующихъ ударамъ при наказаніи розгами или подобнаго рода предметомъ. Рубашка Ивановой покрыта была по нижней половинѣ многочисленными кровавыми пятнами, происшедшими, какъ можно было полагать по ихъ числу и расположенію, отъ вышеозначенныхъ поврежденій. Относительно общаго состоянія здоровья Ивановой замѣчались въ ней значительные припадки лихорадки, зависѣвшей повидимому отъ сказанныхъ поврежденій. Посему врачъ заключилъ, что Ивановой необходимо врачебное пользо-

ваніе. *) По такому же освидѣтельству, произведенному 8 января писцу Тульскому, найдены были у него на тѣлѣ подобныя же поврежденія, знаки отъ наказанія розгами и замѣчены тѣ же лихорадочные припадки, какъ и у мѣщанки Ивановой.—При производствѣ слѣдствія какъ мѣщанка Иванова, такъ и писецъ Тульскій подтвердили вышеизложенныя объявленія.—Подсудимый же *Дашкинъ*, не сознаваясь въ наказаніи Ивановой и Тульскаго розгами, объяснилъ, что 5 января, послѣ занятій въ канцеляріи по должности баталіоннаго адъютанта, онъ пришелъ въ свою квартиру часу въ 6 вечера напиться чаю, причемъ въ комнатѣ, еще не освѣщенной, услышалъ за ширмами, гдѣ стояла его постель, шорохъ, и затѣмъ съ кровати его поспѣшно встали мѣщанка Иванова и какой-то мужчина, которыхъ онъ тотчасъ же, безъ нанесенія имъ побоевъ, выгналъ изъ квартиры, не замѣтивъ даже, кто такой былъ тотъ мужчина. Все это произошло въ теченіи не болѣе 5 или 6 минутъ. Вслѣдъ засимъ возвратился ходившій въ казарму ужинать рядовой Николаевъ, бывшій у него, Дашкина, на вѣстяхъ, котораго затѣмъ онъ оставилъ въ квартирѣ одного, а самъ, встревоженный означеннымъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, тотчасъ же снова отправился въ канцелярію, гдѣ, по случаю составленія годовыхъ отчетовъ, занимался каждый день до 10 и 11 часовъ вечера. Изъ этого ясно видно, что наказывать Иванову и поджидать для той же цѣли съ нижними чинами писца Тульскаго онъ, Дашкинъ, не имѣлъ времени. На другой день Иванова возвратилась домой и онъ началъ укорять ее въ развратномъ поведеніи; она, извиняясь, объявила, что выгнанный имъ, Дашкинымъ, наканунѣ мужчина былъ писецъ Тульскій, съ которымъ она съ давняго времени имѣетъ любовную связь. Къ сему подсудимый Дашкинъ присовокупилъ, что Тульскій и Иванова, по уходѣ изъ его квартиры, вѣроятно, для довершенія любострастнаго пожеланія, забрались въ какое либо свободное помѣщеніе такого дома, въ которомъ подобныя непотребства нетерпимы, или же и въ какое либо неблагопристойное заведеніе, гдѣ были захвачены и наказаны за свой поступокъ.—На *очной ставкѣ* съ подсу-

---

*) Иванова находилась на излеченіи въ уфимской губернской больницѣ по 15 января 1857 г.

димымъ Дашкинымъ писецъ Тульскій, подтвердивъ донесенія отца своего, добавилъ, что когда онъ находился въ квартирѣ Дашкина, то приходилъ туда изъ канцеляріи какой-то рядовой съ бумагами, котораго Дашкинъ отослалъ къ своему брату; но подсудимый Дашкинъ, отвергнувъ это обстоятельство, остался при своемъ показаніи.—Мѣщанка Иванова на очной ставкѣ объяснила, что, по наказаніи ея, она не была выгнана изъ квартиры Дашкина, а напротивъ, по приказанію его, была заперта въ его квартирѣ и окарауливаема его деньщикомъ; но на другой день, освободясь отъ надзора, она вмѣстѣ съ пришедшими къ ней ея матерью и сестрою отправилась для принесенія жалобы во 2 часть г. Уфы, куда приходилъ и подсудимый Дашкинъ и предлагалъ ей мириться, давая за то 25 р. сер. Причиною же причиненнаго ей Дашкинымъ наказанія, по мнѣнію ея, была ревность его, потому-что она имѣла съ нимъ любовную связь.—Но подсудимый Дашкинъ противу этой улики не сознался и, оставаясь при своемъ показаніи, добавилъ, что имѣлъ съ Ивановою любовную связь, не онъ, а писецъ Тульскій, который неоднократно въ отсутствіе его, Дашкина, и приходилъ къ Ивановой, что можетъ подтвердить временно-бывшій у него, Дашкина, на вѣстяхъ рядовой 3 роты Наршинъ. *) При изслѣдованіи противъ изложенныхъ показаній обнаружено, что мѣщанка Иванова, до переѣзда подсудимаго Дашкина на квартиру въ въ домъ аудитора Студенцова, постоянно находилась при Дашкинѣ во время жительства его въ домахъ коллежскаго секретаря Тульскаго и потомъ кандидата Неклюдова; но находилась-ли въ это время Иванова въ какихъ либо сношеніяхъ съ писцомъ Тульскимъ, спрошенныя объ этомъ лица отозвались незнаніемъ. — Изъ упомянутыхъ Ивановою нижнихъ чиновъ фельдфебель *Михайловъ* показалъ: что вечеромъ 5 января онъ былъ въ баталіонной канцеляріи, и получивъ тамъ приказаніе отъ подпоручика Дашкина, отправился въ казармы для передачи онаго капральнымъ унтеръ-офицерамъ и ефрейторамъ, а оттуда пошелъ къ ротному командиру, и по возвращеніи отъ послѣдняго чрезъ полгора часа, все время находился въ казармѣ, что могутъ подтвердить всѣ нижніе чины 3 роты. **) Живущую у Дашкина мѣщанку Ивано-

*) Рядовой Наршинъ по симъ обстоятельствамъ не былъ спрошенъ.

**) Нижніе чины объ этомъ не спрошены.

ву показатель по приказанію его не наказывалъ и 5 января въ квартиръ Дашкина не былъ. Иванову онъ, Михайловъ, знаетъ за женщину распутнаго поведенія, чему можетъ служить доказательствомъ извѣстная ему любовная связь ея съ фельдфебелемъ 2 роты Погодинымъ. *) Рядовой *Николаевъ* показалъ, что 5 января онъ находился у подсудимаго Дашкина вѣстовымъ, и въ 4 часа былъ отпущенъ имъ въ казармы, откуда возвратился къ Дашкину въ 6 часовъ; Дашкинъ, напившись чаю, ушелъ въ баталіонную канцелярію, а онъ, Николаевъ, легъ спать и проснулся уже въ то время, когда Дашкинъ, возвратясь, разбудилъ его; дѣвушку Иванову и какого то чиновника онъ, Николаевъ, розгами не наказывалъ, приказанія на это отъ Дашкина не получалъ и въ тотъ день фельдфебеля Михайлова у Дашкина не видалъ. Къ этому Николаевъ добавилъ, что на 6 или на 7 день рождества христова Иванова посылала его, Николаева, съ запиской и папиросами въ домъ Тульскаго, находящійся позади дома, полковника Афонасьева, къ какому то молодому человѣку, который, сдѣлавъ на запискѣ надпись, послалъ ее обратно съ нимъ, Николаевымъ, къ Ивановой.—Рядовой *Егоровъ* тоже въ показаніи розгами Ивановой и Тульскаго не сознался, добавивъ, что 5 января онъ весь вечеръ находился при казармахъ въ кухнѣ, что могутъ подтвердить рядовые Русиновъ, находящійся въ отпуску, и Сатуринъ. **) Бывшій деньщикъ аудитора Студенцова Федоръ *Муравьевъ* подъ присягою показалъ, что свидѣтелемъ описаннаго въ прошеніяхъ Тульскаго и мѣщанки Ивановой происшествія онъ не былъ; «но знаетъ, что Иванова дѣйствительно находилась въ услуженіи у Дашкина; имѣлъ ли же сей послѣдній прелюбодѣйную связь и дѣлалъ ли ей наказаніе розгами, не видѣлъ» ***). Аудиторъ *Студ*-

---

*) Погодинъ въ этомъ не сознался, говоря, что онъ Иванову вовсе не знаетъ.

**) Рядовые эти тоже не спрошены.

***) Это мѣсто въ показаніи было первоначально написано такъ: «но знаетъ, что Иванова дѣйствительно находилась въ услуженіи у Дашкина и онъ съ нею имѣлъ прелюбодѣйную связь, а дѣлалъ ли ей когда либо наказаніе розгами, не видѣлъ;» потомъ сдѣланы поправки: вмѣсто «и онъ»—но онъ, вмѣсто «а дѣлалъ»—и дѣлалъ, и за тѣмъ послѣ слова дѣлалъ вставлено «ли» другими чернилами и почеркомъ. Вслѣдствіе этихъ поправокъ въ показаніи, отобранномъ становымъ приставомъ на мѣстѣ житель-

денщова подъ присягою показалъ, что наказывалъ ли кого либо подсудимый Дашкинъ 5 января въ своей квартирѣ, онъ не знаетъ; шума и крика въ тотъ день не слыхалъ; отъ бывшаго же у него деньщика Муравьева слышалъ, что въ день описаннаго происшествія онъ видѣлъ, что какой то молодой человѣкъ выскочилъ изъ квартиры Дашкина и намѣревался войти къ нему Студенцову, но Муравьевъ его до этого не допустилъ.—Двѣ дочери Студенцова подъ присягой отозвались незнаніемъ по этому дѣлу.—Мать мѣщанки Ивановой *Александра* и сестра *Марѳа* отозвались, что онѣ пріѣзжали къ Ивановой за ея имуществомъ и найдя ее изсѣченною, отвезли во 2-ю часть, куда дѣйствительно пріѣзжалъ Дашкинъ и упрашивалъ Иванову мириться, предлагая ей за это 25 руб. сер.—Равнымъ образомъ надзиратель *Шевкуновъ* засвидѣтельствовалъ, что когда Иванова на другой день по наказаніи ея розгами лежала больная въ его комнатѣ, то Дашкинъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, пріѣхавъ къ нему, Шевкунову, уговаривали Иванову оставить это дѣло и предлагали ей за это 25 руб.—Братъ подсудимаго Дашкина *прапорщикъ Дашкинъ* противу сего не былъ спрошенъ; а самъ подсудимый по этому предмету объяснилъ, что братъ его и другія, бывшія во 2-й части, лица убѣждали его помириться съ Ивановою, на что однако онъ не согласился, чувствуя себя напрасно оклеветаннымъ Ивановою.—Засимъ въ дополненіе своихъ показаній, мѣщанка *Иванова* объяснила, что когда по приходѣ подсудимаго Дашкина во 2-ю часть, частный приставъ Соколовъ спросилъ его о причинѣ сдѣланнаго ей, Ивановой, наказанія, то Дашкинъ въ раздраженіи отвѣчалъ: «сѣкъ, да мало»—что слышали квартальный надзиратель Шевкуновъ и неизвѣстныя ей лица, занимавшіяся въ части.—Частный приставъ *Соколовъ* на запросъ о семъ отозвался, что подсудимый Дашкинъ, при указанномъ Ивановою случаѣ, дѣйствительно говорилъ:» *сѣкъ, да жалко мало,*» но къ кому относились эти слова, онъ, Соколовъ, не знаетъ; изъ находившихся же при этомъ лицъ кто-то сказалъ ему, что означенныя слова относились къ мѣщанкѣ Ивановой. — Занимавшіеся въ то время во 2 части титулярный совѣтникъ Солодовниковъ и коллежскій регистраторъ Павловъ, первый подъ при-

---

ства Муравьева, военно-судная коммисія требовала вторично допросить его, но Муравьевъ до исполненія этого требованія умеръ.

сягою, объ означенномъ обстоятельствѣ отозвались: одинъ незнаніемъ, а другой запамятованіемъ.—Послѣ того 16 апрѣля 1857 года мѣщанка Иванова въ прошеніи уфимскому полиціймейстеру, производившему по ея жалобѣ слѣдствіе, объяснила, что не имѣя на причиненную ей подпоручикомъ Дашкинымъ обиду явныхъ доказательствъ и достовѣрныхъ свидѣтелей, она во избѣжаніе безпокойствъ хожденіемъ къ допросамъ, неоднократно просила его, полиціймейстера, еще до начатія имъ слѣдствія, оставить ея жалобу безъ послѣдствій; но такія просьбы ея по неизвѣстнымъ ей причинамъ оставлены безъ уваженія. Въ слѣдствіе сего она, Иванова, вновь проситъ прекратить это дѣло.—Съ своей стороны подсудимый *Дашкинъ* 20 мая того же года подалъ рапортъ командиру бывшаго № 10 баталіона, объяснивъ въ немъ, что 6 января частный приставъ Соколовъ, пріѣхавъ къ нему, Дашкину, въ баталіонную канцелярію, вызвалъ его въ корридоръ и убѣждалъ для прекращенія возникшаго по жалобѣ Ивановой дѣла дать ей 50 руб., но онъ, Дашкинъ, просилъ Соколова удержаться отъ подобныхъ предложеній. Означенное предложеніе дѣлалъ ему впослѣдствіи и квартальный надзиратель Шевкуновъ, угрожая въ случаѣ отказа дурнымъ исходомъ этого дѣла.—Частный приставъ ротмистръ Соколовъ противу означеннаго обвиненія подсудимаго объяснилъ, что предложенія о прекращеніи этого дѣла посредствомъ денежной сдѣлки съ Ивановою онъ не могъ дѣлать потому, что по этому дѣлу кромѣ Ивановой имѣлся въ виду искъ писца Тульскаго.—Квартальный надзиратель Шевкуновъ также противу означеннаго обвиненія подсудимаго не сознался, присовокупивъ что наказать Иванову не было возможности никому кромѣ подсудимаго Дашкина, потому-что Иванова постоянно жила и *донынѣ* (27 февраля г.) живетъ въ квартирѣ Дашкина.

Въ *военномъ судѣ* подсудимый *Дашкинъ*, подтвердивъ данныя имъ при слѣдствіи объясненія, добавилъ, что частный приставъ Соколовъ и письмоводитель Павловъ уговаривали его къ подобной денежной сдѣлкѣ съ Ивановою, предупреждая, что такъ-какъ кромѣ Ивановой онъ наказалъ еще писца Тульскаго, то въ случаѣ совокупнаго иска ихъ обоихъ, онъ непремѣнно будетъ обвиненъ въ дѣйствительномъ наказаніи ихъ. Когда же онъ, Дашкинъ, сказавъ, что не согласится на сдѣлку съ Ивано-

вой, началъ сбираться домой, то Соколовъ всталъ съ своего мѣста и закричалъ: «такъ-то вы хотите отдѣлаться,—но нѣтъ, повѣрьте слову моему, т. е. слову русскаго офицера, вы по этому дѣлу будете разжалованы въ рядовые, въ чемъ клянусь своей честью.» Къ сему подсудимый Дашкинъ присовокупилъ, что не зная о намѣреніи Тульскаго быть у своего товарища Заболотина, онъ не могъ ожидать его у своей квартиры съ солдатами для наказанія его; хотя же Тульскій впослѣдствіи объяснилъ, что его заманилъ въ квартиру его, Дашкина, въ*стовой, но это обстоятельство вымышлено, потому-что если бы оно было справедливо, то безъ сомнѣнія объ этомъ было бы упомянуто въ первомъ объявленіи Тульскаго.—Тульскій объяснилъ, что сознаніе подсудимаго Дашкина въ томъ, что, заставъ въ своей квартирѣ мѣщанку Иванову съ какимъ то молодымъ человѣкомъ на прелюбодѣяніи, онъ будто-бы только выгналъ ихъ,—явно изобличаетъ его въ преступленіи, потому-что находясь въ любовной связи съ Ивановою, могъ ли Дашкинъ такъ равнодушно отнестись къ подобному обстоятельству? Онъ же, Тульскій, въ любовной связи съ Ивановою не находился, да по молодости лѣтъ и понятія объ этомъ не имѣлъ. Мѣщанка же *Иванова*, еще до открытія суда по настоящему дѣлу, 12 іюня 1860 г., умерла.

Изъ формулярнаго списка подсудимаго оказалось, что ему 36 лѣтъ; происходитъ онъ изъ дворянъ оренбургской губерніи, *магометанскаго закона*; въ службу вступилъ въ 1849 г. рядовымъ въ оренбургскій линейный № 1-го баталіонъ, произведенъ за выслугу лѣтъ *въ прапорщики и прикомандированъ къ оренбургскому линейному № 10 баталіону*, гдѣ исправлялъ должность баталіоннаго адъютанта съ 12 января 1856 г., а въ 1858 г. произведенъ въ подпоручики, въ штрафахъ по суду не былъ.

Военный генералъ-аудиторіатъ, разсматривая это дѣло, нашелъ, что подсудимый Дашкинъ 6 января 1857 г., по объявленію находившейся у него въ услуженіи мѣщанки Анны Ивановой и служащаго писцомъ въ оренбургскомъ губернскомъ правленіи коллежскаго регистратора Тульскаго, подвергся обвиненію въ томъ, что онъ, имѣя любовную связь съ упомянутою дѣвицею Ивановою и подозрѣвая ее въ любовныхъ сношеніяхъ съ чиновникомъ Тульскимъ, наканунѣ того числа зазвалъ сего по-

слѣдняго къ себѣ въ квартиру и чрезъ нижнихъ чиновъ высѣкъ своихъ ихъ розгами. По медицинскому освидѣтельствованію Ивановой и Тульскаго оказались на тѣлѣ ихъ кровавыя полосы, происшедшія вслѣдствіе тяжкаго тѣлеснаго наказанія, имѣвшаго вліяніе на состояніе здоровья ихъ до того, что Иванову необходимо было отправить для пользованія въ больницу, гдѣ она и находилась болѣе недѣли. Нижніе чины, которыми, по словамъ Ивановой и Тульскаго, исполнено было надъ ними наказаніе, отвергли справедливость сдѣланной на нихъ ссылки. Подсудимый же Дашкинъ объяснилъ, что 5 января онъ засталъ Иванову и Тульскаго въ квартирѣ своей на прелюбодѣяніи, за что однако не наказывалъ ихъ, а выгналъ только обоихъ изъ квартиры, послѣ чего они могли быть высѣчены въ другомъ мѣстѣ. Но такое объясненіе подсудимаго о наказаніи Ивановой и Тульскаго кѣмъ либо другимъ—представляется очевидно невѣроятнымъ, и онъ положительно изобличается въ совершеніи этого поступка, кромѣ показаній самихъ Ивановой и Тульскаго: во 1-хъ, собственнымъ его объясненіемъ, что онъ засталъ ихъ въ своей квартирѣ; во 2-хъ, показаніемъ Ивановой и ея матери, что когда она, Иванова, на другой день отправилась для принесенія жалобы во 2-ю часть г. Уфы, то пришелъ туда и подсудимый Дашкинъ и предлагалъ ей 25 руб., чтобы помириться, что̀ подтвердилъ и бывшій при томъ квартальный надзиратель Шевкуновъ; въ 3-хъ частный приставъ Соколовъ засвидѣтельствовалъ, что Дашкинъ при распросахъ въ присутствіи полиціи о происшествіи сказалъ: «сѣкъ, да мало», и въ 4-хъ коллежскій регистраторъ Тульскій между прочимъ объяснилъ, что послѣ исполненія надъ нимъ наказанія онъ побѣжалъ къ хозяину дома, въ которомъ жилъ Дашкинъ, аудитору Студенцову, чтобы заявить ему о происшествіи, но не былъ допущенъ къ нему деньщикомъ его. Это подтверждается и показаніемъ подъ присягою упомянутаго аудитора, что онъ дѣйствительно слышалъ отъ бывшаго при немъ деньщика Муравьева, что въ день описаннаго происшествія онъ видѣлъ, что какой-то молодой человѣкъ выскочилъ изъ квартиры Дашкина и намѣревался войти къ нему, Студенцову, но Муравьевъ не допустилъ его. Мѣщанка Иванова впослѣдствіи подала объявленіе о прекращеніи жалобы ея на подсуднмаго; но коллежскій регистраторъ Тульскій и нынѣ настаиваетъ о по-

ступленіи съ Дашкинымъ по закону за причиненную ему тяжкую обиду. По симъ обстоятельствамъ, признавая подсудимаго Дашкина виновнымъ въ причиненіи мѣщанкѣ Ивановой и чиновнику Тульскому тяжкой обиды и имѣя въ виду, что изъ нихъ Иванова прекратила искъ свой, генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго Дашкина за означенное преступленіе, на основаніи 434 ст. 1 кн. военно-угол. уст., выдержать въ казематѣ крѣпости два мѣсяца.

Это мнѣніе генералъ-аудиторіата удостоилось Высочайшаго утвержденія 23 декабря 1865 года.

XXVIII. Убіеніе остяка Николая Кусамина его родными изъ суевѣрія.

Въ лѣсахъ туруханскаго округа енисейской губерніи (въ Сибири) кочуютъ остяки байхинской орды; по именамъ христіане съ русскими фамильными названіями въ оффиціальныхъ бумагахъ, но по нравамъ и повѣріямъ настоящіе язычники. Въ юртѣ, вмѣщавшей въ себѣ родъ Кусаминыхъ, въ ноябрѣ 1839 года умеръ великій шаманъ Иванъ Кусминъ. Родичи его въ числѣ 11 человѣкъ мущинъ и женщинъ совершили надъ нимъ обрядъ похоронъ и помѣстили трупъ его въ такъ-называемомъ лабазѣ, то есть гробницѣ изъ бревенъ, висячей на воздухѣ и поддерживаемой четырьмя столбами. Вечеромъ того же дня внутри юрты произошла слѣдующая сцена. Сынъ умершаго шамана Николай Кусминъ, сильно тосковавшій по отцѣ, раздѣвшись до нага, вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и съ крикомъ бросился на своихъ сожителей, угрожая съѣсть ихъ всѣхъ. Испуганные родичи повалили его на полъ, связали его веревками, причемъ онъ бѣсновался и вопилъ, что у него выростутъ зубы и что онъ поѣстъ всѣхъ остяковъ; потомъ страннымъ образомъ замычалъ и умеръ; потомъ опять ожилъ и опять бросился на окружавшихъ его съ ревомъ и угрозами, такъ-что они опять должны были бороться съ нимъ и вязать его. Такъ продолжалъ онъ умирать и оживать до четырехъ разъ, становясь всё лютѣе и лютѣе при всякомъ новомъ воскресаніи. Онъ до того озлился, что бросился на собственную свою мать старуху Анну Кусамину, прокусилъ ей зубами парку изъ оленихъ шкуръ на лѣвомъ

плечѣ и проглотилъ вырванный лоскутъ съ шерстью. Къ неописанному своему ужасу остяки увидѣли, что у него въ самомъ дѣлѣ выростаютъ два большіе зуба на подобіе клыковъ и убѣдились, что онъ сдѣлался колдуномъ, шаманомъ (иными словами *еретикомъ*, какъ выражаются акты слѣдствія). Восьмидесятилѣтняя мать бѣснующагося—Анна, взявъ на сторону роднаго брата его Ѳедора и родоваго старшину двоюроднаго его брата Леонтія, съ трепетомъ передала имъ, что какъ она слышала въ молодости своей отъ отца своего, выростаніе зубовъ на подобіе клыковъ значитъ, что тотъ, у кого они выростаютъ, уже сдѣлался колдуномъ, что онъ будетъ ѣсть людей и что отъ него можно избавиться только проколовши его осиновымъ коломъ и сожегши его тѣло.—Опасность была грозная, близкая. Остяки выбились изъ силъ въ борьбѣ съ волшебникомъ и чувствовали, что не въ силахъ будутъ одолѣвать его, когда Николай Кусаминъ опять оживетъ. По общему согласію, родичи порѣшили заколоть кудесника осиною. Осиноваго дерева не была вблизи. Остяки разрубили принадлежавшій имъ осиновый челнокъ (вѣтку) и изъ кусковъ его надѣлали множество длинныхъ спицъ, заостренныхъ съ одного конца. Между-тѣмъ успокоившійся на нѣкоторое время Николай Кусаминъ опять ожилъ, вскочилъ на ноги и стряхнулъ съ себя веревки. Тогда родная мать закричала, «приколите колдуна, а то онъ повѣсть васъ».—Женщины спрятались въ углу юрты, а мущины, поваливъ Николая, прокололи его во многихъ мѣстахъ насквозь спицами, тыкая ихъ между реберъ и стараясь попасть въ сердце.—Когда колдунъ совсѣмъ околѣлъ и не давалъ никакого признака жизни, родичи обвернули трупъ его парусиною и караулили въ продолженіи всей длинной ноябрской ночи, боясь выглянуть изъ юрты и молясь Богу, чтобъ имъ какъ-нибудь дожить до разсвѣта.—Разсвѣло тогда остяки обвязали веревками трупъ, обвернутый парусиною, вытащили его изъ юрты, положили на устроенный изъ деревьевъ костеръ; сами же, бросивъ юртъ и свои въ немъ пожитки, ушли въ зимовье крестьянина Горохова, у котораго и поселились. По совѣту Горохова, они вернулись опять къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ ихъ юртъ и предали землѣ тѣло великаго шамана, послѣ чего не остались тамъ, но вернулись къ Горохову, потому-что боялись все таки, чтобы шаманъ не вышелъ изъ

земли. По произведенному осмотру мѣстности, гдѣ заколотъ Николай Кусаминъ, оказалось, что въ лѣсу стоялъ еще покинутый юртъ, съ разбросанными внутри его хозяйственными вещами. Въ 150 саженяхъ отъ юрта виднѣлись слѣды сгорѣвшаго костра; а въ 70 саженяхъ отъ костра торчалъ одинъ деревянный столбъ, остатокъ лабаза, разрушеннаго остяками при погребеніи тѣла великаго шамана. Тутъ же была и могила его, усыпанная землею руками остяковъ и покрытая сверху множествомъ срубленныхъ и набросанныхъ деревьевъ.

Такова повѣсть объ остякскомъ упырѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ее передали крестьянину Горохову, а потомъ слѣдователю самыя дѣйствующія въ этой драмѣ лица. Этихъ лицъ было всего десять: мать Анна Кусамина (80 лѣтъ), Леонтій Кусаминъ (30 лѣтъ), Ѳедоръ Кусаминъ (50 лѣтъ), Николай Корниловъ (50 лѣтъ), сынъ его Алексѣй Корниловъ (17 лѣтъ), Тимофей Чукуновъ (30 лѣтъ), Иванъ Мондаковъ, Николай Мондаковъ (19 л.), Аниська Кусамина жена Ѳедора (50 лѣтъ) и Авдотья Корнилова (40 лѣтъ). Они наивно выражались при слѣдствіи, что надѣялись заслужить одобреніе начальства за свой подвигъ, потому-что смѣлымъ истребленіемъ колдуна (*еретика*) воспрепятствовали ему ѣсть людей.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ высказаны были различные взгляды на свойство настоящаго событія и примѣненія къ нему законовъ, а именно:

Первое мнѣніе. Умерщвленіе Кусамина не подлежитъ сомнѣнію и заключаетъ всѣ внѣшнія условія умышленнаго убійства, но для того, чтобы опредѣлить наказаніе за преступленіе, оно должно быть вмѣняемо (103 ст. улож.). При ближайшемъ разсмотрѣніи умысла остяковъ, въ немъ замѣчаются особенности, которыми онъ рѣзко отличается отъ умысла сознательнаго, подлежащаго вмѣненію. Слишкомъ мало еще просвѣщенные, остяки находятся подъ сильнымъ вліяніемъ преданій о шаманствѣ. Суевѣрный страхъ и желаніе спастись отъ опасности быть съѣденными, были единственною причиною и цѣлію совершеннаго ими надъ Кусаминымъ убійства. Ложное понятіе о свойствѣ дѣянія, суевѣрный страхъ, угрожавшій ихъ жизни опасностью, и необходимость обороны отъ врага, страшнаго даже и по смерти, представляются достаточными и уважительными по закону при-

чинами (103 ст. улож.), по коимъ содѣянное не должно быть вмѣняемо подсудимымъ въ вину. Посему слѣдуетъ ограничиться преданіемъ подсудимыхъ остяковъ церковному покаянію, предоставивъ мѣстному духовному ихъ начальству распорядиться сверхъ того о надлежащемъ наставленіи и вразумленіи ихъ въ правилахъ христіанскаго ученія.

Второе мнѣніе. Причинами невмѣненія могутъ быть по уложенію только: невинность того дѣянія, котораго случайнымъ и непредвидимымъ послѣдствіемъ было содѣянное зло, ошибка также случайная или вслѣдствіе обмана, и наконецъ необходимость обороны. Ни одна изъ этихъ причинъ не идетъ къ настоящему дѣлу. Убіеніе Кусамина не было случайнымъ и непредвидимымъ послѣдствіемъ невиннаго дѣянія. Здѣсь не было и случайной ошибки и обмана, а напротивъ прямой умыселъ убить человѣка. Для признанія же необходимой обороны законъ предписываетъ особыя условія, равномѣрно не встрѣчающіяся въ семъ дѣлѣ, именно невозможность прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго начальства и дѣйствительную опасность для жизни, или здравія, или свободы оборонявшагося; притомъ учинившій преступленіе обязанъ во всѣхъ сихъ случаяхъ немедленно объявить о томъ сосѣднимъ жителямъ, а при первой возможности и ближайшему начальству, а сіе не было исполнено убившими Кусамина. Изъ сего явствуетъ, что совершенное ими преступленіе должно быть имъ вмѣнено въ вину, а какъ учиненное съ намѣреніемъ, должно быть судимо по общимъ законамъ имперіи, на основаніи коихъ слѣдующее за убіеніе наказаніе не можетъ быть уменьшено ни въ родѣ, ни въ степени, а развѣ только въ самой мѣрѣ онаго, по тому уменьшающему вину обстоятельству, что преступленіе совершено вслѣдствіе сильнаго раздраженія, произведеннаго поступками того лица, которому причинена смерть. Впрочемъ нельзя не признать по настоящему дѣлу заслуживающими особеннаго уваженія тѣ обстоятельства, что остяки люди еще полудикіе, не совсѣмъ способные различать свойства дѣяній и что убійство совершено хотя по ложнымъ, суевѣрнымъ понятіямъ объ угрожавшей имъ опасности, но однако столь сильно дѣйствовавшимъ, что собственная мать убитаго не удержалась отъ наложенія рукъ на сына. Посему слѣдуетъ, на основаніи 168 ст. улож., ходатайствовать предъ

Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ наказаній, опредѣленыхъ по закону убійцамъ Кусамина, или церковнымъ покаяніемъ или тѣмъ наказаніемъ, которое полагается по ст. 2018 за посягательство, по невѣжеству или суевѣрію, на жизнь извѣстнаго рода существъ, одаренныхъ жизнію.

Третье мнѣніе. Дѣяніе убившихъ Кусамина преступно и не можетъ остаться безнаказаннымъ. По аналогіи оно наиболѣе подходитъ подъ преступленіе, означенное въ 2018 ст. улож., за которое полагается наказаніе розгами отъ 50 до 60 ударовъ и отдача въ арестантскія роты на время отъ 1 года до 2 лѣтъ. Посему достаточно было-бы подвергнуть 7 остяковъ мущинъ, убившихъ Кусамина, наказанію розгами по 50 ударовъ, но дабы это наказаніе не показалось слабымъ по роду преступленія, то, въ замѣнъ отдачи ихъ въ арестантскія роты, слѣдуетъ подвергнуть ихъ за самоуправство (улож. ст. 312) денежному взысканію въ пользу приказа общественнаго призрѣнія съ каждаго по 25 рублей серебромъ; всѣхъ-же соучастниковъ преступленія предать церковному покаянію и сдѣлать имъ надлежащее чрезъ духовное начальство наставленіе.

По разсмотрѣніи сего дѣла, комитетъ гг. министровъ, журналомъ 7 августа 1851 года, принявъ во вниманіе, какъ долговременное нахожденіе подсудимыхъ остяковъ подъ судомъ и содержаніе ихъ подъ стражею, такъ и то, что убійство Кусамина совершено ими по суевѣрному страху, свойственному ихъ невѣжеству, положилъ: наказать ихъ только розгами 50 ударами каждаго, съ преданіемъ какъ ихъ, такъ и участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ женщинъ церковному покаянію, но не подвергая подсудимыхъ денежному штрафу, взысканіе коего по бѣдности остяковъ весьма сомнительно.

Государь Императоръ соизволилъ Высочайше утвердить это положеніе комитета министровъ.

XXIX. Дѣло о вотякѣ Захарѣ Софроновѣ, судимомъ за похищеніе вотячки Ѳедотовой для вступленія съ нею въ бракъ.

Сарапульскій уѣздъ вятской губерніи заселенъ большею частію вотяками, которые хотя и крещены, но хранятъ язычес-

кіе нравы. Еще и нынѣ у нихъ женихъ платитъ калымъ или выкупъ за невѣсту отцу ея; еще и нынѣ у нихъ дѣвка срамитъ себя, выходя замужъ за вдовца, такъ-что вдовецъ по невозможности склонить какую нибудь изъ дѣвокъ добровольно съ нимъ обвѣнчаться, долженъ себѣ украсть невѣсту, похитить, что не считается нисколько предосудительнымъ по старому вотякскому обычаю. Въ такой необходимости украсть себѣ невѣсту находился 42 лѣтній вдовый государственный крестьянинъ новокрещенецъ Захаръ Софроновъ, осѣдлый въ починкѣ Нижнемъ Кадесѣ. Онъ имѣлъ виды на 22 лѣтнюю Варвару, дочь крестьянина сосѣдней бакинской деревни Ѳедота Иванова, дѣвку хорошую, работящую. Удобный случай исполнить замышляемое вскорѣ представился. Въ троицынъ день (11 іюня) 1850 года собралось много народу въ приходскую церковъ въ селѣ Шаркань. Въ толпѣ на церковной паперти стояла Варвара Ѳедотова. Ее подмѣтилъ Софроновъ и тотчасъ же упросилъ своихъ знакомыхъ одного съ нимъ починка Николая Макарова, Михаила Архипова, Семена Васильева и Осипа Ермилова помочь ему въ его брачномъ предпріятіи. Когда подъ конецъ литургіи Варвара направилась изъ церкви домой, то на нее налетѣли Софроновъ и его товарищи, догнали въ 40 саженяхъ отъ церкви и потащили ее на рукахъ въ домъ причетника Мирона Виссаріонова, гдѣ въ то время никого не было. Продержавъ ее тамъ до вечера, они увезли ее сначала въ шарконскую сборную избу, гдѣ находились какіе то мальчики изъ писарей, потомъ въ починокъ Нижній Кадесъ въ домъ Софронова, гдѣ и сторожили ее безъ выпуска въ теченіи двухъ съ половиной сутокъ.—Варвара сидитъ у Софронова, гдѣ навѣщаютъ ее нижне-кадекскіе вотяки и убѣждаютъ выйти за Софронова замужъ. Между тѣмъ отецъ ея дѣлаетъ поиски объ ней и подсылаетъ къ Софронову шарканскаго добросовѣстнаго Артемьева. Узнавъ, что Варвара у Софронова, отецъ отправился къ нему и требовалъ выдачи дочери. «Не отдамъ тебѣ дочери» отвѣчалъ Софроновъ и предложилъ отцу калымъ; отецъ не соглашался, недовольный вѣроятно предлагаемыми ему предметами и требуя больше; такъ они и разошлись. На третій день послѣ троицы, Софроновъ отправился съ Варварою и пріятелями своими крестьянами Архиповымъ и Тимофѣевымъ вѣнчаться въ шарконскую приходскую

церковь, которой священникъ Базилевскій, по увѣренію Ѳедота Иванова, былъ уже прежде того имъ, Ивановымъ, предупрежденъ о случившемся и который успокоилъ было его, Иванова, словами: «ступай домой, не повѣнчаемъ.»

Причтъ церковный ожидалъ прибытія свадебнаго поѣзда. Церковь была отворена, въ нее вошли новобраченцы, явился и священникъ Базилевскій въ облаченіи и приказалъ подвести невѣсту къ налою. Невѣста сопротивлялась; ее подвелъ за руку къ налою Архиповъ; она объявила священнику, что не желаетъ быть въ замужествѣ съ Софроновымъ. Священникъ послѣ того ушелъ въ алтарь, разоблачился и отправился домой. Вслѣдъ за нимъ отправились и вотяки съ Варварою Ѳедотовою. Тогда на крыльцѣ дома священника произошла сцена, которую различно передаютъ участвовавшія въ ней лица. Софроновъ и Архиповъ утверждаютъ, что священникъ Базилевскій дѣлалъ Варварѣ наставленія и увѣщанія, вслѣдствіе которыхъ она согласилась на бракосочетаніе; она сама показываетъ, что священникъ бранилъ ее и постукивалъ при этомъ тростью; священникъ отозвался, что имѣетъ обыкновеніе держать трость лѣвую рукою, а правою поднимать металлическую оправу, находящуюся у трости на колѣнѣ, которая слаба и которая при приподнятіи ее вверхъ и опусканіи потомъ внизъ производитъ небольшой звонъ и стукъ. Затѣмъ по изъявленіи Варварою согласія на бракосочетаніе, ее опять повели въ церковь, священникъ опять надѣлъ ризу и обрядъ вѣнчанія совершился безъ всякихъ уже затрудненій. Въ обыскной брачной книгѣ рукою 14 лѣтняго мальчика изъ вотяковъ Нимена Иванова учинено рукоприкладство, вмѣсто означенныхъ свидѣтелями, или какъ говорятъ, въ пермской губерніи «поручителями» со стороны жениха—крестьянъ Архипова, Тимофѣева и Андреева и со стороны невѣсты—Стрѣлкова и брата невѣсты Елисея Ѳедотова. Изъ означенныхъ лицъ, Тимофѣевъ отозвался, что онъ поручителемъ не былъ и присутствовалъ лишь при приводѣ Варвары къ священнику; Андреевъ и Стрѣлковъ отрицали всякое участіе при вѣнчаніи, а братъ Варвары Елисей Ѳедотовъ не находился при вѣнчаніи и вѣроятно уже послѣ бракосочетанія согласился быть записаннымъ порукою со стороны сестры. Новобраченцу Софронову оставалось только склонить какимъ-бы то ни было образомъ сдѣлавшагося его тестемъ Ѳе-

дота Иванова согласиться на заключенную съ дочерью его супружескую связь. Онъ далъ Иванову по вотякскому обычаю калымъ, состоящій изъ 20 рублей ассигнаціями, одной рабочей лошади и 15 пудовъ ржи. Чрезъ нѣсколько дней послѣ вѣнчанія (20 іюня) онъ явился къ священнику съ Ивановымъ, который приложилъ въ обыскной книгѣ свою тамгу, но который однако, не смотря на этотъ условный знакъ согласія, пошелъ потомъ жаловаться шарконскому волостному правленію. Началось уголовное слѣдствіе. При этомъ слѣдствіи Варвара Ѳедотова объявила, что хотя, выходя замужъ за Софронова, не чувствовала къ нему никакой любви, но теперь имъ, какъ мужемъ, довольна. Ѳедотъ Ивановъ, получившій между тѣмъ еще до 40 руб. ассигнаціями, въ прибавку къ прежде взятому калыму, отозвался, что такъ-какъ дочь его живетъ съ мужемъ своимъ согласно, то онъ къ Софронову никакой претензіи не имѣетъ. Священникъ Базилевскій и дьяконъ Шкилевъ, спрошенные относительно замѣченныхъ въ веденіи обыскной книги злоупотребленій, показали, что у нихъ не заведено отбирать тамги отъ отцовъ невѣстъ, выходящихъ въ замужество, что отецъ невѣсты бываетъ весьма рѣдко при бракосочетаніи, а мать никогда, потому-что дѣвки вотячки считаютъ стыдомъ вѣнчаться при родителяхъ, да и русскіе православные родители никогда не присутствуютъ при обрядѣ вѣнчанія и что обыскъ предбрачный ограничивается спросомъ однихъ поручителей.

По поступленіи уголовнаго слѣдствія къ судебному разсмотрѣнію, сарапульскій уѣздный судъ положилъ: 1) признать Софронова главнымъ виновникомъ въ похищеніи насильственнымъ образомъ Варвары Ѳедотовой для вступленія съ нею въ бракъ, Макарова, Васильева, Ермилова и Архипова участниками въ томъ же преступленіи; почему на основаніи 2118 ст. улож. по лишеніи ихъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, перваго изъ нихъ Софронова наказать розгами 70 ударами, а потомъ отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 4 года; а послѣднихъ: Макарова, Васильева, Ермилова и Архипова наказать розгами 60 ударами и отдать въ арестантскія роты на 2 года; 2) крестьянскаго мальчика Пимена Иванова, хотя-бы и слѣдовало подвергнуть наказанію за учиненіе заочнаго рукоприкладства

вмѣсто Андреева, Тимофѣева, Стрѣлкова и Ѳедотова, но какъ въ уложеніи о наказ. за означенное приступленіе прямаго наказанія нѣтъ, то, руководствуясь 164 ст. улож., означеннаго Иванова, на основаніи 2236 и 2287 ст. улож., и Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 13 ноября 1850 года не лишая правъ, наказать розгами 50 ударами и потомъ, сообразно 152 ст. улож., отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою, а въ случаѣ неспособности къ строевой службѣ, въ писцы военнаго вѣдомства тоже съ выслугою. 3) Поступки священника Базилевскаго, состоящіе въ обвѣнчаніи Варвары Ѳедотовой безъ ея согласія съ Софроновымъ и въ составленіи фальшиваго брачнаго обыска, передать на разсмотрѣніе и заключеніе вятской духовной консисторіи.

Вятская палата уголовнаго и гражданскаго суда, утверждая заключеніе уѣзднаго суда относительно участвовавшихъ въ похищеніи Ѳедотовой, измѣнила наказаніе Пимену Иванову и положила ограничится сдѣланіемъ ему, на основаніи 122 ст. улож. приличнаго внушенія.

Вятскій гражданскій губернаторъ, не соглашаясь съ палатою, нашелъ: 1) что дѣла о похищеніи женщинъ начинаются не иначе, какъ по жалобѣ похищенной или ея родителей, въ настоящемъ же случаѣ и похищенная и ея родители не имѣютъ никакой къ похитителю претензіи; 2) что похищеніе совершено Софроновымъ и его товарищами безъ всякаго сознанія противузаконности сего поступка, по заведенному издревле у вотяковъ обычаю. Губернаторъ полагалъ: сдѣлать Софронову и его сообщникамъ одно только внушеніе по 122 ст. уложенія.

Правительствующій сенатъ (1 отдѣленіе 6 департамента) принялъ въ соображеніе, что Ѳедотова послѣ похищенія изъявила на бракъ согласіе, что ея сопротивленіе было притворное, для отклоненія стыда, коимъ по понятіямъ вотяковъ покрывается дѣвица, вступающая добровольно въ бракъ съ вдовцомъ, но что похищеніе Ѳедотовой, даже и при оставленіи претензіи на поступокъ похитителя со стороны отца похищенной, не можетъ остаться безнаказаннымъ, потому-что безнаказанность подобныхъ похищеній можетъ еще болѣе поддержать ложную мысль, оправдываемую обычаемъ, и что слѣдовательно Софроновъ и его сообщники должны быть подвергнуты наказанію, опредѣленно-

му во 2 части 2118 ст. уложенія. Посему сенатъ опредѣлилъ: 1) Софронова за похищеніе Варвары Ѳедотовой, для вступленія съ нею въ бракъ, *на который изъявлено ею согласіе*, на основаніи 89, 130 и 2118 ст. улож. въ замѣнъ годичнаго тюремнаго заключенія наказать розгами 50 ударами; Ѳедотову же, *въ согласіи на похищеніе не сознавшуюся*, оставить безъ наказанія; 2) сообщниковъ Софронова: Макарова, Васильева, Ермилова и Архипова по 125 ст. улож. вмѣсто полугодоваго заключенія въ тюрьмѣ наказать розгами 40 ударами каждаго; 3) о существованіи между крещеными вотяками обычая похищать невѣстъ сообщить святѣйшему правительствующему сиоду на тотъ предметъ, не благоугодно ли будетъ ему употребить зависящія отъ него мѣры для искорененія сего обычая; 4) затѣмъ остальныя части рѣшенія вятской судебной палаты, утвержденныя губернаторомъ, оставить безъ разсмотрѣнія.

Оберъ-прокуроръ, I отдѣленія 6 департамента нашелъ, что по-закону (2118 ст. улож.) время заключенія виновныхъ въ похищеніи незамужнихъ женщинъ можетъ быть сокращено по просьбѣ родителей, приносящихъ жалобу, почему и предложилъ не замѣнять Софронову слѣдующаго ему тюремнаго заключенія розгами, чтобы тѣмъ не лишить отца жены его предоставленнаго ему по закону права просить о сокращеніи Софронову времени заключенія его въ тюрьмѣ.—По невоспослѣдываніи единогласнаго рѣшенія, согласнаго съ предложеніемъ оберъ-прокурора, настоящее дѣло перенесено было въ общее собраніе московскихъ департаментовъ правительствующаго сената, которое 17 октября 1852 года узаконеннымъ большинствомъ голосовъ постановило, сообразно мнѣнію начальника вятской губерніи: Софронову и сообщникамъ его сдѣлать по ст. 122 улож. внушеніе, чтобы они на будущее время подобныхъ поступковъ дозволять себѣ не осмѣливались подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ взысканія и затѣмъ, не подвергая ихъ никакому наказанію, возвратить на жительство; въ прочихъ частяхъ рѣшеніе вятской судебной палаты оставить въ своей силѣ.

XXX. Дѣло о крестьянахъ Андреѣ Козакевичѣ и другихъ, судимыхъ за похороненіе живой крестьянки Маньковой.

15 августа 1855 года городенское сельское управленіе, новогрудскаго уѣзда, минской губерніи, донесло земскому суду, что въ первыхъ числахъ того же августа 70-ти лѣтняя крестьянка казеннаго имѣнія Цюрина, деревни Окоповичъ, Лукія Манькова по суевѣрію зарыта была *живою* въ могилу вмѣстѣ съ другими покойниками, умершими отъ холеры.—Для изслѣдованія этого произшествія составлено было временное отдѣленіе, которое, по сдѣланіи надлежащаго предварительнаго дознанія, признало необходимымъ произвести медицинское освидѣтельствованіе заживо погребенной крестьянки Маньковой, но уѣздный врачъ на требованіе по сему предмету отозвался, что онъ означенное освидѣтельствованіе находитъ и безполезнымъ и вреднымъ—безполезнымъ потому, что изъ донесенія видно и народной молвы извѣстно, что крестьянка Манькова живою зарыта въ землю, слѣдовательно и анатомическое вскрытіе ея трупа навѣрно тоже самое подтвердитъ, а вреднымъ потому, что крестьянка Манькова зарыта въ одну могилу съ двумя покойниками, умершими отъ холеры. Оставаясь довольно долгое время въ землѣ, трупы, естественно предполагать, подверглись гніенію, и потому вскрытіе могилы, наполненной разлагающимися трупами, можетъ имѣть вредное вліяніе какъ на распространеніе въ той мѣстности болѣзни холеры, такъ и въ особенности на безопасность жизни тѣхъ, которые, по распоряженію начальства, должны заниматься разрытіемъ могилы и освидѣтельствованіемъ трупа.—Минская врачебная управа этотъ отзывъ врача признала основательнымъ тѣмъ болѣе, что изъ имѣвшейся переписки не видно было, чтобы крестьянка Лукія Манькова была истязаема или бита.

Затѣмъ, при производствѣ формальнаго слѣдствія открыто, что когда крестьянинъ *Андрей Лукьяновичъ* съ крестьяниномъ *Фаддѣемъ Гомза* въ первыхъ числахъ августа 1855 года ѣздили на кладбище умершихъ отъ холеры своихъ дѣтей, то къ нимъ присоединились на половинѣ дороги оспопрививатель *Андрей Козакевичъ* и *сотскій Антонъ Дубко*, ведя съ собою крестьян-

ку деревни Окоповичъ Лукію Манькову, которая прежде сего лежала на выгонѣ возлѣ деревни. Андрей Козакевичъ дорогою уговаривалъ Манькову, чтобы она сопутствовала только похоронамъ и, по сотвореніи молитвъ надъ могилами покойниковъ, возвратилась домой; по прибытіи же на кладбище онъ замѣтилъ, что могила недовольно широка и что ее надо сдѣлать пошире. Потомъ, когда поставлены были въ могилу два привезенные съ покойниками гроба, то Козакевичъ, помогая сотскому Дубко, взялъ означенную крестьянку на плечи и бросилъ въ могилу, въ которую, увлеченный ея паденіемъ, и самъ свалился, но, при содѣйствіи участвовавшихъ при погребеніи лицъ, выскочилъ изъ могилы и вмѣстѣ съ крестьянами *Лаврентіемъ Четвертою, Василіемъ Савастіемъ, Мартыномъ Гомзою и Андреемъ Четвертою* засыпалъ землею и покойниковъ, въ могилу поставленныхъ, и крестьянку Манькову. Послѣ этого происшествія, Козакевичъ говорилъ, что отъ того, что они зарыли живую старуху, холера прекратится.—Оспопрививатель Козакевичъ на первомъ допросѣ и очныхъ ставкахъ сознаваясь въ томъ, что вбросилъ Манькову въ могилу и зарылъ ее тамъ съ помощію поименованныхъ крестьянъ, добавилъ, что онъ это сдѣлалъ по совѣту сотскаго, на томъ основаніи, что сотскій Дубко въ то время, когда они вели Манькову на кладбище, говорилъ, что гдѣ-то также зарыли живую старуху и отъ того холера прекратилась. Находившіеся при похоронахъ пять человѣкъ крестьянъ показали: двое—что они заняты были похоронами своихъ дѣтей и что отъ несчастія, ихъ постигшаго, а равно отъ страха по случаю холеры, не обращали никакого вниманія на происходившее вокругъ ихъ, а остальные трое—что холера, такъ сильно распространившаяся въ деревнѣ Окоповичъ и окрестныхъ мѣстахъ, довела ихъ до такого безсознательнаго состоянія, что они не могли дать себѣ точнаго отчета ни въ томъ, что видѣли, ни въ томъ, что дѣлали, и готовы были въ то время вѣрить всякому безразсудному совѣту и рѣшиться привести его въ исполненіе безъ разсужденія, въ надеждѣ найти чрезъ то спасеніе себѣ и своимъ близкимъ.—Спрошенные подъ присягою 13-ть человѣкъ крестьянъ деревни Окоповичъ и окрестныхъ селъ показали, что холера не щадила никого, и крестьяне по существовавшему въ то время предубѣжденію прибѣгали къ частому употребле-

нію водки, какъ единственному средству, способному, если не предохранить ихъ отъ холеры, то по крайней мѣрѣ заставить менѣе чувствовать свое безвыходно-бѣдственное положеніе. Сотскій Дубко и всѣ крестьяне, принимавшіе вмѣстѣ съ Козакевичемъ непосредственное участіе дѣйствіями по зарытію крестьянки Маньковой, умерли еще до производства слѣдствія, въ продолженіи 5 дней, начиная съ 1-го августа.

На повальномъ обыскѣ Козакевичъ въ поведеніи былъ одобренъ и ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ.

Въ присутствіи новогрудскаго уѣзднаго суда, когда арестанту Козакевичу прочитаны были отобранныя отъ него при слѣдствіи показанія, то онъ ихъ отвергнулъ, сказавъ, что на первоначальномъ допросѣ показывалъ съ испугу и что обвиненія, на него взводимыя, сдѣланы по злобѣ, причемъ утверждалъ, что при погребеніи крестьянки Маньковой онъ даже не былъ, впрочемъ далъ подписку, что при слѣдствіи пристрастныхъ допросовъ ему дѣлаемо не было, кромѣ назначенія строгаго караула. Вслѣдствіе сего даны были Козакевичу очныя ставки съ крестьянами, бывшими при похоронахъ, и крестьяне эти, въ присутствіи уѣзднаго суда, уличали Козакевича всѣ вмѣстѣ и каждый порознь, что онъ дѣйствительно былъ на кладбищѣ и непосредственно дѣйствовалъ при зарываніи живой крестьянки Маньковой, впрочемъ присовокупили, что онъ былъ крѣпко пьянъ и потому, быть можетъ, не помнитъ, что происходило во время похоронъ. Противъ таковыхъ уликъ Козакевичъ отозвался, что не помнитъ, былъ ли на кладбищѣ.

Новогрудскій уѣздный судъ мнѣніемъ 31-го октября 1855 г. полагалъ: 1) подсудимаго казеннаго крестьянина Козакевича, способствовавшаго сотскому Дубко, въ пьяномъ видѣ, бросить 70-ти лѣтнюю живую крестьянку Манькову въ могилу вмѣстѣ съ другими покойниками и зарыть ее съ ними по предразсудку, что черезъ это прекратится холера, на основаніи 1176, 1177 и 1178 ст. XV т. св. зак. уголовн., какъ совершенно неуличеннаго и одобреннаго въ поведеніи, оставить въ сильномъ подозрѣніи, подъ надзоромъ полиціи, отдавъ на поручительство одобрившимъ его обыскнымъ людямъ; 2) о сотскомъ Дубко и зарывавшихъ съ нимъ крестьянахъ, какъ умершихъ отъ холеры, въ сужденіе не входить; 3) казенныхъ крестьянъ, бывшихъ на кладбищѣ во

время означенныхъ похоронъ и не принявшихъ никакихъ мѣръ для спасенія Маньковой, предать церковному покаянію по распоряженію православнаго духовнаго начальства.

Минская уголовная палата, разсмотрѣвъ это дѣло въ ревизіонномъ порядкѣ, между прочимъ опредѣлила: казеннаго крестьянина Андрея Козакевича 37 лѣтъ, виновнаго (въ сообществѣ съ другими лицами) въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ крестьянки Лукіи Маньковой, зарытіемъ ее живою въ землю—по предразсудку, что черезъ это прекратится смертность отъ холеры, на основаніи ст. уложенія 21 степени 3, 125 и 1925, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать публично въ городѣ Новогрудкѣ черезъ палача плетьми семидесятью ударами съ наложеніемъ клеймъ и потомъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ; но, не приводя заключенія сего въ исполненіе, по необычайности совершеннаго Козакевичемъ преступленія, представить это дѣло, на основаніи 158 ст., улож., на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Правительствующій сенатъ (по 2-му отдѣленію 5-го департамента), разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что Козакевичъ обвиняется показаніями нѣкоторыхъ изъ крестьянъ деревни Окоповичъ, что онъ вмѣстѣ съ сотскимъ Дубко, который уже умеръ, заманилъ Манькову на кладбище съ тѣмъ, чтобы предать ее живою землѣ для прекращенія холеры, а потому, признавая положенное Козакевичу палатою уголовнаго суда наказаніе согласнымъ съ обстоятельствами дѣла и точнымъ смысломъ закона, опредѣлилъ: утвердить оное во всей силѣ, остальныя же статьи рѣшенія, не касающіяся Казакевича и утвержденныя начальникомъ губерніи, оставить безъ разсмотрѣнія; о чемъ и послать 7 сентября 1857 года указъ къ исполненію.

Нельзя не пожалѣть о судьбѣ Козакевича: невѣжественные и суевѣрные крестьяне, при страшномъ развитіи холеры, неспособны были здраво обсудить свои поступки и рѣшились даже на сумасбродство въ надеждѣ какъ-нибудь избавиться отъ угрожающей имъ опасности. Немудрено, что сказанныя сотскимъ Дубко слова, будто гдѣ то послѣ зарытія въ землю живой старухи холера тотчасъ прекратилась, были приняты Козакевичемъ безъ разсужденія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ при этомъ крѣпко пьянъ. По той же причинѣ эта безразсудная мысль не встрѣти-

ла никакого сопротивленія со стороны участвовавшихъ въ погребеніи лицъ. Можно съ достовѣрностію сказать, что подобнаго преступнаго сумасбродства не содѣлалъ бы ни Козакевичъ, ни помогавшіе ему крестьяне, если бы они находились въ трезвомъ видѣ и не подъ вліяніемъ суевѣрныхъ предразсудковъ.

XXXI. Дѣло о крестьянинѣ Ильмухѣ Ильмуллинѣ съ товарищами, обвиняемыхъ въ преждевременномъ погребеніи мертваго тѣла солдатской дочери Княрзяни Измайловой.

9-го іюня 1849 г. полицейскій сотникъ Григорьевъ донесъ приставу о найденномъ въ полѣ близъ села Цыльны мертвомъ тѣлѣ. Произведеннымъ слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія обстоятельства: у крестьянина деревни Ильмоваго — Куста, буинскаго уѣзда, симбирской губерніи, некрещеннаго чуваша Ильмухи Ильмуллина пропала кожба (женскій чувашскій нарядъ) цѣною въ 11 руб. 50 коп. асс.—Ильмуллинъ заподозрилъ въ этой кражѣ однодеревенскихъ жителей солдатку Падіарову и дочь ея Княрзянь, и при содѣйствіи выборнаго Ивана Григорьева и десятниковъ Иммета Аѳанасьева, Семена Петрова и Максима Назарова съ 8 другими крестьянами, 27 мая 1849 г. произвелъ въ домѣ Падіаровой обыскъ, но слѣды покражи не были найдены. На другой день утромъ похититель подкинулъ часть кожбы на дворъ къ Ильмуллину, вслѣдствіе чего подозрѣніе на Падіарову усилилось, и тѣже крестьяне отправились къ ней въ домъ для отысканія недостающей части. Этотъ разъ ихъ поискъ былъ удачнѣе и остальная часть кожбы, по указанію Княрзяни или ея матери, найдена зарытою въ землѣ. Тогда крестьяне Ильмоваго—Куста собрались на сходъ, чтобы порѣшить: не слѣдуетъ ли Падіарову и ея дочь за кражу представить въ приказъ, но, послѣ долгихъ разсужденій, положили отложить окончательное рѣшеніе до прибытія полицейскаго сотника, а между тѣмъ для присмотра за Падіаровою и ея дочерью назначили карауль. На слѣдующій день, 29 мая, по прибытіи полицейскаго сотника, выборный Григорьевъ вторично созвалъ сходъ, на ко-

торомъ, въ ожиданіи законнаго преслѣдованія виновныхъ Ильмуллинъ билъ Падіарову и Княрзянь палкою, а полицейскій сотникъ Федоръ Никитинъ ударилъ Княрзянь и таскалъ ея мать за волосы; потомъ Падіарова обязалась заплатить за пропажу кожбы 10 руб. асс. и отпущена была домой, а за нею, спустя нѣкоторое время, отпустили и ея дочь Княрзянь. Въ тотъ же день крестьяне Ильмоваго—Куста рѣшились снова представить Падіарову и Княрзянь въ приказъ, но нигдѣ не могли отыскать послѣдней, почему представленіе виновныхъ было отложено до слѣдующаго дня, а Падіарова отдана подъ караулъ.—30 мая крестьянинъ Ахмеръ Александровъ, доставая воду изъ колодца, принадлежащаго Ильмуллину, не могъ почерпнуть воды и ощупалъ на днѣ нѣчто мягкое; обстоятельство это показалось ему весьма страннымъ, онъ сообщилъ объ этомъ крестьянину Изендею, котораго отецъ Ишкерей Искендеровъ объявилъ о томъ хозяину колодца Ильмуллину. Ильмуллинъ, подозрѣвая что-нибудь недоброе, немедленно отправился къ выборному Григорьеву, который пригласивъ съ собою десятниковъ Ишметея Аѳанасьева, Семена Петрова и Максима Назарова, пришелъ съ ними къ колодцу, гдѣ уже находились Искендеровъ, сынъ его Изендей и Ахмеръ.—Съ общаго совѣщанія выборнаго Григорьева и десятскихъ, Ильмуллинъ спустился въ колодецъ (глубиною отъ воды до верху 2 саж. 1 арш.) и вытащилъ оттуда трупъ Княрзяни.—Бѣда была неминуемая; чтобы избѣгнуть ея, нужно было принять рѣшительныя мѣры и выборный Григорьевъ приказалъ отвезти трупъ на чужія дачи. Вслѣдствіе этого, принявъ нужныя мѣры предосторожности, Ильмуллинъ, Изендей и Ахмеръ отвезли Княрзяню на поля удѣльнаго села Алгашей, гдѣ впослѣдствіи трупъ ея былъ найденъ въ полѣ деревни Русской-Цылоны, полуистлѣвшій и растерзанный звѣрями, такъ-что врачу невозможно было сдѣлать никакого заключенія о причинѣ смерти Княрзяни.—Между тѣмъ выборный Григорьевъ, воспользовавшись арестомъ Падіаровой, освободилъ ее изъ подъ караула и возвратилъ взятыя у нея деньги съ условіемъ, чтобы она объявила, что Княрзянь съ ея позволенія пошла къ своему родственнику Тундіарову въ дер. Новые-Алгаши 30 мая съ тѣмъ, чтобы возвратиться на другой день, но оттуда не возвращалась и, гдѣ находится, неизвѣстно. Въ слѣдствіе такого объявленія

выборный сдѣлалъ 7-го мая донесеніе игалинскому приказу, который донесъ о томъ становому приставу. Но когда тѣло Княр-зяни было найдено, при допросѣ становымъ приставомъ, Падіарова хотя сперва и подтвердила донесеніе Григорьева, но потомъ на очной ставкѣ съ Тундіаровымъ о произведенныхъ у нея обыскахъ и о наущеніи на несправедливое показаніе открыла всѣ обстоятельства, сопровождавшія смерть Княрзяни и объяснила свое объявленіе и донесеніе выборнаго. Григорьевъ въ принятіи денегъ отъ Падіаровой не сознался; Ишкерей, который, по ея показанію, передалъ деньги Григорьеву, этого показанія не подтвердилъ, а крестьянинъ Ишметъ Аѳанасьевъ показалъ, что объ этомъ онъ слышалъ отъ Падіаровой. Ильмуллинъ сознался въ нанесеніи побоевъ Падіаровой и Княрзяни. Собраніе первой мірской сходки, безъ вѣдома полицейскаго сотника, подтвердилось собственнымъ показаніемъ выборнаго Григорьева. Полицейскій сотникъ Ѳедоръ Никитинъ признался въ причиненіи Княрзяни удара на второй сходкѣ для убѣжденія ея сознаться въ кражѣ. Всѣ лица, бывшія при вынутіи изъ колодца тѣла Княрзяни, кромѣ Ишметея Аѳанасьева, при слѣдствіи отозвались сначала совершеннымъ незнаніемъ сего обстоятельства, но потомъ Ильмуллинъ объяснилъ истину, и на очной ставкѣ согласно съ нимъ показали: выборный Григорьевъ, Ахмеръ Александровъ и Максимъ Назаровъ; но Изендей и отецъ его Ишкерей, объявившій Ильмуллину объ отысканіи тѣла въ колодцѣ, ни въ чемъ не сознались.—На повальномъ обыскѣ Ишкерей Искендеровъ и сынъ его Изендей въ поведеніи не одобрены; прочіе же подсудимые одобрены. Изъ нихъ Ильмуллинъ, Ахмеръ Александровъ и Ишметей Аѳанасьевъ, уже находясь подъ судомъ приняли христіанскую вѣру и нарѣчены 1-й Иваномъ Семеновымъ, 2-й Александромъ Григорьевымъ и 3-й Ильею Николаевымъ.

По сему дѣлу буинскій уѣздный судъопредѣленіемъ 2 сентября 1849 г. полагалъ: Ильмуллина, бывшаго Падіарову съ дочерью, выборнаго Григорьева, недонесшаго объ отысканіи тѣла Княрзяни въ колодецъ, и Ахмера Александрова, перваго замѣтившаго трупъ и отвозившаго его на чужое поле, признать главными виновниками; Семена Петрова, Ишмета Аѳанасьева и Максима Назарова ихъ пособниками, потому-что зная обо всемъ, не донесли начальству; а полицейскаго сотника Ѳедора Никитина, по-

собственному сознанію, признать виновнымъ въ нанесеніи удара Княрзяни. Посему судъ заключилъ: Ильмуху Ильмуллина, Ахмера Александрова и Ивана Григорьева по 2015 ст. улож. (изд 1857) г. выдержать въ смирительномъ домѣ по назначенію времени уголовною палатою. Ишмета Аѳанасьева (во св. крещеніи Илью Николаева) выдержать въ тюрьмѣ, а Ѳедора Никитина при станѣ опредѣленное палатою время (132 ст. улож.). Затѣмъ, по недостатку уликъ, Искендерова съ сыномъ его Изендеемъ, по предмету участія въ отвозѣ тѣла Княрзяни, а солдатку Падіарову въ кражѣ кожбы оставить въ подозрѣніи.

Симбирская уголовцая палата рѣшеніемъ 16 сентября 1849 г. признала подсудимыхъ виновными только въ соткрытіи тѣла Княрзяни; не находя положительнаго закона для опредѣленія подсудимымъ наказанія за это преступленіе и руководствуясь 164 ст. улож., палата признала случай сей наиболѣе сходнымъ съ случаемъ, изложеннымъ въ 1082 ст. улож о наказ Въ сей статьѣ за похороненіе мертваго тѣла прежде судебно-медицинскаго осмотра полагается арестъ на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ. Наказаніе это должно быть опредѣлено подсудимымъ: Григорьеву, какъ зачинщику, Ильмухѣ Ильмуллину и Ахмеру Александрову, которые по приказанію Григорьева отвозили тѣло, какъ сообщникамъ, а Петрову, Назарову и Аѳанасьеву, какъ укрывателямъ. Посему палата опредѣлила: 1) случай смерти Княрзяни предоставить времени, пока онъ самъ собою объяснится; 2) Ивана Григорьева, Семена Петрова и Максима Назарова выдержать подъ арестомъ, перваго три мѣсяца, а послѣднихъ по 5-ти дней, взыскавъ съ Григорьева издержки на проѣздъ по дѣлу сему врача и удѣльнаго депутата; 3) Падіарову въ кражѣ кожбы оставить въ подозрѣніи, а сотника Никитина, виновнаго только въ нанесеніи Княрзяни побоевъ, на что никѣмъ жалобы принесено не было, отъ суда освободить; 4) Ильмуху Ильмуллина, Ахмера Александрова и Ишмета Аѳанасьева слѣдовало бы подвергнуть аресту, первыхъ двухъ на три недѣли, а послѣдняго на три дня, но, въ уваженіе принятія христіанской вѣры, на основаніи 3 п. 157 ст. улож., представить случай сей на благоусмотрѣніе правительствующаго сената; 5) заключеніе уѣзднаго суда объ оставленіи въ подозрѣніи Искендерова и сына его Изендея утвердить.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ правительствующемъ сенатѣ были высказаны на него различные взгляды.

Первое мнѣніе. На основаніи 155 ст. уложенія о наказаніяхъ, если въ законѣ за подлежащее разсмотрѣнію суда преступное дѣйствіе нѣтъ опредѣленнаго наказанія, то судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній, предназначенныхъ за преступленія по важности и роду своему, наиболѣе съ онымъ сходныя. Къ настоящему дѣлу подходитъ наиболѣе 3 п. 166 статьи улож. изд. 1857 г., приведенной палатою, опредѣляющій наказаніе за преждевременное погребеніе мертваго тѣла; засимъ слѣдуетъ рѣшеніе палаты утвердить, не смягчая участи трехъ изъ подсудимыхъ по случаю принятія христіанской вѣры, потому что по маловажности слѣдующаго имъ наказанія и по ничтожности вслѣдствіе сего самаго смягченія, которое состояло бы въ сокращеніи нѣсколькихъ дней ареста, не предстоитъ надобности утруждать Его Величество такого рода ходатайствомъ.

Второе мнѣніе. Имѣя въ виду, что случай сокрытія мертваго тѣла не предусмотрѣнъ въ законѣ и принимая также въ уваженіе, что подобное преступленіе уже неоднократно встрѣчалось въ судебной практикѣ, а между-тѣмъ мѣра наказанія за оное остается доселѣ неопредѣленною, слѣдуетъ разсмотрѣть возникшій при производствѣ настоящаго дѣла вопросъ о семъ преступленіи и о дополненіи 1082 ст. улож.—въ законодательномъ порядкѣ.

Третье мнѣніе. Подсудимые виновны: во 1-хъ въ нанесеніи побоевъ подозрѣваемымъ ими въ воровствѣ женщинамъ; во 2-хъ въ допущеніи сходокъ въ противность установленному порядку, въ 3-хъ въ нарушеніи правилъ, относящихся до мертвыхъ тѣлъ. Сверхъ того Ильмуллинъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ нанесеніи Киргизки такихъ побоевъ, кои могли побудить ее къ самоубійству. По первому предмету, на основаніи 2006 ст. улож. Ильмуллинъ и сотскій Григорьевъ, виновные первый въ нанесеніи побоевъ въ собственномъ дѣлѣ, а второй въ злоупотребленіи власти, подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и платежу за безчестіе, буде того потребуетъ Падіарова. За нарушеніе порядка въ созваніи сходокъ должно быть сдѣлано сотскому и выборному строгое внушеніе. Отвозъ тѣла на чужія земли безъ осмотра составляетъ прямое нарушеніе

1082 статьи, на основаніи и по примѣненіи коей слѣдуетъ подвергнуть всѣхъ участвовавшихъ въ семъ дѣйствіи лицъ взысканію штрафа въ триста рублей. Въ нанесеніи Княрзяни побоевъ, которые могли побудить ее къ смертоубійству, слѣдуетъ оставить Ильмуллина въ сильномъ подозрѣніи. По незначительности наказанія, опредѣленнаго подсудимымъ, не представляется основаній ходатайствовать о смягченіи участи тѣхъ, которые приняли православную вѣру.

Согласно послѣднему мнѣнію состоялось опредѣленіе втораго общаго собранія сената.

XXXII. Дѣло о крестьянскомъ мальчикѣ Васильѣ Сѣрковѣ, судимомъ за вкладываніе камней въ рельсы желѣзной дороги.

Въ 1849 г. работы по устройству петербургско-московской желѣзной дороги подвигались къ окончанію; по всему протяженію отъ Петербурга до Сосниской пристани положены были рельсы, по которымъ изрѣдка, въ неопредѣленные промежутки времени, отправляемы были поѣзды, возбуждавшіе удивленіе и любопытство въ сельскомъ народонаселеніи мѣстъ, пересѣкаемыхъ желѣзною дорогою. Одинъ такой поѣздъ прибылъ изъ Петербурга въ Сосниискую пристань въ 7 часовъ вечера, 30-го іюля 1849 года и долженъ былъ тотчасъ послѣ прибытія отправиться обратно въ Петербургъ.—Въ это самое время на пустоши за рѣчкою Керестью, въ двухъ слишкомъ верстахъ отъ желѣзной дороги, занимались уборкою сѣна крестьяне Грузинской вотчины села Хотитова: Прасковья Сѣркова, братъ ея мужа мальчикъ 15½ лѣтъ Василій Сѣрковъ, сосѣдъ ихъ Яковъ Васильевъ и наемный работникъ Петръ Ивановъ. Такъ-какъ село Хотитово находилось на другой сторонѣ желѣзной дороги, то имъ слѣдовало по окончаніи работъ переѣхать чрезъ эту дорогу по грузинскому шоссе недалеко отъ Сосниской пристани. Мальчику Василью Сѣркову крайне захотѣлось посмотрѣть, какъ будетъ возвращаться машина изъ пристани. Не дожидаясь конца работъ, онъ сказалъ своей снохѣ, что будетъ поджидать ее и другихъ работавшихъ на желѣзной дорогѣ, оставилъ покосъ, перешелъ по мосту черезъ рѣчку Кересть, засѣлъ возлѣ самыхъ

рельсовъ въ 44 сажени разстоянія отъ пункта, въ которомъ грузинское шоссе пересѣкалось съ желѣзною дорогою, и отъ скуки сталъ подбирать камешки. Потомъ, набравъ десятокъ такихъ круглыхъ камешковъ величиною отъ 1 до 1½ вершка, онъ ихъ уложилъ довольно плотно по прямой линіи на протяженіи одной четверти аршина въ углубленіи рельса къ подушкѣ.—Расположеніе этихъ камешковъ было таково, что по удостовѣренію инженернаго начальства, локомотива, встрѣтивъ это препятствіе, *никакъ не могла-бы остаться въ рельсахъ* и должна бы была изъ нихъ выскочить.

Когда Сѣрковъ кончилъ эту работу, то къ нему подошелъ надсмотрщикъ желѣзной дороги крестьянинъ Антонъ Поповъ и спросилъ, что онъ дѣлалъ? Сѣрковъ отвѣчалъ ему, что вкладывалъ камешки. Поповъ заарестовалъ его, не смотря на мольбы его со слезами о прощеніи, кликнулъ находившихся вблизи человѣкъ пять рабочихъ, которыхъ позвалъ въ свидѣтели происшествія, послѣ чего вынулъ изъ рельсовъ камешки, самаго же Сѣркова посадилъ въ сторожевую будку подъ карауломъ. Подоспѣвшіе съ покоса Прасковья Сѣркова, Васильевъ и Ивановъ видѣли, какъ Сѣрковъ, сидя въ будкѣ, плакалъ, но не могли подойти къ нему и распросить по многочисленности столпившагося глядѣть на него народа. Они и отправились въ село Хотитово. Едва успѣлъ Поповъ очистить рельсы отъ камешковъ, какъ поѣздъ проѣхалъ по направленію въ Петербургъ. Тотчасъ затѣмъ Поповъ сдалъ Сѣркова на руки инженеру штабсъ-капитану Казначееву, который вмѣстѣ съ жандармскимъ поручикомъ Врублевскимъ, занялся немедленно производствомъ изслѣдованія о причинахъ, склонившихъ Сѣркова къ дѣйствію, и цѣли, имѣемой имъ въ виду.—Василій Сѣрковъ съ перваго же допроса показалъ, что накладъ камешковъ въ рельсы отъ скуки, думая себѣ: далеко ли они разлетятся, какъ машина будетъ переѣзжать ихъ? Этимъ не довольствовались производившіе изслѣдованіе, они хотѣли доискаться, не подстрекнулъ-ли кто его къ преступленію по недоброжелательству къ предпріятію желѣзной дороги. Испуганный заарестованіемъ, желая скорѣе избавиться отъ спросовъ и быть отпущеннымъ домой, Сѣрковъ сказалъ, будто научилъ его класть камешки какой то мужикъ, уѣдшій на Сосинскую пристань —Казначеевъ и Врублевскій взяли его тот-

часъ съ собою, сѣли въ вагонъ и отправились отыскивать того мужика, но никого не нашли. Тогда Врублевскій сказалъ: «ты мальчикъ лжешь, а скажи истинную правду, то я тебя отпущу», послѣ чего далъ ему полтинникъ серебра. Тогда Сѣрковъ указалъ, какъ на подговорщика по накладкѣ камней, на крестьянина селенія Луки, Сергія Степанова. Оговоръ этотъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ ложнымъ и напраснымъ. Сѣрковъ даже не зналъ въ лицо Степанова, а показалъ на него наугадъ, желая поскорѣе отдѣлаться отъ офицеровъ. Дважды уличенный во лжи, Сѣрковъ долженъ былъ признаться, что никто его не подстрекалъ къ накладкѣ камней, а сдѣлалъ онъ это самъ, по собственному побужденію и не подозрѣвая по глупости своей, чтобы отъ этого могъ произойти какой-нибудь вредъ машинѣ. На мысль о накладкѣ навелъ его слѣдующій случай. Въ петровъ день, послѣ обѣда, холостые ребята одной съ нимъ деревни, сидя у хлѣбнаго магазина, разговаривали между собою о машинѣ, причемъ одинъ изъ нихъ Петръ Климушкинъ сказалъ: что-бы было, еслибы подъ машину положить камни, раздавило ли бы ихъ, или бы они отскочили? Климушкинъ и ребята села Хотитова не подтвердили ссылки Сѣркова, но въ петровъ день въ самомъ дѣлѣ былъ большой праздникъ въ Хотитовѣ; проѣздъ машинъ по желѣзной дорогѣ былъ предметомъ всеобщаго любопытства и разговоровъ, съ тѣхъ же поръ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, въ теченіи коего разговаривавшіе лично и забыли, въ какомъ смыслѣ и о чемъ они толковали.

Поведеніе Василья Сѣркова на повальномъ обыскѣ одобрено. Онъ грамотенъ. Обучавшій его грамотѣ въ грузинскомъ сельскомъ приходскомъ училищѣ священникъ Мѣдведскій отозвался объ немъ, что онъ нравственности былъ хорошей и отличался передъ своими сверстниками усердіемъ и прилежаніемъ въ изученіи задаваемыхъ ему уроковъ. Ни одно изъ спрошенныхъ по сему дѣлу лицъ не занималось извозомъ или содержаніемъ постоялыхъ дворовъ по пересѣкаемымъ рельсами дорогамъ. Никому изъ нихъ желѣзная дорога не дѣлала никакого вреда и помѣшательства въ промыслахъ и занятіяхъ. Она и не проходила по землямъ крестьянъ села Хотитова *).

*) Законъ уголовный, подъ который подходило дѣйствіе Сѣркова, весьма ясенъ. Вотъ что говоритъ статья 1442 (а по изданію 1857 г. 1439)

Новгородскій совѣстный судъ нашелъ, что хотя Сѣрковъ и не сознался въ намѣреніи причинить вредъ машинѣ, но положительно изобличается, если не въ прямомъ намѣреніи причинить вредъ, то по крайней мѣрѣ въ совершенномъ постиженіи всей важности преступленія: 1) тѣмъ, что пришелъ на желѣзную дорогу не случайно, а нарочно и притомъ одинъ, отдѣльно отъ товарищей своихъ, убиравшихъ на полѣ сѣно; 2) тѣмъ что онъ укладывалъ камни въ углубленіе рельса къ подушкѣ, а не на поверхности опаго; 3) тѣмъ, что онъ дѣлалъ разпорѣчивыя и вовсе несправедливыя показанія о причинѣ, побудившей его къ преступленію. Судъ опредѣлилъ: Сѣркова за подкладываніе въ рельсы желѣзной дороги камней съ знаніемъ того, что отъ нихъ машина могла подвергнуться опасности и послѣдствіемъ сего должно быть несчастіе, а также за ложный оговоръ крестьянина Степанова, будто-бы въ наученіи подложить камни,—какъ несовершеннолѣтняго, вмѣсто лишенія всѣхъ особенныхъ правъ

уложенія о наказаніяхъ: за всякое съ умысломъ учиненное поврежденіе желѣзной дороги, когда оно можетъ подвергнуть опасности слѣдующій по дорогѣ транспортъ, и виновный *зналъ*, что послѣдствіемъ сего должно быть несчастіе, онъ приговаривается, смотря по роду и важности сдѣланнаго имъ умышленно поврежденія, а равно и по роду большей или меньшей опасности, которой онъ не могъ не предвидѣть, и по другимъ болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину его обстоятельствамъ: или къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 12 лѣтъ, или къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ преступнику правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ губерніи томскую или тобольскую. «Тѣмъ же наказаніямъ подвергаются тѣ, которые положатъ или бросятъ съ намѣреніемъ на желѣзную дорогу такіе предметы, отъ коихъ проходящій по оной транспортъ можетъ подвергнуться опасности».—При формальной защитѣ подсудимаго Сѣркова можетъ быть слѣдовало бы доказывать, что приведенная выше статья закона въ словахъ: «и виновный зналъ, что послѣдствіемъ сего должно быть несчастіе» .... требуетъ въ преступникѣ двухъ условій: матеріальнаго факта поврежденія дороги и нравственнаго факта знанія о неизбѣжности грозящей поѣзду отъ поврежденія дороги опасности. Положимъ, что эта аргументація не могла бы имѣть успѣха потому, что требованія общественной безопасности должны были заставить судъ явить примѣръ строгости, приговаривая легкомысленнаго преступника къ наказанію. Въ такомъ случаѣ рождался вопросъ, какому изъ двухъ даваемыхъ на выборъ наказаній, тягчайшему или менѣе строгому, его подвергнуть?

и преимуществъ, сѣченія розгами и отдачи въ арестантскія роты, отдать безъ лишенія правъ въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ.

Правительствующій сенатъ (въ 1 отдѣленіи 5 департамента) утвердилъ приговоръ совѣстнаго суда, но съ симъ постановленіемъ не согласился министръ юстиціи, который предложилъ сенату присудить Сѣркова на основаніи 1442 и 145 ст. улож. къ 70 ударамъ розогъ и отдачѣ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, принимая во вниманіе, что подсудимый чистосердечнаго сознанія не учинилъ, неоднократно измѣнялъ свои показанія, изъ коихъ ни одно не оказывается вѣроятнымъ, достигъ уже возраста, въ коемъ могъ оцѣнить послѣдствія своего поступка, обнаруживающаго во всякомъ случаѣ *злобное* легкомысліе, и не былъ вовлеченъ въ преступленіе примѣромъ или наущеніемъ старшихъ.—По несогласію съ симъ предложеніемъ гг. сенаторовъ, дѣло перенесено было во второе общее собраніе сената, гдѣ однако не составилось узаконеннаго большинства голосовъ, согласныхъ съ предложеніемъ г. министра, почему дѣло внесено было въ государственный совѣтъ.

При предварительномъ обсужденіи дѣла о Сѣрковѣ, въ департаментѣ законовъ воспослѣдовало заключеніе о примѣненіи къ Сѣркову легчайшаго изъ двухъ наказаній, полагаемыхъ 1442 ст. улож. потому-что дѣйствіе его было только послѣдствіемъ легкомыслія и невѣжества, обыкновенныхъ въ 15 лѣтнемъ возрастѣ, а сіе обстоятельство, по содержанію 4 п. 140 ст. улож., уменьшаетъ его вину тѣмъ болѣе, что поступокъ его не сдѣлалъ никакого вреда.—Правильность этого заключенія оспаривалъ г. управлявшій тогда министерствомъ юстиціи, который находилъ, что дѣло Сѣркова, при отсутствіи особыхъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, представляетъ стеченіе многихъ ее увеличивающихъ, а именно: 1) сознаніе подсудимаго не облегчаетъ его вины, ибо онъ пойманъ на самомъ совершеніи преступленія, и притомъ показанія его не только не были искренни, но сопровождались клеветою на невинныхъ; 2) легкомысліе и крайнее невѣжество подсудимаго уменьшаютъ по закону мѣру наказанія въ томъ только случаѣ, когда имъ воспользовались другіе для вовлеченія его въ преступленіе (ст. 140—141 улож.), но въ настоящемъ дѣлѣ не видно ни крайняго невѣжества подсудимаго,

ни того, чтобы кто-либо другой воспользовался онымъ для вовлеченія его въ преступленіе. 3) Ходъ преступленія показываетъ, что подсудимый приступилъ къ совершенію преступленія съ *предумышленіемъ* и что источникомъ его дѣйствій было собственное злобное побужденіе. Предумышленіе доказывается тѣмъ, что подсудимый укладывалъ камни въ углубленіе рельсовъ къ самой подушкѣ, а слѣдовательно онъ не бралъ первые попавшіеся ему камни, но отыскивалъ и подбиралъ такіе, которые могли бы войти въ углубленіе рельсовъ. Неослабное и строгое примѣненіе закона особенно необходимо въ настоящемъ случаѣ, дабы въ самомъ началѣ показать примѣръ и не дать повода къ распространенію въ простомъ народѣ понятія о неважности преступленій сего рода и тѣмъ предупредить могущія случиться по открытіи дороги во всемъ ея протяженіи несчастія отъ злоумышленныхъ покушеній.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта состоялось мнѣніе, которое удостоилось Высочайшаго утвержденія 8 мая 1857 года и котораго содержаніе заключается въ слѣдующемъ: государственный совѣтъ принялъ на видъ, что въ преступленіи столь важномъ, какъ поврежденіе желѣзной дороги, отъ чего жизнь нѣсколькихъ сотъ людей можетъ подвергаться крайней опасности, всякое снисхожденіе къ преступнику по уваженію къ его легкомыслію, глупости и невѣжеству, можетъ быть допускаемо только въ такихъ случаяхъ, когда сіи умеьшающія вину обстоятельства вполнѣ доказаны и когда нѣтъ рѣшительно никакого повода предполагать въ виновномъ предумышленія и *достаточнаго понятія о томъ, что онъ сдѣлалъ. Въ настоящемъ* же дѣлѣ напротивъ всѣ обстоятельства обнаруживаютъ въ подсудимомъ обдуманное заранѣе намѣреніе совершить такое дѣяніе, вредныхъ послѣдствій котораго онъ не могъ не предвидѣть. Изъ дѣла сего видно, что: 1) Сѣрковъ находился на желѣзной дорогѣ не случайно, но, отдалившись отъ своихъ товарищей, убиравшихъ съ нимъ вмѣстѣ сѣно въ полѣ, пошелъ одинъ къ дорогѣ именно съ тѣмъ, какъ онъ показалъ на судѣ, чтобы посмотрѣть, какъ пройдетъ машина. 2) При семъ случаѣ Сѣрковъ положилъ на рельсы десять камней, укладывая ихъ въ углубленіе рельсовъ къ самой подушкѣ, такъ-что, по удостовѣренію начальства желѣзной дороги, машина, встрѣтивъ это препятствіе,

не могла бы удержаться въ рельсахъ и потому подверглась бы опасности быть опрокинутой. Слѣдовательно, онъ не бралъ первые попавшіеся ему камни, но отыскивалъ и подбиралъ такіе, которые могли бы войти въ углубленіе рельсовъ и представить сильнѣйшее противудѣйствіе ходу машины. 3) Бывъ взятъ на самомъ совершеніи своего преступленія, Сѣрковъ не обнаружилъ ни легкомыслія, ни глупости, но показалъ ясное понятіе о томъ, что дѣлалъ, ибо старался уменьшить свою вину ложными оговорами другихъ лицъ въ наущеніи его къ преступленію. Наконецъ, 4) когда всѣ сіи извороты не удались, тогда онъ самъ первый сталъ указывать на свою глупость и искать въ ней извиненія своего дѣянія. Все сіе не оставляетъ ни малѣйшаго мѣста сомнѣнію, что Сѣрковъ, имѣя во время совершенія имъ преступленія свыше 15 лѣтъ, ясно понималъ важность онаго и приступилъ къ нему съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Въ ст. 1442 и 1443 уложенія о нак. за положеніе или бросаніе на желѣзную дорогу такихъ предметовъ, отъ коихъ проходящій по оной транспортъ можетъ подвергнуться опасности, опредѣлены различныя наказанія. Въ первой статьѣ за умышленное поврежденіе желѣзной дороги, когда виновный *не могъ не предвидѣть* опасности, которую произведетъ его дѣйствіе, опредѣлены двѣ мѣры наказанія, одна болѣе строгая, а именно лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ, съ тѣлеснымъ для неизъятыхъ отъ онаго наказаніемъ; другая слабѣйшая—ссылка на житье въ сибирскія губерніи или отдача въ исправительныя арестантскія роты съ тѣлеснымъ для неизъятыхъ отъ онаго наказаніемъ; а въ послѣдней 1443 ст. за *умышленное повреждение, учиненное съ намѣреніемъ подвергнуть опасности* слѣдующій по желѣзной дорогѣ транспортъ, положена одна только мѣра, но мѣра, равная наказанію за убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ (ст. 1924) и заключающаяся въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ, слѣдовательно одна изъ высшихъ мѣръ наказанія, къ которой преступники по уложенію могутъ быть приговариваемы. Очевидно, что къ послѣдней мѣрѣ наказанія Сѣрковъ приговоренъ быть не можетъ, такъ какъ нѣтъ въ виду доказательствъ, чтобы онъ положилъ у рельсовъ камни съ сознаннымъ намѣреніемъ подвергнуть опас-

ности слѣдовавшій по желѣзной дорогѣ транспортъ. Но столь же несомнѣнно, что онъ не могъ не предвидѣть, что отъ подложенныхъ имъ камней транспортъ могъ подвергнуться опасности, и какъ дѣйствіе сіе совершено съ предумышленіемъ, то онъ и не можетъ быть освобожденъ отъ самаго строгаго наказанія, которое положено за сіе въ 1442 статьѣ. По силѣ же 145 ст. уложенія несовершеннолѣтніе, вмѣсто наказанія плетьми чрезъ палачей, наказываются розгами чрезъ полицейскихъ служителей, и время работъ, къ коимъ приговариваются взрослые, сокращается для несовершеннолѣтнихъ одною третью, слѣдовательно самъ законъ опредѣлилъ уже, въ какой мѣрѣ можетъ быть уменьшаемо наказаніе ихъ. Признавая затѣмъ подсудимаго Сѣркова по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла виновнымъ въ подложеніи камней на желѣзную дорогу съ предумышленіемъ, государственный совѣтъ принялъ на видъ съ одной стороны неискренность его въ отвѣтахъ и даже клевету на другихъ, а съ другой несовершеннолѣтній возрастъ его, и потому, руководствуясь 135 ст. (п. 10) и 145 ст. улож. о нак., положилъ: подсудимаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать чрезъ полицейскихъ служителей розгами 70 ударами и сослать въ каторжную работу въ крѣпость на 8 лѣтъ.

XXXIII. Дѣло о капитанъ-лейтенантѣ Ла—вѣ, сужденномъ по подозрѣнію въ кровосмѣшеніи съ родною сестрою своею, Маріею Б*.

6 іюня 1853 года разжалованный изъ офицеровъ въ рядовые, (нынѣ прапорщикъ славяносербской инвалидной команды), Шкультецкій подалъ доносъ, въ которомъ изъяснялъ, что Марія Б* на другой день свадьбы своей бывшей, въ Севастополѣ въ январѣ 1852 году, созналась матери своей подполковницѣ Ла—вой въ томъ, что была лишена невинности до вступленія въ бракъ братомъ своимъ Василіемъ; при этомъ сознаніи онъ, Шкультецкій, находился въ комнатахъ Ла—вой; при немъ явилась Б* одна безъ мужа и когда мать спросила: «что это значитъ, что ты одна пришла? гдѣ мужъ?» она

Б* начала плакать и, упавъ на колѣни, просила прощенія говоря: «я виновата»; мать догадавшись, какая была вина, начала кричать и въ азартѣ спрашивала — кто лишилъ тебя невинности, — на что получила отвѣтъ отъ Б* — братъ Василій. Далѣе Шкультецкій излагалъ, что послѣ отъѣзда Б* въ отпускъ, въ непродолжительномъ времени послѣ свадьбы, жена его осталась въ домѣ матери и здѣсь онъ, посѣщая Ла—выхъ, замѣтилъ, что преступная связь Маріи Б* съ братомъ возобновилась, о чемъ тогда же извѣстилъ письмомъ Б*.—Въ подтвержденіе своего доноса Шкультецкій указалъ на письмо Ла—ва, (писанное имъ на третій день свадьбы сестры—къ Б* и въ которомъ просилъ прощенія у послѣдняго), а при производствѣ слѣдствія сослался на свидѣтелей, при которыхъ будто-бы Марія Б* созналась матери своей въ связи съ братомъ и мать неоднократно упрекала ее въ томъ.—Капитанъ Б* подтвердилъ доносъ Шкультецкаго и представилъ вышеупомянутое письмо къ нему Василія Ла—ва; а Марія Б*, отецъ и мать ея, Ла—вы, отвергли извѣтъ Шкультецкаго, называя его гнусною клеветою, придуманною вслѣдствіе неудовольствія къ нимъ и желанія поселить раздоръ между мужемъ и женою, а равно указано со стороны Ла—выхъ, что подобный планъ ужаснаго обвиненія ихъ дочери могъ быть придуманъ вслѣдствіе неполученія Б* въ приданое за женою принадлежащаго имъ Ла—вымъ дома въ Севастополѣ.—Изъ спрошенныхъ по указанію доносителя свидѣтелей въ числѣ 6 человѣкъ 2 подъ присягою и 4 безъ присяги никто не подтвердилъ предъявленнаго на Марію Б* обвиненія, а нѣкоторые, сообразно предложеннымъ имъ вопросамъ, показали, что, какъ до брака Маріи Ла—вой, такъ и послѣ того, ничего предосудительнаго между нею и братомъ не замѣчали, причемъ отозвались вообще о ней одобрительно; на повальномъ обыскѣ въ Севастополѣ и въ Бакчисараѣ, куда потомъ переѣхала Марія Б. на жительство, поведеніе ея вполнѣ одобрено.—Изъ вышеупомянутаго представленнаго Б* при началѣ слѣдствія письма, которое, какъ говоритъ онъ, получилъ на третій день свадьбы отъ Василія Ла—ва, хотя и не видно прямаго сознанія писавшаго въ плотскомъ сношеніи съ сестрою, но очевидно, что письмо было писано вслѣдствіе происшедшаго чего-то непріятнаго между мужемъ и женою; въ немъ выражается, что Марія невино-

вата, что во всемъ виновенъ одинъ онъ, писавшій, неумѣвшій воздержаться отъ безумнаго увлеченія, въ немъ изъясняется далѣе полное раскаяніе и мольба простить Марію и писавшаго, мольба не сдѣлать ее несчастною. Письмо это за подписью «Василій» безъ означенія времени и мѣста, когда и гдѣ писано. Въ допросѣ, сдѣланномъ Василію Ла—ву слѣдователемъ маіоромъ Максимовымъ, сказано, что онъ Ла—въ при указаніи ему сего письма призналъ его за собственноручное. — Въ письменномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ Ла—въ протестовалъ противу сего объясненія, написавши, что онъ такого признанія не дѣлалъ, а сказалъ только, что почеркъ похожъ на его. Затѣмъ въ показаніяхъ Василія Лава, отвергающаго обвиненіе его въ кровосмѣшеніи съ сестрою, встрѣчаются относительно означеннаго письма разпорѣчія: сперва говорилъ онъ, что только сходственность почерка письма съ его почеркомъ заставляетъ предполагать, что онъ писалъ его; далѣе давалъ понять, что онъ дѣйствительно писалъ письмо къ Б*, но что оно нисколько не служитъ доказательствомъ изведеннаго на него преступленія, а объясняется бывшими между нимъ и Б* размолвками при горячности его Ла—ва и желаніемъ положить конецъ неудовольствіямъ для обезпеченія спокойствія сестры; въ отвѣтахъ же на судѣ Ла—въ отрекся совсѣмъ отъ письменнаго обращенія къ Б*, объяснивъ, что вовсе не писалъ къ нему письма. — По неоднократному сличенію почерка руки, которымъ писано означенное письмо, съ почеркомъ руки Ла—ва признано, что есть между ними сходственность. Наконецъ, при производствѣ дѣла сего въ николаевской коммисіи военнаго суда, капитанъ-лейтенантъ Ла—въ, состоящій въ бракѣ и имѣющій дѣтей, обратился съ просьбою допустить его къ очистительной присягѣ, дабы оправдать себя предъ судомъ и всѣми и чтобы не осталось для дѣтей его укора въ взведенномъ ужаснѣйшемъ преступленіи на отца ихъ и родную сестру его.

Сообразивъ изложенныя обстоятельства во всей полнотѣ дѣла, почти 10 лѣтъ продолжавшагося, морской генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что заявленное на капитанъ-лейтенанта Ла—ва обвиненіе столь тяжко, что для признанія дѣйствительности его необходимы, слѣдуя прямому указанію 306 ст. II кн. св. мор. уголовн. пост., вполнѣ ясныя и безсомнѣнно очевидныя доказа-

тельства, между-тѣмъ доносъ рядоваго (нынѣ прапорщика) Шкультецкаго о кровосмѣшеніи Василія Ла—ва съ родною сестрою Маріею опирается единственно на показаніи мужа послѣдней капитана Б*, утверждающаго, что жена его въ первую послѣ брака ночь созналась ему, что лишена была невинности братомъ Василіемъ, но засимъ со стороны ихъ, Шкультецкаго и Б*, не представлено къ подтвержденію сего не только никакого несомнѣннаго доказательства, но и никакой улики, непосредственно относящейся до той преступной связи Василія Ла—ва съ сестрою своею, въ которой обвиняется онъ, какъ до вступленія послѣдней въ бракъ, такъ и послѣ онаго по отъѣздѣ Б* изъ Севастополя въ отпускъ; напротивъ обнаруживающіяся изъ дѣла, сколько можно судить по имѣющимся въ виду даннымъ, добрыя отношенія Б* къ родителямъ жены—Ла—вымъ—на первое время послѣ брака и сожительство его съ женою въ Севастополѣ до отъѣзда въ тверскую губернію, а равно болѣе пріязненныя отношенія Шкультецкаго къ семейству Ла—выхъ послѣ выѣзда изъ Севастополя Б*, навлекаютъ нѣкоторое сомнѣніе о томъ — возможно ли при всемъ этомъ допустить самое предположеніе о связи Ла—ва съ сестрою, сдѣлавшейся будто извѣстною Б* и Шкультецкому на другой же день брака перваго. Въ виду таковыхъ обстоятельствъ и принимая во вниманіе, что ни одинъ изъ свидѣтелей, выставленныхъ доносителемъ, не заявилъ ни малѣйшаго подозрѣнія о преступной связи Маріи Б* съ братомъ, или на счетъ вообще поведенія ея, морской генералъ-аудиторіатъ, обращаясь къ содержанію письма, приписываемаго Василію Ла—ву, усмотрѣлъ, что въ документѣ этомъ, если бы и признать оный за собственноручный Василія Ла—ва, не имѣется прямаго сознанія писавшаго въ связи съ сестрою, что если бы не было предъявлено Шкультецкимъ и Б* обвиненія противу Ла—ва, то одно означенное письмо никакъ не могло бы вести само по себѣ къ предположенію о бывшей связи между Василіемъ Ла—вымъ и сестрою его и что письмо это можетъ быть объяснено столь же вѣроподобно, какъ разсказнѣмъ писавшаго въ преступной связи, такъ и тѣми неудовольствіями, которыя по показанію Василія Ла—ва были между нимъ и Б* и которымъ желалъ онъ положить конецъ послѣ выхода сестры въ замужество. При столь пятномъ и един-

ственномъ основаніи къ подкрѣпленію доноса Шкультецкаго не безопасно было бы налагать на Василія Ла—ва пятно подозрѣнія въ такомъ тяжкомъ преступленіи, каково кровосмѣшеніе съ родною сестрою; но тѣмъ не менѣе, приступая къ конечному обсужденію сего дѣла, морской генералъ-аудиторіатъ не могъ оставить безъ вниманія, что при сходственности почерка того письма съ почеркомъ Василія Ла—ва и при разнорѣчивыхъ его показаніяхъ по сему предмету, письмо сіе возбуждаетъ нѣкоторое по дѣлу сомнѣніе въ виду свидѣтельства мужа въ подтвержденіе доноса о сознаніи ему жены относительно связи съ братомъ и въ виду показанія одного изъ свидѣтелей штабсъ-капитана Семенова, удостовѣряющаго, что дѣйствительно утромъ въ первый день послѣ свадьбы Б* было у матери Маріи Б* съ дочерью какое-то непріятное объясненіе, показывающее, что произошло что-то между нею, Маріею и мужемъ ея,—а потому не представляется возможности полному и совершенному оправданію Василія Ла—ва и къ признанію доноса Шкультецкаго ложнымъ. Равнымъ образомъ, соображая силу 335, 336 и 338 ст. II кн. св. мор. угол. пост., морской генералъ-аудиторіатъ не могъ, согласно съ заключеніемъ коммисіи военнаго суда и мнѣніемъ главнаго командира николаевскаго порта, допустить капитанъ-лейтенанта Ла—ва къ очистительной присягѣ; но по всѣмъ изложеннымъ основаніямъ положилъ: признать доносъ Шкультецкаго недоказаннымъ, дѣло сіе предать волѣ Божіей, а подсудимаго капитанъ-лейтенанта Василія Ла—ва оставить отъ суда свободнымъ.—Положеніе это въ 27-й день мая 1863 г. удостоено Высочайшаго утвержденія.

XXXIV. Дѣло о прапорщикѣ Степановѣ, сужденномъ по обвиненію въ кровосмѣшеніи съ родною сестрою умершей жены его, дѣвицею Анастасіею Юрьевою.

Отставной коллежскій регистраторъ Юрьевъ въ маѣ 1861 года подалъ жалобу въ томъ: «что прапорщикъ Степановъ, имѣвшій въ супружествѣ дочь просителя Марѳу, послѣ смерти сей послѣдней, послѣдовавшей въ октябрѣ 1860 г., оставаясь на жи-

тельствѣ въ домѣ его, Юрьева, обольстилъ другую дочь его дѣвицу Анастасію, которая сдѣлалась отъ него беременна. Степановъ, сознавшись ему, Юрьеву, въ винѣ своей, увѣрялъ, что исходатайствуетъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ съ Анастасіею; хотя же Юрьевъ по этому поводу ѣздилъ съ нимъ, Степановымъ, въ Одессу, но тамъ въ духовной консисторіи ему объявили, что подобный бракъ не можетъ быть разрѣшенъ, почему Юрьевъ просилъ: поступить съ Степановымъ за обольщеніе его дочери по законамъ.»—Дѣвица Анастасія Юрьева, (имѣющая нынѣ 22 года), подтвердила, что по убѣжденію Степанова она согласилась имѣть съ нимъ связь, продолжавшуюся 10 мѣсяцевъ и что впослѣдствіи Степановъ обѣщалъ найти ей жениха. Юрьева 9 іюля 1861 г. родила дитя, умершее 22 того же іюля.—Изъ спрошенныхъ по ссылкѣ Юрьевыхъ подъ присягою свидѣтелей показали: чиновникъ Понасевичъ, что въ маѣ 1861 г. прапорщикъ Степановъ сознался ему, что обольстилъ дочь своего тестя, дѣвицу Анастасію Юрьеву, и имѣлъ съ нею непозволительную связь.—Письмоводитель херсонской духовной консисторіи Новицкій, что чиновникъ Юрьевъ высказалъ ему, что зять его Степановъ живетъ блудно съ меньшею его дочерью, которая отъ него беременна. На это Степанова отвѣтилъ, что онъ грѣшенъ предъ дочерью Юрьева.—Повивальная бабка Кондратьева, что въ бытность въ квартирѣ Степанова при рожденіи умершею женою его сына она видѣла нѣсколько разъ, что Степановъ спалъ на одной кровати съ дѣвицею Анастасіею, которая вскорѣ сдѣлалась беременна и на вопросъ ея созналась, что отъ Степанова.—Прапорщикъ Ладкинъ, что въ іюнѣ 1861 г. прапорщикъ Степановъ, пригласивъ его къ себѣ въ квартиру, въ домѣ Юрьева за обѣдомъ предлагалъ ему жениться на дѣвицѣ имъ указанной, сидѣвшей тогда на крыльцѣ, но онъ Ладкинъ отказался.—Сверхъ сего дѣвица Юрьева представила писанныя къ ней Степановымъ письма, въ которыхъ онъ убѣждалъ ее отмѣнить свои прежнія показанія и опровергнуть доносъ ея родителей. Письма эти не признаны Степановымъ за собственноручныя; по заключенію же свидѣтельствовавшихъ, онѣ имѣютъ совершенное сходство съ почеркомъ Степанова.—Прапорщикъ Степановъ, не сознаваясь въ связи съ дѣвицею Юрьевою, первоначально показалъ, что хотя онъ зналъ о беременности ея, но

какъ вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ ее съ давняго времени и считалъ за хорошую хозяйку, любившую малолѣтнюю дочь его Степанова, то, предполагая о возможности вступленія съ нею въ бракъ, точно просилъ ея руки у Юрьева, вслѣдствіе чего ѣздили они въ Одессу, причемъ Юрьевъ во время пути неоднократно просилъ сказать тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ укажетъ, что будто бы онъ, Степановъ, обременилъ дочь его, увѣряя, что въ такомъ только случаѣ бракъ будетъ дозволенъ; полагаясь на эти увѣренія онъ, Степановъ, точно подтвердилъ слова Юрьева, который разсказывалъ чиновнику консисторіи, что дочь его обременена имъ, Степановымъ.—Впослѣдствіи же времени при производствѣ суда Степановъ изъяснилъ, что будто бы отставной коллежскій ассесоръ Ивановъ объявилъ ему секретно, что онъ имѣлъ съ дѣвицею Юрьевою блудную связь, которая продолжалась и во время поѣздки его, Иванова, съ дѣвицею Юрьевою въ Кіевъ, куда они отправились въ августѣ 1861 г.—Въ подтвержденіе показанія своего Степановъ сослался на бывшую у Иванова въ услуженіи дворянку Маркевичъ, которая говорила ему, что во время пути въ Кіевъ она видѣла Иванова въ блудномъ сношеніи съ Юрьевою. По этимъ обстоятельствамъ онъ, Степановъ, сильно подозрѣваетъ и даже увѣренъ, что прижитое Юрьевою дитя было отъ Иванова.—Дѣвица Юрьева и коллежскій ассесоръ Ивановъ не сознались въ любовной связи, причемъ Ивановъ объяснилъ, что, будучи одержимъ съ декабря 1859 г. тяжкою болѣзнію онъ не могъ имѣть сношенія съ женщиною; въ Кіевъ же ѣздилъ для излеченія отъ болѣзни, куда съ нимъ отправлена была чиновникомъ Юрьевымъ дочь его Анастасія.—Спрошенный за присягою по ссылкѣ Иванова медикъ Лаврентьевъ показалъ, что Ивановъ былъ имъ пользуемъ съ исхода іюня 1860 г. до половины февраля 1861 г. отъ тяжкой болѣзни по излеченіи которой Ивановъ не имѣлъ препятствія къ совокупленію съ женщиною.—Бывшая же у Иванова въ услуженіи дворянка Екатерина Маркевичъ безъ присяги показала, что во время поѣздки въ Кіевъ, когда они останавливались на постояломъ дворѣ, то она ночью видѣла, что Ивановъ имѣлъ связь съ дѣвицею Юрьевою. — На предложенный подсудимому прапорщику Степанову вопросъ, не желаетъ ли онъ вступить въ бракъ съ дѣвицею Юрьевою, если это будетъ

дозволено по правиламъ церкви—Степановъ отказался на томъ основаніи, что по его убѣжденію Юрьева, находясь въ преступной связи съ Ивановымъ, родила отъ него же и дитя.

Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла, морской генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что хотя подсудимый, прапорщикъ Степановъ, не сдѣлалъ сознанія въ кровосмѣшеніи съ свояченицею дѣвицею Анастасіею Юрьевою, но предъявленное на него обвиненіе по сему предмету подтверждается показаніями трехъ свидѣтелей подъ присягою о томъ, что Степановъ былъ въ связи съ дѣвицею Юрьевою. Въ виду сихъ показаній собственное сознаніе подсудимаго, что онъ готовъ былъ вступить съ Юрьевою въ бракъ, служитъ доказательствомъ бывшей у него связи съ Юрьевою, тѣмъ болѣе, что по словамъ Степанова онъ зналъ, что Юрьева беременна. Равнымъ образомъ и писанныя Степановымъ къ Юрьевой письма съ просьбою отмѣнить данное ею показаніе представляются весьма сильною уликою противу подсудимаго; хотя же Степановъ не признаетъ ихъ за собственноручныя, но по сличеніи онѣ оказываются имѣющими совершенное сходство съ почеркомъ Степанова. Степановъ въ оправданіе свое указывалъ на существованіе любовной связи между дѣвицею Юрьевою и отставнымъ коллежскимъ ассесоромъ Ивановымъ доказывая, что связь эта, обнаружившаяся во время производства надъ нимъ суда, навлекаетъ сильное подозрѣніе, что рожденное Юрьевою дитя было прижито ею отъ Иванова; но: во 1-хъ) Степановъ не представилъ въ подтвержденіе сего никакихъ доказательствъ, во 2-хъ) во время зачатія Юрьевою, разрѣшившейся отъ бремени 9 іюня 1861 г., коллежскій ассесоръ Ивановъ по присяжному показанію пользовавшаго его медика былъ боленъ и не прежде какъ съ половины февраля 1861 г. могъ имѣть совокупленіе съ женщиною, въ 3-хъ) указаніе Степанова на связь между дѣвицею Юрьевою и Ивановымъ при поѣздкѣ ихъ въ Кіевъ, куда они отправились съ августа 1861 г., т. е. во время уже производства надъ Степановымъ суда, никакого отношенія къ настоящему дѣлу имѣть не можетъ, если-бы даже связь эта и дѣйствительно существовала. По симъ основаніямъ и руководствуясь 320, 334, 301 и 304 ст. II кн. св. мор. угол. пост., морской генералъ-аудиторіатъ призналъ прапорщика Степанова, согласно съ пригово-

ромъ коммисіи военнаго суда и мнѣніемъ главнаго командира николаевскаго порта, виновнымъ въ кровосмѣшеніи съ свояченицею своею, дѣвицею Анастасьею Юрьевою, а потому, на основаніи 459 ст. 1 кн. св. угол. пост. и примѣняясь къ 2167 ст. улож. о наказ., опредѣлилъ: подсудимаго прапорщика Степанова арестовать съ содержаніемъ на гауптвахтѣ на шесть мѣсяцевъ и подвергнуть церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства; сверхъ этого согласно 460 ст. 1 кн. св. мор. угол. пост. обязать Степанова обезпечить по возможности содержаніе дѣвицы Анастасіи Юрьевой. Поступокъ-же ея, Анастасіи предоставить разсмотрѣнію гражданскаго начальства.—Положеніе это въ 10 день іюня 1863 года удостоено Высочайшаго утвержденія.

XXXV. О крестьянинѣ Василіѣ Андреевѣ, судимомъ за кровосмѣшеніе.

Дарья Кузьмина объявила священнику села Каргина, что она сдѣлалась беременна отъ прелюбодѣйной связи съ свекромъ своимъ, крестьяниномъ Василіемъ Андреевымъ (Легашевымъ). На допросѣ Дарья Кузьмина подтвердивъ означенное выше объявленіе, показала, что Андреевъ со дня выхода ея замужъ сталъ склонять ее на прелюбодѣяніе, притѣсненіями; за несогласіе на его предложеніе, онъ, Андреевъ, ругалъ ее дурными словами и приказывалъ своему сыну, а ея мужу бить ее, за то, что она ему свекру не повинуется. Когда мужъ ея наносилъ ей побои, то она говорила ему о причинѣ нелюбви свекра, но мужъ ей не повѣрилъ. Наконецъ однажды свекоръ пришелъ неизвѣстно откуда, и будучи пьянъ, подошелъ къ ней и уговаривалъ ее сдѣлать съ нимъ прелюбодѣяніе, притомъ онъ обѣщался ей, Кузьминой, что черезъ это она улучшитъ свою жизнь въ семействѣ. Съ этого дня она, Дарья, почувствовала себя беременною, и когда свекоръ и послѣ того уговаривалъ ее продолжать связь, она пошла и сказала о всемъ случившемся священнику. Согласилась она на предложеніе свекра потому, что думала улучшить свою жизнь, которая дѣйствительно была очень нехороша.—Василій Андреевъ показалъ, что въ первое время по женидьбѣ сына его, сноха Дарья Кузьмина оказывала ему во всемъ пови-

новеніе; а спустя годъ начала его ослушаться, ругала его дурными словами и клеветала въ томъ, что будто-бы онъ, Андреевъ, принуждаетъ ее къ прелюбодѣянію съ собою, но онъ не только этого не дѣлалъ, но даже и не могъ подумать объ этомъ. Къ сему онъ прибавилъ, что Дарья была строптиваго характера, что могутъ подтвердить его сосѣди. — На очной ставкѣ Дарья Кузьмина уличала своего свекра въ томъ, что онъ совершилъ съ ней прелюбодѣяніе; но Василій Андреевъ утвердился на своихъ прежнихъ показаніяхъ. — Авдотья Дмитріева, жена Василія Андреева, показала тоже, что и мужъ ея, какъ относительно характера Дарьи, такъ и о клеветѣ ея на ея мужа; что же касается до вѣрности этой клеветы, то она положительно не можетъ ни отрицать, ни утверждать, только за мужемъ она ничего подобнаго никогда не замѣчала; но полагаетъ, что это налгала Дарья по своему дурному характеру, бить же ее мужъ показательницы не приказывалъ.—Согласно сему показала и свекровь Кузьминой, Варвара Трофимова.—На очной ставкѣ, данной Авдотьѣ Дмитріевой и Варварѣ Трофимовой съ Дарьею Кузьминою, каждая изъ нихъ осталась при своихъ прежнихъ показаніяхъ.—Сосѣди Василія Андреева, въ числѣ 16 человѣкъ, подъ присягою объяснили, что подсудимый жилъ съ семействомъ хорошо, а сноха его Дарья Кузьмина ему не повиновалась. Что же касается до прелюбодѣянія со снохою, то они полагаютъ, что это ложь, ибо никто изъ нихъ объ этой связи не слыхалъ и сама Дарья никому ничего объ этомъ не говорила.—Матвѣй Васильевъ показалъ, что жена его Дарья имѣетъ сварливый характеръ, что онъ бивалъ ее за дурное поведеніе, а не по наущенію отца своего, что онъ отца своего въ прелюбодѣйной связи съ Дарьею не замѣчалъ и не можетъ повѣрить этому, наконецъ что онъ не знаетъ, ругала ли Дарья его отца, такъ-какъ онъ постоянно жилъ на заработкахъ въ разныхъ мѣстахъ; онъ не знаетъ, отъ кого она забеременила, и она ему никогда не говорила, будто его отецъ принуждаетъ ее къ прелюбодѣянію.—На очной ставкѣ, данной Матвѣю Васильеву съ Дарьей, каждый изъ нихъ утвердилъ свои прежнія показанія. На повальномъ обыскѣ поведеніе Василія Андреева и Кузьминой одобрено, но характеръ послѣдней не одобренъ и показано, что она сварлива. По 10-й ревизіи оказалось Василію Андрееву 52 г., а Кузьминой 29 лѣтъ.

Корсунскій уѣздный судъ по сему дѣлу опредѣлилъ: Василія Андреева за неимѣніемъ уликъ, отъ отвѣтственности признать свободнымъ, Кузьмину также не подвергать никакому наказанію, предоставивъ ей право съ ясными доказательствами начать искъ отъ дѣла сего особо.—Симбирская уголовная палата опредѣлила: 1) Дарью Кузьмину, безъ ограниченія правъ и преимуществъ, вмѣсто заключенія въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, наказать розгами 40 ударами и возвратить въ жительство, 2) Василія Андреева, на основаніи 304 ст. XV т. 2-й час. отъ суда и слѣдствія освободить. Это рѣшеніе губернскимъ прокуроромъ пропущено безъ протеста.—Начальникъ симбирской губерніи полагалъ, что не представляется никакого повода подвергать Кузьмину наказанію тѣлесному.—Святѣйшій правительствующій сунодъ, куда посылалось дѣло на предварительное заключеніе, увѣдомилъ, что если сенатъ утвердитъ рѣшеніе уголовной палаты или оставитъ подсудимыхъ въ подозрѣніи, то слѣдуетъ ихъ поручить духовному отцу для очищенія совѣсти по его усмотрѣнію, о чемъ и сообщить въ свое время епархіальному начальству.

Вслѣдствіе разногласія, произшедшаго въ 1 отд. 6 д-та сената при слушаніи сего дѣла, послѣднее перешло на разсмотрѣніе московскаго общаго собранія, которое нашло: «что хотя крестьянка Дарья Кузьмина и обвиняетъ своего свекра Василія Андреева въ кровосмѣсительной съ нею связи, вслѣдствіе которой будто-бы она сдѣлалась беременною, объясняя, что онъ принудилъ ее къ этому отчасти притѣсненіями, отчасти ласками, но въ справедливости сего по дѣлу не представляется никакихъ доказательствъ; самъ Андреевъ ни въ чемъ не сознался, семейные его и Кузьминой и одножители ихъ показаніе Кузьминой о дѣланныхъ будто-бы ей Андреевымъ притѣсненіяхъ не подтвердили, а относительно взведеннаго ею на Андреева обвиненія въ прелюбодѣяніи съ нею, объявили, что оно по ихъ мнѣнію ложно, такъ-какъ Кузьмина имѣетъ дурной характеръ; наконецъ самъ мужъ Кузьминой не изъявилъ никакого подозрѣнія на своего отца въ преступной его связи съ его женою и о томъ, отъ кого послѣдняя сдѣлалась беременною, отозвался совершеннымъ незнаніемъ. Такимъ образомъ ни Василій Андреевъ, ни сама Кузьмина, показаніе которой обстоятельствами дѣла не

подтвердилось, не могутъ быть за силою 304 и 317 ст. т. XV кн. 2-й, не только обвинены, но и заподозрѣны въ кровосмѣшеніи. Затѣмъ имѣя въ виду, что Кузьмина сдѣлалась беременною, по собственному ея показанію, въ отсутствіи мужа, который съ своей стороны о виновникѣ беременности жены отозвался незнаніемъ и показалъ, что она дурнаго поведенія,—нельзя не признать Кузьмину виновною въ прелюбодѣяніи, за что и слѣдуетъ предать ее, на основаніи 2-го отд. 2156 ст. 1 кн. XV т., суду духовному. Что же касается предполагаемаго симбирскою палатою уголовнаго суда обвиненія Кузьминой въ ложномъ доносѣ на Андреева, то принимая во вниманіе, что она сдѣлала объявленіе не гражданскому начальству, а своему духовному отцу, и тотъ уже довелъ до свѣдѣнія полиціи о ея показаніи,—нельзя признавать объявленія ея доносомъ, тѣмъ болѣе, что слѣдователемъ не были соблюдены формальности, предписанныя закономъ въ отношеніи доносовъ (48, 50, 53, 55 и 59 ст. 2-й кн. XV т.), а потому подвергать Кузьмину какой-либо отвѣтственности нѣтъ основанія. Въ сихъ соображеніяхъ, общее собраніе опредѣлило: 1) Дарью Кузьмину и Василія Андреева по предмету кровосмѣшенія, отъ суда освободить; 2) Кузьмину за прелюбодѣяніе ея съ неизвѣстнымъ лицомъ отослать къ суду духовному.—Указъ посланъ въ іюнѣ 1864 г.

Представимъ краткій историческій очеркъ того, какимъ образомъ произошли постановленія дѣйствующаго законодательства, (ст. 2167 улож.), разсматривающія любовную связь между свойственниками, какъ кровосмѣшеніе?

По прежнимъ нашимъ уголовнымъ законамъ, наказаніе за кровосмѣшеніе, въ большей части случаевъ, предоставлено было усмотрѣнію суда (ст. 779 и 780-й кн. I т. XV издан. 1842 года). При составленіи уложенія о наказан. когда представилась необходимость установить вообще для наказаній ясные положительные предѣлы, принято въ основаніе различіе между: родствомъ кровнымъ, связующимъ лица, происходящія одно отъ другаго по рожденію (cognatio), и свойствомъ, соединяющимъ родственниковъ одного супруга съ родственниками другаго

(affinitas)—Это различіе, перешедшее во всѣ законодательства изъ постановленій римскаго и церковнаго права, утвердилось и у насъ, хотя въ нашихъ законахъ гражданскихъ, не предоставляющихъ свойственникамъ никакихъ правъ на наслѣдство, и нѣтъ столь подробныхъ правилъ о возникающихъ отъ свойства связяхъ, какъ о связяхъ собственно родства кровнаго, и хотя въ нашей юридической терминологіи эти понятія не всегда съ точностію различаются. Есть примѣры, что выраженіе родство и свойство употребляются поперемѣнно въ значеніи, объемлющемъ всѣ виды того и другаго. Въ указѣ 1765 года іюня 6 (12408) выраженіе «*свойства*» относится ко всѣмъ родственнымъ связямъ; въ указѣ 1810 года, января 19, (24091) упоминаются дѣла о вступающихъ въ браки въ родствѣ и свойствѣ, а въ уставѣ консисторіи 1841 года, марта 27 (14409) статья 217, при исчисленіи браковъ, признаваемыхъ незаконными, говорится только: «о брачныхъ сопряженіяхъ лицъ, состоящихъ въ родствѣ».—Во многихъ иностранныхъ законодательствахъ, (уклонившихся совершенно отъ вліянія церковныхъ законовъ) любовная связь между свойственниками даже не называется кровосмѣшеніемъ и причислена къ видамъ обольщенія, соединеннаго съ злоупотребленіемъ власти, а наказанія за это преступленіе, (которыя вообще гораздо менѣе строги, нежели постановленныя за противузаконныя связи родственниковъ) усиливаются, когда одно изъ вовлеченныхъ въ преступную связь—лице несовершеннолѣтнее, или когда преступленіе содѣяно при жизни еще другаго супруга. Уложеніе о нак. не послѣдовало этимъ примѣрамъ; но тѣмъ не менѣе отличаетъ, мѣрою болѣе или мѣнѣе строгою въ наказаніи, кровосмѣшеніе лицъ, связанныхъ узами кровнаго родства, отъ кровосмѣшенія съ лицами близкими одно къ другому по свойству.

Б.

XXXVI. Дѣло о вдовѣ гвардіи капитана Леонтьевой, судившейся за жестокое обращеніе съ сыномъ своимъ Ѳедоромъ.

Въ январѣ 1851 г. до московскаго военнаго генералъ-губернатора дошли слухи о жестокомъ обращеніи вдовы гвардіи капитана Екатерины Леонтьевой съ девятилѣтнимъ сыномъ ея Ѳе-

доромъ. Для удостовѣренія въ справедливости этихъ слуховъ было сдѣлано распоряженіе объ осмотрѣ квартиры Леонтьевой. При этомъ московскій уѣздный предводитель дворянства и сопровождавшія его лица нашли Оедора Леонтьева въ комнатѣ, называемой дѣвичьей, запертымъ въ деревянномъ шкафѣ; руки его были связаны сзади по локтямъ бумажнымъ снуркомъ. Блѣдный, изнуренный и худой, онъ былъ одѣтъ въ одной только рубашкѣ, обутъ въ туфляхъ и покрытъ коленкоревымъ чехломъ съ дивана.—При медицинскомъ свидѣтельствѣ Ѳедора Леонтьева на правой сторонѣ лба его былъ замѣченъ шрамъ, около вершка и опухоль, величиною въ лѣсной орѣхъ; на правой кисти шесть тонкихъ кровавыхъ полосъ, на верхней части праваго предплеченія два возвышенія отъ дикаго мяса съ окружной краснотой, происшедшія отъ несовершенно зажившихъ ранъ; на лѣвой кисти три зажившіе шрама, подъ правымъ колѣномъ три красныя пятна, на голени выше лѣвой ступени красноватая полоса и тонкая полоса на ступени, на мизинцѣ лѣвой ноги опухоль и краснота, на дѣторолномъ членѣ головка обнажена и крайняя плоть заворочена. Доктора, производившіе свидѣтельство, нашли, что худосочіе и изнуреніе малолѣтняго Леонтьева—результатъ непитанія тѣла его и жестокаго съ нимъ обращенія, и признали необходимымъ, для поправленія его здоровья и разстроеннаго организма—отправить его въ больницу.

Находившіеся въ услуженіи у Леонтьевой люди, безсрочно-отпускной рядовой Терентьевъ, дворовая дѣвка Антонова, крѣпостная Леонтьевой дѣвка Дмитріева, мѣщанка Полетаева и мѣщанинъ Ермолаевъ, показали: что Леонтьева обходилась съ сыномъ своимъ Ѳедоромъ жестоко, на прежней квартирѣ постоянно держала его въ холодной комнатѣ, откуда только на ночь приводила къ себѣ въ спальню, гдѣ клала на полъ безъ всякой подстилки и безъ подушки съ завязанными руками и привязывала къ стулу или дивану, кормила его не болѣе двухъ разъ въ день корками хлѣба, намоченными въ помояхъ, по переѣздѣ на настоящую квартиру запирала его сперва въ холодный чуланъ, а потомъ держала его постоянно и день и ночь запертымъ въ шкафѣ, била его руками въ грудь и голову и наказывала часто розгами. Къ сему Антонова присовокупила, что мальчика Ѳедора наказывалъ также поручикъ бутырскаго полка князь Обо-

ленскій и однажды за то, что Ѳедоръ выпилъ квасъ, сѣкъ розгами до того, что самъ усталъ и потребовалъ холодной воды; потомъ вечеромъ она слышала глухіе удары и оханье Ѳедора, а на другой день увидала его привязаннымъ къ замку двери, около которой на полу была кровь въ большомъ количествѣ, причемъ Ѳедоръ объяснилъ ей, что кровь натекла изъ раны, сдѣланной ему княземъ Оболенскимъ при наказаніи его полусаблею.—Согласно съ показаніемъ этихъ лицъ отозвался и самъ малолѣтній *Ѳедоръ Леонтьевъ*, добавивъ, что мать била его головою объ стѣну, отъ чего имѣется на лбу его знакъ, и говорила, что она ненавидитъ его и что ей скучно, когда она не бьетъ его.—Подсудимая Екатерина *Леонтьева* при слѣдствіи показала, что она не знаетъ, отчего произошли найденные у сына ея Ѳедора знаки, а головка детороднаго члена обнажена и крайняя плоть заворочена отъ болѣзненной его привычки къ онанизму, для прекращенія которой она связывала ему руки полотенцемъ или снуркомъ, подкладывая въ такомъ случаѣ платокъ или хлопчатую бумагу, ноги привязывала снуркомъ къ столу, дивану или кровати. Съ тою же цѣлью она запирала его въ холодную комнату, сажала два или три раза въ холодный чуланъ *), а потомъ запирала въ шкафъ, кормила его обыкновеннымъ порядкомъ, но не давала только мяса; сѣкла же за шалости, но объ стѣну не била и никогда не говорила, что ненавидитъ его. Князь Оболенскій помогалъ ей иногда связывать сына и однажды высѣкъ его розгами, по ея просьбѣ, но полусаблею его не билъ.

Поручикъ пѣхотнаго бутырскаго полка князь Яковъ *Оболенскій* въ отвѣтахъ, между прочимъ, объяснилъ, что, познакомясь съ вдовою Леонтьевою, онъ часто ее посѣщалъ и имѣлъ намѣреніе на ней жениться; Леонтьева иногда при немъ наказывала сына своего Ѳедора розгами, связывала ему руки и привязывала къ стульямъ и дивану для воздержанія отъ онанизма и воровства,—онъ же никакихъ наказаній ему не дѣлалъ и полусаблею никогда не билъ, но ему случалось уговаривать ребенка изъ со-

*) Чуланъ, въ который Леонтьева запирала сына своего, оказался устроеннымъ изъ досокъ и между досками находились щели, куда проникалъ наружный холодный воздухъ, такъ-что въ чуланѣ холоднѣе, нежели на открытомъ воздухѣ.

страданія къ матери. Леонтьева, чтобы отучитъ сына своего Ѳедора отъ онанизма, сажала его въ комнату менѣе другихъ теплую, или держала часа по 2 или по 3 въ холодномъ чуланѣ, одѣвая его какъ можно теплѣе, а въ шкафъ запирала на весьма короткое время, когда нельзя было посадить въ чуланъ по случаю большаго холода, или потому-что тамъ были съѣстные припасы.—Малолѣтній *Ѳедоръ Леонтьевъ*, подтверждая первое свое объясненіе на счетъ обращенія съ нимъ его матери, сознался въ привычкѣ къ онанизму, присовокупивъ, что мать его рвала своими ногтями детородный его членъ, прикладывала къ оному горчицу минутъ на 10 и болѣе, отъ чего онъ чувствовалъ мучительную боль, и говорила, что уложитъ его скоро въ могилу. Воровалъ онъ иногда что-нибудь съѣстное, потому-что былъ голоденъ, а за это его мать сильно наказывала.—Старшіе сыновья Леонтьевой Дмитрій и Митрофанъ въ данныхъ ими показаніяхъ между прочимъ объяснили, что мать ихъ неоднократно говорила, что изведетъ всю Леонтьевщину.—Дочь Леонтьевой дѣвица Варвара Дмитріева, проживающая у дяди своего въ ярославской губерніи, въ ростовскомъ уѣздѣ, объяснила, что Ѳедоръ и другіе умершіе братья ея, Павелъ и Яковъ, при жизни ихъ у матери были часто наказываемы и иногда по цѣлымъ днямъ не давали имъ ѣсть, съ нею же мать обходилась строптиво, особенно когда она вступалась за братьевъ.—Братъ покойнаго мужа Леонтьевой Иванъ Леонтьевъ объяснилъ, что онъ взялъ племянницу, по убѣдительной ея просьбѣ, по случаю невыносимой жизни у матери.—Леонтьева получила воспитаніе въ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ; о поведеніи ея спрошенныя лица отозвались неизвѣстностію. Прежде сего Леонтьева судима не была, но по Высочайшему повелѣнію за жестокое обращеніе съ крестьянами выслана изъ имѣнія своего ярославской губерніи, ростовскаго уѣзда, села Горокъ съ воспрещеніемъ распоряжаться своими крестьянами.

Медицинскій совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ нашелъ: 1) что знаки, найденные на тѣлѣ Ѳедора Леонтьева, сами по себѣ не представляютъ поврежденій значительныхъ, для жизни или вообще для здоровья опасныхъ, но при болѣзненномъ состояніи малолѣтняго и при недостаткѣ необходимыхъ для поддержанія жизни условій пищи, воздуха и тепла,—и незначительное само по себѣ поврежденіе могло бы имѣть невыгодное вліяніе

на его здоровье; 2) что онанизмъ способствовалъ болѣзненному состоянію вмѣстѣ съ внѣшними насиліями и неправильнымъ діетическимъ содержаніемъ; 3) что принятыя Леонтьевою мѣры противъ онанизма не всѣ соотвѣтствовали своей цѣли и нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ запираніе въ шкафъ, скорѣе могли давать поводъ къ поддержанію сей наклонности.

Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, правительствующій сенатъ нашелъ, что подсудимая вдова капитана Екатерина Леонтьева мѣстнымъ осмотромъ (ст. 327 ч. 2 т. XV), медицинскимъ удостовѣреніемъ (ст. 382), показаніями достовѣрныхъ присяжныхъ свидѣтелей (ст. 329) и собственнымъ отчасти сознаніемъ, вполнѣ изобличается въ нанесеніи съ умысломъ—истязаній малолѣтнему сыну своему Ѳедору. На основаніи общаго закона, опредѣляющаго отношенія родителей къ дѣтямъ, мать и отецъ имѣютъ право употреблять домашнія исправительныя мѣры въ отношеніи строптивыхъ и неповинующихся дѣтей, отдавая ихъ, при безуспѣшности сихъ мѣръ, въ смирительные домы или предавая суду совѣстнаго суда, а въ личныхъ обидахъ, подробно изложенныхъ въ 2008—2016 ст. ул., не принимается отъ дѣтей на родителей иска, ни гражданскимъ, ни уголовнымъ порядкомъ. Но правило сіе не распространяется на тѣ случаи, когда родители, въ отношеніи къ лицу дѣтей своихъ, покушаются на такія дѣянія, которыя по общимъ законамъ подлежатъ наказанію уголовному. Въ сихъ случаяхъ дѣло производится по общимъ уголовнымъ законамъ. (ст. 2094 улож.). Если порочныя наклонности и въ особенности болѣзненная привычка малолѣтняго Ѳедора къ онанизму могли быть справедливымъ поводомъ къ принятію строгихъ мѣръ въ пищѣ, содержаніи и самомъ исправленіи порочнаго мальчика по собственному усмотрѣнію его матери, то мѣры сіи ни въ какомъ случаѣ не должны были преступать предѣлы, сей власти назначенные, и переходить къ дѣяніямъ преступнымъ, подлежащимъ уголовному наказанію. Оправданіе Леонтьевой, что на означенные выше поступки она рѣшалась для искорененія болѣзненной привычки сына ея къ онанизму, не заслуживаетъ уваженія, ибо принятыя ею мѣры не только не соотвѣтствовали этой цѣли, но напротивъ могли служить поводомъ къ поддержанію этой наклонности. Если бы Леонтьева дѣйствительно желала изгладить замѣченные ею въ сынѣ пороки,

то ей не предстояло надобности лишать его въ этихъ видахъ необходимыхъ для поддержанія жизни условій—пищи, воздуха и тепла, разстраивая тѣмъ его здоровье, а она могла достигнуть сего другими дозволенными средствами. Наконецъ, по самому званію и степени образованности подсудимой, нельзя признать принятыя ею жестокія мѣры послѣдствіемъ одного увлеченія, желаніемъ искоренить порокъ въ мальчикѣ и незнаніемъ своихъ правъ и обязанностей. Напротивъ сего злоба, сопровождавшая ея поступки, несогласная съ природными чувствами матери, явно обнаруживаетъ преступный умыселъ къ удовлетворенію надъ сыномъ своимъ питаемой къ нему ненависти, истинная причина которой осталась необъясненною. Злоупотребленіе родительской власти, коль скоро съ нимъ соединены другія преступленія, на основаніи 2160 ст. улож. и 168 ст. 1 ч. X т., подвергаетъ виновныхъ родителей строжайшему изъ наказаній, за тѣ преступленія назначенныхъ. Постоянное лишеніе свободы и пищи, безпрерывное нанесеніе побоевъ, держаніе въ холодномъ чуланѣ и запираніе въ тѣсный шкафъ съ вязаніемъ рукъ и ногъ веревками, отъ которыхъ на тѣлѣ оставались рубцы, очевидно заключаютъ въ себѣ тѣ истязанія, которыя предусмотрѣны въ 2047 ст. улож., а продолжительность оныхъ вполнѣ доказываетъ, что преступница дѣйствовала съ злымъ умысломъ, что отчасти подтверждается и тѣмъ, что Леонтьева за жестокость, по Высочайшему повелѣнію, устранена отъ управленія своимъ имѣніемъ, и что другія дѣти ея также объяснили при слѣдствіи о жестокомъ обращеніи съ ними ихъ матери. По 2037 ст. за причиненіе кому-либо съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ менѣе тяжкаго увѣчья, виновный, смотря по большей или меньшей обдуманности умысла, по мѣрѣ причиненнаго имъ страданія, по происходящей отъ того болѣе или менѣе продолжительной неспособности подвергшагося тому къ своимъ обычнымъ занятіямъ и работамъ и по другимъ болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину его обстоятельствамъ, приговаривается къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ губерніи иркутскую или енисейскую съ заключеніемъ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ и съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ продолженіи опредѣляе-

маго судомъ времени отъ восьми до девяти лѣтъ, или же въ губерніи томскую или тобольскую съ заключеніемъ на время отъ одного года до двухъ лѣтъ или же безъ заключенія (ст. 34, ст. 2, 4, 5). Наказаніе за учиненныя Леонтьевою противузаконныя дѣйствія должно быть назначено строжайшее изъ упоминаемыхъ въ 2037 ст. улож. и въ высшей онаго мѣрѣ, какъ по обдуманности умысла и причиненному страданію, такъ и опасности, которой малолѣтній подвергался и совокупности преступленій, и съ возвышеніемъ сего наказанія еще двумя степенями, такъ-какъ истязанія нанесены были подсудимою родному сыну своему (2000 ст.). По симъ соображеніямъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: вдову гвардіи капитана Екатерину Леонтьеву, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ, сослать на житье въ иркутскую губернію съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ея жительства, въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія губерніи или области Сибири въ теченіи двѣнадцати лѣтъ.

XXXVII. О рядовомъ Ивановѣ, сужденномъ за ограбленіе дворянки Сикорской.

Командиръ 3-й роты, 5-го сапернаго баталіона, капитанъ Нейманъ рапортомъ 4-го сентября 1862 года донесъ командиру этого баталіона, что вдова дворянка Сикорская (50 л.), явясь къ нему, объявила, что 30-го августа, прійдя изъ г. Канева въ г. Кіевъ на богомолье, она остановилась въ монашеской слободкѣ, въ квартирѣ племянницы своей, жены рядоваго 1-й саперной роты Евдокима Дубровина, а на другой день отправилась въ кіевопечерскую лавру и пробыла тамъ до вечера; вечеромъ-же часовъ въ 8-мь, возвращаясь изъ города опять къ племянницѣ своей, не подалеку отъ инженернаго кирпичнаго завода, встрѣтила какого-то пьянаго солдата, который началъ къ ней приставать. За нимъ подошелъ и другой солдатъ, оказавшійся впослѣдствіи, рядовымъ Евгеніемъ Ивановымъ. Разговаривая съ нею, Ивановъ узналъ кто она, откуда и зачѣмъ пришла, спрашивалъ, знаетъ ли она дер. Бычай, Селище и Бобрицу, гдѣ Ивановъ стоялъ во время квартированія баталіона въ Каневѣ, и, выска-

завъ ей, что знаетъ Дубровина и квартиру жены его, оба солдата предложили провести ее, хотя объ этомъ она ихъ не просила. Вслѣдствіе сего она, Сикорская, какъ старая женщина, пошла за ними; но, замѣтивъ, что они сворачиваютъ въ сторону, отошла отъ нихъ, надѣясь сама отыскать квартиру своей племянницы. Тогда Ивановъ бросился на нее, Сикорскую, и повалилъ ее, въ чемъ помогалъ ему и товарищъ его. Хотя въ это время она стала кричать, но они не остановились и, зажимая ей ротъ и засыпая пескомъ и бурьяномъ, изнасиловали ее оба, поочередно, потомъ сняли съ головы платокъ, въ которомъ было завязано мелкимъ серебромъ 2 р., и взяли другой платокъ, въ коемъ также были завязаны новые башмаки и 10-ть грошей мѣдныхъ денегъ, и сами скрылись около кирпичнаго завода.—1-го сентября, съ помощью Дубровина и племянницы своей, Сикорская, проходя по баракамъ, узнала помянутаго рядоваго Иванова. Изложивъ это, капитанъ Нейманъ присовокупилъ, что вслѣдъ затѣмъ сдѣланъ былъ обыскъ у Иванова, но ни вещей, ни денегъ у него не оказалось, а по справкамъ хотя оказывается, что рядовой Ивановъ въ день происшествія находился въ ротѣ на повѣркѣ до зари и послѣ вечерней зари, но собственное его признаніе, что онъ ходилъ въ палатку на правомъ флангѣ сапернаго лагеря, можетъ служить яснымъ доказательствомъ его вины, потому-что время это согласуется со временемъ повѣрки. Еще болѣе служитъ доказательствомъ то, что Ивановъ проговаривался Сикорской о прежней своей стоянкѣ и что при появленіи Сикорской, онъ сильно смутился, и какъ будто хотѣлъ скрыться; когда-же она узнала его и бросилась къ нему, указывая на него какъ на виновнаго, онъ какъ будто чувствуя вину, невольно сказалъ: «врешь старая, подлая вѣдьма, я тебя не видалъ», тогда-какъ Сикорская ни съ кѣмъ не говорила ни слова и никому еще не объявила цѣли, съ которой явилась въ бараки.—По поводу этого донесенія поручено было капитану того же баталіона Замбржицкому произвести изслѣдованіе. Вслѣдствіе сего офицеръ этотъ донесъ командиру баталіона, что рядовой Ивановъ на допросѣ подтвердилъ все, изложенное въ рапортѣ капитана Неймана, и сознался въ томъ, что онъ, бывъ въ пьяномъ видѣ и замѣтивъ въ темнотѣ Сикорскую, шедшую съ какимъ-то солдатомъ около сапернаго лагеря, по направленію къ монашеской

слободкѣ, рѣшился сдѣлать съ нею грѣхъ, почему и изнасиловалъ ее, не смотря на сопротивленіе и крикъ; а потомъ, сорвавъ съ головы Сикорской платокъ съ деньгами и взявъ на свою долю около 60-ти копѣекъ, передалъ этотъ платокъ съ остальными деньгами другому солдату, участвовавшему съ нимъ въ изнасилованіи Сикорской; но сколько было денегъ въ платкѣ, Ивановъ не знаетъ, потому-что дѣлежъ дѣлался поспѣшно и въ темнотѣ. Кто же былъ другой солдатъ съ Ивановымъ, имъ слѣдователемъ не открыто, не смотря на чистосердечное содѣйствіе Иванова, потому-что все это произошло, какъ объяснилъ Ивановъ, не преднамѣренно, а случайно, такъ-что Ивановъ не разглядѣлъ въ лицо своего соучастника.—На вторичномъ допросѣ, какъ донесъ Замбржицкій, подсудимый Ивановъ, подтвердивъ свои показанія, присовокупилъ, что соучастника его въ изнасилованіи Сикорской могутъ открыть: унтеръ-офицеръ 5-го сапернаго баталіона Тимофей Завьяловъ и писаря 4-го сапернаго баталіона Алексѣй Голубевъ и Петръ Ивановъ, которые, прибѣжавъ на крикъ помянутой женщины, защитили ее. Однако на очной ставкѣ этихъ нижнихъ чиновъ съ рядовымъ Ивановымъ оказалось, что унтеръ-офицеръ Завьяловъ и писаря Голубевъ и Ивановъ защитили отъ рядоваго Евгенія Иванова не старуху Сикорскую, а другую молодую женщину и что при защитѣ этой молодой женщины, съ которою впрочемъ ничего предосудительнаго не случилось, подсудимый Ивановъ и его соучастникъ были одѣты въ бѣлыхъ саперныхъ рубашкахъ, а не въ шинеляхъ, какъ-то сначала показывалъ рядовой Ивановъ.—По этому унтеръ-офицеръ Завьяловъ и писаря Голубевъ и Ивановъ не могли открыть соучастника подсудимаго Иванова по дѣлу Сикорской, въ чемъ согласился и самъ рядовой Ивановъ.—По этимъ обстоятельствамъ рядовой Евгеній Ивановъ, по распоряженію командира 2-й саперной бригады, былъ преданъ военному суду при резервномъ саперномъ полубаталіонѣ. Въ военномъ судѣ подсудимый Ивановъ, подтвердивъ показаніе, данное при слѣдствіи, присовокупилъ, что пескомъ и бурьяномъ рта Сикорской онъ не засыпалъ. О соучастникѣ въ преступленіи онъ, Ивановъ, объяснилъ, что замѣтилъ на немъ форму строеваго солдата 5 понтоннаго парка, но признать этого солдата не можетъ; ограбленныя же у Сикорской деньги 60 коп., онъ, Ивановъ, употребилъ на пьян-

ство.—Изъ формулярнаго списка подсудимаго оказалось, что онъ 29 лѣтъ, происходитъ изъ незаконнорожденныхъ солдатскихъ дѣтей; въ службѣ состоитъ съ 5-го апрѣля 1854 г. За первый изъ службы побѣгъ, наказанъ розгами ста ударами; грамотенъ; холостъ. Кромѣ того изъ штрафнаго журнала оказалось, что Ивановъ, въ декабрѣ 1860 года, за пьянство былъ исключенъ изъ младшаго класса баталіонной школы, а ротный командиръ подсудимаго далъ отзывъ, что онъ поведенія дурнаго.

Разсмотрѣвъ это дѣло, военный генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подсудимый вечеромъ 31 августа 1862 г., сдѣлавъ самовольную отлучку изъ лагеря въ г. Кіевъ и встрѣтивъ по дорогѣ къ монашеской слободкѣ вдову дворянку Сикорскую, съ помощію другаго неизвѣстнаго солдата, повалилъ эту женщину на землю и изнасиловалъ ее; причемъ засыпая Сикорской ротъ пескомъ и бурьяномъ, когда та кричала, и ограбивъ у нея два платка съ деньгами и вещами, скрылся. Бывъ пойманъ на слѣдующій день и узнанъ Сикорскою, подсудимый, сознаваясь въ означенныхъ преступленіяхъ, объяснилъ, что сорвавъ съ головы Сикорской платокъ, изъ бывшихъ въ немъ денегъ взялъ себѣ 60 коп. и пропилъ, а другія передалъ неизвѣстному ему солдату, участвовавшему съ нимъ въ изнасилованіи Сикорской, — въ военномъ же судѣ хотя подсудимый Ивановъ и отрекся отъ сдѣланныхъ Сикорской истязаній, но таковое показаніе за сдѣланнымъ имъ при слѣдствіи сознаніемъ, удостовѣреннымъ показаніемъ самой Сикорской, никакого уваженія заслуживать не можетъ. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго рядоваго Евгенія Иванова виновнымъ, въ самовольной изъ лагеря отлучкѣ, изнасилованіи въ это время вдовы Сикорской, съ причиненіемъ ей истязаній, и ограбленіи у ней вещей и денегъ,—на точномъ основаніи воен. угол. уст. кн. 1 ст. 96, 464 и 531 и улож. о нак. угол. и исправ. 165, 2078 и 2079 ст. опредѣлилъ: 1) подсудимаго Иванова лишивъ бронзовой медали въ память войны 1853 — 1856 г., воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ; 2) понесенный дворянкою Сикорскою убытокъ удовлетворить изъ собственности Иванова, если онъ таковую имѣетъ.

*

XXXVIII. Дѣло о бердичевскихъ евреяхъ Морбейнахъ и Мазурахъ, судимыхъ за причиненіе смерти многимъ малолѣтнимъ дѣтямъ, принимаемымъ ими къ себѣ на воспитаніе.

6-го декабря 1857 года, въ г. Бердичевѣ, въ саду мѣщанина Шульгина, найденъ былъ мертвый младенецъ мужескаго пола. По медицинскому свидѣтельству трупа младенца оказалось: что мозгъ его имѣетъ ненормальную мягкость, и что въ ономъ, а равно въ оболочкахъ, окружающихъ мозгъ, находится въ значительной степени кровь, что, по мнѣнію врача, было исходною точкою смерти. Далѣе врачъ полагалъ, что первоначально болѣзнь началась вѣроятно воспаленіемъ мозга, что при недостаткѣ медицинскаго пособія, (ибо никакихъ слѣдовъ его не найдено), воспалительный процессъ обусловилъ размягченіе мозга, что пустота желудка и кишекъ утверждаетъ въ томъ мнѣніи, что ребенокъ былъ предъ смертію боленъ, а круглота наружныхъ формъ отсутствіе признаковъ истощенія и значительное количество жира въ подкожной клѣтчаткѣ доказываютъ, что болѣзнь его была непродолжительна.—Кіевская врачебная управа отозвалась, что изъясненный актъ можетъ быть принятъ въ основаніе при рѣшеніи дѣла въ такомъ только случаѣ, когда по изслѣдованію не откроется явныхъ подозрѣній въ причиненіи ребенку кѣмъ либо смерти.—Бердичевская градская полиція, имѣя въ виду, что жительствующіе въ г. Бердичевѣ мѣщанинъ Мейеръ и жена его Хая Морбейны принимаютъ къ себѣ на воспитаніе незаконнорожденныхъ еврейскихъ дѣтей, приступила тогда же къ производству надлежащаго изслѣдованія о томъ, не подбрасываютъ ли Морбейны изъ числа тѣхъ дѣтей умершихъ, во избѣжаніе расходовъ на погребеніе ихъ. Изъ увѣдомленія бердичевскаго казеннаго раввина открылось, что изъ числа бывшихъ съ 1852 года на воспитаніи у Морбейновъ незаконнорожденныхъ еврейскихъ дѣтей, по декабрь 1857 года умерло и погребено по еврейскимъ обрядамъ—16, и что на погребеніе изъ нихъ восьми были разрѣшенія мѣстной полиціи.

При слѣдствіи, мѣщанинъ Мейеръ *Морбейнъ* показалъ, что

онъ, будучи бѣднаго состоянія и не имѣя способовъ для пропитанія себя съ семействомъ, (состоящимъ изъ жены и трехъ дѣтей), принимаетъ къ себѣ за достаточную плату на воспитаніе грудныхъ еврейскихъ дѣтей. Къ этому онъ присовокупилъ въ показаніи 3-го февраля 1858 года, что всѣхъ такихъ дѣтей было у него пять; а въ показаніи 11-го ноября 1858 года, даннымъ по предъявленіи ему отзыва казеннаго раввина, назвалъ изъ числа бывшихъ у него на воспитаніи и умершихъ малолѣтнихъ дѣтей десять матерей ихъ, однихъ по именамъ и фамиліямъ, а другихъ одними только именами, безъ означенія даже, откуда онѣ родомъ и гдѣ имѣютъ жительство. Относительно матерей остальныхъ дѣтей, показанныхъ въ томъ отзывѣ казеннаго раввина, онъ объяснилъ, что по давности времени и необращенію вниманія, онъ ихъ не помнитъ, а потому не можетъ дать свѣдѣнія, гдѣ именно онѣ въ настоящее время находятся. Въ заключеніе-же удостовѣрилъ, что всѣ дѣти, бывшія у него на воспитаніи, умерли естественною смертію.

При слѣдствіи показали: 1) повивальная бабка Рейза и мужъ ея—что назадъ тому 11 мѣсяцевъ, (что составитъ по расчету времени въ ноябрѣ 1857 года), прибыла къ нимъ на квартиру еврейка Хана Блуштейнова и родила сына, который, по причинѣ сильнаго воспаленія глазъ, дня черезъ три ослѣпъ. Хана Блуштейнова дней черезъ восемь нанялась въ кормилицы, а сына своего, за условленную плату, отдала на воспитаніе Морбейнамъ. 2) Еврейка Хана Блуштейнова, — что она сына того прижила блудно съ неизвѣстнымъ евреемъ, и что послѣ родовъ черезъ недѣлю поступила въ кормилицы, а сына отдала на воспитаніе Морбейнамъ по условію, въ которомъ обязалась платить Морбейнамъ за воспитаніе сына ея въ годъ по 30 рублей. 3) Еврей Мейеръ Морбейнъ,—что Хана Блуштейнова въ концѣ 1857 года точно приносила къ нему для отдачи на воспитаніе сына, имѣвшаго не болѣе двухъ недѣль, совершенно слѣпаго; за это онъ требовалъ съ нея 20 руб., но еврейка та, въ отсутствіе его изъ квартиры, ушла; причемъ унесла и самое дитя. Спустя же не болѣе двухъ недѣль, дитя это найдено мертвымъ въ саду Шульгина. Дитя это есть дѣйствительно то самое, которое Блуштейнова приносила къ нему для отдачи на воспитаніе. Тоже подтвердила и жена Морбейна. На очныхъ ставкахъ, данныхъ Блуш-

цтейновой съ евреемъ Морбейномъ и его женою, каждый изъ нихъ утвердилъ свое показаніе, причемъ Блунштейнова присовокупила, что когда она послѣ отдачи на воспитаніе Морбейнамъ своего дитяти посѣтила его, то Морбейнъ кричалъ и напоминалъ ей, что по силѣ условія (записки) она должна за всякое посѣщеніе быть оштрафованною 100 рублями.—4) Еврей Виденскій подъ присягою показалъ, — что въ послѣднихъ числахъ ноября 1857 года онъ заходилъ въ квартиру Морбейновъ, видѣлъ самъ младенца, который былъ въ болѣзненномъ состояніи и ослѣпшій; затѣмъ вторично посѣтилъ его дней черезъ восемь, и въ это время младенецъ тотъ былъ въ одинаковомъ положеніи, и именно съ закрытыми глазами и несовершенно здоровымъ; Морбейнъ при этомъ объявлялъ, что это дитя незаконнорожденное Блунштейновой.—На очныхъ ставкахъ Морбейнъ сознался, что дѣйствительно то дитя, которое видѣлъ у него еврей Виденскій, было Блунштейновой, но что оно вскорѣ послѣ посѣщенія Виденскаго умерло и похоронено по еврейскому обряду.—5) Присяжный раввинъ объявилъ, что сына еврейки Блунштейновой въ числѣ умершихъ и погребенныхъ въ запискѣ по метрическимъ книгамъ не оказалось.—Послѣ сего еврей Морбейнъ, подтверждая прежнее свое показаніе, что бывшій у него на воспитаніи сынъ еврейки Блунштейновой дѣйствительно умеръ естественною смертію, изъяснилъ, что трупъ его за три дня предъ тѣмъ, какъ найденъ былъ въ саду Шульгина, по совѣту еврейки Блюмы, находящейся въ замужествѣ за отставнымъ солдатомъ Іосилемъ Либеровичемъ, жительствующимъ въ г. Одессѣ, выброшенъ былъ, дабы его не погребать, и что исполнила это та еврейка, за что имъ, Морбейномъ, заплачено было ей 50 коп. О еврейкѣ Блюмѣ Либеровичъ, при производствѣ слѣдствія, розысканія не было сдѣлано и она осталась неспрошенною.—6) Хозяйка дома, гдѣ квартировалъ Морбейнъ, однодворка Городецкая, подъ присягою показала, что во время квартированія у нея Морбейна, она видѣла у него дитя мужескаго пола, маленькое, рыжее, имѣвшее отъ роду около двухъ недѣль, и что однажды она, войдя въ комнату Морбейновъ, нашла его подъ периною, послѣ чего дитя это Морбейнъ куда-то скрылъ, отзываясь сначала, что отдалъ кому-то отсасывать грудь, а затѣмъ, что дитя взято было его матерью; но то ли было это дитя,

которое найдено въ саду Шульгина, или другое, она не знаетъ.

Между-тѣмъ квартальный надзиратель Постольскій сообщилъ слѣдователямъ, что въ городѣ распространилась общественная молва, будто Морбейны, мужъ и жена, занимались душегубствомъ принимаемыхъ ими на воспитаніе грудныхъ дѣтей, а пока были дѣти живы, носили по домамъ и припускали къ грудямъ родильницъ для отсасыванія грудей, и что Морбейна никто не принималъ для квартированія.—Фельдфебель Балкинъ и жена его подъ присягою показали, что Морбейнъ нанималъ у нихъ квартиру, но они отказали ему, узнавъ изъ общей молвы, что этотъ еврей неблагонадежный и дурнаго поведенія.—Еврейка Хая Безносая объяснила, что она точно говорила Булкинымъ, что Морбейнъ неспокойнаго характера, негодяй и пьяница, беретъ на воспитаніе дѣтей, душитъ ихъ и сдѣлаетъ возлѣ дома Булкиныхъ кладбище, но все это знала она изъ общихъ о немъ толковъ.—Изъ числа евреекъ, которыхъ дѣти отдаваемы были на воспитаніе Морбейну и оказались у него умершими, отъ трехъ представлены выданныя имъ Морбейномъ письменныя условія, въ томъ числѣ и отъ Блуштейновой. Условія эти одинакаго содержанія, а именно заключались въ томъ: «что онъ, Морбейнъ, беретъ отъ матери двухнедѣльнаго ребенка къ себѣ на воспитаніе и, по достиженіи совершеннаго возраста, обязывается женить, (а относительно дѣвочекъ выдать замужъ); почему матери не имѣютъ права у него отбирать дитя, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ платежа ему штрафа, а при неустойкѣ его, онъ, Морбейнъ, подвергается платежу также штрафа». Присемъ относительно количества штрафа, который Морбейнъ обязывался заплатить, выставлено въ однихъ условіяхъ 100, а въ другихъ 200 рублей. Изъ числа евреекъ, коихъ дѣти были на воспитаніи у Морбейновъ и умерли, показали: Злата Цванцикова—что дочь ея, отданная на воспитаніе Морбейну, умерла черезъ четыре мѣсяца, и что отдана она была ему съ уплатою 12 руб. серебромъ. Малка Мильманова—что она, разрѣшившись въ ноябрѣ мѣсяцъ 1857 года незаконнорожденнымъ мальчикомъ, тогда же поступила въ кормилицы, а мальчика отдала на воспитаніе Морбейну на годъ за 25 руб.; причемъ дала ему въ задатокъ 10 р. сер. Въ великій постъ 1858 года Морбейнъ заходилъ къ ней, говорилъ, что сынъ ея живъ и здоровъ и требовалъ остальныхъ

денегъ; когда же ихъ не получилъ, то вторично заходилъ за деньгами недѣли черезъ двѣ или три, и при вопросѣ о здоровьѣ ея сына, помолчавъ нѣсколько, отвѣчалъ: Богъ съ тобой, денегъ не надо; твой сынъ умеръ.—На очныхъ ставкахъ съ Малкою Мильмановою Морбейнъ показалъ, что она отдала ему на воспитаніе дитя въ началѣ декабря 1857 года, что дитя это называлось Горшкомъ, умерло черезъ нѣсколько недѣль въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ; что послѣ принятія сего дитяти, онъ, Морбейнъ дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, приходилъ къ Малкѣ, но единственно за деньгами, имѣя въ нихъ надобность; затѣмъ снова былъ у нея дня черезъ два или черезъ три, но дитя ея умерло не въ то время, а въ декабрѣ; скрывалъ онъ объ этомъ отъ Мильмановой при первомъ посѣщеніи безъ всякаго умысла. Дитя то, послѣ смерти его, погребено было по еврейскому обряду гробокопателями. Гробокопатели, три еврея, показали, что 29 декабря 1857 года дѣйствительно было погребено ими умершее у Морбейна дитя, бывшее у него на воспитаніи, но дитя это Морбейнъ не называлъ Горшкомъ, а говорилъ, что оно было еще безъ имени. Морбейнъ противъ этого объяснилъ, что, при погребеніи дитяти Малки, онъ точно называлъ его неизвѣстнымъ, съ расчетомъ сохранить такимъ образомъ расходы, неизбѣжные при погребеніи, тѣмъ болѣе, что не зналъ, гдѣ находилась въ то время мать его. Казенный раввинъ объявилъ, что по метрическимъ книгамъ показано 29 декабря 1857 года умершимъ у Морбейна дитя безъ имени, и кромѣ сего дитяти другихъ умершихъ дѣтей, съ декабря 1857 года по день сего показанія, у него, Морбейна, не было.

Затѣмъ, во время производства сего изслѣдованія, квартальный надзиратель Постольскій донесъ о распространившейся молвѣ, что Мейеръ Морбейнъ душегубство обратилъ себѣ въ средство къ жизни и живетъ въ пустомъ повостроющемся домѣ. Посему онъ, Постольскій, съ 28 на 29 іюля въ два часа ночи дѣлалъ у него обыскъ. При обыскѣ онъ нашелъ въ ногахъ Морбейновой подъ периною дитя трехнедѣльнаго возраста, завернутое крѣпко въ тряпки, съ лицемъ крайне изнуреннымъ, почти мертвое. Дитя это чуть дышало, а изнуренность лица и почти мертвенное положеніе явно свидѣтельствовали, что оно долго не сосало груди и такимъ образомъ морилось голодною

смертію, сжатое обмотанными тряпками, придушенное периной и спавшею на ней Морбейновою; къ этому надзиратель присовокупилъ, что въ декабрѣ 1857 года еврейка Хана родила мальчика, котораго Морбейнъ, какъ говорятъ, будтобы разорвалъ и на какомъ то плоту возлѣ кладбища повѣсилъ. Полицейскіе служители, участвовавшіе съ квартальнымъ надзирателемъ при обыскѣ, показали, что нашли у жены Морбейна подъ периною въ ногахъ маленькое грудное дитя съ признаками болѣзни, чуть дышащее. Морбейнова сначала дитя это назвала своимъ, затѣмъ сосѣдки Дики; когда же и это не подтвердилось, то отозвалась, что оно отдано ей на воспитаніе. По прибытіи городоваго врача Морбейнова начала вывертывать то дитя изъ грязныхъ тряпокъ. Врачъ при этомъ ей говорилъ, чтобы она не мучила такъ того дитяти, и спрашивалъ, для чего она такъ тирански съ нимъ обращается? Вопросы эти были сдѣланы врачемъ потому, что Морбейнова съ крайнымъ небреженіемъ и злостію развязывала пеленки дитяти. Послѣ сего дитя допущено было къ груди, сосало съ жадностію, и врачъ тогда сказалъ: «видишь, какъ дитя голодно, что и оторвать нельзя». Подсудимая и мужъ ея Морбейнъ, сознаваясь, что они называли означенное дитя сначала собственнымъ своимъ, а потомъ сосѣдки, объяснили, что оно положено было подъ подушку не для того, чтобы прекратить ему жизнь, но собственно отъ холода въ ночное время, по неимѣнію въ занимаемомъ ими домѣ ни оконъ, ни дверей; что къ преждевременной смерти это дитя не было приготовляемо и изнуренія въ немъ не замѣчали, ибо оно было накормлено грудью предъ приходомъ надзирателя.—При дальнѣйшемъ производствѣ изслѣдованія оказалось, что еврейка Хана, дитя которой, по изъясненію квартальнаго надзирателя, будто бы Морбейнъ, въ декабрѣ 1857 года, разорвалъ и повѣсилъ на плоту возлѣ кладбища, есть та самая еврейка Хана Блуштейнова, дитя которой, какъ выше уже изложено, найдено было 6-го декабря 1857 года не разорваннымъ, но мертвымъ въ саду мѣщанина Шульгина.—Независимо отъ сего, было произведено изслѣдованіе объ *образѣ кормленія* дѣтей, принимаемыхъ Морбейнами на воспитаніе и о поведеніи сихъ послѣднихъ. Относительно кормленія дѣтей однодворка Городецкая подъ присягою показала, что во время квартированія Морбейновъ въ домѣ

ея, они кормили принимаемыхъ ими на воспитаніе дѣтей булкою, намоченною въ водѣ, но ни коровы, ни козы для молока у себя не имѣли. Вдова Марья Ивановичева тоже подъ присягою показала, что равномѣрно Морбейны и во время жительства въ ея домѣ продовольствовали бывшее у нихъ на воспитаніи новорожденное дитя булкою, намоченною въ водѣ; коровы и козы у себя для молока не имѣли; что всѣхъ дѣтей, принятыхъ на воспитаніе Морбейнами, въ продолженіи квартированія ихъ въ ея домѣ, было двое; оба одинъ за другимъ вскорѣ умерли; что, спустя недѣлю, когда Морбейны переѣхали въ ея домъ, она заходила къ нимъ въ комнату, видѣла первое изъ сихъ дѣтей истощеннымъ и изнуреннымъ, и спрашивала: чье это дитя? Морбейнъ отвѣчалъ, что его; когда же она замѣтила, что жена его находится при послѣднихъ дняхъ беременности, тогда Морбейнъ сознался, что оно было принято имъ на воспитаніе; на вопросъ же: «чѣмъ жена его можетъ кормить, не имѣя въ груди молока»?—Морбейнъ отвѣчалъ, что для этого заходятъ женщины, имѣющія грудныхъ дѣтей, но она, Ивановичева, такихъ женщинъ, которыя бы заходили для питанія грудью воспитанниковъ Морбейновъ, въ продолженіи всего квартированія въ домѣ ея не видала.—Хая Блуштейнова показала, что однажды, когда она зашла къ Морбейнамъ навѣстить свое дитя, (которое найдено впослѣдствіи мертвымъ въ саду мѣщанина Шульгина), то видѣла возлѣ кровати стаканъ съ водою, въ которой намочена была булка; спрашивала: для чего это? Получивъ же въ отвѣтъ, что для дѣтской пищи, невольнымъ образомъ сдѣлала замѣчаніе о грубомъ содержаніи ея сына; при выходѣ оттуда, Морбейнъ, встрѣтившись съ нею, ругалъ и кричалъ на нее, зачѣмъ она ходитъ, угрожая, что она по силѣ записки, должна быть оштрафована за посѣщеніе сына своего 100 рублями. — Подсудимый Морбейнъ объяснилъ, что онъ, промышляя принятіемъ на воспитаніе дѣтей, при недостаткѣ молока въ грудяхъ его жены, довольствовалъ дѣтей, принимаемыхъ на воспитаніе, соскою, наполняя ее покупаемымъ молокомъ у жены еврея Герш-ка Бондаря и еврейки Ривки; но для молока у себя ни козы, ни коровы не имѣлъ.—Еврейки Ханца Ницензонова, Бондарь и Ривка Шевелева подъ присягою показали, что дѣйствительно Морбейны покупали у нихъ молоко, но только въ 1858 году, у

первой послѣ еврейскаго праздника пейсахъ, въ продолженіи шести недѣль, а у послѣдней лѣтомъ; но ни прежде, ни послѣ того времени Морбейнамъ они молока не продавали.

Медицинскій совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло въ отношеніи вопроса: въ какой степени обнаруженное слѣдствіемъ дурное содержаніе дѣтей, бывшихъ на воспитаніи у Морбейновъ, оказало вліяніе на смертность сихъ дѣтей и можно-ли бывшіе смертные случаи считать послѣдствіемъ дурнаго содержанія, призналъ,—что кормленіе грудныхъ младенцовъ булкою, намоченною въ водѣ, ржанымъ хлѣбомъ и употребленіе ихъ для отсасыванія грудей у родильницъ, можетъ оказывать болѣе или менѣе вредное вліяніе на здоровье младенцевъ, какъ вполнѣ несоотвѣтствующее гигіеническимъ требованіямъ нѣжнаго дѣтскаго возраста, особенно если такого рода пища будетъ употребляема ими продолжительное время; но онъ не нашелъ однакожъ возможнымъ съ положительностію разрѣшить вышеизложенный вопросъ, по неимѣнію для сего въ дѣлѣ достаточныхъ данныхъ, такъ какъ мертвый младенецъ, оказавшійся въ саду Шульгина, при судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи найденъ былъ не только не истощеннымъ, но напротивъ имѣющимъ въ подкожной клѣтчаткѣ значительное количество жира и слѣдовательно можно предположить, что онъ при жизни не былъ худо кормленъ; о причинахъ же смерти другихъ дѣтей, бывшихъ на воспитаніи у Морбейновъ, свѣдѣнія, раскрытыя слѣдствіемъ, такъ неполны, что по нимъ невозможно вывести сколько нибудь точное заключеніе.

О поведеніи Морбейновъ и о образѣ ихъ жизни показали: хозяева домовъ, у коихъ Морбейны жили на квартирахъ, что Морбейны, во время проживанія у нихъ, принимали къ себѣ для разрѣшенія отъ бремени распутныхъ женщинъ и что у нихъ было почти постоянное сборище подозрительныхъ людей. На повальномъ обыскѣ спрошенные шесть человѣкъ, подъ присягою отозвались, что Морбейны поведенія зазорнаго до такой степени, что даже никто ихъ къ себѣ на жительство не принимаетъ.

Кромѣ того квартальный надзиратель въ означенномъ донесеніи своемъ объяснилъ, что такимъ же промысломъ, какъ Морбейнъ, занимались евреи Гершунъ и жена его Энта Мазуры. Еврейка же Лея Гилеватая принимала къ себѣ беремен-

ныхъ женщинъ, по большей части распутныхъ, давала имъ пріютъ на время разрѣшенія родами, затѣмъ самыхъ родильницъ размѣщала на службу кормилицами, а дѣтей ихъ отдавала то Морбейну, то Мазурамъ, то другимъ людямъ на воспитаніе и такимъ образомъ участвовала въ преступленіяхъ Морбейновъ и Мазуровъ.—Гилеватая показала, что она дѣйствительно принимаетъ къ себѣ беременныхъ женщинъ и дѣвокъ для разрѣшенія отъ бремени, съ платою за это по 1 рублю въ недѣлю, и что послѣ родовъ она имъ даетъ мѣста, а дѣтей отдаетъ на воспитаніе другимъ евреямъ.—Хозяева Гилеватой и жильцы, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, безъ присяги, показали, что Гилеватая дѣйствительно принимала къ себѣ беременныхъ женщинъ, послѣ родовъ ихъ размѣщала въ кормилицы, а дѣтей отдавала на воспитаніе; въ томъ состоитъ ея промыселъ; такихъ евреекъ они замѣтили у Гилеватой шесть; но чтобы дѣти были подкидываемы, или умерщвляемы, не слыхали. Поведеніе Гилеватой на повальномъ обыскѣ одобрено.—О евреяхъ *Мазурахъ* слѣдствіемъ обнаружено: по метрическимъ выправкамъ оказалось съ 1852 по 1858 годъ погребенныхъ чужихъ дѣтей, бывшихъ у нихъ, семь, изъ этихъ дѣтей трое записаны умершими отъ конвульсій. Кромѣ того оказалось у Мазура, при обыскѣ, чужихъ живыхъ трое дѣтей. На допросѣ, Мазуры показали: что они принимали на воспитаніе дѣтей за условную плату, что они никогда дѣтей не подбрасывали, что если кто просилъ принести дитя для отсасыванія грудей у женщинъ, то они исполняли это и получали за это плату, что изъ числа живыхъ дѣтей, находящихся у нихъ,—одно еврейки Перли Пирельмитеровой, а двое неизвѣстныхъ евреекъ, что кромѣ этого было у нихъ на воспитаніи еще трое дѣтей, которыя умерли и погребены. Дитя еврейки Пирельмитеровой, Мазуръ сперва утаилъ было, но потомъ сознался, объясняя, что умолчалъ объ немъ по торопливости и потому еще, что оно было отдано для отсасыванія грудей; на допросѣ 10 октября 1858 года—что у нихъ умерло двое дѣтей, болѣе же дѣтей на воспитаніе не принимали и не морили голодомъ; 16 ноября 1858 года—что у нихъ умерло трое дѣтей отъ конвульсій и что они ихъ продовольствовали, отдавая отсасывать груди у женщинъ, а при неимѣніи этихъ случавъ, кормили молокомъ. На послѣднемъ допросѣ Мазуры показали, что у

нихъ было шесть дѣтей, которыя умерли, прежде же они показали по ошибкѣ только троихъ дѣтей; дѣти эти умерли натуральною смертію; матерей ихъ не помнятъ. Слѣдователемъ открыты три матери тѣхъ дѣтей, которыя показали, что дѣтей своихъ отдали на воспитаніе Мазурамъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ они имъ были возвращены. Служанка Мазуровъ показала, что она только три недѣли живетъ у Мазуровъ и за это время было у нихъ четверо чужихъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерли. Хозяева Мазуровъ показали, что Мазуры принимаютъ на воспитаніе дѣтей, которыхъ видѣли не болѣе 5; изъ нихъ трое умерло въ продолженіи трехъ недѣль и погребены на кладбищѣ. На повальномъ обыскѣ разныя лица показали, что Мазуры принимаютъ на воспитаніе дѣтей, но сколько ихъ было, не знаютъ, а слышали, что они носятъ дѣтей по домамъ для отсасыванія грудей у родильницъ. Изъ дѣла видно, что Мазуры также не держали у себя коровъ.

По окончаніи слѣдствія дѣло это поступило на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ и доходило до общаго собранія правительствующаго сената, въ которомъ, по предмету наказанія подсудимыхъ, состоялись слѣдующія разныя мнѣнія:

а) 11 сенаторовъ полагали: бердичевскихъ мѣщанъ Мейера Морбейна (46 л.) и жену его Хаю Морбейнъ (35 л.), лишивъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію имъ присвоенныхъ, наказать розгами, каждаго по девяносто ударовъ, и потомъ Морбейна отдать на восемь лѣтъ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства; когда же не будетъ достаточнаго въ сихъ ротахъ помѣщенія или онъ будетъ признанъ неспособнымъ къ работамъ въ оныхъ, а равно жену его Хаю Морбейнъ, помѣстить, согласно 85 ст. улож., въ рабочій домъ или тюрьму на 12 лѣтъ и потомъ отдать подъ надзоръ полиціи или общества на четыре года; евреевъ Лею Гилеватую и Гершуна Мазура съ женою оставить въ сильномъ подозрѣніи по взведеннымъ на нихъ обвиненіямъ, и какъ Мазуры въ поведеніи не вполнѣ одобрены, то, согласно 315 ст. XV т. кн. 2-й, оставленіе ихъ въ мѣстѣ жительства или выселеніе изъ онаго въ Сибирь для водворенія предоставить обществу, къ которому они принадлежатъ, не освобождая ихъ изъ тюрьмы до составленія о нихъ приговора общества; Гилеватую

же отдать на поруки одобрившимъ ее поведеніе лицамъ, поручивъ мѣстной полиціи имѣть надъ нею, а также и надъ Мазурами, если общество оставитъ ихъ въ мѣстѣ жительства, строгій полицейскій надзоръ, съ воспрещеніемъ имъ навсегда заниматься воспитаніемъ чужихъ дѣтей; кіевскому губернскому управленію предписать, чтобы оно имѣло неусыпное наблюденіе за лицами, принимающими младенцевъ на воспитаніе, о чемъ, по важности дѣла, сообщить указомъ и г-ну министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ принять надлежащія мѣры для предупрежденія повтореній подобнаго настоящему преступнаго промысла.

б) 5-ть сенаторовъ, соглашаясь съ мнѣніемъ 11-ти особъ въ существѣ и относительно опредѣленія подсудимымъ Морбейнамъ наказанія по 2 степ. 35 ст. улож. въ высшей мѣрѣ, полагали только примѣнить къ нимъ временныя правила, изложенныя въ прилож. къ 358 ст. 2 кн. XV т. св. зак. и на семъ основаніи, бердичевскихъ мѣщанъ Мейера Морбейна (46 л.) и жену его Хаю Морбейнъ (35 л.), лишивъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ какъ лично, такъ и по состоянію имъ присвоенныхъ, наказать розгами, каждаго по девяносто ударовъ, и потомъ Морбейна отдать на полтора года въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства; когда же не будетъ достаточнаго въ сихъ ротахъ помѣщенія, или онъ будетъ признанъ неспособнымъ къ работамъ въ оныхъ, а равно жену его Хаю Морбейнъ помѣстить на этотъ срокъ въ рабочій домъ или тюрьму, и потомъ сослать для водворенія въ Восточную Сибирь, съ употребленіемъ ихъ тамъ въ работы, по усмотрѣнію и распоряженію мѣстныхъ начальствъ, на основаніи установленныхъ въ уставѣ о ссыльныхъ правилъ.

Затѣмъ г. управляющій министерствомъ юстиціи въ предложеніи сенату изъяснилъ слѣдующее: соглашаясь съ единогласною резолюціею сенаторовъ общаго сената собранія о наказаніи Морбейновъ на основаніи ст. 2067 улож. о нак. по 2 степ. 35 ст. того же улож. и высшей мѣрѣ, и обращаясь за симъ къ вопросу, возбудившему въ общемъ собраніи сената разногласіе, онъ находилъ, что за силою ст. IX послѣдовавшаго 17 апрѣля 1863 года именнаго Высочайшаго указа о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей системѣ наказаній уго-

ловныхъ и исправительныхъ, замѣна слѣдующаго Морбейнамъ содержанія въ арестантскихъ ротахъ ссылкою въ Сибирь ни въ какомъ случаѣ не можетъ уже имѣть мѣста, и затѣмъ на основаніи ст. 1-й, V и VI того же указа, слѣдуетъ Морбейновъ лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ, и затѣмъ безъ тѣлеснаго наказанія отдать Мейера Морбейна на три съ половиною года въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства; если же не будетъ достаточнаго въ сихъ ротахъ помѣщенія или онъ будетъ признанъ неспособнымъ къ работамъ въ оныхъ, то его, а равно жену его Хаю Морбейнъ, помѣстить въ рабочій домъ или тюрьму на три съ половиною года, и потомъ отдать ихъ подъ надзоръ полиціи или общества на четыре года. Засимъ, соглашаясь съ единогласною резолюціею общаго сената собранія по прочимъ предметамъ дѣла, а равно и объ оставленіи въ подозрѣніи Гершуна Мазура съ женою, онъ полагалъ бы лишь оставить ихъ въ мѣстѣ жительства подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, съ воспрещеніемъ имъ навсегда заниматься воспитаніемъ чужихъ дѣтей, не предоставляя обществу, согласно ст. 315-й XV т. кн. 2-й зак. о судопр. угол., права выселенія ихъ въ Сибирь для водворенія, такъ-какъ они на повальномъ обыскѣ не опорочены.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ собраніи сената состоялось узаконенное большинство сенаторовъ, съ оными согласныхъ.

XXXIX. Дѣло о кликушахъ.

Однодворцы букрѣевскаго хутора: Герасимъ, Алексѣй, Андрей, Иларіонъ, Филимонъ, Иванъ, Василій и староста хутора Василій Букрѣевы, 12 апрѣля 1861 года, подали въ павлоградскій земскій судъ объявленіе, въ которомъ объяснили: «въ хуторѣ, занимаемомъ ими, на людяхъ съ недавняго времени появилась болѣзнь, отъ которой заболѣвающіе падаютъ безъ чувствъ на землю и одни изъ нихъ хохочутъ, другіе плачутъ, нѣкоторые лаютъ по собачьи и кукукаютъ по птичьи и въ припадкѣ болѣзни разсказываютъ, какъ они испорчены и кто еще чрезъ нѣсколько сутокъ будетъ опять пораженъ та-

кою же болѣзнію. Нѣкоторыя изъ предсказаній скоро сбывались. Пораженныхъ такою болѣзнію семь душъ. Такая необыкновенная болѣзнь, наведшая страхъ и ужасъ на весь хуторъ, и все болѣе и болѣе развивающаяся, требуетъ скораго и немедленнаго обслѣдованія со стороны начальства и скорѣйшаго пособія со стороны медицинской. Поэтому всѣ жители хутора, вмѣстѣ съ выбраннымъ изъ среды ихъ старшиною, доводя до свѣдѣнія земскаго суда о такомъ неслыханномъ несчастіи, просятъ земскій судъ—сдѣлать распоряженія объ открытіи причинъ болѣзни и тѣмъ успокоитъ ихъ, ибо они подозрѣваютъ въ порчѣ людей проживающую въ ихъ хуторѣ женщину Феодосію, Гаврилову дочь, Букрѣеву».—Это объявленіе, вмѣсто неграмотныхъ одноворцевъ, подписалъ духовный ихъ отецъ священникъ Венедиктъ Донцевъ.—По произведенному слѣдствію оказалось слѣдующее: испорченные будто Феодосіею Букрѣевою люди показали: *1) Иванъ Нестеровъ Букрѣевъ*: съ Филипова поста 1860 г., началъ онъ чувствовать въ груди и около сердца какое то давленіе и боль; это продолжалось до средины великаго поста 1861 года; съ поста же онъ началъ впадать въ безпамятство и кричать по птичьи и лаять по собачьи; во время припадковъ, выражался, какъ послѣ ему люди расказывали: «я — Сазонъ утопленникъ и хочу погулять въ тебѣ, а кто меня всадилъ въ тебя, не скажу, не скажу», изъ чего понимать должно, что говорила въ немъ нечистая сила, сгубившая душу утопленника Сазона, самъ же онъ ничего этого не помнитъ. Въ настоящее время, въ іюнѣ 1861 года, чувствуетъ въ себѣ только слабую боль, но *припадка не имѣетъ и не кричитъ; — облегченіе получилъ потому*, что ходилъ вмѣстѣ съ испорченными бабами въ с. Богдановку для излеченія у разныхъ знахарокъ, фамилій которыхъ не знаетъ. Кто или что было причиною его болѣзни, достовѣрно не знаетъ, и подозрѣваетъ въ испорченности себя крестьянку Феодосію Букрѣеву, взятую на хуторъ въ замужество изъ с. Богдановки, потому-что онъ у мужа ея удержалъ при покупкѣ лошади 3 руб. денегъ, за что она, Феодосія, выразилась такъ: «я тебѣ этого не забуду, чтобы ты не удерживалъ чужихъ денегъ.»— *2) Василій Иванова, 3) Иванъ Иванова, 4) Матрена Петрова, 5) Марья Алексѣева* и *6) Матрена Васильева Букрѣева* приблизительно показали то же самое, что и Иванъ Нестеровъ Букрѣевъ.

Одну изъ испорченныхъ будто-бы Марью Александрову Букрѣеву слѣдователь нашелъ въ припадочномъ состояніи, произносящею какіе-то дикіе звуки, невыражащіе ни одного внятнаго слова, почему и не допросилъ ея, а отправилъ въ павлоградскій земскій судъ, для освидѣтельствованіи болѣзни ея чрезъ медицинскаго чиновника. Вслѣдствіе такого распоряженія, Марія Букрѣева для наблюденія была помѣщена въ павлоградскую больницу, и павлоградскій городской врачъ далъ объ ней слѣдующее заключеніе: «во время 2-хъ недѣльнаго пребыванія Маріи Букрѣевой въ больницѣ, послѣ разувѣренія ея въ грубомъ предубѣжденіи, съ нею не было ни одного приступа; такое болѣзненное состояніе слѣдовало бы считать за однопредметное умопомѣшательство, если бы оно дѣйствительно состояло въ разстройствѣ умственныхъ способностей, но какъ оно зависитъ отъ предубѣжденій и настроенія мыслей, происходящихъ отъ необразованности крестьянокъ, то для прекращенія онаго необходимы убѣжденія на нихъ и разувѣренія въ неправильномъ ихъ сужденіи». — Государственная крестьянка *Прасковья Выходцева* (знахарка) показала, что она около 5 лѣтъ занимается леченіемъ испорченыхъ людей кликушъ, которымъ даетъ пить наговоренную воду, отъ которой они излѣчиваются; по этому случаю въ 1861 году, послѣ праздника благовѣщанія, (но котораго числа не знаетъ), была она приглашена въ хуторъ Букрѣевыхъ для излеченія порченныхъ людей и говорила имъ, что они испорчены, и что когда выпьютъ наговоренной ею воды, то виновникъ, испортивщій ихъ, выскажется самъ, т. е. они во время припадка увидятъ его сами, какъ она это замѣтила на богдановскихъ кликушахъ, и дѣйствительно, выпивши наговоренной ею воды, они начали лаять по собачьи и кричать по птичьи, выражая притомъ, что испортила ихъ Феодосія Гаврилова Букрѣева; показательница увѣрена была въ той ихъ болѣзни по чувствуемой ими тошнотѣ, боли въ животѣ и по крику ихъ на разныя манеры и голоса, чему подвержены многіе и въ селѣ Богдановкѣ, которыхъ она также лечитъ, изъ коихъ нѣкоторые выздоравливаютъ, а другіе остаются больными до самой своей смерти отъ обыкновенной болѣзни; собственно же отъ порчи и кликушества никогда не умираютъ. Научилась она искуству леченія говариваніемъ отъ отца своего, отставнаго солдата Петра Ши-

нилова.—Государственные крестьяне с. Богдановки, спрошенные о томъ, какъ Прасковья Выходцева лечитъ больныхъ, показали: *Елена Блудова*,—что крестьянка ихъ села Прасковья Выходцева дѣйствительно занимается леченіемъ и лечитъ: сглазъ, колотье, а также бабъ, которыя кричатъ (кликушъ), послѣднихъ она лѣчитъ, да вообще и всѣхъ такъ: если къ ней кто явится, то она становится на колѣни и начинаетъ молиться, затѣмъ беретъ херувимскій ладонъ, растираетъ его и мѣшаетъ съ водою, надъ которою также читаетъ молитвы, потомъ больной даетъ выпить эту воду; когда больная выпьетъ воду, то впадетъ въ страшный припадокъ и начинаетъ биться, рвать все на себѣ и бранить Выходцеву; во время этого припадка Выходцева читаетъ надъ больною молитвы: «вѣрую и другія» и креститъ больную по всему тѣлу; сколько знаетъ, лѣчитъ она всѣхъ одинаково и другаго леченія отъ нея не видѣла. *Марья Волобуева*,—что крестьянка Прасковья Выходцева пользуетъ кликушь, показательница лѣтъ 8 тому назадъ впадала въ припадки и вылечила ее Выходцева. Пользовала она ее такъ: приходила къ ней обыкновенно въ день рожденія мѣсяца и на полнолуніе, обыкновенно два раза въ мѣсяцъ, въ эти дни постоянно бывали съ нею припадки; когда знахарка приходила къ ней, то начинала молиться Богу и затѣмъ давала ей выпить въ водѣ растертаго херувимскаго ладону, надъ водою она предварительно читала молитвы, а когда она выпивала, то она начинала читать молитвы надъ нею. Лечилась у ней она два мѣсяца, а была у нея всего четыре раза, послѣ чего она почувствовала себя совершенно здоровою. Выходцева многимъ помогала и пользуется ихъ уваженіемъ; — сколько она знаетъ, лечитъ она всѣхъ одинаково. *Дарья Савинова* показала точно также, какъ и крестьянка Волобуева прибавивъ: «что хотя она и сама кричала, но года 4 тому назадъ». *Аѳонасій Абрамовъ*—что слышалъ онъ и знаетъ, что Прасковья Выходцева занимается леченіемъ кричащихъ бабъ, но какъ лѣчитъ и какія средства употребляетъ, не знаетъ.—Показаніе это утвердили безъ отмѣны и добавленія Лукьянъ Сумароковъ, Михаилъ Худяковъ, Ѳеодоръ Черкашинъ и Иванъ Константиновъ. Спрошенные на повальномъ обыскѣ о поведеніи Выходцевой 12 человѣкъ государственныхъ крестьянъ с. Богдановки подъ присягою отозвались, что Прасковья Выходцева ни въ какихъ худыхъ поступкахъ не замѣчена,

занимается леченіемъ людей и многимъ помогаетъ, а потому поведеніе ея одобриваютъ. Нѣкоторые крестьяне хутора Букрѣева показали слѣдователю, что свекровь Феодосіи Букрѣевой Прасковья говорила, что невѣстка ея пошла въ Святогорскій монастырь не Богу молиться, а худу учиться, а Матренѣ Букрѣевой сказала: «что если не изъ семьи, то изъ сосѣдей, а кому-нибудь да будетъ». Но Прасковья Букрѣева въ этомъ не созналась, а напротивъ показала: «что жену сына ея Феодосію ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ никогда не замѣтила, а тѣмъ болѣе въ порчѣ людей обращеніемъ ихъ въ кликуши; о томъ, что означенная невѣстка ходила въ св. горы не Богу молиться, а худу учиться, никому не говорила и, почему на нее и на невѣстку ея взведено, не знаетъ, а полагаетъ, что всѣ они въ хуторахъ, состоя въ родствѣ; имѣли между собою разновременно непріятности и ссоры, вслѣдствіе сего отецъ старосты Василія Букрѣева, съ женою его Матреною и другіе выдумали на себя какую то притворную болѣзнь, кричали по собачьи и по птичьи, въ бѣшенствѣ своемъ обвиняли невѣстку ея въ испорченности ихъ, и распустили объ этомъ слухъ; изъ прочихъ же, хотя и состоящихъ также въ родствѣ и семействѣ, никто этого не подтвердилъ, да и быть того не можетъ, чтобы человѣкъ могъ вселить одинъ другому нечистую силу; — не менѣе того полагаетъ, что выдумана эта болѣзнь еще и потому, что всѣ тѣ женщины, которыя кричали, взяты въ замужество изъ с. Богдановки, гдѣ, какъ извѣстно, изъ давнихъ временъ существуетъ эта выдуманная болѣзнь, и крестьянинъ с. Богдановки, проживающій въ ихъ хуторѣ Алексѣй Малаховъ, привозилъ изъ Богдановки бабку для леченія кричавшихъ: дочери его и зятя, которые, послѣ леченія, начали въ припадкѣ высказывать, что испортила ихъ невѣстка ея, Феодосія Гаврилова».—Въ этомъ показаніи Прасковья Букрѣева утвердилась и на очной ставкѣ съ показавшими противъ нея крестьянами. Священникъ м. Хорошаго Венедиктъ Доницовъ на запросъ слѣдователя, какимъ образомъ появились въ хуторѣ букрѣевскомъ кликуши, и неизвѣстно ли ему, какъ духовному ихъ отцу, причины, побудившія ихъ къ такому обману, а также неизвѣстны ли обстоятельства, по поводу которыхъ въ жителяхъ букрѣевскаго хутора обнаружилась ненависть къ Феодосіи Букрѣевой и нелѣпое обвиненіе ея въ

порчѣ людей, отозвался: 1) что какимъ образомъ первоначально появились кликуши, лично ему неизвѣстно, а, посѣщая хуторъ предъ праздникомъ воскресенья христова 1861 г., онъ видѣлъ въ припадкѣ жену однодворца Василія Букрѣева, которая что-то запѣвала и на его убѣжденія оставить подобное безуміе, ничего не отвѣчала. По слуху знаетъ, что кликуши первоначально явились во враждебномъ по семейнымъ отношеніямъ семействѣ Алексѣя Малахова, а потомъ въ родственномъ Малахову домѣ Василія Букрѣева на его женѣ. 2) Жители хутора ему, какъ ихъ духовному, ни въ частныхъ разговорахъ, ни при таинствѣ покаянія, никогда и ничего не говорили, и причинъ, побудившихъ ихъ къ такому злостному обману, не открывали. Онъ думаетъ, что причиною могла быть соседственная вражда и родственная месть; о Феодосіи же Букрѣевой долженъ по іерейской совѣсти сказать, что въ ней ни прежде сего, ни теперь не замѣчаетъ способности портить людей; у исповѣди и св. тайнъ причастія она каждогодно бываетъ, церковь св. посѣщаетъ чаще другихъ хуторянъ. Зло это, какъ самопроизвольно выдуманное, теперь, вслѣдствіе обѣщанія прекратить его полицейскими мѣрами, совершенно прекратилось, и кликуши въ хуторѣ не существуютъ.

По требованію уголовной палаты, екатеринославская врачебная управа дала слѣдующее заключеніе: 1) припадки, замѣченные на больныхъ, называемыхъ въ простонародіи кликушами, суть страданіе, называемое въ медицинѣ *истерическою* болѣзнію; названіе же истерики произошло отъ того, что болѣзненное чувство, у этого рода больныхъ, по большей части возникаетъ первоначально въ маткѣ, по гречески называемой истерусъ. 2) Припадки этой болѣзни появляются приступами, пароксизмами, скоро проходящими болѣзненными явленіями, столь разнообразными и измѣнчивыми, что начертать полной картины этой болѣзни почти невозможно, ибо припадки истерики не только у разныхъ женщинъ, но у одной и той же больной въ разное время могутъ обнаруживаться въ разныхъ видахъ, весьма разнообразныхъ; нѣкоторыя изъ явленій бываютъ постоянныя, другія же совершенно случайныя. Приступы истерики обнаруживаются то вдругъ, то имъ предшествуетъ разстройство духа, вздутіе живота, тошнота, чувство восходящаго жара изъ желудка въ горло, иногда рвота. Больные дѣлаются раздражительными, гнѣвными,

поражаются безпокойствомъ духа и тѣла такъ, что всего боятся, то обнаруживаютъ необыкновенную веселость съ судорожнымъ смѣхомъ, то печалятся и плачутъ, и все это происходитъ безъ видимой причины; раздражительность нервной системы обнаруживается во всемъ организмѣ судорогами какъ мѣстными, такъ и общими въ разныхъ частяхъ тѣла, отъ того являются: похотливость необыкновенные жесты и кривлянія всего тѣла съ болѣзненнымъ крикомъ, стономъ, безпамятствомъ и бредомъ, угрожающими мнимою опасностію больнымъ; однакожъ всѣ эти припадки съ окончаніемъ пристуна исчезаютъ сами собою, безъ всякихъ послѣдствій. Съ другой стороны дознано врачами, что одержимые истерикою больные имѣютъ наклонность притворяться и разнообразными припадками обманывать окружающихъ и приближенныхъ для возбужденія къ себѣ участія, состраданія или удивленія и они радуются тому вниманію, которое возбуждаютъ въ окружающихъ своимъ страданіемъ, и съ намѣреніемъ продолжаютъ приступъ болѣзни, чтобы тѣмъ болѣе продлить вниманіе и состраданіе приближенныхъ; коль скоро же замѣтятъ невниманіе къ нимъ окружающихъ, то и припадки страданія ихъ рѣдко прекращаются. Склонность заслужить участіе ближнихъ до того возрастаетъ, что истерическіе больные рѣшаются переносить даже нѣкоторыя мученія, причиняемыя имъ для испытанія ихъ болѣзни. Сверхъ того, употребляютъ всѣ усилія и хитрость, чтобы обманывать не только окружающихъ, но и врача. Докторъ Шенлейнъ замѣчаетъ, что склонность къ обману и лжи составляетъ у истерическихъ больныхъ душевную болѣзнь такъ, что она не принадлежитъ къ произвольному дѣйствію, но становится ихъ необходимостію. И потому, для прекращенія приступа болѣзни, кромѣ лекарствъ, необходимо бываетъ употребить еще нѣжное попеченіе и участіе окружающихъ, или когда это не помогаетъ, угрозы, страхъ и пренебреженіе такими больными. Ложь у такихъ больныхъ простирается и на религіозные предметы, такъ-что больные сего рода представляютъ себя вдохновенными, разыгрываютъ роль мучениковъ за грѣхи, что они на рукахъ и ногахъ носятъ раны Христа, предсказываютъ счастіе и несчастіе окружающихъ. Отказываясь надолго отъ пищи и изнуренные болѣзненными припадками, они иногда подвергаются летаргическому сну, и проснувшись, разсказываютъ

о своей бесѣдѣ съ Богомъ и Святыми, что происходитъ отъ преобладающей чувственности въ нѣкоторыхъ частяхъ мозга, вслѣдствіе чего оставленный сонъ порождаетъ болѣзненныя сновидѣнія, которыми невѣжество, суевѣріе, мистицизмъ, злоупотребляютъ весьма часто и весьма разнообразно въ свою пользу, порождая вѣрованіе въ сверхестественныя чародѣйства. При всемъ томъ такое временное уморазстройство больныхъ истерикою—назвать вполнѣ обманомъ было бы рѣшительно несправедливо, ибо оно происходитъ нѣкоторымъ образомъ отъ болѣзни, если при этомъ не участвуетъ злонамѣренность. 3) Подвергается истерикѣ женскій полъ отъ лѣтъ возмужалыхъ до преклонныхъ, и особенно женщины крѣпкаго тѣлосложенія, полнокровныя, похотливыя, нервнаго темперамента, изнѣженныя, ведущія жизнь роскошную или распутныя женщины и вдовы, рѣже невинныя дѣвицы, чему способствуетъ также наслѣдственное расположеніе отъ матери, преждевременная зрѣлость половыхъ органовъ, особенно если она произошла отъ чтенія романовъ, отъ рукоблудія, слишкомъ большая воздержанность въ физической любви, когда половой инстинктъ возбуждается чтеніемъ романовъ или близкимъ обращеніемъ съ молодыми мужчинами, или если особы привыкшія къ половому удовлетворенію, вдругъ его лишаются все, что ослабляетъ энергію нервной системы, какъ-то: изнурительныя болѣзни, потрясающія психическія вліянія, гнѣвъ, печаль, испугъ, страхъ, порождаютъ истерическіе припадки. Кромѣ сего замѣчено, что взглядъ на больныхъ истерическихъ во время приступа возбуждаетъ въ другихъ здоровыхъ женщинахъ приступъ истерическихъ припадковъ, какъ сіе нерѣдко случается въ женскихъ монастыряхъ, на фабрикахъ и женскихъ больницахъ, гдѣ какъ скоро одна женщина подвергается истерическимъ припадкамъ, то и прочія присутствующія тамъ женщины, не страдавшія истерикою, отъ одного взгляда на страждущую подвергаются въ тоже время, одна за другою, припадкамъ истерики и наполняютъ всю женскую обитель болѣзненнымъ крикомъ, стономъ съ разными корчами и кривляніями и только угрозы и страхъ наказанія едва прекращаютъ эти странные припадки. Мужескій полъ весьма рѣдко подвергается истерикѣ, и то или ипохондрики, или слабоумные, или притворно подражающіе женщинамъ. Соотвѣтственно обстоятельствамъ настоящаго дѣла,

врачебная управа присовокупила, что медицина XIX вѣка никакъ не допускаетъ, чтобы какія-либо чары, нашептыванія, порчи, сглазъ и другіе суевѣрные обряды могли излечить или произвесть истерическую болѣзнь у благоразумной женщины.

Разсмотрѣвъ вышеприведенное, екатеринославская палата нашла (въ качествѣ совѣстнаго суда) уголовнаго суда, что нѣсколько однодворцевъ букрѣевскаго хутора вмѣстѣ съ выбраннымъ изъ среды ихъ старостою Василіемъ Букрѣевымъ, 12 апрѣля 1860 года, подали въ павлоградскій земскій судъ объявленіе, въ которомъ обвиняли хуторянку Феодосію Букрѣеву въ порчѣ людей, въ обращеніи ихъ въ кликуши. Священникъ села Хорошаго (помѣщика Франка) Венедиктъ Донцевъ, духовный отецъ букрѣевцевъ, вмѣсто того, чтобы по прямой своей обязанности, вразумить ихъ въ невѣжественномъ заблужденіи, подписалъ это объявленіе вмѣсто неграмотныхъ букрѣевцевъ и этимъ самымъ даетъ право предполагать, что и онъ вѣритъ въ возможность порчи людей. Будто бы испорченные и обращенные въ кликуши Иванъ, Василій, другой Иванъ, Матрена, Марья, другая Матрена Букрѣевы, съ полною искренностію разсказали слѣдователю, какимъ образомъ они были испорчены Феодосьею Букрѣевою и какіе съ ними случались припадки. Еще одна женщина Марья Букрѣева, отъ которой слѣдователь не могъ отобрать допроса, такъ-какъ онъ нашелъ ее въ припадочномъ состояніи, была отправлена въ павлоградскую городскую больницу, въ которой послѣ разувѣренія ея въ грубомъ предубѣжденіи, съ нею не было ни одного припадка. Во всѣхъ поименованныхъ лицахъ нельзя предполагать злостнаго обмана (1203 ст. улож.), такъ какъ полная искренность и наивность ихъ объясненій слѣдователю доказываетъ противное, и при этомъ, по заключенію врача Свинцова, подобное болѣзненное состояніе зависитъ отъ предубѣжденій и настроенія мыслей необразованныхъ людей. Означенные люди были будто бы вылечены крестьянкою деревни Богдановки Прасковьею Выходцевою; со стороны послѣдней также нельзя предполагать, чтобы она обманывала людей; въ полной искренности ея дѣйствій и ея заблужденій нельзя не убѣдиться, прочитавъ ея наивное показаніе слѣдователю; ни изъ чего не видно, чтобы Выходцева дѣйствовала по какимъ-либо корыстнымъ личнымъ видамъ; напротивъ того, опрошенные о

ея поведеніи люди одобрили ее, именно потому, что она лечитъ людей и помогаетъ многимъ; стало быть, дѣйствія Выходцевой не подходятъ подъ категорію проступковъ, означенныхъ въ 1199 — 1201 ст. улож. о наказаніяхъ. Вообще, палата нашла, что всѣ означенныя выше лица подлежатъ не наказанію за свои заблужденія, а разумному вразумленію, могущему разсѣять эти заблужденія. По всѣмъ этимъ основаніямъ, палата уголовнаго суда, вмѣстѣ съ исправляющимъ должность совѣстнаго судьи, опредѣлила: 1) государственныхъ крестьянъ Прасковью Выходцеву, Ивана Нестерова, Василія Иванова, Ивана Иванова, Матрену Петрову, Марью Алексѣеву, Матрену Васильеву и Марью Александрову Букрѣевыхъ, на основаніи 304 ст. 2 ч. XV т., не подвергать никакому наказанію; 2) поступокъ священника Донцова передать на разсмотрѣніе екатеринославской духовной консисторіи, для чего въ свое время препроводить туда и подлинное дѣло, и 3) просить консисторію принять съ ея стороны мѣры къ разсѣянію заблужденій крестьянъ хутора букрѣевскаго и деревни Богдановки путемъ убѣжденія.

Опредѣленіе палаты пропущено прокуроромъ и утверждено начальникомъ губерніи.

XL. Дѣло о подпоручикѣ Будиловѣ, сужденномъ за полученіе лихвенныхъ процентовъ.

На имя жены смотрителя адмиралтейскаго селенія Богоявленска прапорщика Будилова (нынѣ подпоручика) была выдана за подписью старшины, старостъ и депутата общества поселянъ того селенія росписка въ томъ: «что они заняли у Будиловой на четыре мѣсяца (съ 20-го мая по 20-е сентября 1857 г.) для надобности общества—на старапіе о надѣлъ поселянъ землею 500 руб. сер. и обязуются уплачивать на нихъ мужу Будиловой по 1 коп. % на рубль въ мѣсяцъ, а если будутъ держать вышеупомянутыя деньги долѣе назначеннаго срока, то обязуются платить такой-же процентъ»; время выдачи росписки показано въ ней «20-мъ числомъ мая 1857 г.» и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней означено, что она выдана: «смотрителю селенія Богоявленска, прапорщику Будилову».—Впослѣдствіи по подачѣ Будиловою

просьбъ къ управлявшему черноморскими адмиралтейскими селеніями о взысканіи занятыхъ у нея денегъ, поселяне платить *отказались*, отозвавшись, что заемъ сдѣланъ безъ ихъ вѣдома, о чемъ и составили мірскіе приговоры, а прапорщикъ Будиловъ въ рапортѣ управлявшему селеніями, представленномъ по поводу означеннаго отказа поселянъ, изложилъ, что деньги отдалъ старшинѣ Бардовскому при полномъ собраніи общества и что проценты по 1 к. сер. на рубль въ мѣсяцъ были назначены самимъ обществомъ, а не имъ.—Затѣмъ при слѣдствіи и въ судѣ Будиловъ утверждалъ, что онъ въ займѣ не участвовалъ и о количествѣ положенныхъ на занятыя деньги процентовъ узналъ уже послѣ сдачи своей должности опредѣленному на его мѣсто офицеру. Но еще до этого, во время слѣдствія, Будиловымъ данъ отзывъ, что когда старшина Бардовскій передалъ ему о желаніи общества занять денегъ, то онъ сказалъ на это Бардовскому: что если обществу угодно будетъ занять, то можетъ оно обратиться съ просьбою къ женѣ его, Будилова.

Во время производства дѣла показали: 1) старшина Бардовскій и староста Трацановичъ, что когда поселяне совѣтовались между собою у кого бы занять денегъ на расходы (на разъѣзды и содержаніе депутатовъ) по ходатайству о надѣлѣ землею, то Будиловъ, бывшій тогда въ сельской расправѣ и слышавшій это совѣщаніе, самъ вызвался, что постарается найти денегъ, но спросилъ какую они, поселяне, дадутъ ему за это пользу? они объявили, что прежде платили процента по 1 коп. сер. на рубль въ мѣсяцъ,—Будиловъ согласился; въ займѣ они дали ему росписку. Онъ Бардовскій получилъ два раза деньги отъ самаго Будилова, сказавшаго при этомъ, что деньги принадлежатъ жепѣ его. 2) Поселянинъ Бѣляевъ показалъ, что Будиловъ, бывшій при совѣщаніи поселянъ о займѣ, самъ вызвался найти денегъ и спросилъ, какая будетъ за это польза, и когда ему отвѣтили, что прежде платили процента по 1 коп. сер. на рубль въ мѣсяцъ—онъ согласился одолжить. 3) Поселяне Карницкій и Савунъ, объявили, что Будиловъ при совѣщаніи общества о займѣ говорилъ, что онъ найдетъ у кого занять. Кромѣ того дознано, что Будиловъ изъ жалованья поселянъ сначала удержалъ долгъ съ процентами, но потомъ по приказанію управлявшаго селеніями возвратилъ удержанное, какъ объ этомъ показываетъ самъ онъ и

усматриваётся это изъ мірскихъ приговоровъ общества, составленныхъ по случаю отказа поселянъ уплатить Будиловой.

Сообразивъ изложенное, морской генералъ аудиторіатъ признаетъ подпоручика Будилова виновнымъ: во 1-хъ въ томъ, что онъ допустилъ въ подвѣдомственномъ ему обществѣ совершеніе противузаконной сдѣлки, и во 2-хъ) въ томъ, что принималъ самъ участіе во взятіи женою его лихвенныхъ процентовъ отъ старшины и старостъ за ссуженную имъ по дѣламъ общества сумму, а потому опредѣлилъ: подсудамаго Будилова, уволеннаго еще 4-го апрѣля 1860 г. отъ должности смотрителя бывшаго адмиралтейскаго селенія Богоявленска съ зачисленіемъ по резервному флоту, а нынѣ состоящаго по адмиралтейству, согласно св. морск. угол. пост. кн. 1-й ст. 292, 78 по 2 прод.; кн. 2-й ст. 307, 301, Т. X. св. зак. кн. 1-й изд. 1857 г. ст. 2020, 2021, 2023 и XV т. св. зак. кн. 1-й, ст. 383 и 2300—считать отрѣшеннымъ отъ означенной должности и подвергнуть его денежному взысканію *втрое* противу суммы процентовъ, причитавшихся по росписке за четыре мѣсяца, т. е. взыскать съ него шестьдесятъ рублей серебромъ, которые обратить въ пользу мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія.—Это положеніе генералъ-аудиторіата удостоено въ 3 день іюня 1863 года Высочайшаго утвержденія.

XLI. Дѣло о матросѣ Антонѣ Коробовѣ, сужденномъ за ограбленіе солдатки Аграфены Стукаловой.

5-го ноября 1862 г. въ 7½ часовъ вечера боцманматъ 44 флотскаго экипажа Борисъ Геринъ далъ знать квартальному надзирателю астраханской полиціи Сѣдову, что подлѣ казармы, занимаемой нижними чинами означеннаго экипажа, лежитъ въ *пьяномъ видѣ женщина*; по приходѣ Сѣдова съ рядовыми полицейской команды Цигисомъ и Забаромъ, они нашли лежащую тамъ безъ чувствъ женщину, оказавшуюся солдаткою Аграфеною Стукаловою и подлѣ ея стоящаго боцманмата Герина и матросовъ Илью Барченко и Дмитрія Рогаткина, которые объявили, что матросъ Антонъ Коробовъ (бывшій также тамъ въ то время) снялъ съ солдатки Стукаловой пальто и платокъ.—Квартальный

надзиратель Сѣдовъ отправилъ Стукалову и Коробова въ часть, гдѣ при обыскѣ у Коробова найдены принадлежащія Стукаловой вещи: пальто на бѣличьемъ мѣху, крытое шерстянымъ сатиномъ, носовой платокъ, большой шейный ситцевой платокъ и коленкоровый карманъ, оторванный отъ платья съ 20 копѣйками мѣди; а на другой день писарь сказаннаго экипажа Бочкаревъ представилъ въ полицію найденныя имъ на дорогѣ къ казармамъ синелевую шаль и ситцевой носовой платокъ, принадлежащія Стукаловой. Всѣ эти вещи оцѣнены въ шесть рублей тридцать одну копѣйку.—На допросѣ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ подъ священническимъ увѣщаніемъ подсудимый матросъ *Коробова* показалъ, что утромъ 5 ноября онъ ходилъ провожать на Волгу своихъ товарищей, отправлявшихся въ домовый отпускъ, (это подтверждено отзывомъ командира 44 флотскаго экипажа); причемъ выпилъ съ ними въ казармѣ и дорогою водки, а при обратномъ пути еще заходилъ въ питейный домъ пить водку, отчего сдѣлался такъ пьянъ, что рѣшительно ничего не помнитъ, какимъ образомъ, гдѣ и какъ сошелся онъ съ солдаткою Стукаловою, снималъ-ли съ нея шубу, шаль, платки и отрывалъ ли карманъ отъ ея платья; до этого времени солдатки Стукаловой не зналъ и нигдѣ съ нею не встрѣчался; пришелъ онъ въ память и очувствовался тогда уже, когда проснулся въ ночное время въ арестантской комнатѣ полиціи. Злонамѣреннаго грабежа съ его стороны не было, потому-что наклонности къ этому никогда не имѣлъ и въ подобныхъ поступкахъ въ теченіи своей безпорочной службы замѣчаемъ не былъ.—Спрошенные по этому дѣлу за присягою показали: боцманматъ *Герина*—что 5 ноября часу въ 7 вечера матросъ Рогаткинъ, стоявшій на часахъ у казарменныхъ воротъ, извѣстилъ его, что къ казармамъ подвезли и свалили противу воротъ какую-то пьяную женщину, почему онъ Гринъ выйдя къ воротамъ, увидѣлъ, что около той женщины возился матросъ Коробовъ, называя ее «своею женою» и который былъ хотя довольно пьянъ, какъ можно было судить изъ его разговоровъ, но на ногахъ стоялъ твердо, такъ-что самъ подтащилъ ту женщину къ углу забора на разстояніи 6-ти саженей и оставивъ ее почти нагою, бросился было бѣжать, говоря, что пойдетъ за извознею, но былъ имъ Гринымъ остановленъ до прихода полицейскихъ служителей. На Коробовѣ

тогда была въ накидку шинель и изъ подъ полы виднѣлась шуба. Когда же Геринъ спросилъ Коробова, зачѣмъ онъ оставляетъ жену свою нагою? то Коробовъ отвѣтилъ: «а вамъ какое дѣло».—Матросъ *Рогаткинъ*, подтверждая показаніе Герина, присовокупилъ, что Коробовъ означенную женщину называлъ Никитишной и Грушей, и что когда онъ Рогаткинъ спросилъ привезшаго Стукалову извощика—откуда онъ ее взялъ? то извощикъ отвѣтилъ, что у 10 рабочаго экипажа и затѣмъ Рогаткинъ пошелъ объявить объ этомъ боцманмату Герину, а извощикъ въ это время уѣхалъ.—Писарь *Бочкаревъ* объяснилъ, что вечеромъ, идя по полицейской улицѣ, онъ замѣтивъ около питейнаго дома народъ, подошелъ туда и увидѣлъ лежавшую на извознѣ женщину и около нея стоявшаго матроса Коробова, который, хотя былъ пьянъ, но стоялъ и ходилъ довольно твердо, называя ту женшину Никитишной и вообще обращался съ ней, какъ съ своей знакомой или женой; когда же извощикъ затруднялся куда везти ту женщину, то онъ Бочкаревъ посовѣтывалъ ему отвезти ее къ флотскимъ казармамъ, полагая не жена ли она матроса Коробова, почему они и поѣхали къ казармамъ, съ ними же сѣлъ на извозню и Коробовъ. Послѣ этого Бочкаревъ, подходя къ казармамъ, поднялъ валявшійся на дорогѣ узелокъ, который и представилъ въ полицію.—Солдатка *Аграфена Стукалова* отозвалась, что 5 ноября она была въ квартирѣ отца своего государственнаго крестьянина Никиты Щербатова, проживавшаго на малой косѣ, гдѣ пила водку, и какъ онъ въ тотъ день отправлялся къ себѣ на родину, то она проводивъ его до Волженскаго перевоза и сдѣлавшись пьяна, наняла извозню и поѣхала къ себѣ на квартиру около арзумановскаго дома. Проѣзжая за полицейскимъ мостомъ армянскими улицами, она помнитъ, что присталъ къ ней неизвѣстный матросъ, (какъ потомъ узнала въ полиціи Антонъ Коробовъ) и сѣвъ съ нею на извозню, началъ называть ее разными именами, а потомъ, какъ нѣсколько припомнитъ, сталъ снимать съ нея платки и развязывать шубу; но какъ она начала тогда болѣе слабѣть и забываться, то поэтому и не помнитъ дальнѣйшаго случая, куда ее привезли и какъ сняли съ нея шубу, шаль, три платка и оторвали отъ платья карманъ съ деньгами 20 коп. сер.—*Ротный командиръ* подсудимаго Коробова пояснилъ, что Коробовъ въ 1859 г. за самовольную отлучку и пьянство нака-

занъ розгами 100 ударами, нравственности дурной и къ службѣ нисколько усердія не имѣетъ.

Морской генералъ-аудиторіатъ, по соображеніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, признавая подсудимаго матроса Антона Коробова виновнымъ въ грабежѣ, въ которомъ онъ изобличается свидѣтельскими за присягою показаніями и найденнымъ у него поличнымъ, опредѣлилъ: по основаніи 1 кн. 51, 184 и 514 ст. св. мор. угол. пост.,—2223 ст. улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1857 г. и Высочайшаго повелѣнія 17 апрѣля 1863 г. лишить Коробова медали въ память войны 1853—1856 г. и нашивки за 10 лѣтнюю безпорочную службу и по исключеніи изъ воинскаго званія, сослать безъ тѣлеснаго наказанія въ каторжную работу на заводахъ на четыре года.

XLII. Дѣло о матросѣ Хрисанфѣ Тропинѣ, сужденномъ по подозрѣнію въ грабежѣ.

Матросъ Тропинъ 15-го іюля 1865 г. былъ задержанъ и представленъ въ полицію городовымъ унтеръ-офицеромъ Орловымъ, который при произведенномъ по сему дѣлу слѣдствіи подъ присяго показалъ, что, находясь означеннаго числа часовымъ у будки возлѣ Бердова моста, онъ въ 3 часа по полудни узналъ отъ мастеровыхъ сосѣдняго завода, которыхъ указать не можетъ, что какой-то матросъ снимаетъ сюртукъ съ человѣка, лежащаго въ пьяномъ видѣ на берегу канавы; вслѣдствіе сего онъ, Орловъ, подойдя къ тому мѣсту и заставъ тамъ матроса, оказавшагося впослѣдствіи Тропинымъ, спросилъ его, зачѣмъ онъ снялъ съ пьянаго сюртукъ? Замѣтя, что Тропинъ, бывшій самъ въ нетрезвомъ состояніи, сбивчиво отвѣчалъ на предложенный ему вопросъ, называя лежавшаго близъ канавы своимъ двоюроднымъ братомъ и то Михаиломъ Ивановымъ, то Василіемъ Михайловымъ, онъ, Орловъ, отвелъ его въ кварталъ, гдѣ объявилъ, что свидѣтелями всего происходившаго были: рядовой Антонъ Висендинъ и дворовый человѣкъ Алексѣй Ивановъ.—Изъ происходившей по дѣлу переписки оказалось, что человѣкъ, лежавшій въ безчувственномъ отъ пьянства состояніи на берегу канавы, былъ финляндскій уроженецъ Матсонъ, проживавшій передъ тѣмъ съ просроченнымъ видомъ въ г. Петергофѣ, но за-

тѣмъ, не смотря на произведенные розыски, неотысканный на жительствѣ ни въ Петергофѣ, ни въ С.-Петербургѣ, почему онъ и остался по дѣлу сему неспрошеннымъ.—*Весендинъ* и *Ивановъ* спрошенные: первый подъ присягою, второй, какъ бывшій подъ судомъ за лживое показаніе,—безъ присяги, объяснили, что увидѣли 15-го іюля, близъ рѣки Пряжки Тропина, ведшаго подъ руки сильно пьянаго человѣка, который черезъ нѣсколько времени упалъ на панель, послѣ чего Тропинъ оттащилъ его ближе къ канавѣ и снялъ надѣтый на немъ въ рукава сюртукъ, съ которымъ, завернувъ его въ платокъ, пошелъ по направленію къ находившейся невдалекѣ будкѣ. На спросъ ихъ, зачѣмъ онъ снялъ сюртукъ, Тропинъ отвѣчалъ, что пьяный по показанію Весендина его родной, а по показанію Иванова—двоюродный братъ и что онъ хотѣлъ сперва отнести сюртукъ въ казармы, а потомъ придти за пьянымъ. Въ это время подошелъ къ нимъ городовой Орловъ, задержавшій Тропина.—Весендинъ къ этому добавилъ, что происходившее видѣла содержательница мелочной лавки въ находящемся близъ мѣста происшествія домѣ Бремера, мѣщанка Арсенова; но послѣ многократныхъ требованій со стороны коммисіи военнаго суда о представленіи ея къ допросу, полицейское управленіе 4-й адмиралтейской части сообщило, спустя два мѣсяца послѣ перваго о томъ запроса, что Арсенова еще съ 29-го мая 1864 г. не находится на жительствѣ въ С.-Петербургѣ.—Спрошенный по обстоятельствамъ дѣла матросъ *Тропинъ* показалъ, что, отлучившись 15-го іюля самовольно изъ команды, онъ встрѣтилъ въ 11 часовъ утра близъ Кокушкина моста Матсона, сильно пьянаго и тогда ему вовсе неизвѣстнаго, котораго, по просьбѣ его, довелъ до Бердова моста. Здѣсь Матсонъ, снявъ съ себя сюртукъ, легъ на траву отдыхать, а онъ, Тропинъ, боясь, чтобы кто-либо не похитилъ сюртука, сталъ сперва дожидаться его пробужденія, а какъ Матсонъ долго не просыпался, то взялъ сюртукъ и направился съ нимъ къ будкѣ, чтобы отдать часовому для возвращенія Матсону послѣ его пробужденія; но въ тоже время городовой подошелъ къ нему и, назвавъ его воромъ, отвелъ въ полицію. Это показаніе Тропинъ впослѣдствіи измѣнилъ, объясняя, что когда велъ Матсона, бывшаго не въ состояніи идти безъ помощи, то на послѣднемъ сюртукъ былъ надѣтъ на одну руку и именно на ту, за которую

онъ его держалъ; когда же затѣмъ Матсонъ упалъ на берегу канавы, то сюртукъ остался въ его, Тропина, рукахъ; называлъ онъ Матсона братомъ по дружески. При этомъ объясненіи Тропинъ остался и на очной ставкѣ, данной ему съ Весендинымъ и Ивановымъ, между тѣмъ какъ послѣдніе подтвердили данныя ими прежде показанія.

По разсмотрѣніи вышеизложеннаго, морской генералъ-ауди-торіатъ нашелъ, что павшее на подсудимаго Тропина обвиненіе, которое, въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ по закону (св. мор. угол. пост. кн. I ст. 513) считать обвиненіемъ въ *грабежѣ*, не можетъ по обстоятельствамъ дѣла быть признано несомнѣнно доказаннымъ, такъ-какъ показанія спрошенныхъ по дѣлу лицъ указываютъ лишь на то, что Тропинъ, снявъ съ Матсона сюртукъ, понесъ его по направленію къ находившейся вблизи будкѣ; но этими свидѣтельствами, при отсутствіи другихъ болѣе точныхъ доказательствъ, не удостовѣряется положительно намѣреніе съ его стороны «присвоить» себѣ взятую вещь и не опровергается вполнѣ представленное имъ объясненіе о томъ, что онъ взялъ сюртукъ для передачи его на сохраненіе часовому, хотя съ другой стороны лживые отвѣты Тропина, въ которыхъ онъ старался выдать Матсона за человѣка, ему знакомаго и даже называлъ его своимъ братомъ, а также разноречивыя его показанія при слѣдствіи и на судѣ, не устраняютъ совершенно предположенія объ умышленномъ снятіи сюртука съ Матсона съ цѣлію воспользоваться этою вещью. Посему и руководствуясь 80, 81, 82, примѣч. къ 240 и 513 ст. кн. I св. мор. угол. пост., морской генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: матроса Тропина по обвиненію въ ограбленіи финляндскаго уроженца Матсона оставить въ *подозрѣніи* съ тѣмъ, чтобы онъ, на основаніи приказа Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала 27-го іюня 1859 г., находился въ командѣ подъ строгимъ надзоромъ начальства, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить подвергнуть Тропина взысканію за самовольную отлучку изъ команды, на основаніи правилъ объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ.

XLIII. Дѣло о мастеровомъ 5-го рабочаго экипажа Іоганѣ Моисѣевѣ, сужденномъ за побѣгъ изъ службы и другія преступленія.

Мастеровой 5-го рабочаго экипажа Іоганъ Моисѣевъ 29-го марта 1855 г. сдѣлалъ 3-й побѣгъ изъ службы, причемъ унесъ съ собою бывшія у него казенныя мундирныя вещи. 5-го мая 1857 г. Моисѣевъ взятъ былъ въ г. Павловскѣ съ билетомъ ратника Абрамова, и при допросѣ объяснилъ, что онъ матросъ 5-го рабочаго экипажа, бѣжалъ по нежеланію служить, билетъ укралъ у Абрамова изъ амбара.—Бывъ отправленъ вслѣдствіе этого показанія въ Кронштадтъ, Моисѣевъ *перемѣнился* въ петербургской пересыльной тюрьмѣ *именемъ* съ финляндскимъ уроженцемъ Габріелемъ Вестериненомъ, вмѣсто котораго отправился въ г. Выборгъ, но вѣроятно по дорогѣ бѣжалъ, потому что по увѣдомленію выборгскаго гражданскаго губернатора въ выборгскую тюрьму въ 1857 г. никакого арестанта подъ именемъ Вестеринена изъ Петербурга не поступало.—Въ ночь съ 20-го на 21-ое ноября 1857 г. у крестьянина деревни Пендовой (Цареко-славянскаго имѣнія) Матвѣя Андрусова украдено изъ амбара разныхъ вещей и денегъ на 25 р. 90 к. По слѣдамъ, оставленнымъ похитителями на снѣгу, найдены были въ ригѣ близлежащей деревни украденныя у Андрусова вещи и деньги, а на потолкѣ риги—Іоганъ Моисѣевъ. На допросѣ у становаго пристава Моисѣевъ показалъ, что по поимкѣ его въ Павловскѣ въ маѣ мѣсяцѣ былъ онъ препровожденъ въ петербургскую пересыльную тюрьму; перемѣнившись тамъ именемъ съ крестьяниномъ Габріелемъ Вестериненомъ, онъ отправился вмѣсто него въ Выборгъ, пробылъ (будто-бы) въ тамошнемъ рабочемъ домѣ 2 мѣсяца и затѣмъ освобожденъ на волю (послѣднее показаніе, въ виду вышеупомянутаго отзыва выборгскаго гражданскаго губернатора, признано незаслуживающимъ вѣры). По освобожденіи изъ рабочаго дома, онъ скитался по разнымъ мѣстамъ, и за нѣсколько дней предъ тѣмъ сошелся съ двумя неизвѣстными ему людьми, которые и похитили изъ амбара крестьянина Андрусова вещи и деньги, онъ же въ похищеніи участія не принималъ, а лежалъ въ это время возлѣ амбара; кто—такіе эти люди и куда ушли они изъ риги, въ которой вмѣстѣ

съ нимъ спали—онъ не знаетъ. Крестьяне окрестныхъ деревень подтвердили, что пойманный есть дѣйствительно Іоганъ Моисѣевъ, сданный въ рекруты въ 1850 г. изъ деревни Подомякъ. При обыскѣ Моисѣева найдено было у него денегъ 1 р. 20 к., ключъ, отмычка, топоръ и 2 ножа; вещи эти и деньги отъ него отобраны, а самъ онъ, по болѣзни, поступилъ для пользованія въ царскосельскій городской госпиталь, откуда снова бѣжалъ 15-го февраля 1858 г. и пойманъ лишь въ августѣ того года въ лѣсу близъ деревни Антолевой, Царскославянскаго имѣнія, причемъ найденъ у него складной ножъ. — На допросѣ въ царскосельской городской полиціи Моисѣевъ показалъ, что въ побѣгѣ своемъ изъ госпиталя онъ ни отъ кого содѣйствія не имѣлъ, бѣжалъ ночью, выйдя изъ арестантской съ бутылью, какъ-бы за водой; кандалы свои оставилъ на койкѣ, снять ихъ ему удалось безъ всякаго труда, потому-что замки были непрочны.—Царскосельская городская полиція препроводила Моисѣева по принадлежности въ Кронштадтъ, но въ петербургской пересыльной тюрьмѣ Моисѣевъ опять *перемѣнился именемъ* съ содержавшимся тамъ финляндскимъ уроженцемъ Вильгельмомъ Маяне и вмѣсто него отправленъ былъ въ Выборгъ; здѣсь при производствѣ слѣдствія назвался Габріелемъ Вестериномъ и былъ подъ этимъ именемъ заключенъ на полгода въ рабочемъ домѣ, и затѣмъ отосланъ для водворенія на мнимую родину, откуда вскорѣ отлучился. Въ ночь съ 19-го на 20-е октября 1860 г. въ деревнѣ Малое Сельгелево, вѣдомства красносельской удѣльной конторы, замѣченъ былъ караульнымъ крестьяниномъ неизвѣстный человѣкъ, намѣревавшійся сдѣлать подломъ одного крестьянскаго амбара. Караульный разбудилъ 5 человѣкъ крестьянъ и съ ними пошелъ къ амбару. Воръ, услышавъ приближеніе людей, побѣжалъ изъ деревни, крича: «не ловите, а то всѣхъ перебью и перережу, и сожгу всю деревню», и при этомъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья, не причинивъ никому вреда. Крестьяне, опасаясь идти далѣе, призвали изъ сосѣдней деревни еще 9 человѣкъ, и такимъ образомъ въ числѣ 15 человѣкъ отправились по слѣдамъ вора. Замѣтивъ людей, воръ снова выстрѣлилъ изъ ружья и ушелъ въ лѣсъ, куда поимщики пустили за нимъ цѣпную собаку, которую онъ ранилъ, вѣроятно ножемъ. Не надѣясь на успѣхъ въ своихъ поискахъ, крестьяне

стали возвращаться домой; но въ это время тотъ неизвѣстный человѣкъ подкрался къ сѣнному сараю сельскаго старосты Матвѣева и поджогъ его, а самъ скрылся снова въ лѣсъ. Занятые тушеніемъ пожара крестьяне оставили преслѣдованіе. Убытокъ, происшедшій отъ пожара, исчисленъ въ 160 р. Въ отвѣтахъ объ этомъ происшествіи крестьяне показываютъ, что хотя было такъ темно, что въ лицо означеннаго человѣка они разсмотрѣть не могли, но по росту и по голосу узнали Іогана Моисѣева. Наконецъ 24 апрѣля 1861 г. Моисѣевъ былъ замѣченъ спящимъ въ ригѣ деревни Раппоне, Царскославянскаго имѣнія. Добросовѣстный той деревни Андреевъ съ 20 человѣками крестьянъ, при 4-хъ ружьяхъ, стали у дверей риги и вызывали Моисѣева. Моисѣевъ, увидя такое множество народа, остановился на порогѣ, поднялъ имѣвшійся при немъ топоръ и, отмахиваясь имъ, не допускалъ людей взять его. Однако Андрееву удалось сзаду вышибить дубиною изъ рукъ Моисѣева топоръ, и Моисѣевъ былъ схваченъ.—На допросѣ становымъ приставомъ Моисѣевъ показалъ, что онъ не Моисѣевъ, а Кабре Вестерне Езесъ, урожденецъ Выборгской губерніи дер. Антола, изъ которой отлучился лѣтъ 7 тому назадъ. Крестьяне деревни Подомякъ удостовѣрили, напротивъ, что пойманный въ дер. Раппоне есть дѣйствительно Іоганъ Моисѣевъ. По оставленіи въ 5-й рабочій экипажъ, былъ онъ показанъ служившимъ съ нимъ нижнимъ чинамъ, и они признали его за того самого Моисѣева, который былъ съ ними въ экипажѣ и бѣжалъ въ 1855 г. — Преданный суду Моисѣевъ сначала показывалъ, что онъ умѣетъ говорить только по фински, но затѣмъ на очной ставкѣ въ коммисіи военнаго суда съ крестьянами заговорилъ по русски. Хотя и послѣ этого Моисѣевъ продолжалъ упорно называть себя крестьяниномъ Вестерне, но приведенные въ военно-судную коммисію нижніе чины 5-го рабочаго экипажа и вызванные знавшіе его крестьяне, въ числѣ которыхъ были—дядя и братъ Моисѣева, признали его за того самого мастероваго Моисѣева, который служилъ въ 5 рабочемъ экипажѣ и оттуда бѣжалъ въ 1855 г. При этой очной ставкѣ Моисѣевъ стращалъ добросовѣстнаго Андреева, что онъ ему за все заплатитъ.

Сообразивъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, морской генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подсудимый, именующій

себя крестьяниномъ Вестерне, есть дѣйствительно мастеровой 5 рабочаго экипажа Іоганъ Моисѣевъ, бѣжавшій въ 3-ій разъ въ 1855 году, и засимъ признанъ его виновнымъ въ совершеніи (и послѣ этого по поимкѣ), неоднократныхъ побѣговъ, въ утратѣ казенныхъ мундирныхъ вещей, въ похищеніи у ратника Абрамова билета, выданнаго ему изъ с.-петербургскаго подвижнаго ополченія, въ участіи въ кражѣ у крестьянина Андрусова вещей и денегъ на сумму 25 р. 90 к., въ сопротивленіи вооруженною рукою при поимкѣ и наконецъ въ троекратномъ принятіи на себя чужаго имени для избѣжанія суда. Что же касается до обвиненія его въ сдѣланіи двухъ выстрѣловъ въ крестьянъ, ловившихъ вора ночью съ 19 на 20 октября 1860 г., и въ поджогѣ тогда-же сарая, то обвиненія эти нельзя признать за несомнѣнно доказанныя, такъ-какъ крестьяне, ловившіе вора, свидѣтельствуютъ лишь по предположенію, что то былъ дѣйствительно Моисѣевъ, но сами показываютъ, что никто изъ нихъ по темнотѣ ночи не могъ видѣть скрывшагося преступника въ лицо. Посему и руководствуясь 302 и 304 ст. II кн., 80, 81 и 82 ст. I кн. св. мор. угол. пост., морской генералъ-аудиторіатъ положилъ: оставить Моисѣева въ содѣяніи преступленій этихъ въ сильномъ подозрѣніи. По симъ соображеніямъ и на основаніи 247, 248, 249, 504, 506, 521 и 522 ст. I кн. св. мор. угол. пост., Высочайшихъ повелѣній, объявленныхъ въ приказахъ 17 апрѣля 1863 года, морской генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: подсудимаго мастероваго Іогана Моисѣева лишить воинскаго званія и отдать въ арестантскія роты на восемь лѣтъ, а по истеченіи этого срока сослать въ Сибирь на водвореніе. Деньги, найденныя у Моисѣева, равно какъ и тѣ, которыя будутъ выручены отъ продажи отобранныхъ у него вещей, обратить на пополненіе сдѣланныхъ при производствѣ слѣдствія издержекъ, недостающую же затѣмъ сумму принять на счетъ казны.

XLIV. Дѣло о юнкерахъ: Дмитріѣ Калитѣевскомъ и Николаѣ Танѣевѣ, преданныхъ суду за разные противузаконные поступки.

I) Юнкеръ *Калитѣевскій*, по выпускѣ изъ морскаго кадетскаго корпуса за невыдержаніе экзамена, поступилъ 25 января 1862 г.

юнкеромъ въ 1 флотскій Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала экипажъ; по 14 февраля былъ въ отпуску; весною отосланъ для слушанія лекцій въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; вернулся обратно 13 мая и былъ назначенъ въ кампанію на корабль «Императоръ Николай I-й»; съ 14 іюня по 4 іюля находился по болѣзни въ Кронштадтскомъ морскомъ военномъ госпиталѣ, а по выпискѣ изъ него, причисленъ къ 21 флотскому экипажу. 20 августа Калитѣевскій самовольно отлучился въ С. Петербургъ, 25 августа возвратился въ Кронштадтъ и на другой день подалъ въ канцелярію 21 флотскаго экипажа просьбу объ отставкѣ и прошеніе объ отпускѣ въ С. Петербургъ, которое осталось безъ удовлетворенія, и Калитѣевскій, въ концѣ августа, вновь самовольно уѣхалъ въ С. Петербургъ, а 14 сентября былъ доставленъ къ начальству с. петербургскимъ ординанецъ-гаузомъ.

Калитѣевскій нанималъ квартиру въ г. Кронштадтѣ у портнаго Лебницкаго и принесъ послѣднему пять стакановъ и поднось говоря, что унесъ ихъ изъ публичнаго дома и принесетъ еще болѣе; послѣ этого чрезъ нѣсколько дней, пришла къ Лебницкому ключница изъ публичнаго дома и съ нею двое мужчинъ, и увидѣвъ стаканы и поднось, признали ихъ за пропавшіе изъ публичнаго дома; когда Лебницкій сообщилъ объ этомъ Калитѣевскому, по возвращеніи его домой, то Калитѣевскій повторилъ, что стаканы и поднось дѣйствительно имъ унесены. Калитѣевскій въ кражѣ подноса и стакановъ не сознался, а показалъ, что хотя эти вещи точно онъ принесъ къ себѣ изъ публичнаго дома, но взялъ ихъ оттуда съ тѣмъ, чтобъ попутить и потомъ отнести обратно. Означенные стаканы и поднось, какъ видно, отосланы Лебницкимъ въ тотъ домъ, откуда были взяты.

Калитѣевскій заказалъ портному Гарбко, въ августѣ 1862 г., платья на 40 р. сер, выдавъ росписку въ уплатѣ денегъ къ 15 сентября; но какъ росписка эта не была засвидѣтельствована начальствомъ, то онъ, Гарбко, объявилъ Калитѣевскому, что не можетъ отдать ему по изготовленіи заказаннаго ему платья; тогда Калитѣевскій, взявъ отъ него, Гарбко, росписку, ушелъ, а на другой день принесъ ее уже съ подписью, что въ вѣрности уплаты ручается капитанъ 1-го ранга Грицевко; онъ же,

Гарбко, узнавъ потомъ, что такого капитана вовсе не существуетъ, возвратилъ Калитѣевскому росписку; но платья ему не отдалъ. Калитѣевскій объяснилъ, что будучи вполнѣ увѣренъ въ возможности отдать деньги за заказанное платье къ назначенному сроку, просилъ юнкера 19 флотскаго экипажа фонъ-Фаллера подписать на написанной имъ росписк̀ѣ: «капитанъ 1 ранга Грищенко», по возвращеніи же потомъ сей росписки портнымъ Гарбко, уничтожилъ ее. Юнкеръ 19 флотскаго экипажа фонъ-Фаллеръ не подтвердилъ сдѣланнаго на него Калитѣевскимъ указанія, а командиръ 21 флотскаго экипажа капитанъ 1 ранга Стеценковъ объяснилъ, что сколько помнитъ, въ росписк̀ѣ Калитѣевскаго, которую приносилъ къ нему, Стеценкову, показать Гарбко, было сказано, что въ вѣрности уплаты ручается капитанъ 1 ранга Грищенко.—Во время производства о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ дѣла въ коммисіи военнаго суда, Калитѣевскій 29 января 1863 г., находясь подъ арестомъ на главной гауптвахтѣ въ Кронштадтѣ, обратился къ караульному офицеру поручику Петренко съ жалобой на караульнаго унтеръ-офицера Сивова, недавшаго ему конвойнаго сходить въ арестантскую за бывшимъ тамъ принадлежащимъ ему, Калитѣевскому, котелкомъ для воды; не далъ же Сивовъ конвойнаго Калитѣевскому потому, что не имѣлъ на это приказанія караульнаго офицера. Поручикъ Петренко нашелъ жалобу Калитѣевскаго неуважительною, а Калитѣевскій, придя въ свою комнату, сказалъ содержавшемуся вмѣстѣ съ нимъ юнкеру Танѣеву (подсудимому по настоящему дѣлу), что: «въ линейномъ батальонѣ служатъ бурбоны, и караульный офицеръ—хамъ». Комната, въ которой содержались Калитѣевскій и Танѣевъ, отъ комнаты, гдѣ находился Петренко, отдѣлялась легкою переборкою, и какъ Калитѣевскій произнесъ означенныя слова громко, то Петренко, услышавъ, приказывалъ Калитѣевскому замолчать, на что Калитѣевскій возразилъ: «я не въ глаза ругаю, а за глаза и царя ругаютъ». Произнесенныя Калитѣевскимъ слова были слышаны и стоявшимъ въ комнатѣ Петренко на часахъ у денежныхъ ящиковъ рядовымъ Смирновымъ. Затѣмъ на запрещеніе Петренко Калитѣевскому—не ходить безъ конвойнаго за естественной надобностію, Калитѣевскій сказалъ Петренко: «провожайте же сами меня», и когда засимъ увидѣлъ поставленнаго къ две-

рямъ его конвойнаго, сталъ гнать его прочь. Обстоятельства эти подтвердились объясненіемъ поручика Петренко и показаніями унтеръ-офицера Сивова, рядовыхъ Смирнова и Иванова, (изъ коихъ Смирновъ спрошенъ подъ присягою), сторожа гауптвахты рядоваго Левченко и юнкера Танѣева. Кромѣ того самъ Калитѣевскій на очной ставкѣ съ Танѣевымъ сознался, что разсердясь на Петренко за оставленіе безъ вниманія жалобы на унтеръ-офицера, онъ дѣйствительно сказалъ въ своей комнатѣ громко, что «въ линейномъ баталіонѣ служатъ бурбоны, и караульный офицеръ—хамъ» и потомъ возразилъ: «я не его ругаю, а за глаза и царя ругаютъ».

Сверхъ того Калитѣевскій былъ обвиненъ: 1) въ *въ продажѣ одного и того же провіанта*, слѣдовавшаго ему, Калитѣевскому за сентябрь 1862 г., двумъ лицамъ: квартирмейстеру 8 флотскаго экипажа Задубину и женѣ машиниста Маріѣ Крейманъ. Калитѣевскій въ этомъ не сознался, показывая, что онъ Задубину продалъ провіантъ за сентябрь, а женѣ машиниста Крейманъ за октябрь. Записку, выданную Калитѣевскимъ Крейманъ на полученіе провіанта, Крейманъ потеряла; видѣвшіе же означенную записку до потери ея: командиръ 21 флотскаго экипажа капитанъ 1 ранга Стеценковъ, исправлявшій должность адъютанта сего экипажа губернскій секретарь Селиверстовъ, послѣдній подъ присягою, удостовѣряютъ, что въ запискѣ значилось о провіантѣ за сентябрь; а фельдфебель того экипажа Климовскій подъ присягою показалъ, что Крейманъ, придя съ запискою въ экипажъ, просила выдать провіантъ за сентябрь. По отзыву Задубина и Крейманъ, первый купилъ у Калитѣевскаго провіантъ за 1 р. 30 коп., а вторая за 1 р. 50 к. Задубинъ, пришедшій за провіантомъ прежде Крейманъ, получилъ провіантъ, что не за весь мѣсяцъ, а за первые 9 дней, т. е по день окончанія кампаніи на корабль «Императоръ Николай I-й». 2) *Въ утратѣ лѣтнихъ брюкъ изъ казеннаго обмундированія*, въ чемъ сознался подсудимый, объяснивъ только, что онъ не знаетъ когда и какъ пропали у него брюки. 3) *Въ похищеніи 3-хъ сапожныхъ щетокъ у юнкера корпуса инженера-механиковъ Кишкина.* Щетки эти, по словамъ самого Кишкина, возвращены ему Калитѣевскимъ безпрекословно. Калитѣевскій показалъ, что щетки взялъ съ дозволенія Кишкина; но послѣдній

сего не подтвердилъ. 4) *Въ похищеніи картины изъ того же публичнаго дома, откуда унесены стаканы и подносъ.* Картина эта пропала изъ публичнаго дома въ августѣ 1862 г., послѣ пропажи она находилась у Калитѣевскаго въ квартирѣ его у портнаго Лебницкаго и была признана приходившею къ Лебницкому ключницею публичнаго дома за пропавшую оттуда. Картину эту Лебницкій тогда же отдалъ ключницѣ. Калитѣевскій въ похищеніи картины не сознался, а показалъ, что купилъ ее на рынкѣ. 5) *Въ похищеніи женскаго платья изъ другаго публичнаго дома.* Калитѣевскій въ этомъ не сознался. Подозрѣніе на него въ кражѣ платья, дѣйствительно пропавшаго изъ публичнаго дома, возникло вслѣдствіе показанія означеннаго Лебникаго, будто бы ему юнкеръ Кишкинъ сказалъ, что изъ публичнаго дома пропало платье и онъ полагаетъ, что это дѣло Калитѣевскаго. Но при допросѣ Кишкинъ показалъ, что онъ не говорилъ этого Лебницкому.

II) Другой подсудимый юнкеръ *Танѣевъ* былъ обвиняемъ: 1) *въ побѣгахъ отъ службы.* Танѣевъ поступилъ на службу 19 января 1862 г. юнкеромъ въ 15 флотскій экипажъ и 24 мая того года былъ назначенъ въ кампанію на клиперъ «Алмазъ». Между тѣмъ, уже въ апрѣлѣ 1862, г. онъ самовольно уѣзжалъ въ С. Петербургъ и пробылъ тамъ три дня, потомъ снова самовольно отлучался два раза и находился въ отлучкѣ продолжительное время, именно съ 6 іюля до начала августа и съ августа до 14 сентября,—этого послѣдняго числа онъ былъ доставленъ къ начальству с. петербугскимъ ордонансъ-гаузомъ. 2) *Въ утратѣ изъ казеннаго обмундированія* слѣдующихъ вещей: палаша, круглой шляпы, шинели, мундира съ брюками, пары сапожнаго товара, трехъ рубахъ, подкладочнаго холста, выданнаго на подштанники, и галстука. По показанію Танѣева нѣкоторыя изъ вещей были имъ потеряны, другія проданы, заложены; онъ, по полученіи, присланныхъ ему изъ дома денегъ, просилъ разрѣшенія экипажнаго командира завести все, что было утрачено, но позволенія на это не послѣдовало. Командиръ 15 флотскаго экипажа объяснилъ, что онъ не разрѣшилъ выдачи Танѣеву присланныхъ ему денегъ, опасаясь, чтобы онъ не употребилъ ихъ на другія надобности. 3) *Въ продажѣ полукафтана писаря Вахрушева.* Полукафтанъ этотъ былъ взятъ Танѣевымъ подъ

роспиcку и на временное подержаніе. Въ продажѣ этой вещи Танѣевъ сознался. Изъ денегъ его, присланныхъ на имя, командира 15 флотскаго экипажа капита 1 ранга Тишевскаго отослано, по согласію Танѣева, на уплату Вахрушеву 3 р. 50 к. сер.

Сверхъ того въ отношеніи обоихъ подсудимыхъ слѣдствіемъ обнаружено, что юнкера эти, въ апрѣлѣ 1862 г., въ С. Петербургѣ, произвели шумъ въ квартирѣ иностранца Берга, къ которому, какъ подсудимые показываютъ, они зашли на публичный вечеръ. Въ послѣднее же пребываніе въ С. Петербургѣ, они по неимѣнію при себѣ достаточно денегъ, пришли въ партикулярномъ платьѣ въ выборгскую часть и просили ночлега въ части, причемъ назвались мѣщанами, пріѣхавшими будто бы на заводъ къ Нобелю, но неопавшими туда, потому что запоздали; при разборѣ же содержавшихся въ части, Калитѣевскій и Танѣевъ объявили настоящее свое званіе, послѣ чего были препровождены чрезъ с. петербургскій ордонансъ-гаузъ въ инспекторскій департаментъ морскаго министерства. Танѣевъ былъ списанъ съ клипера «Алмазъ» по представленію командира сего судна, признавшаго, что Танѣевъ, по его безпрестанному уклоненію отъ службы и дурному поведенію, недостоенъ идти въ заграничное плаваніе. Танѣевъ въ ночь на 7 августа 1862 г. встрѣтился въ пьяномъ видѣ съ своимъ экипажнымъ командиромъ капитаномъ 1 ранга Тишевскимъ и, не узнавъ его, спросилъ у него: «гдѣ Арцыбашевское заведеніе?» (публичный домъ), которое какъ объяснилъ потомъ Танѣевъ при производствѣ настоящаго дѣла, «нужно было ему, какъ для вина, котораго въ тотъ часъ нигдѣ нельзя было достать, такъ и для развлеченія»; а между-тѣмъ онъ, Танѣевъ, считался, въ это время больнымъ, ибо наканунѣ на требованіе явиться къ принятію присяги на вступленіе въ службу, рапортовался больнымъ. За поступки эти Танѣевъ, по распоряженію главнаго командира порта, выдержанъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ 6 дней.

По соображеніи обстоятельствъ дѣла сего, морской генералъ-аудиторіатъ призналъ изъ подсудимыхъ *Калитѣевскаго* виновнымъ: въ побѣгахъ отъ службы, выдачѣ подложной роспиcки портному Гарбко, нанесеніи оскорбленія карауду, обманной продажѣ одного и того же провіанта двумъ разнымъ лицамъ, утратѣ вещей изъ казеннаго обмундированія и въ порочномъ

поведеніи, а *Танѣева*: изобличеннымъ въ побѣгахъ отъ службы, порочномъ поведеніи, утратѣ вещей изъ казеннаго обмундированія, продажѣ чужаго полукафтана, полученнаго на подержаніе; и вмѣстѣ съ тѣмъ *Калитѣевскаго*—навлекающимъ на себя, по многочисленности возникшихъ противъ него обвиненій, сильное подозрѣніе въ кражѣ пяти стакановъ, подноса и картины изъ публичнаго дома и трехъ сапожныхъ щетокъ у юнкера инженеръ-механиковъ Кишкина. За означенныя преступленія Калитѣевскій и Танѣевъ на основаніи 57, 97, 240, 242, 279 ст. 1 кн. св. морск. угол. пост.,—Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ отъ 26 іюля 1861 г. № 103,—XV т. св. зак. кн. 1-й, изд. 1857 г. ст. 396, 4, 35, 2238, 2252, 2272, 2264, 2265, подлежатъ—лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ томскую губернію съ воспрещеніемъ всякой отлучки съ мѣста, назначеннаго имъ для жительства въ продолженіи двухъ лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіи четырехъ лѣтъ (прилож. къ 2 кн. XV т. § II примѣч. 1. ст. 358); также должны они быть подвергнуты денежному взысканію вдвое противъ стоимости утраченныхъ ими и недостающихъ вещей казеннаго обмундированія, а Калитѣевскій обязанъ сверхъ того вознаградить частныхъ лицъ, понесшихъ убытки отъ его противузаконныхъ дѣйствій. При опредѣленіи вышеозначеннаго личнаго наказанія подсудимымъ, имѣвшимъ во время совершенія преступленій—Калитѣевскій 19 лѣтъ, а Танѣевъ 17 лѣтъ, принята въ основаніе 97 ст. 1 кн. св. морск. уголов. пост., по которой *совершеннолѣтіемъ считается 17-ми-лѣтній возрастъ*; но принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе, что по уложенію о наказ. угол. и испр., которое уже и примѣняется къ настоящему дѣлу въ назначеніи рода наказанія, виновные, имѣющіе болѣе 14 лѣтъ, но менѣе 21 года подвергаются наказанію значительно легчайшему, чѣмъ совершеннолѣтніе, морской генералъ-аудиторіатъ полагалъ, что и въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ назначить подсудимымъ наказаніе въ той степени и въ томъ видѣ, какіе соотвѣтствуютъ возрасту Калитѣевскаго и Танѣева по улож. о наказ. На семъ основаніи и согласно обстоятельствамъ дѣла, морской генералъ-аудиторіатъ положилъ: 1) подсудимыхъ Калитѣевскаго и Танѣева, за силою 152

ст. 4 прод. и 37 ст. XV т. св. зак. кн. 1, не лишая особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ Сибирскихъ, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста назначеннаго для ихъ жительства въ продолженіи четырехъ лѣтъ (прилож. къ 2 кн. XV т. примѣч. 1 къ ст. 358 § III). 2) Стоимость недостающаго утраченнаго ими казеннаго обмундированія взыскать съ нихъ въ двойномъ количествѣ. 3) Квартирмейстеру 8 флотскаго экипажа Задубину и женѣ машиниста Маріѣ Крейманъ, буде пожелаютъ, предоставить искать, установленнымъ порядкомъ, о вознагражденіи ихъ Калитѣевскимъ за понесенный убытокъ. 4) Оставить Калитѣевскаго въ сильномъ подозрѣніи въ кражѣ трехъ сапожныхъ щетокъ у юнкера корпуса инженеръ-механиковъ Кишкина и вещей изъ публичнаго дома.

Положеніе сіе морскаго генералъ-аудиторіата о юнкерахъ Калитѣевскомъ и Танѣевѣ въ 17 день іюня 1863 г. Высочайше утверждено.

XLV. Дѣло о прапорщикѣ Васильѣ Мокѣевѣ, сужденномъ за буйство и нанесеніе, въ пьяномъ видѣ, оскорбленій частнымъ приставамъ иркутской полиціи.

Прапорщикъ Мокѣевъ преданъ былъ суду за то, что, бывъ въ вольномъ маскарадѣ въ г. Иркутскѣ 7-го февраля 1864 года, нанесъ въ нетрезвомъ видѣ оскорбленія частнымъ приставамъ Верле и Михалеву, изъ которыхъ перваго бранилъ неприличными словами и ударилъ по лицу, а втораго схватилъ за бакенбардъ и потомъ ударилъ рукою сзади по шеѣ.—Подсудимый Мокѣевъ ни при слѣдствіи, ни въ военномъ судѣ, не отрицалъ полнаго сознанія въ этихъ преступленіяхъ, объясняя, что пристава Верле не билъ, а только обругалъ его «дуракомъ» и «невѣжей» и замахнулся на него за то, что онъ выбилъ изъ рукъ его, Мокѣева, закуренную папиросу, искрами которой обожгло ему руку; пристава же Михалева, принявъ по ошибкѣ за Верле, дѣйствительно взялъ за бакенбардъ, но тотчасъ отпустилъ и извинился, а когда Михалевъ, по прибытіи въ маскарадъ поли-

ціймейстера, взялъ его Мокѣева за руку и двинулъ впередъ, то онъ окончательно вышелъ изъ себя и если что̀ тогда сдѣлалъ, то безъ всякаго сознанія. Сверхъ того Мокѣевъ въ отвѣтахъ своихъ выразилъ жалобу на неприличное и дерзкое обращеніе съ нимъ полицейскаго унтеръ-офицера Ѳедора Братцова, который сопровождалъ его изъ маскарада въ полицію, равно какъ на то, что вмѣсто полиціи, его, офицера, не отправили подъ арестъ прямо на гауптвахту. Обстоятельство, что прапорщикъ Мокѣевъ, находясь въ маскарадѣ, былъ въ нетрезвомъ видѣ, вполнѣ подтвердилось удостовѣреніемъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ; обвиненіе его въ нанесеніи удара по лицу частному приставу Верле основывается на показаніяхъ упомянутаго унтеръ-офицера Братцова и полицейскаго рядоваго Хамера Шарыпова, а нанесеніе удара приставу Михалеву доказывается отзывомъ иркутскаго полиціймейстера полковника Вакульскаго, что Мокѣевъ въ присутствіи его ударилъ пристава Михалева безъ всякой къ тому причины; сверхъ того хозяинъ маскарада старшій писарь Ивановъ подъ присягою показалъ, что прапорщикъ Мокѣевъ, попятнувшись, толкнулъ пристава Михалева, который бралъ Мокѣева за руку, уговаривая извиниться предъ приставомъ Верле въ нескромныхъ словахъ и напоминая о своихъ личныхъ обидахъ. Жалоба подсудимаго Мокѣева на дерзкое съ нимъ обращеніе полицейскаго унтеръ-офицера по дѣлу не доказана, показаніе же его о неприличномъ обращеніи съ нимъ частнаго пристава Верле подтверждается присяжными показаніями: а) подпоручика Ивана Шипицина, который слышалъ, не помнитъ отъ кого, что приставъ Верле не взялъ, а вышибъ изъ рукъ Мокѣева папиросу, и б) дворянина Юліана Шипицина, удостовѣрившаго, что приставъ Верле, замѣтивъ прапорщику Мокѣеву о воспрещеніи курить табакъ въ залѣ, ударилъ по рукѣ Мокѣева, у котораго выпала изъ рукъ папироса.

Сообразивъ эти обстоятельства, морской генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что по существу поступковъ подсудимаго Мокѣева, совершенныхъ въ публичномъ мѣстѣ и въ отношеніи къ лицамъ, отправлявшимъ свою должность, обида, нанесенная Мокѣевымъ приставамъ Верле и Михалеву, по точному смыслу 425 и 426 ст. I кн. св. мор. угол. пост., должна быть признана тяжкою обидою, за которую виновные офицеры и лица, пользующіяся

особенными правами состоянія, подвергаются наказаніямъ, въ ст. 436 той же книги опредѣленнымъ, а именно: испрашиванію у обиженнаго предъ судомъ прощенія, аресту съ содержаніемъ на гауптвахтѣ или въ крѣпости въ казематѣ, денежному штрафу, или отставленію отъ службы, или же, наконецъ, разжалованію въ рядовые до выслуги. Переходя затѣмъ къ назначенію Мокѣеву одного изъ сихъ наказаній, соотвѣтственно степени его вины, морской генералъ-аудиторіатъ по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ настоящій случай, не нашелъ основанія къ предположенію, чтобы подсудимый, бывшій въ нетрезвомъ состояніи, обидѣлъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ полицейскихъ чиновниковъ, съ которыми до того времени не приходилъ въ соприкосновеніе, причемъ генералъ-аудиторіатъ не могъ не согласиться съ заключеніемъ коммисіи военнаго суда, что въ помянутомъ состояніи Мокѣева простое благоразуміе требовало отъ сихъ чиновниковъ, чтобы они обращались съ нимъ осторожнѣе, не подавая повода своимъ грубымъ обращеніемъ къ тѣмъ оскорбительнымъ для нихъ дѣйствіямъ, за которыя Мокѣевъ судится. При такомъ видѣ дѣла полагая достаточнымъ и справедливымъ назначить Мокѣеву, который доселѣ штрафамъ не подвергался и аттестовался одобрительно, одно изъ среднихъ наказаній, означенныхъ въ вышеприведенномъ законѣ, тѣмъ болѣе, что онъ за свою вину уже отчасти наказанъ 3-хъ мѣсячнымъ содержаніемъ подъ арестомъ во время производства суда надъ нимъ, морской генералъ-аудиторіатъ, на основаніи 84 ст. 1 кн. и 353 ст. II кн. св. мор. угол. пост. (по 2 продолж.) полагалъ: 1) подсудимаго, прапорщика Мокѣева, за означенные противозаконные поступки, выдержать въ крѣпости въ казематѣ въ продолженіи одного мѣсяца, и 2) дѣйствія частныхъ приставовъ иркутской полиціи Верле и Михалева, которые неприличнымъ обращеніемъ съ прапорщикомъ Мокѣевымъ подали ему поводъ къ тѣмъ поступкамъ, предоставить разсмотрѣнію и и заключенію генералъ-губернатора восточной Сибири.—Такое положеніе морскаго генералъ-аудиторіата удостоилось въ 30 день ноября 1861 года Высочайшаго утвержденія.

XLVI. Дѣло о матросѣ 1-го своднаго черноморскаго флотскаго экипажа Исаѣ Ткаченко, преданномъ суду за разныя противузаконныя дѣйствія.

Матросъ Ткаченко, содержавшійся въ карцерѣ, по конфирмаціи главнаго командира николаевскаго порта, за развратное поведеніе, 9-го марта 1864 года, часа въ два по полудни отпросился въ отхожее мѣсто, куда и былъ отведенъ подъ конвоемъ двухъ ружейныхъ матросовъ: Ковалева и Ющенко, по показаніямъ коихъ: перваго безъ присяги, а втораго подъ присягою,—Ткаченко въ то время былъ выпивши; Ковалевъ притомъ показалъ, что на спросъ его у Ткаченко: откуда онъ досталъ водки, послѣдній отвѣчалъ, что ему передали ее въ карцеръ чрезъ окно въ стѣнѣ содержавшіеся предъ тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ матросы Новиковъ и Ушаковъ; но послѣдніе въ этомъ не сознались и никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе показанія Ковалева въ дѣлѣ не имѣется. Подсудимый же показалъ, что придя въ отхожее мѣсто, онъ нашелъ тамъ полштофъ съ водкою, которой было около $2^1|_2$ шкаликовъ. Водку эту онъ выпилъ и такъ какъ до того времени онъ полтора года не пилъ водки, до того опьянѣлъ, что ничего не помнитъ, что̀ дѣлалъ по выходѣ изъ отхожаго мѣста.—Выйдя оттуда, Ткаченко, по показаніямъ Ковалева и Ющенко, побѣжалъ отъ нихъ со двора изъ улицы въ улицу такъ скоро, что они не могли его догнать, а остановленъ онъ былъ, по крику ихъ, неизвѣстнымъ имъ извощикомъ, который передалъ имъ Ткаченко; тогда они связали ему руки и посадили его снова въ карцеръ. Дежурный по экипажу унтеръ-офицеръ Квашинъ подъ присягою показалъ, что о побѣгѣ Ткаченко часа въ два дали ему знать неизвѣстные ему два матроса, бывшіе въ карауле у экипажнаго карцера. Затѣмъ, по показанію Ковалева, Ткаченко, по приводѣ его обратно въ карцеръ, началъ буйствовать, все время билъ дверь, а вечеромъ спичками поджегъ столбъ двери карцера, и когда онъ, Ковалевъ, увидѣвъ огонь, подошелъ къ двери карцера, чтобъ посмотрѣть въ него въ вырѣзанное въ двери окно, въ это время Ткаченко ударилъ его, Ковалева, чрезъ то окно ножемъ въ грудь, но ножъ не прошелъ сквозь одежду и вреда никакого не причи-

нилъ; между тѣмъ огонь былъ въ тоже время потушенъ, и, по распоряженію дежурнаго офицера, Ткаченко связяли руки и посадили въ мину. Съ какою цѣлью Ткаченко намѣренъ былъ поджечь карцеръ и нанесъ Ковалеву ножемъ ударъ въ грудь, послѣдній не знаетъ. Самъ Ткаченко на допросѣ показалъ, что онъ намѣренія сжечь карцеръ и лишить Ковалева жизни не имѣлъ. Унтеръ-офицеръ Квашинъ и матросы, бывшіе ружейными: Ющенко, Федоровъ и Колесниченко подъ присягою показали согласно съ Ковалевымъ о *буйствѣ* Ткаченко, добавивъ при томъ, что онъ ругалъ неприличными словами Квашина и дежурнаго офицера подпоручика Васильева; о *поджогѣ* показали: Ющенко и Федоровъ,—что Ткаченко вечеромъ настругалъ ножемъ отъ дверей карцера стружекъ, взялъ стружки въ руки, зажегъ ихъ спичками, а потомъ приложилъ къ столбу и зажегъ столбъ; Колесниченко,—что вечеромъ Ткаченко поджегъ столбъ въ карцеръ, а Квашинъ,—что когда онъ, по объявленіи ему въ 8 часу вечера часовыми о поступкахъ Ткаченко, пришелъ въ карцеръ, то въ это время Ткаченко, буйствуя, старался зажечь бывшія у него спички. О *нанесеніи имъ удара ножемъ* Ковалеву, Федоровъ и Колесниченко показали опредѣлительно; Ющенко отозвался, что въ это время онъ ходилъ къ дежурному унтеръ-офицеру Квашину, а послѣдній объяснилъ, что объ ударѣ ножемъ ему сказали часовые. По показанію-же Квашина: по выводѣ Ткаченко изъ карцера въ мину, ножъ былъ найденъ въ карцерѣ подъ порогомъ, а спички въ коробочкѣ найдены подъ койкою. Кромѣ того Квашинъ засвидѣтельствовалъ, что Ткаченко былъ выпивши, но не былъ пьянъ до того, чтобы не помнить себя. Бывшій дежурнымъ по экипажу подпоручикъ Васильевъ объяснилъ, что Ткаченко былъ только выпивши, но пьянъ не былъ, и что онъ, Васильевъ, не былъ очевидцемъ всѣхъ дѣйствій Ткаченко. По акту, составленному свидѣтельствовавшими карцеръ, столбъ у дверей найденъ былъ обугленнымъ на разстояніи около 6 вершковъ. Кому принадлежатъ ножъ и спички, найденные въ карцерѣ, по дѣлу необнаружено, а самъ подсудимый показалъ, что спички далъ ему содержавшійся съ нимъ въ карцерѣ неизвѣстный ему по имени и фамиліи матросъ 3-го своднаго черноморскаго флотскаго экипажа, а ножъ онъ, Ткаченко, нашелъ въ карцерѣ подъ головешкой на койкѣ.

Командиръ экипажа сообщилъ, что съ Ткаченко никто въ карцеръ не содержался.

Сообразивъ все вышеизложенное, морской генералъ-аудиторіатъ, основываясь на свидѣтельскихъ присяжныхъ показаніяхъ, призналъ подсудимаго матроса Ткаченко виновнымъ: въ дурномъ поведеніи, побѣгѣ отъ конвоировавшихъ его двухъ ружейныхъ, въ буйствѣ, произнесеніи бранныхъ словъ противъ дежурныхъ: ожицера и унтеръ-офицера, въ нанесеніи удара ножемъ матросу Ковалеву, бывшему въ карауле у карцера, и въ поджогѣ карцера. Хотя по дѣлу видно, что Ткаченко былъ въ нетрезвомъ состояніи, но, какъ объясняютъ дежурный офицеръ, подъ присягою унтеръ-офицеръ Квашинъ и безъ присяги матросъ Ковалевъ, былъ не въ безсознательномъ состояніи, что подтверждается тѣмъ, что со времени его побѣга, т. е. около двухъ часовъ, до совершенія имъ поджога и нанесенія удара ножемъ Ковалеву, (а это было по показанію однихъ—вечеромъ, по показанію же Квашина—въ 8 часу вечера), прошло достаточно времени для отрезвленія Ткаченко; притомъ сознательное его состояніе доказывается и тѣмъ еще, что ножъ и спички были найдены *спрятанными*—первый подъ порогомъ и спички подъ койкою, а не просто брошенными. Посему морской генералъ-аудиторіатъ, по основаніи 27, 78, 84, 230, 235, 280 и 488 ст. 1 кн. св. мор. угол. пост., 21, 2185, 2186, и 2189 ст. улож. о наказ. и Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ 17-го апрѣля 1863 г., опредѣлилъ: подсудимаго матроса Ткаченко, по лишеніи его воинскаго званія, имѣемой имъ медали и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

XLVII. Дѣло о рядовомъ Сергеѣ Кононовѣ; судимомъ за побѣгъ въ Молдавію и за распространеніе въ Россіи раскольнической секты.

Рядовой Кононовъ, происходящій изъ государственныхъ крестьянъ селенія «Привольнаго», херсонской губерніи, въ 1827 году, по передачѣ крестьянъ этого селенія изъ гражданскаго

вѣдомства въ составъ военнаго поселенія кавалеріи, поступилъ въ числѣ прочихъ крестьянъ въ поселяне въ округъ бывшаго 2-го бугскаго уланскаго полка (нынѣ 3-й округъ херсонскаго поселенія), съ приведеніемъ къ присягѣ на вѣрность службы въ новомъ званіи, а 28 марта 1828 года былъ зачисленъ на дѣйствительную службу въ означенный полкъ. Во время слѣдованія этого полка въ 1828 году въ Турцію, по случаю возникшей съ нею войны, Кононовъ, въ числѣ 22-хъ нижнихъ чиновъ, не могнихъ находиться въ строю, оставленъ былъ въ г. Галацѣ, при полковомъ обозѣ, и въ іюнѣ того же 1828 года, вмѣстѣ съ 15 другими рядовыми, бѣжалъ; причемъ снесено этими нижними чинами, кромѣ состоявшихъ на нихъ казенныхъ аммуничныхъ вещей, какъ-то: фуражекъ, галстуховъ, рубахъ, рейтузъ, кителей, мундировъ, шинелей и сапогъ,—три пары пистолетовъ, карабинъ и котелокъ. Впослѣдствіи времени Кононовъ, вступивъ въ подданство Молдавіи, приписался къ числу жителей г. Галаца, гдѣ и проживалъ болѣе 30 лѣтъ. Наконецъ въ апрѣлѣ 1860 г. былъ уволенъ въ Россію, въ г. Кіевъ, по паспорту, выданному ему 19 того апрѣля отъ правительства соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, онъ запелъ сперва въ селеніе «Привольное», а потомъ въ с. Владиміровку, въ которомъ 29 мая того же 1860 года былъ арестованъ мѣстнымъ начальствомъ 3-го округа херсонскаго поселенія, въ составѣ котораго означенное селеніе находится, и какъ оказавшійся бѣглымъ солдатомъ, по распоряженію командира своднаго кавалерійскаго корпуса 6 сентября 1861 года зачисленъ на службу въ одесскій уланскій Его Высочества герцога Нассаускаго полкъ и, по производствѣ слѣдствія преданъ военному суду.—При изслѣдованіи о побѣгѣ подсудимаго Конопова онъ показалъ, что при переименованіи въ 1827 году государственныхъ крестьянъ селенія Привольнаго въ званіе военныхъ поселянъ, онъ находился въ г. Николаевѣ для заработокъ, оттуда бѣжалъ за границу въ г. Галацъ и вступилъ въ подданство Молдавіи, тамъ женился на вдовѣ старообрядкѣ (уже умершей) и проживалъ до времени увольненія по паспорту, выданному отъ молдавскаго правительства,—въ г. Кіевъ для поклоненія св. мощамъ. При другомъ допросѣ, отмѣнивъ это показаніе, Кононовъ объяснилъ, что по возвращеніи его изъ Николаева, онъ, по неимѣнію у себя никакого хозяйства, дѣйствительно былъ

зачисленъ на службу въ 3-й резервный эскадронъ 2-го бугскаго уланскаго полка, съ приводомъ къ присягѣ, а въ 1828 году по состоянію въ 5 эскадронѣ оставленъ былъ полкомъ, слѣдовавшимъ въ Турцію, въ г. Галацъ при обозѣ, откуда вмѣстѣ съ другими нижними чинами бѣжалъ съ намѣреніемъ скрыться за границею, снеся съ собою состоявшія на немъ казенныя вещи, но оружія не бралъ; по заключеніи же мира съ Турціею, онъ, Кононовъ, вступилъ въ подданство Молдавіи и проживалъ тамъ, занимаясь работою въ разныхъ мѣстахъ. Наконецъ въ военномъ судѣ Кононовъ показалъ, что побѣгъ сдѣланъ имъ не изъ обоза въ г. Галацъ, а изъ 6-го эскадрона; военное званіе скрывалъ онъ при слѣдствіи въ предположеніи, что его отпустятъ обратно въ Молдавію; жена его, съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ бытность поселяниномъ, умерла на мѣстѣ жительства въ с. Привольномъ, а другой жены въ Молдавіи онъ, Кононовъ, не имѣлъ, и объ этомъ первоначально показалъ ложно *).

Относительно распространенія подсудимымъ Кононовымъ *раскольнической секты* изъ донесенія священника селенія Владимі-ровки отъ 23 мая и начальника 2 волости 3 округа херсонскаго поселенія видно, что съ появленіемъ дезертира Кононова подъ именемъ подданнаго княжества Молдавіи въ с. Владимировку къ нему собирались жители того селенія, раскольники и православные, слушать ученіе его о раскольнической сектѣ и способахъ къ побѣгу за границу, гдѣ священники ихъ свободно отправляютъ свое служеніе, вслѣдствіе чего онъ и задержанъ. Спрошенные по этому предмету безъ присяги показали: 1) староста с. Владимировки Григорій *Горбулинъ*, что въ пятницу вечеромъ передъ троицею въ 1860 году онъ, Горбулинъ, увидѣлъ на улицѣ неизвѣстнаго человѣка и по обязанности сельскаго старосты спросилъ, что онъ за человѣкъ и имѣетъ ли билетъ? на что неизвѣстный человѣкъ отвѣтилъ ему, что идетъ изъ Бессарабіи въ Кіевъ и билетъ имѣетъ, а болѣе съ тѣмъ человѣкомъ ничего не говорилъ. 2) Писарь Михайло *Бѣлинскій* объяснилъ, что въ

*) Изъ вытребованной къ дѣлу выписки изъ метрической книги за 1820 годъ, хранящейся при Елановѣрческой селенія Привольнаго Покровской церкви, видно, что Кононовъ 25 января того года былъ обвѣнчанъ съ дочерью поселянина с. Привольнаго Фомы Розникина дѣвицею Анастасіею первымъ бракомъ.

1860 году въ день св. Троицы, по возвращеніи его изъ церкви въ свою квартиру, пришелъ къ нему поселянинъ Климъ Любченко и между разговоромъ объявилъ ему, что у поселянина Ивана Катунина находится неизвѣстный человѣкъ, называющійся турецкимъ подданнымъ и что къ нему собираются раскольники и распрашиваютъ у него о всѣхъ тамошнихъ обрядахъ и обычаяхъ. Заключивъ изъ этого, что неизвѣстный человѣкъ есть раскольникъ, онъ немедленно арестовалъ его. 3) Поселянинъ Иванъ *Любченко* подъ присягою показалъ, что Кононовъ разсказывалъ въ домѣ поселянина с. Владиміровки Катунина солдату Василью Мезенцову что-то о родственникахъ его за границею, а поселянкѣ Евфиміи Катуниной, изъявившей желаніе видѣться съ сестрою своею Прасковьею, находящеюся за границею, говорилъ, что для свиданія съ нею нужно взять билетъ и отправиться въ Яссы, на поклоненіе св. мощамъ, дабы перейти только русскую границу, а турецкая граница не крѣпка; причемъ Кононовъ говорилъ, что онъ старообрядческой секты. 4) Безсрочно-отпускной рядовой херсонскаго уѣзда Василій *Мезенцовъ* безъ присяги показалъ, что въ домѣ поселянина Катунина, с. Владиміровки, видѣлъ называвшагося молдавскимъ подданнымъ Сергѣя Кононова, который говорилъ, что за границею видѣлъ сестру Катуниной Прасковью, но братьевъ показателя не видѣлъ; о раскольнической же сектѣ ничего не говорилъ. 5) Поселянинъ с. Владиміровки Иванъ *Катунинъ* безъ присяги объявилъ, что указаннаго ему молдавскаго подданнаго Сергея Кононова въ домѣ своемъ не видѣлъ, потому что въ то время, когда Кононовъ былъ въ его домѣ, онъ находился въ отсутствіи.—Противъ всѣхъ этихъ показаній подсудимый *Кононовъ* при слѣдствіи и въ военномъ судѣ объяснилъ, что по прибытіи его въ маѣ 1860 г. изъ Молдавіи въ Россію, онъ сначала прибылъ въ с. Привольное, а потомъ въ с. Владиміровку и остановился въ домѣ поселянина Катунина, гдѣ разсказывалъ неизвѣстнымъ ему женщинамъ о бѣжавшихъ за границу и о средствахъ перехода туда; причемъ объявилъ, что онъ секты раскольнической, но въ с. Владиміровкѣ никому объ этомъ не говорилъ. 6) Поселянки с. Владиміровки Анисья, Настасья и Евфимія *Катунины* (въ домѣ коихъ останавливался рядовой Кононовъ), безъ присяги объяснили, что къ Кононову никто изъ жителей с. Владиміровки, кромѣ посе-

лянина Любченко, не приходилъ, также о бѣглыхъ поселянахъ, средствахъ пробраться за границу и о раскольничьемъ ученіи, онъ отъ Кононова ничего не слыхали. Къ сему изъ нихъ Евфимія присовокупила, что она дѣйствительно распрашивала о бѣжавшей за границу сестрѣ своей Прасковьѣ. 7) 6 человѣкъ поселянъ с. Привольнаго подъ присягою засвидѣтельствовали, что Кононовъ хотя приходилъ къ поселянину одного съ нимъ селенія Давиду Домашеву въ маѣ мѣсяцѣ 1860 года и потомъ отправился въ с. Владиміровку, но наставленій никому и никакихъ не дѣлалъ. 8) Поселянинъ *Домашевъ*, подтверждая показаніе означенныхъ поселянъ, тоже подъ присягою присовокупилъ, что Кононовъ, по прибытіи въ с. Привольное, дѣйствительно былъ въ его домѣ и распрашивалъ о своихъ родственникахъ, но онъ, Домашевъ, объявилъ ему, что таковыхъ въ томъ селѣ никого нѣтъ; наставленій о старообрядческой сектѣ Кононовъ не дѣлалъ. 9) Сверхъ того 5 человѣкъ поселянъ того же селенія, также подъ присягою отозвались, что Кононовъ во время жительства въ с. Привольномъ до побѣга, былъ прихожаниномъ единовѣрческой церкви, а исполнялъ ли постановленія оной, не знаютъ.

Вслѣдствіе сего рядовой Кононовъ былъ увѣщеваемъ въ январѣ 1861 года въ херсонскомъ духовномъ правленіи и въ октябрѣ того же года въ присутствіи военнаго суда—присоединиться изъ раскола къ православной церкви, но онъ отказался отъ сего.

Формулярнаго списка о службѣ подсудимаго Кононова къ дѣлу не приложено, потому что онаго въ дѣлахъ полковаго архива 2-го бугскаго уланскаго полка не оказалось, а по медицинскому освидѣтельствованію, произведенному въ присутствіи коммиссіи военнаго суда признано, что Кононовъ, по дряхлому виду, обозначающемуся: старческимъ изнуреніемъ тѣла, обвислостію живота, значительнымъ исхуданіемъ конечностей, блѣдностію и морщиноватостію лица, тусклостію взгляда, сѣдиною волосъ на головѣ, усахъ и бородѣ и согбенностію туловища, долженъ имѣть отъ роду болѣе 70 лѣтъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, военный генералъ-аудиторіатъ нашелъ по обвиненію Кононова въ распространеніи между жителями того селенія раскольнической секты,—что самъ онъ въ этомъ не сознался и никакихъ доказательствъ къ изобличенію его не обнаружено.

Затѣмъ за побѣгъ за границу и вступленіе въ иностранное подданство, подсудимый Кононовъ, на основаніи 21, 199 и 561 ст. 1 кн. военно-угол. уст., подлежалъ бы, въ замѣнъ смертной казни, наказанію шпицрутенами и ссылкѣ въ каторжную работу, но какъ, по удостовѣренію медика, ему болѣе 70 лѣтъ, то генералъ-аудиторіатъ, согласно съ мнѣніемъ командира своднаго кавалерійскаго корпуса, опредѣлилъ: его, Кононова, на основаніи 73 и 107 ст. той же книги, освободивъ отъ тѣлеснаго наказанія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири.

XLVIII. Дѣло объ оскорбленіи Бабаниными мироваго посредника Сулимы.

Въ ноябрѣ 1862 г. начальникъ полтавской губерніи получилъ двѣ докладныя записки отъ дворянъ: корнета Николая Заньковскаго и титулярнаго совѣтника Егора Бабанина о происшествіи, случившимся 18 ноября въ домѣ Заньковскаго, а также донесеніе объ этомъ полтавскаго земскаго исправника. Лица сіи объяснили происшествіе такъ: 1) *Заньковскій*, *)—что дворяне Егоръ, Степанъ и Александръ Бабанины, явясь къ нему въ домъ, начали наносить дерзости бывшему у него для введенія уставной грамоты мировому посреднику Сулимѣ; наконецъ Александръ Бабанинъ бросилъ въ лицо Сулимѣ огонь съ папиросы, братья же его бросились на Сулиму и на гостей, начавшихъ защищать Сулиму, и наносили гостямъ и прислугѣ побои руками, палкой и нагайкою. Прося произвесть надъ виновными слѣдствіе, Заньковскій вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на исправника, который, находясь недалеко отъ его дома, не оказалъ просимаго содѣйствія и защиты и ограничился составленіемъ акта, оставшагося впрочемъ неподписаннымъ. 2) *Егора Бабанина*,—что когда братъ его Александръ проходилъ по комнатѣ мимо поручика Сулимы, то послѣдній, вскочивши съ дивана, толкнулъ его въ затылокъ; братъ его, обернувшись, толкнулъ Сулиму на полъ, послѣ чего Сулима хотѣлъ броситься на него съ пистолетомъ въ одной рукѣ и съ палкой, въ которой скрытъ кинжалъ,

*) Записка Заньковскаго утверждена подписью семи человѣкъ, очевидцевъ событія.

въ другой, но эти оружія были вырваны у Сулимы и ножны отъ кинжала предъявлены просителемъ исправнику. 3) *Земскій исправникъ*,—что получивъ отъ Заньковскаго извѣстіе объ этомъ событіи, онъ явился къ нему въ домъ, гдѣ посредникъ Сулима объявилъ ему, что дворяне Бабанины, безъ всякаго съ его стороны повода, наговорили ему дерзостей и нанесли побои; поступокъ Бабаниныхъ подтвердился произведеннымъ чрезъ спросъ сторонннхъ лицъ дознаніемъ, почему онъ, исправникъ, учредилъ надъ Александромъ Бабаниным, оказавшимся болѣе другихъ виновнымъ, полицейскій надзоръ.

Начальникъ губерніи передалъ эти бумаги въ губернское правленіе, объяснивъ, что полагаетъ необходимымъ назначить слѣдственную коммисію для производства строжайшаго формальнаго слѣдствія. Губернское правленіе, раздѣляя мнѣніе губернатора, указомъ отъ 23 ноября предписало полтавскому уѣздному суду для производства слѣдствія немедленно назначить, согласно 15 ст. учр. суд. слѣд., слѣдственную коммисію изъ судебнаго слѣдователя и другаго члена уѣзднаго суда; со стороны же губернскаго начальства и земской полиціи назначило частнаго пристава города Полтавы,—Ромепскаго. Кромѣ этихъ лицъ, по сношенію начальника губерніи съ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ, назначенъ былъ въ составъ коммисіи поручикъ Васильевъ, а начальникъ губерніи командировалъ туда для участія въ засѣданіяхъ кандидата на мироваго посредника Псіола. При назначеніи коммисіи полтавское губернское правленіе вмѣнило ей въ обязанность обслѣдовать также и дѣйствія земскаго исправника, обжалованныя Заньковскимъ.—Затѣмъ получивъ жалобы мироваго посредника Сулимы, въ коихъ онъ обвинялъ исправника въ содѣйствіи и потворствѣ Бабанинымъ, губернское правленіе поручило слѣдственной коммисіи обслѣдовать поступки исправника съ особенною внимательностью и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовало отъ исправника объясненій, и найдя оныя по разсмотрѣніи неосновательными, устранило его до окончанія слѣдствія отъ должности.

На дѣйствія полтавскаго губернскаго начальства по сему дѣлу отставной поручикъ Александръ и титулярный совѣтникъ Егоръ Бабанины принесли жалобы въ 1 д-тъ сената, объясняя, что происшествіе въ домѣ Заньковскаго заключалось въ ссорѣ между

Александромъ Бабаниным и Сулимою, въ которой Егоръ Бабанинъ не участвовалъ, а потому привлеченъ къ слѣдствію неправильно, что мировой посредникъ Сулима покушался на жизнь Александра Бабанина и потому долженъ подлежать слѣдствію и суду, съ устраненіемъ отъ должности, что слѣдствіе начато не въ порядкѣ, что дѣйствіями коммисіи руководитъ губернское начальство. Посему просили—Александръ Бабанинъ объ уничтоженіи слѣдствія или командированіи для производства онаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ и объ устраненіи посредника Сулимы отъ должности, а Егоръ Бабанинъ,—объ освобожденіи его отъ слѣдствія, какъ вовсе необвиняемаго.—Настоящее дѣло вслѣдствіе произшедшаго по оному въ 1 д-тѣ разногласія, перешло на разсмотрѣніе перваго общаго собранія сената, которое нашло, что со стороны дѣйствительности и преступности событія, случившагося въ домѣ Заньковскаго и обнаруженнаго дознаніемъ, не было недостатка въ поводахъ къ назначенію формальнаго слѣдствія. Хотя слѣдствіе это возбуждено губернскимъ начальствомъ, на что по 583 ст. II т. I ч. по продолженію 1863 г. оно имѣло и полное право, но самое распоряженіе объ ономъ послѣдовало по опредѣленію полтавскаго уѣзднаго суда. Что-же касается назначенія слѣдствія чрезъ коммисію, то по вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ должны быть назначаемы сіи коммисіи по наказу судеб. слѣдов. правительствующій сенатъ разъяснилъ: «что хотя коммисіи должны быть назначаемы въ важныхъ случаяхъ, преимущественно указанныхъ въ 2574 ст. II т. I ч. св. зак., но неопредѣлительность этихъ случаевъ даетъ возможность мѣстному начальству давать имъ для пользы дѣла обширное толкованіе, опредѣляя важность дѣлъ отнюдь не свойствомъ преступленія или проступка, и не родомъ заключающихся въ нихъ обвиненій, но сложностью дѣла и предвидимыми затрудненіями въ производствѣ слѣдствія и въ открытіи истины.»—Слѣдовательно и въ настоящемъ случаѣ губернское начальство имѣло право предоставить производство слѣдствія не одному слѣдователю, а цѣлой коммисіи, если для пользы дѣла признавало это нужнымъ. Мѣра сія оправдывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что къ дѣлу Бабанинъихъ оказался прикосновеннымъ испрашникъ, надъ которымъ слѣдствіе не могло быть произведено безъ участія

чиновника со стороны губернскаго начальства. Такимъ образомъ дѣло это, по состоянію въ ономъ обвиняемыми частныхъ лицъ и чиновника, возымѣло характеръ смѣшанный. Во всякомъ случаѣ ходатайство Бабаниныхъ, выраженное въ прошеніяхъ сенату, о прекращеніи *слѣдствія* и отмѣнѣ производства слѣдственной коммисіи, какъ неправильно будто бы назначенной, не подлежитъ удовлетворенію со стороны сената уже потому, что съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей право принимать жалобы, разсматривать и повѣрять дѣйствія слѣдственной коммисіи, назначать преслѣдованіе и останавливать производство дѣла, или давать ему другое направленіе, принадлежитъ исключительно *судебному* мѣсту (т. II ч. 1 общ. губ. учр. ст. 583, по продолж. 1863 г.). По всѣмъ симъ основаніямъ, общее собраніе опредѣлило: жалобы дворянъ отставнаго поручика Александра и титулярнаго совѣтника Егора Бабаниныхъ оставить безъ послѣдствій.

Другое мнѣніе, заявленное при слушаніи сего дѣла, заключилось въ слѣдующемъ: изъ соображенія изложенныхъ обстоятельствъ съ законами (ст. 7 т. X. ч. 2 зак. гражд. и примѣч. къ ст. 2094 т. XV кн. 1, п. 2 и 21 нак. полиц., прилож. къ 2654 ст. II т. 1 ч. по прод. 1863 года; п. 15 учрежд. суд. слѣд.; прилож. къ ст. 4013 т. II ч. 1 по прод. 1863 г., п. 18 и 24 учр. суд. слѣд. и нак. суд. слѣд. п. 3, 85, 86 и 90) оказывается: что происшествіе, по которому Бабанины привлечены къ слѣдствію, состоитъ только въ томъ, что въ *частномъ домѣ* произошла ссора между Бабаниными и мировымъ посредникомъ Сулимою, сопровождавшаяся взаимными ихъ оскорбленіями и побоями. Въ такомъ видѣ дѣло это должно было получить ходъ въ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ о личныхъ обидахъ, т. е. производство по оному до-знанія, а затѣмъ и формальное слѣдствіе могли начаться только по жалобамъ обиженныхъ (принесеннымъ въ надлежащей формѣ) полиціи или мѣсту судебному. Посему назначеніе по означенному дѣлу формальнаго слѣдствія по непосредственному усмотрѣнію высшей губернской власти и по заявленіямъ, выраженнымъ обиженными въ формѣ докладныхъ записокъ, поданныхъ прямо къ начальнику губерніи,—представляется дѣйствіемъ, положительно нарушающимъ опредѣленный въ законахъ для производства дѣлъ сего рода порядокъ. Обращаясь засимъ къ

домогательству просителей Бабаниныхъ о прекращеніи настоящаго дѣла, какъ неподлежащаго уголовному производству, оказывается, что за поступленіемъ произведеннаго исправникомъ дознанія о происшедшей въ домѣ Заньковскаго ссорѣ къ судебному слѣдователю, всякое дальнѣйшее направленіе слѣдствія, равно и прекрещеніе онаго, зависитъ отъ судебныхъ мѣстъ, которыя съ своей стороны и обязаны дѣйствовать по содержащимся въ дѣлѣ обстоятельствамъ на точномъ основаніи законовъ, не стѣсняясь административными распоряженіями губернскаго начальства, а потому означенное домагательство Бабаниныхъ не подлежитъ разсмотрѣнію въ порядкѣ административномъ, а должно зависѣть отъ мѣстнаго уѣзднаго суда, куда Бабаниным̀ъ слѣдуетъ обратиться съ просьбою, и въ случаѣ неполученія удовлетворенія, принести, буде желаютъ и имѣютъ законное основаніе, въ установленномъ порядкѣ, жалобу въ высшую судебную инстанцію.

По содержанію жалобъ Бабаниныхъ разрѣшенію подлежатъ въ настоящемъ дѣлѣ слѣдующіе вопросы:

1) Имѣло ли губернское правленіе законный поводъ къ назначенію по этому дѣлу слѣдствія? Въ семъ отношеніи оказывается, что поводомъ къ состоявшемуся объ этомъ опредѣленію губернскаго правленія, послужили докладныя записки Заньковскаго и Бабанина и рапортъ исправника. Бумаги эти по смыслу 36 (1 п.), 34 и 35 ст. 2 ч. X т. были законными поводами къ возбужденію слѣдствія, на назначеніе котораго губернское правленіе имѣетъ право по 583 ст. 1 ч. II т. (по прод. 1863 г.). Обстоятельства же, указанныя въ означенныхъ бумагахъ, а именно: употребленіе при дракѣ оружія, выраженное будто бы Бабаниным̀ъ на словахъ намѣреніе убить Сулиму и бездѣйствіе исправника—лишаютъ драку эту характера исключительно личной обиды, изслѣдованіе о которой могло-бы быть назначено лишь по жалобѣ обиженной стороны.

2) Существовалъ ли законный поводъ къ назначенію по этому дѣлу слѣдственной коммиссіи? Въ этомъ отношеніи неопредѣ-

ленность закона (2574 ст. 1 ч. т. II) и служебное положеніе прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ (посредника и исправника) достаточно оправдываютъ принятую губернскимъ правленіемъ мѣру. Посему рѣшеніе общаго собранія является вполнѣ правильнымъ.

XLIX. Дѣло о нанесеніи сельскимъ старшиной Пикуленко личной обиды чиновнику Небельскому.

Коммисіонеръ ставропольскаго полеваго провіантскаго коммисіонерства губернскій секретарь (нынѣ титулярный совѣтникъ) Небельскій 12-го января 1857 года донесъ своему начальству, что проѣзжая 3-го января по дѣламъ службы чрезъ село Журавку, пятигорскаго уѣзда, вошелъ въ сельское управленіе съ тѣмъ, чтобы потребовать себѣ лошадей, и тамъ встрѣченъ былъ сельскимъ старшиною Даниломъ Пикуленко, который будучи въ нетрезвомъ видѣ, обратился къ нему съ самыми неприличными и бранными выраженіями, сказавъ: «я тебѣ лошадей на селеніе Медвѣдское не дамъ, а велю везти на Грязнушку», которое ему, Небельскому, было не по пути *). При этомъ Пикуленко

---

*) Вотъ въ подробности объясненія по сему предмету Небельскаго: «вдругъ вошло въ мою комнату съ шумомъ человѣкъ болѣе 10-ти пьяныхъ мужиковъ и одинъ изъ нихъ въ запачканомъ нагольномъ полушубкѣ, шатаясь, подошелъ къ столу, около котораго я сидѣлъ, и, опершись одною рукою на столъ, другою билъ по оному изъ всей силы, въ весьма близкомъ разстояніи отъ моей головы, и съ самыми мерзкими ругательствами кричалъ: «не думай, чтобы ты поѣхалъ въ Медвѣдку, мы еще тебѣ и лошадей не дадимъ, пойдешь пѣшій», и много другихъ скверныхъ и дерзкихъ выраженій, которыхъ я не упомню. Во время буйства этого мужика, пришедшіе съ нимъ, подобные ему пьяные, большею частію стояли около дверей, только одинъ большаго роста, въ крытомъ тулупѣ, прохаживался по комнатѣ и былъ казалось трезвѣй другихъ. На всѣ дерзости и буйства означеннаго мужика, я отвѣчалъ ему: «ты братецъ вѣрно сейчасъ изъ кабака»? тотъ утвердилъ: «да изъ кабака, ну чтожъ»? тогда я ему сказалъ: «ступай опять, тутъ тебѣ дѣла нѣтъ» и обращаясь къ мужикамъ требовалъ, чтобы они вывели старшину. Между-тѣмъ означенный буянъ за сказанныя слова пришелъ въ бѣшенство, и подойдя ко мнѣ съ самыми дерзкими ругательствами, схватилъ за концы завязаннаго на шеѣ башлыка и, дергая за оные, кричалъ: «я не пьяный мужикъ, ты не смѣешь меня

поднималъ кулаки, но показатель отталкнулъ его отъ себя, предупредивъ не подходить, угрожая въ противномъ случаѣ употребить оружіе; Пикуленко припелъ въ азартъ и, приступая къ

отсюда выгонять и сажать въ холодную, вотъ я такъ посажу тебя»; тогда я, оттолкнувъ его отъ себя, сказалъ: пошолъ вонъ, мерзавецъ, ты знаешь, что я чиновникъ и смѣешь такъ обижать меня. На это онъ сказалъ, съ прибавкою сквернаго слова: «я съ тебя чина не спимаю» и опять, бросясь ко мнѣ, схватилъ одною рукою за бурку, а другую поднялъ вверхъ и хотѣлъ ударить по головѣ; тогда я вторично отталкивая его отъ себя, самыми убѣдительными словами просилъ стоявшихъ тамъ удалить этого мужика, но они отвѣчали, что не смѣютъ; когда же я спросилъ, развѣ тутъ нѣтъ никого старше этого мужика, гдѣ старшина? тогда тотъ же самый буянъ, бья себя въ грудь кулакомъ, кричалъ: «я старшина»! прибавляя на мой счетъ скверное слово и прійдя уже въ совершенное остервененіе, засучивая рукава, скрежеща зубами, съ пѣной на губахъ и какимъ-то бѣшеннымъ взоромъ, держа руки въ такомъ положеніи, какъ-бы выходилъ на кулачный бой, бросился на меня; тогда я, выйдя изъ терпѣнія, двумя или болѣе толчками оттолкнувъ его отъ себя, приказывалъ стоявшимъ мужикамъ взять этого разбойника оттуда, а иначе, если онъ еще полезетъ ко мнѣ, то я для собственной защиты употреблю свое оружіе, и надѣясь устрашить остервѣнившагося мужика, вынулъ кинжалъ и кричалъ къ подходившему съ бѣшенствомъ опять: «не подходи, иначе съ тобою плохо будетъ, ты видишь, что это», указывая обнаженный кинжалъ. Но когда, не смотря на вынутый кинжалъ, онъ бросился ко мнѣ еще съ большимъ остервененіемъ и кричалъ «рѣжь», то я, вложивъ кинжалъ въ ножны и держа одною рукою за рукоять, а другою, отпихивая мужика отъ себя, кричалъ къ прочимъ мужикамъ: «ради Бога возьмите его отъ меня, а то вы всѣ будете отвѣчать». Между-тѣмъ означенный буянъ схватилъ меня поперегъ и старался, не знаю для чего, вынуть у меня кинжалъ; я же, будучи въ бешметѣ, полушубкѣ, буркѣ, съ завязаннымъ на шеѣ башлыкомъ и въ глубокихъ калошахъ, никакъ не могъ вырваться уже изъ рукъ этого разбойника и только всѣми силами старался не дать ему вынуть кинжалъ, боясь, чтобы онъ имъ же не зарѣзалъ меня, а между тѣмъ умолялъ стоящихъ защитить меня, но всѣ стояли неподвижно, молча. Затѣмъ всѣ стоявшіе пьяные мужики, разомъ бросились, схватили меня кто за что попало, прижали въ уголъ и одни душили за глотку такъ-что при всемъ усиліи я даже не могъ крикнуть караулъ, другіе запускали руки въ мои карманы и, стараясь вынуть у меня изъ пожепъ кинжалъ, царапали ногтями руку, которою я держалъ за рукоять. Будучи утомленъ и прійдя уже въ совершенное изнеможеніе, я пустилъ рукоять кинжала, тогда мужики, вынувъ кинжалъ, отдали старшинѣ, который отомкнувъ стоявшій тамъ сундукъ, положилъ его туда, а самъ, снявъ съ себя поясъ, хотѣлъ еще въ добавокъ вязать меня, для чего хватался за меня опять, но въ это время всѣ отъ меня отступили, и я, обрадовавшись, взявъ шапку и все, вышелъ.»

нему, кричалъ: «рѣжь меня», схватилъ его и прижавъ въ уголъ, отнялъ съ помощію другихъ крестьянъ кинжалъ и пистолетъ. При слѣдствіи Пикуленко въ нанесеніи Небельскому оскорбленія не сознался, объясняя, что онъ на требованіе Небельскаго дать лошадей до Медвѣдскаго селенія, дѣйствительно говорилъ, что до Медвѣдскаго лошадямъ будетъ тяжело, потому-что далеко и дорога грязная, а до Грязнушки ѣхать удобнѣе, оттого-что селеніе это ближе; Небельскій бранилъ его, называлъ пьянымъ и свиньей, и когда онъ отвѣтилъ, что быть можетъ онъ самъ пьянъ, то Небельскій ударилъ его и, обнаживъ свой кинжалъ, грозилъ смертію; поэтому онъ, Пикуленко, съ помощію новоселецкаго сельскаго писаря Леонова, обезоружилъ Небельскаго, и затѣмъ послѣдній уѣхалъ; пистолетъ взялъ писарь Леоновъ, а кинжалъ онъ отдалъ писарю Косолапову.—Изъ бывшихъ очевидцами сего происшествія, сельскій писарь Леоновъ и крестьянинъ Приваловъ безъ присяги показали, что старшина Пикуленко въ пьяномъ видѣ пришелъ въ сельское управленіе въ то время, когда Небельскій былъ уже тамъ, и началъ приставать къ нему, называя его самыми неприличными словами, за что Небельскій ударилъ его, а потомъ Пикуленко кинулся къ Небельскому, схватилъ его за грудь и водилъ по комнатѣ; въ это время Небельскій обнажилъ кинжалъ и приказывалъ Пикуленко оставить его, угрожая, что въ противномъ случаѣ употребитъ оружіе, но Пикуленко тутъ же закричалъ «караулъ» и требовалъ помощи; вслѣдствіе сего писарь Леоновъ, въ предупрежденіе несчастнаго случая, помогъ старшинѣ обезоружить Небельскаго и отобрать у него кинжалъ и пистолетъ; Небельскій былъ въ то время трезвъ. Во всемъ этомъ свидѣтели уличали Пикуленко на очныхъ ставкахъ, но онъ ни въ чемъ не сознался.—Подпоручикъ Гессель, жившій съ своей командой въ Журавкѣ, отозвался, что старшина Пикуленко часто пьянствуетъ и въ такомъ видѣ наноситъ многимъ и ему самому оскорбленія.—Писарь Косалаповъ показалъ, что въ январѣ, не помнитъ какого числа, отставной сотникъ Атарщиковъ вручая ему 1 руб. 25 коп. сер, просилъ отдать эти деньги Пикуленко и получить отъ него кинжалъ, для доставленія ему, что̀ имъ и было исполнено.—Сотникъ Атарщиковъ отозвался, что кинжалъ онъ купилъ у старшины Пикуленко и заплатилъ за него 1 руб. 50 коп. На

очной ставкѣ съ Косолаповымъ Пикуленко утверждая, что онъ отдалъ кинжалъ Косолапову по его просьбѣ на время, сознался въ полученіи за то отъ Косолапова 1 руб. 25 коп, сереб. Пистолетъ и кинжалъ, стоющіе по показанію Небельскаго — 25 руб., возвращены ему по принадлежности.—Изъ донесенія журавскаго сельскаго управленія видно, что по 9-й ревизіи, крестьянину Пикуленко 43 года отъ роду.—Ставропольская палата уголовнаго и гражданскаго суда разсмотрѣвъ это дѣло 22 февраля и 3 августа 1862 года, заключила: бывшаго журавскаго сельскаго старшину Данило Пикуленко, виновнаго въ нанесеніи коммисіонеру Небельскому обиды и присвоеніи отобраннаго у Небельскаго кинжала, который впослѣдствіи былъ имъ проданъ,—по совокупности сихъ преступленій лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, вмѣсто заключенія въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ, наказать при полиціи, чрезъ ея служителей, розгами 60-ю ударами и потомъ отдать подъ надзоръ общества на два года, съ тѣмъ чтобы онъ въ продолженіи сего времени не имѣлъ права перемѣнять мѣста жительства и удаляться изъ онаго безъ особаго на каждый разъ дозволенія общества. Рѣшеніе это оставлено безъ протеста губернскимъ прокуроромъ.

Ставропольскій гражданскій губернаторъ, представляя это дѣло въ сенатъ, при рапортѣ 12 ноября 1862 года, изъяснилъ, что по его мнѣнію судебная палата обвинила Пикуленко въ нанесеніи личной обиды съ злоупотребленіемъ власти губернскому секретарю Небельскому, на основаніи показаній писаря Леонова и крестьянина Привалова, которые свидѣтельствуютъ, что Пикуленко называлъ Небельскаго самыми неприличными словами и, схвативъ его за грудь, водилъ по комнатѣ. Эти показанія, какъ данныя безъ присяги, на основаніи 334 ст. XV т. 2 ч. (изд. 1857 года) не имѣютъ никакой силы доказательства, а другихъ доказательствъ въ дѣлѣ нѣтъ; поэтому Пикуленко недостаточно изобличается въ нанесеніи Небельскому обиды и не можетъ быть обвиненъ, а на основаніи 313 ст. XV т. ч. 2-й долженъ быть оставленъ только въ подозрѣніи. 2) Что касается до обвиненія Пикуленко въ самовольной продажѣ принадлежащаго Небельскому кинжала, то имѣя въ виду, что въ продажѣ этой онъ не сознался и что хотя сотникъ Атарщиковъ и сельскій

писарь Косолаповъ показали, что кинжалъ этотъ дѣйствительно купленъ былъ у Пикуленко за 1 руб. 50 коп., но эти два безприсяжныя показанія также на основаніи той же 334 ст. не составляютъ совершеннаго доказательства вины Пикуленко въ этомъ воровствѣ, онъ, губернаторъ, полагалъ бы и въ этомъ преступленіи оставить его на основаніи той же 313 ст. въ подозрѣніи, и какъ онъ на повальномъ обыскѣ въ поведеніи одобренъ, то и отдать его, согласно 314 ст., на поруки одобрившимъ его поведеніе людямъ.

Вслѣдствіе происшедшаго при слушаніи сего дѣла въ 6 д-тѣ сената разногласія *), оно поступило на разсмотрѣніе московскаго общаго собранія, которое нашло, что бывшій сельскій старшина Даніилъ Пикуленко обвиняется: 1) въ нанесеніи личной обиды губернскому секретарю Небельскому и 2) въ присвоеніи отобраннаго у Небельскаго кинжала.—Въ нанесеніи обиды Небельскому Пикуленко не сознался и хотя уличается въ томъ двумя свидѣтельскими показаніями, но показанія эти, какъ данныя безъ присяги, за силою 335 ст. 2 ч. XV т. св. зак., не могутъ быть признаны имѣющими силу доказательства. Посему за неимѣніемъ въ дѣлѣ другихъ доказательствъ нанесенія Пикуленко Небельскому личной обиды, слѣдуетъ по обыкновенію въ семъ преступленіи, на основаніи 313 ст. 2 кн. XI т. св. зак оставить Пикуленко въ подозрѣніи.—По второму обвиненію въ дѣлѣ имѣется собственное сознаніе Пикуленко въ томъ, что отобранный у Небельскаго кинжалъ онъ отдалъ на время писарю Косолапову, получивъ за то съ него 1 р. 25 к. На основаніи этого сознанія Пикуленко долженъ быть обвиненъ въ отдачѣ безъ всякаго на то права чужаго кинжала во временное пользованіе за деньги, съ намѣреніемъ извлечь изъ сего для себя выгоду. Таковое дѣйствіе точнымъ образомъ предусмотрѣно въ законахъ. По ст. 2295 1 кн. XV т. св. зак., если отдача въ наемъ или пользованіе чужаго имущества учинена виновнымъ не только безъ дозволенія владѣльца, но съ намѣреніемъ присвоить себѣ слѣдующую за наемъ сумму или часть оной, или-же извлечь изъ сего какую-либо другую противузаконную для себя выгоду, то онъ приговаривается къ наказаніямъ, опредѣленнымъ

*) По вопросу о томъ: нужно-ли Пикуленко за присвоеніе себѣ кинжала подвергнуть наказанію или оставить въ подозрѣніи.

въ статьяхъ 2264 и 2265 улож. за воровство-мошенничество. На основаніи послѣднихъ статей, Пикуленко подлежитъ наказанію по 2238 ст. какъ за кражу предмета, коего цѣна не превышаетъ 30 р. сер., то есть лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ рабочемъ домѣ отъ 3 до 5 мѣсяцевъ (4 степ. 37 ст. 1 кн. XV т.) съ сокращеніемъ этого срока, на основаніи VII п. 18 ст. 1 кн. XV т. по прод. 1863 г. одною третью. Кромѣ того нельзя не принять во вниманіе въ настоящемъ дѣлѣ, что Пикуленко, при недостаткѣ нравственнаго развитія, свойственнаго его быту, могъ не понимать всей важности своего поступка и что имъ сдѣлано немедленно сознаніе въ преступленіи. Посему на основаніи 2 и 4 п. 146 ст. 1 кн. XV т. слѣдуетъ вышеприведенное наказаніе назначить Пикуленко въ низшей мѣрѣ съ сокращеніемъ сроковъ содержанія на половину (примѣч. къ 147 ст. 1 кн. св. зак. по прод. 1863 г.). Вслѣдствіе сего общее собраніе опредѣлило: казеннаго крестьянина с. Журавки, бывшаго сельскаго старшину (57 лѣтъ) Даніила Пикуленко въ нанесеніи бывшему коммиссіонеру ставропольскаго провіантскаго полеваго комиссіонерства Небельскому обиды—оставить въ подозрѣніи, а за отдачу имъ принадлежащаго Небельскому кинжала чрезъ писаря Косолапова сотнику Атарщикову за 1 р. 25 к. сер. во временное пользованіе, съ намѣреніемъ присвоить себѣ означенныя деньги, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ рабочій домъ, а при неимѣніи такового, въ особое при городской тюрьмѣ помѣщеніе (86 ст. 1 кн. XV т.) на полтора мѣсяца, а по истеченіи сего срока отдать подъ надзоръ общества, или полиціи на два года (53 ст. 1 кн. XV т.), взыскавъ съ Пикуленко или имущества его, на основаніи 63 ст. 1 кн. XV т., въ пользу Атарщикова заплаченныя послѣднимъ за кинжалъ деньги.

L. Дѣло о крестьянинѣ Гапѣевѣ судившемся за нанесеніе обиды помѣщику Лыщинскому.

Помѣщикъ Егоръ Лыщинскій, представляя приставу оршанскаго уѣзда, при объявленіи отъ 12 мая 1861 года, временно-

обязаннаго дворовагѳ человѣка своего Захара Гапѣева, объяснилъ, что Гапѣевъ, когда онъ, Лыщинскій, дѣлалъ ему замѣчанія за пьянство и дурное поведеніе, сначала поносилъ его бранными словами, а потомъ бросился на него съ ножемъ, такъ-что онъ, Лыщинскій, спасъ себя только тѣмъ, что успѣлъ оттолкнуть его и выбѣжать въ другую комнату.—Впослѣдствіи, а именно въ показаніи, данномъ судебному слѣдователю 21 августа, Лыщинскій измѣнилъ первоначальное обвиненіе свое, слѣдующимъ добавленіемъ: когда Гапѣевъ бросился на него съ ножемъ, то онъ успѣлъ ударить его по рукѣ такъ сильно, что ножъ выпалъ изъ рукъ его; тогда Гапѣевъ выбѣжалъ въ сѣни, куда послѣдовалъ за нимъ и онъ Лыщинскій; при самомъ входѣ его, Лыщинскаго, Гапѣевъ ударилъ его по головѣ полѣномъ, вслѣдствіе чего онъ безъ чувствъ упалъ на лежавшія въ сѣняхъ дрова. Къ сему Лыщинскій присовокупилъ, что паденіе его на дрова должны были слышать бывшіе въ лакейской мальчики Михаилъ Артемовъ и Иванъ Яковлевъ, изъ коихъ одинъ приносилъ ему ледъ для приложенія къ головѣ.

Гапѣева на первоначальныхъ допросахъ ни въ чемъ не сознался, объясняя, что хотя съ нимъ и былъ кухонный ножъ, съ которымъ онъ обыкновенно являлся за полученіемъ провизіи для стола, но на Лыщинскаго съ нимъ онъ не бросался, его не бранилъ, а напротивъ самъ Лыщинскій, укоряя его въ пьянствѣ, нанесъ ему побои. Но на очной ставкѣ съ Лыщинскимъ, данной 21 августа, Гапѣевъ сознался, что когда онъ выбѣжалъ въ сѣни, преслѣдуемый Лыщинскимъ, который наносилъ ему побои, то дѣйствительно произносилъ бранныя слова, причемъ зацѣпившись въ сѣняхъ за дрова, *бросилъ* одно *полѣно назадъ*, но ударило ли полѣно это Лыщинскаго, или упало на дрова, не знаетъ, потому что тотчасъ же вышелъ изъ сѣней.—Михаилъ *Артемовъ* и Иванъ *Яковлевъ* показали, что они слышали изъ сосѣдней комнаты, какъ Лыщинскій говорилъ Гапѣеву, что онъ пьянъ и какъ послѣдній отвѣчалъ, что «нѣтъ», послѣ того произошелъ шумъ и слышно было, что бывшій при Гапѣевѣ кухонный ножъ выпалъ, затѣмъ Лыщинскій и Гапѣевъ выбѣжали въ сѣни, но что тамъ происходило, не знаютъ, и слышали только, какъ Гапѣевъ кричалъ и ругался. Къ сему Артемовъ присовокупилъ, что Лыщинскій, по возвращеніи въ горницу, приказалъ

принести ему ледъ, но для чего, ему неизвѣстно. Затѣмъ, по ссылкѣ Лыщинскаго, спрошены были временно-обязанные крестьяне его: Кузьма Васильевъ и Тимофѣй Евсѣевъ и безсрочно-отпускной Василій Родіоновъ, которые подъ присягою показали: первый, что онъ видѣлъ, какъ Гапѣевъ, выбѣжавъ изъ дому помѣщика, кричалъ и поносилъ его бранными словами; второй, что Гапѣевъ самъ разсказывалъ ему, что когда Лыщинскій, ударивъ его, выбѣжалъ съ нимъ въ сѣни, то онъ, поваливъ Лыщинскаго на дрова, ударилъ его полѣномъ; третій, что Гапѣевъ хвастался въ присутствіи его, Родіонова, въ томъ, что онъ ругался и дрался съ Лыщинскимъ и что послѣдній повалился на дрова.

По отзыву обыскныхъ людей, Гапѣевъ—характера грубаго и дерзкаго и преданъ пьянству

Сверхъ того Кузьма Васильевъ, между прочимъ, показалъ, что Гапѣевъ возмущалъ крестьянъ къ неповиновенію, вслѣдствіе чего произошло волненіе, для усмиренія коего выслана была военная команда; но Гапѣевъ въ этомъ не сознался и никакихъ уликъ противъ подсудимаго по сему предмету въ дѣлѣ не имѣется.

Оршанскій уѣздный судъ 20-го ноября 1861 г. опредѣлилъ: временно-обязаннаго крестьянина Гапѣева, 27 лѣтъ, за оскорбленіе помѣщика Лыщинскаго, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію ему присвоенныхъ правъ и преимуществъ, наказать при оршанской земской полиціи чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей розгами пятидесятью ударами, и отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на одинъ годъ, а потомъ поступить съ нимъ по 52 ст. улож., а по обвиненію въ посягательствѣ на жизнь Лыщинскаго и оговору въ возмущеніи крестьянъ, оставить его, Гапѣева, отъ всякаго взысканія свободнымъ.

Могилевская уголовная палата 15-го февраля 1862 г., опредѣлила: Захара Гапѣева за учиненное имъ преступленіе лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію ему присвоенныхъ правъ и преимуществъ, наказать при оршанской земской полиціи розгами шестидесятью ударами и отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на шесть мѣсяцевъ, а въ случаѣ неспособности его къ работамъ въ арестантскихъ ро-

тахъ или недостаточности въ оныхъ помѣщенія, отдать въ рабочій домъ или тюрьму на такое же время, а потомъ сослать для водворенія въ западную Сибирь, съ употребленіемъ его и тамъ въ работы, по усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго начальства до истеченія полтора года, со дня прибытія въ мѣсто назначенія.—Начальникъ могилевской губерніи съ рѣшеніемъ палаты согласился.

При слушаніи сего дѣла во 2 отд. 5 д-та и во второмъ общемъ собраніи сената, произошло разногласіе.—Вслѣдствіе сего дѣло поступило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, которымъ и разрѣшено было слѣдующимъ образомъ: «подсудимый Захаръ Гапѣевъ обвиняется въ оскорбленіи помѣщика Лыщинскаго бранными словами и въ нанесеніи ему удара по головѣ полѣномъ. Въ первомъ изъ сихъ обвиненій Гапѣевъ самъ сознался, а относительно втораго объяснилъ, что онъ въ сѣняхъ, зацѣпившись за полѣно, схватилъ его и отбросилъ назадъ, но ударилъ ли имъ по головѣ Лыщинскаго, не знаетъ. Не смотря однакоже на такую изворотливость объясненія, Гапѣевъ вполнѣ изобличается и въ оскорбленіи своего помѣщика *дѣйствіемъ*. Временно-обязанный крестьянинъ Тимофѣй Евсѣевъ подъ присягою показалъ, что Гапѣевъ самъ разсказывалъ ему, что когда Лыщинскій, ударивъ его, выбѣжалъ съ нимъ въ сѣни, то онъ поваливъ Лыщинскаго на дрова, ударилъ его полѣномъ; а безсрочно-отпускной Василій Родіоновъ, также подъ присягою объяснилъ, что Гапѣевъ хвастался въ присутствіи его, Родіонова, въ томъ, что онъ ругался и дрался съ Лыщинскимъ и что послѣдній повалился на дрова. Наконецъ, поведеніе Гапѣева опорочено, и по отзыву обыскныхъ людей: онъ характера грубаго и дерзкаго и преданъ пьянству. Сила всѣхъ изложенныхъ уликъ, нимало не ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что Лыщинскій въ первоначальномъ объявленіи своемъ не упомянулъ о нанесенныхъ ему Гапѣевымъ побояхъ, а обвинялъ его только въ томъ, что онъ, оскорбивъ его бранными словами, бросился на него съ ножемъ. Судебная практика представляетъ многіе примѣры обнаруженія преступленій во время производства слѣдствій по другимъ обвиненіямъ; но не смотря однако же на это, означенныя преступленія не остаются и не могутъ быть оставляемы безъ наказанія. Вслѣдствіе сихъ сообра-

женій государственный совѣтъ опредѣлилъ: временно-обязаннаго крестьянина Захара Гапѣева, на основаніи 154 ст., Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1861 года полож. о крестьян. вышедш. изъ крѣпост. зависим., 440 и 146 ст. улож. и Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1863 года, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, отдать въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на одинъ годъ и затѣмъ поступить съ нимъ по 53 ст. улож. о наказ.

Другое мнѣніе, заявленное по сему дѣлу, заключалось въ слѣдующемъ: подсудимый Гапѣевъ обвиняется 1) въ томъ, что кинулся на бывшаго помѣщика своего Лыщинскаго съ ножемъ; 2) въ возмущеніи крестьянъ къ неповиновенію бывшему помѣщику своему. 3) Въ нанесеніи Лыщинскому побоевъ полѣномъ; и наконецъ, 4) въ оскорбленіи его ругательными словами. Къ обвиненію Гапѣева въ первыхъ двухъ преступленіяхъ по дѣлу не представлено никакихъ доказательствъ, а засимъ Гапѣевъ, по этимъ обвиненіямъ за силою 304 ст. XV. т. св. зак. угол. ч. 2, долженъ быть отъ суда освобожденъ. Къ изобличенію же въ нанесеніи *побоевъ* бывшему помѣщику его Лыщинскому представляется: а) показаніе Лыщинскаго, б) собственное сознаніе Гапѣева о брошенномъ полѣнѣ назадъ, в) похвальба Гапѣева въ совершеніи преступленія и г) неодобренное поведеніе его. Входя въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ уликъ, нельзя не замѣтить: 1) что обвиненіе Лыщинскимъ, въ причиненіи ему Гапѣевымъ побоевъ, сдѣлано (21-го августа) болѣе нежели чрезъ три мѣсяца послѣ подачи перваго объявленія (12-го мая), въ коемъ о сихъ побояхъ онъ, Лыщинскій, вовсе не упоминалъ; 2) что Лыщинскій не былъ освидѣтельствованъ въ противность 72 ст. 2 ч. XV т.; 3) что очевидцевъ брани Гапѣева съ Лыщинскимъ не было, 4) что похвальба Гапѣева въ совершеніи преступленія, на основаніи 7 п. 343 ст. XV т. принадлежитъ только къ числу уликъ или признаковъ преступленія; 5) что слѣдствіемъ не обнаружено, бросилъ ли Гапѣевъ полѣно назадъ съ намѣреніемъ попасть въ Лыщинскаго или же этимъ дѣйствіемъ устранилъ оное, какъ препятствіе; 6), что неодобренное поведеніе Гапѣева само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ причиненія бывшему помѣщику своему побоевъ (339 ст. 2 ч. XV т. св. зак. угол.). Прини-

мая сіе во вниманіе оказывается, что взведенное на Гапѣева обвиненіе въ нанесеніи имъ Лыщинскому побоевъ, нельзя принять доказаннымъ, а потому и слѣдуетъ его по сему предмету, на основаніи 313 ст. XV т. зак. уг. ч. 2, оставить въ подозрѣніи. Засимъ, изъ всѣхъ взведенныхъ на Гапѣева обвиненій, слѣдуетъ признать доказаннымъ только нанесеніе имъ бывшему помѣщику своему Лыщинскому, оскорбленія произнесеніемъ бранныхъ словъ. Проступокъ этотъ доказывается собственнымъ сознаніемъ подсудимаго и показаніями свидѣтелей. За оскорбленіе своего помѣщика словами Гапѣевъ подлежитъ, на основаніи 154 ст. о крестьянахъ вышед. изъ крѣпост. завис. наказанію, опрѣдѣленному въ 439 ст. т. XV улож. о нак. Принимая во вниманіе запирательство подсудимаго на первыхъ допросахъ, гнусность бранныхъ словъ, имъ произнесенныхъ, и наконецъ то, что онъ похвалялся передъ многими лицами въ своемъ поступкѣ, есть основаніе подвергнуть Гапѣева высшей мѣрѣ наказанія, въ вышеприведенной статьѣ опредѣленнаго. — Вслѣдствіе сего слѣдуетъ: подсудимаго Гапѣева, за нанесеніе бывшему помѣщику своему Лыщинскому оскорбленія произнесеніемъ бранныхъ словъ, выдержать подъ арестомъ три недѣли, а по предмету нанесенія побоевъ оставить въ подозрѣніи; по прочимъ же обвиненіямъ отъ суда освободить.

LI. Дѣло о крестьянахъ Крѣпакѣ, Швецѣ, Миронюкѣ и Голянчукѣ, судимыхъ за грабежъ.

19 августа 1862 года еврей Волько Гуменіовскій, явясь въ осичанское волостное правленіе, объявилъ, что когда онъ въ этотъ день возвращался съ ярмарки, вечеромъ близъ лѣсу с. Осичнаго, напали на него четыре человѣка, которые угрожали ему смертію и отобрали у него 32 руб. сереб., богомолье и мѣшокъ съ веревками.—По розысканію старшины Ѳедорчука оказалось, что лица, напавшія на еврея Гуменіовскаго, были временно-обязанные крестьяне с. Осичнаго: Иванъ Крѣпакъ, Аѳанасій Голянчукъ, Владиміръ Миронюкъ и Семенъ Швецъ, которые были арестованы и вскорѣ сознались въ своей винѣ.

Спрошенный при слѣдствіи, объ обстоятельствахъ нападенія

на него, еврей *Гуменіовскій*, на первомъ допросѣ, показалъ, что, возвращаясь съ ярмарки сумерками, возлѣ лѣса онъ увидѣлъ бѣжавшаго за нимъ человѣка, почему началъ бить лошадь пибче, чтобы уѣхать, но въ туже минуту прибѣжалъ другой человѣкъ, потомъ пришли еще два человѣка и требовали денегъ. Видя злой умыселъ этихъ лицъ, онъ отдалъ имъ 32 р. с., и они, взявъ еще у него насильно котомку (торбочку) съ богомольемъ, булку, арбузъ (кавунъ) и пеньковыя веревки—ушли.—На второмъ допросѣ еврей Гуменіовскій добавилъ, что предъявленныхъ ему крестьянъ Крѣпака, Голянчука, Швеца и Миронюка, онъ не можетъ признать съ точностію за тѣхъ самыхъ, которые у него отняли деньги и котомку, но, какъ онъ предполагаетъ, изъ нихъ трое вѣроятно тѣ самые. На очной ставкѣ, данной еврею Гуменіовскому съ упомянутыми крестьянами, онъ показалъ, что положительно онъ не можетъ указать, кому именно изъ нихъ онъ отдалъ 32 р. сер.; такъ-какъ грабежъ происходилъ вечеромъ, то онъ лицъ грабителей достаточно не могъ замѣтить, тѣтъ болѣе, что онъ въ то время отъ нападенія былъ въ испугѣ. При требованіи же отъ него денегъ, лица эти угрозъ ему не произносили. *)

Подсудимые, на первомъ допросѣ, показали: 1) *Иванъ Крѣпакъ*, что онъ 19-го августа съ крестьянами Голянчукомъ, Миронюкомъ и Швецомъ пасъ помѣщичьихъ воловъ въ лѣсу; сумерками они увидѣли, что дорогой возлѣ лѣса ѣдетъ какой то еврей, куря трубку, и потому они втроемъ, (кромѣ Семена Швеца который заворачивалъ воловъ), выскочивъ изъ лѣса на дорогу съ намѣреніемъ *напугать* жида, вскочили передъ лошадью и начали распрашивать его: куда онъ ѣдетъ? еврей отвѣчалъ: «что вамъ за дѣло?» тогда показатель, схватилъ лежащую на телѣгѣ котомку, въ коей были: арбузъ, булка и пеньковые небольшіе куски веревки, и они всѣ трое, оставя еврея, съ котомкой побѣжали въ лѣсъ къ волам, причемъ находившіеся въ котомкѣ арбузъ и булку съѣли всѣ въ четверомъ. Къ сему Крѣпакъ добавилъ, что богомолья въ котомкѣ не было, равно денегъ 32 р. сер. еврей Гуменіовскій ему и прочимъ товарищамъ его не давалъ;—при отобраніи отъ него этой котомки никакого злаго

*) Еврей Волько Гуменіовской взятую у него котомку съ двумя кусками пеньковой веревки во время производства дѣла получилъ обратно.

намѣренія онъ не имѣлъ, а отобралъ ее собственно изъ одной шутки. 2) Афанасій *Голянчукъ* и Владиміръ *Миронюкъ* утвердили во всемъ показаніе Крѣпака, причемъ послѣдній добавилъ, что котомки отъ проѣзжаго еврея онъ не бралъ, а смотрѣлъ только, какъ Крѣпакъ отбиралъ оную. 3) Семенъ *Швецъ* объявилъ, что 19-го августа онъ дѣйствительно былъ при досмотрѣ воловъ въ лѣсу, но проѣзжающаго еврея не видѣлъ, котомки отъ него не отбиралъ, равно и богомолья не видѣлъ; арбуза же и булки ему давали ѣсть его товарищи, но гдѣ они взяли, ему о семъ не говорили и онъ объ этомъ ничего не зналъ тѣмъ болѣе, что предъ вечеромъ они ходили въ корчму пить водки, гдѣ онъ, выпивъ рюмки три, уже былъ пьянъ.

Затѣмъ, *на передопросѣ* въ уѣздномъ судѣ, подсудимые присовокупили что, выпивъ въ кормчѣ водки, они были немного *смѣлыми* и, сидя надъ рвомъ, шутили между собою. Въ это самое время уже въ сумеркахъ ѣхалъ еврей Гуменіовскій и они, при настроенномъ къ шалости расположеніи духа, согласились надъ нимъ посмѣяться и втроемъ, кромѣ Голянчука, не встававшаго съ мѣста, перепрыгнувъ канаву, побѣжали къ ѣхавшему еврею, причемъ, не останавливая его, Крѣпакъ схватилъ лежавшій на двуколкѣ мѣшочекъ съ чѣмъ то, въ томъ предположеніи, что когда еврей будетъ домогаться возврата взятаго ими, то они возвратятъ; но еврей, не требуя возврата, шибко погналъ лошадь и вѣрно ихъ испугался, а можетъ быть и принялъ ихъ за разбойниковъ.

Волостный старшина *Ѳедорчука* подъ присягою показалъ, что онъ *вслѣдствіе* жалобы *еврея* Гуменіовскаго 20 августа, сдѣлавъ обыскъ у подсудимыхъ, не нашелъ у нихъ ничего подозрительнаго. Послѣ того уже, когда онъ взялъ ихъ съ собою въ волостное управленіе, подсудимые на допросѣ сознались при сельскомъ старостѣ, сотскомъ и волостномъ писарѣ въ слѣдующемъ: изъ нихъ Иванъ Крѣпакъ, замѣтивъ ѣдущаго отъ зеленой корчмы на одной лошади еврея, подбѣжалъ къ нему и, безъ всякихъ насилій и угрозъ, снялъ съ телеги лежащій на верху мѣшокъ, въ коемъ были арбузъ, булка, и какія то веревки; при этомъ Голянчукъ былъ невдали отъ задержаннаго Крѣпакомъ еврея Гуменіовскаго, ибо шелъ тогда по той самой дорогѣ, по которой ѣхалъ тотъ еврей, но еврея не задерживалъ и къ те-

легъ его даже не подступалъ; Миронюкъ тоже не былъ съ Крѣпакомъ при телегѣ еврея, хотя шелъ къ ней и не успѣлъ еще дойти, какъ уже Крѣпакъ взялъ отъ еврея его мѣшокъ, потому Миронюкъ и не видѣлъ, были ли Крѣпакомъ отняты отъ еврея деньги; Семенъ же Швецъ даже не сходилъ съ того мѣста, которое занималъ еще до проѣзда по дорогѣ сказаннаго еврея. Послѣ того какъ Крѣпакъ взялъ отъ еврея мѣшочекъ, они всѣ во рву возлѣ лѣса, вынувъ изъ онаго немного бѣлаго хлѣба и арбуза, все съѣли, а мѣшочекъ, съ бывшими въ оном̀ веревками, Крѣпакъ взялъ къ себѣ и того же дня ночью одинъ спряталъ недалеко отъ дома своего, закопавъ его въ землю. Къ сему старшина Ѳедорчукъ присовокупилъ, что во взятіи богомолья, а равно и денегъ 32 р. подсудимые *не* повинились въ волостномъ правленіи.—Сельскій староста Кирилъ *Матвѣйшина* и волостной писарь дворянинъ Корнелій *Игнатовскій* подъ присягою утвердили показаніе старшины Ѳедорчука. Шинкарка Ксенія *Алексѣйчина*, спрошенная въ разъясненіе показаній подсудимыхъ, безъ присяги показала, что въ воскресенье 19 августа предъ вечеромъ приходили дѣйствительно въ корчму ея крестьяне: Крѣпакъ, Швецъ, Миронскъ и Голянчукъ, выпили водки и ушли, но на сколько они выпили въ то время,—припомнить не можетъ.

На повальномъ обыскѣ подсудимые въ поведеніи одобрены, причемъ обнаружено изъ ревизскихъ сказокъ, что имъ отъ роду лѣтъ: Крѣпаку 21, Миронюку 18, Голянчуку 18, и Швецу 21 годъ.

Уѣздный судъ заключилъ: крестьянъ Крѣпака, Швеца, Миронюка и Голянчука въ ограбленіи еврея Волько Гуменіовскаго не обвинять, а за нападеніе на того еврея съ цѣлью *пошутить* надъ нимъ вмѣсто подверженія аресту, наказать при полиціи чрезъ нижнихъ ея служителей розгами, Крѣпака и Швеца по 30-ти, а Миронюка и Голянчука по 20-ти ударовъ и затѣмъ оставить ихъ на мѣстѣ жительства.

Кіевская уголовная палата опредѣлила: освободивъ подсудимыхъ Крѣпака, Голянчука, Миронюка, и Швеца отъ тѣлеснаго наказанія на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17 апрѣля 1863 года, перваго изъ нихъ (Крѣпака) сослать на поселеніе въ мѣстахъ Сибири не столь отдаленныхъ, лишивъ его всѣхъ правъ

состоянія, а послѣднихъ безъ лишенія правъ состоянія отправить въ вологодскую губернію для водворенія порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о ссыльныхъ—Рѣшеніе это пропущено губернскимъ прокуроромъ безъ протеста, и признано правильнымъ начальникомъ губерніи.

По поступленіи сего дѣла, вслѣдствіе разногласія, изъ 2 отд. 5 д-та сената, во второе общее собраніе, послѣднее нашло: «что, несовершеннолѣтніе крестьяне Иванъ Крѣпакъ, Владиміръ Миронюкъ, Афанасій Голянчукъ и Семенъ Швецъ единогласными показаніями своими и объясненіями еврея Гуменіовскаго обвиняются въ томъ, что находясь 19-го августа 1862 года въ лѣсу близъ с. Осичнаго для присмотра за волами мѣстной экономіи, первые трое напали на проѣзжавшаго мимо лѣса еврея Гуменіовскаго и взяли находившуюся въ повозкѣ его котомку съ булкою, арбузомъ и пеньковыми веревками; арбузъ и булку всѣ въ четверомъ съѣли, а котомку съ веревками бросили. Сверхъ того Гуменіовскій обвинялъ ихъ въ ограбленіи у него при томъ случаѣ 32 руб. сер., но они въ отнятіи у него этихъ денегъ не сознались, объясняя, что они напившись водки и самую котомку (торбочку) отняли, желая подшутить надъ евреемъ и не имѣли намѣренія воспользоваться его имуществомъ. На основаніи закона (1218 ст. т. XV ул. о нак.) всякое, хотя безъ угрозъ и насилія, но открытое похищеніе какого либо имущества въ присутствіи самого хозяина признается *грабежемъ*. Изъ означеннаго опредѣленія видно, что законы наши не установлютъ непремѣннымъ условіемъ для грабежа доказанное со стороны грабителей намѣреніе обратить похищенное въ свою пользу, и если-бы это условіе и дѣйствительно существовало въ нашихъ законахъ, то не могло бы имѣть примѣненія къ настоящему случаю, при которомъ подсудимые не только выказали намѣреніе воспользоваться похищеннымъ имуществомъ, но и дѣйствительно обратили его въ свою пользу. Равнымъ образомъ не можетъ быть принято въ основаніе сужденія свойства совершеннаго подсудимыми преступленія *малоцѣнность* похищенныхъ предметовъ, такъ какъ имъ не было извѣстно, что-именно находилось въ котомкѣ у еврея Гуменіовскаго и притомъ наказаніе за грабежъ устанавливается законами независимо отъ цѣнности похищеннаго предмета. Посему подсудимые Крѣпакъ, Миронокъ и Голянчукъ

должны подлежать наказанію по 151 и 2224 ст. 4 пунк. ул. о нак. и Высочайшему повелѣнію 17-го апрѣля 1863 года—лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а Семенъ Швецъ, который не принимая никакого участія въ совершеніи грабежа, воспользовался вмѣстѣ съ прочими,—пріобрѣтенными посредствомъ сего преступленія арбузомъ и булкою, согласно 16 ст. улож. долженъ быть признанъ укрывателемъ преступленія и подлежитъ наказанію двумя степенями ниже т. е. заключенію, безъ лишенія лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, въ рабочій домъ или тюрьму на полтора года (Высочайшій указъ 3 мая 1863 года и 152 ст. ул. о нак. уг. о испр.).—Но опредѣливъ подсудимымъ наказаніе на основаніи законовъ, общее собраніе признало необходимымъ обратить вниманіе на то, что подсудимые по невѣжеству и молодости, а также находясь подъ вліяніемъ выпитаго ими предъ тѣмъ вина, безъ сомнѣнія не сознавали важности совершеннаго ими преступленія, предполагая, какъ и сами объяснили, только *пошутить* надъ проѣзжавшимъ евреемъ; посему и принимая во вниманіе, что всѣ они въ поведеніи одобрены и уже продолжительное время содержатся подъ стражею, общее собраніе на основаніи ст. 460, 2 кн. XV т. св. зак. постановило: повергнуть участь подсудимыхъ Монаршему милосердію съ тѣмъ, чтобы вмѣсто заслуженнаго ими по закону наказанія, не лишая ихъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, заключить въ рабочій домъ или тюрьму на два мѣсяца, а засимъ водворить на мѣстѣ жительства, съ отдачею подъ установленный 53 ст. улож. надзоръ полиціи или общества на 2 года, а съ имущества ихъ взыскать въ пользу Гуменіовскаго стоимость похищенныхъ у него булки и арбуза.

Соглашаясь съ своей стороны съ изложенными соображеніями общаго собранія сената, мы для полноты приведемъ и *противуположное мнѣніе*, заявленное въ сенатѣ по этому дѣлу: «подсудимые, находясь 19-го августа 1862 года въ лѣсу, близъ села Осичнаго для присмотра за волами мѣстной экономіи, напали на проѣзжавшаго мимо лѣса еврея Гуменіовскаго и взяли у него котомку съ булкою, арбузомъ и пеньковыми веревками; булку и арбузъ они съѣли, а котомку съ веревками бросили. При разсмотрѣніи сего дѣла возникъ вопросъ о томъ: состав-

ляютъ ли дѣйствія подсудимыхъ одно преступленіе, признаваемое закономъ (2218 ст. улож.) грабежемъ, или состоятъ изъ *двухъ* преступленій: нападенія съ насиліемъ, предусмотрѣннаго въ 2109 ст. улож., и воровства—кражи? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только по подробномъ опредѣленіи отличительныхъ признаковъ каждаго изъ означенныхъ преступленій и противузаконныхъ дѣйствій подсудимыхъ. Уложеніе о наказаніяхъ признаетъ два вида грабежа, во первыхъ: всякое у кого либо отнятіе, принадлежащаго ему или находящагося у него имущества съ *насиліемъ* или *угрозами*, не опасными ни для жизни или здравія, ни свободы того лица; во вторыхъ: всякое хотя безъ угрозъ и насилія, но открытое похищеніе какого-либо имущества въ присутствіи самого хозяина или другихъ людей. Подсудимые Крѣпакъ, Миронюкъ и Голянчукъ не употребляли для отнятія котомки Гуменіовскаго ни угрозъ, ни насилія, которыя составляютъ отличительный признакъ перваго вида грабежа, поэтому не можетъ быть и вопроса объ обвиненіи подсудимыхъ въ семъ преступленіи. Внѣшнее дѣяніе грабежа втораго вида состоитъ въ овладѣніи чужимъ имуществомъ, въ присутствіи хозяина или другихъ людей, для присвоенія себѣ этого имущества. По внутреннему качеству, проистекающему изъ внѣшняго состава дѣянія, въ который непремѣнно входитъ цѣль присвоить себѣ чужое имущество, грабежъ можетъ быть только *намѣренный*. Подсудимые Крѣпакъ, Миронюкъ и Голянчукъ овладѣли котомкою Гуменіовскаго въ присутствіи хозяина и посему въ отношеніи свойства и формы,—ихъ дѣяніе имѣетъ отличительные признаки грабежа втораго вида, но, овладѣвая котомкою Гуменіовскаго, какъ видно изъ единогласныхъ ихъ показаній, данныхъ при слѣдствіи и въ присутствіи уѣзднаго суда, которыя составляютъ единственное основаніе къ ихъ осужденію, они сдѣлали это *безъ намѣренія* ее себѣ присвоить. Такимъ образомъ по цѣли и внутреннему свойству ихъ дѣяніе не имѣетъ отличительныхъ свойствъ грабежа и засимъ слѣдовательно не можетъ быть признано этимъ преступленіемъ. Когда котомка Гуменіовскаго осталась во владѣніи подсудимыхъ, они возымѣли намѣреніе ее себѣ присвоить и употребить въ свою пользу находившіеся въ ней арбузъ и булку, что и привели въ исполненіе, находясь наединѣ, когда убѣдились,

что Гуменіовскій не возвратится, чтобы истребовать отъ нихъ свою собственность. При этомъ внѣшнее ихъ дѣяніе состояло въ овладѣніи чужимъ имуществомъ тайно, для употребленія его въ свою пользу. По внутреннему качеству дѣяніе ихъ было намѣренное. Совокупность этихъ отличительныхъ признаковъ свойства, формы, цѣли и внутренняго качества дѣянія по закону (2225 ст. улож. о наказ.) составляетъ воровство-кражу; посему, и такъ какъ воровство кража, совершенная подсудимыми, не сопровождалась никакими увеличивающими ихъ вину обстоятельствами и цѣна украденнаго предмета не превышаетъ тридцати рублей серебромъ, они должны быть, за силою 2238 ст. улож. приговорены за это преступленіе къ наказанію по 4 степени 37 статьи. Семенъ Швецъ, не принимая никакого участія въ совершеніи означеннаго преступленія, воспользовался вмѣстѣ съ прочими пріобрѣтенными посредствомъ воровства арбузомъ и булкою, а посему, согласно 16 ст. улож., долженъ быть признанъ укрывателемъ преступленія. Кромѣ кражи котомки Гуменіовскаго подсудимые Крѣпакъ, Миронюкъ и Голянчукъ прежде совершенія этаго преступленія напали на Гуменіовскаго съ намѣреніемъ, хотя безъ намѣренія убить или ограбить его и не нанеся ему ни увѣчья, ранъ, или побоевъ и личнаго оскорбленія. Это преступленіе предусмотрѣно въ 2109 ст. улож., по силѣ которой виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Семенъ Швецъ не принималъ въ этомъ никакого участія. По симъ соображеніемъ слѣдуетъ, на основаніи 2109, 2238, 152, 163 и 4 п. 165 ст. уложенія и Высочайшаго повелѣнія 17 апрѣля 1863 года, подсудимыхъ Крѣпака, Миронюка, Голянчука и Швеца, на основаніи 2238, 133, 136, 163 и 152 ст. уложенія и Высочайшаго повелѣнія 17 апрѣля 1863 года, безъ лишенія правъ и преимуществъ, заключить въ рабочій домъ или тюрьму, на два мѣсяца, а засимъ водворить на мѣстѣ жительства съ отдачею подъ установленный 53 ст. улож. надзоръ полиціи, или общества, на два года.

LII. Дѣло дворянъ Веленговъ, обвиняемыхъ въ поджогѣ лѣса Левковича.

Канцелярскій чиновникъ минскаго губернскаго правленія Семенъ Левковичъ 15 іюня 1849 г. подалъ въ минскій земскій судъ прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что жительствующіе въ смежности съ фольваркомъ его Воловщизна, дворяне Веленги, очищая свою землю отъ лѣса, въ маѣ мѣсяцѣ того года, съ *умысломъ сожгли* до полутора морга его лѣса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производили *порубку* деревъ и разрыли до основанія угловой межевой знакъ (конецъ); а потому Левковичъ просилъ: произвесть мѣстное розысканіе и поступить съ Веленгами, согласно 2113 ст. улож. о наказ., а за раззореніе межеваго знака, на основаніи 544 и 545 ст. X т. св. зак. меж. (изд. 1842 г.), подвергнуть ихъ штрафу.—Земскій судъ прошеніе это передалъ 19 іюня 1849 г. приставу 2 стана для произведенія слѣдствія; *но приставомъ оставлено было это порученіе безъ всякаго исполненія до 1856 г.* При слѣдствіи же обнаружено, что изъ числа обвиняемыхъ Веленговъ Іосифъ умеръ 12 іюля 1855 г. Ѳома и Викентій Веленги, на допросахъ 20 марта 1856 г., показали, что пожаръ, о причинахъ котораго имъ ничего не извѣстно, произошелъ не въ лѣсу, а въ зарослях Левковича; причемъ во время пожара Ѳомы Веленга вовсе дома не было; порубки лѣса они никогда не производили, межеваго знака не разрушали и ничего не знаютъ о томъ, вырубленъ ли тотъ лѣсъ и разрушенъ ли межевой конецъ.—Спрошенные, по указанію Веленговъ подъ присягою, въ присутствіи одного становаго пристава, 4 свидѣтеля, мѣстные дворяне, живущіе въ окрестностяхъ имѣнія Воловщизны, единогласно показали, что о причинахъ пожара, который былъ незначительный, ибо произошелъ не въ самомъ лѣсу, а въ зарослях, они ничего не знаютъ; но полагаютъ, что онъ произошелъ по неосторожности пастуховъ; а чтобы лѣсъ Левковича былъ поджигаемъ Веленгами и чтобы послѣдніе въ ономъ когда либо производили порубку, ни отъ кого не слыхали; къ сему они присовокупили, что Веленги поведенія хорошаго и ни въ чемъ предосудительномъ замѣчены не были.—По предъявленіи настоящаго производства Левковичу, онъ въ отзывѣ 22 февраля 1857 г. объяснилъ, что приставъ не

представилъ ему списка свидѣтелей, указанныхъ Веленгами, между-тѣмъ двое изъ нихъ находятся въ родствѣ съ Веленгами, одинъ нерасположенъ къ нему, Левковичу, а четвертаго онъ вовсе не знаетъ; самое слѣдствіе произведено приставомъ не на мѣстѣ, а за 14 верстъ отъ фольварка Воловщизны; Веленги вырубили почти весь лѣсъ, засохшій отъ произведеннаго ими пожара и стоющій 120 руб. сер., а что они съ умысломъ дали распространиться огню изъ пасѣки ихъ въ лѣсъ его, Левковича, это доказывается тѣмъ, что они не только не приняли никакихъ мѣръ противъ пожара, но и не извѣстили людей его, а сами ушли. Посему Левковичъ просилъ: поручить настоящее дѣло другому чиновнику для раскрытія истины.—Назначенный вслѣдствіе сего для изслѣдованія засѣдатель земскаго суда Осовскій, осмотрѣвъ 30-го августа 1857 года, въ присутствіи Левковича, Викентія Веленга и понятыхъ, мѣсто пожара 1849 года, нашелъ: «что пожаръ этотъ, произошедшій, какъ обнаружилось по мѣстному удостовѣренію, изъ обработываемой для поля пасѣки Веленговъ, истребилъ около одного морга большею частью товарнаго лѣса Левковича, котораго качество, количество и стоимость, по случаю истеченія послѣ пожара болѣе 8 лѣтъ, нѣтъ возможности открыть, а понятые объявили стоимость его до 100 руб. сер. Межевой же знакъ оказался неразрушеннымъ, а только испорченнымъ отъ проѣзда».—Въ подтвержденіе своихъ объясненій Левковичъ сослался на четырехъ свидѣтелей, сосѣднихъ владѣльцевъ: Юрія Яновича, Франца Тотаржицкаго, Антона Лойка и Ивана Петрашкевича, которые подъ присяго 31-го августа 1857 г. показали: Юрій Яновичъ, что въ іюнѣ 1849 г. онъ былъ очевидцемъ пожара лѣса Левковича, который дѣйствительно начался отъ зажженной *Веленгами* пасѣки, но онъ не полагаетъ, чтобы это сдѣлано было ими съ умысломъ, а знаетъ, что впослѣдствіи Веленги, пользуясь сухимъ подстойнымъ деревомъ отъ того пожара, рубили оное для себя, безъ вѣдома владѣльца, который чрезъ то могъ имѣть убытка около 100 р с. Относительно же межеваго знака, онъ ничего не знаетъ.—Прочіе свидѣтели объявили, что они не были очевидцами пожара лѣса Левковича, а въ остальномъ показали согласно съ Яновичемъ. По собраннымъ земскимъ судомъ справкамъ о лѣтахъ и состояніи Веленговъ оказалось, что Ѳома Веленгъ

родился въ декабрѣ 1821 г., а Викентій въ январѣ 1827 г. и что родъ ихъ по опредѣленіямъ минскаго депутатскаго собранія 1804 и 1844 года признанъ въ дворянскомъ достоинствѣ.

Земскій судъ 21-го октября 1859 г. представилъ дѣло это въ минскій *уѣздный судъ*, который по разсмотрѣніи онаго 14-го декабря 1859 года нашелъ, что доказывающихъ дворянство родныхъ братьевъ Ѳому и Викентія Веленговъ, за нарушеніе правилъ предосторожности отъ пожаровъ при выжиганіи своей пасѣки и за поджогъ лѣса, принадлежащаго смежному владѣльцу Семену Левковичу, хотя бы слѣдовало подвергнуть денежному взысканію, опредѣленному въ статьяхъ 1462, 1463, 1470 и 2195 улож. о наказ., но какъ преступленіе сіе совершено до воспослѣдованія Всемилостивѣйшихъ манифестовъ 27-го марта 1855 и 26-го августа 1856 годовъ, то по силѣ сихъ манифестовъ отъ личной отвѣтственности ихъ освободить; а такъ-какъ преступленіемъ Веленговъ причиненъ убытокъ Левковичу на 100 р. с., то на основаніи 2206 и 63 ст. улож. о наказ., въ вознагражденіе Левковича за убытокъ отъ истребленнаго лѣса, взыскать съ обвиненныхъ Ѳомы и Викентія Веленговъ 100 руб. и удовлетворить Левковича; сверхъ сего заставить Веленговъ, чтобы они собственнымъ иждивеніемъ возобновили испорченный межевой знакъ при бытности полиціи и очистили граничную межу, раздѣляющую ихъ владѣніе съ землею смежнаго владѣльца Левковича. Въ самовольной же порубкѣ и похищеніи лѣса, по недостатку полныхъ доказательствъ, на основаніи 313 ст. XV т. 2 кн. уголовн. судопроизв. до открытія новыхъ уликъ, оставить ихъ въ подозрѣніи.—*Минская уголовная палата* 22-го марта 1860 года заключила: дворянъ Ѳому и Викентія Веленговъ относительно несоблюденія правилъ осторожности съ огнемъ при выжиганіи собственной своей пасѣки, отъ чего могъ истребиться лѣсъ, принадлежащій чиновнику Семену Левковичу, на основаніи 313 ст. XV т. св. зак. угол., оставить *въ подозрѣніи*; а по оговору въ кражѣ лѣса и нарушеніи межеваго знака, по силѣ 304 ст. того же XV т., къ отвѣтственности ихъ не привлекать. Вмѣстѣ съ тѣмъ палата, усматривая медленность въ производствѣ сего дѣла, о взысканіи съ виновныхъ въ семъ сообщила въ минское губернское правленіе.—*Правительствующій сенатъ*, (по 2-му отдѣл. 5-го департ.), въ который дѣло это

вступило, вслѣдствіе поданнаго Левковичемъ апелляціоннаго отзыва, признавъ послѣдній незаслуживающимъ уваженія, 29-го марта 1862 года опредѣлилъ: состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе минской уголовной палаты оставить въ своей силѣ.—На это опредѣленіе Левковичъ принесъ всеподданѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ общемъ собраніи правительствующаго сената.

Вслѣдствіе произшедшаго при слушаніи сего дѣла въ общемъ собраніи сената разногласія, Министръ Юстиціи далъ предложеніе слѣдующаго содержанія: «въ настоящемъ дѣлѣ разрѣшенію подлежитъ вопросъ о томъ—достаточны-ли имѣющіяся въ дѣлѣ доказательства для признанія подсудимыхъ Веленговъ виновными въ поджогѣ и порубкѣ лѣса Левковича и въ разрушеніи межеваго знака? Доказательства сіи заключаются въ осмотрѣ, произведенномъ засѣдателемъ земскаго суда, и въ показаніяхъ четырехъ свидѣтелей, выставленныхъ Левковичемъ. Что касается разрушенія межеваго знака, то по произведенному осмотру знакъ сей оказался не разрушеннымъ, а лишь испорченнымъ отъ проѣзда. Въ отношеніи поджога лѣса въ актѣ осмотра значится, что по мѣстному удостовѣренію пожаръ произошелъ отъ выжигаемой Веленгами пасѣки; но въ немъ не объяснено, въ чемъ заключалось это мѣстное удостовѣреніе, а безъ этого объясненія самый актъ осмотра не можетъ служить доказательствомъ къ обвиненію подсудимыхъ въ поджогѣ. Кромѣ осмотра подсудимые обвиняются въ поджогѣ лѣса показаніемъ Яновича, который объяснилъ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ пожаръ начался изъ пасѣки Веленговъ. Но показаніе одного свидѣтеля, на основаніи 330 ст. 2 кн. XV т., почитается недостаточнымъ доказательствомъ. Наконецъ къ обвиненію подсудимыхъ въ порубкѣ лѣса служатъ показанія четырехъ свидѣтелей, которые объяснили, что они *знаютъ*, что Веленги, пользуясь сухимъ подстойнымъ деревомъ отъ пожара, рубили оное безъ вѣдома владѣльца, который чрезъ то могъ имѣть убытка около 100 руб. Изъ показаній этихъ не видно, какимъ образомъ означенныя въ нихъ обстоятельства дошли до свѣдѣнія свидѣтелей: были-ли они очевидцами порубки лѣса Веленгами или же слышали о томъ отъ другихъ. Слова свидѣтелей, что они *знаютъ* о порубкѣ, скорѣе говорятъ въ пользу того

предположенія, что они свидѣтельствовали по слуху, каковыя показанія, на основаніи 334 ст. 2 кн. XV т., не имѣютъ никакой силы. Неопредѣленность свидѣтельскихъ показаній могла бы быть разъяснена дополнительнымъ слѣдствіемъ, но это слѣдствіе едва ли можетъ привести къ какому-либо результату въ настоящее время, когда уже прошло болѣе 15 лѣтъ со времени происшествія. Признавая по приведеннымъ соображеніямъ, что, имѣющіяся въ дѣлѣ доказательства недостаточны къ обвиненію подсудимыхъ въ взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ, Министръ Юстиціи полагалъ: всеподданѣйшую жалобу Левковича признать не заслуживающею уваженія.—Согласно сему предложенію настоящее дѣло получило окончательное разрѣшеніе.

При слушаніи же сего дѣла въ первомъ общемъ собраніи сената, заявлено было и слѣдующее мнѣніе: «Веленги, по отсутствію въ дѣлѣ полныхъ доказательствъ, хотя и не могутъ быть признаны виновными въ неосторожномъ произведеніи пожара въ лѣсу Левковича, но обвиненіе ихъ въ *порубкѣ* лѣса Левковича подтверждается совершенно согласными между собою присяжными показаніями четырехъ неотведенныхъ имъ свидѣтелей, противъ которыхъ Веленгами не сдѣлано никакихъ возраженій; по силѣ же 329 ст. т. X ч. 2, свидѣтельство достовѣрныхъ свидѣтелей, неотведенныхъ подсудимымъ и совершенно согласныхъ въ своихъ показаніяхъ, составляетъ совершенное доказательство, если противъ онаго не будетъ представлено подсудимымъ достаточныхъ опроверженій. Посему, признавая обвиненіе Левковичемъ Веленговъ въ порубкѣ лѣса вполнѣ доказаннымъ вышеозначенными показаніями четырехъ свидѣтелей, слѣдуетъ взыскать съ Веленговъ въ пользу Левковича за порубку лѣса показанную свидѣтелями сумму 100 рублей, а равно обратить на нихъ взысканіе гербовыхъ за производство настоящаго дѣла пошлинъ».

Обсуждая съ своей стороны настоящее дѣло, мы должны прежде всего обратить вниманіе на то весьма странное обстоятельство, что приставъ 2-го стана минскаго уѣзда, которому въ 1849 году поручено было произвести изслѣдованіе по изъ-

ту Левковича, не приступалъ къ сему въ теченіи *пяти лѣтъ*. Въ этотъ промежутокъ времени всѣ слѣды событія, которое подлежало приведенію въ извѣстность, могли легко изгладиться, а самыя показанія о немъ свидѣтелей, по истеченіи столь долгаго срока, получили какъ по ихъ содержанію, такъ и по формѣ, скорѣе значеніе воспоминаній, нежели несомнѣнныхъ удостовѣреній. Когда-же дѣло это въ 1862 году дошло до разсмотрѣнія сената, то обращеніе его къ изслѣдованію сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ, такъ-какъ прошло уже болѣе 13 лѣтъ послѣ того, какъ послѣдовало событіе, подлежащее приведенію въ извѣстность, а одинъ изъ подсудимыхъ даже умеръ.

Обсуждая потому настоящее дѣло въ томъ видѣ, въ какой оно было приведено слѣдствіемъ, нельзя не указать на важныя упущенія слѣдователей, ибо во 1-хъ, въ актѣ осмотра мѣстности приставомъ Осовскимъ сказано: «что *по мѣстному удостовѣренію* пожаръ произошелъ отъ выжигаемой Веленгами пасѣки», но въ чемъ заключалось это удостовѣреніе не объяснено и потому оно является чисто голословнымъ; во 2-хъ о показаніяхъ четырехъ свидѣтелей записано, «что они *знаютъ*, что Веленги рубили лѣсъ Левковича», но затѣмъ эти свидѣтели не были допрошены ни о томъ, отъ кого они это знаютъ, ни о томъ были-ли они непосредственными свидѣтелями событія. При такихъ обстоятельствахъ дѣла подсудимые подлежали безусловному освобожденію отъ суда, тѣмъ болѣе, что и Яновичъ (обвиняющій ихъ въ неосторожномъ поджогѣ лѣса Левковича) показалъ: «что онъ былъ очевидцемъ пожара лѣса Левковича, который начался отъ зажженной Веленгами пасѣки»; но изъ этого показанія нельзя съ точностью вывести, чтобы именно сами Велинги, и притомъ оба брата (а не ихъ люди) зажгли пасѣку. Затѣмъ присудить съ Веленговъ 100 руб. вознагражденія на основаніи показанія Яновича за вырубленный ими, по его словамъ, высохшій отъ пожара лѣсъ Левковича, является невозможныхъ потому, что изъ акта осмотра Осовскаго значится, что этотъ лѣсъ, стоющій около 100 руб., былъ *истребленъ* пожаромъ. Все вышеизложенное доказываетъ самымъ наглядымъ образомъ, что какъ бы хорошо не былъ устроенъ судъ, но если слѣдствіе произведено съ упущеніями, то весьма трудно постановить по дѣлу

приговоръ, исключающій всякую возможность сомнѣваться въ томъ, что дѣло должно быть рѣшено такъ, а не иначе *).

LIII. Дѣло по обвиненію помѣщика Чуфарскаго въ насильственномъ обвѣнчаніи крестьянки Ксеніи Пыриковой.

Калужское губернское правленіе представило на разсмотрѣніе правительствующаго сената (по 1 д-ту) слѣдственное дѣло о злоупотребленіи отставнымъ штабсъ-капитаномъ Чуфар—скимъ помѣщичьей власти. Поводомъ къ сему дѣлу послужила поданная въ 1859 г. начальнику калужской губерніи жалоба крестьянина рязанскаго имѣнія помѣщика Чуфар—скаго, Пырикова, на насильственное, по его словамъ, обвѣнчаніе его дочери Ксеніи съ крестьяниномъ Ермиломъ Андреевымъ. Въ жалобѣ этой Пырековъ, между прочимъ, объяснилъ: «что дочь его во время вѣнчанія была связана, около налоя не ходила, а насильно была обведена одинъ разъ, и когда она въ отчаяніи кричала «*караул*», и говорила, что лишитъ себя жизни, то ей зажимали ротъ платкомъ; во время же питья изъ общей чаши, насильно разжимали уста и вливали вино.»

Вслѣдствіе сего, по распоряженію начальника калужской губерніи, чиновникомъ особыхъ порученій графомъ Бутурлинымъ произведено было о дѣйствіяхъ помѣщика Чуфар—скаго формальное слѣдствіе, которое, по окончаніи онаго, передано на обсужденіе предводителей и депутатовъ дворянства калужской губерніи. Собраніе, разсмотрѣвъ означенное слѣдствіе, нашло, что указанный крестьяниномъ Пыриковымъ поступокъ помѣщика Чу-

*) Въ настоящемъ процессѣ возникаетъ вопросъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, а потому мы приведемъ по сему предмету постановленія новаго устава уголовнаго судопроизводства 1864 года: «сверхъ разрѣшенія вопросовъ о виновности и наказаніи, судъ дѣлаетъ постановленіе (ст. 776 п. 2) о вознагражденіи за убытки, понесенные тою или другою стороною, руководствуясь при этомъ (ст. 779) существующими о томъ въ уложеніи о наказаніяхъ и въ гражданскихъ законахъ постановленіями». Слѣдовательно убытки присуждаетъ тотъ-же уголовный судъ, который призналъ подсудимаго виновнымъ и не требуется, чтобы искъ о убыткахъ предъявленъ былъ особо отъ дѣла, въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства.

фар—скаго, какъ не вполнѣ доказанный, не можетъ быть относимъ къ злоупотребленію Чуфар—скимъ помѣщичьей власти, а потому положило: ограничиться однимъ только предоставленіемъ тарусскому уѣздному предводителю имѣть внимательный надзоръ за образомъ управленія имѣніемъ Чуфар—скаго.

Изъ представленныхъ же на разсмотрѣніе 1 д-та правительствующаго сената свѣдѣній оказалось слѣдующее: 1) крестьянинъ *Пырикова* и дочь его *Ксенія* при слѣдствіи подтвердили вышеприписанную поданную Пыриковымъ начальнику калужской губерніи жалобу; причемъ оба присовокупили, что по пріѣздѣ ихъ въ тарусское имѣніе Чуфар—скаго, за ними былъ учрежденъ по приказанію помѣщика караулъ, а Ксенія добавила, что Чуфар—скій, при совершеніи вѣнчанія, самъ держалъ вѣнецъ надъ ея головою, схвативъ ее одной рукой за косу. Независимо отъ сего Пыриковъ показалъ, что онъ въ 1845 г. заплатилъ матери Чуфар—скаго 500 р. асс. для избавленія себя отъ рекрутской очереди, но помѣщикъ, не смотря на то, приказалъ отдать его въ рекруты вслѣдствіе чего онъ, Пырпковъ, скрылся, за что по возвращеніи былъ наказанъ *семью стами ударами розгъ*; о хорошемъ же поведеніи Пырикова подтвердили 54 сосѣднихъ крестьянина. 2) Показаніе Пырикова и Ксеніи подтвердилъ обвѣнчанный въ одно время съ Ксеніею крестьянинъ Кузьма *Максимовъ* и присовокупилъ, что помѣщикъ Чуфар—скій выгналъ изъ церкви всѣхъ посторонпихъ людей. 3) Выставленныя Пыриковымъ въ свидѣтели *4 крестьянки* показали, что онѣ дѣйствительно были высланы Чуфар—скимъ изъ церкви и, стоя вблизи, слышали крикъ «караулъ» и полагаютъ, что такъ кричала Ксенія, а тарусскій мѣщанинъ Черниковъ подъ присягою во всемъ подтвердилъ показаніе Пырикова и дочери его, ссылаясь на слова церковнаго старосты Терентьева, который будто бы разсказывалъ ему о всѣхъ подробностяхъ насильственнаго повѣнчанія Ксеніи и при этомъ говорилъ, что Чуфар—скій и окружающіе его во время вѣнчанія были пьяны, а и что послѣ того Чуфар—скій угощалъ крестьянъ водкою. 4) *Четыре крестьянина* подтвердили, что дѣйствительно по пріѣздѣ Пырикова надъ нимъ и дочерью его, по приказанію Чуфар—скаго, учрежденъ былъ караулъ. 5) Церковный староста Федоръ *Терентьевъ* подъ присягою показалъ, что Ксенія вошла въ церковь сама собою, что вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ и

когда воротился, то обрядъ вѣнчанія былъ уже конченъ. 6) Помѣщикъ *Чуфар—скій* въ взведенномъ на него обвиненіи *не* сознался, объясняя, что Ермилъ Андреевъ и дочь Пырикова обвѣнчаны по взаимному согласію, и что во время вѣнчанія Ксенія не сопротивлялась и не кричала; это показаніе подтвердили совершавшіе вѣнчаніе священно- и церковнослужители, также и крестьянинъ Ермилъ Андреевъ. Независимо отъ сего Чуфар—скій объяснилъ, что Пыриковъ есть человѣкъ дурной нравственности и по суду содержался въ арестантской ротѣ, но это обвиненіе однако, по собраннымъ свѣдѣніямъ, не подтвердилось и на повальномъ обыскѣ Пыриковъ въ поведеніи одобренъ. 7) Пырикова, присовокупилъ, что онъ привезъ дочь къ Чуфар—скому 18 іюля, а оглашеніе было уже произведено 6, 8 и 10 іюля.

По выслушаніи настоящаго дѣла 1-й деп-тъ правительствующаго сената нашелъ: что обнаруженныя по слѣдствію личное присутствіе помѣщика Чуфар—скаго въ церкви при совершеніи брака дочери крестьянина Пырикова, удаленіе изъ церкви посторонпихъ свидѣтелей, угощеніе крестьянъ, а въ особенности стараніе обвинить Пырикова въ дурныхъ наклонностяхъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ не подтвердившихся, наводятъ *сильное подозрѣніе* на помѣщика Чуфар—скаго въ томъ, что бракъ дочери Пырикова, Ксеніи, совершенъ по принужденію его, Чуфар—скаго, каковой поступокъ не можетъ не быть отнесенъ къ злоупотребленію помѣщичьей власти. Посему, принявъ во вниманіе, что по закону въ предупрежденіе и пресѣченіе злоупотребленія помѣщичьей власти налагается опека на имѣнія помѣщиковъ, *уличенныхъ* въ такомъ злоупотребленіи, (ст. 420 XIV т. уст. пред. и прес. прест. и ст. 1109 IX т. зак. о сост.), и сверхъ того помѣщики, изобличенные въ жестокихъ съ крѣпостными людьми своими поступкахъ, могутъ, по особенному Высочайшему усмотрѣнію, быть предаваемы и уголовному суду, для постановленія съ ними на основаніи ст. 1977 улож. о нак. (ст. 421 XIV т. уст. пред. и прес. прест. и 1110 IX т. зак. о сост.), правительствующій сенатъ согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, полагалъ: подвергнувъ имѣніе помѣщика Чуфар—скаго опекунскому управленію со всѣми послѣдствіями, сопряженными по закону съ этою мѣрою, предоставить поступокъ священно-и-церковнослужителей совершавшихъ бракосочетаніе дочери крестьянина Пырикова съ

крестьяниномъ Ермиломъ Андреевымъ, а равно вопросъ о дѣйствительности означеннаго брака разсмотрѣнію духовнаго начальства; на преданіе же самаго Чуфар—скаго уголовному суду испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Оберъ-прокуроръ 1-го департамента сената въ данномъ сенату предложеніи объяснилъ, что по закону (т. XIV уст. о пред: и прес. прест. ст. 421) помѣщики, изобличенные въ *жестокихъ* поступкахъ съ крѣпостными своими людьми, могутъ по особенному Высочайшему усмотрѣнію быть предаваемы и уголовному суду для поступленія съ ними на основаніи 1977 ст, улож. о наказ.; но, не усматривая изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, чтобы помѣщикъ Чуфар—скій обвинялся въ какихъ-либо жестокихъ поступкахъ съ своими крестьянами, онъ не нашелъ основаній къ испрошенію Высочайшаго соизволенія на преданіе его уголовному суду. Обстоятельствами дѣла помѣщикъ Чуфар—скій обвиняется только въ принужденіи на бракъ крестьянки Ксеніи Пыриковой, по злоупотребленію помѣщичьей власти. Таковой поступокъ предусмотрѣнъ 792 ст. 2 кн. XV т. и 1 ч. 1979 ст. 1 кн. XV т. улож. о наказ. По силѣ означенныхъ статей закона помѣщики, по злоупотребленію помѣщичьей власти, принудившіе своихъ крѣпостныхъ людей ко вступленію въ бракъ, подвергаются наказаніямъ по опредѣленію духовнаго начальства своего исповѣданія. По симъ основаніямъ, и имѣя въ виду, что слѣдствіемъ не обнаружено, чтобы помѣщикъ Чуфар—скій употреблялъ для принужденія Ксеніи на бракъ побои или истязанія, за что подлежалъ бы свѣтскому уголовному суду на основаніи 2 ч. 1979 ст. 1 кн. XV т. улож. о наказ., слѣдуетъ дать настоящему дѣлу направленіе, указанное 792 ст. 2 кн. XV т. и 1 ч. 1979 ст. 1 кн. XV т. улож. о наказ.

Вслѣдствіе несогласія сенаторовъ съ симъ предложеніемъ, дѣло поступило на разсмотрѣніе перваго общаго собранія, которое нашло, что по точному смыслу статей 808 т. X ч. 2 зак. гражд. и ст. 794 т. XV ч. 2 зак. угол. судопр. дѣла о бракахъ, совершенныхъ по насилію, принадлежатъ свѣтскому уголовному суду во всемъ, что касается насилія и обмана, а потому опредѣлило: поступокъ Чуфар—скаго, по предмету насильственнаго повѣнчанія бывшей крѣпостной его дѣвушки Ксеніи Пыриковой, предоста-

вить обсужденію подлежащей судебной инстанціи, а затѣмъ когда по рѣшенію уголовнаго суда, вошедшему въ законную силу, Чуфар—скій дѣйствительно будетъ изобличенъ въ насиліи, предоставить дѣло разсмотрѣнію суда духовнаго, въ чемъ будетъ слѣдовать на основаніи означенныхъ узаконеній.—Эта резолюція приведена была въ исполненіе.

Разсматривая настоящее дѣло, мы прежде всего должны указать на то неправильное направленіе, которое оно получило *до* поступленія въ сенатъ: помѣщикъ Чуфар—скій обвинялся въ насильственномъ обвѣнчаніи своей крестьянки Ксеніи Пыриковой,—вотъ corpus delicti, который подлежалъ обсужденію. На основаніи ст. 792 2 ч. XV т. (изд. 1857): «изъ дѣлъ брачныхъ православнаго исповѣданія *свѣтскимъ уголовнымъ судамъ подлежатъ* (п. 1): *дѣла о насильственномъ обвѣнчаніи*». По точнымъ словамъ этого закона, немедленно по окончаніи слѣдствія объ обвѣнчаніи Ксеніи Пыриковой, дѣло должно было поступить на разсмотрѣніе въ уголовный судъ, а не въ дворянское депутатское собраніе и не въ 1 д-тъ сената.—Затѣмъ имѣніе Чуфар—скаго могло быть отдано въ опеку только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ несомнѣнно уличенъ въ жестокомъ и насильственномъ обращеніи съ своими крестьянами, и въ частности съ Пыриковыми, чего по настоящему дѣлу не было. Вотъ почему мы не можемъ не признать послѣдовавшій по сему дѣлу приговоръ общаго собранія сената вполнѣ правильнымъ.

Не касаясь затѣмъ фактической стороны этого дѣла, (такъ какъ оно не получило разрѣшенія по существу), мы разсмотримъ лишь общій вопросъ о томъ: какому наказанію по дѣйствовавшему законодательству подлежалъ помѣщикъ, принудивній своихъ крѣпостныхъ людей противъ воли вступить въ бракъ? Въ ст. 1979 улож. о наказ. постановлено: «лица, по злоупотребленію помѣщичьей власти, принудившія крѣпостныхъ людей своихъ ко вступленію въ бракъ противъ воли, подвергаются за сіе—наказаніямъ по опредѣленію духовнаго начальства своего исповѣданія. Если однакожъ ими были для сего употреблены *побои* или *другія*

истязанія какого-либо рода, то они приговариваются сверхъ взысканія по уставамъ церкви, заключенію въ смирительномъ домѣ, согласно 1977 ст. на время отъ 2 до 3 лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или же безъ лишенія сихъ правъ и преимуществъ заключенію въ семъ-же домѣ на время отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ».

Хотя эти законы нынѣ, за отмѣною крѣпостнаго права, принадлежатъ уже къ исторіи, но мы не можемъ не указать на сравнительную легкость наказанія и даже, можно сказать, безнаказанность поступка столь гнуснаго, каково злоупотребленіе помѣщикомъ своей власти, чтобы насильно и противъ его воли обвѣнчать своего крѣпостнаго человѣка. Наказаніе это состоитъ лишь въ церковномъ покаяніи. Такимъ образомъ если напр. помѣщикъ насильно взялъ крѣпостную дѣвушку изъ ея дома, связанною привезъ ее въ церковь, во время обряда вѣнчанія велѣлъ держать ее, но *не* наносилъ ей побоевъ и истязаній,—то онъ за все это не подлежитъ наказанію свѣтской власти, а только лишь церковному покаянію!

Итакъ нельзя не порадоваться, что въ настоящее время вліяніе *крѣпостнаго права* на наше *уголовное законодательство*, благодаря незабвеннымъ мѣрамъ нынѣ царствующаго Государя Императора, исчезло навсегда.

LIV. Дѣло о башкирцѣ Нурмахомедѣ Мухтаровѣ, сужденномъ за незаконное пріобрѣтеніе золота въ самородкѣ.

Засѣдатель сотникъ Бухаринъ 30-го октября 1862 года донесъ полковому правленію оренбургскаго казачьяго № 9-го полка, что урядникъ травниковской станціи Иванъ Угрюмовъ назначенный для наблюденія за тишиной и спокойствіемъ во время бывшей въ той станицѣ ярмарки, замѣтилъ, что неизвѣстный человѣкъ, (оказавшійся подсудимымъ Мухтаровымъ), расхаживая по ярмаркѣ, всматривался въ лица бывшихъ на ней людей. Заподозривъ, не намѣревается ли Мухтаровъ сдѣлать кражу, Угрюмовъ слѣдилъ за нимъ до квартиры его, занимаемой

въ домѣ казака Прокофья Степаненко, и потомъ, взявъ съ собой казака Алексѣя Вязмина и придя съ нимъ въ квартиру Мухтарова, нашелъ тамъ съ подсудимымъ еще двухъ его товарищей. Когда онъ спросилъ у нихъ билеты, то Мухтаровъ отвѣчалъ, что билетовъ у нихъ нѣтъ, и что они пришли съ частныхъ золотыхъ промысловъ. Урядникъ Угрюмовъ и казакъ Вязминъ, взявъ означенныхъ 3-хъ башкирцевъ, доставили ихъ на базарную гауптвахту, гдѣ при обыскѣ, произведенномъ урядникомъ Сутормінымъ, въ присутствіи урядниковъ Угрюмова, Рѣпникова, Пустозерова и казаковъ Ларіонова и Вязмина, у башкирцевъ найдены билеты, а у Махтарова въ кожанномъ, небольшомъ мѣшечкѣ, вмѣстѣ съ мѣдными деньгами, зевернутый въ тряпкѣ металлъ, похожій на золото, въ количествѣ пяти золотниковъ.

При производствѣ о семъ *слѣдствія* подсудимый *Мухтаровъ* въ присутствіи полковаго правленія показалъ, что находясь съ товарищами своими, башкирцами Рафиковымъ и Хисамутдиновымъ для работъ на александровскомъ золотосодержащемъ пріискѣ, близъ балбуковскаго рудника, онъ отправился по окончаніи работъ домой. Дорогою они зашли на ярмарку въ станицу кундравинскую, гдѣ по какому-то сомнѣнію съ квартиры казака Прокофія Степаненко были взяты на гауптвахту, причемъ ихъ обыскивали; но золота при немъ, Мухтаровѣ, нисколько не было и почему взведено на него, что при немъ оказалось золото, не знаетъ. Къ этому подсудимый присовокупилъ, что при означенномъ обыскѣ взято у него казаками 3 р. 30 коп. ассиг., изъ коихъ 2 руб. 20 коп. возвращены ему, а остальные 1 р. 10 коп. остались у казаковъ. Башкирцы *Рафиковъ* и *Хисамутдиновъ* показали согласно съ подсудимымъ Мухтаровымъ, присовокупивъ, что при обыскѣ на гауптвахтѣ никакого золота у Мухтарова не было и, имѣлъ ли онъ при себѣ таковое, они не знаютъ.—При дальнѣйшемъ слѣдствіи урядникъ *Угрюмовъ*, задержавшій подсудимаго Мухтарова, подтвердилъ обстоятельства, изложенныя въ рапортѣ засѣдателя Бухарина и присовокупилъ, что изъ числа оказавшихся у Мухтарова денегъ (90 коп. сер) 24 коп. выданы ему урядникомъ Сутормінымъ на прокормленіе.—Засимъ, находившіяся при обыскѣ подсудимаго Мухтарова лица, подъ присягою показали: 1) урядникъ *Алексѣй Сутормінъ*, что показанное ему при допросѣ золото въ самородкѣ дѣйствитель-

но было взято у подсудимаго Мухтарова въ кожанномъ небольшемъ кошелькѣ, гдѣ хранились также деньги Мухтарова 90 коп. сер., а равно онъ признаетъ тряпку, въ которой было завернуто золото; по заарестованіи подсудимаго и двухъ его товарищей, изъ числа вышеупомянутыхъ 90 коп. сер., онъ Сутормінъ, дѣйствительно выдалъ имъ на покупку хлѣба, въ три раза, 24 коп. сер. 2) Урядникъ Никифоръ *Рѣпникова*,—что показанное ему золото, тряпка и бумажка дѣйствительно были взяты при обыскѣ изъ кожаннаго кошелька вмѣстѣ съ мѣдными деньгами у подсудимаго Нурмухамеда Мухтарова. 3) Урядникъ Василій *Пустозеровъ* и казакъ Иванъ *Ларіоновъ*, какъ сказано въ ихъ показаніяхъ, на предложенные имъ вопросы отозвались согласно съ Сутормінымъ и Рѣпниковымъ. 4) Казакъ Аполонъ *Вязмитинъ*, находившійся при задержаніи подсудимаго Мухтарова, спрошенный по отводу подсудимаго безъ присяги, подтвердилъ во всѣхъ подробностяхъ показаніе урядника Угрюмова. На *очной ставкѣ* вышепоименованные урядники и казаки уличали подсудимаго Мухтарова въ томъ, что у него дѣйствительно было взято золото изъ кожанаго кошелька, гдѣ хранились его деньги 90 коп. сер., (но не болѣе, какъ онъ показываетъ), и что изъ оныхъ дѣйствительно было дано Мухтарову съ товарищами на покупку хлѣба 24 к. с. Противъ сего Мухтаровъ, ни въ чемъ не сознавшись, утвердилъ прежніе свои отвѣты съ тѣмъ, что по арестованіи его, на покупку хлѣба денегъ ему выдаваемо не было.

При освидѣтельствованіи въ присутствіи полковаго правленія отобраннаго у подсудимаго Мухтарова металла, оказалось, что металлъ этотъ въ одномъ *самородкѣ*, очень похожъ на золото, въ которомъ вѣсу болѣе 5-ти золотниковъ.—Изъ отношенія же главной конторы златоустовскихъ заводовъ, куда этотъ металлъ былъ отосланъ для изслѣдованія, оказалось, что металлъ этотъ самородное золото, въ одномъ золотникѣ, котораго содержится $88^1/_2$ долей химически чистаго золота, 7 долей серебра, $^1/_2$ доли лигатуры. — Златоустовская лабораторія, представивъ этотъ металлъ въ главную контору, просила пополнить издержки на припасы и реагенты, употребленные при испытаніи металла, всего на 1 р. 30 к. — Золото, какъ видно изъ протокола полковаго правленія отъ 11 февраля 1863 года, опредѣлено отослать

въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, куда представить и свидѣтельство для выдачи награды открывшему хищническое золото.

По преданіи его военному суду, подсудимый *Мухтаровъ*, спрошенный подъ увѣщаніемъ муллы, утвердилъ прежнее свое показаніе, данное при слѣдствіи, присовокупивъ, что къ оправданію своему добавить ничего не можетъ. На повальномъ обыскѣ односеревенцы подсудимаго Мухтарова въ числѣ 24-хъ человѣкъ показали, что онъ прежде сего, подъ судомъ и штрафами не былъ и жизнь велъ хорошую. Поведеніе башкирцевъ Рафикова и Хисамутдинова также вполнѣ одобрено. Изъ формулярнаго списка Мухтарова оказалось, что ему 31 годъ, въ службу онъ поступилъ въ 1852 году, изъ башкиръ, въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ, женатъ и имѣетъ 4-хъ дѣтей.

Военный генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ что подсудимый, возвращаясь домой въ дер. Шабаеву съ частныхъ золотыхъ пріисковъ (какъ показалъ онъ по дѣлу), былъ задержанъ на ярмаркѣ въ травниковской станицѣ какъ подозрительный человѣкъ, причемъ по сдѣланномъ ему обыскѣ у него въ небольшемъ кожанномъ мѣшечкѣ вмѣстѣ съ мѣдными деньгами найденъ завернутымъ въ тряпку самородокъ золота вѣсомъ въ 5 золотниковъ. Подсудимый Мухтаровъ ни при слѣдствіи, ни въ военномъ судѣ не сознаваясь въ имѣніи при себѣ означеннаго самородка, объяснилъ, что онъ возвращаясь съ александровскаго золотосодержащаго пріиска съ двумя товарищами своими, по неизвѣстной ему причинѣ былъ задержанъ, при сдѣланномъ же ему обыскѣ у него вовсе не было найдено золота и, почему взведено на него такое обвиненіе, ему неизвѣстно. Хотя же таковое показаніе подсудимаго о неимѣніи имъ при себѣ золота и подтвердили товарищи его башкирцы Рафиковъ и Хисамутдиновъ, но тѣмъ не менѣе оно не можетъ заслуживать никакого уваженія, такъ-какъ бывшіе при обыскѣ подсудимаго 3 урядника и 2 казака (изъ нихъ 4-ре спрошены подъ присягою) удостовѣрили, что у него былъ отобранъ найденный при немъ и завернутый въ тряпку самородокъ золота. По симъ обстоятельствамъ генералъ аудиторіатъ, находя обнаруженныя по дѣлу доказательства недостаточными къ обвиненію подсудимаго Мухтарова въ *кражѣ* съ александровскаго золотосодер-

жащаго пріиска — найденнаго при немъ самородка залота, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что подсудимымъ не представлено надлежащаго удостовѣренія о способѣ пріобрѣтенія этого самородка, на точномъ основаніи 349 ст. кн. II воен. угол. уст. опредѣлилъ: 1) подсудимаго Мухтарова, оставивъ въ подозрѣніи въ похищеніи съ частныхъ золотыхъ пріисковъ самородка золота въ 5 золотниковъ, какъ одобреннаго въ поведеніи однодеревенцами своими, водворить на мѣстѣ жительства, предоставивъ начальству его имѣть надъ нимъ строгій надзоръ, 2) башкирцевъ Рафикова и Хисамутдинова, задержанныхъ вмѣстѣ съ подсудимымъ, какъ не изобличенныхъ въ похищеніи золота, отъ всякой отвѣтственности освободить, и 3) отобранныя отъ подсудимаго деньги обратить на пополненіе издержекъ, употребленныхъ при химическомъ испытаніи для опредѣленія свойства найденнаго при подсудимомъ металла.

Разсматривая юридическую сторону этого дѣла, мы прежде всего должны замѣтить, что нахожденіе самородка у подсудимаго Мухтарова составляетъ фактъ, вполнѣ доказанный свидѣтельскими показаніями, и что голословное запирательство его и его товарищей по сему предмету, *не* можетъ имѣть силы тѣмъ болѣе, что рѣшительно неправдоподобно, чтобы казаки, (если имъ принадлежалъ самородокъ), согласились лишиться его, обвинивъ въ пріобрѣтеніи онаго подсудимаго, имъ совершенно незнакомаго, и клеветать на котораго имъ не было ни повода, ни цѣли.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ слѣдуетъ опредѣлить наказуемость лица, имѣющаго золотой самородокъ, законнаго пріобрѣтенія котораго оно объяснить не можетъ? Въ силу закона при подобномъ обстоятельствѣ могутъ возникнуть слѣдующія предположенія или: 1) что лицо разработывало на своихъ или чужихъ земляхъ золото (ст. 642—643) или 2) что лицо, работавшее на чужихъ пріискахъ, законно существующихъ, прибѣгло къ утайкѣ (кражѣ) найденнаго имъ самородка, (ст. 652 улож.), или наконецъ 3) что лицо завѣдомо пріобрѣло самородокъ отъ похитившаго его (ст. 655—656, улож.). Къ пер-

вому случаю долженъ быть примѣняемъ и спеціальный законъ ст. 658), существующій: «для *самородковъ*, найденныхъ на казенной или частной землѣ случайно, но при *точномъ знаніи*, что найденное есть самородокъ.» За это виновные подвергаются—высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ за утайку найденной (чужой собственности по статьѣ 2273 уложенія, а самородки (если только пропажа ихъ не обнаружена самимъ владѣльцемъ пріиска) обращаются въказну (ст. 662). *)—И такъ самородки изъяты изъ обращенія и должны быть предъявляемы нашедшимъ ихъ—правительству.

Примѣняя эти законы къ настоящему дѣлу, мы находимъ, что при недоказанности, чтобы Мухтаровъ похитилъ находившійся у него самородокъ во время работъ на *пріискѣ* казеннома или частномъ и при неуказаніи имъ лица, у котораго онъ пріобрѣлъ самородокъ,—къ подсудимому должна бы быть примѣнена ст. 658 улож. о наказаніи его какъ за утайку чужой собственности, и въ высшей мѣрѣ.—Но имѣя въ виду, что по дѣлу не доказано, чтобы Мухтаровъ именно *зналъ*, что находящійся у него слитокъ есть самородокъ, является достаточное основаніе оставить его въ этомъ въ сильномъ подозрѣніи, не подвергая уголовному наказанію.

---

*) Къ этому мы должны присовокупить, что ст. 658 улож, едва-ли выдерживаетъ критику. Если лице, найдя напр. въ полѣ или въ ручьѣ (то есть на казенной или частной землѣ, но *не* на пріискѣ) самородокъ золота, непринадлежавшій до того времени никому, присвоитъ его себѣ, то это дѣяніе не подходитъ подъ понятіе *обо утайкѣ чужой собственности* (ст. 2273), а) заключаетъ въ себѣ лишь проступокъ полицейскій, состоящій въ несоблюденіи предписанія правительства—объявлять о находкѣ самородка подлежащимъ властямъ. Но послѣднее предписаніе отнюдь не можетъ колебать права собственности лица, нашедшаго самородокъ, на цѣнность послѣдняго (за платежемъ слѣдующихъ казнѣ пошлинъ) и слѣдовательно въ присвоеніи самородка заключается не утайка чужой собственности, а нарушеніе лишь правительственнаго распоряженія.

Отдѣленіе II.

LV. Дѣло о первой дуели Михаила Юрьевича Лермонтова (писателя).

Поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтовъ 16-го февраля 1840 года, пріѣхавъ съ дозволенія полковаго командира въ С. Петербургъ и бывши того же числа на балѣ у графини Лаваль, поссорился тамъ съ барономъ де-Барантомъ.—Поводомъ къ неудовольствію между ними было (по показанію поручика Лермонтова) то, что де-Барантъ, объявивъ ему на балѣ, будто онъ, Лермонтовъ, говорилъ о немъ какой-то особѣ, которой впрочемъ не назвалъ, невыгодно,—требовалъ отъ него объясненія; а когда Лермонтовъ увѣрялъ его, что это несправедливо, Барантъ, обнаруживая къ нему недовѣрчивость, упрекалъ его въ дурномъ поступкѣ, называя оный сплетнями.—На это Лермонтовъ отвѣчалъ, что выговоровъ и совѣтовъ не принимаетъ и находитъ поведеніе его, де-Баранта, весьма смѣшнымъ и дерзкимъ.—Послѣ этого де-Барантъ сказалъ, что если бы находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло; а Лермонтовъ возразилъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести также строго, какъ и вездѣ, и что русскіе меньше другихъ позволяютъ оскорблять себя безнаказанно. За тѣмъ де-Барантъ вызвалъ его на дуель, и они разстались.—Черезъ день послѣ того, 18-го февраля, въ 12-ть часовъ утра, поручикъ Лермонтовъ и баронъ де-Барантъ съѣхались на «Черной рѣчкѣ»,по парголовской дорогѣ съ секундантами, которыми были: со стороны Лермонтова уволенный отъ службы изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручикъ Столыпинъ, а со стороны барона де-Баранта французскій подданный графъ Рауль д'Англесъ.—Выборъ оружія предоставленъ былъ де-Баранту, какъ считавшему себя обиженнымъ, и онъ выбралъ *шпаги*, которыя привезены были секундантомъ его; но въ самомъ началѣ дуели у шпаги Лермонтова переломился конецъ и Барантъ нанесъ ему въ грудь легкую рану, которая заключалась въ поверхностномъ только поврежденіи кожи. Послѣ того противники, по сдѣланному предварительно условію, взяли пистолеты, привезенные секундантомъ Лермонтова, и должны были стрѣлять вмѣ-

стѣ по счету. Де-Барантъ сдѣлалъ промахъ, а Лермонтовъ, (какъ самъ онъ показалъ) опоздавши нѣсколько выстрѣломъ, выстрѣлилъ уже въ сторону.—Этимъ кончилась дуель ихъ, и они тутъ же помирились. Въ тотъ же день поручикъ Лермонтовъ отправился въ полкъ и о произведенной имъ дуели начальству не донесъ, единственно потому, какъ отозвался, что дуель не имѣла пагубнаго послѣдствія.—Вскорѣ однакожъ разнесшіеся слухи объ этой дуели дошли до свѣдѣнія полковаго командира, на спросъ котораго Лермонтовъ, признавшись во всемъ, объяснилъ вышеизложенныя подробности сего происшествія, подтвердивъ ихъ и по преданіи его потомъ военному суду. Показаній другихъ лицъ, которыя бы подтверждали или опровергали объясненія подсудимаго, по дѣлу нѣтъ, кромѣ одного секунданта его, поручика Столыпина. — Самъ баронъ де-Барантъ, по преданіи Лермонтова суду, выѣхалъ за границу, и какъ онъ, такъ и бывшій со стороны его секундантомъ графъ д'Англесъ остались неспрошенными; а другихъ, которые бы были свидѣтелями ссоры ихъ въ домѣ графини Лаваль, не открыто. — Поручикъ же Столыпинъ отзываясь, что и его при ссорѣ не было, показалъ однакожъ объ ней, по разсказамъ Лермонтова, согласно съ его объясненіями.—О самой дуели Столыпинъ изложилъ точно тоже, что сказалъ и Лермонтовъ, отзываясь, что куда направленъ былъ пистолетъ Лермонтова при выстрѣлѣ: въ противника ли его или въ сторону, онъ опредѣлить не можетъ, но утверждаетъ, что Лермонтовъ стрѣлялъ, *не цѣлясь*.

Что же касается до собственнаго участія въ семъ дѣлѣ поручика Столыпина, то онъ еще прежде, нежели Лермонтовъ открылъ, что онъ былъ секундантомъ, принесъ повинную въ этомъ шефу жандармовъ и какъ ему, такъ и въ военномъ судѣ объяснилъ, что Лермонтовъ пригласилъ его быть секундантомъ на балу же у графини Лаваль, и онъ, Столыпинъ, находя неприличнымъ для чести офицера отказаться, равно какъ и объявить объ этой тайнѣ, былъ въ необходимости принять такое приглашеніе. Хотя же къ примиренію Лермонтова съ де-Барантомъ приняты были мѣры, но остались безъ успѣха, потому что Барантъ требовалъ отъ Лермонтова извиненій, отъ которыхъ послѣдній отказался.

Сверхъ сего, во время производства суда, подсудимый Лер-

монтовъ, узнавъ, что баронъ де-Барантъ распускалъ слухи о несправедливости показанія его, что онъ выстрѣлилъ при дуели въ сторону,—пригласилъ его чрезъ неслужащаго дворянина графа Броницкаго къ себѣ на арсенальную гауптвахту, (на которой содержался) 22-го марта вечеромъ въ 8 часовъ, и вышедши къ нему безъ дозволенія караульнаго офицера въ корридоръ подъ какимъ-то предлогомъ, объяснялся тамъ съ де-Барантомъ по сему предмету и, какъ самъ сознался, предлагалъ ему, по освобожденіи изъ подъ ареста *снова съ нимъ стрѣляться*; но Барантъ, довольствуясь его объясненіемъ, вызова *не* принялъ. Въ карауле на арсенальной гауптвахтѣ 22 марта стоялъ прикомандированный къ гвардейскому экипажу, 28-экипажа мичманъ Кригеръ, который, равно и нижніе чины, бывшіе въ карауле, отозвались, что выхода поручика Лермонтова въ корридоръ и объясненія его съ иностранцемъ де-Барантомъ, они не замѣтили.

По симъ обстоятельствамъ военный генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго поручика Лермонтова по собственному его сознанію виновнымъ въ томъ, что онъ, принявъ отъ французскаго подданнаго барона де-Баранта вызовъ, имѣлъ съ нимъ 18-го февраля 1840 года дуель на шпагахъ и пистолетахъ, на которой отъ шпаги получилъ въ грудь легкую рану, а изъ пистолета, когда противникъ его сдѣлалъ промахъ, выстрѣлилъ въ сторону. Потомъ, отправившись въ полкъ, скрывалъ о семъ происшествіи, доколѣ свѣдѣніе о томъ не дошло до начальства стороною; а во время содержанія подъ арестомъ, узнавъ, что де-Барантъ распускаетъ слухи о несправедливости того, что онъ выстрѣлилъ при дуели въ сторону, пригласилъ его къ себѣ на арсенальную гауптвахту, на которой содержался, и вышедши къ нему вечеромъ въ корридоръ, тайно отъ караульнаго офицера, объяснился о семъ съ Барантомъ и снова предлагалъ ему дуель, по освобожденіи изъ подъ ареста. За сіи противузаконные поступки генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь сводами военныхъ постановленій военнаго уголовнаго устава книги 1-й ст. 392 и 393, опредѣлилъ: «лишивъ его Лермонтова чиновъ и дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые.»—Но принимая въ уваженіе во 1-хъ причины, вынудившія подсудимаго принять вызовъ къ дуели, на которую онъ вышелъ не по одному

личному неудовольствію съ барономъ де-Барантомъ, но болѣе изъ желанія поддержать честь русскаго офицера, во 2-хъ то, что дуель эта не имѣла никакихъ вредныхъ послѣдствій; въ 3-хъ поступокъ Лермонтова во время дуели, на которой онъ, послѣ сдѣланнаго де-Барантомъ промаха изъ пистолета,—выстрѣлилъ въ сторону, въ явное доказательство, что онъ не жаждалъ крови противника, и наконецъ въ 4-хъ засвидѣтельствованіе начальства объ усердной Лермонтова службѣ,—генералъ-аудиторіатъ призналъ возможнымъ повергнуть участь подсудимаго на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, всеподданнѣйше ходатайствуя о смягченіи опредѣляемаго ему по законамъ наказанія, тѣмъ, чтобы, вмѣнивъ Лермонтову содержаніе подъ арестомъ съ 10-го марта 1840 г., выдержать его еще подъ онымъ въ крѣпости на гауптвахтѣ три мѣсяца и потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ«—Сверхъ того генералъ-аудиторіатъ полагалъ поступки уволеннаго отъ службы изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручика Столыпина, бывшаго секундантомъ при дуели со стороны Лермонтова, равно и дворянина графа Броницкаго 1-го, приглашавшаго барона къ тайному свиданію съ подсудимымъ во время содержанія его на арсенальной гауптвахтѣ, предоставить разсмотрѣнію гражданскаго начальства.—Наконецъ прикомандированному къ гвардейскому экипажу, мичману 28-го флотскаго экипажа Кригеру за допущеніе во время бытности 22 марта на арсенальной гауптвахтѣ въ карауль, имѣть подсудимому свиданіе съ де-Барантомъ, во уваженіе молодыхъ его лѣтъ и неопытности, согласно съ мнѣніемъ Его Высочества командира гвардейскаго корпуса, вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ, не лишая его симъ штрафомъ правъ и преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ.

Согласно съ симъ заключеніемъ, представленъ былъ отъ генералъ-аудиторіата Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ въ 13 день апрѣля 1840 г. послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «поручика Лермонтова перевесть въ Тенгинской пѣхотной полкъ тѣмъ-же чиномъ; отставнаго поручика Столыпина и г. Броницкаго освободить отъ подлежащей отвѣтственности, объявивъ

первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть праздным. Въ прочемъ быть по сему.»

Въ тотъ же день—1) это Высочайшее повелѣніе было объявлено Лермонтову, 2) напечатанъ по военному министерству слѣдующій приказъ: «переводится лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручикъ Лермонтовъ въ Тенгинской пѣхотной полкъ тѣмъ-же чиномъ.»

LVI. Дѣло о дуели Александра Сергѣевича Пушкина съ барономъ Егоромъ де-Геккерномъ.

27-го января 1837 года между поручикомъ барономъ де-Геккерномъ и камеръ-юнкеромъ Пушкинымъ, въ 5 часовъ пополудни, за выборгскою заставою, близъ Новой деревни, въ рощѣ, за комендантскою дачею, при бытности секундантовъ: со стороны Геккерна, находившагося при французскомъ посольствѣ виконта д'Аршіака *), а со стороны Пушкина — инженеръ-подполковника Данзаса, — произошла дуель, на которой они оба другъ друга ранили, но изъ нихъ Геккернъ остался въ живыхъ, Пушкинъ же вскорѣ послѣ того умеръ. Командующій отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Бистромъ, получивъ свѣдѣнія о сей дуели, 29-го того-жъ января, предписавъ командиру гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса предать де-Геккерна за произведенную имъ дуель при л.-гв. конномъ полку военному суду,—всеподданѣйше донесъ о семъ Государю Императору; Его Величество, того-жъ 29-го числа, Высочайше повелѣть соизволилъ: «судить военнымъ судомъ, какъ Геккерна и Пушкина **), такъ равно и всѣхъ прикосновенныхъ къ сему дѣлу, съ тѣмъ, что ежели между ними окажутся лица иностранныя, то, не дѣлая имъ допросовъ и не включая въ сентенцію суда, представить объ нихъ особую записку, съ означеніемъ токмо мѣры ихъ прикосновенности».—Во исполненіе сей Высочайшей воли было отобрано отъ де-Геккерна объясненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ преданъ военному суду

*) Во время производства дѣла д'Аршіакъ выѣхалъ заграницу.
**) Въ то время Пушкинъ еще былъ живъ.

подполковникъ Данзасъ. О Пушкинѣ же, (между-тѣмъ умершемъ), предписано военно-судной коммисіи объяснить только въ приговорѣ: къ какому-бы онъ подлежалъ по законамъ за поступокъ его наказанію.—При освидѣтельствованіи де-Геккерна 5-го февраля, л.-гв. конной артиллеріи штабъ-лекаремъ Стефановичемъ, оказалось: «что Геккернъ имѣетъ пулевую проницающую рану на правой рукѣ ниже локтеваго состава на четыре поперечныхъ перста; входъ и выходъ пули въ небольшомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Обѣ раны находятся въ сгибающихъ персты мышцахъ, окружающихъ лучевую кость болѣе къ наружной сторонѣ. Раны простыя, чистыя, безъ поврежденія костей и большихъ кровеносныхъ сосудовъ. Кромѣ боли въ раненомъ мѣстѣ Геккернъ жалуется на боль въ правой верхней части живота, гдѣ вылетѣвшая пуля причинила контузію; эта боль обнаруживается при глубокомъ вздыханіи; наружныхъ же знаковъ этой контузіи не замѣтно. Отъ раны больной имѣетъ обыкновенную небольшую лихорадку, и хотя вообще онъ въ хорошемъ и надежномъ къ выздоровленію состояніи, но точнаго срока къ совершенному выздоровленію опредѣлить нельзя». Затѣмъ послѣ вторичнаго освидѣтельствованія де-Геккерна, штабъ-лекарь донесъ военно-судной коммисіи, что у Геккерна, кромѣ припухлости и чувствительности при дотрогиваніи къ раненому мѣсту, другихъ болѣзненныхъ припадковъ не замѣтно.

Поручикъ баронъ де Геккернъ на допросахъ объяснилъ: 1) что онъ, вступая изъ французскихъ дворянъ въ россійскую службу, учинилъ присягу только на вѣрность оной; 2) что 27-го января въ 5 часовъ пополудни онъ точно за выборгскою заставою имѣлъ съ камеръ-юнкеромъ Пушкинымъ дуель на пистолетахъ; причина же, побудившая его, Геккерна, вызвать Пушкина на опую, есть слѣдующая: въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года, получилъ онъ, Геккернъ, отъ Пушкина словесный и безпричинный вызовъ на дуель и принялъ его, но спустя нѣкоторое время Пушкинъ безъ всякого съ нимъ объясненія, словесно просилъ нидерландскаго посланника барона де-Геккерна передать подсудимому, что онъ вызовъ свой уничтожаетъ; на это онъ, Геккернъ, не могъ согласиться потому-что принявъ безпричинный вызовъ его на дуель, полагалъ, что честь его

Геккерна, не позволяетъ ему отозваться отъ даннаго Пушкину слова; послѣ сего Пушкинъ, по требованію показателя, выбралъ себѣ секундантомъ виконта д'Аршіака, но Пушкинъ написалъ послѣднему письмо, въ коемъ объяснялъ, что онъ ошибся въ поведеніи его, Геккерна, и что онъ находитъ послѣднее благороднымъ и вовсе неоскорбительнымъ для его чести; что̀ соглашался повторить и словесно. Съ этого дня онъ Геккернъ не имѣлъ съ Пушкинымъ никакихъ сношеній, кромѣ учтивостей; но 26-го января нидерландскій посланникъ получилъ письмо отъ Пушкина, въ которомъ послѣдній говорилъ, что не адресуетъ его показателю единственно потому, что̀ считаетъ его подлецомъ и слишкомъ низкимъ; обо всемъ вышеизъясненномъ, (кромѣ нидерландскаго посланника, получившаго отъ Пушкина письмо, и бывшаго съ его Геккерна стороны секундантомъ виконта д'Аршіака) никто не зналъ; де-Геккернъ прибавилъ, что кто писалъ Пушкину безъименное письмо въ ноябрѣ мѣсяцѣ и послѣ того, ему неизвѣстно; совѣтовъ къ совершенію или отвращенію дуели показатель ни отъ кого не принималъ и о прежнихъ сношеніяхъ Данзаса съ Пушкинымъ, не зналъ, кромѣ того лишь, что видѣлъ Данзаса на мѣстѣ дуели.

Затѣмъ были пріобщены къ дѣлу: А) *два письма*, писанныя *Пушкинымъ* на французскомъ языкѣ: *первое*, отъ 17-го ноября 1836 года виконту д'Аршіаку, въ которомъ онъ отказывался отъ словеснаго вызова, сдѣланнаго имъ де-Геккерну *); *второе*, отъ 26-го января 1837 года, адресованное нидерландскому посланнику де-Геккерну. Въ этомъ письмѣ Пушкинъ, говоря о полученіи какихъ-то безъименныхъ писемъ, называетъ молодаго де-Геккерна «*незаконнорожденнымъ сыномъ* посланника», «подлецомъ и негодяемъ» и присовокупляетъ, что поведеніе самого посланника безчеститъ и унижаетъ его санъ **).

---

*) Это произошло по поводу женитьбы де-Геккерна на свояченицѣ А. С. Пушкина.

**) Вотъ что отвѣтилъ на это нидерландскій посланникъ де-Геккернъ: «м. г. содержаніе вашего письма до того вышло изъ границъ возможнаго, что я отказываюсь отвѣчать на него. Вы, кажется забыли м. г., что вы отступились отъ вызова, который вы адресовали къ барону Егору Геккерну и который имъ былъ принятъ. Г. д'Аршіакъ явится къ вамъ, чтобы съ вами условиться о мѣстѣ, гдѣ встрѣтитесь съ барономъ Егоромъ Геккерномъ, и васъ предупредитъ, что встрѣча сія не терпитъ никакого отла-

Б) *Письмо д'Аршіака отъ 1-го февраля 1837, года адресованное къ князю Вяземскому*, слѣдующаго содержанія: въ $4^1/_2$ часа прибыли мы на мѣсто дуели. Весьма сильный вѣтеръ, бывшій въ то время, принудилъ насъ искать прикрытія въ небольшомъ сосновомъ лѣску. Глубокій снѣгъ мѣшалъ противникамъ, почему мы были вынуждены прорыть тропинку въ 20 шагахъ, на концахъ которой они стали. Когда барьеры были назначены шинелями, и пистолеты взяты каждымъ изъ противниковъ, то подполковникъ Данзасъ далъ сигналъ поднятіемъ шляпы. Пушкинъ въ то же время сталъ у барьера своего. Когда баронъ Геккернъ сдѣлалъ 4 шага изъ 5-ти, которые ему оставались до барьера, оба соперники приготовились стрѣлять. Спустя нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ, и раненый г. Пушкинъ упалъ лицемъ къ землѣ на шинель, которая была вмѣсто барьера, и оставался безъ движенія. Но когда секунданты приблизились, то онъ, до половины приподнявшись, сказалъ: «погодите». Оружіе, которое онъ имѣлъ въ рукѣ, было покрыто снѣгомъ, и потому онъ взялъ другое. Я бы могъ на это сдѣлать возраженіе, *но знакъ барона Геккерна, меня остановилъ*; Пушкинъ, опершись лѣвою рукою въ землю, прицѣлился твердою рукою и выстрѣлилъ, оставаясь неподвижнымъ. Послѣ выстрѣла, баронъ Геккернъ былъ раненъ и также упалъ. Рана г. Пушкина была слишкомъ сильна, чтобы продолжать дѣло—оно было кончено. Снова упавши послѣ выстрѣла, онъ имѣлъ раза два обмороки и нѣсколько минутъ замѣшательство въ мысляхъ, но вскорѣ совершенно пришелъ въ чувства и болѣе ихъ не терялъ. Въ саняхъ, будучи сильно потрясаемъ во время переѣзда болѣе половины версты по самой дурной дорогѣ, онъ мучился, не жалуясь; баронъ Геккернъ съ моимъ пособіемъ дошелъ до своихъ саней, въ которыхъ онъ ждалъ пока совершилась переноска его соперника для того, чтобы я могъ проводить его до Петербурга. — Въ продолженіи всего этого дѣла спокойствіе, хладнокровіе и благородство съ обѣихъ сторонъ были совершенны».

гательства; я съумѣю позднѣе м. г. заставить васъ цѣнить важность сана, которымъ я облеченъ, и который никакіе поступки съ вашей стороны не въ состояніи затмить.—На семъ же письмѣ сдѣлана слѣдующая надпись рукою подсудимаго: «читано мною и одобрено. Баронъ Егоръ Геккернъ».

*

В) *Письмо отъ подполковника Данзаса 6-го февраля къ князю Вяземскому*, въ которомъ изложено слѣдующее: «истина требуетъ, чтобы я не пропустилъ безъ замѣчаній нѣкоторыя невѣрности въ разсказѣ и д'Аршіака. Объяснивъ, что первый выстрѣлъ былъ со стороны г. Геккерна, и что Пушкинъ упалъ раненый, д'Аршіакъ говоритъ: «когда свидѣтели приблизились, то онъ, приподнявшись на мѣстѣ, сказалъ: погодите, и какъ оружіе, которое онъ держалъ въ рукѣ, было покрыто снѣгомъ, то онъ взялъ другое; я могъ бы сдѣлать возраженіе, но знакъ поданный барономъ Егоромъ Геккерномъ мнѣ попрепятствовалъ». Слова Александра Сергѣевича, когда онъ поднялся, опершись лѣвою рукою, были слѣдующія: «погодите, я чувствую еще себя въ силахъ сдѣлать мой выстрѣлъ». Тогда дѣйствительно я подалъ ему пистолетъ въ обмѣнъ того, который былъ у него въ рукѣ, и стволъ котораго набился снѣгомъ при паденіи раненаго; но я не могу оставить безъ возраженія замѣчаніе д'Аршіака, будто-бы онъ имѣлъ право оспаривать обмѣнъ пистолета и былъ удержанъ знакомъ со стороны Геккерна. Обмѣнъ пистолета не могъ дать поводъ во время поединка ни къ какому спору. По условію каждый изъ противниковъ имѣлъ право выстрѣлить, пистолеты были съ пистонами, слѣдовательно осѣчки быть не могло; снѣгъ, забившійся въ дуло пистолета А. С., усилилъ бы только ударъ выстрѣла, а не отвратилъ бы его; *никакого знака* ни со стороны д'Аршіака, ни со стороны Геккерна подано не было. Что до меня касается, я почитаю оскорбительнымъ для памяти Пушкина предположеніе, будто онъ стрѣлялъ въ противника своего съ преимуществами, на которыя не имѣлъ права. Еще разъ повторяю, что никакого сомнѣнія противъ правильности обмѣна пистолета высказано не было; если-бъ оно могло возродиться, то д'Аршіакъ обязанъ бы былъ объявить возраженіе свое, и не останавливаться знакомъ, будто-бы отъ Геккерна поданнымъ; къ тому же сей послѣдній не иначе могъ бы узнать намѣреніе д'Аршіака, какъ тогда, какъ оно было выражено словами; но онъ ихъ не произнесъ; я отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во время поединка Геккерномъ; но рѣшительно опровергаю, чтобы онъ произвольно подвергнулся опасности, которую бы могъ отъ себя устранить. Не отъ него зависѣло укло-

ниться отъ удара своего противника послѣ того, какъ онъ свой нанесъ. Для истины разсказа прибавляю также замѣчаніе на слова д'Аршіака: «оставаясь неподвижнымъ послѣ выстрѣла своего, баронъ Геккернъ былъ раненъ и также упалъ». Противники шли другъ на друга грудью; когда Пушкинъ упалъ, Геккернъ сдѣлалъ движеніе къ нему; послѣ словъ же Пушкина, что онъ хочетъ стрѣлять, онъ возвратился на свое мѣсто, ставъ бокомъ и прикрывъ грудь своею правою рукою. По всѣмъ другимъ обстоятельствамъ я свидѣтельствую истину показаній д'Аршіака.»

Г) *Письмо Пушкина къ д'Аршіаку отъ 27-го января*, слѣдующаго содержанія: «отказываясь отъ всѣхъ переговоровъ чрезъ секундантовъ, приведу своего прямо на назначенное мѣсто. Такъ-какъ вызываетъ меня г. Геккернъ, обиженный, то онъ можетъ выбрать секунданта для меня, если это ему угодно; я уже напередъ его принимаю, хотя бы даже это былъ его егерь. Что же касается до часа и мѣста, я совершенно въ волѣ Геккерна. По нашимъ обычаямъ, у насъ русскихъ этого довольно. Я васъ прошу вѣрить виконтъ, что это мое послѣднее слово, и что мнѣ нечего болѣе отвѣчать по этому дѣлу; я иначе не тронусь, какъ для того только, чтобъ идти на мѣсто.

Подполковникъ *Данзасъ* на допросѣ объяснилъ: что онъ обо всемъ предшествовавшемъ до 27-го января ничего не зналъ, и, бывая рѣдко у Пушкина, отъ него ничего о сношеніяхъ съ барономъ Геккерномъ не слыхалъ. — 27-го января въ часъ пополудни Пушкинъ встрѣтясь съ нимъ, Данзасомъ, на Цѣпномъ мосту, близъ Лѣтняго сада, и остановя его, предложилъ ему быть свидѣтелемъ разговора, который онъ долженъ былъ имѣть съ д'Аршіакомъ. Онъ, Данзасъ не предугадывая никакихъ важныхъ послѣдствій, а тѣмъ менѣе дуели, сѣвши въ сани Пушкина, отправился съ нимъ. Во время пути Пушкинъ разговаривалъ съ нимъ о предметахъ постороннихъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ. По прибытіи къ д'Аршіаку, жившему въ домѣ французскаго посольства, Пушкинъ самъ прочиталъ собственноручную копію съ упомянутаго письма, писаннаго имъ 26-го января къ министру нидерландскаго двора, и только тутъ Данзасъ узналъ, что дѣло шло о дуели и что вызовъ былъ со стороны Геккерна. Затѣмъ Пушкинъ всталъ и сказавъ д'Аршіаку, что онъ предоставляетъ Данзасу, какъ секунданту своему, его-

вориться съ нимъ, изъявилъ желаніе, чтобы дѣло непремѣнно было кончено того же дня. Д'Аршіакъ тутъ же спросилъ его, Данзаса, при Пушкинѣ: согласенъ-ли онъ принять на себя обязанность секунданта; и, онъ Данзасъ, послѣ такого неожиданнаго предложенія со стороны Пушкина, сдѣланнаго при секундантѣ съ противной стороны, не могъ отказаться отъ соучастія, тѣмъ болѣе, что Пушкинъ былъ съ дѣтства его, Данзаса, товарищемъ и пріятелемъ; къ тому же онъ имѣлъ намѣреніе и надежду, хотя весьма слабую, къ примиренію.—Затѣмъ, по отъѣздѣ Пушкина, первый вопросъ его, Данзаса, къ д'Аршіаку былъ: «нѣтъ-ли средствъ окончить дѣло миролюбно»? Но д'Аршіакъ, представитель почитавшаго себя обиженнымъ Геккерна, вызвавшаго Пушкина на дуель, рѣшительно отвѣчалъ, что никакихъ средствъ къ примиренію нѣтъ, и предложилъ ему, Данзасу, постановить слѣдующія условія: «пріѣхать соперникамъ въ началѣ 5-го часа пополудни за комендантскую дачу и стрѣляться тамъ на пистолетахъ. Разстояніе между соперниками назначить двадцать шаговъ, съ тѣмъ чтобы каждый могъ дѣлать 5-ть шаговъ и подойти къ барьеру. Никому не давать преимущества перваго выстрѣла, но чтобы каждый сдѣлалъ по одному выстрѣлу когда угодно на означенныхъ 5-ти шагахъ до барьера, наблюдая, чтобы каждый стрѣлялъ другъ въ друга въ одинаковомъ разстояніи, а въ случаѣ промаховъ съ обѣихъ сторонъ, начать на тѣхъ же условіяхъ». Наконецъ когда къ симъ условіямъ д'Аршіакъ присовокупилъ: «не допускать никакихъ объясненій между противниками», тогда и онъ Данзасъ, согласившись на это, возразилъ, чтобы во избѣжаніе новыхъ какихъ-либо распрей, не дозволить имъ самимъ объясняться; но при всемъ томъ, онъ, Данзасъ, имѣя еще въ виду не упускать случая къ примиренію, предложилъ съ своей стороны, чтобы въ случаѣ малѣйшей возможности, секунданты могли объясняться за нихъ. По окончаніи разговора съ д'Аршіакомъ, онъ, Данзасъ, отправился къ Пушкину, который тотчасъ послалъ за пистолетами, по словамъ его, на сей предметъ уже купленными. Въ исходѣ 4-го часа они, Данзасъ и Пушкинъ, отправились на мѣсто дуели, куда почти въ одно время прибыли съ соперниками, изъ коихъ д'Аршіакъ тотчасъ приступилъ къ измѣренію разстоянія, а засимъ и ему, Данзасу, не оставалось ничего дѣлать, какъ

послѣдовать его примѣру. Баррьеръ означенъ былъ шинелями секундантовъ; потомъ д'Аршіакъ и онъ, Данзасъ, зарядили каждый свою пару пистолетовъ и вручили по одному противникамъ *), которые по знаку его, Данзаса, въ тоже время начали сходиться, и изъ нихъ Геккернъ, не доходя шага до баррьера, выстрѣлилъ и ранилъ Пушкина, который и упалъ у самаго барьера, и хотя они бросились было къ нему на помощь, но Пушкинъ остановилъ Геккерна слѣдующими словами: «подождите, я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы сдѣлать свой выстрѣлъ», и когда Геккернъ сталъ на свое мѣсто правымъ бокомъ впередъ, прикрывши грудь рукою, тогда онъ Данзасъ подалъ Пушкину другой пистолетъ, ибо бывшій у него первый при паденіи его забился снѣгомъ; Пушкинъ опершись лѣвою рукою на снѣгъ выстрѣломъ ранилъ Геккерна въ руку, отчего и сей послѣдній упалъ; Пушкинъ же, бросивши свой пистолетъ въ сторону, сказалъ: «браво!» Видя опасность раны Пушкина, онъ, Данзасъ, съ д'Аршіакомъ обратили на него все вниманіе: посадили его въ сани и довезли до комендантской дачи, разстояніемъ съ полверсты отъ мѣста дуели, а оттуда въ каретѣ онъ Данзасъ, завезши Пушкина на его квартиру, немедленно отправился искать медиковъ. Въ заключеніе Данзасъ присовокупилъ, что при произведенной дуели, кромѣ его Данзаса и д'Аршіака, никого изъ сторонних не было, но сколько ему Данзасу извѣстно, зналъ о ней одинъ только министръ нидерландскаго двора баронъ Геккернъ; въ чемъ же сего послѣдняго состояла прикосновенность, ему Данзасу неизвѣстно, ибо онъ и самъ, какъ уже выше объяснено, въ самый день дуели бывъ неожиданно взятъ Пушкинымъ, ни о какихъ другихъ свидѣтеляхъ и участникахъ не знаетъ, и письменныхъ удостовѣреній представить не можетъ. Пушкинъ, наканунѣ дуели, у графини Разумовской на балѣ предлагалъ г. Мегенсу, находящемуся при англійскомъ посольствѣ, быть секундантомъ съ его стороны, но сей послѣдній отказался; Пушкинъ, какъ показатель полагаетъ, не хотѣлъ вовлечь въ отвѣтственность по собственному дѣлу, никого изъ соотечественниковъ, и только тогда, когда вынужденъ былъ

---

*) Слѣдовательно у противниковъ пистолеты были разные. *Пр. изд.*

къ тому противниками, рѣшился наконецъ требовать отъ него Данзаса, какъ товарища и друга съ дѣтства, самоотверженія *).

Военный генералъ-аудиторіатъ, разрѣшая это дѣло, нашелъ, что подсудимый поручикъ баронъ *Егоръ Геккернъ* виновенъ въ противузаконномъ вызовѣ камеръ-юнкера Александра Пушкина на дуель и въ нанесеніи ему на оной смертельной раны, къ чему было поводомъ то, что Пушкинъ написалъ къ отцу его, Геккерна, министру нидерландскаго двора барону Геккерну—письмо, съ оскорбительными для чести ихъ обоихъ выраженіями. Сверхъ того по дѣлу обнаружено, что еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года, Пушкинъ вызывалъ Егора Геккерна на дуель, и отмѣнилъ вызовъ свой только по случаю женитьбы Геккерна на свояченицѣ его, Пушкина, дѣвицѣ Гончаровой. А потому генералъ-аудиторіатъ, соображаясь съ воинскимъ 139 артикуломъ и свода законовъ тома XV статьею 352, опредѣлилъ: его, Геккерна, за вызовъ на дуель и убійство на оной камеръ-юнкера Пушкина, лишивъ чиновъ и пріобрѣтеннаго имъ россійскаго дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые, съ опредѣленіемъ на службу по назначенію инспекторскаго департамента. Подсудимый *подполковникъ Данзасъ* виновенъ въ противузаконномъ согласіи, по убѣжденію покойнаго Пушкина, быть при дуели со стороны его секундантомъ и въ непринятіи всѣхъ зависящихъ мѣръ къ отвращенію сей дуели. Хотя онъ, Данзасъ, за поступки сіи, на основаніи свода уголовныхъ законовъ, тома

---

*) Замѣчательно, что военная коммисія, разрѣшая это дѣло, ссылалась на дѣйствовавшіе еще въ то время Воинскіе артикулы 1716 г., именно «*арт. 139.* Всѣ вызовы, драки и поединки чрезъ сіе наижесточайше запрещаются такимъ образомъ, чтобъ никто, хотя бы кто онъ ни былъ, высокаго или низкаго чина, прирожденный здѣшній или иноземецъ, хотя другой кто, словами, дѣломъ, знаками или инымъ чѣмъ къ тому побужденъ и раззадоренъ былъ, отнюдь не дерзалъ соперника своего вызывать, ниже на поединокъ съ нимъ на пистолетахъ или на шпагахъ биться.—Кто противъ сего учинитъ, оный всеконечно, какъ вызыватель, такъ кто и выдетъ, имѣетъ быть казненъ, а именно, повѣшенъ, хотя изъ нихъ кто будетъ раненъ или умерщвленъ, или хотя оба не ранены отъ того отойдутъ. И ежели случится, что оба или одинъ изъ нихъ въ такомъ поединкѣ остается, *то ихъ и по смерти за ноги повѣсить.*—*Арт. 140.* Ежели кто съ кѣмъ поссорится и упроситъ секунданта (или посредника), онаго купно съ секундантомъ, ежели пойдутъ и захотятъ на поединкъ биться, такимъ же образомъ, какъ и въ прежнемъ артикулѣ упомянуто, наказать надлежитъ.»

XV-го статьи 354, какъ участникъ совершившагося на дуели убійства, подлежалъ бы лишенію чиновъ, но генералъ-аудиторіатъ усматривая изъ дѣла, что онъ вовлеченъ былъ въ сіе посредничество внезапно, и будучи съ дѣтства другомъ Пушкина, не имѣлъ силъ отказать ему въ принятіи просимаго участія, сверхъ того принимая въ уваженіи немаловременную и усердную его службу и отличную нравственность, засвидѣтельствованную начальствомъ, равно бытность въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ, полученную при штурмѣ крѣпости Браилова рану пулею въ лѣвое плечо на вылетъ съ раздробленіемъ кости и заслуженные имъ храбростію знаки отличія,—достаточнымъ полагалъ: вмѣнивъ ему, Данзасу, въ наказаніе бытность подъ судомъ и арестомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца и послѣ того обратить по прежнему на службу. Преступный же поступокъ самого камеръ-юнкера Пушкина, подлежавшаго равному съ подсудимымъ Геккерномъ наказанію за написаніе дерзкаго письма къ министру нидерландскаго двора и за согласіе принять предложенный ему противузаконный вызовъ на дуель, по случаю его смерти предать забвенію.

Согласно съ симъ заключеніемъ представленъ былъ Государю Императору отъ генералъ-аудиторіата всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «быть по сему, но рядоваго Геккерна, какъ не русскаго подданнаго, выслать съ жандармомъ заграницу, отобравъ офицерскіе патенты».

LVII. Дѣло о дуели между прапорщикомъ Лисикевичемъ и поручикомъ Адамовичемъ.

Штабъ-лекарь 15-й артиллерійской бригады Цингеръ 9-го марта 1863 года донесъ начальству, что того числа въ 4-мъ часу пополудни прапорщикъ батарейной № 6 батареи Калеминъ далъ знать ему, Цингеру, что на только-что оконченной дуели, раненъ пулею въ лѣвую руку прапорщикъ наряжной № 5 батареи *Лисикевича*. Вслѣдствіе сего онъ, Цингеръ, тотчасъ же отправился для поданія медицинскаго пособія Лисикевичу въ квар-

тиру сего послѣдняго, гдѣ во время производства перевязки, узналъ отъ находящагося тамъ-же прапорщика облегченной № 6 батареи Войнаровича, что дуель происходила между Лисикевичемъ и поручикомъ той же батареи *Адамовичемъ*, въ 5-ти верстахъ отъ города Григоріополя (херсонск. губ.), близъ селенія Дороцкаго, и что Адамовичъ, *убитый* на повалъ, остался на мѣстѣ поединка *). Послѣ сего, по окончаніи перевязки, онъ, Цингеръ, взявъ съ собою фельдшера, отправился на указанное ему мѣсто дуели и нашелъ тамъ Адамовича, который бывъ весь облитъ кровью, *стоналъ, ползалъ по землѣ* и отъ сильнаго истеченія крови *уже не могъ произнести ни одного слова.* По поданіи необходимаго медицинскаго пособія Адамовичу, онъ былъ положенъ въ повозку и привезенъ въ бригадный лазаретъ, гдѣ черезъ два часа и умеръ. Независимо отъ сего, тоже 9-го марта прапорщики Лисикевичъ, Войнаровичъ и Калеминъ сами донесли по командѣ, первый о происходившей между нимъ и Адамовичемъ дуели, а послѣдніе двое о томъ, что они участвовали при этой дуели секундантами.

При *судебно-медицинскомъ* осмотрѣ тѣла убитаго Адамовича оказалось: на груди отъ праваго соска въ лѣво на вершокъ рана величиною въ 10 коп. сер., и пуля, какъ обнаружено по вскрытіи груди, пройдя между пятымъ и шестымъ ребрами, засѣла между позвонками, изъ чего свидѣтельствовавшій врачъ заключилъ, что смерть Адамовича произошла отъ огнестрѣльной раны, чрезъ пораженіе нижней доли праваго легкаго, а также вслѣдствіе сильнаго изліянія крови въ грудную полость и обильнаго кровотеченія изъ раны наружу. Рана же прапорщика Лисикевича, нанесенная ему поручикомъ Адамовичемъ, по увѣдомленію лекаря Цингера отъ 27 марта находится въ сомнительномъ состояніи, ибо пуля, раздробя кость, засѣла между мускулами и въ то время не была еще извлечена.

На *допросахъ* при слѣдствіи и въ военномъ судѣ подсудимые показали: 1) прапорщикъ *Лисикевичъ*, что однажды въ февралѣ мѣсяцѣ между нимъ и Адамовичемъ, (съ которымъ онъ жилъ

---

*) Адамовичъ былъ уроженецъ калужской губ. православнаго исповѣданія.

тогда на одной квартирѣ), зашелъ разговоръ о графскомъ достоинствѣ; мнѣніе Адамовича объ этомъ предметѣ было совершенно противоположно его, Лисикевича, вслѣдствіе чего завязался споръ, во время котораго Адамовичъ, выражаясь рѣзко противъ сказаннаго имъ, Лисикевичемъ, употребилъ два оскорбительныя слова, именно: «безсмыслица и ребячество». На это онъ, Лисикевичъ, отвѣтилъ, что заключенія, дѣлаемыя въ такой формѣ о мнѣніи другихъ, умѣстнѣе деньщикамъ, чѣмъ людямъ образованнымъ, и что онъ, Лисикевичъ, первый никому не позволитъ говорить дерзости, и на сдѣланную ему считаетъ долгомъ отвѣчать. За тѣмъ послѣ нѣсколькихъ противорѣчій на это со стороны Адамовича, въ то время вошелъ въ комнату прапорщикъ Конарскій, и онъ, Лисикевичъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, чтобъ прекратить споръ съ Адамовичемъ, вышелъ изъ дому, но когда черезъ нѣсколько часовъ возвратился, то Адамовичъ встрѣтилъ его въ дверяхъ вызовомъ на дуель. Сильно удивленный этимъ, онъ, Лисикевичъ, принялъ вызовъ, но тутъ же замѣтилъ Адамовичу, что онъ, какъ подавшій поводъ къ рѣзкимъ выраженіямъ, сказаннымъ другъ другу, не имѣетъ права на вызовъ; не смотря на это, Адамовичъ предлагалъ стрѣляться тотчасъ же въ комнатѣ на разстояніи 5-ти шаговъ, но Лисикевичъ отклонилъ такое предложеніе, ибо какъ вызванный пользуясь первымъ выстрѣломъ, онъ долженъ былъ сдѣлаться убійцею Адамовича, нисколько не подвергая себя опасности.—Послѣ сего сдѣлано было между ними условіе стрѣляться на разстояніи 15 шаговъ. Къ такому показанію Лисикевичъ еще добавилъ, что отъ времени вызова до дня дуели между имъ и Адамовичемъ, перешедшимъ послѣ на квартиру къ прапорщику Гурову, не существовало никакихъ ни личныхъ, ни письменныхъ сношеній.

2) Прапорщикъ *Войнаровичъ* объяснилъ, что ссора между Лисикевичемъ и Адамовичемъ произошла въ его, Войнаровича, присутствіе; ссора заключалась въ рѣзкомъ высказываніи другъ другу личныхъ убѣжденій. Хотя подробности ссоры онъ, Войнаровичъ, уже забылъ, но помнитъ, что Лисикевичъ на убѣжденіе Адамовича о выгодѣ хлопотать и пріобрѣтать титулы для матеріальныхъ выгодъ, не согласился съ этимъ и назвалъ такое желаніе глупымъ. Это вѣроятно обидѣло Адамовича и онъ считалъ себя вправѣ говорить рѣзко уже не о мнѣніи Лисикевича, а о

немъ самомъ лично. Затѣмъ Лисикевичъ сталъ упрекать Адамовича, что онъ былъ причиною ссоры, но Адамовичъ не соглашался съ этимъ, и сознавая, что диспутъ между развитыми людьми не долженъ оканчиваться такъ грубо, какъ кончился ихъ споръ, вызвалъ Лисикевича на дуель, предлагая стрѣляться тогда же въ комнатѣ на разстояніи 5 шаговъ, и ему, Войнаровичу, быть его секундантомъ. Лисикевичъ, хотя и принялъ вызовъ, но стрѣляться на такомъ разстояніи не согласился; въ это время онъ, Войнаровичъ, старался примирить противниковъ, а Лисикевичъ говорилъ Адамовичу, что онъ не имѣлъ никакого права вызывать его, ибо причина ссоры самая незначительная и что самъ же Адамовичъ былъ ея причиною. Вслѣдъ засимъ онъ, Войнаровичъ, предложилъ спорящимъ отложить дуель на мѣсяцъ, предполагая въ это время принять всѣ мѣры, чтобъ примирить противниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдить Адамовича отказаться отъ сдѣланнаго имъ вызова, но такъ-какъ Адамовичъ, имѣя мрачный взглядъ на жизнь, желалъ смерти и надѣялся посредствомъ дуели съ Лисикевичемъ удовлетворить своему постоянному желанію, то онъ, Войнаровичъ, и не могъ при всѣхъ стараніяхъ отклонить Адамовича отъ дуели. По взаимному условію назначено было обоимъ противникамъ стрѣляться на разстояніи 15 шаговъ, большаго разстоянія не хотѣлъ принять Адамовичъ, а меньшаго — Лисикевичъ. Послѣ выстрѣловъ, сдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ, Адамовичъ упалъ на землю безъ всякихъ признаковъ жизни; не смотря однако на это, онъ, Войнаровичъ, все-таки хотѣлъ везти Адамовича въ городъ, чтобы подать ему помощь, но такъ-какъ на мѣстѣ дуели была маленькая повозка, куда можно была помѣстить только одного раненаго, то онъ, Войнаровичъ, по предложенію прапорщика Калемина, помѣстилъ въ повозку Лисикевича и повезъ его въ городъ, а Калеминъ поскакалъ верхомъ на лошади къ доктору Цингеру. Къ сему Войнаровичъ присовокупилъ, что онъ въ свое время не донесъ начальству о предстоявшей дуели по чувству чести, давъ притомъ Адамовичу слово сохранить все въ тайнѣ.

3) Прапорщикъ *Калемина* показалъ, что онъ лично при ссорѣ Адамовича съ Лисикевичемъ не присутствовалъ, но узналъ объ ней тогда уже, когда Лисикевичъ предложилъ ему участвовать у него секундантомъ при дуели съ Адамовичемъ.—Принявъ это

предложеніе, онъ, Калеминъ, употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы помирить противниковъ и уговорить Адамовича взять вызовъ назадъ, но на всѣ его убѣжденія Адамовичъ отвѣчалъ, что стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ и что ему смерть не страшна. Не смотря на это, онъ, Калеминъ, въ самый день дуели еще разъ убѣждалъ Адамовича окончить ссору миромъ, объясняя, что дуель можетъ надѣлать много зла ему и Лисикевичу; но Адамовичъ на это возразилъ, что за него никто не будетъ отвѣчать, и что если ему, Калемину, такъ дорогъ Лисикевичъ, то онъ можетъ стать на его мѣсто и стрѣлять въ него, Адамовича. Напротивъ того, Лисикевичъ былъ радъ кончить ссору съ Адамовичемъ и говорилъ, что ему стыдно за такія пустяки жертвовать жизнію. Когда же онъ, Калеминъ, придя въ послѣдній разъ къ Адамовичу, сталъ доказывать, что Лисикевичъ ни въ чемъ не виноватъ, то Адамовичъ, вполнѣ согласясь съ этимъ, прибавилъ, что все-таки, если Лисикевичъ откажется отъ дуели, то онъ назоветъ его трусомъ и подлецомъ. Затѣмъ на самомъ уже мѣстѣ дуели, они, Калеминъ и Войнаровичъ старались снова уговорить противниковъ къ миру, но Адамовичъ, бросивъ фуражку, всталъ на барьеръ и тѣмъ прекратилъ всѣ ихъ убѣжденія. При этомъ Калеминъ пояснилъ, что по условію противники должны были стрѣлять другъ въ друга на разстояніи 15 шаговъ, сдѣлавъ по одному выстрѣлу, что пистолеты были гладкоствольные съ круглыми пулями и что для помощи раненымъ у него были взяты съ собою на всякій случай—спиртъ, вода и корпія. Когда послѣ выстрѣловъ Адамовичъ упалъ замертво, и Лисикевичъ былъ раненъ, то онъ, Калеминъ, перевязавъ руку Лисикевичу, посадилъ его въ повозку и отправилъ его съ Войнаровичемъ, а самъ поѣхалъ въ городъ за докторомъ.

Изъ прочихъ лицъ, спрошенныхъ при производствѣ слѣдствія по настоящему дѣлу, отозвались: 1) прапорщикъ *Гуровъ*, что о настоящей причинѣ, побудившей Адамовича съѣхать съ квартиры Лисикевича и помѣститься у него, Гурова, онъ не знаетъ, ибо Адамовичъ на вопросы объ этомъ всегда увѣрялъ, что это произошло отъ самой пустой ссоры его съ Адамовичемъ; живя послѣднее время вмѣстѣ съ Адамовичемъ, онъ, Гуровъ, вполнѣ могъ убѣдиться, что Адамовичъ имѣлъ мрачный взглядъ на жизнь и, постоянно говоря о смерти, былъ крайне раз-

дражителенъ. 2) Казенный деньщикъ поручика Адамовича *Шепелевъ*, вѣстовой при прапорщикѣ Гуровѣ *Мартьяновъ*, деньщикъ прапорщика Лисикевича *Старицкій* (всѣ трое подъ присягою) объяснили, что о ссорѣ между Адамовичемъ и Лисикевичемъ, равно какъ и о дуэли между ними, имъ положительно не было извѣстно, и что Адамовичъ во все время болѣзни своей велъ обыкновенную жизнь и былъ посѣщаемъ обществомъ офицеровъ. Къ этому Шепелевъ и Старицкій прибавили, что Адамовичъ съ тѣхъ поръ, какъ переѣхалъ на квартиру къ прапорщику Гурову, съ Лисикевичемъ вовсе не видѣлся. 3) Штабъ-лекарь *Цингеръ* на сдѣланный ему дополнительный допросъ слѣдственной коммисіи отозвался согласно прежнему своему донесенію, добавивъ только что когда онъ, не смотря на увѣренія прапорщика Войнаровича, что Адамовичъ убитъ наповалъ, объявилъ ему, что онъ все-таки поѣдетъ на мѣсто дуэли для того, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности смерти Адамовича, то Войнаровичъ возразилъ на это: «вамъ не зачѣмъ туда ѣздить, онъ убитъ, а вы лучше доложите сейчасъ о случившемся бригадному командиру и просите его сдѣлать распоряженіе о присылкѣ за Адамовичемъ лазаретной фуры». — Въ справедливости сего лекарь Цингеръ сослался на бывшихъ при перевязкѣ Лисикевича, старшаго фельдшера Полякова и фельдшерскаго ученика Минаева. 4) Сіи послѣдніе, подтверждая подъ присягою показаніе лекаря Цингера, пояснили—Поляковъ, что Войнаровичъ послѣ неоднократныхъ и настойчивыхъ увѣреній, что Адамовичъ убитъ на повалъ, говорилъ доктору Цингеру, что ему поэтому не зачѣмъ ѣздить на мѣсто дуэли, и что когда, не смотря на это, Цингеръ все-таки поѣхалъ туда съ фельдшерскимъ ученикомъ Минаевымъ, то онъ, Поляковъ, по приказанію доктора оставался при Лисикевичѣ;—Минаевъ, что Войнаровичъ убѣждалъ доктора Цингера не ѣздить на мѣсто дуэли, увѣряя, что онъ убитъ, когда же Цингеръ, взявъ съ собою его, Минаева, отправился туда, то они нашли Адамовича еще живымъ, и онъ на вопросъ Цингера сильно стоналъ и болталъ только языкомъ, словъ же его разобрать было уже нельзя.—Равнымъ образомъ фуштадскій рядовой Скиба, возившій Цингера къ мѣсту, гдѣ происходила дуэль, подъ присягою показалъ, что по пріѣздѣ ихъ туда, они нашли Адамовича еще живымъ, лежавшимъ въ крови и ко-

гда докторъ заговорилъ съ нимъ, то онъ хотя оборотился къ нему лицомъ, но говорить уже ничего не могъ.

Противъ этихъ показаній подсудимый *Войнаровича* объяснилъ, что когда Адамовичъ упалъ на землю, не подавая никакихъ признаковъ жизни, то онъ, какъ несвѣдущій въ медицинѣ, полагалъ, что Адамовичъ убитъ, но что не смотря однако на это, онъ самъ предложилъ Цингеру, когда послѣдній перевязывалъ Лисикевичу рану, поѣхать на указанное мѣсто и лично удостовѣриться въ смерти Адамовича. Очной ставки по этому разнорѣчію означеннымъ лицамъ дано *не* было.—5) Знакомые Адамовича: офицеры одной съ нимъ бригады: капитаны *Нингерій и Крестинскій*, штабсъ-капитанъ *Алейникова* и ветеринарный врачъ Головинъ отозвались, что о дуели и ссорѣ Адамовича съ Лисикевичемъ имъ не было извѣстно; трое же послѣднихъ сверхъ того еще присовокупили, что хотя во время болѣзни Адамовича они не замѣчали особыхъ перемѣнъ въ его характерѣ, однако могли убѣдиться, что онъ постоянно выражая мрачный взглядъ на жизнь, не видѣлъ въ ней никакой цѣли и часто высказывалъ, что смерть не только не страшна ему, но что напротивъ онъ съ радостію ее встрѣтитъ. Это показаніе послѣдніе двое подтвердили подъ присягою.

Въ квартирѣ Адамовича въ числѣ лекарствъ, которыми онъ пользовался отъ болѣзни (онъ страдалъ *бугорчатою чахоткою*), найдены: шафраннаго цвѣта безъ сигнатурки опійная тинктура, которая, по свидѣтельству врача, какъ сильно дѣйствующее и наркотическое средство, въ медицинѣ употребляется рѣдко и то въ малыхъ дозахъ. Равнымъ образомъ отыскань и порошокъ съ мышьякомъ, завернутый въ бумажку, на которой рукою Адамовича написано: «лекарство отъ грусти».—Сверхъ того въ бумагахъ поручика Адамовича найденъ написанный его рукою листъ бумаги, въ которомъ онъ, поручая Войнаровичу заплатить его, Адамовича, долги, между прочимъ говоритъ слѣдующее: 1) «желаю, чтобы меня похоронили тамъ — гдѣ найдутъ, и въ томъ платьѣ—въ какомъ найдутъ. Если Войнаровичъ захочетъ, то можетъ взять скелетъ мой въ полное владѣніе. Это на случай тотъ, когда меня не отдадутъ собакамъ. Увѣряю всѣхъ, что я застрѣлился въ полномъ сознаніи, а что разсудокъ мой былъ въ нормальномъ положеніи въ томъ вѣроятно не откажутся

засвидѣтельствовать всѣ знавшіе меня. Такъ-какъ причина смерти моей извѣстна, то слѣдствіе и вскрытіе тѣла совершенно напрасны. При первомъ сознаніи (разсудка) всего окружающаго, мнѣ уже хотѣлось застрѣлиться, и теперь только привожу въ исполненіе. Желая принести кому-нибудь пользу, прошу тѣло мое отдать на съѣденіе собакамъ. Что дѣйствительно это я писалъ, въ томъ свидѣтельствую подписомъ своимъ и приложеніемъ именной печати. Владиміръ Адамовичъ».

Сообразивъ изложенныя обстоятельства, военный генералъ-аудиторіатъ нашелъ виновными: Лисикевича въ убійствѣ на дуели поручика Адамовича, а Войнаровича и Калемина въ бытности при этой дуели секундантами, въ недонесеніи объ оной своевременно по начальству и въ особенности въ оставленіи Адамовича на мѣстѣ поединка безъ всякой помощи. А посему и на основаніи воен. угол. уст. кн. 1 ст. 385 и 403 и улож. о нак. угол. и испр. ст. 2004, военный аудиторіатъ полагалъ: Лисикевича, Войнаровича и Калемина, по лишеніи чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ: перваго на двѣнадцать, а двухъ послѣднихъ на десять лѣтъ. Опредѣливъ подсудимымъ мѣру наказанія по закону, генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь неоднократными примѣрами, въ которыхъ при подобныхъ случаяхъ строгость законовъ была смягчаема, и принимая во вниманіе молодость лѣтъ подсудимыхъ и то, что вызовъ на поединокъ былъ сдѣланъ убитымъ поручикомъ Адамовичемъ, который, не смотря на всѣ увѣщанія посредниковъ, оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи, призналъ возможнымъ повергнуть участь подсудимыхъ Монаршему милосердію, но притомъ не могъ не замѣтить, что при существованіи означенныхъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, подсудимые по настоящему дѣлу, а въ особенности секунданты, не заслуживаютъ снисхожденія въ той степени, въ какой по бывшимъ примѣрамъ неоднократно было смягчаемо наказаніе виновнымъ въ убійствѣ на поединкахъ или ихъ сообщникамъ, такъ-какъ со стороны ихъ не только не было принято никакихъ мѣръ предосторожности для поданія немедленной помощи раненому Адамовичу, но они бросили послѣдняго на мѣстѣ поединка, не распорядясь объ оказаніи ему медицинскаго пособія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ убитъ, между-тѣмъ какъ онъ былъ най-

день еще живымъ, спустя довольно продолжительное время, и бывъ привезенъ въ госпиталь, умеръ уже тамъ по истеченіи двухъ часовъ, причемъ смерть его, по заключенію медика, послѣдовала между прочимъ отъ значительнаго истеченія крови. По симъ соображеніямъ генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: подсудимыхъ Лисикевича, Войнаровича и Калемина по лишеніи дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые съ назначеніемъ на службу по распоряженію инспекторскаго департамента и съ преданіемъ церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства.—Заключеніе это Высочайше утверждено 1 октября 1863 г. и приведено въ исполненіе.

Настоящее дѣло выставляетъ въ самомъ возмутительномъ свѣтѣ личность убитаго, поручика Адамовича. Страдая бугорчатою чахоткою, имѣя отвращеніе къ жизни, помышляя о самоубійствѣ, что̀ видно изъ циническаго письма, оставленнаго имъ и найденныхъ у него вредныхъ веществъ (мышьяка и опійной тинктуры), онъ изъ-за пустяковъ вызвалъ на дуель Лисикевича, (съ которымъ жилъ до того на одной квартирѣ), лишь для того, чтобы имѣть средство избавиться отъ жизни, не прибѣгая къ самоубійству, на которое, можетъ быть, у него не хватало рѣшимости. Но при этомъ онъ, во-первыхъ совершенно безвинно подвергалъ опасности жизнь своего противника, котораго имѣлъ намѣреніе убить, потому-что стрѣлялъ не въ сторону, а въ него и нанесъ ему рану; во-вторыхъ загубилъ трехъ людей, именно своего противника и двухъ секундантовъ. Вотъ почему мы, отступая отъ поговорки: de mortibus nil nisi bene, не можемъ не заклеймить низкій поступокъ Адамовича тѣмъ презрѣніемъ, котораго онъ заслуживаетъ, и выразить надежду, что онъ не безвозвратно погубилъ тѣхъ, которыхъ Адамовичъ, можно сказать, противъ ихъ воли вовлекъ къ участію въ поединкѣ, угрожая называть своего противника, въ случаѣ отказа отъ дуели, подлецомъ. Молодость же лѣтъ подсудимыхъ (Войнаровичу и Лисикевичу было по 22 года, а Калемину 24 года), при томъ нерасположеніи, которое они должны были имѣть къ Адамовичу, можетъ

до извѣстной степени служить объясненіемъ ихъ неосторожнаго поступка, состоящаго въ томъ, что они, считая Адамовича убитымъ, не позаботились сами привезти его тѣло, а ограничились лишь увѣдомленіемъ штабъ-лекаря о его смерти.

LVIII. Дѣло о поединкѣ, бывшемъ между отставнымъ штабсъ-капитаномъ Дидрихомъ фонъ-Бреверномъ и бароном Ѳедоромъ Унгернъ-Штернбергомъ.

8-го сентября 1847 года отставной гвардіи штабсъ-капитанъ Дидрихъ фонъ-Бревернъ, дворянинъ Оскаръ фонъ-Левизъ-Офъ-Менаръ и баронъ Густавъ Унгернъ-Штернбергъ объявили эстляндскому губернскому предводителю дворянства, для доведенія до свѣдѣнія начальства, о происшедшемъ утромъ того числа между Бреверномъ и барономъ Ѳедоромъ Унгернъ-Штернбергомъ поединкѣ, свидѣтелями котораго были Левизъ и баронъ Густавъ Унгернъ-Штернбергъ. На поединкѣ этомъ Бревернъ былъ раненъ въ ляшку правой ноги пулею на вылетъ, а баронъ Ѳедоръ Унгернъ-Штернбергъ получилъ рану въ лицо и черезъ четыре часа послѣ того умеръ.—При осмотрѣ мѣста происшествія ревельскимъ полиціймейстеромъ, которому управою благочинія было поручено произвести слѣдствіе, оказалось, что Бревернъ и Унгернъ-Штернбергъ стрѣлялись на разстояніи 12-ти шаговъ въ рощѣ, недалеко отъ сахарной фабрики, близъ Ревеля. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ Бревернъ, осталось на травѣ нѣсколько слѣдовъ крови, а мѣсто, которое занималъ Унгернъ-Штернбергъ, было покрыто запекшеюся кровью въ большомъ количествѣ. Уѣздный врачъ Мейстеръ, дѣлавшій осмотръ мертваго тѣла барона Ѳедора Унгернъ-Штернберга, мнѣніемъ, утвержденнымъ врачебною управою, заключилъ, что Унгернъ-Штернбергъ умеръ отъ паралича мозга, сердца и легкихъ, послѣдовавшаго отъ раны пулею въ верхнюю лѣвую челюсть, съ совершеннымъ разрывомъ всѣхъ мягкихъ частей, покрывающихъ кости носовой полости.—Докторъ Эрнбушъ, находившійся при баронѣ Унгернъ-Штернбергѣ въ продолженіи тѣхъ 4-хъ часовъ, которые онъ жилъ еще послѣ нанесенія ему раны, объяснилъ, что въ тече-

ніи всего этого времени Унгернъ-Штернбергъ былъ въ состояніи оглушенія и полубезпамятства, приходя только изрѣдка въ чувство, причемъ съ трудомъ произносилъ нѣсколько словъ.

Изъ показаній спрошенныхъ при слѣдствіи и судѣ подсудимыхъ и другихъ лицъ обнаружено: на бывшихъ въ Ревелѣ предъ происшествіемъ, составляющимъ предметъ настоящаго дѣла, дворянскихъ выборахъ или ландтагѣ, образовались двѣ партіи, изъ которыхъ къ одной принадлежалъ баронъ Ѳедоръ Унгернъ-Штернбергъ, а къ другой фонъ-Бревернъ. 5-го сентября былъ въ ревельскомъ дворянскомъ клубѣ общій обѣдъ, предъ окончаніемъ котораго кто-то изъ сидѣвшихъ за однимъ съ бароном Ѳедоромъ Унгернъ-Штернбергомъ столомъ предложилъ тостъ за *политическихъ соперниковъ*, на что Унгернъ-Штернбергъ возразилъ, что «*это слишкомъ много для нихъ чести*». Бревернъ, услышавши эти слова и полагая, что подъ выраженіемъ политическихъ соперниковъ Унгернъ-Штернбергъ и его друзья разумѣли тѣхъ лицъ, которые, въ томъ числѣ и онъ, не принадлежали къ ихъ партіи, счелъ своею обязанностію спросить Унгернъ-Штернберга, кого они называютъ своими соперниками, на что сей послѣдній отвѣчалъ, что это касается до сидящихъ за столомъ и что они не имѣютъ надобности давать въ томъ отчета. Послѣ этого отвѣта Бревернъ вышелъ изъ залы, говоря что-то, какъ объяснилъ братъ барона Ѳедора Унгернъ-Штернберга Густавъ, но такъ тихо, что никто не могъ понять, однако это раздражило брата его до того, что съ трудомъ могли удержать его отъ требованія у Бреверна объясненія на счетъ *его поведенія*.—Съ *своей стороны* Бревернъ, *считая себя оскорбленнымъ*, отправился къ своему другу фонъ-Левизу посовѣтоваться, какъ поступить въ этомъ случаѣ, и они рѣшили, не придавая этому дѣлу большой важности и оффиціальнаго характера, покончить его вѣжливымъ объясненіемъ Бреверна съ Унгернъ-Штернбергомъ при первомъ свиданіи.—Въ тотъ же день вечеромъ, встрѣтившись въ клубѣ съ Унгернъ-Штернбергомъ, Бревернъ отозвалъ его въ сторону и учтиво выразилъ ему надежду, что отзывъ его за обѣдомъ о политическихъ соперникахъ не относится къ нему, Бреверну.—Унгернъ-Штернбергъ, какъ показалъ Бревернъ, началъ объясняться съ нимъ вѣжливо, но вдругъ прервалъ разговоръ, сказавши громко и рѣзко: «*прим-*

майте мои слова, какъ вамъ хочется, вы знаете, гдѣ найти меня» и повернулся къ нему спиною.—Изъ членовъ клуба, бывшихъ въ это время въ залѣ, подъ присягою показали: помѣщикъ *фонъ-Боговутъ*, что онъ слышалъ, какъ Унгернъ произнесъ громко «*принимайте себѣ это, какъ хотите*». — Баронъ *фонъ-деръ Паленъ* и *Гуго-фонъ-Мореншильдъ*, что они разговора Бреверна съ Унгерномъ не слыхали, но имъ показалось страннымъ, что Унгернъ напослѣдокъ говорилъ нѣсколько громче; къ сему Мореншильдъ присовокупилъ, что послѣ означеннаго разговора, Унгернъ подойдя къ столу сказалъ: «*я Бреверна порядочно отдѣлалъ*». Штабсъ-капитанъ *Григорій фонъ-Бревернъ*, что онъ еще въ комнатѣ передъ залою слышалъ голосъ Унгерна, говорившаго: «*какое вы имѣете право требовать отъ меня объясненіе*» и сколько ему помнится: «*принимайте слова мои, какъ вамъ хочется, вы знаете, гдѣ найти меня*». При входѣ его въ залу Бревернъ и баронъ Унгернъ отошли отъ окна, у котораго разговаривали, и послѣдній, подойдя къ нему, просилъ его быть секундантомъ, но онъ, какъ родственникъ Дидриха Бреверна, отъ сего отказался, совѣтуя Унгерну кончить дѣло миролюбивымъ образомъ, такъ-какъ, по его мнѣнію, Бревернъ былъ правъ и обиженъ, но баронъ отказался. На другой день Унгернъ предъ нимъ и Мореншильдомъ изъявлялъ удивленіе, что не былъ еще вызванъ Бреверномъ на поединокъ. *Мореншильдъ* это подтвердилъ.—Баронъ *Густавъ Унгернъ-Штернбергъ* объяснилъ, что братъ его Ѳедоръ, возвратившись изъ клуба, разсказывалъ, что онъ имѣлъ объясненіе съ Бреверномъ и отвѣчалъ ему, что предложенный тостъ не касается лично его, но что впрочемъ онъ можетъ отнести это и къ себѣ, если хочетъ, и что такъ отвѣчать онъ былъ принужденъ неприличнымъ поступкомъ Бреверна, требовавшаго отъ него объясненія при многихъ лицахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ братъ сообщилъ ему, что Бревернъ пришлетъ ему завтра вызовъ на дуель и просилъ его быть секундантомъ.—Далѣе изъ произведеннаго слѣдствія видно: на другой день послѣ упомянутаго происшествія въ клубѣ, Бревернъ, считая себя еще болѣе оскорбленнымъ и не видя возможности возобновить личныя объясненія съ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ, просилъ Оскара Левиза склонить Унгерна дать удовлетворительное объясненіе; въ случаѣ же несог-

ласія его, сдѣлать ему вызовъ на поединокъ. Левизъ 7-го сентября прищелъ къ барону Унгернъ-Штернбергу и какъ только что сказалъ ему, что желаетъ переговорить съ нимъ по порученію Бреверна, то Унгернъ, прервавши его, просилъ обратиться къ брату его Густаву, который будетъ его секундантомъ. Такимъ образомъ была пресѣчена Левизу всякая попытка къ посредничеству и онъ объявилъ барону Ѳедору Унгерну вызовъ Бреверна на поединокъ, объ условіяхъ котораго имѣлъ потомъ разговоръ съ Густавомъ Унгерномъ, причемъ они согласились побывать вечеромъ въ клубѣ и, если возможно, кончить дѣло миролюбно, но при свиданіи мнѣнія ихъ были столь разногласны, что они ни въ чемъ не могли сойтись и обратились къ условіямъ поединка. Левизъ предлагалъ, чтобы противники стрѣляли на разстояніи 12 шаговъ единовременно, какъ скоро секунданты досчитаютъ до числа трехъ, а баронъ Унгернъ, согласно съ желаніемъ брата его, дѣлалъ предложеніе, чтобы на означенномъ же разстояніи оба стрѣляли тогда, когда секунданты скажутъ: «*минута наступила*» и чтобы послѣ перваго выстрѣла съ обѣихъ сторонъ каждому предоставлено было право требовать втораго выстрѣла. Эти послѣднія условія были приняты Левизомъ, какъ секундантомъ сдѣлавшаго вызовъ на поединокъ. На другой день, 8-го сентября, отправляясь на поединокъ, баронъ Ѳедоръ Унгернъ-Штернбергъ, искусный стрѣлокъ, сказалъ брату своему, какъ показалъ сей послѣдній, что легко ранитъ Бреверна въ ляшку, а Бревернъ объявилъ, что онъ не имѣлъ намѣренія стрѣлять въ Унгерна, что̀ подтвердилъ и Левизъ. Прибывъ на мѣсто поединка съ приглашенными двумя докторами, Морицомъ и Эрибушемъ, секунданты убѣждали Бреверна и Унгерна окончить дѣло миролюбно, но какъ они оба молчали, то секунданты назначили имъ мѣста, не усмотрѣвъ неровности избранной мѣстности, такъ-что Бревернъ сталъ на косой плоскости, около 2-хъ футовъ выше Унгернъ-Штернберга, братъ котораго зарядилъ привезенные имъ два пистолета и роздалъ ихъ соперникамъ. Потомъ когда Густавъ Унгернъ смотря на часы, сказалъ: *минута наступила*, Ѳедоръ Унгернъ-Штернбергъ выстрѣлилъ первый и ранилъ Бреверна въ ляшку правой ноги, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ Бреверна и пуля попала Унгерну въ голову.

При судѣ, равно какъ и при слѣдствіи, Бревернъ объяснялъ, что не имѣя намѣренія стрѣлять въ Унгерна, онъ держалъ пистолетъ такъ, что пуля должна была пролетѣть надъ головою соперника; но отъ полученной раны въ правую ногу, которая была выдвинута впередъ, онъ какъ бы отъ удара палкою сзади, невольно наклонился впередъ и въ тоже время отъ сотрясенія руки спустился бывшій у пистолета чрезвычайно слабый курокъ, такъ что выстрѣлъ, получившій такое несчастное направленіе, былъ совершенно нечаянный. — Это объясненіе Бреверна подтвердили Левизъ и докторъ Морицъ, послѣдній подъ присягою, причемъ Морицъ засвидѣтельствовалъ, что нанесеніе Бреверну раны пулею на вылетъ, произведя сотрясеніе, непремѣнно должно было наклонить впередъ тѣло Бреверна, отчего вѣроятно пистолетъ его немного опустился и пуля попала въ голову Унгерна. — Баронъ Густавъ Унгернъ-Штернбергъ показалъ, что смотря на часы, онъ не могъ замѣтить направленіе пистолетовъ стрѣлявшихся. Сверхъ вышеизложеннаго, докторъ Морицъ объяснилъ еще, что онъ не слышалъ, какимъ образомъ секунданты совѣщались примирить противниковъ, но видѣлъ, что они что-то говорили.—Докторъ Эрнбушъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ поединокъ, спрошенъ не былъ.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ эстляндскомъ обер-ландгерихтѣ и въ правительствующемъ сенатѣ (во второмъ отдѣленіи 5-го департамента и въ общемъ собраніи 4, 5 и межеваго, департаментовъ) было возбуждено сомнѣніе въ примѣненіи къ сему дѣлу 1976-й (нынѣ 2054-я) статьи уложенія о нак. угол. и исправ. Сомнѣніе это заключалось въ томъ: какому наказанію долженъ подвергаться подсудимый, *сдѣлавшій вызовъ на поединокъ*, коего послѣдствіемъ были смерть или нанесеніе увѣчья или тяжкой раны, *если обида, давшая повода къ оному, нанесена не имъ* (*Бреверномъ*), *а противникомъ имъ вызваннымъ* (Унгернъ-Штернбергъ).

Въ общемъ собраніи сената послѣдовали по сему предмету разныя мнѣнія. Одни сенаторы полагали, что къ настоящему дѣлу должна быть примѣнена 1-я часть 1976-й ст. уложенія, а другіе, что 2-я часть этой статьи. Сверхъ того было заявлено 3-мя сенаторами еще слѣдующее мнѣніе: произнесенныя барономъ Унгернъ-Штернбергомъ слова: *«это слишкомъ много чести для*

нашихъ соперниковъ», по содержанію своему и безъ наименованія лицъ сами по себѣ унизительныя, произнесены съ явнымъ желаніемъ нанесть обиду тѣмъ, до кого они касались; обида эта увеличивалась причиненіемъ оной въ публичномъ мѣстѣ, при собраніи членовъ клуба. Бревернъ, считая себя въ числѣ тѣхъ лицъ, коимъ нанесена обида, вправѣ былъ требовать объясненія отъ барона, а этотъ былъ обязанъ удовлетворить его, особенно, если не причислялъ его къ противникамъ своимъ, и когда никто изъ сторонихъ лицъ не свидѣтельствуетъ, чтобы требованіе Бреверна сопровождалось какимъ либо оскорбленіемъ. Баронъ Унгернъ-Штернбергъ, не давъ Бреверну объясненія, тѣмъ самымъ утвердилъ его въ той мысли, что оскорбительныя слова относились къ нему; сказавъ при вторичномъ объясненіи, что тѣ слова можетъ принять какъ хочетъ и сопровождая это объясненіе грубымъ и неприличнымъ обращеніемъ, онъ увеличилъ оскорбленіе, и самъ даже говорилъ, что отдѣлалъ Бреверна и ожидаетъ отъ него вызова. Предложеніе барона Унгернъ-Штернберга одному изъ членовъ собранія быть секундантомъ его, и потомъ изъявленное имъ въ клубѣ удивленіе, что еще не вызванъ Бреверномъ на поединокъ, ясно доказываютъ, что онъ будучи чуждъ примиренія, желалъ окончить дѣло это поединкомъ и вынуждалъ Бреверна сдѣлать ему вызовъ. Это подтверждается и тѣмъ, что онъ даже не дозволилъ секунданту Бреверна Левизу объяснить вторичное предложеніе о примиреніи. Въ условіяхъ поединка не было предполагаемо непремѣннаго нанесенія тяжкой или смертельной раны, и показаніе Бреверна и секунданта его, что онъ не желалъ нанести Унгернъ-Штернбергу ни малѣйшаго вреда, не только никѣмъ не опровергается, но подтверждается свидѣтельствомъ доктора Морица. Сей послѣдній удостовѣрилъ, что пистолетъ Бреверна имѣлъ направленіе надъ головою Унгерна. Кромѣ того изъ дѣла видно, что Бреверъ стоялъ на мѣстности болѣе возвышенной, чѣмъ противникъ его; когда онъ былъ раненъ въ ляшку пулею на вылетъ, то получилъ сотрясеніе въ тѣлѣ, имѣвшее послѣдствіемъ невольный выстрѣлъ и случайное его направленіе, нанесшее барону Унгерну смертельную рану. Слѣдовательно совершившееся отъ сего выстрѣла смертоубійство есть случайное, не подходящее подъ силу 2054 изд. 1857 г. ст. улож., объемлющей токмо дѣй-

ствія, произшедшія при свободной волѣ и безъ всякаго внѣшняго вліянія. На основаніи 105 ст. уложенія зло, послѣдовавшее случайно, не вмѣняется въ вину содѣявшему, который подвергается наказанію только за то дѣяніе, отъ котораго послѣдовало зло, если дѣяніе это само по себѣ противузаконно. Въ настоящемъ дѣлѣ доказано, что Бревернъ сдѣлалъ Унгерну, хотя и вынужденно, вызовъ на поединокъ, сопровождавшійся, независимо отъ изъясненнаго случая нанесеніемъ ему Бреверну легкой раны. По силѣ 2056 ст. улож. виновные въ поединкѣ, съ нанесеніемъ легкой раны, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости: тотъ, которымъ нанесена обида, давшая поводъ къ поединку, или буде сего съ достовѣрностію узнать нельзя, тотъ кѣмъ сдѣланъ вызовъ, на время отъ одного года до двухъ лѣтъ, а другой на время отъ 3 до 6 мѣсяцевъ. Затѣмъ, изъ дѣла положительно оказывается, что обида нанесена Унгерномъ, а вызовъ сдѣланъ Бреверномъ и что секунданты Левизъ Офъ-Менаръ и братъ Унгерна не употребили всѣхъ возможныхъ средствъ къ примиренію и способовъ къ предупрежденію послѣдствій вызова. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не принять во вниманіе, что смерть Унгерна, какъ случайная, не увеличиваетъ вины ихъ, которая подходя подъ силу 2 части 2506 ст., уменшается также какъ и виновность Бреверна, явкою всѣхъ ихъ съ повинною къ правительству (1 пункт. 146 ст.) и въ семъ случаѣ тягчайшее наказаніе можетъ быть замѣнено другимъ легчайшимъ (163 ст.) По всѣмъ этимъ уваженіямъ и на основаніи ст. 2019 сенаторы полагали: Бреверна, не подвергая обвиненію въ смерти Унгерна, за вызовъ на поединокъ, сопровождавшійся нанесеніемъ легкой раны, выдержать въ крѣпости 6 мѣсяцевъ; а секундантовъ Левиза Офъ-Менара и барона Густава Унгернъ-Штернберга выдержать, вмѣсто тюрьмы, при полиціи 2 мѣсяца.

Министръ Юстиціи, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату изъяснилъ: поводомъ къ поединку, происшедшему между отставнымъ штабсъ-капитаномъ Дидрихомъ фонъ-Бреверномъ и барономъ Ѳедоромъ Унгернъ-Штернбергомъ была обида, нанесенная первому послѣднимъ, сказавшимъ на обѣдѣ въ дворянскомъ клубѣ, что пить за здоровье противниковъ слишкомъ много для нихъ чести. Слова эти представляли смыслъ оскорбительный, который могъ быть устраненъ токмо положи-

тельнымъ объясненіемъ, на что Унгернъ согласія не изъявилъ, а подсудимый Бревернъ, какъ самъ въ томъ чистосердечно сознался, вызвавши барона Унгерна за таковое упорство на поединокъ, нанесъ ему смертную рану, отъ которой онъ черезъ четыре часа умеръ. Посему Министръ Юстиціи находилъ что Бревернъ подлежитъ дѣйствію первой части 1976 (нынѣ 2054-й) ст. улож. о нак. угол. и исправ., подвергающей убившаго противника своего, если онъ же и вызвалъ его на поединокъ, заключенію въ крѣпости на время отъ шести до десяти лѣтъ, ибо только въ томъ случаѣ, когда убившій противника своего не былъ причиною поединка и не вызывалъ его на поединокъ, къ нему примѣняется вторая часть. По соображеніи же сего наказанія съ принесенными Бреверномъ при слѣдствіи и на судѣ оправданіями, заключающимися преимущественно въ объясненіяхъ о неумышленности выстрѣла и неожиданности его послѣдствій, и съ обстоятельствомъ вину его уменьшающимъ, (каковымъ по дѣлу представляется только чистосердечное сознаніе его, ибо явка съ повинною особенной важности не имѣетъ, такъ-какъ преступленіе не могло оставаться въ безгласности и она даже была необходимою, дабы отклонить всякій поводъ къ сомнѣнію въ нарушеніи правилъ поединка), Министръ Юстиціи полагалъ: 1) признавъ оправданія Бреверна незаслуживающими уваженія, потому что они не подкрѣплены никакими доказательствами, осудить его, Бреверна, къ заключенію въ крѣпости на восемь лѣтъ; 2) секундантовъ Левиза Офъ-Менара и барона Густава Унгернъ-Штернберга, которые не доказали того, чтобы они предъ поединкомъ или при ономъ употребили всѣ возможныя средства убѣжденія для предупрежденія или прекращенія онаго, по силѣ 1980 (нынѣ 2058-й) ст. уложенія, подвергающей виновныхъ въ семъ—заключенію въ крѣпости на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, подвергнуть, по неимѣнію въ виду обстоятельствъ, вину ихъ уменьшающихъ, заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

По выслушаніи сего предложенія, въ общемъ сената собраніи не составилось узаконеннаго большинства сенаторовъ, согласившихся съ предложеніемъ, вслѣдствіе чего это дѣло было внесено въ государственный совѣтъ.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ

гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, остановился на главномъ возникшемъ изъ обстоятельствъ сего дѣла вопросѣ: какому наказанію, на основоніи 1976 ст. уложенія о наказаніяхъ, долженъ подвергаться за поединокъ, коего послѣдствіемъ будетъ смерть или нанесеніе увѣчья или тяжкой раны, тотъ, кто не былъ причиною поединка, но кѣмъ однакоже сдѣланъ былъ вызовъ убитаго или раненаго противника? Главнѣйшею мыслію въ постановленіи наказаній за поединки въ уложеніи было, чтобы при опредѣленіи мѣры оныхъ различать тѣхъ, которые дали поводъ къ поединку, отъ тѣхъ которые считали себя въ необходимости слѣдовать обычаю или предразсудку, почти общему и тѣсно связанному съ понятіемъ о чести. Разбирая въ семъ смыслѣ заключающіяся въ статьѣ 1976 постановленія, опредѣляющія степень виновности того, кто убьетъ на поединкѣ своего противника или нанесетъ ему увѣчья или тяжкія раны, государственный совѣтъ усмотрѣлъ, что въ первой части приводимой статьи указано, чѣмъ именно увеличивается вина, то есть: тѣмъ, когда обида давшая поводъ къ поединку, сдѣлана убійцею или нанесшимъ увѣчья или тяжкія раны, или же въ случаѣ, если невозможно узнать достовѣрно, онъ ли нанесъ обиду, когда вызовъ на поединокъ сдѣланъ имъ; во второй же части упомянутой статьи говорится, что вина почитается меньшею, когда неубійца или нанесшій увѣчья или тяжкія раны былъ причиною поединка и когда (разумѣется, если о нанесеніи обиды узнать съ достовѣрностію нельзя) вызовъ на поединокъ сдѣланъ не имъ, а убитымъ или подвергшимся увѣчью или тяжкой ранѣ противникомъ. Изъ сего явствуетъ само собою, что оба условія первой части статьи 1976, не могутъ быть примѣнены къ изложенному выше вопросу; первое же напротивъ того условіе второй части относится прямо къ такому случаю, когда вызовъ на поединокъ былъ сдѣланъ убившимъ или причинившимъ увѣчье, но притомъ достовѣрно извѣстно, что причиною поединка былъ убитый или раненый.—Обратясь засимъ къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла о поединкѣ между Бреверномъ и Унгернъ-Штернбергомъ, государственный совѣтъ нашелъ, что баронъ Унгернъ-Штернбергъ въ дворянскомъ клубѣ, при многочисленномъ собраніи членовъ, громко сдѣлалъ обидный отзывъ на счетъ тѣхъ, коихъ

мнѣніе раздѣлялъ Бревернъ на ландтагѣ, и когда Бревернъ спросилъ, кого онъ подъ тѣмъ разумѣлъ, то онъ не только уклонился отъ прямаго отвѣта, но, по показанію брата его, послѣ нѣсколькихъ словъ Бреверна, произнесенныхъ столь тихо, что никто и самъ Унгернъ-Штернбергъ ихъ не разслышалъ, пришелъ въ раздраженіе и его съ трудомъ могли удержать отъ требованія тутъ же объясненія отъ Бреверна. Вечеромъ того же дня Бревернъ самъ обратился къ барону Унгернъ-Штернбергу съ объясненіемъ, которое не могло имѣть иной цѣли, какъ прекращеніе ссоры; но сей послѣдній, не смотря на то, что Бревернъ отвелъ его въ сторону для разговора, громко отвѣчалъ ему: «*принимайте себѣ это, какъ хотите*, и потомъ подойдя къ своимъ знакомымъ, сказалъ: *я Бреверна порядочно отдѣлалъ*, а на другой день изъявилъ предъ ними удивленіе свое, что Бревернъ еще не вызывалъ его на поединокъ. Послѣ сего нельзя не признать, что причиною поединка былъ Унгернъ-Штернбергъ, а не Бревернъ. Касательно же послѣдствій поединка нужно принять на видъ присяжное показаніе доктора Морица, что Бревернъ стоялъ на покатой плоскости, выше соперника своего около 2-хъ футовъ, выдвинувъ впередъ правую ногу, въ которую и попала пуля соперника, и направленіе пистолета Бреверна было такое, что пуля должна была пролетѣть надъ головою барона Унгернъ-Штернберга, но вѣроятно послѣ полученнаго Бреверномъ удара, пистолетъ его отъ наклоненія тѣла впередъ немного опустился и отъ того пуля попала въ голову Унгерна. Всѣ сіи обстоятельства убѣждаютъ, что не только Бревернъ долженъ быть приговоренъ къ наказанію по силѣ второй части упомянутой выше 1976 статьи, т. е. къ заключенію въ крѣпости отъ 3 до 6 лѣтъ, но что и самое сіе заключеніе можетъ и должно быть назначено ему въ высшемъ изъ опредѣленнаго закономъ размѣръ. Переходя наконецъ къ обсужденію степени отвѣтственности секундантовъ, государственный совѣтъ, согласно съ министромъ юстиціи и сенаторами, принявшими его предложеніе, призналъ, что недоказано, были ли употреблены ими предъ поединкомъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства убѣжденія для предупрежденія онаго. Докторъ Морицъ подъ присягою показалъ, что они предъ поединкомъ что-то говорили между собою, но что онъ не слыхалъ того, какимъ образомъ старались примирить противни-

ковъ. — Вслѣдствіе сихъ разсужденій государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: — 1) штабсъ-капитана фонъ-Бреверна за нанесеніе барону Ѳедору Унгернъ-Штернбергу на поединкѣ тяжкой раны, отъ которой сей послѣдній умеръ, заключить на основаніи 2 части 1976 статьи улож. о наказ., въ крѣпость на три года по уваженію того, что не онъ былъ причиною поединка и вынужденъ былъ къ вызову своимъ противникомъ.—2) Секундантовъ Левиза Офъ-Менара и барона Густава Унгернъ-Штернберга, какъ недоказавшихъ, что ими употреблены всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры для предупрежденія поединка, окончившагося смертію одного изъ противниковъ, на основаніи 1980 ст. улож. заключить въ крѣпость каждаго на одинъ годъ.

Государь Императоръ 9 іюля 1849 года изволилъ утвердить это мнѣніе государственнаго совѣта.

6 декабря того же года Дидрихъ фонъ-Бревернъ, баронъ Густавъ Унгернъ-Штернбергъ и Оскаръ фонъ-Левизъ Офъ-Менаръ, заключенные въ ревельскій выпгородскій замокъ, по всемилостивѣйшему Государя Императора повелѣнію были освобождены отъ дальнѣйшаго заключенія.

LIX. Дѣло о обезоруженіи помѣщикомъ Іосифомъ Липковскимъ нижнихъ воинскихъ чиновъ уманской инвалидной команды, сопровождавшихъ арестантовъ.

Помѣщикъ Іосифъ Липковскій 19 февраля 1860 г. увѣдомилъ пристава 3 стана гайсинскаго уѣзда, что какіе-то семь солдатъ съ восемью арестантами требовали въ имѣніи просителя Роше квартиры, тогда-какъ послѣдняя имъ была назначена въ м. Теплякъ. На требованія солдатъ экономія отказала, вслѣдствіе чего вышеозначенные солдаты съ арестантами, пьяные, пришли къ просителю на дворъ и насильно рвались къ дверямъ его дома; дворовая прислуга не допускала ихъ къ этому но они успѣли ворваться во флигель и тамъ расположились въ первой комнатѣ. Затѣмъ онъ, Липковскій, собравъ солдатъ и арестантовъ, отправилъ ихъ подъ надзоромъ къ становому приставу, для предупрежденія могущихъ случиться произшествій. Въ за-

ключеніе Липковскій просилъ, чтобы съ виновными было поступлено по закону, въ примѣръ другимъ, ибо подобныя дерзость и самоволіе могутъ повести за собою пагубныя послѣдствія.

Становый приставъ донесъ гайсинскому земскому исправнику, что означенная партія арестантовъ отправлена въ м. Тепликъ къ этапному дому и что, при сдѣланномъ имъ дознаніи въ с. Росоше, онъ привелъ въ извѣстность слѣдующее: «19 февраля, сумерками, партія арестантовъ, конвоируемая солдатами, подъ начальствомъ унтеръ-офицеръ Мельдашева, пришла въ с. Росоше, и Мельдашевъ у сотскаго с. Росоше требовалъ отвода квартиры для ночлега партіи; сотскій Запорущукъ отправился съ Мельдашевымъ къ помѣщику Липковскому для испрошенія распоряженія по сему дѣлу; но Липковскій отказалъ въ домогательствѣ Мельдашева; партія, узнавши отъ Мельдашева объ отказѣ, съ ругательствами подошла къ дому Липковскаго, и Мельдашевъ опять пошелъ въ комнаты къ *Липковскому*, домогаясь по прежнему отвода квартиры, но прислугою не былъ допущенъ. Засимъ арестанты съ конвоемъ пошли въ старый помѣщичій домъ и въ *передней* комнатѣ расположились на ночлегъ, за что помѣщикъ приказалъ ихъ арестовать и, связанныхъ подъ карауломъ, отправить къ приставу. Караульные показали, что, прибывъ на помѣщичій дворъ, застали солдатъ въ передней комнатѣ флигеля съ арестантами, которые безпрекословно отдали имъ свои ружья и позволили связать себя и отправились въ Терновку, желая попросить прощенія у Липковскаго, но къ тому не были допущены; кромѣ того сотскій вручилъ приставу тесакъ унтеръ-офицера Мельдашева, найденный на другой день крестьянами на дорогѣ; сотскій и конвойные подтвердили, что Мельдашевъ, конвойные и арестанты были *пьяны*, но того, чтобы Липковскій билъ по щекамъ Мельдашева не открыто.—Унтеръ-офицеръ Никита Мельдашевъ показалъ, что 19 февраля начальникомъ уманской инвалидной команды онъ былъ командированъ съ 6 рядовыми для препровожденія и сдачи въ г. Ольгополѣ 8 арестантовъ, и хотя ему ночлегъ назначенъ былъ въ м. Тепликѣ, но по случаю поздняго выхода изъ Умани онъ успѣлъ дойти только къ 6 ч. вечера до с. Росоше, гдѣ и предположилъ имѣть ночлегъ. Потребовавъ отъ сотскаго отвода квартиры, онъ получилъ отказъ, вслѣд-

ствіе чего отправился съ сотскимъ къ помѣщику, но и здѣсь получилъ отказъ; видя невозможность продолжать путь, опять сталъ просить помѣщика объ отводѣ квартиры; но помѣщикъ, вмѣсто исполненія законнаго требованія, приказалъ ихъ арестовать и подъ карауломъ доставить къ приставу. Дверей они не ломали и дерзостей не говорили, онъ-же Мельдашевъ получилъ безвинно 5 пощечинъ отъ помѣщика, а отъ лакея по шеямъ; онъ и солдаты были связаны, а на пути сами развязались безпрепятственно; прочіе конвойные подтвердили показаніе Мельдашева.

Засимъ, по распоряженію земскаго суда и начальника подольской губерніи, назначена коммисія для произведенія изслѣдованія по сему дѣлу. Въ присутствіи означенной коммисіи *Романъ Запорощукъ*, подтвердивъ прежнія свои показанія, добавилъ, что пояса съ тесакомъ на Мельдашевѣ не замѣтилъ, ибо это было ночью, но возвратившись домой послѣ доставленія приставу партіи арестантовъ съ конвойными солдатами, онъ получилъ таковой поясъ съ тесакомъ отъ жены, послѣдняя же эти вещи получила отъ крестьянина с. Росоше Кузьмы Заграничнаго, который, идя на барщину въ с. Росоше, на дорогѣ ведущей изъ Умани въ Тепликъ, нашелъ таковой тесакъ съ рукавицами и форменнымъ ремнемъ; означенныя вещи онъ, сотскій, отдалъ на другой день приставу. Всѣ солдаты въ партіи были пьяны, ибо ругали помѣщика заочно. Десятскій подтвердилъ показаніе сотскаго.—Унтеръ-офицеръ *Мельдашевъ* показалъ въ присутствіи комисіи тоже, что показалъ становому, добавивъ, что когда лакей его выталкивалъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и снялъ его поясъ, съ тесакомъ и рукавицами. Въ прежнемъ показаніи онъ говорилъ, что опоздалъ по случаю поздняго выхода изъ Умани, а теперь показалъ, что онъ вышелъ изъ Умани въ 8 часовъ утра, и что распорядителемъ при вязаніи ихъ былъ писарь помѣщика—Лагунь; тесакъ съ поясомъ и рукавицами онъ получилъ отъ становаго пристава, приступомъ помѣщичьяго дома они не брали и пьяны не были. Рядовые утвердили во всемъ показаніе Мельдашева.—На очной ставкѣ сотскій Романъ Запорощукъ и десятскій Яковъ Бабійчукъ (онъ же Рыга) говорили въ глаза Мельдашеву и 6-ти рядовымъ свое показаніе, но рядовые и

Мельдашевъ остались при прежнемъ объясненіи, съ которымъ сотскій и десятскій не согласились.

Помѣщикъ *Линковскій* въ объясненіи своемъ изложилъ тѣже обстоятельства какъ и прежде, добавивъ только, что съ нѣкотораго времени проходящіе черезъ его селеніе конвои постоянно требовали квартиры, чѣмъ очень обременяли крестьянъ; узнавъ объ этомъ, онъ запретилъ давать квартиру безъ назначенія, вслѣдствіе чего отказалъ Мельдашеву въ квартирѣ; показатель Мельдашева не билъ, ибо таковой поступокъ онъ считалъ бы обиднымъ для себя, въ шею бить лакею не приказалъ, а что солдаты были пьяны, доказательствомъ тому служитъ тесакъ, найденный крестьяниномъ не доходя с. Росоше изъ Умани.—Спрошенный дворянинъ *Іосифъ Лагуна* показалъ, что онъ видѣлъ только тогда происходившее, когда солдаты съ арестантами стали ломиться въ двери къ помѣщику, ибо прежде онъ не былъ дома; распоряжался онъ по приказанію помѣщика. — Спрошенные подъ присягою *крестьяне* с. Росоше, бывшіе въ услуженіи во время происшествія у Линковскаго, показали *Игнатій Бондарь*, что онъ видѣлъ какъ Твердохлѣбъ вытолкнулъ Мельдашева съ крыльца; но билъ ли его помѣщикъ или лакей, онъ этого не знаетъ; объ арестованіи и связаніи партіи онъ объяснилъ тоже, что и сотскій съ десятскимъ показывали, далѣе прибавилъ, что двое изъ солдатъ были положительно пьяны, а прочіе трезвы, но озябшіе. *Ивана Бойденюка* разсказалъ тоже, но добавилъ, что онъ не видѣлъ, чтобы лакей Твердохлѣбъ выталкивалъ Мельдашева; о поясѣ и тесакѣ онъ ничего не знаетъ и потому ничего не можетъ сказать, но что унтеръ-офицеръ былъ пьянъ—это онъ видѣлъ. Онуфрій *Кузьменко* подтвердилъ показаніе Бойденюка. Крестьяне, караулившіе солдатъ, показали согласно объясненію сотскаго Запорощука о связаніи и доставкѣ партіи къ становому приставу. Кузьма *Загранчный* показалъ, что на другой день послѣ нашествія какихъ то солдатъ и арестантовъ, онъ идя на барщину на дорогѣ нашелъ на кучѣ навоза солдатскій тесакъ съ ременнымъ поясомъ и рукавицами, эти вещи, по приказанію встрѣтившагося помѣщика Линковскаго, онъ отнесъ къ сотскому, но кому эти вещи принадлежали, не знаетъ.—На *очной ставкѣ* дворовые люди Игнатій Бондарь, Онуфрій Кузьменко, Иванъ Годованюкъ, Иванъ Бойденюкъ ут-

верждали, что на дворѣ помѣщичьемъ арестанты, произнося ругательныя слова противъ помѣщика, хотѣли пойти въ комнаты спать, но не были допущены къ этому показателями и солдатами. На это солдаты возразили, что дѣйствительно нѣкоторые арестанты ругали заочно помѣщика, но войти въ комнаты не намѣревались.

Лакей помѣщика Липковскаго *Твердохлѣбъ*, излагая вышеизложенное какъ сотскій и другіе, добавилъ, что онъ по приказанію помѣщика выпихнулъ Мельдашева, а по шеѣ не билъ его и что помѣщикъ Липковскій тоже не билъ по щекамъ Мельдашева; форменнаго пояса съ тесакомъ онъ не могъ сорвать съ Мельдашева, ибо таковаго на немъ съ перваго прихода не было; были-ли солдаты пьяны, онъ не замѣтилъ, но Мельдашевъ былъ не трезвый. Демидъ *Берегуля* показалъ во всемъ согласно съ Твердохлѣбомъ. На очной ставкѣ Мельдашева съ Демидомъ Берегулею и Твердохлѣбомъ, хотя послѣдніе его уличали, что на немъ не было пояса, но Мельдашевъ остался при своемъ показаніи.

При разслѣдованіи приставомъ уманскаго уѣзда 1 стана, (при бытности военнаго депутата), не пьянствовали-ли солдаты съ арестантами по корчмамъ на пути, сидѣльцы означенныхъ корчемъ, въ поведеніи одобренные, на повальномъ обыскѣ показали, что они не помнятъ, чтобы 19 февраля конвойные солдаты съ арестантами брали водки.

Разсмотрѣвъ это дѣло, балтскій уѣздный судъ опредѣлилъ: 1) Іосифа Липковскаго, примѣняясь къ 39 ст. т. XV кн. 1., заключить въ крѣпость на одинъ годъ и 3 мѣсяца; 2) обсужденіе поступковъ нижнихъ чиновъ уманской инвалидной команды предоставить, на основаніи 8 ст. XV т. кн. 2, военному начальству, для чего въ свое время представить настоящее дѣло къ командиру кіевскаго баталіона внутренней стражи и 3) дворянина Іосифа Лагуна, состоящаго въ имѣніи помѣщика Липковскаго Россоше счетчикомъ, а также лакея Липковскаго Твердохлѣба, 25 лѣтъ, на основаніи 327 ст. т. XV кн. 1, подвергнуть аресту при становой квартирѣ перваго на семь, а втораго на три дня.

Подольская уголовная палата, по разсмотрѣніи дѣла сего и приступая къ опредѣленію слѣдуемаго подсудимому Липковскому по закону наказанія, нашла, что за отобраніе ружей у

команды, арестованіе оной и связаніе Липковскій подлежитъ, какъ за своевольный и самоуправный поступокъ, одному изъ наказаній, изложенныхъ въ 312 ст. улож., а именно: заключенію подъ арестъ на три мѣсяца; дворянинъ Лагунъ и дворовый человѣкъ Твердохлѣбъ, исполнявшіе приказаніе Липковскаго какъ помѣщика, по мнѣнію палаты не подлежатъ отвѣтственности за ихъ дѣйствія, которыя представляясь только неосторожными, поставляютъ судъ въ необходимость сдѣлать имъ въ семъ внушеніе, по 122 ст.

Съ этимъ рѣшеніемъ палаты согласился и начальникъ губерніи.

Вслѣдствіе разногласія, произшедшаго при слушаніи во 2 отд. 5-го д-та сената сего дѣла, послѣднее поступило на разсмотрѣніе втораго общаго собранія, которое, обсуждая (между прочимъ) поступокъ Липковскаго, состоящій въ обезоруженіи команды, нашло, что конвой уманской инвалидной команды, при унтеръ-офицерѣ Мельдашевѣ, сопровождавшій партію арестантовъ изъ г. Умани, остановясь въ с. Росоше, потребовалъ сначала отъ старосты, а потомъ отъ владѣльца селенія Липковскаго отвода имъ сборной избы для ночлега, такъ-какъ по случаю поздняго времени, дальнѣйшее слѣдованіе партіи до мѣста ночлега назначеннаго по маршруту представляло большія неудобства. Получивъ отказъ, команда самовольно заняла одну изъ нежилыхъ комнатъ флигеля на дворѣ помѣщика, но по распоряженію сего послѣдняго, была обезоружена и отправлена со связанными руками къ мѣстному становому приставу подъ присмотромъ крестьянъ с. Росоше. При обезоруженіи конвоя, въ томъ числѣ и часоваго, приставленнаго при дверяхъ флигеля, команда никакого сопротивленія не дѣлала. Въ оправданіе своего поступка Липковскій при слѣдствіи объяснилъ, что солдаты, сопровождающіе арестантовъ, вопреки 411 ст. воен. пост., воспрещающей имъ избирать для ночлега другія селенія, кромѣ тѣхъ, которыя имъ назначены были по маршруту, весьма часто обременяли крестьянъ его произвольною повинностію, вслѣдствіе чего онъ Липковскій, когда конвой уманской инвалидной команды 19-го февраля 1860 г. самовольно и съ ругательствами занялъ флигель его, Липковскаго, — въ огражденіе правъ своихъ и въ предупрежденіе тѣхъ послѣдствій, которыя могли произойти отъ

того, что большая часть конвоя была въ нетрезвомъ видѣ, нашелъ необходимымъ препроводить ихъ къ мѣстному полицейскому начальству.—Изъ соображенія вышеизложеннаго оказывается, что преступленіе Липковскаго заключается въ томъ, что онъ, считая права свои нарушенными конвойными солдатами, вмѣсто того чтобы обратиться къ надлежащей власти, употребилъ для сего *самовольно* мѣры, соединенныя съ *насиліемъ*; объясненіе его, что по случаю нетрезваго бутдто-бы состоянія конвоя онъ опасался дурныхъ послѣдствій, не можетъ быть принято въ уваженіе, тѣмъ болѣе что обвиненіе это по слѣдствію не доказано; а потому онъ Липковскій, за самоуправство, подлежитъ взысканію по 312 ст., XV т. кн. 1.—Статьею этою опредѣляются, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ вину, слѣдующія наказанія: строгій выговоръ въ присутствіи суда, денежное взысканіе, кратковременный арестъ и заключеніе въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до одного года. Принимая во вниманіе званіе подсудимаго, и самое существо его самоуправныхъ дѣйствій, Липковскій подлежитъ тягчайшему изъ наказаній, въ означенной статьѣ опредѣленныхъ. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ: не заключается ли въ самыхъ насильственныхъ мѣрахъ, употребленныхъ Липковскимъ, самостоятельнаго преступленія, оказывается, что дѣйствія его состояли въ обезоруженіи конвоя, безъ всякаго впрочемъ со стороны послѣдняго сопротивленія, и въ отправленіи его со связанными руками въ станъ. Закона, относящагося къ обезоруженію стражи, когда дѣйствіе это не было послѣдствіемъ исполненія какого-либо преступнаго умысла (напр. освобожденія арестантовъ, провоза контрабанды, корчемства и т. п.) или не сопровождалось дѣяніемъ, само по себѣ составляющимъ преступленіе, (какъ то побои, раны и т. п.) въ сводѣ законовъ уголовныхъ *не* содержится. Ближайшее къ означенному случаю преступленіе предусматривается въ ст. 327, въ коей говорится объ оскорбленіяхъ насильственнымъ дѣйствіемъ воинской и полицейской стражи, во время исправленія ими обязанностей службы.—Но статья эта не можетъ быть примѣняема къ настоящему случаю, такъ-какъ Липковскій при обезоруженіи стражи, какъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, не имѣлъ въ виду нанесенія оскорбленія и притомъ, если и признать отправленіе сол-

дать со связанными руками—за нанесенное имъ оскорбленіе, то во всякомъ случаѣ преступленіе это, по силѣ 327 ст., подвергаетъ виновнаго кратковременному аресту, взысканію, которое на основаніи правилъ о совокупности преступленій, должно имѣть послѣдствіемъ лишь назначеніе подсудимому высшей мѣры наказанія, опредѣленнаго въ 312 ст.

При слушаніи въ правительствующемъ сенатѣ сего дѣла, заявлено было и слѣдующее мнѣніе «19 февраля 1860 г. въ имѣніе помѣщика Липковскаго прибыла инвалидная команда, состоящая изъ 7 солдатъ, препровождавшихъ 8 арестантовъ, и вопреки назначенной по маршруту квартиры въ с. Тепликѣ потребовала отвода таковой въ ночное время для ночлега—у сотскаго с. Росоше. Сотскій, не имѣя права отводить квартиры, не назначенной земскимъ судомъ, довелъ до свѣдѣнія помѣщика, что вся военная команда съ арестантами находится въ пьяномъ видѣ. Помѣщикъ Липковскій, имѣя въ виду, что въ селеніи его для помѣщенія солдатъ и арестантовъ, всего 15 человѣкъ, приличной квартиры не имѣется и что никакого не послѣдовало распоряженія отъ земскаго суда о приготовленіи таковой, поручилъ сотскому отказать въ требованіи. Затѣмъ команда, будучи въ пьяномъ видѣ, съ крикомъ и ругательствомъ вошла во дворъ и покушалась разломать двери и войти въ домъ Липковскаго, но была удержана прислугой. Послѣ сего партія вошла насильственно въ жилой флигель Липковскаго и, не будучи никѣмъ остановлена, расположилась въ первой комнатѣ почевать. Липковскій, узнавъ о таковомъ самовольномъ распоряженіи солдатъ и страшась вредныхъ послѣдствій, за которыя онъ могъ бы быть подвергнутъ отвѣтственности по законамъ, сдѣлалъ распоряженіе о препровожденіи ихъ къ становому приставу на подводахъ подъ присмотромъ 15-ти крестьянъ; вслѣдствіе сего, счетчикъ Липковскаго дворянинъ Лагунъ, собравъ подводы и людей, вошелъ съ нѣсколькими крестьянами въ комнату, гдѣ лежали солдаты и арестанты, забралъ стоявшія въ углу комнаты ружья, разрядилъ ихъ и вмѣстѣ съ солдатами и арестантами отправилъ къ

становому приставу на шести волсвыхъ подводахъ, при объявленіи помѣщика, поручивъ смотрѣніе надъ ними сотскому и 14 крестьянамъ. По закону этанные дома въ Россіи расположены на разстояніи отъ 15 до 25 верстъ, а команда, выступившая изъ г. Умани въ 8 часовъ утра, должна была засвѣтло прибыть въ этанный домъ въ с. Тепликъ, но она въ теченіи 10 или 12 часовъ дошла до с. Росоше, т. е. около 17 верстъ и вопреки 411 ст. воен. постановленій, воспрещающей избирать для ночлега другія селенія кромѣ тѣхъ, которыя назначены въ маршрутѣ, самовольно требовала отвода квартиры въ с. Росоше и съ буйствомъ, ругательствомъ насильственно заняла помѣщеніе въ жиломъ флигелѣ помѣщика Линковскаго; что солдаты и арестанты были пьяны, бранили Линковскаго и самовольно расположились въ домѣ его ночевать, — доказывается показаніями: сотскаго, десятскаго, прислуги и многихъ крестьянъ Линковскаго, объясненія которыхъ во всемъ сходны съ самымъ происшествіемъ и нѣтъ основанія имъ не вѣрить; послѣднее же обстоятельство, т. е. насильственное занятіе дома помѣщика, подтверждается показаніями самихъ солдатъ и обстоятельствами дѣла.—Затѣмъ, хотя сидѣльцы корчемъ и показываютъ, что они не замѣчали и не помнятъ, чтобы нижніе чины, сопровождавшіе 19 февраля арестантовъ, брали водку, но такое непамятованіе показываетъ только сомнѣніе, а не вѣрную положительность факта; да и могли ли показать сидѣльцы во вредъ себѣ, что впускали въ корчмы солдатъ съ арестантами, тогда-какъ имъ входъ въ корчмы и питейныя заведенія воспрещенъ. Впрочемъ солдаты и не заходя въ корчмы, могли брать вино и водку въ селеніяхъ, гдѣ въ крестьянскихъ домахъ существуютъ выставки. Отобраніе ружей у означенныхъ нижнихъ чиновъ нельзя считать обезоруженіемъ команды и часоваго, ибо по занятіи въ домъ Линковскаго комнаты, солдаты и арестанты легли на полъ, а ружья поставили въ углу, гдѣ таковыя для сохраненія ихъ взяты и уложены на подводы; таковое охраненіе оружія было необходимо, потому еще болѣе, что найденъ тесакъ съ портупеей на большой дорогѣ, потерянный командою, который крестьяниномъ и представленъ помѣщику, почему при дальнѣйшемъ слѣдованіи означенной команды въ нетрезвомъ видѣ, могла бы послѣдовать и дальнѣйшая потеря оружія. Одинъ же изъ ниж-

нихъ чиновъ сидѣлъ у печки съ ружьемъ на колѣняхъ и по требованію счетчика помѣщика Липковскаго дворянина Лагуна самъ отдалъ ружье, предупреждая, что оно заряжено; но этого сидѣвшаго солдата *не* слѣдуетъ считать часовымъ, ибо часовые ставятся начальствомъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ напр.: при этапныхъ домахъ, при тюрьмахъ, гауптвахтахъ и проч., а не тамъ, гдѣ расположились въ насильственномъ занятіи помѣщенія.—Винить Липковскаго, что онъ, не прибѣгая къ защитѣ земской полиціи, препроводилъ солдатъ и арестантовъ къ становому приставу подъ надзоромъ 15 чел. крестьянъ—также нельзя, ибо когда пьяные солдаты и арестанты силою заняли комнату въ домѣ его, то онъ, какъ хозяинъ имѣнія и предводитель дворянства, при личной оборонѣ и для отраженія нападенія, долженъ былъ по 113 ст. улож. о наказ. принять скорыя и рѣшительныя мѣры для обезпеченія себя, своего дома, имѣнія и арестантовъ отъ могущихъ произойти преступковъ, если не преступленій; прибѣгать же къ защитѣ земской полиціи не позволяло съ одной стороны разстояніе отъ стана, которое было довольно далеко, а съ другой, если бы Липковскій и послалъ за становымъ приставомъ, то легко могъ бы не застать его въ станѣ, такъ-какъ пристава большею частію находятся въ уѣздѣ по дѣламъ службы. Притомъ же ни земская полиція, ни земское начальство не могли оказать скорой защиты Липковскому противъ нападенія военной команды, не подчиненной имъ.—Что же касается до показанія унтеръ-офицера, что будто бы Липковскій билъ его по щекамъ, то это обстоятельство ни свидѣтельскими показаніями и никакими доказательствами совершенно по дѣлу не обнаружено; по всѣмъ таковымъ уваженіямъ не существуетъ законнаго повода къ обвиненію Липковскаго въ обезоруженіи команды, и часоваго тогда-какъ: во 1-хъ самое оружіе охранено съ командою и арестантами, отправлено въ станъ и тамъ принято во всей цѣлости; во 2-хъ часоваго вовсе не было, а вся команда и арестанты лежали въ комнатѣ, ружье же взято у сидѣвшаго солдата, (признаваемаго часовымъ)—не Липковскимъ, а дворяниномъ Лагуномъ и положено на возъ съ прочимъ оружіемъ».

Отдѣленіе III.

LX. Дѣло о растратѣ въ 1852 г. въ одесскихъ: коммерческомъ судѣ и казначействѣ 239,000 р. сер.

Въ декабрѣ 1851 года, послѣ выбора купечествомъ въ одесскій коммерческій судъ новаго предсѣдателя и старшаго члена, на мѣсто бывшихъ до того предсѣдателемъ—статскаго совѣтника Гамалѣя и членомъ—статскаго совѣтника Сливицкаго, назначено было, по общеприпятому порядку, повѣрить кассу суда; присемъ открыта растрата 144,570 руб. 21 к. сер., а 4-го января 1852 г. при мѣсячномъ свидѣтельствѣ членами одесскаго уѣзднаго присутствія суммъ уѣзднаго казначейства, обнаружена и въ немъ растрата 94,415 р. 99 к. сер., всего же открыто въ коммерческомъ судѣ и уѣздномъ казначействѣ растраты 238.985 руб. 20 коп. сер. *) Казначей коммерческаго суда, титулярный совѣтникъ Стрѣха, и казначей уѣзднаго казначейства, коллежскій ассесоръ Юрескулъ, при первомъ же спросѣ сознались, что они сами растратили неоказазавшіяся деньги, но вмѣстѣ съ тѣмъ обвинили соучастниками этой растраты и другихъ подсудимыхъ.—Такимъ образомъ, по объясненію *Стрѣхи*: предмѣстникъ его, титулярный совѣтникъ Кристафовичъ сдалъ ему казну съ недостаткомъ; предсѣдатель суда статскій совѣтникъ Гамалѣя какъ при Кристафовичѣ, такъ и при Стрѣхѣ лично пользовался казенными суммами; кассиръ приказа общественнаго призрѣнія титулярный совѣтникъ Андросовъ, помощникъ его титулярный совѣтникъ Ламзаки и приходо-расходчикъ уѣзднаго суда и дворянской опеки титулярный совѣтникъ Колчакъ, получали отъ Стрѣхи и взаимно ссужали его казенными деньгами, для сокрытія недостатка при мѣсячномъ свидѣтельствѣ; купецъ Шапира давалъ Стрѣхѣ деньги въ долгъ за большіе про-

*) Независимо отъ сего особою ревизіонною коммисіею, составленною по сношенію Министра Юстиціи съ бывшимъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ губернаторомъ, открыто по дѣламъ коммерческаго суда растраты и недовзысканій на 9,794 р. 52¾ к. сер., но виновные въ растратѣ и недовзысканіяхъ отдѣльно по каждой статьѣ, ревизіонною коммисіею не указаны.

центы для представленія къ мѣсячному свидѣтельству; купецъ Басмаджи занималъ у Стрѣхи деньги завѣдомо изъ казенныхъ; а купецъ Кихрибарчи зналъ объ этомъ займѣ и уплатилъ Стрѣхѣ долгъ Басмаджи, когда сей послѣдній не имѣлъ средствъ внести денегъ къ назначенному сроку.—Подсудимый же *Юрескулъ* показалъ, что неоказавшіяся въ казначействѣ деньги взяли у него въ долгъ завѣдомо изъ казенныхъ упомянутые Стрѣхой—Андросовъ, Ламзаки и Колчакъ, а также купецъ Астафьевъ, почетные граждане Илья и Гаврило Андросовы и отецъ ихъ почетный гражданинъ Семенъ Андросовъ, и что Андросовъ, Ламзаки и Колчакъ, равно и купецъ Астафьевъ, въ бытность его казначеемъ въ одесской градской полиціи, взаимно ссужали его, Юрескула, казенными деньгами къ мѣсячнымъ свидѣтельствамъ суммъ для покрытія растраты.

По розысканіямъ слѣдственной коммисіи и военнаго суда открылось:

I. *О статскомъ совѣтникѣ Гамалѣѣ.* Бывшій казначеемъ въ коммерческомъ судѣ титулярный совѣтникъ *Стрѣха*, объявивъ при слѣдствіи, что Гамалѣя лично пользовался казенными суммами, объяснилъ, что Гамалѣя былъ долженъ въ кассу коммерческаго суда еще при предмѣстникѣ Стрѣхи титулярномъ совѣтникѣ Кристафовичѣ, который поэтому въ обезпеченіе долга Гамалѣя, сдалъ Стрѣхѣ заемное письмо, выданное Гамалѣемъ 7-го февраля 1839 г. купцу Кумбари на 4 т. руб. асс. (серебромъ 1142 р. 85¾ к.). Потомъ Стрѣха, исправляя должность казначея, вынималъ, по требованію Гамалѣя, изъ казеннаго сундука деньги, сколько Гамалѣи нужно было. Исчислить по частямъ денежныя выдачи Гамалѣи, а также опредѣлить, сколько растрачено Гамалѣемъ при Кристафовичѣ и при немъ, Стрѣхѣ, онъ не можетъ оттого, что 17-го декабря 1851 г., въ день обнаруженія растраты въ кассѣ коммерческаго суда, Гамалѣя, придя на квартиру къ Стрѣхѣ, вырвалъ изъ долговыхъ книгъ отмѣтки Кристафовича и его, Стрѣхи, о забранныхъ деньгахъ и уничтоженные листы взялъ себѣ.—Стрѣха полагаетъ, что Гамалѣя забралъ у него до 62 т. р. сер. Изъ сдѣланныхъ выдачъ онъ помнитъ, что въ 1840 году уплатилъ по закладной Гамалѣи купцу Массу 13,130 р.; въ декабрѣ мѣсяцѣ отдалъ лично Гамалѣѣ полученные изъ одесской конторы коммерческаго банка

17,310 р. 70 к., принадлежавшіе конкурсу несостоятельнаго купца Серебрянаго, и въ 1850 г. выдалъ изъ кассы 2 т. р. купцу Соловьеву, для котораго Гамалѣя просилъ 6 т. р., но за выдачею двухъ тысячъ. Гамалѣя далъ Соловьеву заемное письмо въ 4 т. р., за поручительствомъ Стрѣхи, и наконецъ въ 1851 г., по приказанію Гамалѣи, послалъ по почтѣ въ г. Акерманъ чиновнику Навроцкому 1,000 р.—*Гамалѣя*, отвергая справедливость показанія Стрѣхи, объяснилъ, что долгъ по заемному письму купцу Кумбари уплаченъ имъ лично и заемное письмо передано Кристафовичу въ удостовѣреніе уплаты, такъ-какъ Кристафовичъ былъ поручителемъ по этому займу; не уничтожено же оно Кристафовичемъ, вѣроятно, по забвенію; хотя это заемное письмо оказалось у Стрѣхи, но доказательствомъ лживости его показанія о передачѣ Кристафовичемъ для взысканія съ Гамалѣи служитъ то, что на немъ не сдѣлано передаточной надписи, и Стрѣха не продержалъ бы этаго документа въ продолженіе 11-ти лѣтъ, не требуя по оному уплаты. Долгъ купцу Массу уплаченъ Стрѣхой изъ собственности Гамалѣи, равно и къ чиновнику Навроцкому отосланы 1000 р. собственныхъ Гаммалѣи, и только отнесены были на почту Стрѣхой, которому Гамалѣя часто давалъ разныя порученія, какъ исправному чиновнику.—Купцу Соловьеву по заемному письму въ 4 т. р. уплата сдѣлана самимъ имъ, Гамалѣемъ. Денегъ, принадлежащихъ конкурсу купца Серебрянаго, Гамалѣя отъ Стрѣхи не получалъ. Листовъ изъ долговыхъ книгъ не вырывалъ и не имѣлъ въ томъ надобности потому, что книги эти были писаны не имъ, Гамалѣемъ.—Въ представленной Стрѣхою долговой книгѣ, веденной предмѣстникомъ его Кристафовичемъ, первые четыре листа дѣйствительно оказались вырванными, а на оборотѣ переплета верхней крышки, выставлены имена и фамиліи лицъ должныхъ въ кассу, съ показаніемъ страницъ въ книгѣ.—Вырванные листы означены на оборотѣ переплета буквами: Ф. М. (начальныя слова имени и отчества Гамалѣи, котораго зовутъ Федоръ Михайловичъ). Равнымъ образомъ и въ 11-ти книгахъ, веденныхъ самимъ Стрѣхой, первые листы вырваны, исключая двухъ книгъ за 1843 и 1848 годы. Въ этихъ послѣднихъ книгахъ всѣ листы цѣлы и на первыхъ листахъ рукою Стрѣхи означены денежныя выдачи подъ буквами Ф. М., въ томъ числѣ

по книгѣ 1848 года купцу Массу 13,130 р.—О томъ, чтобы листы изъ книгъ были вырваны Гамалѣемъ, положительныхъ удостовѣреній нѣтъ.—*Жена* Стрѣхи показала, что Гамалѣя, пріѣхавъ къ Стрѣхѣ вечеромъ наканунѣ открытія растраты, при объясненіи съ нимъ въ особой комнатѣ, умолялъ Стрѣху принять всю отвѣтственность на себя, обѣщая въ короткое время спасти его; вслѣдъ затѣмъ кто-то рвалъ бумаги, и по прекращеніи происходившаго отъ этого шума, Гамалѣя сказалъ: «теперь я спасенъ, а тебѣ мой совѣтъ, умереть»; когда же жена Стрѣхи вошла въ ту комнату, то видѣла, что Гамалѣя въ торопяхъ прятадъ въ свои карманы разодранныя бумаги.—Чиновникъ коммерческаго суда *Свѣжинскій*, который былъ кумомъ Стрѣхи и вообще былъ съ нимъ друженъ, показалъ, что наканунѣ открытія растраты, Стрѣха показывалъ ему, Свѣжинскому, 10 или 11 книгъ, въ которыхъ были записаны счеты его съ Гамалѣемъ.—Свѣжинскій бѣгло просмотрѣлъ ихъ и помнитъ только, что въ началѣ одной книги показано было за Гамалѣемъ около 5 т. р. асс., принятыхъ Стрѣхой на себя при пріемѣ отъ Кристафовича денежной кассы. Свѣжинскій видѣлъ также составленный Стрѣхой изъ тѣхъ же книгъ общій счетъ, въ коемъ итогъ былъ показанъ болѣе 45 т. сер.—Объ этомъ Свѣжинскій объявилъ Гамалѣю, который по этому случаю ѣздилъ къ Стрѣхѣ въ домъ его тетки Дмитріевой, и потомъ, пригласивъ Свѣжинскаго къ себѣ, убѣдительно просилъ его взять у Стрѣхи всѣ счеты и бумаги, какіе только между ними были и доставить ихъ къ Гамалѣю; о чемъ Свѣжинскій объявилъ Стрѣхѣ, который послѣ того, въ день обнаруженія растраты, прислалъ къ Свѣжинскому сказать, что Гамалѣя былъ у Стрѣхи, взялъ общій счетъ долгамъ и вырвалъ изъ книгъ листы, на которыхъ были записаны его долги.—Подсудимый *Гамалѣя*, признавая показанія эти клеветою, объяснилъ, что, услышавъ отъ чиновниковъ суда о недостаткѣ денегъ въ кассѣ, поѣхалъ отыскивать Стрѣху, чтобы спросить, какъ великъ недостатокъ и кому Стрѣха отдалъ казенныя деньги, имѣя намѣреніе пополнить недостатокъ, если-бы былъ не слишкомъ значительный, собственно изъ состраданія къ Стрѣхѣ и во избѣжаніе отвѣтственности за него.—Гамалѣя нашелъ Стрѣху въ домѣ тетки его Дмитріевой и Стрѣха обѣщалъ свести счетъ недостатку и все попол-

нить.—Вечеромъ въ тотъ же день Гамалѣя поручилъ чиновнику Свѣжинскому взять счетъ у Стрѣхи недостающимъ у него деньгамъ и, не дождавшись Свѣжинскаго, поѣхалъ самъ къ Стрѣхѣ, который, при разговорѣ съ нимъ наединѣ, сказалъ, что его хотятъ смутить, но онъ одинъ виноватъ и долженъ терпѣть наказаніе; причемъ сталъ рвать какую-то бумагу, увѣряя клятвенно, что онъ самъ все пополнитъ, и затѣмъ Гамалѣя уѣхалъ домой, не узнавъ, на какую сумму простирается растрата.—Кромѣ того смотритель одесскаго тюремнаго замка подпоручикъ *Лукашевичъ* подъ присягою показалъ, что чрезъ нѣсколько дней по доставленіи Стрѣхи въ тюремный замокъ, Гамалѣя, бывшій посаженымъ отцомъ Лукашевича, пригласивъ его къ себѣ, просилъ убѣдить Стрѣху, чтобы онъ всю вину принялъ на себя, ибо ему участь одна и чтобы Лукашевичъ напомнилъ Стрѣхѣ, что Гамалѣя близокъ съ командиромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютантомъ Лидерсомъ, и будетъ хлопотать о производствѣ Стрѣхи въ офицеры. Но Гамалѣя противъ этого отозвался, что онъ просилъ Лукашевича убѣдить только Стрѣху, что грѣшно и преступно клеветать на невиннаго. — Объ уплатѣ Стрѣхой долга Гамалѣи въ 13,130 руб. купцу Массу, именно изъ казенныхъ денегъ, Стрѣха не представилъ никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ сдѣланной самимъ имъ въ книгѣ отмѣтки о выдачѣ этихъ денегъ Массу. Объ уплатѣ Стрѣхой 2 т. р. купцу Соловьеву доказательствъ тоже не представлено; но, по показаніямъ Стрѣхи и самого Соловьева, открылось, что на заемномъ письмѣ Гамалѣи купцу Соловьеву въ 4 т. р., Стрѣха подписался поручителемъ и впослѣдствіи по случаю неуплаты Гамалѣемъ въ срокъ всѣхъ денегъ, Стрѣха выдалъ Соловьеву отъ себя на недостававшую сумму, именно 1,500 р сер., особое заемное письмо, по которому впрочемъ, какъ Соловьевъ показалъ, деньги уплачены самимъ Гамалѣемъ.—Передача Стрѣхой Гамалѣю 17,370 р. 70 к. сер., принадлежащихъ конкурсу несостоятельнаго купца Серебрянаго, тоже недоказана, но въ отношеніи этихъ денегъ открылось, что по запискѣ ихъ въ расходъ, они не были отправлены по назначенію въ приказъ общественнаго призрѣнія и оказались растраченными; подъ расходною же статьею сдѣлана неправильная надпись Стрѣхой, будто деньги эти получилъ онъ обратно для записки опять на приходъ по указу о томъ коммерческаго суда,

тогда-какъ указа не было ему дано, а подъ этою надписью сдѣлана росписка кураторами конкурса: Гульельмучи и Вейнбергомъ въ принятіи денегъ для вноса въ приказъ общественнаго призрѣнія; но денегъ они не получили и въ приказъ не внесли. Стрѣха и кураторы показали, что означенныя росписки сдѣланы ими по приказанію Гамалѣи и по его же приказанію кураторы въ тотъ же день подали рапортъ въ коммерческій судъ съ представленіемъ денегъ обратно. Гамалѣя отозвался, что означенныхъ приказаній онъ не давалъ и росписки сдѣланы безъ его вѣдома. Къ уликѣ Гамалѣи представлялось то, что рапортъ кураторовъ съ обратнымъ представленіемъ денегъ помѣченъ рукою Гамалѣи, который объяснилъ, что этотъ рапортъ вѣроятно былъ положенъ къ нему на столъ въ числѣ другихъ бумагъ и помѣченъ имъ безъ прочтенія, такъ-какъ по множеству вступающихъ бумагъ не успѣвалъ читать ихъ, и по помѣтѣ онѣ передавались въ столы для доклада присутствію со справками.—Во входящихъ бумагахъ означенный рапортъ не записанъ и оказался у куратора Вейнберга, который объяснилъ, что этотъ рапортъ доставленъ къ нему неизвѣстнымъ лицомъ въ отсутствіе его предъ обнаруженіемъ растраты, т. е. почти чрезъ два года послѣ подачи его Гамалѣю. Доказательствъ въ подтвержденіе сего Вейнбергъ не представилъ; впрочемъ на рапортѣ сдѣлана Стрѣхой росписка въ принятіи Гульельмучи и Вейнберга денегъ 3-го февраля 1849 г. и сверхъ того выдана имъ квитанція за подписью Стрѣхи. Неправильность росписокъ Стрѣхи и кураторовъ не была замѣчена при мѣсячномъ свидѣтельствѣ суммъ и послужила къ временному сокрытію растраты.—Сверхъ того статскій совѣтникъ Гамалѣя обвиненъ былъ въ слѣдующемъ: 1) Гамалѣя не обращалъ вниманія на допущенные въ коммерческомъ судѣ безпорядки въ томъ, что деньги или вовсе не записывались на приходъ и въ расходъ по журналамъ коммерческаго суда, или записывались и отсылались не въ свое время; что получаемыя изъ приказа общественнаго призрѣнія и изъ другихъ мѣстъ деньги Стрѣха представлялъ въ судъ нѣсколькими днями позже для того, чтобы полученными деньгами пополнить недостатокъ въ кассѣ при мѣсячномъ свидѣтельствѣ; что по многимъ отправленнымъ изъ коммерческаго суда суммамъ не было увѣдомленій отъ тѣхъ мѣстъ, куда деньги наз-

начены были къ отправленію; о доставленіи этихъ увѣдомленій, коммерческій судъ не писалъ повтореній; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда деньги считались уже отправленными въ присутственныя мѣста, но были Стрѣхой удержаны и присутственныя мѣста относились въ коммерческій судъ о скорѣйшей высылкѣ денегъ, то Гамалѣя дѣлая резолюціи по бумагамъ, чтобы справиться и отвѣчать, не предпринималъ никакихъ мѣръ къ исполненію требованій и къ открытію допущеннаго въ этомъ случаѣ злоупотребленія.—Гамалѣя отозвался, что, не подозрѣвая никакого обмана, онъ не могъ, по множеству дѣлъ, замѣтить этихъ упущеній и вовсе объ нихъ не зналъ. 2) Сундукъ съ деньгами коммерческаго суда слѣдовало хранить, на основаніи предписанія одесскаго градоначальника, въ городской думѣ, откуда по закону, въ случаѣ надобности деньги должны выниматься казначеемъ съ однимъ изъ членовъ; въ коммерческомъ же судѣ деньги хранились въ судейской каморѣ и вынимались и вкладывались однимъ казначеемъ Стрѣхой, которому отданы были ключи и печать Гамалѣи. Гамалѣя показалъ, что деньги, дѣйствительно хранились въ думѣ, кромѣ нѣкоторыхъ ничтожныхъ суммъ; но это показаніе опровергается удостовѣреніемъ подъ присягою чиновниковъ и служителей коммерческаго суда и нѣсколькихъ чиновниковъ городской думы.—3) Внесенные въ коммерческій судъ 24 марта 1849 года банковые билеты въ 29 т. р. сер. покупщиками домовъ ротмистра Бенкендорфа для обезпеченія числившагося на Бенкендорфѣ долга въ кораблестроительную экспедицію черноморскаго флота, не были записаны на приходъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ и 4-хъ мѣсяцевъ и часть ихъ выдана Стрѣхой преждевременно повѣренному Бенкендорфа титулярному совѣтнику Билинскому.—Стрѣха показалъ, что эти билеты не были записаны на приходъ и выдавались повѣренному Бенкендорфа по приказаніямъ Гамалѣи. Гамалѣя отозвался, что о полученіи означенныхъ банковыхъ билетовъ и преждевременной выдачѣ Билинскому денегъ ему не было извѣстно; но несправедливость этого отзыва доказывается тѣмъ, во 1-хъ, что купчая крѣпость на дома не могла быть совершена въ коммерческомъ судѣ безъ его вѣдома; во 2-хъ, что присланное изъ кораблестроительной экспедиціи чрезъ 3 мѣсяца послѣ продажи домовъ отношеніе, о невыдачѣ означенныхъ денегъ, до особаго

увѣдомленія экспедиціи, помѣчено рукою Гамалѣи и слѣдовательно должно было обратить его вниманіе на то, когда деньги поступили и почему не были записаны въ свое время на приходъ; хотя же Гамалѣя утверждаетъ, что это отношеніе сдѣлалось ему извѣстнымъ только 7-го сентября того же 1849 г., но показаніе это не заслуживаетъ уваженія потому-что и въ это время онъ не сдѣлалъ никакого розысканія о томъ, когда именно деньги поступили и почему они были скрыты отъ него въ продолженіе болѣе 5-ти мѣсяцевъ, и, не смотря на то, что отъ означенной экспедиціи не было увѣдомленія, котораго комерческій судъ долженъ былъ ожидать, постановлено было опредѣленіе о выдачѣ Билинскому 13,831 р. и объ удержаніи остальныхъ 15,168 р. на удовлетвореніе кораблестроительной экспедиціи, на основаніи представленнаго Билинскимъ расчета, тогда-какъ по дополнительному расчету, присланному впослѣдствіи изъ кораблестроительной экспедиціи, исчислено ко взысканію съ Бенкендорфа на 101 р. 95½ к. сер. больше; въ 3-хъ; что когда чрезъ 2½ года послѣ вступленія денегъ въ судъ, записаны были на приходъ и въ расходъ изъ принадлежавшей Бенкендорфу суммы 15,168 р. для отсылки въ интендантство, то Гамалѣя, подписывая объ этомъ указы и отношеніе, тоже не спросилъ никого, отчего деньги столько времени не были показаны въ приходъ; въ 4-хъ, что когда по даннымъ коммерческимъ судомъ указамъ Стрѣхѣ объ отсылкѣ означенныхъ 15,168 р. въ интендантство, деньги были продержаны въ продолженіе 49-ти дней, то взамѣнъ тѣхъ указовъ были даны другіе за подписью Гамалѣи, и въ 5-хъ, что на расчетѣ Стрѣхи о выданныхъ Билинскому деньгахъ сдѣлана собственноручная надпись Гамалѣемъ слѣдующаго содержанія: «надо оставить для адмиралтейства 15,168 р. 27 к. сер. Вычесть тѣ деньги, которыя Билинскій получилъ. Остальныя отдать или ему или мнѣ». По указаніи же Гамалѣю этого расчета, онъ отозвался, что дѣло состояло въ томъ только, чтобы морское вѣдомство получило свое все, что ему слѣдуетъ, а Бенкендорфъ, хорошій знакомый Гамалѣя, тоже получилъ бы свое — и 4) Гамалѣя, будучи опекуномъ имѣнія, принадлежащаго наслѣдникамъ умершаго генерала отъ инфантеріи маркиза Паулучи, отдалъ это имѣніе 12-го декабря 1850 года Стрѣхѣ въ поссесіонное содержаніе на 10-ть лѣтъ, съ платою въ годъ по 7 т. р. сер.,

но въ концѣ 1851 года заключенный между ними контрактъ, по обоюдному ихъ согласію, уничтоженъ. Между-тѣмъ Стрѣха объяснилъ, что найдя имѣніе въ разстроенномъ положеніи, онъ издержалъ на устройство его болѣе 7 т. р. сер. казенныхъ денегъ.—Дѣйствительность издержекъ на эту сумму подтверждается представленными къ дѣлу счетами рабочихъ, но Гамалѣя утверждаетъ, что ему объ этомъ не было извѣстно.—Сверхъ того Стрѣха показывалъ, что надпись на контрактѣ объ уничтоженіи его сдѣлана имъ 17-го декабря 1851 года по убѣдительной просьбѣ Гамалѣи заднимъ числомъ отъ 1-го ноября того года; въ подтвержденіе этого Стрѣха представилъ счеты съ рабочими, по коимъ оказывается, что нанятые Стрѣхой рабочіе производили работу въ означенномъ имѣніи до 22-го ноября и получали отъ него деньги, а матеріалы покупались Стрѣхой для этого имѣнія до 9-го декабря.—Притомъ управляющій имѣніемъ, чиновникъ Панченко, подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что узналъ отъ Гамалѣи объ уничтоженіи контракта только 23-го декабря.

II. *О титулярномъ совѣтникѣ Кристофовичѣ.* Противъ показанія казначея Стрѣхи, что Кристофовичъ, бывшій до него казначеемъ въ коммерческомъ судѣ, сдалъ ему суммы съ недостаткомъ, оказалось, что при сдачѣ должности Кристофовичъ, какъ самъ онъ показалъ, передалъ долговую книгу, въ которой были записаны 1,739 р. 78 к. сер., выданные служащимъ въ коммерческомъ судѣ разнымъ чиновникамъ въ счетъ жалованья.—Сверхъ того Стрѣха показалъ, что Кристофовичу былъ долженъ Гамалѣя и что въ обезпеченіе этого долга Кристофовичъ сдалъ Стрѣхѣ заемное письмо, выданное Гамалѣемъ 7-го февраля 1839 г. купцу Кумбари на 1,142 р. 85¾ к. сер., но Кристофовичъ и Гамалѣя утверждаютъ, что по этому заемному письму деньги уплачены изъ собственности Гамалѣя тотчасъ по истеченіи срока; заемное же письмо было отдано Стрѣхѣ для передачи Кристофовичу, который былъ поручителемъ по этому займу; но Стрѣха оставилъ его у себя.—По объясненію Стрѣхи долги Гамалѣя были означены по той же долговой книгѣ, въ которой записаны выдачи чиновникамъ въ счетъ жалованья; но листы, на которыхъ, по словамъ Стрѣхи, были долги Гамалѣя, оказались вырванными.

III. *О титулярномъ совѣтникѣ Андросовѣ.* Андросовъ, будучи кассиромъ въ одесскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, занялъ у казначея уѣзднаго казначейста Юрескула: 23 т. р. сер. подъ собственную росписку и 8 т. р. сер. подъ общую роспиcку съ двумя братьями купцами и бывшимъ его помощникомъ титулярнымъ совѣтникомъ Ламзаки. Казначей Юрескулъ показалъ, будто заемъ этотъ сдѣланъ на пополненіе недостатка, бывшаго въ приказѣ общественнаго призрѣнія; но Андросовъ, отвергая справедливость этого показанія, объяснилъ, что занималъ у Юрескула собственныя его деньги и для своихъ оборотовъ, а не для пополненія растраты въ приказѣ,—и дѣйствительно въ приказѣ общественнаго призрѣнія растраты не оказалось.—Сверхъ того, по производству изслѣдованія возникли на Андросова обвиненія въ слѣдующемъ: 1) деньги, слѣдовавшія къ отсылкѣ изъ приказа общественнаго призрѣнія въ коммерческій судъ, Андросовъ предетавлялъ не въ присутствіе суда, а передавалъ непосредственно Стрѣхѣ въ самомъ приказѣ или въ коммерческомъ судѣ, тогда-какъ, по отзыву приказа общестественнаго призрѣнія, установленъ былъ порядокъ, чтобы кассиръ представлялъ деньги въ присутствіе съ ассистентомъ, которымъ назначенъ былъ помощникъ Андросова Ламзаки. Но изъ представленнаго къ дѣлу предписанія приказа общественнаго призрѣнія на имя тутулярнаго совѣтника Ламзаки видно только, что ему поставлено въ извѣстность распоряженіе одесскаго градоначальника, чтобы деньги доставлялись изъ одного присутствія въ другое съ ассистентомъ; но, чтобы именно Ламзаки назначенъ былъ ассистентомъ, въ предписаніи вовсе не сказано.—Притомъ въ коммерческомъ судѣ, по довѣрію председателя и членовъ къ казначею Стрѣхѣ, деньги принимались исключительно однимъ Стрѣхой, и слѣдовательно отступленіе отъ означеннаго порядка въ приказѣ общественнаго призрѣнія было прямымъ послѣдствіемъ безпорядка, допущеннаго въ коммерческомъ судѣ.—2) Стрѣха показалъ, что въ полученіи трехъ суммъ, именно: въ 15 т. р., 26,514 р. и 34,992 р. сер., онъ росписался въ книгѣ приказа общественнаго призрѣнія, не получивъ денегъ, которыя по расчетамъ между Андросовымъ, Ламзаки и Юрескуломъ, были у него удержаны: первыя двѣ суммы—для самихъ Андросова и Ламзаки, а послѣдняя—для Юре-

скула, въ возвратъ позаимствованныхъ Стрѣхой денегъ для представленія къ мѣсячнымъ свидѣтельствамъ кассы коммерческаго суда. Показаніе это не имѣетъ никакихъ подтвержденій, такъ-какъ подъ расходными статьями объ этихъ деньгахъ есть росписки Стрѣхи въ полученіи ихъ. Къ уликѣ Андросова и Ламзаки Стрѣха представлялъ, что на первую изъ означенныхъ суммъ въ 15 т. р. Андросовъ и Ламзаки дали ему росписку, которая потомъ, по уплатѣ 2 т. р., замѣнена была роспискою въ 13 т. р. на имя тетки Стрѣхи, чиновницы Дмитріевой. По Андросовъ и Ламзаки этого не подтвердили и росписки при дѣлѣ нѣтъ. Жена Стрѣхи, отзывавшаяся сначала незнаніемъ объ этой роспискѣ, объявила впослѣдствіи, что росписка была найдена ею въ карманѣ жилета ея мужа, и уничтожена купчихою Поповою, пріѣхавшею къ ней отъ имени Андросова для уплаты денегъ по означенной роспискѣ. Попова объяснила, что рѣшилась уничтожить роспиську по соглашенію къ тому Андросова, бывшаго опекуномъ ея дѣтей; но Андросовъ отозвался, что Попову объ уничтоженіи росписки, вовсе несуществовавшей, никогда не просилъ. Въ подтвержденіе существованія росписки, Стрѣха сослался на коллежскаго ассесора Яковлева, который подъ присягою объявилъ, что Стрѣха дѣйствительно показывалъ ему роспиську въ 13 т. р. и говорилъ, что она выдана Андросовымъ за поручительствомъ Ламзаки, но кѣмъ именно была подписана росписка, самъ Яковлевъ не помнитъ.—3) На Андросова возникло сомнѣніе, по показанію казначея Стрѣхи, будто онъ росписался по книгѣ коммерческаго суда въ полученіи 7,500 р. сер. 25 ноября 1850 г., тогда-какъ дѣйствительно получены эти деньги въ приказъ общественнаго призрѣнія 1 апрѣля 1851 г. Андросовъ показалъ, что росписался не 25 ноября, а 1 апрѣля, при самомъ полученіи денегъ; но, по множеству занятій, не обратилъ вниманія на годъ, мѣсяцъ и число представленной Стрѣхой книги. По удостовѣренію коммерческаго суда и херсонской казенной палаты, приходорасходныя книги за 1850 г. были отправлены на ревизію въ палату 16 марта 1851 г. при отношеніи суда отъ 31 января того же года, а получены въ палатѣ 22 марта и оставались тамъ до 9 января 1852 г.; но Андросовъ, указывая на продержаніе Стрѣхой отчетовъ съ 31 января по 16 марта, объясняетъ, что Стрѣха, рѣшившись на этотъ

поступокъ, легко могъ при отправленіи отчетовъ удержать приходорасходную книгу за 1850 г. до 2 или 3 апрѣля и отослать *ее частнымъ образомъ, не ожидая преслѣдованія за это со стороны* палаты, уже допустившей послабленіе какъ ему, такъ и его соучастнику казначею Юрескулу тѣмъ, что при ревизіяхъ денежныхъ книгъ коммерческаго суда не обратила вниманія на разность времени отправки денегъ изъ коммерческаго суда съ временемъ полученія ихъ въ приказѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ, въ казначействѣ же допущены значительные безпорядки и растрата суммъ — и 4) кромѣ означенныхъ 7,500 р., какъ видно изъ приходорасходныхъ книгъ коммерческаго суда за 1850 и 1851 годы и изъ увѣдомленія приказа общественнаго призрѣнія, много другихъ суммъ, препровождавшихся изъ коммерческаго суда, получались въ приказѣ чрезъ мѣсяцъ и болѣе послѣ отсылки, и хотя въ увѣдомленіяхъ приказа означалось время присылки денегъ изъ коммерческаго суда, но оно не сходно съ временемъ, подъ которымъ выведены деньги въ расходъ по шнуровой книгѣ суда; такъ напримѣръ: въ расходной статьѣ 2-го іюня 1851 года показано отосланныхъ денегъ въ приказѣ при отношеніи того же числа 2,004 р. 31 к; въ увѣдомленіи же приказа упоминается, что эти деньги присланы въ приказъ при отношеніи коммерческаго суда 28 іюля. Въ числахъ и мѣсяцахъ на подлинныхъ отношеніяхъ коммерческаго суда сдѣланы переправки. Въ переправкахъ этихъ Андросовъ и Стрѣха обвиняютъ другъ друга; но доказательствъ, кѣмъ именно онѣ сдѣланы, не открыто.

IV. *О титулярномъ совѣтникѣ Ламзаки.*—Ламзаки занялъ подъ общую росписку съ титулярнымъ совѣтникомъ Андросовымъ и двумя братьями сего послѣдняго 8 т. р. сер. у казначея Юрескула Ламзаки и прочіе должники утверждаютъ, что деньги эти были заняты собственно для Ильи и Гавріила Андросовыхъ и не изъ казенныхъ, а изъ собственныхъ денегъ Юрескула; Ламзаки же росписался только въ видѣ свидѣтеля или поручителя; но и въ этомъ случаѣ онъ не можетъ быть избавленъ отъ отвѣтственности, одинаковой съ прочими заемщиками, такъ-какъ заемъ сдѣланъ у казначея, безъ разрѣшенія на то его начальства.—По показаніямъ казначеевъ Юрескула и Стрѣхи, Ламзаки обвинялся еще во взятіяхъ судахъ казен-

ными деньгами для сокрытія бывшей будто въ приказѣ общественнаго призрѣнія растраты; но Ламзаки призналъ показанія эти несправедливыми, объясняя, что у него никакихъ казенныхъ денегъ на рукахъ не было, такъ-какъ онъ былъ только помощникомъ кассира; росписываясь же иногда по приказанію кассира въ полученіи денегъ, онъ тогда же отдавалъ ихъ кассиру, слѣдовательно не имѣлъ чѣмъ участвовать въ займахъ и расчетахъ съ Стрѣхой. По повѣркѣ книгъ коммерческаго суда оказалось, что многія изъ такихъ суммъ, въ полученіи которыхъ росписался Ламзаки, поступили въ приказъ общественнаго призрѣнія чрезъ мѣсяцъ и болѣе послѣ записанія ихъ въ расходъ по книгамъ коммерческаго суда; въ увѣдомленіяхъ же приказа хотя означалось время присылки изъ коммерческаго суда денегъ, но оно не сходно съ временемъ, подъ которымъ выведены деньги въ расходъ по шнуровой книгѣ суда, и въ подлинныхъ отношеніяхъ коммерческаго суда числа переправлены. Кѣмъ сдѣланы эти переправки: Ламзаки, Андросовымъ, или самимъ Стрѣхой, не открыто.—Сверхъ того по дѣлу обнаружено, что нѣкоторыя суммы, полученныя Стрѣхой изъ приказа общественнаго призрѣнія, не были представлены имъ въ коммерческій судъ и оказались растраченными. По неполученіи продолжительное время увѣдомленій отъ коммерческаго суда, приказъ общественнаго призрѣнія долженъ былъ требовать этихъ увѣдомленій. Наблюденіе за составленіемъ сихъ требованій, по отзыву приказа общественнаго призрѣнія, возложено было на подсудимаго Ламзаки, и потому обстоятельство это приказъ относитъ къ винѣ его; но Ламзаки въ оправданіе свое объяснилъ, что о неполученіи увѣдомленій онъ напоминалъ столоначальнику и секретарю, которые непосредственно обязаны были писать повторенія; онъ же Ламзаки, кромѣ книгъ, никакой переписки въ завѣдываніи своемъ не имѣлъ и повтореній никогда не писалъ.—Къ обвиненію Ламзаки отнесено также, что онъ, бывъ назначенъ ассистентомъ къ кассиру Андросову для доставленія суммъ изъ приказа общественнаго призрѣнія въ другія присутственныя мѣста, допускалъ, что суммы, назначенныя къ отсылкѣ въ коммерческій судъ, не представлялись прямо въ присутствіе суда, а передавались непосредственно Стрѣхѣ или въ приказъ, или въ коммерческомъ судѣ. Ламзаки объяс-

нилъ, что онъ не былъ назначенъ ассистентомъ, и по дѣлу, какъ уже выше объяснено, оказывается, что даннымъ отъ приказа общественнаго призрѣнія предписаніемъ титулярному совѣтнику Ламзаки, онъ поставленъ только въ извѣстность о распоряженіи градоначальника, чтобы деньги доставлялись казначеями съ ассистентомъ; о назначеніи же ассистентомъ именно Ламзаки, вовсе не упоминается.

V. О титулярномъ совѣтникѣ Колчакѣ.—Колчакъ былъ обвиненъ въ слѣдующемъ: 1) присланный изъ приказа общественнаго призрѣнія билетъ на внесенные дворяниномъ Мошевскимъ 3,000 р. сер., записанъ Колчакомъ въ приходъ по книгѣ 5-мъ числомъ октября 1851 г, тогда-какъ билетъ поступилъ 12-го октября, 7-ю днями позже. Колчакъ объяснилъ, что сдѣлалъ это по ошибкѣ. Ни слѣдствіемъ, ни судомъ не обнаружено, чтобы отъ этой ошибки были какія либо вредныя послѣдствія или чтобы подъ ошибкою скрывались долги.—2) Двѣ суммы—1001 р. и 7885 р. доставилъ Колчакъ изъ уѣзднаго суда въ приказъ общественнаго призрѣнія не въ тотъ день, когда записаны эти деньги въ расходъ, т. е. не 29-го сентября 1851, а 25-го октября, спустя 26 дней. Колчакъ извиняется въ этомъ промедленіи тѣмъ, что, бывъ обремененъ многосложными занятіями по тремъ должностямъ: протоколиста, надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ и казначея въ уѣздномъ судѣ и дворянской опекѣ, не успѣлъ раньше отнести денегъ въ приказъ и не рѣшался довѣрить другому лицу вмѣсто себя доставить туда означенныя деньги.—3) Колчакъ, получивъ 18-го декабря 1851 г. предписаніе о внось въ коммерческій банкъ 15,600 р., исполнилъ это 4-го января 1852 г., и хотя выписалъ деньги въ расходъ 30-го декабря, но, по случаю оставленія ихъ безъ отсылки, не записалъ, какъ бы слѣдовало, обратно въ приходъ. Колчакъ представилъ въ оправданіе свое, что онъ не могъ внести денегъ въ банкъ съ 18-го декабря по январь 1852 г. оттого, что банкъ, на основаніи правилъ своихъ, прекратилъ по обыкновенію всѣ пріемы и выдачи денегъ съ 15 декабря по 2-е января; внесъ же онъ деньги не прежде 4-го января потому, что 2-го и 3-го числа не имѣлъ для этого свободнаго времени.—4) Въ книгѣ коммерческаго суда росписался Колчакъ въ пріемѣ двухъ суммъ, безъ означенія котораго именно числа принялъ ихъ; между тѣмъ

одна сумма была записана по книгѣ коммерческаго суда въ расходѣ 6 февраля 1851 г., а другая 16 мая; получены же Колчакомъ въ уѣздномъ судѣ: 1,127 р. 18 к.—5-го марта и 3,000 р. 6-го іюля 1851 г.—Колчакъ въ оправданіе по этому предмету представилъ, что ему не было дано инструкціи, чтобы расписываясь въ книгѣ, означать число, когда деньги приняты, и дѣйствительно инструкціи на этотъ предметъ Колчаку не дано, а по закону означается время полученія денегъ только въ тѣхъ установленіяхъ, въ которыхъ это принято.—Кромѣ сего возникло на Колчака два подозрѣнія: *первое*—по показанію казначея Юрескула, будто онъ для покрытія растраты денегъ въ уѣздномъ судѣ, занялъ у него послѣ 1-го ноября 1851 года безъ росписки и безъ свидѣтелей 31 т. руб., которые къ 1-му декабря 1851 года воротилъ, а послѣ свидѣтельства суммъ опять взялъ съ обѣщаніемъ воротить въ томъ же декабрѣ. Изъ четырехъ лицъ, которыя, по словамъ Юрескула, знали объ этомъ займѣ, одинъ казначей Стрѣха показалъ, что Колчакъ говорилъ ему, будто съ давняго времени долженъ Юрескулу отъ 15 т. до 20 т. руб., что долгъ этотъ то уплачивался, то возобновлялся, и что въ 1851 г. еще занято 11 т. руб.; но показаніе Стрѣхи несогласно съ собственнымъ объясненіемъ Юрескула о времени и количествѣ займа, сдѣланнаго по словамъ Юрескула не по частямъ, а разомъ. Другія три лица, на которыхъ Юрескулъ сослался, именно: Андросовъ, Ламзаки и купецъ Астафьевъ, отозвались, что о подобномъ займѣ ничего не слыхали. Слѣдствіемъ же и судомъ не открыто никакихъ слѣдовъ растраты когда-либо денегъ въ уѣздномъ судѣ и дворянской опекѣ.—*Второе* подозрѣніе возникло по показанію жены казначея Юрескула, будто наканунѣ открытія у мужа ея растраты денегъ, извѣстили его купецъ Астафьевъ и Колчакъ, и Астафьевъ просилъ ее уговорить мужа взять изъ кассы всѣ деньги и отдать ихъ Астафьеву или Колчаку, а они будутъ помогать ей и дѣтямъ его. По ссылкѣ жены Юрескула были допрошены по этому предмету двѣ служанки ея, изъ которыхъ одна показала, что слышала, какъ Астафьевъ говорилъ объ этомъ Юрескуломъ; а другая слышала, что это говорили Колчакъ и Астафьевъ. Но они оба объяснили, что были, у Юрескула 2-го января для поздравленія съ новымъ годомъ;

однакожъ ни о какихъ деньгахъ не было разговора, и обѣщанія помогать женѣ и дѣтямъ Юрескула не давали.

VI. Объ одесскомъ купцѣ 2-й гильдіи Астафьевѣ. Астафьевъ по показанію казначея Юрескула, обвинялся въ займѣ у него 9,700 руб. серебр. въ августѣ мѣсяцѣ 1845 года, для пополненія будто кассы одесской градской полиціи, въ которой Астафьевъ былъ тогда казначеемъ. — Въ займѣ этомъ Астафьевъ не сознался и, по удостовѣренію означенной градской полиціи, никакого недостатка въ суммахъ, въ бытность Астафьева казначеемъ, не оказывалось.—Юрескулъ, для улики Астафьева въ займѣ 9,700 руб., представилъ росписку, написанную рукою самаго Юрескула, за подписью отъ имени Астафьева. Эту росписку Астафьевъ призналъ фальшивою. По сличеніи въ военномъ судѣ подписи на роспискѣ, признано, что эта подпись имѣетъ *близкое* сходство съ современными подписями Астафьева на бумагахъ полиціи; съ позднѣйшими же подписями его подъ показаніями по настоящему дѣлу, никакого сходства не найдено. Притомъ изъ собственнаго показанія Юрескула видно, что Астафьевъ, не имѣя возможности уплатить занятыхъ денегъ, приносилъ ихъ однако въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца въ казначейство къ мѣсячному свидѣтельству суммъ; но по окончаніи повѣрки бралъ деньги обратно отъ Юрескула; почему же Юрескулъ не удержалъ этихъ денегъ, имѣя къ тому столько случаевъ въ продолженіе 7-ми лѣтъ, въ показаніи Юрескула не объяснено.—По показаніямъ тогоже Юрескула и казначея Стрѣхи, Астафьевъ въ бытность казначеемъ въ полиціи, для сокрытія бывшей будто растраты, занималъ деньги и у другихъ казначеевъ къ мѣсячнымъ свидѣтельствамъ суммъ и взаимно ссужалъ казначеевъ принадлежащими полиціи деньгами для сокрытія бывшей у нихъ растраты. Но Астафьевъ призналъ это показаніе несправедливымъ и доказательствъ къ изобличенію его въ этомъ не предоставлено.—Сверхъ того возникло сомнѣніе на Астафьева, по показанію жены Юрескула, будто онъ наканунѣ открытія у мужа ея растраты денегъ, навѣстилъ Юрескула вмѣстѣ съ Колчакомъ и просилъ ее уговорить мужа взять изъ кассы всѣ деньги и отдать ихъ Астафьеву или Колчаку, а они будутъ помогать ей и дѣтямъ его. Выше въ статьѣ о титулярномъ совѣтникѣ Колчакѣ объяснено уже, что по ссылкѣ жены Юрескула былъ допроше-

ны по этому предмету двѣ служанки ея, изъ которыхъ одна показала, что слышала, какъ Астафьевъ говорилъ объ этомъ съ Юрескуломъ, а другая слышала, что это говорили Колчакъ и Астафьевъ—Но оба они объяснили, что были у Юрескула 2-го января для поздравленія съ новымъ годомъ, причемъ однако ни о какихъ деньгахъ не было разговора, и обѣщанія помогать женѣ и дѣтямъ Юрескула не давали.

VII. *О почетныхъ гражданахъ Илье и Гавриле Андросовыхъ.*—Эти подсудимые заняли подъ общую росписку съ братомъ своимъ титулярнымъ совѣтникомъ Андросовымъ и чиновникомъ Ламзаки 8,000 руб. сереб. у казначея Юрескула, который показалъ, что деньги эти даны Андросовымъ завѣдомо изъ казенныхъ. Андросовы же утверждаютъ, что заняли у Юрескула означенныя деньги, не предполагая вовсе, что они были казенныя. На основаніи 1753 ст. X т. зак. гражданск. (изд. 1842 г.) заемъ денегъ у казначеевъ не можетъ быть совершенъ иначе, какъ съ разрѣшенія ихъ начальства; Юрескулъ же разрѣшенія этого не имѣлъ.

VIII. *О почетномъ гражданинѣ Семенѣ Андросовѣ.*—Семенъ Андросовъ обвинялся, по показанію казначея Юрескула, въ займѣ у него 23,300 руб. казенныхъ денегъ. Андросовъ утверждаетъ, что денегъ у Юрескула никогда не занималъ. Къ уликѣ Андросова Юрескулъ представилъ то, что когда онъ 2-го января 1852 года потребовалъ отъ Андросова обезпеченіе какъ собственнаго его займа, такъ и извѣстнаго ему займа сына его Михайлы, то Андросовъ далъ ему три оцѣночныя свидѣтельства на принадлежащіе ему дома и лавки, по которымъ однако нельзя было достать денегъ потому-что свидѣтельства были просрочены. Но по розысканію оказалось, что эти свидѣтельства даны были Семеномъ Андросовымъ сыну его Михайлу для перемѣны по случаю истеченія срока имъ; а Михайло Андросовъ, желая отдать Юрескулу должные имъ 23,000 руб., старался пріискать деньги подъ залогъ означенныхъ свидѣтелствъ, въ чемъ однако не успѣлъ и свидѣтельства, по передачѣ ихъ женѣ Юрескула, для того, чтобы и она похлопотала о пріобрѣтеніи денегъ, остались у Юрескула.

Сверхъ того, по показаніямъ нѣсколькихъ лицъ, спрошенныхъ по ссылкѣ Юрескула, представляется сомнѣніе, что Семенъ Андро-

совъ зналъ о вышеозначенномъ займѣ сына его Михайлы у казначея Юрескула, хотя сами Андросовы этого не подтвердили. *Примѣчаніе.* Семенъ Андросовъ во время производства суда умеръ.

IX. *Объ одесскомъ купцѣ 2-й гильдіи Басмаджи.*—Этотъ подсудимый, по показанію казначея Стрѣхи, подвергся обвиненію во 1-хъ, въ томъ, что онъ, управляя въ 1850 году дѣлами одесской морской страховой компаніи «Надежда», — принялъ отъ Стрѣхи квитанцію въ доставленіи въ коммерческій судъ опредѣленныхъ ко взысканію съ компаніи въ пользу почетнаго гражданина Черепникова 18,533 руб. 35 коп. сер. прежде, нежели деньги эти дѣйствительно были внесены, и во 2-хъ въ томъ, что Басмаджи занималъ у Стрѣхи 25,000 руб. сереб. завѣдомо принадлежавшихъ коммерческому суду. — При розысканіи по первому обвиненію, Басмаджи показалъ, что внесъ всѣ деньги 3 марта 1850 года, и тогда же получилъ отъ Стрѣхи квитанцію. Стрѣха въ опроверженіе этого показанія представилъ веденную самимъ имъ книгу, по которой эти деньги означены полученными не вдругъ, а по частямъ; но о современности и дѣйствительности этихъ отмѣтокъ, доказательствъ Стрѣхой не представлено; полученныя же отъ Басмаджи деньги записаны по шнуровой книгѣ коммерческаго суда на приходъ и въ расходъ 22 того же марта.—Что касается обвиненія Басмаджи во взятіи у Стрѣхи въ долгъ 25,000 руб. сереб. завѣдомо будто принадлежавшихъ коммерческому суду, то Басмаджи, подтверждая, что дѣйствительно бралъ эти деньги у Стрѣхи, объяснилъ, что ему вовсе не было извѣстно, былъ ли Стрѣха казначеемъ. По дѣлу оказывается, что Басмаджи взялъ у Стрѣхи въ долгъ 25,000 р. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ уплатилъ ему означенные, причитавшіеся съ Страховой компаніи, 18,533 руб.; но Басмаджи утверждаетъ, что при взносѣ этихъ денегъ не обратилъ вниманія на черты лица Стрѣхи.

X. *Объ одесскомъ купцѣ 2-й гильдіи Кихрибарджи.* — Подсудимый Кихрибарджи преданъ военному суду по возникшему на него сомнѣнію, вслѣдствіе показанія Стрѣхи, въ знаніи, что купцемъ Басмаджи заняты были у Стрѣхи деньги казенныя, такъ-какъ, по несостоятельности Басмаджи къ уплатѣ денегъ въ назначенный срокъ, Кихрибарджи заплатилъ за него Стрѣхѣ

25 т. руб.—по Кихрибарджи отозвался, что онъ не зналъ, какія деньги давалъ Стрѣха купцу Басмаджи: собственныя, или казенныя.

XI. *Объ одесскомъ купцѣ 3-й гильдіи Шапирѣ.* Этотъ подсудимый оговоренъ казначеемъ Стрѣхой въ томъ, что онъ давалъ Стрѣхѣ деньги въ долгъ, для покрытія растраты въ кассѣ коммерческаго суда при мѣсячныхъ свидѣтельствахъ суммъ. Но Шапира показалъ, что ему, какъ частному лицу, вовсе не было извѣстно о недостаткѣ суммъ въ коммерческомъ судѣ и деньги давалъ Стрѣхѣ въ долгъ, не зная для какого употребленія онъ занималъ ихъ.—Кромѣ означенныхъ лицъ, оговоренныхъ подсудимыми: Стрѣхой и Юрескуломъ въ участіи въ растратѣ суммъ, подверглись военному суду и другія лица по разнымъ обвиненіямъ, возникшимъ на нихъ по производству слѣдствія. Обвиненія эти заключаются въ слѣдующемъ:

XII. *О статскомъ совѣтникѣ Сливицкомъ.* Этотъ подсудимый обвиняется въ томъ, что, будучи старшимъ членомъ въ коммерческомъ судѣ, не наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ самимъ имъ подписанныхъ журналовъ суда въ отношеніи записки денегъ на приходъ и въ расходъ и отсылки ихъ по принадлежности, не замѣчая при мѣсячныхъ свидѣтельствахъ допущенныхъ безпорядковъ въ томъ, что статьи прихода не были иногда подписаны казначеемъ, а подъ расходными статьями не было росписокъ получителей, или вмѣсто ихъ сдѣланы неправильныя росписки Стрѣхой въ полученіи имъ денегъ для записки опять въ приходъ, по указамъ будто суда, которыхъ однако не было и деньги въ приходъ не записаны. Кромѣ того нѣкоторыя суммы не были записаны въ приходъ и о запискѣ ихъ въ приходорасходныя книги не было вовсе журналовъ; по нѣкоторымъ же суммамъ состоялись журналы о записке въ приходъ и въ расходъ тогда-какъ суммъ этихъ на лицо не было и онѣ помѣчены полученными въ судѣ чрезъ нѣсколько дней послѣ отсылки ихъ изъ приказа; на что однако при постановленіи журналовъ не было обращено вниманія. О нѣкоторыхъ суммахъ, не отправленныхъ по принадлежности, присутственныя мѣста обращались въ коммерческій судъ съ требованіемъ доставленія денегъ; но по бумагамъ не дѣлалось своевременныхъ распоряженій; при постановленіи же журналовъ объ удовлетвореніи этихъ требованій, какъ напримѣръ по дѣлу ротми-

стра Бенкендорфа, не было обращено вниманія на неправильность предшествовавшихъ дѣйствій казначея, какъ то на незаписку денегъ въ приходъ и на то, что часть ихъ выдана повѣренному Бенкендорфа прежде состоявшагося о томъ опредѣленія суда. Подсудимый Сливицкій относитъ допущеніе этихъ безпорядковъ къ предсѣдателю Гамалью и къ чиновникамъ канцеляріи, которые и дѣйствительно не наблюдали за полученіемъ изъ присутственныхъ мѣстъ увѣдомленій о пріемѣ отправленныхъ туда денегъ и не докладывали присутствію требованій присутственныхъ мѣстъ о доставленіи денегъ, которыя по журналамъ суда значились уже отправленными; но на основаніи 226 ст. II т. свода зак. (изд. 1842 г.) отвѣтственность за всѣ безпорядки падаетъ какъ на предсѣдателя, такъ и на членовъ присутствія.

XIII. *О секретарѣ коммерческаго суда коллежскомъ ассесорѣ Жеребко и исправляющемъ должности помощника секретаря и надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ титулярномъ совѣтникѣ Свѣжинскомъ.* Подсудимые Жеребко и Свѣжинскій обвиняются въ томъ, что, составляя журналы объ отправленіи нѣкоторыхъ суммъ по назначенію и скрѣпляя исполнительныя бумаги по этимъ журналамъ, не наблюдали, чтобы при дѣлахъ имѣлись увѣдомленія о полученіи денегъ, и если возникала переписка о какой либо изъ этихъ суммъ, то въ докладахъ присутствію показывали ихъ отосланными въ то или другое мѣсто сообразно тому, какъ постановлено было журналами суда, безъ дальнѣйшихъ справокъ, тогда-какъ суммы не были отправлены по назначенію и оказались растраченными. Сверхъ того Свѣжинскій по нѣкоторымъ повтореніямъ вовсе не составлялъ докладовъ, а повторенія оберъ-интенданта черноморскаго флота о высылкѣ денегъ, принадлежавшихъ ротмистру Бенкендорфу, удерживалъ долгое время, не докладывая присутствію. Жеребко показалъ, что означенныя упущенія допущены имъ отъ множества занятій по должности секретаря; а Свѣжинскій объяснилъ, что нѣкоторыя повторенія о деньгахъ, подлежавшихъ къ отправленію въ уѣздное казначейство, онъ передавалъ Стрѣхѣ, для напамятованія о скорѣйшемъ исполненіи, такъ-какъ въ казначейство деньги вносились Стрѣхой безъ всякаго отношенія отъ коммерческаго суда; по другимъ бумагамъ въ справкахъ показывалъ деньги отправленными потому, что такъ они значились

по дѣлу, производившемуся въ столѣ Свѣжинскаго; по отношеніямъ же оберъ-интенданта о высылкѣ денегъ Бенкендорфа, долго не составлялъ доклада присутствію по приказанію Гамалѣи.—Гамалѣя не подтвердилъ этого, и на повтореніяхъ интендантства положены резолюціи: «составить докладъ;» но Свѣжинскій доказываетъ справедливость своего показанія тѣмъ, что Гамалѣя, видѣвши этотъ безпорядокъ при постановленіи журнала, не сдѣлалъ Свѣжинскому за допущенную медленность никакого замѣчанія.

XIV. *О помощникѣ секретаря коммерческаго суда титулярномъ совѣтникѣ Виташевскомъ.* Виташевскій преданъ военному суду за упущеніе по дѣлу о деньгахъ и билетахъ, принадлежавшихъ конкурсу несостоятельнаго купца Серебрянаго. Упущеніе это заключалось въ томъ, что при составленіи двухъ журналовъ по этому дѣлу послѣ того, какъ данъ былъ указъ Стрѣхѣ объ отправленіи означенныхъ денегъ въ приказъ общественнаго призрѣнія, выведено на справку, что деньги хранятся въ приказѣ, тогда-какъ они не были отправлены и при дѣлѣ не имѣлось увѣдомленія о полученіи денегъ. Подсудимый Виташевскій объяснилъ, что онъ считалъ деньги отправленными потому, что объ отсылкѣ ихъ въ приказъ общественнаго призрѣнія составленъ былъ журналъ и написаны были въ свое время исполнительныя по сему журналу бумаги. По правиламъ дѣлопроизводства, Виташевскій долженъ былъ сверхъ того потребовать отъ казначея копію съ увѣдомленія приказа общественнаго призрѣнія о полученіи денегъ; но онъ этого не исполнилъ.

XV. *О приложныхъ стряпчихъ коммерческаго суда коллежскомъ секретарѣ Гульельмучи и купцѣ 3-й гильдіи Вейнбергѣ.* Эти подсудимые, будучи кураторами конкурса несостоятельнаго купца Серебрянаго, росписались въ шнуровой книгѣ коммерческаго суда въ принятіи, для доставленія въ одесскій приказъ общественнаго призрѣнія, двухъ билетовъ херсонскаго приказа на 119 р. и наличныхъ денегъ 17,370 р. 70 к. сер., принадлежащихъ упомянутому конкурсу; но денегъ не получали, а тогда же подали рапортъ въ судъ съ представленіемъ денегъ и билетовъ обратно и въ пріемѣ отъ нихъ денегъ Стрѣха росписался на томъ же рапортѣ, выдавъ имъ сверхъ того квитанцію. Деньги эти, какъ уже объяснено, оказались растраченными. Гульель-

мучи и Вейнбергъ показали, что росписались въ полученіи денегъ по приказанію Гамалѣи, вовсе не подозрѣвая подлога; по подачѣ же рапорта съ представленіемъ денегъ, тоже по приказанію Гамалѣи, и по полученіи квитанціи въ принятіи ихъ отъ Гульельмучи и Вейнберга, они были увѣрены въ отсылкѣ денегъ по назначенію. Гамалѣя показалъ, что никакихъ приказаній имъ не давалъ и о роспискахъ въ книгѣ Стрѣхи и кураторовъ ничего не зналъ, а рапортъ помѣтилъ, вѣроятно, въ числѣ другихъ бумагъ безъ прочтенія. Во всякомъ случаѣ росписка кураторами Гульельмучи и Вейнбергомъ сдѣлана неправильно потому, что въ расходной статьѣ деньги были показаны отправленными въ приказъ общественнаго призрѣнія, а подъ статьею сдѣлана надпись Стрѣхой, что деньги онъ получилъ обратно для записки на приходъ; на неправильность эту не было обращено вниманія при мѣсячномъ свидѣтельствѣ, и такимъ образомъ означенная росписка Гильельмучи и Вейнберга послужила нѣкоторымъ образомъ къ временному сокрытію растраты.

Сверхъ того къ дѣлу сему оказались прикосновенными:

I. *По дѣлу о растратѣ суммъ въ коммерческомъ судѣ:* а) бывшіе въ коммерческомъ судѣ членами отъ купечества, съ 8-го іюля 1840 г. по 17-е декабря 1851 г., т. е. со дня назначенія Стрѣхи въ казначеи по день обнаруженія растраты, 23 человѣка именно: Яковъ Гари, Александръ Зарифи, Августъ Шевестръ, Карлъ Деазартъ, Павелъ Ираклиди, Иванъ Мавро, Александръ Нарольскій, Евгеній Гогель, Илья Тработти, Георгій Вучино, Спиридонъ Инглези, Николай Инглези, Эдуардъ Шейнсъ, Николай Черепенниковъ, Николай Джурановичъ, Осипъ Рандичъ, Степанъ Буба, Степанъ Вучетичъ, Джанъ Карутерсъ, Лаура, а также умершіе: Григорій Россолимо, Федоръ Авгерино и находящійся за границею, уволенный отъ званія члена, по случаю разстройства умственныхъ способностей Марко-Квекичъ. Они обвиняются, по собственному сознанію, въ томъ, что въ мѣсячныхъ свидѣтельствахъ кассы коммерческаго суда, не производили полной повѣрки приходорасходныхъ статей съ документами и не обращали вниманія на то, что подъ многими расходными статьями не было росписокъ получателей, а въ нѣкоторыхъ статьяхъ допущены неправильныя росписки Стрѣхи, будто выведенныя въ расходъ деньги онъ принялъ подъ свою ро-

списку для записки вновь на приходъ. Какъ вслѣдствіе этихъ упущеній допущена въ коммерческомъ судѣ растрата суммъ, то означенные члены были преданы, въ числѣ виновныхъ въ растратѣ, военному суду, но впослѣдствіи, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, Высочайше повелѣно было освободить ихъ отъ военнаго суда, съ тѣмъ, чтобы они неизъяты были отъ должной по законамъ отвѣтственности относительно пополненія суммъ коммерческаго суда. На семъ основаніи у всѣхъ членовъ отъ купечества описано имущество для пополненія растраты. б) Исправлявшій въ 1850 году должность помощника секретаря въ коммерческомъ судѣ коллежскій секретарь Аникевичъ, въ томъ, что онъ написалъ въ журналѣ суда отъ 31-го января 1850 г. что деньги, принадлежащія конкурсу несостоятельнаго купца Серебрянаго, хранятся въ одесскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, тогда-какъ при дѣлахъ суда не было увѣдомленія приказа о полученіи этихъ денегъ и они оказались растраченными. в) Исправлявшій въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1849 года должность секретаря въ коммерческомъ судѣ коллежскій ассесоръ Верещагинъ въ томъ, что онъ скрѣпилъ журналъ суда отъ 7-го сентября 1849 г., о записке въ приходъ по шнуровой книгѣ 15,168 руб 27 к. сер., поступившихъ отъ покупателей домовъ ротмистра Бенкендорфа, тогда-какъ этими покупателями было внесено въ судъ не 15,168 р., а 29 т. р. сер. Отъ Верещагина не истребовано по этому предмету объясненія. г) Херсонской казенной палаты губернскій контролеръ коллежскій совѣтникъ Шаула, контролеръ титулярный совѣтникъ Моравскій и помощникъ сего послѣдняго коллежскій секретарь Кіяшко въ томъ, что они, обревизовавъ расходную книгу одесскаго коммерческаго суда за 1849 годъ, удостовѣрили, что начетовъ по оной нѣтъ, тогда-какъ подъ статьею объ отправленіи въ приказъ общественнаго призрѣнія денегъ, принадлежащихъ купцу Серебряному, допущена неправильность въ росписке и при дѣлѣ не было увѣдомленія приказа о полученіи денегъ. Ближайшею ревизіею отчетовъ коммерческаго суда за 1849 годъ занимался помощникъ контролера Кіяшко, который объяснилъ, что при множествѣ статей, видя сдѣланныя подъ означенною статьею росписки, просмотрѣлъ ихъ содержаніе. д) Жена подсудимаго

титулярнаго совѣтника Стрѣхи Пульхерія и вдова купчиха Елена Попова, первая въ непредставленіи по первому требованію слѣдователей росписки, данной будто титулярными совѣтниками Андросовымъ и Ламзаки на имя чиновницы Дмитріевой въ 13-т. р. сер., должныхъ титулярному совѣтнику Стрѣхѣ; а послѣдняя въ умышленномъ уничтоженіи означенной росписки.

2) *По дѣлу о растратѣ суммъ въ уѣздномъ казначействѣ:* а) 25-ть человѣкъ дворянъ одесскаго уѣзда въ томъ, что при выборѣ коллежскаго ассесора Юрескула въ октябрѣ мѣсяцѣ 1834 года въ казначеи, выдали ему одобрительное свидѣтельство съ обязательствомъ въ случаѣ утраты Юрескуломъ казенной суммы, пополнить все утраченное собственнымъ имѣніемъ. Хотя свидѣтельство это дано безъ ограниченія срока, но какъ въ то время, на основаніи 760 ст. II т. св. закон. губернск. учрежд. (изд. 1832 г.), уѣздные казначеи повсемѣстно опредѣлялись на три года и только на это время обязаны были представлять за себя и залоги или поручительства, то означенное порученіе за Юрескула не имѣетъ въ настоящее время обязательной силы. б) Члены херсонской казенной палаты въ томъ, что не распорядились своевременно возобновить поручительство по Юрескулѣ; что въ одесскомъ уѣздномъ казначействѣ допущено было накопленіе суммъ до 100 и даже болѣе 200 т. р. сер., тогда-какъ на основаніи 2694, 2695 и 2775 ст. II т. губернск. учрежд., въ казначействѣ дозволяется имѣть наличныхъ суммъ только до 1500 р., а остальныя должны быть высылаемы съ первою почтою въ главное казначейство и, наконецъ что допущена была медленность въ представленіи въ казенную палату общимъ уѣзднымъ присутствіемъ коній съ книгъ или выписокъ и вѣдомостей, которыя доставлялись въ палату до 1851 года, обыкновенно въ послѣднихъ числахъ слѣдующаго мѣсяца, тогда-какъ на основаніи 206 ст. II т. губернск. учрежд. должны быть доставлены съ первою почтою послѣ освидѣтельствованія казначейства. в) Члены общаго одесскаго уѣзднаго присутствія: въ допущеніи накопленія суммъ въ уѣздномъ казначействѣ; въ несвоевременномъ представленіи въ казенную палату коній съ книгъ и вѣдомостей объ освидѣтельствованіи суммъ, и наконецъ въ допущеніи хранепія въ казначействѣ суммъ уѣзднаго суда и дворянской опеки, равно вклада и выс-

ма оныхъ бывшимъ приходорасходчикомъ Колчакомъ безъ *соблюденія правилъ, изложенныхъ въ приложеніи къ ст.* 2657 т. II св. зак. (по 10-му продолж.) и, не смотря на указъ правительствующаго сената, распубликованный 16 августа 1851 года (по XVI-му продолж. прилож. къ ст. 2657), которымъ подтверждалось о точномъ выполненіи упомянутыхъ правилъ, съ добавленіемъ, чтобы при посылкѣ въ уѣздныя казначейства суммъ присутственныхъ мѣстъ, всегда прилагались къ сундукамъ или пакетамъ, кромѣ казенной печати, частныя всѣхъ членовъ печати, допускали храненіе сундуковъ, какъ сами объяснили, только за печатью приходорасходчика и печатьми суда и опеки; кромѣ того продолжали по прежде заведенному порядку свидѣтельствовать суммы суда и опеки въ самомъ казначействѣ, не требуя ихъ въ присутствія сказанныхъ мѣстъ *).

Сообразивъ *всѣ вышеизложенныя обстоятельства*, военный генералъ-ауditоріатъ, нашелъ главными виновниками расхищенія суммъ въ коммерческомъ судѣ и уѣздномъ казначействѣ: казначеевъ этихъ мѣстъ титулярнаго совѣтника Стрѣху и коллежскаго ассесора Юрескула, которые сами сознались въ этомъ преступленіи, обвинивъ соучастниками растраты и другихъ подсудимыхъ. Къ подтвержденію показанія Стрѣхи, что бывшій предсѣдателемъ коммерческаго суда статскій совѣтникъ Гамалѣя лично пользовался казенными деньгами, генералъ-ауditоріатъ не нашелъ въ дѣлѣ положительныхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ можно бы признать показаніе Стрѣхи вполнѣ достовѣрнымъ; но по обстоятельствамъ дѣла возбуждается въ томъ сильное сомнѣніе потому, что Гамалѣя совершеннымъ бездѣйствіемъ власти, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ превышеніемъ ея, допустилъ весьма важные безпорядки—въ пріемѣ, храненіи и свидѣтельствованіи суммъ, принадлежащихъ коммерческому суду, и въ отсылкѣ денегъ изъ коммерческаго суда въ другія присутственныя мѣста; равно порученіемъ Стрѣхѣ уплачивать свои долги, съ употребленіемъ его даже поручителемъ по одному займу въ 4 т. р. сер., отдачею Стрѣхѣ въ посессіонное владѣніе бывшаго у Гамалѣи въ опекѣ имѣнія наслѣдниковъ умершаго генералъ отъ инфантеріи маркиза Паулучи; отмѣтками Стрѣхи въ двухъ долговыхъ книгахъ о сдѣ-

*) Все изложенное буквально взято изъ протокола генералъ-ауditоріата. *Прим. изд.*

ланныхъ имъ для Гамалѣи денежныхъ выдачахъ; показаніемъ Стрѣхи, что Гамалѣя уничтожилъ изъ другихъ долговыхъ книгъ листы, на которыхъ тоже были записаны выдачи Гамалѣю; посѣщеніемъ Стрѣхи наканунѣ обнаруженія растраты для того, какъ Гамалѣя утверждаетъ, чтобы узнать о количествѣ недостатка и пополнить его, если бы недостатокъ былъ незначительный; показаніемъ смотрителя одесскаго тюремнаго замка, что Гамалѣя просилъ убѣдить Стрѣху принять всю вину на себя, а Гамалѣя будетъ хлопотать о производствѣ его въ офицеры, и наконецъ, безгласнымъ продержаніемъ въ коммерческомъ судѣ въ продолженіи слишкомъ 2-хъ лѣтъ принадлежавшихъ ротмистру Бенкендорфу 29 т. р. сер., часть которыхъ произвольно и преждевременно была выдана повѣренному Бенкендорфа. Впрочемъ допущеніе безпорядковъ въ пріемѣ, храненіи, свидѣтельствѣ и отсылкѣ суммъ по назначенію относится столько къ Гамалѣю, столько и къ бывшему въ коммерческомъ судѣ старшимъ членомъ подсудимому статскому совѣтнику Сливицкому и членамъ суда отъ купечества, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно по ненаблюденію за полученіемъ увѣдомленій о пріемѣ денегъ въ присутственныхъ мѣстахъ и за точнымъ исполненіемъ журналовъ коммерческаго суда, отвѣтственность должна падать и на секретаря коллежскаго асессора Жеребко, а также на помощниковъ секретарей: титулярныхъ совѣтниковъ Свѣжинскаго и Виташевскаго, виновныхъ сверхъ того въ отступленія отъ порядка дѣлопроизводства, отступленіи, которое во многихъ случаяхъ тоже служило Стрѣхѣ къ сокрытію его злоупотребленій. Возникшее, по показаніямъ Стрѣхи и Юрескула, обвиненіе на кассира приказа общественнаго призрѣнія Андросова, помощника его Ламзаки, приходорасходчика уѣзднаго суда и дворянской опеки Колчака и бывшаго казначеемъ городской полиціи купца Астафьева, что они ссужали Стрѣху и Юрескула казенными деньгами и взаимно брали отъ нихъ деньги, для сокрытія при мѣсячныхъ свидѣтельствахъ бывшей у всѣхъ ихъ растраты, не имѣетъ юридическихъ подтвержденій, а у означенныхъ казначеевъ, по увѣдомленію присутственныхъ мѣстъ, недостатка въ суммахъ никогда не оказывалось; при сдачѣ же ими должностей все найдено въ цѣлости; но по дѣйствіямъ Андросова, Ламзаки и Колчака, представляющимъ поступ-

ки неправильные, падаетъ сильное сомнѣніе, что у нихъ могли быть недостатки въ суммахъ, которые они успѣвали пополнять. Такимъ образомъ титулярные совѣтники Андросовъ и Ламзаки виновны въ томъ, что заняли у казначея же Юрескула: Андросовъ 23 т. р, а Ламзаки подъ общую росписку съ тремя братьями Андросовыми 8 т. р., и кромѣ того падаетъ на нихъ сомнѣніе въ займѣ у Стрѣхи 13 т. р. сер. подъ роспиcку, которая была уничтожена купчихою Поповою, показавшею, что сдѣлала это по убѣжденію Андросова, бывшаго опекуномъ надъ ея дѣтьми. Взаимныя Андросова и Ламзаки съ Юрескуломъ и Стрѣхой связи для сокрытія денежныхъ недостатковъ представляются возможными оттого, что по допущенному безпорядку, деньги, поступавшія въ коммерческій судъ, въ приказъ общественнаго призрѣнія и въ уѣздное казначейство, не доставлялись казначеями прямо въ присутствія, а передавались отъ одного казначея другому на руки; по разницѣ же, оказывающейся въ бумагахъ коммерческаго суда и приказа общественнаго призрѣнія во времени полученія пересылавшихся денегъ и по открытымъ подчисткамъ мѣсяцовъ и чиселъ въ бумагахъ коммерческаго суда, можно заключить, что они дѣйствительно дѣлали другъ у друга преждевременныя росписки въ книгахъ, для очистки расходныхъ статей къ мѣсячнымъ свидѣтельствамъ. Менѣе имѣетъ подтвержденій доказываемая Стрѣхой и Юрескуломъ связь ихъ съ бывшимъ приходорасходчикомъ уѣзднаго суда и дворянской опеки титулярнымъ совѣтникомъ Колчакомъ, но и у него обнаружены по книгамъ безпорядки, заключающіеся: въ несвоевременной записке денегъ на приходъ; въ несвоевременной отсылкѣ денегъ, записанныхъ въ расходъ, и въ необращеніи вниманія на несвоевременность высылки изъ коммерческаго суда нѣкоторыхъ суммъ въ уѣздный судъ. Обвиненіе же Колчака казначеемъ Юрескуломъ въ займѣ у него 31 т. руб. сер. безъ всякой росписки на честное слово, и въ томъ, будто онъ, вмѣстѣ съ купцомъ Астафьевымъ упрашивалъ Юрескула взять изъ кассы казначейства всѣ деньги и отдать ихъ Колчаку или Астафьеву,— не подтверждается никакими законными доказательствами. Подсудимый купецъ Астафьевъ, въ займѣ у Юрескула 9,700 р., положительно не изобличенъ, такъ-какъ представленную Юрескуломъ

ломъ росписку въ этомъ займѣ Астафьевъ признанъ фальшивою; но по найденному, при сличеніи военнымъ судомъ, близкому сходству въ подписи этой росписки съ современными подписями Астафьева на бумагахъ полиціи, нельзя не подозрѣвать, что эта росписка дѣйствительно была имъ выдана; къ уликѣ-же Астафьева во взаимныхъ ссудахъ съ казначеями казенными деньгами никакихъ доказательствъ не представлено. Въ отношеніи прочихъ подсудимыхъ, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что изъ нихъ почетные граждане: Илья и Гаврило Андросовы виновны въ займѣ у Юрескула подъ росписку съ братомъ своимъ кассиромъ Андросовымъ и чиновникомъ Ламзаки 8 т. р. сер. безъ разрѣшенія начальства Юрескула. Подсудимый почетный гражданинъ Семенъ Андросовъ 90 лѣтъ (умершій) обвиняемый Юрескуломъ въ займѣ у него 23,300 р. сер. казенныхъ денегъ, не подтвердилъ этого и къ уличенію его въ займѣ никакихъ доказательствъ не открыто. Подсудимый титулярный совѣтникъ Кристофовичъ, въ сдачѣ казначею Стрѣхѣ казенныхъ суммъ съ недостаткомъ, ничѣмъ не изобличенъ. На подсудимаго купца Басмаджи въ займѣ 25 т. р. сер. у Стрѣхи, съ знаніемъ, что Стрѣха былъ казначеемъ, падаетъ сильное сомнѣніе, такъ-какъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ Басмаджи уплатилъ ему въ коммерческомъ судѣ, отъ имени одесской морской страховой компаніи—18,533 р. сер. и Басмаджи извиняется тѣмъ только, что при вносѣ этихъ денегъ не обратилъ вниманія на черты лица Стрѣхи. Къ обвиненію же Басмаджи, будто онъ взялъ у Стрѣхи квитанцію въ пріемѣ отъ него означенныхъ 18,533 р. прежде дѣйствительной уплаты ихъ—не представляется по дѣлу никакихъ законныхъ доказательствъ. Подсудимый купецъ Кихрибарджи, уплативший Стрѣхѣ 25 т. р. сер. за купца Басмаджи, ничѣмъ не изобличенъ въ знаніи, что Стрѣха бралъ Басмаджи въ долгъ казенныя деньги. Равнымъ образомъ и къ изобличенію купца Шапиры, чтобы онъ бралъ деньги въ долгъ Стрѣхѣ для покрытія растраты въ кассѣ коммерческаго суда, нѣтъ никакихъ доказательствъ. Что касается подсудимыхъ присяжныхъ стряпчихъ коммерческаго суда, коллежскаго секретаря Гульельмучи и купца 3-й гильдіи Вейнберга, которые по званію кураторовъ конкурса росписались въ шнуровой книги коммерческаго суда въ принятіи двухъ билетовъ херсонскаго приказа на 119 р. и наличныхъ

денегъ 17,370 р. 70 к. сер., принадлежащихъ конкурсу, то хотя по дѣлу доказано, что они денегъ этихъ дѣйствительно не получали, а подали тогда же рапортъ съ представленіемъ ихъ обратно; но какъ росписка сдѣлана ими неправильно подъ расходною статьею, подъ которою сдѣлана была неосновательная надпись Стрѣхой о полученіи сихъ денегъ для записки опять на приходъ, чего вовсе не было, между-тѣмъ росписка Гульельмучи и Вейнберга послужила къ временному сокрытію растраты этихъ денегъ, то Гульельмучи и Вейнбергъ не могутъ быть избавлены отъ участія въ пополненіи этой суммы вмѣстѣ съ другими лицами, виновными въ допущеніи безпорядка. Сверхъ того по дѣлу оказывается, что растрата суммъ коммерческаго суда не была обнаружена въ продолженіе болѣе 10-ти лѣтъ и оттого, что при ежегодной ревизіи приходорасходныхъ книгъ херсонскою казенною палатою не замѣчены ею тѣ безпорядки, которые въ этихъ книгахъ заключались и впослѣдствіи открыты. Кромѣ того херсонская казенная палата по растратѣ суммъ уѣзднаго казначейства виновата въ томъ, что допускала накопленіе огромныхъ суммъ въ казначействѣ, тогда-какъ по закону въ немъ могло быть на лицо только 1500 р. сер., а всѣ остальныя суммы слѣдовало отсылать съ первою почтою въ главное казначейство.— Въ этомъ послѣднемъ случаѣ виновны и члены общаго одесскаго уѣзднаго присутствія, не обратившіе вниманія на эти обстоятельства при мѣсячныхъ свидѣтельствахъ суммъ уѣзднаго казначейства. Посему генералъ-аудиторіатъ, независимо отъ взысканія всей растраченной суммы съ виновныхъ по этому дѣлу, въ отношеніи *личнаго ихъ наказанія*, полагалъ: 1) бывшаго казначея коммерческаго суда титулярнаго совѣтника Стрѣху, за растрату казенныхъ суммъ, сопровождавшуюся разными подложными поступками, слѣдовало бы, на основаніи 365 и 497 ст. 1 кн. 5 ч. св. воен. пост., лишить чиновъ, дворянскаго достоинства и разжаловать въ рядовые, по важности преступленій, безъ выслуги; но за смертію его, сужденіе о личномъ взысканіи съ него, само собою прекращается. 2) Бывшаго казначеемъ въ уѣздномъ казначействѣ коллежскаго ассесора Юрескула, виновнаго въ равной степени съ Стрѣхой въ растратѣ денегъ уѣзднаго казначейства, на основаніи тѣхъ же постановленій, лишить чиновъ, дворянскаго достоинства, знака отличія безпорочной служ-

бы за XXV лѣтъ и написать въ рядовые, по важности преступленій, безъ выслуги. 3) Бывшаго въ коммерческомъ судѣ предсѣдателемъ статскаго совѣтника Гамалѣя за допущеніе безпорядковъ въ судѣ бездѣйствіемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и превышеніемъ власти своей, на основаніи 230 и 298 ст. 1 кн. 5 ч. св. воен. пост., отставить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять, выдержавъ сверхъ того въ крѣпости въ казематѣ три мѣсяца и оставить въ сильномъ подозрѣніи въ томъ, что онъ лично пользовался суммами коммерческаго суда чрезъ посредство казначея Стрѣхи. 4) Бывшихъ въ коммерческомъ судѣ: старшимъ членомъ—статскаго совѣтника Сливицкаго, секретаремъ — коллежскаго ассесора Жеребко, помощниками секретарей, титулярныхъ совѣтниковъ: Свѣжинскаго и Виташевскаго за безпорядки по должностямъ ихъ, лишившіе ихъ всякаго довѣрія правительства, на основаніи вышеозначенной 230 ст. отставить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять. 5) Бывшихъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія кассиромъ титулярнаго совѣтника Андросова и помощника его, титулярнаго совѣтника Ламзаки, за заемъ у казначея Юрескула денегъ, на основаніи 511 ст. улож. о наказ. угол. и испр., выдержать подъ арестомъ на гауптвахтѣ по три мѣсяца, а за допущенные по должностямъ ихъ безпорядки, согласно 230 ст. 1 кн. 5 ч. св. воен. пост., отставить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь не опредѣлять и сверхъ того оставить обоихъ въ сильномъ подозрѣніи какъ въ томъ, что по приказу общественнаго призрѣнія была растрата денегъ, которую скрывали они посредствомъ взаимныхъ ссудъ казенными деньгами съ казначеями Стрѣхой и Юрескуломъ, такъ равно и въ займѣ у Стрѣхи 13 т. р. сер., подъ общую роспись, которая уже уничтожена. 6) Бывшаго приходорасходчикомъ уѣзднаго суда и дворянской опеки титулярнаго совѣтника Колчака оставить тоже въ подозрѣніи въ существованіи растраты денегъ въ уѣздномъ судѣ и дворянской опекѣ и сокрытіи ея посредствомъ взаимныхъ ссудъ казенными деньгами съ Стрѣхой и Юрескуломъ; а за промедленіе въ отсылкѣ двухъ суммъ, именно 1001 р. и 7885 р., на основаніи 385 ст. улож. о наказ. угол. и испр., взыскать съ Колчака вдвое казенные проценты за все время передержанія имъ оныхъ со дня полученія указа о выпискѣ ихъ въ расходъ.

7) Одесскаго купца 2-й гильдіи Астафьева, въ займѣ у Юрескула 9,700 р. сер., по неимѣнію полныхъ доказательствъ къ изобличенію его въ этомъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи; по обвиненію же во взаимныхъ ссудахъ съ казначеями казенными деньгами освободить отъ всякой отвѣтственности. 8) Почетныхъ гражданъ: Илью и Гаврила Андросовыхъ, за заемъ 8 т. р. сер. у казначея Юрескула, безъ разрѣшенія его начальства, на основаніи 511 ст. улож. о наказ. угол. и исправ., выдержать подъ арестомъ на гауптвахтѣ по три мѣсяца каждаго. 9) Почетный гражданинъ Семенъ Андросовъ, если бы былъ въ живыхъ, по недоказательству займа у Юрескула 23,300 р. сер., никакой отвѣтственности не подлежалъ. 10) Титулярнаго совѣтника Кристофовича, по обвиненію въ сдачѣ Стрѣхѣ казенныхъ суммъ коммерческаго суда съ недостаткомъ, отъ всякой отвѣтственности освободить. 11) Подсудимыхъ купцовъ Кихрибарджи и Шапиру по обвиненію перваго въ знаніи, что Стрѣха даваль въ долгъ купцу Басмаджи деньги казенныя, а послѣдняго въ дачѣ Стрѣхѣ денегъ для сокрытія растраты при мѣсячныхъ свидѣтельствахъ, никакой отвѣтственности не подвергать. 12) Подсудимаго купца Басмаджи въ займѣ у Стрѣхи 25 т. руб. съ знаніемъ, что Стрѣха былъ казначеемъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи; по обвиненію же въ полученіи отъ Стрѣхи квитанціи прежде дѣйствительной уплаты 18,533 р., внесенныхъ имъ отъ одесской морской страховой компаніи, отъ всякой отвѣтственности освободить. 13) Бывшихъ кураторами конкурса купца Серебрянаго, подсудимаго коллежскаго секретаря Гульельмучи и купца Вейнберга, за роспись подъ неправильно выведенною въ книгѣ коммерческаго суда статьею въ полученіи принадлежавшихъ конкурсу денегъ, которыхъ они не получали, а взяли квитанцію въ принятіи отъ нихъ денегъ обратно, вмѣнивъ имъ въ наказаніе бытность съ 1852 г. подъ судомъ, подвергнуть денежному взысканію на основаніи нижеизложеннома. 14) Постунки прикосновенныхъ къ дѣлу по растратѣ суммъ коммерческаго суда: исправлявшаго должность секретаря въ 1849 г. коллежскаго ассесора Верещагина, исправлявшаго должность помощника секретаря въ 1850 г. коллежскаго секретаря Анискевича, губернскаго контролера коллежскаго совѣтника Шаула контролера титулярнаго совѣтника Моравскаго и помощника

сего послѣдняго Кіяшко, а также дѣйствія жены титулярнаго совѣтника Стрѣхи Пульхеріи и купеческой вдовы Поповой, на основаніи 368 ст. 2 кн. 5 ч. св. воен. пост., предоставить разсмотрѣнію гражданскаго начальства, и 15) имѣнія прикосновенныхъ къ дѣлу по растратѣ суммъ въ уѣздномъ казначействѣ 25 человѣкъ дворянъ, помѣщиковъ одесскаго уѣзда, поручившихся за Юрескула при выборѣ его въ 1834 г. въ казначеи, освободить отъ запрещенія, такъ-какъ выданное ими поручительное свидѣтельство за Юрескула по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ избранія его въ казначеи, потеряло обязательную силу.—Обращаясь къ средствамъ *пополненія* сдѣланной *растраты*, генералъ-аудиторіатъ находилъ, что всю растраченную въ коммерческомъ судѣ сумму 144,570 р. 21 к., на основаніи 365 ст. 1 кн. 5 ч. св. воен. пост., слѣдовало бы взыскать съ имущества главнаго виновника, умершаго казначея титулярнаго совѣтника Стрѣхи вдвое; но по несостоятельности его къ такому взысканію, обратить на пополненіе капитальной только суммы имущество Стрѣхи и жены его, а чего не будетъ доставать, за продажею его имущества, взыскать съ бывшихъ въ коммерческомъ судѣ: предсѣдателемъ статскаго совѣтника Гамалѣя, старшимъ членомъ статскаго совѣтника Сливицкаго и членовъ суда отъ купечества, по мѣрѣ участія каждаго въ пріемѣ, храненіи, расходованіи и свидѣтельствѣ суммъ, разложивъ это взысканіе на Гамалѣя и Сливицкаго, согласно 384 ст. общаго счетнаго устава, по мѣрѣ производившагося имъ жалованья, а на членовъ отъ купечества наравнѣ съ Сливицкимъ, такъ-какъ сами они жалованья не получали.—При разложеніи взысканія по одной расходной статьѣ въ 17,370 р. 70 к. сер., принадлежащихъ конкурсу купца Серебрянаго, подвергнуть въ равныхъ съ членами частяхъ денежной отвѣтственности виновныхъ по этой статьѣ кураторовъ конкурса, коллежскаго секретаря Гульельмучи и купца Вейнберга; но какъ въ настоящемъ дѣлѣ по многимъ статьямъ приходорасходныхъ книгъ не приведена въ извѣстность степень упущеній членовъ суда, то правильное разложеніе взысканія по мѣрѣ дѣйствительной вины, предоставить подлежащему гражданскому начальству, съ тѣмъ, чтобы суммы, полученныя Стрѣхой въ приказѣ общественнаго призрѣнія и не предъявленныя имъ присутствію коммерческаго суда, были взысканы какъ съ предсѣдателя и чле-

новъ коммерческаго суда, такъ и съ членовъ приказа общественнаго призрѣнія, если сіи послѣдніе признаны будутъ виновными херсонскимъ губернскимъ правленіемъ, которому правительствующій сенатъ предоставилъ разсмотрѣніе обстоятельствъ о прикосновенности ихъ къ настоящему дѣлу. Если бы кто-либо изъ членовъ, или въ случаѣ чьей смерти, наслѣдники ихъ не въ состояніи были пополнить исчисленнаго на нихъ взысканія, то недостатокъ обратить на бывшихъ въ означенное время предсѣдателя и членовъ херсонской казенной палаты, не открывшей въ продолженіе столь долгаго времени при годовой ревизіи, допущенныхъ по книгамъ коммерческаго суда безпорядковъ. Что касается исчисленныхъ особою ревизіонною коммисіею растратъ и недовзысканій въ коммерческомъ судѣ на 9,794 р. 52¾ к. с., независимо отъ прочихъ суммъ, вошедшихъ въ расчетъ военнаго суда, то по необъясненію въ отчетѣ ревизіонной коммисіи виновныхъ по каждой статьѣ растратъ и недовзысканій, предоставить тому же гражданскому начальству недовзысканныя деньги потребовать отъ кого они слѣдовали, а растрату пополнить на счетъ виновныхъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ.—Относительно пополненія растраченныхъ въ уѣздномъ казначействѣ 94,415 р. 90 к. сер., генералъ-аудиторіатъ, имѣя въ виду незначительность имущества, описаннаго у главнаго виновника, казначея Юрескула, полагалъ: пополнить ее также въ одной капитальной суммѣ слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ обратить на пополненіе все имущество Юрескула и, на основаніи приложенія къ 114 ст. X т. св. зак. гражд. (по VII продолженію), имущество жены его; во 2-хъ занятыя у Юрескула бывшимъ кассиромъ приказа общественнаго призрѣнія титулярнымъ совѣтникомъ Андросовымъ 23 т. р. сер., на основаніи 511 ст. улож. о наказ. уголов. и испр., взыскать съ Андросова вдвое и половину этой суммы, въ видѣ штрафа, отослать куда слѣдуетъ, а другую половину обратить на пополненіе растраты въ уѣздномъ казначействѣ; въ 3-хъ занятые у Юрескула почетными гражданами Ильею и Гавріломъ Андросовыми 8 т. р. сер., на томъ же основаніи, взыскать съ нихъ вдвое, и половину также обратить на пополненіе растраты; взысканіе съ Ильи и Гаврилы Андросовыхъ произвести не поровну, а въ той суммѣ, которою каждый изъ нихъ, по собственному удостовѣренію, воспользовался, но если бы съ Гаврилы

Андросова, съ котораго по этому расчету причитается 12 т. р. сер., нельзя было произвесть полнаго взысканія, то недостающую сумму взыскать съ брата ихъ, титулярнаго совѣтника Андросова и съ чиновника Ламзаки, подписавшихся на росписк̀ѣ вмѣстѣ съ Ильей и Гаврилою Андросовыми. Весь остальной недостатокъ, какой останется за обращеніемъ имущества Юрес-куловыхъ и 31 т. р., которые будутъ взысканы съ Андросовыхъ, взыскать съ членовъ общаго одесскаго уѣзднаго присутствія и членовъ херсонской казенной палаты, по мѣрѣ получаемаго ими жалованья, такъ-какъ всѣ они допустили накопленіе суммъ въ уѣздномъ казначействѣ и другіе безпорядки. Всѣ издержки по этому дѣлу взыскать съ статскаго совѣтника Гамалѣя и членовъ коммерческаго суда по равной части, кромѣ издержекъ на канцелярскіе припасы, которыя на основаніи 7 ст. I кн. V ч. св. воен. пост., принять на счетъ казны.

Это мнѣніе удостоено было 17 ноября 1855 г. Высочайшаго утвержденія.

LXI. Дѣло: а) объ островскихъ земскомъ исправникѣ Печенко, дворянскомъ засѣдателѣ Лукашевичѣ и секретарѣ земскаго суда Меньщиковѣ, сужденныхъ за неправильное заключеніе въ тюрьму крестьянина Иванова; б) о тѣхъ же лицахъ и врачѣ Большаковѣ, сужденныхъ за наказаніе розгами крестьянина Семенова, оказавшагося умопомѣшаннымъ.

Псковскимъ губернскимъ правленіемъ преданы были уголовному суду: 1) члены островскаго земскаго суда, исправникъ Печенко, дворянскій засѣдатель Лукашевичъ и секретарь суда Меньщиковъ за неправильное арестованіе крестьянина Федота Иванова, и 2) тѣже исправникъ Печенко и засѣдатель Лукашевичъ за напрасное содержаніе крестьянина Тимофѣя Семенова въ арестантской при земскомъ судѣ и за тѣлесное наказаніе его, наконецъ островской городовой врачъ Большаковъ за сдѣланное имъ ложное удостовѣреніе, что на тѣлѣ Семенова знаковъ побоевъ не оказалось.

Обстоятельства *перваго дѣла* заключаются въ слѣдующемъ: по жалобамъ на крестьянина Федота Иванова, принесеннымъ крестьяниномъ Кирилою Федотовымъ и священникомъ Новгородскимъ о выкошеніи и уборкѣ съ принадлежащей имъ пустоши Иваньковой сѣна, Федотъ Ивановъ (приписанный къ деревнѣ Рудино псковскаго уѣзда) былъ двукратно требованъ въ островскій земскій судъ, сначала чрезъ разсыльнаго Якова Егорова и потомъ чрезъ сотскаго Евстигнея Иванова, но на требованіе суда не явился, отозвавшись, (какъ удостовѣрили подъ присягою разсыльный и сотскій), неприличными и ругательными противъ земскаго суда словами. Затѣмъ островскій земскій судъ отнесся въ псковской земскій судъ о высылкѣ Федота Иванова; вслѣдствіе сего мелеховское волостное правленіе рапортомъ отъ 28-го октября 1860 г. донесло, что Ивановъ находится въ тягчайшей болѣзни и не можетъ быть въ судѣ. Между-тѣмъ чрезъ 10 дней по полученіи сего донесенія, Ивановъ былъ взятъ на спорной пустоши Иваньковой, (присужденной впослѣдствіи Федотову) по обвиненію въ похищеніи сѣна и представленъ въ земскій судъ, *какъ не имѣющій письменнаго вида.* *) — 7 ноября островскій земскій судъ сдѣлалъ постановленіе слѣдующаго содержанія: «въ присутствіи земскаго суда, при депутатѣ со стороны крестьянъ государственныхъ имуществъ, называющемуся крестьянином псковскаго уѣзда, мелеховской волости, деревни Рудина: Федотомъ Ивановымъ, взятому въ островскомъ уѣздѣ за неимѣніе письменнаго вида, — предложено было отыскать по себѣ *поручителя*, но Ивановъ, объявилъ, что поручителя представить не можетъ; посему постановлено: Иванова отправить въ слѣдственную камеру, находящуюся при островскомъ тюремномъ замкѣ».—Засимъ Федотъ Ивановъ, бывъ допрошенъ въ земскомъ судѣ, по удостовѣренію послѣдняго оказалъ упорство, отказавшись просить, кого либо подписать по его безграмотству, данное имъ показаніе».

Уголовная палата, разсмотрѣвъ это дѣло, освободила подсудимыхъ отъ суда.—Правительствующій-же сенатъ (по 1 отд. 5 д-та), сообразивъ выше-изложенное, нашелъ дѣйствія островскаго

*) Изъ дѣла видно, что Ивановъ отлучился безъ письменнаго вида отъ своего мѣста жительства менѣе, нежели на 30 верстъ. Это признали губерское правленіе и сенатъ.

земскаго суда, относительно арестованія Федотова Иванова *не* выступившими изъ предѣловъ его власти, такъ-какъ судъ, имѣя въ виду неоднократныя жалобы на самовольные поступки Федота Иванова, обязанъ былъ принять мѣры въ пресѣченію Федоту Иванову дальнѣйшихъ его распоряженій чужою собственностію. Уклончивость Федота Иванова отъ явки въ земскій судъ и неприличные отзывы его, о коихъ удостовѣряютъ подъ присягою сотскій и разсыльный, представляли земскому суду основаніе къ задержанію Федота Иванова тѣмъ болѣе, что о личности его судъ не имѣлъ удостовѣреній; арестованіе же его какъ непредставившаго по себѣ поручителя, хотя на 30-ти верстномъ разстояніи, заключало въ себѣ мѣру, указанную въ законѣ изложенномъ въ 134 ст. XV т. 2 кн. Поэтому сенатъ, не усматривая въ дѣйствіяхъ земскаго суда какого либо превышенія власти, — не призналъ островскаго земскаго исправника Печенко, засѣдателя Лукашевича, и секретаря Меньщикова подлежащими по сему дѣлу отвѣтственности.

Предметъ *втораго дѣла* заключается въ томъ, что крестьянинъ Тимофѣй Семеновъ, за ослушаніе владѣлицѣ своей Лачиновой, былъ присланъ управляющимъ ея имѣніемъ дворяниномъ Романовскимъ къ становому приставу для заключенія его, Семенова, въ рабочій домъ. Становой приставъ препроводилъ Семенова къ исправнику Печенко, который при слѣдствіи два раза допрашивалъ Семенова о причинѣ неповиновенія его, но не получивъ (по его словамъ) отъ него удовлетворительнаго отвѣта, подвергъ его содержанію въ арестантской при земскомъ судѣ, откуда чрезъ 6 дней Семеновъ, по оказавшимся въ немъ признакамъ *умопомышательства*, отправленъ былъ въ больницу, гдѣ черезъ 10 дней умеръ.—Вдова крестьянина Тимофѣя Семенова, Ольга Павлова, въ поданныхъ начальнику губерніи и на Высочайшее имя прошеніяхъ обвиняла исправника Печенко въ нанесеніи мужу ея побоевъ и сѣченіи его розгами, бывшихъ причиною смерти ея мужа. Жалобу Павловой въ томъ, что слышала отъ солдата Игнатьева о сѣченіи Семенова въ земскомъ судѣ, подтвердила подъ присягою крестьянка г-жи Лачиновой Екатерина Логинова, а служитель больницы и двое бывшихъ въ ней на излеченіи, подъ присягою объяснили, что видѣли на задней части тѣла Семенова свѣжіе знаки наказанія его роз-

гами; большая же часть свидѣтелей, (прислуга исправника и сторожа земскаго суда, а также солдатъ Игнатьевъ), на коихъ ссылалась Павлова въ своемъ обвиненіи, отозвались незнаніемъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла относительно земскаго исправника Печенко, засѣдателя Лукашевича и доктора Большакова, преданныхъ уголовному суду на основаніи изложенныхъ показаній свидѣтелей, удостовѣряющихъ о бывшихъ на тѣлѣ Семенова знакахъ, правительствующій сенатъ нашелъ: что какъ обвиненіе вдовы Ольги Павловой, такъ и показаніе Екатерины Логиновой, удостовѣряющей по слуху, вовсе не имѣютъ силы доказательства (ст. 334 т. XV кн. II.); что-же касается показаній служителя больницы и двухъ больныхъ, данныхъ ими подъ присягою, о видѣнныхъ ими на тѣлѣ Семенова знакахъ наказанія, то показанія сіи, хотя и не лишены правдоподобія, не могутъ однакожъ служить основаніемъ къ обвиненію исправника Печенко въ томъ, что Семеновъ подвергнутъ былъ наказанію по его распоряженію, потому-что самъ Печенко въ томъ *не* сознался и никто изъ остальныхъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ его въ томъ не обвиняетъ. Обращаясь же къ опредѣленію степени отвѣтственности по сему дѣлу преданнаго суду засѣдателя Лукашевича, правительствующій сенатъ нашелъ, что жалоба вдовы Ольги Павловой, по поводу которой возникло настоящее дѣло, не заключала въ себѣ никакого съ ея стороны обвиненія Лукашевича и какъ произведеннымъ слѣдствіемъ не обнаружено никакихъ обстоятельствъ къ его обвиненію, то онъ не можетъ подлежать какой-либо по сему дѣлу отвѣтственности. Касательно-же городоваго врача Большакова, (давшаго ложное удостовѣреніе, въ томъ, что на тѣлѣ Семенова знаковъ наказанія розгами не было), оказывается, что такъ-какъ онъ былъ приглашенъ для освидѣтельствованія умственныхъ Семенова способностей, а не для осмотра боевыхъ на его тѣлѣ знаковъ, то онъ не можетъ подлежать по сему дѣлу отвѣтственности (?). На основаніи изложенныхъ обстоятельствъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: всѣхъ подсудимыхъ по сему дѣлу, по силѣ 304 ст. 2 кн. XV т., отъ суда освободить съ послѣдствіями признанія подсудимыхъ по суду невинными (ст. 703 и 704 т. XV кн. 2), а судебныя издержки по сему дѣлу принять на счетъ казны.

По первому изъ упомянутыхъ дѣлъ мы не можемъ согласить-

ся съ резолюцію сената. Владѣльцы пустоши Иваньковой подали въ островскій земскій судъ жалобу на крестьянина Иванова, который, по ихъ словамъ, самовольно выкосилъ ихъ сѣно. Такая жалоба могла подать поводъ къ производству. а) или *дѣла гражданскаго* въ порядкѣ производства дѣлъ безспорныхъ по завладѣніямъ имуществъ, но въ семъ случаѣ земскій судъ, на основаніи 21 ст. 2 ч. X т. обязанъ былъ предварительно изслѣдовать на мѣстѣ событіе, подавшее поводъ къ жалобѣ, а не требовать (притомъ изъ другаго уѣзда) отвѣтчика въ свое присутствіе, или б) *дѣла уголовнаго*, но и въ семъ случаѣ, по точнымъ словамъ 70 ст. XV т. 2 ч., предварительно нужно было изслѣдовать: дѣйствительно-ли учинилось происшествіе, заключающее въ себѣ преступленіе; сверхъ того Ивановъ, какъ житель псковскаго уѣзда, на основаніи 119 ст. XV т. 2 ч., могъ быть арестованъ только по распоряженію псковскаго земскаго суда, ибо на основаніи 119 ст. «требованіе лицъ къ слѣдствію и высылка ихъ производится черезъ прямое сношеніе съ полицейскими мѣстами, въ вѣдомствѣ коихъ сіи лица находятся». Предлогъ же, подъ которымъ земскимъ судомъ былъ арестованъ Ивановъ, оказался *ложнымъ* и *вымышленнымъ*, ибо по закону Ивановъ могъ отлучиться на разстояніе менѣе 30 верстъ отъ его мѣстожительства и безъ письменнаго вида.—Вотъ отчего намъ остается только пожалѣть, что неразумныя, недобросовѣстныя и незаконныя распоряженія членовъ земскаго суда—остались безъ взысканія.

LXII. Дѣло объ однодворцѣ Онуфріи Згерскомъ и евреяхъ Альперовичѣ и Фридманѣ, судимыхъ за выпускъ въ обращеніе фальшиваго кредитнаго билета.

Пятисотскій Домбровскій 11-го сентября 1858 года донесъ приставу 3-го стана вилейскаго уѣзда, что въ проѣздъ его по дѣламъ службы чрезъ дер. Лотыголь, 8-го числа того мѣсяца проживающій въ дер. Завруткахъ еврей Юдель Альперовичъ жаловался ему, Домбровскому, что однодворецъ упомянутой деревни Лотыголя Онуфрій Згерскій размѣнялъ у него, Альперовича, 10-ти рублевый фальшивый билетъ, за

№ 570,937 и что онъ, Альперовичъ, узнавъ, что билетъ фальшивый, хотѣлъ возвратить билетъ Згерскому, съ тѣмъ, чтобы получить обратно деньги, но Згерскій отрекся отъ принадлежности ему билета; поэтому Альперовичъ отдалъ билетъ Згерскому и вновь жаловался ему, Домбровскому. Вслѣдствіе сего показатель, отнялъ у Згерскаго означенный фальшивый билетъ, причемъ Згерскій сначала говорилъ, что билетъ не его, а потомъ отзывался, что можетъ-быть полученъ имъ оный отъ еврея.—По произведенному становымъ приставомъ 18-го сентября обыску въ домѣ подсудимаго Згерскаго ни фальшивыхъ денегъ и ничего подозрительнаго не найдено. — Подсудимый *Згерскій* на допросѣ при слѣдствіи показалъ, что имѣя нужду въ деньгахъ, въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца повезъ онъ для продажи въ мѣстечко Глубокое (дисненскаго уѣзда) 1 четверть и 2 съ небольшимъ четверика льняного семени, и продалъ оное за 15 руб. 50 коп. сер., носящему зеленыя очки еврею (Фридману Неуховичу), отъ котораго получилъ два кредитныхъ билета—одинъ въ 10, а другой въ 5 руб. сер., и полтинникъ; присемъ находились однодеревенецъ его дворянинъ Пухальскій и крестьянинъ глубокскаго общества Михаилъ Селюта, которые разсматривая упомянутый 10-ти рублевый кредитный билетъ, говорили, что билетъ этотъ не фальшивый; не довѣряя Пухальскому и Селютѣ и зная по слухамъ, что въ обращеніи иногда появляются фальшивыя деньги, жена его, Згерскаго, бывшая также при продажѣ сѣмени, въ отсутствіе его самого за разными покупками, показывала билетъ встрѣтившемуся съ нею на улицѣ какому-то господину, который тоже говорилъ, что билетъ хорошій; вслѣдствіе сего и онъ Згерскій, не справляясь уже болѣе о дѣйствительности означеннаго билета и не предполагалъ его фальшивымъ. Спустя двѣ недѣли послѣ продажи сѣмени, онъ, Згерскій израсходовавъ изъ числа полученныхъ имъ за сѣмя денегъ 5 руб. 50 коп. сер. на уплату долговъ и имѣя еще долги, послалъ 8-го сентября сына своего Адама къ проживающему въ дер. Завруткахъ еврею Юделю Альперовичу размѣнять оставшійся у него, Згерскаго, 10-ти рублевый кредитный билетъ, и Альперовичъ, размѣнявъ оный, прислалъ ему два кредитныхъ билета — одинъ въ 5, и другой въ 3 рубля, а 2 рубля, по неимѣнію мелкихъ, оставилъ у себя.

Изъ присланныхъ Альперовичемъ денегъ онъ, Згерскій, тогда же отдалъ бывшему у него крестьянину Якову Борейкѣ должные ему 5 руб. сер. Вслѣдъ затѣмъ чрезъ нѣсколько часовъ еврей Альперовичъ прибѣжалъ къ нему, и, говоря, что при размѣнѣ 10-ти рублеваго кредитнаго билета, онъ далъ больше денегъ, чѣмъ слѣдовало, требовалъ, чтобы показали ему данные имъ кредитные билеты. По указаніи же тѣхъ билетовъ, въ томъ числѣ и 5-ти рублеваго кредитнаго билета, отданнаго крестьянину Борейкѣ, тутъ же находившемуся, Альперовичъ взялъ ихъ къ себѣ, и бросивъ 10-ти рублевый кредитный билетъ, сказалъ, чтобы онъ Згерскій, отдалъ его тамъ, гдѣ взялъ, такъ-какъ билетъ этотъ фальшивый; по настоятельному требованію крестьянина Борейки, Альперовичъ возвратилъ ему взятый отъ него 5-ти рублевый кредитный билетъ, но не довольный этимъ, немедленно далъ знать о томъ мѣстному пятисотскому Домбровскому, который отобралъ отъ него Згерскаго 10-ти рублевый кредитный билетъ и представилъ оный къ становому приставу. Тотъ ли самый кредитный билетъ Альперовичъ возвратилъ ему, Згерскому, который былъ посланъ къ нему для размѣна, показатель не знаетъ, но если тотъ самый, то въ выпускѣ онаго въ обращеніе виновенъ еврей Неуховичъ, купившій у него льняное сѣмя. Признаковъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ онъ Згерскій не знаетъ и если случалось ему имѣть у себя кредитные билеты, то старался разсмотрѣть въ нихъ только внутреннія цифры. Занимающихся дѣланіемъ фальшивой монеты и выпускомъ оной въ обращеніе онъ Згерскій не знаетъ, и никакихъ связей съ подобными людьми не имѣлъ. Это показаніе подтвердила и жена подсудимаго Згерскаго, *Амалія.*—Сынъ Згерскаго 14-ти-лѣтній мальчикъ *Адамъ*, спрошенный противу показанія отца о посылкѣ его къ еврею Альперовичу съ 10-ти рублевымъ кредитнымъ билетомъ, для размѣна онаго, подтвердилъ это показаніе, объясняя, что билетъ тотъ размѣненъ былъ не самимъ Альперовичемъ, а женою его, такъ-какъ Альперовича не было тогда дома. Узнать билета, который носилъ къ Альперовичу для размѣна, онъ не можетъ, ибо билета того не развертывалъ, но слыхалъ отъ отца своего и матери, что билетъ того самаго достоинства получили они въ мѣстечкѣ Глубокомъ, отъ какого-то еврея, за проданное ему

сѣмя.—Дворянинъ Михаилъ *Пухальскій* и крестьянинъ Михаилъ *Сѣлюта*, находившіеся, по показанію Згерскаго при полученіи имъ денегъ отъ еврея Неуховича, на допросахъ—сначала 18-го сентября безъ присяги, а потомъ 15-го ноября на формальномъ допросѣ подъ присягою—показали, что они не знаютъ, есть ли предъявленный имъ фальшивый 10-ти рублевый кредитный билетъ тотъ самый, который видѣли при полученіи Згерскимъ отъ еврея Неуховиха тѣмъ болѣе, что изъ нихъ Пухальскій вовсе не грамотенъ, а Сѣлюта весьма малограмотенъ. Вслѣдствіе послѣдней причины, они, Пухальскій и Сѣлюта и нынѣ не могутъ объяснить: сомнительный-ли упомянутый 10-ти рублевый кредитный билетъ, или нѣтъ.—При обыскѣ 10-го октября въ домѣ проживающаго въ м. Глубокомъ еврея Берко Неуховича Фридмана, который, по слабости зрѣнія, носитъ зеленыя очки, ничего подозрительнаго не найдено. — Равнымъ образомъ не найдено ничего подозрительнаго и при обыскѣ 18-го сентября въ домѣ подсудимаго Альперовича. — На допросахъ—изъ подсудимыхъ *Фридмана* показалъ, что хотя дѣйствительно онъ покупалъ льняное сѣмя на базарѣ, но какими деньгами расплачивался съ продавцами, не помнитъ, равно не помнитъ и того, кто былъ свидѣтелемъ при покупкѣ имъ сѣмени. Однодворца Згерскаго онъ Фридманъ не знаетъ, фальшивыхъ денегъ у себя не имѣлъ, переводомъ этихъ денегъ не занимался, и по настоящему дѣлу ему болѣе ничего неизвѣстно.—На очной же ставкѣ съ подсудимымъ Згерскимъ Фридманъ, утверждая, что 10-ти рублеваго фальшиваго кредитнаго билета у себя никогда не имѣлъ и что Згерскаго вовсе не знаетъ, объяснилъ, что быть можетъ, когда-нибудь и покупалъ у Згерскаго льняное сѣмя, но положительно этого не помнитъ, потому-что сѣмя случалось покупать на базарѣ у разныхъ лицъ, равно не помнитъ и того, какою монетою могъ онъ уплатить Згерскому за сѣмя.—Подсудимый *еврей Альперовичъ* показалъ, что 10-ти рублевый кредитный билетъ размѣненъ былъ Згерскому женою его, Альперовича, во время его отсутствія; по возвращеніи же его домой, жена предъявила ему размѣненный ею кредитный билетъ, причемъ съ перваго взгляда, онъ Альперовичъ замѣтилъ блѣдность цвѣта и какую-то негладкость на билетѣ; подозрѣвая по этому, что билетъ фальшивый, онъ тотчасъ отправился къ

однодворцу Згерскому, имѣвшему жительство въ 2-хъ верстахъ отъ него, и чтобы получить обратно свои деньги и не подать повода Згерскому отрекаться отъ размѣненнаго имъ кредитнаго билета, онъ прибѣгнулъ къ хитрости: придя къ Згерскому и сказавъ, что женою его, Альперовича, при размѣнѣ кредитнаго билета дано болѣе, нежели слѣдовало, требовалъ отъ Згерскаго предъявленія полученныхъ имъ денегъ; когда же Згерскій показалъ ему находившійся у самого его кредитный билетъ въ 3 рубля и взятый отъ крестьянина Борейки 5-ти рублевый кредитный билетъ, то онъ Альперовичъ, схвативъ эти кредитные билеты, тогда же отдалъ Згерскому полученный отъ него 10-ти рублевый кредитный билетъ, сказавъ, чтобы онъ отдалъ этотъ билетъ тому, отъ кого пріобрѣлъ его; присемъ Згерскій хотя не признавалъ упомянутаго кредитнаго билета за принадлежащій ему, однако не очень прекословилъ и взялъ его себѣ; въ тоже время крестьянинъ Борейка схватилъ его, Альперовича за грудь, и мучилъ до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратилъ ему полученнаго имъ отъ Згерскаго за долгъ кредитнаго билета въ 5 руб. сер.; присемъ Борейка, вслѣдствіе сопротивленія его Альперовича нанесъ ему побои и разорвалъ камзолъ; по объявленіи затѣмъ обо всемъ пятисотскому, — послѣдній отобралъ отъ Згерскаго фальшивый 10-ти рублевый кредитный билетъ. Откуда Згерскій пріобрѣлъ этотъ битетъ, ему, Альперовичу, неизвѣстно, но только не отъ него, Альперовича, такъ-какъ у него никогда такихъ билетовъ не было.—Согласно съ симъ показала и жена подсудимаго Альперовича *Хана*, объясняя, что 8-го сентября, въ отсутствіе мужа, она дѣйствительно размѣняла сыну однодворца Згерскаго 10-ти рублевый кредитный билетъ, не подозрѣвая, чтобы билетъ этотъ былъ фальшивый, причемъ дала мальчику Згерскому одинъ кредитный билетъ въ 5 руб. и другой въ 3 рубля сер., а остальные 2 рубля удержала по неимѣнію мелкихъ денегъ и потому-что отецъ Згерскаго былъ имъ долженъ 50 коп. сер.; мужъ ея, по возвращеніи домой, заподозривъ означенный билетъ фальшивымъ, тотчасъ отправился съ нимъ къ Згерскому. — Произведенное такимъ образомъ слѣдственное дѣло представлено было къ виленскому военному губернатору, который находя, что по дѣлу не обнаружено виновныхъ въ поддѣлкѣ 10-ти рублеваго кредитнаго билета, препроводилъ оное

въ виленское губернское правленіе, а сіе послѣднее передало оное въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1859 года, для рѣшенія въ виленскій уѣздный судъ.—Виленскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ, въ апрѣлѣ 1860 года совмѣстно съ членами мѣстнаго городоваго магистрата означенное дѣло и находя, что по оному необнаружено виновности однодворца Згерскаго и евреевъ Альперовича и Фридмана въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ и въ выпускѣ ихъ въ обращеніе, завѣдомо фальшивыхъ, полагалъ: поименованныхъ подсудимыхъ, на основаніи 304 ст. XV т. св зак. угол., никакому взысканію не подвергать, а фальшивый кредитный билетъ передать въ государственный банкъ для уничтоженія; самое же дѣло представить на ревизію въ виленскую палату уголовнаго суда.—Но какъ на основаніи 32 пунк. 6 ст. II кн. воен. угол. уст., въ губерніяхъ: виленской, гродненской, минской и ковенской евреи, изобличенные въ выпускѣ фальшивыхъ государственныхъ бумагъ въ обращеніе, подлежатъ *военному суду*, то упомянутые подсудимые въ выпускѣ въ обращеніе фальшиваго 10-ти рублеваго кредитнаго билета, были преданы, по распоряженію виленскаго военнаго губернатора, военному суду при виленскомъ ордонансъ-гаузѣ. — Въ военномъ судѣ подсудимые Згерскій, Альперовичъ и Фридманъ, подтверждая показанія, данныя ими при слѣдствіи, объяснили, что къ оправданію своему никакихъ болѣе доказательствъ представить не могутъ; а Згерскій присовокупилъ, что онъ не можетъ положительно утверждать, еврей-ли Фридманъ далъ ему фальшивый 10-ти рублевый кредитный билетъ, или еврей Альперовичъ послѣ размѣна настоящаго кредитнаго билета принесъ ему Згерскому фальшивый; не зная признаковъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и будучи слабъ зрѣніемъ, онъ, Згерскій, не могъ различить возвращеннаго ему Альперовичемъ билета отъ того, который былъ посланъ къ нему для размѣна. Происшедшее съ нимъ, Згерскимъ, онъ считаетъ для себя несчастнымъ случаемъ, въ которомъ онъ нисколько не виновенъ.—На повальномъ обыскѣ четверо односельцевъ подсудимыхъ Згерскаго и Альперовича и двое крестьянъ деревни Дзерковчизны, подъ присягою показали, что Згерскій и Альперовичъ поведенія хорошаго и въ предосудительныхъ поступкахъ не замѣчены ими; откуда Згерскій получилъ фальшивый 10-ти рублевый билетъ, они не знаютъ

а слышали отъ самого Згерскаго, отъ дворянина Пухальскаго и крестьянина Сѣлюты, что билетъ этотъ полученъ Згерскимъ отъ проживающаго въ мѣстечкѣ Глубокомъ еврея Неуховича за льняное сѣмя. — О подсудимомъ евреѣ Фридманѣ 12 человѣкъ евреевъ, одного съ нимъ общества, подъ присягою показали, что онъ поведенія хорошаго и ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ замѣчаемъ не былъ *).

Военный генералъ-аудиторіатъ, не усматривая никакихъ доказательствъ къ обвиненію подсудимыхъ Згерскаго, Альперовича и Фридмана въ умышленномъ пріобрѣтеніи и переводѣ фальшиваго 10-ти рублеваго кредитнаго билета, согласно съ мнѣніемъ виленскаго военнаго, гродненскаго и ковенскаго генералъ-губернатора, опредѣлилъ: подсудимыхъ этихъ, на основаніи 340 ст. 2 кн. военно-уголов. уст., отъ суда и всякой отвѣтственности освободить.—Находящійся же при дѣлѣ фальшивый 10-ти рублевый кредитный билетъ отослать въ государственный банкъ для уничтоженія.

LXIII. Дѣло о евреяхъ Рапенѣ и Шескинѣ, обвиняемыхъ въ выпускѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ.

Жительствующая въ м. Михалишкахъ, виленской губерніи еврейка Итка Свирская, 14-го марта 1862 г. предъявила пятисотскому крестьянину Лопатѣ, фальшивый пятирублевый кредитный билетъ, объяснивъ, что билетъ этотъ данъ ей двумя неизвѣстными проѣзжими евреями, при покупкѣ у ней сахару, чаю и другихъ предметовъ, всего на 40 к. сер.—Вслѣдствіе сего пятисотскій Лопато, разспросивъ Свирскую о приметахъ тѣхъ евреевъ, отправился преслѣдовать ихъ и въ дер. Поповъ узналъ, что тамъ тѣ же евреи дали другой фальшивый билетъ еврею Ицкѣ Камню за взятые у него съѣстные припасы. Затѣмъ, вмѣстѣ съ евреемъ Камнемъ, продолжая преслѣдо-

*) По 10-й народной переписи значится: подсудимый Опуфрій Згерскій, однодворецъ, 69 лѣтъ. — Подсудимые евреи: Юдель Еліевъ Альперовичъ кужевецкаго еврейскаго общества, виленскаго уѣзда, 30-ти лѣтъ, и Берко Неуховичъ Фридманъ мѣщанинъ м. Глубокаго 60-ти лѣтъ.

вать означенныхъ евреевъ, Лопато догналъ ихъ въ м. Свирѣ, и при задержаніи, у одного изъ нихъ, именно Абрама Рапеша, нашелъ 33 фальшивыхъ пятирублевыхъ кредитныхъ билетовъ, 31 р. кредитными билетами настоящаго достоинства и 2 р. 43½ коп. мѣдною монетою; у другаго-же еврея Мовши Шескина ни фальшивыхъ, ни настоящихъ денегъ при обыскѣ не найдено.

При слѣдствіи показали: *Рапешъ*, что найденные при немъ фальшивые пятирублевые билеты, завернутые въ особой бумагѣ, онъ получилъ въ г. Вильно отъ неизвѣстнаго ему господина, который, передавъ ему свертокъ бумаги въ видѣ посылки, просилъ отнести въ Свѣнцяны и тамъ дожидаться самого его на улицѣ, за что далъ ему, Рапешу, одинъ 10-ти рублевый билетъ и два 5-ти рублевыхъ, обѣщая въ Свѣнцянахъ дать еще 10-ть рублей; причемъ совѣтовалъ идти въ этотъ городъ пѣшкомъ не по обыкновенному тракту, а по проселочнымъ дорогамъ. Не зная, однакожъ, дороги въ Свѣнцяны, онъ Рапешъ, тотчасъ отправился на толкучій рынокъ и, встрѣтивъ тамъ знакомаго еврея подсудимаго Мовшу Шескина, уговорилъ его нанять подводу, и когда Шескинъ согласился на это и самъ вызвался ѣхать съ нимъ въ качествѣ проводника, то на другой день оба они отправились изъ Вильно и проѣзжая м. Михалишки, онъ, Рапешъ, купилъ у незнакомой ему еврейки, оказавшеюся Иткою Свирскою, полфунта сахару и сигаръ, размѣнявъ при этомъ пятирублевый билетъ; потомъ, слѣдуя черезъ дер. Поницы, размѣнялъ другой такой же билетъ при покупкѣ съѣстныхъ припасовъ у неизвѣстнаго ему содержателя корчмы еврея, оказавшагося по прозванію Каменемъ. Оба эти билета были тѣ самые, которые упомянутый неизвѣстный господинъ далъ ему въ вознагражденіе за исполненіе порученія; деньги же, которыя онъ, Рапешъ, везъ въ Свѣнцяны, находились при немъ особо въ завернутой бумагѣ и дорогой онъ ихъ не разсматривалъ. Мовшѣ Шескину онъ не говорилъ ни о настоящей цѣли своей поѣздки въ г. Свѣнцяны, ни о имѣвшихся при немъ фальшивыхъ билетахъ, и при размѣнѣ оныхъ въ пути Шескинъ не присутствовалъ, находясь постоянно при лошади съ повозкою, и чтобы эти билеты, которыми онъ, Рапешъ, расплачивался, были фальшивые, о томъ онъ не зналъ. Самъ ни поддѣлкою, ни выпускомъ въ обращеніе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ онъ не занимался и занимающихся этимъ

не знаетъ.—*Шескинъ* объяснилъ, что, по порученію встрѣтившаго его на толкучемъ рынкѣ въ Вильно подсудимаго Рапеша, онъ, Шескинъ, дѣйствительно нанялъ для него подводу и самъ согласился ѣхать съ нимъ въ качествѣ проводника, но не въ Свѣнцяны, а въ м. Видзы, гдѣ, какъ сказывалъ самъ Рапешъ, ему нужно было побывать на ярмаркѣ; дорогой расплачивался за все Рапешъ и ему, Шескину, не было извѣстно ни о находившихся у этого еврея фальшивыхъ билетахъ, ни о томъ, куда именно и зачѣмъ онъ ѣхалъ. — При *обыскѣ* въ квартирѣ подсудимаго Рапеша ничего подозрительнаго не найдено, а подсудимый Шескинъ, по крайней своей бѣдности, не имѣетъ даже постоянной квартиры, и проведя день на рынкѣ въ поденной работѣ, ночевалъ или тамъ, гдѣ работалъ, или у родственниковъ. При обыскѣ въ квартирахъ сихъ послѣднихъ ничего подозрительнаго не найдено.—На сдѣланное Рапешу замѣчаніе, что невѣроятно, чтобы незнакомый человѣкъ давалъ другому тоже незнакомому деньги, онъ отвѣчалъ: «видно вѣроятно, когда далъ». При этомъ Рапешъ объяснилъ, что въ м. Свирѣ онъ просилъ пятисотскаго и становаго пристава, чтобы отправили его въ г. Свѣнцяны, гдѣ бы онъ могъ указать незнакомаго, давшаго ему деньги, но ни пятисотскій, ни приставъ не исполнили его просьбы. При задержаніи его, Рапеша, въ мѣстечкѣ Свирѣ, у него изъ числа собственныхъ денегъ былъ одинъ десятирублевый билетъ, полученный отъ неизвѣстнаго господина, также мелкія деньги отъ размѣна двухъ пятирублевыхъ билетовъ и 10 рублей, состоящихъ изъ одного трехрублеваго кредитнаго билета и семи билетовъ рублевыхъ; онъ, Рапешъ, ни по-русски, ни по-польски не говоритъ, и если кто другой говоритъ, то понимаетъ только нѣкоторыя слова, а мысли не понимаетъ. Съ господиномъ, давшимъ ему деньги, онъ разговаривалъ кое-какъ по-польски. На вопросъ слѣдователей, для чего размѣнялъ второй билетъ, когда имѣлъ мелкія деньги для расплаты за купленные съѣстные припасы отъ размѣна перваго билета и, сверхъ того, имѣлъ одинъ билетъ въ 3 рубли и 7 рублевыхъ билетовъ? Рапешъ отвѣчалъ, что 3 рублев. билетъ и 7 рублев. билетовъ были его собственные, а пятирублевые были даны ему неизвѣстнымъ господиномъ на дорогу.—На очныхъ ставкахъ Шескинъ уличалъ Рапеша, что сей послѣдній просилъ нанять для

него повозку въ Видзы, а не въ Свѣнцяны и что Рапешъ сѣлъ въ повозку за заставою, гдѣ онъ ожидалъ его, а не у своей квартиры въ г. Вильнѣ, и когда онъ, Шескинъ, спрашивалъ Рапеша, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Видзы, то Рапешъ сказалъ, что для свиданія съ родственниками. На это Рапешъ возразилъ, что онъ нанималъ Шескина въ Свѣнцяны, а не въ Видзы, гдѣ родственниковъ вовсе не имѣетъ, и что онъ сѣлъ на повозку у своей квартиры. На вопросъ: не имѣетъ ли доказательствъ, что ожидалъ Рапеша за заставой, подсудимый Шескинъ объяснилъ, что это видѣли проживающіе тамъ еврей Абрамъ Котловскій и его жена. Спрошенные по ссылкѣ этой еврей Котловскій и жена его подъ присягою показали, что около дома, въ которомъ они живутъ, дѣйствительно останавливался еврей Шескинъ съ лошадью, запряженною въ саняхъ, въ которыхъ, кромѣ Шескина, никто не сидѣлъ; причемъ Шескинъ кушалъ у нихъ, Котловскихъ, сѣна и порцію говядины, сказавъ, что скоро придетъ другой еврей, который заплатитъ деньги; а какъ они, Котловскіе, по надобности отправлялись въ г. Вильно, то получить деньги съ того еврея поручили своей 12-ти лѣтней дочери, которая дѣйствительно послѣ и получила ихъ, сказавъ имъ, что эти деньги уплатилъ ей другой еврей, который пришелъ послѣ.—На очной ставкѣ Котловскіе уличали Рапеша въ томъ, что когда товарищъ его Шескинъ остановился возлѣ ихъ квартиры, то его, Рапеша, не было. Но Рапешъ утверждалъ, что онъ былъ на дворѣ ихъ квартиры и потому Котловскіе его видѣть не могли и что онъ далъ деньги Шескину, который съ нимъ вошелъ въ комнату и заплатилъ дѣвочкѣ.—Свирскій пятисотенный, солдатскій сынъ Осипъ Яновичъ, показалъ, что подсудимый Рапешъ дѣйствительно просилъ его Яновича свезти въ г. Свѣнцяны, для указанія неизвѣстнаго господина, давшаго ему фальшивые кредитные билеты, но на это онъ, Яновичъ, отвѣчалъ Рапешу, что не имѣетъ права сдѣлать это, и совѣтовалъ обратиться съ своею просьбою къ становому приставу. Приставъ-же 4-го стана свѣнцянскаго уѣзда Богдановичъ объяснилъ, что объ отправленіи въ Свѣнціаны, для узнанія незнакомаго господина, давшаго фальшивые кредитные билеты, Рапешъ его не просилъ.—Показаніе это приставъ Богдановичъ утвердилъ и на очной ставкѣ съ Рапешемъ, который также утверждалъ, что онъ просилъ пристава отправить въ

Свѣнцяны, для указанія неизвѣстнаго господина, давшаго ему фальшивые билеты, но не знаетъ, слышалъ ли это приставъ или нѣтъ, ибо на его, Рапеша, просьбу ничего не отвѣчалъ.—Въ военномъ судѣ подсудимый еврей Рапешъ показалъ, что найденные при немъ фальшивые кредитные билеты даны ему въ Вильнѣ неизвѣстнымъ человѣкомъ для отнесенія въ Свѣнцяны, и они находились въ пачкѣ, завернутыми въ особой бумагѣ. Кромѣ этихъ денегъ, даны ему тѣмъ-же неизвѣстнымъ господиномъ на дорогу два пятирублевые билета и одинъ десятирублевый; два 5-ти рублевые онъ размѣнялъ на дорогѣ, чтобы имѣть мелкія деньги. Къ подтвержденію своихъ показаній о полученіи фальшивыхъ билетовъ отъ неизвѣстнаго господина, онъ, Рапешъ, никакихъ доказательствъ представить не можетъ и къ оправданію своему добавить ничего не имѣетъ; еврей Шескинъ только отыскивалъ для него Рапеша лошадь и обязался везти его за обѣщанную плату, но о посылкѣ или деньгахъ, которыя онъ, Рапешъ, взялся доставить въ Свѣнцяны, Шескинъ ничего не знаетъ.—Подсудимый Шескинъ на допросѣ въ военномъ судѣ, подтверждая отобранные отъ него при слѣдствіи отвѣты, объяснилъ, что для какой надобности отправлялся изъ г. Вильно нанявшій его еврей Рапешъ ему, Шескину, неизвѣстно; въ промыслѣ фальшивыми кредитными билетами никакого участія не принималъ и къ оправданію своему ничего добавить не можетъ. На повальномъ обыскѣ оба подсудимые въ поведеніи одобрены.

По ревизскимъ сказкамъ 10-й ревизіи подсудимые оказались записанными въ числѣ мѣщанъ виленскаго еврейскаго общества и изъ сказокъ видно, что Абрамъ Рафесъ, а не Рапешъ, 39 лѣтъ, а Мовша Шескинъ 32 лѣтъ. Виленская городская полиція и тамошній магистратъ увѣдомили, что въ дѣлахъ ихъ не видно, чтобы евреи Рапешъ и Шескинъ до преданія ихъ военному суду находились подъ слѣдствіемъ или судомъ. По медицинскому свидѣтельству оказалось, что подсудимый Рапешъ тѣлосложенія здороваго и присужденное ему наказаніе шпицрутенами вынести можетъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, военный генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что изъ подсудимыхъ Рапешъ, проживавшій въ г. Вильно, встрѣтивъ 14 марта 1862 г. на толкучемъ рынкѣ подсудимаго еврея Шескина, поручилъ ему нанять подводу въ м. Видзы на ярмарку,

и Шескинъ, нанявъ подводу, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ проводника. При проѣздѣ чрезъ м. Михалишки подсудимый Рапешъ, купивъ у еврейки Итки Свирской сахару и чаю на 40 коп., далъ ей 5-ти рублевый кредитный билетъ, съ котораго и получилъ слѣдовавшую сдачу; потомъ, проѣзжая черезъ дер. Понизе, размѣнялъ другой такой же билетъ при покупкѣ съѣстныхъ припасовъ у содержателя корчмы еврея Ицки Камня. Но, какъ вслѣдъ затѣмъ обнаружилось, что означенные кредитные билеты фальшивые, то подсудимый Рапешъ былъ настигнутъ въ м. Свирѣ и при обыскѣ у него оказалось еще 33 фальшивые пяти рублевые кредитные билета, 31 руб. кредитными, билетами настоящаго достоинства и 2 р. 43½ к. мѣдною монетою. Въ квартирѣ же его ничего подозрительнаго не найдено. У подсудимаго Шескина ни фальшивыхъ, ни настоящихъ денегъ при обыскѣ не оказалось. При слѣдствіи изъ подсудимыхъ Рапешъ показалъ, что найденные при немъ фальшивые кредитные билеты онъ получилъ въ г. Вильно отъ неизвѣстнаго ему господина, который, передавъ ему свертокъ бумаги въ видѣ посылки, просилъ отнести въ г. Свѣнцяны и тамъ дожидаться самого его на улицѣ, причемъ, въ вознагражденіе за труды, далъ ему одинъ 10-ти рублевый и два 5-ти рублевые кредитные билета, обѣщая потомъ дать еще 10 руб. Не зная дороги онъ поручилъ Шескину нанять для него лошадь и самого его взялъ въ проводники; на пути-же размѣнялъ тѣ два 5-ти рублевые кредитные билета, которые даны ему были неизвѣстнымъ на дорогу и о фальшивости которыхъ онъ вовсе не зналъ; деньги же, которыя онъ, Рапешъ, везъ въ Свѣнцяны, находились при немъ особо въ завернутой бумагѣ и дорогой онъ ихъ не разсматривалъ.—Такое показаніе подсудимаго Рапеша о способѣ пріобрѣтенія фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ представляется очевидно ложнымъ, по отсутствію всякаго вѣроятія, чтобы незнакомое лицо поручило свертокъ съ деньгами для передачи ему же въ другомъ городѣ. Засимъ отысканіе у подсудимаго Рапеша фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, начатый сбытъ ихъ при покупкѣ на незначительную сумму съѣстныхъ припасовъ, удостовѣреніе подсудимаго Шескина, что онъ везъ Рапеша не въ Свѣнцяны, а въ Видзы, гдѣ въ то время была ярмарка и, наконецъ, скрытность выѣзда его изъ г. Вильно, такъ

какъ по дѣлу доказано, что онъ, нанявъ Шескина въ подводчики, сѣлъ въ повозку не у своей квартиры, а за заставой, гдѣ Шескинъ, по его приказанію, ожидалъ его—положительно изобличаютъ подсудимаго Рапепа въ умышленномъ пріобрѣтеніи и переводѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и сокрытіи лица, передавшаго ему оные. Что же касается до подсудимаго еврея Шескина, то изъ дѣла видно, что онъ подвергся обвиненію въ участіи съ евреемъ Рапешемъ въ выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ потому только, что онъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ; но, по удостовѣренію Шескина, онъ вовсе не зналъ о находившихся у подсудимаго Рапепа фальшивыхъ билетахъ, что̀ подтвердилъ и самъ Рапепъ, объясняя, что Шескинъ отыскивалъ только для него лошадь и обязался везти его за обѣщанную плату, но ни о цѣли поѣздки его, Рапепа, ни о имѣвшихся при немъ фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ онъ не зналъ и при размѣнѣ этихъ билетовъ не присутствовалъ. По симъ обстоятельствамъ, генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: 1) изъ подсудимыхъ, еврея Абрама Рапепа, за умышленный переводъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, на основаніи 206, 212 и 214 ст. I кн. воен. угол. уст. и 608, 625 и 628 улож. о нак. уголов. и испр., наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ шесть разъ и, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ. 2) Подсудимаго еврея Мовшу Шескина по обвиненію въ участіи съ евреемъ Рапепомъ въ переводѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, за необнаруженіемъ къ изобличенію его въ этомъ преступленіи никакихъ доказательствъ, на основаніи 340 и 348 ст. 2 кн. воен. угол. уст., отъ всякой отвѣтственности освободить. 3) Изъ найденныхъ при евреѣ Рапепѣ денегъ настоящаго достоинства возвратить 10 р. еврейкѣ Иткѣ Свирской и еврею Ицкѣ Камню, получившимъ отъ Рапепа, вмѣсто настоящихъ, фальшивые 5-ти рублевые кредитные билеты, представленіемъ которыхъ въ свое время они способствовали къ поимкѣ преступника; остальные же 20 р. 6 к., хранящіеся въ виленскомъ уѣздномъ казначействѣ, обратить на пополненіе издержекъ при производствѣ слѣдствія по настоящему дѣлу, простирающихся на 30 р. 24 коп., а недостающую затѣмъ сумму для пополненія издержекъ, всего 10 р. 24 к., по неимѣнію у подсудимаго Ра-

неша никакой другой собственности, принять на счетъ казны; и 4) отобранные отъ еврея Рапеша 35-ть фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, на основаніи 627 ст. улож. о нак. угол. и испр., отослать въ правленіе государственнаго банка для уничтоженія.

LXIV. Дѣло о крестьянинѣ Андреѣ Кондратьевѣ, сужденномъ за кражу лошади.

8 іюля 1862 года тверской 3-й гильдіи купецъ Иванъ Цвѣтковъ объявилъ частному приставу г. Твери, что въ этотъ день въ 4 часа пополудни, стоявшая подлѣ лавки запряженная въ возовую телегу, принадлежащая ему лошадь уведена неизвѣстнымъ человѣкомъ. Стоявшій у лавки кретьянинъ Семенъ Степановъ и работникъ просителя крестьянинъ Онисимъ Николаевъ увидавъ уводъ лошади, тотчасъ же бросились въ догонъ, поймали неизвѣстнаго человѣка съ лошадью и привели къ лавкѣ.

Этотъ неизвѣстный человѣкъ оказался крестьянинъ *Андрей Кондратьевъ* и объявилъ въ полиціи, что отъ лавки Цвѣткова лошадь послѣдняго пошла за нимъ, послѣ чего онъ былъ настигнутъ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, которымъ и взятъ неизвѣстно за что. — При слѣдствіи Кондратьевъ показалъ, что не знаетъ за что его взяли въ часть съ улицы, лошади отъ лавки купца Цвѣткова съ упряжью онъ не уводилъ; шелъ онъ за Тверцу, а чья-то лошадь съ дрогами шла рядомъ съ нимъ, но не близко по той же дорогѣ; на телегу онъ не садился и зааре-стовали его напрасно; на него набѣжалъ по улицѣ какой-то мужикъ и разбилъ ему лобъ, но кто онъ и откуда—не знаетъ, а должно быть тотъ, который привелъ его въ полицію.

На предписяжной очной ставкѣ Кондратьевъ отводилъ крестьянъ Степанова и Николаева, а также новаго противъ него свидѣтеля Филиппова отъ спроса подъ присягою; но этотъ отводъ признанъ былъ слѣдователемъ незаслуживающимъ уваженія и нижепоименованныя лица, бывъ спрошены подъ присягою, показали:

1) Крестьянинъ *Семенъ Филипповъ*, что крестьянина Андрея Кондратьева онъ отводилъ въ 1 часть за то, что тотъ увелъ у нихъ лошадь и Кондратьевъ дорогою предлагалъ ему 10-р. сер., чтобы онъ его отпустилъ.

2) Крестьянинъ *Семенъ Степановъ*, что 8 іюля, послѣ полудня часа въ 3, онъ пріѣзжалъ въ лавку Цвѣткова купить разныя вещи для домашняго обихода; около дверей стояли его лошадь и лошадь купца Цвѣткова; увидѣвъ, что какой-то крестьянинъ какъ оказалось впослѣдствіи, Андрей Кондратьевъ) сѣлъ на телегу Цвѣткова и поѣхалъ, онъ, Степановъ, обратился къ работнику Онисиму и спросилъ, давно ли новаго работника наняли, который поѣхалъ на ихъ лошади? Онисимъ, сказавъ, что у нихъ нѣтъ новаго работника, тутъ же побѣжалъ за лошадью, догналъ и привелъ Кондратьева. — 3) Крестьянинъ *Онисимъ Николаевъ* объяснилъ, что 8 іюля послѣ полудня, когда у нихъ въ лавкѣ былъ Семенъ Степановъ, послѣдній обратился къ нему съ вопросомъ: давно ли это у васъ новый работникъ, что̀ поѣхалъ на лошади? Онъ, Николаевъ, бросился догонять вора, догналъ на Мироносицкой улицѣ и спросилъ его, куда онъ ѣдетъ, на что̀ тотъ сказалъ «домой»; на вопросъ чья лошадь? отвѣчалъ «тверская»; тутъ онъ снялъ его съ телеги, взялъ лошадь и его привелъ къ хозяину; былъ-ли онъ, Кондратьевъ, тогда пьянъ, онъ не замѣтилъ. — Въ этомъ означенныя лица уличали Кондратьева и на очныхъ ставкахъ, но онъ ни въ чемъ не сознался, а утвердился въ своемъ показаніи.

На повальномъ обыскѣ, обыскные люди о Кондратьевѣ подъ присягою отозвались, что худаго за нимъ ничего не знаютъ, въ воровствѣ и распутствѣ, а равно въ знакомствѣ съ людьми подозрительными его не замѣчали.—Отъ роду ему по сказкамъ 10 ревизіи оказалось 32 года.

Лошадь съ упряжью и телегою присяжными цѣновщиками оцѣнена въ 58 руб. 40 коп.

Разрѣшая настоящее дѣло, тверской уѣздный судъ опредѣлилъ: крестьянина Кондратьева, имѣющаго отъ роду 36 лѣтъ, въ поведеніи одобреннаго, судимаго въ первый разъ за уводъ лошади въ городѣ Твери отъ лавки купца Цвѣткова, достаточно въ томъ не уличеннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно неоправданнаго, на осн. 313 ст. XV т. 2 ч. оставить въ *подозрѣніи* и отдать на поруки одобрившимъ его поведеніе обыскнымъ людямъ.

Тверская уголовная палата по постановленію 20 ноября 1862 года опредѣлила: Кондратьева, 36 лѣтъ, въ поведеніи одобреннаго, судимаго въ 1 разъ за кражу лошади у купца Цвѣткова, на

основ. 2 ч. 2338 и примѣч. къ 2245 ст. ул. лишивъ, по 47 ст. всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, наказать розгами въ мѣрѣ средней, опредѣленной для четвертой степ. 35 ст. улож. 65-ю ударами и потомъ, согласно прилож. къ 358 ст. XV т. отд. V п. 1 ч. I. отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 6 мѣсяцевъ; при недостаточности же помѣщенія въ ротахъ или неспособности къ работамъ въ оныхъ, заключить въ рабочій домъ или тюрьму на тотъ же срокъ, а по окончаніи сего срока сослать въ западную Сибирь, съ употребленіемъ и тамъ въ работы, по усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго начальства въ теченіе полутора года. Рѣшеніе это губернскимъ прокуроромъ пропущено безъ протеста и утверждено начальникомъ губерніи.

На это рѣшеніе Андрей Кондратьевъ принесъ правительствующему сенату жалобу, въ коей, р[illegible]чно какъ и въ особо поданномъ прошеніи, объяснялъ, что выставленные по дѣлу свидѣтели неправильно судебнымъ слѣдователемъ спрошены подъ присягою, такъ-какъ одинъ изъ нихъ родной племянникъ Цвѣткова, другой работникъ его, а третій дядя сего послѣдняго.

При разсмотрѣніи сего дѣла въ правительствующемъ сенатѣ произошло (по 1 отд. 5-го д-та) разногласіе; посему дѣло поступило на обсужденіе втораго общаго собранія и разрѣшено имъ слѣдующимъ образомъ: «къ обвиненію подсудимаго Кондратьева имѣются показанія: 1) крестьянина Семена Степанова, подъ присягою, что онъ видѣлъ, какъ подсудимый, сѣвъ на принадлежащую купцу Цвѣткову запряженную лошадью телегу, поѣхалъ на оной; по разспросу же показателя, кто поѣхалъ на хозяйской лошади, работникъ купца Цвѣткова Онисимъ Николаевъ побѣжалъ за телегою и догнавъ ее, доставилъ вора съ поличнымъ обратно къ лавкѣ. 2) Работника Онисима Николаева, подъ присягою показавшаго то же самое въ относящихся до него обстоятельствахъ. Въ кражѣ этой подсудимый не сознался и противъ упомянутыхъ свидѣтелей предъявилъ отводъ, а засимъ подлежитъ разрѣшенію вопросъ: можно ли признать правильнымъ *отводъ*, предъявленный крестьяниномъ Кондратьевымъ противу свидѣтелей? Вопросъ этотъ вполнѣ разрѣшается существующими узаконеніями. Крестьянинъ Кондратьевъ на предвари-

тельной очной ставкѣ съ крестьянами Семеномъ Степановымъ, Онисимомъ Николаевымъ и Семеномъ Филипповымъ показалъ, что этихъ свидѣтелей онъ къ присягѣ не допускаетъ, потому-что послѣдніе двое живутъ у купца Цвѣткова въ работникахъ, а Семена Степанова потому, что онъ навѣрно стоитъ не за него, а за Цвѣткова. По закону (ст. 232 XV т. 2 кн.) требуется, чтобы отводъ былъ основанъ на уважительныхъ причинахъ и доказательствахъ. Причины же состоятъ въ неспособности свидѣтелей и изложены въ статьяхъ 215 — 220 того же тома. Ни одна изъ нихъ къ настоящему случаю примѣнена быть не можетъ. Такимъ образомъ остается только соображаться съ общею статьею 213, которая говоритъ, что свидѣтелемъ можетъ быть всякое лицо, имѣющее здравыя физическія чувства и разсудокъ для познанія предмета, о которомъ требуется его свидѣтельство, и когда нѣтъ причины предполагать, что показаніе его будетъ невѣрно. Такого предположенія въ данномъ случаѣ допустить нельзя: ибо 1) никто изъ свидѣтелей до поимки Кондратьева лично знакомъ съ нимъ не былъ и вслѣдствіе этого между ними не существовало такихъ отношеній, которыя дали бы поводъ къ клеветѣ со стороны первыхъ. 2) Предметъ кражи возвращенъ хозяину въ совершенной цѣлости и интересъ хозяйскій нисколько не пострадалъ. Съ своей стороны посудимый Кондратьевъ при слѣдствіи не выставилъ ни одного свидѣтеля и не привелъ никакихъ доводовъ къ опроверженію взведенныхъ противу него обвиненій. Засимъ свидѣтельскія показанія, сходныя между собою какъ при предварительномъ, такъ и при формальномъ слѣдствіи составляютъ, на основаніи 329 ст. т. XV зак. уг. ч. 2, совершенное доказательство виновности Кондратьева, а приговоръ тверской уголовной палаты, коимъ Кондратьевъ приговоренъ къ наказанію по 4 степ. 35 ст. ул. въ средней мѣрѣ, представляется совершенно правильнымъ и согласнымъ съ законами. По симъ основаніямъ общее собраніе опредѣлило: оставить жалобу подсудимаго Кондратьева безъ уваженія, подвергнувъ его за неправильную жалобу шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ, на основ. прим. къ 18 ст. XV т. св. зак. угол. ч. 1 по прод 1863 г. и 488 ст. XV т. 2 кн.; въ случаѣ же явной невозможности заключить подсудимаго Кондратьева въ тюрьму по недостаточности помѣщеній въ мѣстахъ заключенія или по другой

причинѣ, то на основаніи 8 п. примѣч. къ 18 ст. (по прод. 1863 года) и 89 ст. XV том. 1 ч. подвергнуть его наказанію розгами 40 ударами.

При слушаніи же сего дѣла заявлено было въ сенатѣ и другое мнѣніе: хотя въ дѣлѣ и имѣется присяжное показаніе крестьянина Онисима Николаева, удостовѣрившаго, что Кондратьевъ былъ имъ догнанъ и остановленъ на лошади купца Цвѣткова, но показанія этого лица, задержавшаго Кондратьева, какъ работника купца Цвѣткова и являющагося въ настоящемъ дѣлѣ, за его отсутствіемъ, какъ бы истцомъ т. е. *прикосновеннымъ* къ сему дѣлу, а потому спрошеннымъ подъ присягою вопреки 1 п. 216 ст. 2 кн. XV т. св. зак. угол., не можетъ имѣть силы совершеннаго доказательства. Что же касается до свидѣтельства крестьянина Семена Степанова, какъ посторонняго лица, то это свидѣтельство при несознаніи подсудимаго, одобренномъ на повальномъ обыскѣ его поведеніи и неимѣніи въ дѣлѣ другихъ, болѣе положительныхъ доказательствъ его виновности, на основ. 330 ст. 2 кн. XV т., не можетъ также служить достаточнымъ основаніемъ для признанія Кондратьева виновнымъ въ кражѣ; но на осн. 313 ст. 2 кн. XV т. навлекаетъ на него въ томъ сильное подозрѣніе; по сему и такъ какъ жалоба крестьянина Кондратьева отчасти заслуживаетъ уваженія, слѣдуетъ: подсудимаго Кондратьева по обвиненію въ кражѣ лошади у купца Цвѣткова оставить въ сильномъ подозрѣніи, затѣмъ, какъ понесшаго незаслуженное наказаніе, освободить его отъ дальнѣйшаго приведенія онаго въ исполненіе и возвратить на мѣсто прежняго жительства, съ отдачею на поруки одобрившихъ его поведеніе лицъ, возвративъ ему права, коихъ онъ лишенъ по тому приговору.

Разрѣшеніе настоящаго дѣла зависитъ отъ одного главнаго вопроса: изобличается ли подсудимый въ кражѣ лошади купца Цвѣткова данными противъ него свидѣтельскими показаніями?

Обсуждая прежде всего corpus delicti, мы находимъ, что самъ подсудимый, по существу взведеннаго на него обвиненія, заявилъ въ полиціи, что отъ лавки купца Цвѣткова лошадь послѣд-

няго *пошла за нимъ* (?), послѣ чего онъ былъ настигнутъ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, которымъ и взятъ неизвѣстно за что. При слѣдствіи-же Кондратьевъ объяснилъ, что чья-то лошадь съ дрогами *шла рядомъ съ нимъ* (?), но не близко, когда онъ былъ взятъ неизвѣстно за что.

Изъ этихъ показаній мы выводимъ: 1) что Кондратьевъ, *не* опровергаетъ того, что лошадь Цвѣткова, стоявшая у лавки послѣдняго, очутилась съ нимъ, подсудимымъ, на улицѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сей лавки; 2) что объясненія Кондратьева являются нелѣпыми и неправдоподобными, ибо такъ-какъ онъ шелъ пѣшкомъ, то лошадь сама собою не могла послѣдовать за нимъ; и во всякомъ случаѣ (если даже допустить справедливость сего показанія), онъ обязанъ былъ отвести лошадь къ лавкѣ, а не давать ей слѣдовать за собою, содѣйствуя ея пропажѣ.

Обратимся затѣмъ къ существу свидѣтельскихъ показаній: крестьянинъ *Степановъ*, находившійся въ лавкѣ, замѣтивъ, что какой-то неизвѣстный крестьянинъ сѣлъ на лошадь Цвѣткова (запряженную въ телегу) и поѣхалъ, сказалъ объ этомъ работнику Цвѣткова—*Николаеву*. Послѣдній тотчасъ же погнался за Кондратьевымъ, снялъ его съ телеги и привелъ къ хозяину.

Итакъ фактъ увода Кондратьевымъ лошади подтверждается *двумя* свидѣтельскими показаніями: 1) Степанова, видѣвшаго отъѣздъ его на телегѣ, и 2) Николаева, задержавшаго его съ телегой и лошадью.

Мнѣніе, что Николаевъ является къ этому дѣлу лицомъ *прикосновеннымъ*, едва-ли справедливо, потому что, во 1-хъ, въ самомъ преступленіи онъ не принималъ никакого участія; во 2-хъ, онъ нисколько не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы Кондратьевъ подвергнутъ былъ наказанію; поэтому нѣтъ повода заподозрить его въ намѣреніи взвести на подсудимаго клевету; въ 3-хъ, если Николаевъ и былъ расположенъ къ охраненію хозяйскаго интереса, то не предстояло основанія къ ложному обвиненію подсудимаго въ кражѣ, а достаточно было отобрать отъ него лошадь и возвратить ее хозяину.

Наконецъ отводъ, предъявленный подсудимымъ противъ Степана Семенова, является чисто-голословнымъ и не заключаетъ въ себѣ даже объясненія того: почему Кондратьевъ предполо-

галъ, что этотъ свидѣтель навѣрное станетъ показывать не въ его пользу.

Итакъ приговоръ общаго собранія по сему дѣлу мы, съ своей стороны, находимъ вполнѣ справедливымъ и юридически-вѣрнымъ.

LXV. Дѣло объ отставномъ поручикѣ Костылевѣ, сужденномъ за кражу.

Дочь мастероваго Анна Колясникова 11 іюля 1864 года, явясь къ помощнику петрозаводскаго городоваго пристава Петрову, объявила, что въ этотъ день въ питейное заведеніе, содержимое ея матерью, бывшій дворовый человѣкъ г. Янковскаго Иванъ Ведешкинъ принесъ, неизвѣстно откуда, икону св. Николая Чудотворца въ ризѣ желтой мѣди и продавалъ оную ей. Зная Ведешкина за человѣка нетрезваго поведенія, она полагала, что онъ укралъ гдѣ-либо эту икону и потому не купила оной. Ведешкинъ обругалъ ее и ушелъ съ иконою въ другое заведеніе къ сидѣлицамъ Архиповой или Боберманъ. Впослѣдствіи объявленіе это Колясникова подтвердила на допросѣ слѣдователю и на очной ставкѣ съ Ведешкинымъ.—Вслѣдствіе этого объявленія помощникъ пристава Петровъ отправился въ питейное заведеніе солдатки Анны Боберманъ, гдѣ нашелъ крестьянина Ведешкина, поручика Костылева и мастероваго Капускина; иконы при Ведешкинѣ не оказалось и Ведешкинъ отозвался, что хотя онъ и продалъ икону, но не ворованную, а свою собственную. Поручикъ же Костылевъ объявилъ, что у Ведешкина была икона въ мѣдной ризѣ, взятая изъ часовни, находящейся на бывшемъ старообрядческомъ кладбищѣ, куда Ведешкинъ и отнесъ ее обратно, но въ этомъ сей послѣдній не сознался.—Когда же показаніе Костылева помощникъ пристава Петровъ хотѣлъ записать въ актъ, то Костылевъ отперся въ знаніи объ иконѣ, говоря, что кто укралъ изъ часовни икону—не знаетъ, и что ни Ведешкинъ, ни онъ самъ не относили оную на кладбище. При этомъ Анна Боберманъ объявила, что Ведешкинъ и Костылевъ за день передъ тѣмъ сняли на улицѣ съ мастероваго Капускина *армякъ* и отдали его сидѣлицѣ Архиповой за полштофъ вина и гривенникъ деньгами.—Петровъ съ сидѣлицею Архиповою отправился въ часовню, изъ

коей (по ея указанію) украдена была икона, но войдя въ нее, увидѣлъ икону, поставленную ликомъ внизъ, которую Архипова тотчасъ признала за ту, которую приносилъ ей Ведешкинъ. — Мастеровой Николай Капускинъ показалъ, что, будучи съ крестьяниномъ Марковымъ въ заведеніи Анны Бобермань, напившись пьянымъ и выйдя на улицу, онъ упалъ и заснулъ, и когда очнулся, то увидалъ, что былъ въ одной рубашкѣ; бывшій же на немъ суконный армякъ во время его сна былъ неизвѣстно кѣмъ снятъ. На другой день онъ встрѣтился съ крестьяниномъ Ведешкинымъ, который сказалъ ему, что снялъ съ него армякъ поручикъ Костылевъ и снесъ къ сидѣлицѣ Архиповой, у коей жена его Капускина нашла армякъ и взяла его, давъ ей за то 70 коп. серебромъ. —Это послѣднее обстоятельство подтвердила и жена Капускина Авдотья Сергѣева. Отобранный отъ Капускина армякъ присяжнымъ аукціонистомъ оцѣненъ въ 3 рубля серебромъ. — Затѣмъ на спросъ судебнаго слѣдователя показали: подсудимый отставной поручикъ *Костылевъ*—что никакого армяка съ мастероваго Николая Капускина не снималъ и его никогда не видалъ, а равно не крадъ изъ часовни иконы св. Николая Чудотворца и обратно въ часовню ея не относилъ; сдѣлалъ ли это крестьянинъ Иванъ Ведешкинъ,—онъ не знаетъ. Другой подсудимый крестьянинъ, Иванъ *Ведешкинъ*, ни въ чемъ не сознался.—Далѣе подъ присягою показали: вдова Авдотья *Архипова*, сидѣлица питейнаго заведенія, что 11 іюля дѣйствительно приходилъ къ ней въ заведеніе Ведешкинъ и предлагалъ ей въ залогъ икону въ мѣдной ризѣ, вслѣдъ за симъ пришелъ и поручикъ Костылевъ, и съ приходомъ послѣдняго *Ведешкинъ* показалъ ей икону. Увидавъ ее, она узнала въ ней икону св. Николая Чудотворца изъ часовни на кладбищѣ, и тотчасъ же пошла и объявила о постункѣ Ведешкина сосѣдямъ своимъ: Петру Васильеву и женѣ его Аннѣ Ивановой, которые и сказали ей, что Ведешкинъ и Костылевъ приносили означенную икону и къ нимъ. Возвратясь въ свое заведеніе, она уже не видѣла болѣе иконы ни у Ведешкина, ни у Костылева, и они отперлись, чтобы была у нихъ какая-либо икона. — Въ это время пришелъ въ заведеніе полицейскій солдатъ Иванъ, которому она также объявила объ иконѣ. Полицейскій служитель повелъ Ведешкина въ полицію, а Костылевъ, оставшись одинъ, сказалъ ей: «не бранись, я отне-

су икону обратно», и вынувъ ее изъ-подъ армяка со спины, дѣйствительно отнесъ ее на кладбище. Что же касается армяка, снятаго Костылевымъ съ Капускина, то купилъ его у Костылева квартирующій у ней отставной подпоручикъ Томасъ. Отставной подпоручикъ *Томасъ* подъ присягою вполнѣ подтвердилъ показаніе своей хозяйки относительно покупки имъ армяка у Костылева, объясняя, что армякъ купленъ имъ 9 іюля отъ Костылева за 70 коп. сер. На очной ставкѣ всѣ показатели остались при своихъ объясненіяхъ. Мѣщанинъ Петръ *Васильевъ* подъ присягою показалъ, что 11 іюля въ субботу дѣйствительно приходилъ къ нему въ домъ Иванъ Ведешкинъ и предлагалъ его женѣ купить у него икону въ мѣдной ризѣ, но жена отказалась и Ведешкинъ ушелъ, не показавъ самой иконы. Потомъ, когда Архипова пришла и сказала, что онъ и ей продавалъ икону, то показатель отправился съ нею въ ея заведеніе, гдѣ были Ведешкинъ и Костылевъ, но у нихъ не оказалось никакой иконы; послѣ увода Ведешкина въ полицію Костылевъ отправился по направленію къ кладбищу и у него былъ спрятанъ за спиною подъ армякомъ какой-то предметъ величиною съ икону. Жена Петра Васильева *Анна* Иванова показала, что въ іюлѣ мѣсяцѣ приходилъ къ ней Ведешкинъ и предлагалъ купить икону, называя ее своею собственною, но самой иконы не показывалъ, купить ее она не согласилась.—Отставной унтеръ-офицеръ морской артиллеріи Даніилъ *Логиновъ*, бывшій при осмотрѣ помощникомъ пристава часовни, подъ присягою отозвался, что, кто укралъ икону—онъ не знаетъ, но при осмотрѣ часовни она была уже тамъ только вверхъ ликомъ; о поведеніи же Костылева ничего не знаетъ.—Сидѣлица питейнаго дома, еврейка Анна *Бобермань* на спросъ судебнаго слѣдователя подтвердила первоначальное свое показаніе, пояснивъ при этомъ, что она слышала отъ Ведешкина о снятіи Костылевымъ съ Капускина армяка и отдачѣ онаго Архиповой. Впослѣдствіи, бывъ спрошена по распоряженію уголовной палаты, Бобермань подтвердила это показаніе подъ присягою.—На очной ставкѣ съ Бобермань подсудимые поручикъ Костылевъ и мѣщанинъ Иванъ Ведешкинъ отозвались: первый, что не помнитъ, былъ ли онъ въ заведеніи Бобермань при чиновникѣ Петровѣ, и говорилъ ли что-либо какъ относительно иконы, такъ и о снятіи съ Капускина армяка; а

второй, что ничего тамъ объ этомъ не говорилъ.—Крестьянинъ Василій *Марковъ* подъ присягою показалъ, что на другой день послѣ того, какъ онъ оставилъ Капускина въ пьяномъ видѣ спящимъ на улицѣ, онъ встрѣтился съ нимъ въ питейномъ заведеніи Бобермана, и тутъ Капускинъ сказалъ показателю о снятіи съ него армяка, почему они отправились вдвоемъ розыскивать его, и когда пришли къ рѣчкѣ, то къ нимъ подошелъ Ведешкинъ, который на увѣщанія ихъ сознался, что армякъ съ Капускина снялъ поручикъ Костылевъ. Когда показатель встрѣтился въ другой разъ въ заведеніи Бобермана съ Ведешкинымъ и Костылевымъ, то Ведешкинъ вторично сознался при сидѣлицѣ Бобермана, что армякъ съ Капускина они сняли вмѣстѣ съ Костылевымъ и заложили сидѣлицѣ Архиповой за сколько-то водки и денегъ. Тутъ сознался въ снятіи армяка и поручикъ Костылевъ, говоря: что онъ сдѣлалъ это вдвоемъ съ Ведешкинымъ. Далѣе Марковъ объяснилъ, что онъ Костылева въ поведеніи одобрить не можетъ, такъ-какъ онъ постоянно пьянствуетъ и иногда замѣчался въ небольшихъ кражахъ.—Во время производства настоящаго слѣдствія въ петрозаводское городское полицейское управленіе отъ купца Павла *Пименова* поступило объявленіе, въ которомъ онъ жаловался на Костылева за то, что тотъ, будучи пьянымъ, обидѣлъ его словесно.—Противъ этого Костылевъ объяснилъ, что онъ не помнитъ того, обидѣлъ ли Пименова, и если обидѣлъ, то вѣроятно въ совершенно пьяномъ видѣ, и въ такомъ случаѣ со всею готовностью и чистосердечно обязывается испросить у него прощеніе.—Выставленные купцомъ Пименовымъ свидѣтели мѣщане Щегловъ и Фирсовъ подъ присягой подтвердили о нанесенномъ купцу Пименову Костылевымъ оскорбленіи *).

По разсмотрѣніи обстоятельствъ настоящаго дѣла общее присутствіе петрозаводскихъ уѣзднаго суда и городоваго магистра-

*) Изъ дѣла, кромѣ того, видно: 1) что Костылевъ еще прежде былъ судимъ за покражу у унтеръ-офицера Мазиева мундирнаго кафтана и женскаго салопа и рѣшеніемъ олонецкой судебной палаты, состоявшимся 25 мая 1864 года, оставленъ въ сильномъ подозрѣніи; 2) что Костылевъ въ 1859 г. высланъ въ олонецкую губернію подъ надзоръ полиціи (по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ), вслѣдствіе просьбы отца его, Костылева, за крайне предосудительный, развратный и нетрезвый образъ жизни послѣдняго.

та 25 августа 1864 года опредѣлило: отставнаго поручика Костылева по предмету кражи изъ часовни иконы Св. Николая Чудотворца, и въ снятіи съ мастероваго Капускина армяка, на основаніи 313 ст. 2 кн. XV т. св. зак. угол., оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за обиду, нанесенную купцу Павлу Григорьеву Пименову оскорбительными словами, велѣть ему, на основаніи 2091 ст. улож. о нак., испросить у Пименова прощеніе, и буде сей послѣдній пожелаетъ, то и заплатить безчестіе.

Олонецкая уголовная палата опредѣлила: 1) Костылева, по обвиненію въ покушеніи на похищеніе вмѣстѣ съ Иваномъ Ведешкинымъ изъ кладбищенской часовни иконы, съ цѣлію продать ее, по силѣ 313 ст. 2 кн. XV т. зак. угол. оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за ограбленіе съ мастероваго Капускина на улицѣ армяка и за оскорбленіе словами купца Павла Пименова, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ ему всякой отлучки изъ мѣста поселенія въ продолженіе 2-хъ съ половиною лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія губерніи или области Сибири въ продолженіе 9 лѣтъ и взыскать съ имущества его, Костылева, 70 коп. сер. въ пользу мастероваго Капускина; до высылки же Костылова, велѣть ему испросить прощеніе у купца Пименова и, буде сей послѣдній пожелаетъ, взыскать въ пользу его пять руб. сереб. безчестія.

Разсмотрѣвъ это дѣло, правительствующій сенатъ (по 1 отд. 5 департамента) нашелъ, что отставной поручикъ Костылевъ хотя и не сознается въ кражѣ иконы Св. Николая Чудотворца изъ старообрядческой часовни, въ снятіи армяка съ мастероваго Капускина и оскорбленіи купца Пименова неприличными словами, но уличается по *первому* обвиненію тѣмъ: а) что Костылевъ находился въ обществѣ двороваго человѣка Ведешкина, у котораго и была икона Св. Николая Чудотворца; б) что самъ Костылевъ сначала показалъ, что дѣйствительно икона была у Ведешкина и имъ отнесена въ часовню обратно; и в) что вдова мастероваго Архипова и крестьянинъ Васильевъ подъ присягою показали, что Костылевъ самъ отнесъ икону въ часовню. Посему правительствующій сенатъ хотя не могъ признать Костылеву вполнѣ изобличеннымъ въ кражѣ иконы, но нашелъ,

что онъ, Костылевъ, по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ навлекаетъ на себя, на основаніи 313 ст. 2 кн. XV т., по участію въ кражѣ иконы подозрѣніе.—Обращаясь затѣмъ къ прочимъ обвиненіямъ, падающимъ на Костылева, правительствующій сенатъ нашелъ, что Костылевъ въ снятіи съ безчувственно пьянаго мастероваго Капускина армяка и въ оскорбленіи купца Пименова вполнѣ изобличается,—въ первомъ преступленіи присяжными показаніями: а) подпоручика Томаса, которому продалъ Костылевъ армякъ, и б) крестьянина Маркова и еврейки Боберманъ о сознаніи имъ Костылевымъ въ семъ преступленіи; а во второмъ—присяжными же показаніями мѣщанъ Щеглова и Фирсова о дѣйствительномъ произнесеніи Костылевымъ обидныхъ для Пименова словъ. За кражу съ безчувственно-пьянаго мастероваго Капускина армяка, стоющаго 3 руб. сер., Костылевъ по 2238 ст. улож. подлежитъ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ, кромѣ сибирскихъ, губерній. За оскорбленіе же купца Пименова Костылевъ, на основаніи 2091 ст. улож., долженъ испросить у него прощеніе и заплатить, буде Пименовъ пожелаетъ. сему послѣднему безчестье. На основаніи вышеизложеннаго и приведенныхъ законовъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: отставнаго поручика Константина Костылева, 31 года, за кражу съ безчувственно пьянаго мастероваго Капускина армяка, стоющаго три руб. сер., лишить всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и сослать на житье въ пермскую губернію.

На приведеніе рѣшенія сего въ исполненіе (такъ-какъ Костылевъ былъ изъ дворянъ) послѣдовало Высочайшее соизволеніе, изъясненное въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта отъ 14 декабря 1865 года.

LXVI. Дѣло о рядовомъ Дороѳеѣ Ефимовѣ, сужденномъ за взломъ замковъ у церковной кружки.

Подсудимый рядовой Ефимовъ, поступившій въ 1853 году въ военную службу, во время нахожденія въ оной пять разъ под-

вергался оштрафованіямъ за кражи и два побѣга и въ послѣдній разъ, для исправленія дурного поведенія, былъ сосланъ на три года въ динабургскія арестантскія роты. По окончаніи сего срока, Ефимовъ былъ отправленъ на службу въ саратовскій баталіонъ внутренней стражи, но на пути слѣдованія къ мѣсту назначенія, при проходѣ чрезъ г. Тамбовъ, вечеромъ 9-го апрѣля 1863 года, былъ задержанъ на базарной площади сторожемъ вновь строющейся церкви во имя Св. Николая Чудотворца за взломъ замковъ у кружки, устроенной для сбора денегъ на постройку означенной церкви.—При представленіи подсудимаго въ полицію, церковный сторожъ, отставной рядовой Попаринъ объявилъ, что часовъ въ 9-ть вечера означеннаго числа, подойдя къ часовнѣ, при которой находится кружка для сбора денегъ, съ цѣлью зажечь лампаду предъ образомъ Святителя Николая, онъ увидѣлъ какого-то солдата, ломавшаго шкворнемъ замки у кружки; когда же онъ хотѣлъ задержать его, то солдатъ, оттолкнувъ его отъ себя замкомъ, побѣжалъ, но вскорѣ былъ пойманъ имъ и другими прохожими людьми, прибѣжавшими къ нему на помощь по его крику.—Церковная кружка, какъ видно изъ акта осмотра, вдѣлана въ дубовый столбъ и оказалась не вскрытою и неповрежденною, но два висячіе замка, находившіеся при оной, найдены сломанными.—На допросѣ при слѣдствіи рядовой Ефимовъ, сознаваясь въ своемъ преступленіи, показалъ, что 9-го апрѣля, по прибытіи въ г. Тамбовъ на дневку, онъ отправился на поденную работу, а потомъ часу въ 9 вечера выработанныя имъ 35 коп. пропилъ въ кабакѣ и въ трактирѣ. По выходѣ изъ трактира, онъ захотѣлъ еще выпить водки, но какъ денегъ для этого у него не было, то онъ вознамѣрился сломать на базарной площади церковную кружку; когда, вслѣдствіе сего, онъ отломалъ уже поднятымъ на дорогѣ желѣзнымъ шкворнемъ два замка, висѣвшіе у кружки, то подошедшій къ нему въ это время какой-то человѣкъ закричалъ караулъ, и хотя онъ, Ефимовъ, испугавшись, побѣжалъ прочь, но, не смотря на то, вскорѣ былъ задержанъ и представленъ въ полицію. Показаніе это рядовой Ефимовъ безъ всякой отмѣны подтвердилъ и на допросѣ въ военномъ судѣ. По медицинскому освидѣтельствованію подсудимый Ефимовъ найденъ совершенно здоровымъ.

Военный судъ, признавая рядоваго Дороѳея Ефимова винов-

нымъ въ взломѣ замковъ у кружки при вновь строющейся церкви Св. Николая и въ покушеніи украсть изъ оной деньги, приговорилъ его, на основаніи 85, 86, 93, 96, 97, 100, 162, 164 и 235 ст. v ч. 1 кн. воен. угол. уст. (изд. 1859 г.), 253 и 254 ст. улож. о нак. угол. и исправ. и Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству 17 апрѣля 1863 года сослать въ каторжную работу на десять лѣтъ.

Командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генералъ-адъютантъ Лауницъ призналъ, что подсудимый рядовой Ефимовъ за пьянство и покушеніе на святотатство со взломомъ, неприведенное въ исполненіе по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ, на основаніи 88, 162 и 164 ст. 1 кн. воен. угол. уст., 126 ст. улож. о нак. угол. и испр. и Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству 17 апрѣля сего года за № 120, подлежитъ наказанію двумя степенями ниже того, какое полагается за дѣйствительное совершеніе означеннаго *святотатства, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и* ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; но, имѣя въ виду, что наказаніе это по уставу военно-уголовному опредѣляется лишь лицамъ, пользующимся особыми правами состоянія, онъ генералъ-адъютантъ Лауницъ полагалъ: подсудимаго рядоваго Ефимова, за преступленіе его, въ замѣнъ ссылки въ Сибирь на поселеніе, сослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на восемь лѣтъ.

Военный генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что Ефимовъ при слѣдованіи чрезъ г. Тамбовъ, вечеромъ 9-го апрѣля 1863 года, былъ задержанъ и представленъ въ полицію сторожемъ строющейся церкви Св. Николая Чудотворца, отставнымъ рядовымъ Поларипымъ, за взломъ замковъ у кружки, устроенной на базарной площади для сбора денегъ на означенную постройку. По осмотрѣ кружки, вдѣланной въ дубовый столбъ, она оказалась невскрытою и неповрежденною, но два висячіе замка, находившіеся при ней, найдены сломанными, а подсудимый Ефимовъ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ, сознаваясь въ означенномъ преступленіи, объяснилъ, что онъ рѣшился на святотатство въ пьяномъ видѣ съ намѣреніемъ на ограбленныя изъ цер-

ковной кружки деньги еще выпить водки, но во время взлома двухъ замковъ этой кружки былъ задержанъ церковнымъ сторожемъ и представленъ въ полицію. Посему генералъ-аудиторіатъ, находя подсудимаго Ефимова по собственному сознанію виновнымъ въ пьянствѣ и покушеніи на святотатство со взломомъ, неприведенное въ исполненіе по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ, на основаніи 88 и 164 ст. кн. 1 воен. угол. уст. и 259 ст. улож. о нак. угол. и испр., опредѣлилъ: 1) подсудимаго рядоваго Дороѳея Ефимова, лишивъ воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года, и 2) членамъ военнаго суда и дѣлопроизводителю за неозначеніе въ приговорѣ рода каторжной работы, къ которой приговоренъ подсудимый, и принятіе въ основаніе приговора 235 ст. 1 кн. воен. угол. уст., неимѣющей никакого отношенія къ винѣ подсудимаго, первымъ сдѣлать замѣчаніе, а послѣднему объявить выговоръ.

LXVII. Дѣло о рядовомъ Демидовѣ, судженномъ за кражу изъ часовни 12 восковыхъ свѣчей.

Рядовой Демидовъ 2-го апрѣля 1862 года изъ казармъ новгородской инвалидной команды, съ дозволенія ефрейтора, отправился помыться въ баню; но вечеромъ того же числа былъ представленъ въ нетрезвомъ видѣ въ тамошнюю полицію сторожемъ «часовни Ѳедора Блаженнаго», отставнымъ рядовымъ Москаленко и старорусскимъ мѣщаниномъ Сторожевымъ. Изъ нихъ первый объявилъ, что онъ, по должности сторожа, зажигая лампаду предъ образомъ, былъ извѣщенъ мѣщаниномъ Сторожевымъ, что рядовой Демидовъ крадетъ церковныя свѣчи; вслѣдствіе сего они, подойдя къ означенному рядовому, вынули у него изъ кармана 12 восковыхъ свѣчей. При обыскѣ рядоваго Демидова въ полиціи, найдено у него 56½ коп. сер., 2 погона чернаго сукна съ № 2-мъ, два черные солдатскіе галстуха и сахарная бумага съ кровью или какою-то краскою. Кромѣ того, по приводѣ его въ полицію, онъ незамѣтнымъ образомъ одну изъ бывшихъ при немъ фуражекъ бросилъ за дверь; а когда фуражка

эта была замѣчена надзирателемъ и предъявлена Демидову, то онъ призналъ ее за принадлежащую ему. По осмотру представленныхъ при Демидовѣ восковыхъ свѣчей оказалось, что три свѣчи немного обожжены, а концы ихъ нѣсколько закоптѣли (какъ можно полагать) отъ нагрѣванія ихъ для удобнаго вставливанія въ подсвѣчники; три необожжены и шесть цѣлыхъ свѣчей. По отзыву сторожа, эти свѣчи стоятъ 1 руб. 25 коп. серебр.—На допросѣ при слѣдствіи рядовой Демидовъ показалъ, что онъ квартируетъ въ д. Деревеницахъ (въ числѣ 20 человѣкъ), откуда пришелъ 2-го апрѣля въ Новгородъ помыться въ банѣ, потомъ заходилъ въ питейный домъ, выпилъ тамъ осьмушку водки, послѣ сего отправился домой, но, проходя мимо «часовни Ѳедора Блаженнаго», зашелъ въ нее. При входѣ онъ увидѣлъ неизвѣстнаго человѣка, зажигавшаго лампаду у гробницы угодника, а самъ, взявъ 12-ть свѣчей, лежавшихъ на ящикѣ, положилъ ихъ въ карманъ, не съ цѣлію украсть, а чтобы ставить оныя дома предъ образами и ходить съ ними въ церковь на страстной и свѣтлой недѣляхъ, но въ то же время былъ взятъ и представленъ въ полицію. Преступленіе это сдѣлано имъ въ пьяномъ видѣ. Найденныя у него деньги онъ получилъ отъ родителей чрезъ фельдшера новгородскаго госпиталя Поликарпова; двѣ фуражки, два солдатскіе галстуха принадлежатъ ему и взяты имъ въ баню потому, что онъ не имѣлъ мѣста гдѣ ихъ положить, такъ какъ только 2-го апрѣля былъ освобожденъ изъ-подъ ареста *).—Когда же показаніе подсудимаго о томъ, что онъ ушелъ въ Новгородъ изъ д. Деревеницъ по справкѣ не подтвердилось, то онъ, объясняя свое ложное показаніе безпамятствомъ отъ задержанія, сознался, что ушелъ въ баню изъ казармъ инвалидной команды съ дозволенія ефрейтора Ѳедорова, что̀ подтвердилъ и сей послѣдній. Затѣмъ фельдшеръ Поликарповъ показалъ, что дѣйствительно имъ были выданы Демидову 2 р. сер., присланные на его имя отцомъ подсудимаго.—Въ военномъ судѣ рядовой Демидовъ отозвался, что за взятыя имъ въ часовнѣ Ѳедора Блаженнаго три свѣчки онъ хотѣлъ заплатить деньги, но сторожъ, задержавъ его, представилъ въ полицію;

*) Рядовой Демидовъ, какъ видно изъ надписи начальника новгородской инвалидной команды, подъ арестомъ содержался за пьянство до страстной недѣли, но съ котораго времени—неизвѣстно.

отчего онъ пришелъ въ испугъ и не помнитъ, были-ли въ его карманѣ свѣчи, но, кажется, ихъ въ карманъ не клалъ; равно не помнитъ куда отвелъ его сторожъ, какъ онъ показывалъ въ полиціи и бросалъ ли тамъ одну изъ бывшихъ при немъ фуражекъ. Въ часовню же запелъ не воровать, а купить нѣсколько свѣчей и взялъ ихъ изъ ящика.—По удостовѣренію начальника новгородской инвалидной команды, поведеніе и нравственность рядоваго Демидова неблагонадежны. Изъ формулярнаго списка подсудимаго оказалось, что онъ 36 лѣтъ, штрафованъ былъ: въ октябрѣ 1852 года, во время службы въ 7-мъ рабочемъ экипажѣ за безпрерывное пьянство, воровство и нехожденіе къ должности разжалованъ изъ вахтеровъ 3 класса въ рядовые.

Разсмотрѣвъ это дѣло, военный генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подсудимый Демидовъ 2-го апрѣля 1862 года, бывъ уволенъ изъ казармъ въ баню, напился пьянъ и, зайдя въ часовню въ отсутствіе сторожа, укралъ тамъ съ ящика 12 церковныхъ свѣчей на 1 руб. 25 коп. сер., но вскорѣ возвратившимся въ часовню сторожемъ былъ взятъ, а похищенныя свѣчи тогда же найдены у него въ карманѣ и отобраны. Въ этомъ преступленіи подсудимый при слѣдствіи самъ сознался, равно и въ военномъ судѣ ничего къ оправданію своему не представилъ, отзываясь только, что будто-бы взяты были имъ только три свѣчи, за которыя онъ хотѣлъ заплатить деньги, и что будто-бы не помнитъ, были ли свѣчи положены имъ въ карманъ. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ, находя подсудимаго рядоваго Демидова виновнымъ въ похищеніи изъ часовни церковныхъ свѣчей, что, на основаніи 162 ст. 1 кн. военно-уголовнаго устава, составляетъ святотатство, опредѣлилъ: Демидова за это преступленіе, согласно 164 ст. той же книги устава, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года, не подвергая тѣлесному наказанію, которому бы онъ подлежалъ по закону, по вниманіе къ болѣзненному его положенію, а отобранныя отъ него церковныя свѣчи отослать по принадлежности для обращенія въ церковь.

LXVIII. Дѣло о несовершеннолѣтней Евгеніи Цыбульской, судимой за кражу.

По объявленію поселенца иркутской губеніи Ѳедора Костырева о покражѣ изъ его дома бумажника съ 230 руб. кредитными билетами, хранившимися въ бочкѣ, стоявшей въ сѣняхъ, произведено было слѣдствіе, при которомъ заподозрѣнная въ кражѣ воспитанница Костырева, поселенческая дочь Евгенія Цыбульская, чистосердечно созналась въ преступленіи, объяснивъ, что деньги взяты ею изъ бочки, стоявшей въ сѣняхъ дома Костырева, въ которыя она пробралась черезъ крышу и чердакъ, оторвавъ драницу на крышѣ и отворивъ рукою западню чердака.— По показаніямъ Цыбульской кража была произведена ею по *наущенію* поселенца Михаила *Непомнющаго*, которому она и передала похищенныя деньги, но Непомнющій въ взводимомъ на него преступленіи не сознался и денегъ у него при производствѣ обыска не оказалось. — Затѣмъ при передопросѣ въ присутствіи нижнеудинскаго и балаганскаго окружнаго суда Цыбульская дополнила свои показанія тѣмъ, что, кромѣ 230 руб., она украла у Костырева еще 14 коп. сереб. изъ незапертаго стола.

По собраннымъ о лѣтахъ подсудимыхъ справкамъ оказалось, что Цыбульской отъ роду 15 лѣтъ, а Непомнющему 52 года. На повальномъ обыскѣ поведеніе подсудимыхъ было одобрено.

Иркутскій губернскій судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, опредѣлилъ: 1) Цыбульскую, 15 лѣтъ, за кражу на основаніи 85, 2 п. 146, 155, 2228 и 2230 ст. 1 кн. XV т. улож. о наказ. угол. и испр. и втораго отдѣл. п. 3, 152 ст. кн. 1 XV т. улож. о нак. по продол. 4 (№ 2), безъ лишенія всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ, наказать розгами сорока ударами и сослать, на основаніи 36 ст. улож. въ якутскую область для водворенія порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о ссыльныхъ; причемъ, на основаніи 63 ст. 1 кн. XV т. улож. о наказ. уголовн. и испр., взыскать съ Цыбульской въ удовлетвореніе Костырева украденныя у него 230 руб., въ случаѣ же несостоятельности ея къ платежу сихъ денегъ, предоставить поселенцу Костыреву, на основаніи 66 ст. улож., поступить съ нею по правиламъ о несостоятельныхъ должникахъ.

2) Поселенца Михаила Непомнющаго 52 лѣтъ, по оговору Цыбульской въ подстрекательствѣ на кражу и принятіи краденнаго на основаніи 311 ст. 2 кн. XV т. свод. уголов. законовъ изданія 1857 года, отъ суда освободить.

По пропускѣ сего рѣшенія губернскимъ прокуроромъ и утвержденіи начальникомъ губерніи, губернскій судъ на основаніи 5 пун. 438 ст. XV т., представилъ настоящее дѣло въ правительствующій сенатъ, донося, что объ объявленіи перваго пункта рѣшенія суда поселенческой дочери Цыбульской и поселенцу Костыреву безъ права отзыва и объ исполненіи онаго сдѣлано распоряженіе 25 января 1862 года.

Правительствующій сенатъ (по 1 отд. 6 департамента), разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что оно подлежитъ ревизіи сената въ отношеніи одного только поселенца Непомнющаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ усматривая, что приговоръ иркутскаго губернскаго суда о преступницѣ по сему дѣлу, несовершеннолѣтней Цыбульской, постановленъ неправильно, призналъ необходимымъ войти въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, касающихся подсудимой Цыбульской.—Имѣя за тѣмъ въ виду, что рѣшеніе иркутскаго губернскаго суда, въ отношеніи Цыбульской, вошло уже въ законную силу, правительствующій сенатъ испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Высочества соизволеніе на пересмотръ сего рѣшенія. Это соизволеніе послѣдовало 10-го ноября 1862 года.

Вслѣдствіе разногласія, происшедшаго затѣмъ въ сенатѣ при слушаніи сего дѣла, послѣднее поступило на обсужденіе московскаго общаго собранія сената, которое нашло, что разсмотрѣнію его подлежитъ приговоръ иркутскаго губернскаго суда какъ относительно поселенческой дочери Цыбульской, такъ и относительно поселенца Непомнющаго.—1) Обращаясь къ обсужденію части приговора, относящейся до *Цыбульской*, оказывается, что предварительно слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: можетъ ли быть примѣненъ къ настоящему дѣлу Высочайшій указъ отъ 17 апрѣля 1863 г., состоявшійся послѣ воспослѣдованія Высочайшаго повелѣнія о пересмотрѣ приговора губернскаго суда?—Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что приговоръ этотъ въ отношеніи къ Цыбульской вошелъ въ законную силу и о приведеніи его въ исполненіе было сдѣлано распоряженіе 25 января 1862 г.да. На основаніи 1-го и 3-го пунк. Высочайшаго повелѣнія о примѣненіи

указа 17 апрѣля къ уголовнымъ дѣламъ, указъ этотъ вполнѣ примѣняется къ тѣмъ дѣламъ, которыя возникли до 17 апрѣля 1863 года и окончательно не рѣшены; окончательныя же рѣшенія судебныхъ мѣстъ, вошедшія въ законную силу, приводятся въ дѣйствительное исполненіе во всѣхъ частяхъ, кромѣ тѣлеснаго наказанія.—Принимая во вниманіе, что въ приведенныхъ узаконеніяхъ не сдѣлано исключенія для дѣлъ, подлежащихъ пересмотру правительствующаго сената съ Высочайшаго соизволенія на основаніи ст. 415 2 ч. XV т. св. зак., что по силѣ ст. 60 основ. зак. никакой законъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія и что указъ 17-го апрѣля тѣмъ болѣе не подлежитъ примѣненію къ настоящему дѣлу, что приговоръ иркутскаго губернска суда въ отношеніи къ Цыбульской долженъ быть уже приведенъ въ исполненіе, слѣдуетъ признать, что въ настоящемъ случаѣ необходимо ограничиться разсмотрѣніемъ правильности примѣненія въ приговорѣ губернскаго суда законовъ, дѣйствовавшихъ до изданія указа 17 апрѣля.—Переходя къ обсужденію обстоятельствъ настоящаго дѣла, общее собраніе нашло, что Цыбульская созналась въ кражѣ: во 1-хъ, 230 руб. кредитными билетами изъ бочки, стоявшей въ сѣняхъ дома ея воспитателя, поселенца Костырева, и во 2-хъ—14 коп. сереб. изъ незапертаго стола въ домѣ того же Костырева.—Первая кража, послѣ сдѣланнаго Цыбульскою собственнаго сознанія, согласнаго съ обстоятельствами дѣла, по силѣ ст. 316 и 317 ст. 2 кн. XV т. св. зак. должна быть признана вполнѣ доказанною. Что же касается второй кражи, то, за непредъявленіемъ со стороны воспитателя Цыбульской Костырева жалобы по сему предмету, слѣдуетъ, примѣняясь къ прим. къ ст. 2251, 1 ч. XV т. св. зак. по которому дѣла о кражахъ между родителями и дѣтьми начинаются не иначе, какъ по жалобѣ того лица, у коего сдѣлана покража, оставить обстоятельство сознанія Цыбульской въ сей кражѣ безъ обсужденія.—Засимъ Цыбульская на основаніи правилъ, существовавшихъ до изданія Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1863 года, по силѣ 2228 и 2230 ст. 1 ч. XV т. св. зак. какъ за кражу со взломомъ, учиненную лицомъ, живущимъ въ домѣ того, чье имущество украдено, должна быть подвергнута наказанію по 2 степ. 35 ст.—Таковое наказаніе вслѣдствіе несовершеннолѣтія Цыбульской во время совершенія преступле-

нія и во вниманіе къ чистосердечному ея сознанію на первомъ допросѣ, на основаніи 2-го отдѣла 3-го пунк. 152 ст. 1 ч. XV т. св. зак. по IV прод. № 2, должно быть уменьшено двумя степенями съ замѣною заключенія въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства ссылкою на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ. Но изъ сего возникаетъ вопросъ: можетъ ли Цыбульская, будучи *жительницею Сибири*, подлежать ссылкѣ въ европейскую Россію? Обращаясь къ обсужденію сего вопроса, общее собраніе признало, что онъ разрѣшается соображеніемъ статей XV-го тома съ постановленіями XIV-го тома свода закон.—Въ ст. XV тома св. зак. нѣтъ общаго правила о мѣстѣ ссылки жителей Сибири, потому-что правила ст. 36 относятся только до предъидущей 35 ст., а въ ст. 37, въ которой опредѣляется ссылка въ губерніи отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, *не* сдѣлано исключенія для жителей Сибири. Равнымъ образомъ въ 152 ст. по IV прод. № 2, какъ выше указано, для несовершеннолѣтнихъ, подлежащихъ наказанію по 3 и 4 степ. 335 ст. тоже безъ различія мѣста ихъ жительства, между прочимъ, опредѣляется ссылка въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ.—Но изъ сего нельзя еще сдѣлать заключенія, что ст. 37, 1 ч. XV т. св. закон. и 152 ст. по IV прод № 2 относятся до жителей Сибири, такъ какъ въ приведенныхъ узаконеніяхъ заключается лишь общее правило, изъ котораго сдѣлано исключеніе для жителей Сибири, подобное правилу 36 ст., выраженное точнымъ образомъ въ XIV томѣ св. зак.—Въ 3 пун. ст. 9 XIV т. выражено, что мѣста ссылки на житье суть: 1) губерніи сибирскія, 2) отдаленныя, кромѣ сибирскихъ и 3) для жителей Сибири болѣе или менѣе отдаленныя мѣста губерній: иркутской, енисейской и области якутской. Буквальный смыслъ сего узаконенія показываетъ, что разница между ссылкою въ Сибирь и въ отдаленныя мѣста европейской Россіи существуетъ только для жителей послѣдней, а для жителей Сибири ссылка можетъ быть не иначе, какъ въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста *Сибири*. Это же заключеніе слѣдуетъ вывести изъ обозрѣнія послѣдующихъ статей XIV т. св. закон., изъ которыхъ ст. 539 говоритъ о распредѣленіи вообще сибирскихъ жителей, присуждаемыхъ къ ссылкѣ на житье, а ст. 540—544, содержащія въ себѣ подробныя правила о семъ распредѣленіи, говорятъ

только о распредѣленіи въ Сибири и не упоминаютъ объ отдаленныхъ губерніяхъ, кромѣ сибирскихъ. Подобный выводъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать правильнымъ, что высылка жителей Сибири на житье въ европейскую Россію не достигла бы цѣли назначенія ссылки.—Хотя ссылка по преимуществу есть мѣра исправительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ служить облегченіемъ участи осужденнаго, а должна имѣть и характеръ карательной мѣры. Вотъ почему въ ст. 34 1 ч. XV т. ссылка въ Сибирь присоединяется къ болѣе строгому, а ссылка въ отдаленныя губерніи европейской Россіи—къ менѣе строгому наказаніямъ. Между тѣмъ въ большей части случаевъ высылка жителей Сибири въ Россію не имѣла бы для преступниковъ ничего тягостнаго *). По симъ основаніямъ общее собраніе нашло, что приговоръ губернскаго суда въ отношеніи къ Цыбульской долженъ быть признанъ *правильнымъ*.— II) Обращаясь затѣмъ къ обсужденію приговора губернскаго суда въ отношеніи поселенца Непомнющаго, оговореннаго Цыбульской въ участіи съ нею въ совершеніи преступленія, общее собраніе признало, что, за неимѣніемъ въ виду ни собственнаго сознанія оговореннаго, ни какихъ-либо уликъ, подтверждающихъ справедливость сего оговора, Непомнющій, на основаніи 311 ст. 2 ч. XV т. св. зак., долженъ быть согласно съ приговоромъ иркутскаго губернскаго суда, отъ суда освобожденъ. На основаніи вышеизложеннаго общее собраніе опредѣлило: 1) рѣшеніе иркутскаго губернскаго суда, въ отношеніи опредѣленнаго имъ наказазанія поселенческой дочери Евгеніи Цыбульской за кражу со взломомъ денегъ 230 руб., оставить въ своей силѣ; 2) обстоятельство о кражѣ Цыбульской 14 коп. оставить безъ обсужденія и 3) поселенца Михаила Непомнющаго отъ суда и слѣдствія освободить.

Особаго вниманія въ этомъ процессѣ заслуживаютъ два вопроса: 1) можно-ли примѣнить къ настоящему дѣлу указъ 17-го

---

*) Такимъ образомъ уже примѣняло законы эти общее собраніе московскихъ д-въ прав. сената, какъ это явствуетъ по дѣлу о несовершеннолѣтнемъ обер-офицерскомъ сынѣ Копьловѣ.

апр. 1863 г.? и 2) подлежатъ-ли жители Сибири ссылкѣ въ губерніи европейской Россіи?

По *первому вопросу* нельзя не замѣтить, что, хотя на основаніи 1 п. Высоч. повелѣнія о примѣненіи указа 17-го апрѣля къ уголовнымъ дѣламъ, приговоры, вошедшіе въ законную силу до сего указа, примѣняются къ подсудимымъ вполнѣ кромѣ тѣлеснаго наказанія, но это правило, какъ это видно изъ самой буквы онаго, относится къ такимъ только приговорамъ, которые подлежали немедленному *исполненію* и ни по какимъ причинамъ не могли подвергнуться пересмотру. Въ настоящемъ же дѣлѣ Высочайшимъ повелѣніемъ о пересмотрѣ рѣшенія о Цибульской пріостановилось окончательное разрѣшеніе ея участи; ибо это Высочайшее повелѣніе, предоставляя правительствующему сенату войти въ разсмотрѣніе дѣла о ней, тѣмъ самымъ предоставляло ему опредѣлить окончательно то наказаніе, которому она подлежитъ по закону. За симъ дѣло Цыбульской въ виду этого Высочайшаго повелѣнія не могло быть признано *окончательно разрѣшеннымъ* до тѣхъ поръ, пока въ правительствующемъ сенатѣ состоялось о ней окончательное опредѣленіе. Принимая же во вниманіе, что, на основаніи 5-го пун. Высочайшаго указа 17-го апрѣля по уголовнымъ дѣламъ, возникшимъ до 17-го апрѣля 1863 г. и *окончательно неразрѣшеннымъ*, Высочайшій указъ 17-го апрѣля долженъ быть примѣненъ въ полной его силѣ, слѣдуетъ, какъ кажется, признать, что и настоящее дѣло подлежало разрѣшенію сената на основаніи указа 17 апрѣля.

По *второму вопросу* необходимо принять во вниманіе, что въ 35 ст. улож. опредѣляется ссылка въ Сибирь на поселеніе для лицъ, пользующихся особыми правами состоянія; въ послѣдующей 36 ст. изложены правила, распространяющіяся на означенныхъ лицъ изъ жителей Сибири, осужденныхъ только по 35 ст. Въ 37 ст. опредѣляется ссылка на житье въ отдаленныя губерніи, *кромѣ сибирскихъ*, но особыхъ правилъ для жителей Сибири, приговоренныхъ къ наказанію по означенной статьѣ, уже *не* содержится; въ 152 ст. въ 4 прод. № 2 для несовершеннолѣтнихъ, подлежащихъ наказанію по 3 и 4 степ. 35 ст., тоже *безъ различія*, жители ли они Сибири или европейской Россіи, между прочимъ, опредѣляется также ссылка въ одну изъ

отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ. Затѣмъ въ законѣ не встрѣчается болѣе ясныхъ и положительныхъ указаній, которыми можно было бы руководствоваться при примѣненіи означенныхъ 37 и 152 ст. *къ жителямъ Сибири*, подлежащимъ ссылкѣ въ губерніи европейской Россіи. Въ XIV т. устава о ссыльныхъ въ 8 ст. говорится вообще о ссылкѣ на житье для лицъ, изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ; въ послѣдующей 9 ст. указываются самыя мѣста ссылки, въ которыхъ, между-прочимъ, значатся губерніи отдаленныя, кромѣ сибирскихъ, а для жителей Сибири болѣе или менѣе отдаленныя мѣста губерній: иркутской, енисейской и области якутской *); въ 539 и послѣдующихъ статьяхъ излагаются особыя правила о порядкѣ распредѣленія въ Сибири осужденныхъ къ ссылкѣ на житье тамошнихъ жителей—причемъ въ 539 ст. сдѣлана ссылка на приведенныя 8 и 9 ст. Сравнивая затѣмъ содержаніе послѣдующей 540 ст., на которую ссылается 539 ст., и слѣдовательно касается 8 и 9 ст., съ правилами, изложенными въ 36 ст. 1 ч. XV тома, оказывается, что послѣднія двѣ статьи, т. е. 36 и 539 содержатъ тождественно одни и тѣ же правила. По точному же первоначальному содержанію 36 ст., какъ *изложено выше, видно, что заключающіяся въ ней правила распро*страняются на изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія по правамъ состоянія жителей Сибири, осужденныхъ только по 35 ст. Изъ сего должно заключить, что приведенныя статьи XIV т., какъ служащія поясненіемъ 36 ст. улож. и заключающія въ себѣ особыя лишь *правила о порядкѣ распредѣленія въ Сибири осужденныхъ къ* ссылкѣ на житье тамошнихъ жителей, ни въ какомъ случаѣ *не* могутъ быть распространены на жителей Сибири, подлежащихъ по 37 ст. ссылкѣ не въ Сибирь, а въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ. Что послѣднее наказаніе непремѣнно должно распространяться на жителей Сибири, можно видѣть изъ слѣдующаго соображенія: житель Сибири города Тобольска, осужденный за извѣстный родъ преступленія по 4 ст. 35 ст., согласно правиламъ, изложеннымъ въ 36 ст., подлежитъ ссылкѣ въ енисейскую губернію въ продолженіе времени отъ одного года до двухъ лѣтъ; если примѣнить эти правила къ

---

*) Очевидно на тотъ случай, когда жители Сибири *не* подлежатъ ссылкѣ въ губерніи европейской Россіи.

тому же жителю, осужденному по 1 степ. 35 ст., то выйдетъ то же самое наказаніе, какъ и осужденному по 4 степ. 35 ст.; точно также одинаковое наказаніе послѣдуетъ осужденнымъ по 5 степ. 35 ст. и 4 степ. 37 ст. Изъ сего очевидно, что распространеніе въ одинаковой степени 36 ст. на жителей Сибири, подвергшихся наказанію по 35 или 37 ст., въ извѣстныхъ случаяхъ не соотвѣтствовало бы ни степени вины подсудимаго, ни роду слѣдовавшаго ему за преступленія наказанія. Что касается того предположенія, что высылка жителей Сибири на житье въ европейскую Россію не достигла бы цѣли назначенія ссылки, то въ этомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что подобно тому, какъ въ Сибири тобольская и томская губерніи, болѣе цивилизованныя, изъяты для жителей Сибири въ отношеніи ихъ ссылки туда, такъ точно и европейской Россіи центральныя губерніи не населяются поселенцами преступниками, а назначены для того самыя отдаленныя губерніи (примѣч. къ 9 ст. XIV тома); притомъ ссылка на житье есть мѣра исправительная, имѣющая цѣлію отторженіе преступника отъ общества, въ которомъ онъ оказался зловреднымъ, и удаленіе въ отдаленный край отъ прежняго его мѣстопребыванія съ учрежденіемъ надъ нимъ надзора; слѣдовательно выселеніе жителя Сибири въ отдаленныя губерніи европейской Россіи, какъ мѣра исправительная, всегда достигнетъ своей цѣли Посему является невозможнымъ примѣнять 36 ст. къ жителямъ Сибири, осужденнымъ по 37 ст., тѣмъ болѣе, что законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія, а приговоръ долженъ быть основанъ на точномъ разумѣ закона. Между тѣмъ ни одинъ законъ ни прямо, ни косвенно не отмѣняетъ ссылки на житье въ губерніи европейской Россіи для жителей Сибири.

С.

LXIX. Дѣло о гибели клипера «Пластунъ».

1860 г. августа 18, въ 5 часовъ пополудни, по водамъ Балтійскаго моря, близъ мыса Аванесъ, плыли подъ парусами при свѣжемъ вѣтрѣ отъ S.SO три военныя судна, именно корветы: Новикъ и Рында, и клиперъ Пластунъ. Суда эти возвращались

въ Россію, послѣ 5 ти лѣтняго кругосвѣтнаго плаванія, подъ начальствомъ флигель-адъютанта капитана 1 ранга Попова. Было облачно; вдругъ на судахъ Новикъ и Рында замѣтили, что клиперъ Пластунъ, состоявшій подъ командою лейтенанта барона Вильгельма Дюстерло, взорвало на воздухъ. Это происшествіе случилось въ N., широтѣ 57°45'30" и O. долготѣ отъ Гринвича 20°5'. Глубина моря на мѣстѣ происшествія показана на морскихъ картахъ 70 саженъ. Лишь только на корветѣ Рында былъ услышанъ взрывъ, тотчасъ же, для уменьшенія быстроты хода, привели корветъ къ вѣтру и легли въ дрейфъ, приступивъ затѣмъ къ спуску на воду гребныхъ судовъ для подапія помощи погибающимъ. Что же касается корвета Новикъ, то на немъ спустились (ибо клиперъ Пластунъ былъ подъ вѣтромъ), чтобы приблизиться къ мѣсту происшествія; а для того, чтобы, приблизясь къ клиперу, можно бы было остановить ходъ, убрали нѣкоторые паруса. Уже около ¼ 6-го корветъ Новикъ приблизился къ погибающему клиперу Пластунъ и послалъ на помощь погибающимъ людямъ свои гребныя суда; въ это время клиперъ Пластунъ, наклонившись на правую сторону, началъ уходить ко дну. Чрезъ нѣсколько минутъ клиперъ, безъ фокъ-мачты и съ сгорѣвшими гротовыми парусами, потонулъ. Въ ½ 7 часа флагманскій корветъ Рында спросилъ корветъ Новикъ сигналомъ, сколько спасено? Новикъ показалъ 24 человѣка, въ томъ числѣ вахтенный начальникъ № 3, медикъ и 23 матроса. На корветѣ же Рында находились остальные. Были спасены отъ кораблекрушенія: лейтенантъ Ѳедоръ Литке 2, мичманы Александръ Кноринтъ и Евгеній Березинъ, врачъ Іогансонъ и 31 чел. нижнихъ чиновъ. Погибло 75 человѣкъ: командиръ лейтенантъ баронъ Дюстерло, лейтенанты: старшій офицеръ Яковъ Розенбергъ и Николай Гавриловъ, мичманы Владиміръ Леманъ; прапорщики: корпуса штурмановъ Михаилъ Евдокимовъ, Александръ Кочетовъ, вольный механикъ Адольфъ Гольмъ и 68 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ и артиллерійскій содержатель *Петръ Савельевъ*, кондукторъ).

По приведеніи въ извѣстность погибшихъ, тотчасъ, по сигналу начальника отряда, было приказано отслужить по нимъ панихиду.—Оставшіеся въ живыхъ офицеры Кноринтъ, Литке, Березинъ, врачъ Іогансонъ и нижніе чины въ числѣ 31 человѣка,

при допросѣ ихъ, показали, что взрывъ на клиперѣ Пластунъ *послѣдовалъ во время вахты лейтенанта Литке*, вступившаго на вахту въ 4 часа, послѣ мичмана Кноринга. Въ то время въ крюйтъ-камерѣ (пороховомъ погребѣ) клипера производилась работа, начавшаяся еще во время вахты Кноринга. Предъ началомъ этой работы фитиль былъ обрѣзанъ и огонь въ камбузѣ (кухнѣ) залитъ. Въ машинѣ также не было въ то время огня. Клиперъ шелъ подъ парусами. Послѣ взрыва онъ сталъ быстро погружаться въ воду; часть людей бросилась на корму и по командѣ Литке начала рубить найтовы у баркаса и тали у вельботовъ, для спуска этихъ гребныхъ судовъ на воду. По отзывамъ Кноринга и Березина, клиперъ держался на водѣ не болѣе 3 минутъ. До прибытія помощи съ корветовъ команда клипера спасалась при помощи обломковъ, потому что гребныя суда клипера Пластунъ перевернулись вверхъ килемъ, будучи, по спускѣ на воду, опрокинуты волненіемъ.

Слѣдствіе, произведенное о причинахъ, вызвавшихъ взрывъ клипера Пластунъ, прежде всего старалось раскрыть: 1) *самый порядокъ содержанія крюйтъ-камеры**). Въ семъ отношеніи обнаружено: что 14-го августа 1860 г. произведенъ былъ флигель-адъютантомъ Поповымъ въ Копенгагенѣ артиллерійскій смотръ клиперу; при семъ обнаружились слѣдующія упущенія: придя въ крюйтъ-камеру, начальникъ отряда не нашелъ памушъ **); войдя въ опую и тронувши палубу, замаралъ руку пороховою пылью; въ выходѣ крюйтъ-камеры замѣтилъ кожу, въ которой, по объясненію командира клипера, лежали боевыя ракеты; въ одномъ кокорѣ картузъ былъ не того калибра, какой долженъ былъ лежать въ немъ. Поставивъ все это на видъ и приказавъ вынести ракеты немедленно изъ крюйтъ-камеры, начальникъ отряда замѣтилъ при этомъ, что судно тогда только исправно, когда на немъ все и всегда лежитъ на своемъ мѣстѣ. Но командовавшій клипромъ, оставаясь въ Копенгагенѣ до 16 числа, не озаботился приступить тогда же къ исполненію замѣчаній начальника отряда и только 18 числа распорядился объ очищеніи и приведеніи крюйтъ-камеры въ надлежащій видъ. Относительно вообще со-

---

*) Эту часть матеріаловъ, добытыхъ слѣдствіемъ, мы излагаемъ лишь вкратцѣ, такъ-какъ подробности интересны только для спеціалистовъ.

**) Башмаки, надѣваемые при входѣ въ крюйтъ-камеру.

держанія крюйтъ-камеры на клиперѣ обнаружено: а) по силѣ 770 ст. мор. уст., требуется производить осмотры крюйтъ-камеры каждые 4 мѣсяца и каждый разъ послѣ сильной качки, а сверхъ того, не менѣе 2 разъ въ мѣсяцъ осматривать и очищать крюйтъ-камерные фонари; но это постановленіе устава на клиперъ Пластунъ *вовсе не соблюдалось*, какъ надо заключить изъ словъ офицеровъ, показавшихъ: лейтенантъ Литке, что во время годовой его службы крюйтъ-камера была осматриваема всего только одинъ разъ; мичманъ Кнорингъ, что онъ не знаетъ, осматривали ли крюйтъ-камеру по уставу; мичманъ Березинъ, что предписываемаго уставомъ періодическаго осмотра крюйтъ-камеры производимо не было, а только два раза была оная выгружена и вычищена. б) Вопреки 757 ст. устава пампушъ на клиперѣ не имѣлось; офицеры же говорятъ, что они входили въ крюйтъ-камеру безъ обуви. в) Та же 757 ст. морск. устава предписываетъ соблюденіе крайней осторожности при хожденіи въ крюйтъ-камеру, а именно: никто при этомъ не долженъ имѣть при себѣ никакихъ металлическихъ или легко воспламеняющихся вещей, и для неупустительнаго исполненія сего старшій офицеръ предъ каждою работою обязанъ съ артиллерійскимъ офицеромъ и съ офицеромъ, назначеннымъ къ производству работы, лично осматривать командированныхъ къ оной нижнихъ чиновъ. На вопросъ коммиссіи, кто именно производилъ таковые осмотры людей, офицеры отозвались, что ревизоръ; а по словамъ одного изъ нижнихъ чиновъ обнаруживается, что даже и ревизоръ не всегда исполнялъ это, а осматривалъ кондукторъ. г) Во время работъ въ крюйтъ-камерѣ на клиперѣ не было поставлено къ оной часового, тогда-какъ сіе предписывается положительно 766 ст. сего устава. д) Въ крюйтъ-камерѣ клипера хранились такіе снаряды, которые, по силѣ 476, 477, 749 и 765 ст. морс. устава, строго воспрещено держать въ ней, а именно: гранаты, контревовы ракеты, широлева картечь и ударныя трубки; а по показанію кондуктора Ѳедорова, сложены были одно время бомбы, которыми однажды завалена была во время качки дверь ея. е) По показанію 3 нижнихъ чиновъ порохъ, по выходѣ изъ Николаевска, хранился на клиперѣ въ деревянныхъ бочонкахъ, и по другому показанію просушивали порохъ на шкафутахъ, разсыпая

оный. Но то и другое допущено было въ явное отступленіе отъ 752, 753 и 773 ст. устава *).

II. Другой предметъ, на который было обращено вниманіе слѣдователей, состоялъ въ томъ: каково было *обращеніе капитана Дюстерло съ людьми команды клипера Пластуна?* Въ семъ отношеніи: 1) артилерійскій кондукторъ Ѳедоровъ показалъ, что взрывъ клипера, по его мнѣнію, произведенъ *умышленно* артиллерійскимъ кондукторомъ и содержателемъ артиллерійскаго имущества на клиперѣ—Савельевымъ (погибшимъ). Савельевъ могъ быть озлобленъ на барона Дюстерло. Обращеніе послѣдняго съ командой вообще было дурное, а съ Савельевымъ еще хуже; его часто *били собственноручно:* самъ командиръ Дюстерло и старшій офицеръ лейтенантъ Розенбергъ; не доходя до Шербурга, показатель видѣлъ однажды, что Савельевъ, по приказанію старшаго офицера, былъ привязанъ на бакъ къ буштиту руки назадъ—за нечистоту въ крюйтъ-камерѣ. Сѣкли ли Савельева—Ѳедоровъ не видалъ, но слышалъ разъ, что ему дали 5 линьковъ за то, что въ кубрикѣ, за которымъ Савельевъ смотрѣлъ, валялась матросская шинель. Еще потому Ѳедоровъ подозрѣваетъ умыселъ со стороны Савельева, что въ день взрыва старшій офицеръ велѣлъ Савельеву, когда тотъ запретъ крюйтъ-камеру, идти на бакъ, а боцманъ Ларіоновъ сказалъ Ѳедорову, что велѣно было приготовить линьки. Савельевъ же, по словамъ Ѳедорова, былъ во время работъ замѣтно выпивши (онъ выпилъ 2 чарки рому), а хмѣльной—Савельевъ былъ отчаянный; бывало когда онъ былъ въ хмѣльномъ видѣ, то и слушать не хочетъ,

---

*) Примѣч. Въ этихъ статьяхъ говорится, что на кораблѣ порохъ долженъ быть въ картузахъ и патронахъ въ пропорціи, положенной штатомъ. Картузы должны имѣть надлежащую мѣру и вѣсъ. По мѣрѣ изготовленія оныхъ, они укладываются въ пороховые ящики, причемъ наблюдается, чтобы картузы не мялись и не портились, чтобы втулки были закрыты плотно, крышки надежно завинчены и хорошо замазаны. На каждомъ ящикѣ дѣлается надпись о числѣ и величинѣ картузовъ. Въ случаѣ необходимости взять на корабль небольшое количество пороха не въ картузахъ, оный долженъ быть въ армяжныхъ мѣшкахъ и уложенъ въ пороховые ящики по тѣмъ же правиламъ, какъ и картузы. На кораблѣ разрѣшается просушивать порохъ только въ крайнихъ случаяхъ и то въ незначительномъ количествѣ. Если же понадобится просушивать порохъ въ болѣе значительномъ количествѣ, это производится на берегу или на гребныхъ судахъ.

офицеровъ; но трезвый онъ былъ смирный. Пьянствовать Савельевъ началъ по выходѣ изъ Николаевска; въ Шербургѣ онъ купилъ у матроса Макарова, за мѣсяцъ впередъ, винную порцію.—Нижніе чины подтвердили показаніе Ѳедорова относительно побоевъ, наносимыхъ Савельеву командиромъ и старшимъ офицеромъ, съ слѣдующими добавленіями: Катышевъ (матросъ), что онъ видѣлъ Савельева поставленнымъ на ванты. Алексѣевъ (матросъ), что передъ взрывомъ старшій офицеръ спросилъ Савельева, скоро ли онъ кончитъ работу и приказалъ, по окончаніи работы, затворивъ дверь крюйтъ-камеры, отправиться на бакъ. Портфиль (горнистъ), что командиръ и старшій офицеръ почти каждый день били Савельева руками по лицу и за неисправность Савельевъ бывалъ иногда наказываемъ линьками отъ 25 до 50 ударовъ. Копчинскій (квартирмейстеръ), а также и Ѳедоровъ (кондукторъ) показали, что послѣ копенгагенскаго смотра командиръ не сдѣлалъ никакого взысканія съ Савельева. 2) Лейтенантъ Литке объяснилъ, что Савельевъ былъ молодъ, тихаго нрава, но лѣнивъ, а потому требовалъ иногда побужденій; за нерадѣніе къ службѣ онъ подвергался стоянію на вантахъ или на лишнюю вахту. Но Литке не видалъ и не слыхалъ, чтобы Савельевъ былъ наказываемъ линьками. 3) Мичманъ Кнорингъ показалъ, что Савельевъ былъ безпеченъ; ему дѣлали выговоры, ставили на ванты и назначали на ночныя вахты, но тѣлесно не наказывали, по крайней мѣрѣ на его вахтѣ. 4) Мичманъ Березинъ объяснилъ, что ревизоръ и старшій офицеръ были крайне недовольны Савельевымъ за его безпечность и лѣность. Савельевъ часто подвергался выговорамъ; кромѣ того, Березину извѣстно, какъ вахтенному начальнику, что Савельева иногда ставили на ванты или сажали на бакъ. Самъ Березинъ, какъ командиръ шханечныхъ орудій и вахтенный начальникъ, былъ постоянно доволенъ Савельевымъ. 5) Младшій врачъ Іогансонъ, въ отношеніи къ Савельеву, отозвался незнаніемъ. Тѣмъ же отозвался и боцманматъ Ларіоновъ. На очной же ставкѣ Ларіонова съ Ѳедоровымъ, послѣдній уличалъ Ларіонова, что, по прибытіи на корветъ Новикъ (послѣ спасенія съ погибшаго клипера), Ларіоновъ заявилъ Ѳедорову о томъ, что на опросѣ командира корв. Новикъ, Ларіоновъ будто бы доложилъ послѣднему, что къ концу работъ въ крюйтъ-камерѣ Пластуна 18 августа 1860 г.

день гибели), старшій офицеръ, выйдя изъ крюйтъ-камеры, приказалъ Ларіонову приготовить линьковъ для Савельева. На это Ларіоновъ отвѣтилъ: «право я не помню ничего объ этомъ; отъ взрыва я такъ растерялся, что вовсе запамятовалъ: говорилъ ли». Командиръ корв. Новикъ отозвался, что Ларіоновъ ничего не говорилъ ему объ этомъ. Хотя между нижними чинами корвета и распространился объ этомъ слухъ, но отъ кого именно онъ возникъ—ему неизвѣстно. О характерѣ и поведеніи Савельева, нижніе чины отозвались одобрительно; они сказали, что Савельевъ былъ человѣкъ хорошій и смирный. Нѣкоторымъ изъ нижнихъ чиновъ хотя и случалось видѣть Савельева порой выпивши, но и въ этомъ положеніи онъ не былъ задорный, не спорилъ и не бранился, а былъ только веселъ. О нетрезвомъ состояніи Савельева въ день взрыва нижніе чины отозвались незнаніемъ.—При очной ставкѣ Ѳедорова съ нѣкоторыми изъ нижнихъ чиновъ, послѣдніе не согласились съ нимъ, будто Савельевъ, по выходѣ клипера изъ Николаевска на Амуръ, началъ пьянствовать. На этой же очной ставкѣ Ѳедоровъ заявилъ, что Савельевъ въ день взрыва былъ замѣтно выпивши, т. е. довольно на веселѣ, когда получилъ ключи отъ крюйтъ-камеры. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳедоровъ пояснилъ, что послѣ высвистки квартирмейстерами и боцманматами, выкликали водку нить по нумерамъ, Савельевъ былъ 96 №, а 97 былъ вѣстовой (погибшій) и что водки изъ сидовы отливать не дозволялось. Макаровъ (матросъ) объяснилъ, что онъ дѣйствительно продалъ Савельеву за мѣсяцъ впередъ свою чарку въ Шербургѣ и до послѣдняго дня плаванія на клиперѣ онъ не имѣлъ своей водки; а разомъ ли онлилъ Савельевъ купленную имъ водку, или пилъ ежедневно по лишней чаркѣ—того не знаетъ. Нѣсколько нижнихъ чиновъ удостовѣрили, что водки отливать не дозволялось. Матвѣй Корниловъ, служившій на клиперѣ съ начала кампаніи до 24 іюля 1859 г., а потомъ съ 10 января 1860 г. по 6 мая, показалъ, что не замѣчалъ Савельева особенно часто пьянымъ; также не замѣчалъ, чтобы онъ въ пьяномъ видѣ становился дерзкимъ. Но показатель долженъ замѣтить, что Савельевъ, будучи по природѣ человѣкомъ вялымъ, дѣлался въ нетрезвомъ видѣ веселѣй и смѣлѣе.—Лейтенантъ Кортенсонъ, находившійся на клиперѣ отъ Хакодадэ до Магелланова пролива, показалъ, что Савельевъ какъ въ

трезвомъ, такъ и въ пьяномъ видѣ, казался всегда вялымъ и безхарактернымъ человѣкомъ. Лейтенантъ Куприяновъ объяснилъ, что особенныхъ дерзостей онъ не замѣчалъ за Савельевымъ въ пьяномъ видѣ. Въ нетрезвомъ состояніи онъ видѣлъ Савельева лишь одинъ разъ, именно въ Хакодаде въ январѣ 1859 по возвращеніи команды, гулявшей на берегу. Лейтенантъ Коцебу показалъ, что видѣлъ Савельева въ пьяномъ видѣ; о дерзостяхъ же никогда на Савельева приносимо жалобъ не было. Лейтенантъ Литке объяснилъ, что никогда не замѣчалъ Савельева въ пьяномъ видѣ, а въ день взрыва и вовсе не видѣлъ Савельева. Мичманъ Кюринтъ—что не замѣтилъ, былъ-ли Савельевъ въ день взрыва въ пьяномъ видѣ, иначе бы не отдалъ ключей Савельеву. Мичманъ Березинъ—что не помнитъ, видѣлъ ли онъ Савельева въ день взрыва. Въ умышленномъ поджогѣ эти три послѣдніе офицера не подозрѣваютъ Савельева.

Далѣе слѣдователями были собраны свѣдѣнія, по предмету обращенія начальства клипера съ командой вообще. Архил. конд. Ѳедоровъ показалъ, что командиръ лейтенантъ баронъ Дюстерло не былъ любимъ командой; онъ обращался жестоко: за всякую малость, если даже кто плюнетъ на палубу, давалъ по *сту* линьковъ, раздѣвая и наказывая по нижней части тѣла. Однажды старшій офицеръ, лейтенантъ Розенбергъ, потребовалъ уксусу отъ баталера, и когда послѣдній отвѣтилъ ему: «вы не пустили меня на берегъ безъ приказанія командира, не могу вамъ дать и уксусу безъ его же приказанія», то старшій офицеръ подалъ рапортъ командиру, и тогда баталеру въ присутствіи командира дали триста двадцать восемь (328) линьковъ. Старшій офицеръ лейтенантъ Розенбергъ ходилъ на кубрикъ въ день раза по два. Баронъ Дюстерло поступилъ на клиперъ въ Николаевскѣ старшимъ офицеромъ; командованіе же клипером принялъ отъ капитанъ-лейтенанта Манкевича въ Гонолулу. Матросы Рогальскій и Катышевъ показали, что на палубу запрещалось плевать и что матросу Рыкорду (погибъ) далъ, по приказанію командира, сто линьковъ за то, что тотъ плюнулъ на палубу. Нѣсколько нижнихъ чиновъ подтвердили, что дѣйствительно Савельевъ былъ наказанъ въ Монтевидео при фронтѣ. При этомъ Кончинскій (квартирмейстеръ) прибавилъ, что наказаніе это было жестоко по задней части тѣла; а Рогальскій

жестоко, линьками по голому тѣлу, куда попадетъ. Боцманматъ Ларіоновъ и кочегаръ Ушаковъ показали, что обращеніе начальства клипера съ командою было хорошее. Далѣе квартирмейстеръ Кончинскій, матросъ Катышевъ и кондукторъ Ѳедоровъ показали, что баталера сѣкли тогда боцмана Перфильевъ и Ларіоновъ (Перфильевъ погибъ). На эту ссылку Ларіоновъ отвѣтилъ, что онъ не помнитъ, былъ ли наказанъ Савельевъ. На очной ставкѣ по этому предмету нижніе чины уличали Ларіонова относительно участія его въ наказаніи баталера; тогда Ларіоновъ сказалъ, что онъ припоминаетъ, что баталера сѣкли, но за какую именно вину—онъ не помнитъ. Катышевъ (матросъ) свидѣтельствуетъ, что видѣлъ разъ Савельева поставленнымъ на ванты; при этомъ добавилъ, что на ванты ставили и другихъ. Боцманматъ Ларіоновъ показалъ, что исполнявшій до Ѳедорова обязанность машиннаго содержателя У. О. Воронинъ бѣжалъ въ Китай съ клипера; сверхъ того, еще бѣжали на мысъ Доброй Надежды трое поляковъ.—Кондукторъ Ѳедоровъ отозвался, что при капитанъ-лейтенантѣ Мацкевичѣ, хотя обращеніе съ командой было несравненно легче, чѣмъ при баронѣ Дюстерло, но побѣги случались, бѣгали поляки. Въ отвѣтахъ мичмана Березина изложено, что слухи о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, которымъ будто бы часто подвергалъ людей лейтенантъ баронъ Дюстерло, ложны. Большинство офицеровъ, служившихъ на этомъ клиперѣ, живо и хорошо помнятъ о словахъ Дюстерло: что надо по возможности воздерживаться отъ тѣлесныхъ наказаній, хотя въ это время едва-ли и приходилось кому-либо изъ вахтенныхъ начальниковъ прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Обыкновенно за дурныя работы заставляли передѣлывать то же самое по нѣсколькуразъ.—Инспекторскій департаментъ сообщилъ, что баронъ Дюстерло былъ назначенъ командующимъ клипером Пластунъ въ январѣ 1860 г. по распоряженію начальника отряда флигель-адъютанта *Попова*. Давая отзывъ о лейтенантахъ Дюстерло и Розенбергъ (уже послѣ гибели клипера Пластунъ), флигель-адъютантъ Поповъ говоритъ: «что баронъ Дюстерло былъ изъ числа такихъ капитановъ, у которыхъ на суднѣ безъ приказанія ихъ ничего не дѣлается; а понятія его о морскомъ уставѣ были таковы, что не только смыслъ, но и его букву, онъ требовалъ безъ всякаго послабленія. Въ рѣшительную минуту (говоритъ По-

новъ *я никогда не желалъ бы имѣть лучшаго товарища.* Что же касается лейтенанта Розенберга (старшій офицеръ по назначенію Попова) и ревизора Лемана, то флигель-адъютантъ Поповъ ручается, что противу его увѣренія о замѣчательныхъ достоинствахъ ихъ и о строгомъ выполненіи долга *не возвысится никогда ни одинъ голосъ для возраженія.*

Морской генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что клиперъ Пластунъ подъ командою лейтенанта барона Дюстерло, возвращаясь въ Кронштадтъ во 2 амурскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта капитана 1-го ранга Попова и идя подъ парусами со скоростью около 10 узловъ, 18 августа 1860 года пошелъ ко дну вслѣдствіе пороховаго взрыва въ крюйтъ-камерѣ, случившагося въ 5 ч. 8 м. пополудни въ широтѣ № 57° 45′ и долготѣ О. 20° 5′ отъ Гринвича, на глубинѣ по картѣ около 70 саж. Присемъ погибли: командовавшій клипером лейтенантъ баронъ Дюстерло, старшій офицеръ лейтенантъ Розенбергъ, лейтенантъ Гавриловъ, мичманъ Леманъ, прапорщики корпуса штурмановъ Евдокимовъ и Кочетовъ, вольный механикъ Гольмъ и 68 ниж. чиновъ, въ томъ числѣ и артиллерійскій содержатель кондукторъ Савельевъ. Послѣ взрыва, клиперъ держался на водѣ не болѣе 3 минутъ и быстрота, съ какою погрузился онъ въ море, объясняетъ столь значительную потерю людей; тѣ же, которые успѣли ухватиться за разные обломки, борясь съ грозившею имъ смертью, нашли спасеніе на 3 катерахъ, вельботѣ и четверкѣ, спущенныхъ съ шедшихъ вмѣстѣ съ клипером корветовъ Рында и Новикъ. Такимъ образомъ спасены 3 офицера и 31 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Разсматривая всѣ подробности сего несчастнаго событія, морс. генер. аудит. считалъ справедливымъ упомянуть о той заслуживающей всякой похвалы распорядительности начальника отряда и командировъ корветовъ Рында и Новикъ, съ которою была подана помощь погибающимъ, и о томъ рвеніи, съ какимъ, во время сильнаго волненія, дѣйствовали офицеры и нижніе чины, отправленные для спасенія утопающихъ. Какая была причина происшедшаго на клиперѣ взрыва? Гибель клипера, гибель главныхъ распорядителей на немъ, гибель людей, которые въ минуту взрыва находились въ крюйтъ-камерѣ или вблизи ея, не позволяютъ, конечно, при самомъ строгомъ из-

слѣдованіи дѣла ожидать вполнѣ точнаго и опредѣлительнаго на вопросъ сей отвѣта. Слѣдственная коммиссія, на которую было возложено изслѣдованіе сего несчастія, пришла, между прочимъ, къ предположенію, что взрывъ могъ быть произведенъ умышленно артиллерійскимъ на клиперѣ содержателемъ, кондукторомъ Савельевымъ. Такое предположеніе коммиссія основала на словахъ артиллерійскаго содержателя Ѳедорова, заявившаго это подозрѣніе по собственнымъ соображеніямъ, на томъ основаніи, что Савельевъ былъ озлобленъ противу командовавшаго клиперомъ и старшаго офицера, вслѣдствіе постоянно дурнаго обращенія съ нимъ; что Савельевъ былъ наклоненъ къ горячимъ напиткамъ; что когда онъ былъ въ пьяномъ видѣ, то дѣлался отчаяннымъ и не хотѣлъ никого слушать; что въ день взрыва передъ работами въ кройтъ-камерѣ онъ выпилъ двѣ чарки рома и наконецъ, что онъ, Ѳедоровъ, слышалъ, что приказано было приготовить линьки для наказанія Савельева послѣ окончанія работъ въ кройтъ-камерѣ. Важность подобнаго преступленія, какъ умышленный взрывъ корабля, воспрещаетъ возводить слегка подозрѣніе въ ономъ хотя бы и на умершаго уже человѣка, хотя бы даже и въ смыслѣ вероятности о возможности такого злоумышленнаго поступка. Нельзя не придти къ убѣжденію, что человѣкъ не съ злодѣйскими наклонностями можетъ рѣшиться на подобное злое дѣло не иначе, какъ въ минуту совершеннаго опьяненія, доходящаго до самозабвенія, или въ порывѣ яростнаго умопомраченія, затмѣвающаго всякое сознаніе о своемъ дѣйствіи; но ничто въ настоящемъ дѣлѣ не даетъ повода къ предположенію, чтобы кондукторъ Савельевъ находился въ подобномъ состояніи. Ѳедоровъ говоритъ, что Савельевъ предавался вообще пьянству, а въ день взрыва выпилъ двѣ чарки рому и могъ быть въ опьяненіи; но изъ дѣла оказывается, что Савельевъ занимался уже въ кройтъ-камерѣ работами болѣе двухъ часовъ; а само собою разумѣется, что если бы онъ былъ въ нетрезвомъ видѣ, то этого не могли бы не замѣтить старшій офицеръ и исправляющій должность ревизора мичманъ Леманъ, и не оставили бы его при тѣхъ занятіяхъ. Далѣе, Ѳедоровъ показываетъ, что Савельевъ, бывши пьянъ, становился отчаяннымъ; но слова эти опровергаются показаніями какъ офицеровъ, такъ и всѣхъ другихъ нижнихъ чиновъ, утверждающихъ

щихъ, что Савельевъ былъ нрава тихаго, кроткаго и никогда не доходилъ до буйственности, даже когда бывалъ и въ пьяномъ состояніи. Наконецъ, всѣ безъ изъятія нижніе чины, спрошенные по поводу объявленнаго Ѳедоровымъ подозрѣнія, не допускаютъ рѣшительно возможности умысла въ семъ случаѣ отъ Савельева. При такомъ отсутствіи всякой причины къ подозрѣнію Савельева въ умышленномъ взрывѣ и при отсутствіи какого либо указанія на подобное намѣреніе со стороны его, морской генералъ-аудиторіатъ, имѣя въ виду, что не только участь подсудимаго, но и *память умершаго человѣка* должны быть дороги для судящихъ, полагалъ: устранить всякое подозрѣніе на погибшаго кондуктора Савельева въ учиненіи имъ умышленнаго взрыва. Тѣмъ не менѣе важность сего подозрѣнія обязываетъ вникнуть въ самыя сокровенныя причины, по коимъ могло возродиться оное, и въ этомъ отношеніи морской генералъ-аудиторіатъ не могъ не обратить вниманія на слѣдующія слова изъ заключенія слѣдственной коммисіи: «строгость командира и старшаго офицера нерѣдко доходила до того, что, кромѣ тѣлесныхъ наказаній, Савельева ставили на ванты, привязывали къ бушприту и били по лицу, такъ что рѣдкій день могъ пройти ему безъ обидъ». — Дѣйствительно изъ дѣла обнаруживается, что обращеніе командовавшаго клипером и старшаго офицера съ командою вообще, а съ кондуктором Савельевым въ особенности, не отличалось человѣческою обходительностью и, сопровождаясь превышеніемъ власти, заслуживаетъ всякаго порицанія. Такъ изъ совокупности показаній надо заключить, что командовавшій клипером и старшій офицеръ считали побои, наносимые собственными руками, двломъ обыкновеннымъ, тогда-какъ подобное взысканіе не только не дозволяется положеніемъ объ исправительныхъ наказаніяхъ, но въ виду достоинства службы, въ виду собственнаго достоинства офицеровъ и въ предупрежденіе дурныхъ послѣдствій, строго воспрещается начальствомъ и никогда флотскій офицеръ, истинно понимающій свой долгъ, не долженъ обращаться къ подобному способу выраженія своего неудовольствія. Независимо побоевъ кондутора Савельева по лицу, часто повторявшихся, онъ былъ подвергаемъ и наказанію линьками и поставленію на ванты, тогда-какъ унтеръ-офицерское званіе его и

возложенныя на него обязанности артиллерійскаго содержателя (каковая должность требуетъ непремѣнно для усерднаго исполненія оной нѣкотораго нравственнаго поощренія человѣка) обязывали командовавшаго клипером не допускать какого бы то ни было униженія Савельева въ глазахъ всей команды.—Сверхъ сего, приводимый Ѳедоровымъ примѣръ о дачѣ баталеру 328 линьковъ, примѣръ, подтверждаемый и другими нижними чинами, показавшими, что баталеръ былъ наказанъ жестоко, свидѣтельствуетъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ командовавшаго клипером въ обращеніи съ нижними чинами.— Въ этихъ-то причинахъ, могшихъ поселить нелюбовь и непріязненныя чувства въ нижнихъ чинахъ къ командовавшему клипером и старшему офицеру и заключается, по мнѣнію мор. генел. аудит., объясненіе того, почему появилась мысль о возможности взрыва со стороны кондуктора Савельева.—Устраняя такимъ образомъ предположеніе объ умышленности взрыва и переходя къ разсмотрѣнію самаго порядка въ содержаніи крюйтъ-камеры на клиперѣ, морской генералъ-аудиторіатъ призналъ, что всѣ вышеупомянутыя упущенія въ семъ отношеніи составляютъ нарушеніе коренныхъ правилъ морскаго устава и показываютъ, что постановленія его, изложенныя въ 4 главѣ о порохѣ и крюйтъ-камерѣ, при строгомъ исполненіи которыхъ никогда не можетъ послѣдовать несчастнаго случая на кораблѣ отъ пороха, оставлены были командовавшимъ клипером и старшимъ офицером безъ всякаго вниманія. Равнымъ образомъ неудовлетворительность отвѣтовъ офицеровъ на предложенные имъ вопросы, и отзывы ихъ *неизвѣстностью о разныхъ распоряженіяхъ по артиллерійской части*, служатъ подтвержденіемъ, какъ вообще мало заботились начальствующіе на клиперѣ о соблюденіи устава о морской службѣ; ибо, на основ. 352 ст. морск. устава, всѣ распоряженія командира корабля должны быть съ точностью извѣстны вахтеннымъ офицерамъ, передаваясь отъ одного къ другому. Таковые безпорядки и упущенія на клиперѣ какъ по артиллерійской части, такъ и относительно обращенія съ нижними чинами могутъ быть, по мнѣнію морскаго генералъ-аудиторіата, объяснены лишь тѣмъ, что клиперъ Пластунъ первоначально по случаю исправленія въ Монтевидео, а потомъ, находясь въ продолжительномъ отдѣльномъ плаваніи, оставался долгое время

внѣ всякаго надзора со стороны начальника отряда, который столь энергически всегда слѣдилъ за ввѣреннымъ ему отрядомъ и успѣлъ показать на самомъ дѣлѣ всю заботливую внимательность свою о благосостояніи порученныхъ попеченію его судовъ, а посему обнаруживающіяся изъ слѣдственнаго дѣла упущенія и противозаконныя дѣйствія должны быть отнесены единственно къ винѣ командовавшаго клипером и старшаго офицера, лейт. барона Дюстерло и Розенберга, за что и слѣдовало бы, по важности упущеній и дѣйствій, предать ихъ военному суду; но за смертію обоихъ заключенія объ этомъ не дѣлать.— Обращаясь за симъ къ изысканію самой причины, отъ коей могъ послѣдовать на клиперъ взрывъ, морской генералъ-аудиторіатъ, по возникшему въ оном вопросу, не случился ли взрывъ отъ поврежденій въ устройствѣ крюйтъ-камеры, подобно тому, какъ оказались и предусмотрѣны были во время нѣкоторыя поврежденія въ крюйтъ-камерѣ на фрегатѣ Аскольдѣ, принялъ на видъ, что дѣйствительно, при томъ безпорядочномъ состояніи, въ какомъ находилась крюйтъ-камера на клиперѣ Пластунъ, воспламенение могло случиться: 1) если въ стеклѣ крюйтъ-камернаго фонаря съ лицевой стороны, выходящей въ крюйтъ-камеру, были поврежденія, черезъ которыя могла пробиться пороховая пыль и сообщиться съ огнемъ, и 2) если въ крюйтъ-камерной переборкѣ образовались такія расщелины, черезъ которыя могла пройти пороховая пыль и имѣть съ той стороны, при неисправности фонаря, сообщеніе съ огнемъ. Посему морской генералъ-аудиторіатъ обратилъ все свое на сей предметъ вниманіе и изъ объясненій, приглашенныхъ въ засѣданіе бывшаго командира фрегата: Аскольдъ, Свиты Его Императорскаго Величества контръ-адмирала Унковскаго и корпуса корабельныхъ инженеровъ штабсъ-капитана Веселовскаго усмотрѣлъ: 1) что при той тщательности, съ какою, соотвѣтственно своему назначенію, устроена была крюйтъ-камерная переборка на клиперѣ Пластунъ, нѣтъ повода къ предположенію, чтобы могли случиться въ ней расщелины; но если бы въ двойной обшивкѣ сей переборки и сдѣлались кое-гдѣ щели, то и тогда пороховая пыль не могла бы пробраться черезъ войлокъ, находившійся внутри обшивки и прикрѣпленный къ стойкамъ. Къ такому заключенію приводятъ самыя объясненія г. Унковскаго, который отозвался, что крюйт-

камерная переборка на фрегатѣ Аскольдъ, несмотря на слабое скрѣпленіе онаго вообще, оставалась въ совершенной цѣлости, а хотя треснула свинцовая на переборкѣ обшивка, но трещины эти не возбуждали никакого опасенія. 2) Что изъ 12 оконъ въ 2 крюйтъ-камерахъ на фр. Аскольдѣ въ 8 лопнули какъ оконныя стекла, такъ и стекла въ самыхъ фонаряхъ, вставляемыхъ отдѣльно; въ этомъ единственно и состояло поврежденіе въ крюйтъ-камерномъ устройствѣ фрегата Аскольдъ и это произошло, по словамъ г. Унковскаго, вѣроятно, вслѣдствіе сильнаго разгорячения воздуха въ фонаряхъ, котораго, при маломъ объемѣ фонарей, не могли выдержать тонкія обыкновенныя зеркальныя стекла какъ въ окошкахъ, такъ и въ самыхъ фонаряхъ. Но самая возможность подобнаго повреждения въ крюйтъ-камерномъ фонарѣ клипера Пластунъ устраняется объясненіями штабсъ-капитана Веселовскаго о томъ, что литое стекло сего фонаря не могло, по толщинѣ его, лопнуть отъ дѣйствія жара, да кромѣ того, фонари на клиперѣ устанавлялись не иначе, какъ по испытаніи оныхъ въ благонадежности. Сверхъ этого, по имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ видно, что крюйтъ-камерный фонарь на клиперѣ Пластунъ былъ въ хорошемъ видѣ и, по удостовѣренію слѣдственной комиссіи *) нѣтъ основаній къ сомнѣнію въ исправности фонаря. А потому взрывъ на клиперѣ Пластунъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ какой-либо неисправности въ устройствѣ крюйтъ-камеры, а надлежитъ искать причины взрыва въ одной изъ тѣхъ случайностей, которая могла встрѣтиться во время работъ въ крюйтъ-камерѣ, *при несоблюденіи на клиперѣ постановленій морскаго устава*, относительно обращенія съ порохомъ и снарядами, легко воспламеняющимися. О происходившемъ на клиперѣ въ послѣднія минуты до взрыва оказывается, что работы въ крюйтъ-камерѣ производились болѣе 2 часовъ и приходили уже къ концу, такъ что оставалось лишь вычистить и вымыть крюйтъ-камеру. Для сего было приказано передвинуть пороховые ящики; ударныя же трубки оставались въ выходѣ крюйтъ-камеры. Далѣе, по показанію Кирина, старшій офицеръ, получивъ донесеніе, что всѣ работы кончены въ ней, отправился въ крюйтъ-камеру взять съ ревизоромъ, сказавъ, что надо ее вычистить; а по пока-

*) Мнѣніе ея приведено вслѣдъ за рѣшеніемъ мор. генер. аудитор.

занію бывшаго на послѣдней вахтѣ лейтенанта Литке, менѣе чѣмъ за 10 минутъ до взрыва ему было доложено, что старшій офицеръ находится въ крюйтъ-камерѣ. Въ минуту взрыва, по словамъ машиниста Картирѣева, слышанъ былъ трескъ и гулъ; юнги Мартова,—что онъ услыхалъ трескотню внизу въ родѣ дроби, и мачмана Березина,—что взрывъ начался звукомъ въ родѣ неединовременнаго ружейнаго залпа. Конечно, всѣ сіи данныя, не представляютъ сколько-нибудь достаточныхъ основаній къ опредѣлительному выводу: отчего именно и какимъ именно образомъ послѣдовало воспламененіе; но если всякія соображенія по этому предмету были бы гадательныя, то, при отсутствіи причинъ къ заключенію объ умышленномъ взрывѣ и къ сомнѣнію въ исправности крюйтъ-камернаго фонаря, очевидно, что воспламененіе случилось отъ какой-либо неосторожности при передвиженіи пороховыхъ ящиковъ или при очисткѣ пороховой пыли въ крюйтъ-камерѣ. По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ морск. генер. аудит. полагалъ: 1) гибель клипера Пластунъ отнести къ несчастью по неосторожности, вслѣдствіе бывшихъ на немъ безпорядковъ по содержанію артиллерійской части. 2) Такъ-какъ виновные въ сихъ безпорядкахъ погибли при взрывѣ, то настоящее слѣдственное дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, а убытки по стоимости клипера и всего бывшаго на немъ и у нижнихъ чиновъ казеннаго имущества, равно и издержки, употребленныя при обслѣдованіи сего дѣла, принять на счетъ казны. 3) Спасшимся съ клипера Пластунъ офицерамъ, медику и нижнимъ чинамъ, какъ ни въ чемъ непричастнымъ къ гибели клипера, выдать не въ зачетъ, на основ. 641 статьи II книг. св. мор. угол. пост. по 1 продолженію, офицерамъ полугодовые, а нижнимъ чинамъ годовые оклады жалованья и, сверхъ того, обмундированіе нижнимъ чинамъ, какое кому слѣдовать будетъ.

Настоящее положеніе подвергнуто было, на основ. 3 и 397 ст. II кн. св. мор. угол. пост., всеподданнѣйшимъ докладомъ на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе. На семъ докладѣ Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ написать *«быть по сему.* Царское село. 14 *ноября* 1860 *года»*.

Прекрасной характеристикой этого дѣла можетъ служить извлеченіе изъ мнѣній по оному слѣдственной коммисіи *): «взрывъ клипера Пластунъ неизбѣжно произошелъ *или отъ неосторожности или отъ умысла.* Въ исправности крюйтъ-камернаго фонаря нѣтъ основаній сомнѣваться; ибо хотя въ крюйтъ-камерѣ и была пороховая пыль, но въ ней работали уже $2^1/_2$ часа, а слѣдовательно, если пороховая пыль, могла бы сообщаться съ огнемъ крюйтъ-камернаго фонаря, то взрывъ долженъ былъ бы произойти еще при началѣ работъ. Въ крюйтъ-камерѣ во время взрыва находился лишь одинъ артиллерійскій содержатель Савельевъ и, слѣдовательно, какъ неосторожность, такъ и умыселъ могли произойти только непосредственно отъ него. Къ *мнѣнію умышленности* взрыва приводятъ слѣдующіе факты: Савельевъ, кромѣ прямой своей обязанности, исполнялъ должность палубнаго и долженъ былъ по этой должности смотрѣть за порядкомъ въ кубрикѣ, на который, повидимому, командиръ и старшій офицеръ особенно налегали: Савельевъ былъ человѣкъ лѣнивый, безпечный и не совсѣмъ трезвый. Строгость же командира и старшаго офицера нерѣдко доходила до того, что, кромѣ тѣлесныхъ наказаній, его ставили на ванты, привязывали къ бушприту и били по лицу, такъ что рѣдкій день могъ пройти ему безъ обидъ—понятно, что такая жизнь впродолженіе многихъ лѣтъ могла довести человѣка до отчаянія. Предъ самымъ взрывомъ старшій офицеръ приказалъ ему идти на бакъ для наказанія по окончаніи работы; Савельевъ же, съ нѣкотораго времени, предававшійся излишнему употребленію вина и, какъ должно полагать, въ утѣшеніе отъ испытываемыхъ имъ взысканій, въ этотъ день также выпилъ двойную порцію рому, и хотя послѣ этого прошло уже 5 часовъ, но, работая въ душной и тѣсной крюйтъ-камерѣ, доведенный побоями до крайности, онъ, подъ вліяніемъ предстоящаго наказанія, могъ, при своей безхарактерности и малодушіи, въ минуту досады рѣшиться положить всему конецъ, лишивъ себя жизни вмѣстѣ со всѣми сослуживцами.

---

*) Мнѣніе вице-адмирала Панфилова, контръ-адмирала Бутакова, генералъ-маіора Мещерякова, капитана 1-го ранга Керна, капитана 1-го ранга Штофрегена, капитана 1-го ранга Римско-Корсакова.

Кромѣ того, при разсмотрѣніи этого дѣла адмиралъ Петръ *Лутковскій* заявилъ слѣдующее: «гибель клипера Пластунъ, съ командиромъ его и двумя третями всего экипажа, въ подробности изслѣдованная особою коммиссіею, должна быть *памятна* каждому, а морякамъ и въ особенности поучительна. Изъ подробностей слѣдствія оказывается, что, при достойной примѣра нравственности команды, самовольныя дѣйствія командира и старшаго офицера выходили до такой степени изъ границъ, что даже самыя статьи морскаго устава оставались неисполняемыми: 1) такъ не было производимо періодическаго осмотра крюйтъ-камеры; 2) когда, при осмотрѣ въ Копенгагенѣ отрядным*ъ* начальникомъ указаны были неисправности, то къ приведенію ихъ въ порядокъ не было немедленно приступлено, а приступили къ тому чрезъ 2 дня, т. е. по выходѣ въ море—это явная безпечность и вредное ослушаніе. 3) Въ продолженіе плаванія порохъ разсыпался наверху открыто и тѣмъ вселялъ мыслъ о ничтожествѣ подобныхъ работъ въ ихъ исполнителяхъ. 4) Изъ отвѣтовъ вахтенныхъ начальниковъ видно, что они не знаютъ о многихъ дѣйствіяхъ, происходящихъ на ихъ суднѣ. 5) Превышеніе мѣры наказаній, опредѣленной морскимъ уставомъ *), не могло не довести до крайности самаго терпѣливаго человѣка, а это самое послужило поводомъ къ заключенію впослѣдствіи объ умышленномъ, отчаянномъ поступкѣ вахтера въ этомъ дѣлѣ. 6) Своеручная расправа—*по зубамъ* нижнихъ чиновъ унижала достоинство командира и старшаго офицера, оскорбляла военное званіе, вселяла презрѣніе и равнодушіе къ исполненію своихъ обязанностей. Все это доказываетъ, что нравственная сторона командира судна весьма важна, должна быть слита съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей и строго поддерживаться всѣми офицерами какъ для чести національнаго достоинства, такъ и для своей собственной. Говоря вообще, гибель клипера Пластунъ, оставившая недоразумѣніе о причинѣ ея, должна быть памятна всѣмъ морякамъ. Моряки должны вооружиться воздержаніемъ отъ немедленнаго изліянія своихъ страстей—страстей, зачастую возбуждаемыхъ самою кипучею жизнью, во вре

*) Наказаній теперь нѣтъ; а прежде высшая мѣра была 100 линьковъ командиръ же далъ 328 линьковъ.

мя плаваній и производства маневровъ. Они должны свято соблюдать морской уставъ и воздерживаться отъ произвола, имѣя въ виду, что послѣдній, всегда вызывая нелюбовь къ своимъ начальникамъ, въ то же время ведетъ судно къ гибели, а всегда къ безпорядку, да кромѣ того, онъ еще возбуждаетъ въ подчиненныхъ не только нелюбовь, но и отвращеніе къ морю *.

P. C. J.

Дано это извлеченіе изъ журнала «Морской Сборникъ».